

Снохождение

Пролог

Всё началось с того, что она начала странно себя вести.

Итак, до семи лет всё было хорошо: росла, как все львята и львёны, ни в чём не отставая, ни в чём не блистая — хорошенькая, миловидная, игриво-весёлая; как все дети её возраста, вошла в первый год обязательного в Империи пятилетнего образования, посещая добротную школу посёлка, где ей училось легко и скучно, потому что и мелко считать, и писать научила мать — частью из любви к знаниям, частью из лёгких способностей младшей дочери, и частью потому, что мать была учётицей немалого хозяйства рода.

Но потом в род пришло... нет, не несчастье, а нечто неясное, мрачное.

Она с чего-то решила, что темнота — страшна, и стала пугаться её, объясняя, что в ней что-то есть, «много чего». Тем не менее, забредала в тёмные углы дома; там могла начать кричать, словно испугавшись собственной смелости. Её приходилось вытаскивать. Целый день могла не проронить ни слова, а иногда полдня щебетала без умолку, сочиняя совершенно невероятные, нелепые, в чём-то даже завораживающие истории. Завела манер беседовать с игрушками и вещами. Несколько раз пускалась в одиночные путешествия по окрестностям, от чего спасал отец. Бродила по дорогам. Могла проспять весь день. Впала в поклонение огню и всё просила отца разжечь в дворе огромный костёр; после отказа довольствовалась тем, что сидела у очага, не шевелясь. Огонь непременно нарекала «красивым», всякое пламя привлекало внимание. С подругами была добра и отзывчива, как прежде, но играла меньше, да и они как-то отчуждились; но, похоже, она сим не слишком тяготилась. Однажды решила предсказать судьбу двум молодым львицам, что несли воду, объявив одной, что ей не суждено стать матерью; совершился небольшой скандал.

Но главное её преступление — утратила покой по ночам. Да, таких обходчиво зовут «детьми Сикстимы», но чаще ухо слышит менее лестные прозвища. Суть проста: вставая по ночам с закрытыми глазами, она бродила по немалому двухэтажному дому, заставляя мать срывать с постели; не имея силы отпереть засов двери, вылазила через окна наружу и однажды улеглась прямо в саду.

В общем, с Миланэ стало что-то *не так*.

Причём, похоже, её всё устраивало в сем образе жизнедействий. Но не родителей. И сейчас мать, львица того возраста, о котором говорят «ещё молодая», с опаской и сомнением выглядывала в окно.

— Думаешь, надо посоветоваться? — отдёргнув занавесь, скрестила руки на груди.

— Ещё бы. Такая возможность, — спокойно ответил отец, почёсывая подбородок.

Он всегда спокоен, такая натура. Беспокойным как-то не умеет быть.

— Шанс сам в зубы прыгнул, — ещё раз отметил.

— А если она скажет, что с Миланэ что-то... что?..

— Ну, скажет, — пожал отец плечами и тяжело сел на стул.

— «Ну, скажет»! — злобно перекивила мать. — Скажет... Ай-ай, идёт! — встрепенулась, наострились уши. — Пошли встречать.

В их посёлок, Стаймлау, пожаловала жрица сестринства *Ашаи-Китрах*, из соседнего селения. Стаймлау богаче и больше, но так уж повелось в последние пять

десятков лет, что в нём своей Ашаи не было и нет; потому приходится довольствоваться тем, что есть только одна львица Ваала на три посёлка. Что поделатъ — в провинции сестёр Ашаи-Китрах часто не хватает, даже в такой благополучной и зажиточной. Но особой беды нет: эта сестра успевает повсюду, а где не успевает, то помогают и её заменяют два светских доктора, три повитухи и несколько «ведающих» львиц или «львиц веды», как говорят о тех, что знают травы и корни. Так что на её совести, по большинству, лишь обязательные праздничные церемонии, свадьбы да траурные сожжения.

Сегодня эта Ашаи-Китрах, с именем Ваалу-Мрууна, прибыла неспроста, а по случаю окончания праздничной луны — Ай-Юлассая. Дело было нехитрым: требовалось церемонно погасить огонь чаши Ваала в главном холле посёлка, что горел всю луну, большой красной тканью. Ну, не совсем нехитрым: это требует сноровки, иначе даже плотная ткань прогорит. Безусловно, гостеприимство не позволяло отпустить её просто так, посему любой добрый род посёлка мог пригласить сестру Ашаи-Китрах в свой дом. И так получилось — не без помощи сердобольных, соседей, которые уже носили кривотолки о странностях младшедочери львицы Смиланы — что Ашаи-Китрах согласилась пойти именно к ним; но прежде ей требовалось закончить дела в посёлке, потому Смилана ждала её дома, со всем готовым.

И вот, она пришла. За большим столом витало ощущение пустоты: только отец, мать и неприступно-строгая, точёных черт сестра-Ашаи. Мать почти ничего не ела, Ваалу-Мрууна — так тоже. Отец молчал, иногда постукивая когтями по столу. Чуть слышно позвякивали браслет на левой руке и серебряные подвески в ушах Мрууны. Чувствовалось стеснение, общее неудобство, хотя без видимых причин: и к Мрууне они относились очень хорошо, и знали не первый год, конечно, не очень тесно, но как подобает.

— Сиятельная почти ничего не ест. Невкусно? — нарушила тишину мать с вымученной улыбкой.

— Всё очень даже, — вежливо ответила Мрууна, впрочем, отодвинув тарелку с телятиной. — Но сейчас мне невольно угождаться, в том числе — много есть. Веселиться тоже нельзя.

— Почему? — с испуганно-преувеличенным вздохом ахнула Смилана. — У сиятельной некий траур? Горе?

Ваалу-Мрууна поглядела на мать, а потом в окно, чинно откинувшись на спинку стула, соблюдая отличную осанку; она словно размышляла — отвечать по сути или отмахнуться чем-то вежливо-неопределённым. Надумав, начала рассказывать странным, словно очень усталым голосом:

— В жизни многих сестёр наступает момент, когда чувствуется необходимость найти ученицу. Согласно традиции, перед началом поисков надо держаться в строгости целую луну, точнее — двадцать восемь дней. Некоторые готовятся и дольше. По этой причине я не могу долго злоупотреблять вашим гостеприимством, добрые Сунги.

Отец и мать переглянулись.

— Раз так, что у сиятельной нет времени, то мы бы хотели кое-что... — начал отец.

— ...мы нуждаемся в совете сиятельной, — закончила мать.

Мрууна давно уже прочувствовала — ей желают что-то сказать.

— Во имя Ваала, слушаю.

Смилана подвинула ближе свой стул, облокотилась о стол. Она явно очень волновалась; раздирало противоречивое: и не хотелось быть навязчивой, хотелось соблюсти приличия, но и желалось по-настоящему понять, что происходит с дочерью.

— Дочь наша, Миланэ, — округло начала Смилана, — стала... немножечко странновато поводиться. Раньше — такая обычная львёна, *нормальная*, как все, а тут будто подменили... Я очень боюсь, чтобы...

— Сколько лет? — Мрууна перехватила разговор, зная, насколько могут затянуться эти вступления.

— Семь, — торопливо ответила мать.

— Благородная Ваалу-Мрууна, что это может быть? — несильно ударил по столу отец. — Она не спит по ночам. Тёмного боится! — заметил грозным голосом, будто бы дочь сим вершила величайшее посягательство.

— У львён в таком возрасте — от шести до девяти — проявляются многие расстройства души, — уклончиво ответила сестра. — Или просто меняется характер, по возрасту. Но также её могло что-то испугать или опозорить.

Ашаи-Китрах замолчала; мать испуганно смотрела на неё, отец отошёл к окну, заложив руки за спину.

— Либо, что много реже — это знак назначения путям Ашаи-Китрах, — вдруг добавила она с равнодушием сомнения.

— Ну, у нас не было Ашаи-Китрах в роду, никогда. И в твоём, Смилан, не было, да?

— Нет, не было...

Смилану очень взволновал простой вопрос мужа: она сильно сжала ладони, глубоко вдохнула, предательски вздёрнулся хвост; Ваалу-Мрууна пригляделась к ней, сощурилась, поймала взгляд. Всё поняв, внутренне улыбнулась.

— Вот больные на вот здесь, — отец двумя пальцами постучал по гривастой голове, — были. Я знаю свой род до пятого предка. И...

— Не говори глупостей! — резко оборвала мать, отвернувшись, словно её обнял стыд и страх от такого нападения на собственного самца.

Мрууна уверенно подняла ладонь в знак приглашения к покою.

— Так, мне надо её видеть. Это возможно? — обратилась она к матери.

— Да, да. Сейчас. Я позову.

Мать ушла, нечаянно-сильно хлопнув дверью. Послышалось преувеличенно ласковое, благодное:

— Миланэ! Миланэ! — так зовут детей, когда надо выпить очень горькую настойку.

— Да, мама? — послышался кроткий, спокойный голосочек.

Через миг Смилана вошла в столовую вместе с дочерью за руку. Львёна была худощавая для своего возраста, миловидная, с первыми знаками обаятельной маминной красоты: округлыми андарианскими чертами, маленьким подбородком и непременной тёмной каймой на кончиках ушей; ничего резкого. Окрас оказался немного темнее, чем у матери и отца — тёмноянтарь — что всегда объяснялось наследством от более давних предков. Улыбчивая и ласковая из виду, она имела забавное отличие: всё чуть прижимала уши, словно в знак неведомой вины; такое кокетство хорошо известно в среде молодых львиц, особенно городских (уши чуть прижми, голову опусти, засмейся). Выразительные серо-зелёные глаза.

Сзади плелась старшая сестра, лет одиннадцати от роду, усвоившая внешность рода отца — угловатая, нескладная, грубоватая. Когда мать и Миланэ с небольшой неловкостью встали рядом с сестрою-Ашаи, то она обошла их, вильнув хвостом, вежливо поздоровалась, села себе на стул и начала распорядиться на столе, накладывая поесть.

Ваалу-Мрууна не проронила ни слова, лишь смотрела в глаза Миланэ. От этого взгляда лъвёна чуть поникла и застеснялась.

— Садитесь, дети, садитесь, — запоздало спохватилась Смилана, оставив Миланэ в одиночестве перед Ашаи.

Сложив руки на платице, лъвёна не двигалась, спокойно ожидая своей участи.

— Присаживайся возле, — пригласила её Мрууна. — Наверное, ты знаешь, что меня зовут Ваалу-Мрууна. А тебя?

— Миланэ-Белсарра, сиятельная.

— Смею звать просто «Миланэ»?

— Конечно. Все так зовут.

— Будете с нами кушать? — с суетливой заботливостью спросила мать, уже накладывая дочери всё подряд, без разбору.

— Спасибо. Я и Дайни только что... поели, — застеснялась Миланэ, но ослушаться не посмела и придвинула тарелку.

— Вот гляди, твоя сестрица всё равно кушает, — заметила Ашаи.

Растерявшись, Миланэ не нашлась с иным объяснением:

— Она любит поесть.

— Эй! — обиделась та, со звоном бросив ложку.

— Милани! Дайни! Ведитесь прилично!

Но далее разговор потёк вполне чинно. Мрууна взялась расспрашивать Миланэ тою самой сахарной манерой, что любят взрослые: а сколько тебе лет? а в школу ходишь? ну и как тебе, что успехи? во что любишь играть, чем заниматься? какие праздники больше всего веселят? знаешь ли двенадцать велений Ваала для жизни Сунгов? знаешь? ты хорошая, маленькая Сунга? Отлично. Каковы были вопросы, таковы и ответы — без энтузиазма, натянутые. Тем не менее, Миланэ отвечала очень вежливо, с подбором слова, не по возрасту храня уважение к собеседнику и беседе. Но в какой-то момент Миланэ снизу вверх посмотрела на сестру-Ашаи, словно давая понять о подозрении: хватит сего, ты пришла с чем-то — так с чем?

Этот взгляд произвел необыкновенное влияние на Ваалу-Мрууну. Она заметно отшатнулась, даже уцепилась когтями в край стола со слышным звуком; потом, с обретением самообладания, поднялась и ещё раз уселась, расправив подол одежд.

— Я хотела бы побеседовать с Миланэ наедине, — и отметив дружный кивок матери с отцом, теперь спросила у неё: — Ты не против?

— Хорошо, — с улыбкой пожала плечами лъвёна.

Мрууна увела её в соседнее помещение, уютное и большое, с двумя картинами, изображающих охотников и всяких зверей, целой стеной со всякими рукодельными вещами, как-то маленькие тарелки, расшитые куски ткани, амулеты, ленточки и прочее. Там лъвёна должна была быть усажена на диван, но оказалось всё чуть иначе, и Миланэ предложила место для сестры-Ашаи, а сама уселась рядом — ну, право, хозяйка.

— Миланэ, есть маленький разговор. Мама очень волнуется, она говорит, что в последнее время ты изменилась.

- Да. Я знаю, что мама стала чаять меня странной, слышала разговор.
- Подслушивать — плохо.
- Знаю, великая. Пусть простится. Но я должна быть честной; ведаю, что Ашаи-Китрах нельзя врать.
- Это правда, — как-то тяжело согласилась Мрууна, словно это было великим наказанием, а не благом. — А ты тоже так считаешь? Ты изменилась?
- Да, — очень просто ответила Миланэ.
- Легонько хлопнув в ладоши, Мрууна поудобнее уселась, упрятав хвост под лапы:
- Раз уж мы беседуем откровенно, то ответь: ты спишь хорошо?
- Да, — ответила лвьёна после небольшого раздумья.
- Помнишь, что видишь во сне?
- Миланэ на миг поглядела в потолок, потирая шёрстку на предплечьях.
- Кое-что. Но не так, как помню что-то наяву, — на выдохе сказала она.
- Любишь играть с подругами? У тебя много подруг, друзей?
- Люблю. Не так много, — начала считать она на маленьких когтях, но бросила.
- Им тоже известно, что я по ночам брожу. Им это смешно.
- Обижаясь? — сощурилась Мрууна
- Нет, — с отрицанием покачала головой Миланэ, всё глядя не в глаза, а куда-то вниз.
- Да, Ашаи уже заметила, что маленькая собеседница вдруг пленилась *кинжалом-сирной* на её поясе. Как и все стеснительные лвьёны, она просто мельком, искоса глядела на предмет интереса, а потом продолжала высматривать пол.
- Есть симпатия? Ты в кого-то влюбилась? — продолжила расспрос Мрууна.
- Нееет, — застеснялась Миланэ, и стало понятно, что «да».
- Учиться трудно?
- Нет, очень просто. Скучно.
- Слыхала, ты боишься темноты.
- Да, стала бояться, — закивала Миланэ и начала болтать лапами; когти заскрежетали по полу.
- Можешь ответить, почему?
- Нет. Не знаю, — неуверенно ответила она. — Там что-то есть. Другие не видят.
- А ты — видишь? — Ваалу-Мрууна сняла с пояса сирну и поставила возле Миланэ; но лвьёна не осмелилась притронуться.
- И я не вижу. Я просто знаю. День это знание как бы... смахивает. А ночь всё раскрывает сызнову. А можно...
- Что?
- Я хотела бы посмотреть, только потрогать... — Миланэ осторожно указывала на сирну.
- Вообще-то нельзя. Но сделаю исключение, если ты никому не скажешь.
- Не скажу, — с готовностью поклялась Миланэ и тут же, одухотворённая кивком Мрууны, взяла в ладони ножны сирны. Повертев их, она наполовину вынула кинжал Ашаи, нашла на поверхности клинка своё нестройное отражение.
- Ты нигде нечаянно не падала, не ушиблась? Бывает такое, что болит голова?
- Нет, — отдав обратно сирну, ответила Миланэ.
- Случалось нечто, что сильно испугало? Или обидело?
- Да ничего такого. Разве что папа закрыл загон для быков, а я в нём была, и

быки меня чуть не затоптали. А ещё... мы с папой пошли на рынок в Ходниан, и там один лев сказал папе, что у него роскошная дочь.

Странный эпитет, спору нет.

— И что? — всё же спросила Ваалу-Мрууна.

— Он с плохим намерением сказал, этот лев. Он смотрел на меня.

— Откуда знаешь, что с плохим?

— Знаю, — с бесконечной уверенностью ответила Миланэ.

Спрашивать особо больше нечего. Эта львёна — здорова; у неё нет душевного расстройства в обычном смысле. Знамо: так с нею будет около года или двух, а потом она перерастёт, и станет поздно.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — приосанилась Мрууна.

— Не знаю. Кем бы я ни стала, я хочу быть ею хорошо.

Здесь нечего думать. Здесь всё очень ясно.

Ваалу-Мрууна была уже немолодой Ашаи. Ей перевалило за сорок, а есть такие, что обзаводятся ученицами к тридцати. Потому она успела наслышаться, кто и при каких обстоятельствах встретился со своею первой ученицей. Но все говорили, что ощущение предназначения вот этой, именно этой конкретной души, ещё заключённой в маленьком теле, *хламай* — ощущение незабываемое, нельзя его спутать ни с чем, в своём роде страшное, но с иной стороны — полное торжества. «Как придёт — так узнаешь».

Но кто мог подумать, что оно именно таково: словно бездна посмотрела в тебя. В нём оказалось так мало доброго, что умом Мрууна засомневалась: а оно ли? Нет ли ошибки? Конечно, *эмпатия* велела, эмпатия указывала, что — оно. Но видеть чужую судьбу за краткий миг, потом сразу забыть, сидеть с пустой душой после всего и вмиг вершить выводы, брать ответственность — нет, это слишком.

И Мрууна решила схитрить, подсунуть судьбе подделку; обвести её, жестокую, вокруг хвоста; пожалеть себя и маленькую львёну.

«Мне то что. Хламай не обязывает. Будет иное, будут другие — полегче», — думала, а у самой холодные мурашки ползали по спине, отдавая в хвост.

— Спасибо за беседу, Миланэ. Ты очень славна.

— Спасибо, — осталась сидеть львёна, разглядывая лапы.

С каким-то излишним торжеством сестра возвестила матери с отцом, выйдя из гостиной:

— Никаких беспокойств. Всё хорошо!

Подойдя ближе, заговорила тише:

— Возраст такой. Уже свои симпатии, она узнаёт мир, и так далее... — Мрууна заговорщически (заметно) и фальшиво (незаметно — Ашаи хорошо прячут ложь) убеждала родителей; и это было легко — Смилана просияла и растаяла:

— Это не... — с великой надеждой спросила она, совершив замысловатый жест у виска.

— О, нет-нет-нет, — выставила ладони сестра-Ашаи, застёгивая на лапах жёсткие кожаные кнемиды для дальних дорог. — Никаких причин к беспокойству, живите дальше. Пусть Ваал хранит ваш дом.

— Спасибо, сиятельная Ваалу-Мрууна, — суежилась Смилана вокруг гостыи, провожая.

— Не стоит, не стоит...

Пора и честь знать. Сестра Ваалу-Мрууна распрощалась с хозяевами, пообещала в

следующий раз зажечь огонь Ваала в их доме, чуть неуместно восторглась гостеприимством; безусловно отклонила всякую попытку благодарности, ибо не за что. Тут она взялась за ручку входной двери, потянула на себя, но ничего не вышло; Мрууна хорошо, на всю жизнь запомнила эту дверь: большая, резная, надёжная, с основательным засовом, тёмная. И вот теперь эта дверь не поддавалась. Сестра дернула её раз, потом второй, затем обернулась в поиске объяснений и помощи.

— Сильнее, сильнее, — посоветовал отец.

От такой нелепости мать аж закрыла глаза

— Да помоги, наконец, — обернулась к супругу, но тот уже спешил на помощь.

Мрууна совершила очень злую попытку так открыть шакалью дверь; она понимала, что нету никаких причин ей не открываться, и могло быть лишь одно внятное объяснение — некто несмешно шутит и придерживает с той стороны; но этот некто должен быть очень силён, а потому если он и шутит, то наверняка — всерьёз.

— До свидания, преподобная Ваалу-Мрууна, — послышалось сзади, спокойное, но словно с предвечной тоской. Кто имеет уши, тот бы услышал: «Прощай, Мрууна».

Но вдруг путь освободился:

— Что-то засов заел. Вот. Всё, — с трудом открыл дверь отец и пригласил к выходу.

Тут послышался такой звук, словно далеко-далеко затрубило в горный рог десять тысяч львов или запело столько же *мансур*. От него душа разделялась надвое: лёгкая часть уходила ввысь, тяжёлая — падала в пропасть.

— Вы слышали? — изумилась Ваалу-Мрууна.

Да, она бы никогда не подумала, что может совершить столько дурацких поступков за столь короткое время.

— Что? — закономерно спросили отец с матерью.

— Я слышала, — отозвалась Миланэ, сделав шагок.

Сквозь проём уже открытой двери они заметили львёнка, который бегал возле забора на улице и неумело дудел в маленький воинский рожок, утащенный у отца.

— Ах, вон оно что! Хастари, беги отсюда, не шали! — накричала на него мать Миланэ.

А Мрууна и дальше стояла молча, застыв у выхода. Она знала, что ничто не может запретить убежать отсюда; не уйти, именно убежать, ибо от зова только убегают. Но ещё она знала, что должна быть послушным орудием в ладонях судьбы, ибо добрая Ашай — именно такова: не ведёт с нею спора.

— Хаману Смилана, сир Далиан, — Мрууна увела их обратно в столовую и обратилась тихим тоном. — Мне всё-таки надо удостовериться, не больна ли ваша дочь.

— О Ваал мой, а разве есть ещё сомнения? — удивлённо спросила Смилана.

Ах, Смилана. Сомнения лишь из моей трусости. Здесь нечего проверять. Здесь всё ясно, как день. Но боюсь я. Кто мог знать, что во мне нету безжалостия и храбрости настоящей Ашай-Китрах? Мне и самой было неизвестно. Мы ничего о себе не знаем...

— Меня терзает одно ощущение. И это ощущение возникает тогда, если чья-то душа скрыто, но тяжело больна...

— Кровь предков!

— ...или же ей предназначены пути Ашай-Китрах. Надо это определить, не отлагая.

Ваалу-Мрууна перешла на другой конец стола.

— Но для этого надо проверить её ладони *игнимарой*. Если ваша дочь предназна-

чена для путей Ашаи — она переймёт моё пламя Ваала. Если нет — получит ожоги, что лечатся долго, с луну.

Не будь Мрууна уверенной в способностях Миланэ, она бы крайне рисковала. Первую игнимару большинство львён получают уже от наставницы, будучи ученицами, готовясь к этому одну или несколько лун. А проверка неподготовленной, незнакомой львёны всегда сопряжена с опасностями. И дело даже не в ожогах, неизменно сопутствующих неудаче (и даже удаче). Если Ашаи-Китрах ошибается, и дитя не пригодно к ученичеству, то негласные, но очень сильные традиции запрещают искать учениц и касаться наставничества, по крайней мере, год.

Но Мрууна знала, что не ошиблась, знала, что Миланэ пройдёт испытание. В нём не было никакого смысла, кроме одного: испросить у судьбы подтверждения, сжечь за собою мосты, понять, что именно сегодня и сейчас, без всякой подготовленности и ожидания с её стороны, без степенного расчёта — к ней пришла ученица; она всегда считала, что происходит важно и красиво, а вышло: быстро, врывисто, без жалости.

— Мне нужен таз с водой. И позовите Миланэ.

Вскоре принесли воду и привели саму львёну, чуть испуганную внезапной суматохой, неизвестной переменной.

— Покиньте нас, — приказала родителям.

Ваалу-Мрууна отвела Миланэ к окну, села возле него на колени и пригласила Миланэ сделать то самое. Она взяла сначала правую, а потом левую руку львёны, очень внимательно изучила. Мрууна приглаживала мягкую шёрстку, разглядывала маленькие когти, а Миланэ не понимала совершенно, что всё это значит.

— Сиятельная, я мыла руки сегодня, честное слово. Они чисты.

— Я вижу, что они чисты, — ответила Ваалу-Мрууна.

Пугающий звук, похожий на рычание, вдруг пронзил комнату. Железной хваткой Мрууна сжала левую ладонь Миланэ; звук не прекращался, а усиливался, ужасая монотонностью. Вдруг левой рукой наставница дотронулась к своему правому предплечью, а Миланэ, боясь и ничего не понимая, ощутила покалывание в левой ладони, какое бывает, если отлежать руку или лапу, только намного-намного сильнее. Она инстинктивно захотела отдёргнуть её, и не смогла, а затем ужаснулась: ладонь вместе с ладонью Мрууны пылала ярким синим огнём, большим — он достигал уровня глаз; и затем — она видела — вспылала её правая ладонь, совершенно сама; и затем — она не видела, но чувяла жарким чувством — крохотными, живыми языками пламени занялись кончики ушей.

Мрууна быстро отпустила руку львёны. Миланэ замороженно глядела, как её ладони продолжают пылать небольшим, но огнём, а окраска его сменялась с синего на зеленоватый.

Заворожение овладело и Мрууной. То, что она увидела, выходило из всяких ожиданий и не вписывалось ни в какие мысленные планы. Мало того, что занялась игнимарой её левая ладонь, так теперь ею обнялась и правая; но самое древне-жуткое — возгорелись кончики ушей Миланэ и неуверенно колыхался эфемерный воздух вокруг глаз.

Огонь через четыре-пять ударов сердца потух сам по себе, а покалывание никуда не делось, оно поползло вверх по руке, сковало тело, прошлось по спине и хвосту, добралось до шеи, и от всего этого Миланэ стало очень плохо. Она слегла на пол, а Ваалу-Мрууна тем временем внимательно осматривала её ладони и ушки, не забываясь об остальном.

Ничего. Никаких повреждений от огня.

Миланэ так и осталась лежать на полу, чувствуя себя плохо и слабо, а Мрууна незамедлительно встала, встряхнув покалывающую левую ладонь, и явилась в дверях перед взорами взволнованных родителей.

— Похоже, мне придётся переехать в Стаймлау.

Мать заметила, что дочь лежит на полу, слабо шевелясь.

— Что с ней?!

— Смилана пусть собирает вещи дочери. Мы должны уехать на дней шесть-семь.

— Как?.. — мать сделала слабую попытку войти, но Ашаи не дала. Вместо этого она громко, церемонно возгласила:

— С этого дня Ваалу-Миланэ-Белсарра, из рода... как имя вашего рода?

— Нарзаи, — ответила Смилана.

— ...из рода Нарзаи, становится ученицей Ваалу-Мрууны, из рода Аврау. Восславьте этот день, добрые Сунги.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра? — Смилана изумленно повторила *номен* дочери. — Мы... Я...

— Дайте несколько мгновений. Сейчас мы выйдем.

Решительно закрыв дверь, сестра-Ашаи вернулась к своей воспитаннице, что продолжала лежать на полу, вполне в сознании, но без всяких сил.

— Сиятельная Ваалу... Мрууна... Не могу встать. Всё так, словно я отлежала всю себя во сне... И покалывает очень.

— Теперь именуй меня наставницей. Полежи, пока не пройдёт.

Мрууна присела возле неё; Миланэ лежала тихо, не шевелясь.

— Отныне ты — Ашаи-Китрах, Миланэ. Огонь Ваала пламенеет на твоих ладонях, и ты назначена к этому.

Львёна смотрела в окно, лёжа навзничь. Она не выглядела ни удивленной, ни испуганной столь великой переменой в своей маленькой жизни; казалось, она всё только и ждала, когда это произойдёт, и теперь с облегчением созерцает законную даль, освободившись от гнета ожидания.

— Наставница... значит, теперь я перестану бродить во сне?

Мрууна развела руками:

— Напротив, душа моя. Теперь ты будешь учиться этому.

* *

...Хвала вам, дочери духа Сунгов, слава, великие сёстры Ашаи-Китрах, преклонение вам, львицы Ваала. Сунги произошли от Ваала, но Ваал произошёл от Сунгов — честь тому, кто поймёт эту мудрость; и когда Сунги стали сильны, когда дух их стал безграничен, то на земли пришли дочери этого духа — они поняли и познали, а потому стали Ашаи-Китрах — сёстрами понимания. Ты исходишь земли от обильного запада к грязному востоку, от знойного юга к неверному северу — но не увидишь равных жрицам нашей веры, а лишь покорное преклонение, ничтожную ненависть и бессильное подражание. Гордись ими, добрый Сунг, прижимай уши, добрая Сунга, ибо их ученицы слышат Ваала, их сёстры видят Ваала, их ясная душа обретает

огонь от Ваала, их ладони чисты, и потому пылают пламенем Ваала. Да, сёстры-Ашаи, вы не боитесь быть слабыми во благо Сунгов. Вы знаете, как быть сильными во славу Сунгов. Да, львицы-Ашаи, нет большей гордости, чем следовать с вами к Нахейму среди вечного Тиамата...

*«Безупречные дочери истинных Сунгов»
Ману, из рода Умтаи
515 год Эры Империи*

Глава I

— Они бросают копьё на сто больших шагов. Вот так — фух! — забубнил низкий, уверенный голос.

— Это невозможно. Они слишком тяжёлые, — отпарировал второй.

— Сто шагов. А то и больше.

Миланэ сидела, прильнув к борту скрипящей повозки, и наслаждалась приятной полудрёмой. Она заложила лапу за лапу. Хвост спрятан в складках одежды. В этой грязи, если его не прятать, то он вымарается за несколько мгновений, будь ты даже трижды осторожна. Кроме того, самцы не преминут хоть как-то его задеть, дёрнуть, дотронуться любым способом. Потом будет неизменное:

— Прошу прощения, сиятельная.

— Пусть мне простится, благородная.

— Я не хотел.

Ещё как хотел.

А что поделаешь. Она — одна. Их — легион.

Восьмой легион Легаты Империи Сунгов, сражающийся на Ваалом проклятом Востоке.

Они её не трогают и не обижают — уважают, ибо в крови каждого Сунга сидит знание: нельзя обижать Ашаи-Китрах, а тем более ту, что ступает в сражениях вместе с тобой. Простую львицу уже давно бы измучили вниманием и домогательствами, десять раз бы подрались из-за неё и сто раз куда-то украли. Но она-то не светская львица. Конечно, с ними нужно уметь справляться. В *дисциплине* им, ученицам, что отправлялись на четырёхлунное восточное служение, даже прочитали несколько лекций о том, как это делать: не носить ничего вызывающего; почаще использовать капюшон, даже если погода хорошая; прятать хвост (наставницы знали, что говорили!). Вестись поскромнее. Почаще напоминать о своей священной роли. И так далее, и так далее...

— Да враньё всё, — зарычал второй. — Я держал в руках эти копьё. Там наконец-ник такой... очень грубый и тяжёлый. Шесть десятков шагов — ещё куда ни шло.

— Спорим? Спорим? Пять кружек пива!

— Пять кружек пива! — противно засмеялся кто-то, и вся повозка взорвалась самцовым смехом. Миланэ потуже прижала к себе руки и уселась поудобнее для дрёмы.

— А как проверишь? — зашепелявил кто-то.

Миланэ узнала его по голосу. Новобранец, из провинции Хольц, с какой-то

несчастливой звездой: за несколько лун успел лишиться передних зубов (выбили щитом) и получить стрелу в лапу. Она лично выдернула ему сломанный зуб и вытащила стрелу.

Ах, тяжёлая это наука — вытаскивать стрелы.

— Поймаем в плен кого-нибудь из драагов, заставим бросить — посмотрим.

— Те, кто сдаётся в плен, так не смогут бросить.

— Почему?

— Потому что для этого нужна сила. Сильные не сдаются в плен.

— Чушь.

— Что чушь, сир Тайназ? — все спросили у бывалого ветерана.

— На Севере вы не были — вот что. Они бросают копья, мчатся на фирранах. И когда северняк бросает копье, то фирран ему помогает: прыгает вперёд.

— Как это возможно, если у них нет стремян? Они ведь держатся за гриву фиррана.

— Вы, детки, радуйтесь, что сюда попали. Тут благодать, нет холодов, враги не злые, только леса и болота. Здесь нет северняков, а только туполобые драаги.

Все засмеялись; смех надоел одному из сотенных дренгиров, что ехал сзади на лошади, и он плашмя застучал мечом по борту повозки.

Вдруг сир Тайназ окрикнул:

— Тихо!

Тут же, спереди по обозу, раздался звук рожка.

Миланэ недовольно заворочалась. Нет покоя этим львам. Сидят, болтают ни о чём, мешают спать. Наверняка поглядывают на неё жадным взглядом, тут же отворачиваются, сглотнув. Все они одинаковы. Трубят в рожки. Войны устраивают. А ты их лечи, обхаживай, будь их вдохновением, символом веры, вторым знаменем... Зря она не уселась на лошадь к сотенному дренгиру, ох зря. Хоть разговоры были бы поинтереснее. А то только вынырнешь из дремы, так услышишь какую-то брань или спор ни о чём. Так уж случилось, что именно в эту повозку побросали все запасы сушёных трав (а разве их бросишь на произвол?), которые она с трудом раздобыла в городке... Ваал мой, как назывался тот городок? Забыла. Кроме того, как учили наставницы, иногда нужно снисходить до простых воинов, общаться с ними, даровать им уверенность. И так далее... Спать...

— На развилке, слева!

— Слева, к бою, слева, слева!

Она ощутила, как задрожала повозка под тяжёлыми лапами воинов-Сунгов — они соскакивали вниз. Нехотя открыв глаза, с леню, под сенью густого леса, поднялась на ровные лапы, мало что понимая; Ваалу-Миланэ-Белсарра ещё не полностью освободилась от снов и пробудилась нехотя, как героиня сказки или легенды. То, что предстало перед её взором, могло потрясти неготовую душу: на хищных фирранах, с пасти которых капала густая слюна, всего в пяти десятках шагов, восседали жуткие, совершенно чужие львы, все тёмной шерсти, все в шкурах, большие и хищные. Но душу Ашаи потрясти сложно, она испытывает это с самых ранних лет, и...

...самым жутким был именно этот, по центру, с безумно-косматой гривой, никогда не знавшей ухода, с мордой полностью в крови, тёмный и страшный, как сама смерть; он рычал. Миланэ с слабым удивлением осознала, что драаги на лету, в скаку своих фирранов, этих древнейших друзей и ещё более древних прародителей всего львиного рода, поднимают короткие, коряво-кривые луки, из которых они так

метко стреляют, и целятся в неё, вставшую в полный рост, как в самую очевидную, лёгкую, забавную цель. Ещё более удивительно было слышать свист у левого уха, а вот правое что-то чуть-чуть обожгло, словно маленький огонёк; но она не смотрела по сторонам, а смотрела именно на этого льва, с окровавленной мордой. Он пленился этим взором, или хотел быть пленённым, или выдавал себя за пленённого, но сидел смирно, и фирран его тоже стоял смирно. А, может, он уже представлял, как пленит жрицу Сунгов (какая удача!) и будет делать с нею всё, что желает (какое удовольствие!); он знал, что она — жрица Сунгов, что Сунги имеют глупую, странную, жестокую привычку брать на войны некоторых из своих самок, что служат их богу; дело самки — дети и охота, не война; и даже для него, дикого, это очевидно. Тем не менее, самка эта как-то спокойно, даже неспешно взяла большой, стройный лук, натянула ровную стрелу, а он заворожённо следил за всем, будто не веря...

...Ваалу-Миланэ-Белсарра легко, очень легко отпустила тетиву; всё ей казалось сном, игрой, стрельбой по мишени, как много раз, скучно и нудно, она стреляла вместе со своими сёстрами-дисциплинами. И почти в тот же миг страшный лев с тёмно—красной мордой схватился за шею.

Тут-то драаги зарычали, создали невообразимый вой и шум. Что-то у них случилось

Она ощутила, что кто-то сильный, очень сильный, сдёргивает её прочь с повозки на сырую землю, держа локтем за шею, как жертву. Мир перед нею превратился в темноту и серость — это прикрыли большим щитом.

Уже потом воины-Сунги превознесли её, считая полубезумной и отважной, уже потом сотенный дренгир хватался за голову, представляя, что бы случилось, если бы не величайшее везение. Её могли убить, должны были убить — но вместо этого убила она. Она смотрела на мёртвого врага, поверженного её стрелой, и на его фиррана, убитого воинами — верный, он не захотел бросать хозяина.

— Ваалу-Миланэ, в следующий раз не будет такой удачи. Пожалуйста, я прошу: надо укрываться сразу. Сра-зу. Никакой стрельбы из лука. Мои добрые небеса, зачем благородная пошла на такой риск? — спрашивал сотенный, закрывая ладонью глаза и качая головой.

Миланэ пожалала плечами, обрабатывая ему мазью рану на ладони. Будто бы она знала. Будто бы каждый из нас в любой миг может отдать отчёт, что и зачем делает.

— Ты убила вожака. У них есть поверье, что если вожака убивают, причём сразу, то это значит, что бог войны отвернулся от них. Поэтому драаги сразу убежали.

Он откинулся назад.

— Наверное, им было обидно, что их предводителя убила безгривая, — засмеялся он. Потом спохватился и дотронулся к её ладони: — Прошу прощения, благородная, не хотел обидеть. Они только так львиц называют. Мне рассказывали, что в их языке даже слова «львица» нет. Только нечто вроде «безгривая».

— Слава Ваалу, что принёс победу, — безразлично молвила Миланэ; гораздо глубже её волновало то, достаточно ли чист кусок ткани, которым перевязывала его ладонь.

Но всё это погода, спустя.

Тогда, прикрытая щитом, она закрыла глаза. «Надо же, снова не удалось поспать», — тогда подумалось дочери Андари, воспитаннице Сидны. — «Ничего. Я ещё досмотрю свои сны».

Да, именно Сидна — мать её духа, именно этот дисциплирий послал её сюда отдавать служение Сунгам: учиться, каково оно быть с воинами. Когда Миланэ исполнился двадцать и один год, не осталось никаких сомнений, что она отправится на четырёхлунное служение на Востоке: невысокое происхождение, знание траурного церемониала, прекрасная игнимара, познания в фармации — с такой характеристикой нету шансов избежать такого служения. И когда час настал, а настал он двадцать четвёртого дня третьей Луны Вод 807 года Эры Империи, она отправилась из сердца Империи, прямо из дисциплирия, на тёмный Восток. Стало даже легче, ведь судьба определилась: надо прожить эти четыре луны, и прожить достойно.

Долгим будет рассказ о том, как она пять сотен льенов (и целую неделю) добиралась к Второму Восточному Доминату; как заблудилась, не найдя указателей на дороге; как изумилась, узнав, что в форте сейчас расположилось иное соединение, и придётся идти ещё льенов десять пешком (чего не случилось, так как сжалившийся над нею командир крепости распорядился доставить её лошадьми). И когда она, наконец, прибыла в большой лагерь, находящийся на возвышенном плато, окруженный дикими лесами, состоящий сплошь из палаток, шатров, частокола, телег, оружия, грязи и самцов, то на целых четыре луны — время, показавшееся вечностью — попала в новый, доселе неведомый ей мир.

Разместили её, как и полагается — возле претория, шатра военачальника; конечно же, отдельно, в личном шатре, что большая роскошь по меркам военного лагеря. Ранее здесь обжилась сестра, некая Ваалу-Свайна, бывшая воспитанница Айнансгарда, которая уехала неделю назад после двухгодичного служения. Она и оставила в наследство Миланэ огромное количество ингредиентов для фармации (правда, мало какие оказались годными), пыль и грязь (в шатёр никто не заходил с дня её отбытия), закопченную чашу огня Ваала, несколько пар неплохих кнемид для лап (Миланэ пришли маловаты), кучу тряпья, походную кровать, целый сундук рухляди и прочие вещи. У входа воины воткнули круглый символ — *ном*, обозначающий, что здесь обитает Ашаи. В тот же день Миланэ собрались поприветствовать все воины, выстроившись в открытое каре перед преторием. Командующий легионом, сир Уруз, в отличии миллиара, крупный лев лет сорока, но по облику — значительно старше, с совершенно непроницаемым лицом, выгорелой редкой гривой и выбитым клыком — встал возле неё. Говорил он неожиданно тихо. Ей почему-то казалось, что столь важный и сильный Сунг должен обладать громоподобным голосом.

Затем пришла её очередь. Миланэ волновалась, она не знала, что сказать этим суровым и страшным Сунгам, самцам, хотя и готовилась; потому её речь также была краткой, формальной. поприветствовав их, Ваалу-Миланэ кратко поведала о себе, закончив так:

— Я рада, что судьба и Ваал даровали возможность служить вам, мои Сунги.

Потом игнимарой она зажгла огонь Ваала в чаше, который разнесли по лагерю факелами и свечными лампами.

И потекли дни.

Легион стоял здесь лагерем почти целую луну, поэтому всё оказалось обжитым. Она ждала, что хлопот будет невпроворот — некогда вверх посмотреть. На самом деле, дел было мало. На второй же день Миланэ споро сообразила наварить мази про-

тив москитов и вшей. Ей предложили постоянную охрану из двух воинов, согласно императиве ещё предыдущего правителя Сунгов; но Миланэ знала, что хороший тон — отказываться от этой охраны, так как внутри лагеря Ашаи не должно ничего грозить, а вовне она и так не ходит без сопровождения. Раз в неделю она возжигала огонь Ваала на центральной площади лагеря в хорошую погоду, в плохую — внутри претория. Традиционным стал ужин вместе с командующим легионом и приближенными к нему дренгирами, командирами когорт, во время которого все пытались играть в некий симулякр светскости, и Миланэ искренне подыгрывала, пытаясь скрасить им и себе серые, тоскливые дни.

Именно так, тоскливые. Лагерь стоял, ничего не происходило, никуда не двигался и не собирался двигаться. Она привыкла к воинам, они привыкли к ней. К её радости и удивлению, большинство оказались андарианцами — сыновьями её родной земли. Конечно же, она очень часто навещалась в лазарет, но работы там оказывалось немного, и лечились лишь обычные для лагерей вещи вроде расстройства желудка, мелких, ненарочных ранений и прочего; с этой работой вполне справлялись легатный врач и пятеро его помощников. Формально, всякая дисциплина нуждается в сестре-Ашаи, которая будет наставлять её в служении Легате; но поскольку такой наставницы не было — Ашаи в Легате всегда в большом недостатке — то Миланэ имела право самолично управлять всем врачевательным хозяйством, но пользоваться правом этим не стала, по большому числу готова для врача лекарства на запас.

Каждая Ашаи в такой ситуации просто обречена на постоянное внимание. Воины приглядывались к ней и вскоре поняли, что Миланэ: спокойная, тихая, кроткая львица-Ашаи, и с нею никаких скандалов и волнений не будет; таковой она бы и осталась в их памяти. Но Миланэ прославилась, убив стрелой в шею вожака драагов. По сути, она в первый раз оказалась за пределами лагеря всерьёз и надолго; обоз направлялся в тыл, нападения варваров никто не ожидал, поэтому легат и отправил Миланэ вместе с обозом, чтобы и в город вышла, и взяла, что нужно. Безусловно, легат укорял себя за это решение, сотенный переволновался, но новость по лагерю прошла мгновенно, воины пришли в восторг, и тут она враз почувствовала, что её признали уже насовсем.

Дни потекли легче, светлее и даже как-то веселее.

Естественно, у Миланэ вызывала волнение ещё одна насущная и весьма деликатная проблема, известная многим-многим поколениям Ашаи-Китрах, которые сопровождали воинов Легаты Сунгов. По неписаной традиции, которой не одна сотня лет, Ашаи должна терпимо относиться к ухаживаниям главного дренгира того соединения, которому она назначена служить, даже если не горит желанием. Она хорошо запомнила, как он на третий день пригласил вечером к себе в преторий; понимая, что случиться может всякое, и этому всякому традиция не велит слишком сопротивляться, она привелась в порядок, вздохнула и вошла к нему, не подавая виду.

— Доброго вечера, мой легат.

Он был сам.

— Здравствуй, — предложил самое лучшее место в виде единственного стула, встав с него. — Садись, поболтаем, — сам сел на сложенные один на другой щиты.

Они сели друг напротив друга. Столом им служили сколоченные доски, поставленные на колышки, что забивают в землю для шатров.

— Наверное, думаешь, что я пригласил тебя... как это говорится...

— Моему легату виднее, зачем он меня пригласил. Я, в свою очередь, могу перенести то, что должна.

Он усмехнулся и вытащил на стол две бутылки.

— Не бойся. У меня две дочки, девятнадцать и шестнадцать — такие, как ты. Ещё, наверное, есть дети, но я без понятия, что они да как.

Миланэ кивнула.

— Расскажи-ка лучше о себе. Выпьем?

— Не посмею отказаться.

Их еженедельные посиделки в претории сразу превратились в традицию. Они садились и начинали беседовать обо всём на свете; под конец легат всегда напивался вдрызг и внезапно засыпал (за что каждый раз извинялся на следующий день); Миланэ, конечно, пила чисто символически. Она было посчитала, что он большой любитель виночерпия, но остальные дренгиры уверили, что обычно он вообще ни-ни. Поэтому в один из вечеров она решилась об этом спросить.

— Ты так на меня действуешь, — ответил легат.

— Как? — опешила она.

— С тобой... освобождаешься, вот тут... — постучал себя по виску. — Не хочешь ни о чём думать. С кем я ещё здесь могу искренне поговорить?

Так было и в эту тёплую, глубокую ночь. У Миланэ целый день хранилось прекрасное настроение; немало этому способствовало то, что ровно через семь дней ей предписано уехать в Сидну. «Я возвращаюсь!», — тихо ликовала она. Легат где-то ухитрился раздобыть вполне неплохого вина для неё, сам же пил какое-то местное невообразимое варево. Ни он, ни она не говорили ничего, но понимали, что так они сидят в последний раз.

— Прощу прощения. Мой легат, сиятельная... Плохие новости, — вдруг вошёл один из когортенных.

— Что случилось? — спросил легат, и Миланэ впервые в жизни увидела, чтобы кто-то вмиг протрезвел.

— Прибежал раненный. Сообщил, что на северной дороге разбились обоз.

— Какой ещё обоз? Где?

— Возле овражного провала, на развилке.

Развернули карту. Командующий легионом никак не мог внять, как обоз мог там очутиться. Северная дорога была непроходимой и дикой — это раз. Два — этот обоз не появлялся возле их лагеря. И три — он вообще не мог там быть.

Привели льва. Тот воистину выглядел ужасно: грязный, израненный, еле стоял на лапах. Крупный и сильный с виду, он совсем сдал, и никак не мог внятно объяснить, кем является.

— Хозяйка погибла, хозяйка погибла, — только и повторял.

Легат поскрёб гриву.

— Хайти, возьми своих головорезов из первой и сходи туда. Да, лучников Харнаса не забудь.

— Толку там от них, — пожал плечами дренгир когорты.

— Что-то не так? Что-то неясно? — осведомился легат.

— Слушаюсь, мой легат. Ваалу-Миланэ, пусть сиятельная займётся этим... — он указал на раненого льва.

— Хорошо.

Она увела того в свой шатёр; заснул он вмиг, как только дотронулся к меховой

накидке на кровати, каким-то неестественно быстрым и глубоким сном. Тем временем Миланэ полностью раздела его, осмотрела. Так, он явно от кого-то убежал: на спине виднелся знак сильного удара; также оказался ранен в плечо, но несильно, вскользь. За всё время он даже не пошевелил ухом — так сильно спал; в какой-то миг она посчитала, что вовсе умер, но напрасно.

Набросав всякой одежды и несколько шкур на два сундука, Миланэ прилегла поспать; казалось, она проспала лишь кратенький миг, как тут в её шатёр вошёл тот самый когортенный.

— Ваалу-Миланэ...

— Да-да, — резко встала Миланэ, притворившись бодрой и вовсе не сонной.

— Прощу преподобную поехать со мной.

**

Ранний рассвет.

Картина её взору предстала, конечно, ужасная. Хоть она и была на Востоке уже почти четыре луны, но настоящих картин смерти почти не видела, во многом благодаря везению — она служила легиону, который сейчас отдыхал от походов. Этот странный обоз состоял из одного, очень богатого дилижанса, уже разбитого и разграбленного дочиста, да большой повозки со всякими вещами, которые были разбросаны по дороге и лесу. На земле осталось десятка два львов; все вооружены и в доспехах, но это были не воины Легаты, а личная охрана.

Воины выставили охранение, осматривали убитых, пытались найти какие-либо бумаги и переворачивали оставшиеся вещи.

— Как ужасно... Кто эти Сунги? — спросила Миланэ, когда они с когортенным приехали к месту.

— Выясняем.

— Всё очень плохо, но... чем могу помочь, сир Хайти? — спросила она, держась за его плечи.

Он соскочил с фиррана и помог слезть молодой Ашаи. Фирран зарычал, обнажив клыки.

— Нэй, нэй... — когортенный потрепал его по гриве, ибо фиррана волновал запах крови. — Пошли, сиятельная. Тут всё непросто, есть кое-что. Точнее, кое-кто.

Миланэ заметила, что недалеко от дилижанса собрались львы. Все они глядели вниз, но она не могла увидеть, на что именно; кто скрестил руки, кто чесал гриву, кто негромко переговаривался. Узнала командира второй когорты, потом ещё нескольких дренгиров, затем заметила и самого легата.

— Мой легат, наша Ашаи здесь.

— Хорошо, — негромко ответил легат Уруз. — Ваалу-Миланэ, надо бы сюда подойти.

На земле лежала молодая львица; как загнанный зверь, она смотрела снизу вверх с полуоткрытым ртом и прижатыми ушами. Собой она прикрывала кого-то, вцепившись в окровавленную одежду когтями, выглядела крайне неважно, нос её почернел, она сильно дрожала то ли от холода, то ли страха.

— Не подходите, не троньте, — хрипло повторяла. — Нельзя. Не подходите, не троньте...

— Вот, вот, посмотри, вот пришла Ашаи-Китрах! Посмотри, подними голову! —

спохватился один из дренгиров; было ясно, что он провёл немало времени, упрашивая её сдаться и дать себя забрать от того, кого она прикрывала. Удивительно, но никто не делал насильных попыток убрать её от мёртвого тела.

Миланэ присела возле на одно колено.

— Что случилось? — дотронулась она к щеке львицы, но та с необычайной силой отпрянула.

— Ты Ашай? — насторожилась; в глазах затеплилась жизнь и хоть какое-то осмысление окружающего.

— Да, Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплина. Несу служение в этом легионе. Кто ты и кто под тобой?

— Это наша госпожа. Её убили, — ответила львица, причём с таким безмерным удивлением, будто бы их госпожа была бессмертной и вдруг случилось невероятное.

— А кто твоя госпожа?

Какие-то мгновения от неё не было ответа.

— *Встающая*, — она приложилась щекой к мёртвому телу. Миланэ попыталась забрать её прочь, но львица воспротивилась. — Нельзя...

Впрочем, слова были сказаны слабо, а противление — мягким.

— Мне можно, я Ашай, — успокаивала Миланэ, взяв её за подбородок. — Я — мастерица траура. Мне можно. Мне можно. Заберите её...

Воины с готовностью забрали, взяли на руки и унесли.

— Наконец-то, — вздохнул кто-то из львов.

— Ваалу-Миланэ, она нам говорила, но мы не очень верили. Это действительно *Встающая*? — спросил Уруз.

Дисциплина ответила не сразу — осматривала погибшую. Стройная львица тёмной шерсти в некогда превосходном наряде, совсем юная; лицо её сильно обезображено с левой стороны, руки, намертво сложенные у живота — в крови. Пояс разорван — с него сняли кинжал-сирну, *стамп* и вообще всё, что только можно снять ценного. Серебряного кольца сестринства тоже нет, но Миланэ заметила явный след от него, ведь кольцо Ашай-Китрах почти никогда не снимают.

— Нет, это не *Встающая*. Она ещё не прошла *Приятия*... Она слишком молода. Это ученица *Встающих*.

Легат прикрыл ладонью глаза и с шумом вздохнул. Воины зашумели:

— Почему она не давала её осмотреть?

— Ты что, не знаешь? К *Встающим* нельзя прикасаться без разрешения, — зашумел кто-то сзади.

— А если умерла, тогда можно?

— Ну, видишь... наверное, и к мёртвым нельзя.

— Мой легат, что здесь делает ученица *Встающих*?

Осознав произошедшую трагедию, легат совсем приуныл и крепко призадумался. Всё произошло на участке его ответственности, и теперь не миновать крупных неприятностей; с другой стороны, никто ничего не знал о разъезжающей здесь *Встающей*... ладно, ученице *Встающих*. Наверное, это даже хуже — они будут в ярости...

— Мой легат, откуда здесь она? — спросил когортенный Хайти, придерживая своего фиррана, который всё норовил понюхать тело.

— Не знаю.

Да уж, вот тебе и событие. Даже если бы они обнаружили здесь мёртвого льва из императорской семьи, то было бы меньше шума. Они-то хоть и очень важной, очень

высокой крови, но всё-таки обычные. Простые смертные. Заменяемые кем угодно. Здесь же — ученица Вестающих, особых Ашаи-Китрах, избранных среди избранных, отдельной касты, которая умеет то, что совершенно неподвластно другим; Вестающих не шесть тысяч, нет, их даже не шесть сотен. На всю сорокамиллионную Империю Сунгов их всего *шестьдесят шесть*. И теперь одна из них потеряла ученицу.

— Но как так... — зашумели воины.

— Мне кажется... — начал было когортенный, но не успел:

— Тихо! — рыкнул легат. — Миланэ, что теперь?

Кто-кто, а мастерица траурного церемониала Миланэ знала, что теперь.

— Осторожно возьмите её и пойдём к лагерю. Подберите все вещи, которые сможете найти.

Вскоре она была в своём шатре. Несчастливого льва, что сумел спастись, пришлось выставить наружу — ему нельзя смотреть на то, что будет. Дисциплина разместила тело ученицы на импровизированном погребальном столе, накрыла его красной льняной тканью; о, у неё в избытке этой ткани, ибо каждого Сунга предписано сжигать на тофете именно в ней; зажгла игнимарой чашу Ваала с маслом и поставила у лап ученицы. Теперь тело надо завить в ткань, и она приступила; это оказалось непросто, и пришлось пользоваться сирной, чтобы освободить окоченевшее тело от одежды; запах уже был явственным: пришлось нанести себе под нос мазь из камфоры, мятного масла и гвоздичного экстракта; от неё щиплет и греет, но терпит. Как полагается, она напевала себе под нос мотивы погребальных пений и вдруг обнаружила нечто необычное.

Ученица получила несколько больших ранений в грудь: её убивали без жалости, даже не пытаясь пленить, что, вообще-то, странно — такая пленница на вес золота. Но под одеждой, под нижней рубашкой Миланэ нашла книгу; именно её ученица прижимала к себе перед смертью. Книга была довольно большая, почти в две ладони в высоту, с дорогой кожаной обложкой; и обложка, и страницы вымарались в крови. Поначалу Миланэ решила, что это нечто вроде дневника, хотя такой большой дневник она видела впервые в жизни. Подумав, что книга может как-то прояснить случившееся, подошла поближе к свету.

Раскрыв первые страницы, нахмурилась.

— Малиэль, из рода Млиссари, — прочла вслух. — Сно-хо-жде-ни-е.

Перевернула дальше.

Там была нарисована какая-то львица-Ашаи: она восседала на нечётко-условной скамейке, заложив лапу за лапу. Нарисована очень хорошо. Взгляд львицы на рисунке излучал доброе расположение, вся её фигура выражала благожелательность. Но приглядевшись, Миланэ заметила, что не всё так просто. Художник мастерски передал выражение, и после некоторой рефлексии и прислушиванию к внутреннему чувству, она определила, что изображена некая зловесёлая мудрость. Оставалась впечатление, что многие хотели поймать и растоптать эту львицу, но та выкрутилась, да ещё с прибылью для себя — и теперь улыбалась неведомой читательнице.

«Сколько всего можно нафантазировать с одной картинки», — усмехнулась Миланэ.

Нашлось ещё кое-что, дописанное карандашом под рисунком:

— Превосходной ученице Ам... от наставницы Да...

Имена нельзя было разобрать: краешек затёк кровью.

Быстро пролистая, краем глаза заметив, что в книге имелись схемы и рисунки. Остановилась на случайной странице, снова прочла вслух:

— ...к этим вещам не стоит прикасаться, сновидица, а особо, если подле них есть вода. Ты помни: любой поток воды уносит сознание прочь, но уносит непредсказуемо, и только бесконечно уверенные в силе вольны этим пользоваться...

Осторожно закрыв книгу, добавила от себя:

— Хм.

Непонятное. Но Миланэ смекнула: это явно какая-то ценная книга для Вестающих, хотя название показалось очень-очень смутно, но знакомым. Естественно, сновидение — их стезя, а книга именно о нём; тут нечего задумываться простым Ашаи. Есть Ваал, есть вера, есть Сунги — вот и все истины.

Как бы там ни было, книга не могла ничем помочь; завернув её в попавшуюся под руку чёрную ткань, она поставила свёрток к немногим личным вещам ученицы. Она как раз умывала ладони в большом чане, закончив заворачивать тело в красную ткань, как тут в шатёр зашёл легат.

— Однако, вот же обязанность для молодой львицы: возиться с неживым телом, — сходу сказал он и уверенно опёрся локтем на подпорку шатра.

— Таково служение Ашаи, — вильнув хвостом, молвила Миланэ и закончила мыть руки.

— Но ты ведь не выбирала, кем станешь, — следил он за нею взглядом.

Сложив полотенце, Миланэ заткнула его за пояс.

— Ашаи шутят, что никто не выбирает, — скрестила руки на груди.

— Вот те на... А может вы не шутите?

Миланэ вздохнула, посмотрев в сторону. Ну давай же, выговорись. Ты ведь не пришёл за праздным разговором.

— Ничего не понимаю, — лев тяжело присел на сундук. — Как это могло случиться? Я служу Легате уже двадцать лет. Всякий раз, когда приезжает Вестающая, ученица Вестающей, представитель Вестающей или... — тут он грязно выругался, — ...любимый кот Вестающей, то об этом трубят во все рога. И всякий раз я ненавижу весь этот переполох. Теперь — вот! — бессильно указал он на тело. — Жаль, конечно, но...

Миланэ остановилась напротив него, уставив руки в бока:

— Но сира будут ругать.

— О, нет, меня не просто будут ругать, — потёр легат глаза. — По мне так проедутся когтями, что...

Дочь Андари поглядела на покойницу.

— Мы ведь действительно ничего не знали, — полувопросительно молвила она.

— Да откуда? Ни одной вести, директивы, приказа, указа, декреталии, циркуляра, императивы — ни-че-го! — легат нервно встал. Потом снова сел: — В общем, гонцы посланы. Завтра её приедут забирать.

— Остальные уже в лагере?

— Какие остальные? — закачал он головой, ударяя себя по затылку.

— Погибшие. Им ведь нужно провести сожжение, — с укором львицы сказала Миланэ.

— А, да... Хотя нет, давай с этим не спешить. Завтра приедут умные головы, завтра они посмотрят на них, завтра всё скажут, — выставил он ладони.

Миланэ вздохнула, потирая пальцы. Ей не очень нравился тон и настрой Уруза.

Куда-то испарилась его обычная уверенность, самцовая такая, на грани деспотии.

— Как та львица-прислужница? — увела Миланэ разговор от гнетущей молчанки.

— Спит. Как и тот, раненный.

— Она что-нибудь рассказала?

— Напали, говорит. Никого не пленили, всех убивали. Необычно для драагов. Выжила, притворившись мёртвой. Ладно... ты остаёшься здесь?

— Да. Пусть сир прикажет поставить на входе часовых. Я не буду спать всю ночь.

И Ваалу-Миланэ осталась одна. В суматохе всего дня некогда было осознавать случившееся, но теперь наступил вечер — время раздумий; в шатре потемнело. Пыхало пламя в чаше Ваала, зажжённое от её ладоней, давая причудливые блики и тени.

— Куда ж ты поехала, родимая? — тихо сказала Миланэ, оставив наконец наводить порядок в шатре и присев. — Теперь нам поздно чаяться; видишь — теперь мы тут одни.

Конечно, ответа не последовало.

Хоть её сердце стало чуть тверже за несколько лун, что провела на Востоке, но оттого — ничуть не менее чутким. Потому ей было бесконечно жаль сестру по духу и тропе, львицу-Сунгу неизвестного имени-происхождения, и кто-то наверняка должен ответить за то, что направил её таким гибельным путём. Это ведь была совсем молодая львица, не более двадцати лет.

— Нахейм примет тебя, сестра, Тиамат поглотит тебя, сестра, — пригласила она покойную по лапе, уже давно бессильная чем-то помочь.

Полагалось не спать всю ночь, и поскольку Миланэ была здесь одной-единственной Ашаи-Китрах, то сменить её было некому. Она сидела, уставившись на огонь; потом, надумавшись, собрала немногие вещи погибшей в котомку, и среди них нашлось разбитое зеркальце в золотой оправе — отличительный знак того, что погибшая воистину принадлежала к Вестающим. Книгу трогать не стала, так и оставила покоиться в чёрной ткани.

Она вспомнила о родине-Андарии, о матери и отце, о родном дисциплинарии Сидне, о близких подругах: Арасси, Шасне, Айнэсваале. Пришло в голову оторочить маленьким фармацевтным ножом тёплую накидку, что ей раздобыли воины; благо, на то есть целая ночь. Передумала: Ашаи, занимающаяся рукоделием возле погибшей сестры, выглядит по меньшей мере глупо. Помечтала немного, что вскоре уедет... совсем немного осталось... начала обнимать дрёма.

Как оно бывает, проснулась Миланэ резко, тревожно, будто совсем не спала, аж одёрнувшись. Всё было, как раньше, только несколько свечей потухли и стало весьма темно; слышался тихий смех часовых; пела ночная птица. Вдруг взгляд пал на чёрную ткань, в которую была завернута книга ученицы Вестающих. И всё-таки... Ничего страшного не будет, если она немного полистает. Это ничего, что она чужая, ничего, что книга вся в крови, ничего, что её — а не любую иную ценность! — покойная прятала по одежде, возле сердца; совсем ничего, что на ней есть личное посвящение. Ах да, она ведь зовётся «Снохождение» — так когда-то называли *сновидение*; теперь так говорить очень старомодно. Сновидение, оно конечно стезя Вестающих, простой Ашаи-Китрах оно нужно только для видения Ваала и не более, так что эта книга для неё бесполезна, даже в некотором роде вредна, а если раздумать получше — так и вообще запретна.

Ладонь уже лежит на чёрной ткани.

Миланэ воровато обернулась на вход, от макушки к хвосту прошёл холод. Облизала пересохшие губы, сердце билось бешено; самое чудовищное, что Миланэ никак не могла внять, почему она так разволновалась.

«Милани, ты же честная Ашаи. С ума сошла?», — отдёргнула руку. — «Аамсуна!».

Побранила себя, сделала несколько кругов по шатру, уселась. Развернув Кодекс сестёр Ашаи-Китрах, единственную книгу, которую советовали брать наставницы на Восток, она начала читать при свете двух ламп, ибо чем-то надо было заняться к рассвету.

— Сохрани мне, Ваал, веру всех вер... — прошептала она первые строки, а дальше начала читать молча.

* *

Каким-то седьмым чувством Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплиара, смогла ощутить, что к шатру кто-то порывисто приближается, успела подняться и даже встать на лапы.

Ненастный, туманный рассвет.

Внутри вошла — нет, ворвалась! — некая старшая сестра, быстрая и ярая сестрина. За ней молча вломилась многочисленная свита, причём голов было так много, что Миланэ не понимала, кто есть кто. Но старшая сестра сделала решительный жест, и они все так же исчезли, как появились.

Не обратив внимания на Миланэ, та бросилась к погибшей:

— Пусть сохраняют нас предки! Великий Ваал, ты забрал Амарель... ты забрал её от нас... — запричитала она, тяжело качая головой. Уши поникли, хвост влачился по земле в знак траура.

Тем не менее, она явно не утратила ясность взора и высматривала, всё ли соответствует церемониалу; она осматривала покойную, поглядела на огненную чашу Ваала у её лап.

— Ты — Ашаи это легиона?

— Да, величайшая.

— Ты была с Ваалу-Амарель всю ночь?

— Да.

Удовлетворившись ответом, старшая сестра совсем по-свойски, будто здесь и не было никакой покойницы, осмотрелась вокруг.

— Их полностью разграбили?

— Да, — подошла Миланэ. — Я собрала все личные вещи, которые смогли найти. Вот эта котомка и... вот здесь, — дотронулась к книге, — я завернула.

Вещи никак не заинтересовали старшую сестру-Ашаи, но вот свёрток с книгой — весьма. Она развернула его и, сощурившись, раскрыла книгу. Пробежалась по страницам. Обратила внимание на потёки крови, посмотрела на собственную ладонь, и хотя на ней не осталось ничего, отряхнула её. Как показалось Миланэ — брезгливо.

— Твой номен, дисциплиара, — сурово, холодно спросила старшая сестра.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, превосходная, — дисциплиара совершила книксен.

— Почему здесь кровь? — требовательный тон.

— Покойная прятала книгу под одеждой. Мы так и нашли её. Я вытерла, насколько могла.

Эта Ашаи-Китрах, лет пятидесяти, возраста силы — молчала долго. Она всё ещё

листала книгу, потом захлопнула и мгновенно спрятала в чёрной ткани.

— Ты знаешь?..

Она полностью оборвала вопрос на полуслове, как будто передумав. Она не смотрела в глаза, а всё осматривала вокруг, будто искала подсказку.

— Тебя ничего не удивило? Говори правду.

— Удивило... — дотронулась к щеке Миланэ.

— Что именно?

— Что Ваалу-Амарель, пусть примет её Ваал в Нахейме, прятала книгу под одеждой. Наверное, большая личная ценность. Может, дорогая или раритетная. Там ещё есть посвящение...

— Ты её раскрывала? — вмиг уцепилась старшая сестра.

— Да. Сначала подумала, что это дневник, что он может помочь. Потом поняла, что это просто книга и всё... сразу закрыла, — торопливо ответила Миланэ.

Цокнув языком и оскалившись, старшая сестра, наконец, посмотрела ей в глаза.

— Хорошо. Вот что, Ваалу-Миланэ. Ты ещё дисциплина, но я буду говорить с тобой, как с полноценной сестрой. Есть к тебе серьёзная просьба.

— Мои уши наострены, превосходная.

— Книгу эту Ваалу-Амарель... украла. У неё была, знаешь, такая... особенность. Любила красть мелочи. Глупая история. Сама понимаешь, как это недостойно Ашаи-Китрах.

— Понимаю, величайшая, — закивала Миланэ.

— Но она была хорошей ученицей. Вестающие в большом трауре из-за её глупой смерти, а наставница слегла в болезни. Ничто не должно омрачать память. Ты понимаешь, о чём я?

— Безусловно, великосиятельная.

— Никакой книги не было. А если и была, то дневник. Поклянись, что забудешь об этом.

— Клянусь Ваалом, безупречная, — совершила книксен Миланэ.

И только когда сестрина вышла, Миланэ поняла, что не узнала её имени.

Глава II

Миланэ покоилась на массивной скамье, без смысла и цели вертя свой стамп, ощущая его холодную бронзу, изыскивая красоту в матовом блеске. Повертела длинными пальцами в ладони, несколько раз оценила немалый вес, даже перекинула несколько раз из руки в руку.

«Хватит...», — подумала она, подцепив личную печать к правой стороне пояса. — «Скука — не повод для дурных манер».

Правая рука чуть вперёд, ладонью вверх, согнута в локте. Левая ложится на запястье правой. Обхватить пальцами, когти втянуть, руки расслабить, да-да, вот так. Лапы вместе, хвост к лапам.

В десяти шагах от неё — две смешливые львицы, юная кровь; они с трудом пытаются сохранить серьёзность здесь, среди царства покоя, тишины и молчания. Стены приёмной отражали звук тихого, назойливого шёпота, предательски усиливая его; и шёпот этот проникал, казалось, в каждую щель, каждый угол Марнской библиотеки.

Смешок. Ещё один.

Старый смотритель перебирал страницы огромной книги-реестра; он больше смотрел на нарушительниц покоя, нежели на сами страницы.

— Маасси, смею заметить, не вернула две книги из пяти ранее выданных.

— Это как не вернула? — закапризничала львица. — Всё вернула. Лев пусть лучше посмотрит.

— Посмотрел. «Семь шагов по лепесткам роз» и «Прогулки под луной» должны быть у маасси.

— Точно?

— Точно.

Верхнее платье у неё дорогое, очень дорогое. Андарианский шифон, красный, как яркая кровь. Точно он, Миланэ знает, она ведь сама из Андари: она родилась в посёлке, где каждая вторая львица умеет прясть, вываривать, белить и ткать шелк. У её подруги — поскромнее, но всё равно ничего. Только синий цвет уж как-то выцвел. Кольца в ушах из золота, звенит браслет серебра на левой руке, венец — символ молодой, незамужней.

— Льву жалко для меня книгу? Обещаю своим именем — я верну.

Миланэ отвернулась, потрянув браслетом на левой руке.

— Ваше имя беспорочно. Но книги — собственность Империи, маасси, не моя. Таков порядок. Когда возвратятся эти книги, то я смогу выдать всё, что маасси пожелает.

«Как пусто», — подумала Миланэ, ещё раз окинув взглядом приёмный зал библиотеки. — «Ни души. Где все?».

— Я отца просила вернуть книги, — сказала дочь своего отца. — Это он не вернул, никого не прислал. Он ведь никого не присылал?

Её подруга, скучая, стучала когтями по дереву стойки.

— Смею уверить, что если бы книги возвратились — тут было бы учтено, — с необычайной лёгкостью старый лев поднял толстую книгу и потряс ею в воздухе.

— Может, он забыл? — робко спросила подруга, прижав уши, словно приняв на себя вину.

Смотритель степенно дёргал себя за усы.

— Скорее всего, — так ответил, немного выждав.

— Уж наверное забыл. Он занятой лев. Он вернёт книги лично. Обещаю, — пригрозила молодая львица, взмахнув хвостом, на кисточке которого играло золотое кольцо.

Миланэ очень не любит кольца на хвостах.

— Красивого дня, маасси, — пожелал в пустоту смотритель. Потом улыбнулся и упрятал книгу-реестр.

Тем временем львица-маасси с подругой гордо удалялась прочь. Настроение испорчено на ближайший час, но ничего. Молодость отходчива.

Миланэ слушала, не двигаясь, как утихал звук шагов львицы; чуткие уши уловили крайне обидное и не слишком тихое «старый кретин»; услышала, как скрипнула тяжёлая входная дверь, а потом лязгнула, укрыв библиотеку от внешнего мира. Потом Миланэ посмотрела вверх. Высокие потолки, прозрачный купол приёмной. Интересно, сложно ли делать прозрачные купола?

Теперь лев обратил внимание на неё, щурясь.

Что ж, пора. Встать, без суеты. Плавно. Плавнее. Проклятье, ремешок сумки заце-

пился за ножны кинжала-сирны. Скользнуть рукой по правой стороне, по талии и бедру, проверить, как держится стамп. Глупый случай: однажды небрежно его прикрепила, и он с шумом упал прямо на пол. Испепеляющий взгляд наставницы Хильзари помнится до сих пор. С тех пор и вошло в привычку.

Она подошла к большой, массивной стойке.

— С трепетом слушаю, сиятельная дочь Ваала. Чем полезен?

Левая рука держит правую, ладонь — вверх. Символ открытости. Так учили. Так принято. Миланэ кивнула, прикрыв глаза. Кивок ближе к левой стороне: так тоже учили. Формальность, церемония.

Но жизнь Ашаи-Китрах состоит из этих формальностей.

— Сильного дня льву. Я с поручением из Сидны.

— О! — взял он небольшой, желтоватый документ, врученный ею. — Я думал...

Лев запнулся, но тут же нашелся, увидев её номен на бумаге:

— Я думал, Ваалу-Миланэ-Белсарра пришла, как вольная читательница, — улыбнулся с какой-то хитрецей.

— Сожалею: не оправдала ожиданий льва, — снова учтиво кивнула она, не сводя с него взгляда. — Но я люблю книги. Мне здесь велено пребывать три дня и я возьму у вас что-то почитать.

Он смотрел на неё, очень легко кивая, словно одобряя слова.

— Побывать в библиотеке Марны и не прочесть книги — неслыханно.

— Приятно слышать, — снова улыбнулся смотритель и стал дотошно изучать врученное распоряжение от сестринства Сидны.

Сидна. Дисциплинарый Ашаи-Китрах — Сидна. Её обитель уже много лет.

Она заметила, как он слегка трёт краешек документа. Где-то слыхала, что опытные библиотекари, архивариусы, писари так определяют качество и тип бумаги. Зная, где какая бумага используется, можно косвенно судить о подлинности документа.

Доверяй, но проверяй. Верное руководство для жизни.

— Из поручения я понял, что дочери Ваала требуется доступ в зал Особой литературы.

— Верно, сир.

— Должен оставить это у себя, — потряс он поручением.

— Как льву угодно.

— Тогда ещё попрошу... Небольшая формальность. Все, кто получают доступ к Седьмому залу, расписываются вот здесь, — смотритель ловко вытянул из полки позади ещё одну широкую книгу. — Формальность...

— Стамп? — спросила Миланэ, скромно расписавшись, хотя и видела, что для них здесь отведена отдельная колонка: на этой странице, в колонке сплошь штампы, друг за другом — Особый зал посещают, как правило, только Ашаи.

— Попрошу, пожалуйста. И сегодняшнюю дату: пятый день четвёртой Луны Всрода, 810 год.

Учат правильно вытягивать стамп. Правильно держать. Правильно убирать. Всегда должны быть чернила на оттиске. Красные, красного оттенка, что изготавливаются по специальному рецепту, с киноварью, чтобы не выцветали.

У личной печати Ашаи-Китрах существует свой отдельный этикет.

Львица страстно склонилась к лире, но не играет; в её руке — плектр; слева — змея, обвинившая кинжал-сирну, справа — птичье перо, внизу написано «803 Э. И.» — год получения штампа, вверху — «Ашаи-но-Сидна», что с древнего означает —

«сёстры Сидны». По эскизу её стампа был создан отдельный совет сестрин-наставниц. Ученица не вольна творить эскиз стампа, как угодно, ведь существуют определённые каноны, запрещённые вещи и темы; в последний год перед Совершеннолетием у юной ученицы только и мысли, что об эскизе. В этот год учениц всячески пытаются каллиграфией, рисунком, гравюрой.

— Спасибо, — молвил смотритель и убрал реестр посетителей Особого зала. — Сидай! Иди сюда.

Из-за неприметного входа слева, за приёмной стойкой, вынырнул из сумерек и пыли молодой, нескладный лев в очень простой, даже бедной робе.

— Да, мастер?

— Доступ в Седьмой зал. Отправь за Ваалу-Ирмайной, потом сам проведи почтенную Ашаи в Общий зал.

Сидай кивнул и бегло начал исполнять порученное.

— Пусть лев простит, но зачем? — спросила Миланэ, положив руку на стойку.

Сидай нелепо остановился.

— Что «зачем»? — с удивлением спросил смотритель.

— Зачем в Общий зал?

— Желаю скрасить досуг юной львицы. Стоит взять какую-то книгу из открытого доступа; у нас есть прекрасная сатира Луцеллия, вышла буквально год назад, рекомендую. Очень тонко. Ведь придётся немного подождать — Ваалу-Ирмайны сейчас нету. Именно она надзирает за посещением зала Особой литературы.

— Это излишнее, спасибо. Я подожду.

Да уж. Очень пусто. Главная библиотека Империи, в конце концов! Книжная пыль в свете окон. Погожий, ласковый день снаружи, тёплое солнце...

— Тогда пусть дочь Ваала пройдёт с Халом. Хал, проведи гостью к Седьмому. И не забудь о кресле — ей придётся ждать.

— Хорошо, мастер, — пришёл ещё один лев, высокий, с чуть презрительным выражением.

— Поинтересуюсь: а где посетители? — снова потрясла браслетом Миланэ, привлекая внимание.

Дурная привычка. Нужно избавиться от неё, надо следить за собою.

— Сегодня Праздник Героев. Дочь Ваала, вероятно, забыла.

Захотелось закрыть руками лицо. Как такое можно забыть? Хотя что тут удивляться: задание наставниц Сидны бередит, оно не даёт покоя.

— Слышащая Ваала пусть идёт за мной, — обратился Хал к Миланэ, вытащив из кармана робы огромную связку ключей.

— Было приятно познакомиться, — учтиво сказал мастер-смотритель.

— Лев так добр. Мне тоже.

Лёгкий поклон, лева лапа чуть спереди, правая сзади, руки накрест ладонями вверх.

Пошли.

Хал, лев средних лет, угрюмый, грубоватый душой и худой телом, шёл впереди по прекрасно освещенному коридору. Он непрестанно звенел-играл ключами в руке, балуясь этой маленькой властью. Миланэ, как и требуется, следует сзади и справа. Слева окна, справа — стена и двери. Планировка у библиотеки Марны квадратная: по краям — коридоры, в центре — залы и книгохранилища. Внутренний двор. Два этажа. Пыль книг в лучах солнца.

По мраморной лестнице — наверх, на второй этаж.

Подожли к массивной дубовой двери, в два львиных роста. Миланэ было подумала, что сейчас Хал откроет её ключом, и уже начала воображать, каких размеров должен быть этот ключ, но нет — дверь открылась от простого толчка.

— Прощу.

— Благодарна льву.

— Не стоит благодарить, — ответил Хал, не глядя на неё, да так, что Миланэ поняла: действительно не стоит.

Они вошли в коридор, сравнительно короткий по сравнению с остальными; в нём лишь две двери, справа. Первая, что ближе, очень похожа на остальные. Вторая, дальше — со стальной оковкой. А дальше — тупик.

— Здесь негде сидеть, — развёл руками, подойдя к окованной двери, всё так же не достаивая ученицу взглядом. — Сейчас что-то принесу.

— Не стоит хлопотать. Я постою.

Но Хал, не слушая, ушёл.

Миланэ вздохнула и посмотрела в окно. За библиотекой находится сад, вот он, перед её глазами. Стройные кипарисы. Деревья ига, источающие ароматную смолу.

Поправила сумку, перекинутую через плечо.

— Вот, прощу, — её проводник вернулся необычно быстро.

— Лев так добр. И я снова благодарна, — молвила Миланэ, усаживаясь в небольшое кресло.

Он почему-то хмыкнул.

— Огнепламенная пусть ждёт здесь, пока я не приду с Ваалу-Ирмайной. Зал Особой литературы открывается двумя ключами, один из них — у неё. После личного разрешения от неё сиятельная сможет войти.

— А когда зал был переименован?

Миланэ знает, что раньше Зал особой литературы носил куда более понятное и красноречивое имя — Зал отступнической и вероборческой литературы; тогда звучало грозно и предупредительно, а не сглажено-фальшиво, как сейчас.

— При последней каталогизации, — почесал Хал за ухом и, наконец, удостоил её взглядом. — Не наша инициатива, указание свыше. Как по мне, эти фонды недостойны такого внимания, а тем более столь тщательного хранения. Этот зал даже вполнину не заполнен. А остальные фонды уж негде хранить, — с реальной эмоцией, истинным раздражением сказал Хал.

Сложив руки накрест, сидя ровно и прямо, Миланэ посмотрела вправо-вниз.

— Вот львица вскоре станет сестрой-Ашай, а потому я вправе получить ответ на вопрос.

Взмахнула ладонью, дрогнул кончик хвоста.

— Конечно. Слушаю.

— Вот зачем хранить всю эту писанину, которая не стоит и потраченной на неё бумаги? — напористо-возмущённо начал он. — Ведь Палата, Надзор, Круг Девяти признали их никчёмными и вредными. Почему нельзя всё сжечь, освободить место для достойного?

Ну, это просто, тут раздумывать не надо. Вот он, ответ, на поверхности, многократно вбитый наставниками: «Чтобы знать благое, нужно познать зло. Эти творения хранятся в назидание будущим поколениям, как примеры глупости, безумия, ухода с тропы, вероборчества и отступничества».

Но у Миланэ нашлись совсем иные слова:

— Думаю, для хранителя книг, коим является Хал, ответ на такой вопрос нетруден. Книги нельзя жечь.

Признаться, её собственный ответ удивил не меньше, чем его разозлил.

— Понятно. Спасибо. Должен оставить львицу.

И ушёл, скрипнув массивными дверями входа в коридор.

Руки перестали держаться накрест, ладони начали нежно поглаживать друг друга. Наедине с собой, наконец-то сама. Расслабилась, плечи чуть опустились, вздох. Теперь можно и вольность: закинула лапу за лапу. В дорожной одежде это удобно и легко. Матерчатые, тёмно-коричневые кнемиды, чтобы не марались лапы; темно-синее одеяние до колен, свира — платье с элементами рубашечного покроя, из прочной льняной ткани, с асимметричным подолом, у которого есть маленькая, короткая драпировка. Ашаи свире любят за практичность: плотно облегающие рукава на три четверти, не стесняет движений. Асимметричный подол, что поднимается к левой лапе — особенность одеяния Ашаи; как правило, обычные львицы, будь то знатные или нет, такого не носят. Иногда дерзкие молодые Ашаи делают с верхней стороны подола ещё и разрез, подчеркивая свободный нрав.

Также, из обязательного: маленькое серебряное кольцо на безымянном пальце левой руки, с тремя волнистыми линиями на ободке — символом дыхания Ваала, что дарит жизнь душам Сунгов; кинжал-сирна на левой стороне, стамп — на правой; серьги в ушах, с небольшими подвесками, в которых по одному камню. Камни могут быть всякие, у Миланэ, например, огранённые хризолиты изумительного качества — предмет зависти подруг-учениц, даже Айнэсваалы, у которой отец — один из самых богатых латифундистов Империи. Безумно дорогой подарок матери и отца, Миланэ плакала, наверное, целый час, когда получила его в тринадцать лет, в начале обучения в Сидне. Она до сих пор не знает, откуда они взяли такие деньги, нет, деньжищи. И, наверное, никогда не узнает — не признаются.

Вот простым львицам носить серьги с подвесками нельзя. Это не запрещено законом — украшения запретить нельзя — но воспрещается строгодавним обычаем, который гласит, что уши Ашаи должны прижиматься от тяжести подвесок: так выражается трепет перед волей Ваала; а светской львице это ни к чему. Правда, под тяжёлыми подвесками они скорее отвисают, нежели прижимаются в трепете. Потому Ашаи не любят слишком большого груза для ушей — некрасиво. А красота — дар Ваала.

Всё должно быть красиво.

Нет сейчас у Миланэ лишь последнего элемента, он — привилегия сестёр, не учениц, привилегия тех, что прошли Приятие. Нет серебряного амулета с огнём Ваала.

Но вскоре будет. Не так много осталось. Будь безупречна, не допускай проступков. И всё будет.

Открыв сумку из мягкой воловьей кожи, вытащила комментарии, собранные в папку и завернутые в длинный кусок материи. Вот эти-то комментарии и нужно разместить в Зале Особой литературы, положив их возле десятка отступнических книг, а старые — забрать с собой в Сидну.

Во время путешествия Миланэ имела достаточно времени, чтобы рассмотреть свою ношу. Ведь от Сидны она добралась к ближайшему городу Сарману, потом на большом баркасе спокойно прибыла в Аш-Маар, а уже оттуда приехала в столицу. Можно было взять дилижанс и доехать быстрее, но Миланэ не желала спешить. Она

любит воды, тихий всплеск волн реки — зачем ей пыльные дороги?

Снова рассмотрела титульную страницу. Красные нити прошивки. Подобные комментарии всегда делают без особого изыска — пишут пером, потом просто прошивают страницы, и всё. Печатные комментарии — большая редкость. Многие видные творения, что признаны отступническими, сопровождаются подобными комментариями, особенно если творение было создано сестрою-Ашаи. Знакомиться с такой литературой можно только по разрешению старших сестёр, и лишь с предварительным прочтением этих комментариев, чтобы во всеоружии встретить неправильные слова и недальновидные мысли. Поэтому вероборческое чтиво и его опровержение всегда неразлучно хранят вместе, как правило, в небольших деревянных ящичках.

Вовсе не стоит уповать, что к этим творениям хранится бережное отношение или некий пиетет: остальные экземпляры просто уничтожаются, а оригинал или хорошая копия подлинника хранятся здесь, в зале Особой литературы Имперской библиотеки Марны.

Вокруг никого, потому ещё одна вольность: Миланэ возложила хвост на левую лапу, которая свободно покоилась на правой.

У неё — десяток комментариев, и они почти не интересны Миланэ. Почти, потому что среди них оказалось вот это:

Верные и полные комментарии к творению с. с. Ашаи-Китрах Малиэль Млиссарской, изгнанной, опороченной, отлученной, полному отступных заблуждений и вероборческих намерений, что известно под именем «Снохождение», 665 г. Эры Империи. Составлено сестринством дисциплинария Ашаи-Китрах Сидны, одобрено Кругом Девяти, утверждено Надзором веры Особой палаты дел Ашаи-Китрах и охранения веры, 810 г. Эры Империи.

Чей-то красивый, размашистый почерк. Кто-то из каллиграфов постарался.

Перевернуть страницу. Эх, смотри, растяпа: маленькое пятнышко оставила на второй странице. Что за пятно, когда? Ваал знает.

Жизнеописание было начертано в весьма свободном стиле:

Малиэль, из рода Млиссари. Родилась 621 года Эры Империи в восточной провинции, Сальгаре, в роду зажиточных крестьян. Дата и место смерти — неизвестны. Малиэль, по описанию современников — львица светлой шерсти, роста небольшого, страдала врождённой хромотой, чего стыдилась. Сначала сызмальства училась у местной Ашаи, которая увидела в ней хорошую ученицу; серьёзно поссорившись с нею по неизвестным причинам, убежала в шестнадцать лет прочь из дому с группой бродячих лицедеев и циркачей. О её «блудном» периоде, что продолжался примерно три года, почти ничего не известно. Далее она появляется в приморском городке Фарсале, провинция Хустру, где становится помощницей аптекаря, работая за кров и еду. Её случайно замечает с. с. Ваалу-Омтаала и забирает к себе в город Муур, что находится в двадцати льенах от великого

Криммау-Аммау. В будущем Ваалу-Омтаала отречётся от Малиэль...

Миланэ приложила пальцы к щеке, закрыв глаза. Устала читать, свет солнца слишком ярк.

Совершенно ясно, что это маленькое, не особо хлопотное задание — лишь формальность, своего рода проверка, но такая, когда и проверяемая, и проверяющие знают — всё будет сделано, как полагается. Ведь, по сути, его можно было поручить любой ученице, которая только взойшла на порог совершеннолетия.

«Да какая там проверка...», — Миланэ играла когтем с подвеской, подняв высоко голову, всё так же не глядя на мир. — «Видимо, Хильзари хочет, чтобы я завела первые знакомства в столице. Да и отметку нужно поставить: вот ученица, да, была в библиотеке Марны в Особом зале, да. Чтобы воочию всё увидела, чтобы походила по самой библиотеке...».

Открыла глаза. Солнечные лучи уже ласкали ладони.

«Жаль, не оставила иных заданий, даже советов не дала. Зато дано целых три дня, хотя тут можно управиться за час. Что ж, наведуясь к местным сётрам...».

Перевернуть страничку. Ещё. Решение Круга Девяти, так-так, ну это неинтересно. Резолюция Надзора, ещё скучнее. 679 год Эры Империи. Волей Ваала, от имени Императора. Сила Империи! Мощь духа Сунгов.

Ещё страница. Вот и суть.

Ученица Миланэ перечитывала эти строки раз десять. Времени в путешествии было много.

Ваала мы видим, Ваала мы слышим и только Ему покоримся.

С. с. Малиэль Млиссарская, что навсегда изгнана, опорочена и отлучена от сестринства Ашаи-Китрах, предалась недостойным Ашаи соблазнам да намерениям, создав и отдав миру своё творение, известное под именем «Снохождение», изданное в году 665 Эры Империи. Сестринство явственно знает, что подобные творения возникают суть от безумного духа, от «мастру нан нйах» — спеси силы. Дух неблагодарности, дурной, отступной гордости витает во строках «Снохождения», а потому не было иного пути, кроме запрещения сего творения, ибо смуты не должны сеяться в душах юных сестёр и несведущих светских, которые осмелятся прочесть эти строки.

Все Ашаи-Китрах, и мы в том числе, которым было поручено составить мнение о «Снохождении», в скорби прижимаем уши оттого, что с. с. Малиэль Млиссарская, изгнанная, опороченная и отлученная, некогда не вняла советам верных сестёр, не прислушалась к зову Ваала и доводам разума, отвергнув извечные истины веры всех вер. Её объяла обманчивость превосходства...

И так далее, и тому подобное. Переверни страницу.

...и повинна в вероборчестве, а именно: прямом отрицании избранности духа Сунгов; ужасном сомнении львицы, обладаю-

*щей знанием Ашаи, в существовании Первосущности Сунгов —
Ваала...*

Послышались громкие шаги, чей-то низкий и уверенный тон: голос львицы, хорошо поставленный, привычный к вниманию голос. Так, теперь ты не сама. Осанка. Руки. Положение лап. Ах да, где же сумка? Вот, здесь. Завернуть комментарии обратно в ткань. Когда кто-то войдёт — встать.

Быстрым, нервным движением открылись двери. Это влетела старшая сестра, за нею семенил — иначе и не скажешь — торопливый Хал, которому такая спешка вовсе не шла, и Миланэ сразу встала, повернувшись к ней лицом, левая лапа впереди, а правая — позади, и вот теперь чуть присесть с кивком головы, да правая рука у сердца, а левая скользит сверху вниз в воздухе, начиная свой путь ото лба и заканчивая далеко позади, у поясницы, за спиной.

Всё, как подобает, всё, как положено ученице.

Но нипочём это приветствие Ваалу-Ирмайне, львице невысокой, грубоватой в чертах, тёмной шерсти. Маленькие глаза, широкие скулы, надменно-властное выражение рта. Она в лёгком пласисе, с чересчур длинными, отвисающими рукавами, крайне невыразительного светло-серого цвета.

«Какой широкий пояс, как всё портит! Ужасные пропорции», — подумала Миланэ, склоняя голову.

— Восславим Ваала, видящая его свет...

— Я видела распоряжение, слышащая, — перебила Ваалу-Ирмайна. — Так что там?

Бывает, перед Приятием ученицу всячески испытывают, причём все, кому не лень. Ученица — ещё не сестра, к ней большого пиетета нет. Сейчас Ирмайна воспользовалась подчёркнуто небрежным «слышащая».

— Мне поручили поместить новые комментарии к вероборческим книгам, а старые забрать в Сидну.

Ваалу-Ирмайна ухмыльнулась, протягивая руку за комментариями.

— Не сидится сёстрам в Сидне, всё писаниной... — Ирмайна начала бегло, даже слишком, перелистывать страницы. — ...маются. Ладно. Хал, это, давай ключи.

Верхний замок Ирмайна открыла ключами Хала; нижний начала открывать своими, но всё никак не могла найти в связке нужный ключ. Потом весьма долго не могла управиться с замком, а потому ей пришлось несколько раз толкнуть плечом дверь. «Что за манеры», — весьма неодобрительно подумала Миланэ, и тут же, сразу, Ваалу-Ирмайна посмотрела на неё. Ученица опустила взгляд.

Ваалу-Ирмайна вдруг легко и без усилий провернула ключ, да чуть улыбнулась краешком рта. Улыбкой хитрой, даже хищной.

— Вот, пожалуйста, — открыла дверь и небрежно отдала библиотечные ключи Халу. — Делай, что надо. Книги найдёшь по каталогу. Хал, покажешь ей, где каталог. Понял? Покажешь всё и пойдёшь.

— Да, госпожа.

— Я побежала, дел множество, просто невпроворот, вскоре вернусь. Когда всё сделаешь, то оставайся внутри.

И протянула ученице свои ключи. Это было настолько неожиданно, что Миланэ просто застыла на месте.

— Бери же, — потрясла ими старшая сестра.

Миланэ удивилась такому внезапному доверию; она сомневалась, стоит ли благодарить или нет. Пока терзали сомнения, Ваалу-Ирмайна была уже у коридорных дверей.

— *Мастру нан нйах*, — вполголоса молвила Ирмайна, открывая дверь, не оборачиваясь. — Ха.

— Простите? — учтиво переспросил Хал, но дверь захлопнулась, и они с Миланэ остались наедине.

Глухие шаги уходят прочь.

Халу этого не понять, обыватели не знают древнего. Но он ей неприятен, потому Миланэ не стала переводить — пусть мается неведением. Только она сама не вняла, зачем Ирмайна это сказала. «Просто так? Или какой-то сарказм? Что-то припомнила? Или это обо мне?»

Тем временем Хал вошёл в Седьмой зал. Немного погодя его примеру последовала и Миланэ. Светлое помещение, с большими окнами, не огромное и не маленькое. Окна не выходят во внутренний двор, как в большинстве залов, а наружу — в сад, в сердце сада. Книги на многоярусных полках, пыль в лучах и на большом читальном столе, но присутствует ощущение объёма — зал не забит битком книгами, они здесь в уютном соседстве или, скорее, в уютном заточении. Текстам, что живут здесь, не положено жить, они должны умирать в одиночестве, забытые умами и временем.

— Вот каталог, — Хал его взял с напольной подставки, но тут же положил, ибо он тяжёл, в руках держать неудобно. — В нём пусть львица ищет.

— Может, лев помнит, где все книги, чтобы я не искала?

— Сожалею, но ничем помочь не смогу. Я не обслуживаю этот зал.

«Точнее, не имеешь к нему допуска», — догадалась Миланэ.

— Хорошо.

«А»... «Б»... «В»... Нужно искать здесь. Ой, что же я, в каталогах имя указывается без приставки. «Г»... Гамон Черкози, «Утешение в разврате». Популярнейшая книжка в некоторых кругах учащихся высших школ. «Д»... ля-лям, ля-лям. «И». Иримэ Эйланская, «Прямо в бездну». Классика ереси, отрицания Ваала, вероборчества и всего самого такого ужасного. Полный букет. Написана ещё триста лет назад. Посмотреть бы ветхий оригинал, вот прямо сейчас. Ведь интересно же, а то знаешь лишь из пересказов наставниц да из книг. Ну, не будем мечтать. «К». Клирр Истальский, «Тщательное и полное исследование некоторых культов Севера». Миланэ смутно помнит эту книгу; когда она только пришла в Сидну, то помогала выносить несколько экземпляров из местной библиотеки. Сначала книга эта казалась заурядным научным трудом, но потом кто-то из Палаты дел Ашаи-Китрах и охранения веры зорко нашёл в ней некое вероборчество, и она была изъята из всех библиотек Империи. Потом служители дисциплинария куда-то унесли эти книги; говорят, сожгли, и Миланэ с неприятием представляла себе языки пламени, что пожирают их.

Повернувшись, Миланэ увидела, что Хал всё ещё здесь и смотрит-рассматривает её сзади.

Чтобы унять тишину, ученица спросила:

— А что значит отметка «группа»? Первая, вторая?

— Первая группа хранится в опечатанных деревянных ящиках. Вот, — кивнул Хал на стеллажи. — К ней строже допуск. На каждое вскрытие печати требуется отдельное разрешение старшей сестры. Вторую группу можно просматривать, имея

лишь разрешение на вход в зал.

Немного помолчал, думая, что бы такое сказать.

— Слышащая Ваала должна знать такие вещи.

«Чего он злой такой? Где моё обаяние?», — даже погрузилась Миланэ.

— Я не служительница библиотеки, и никогда ею не была. Пусть лев простит.

— Но библиотека в дисциплинарии есть, правда? — язвит.

— Есть. Но там нету разделения по группам. У нас вообще все книги полностью доступны, а вербобочерское и запрещённое просто изымается.

— И ладно. В любом случае, я должен побыть здесь, пока львица не завершит свою работу. При вскрытии первой группы должна присутствовать Ваалу-Ирмайна, но, как видим, у неё неотложные дела. Потому мне лично придётся соблюсти эту формальность.

Да как угодно. Соблюдай-соблюдай. Пялься-пялься.

О, вот первая книга и найдена!

— Топтун Устоев: «Грязная правда о происхождении ваализма», стеллаж восемь, полка восемь. Номер: восемь-восемь-ноль-девять-один.

— Это что, псевдоним такой? — дурно захихикал Хал.

— Пусть лев представит себе, — повела ушами Миланэ, теребя краешек страницы каталога.

— Ваал ты мой, если уж пишешь тошнотные книжки, то хоть не позорься именем.

— Его настоящее имя Гар-Арас, имя рода забыла. Он пойман и сослан на каторгу.

— И слава Ваалу. Так... вторая группа. Прошу.

Всё, новые комментарии прикреплены, старые изъяты.

«Л». Лилисси-Садра Нинайская, «Стихи о неблизкой любви». Надо же. Подруга Арасси имеет один экземпляр. Эротическая поэзия, попавшая, как теперь выяснилось, в жернова цензуры. Но достать можно практически в любой книжкой лавке, и ничего не будет. Вторая группа. Цензура усиливается. Благочестиво-придурковатый император. Ой. Крамольная мысль. Ну да ладно.

Нашлась вторая книга. Прделано всё то же самое.

«М». «М...». Вот же. С. с. Малиэль Млиссарская, «Снохождение». О, первая группа, какая-то еле заметная галочка грифелем. Стеллаж пять, полка два. Номер по каталогу: семь-тире-пять-два-тринадцать.

— Стеллаж пять, полка два... — задумчиво протянула ученица.

— Сейчас найдём.

Двери в зал резко открылись.

— Хал!

— Да, госпожа? — дёрнулся лев, подобрав полу робы.

— Ты где? — всё так же влетела Ваалу-Ирмайна.

Похоже, спокойно ходить она не умела. В ней вообще нет никакого изящества и благородства Ашаи, втайне отметила Миланэ.

— Я тут, госпожа.

— Вижу, что тут! — передразнилась сестрина. — Говорила за мной идти! Чего ты здесь ещё делаешь?

— Ваалу-Ирмайна ушла, но не положено так... Я остался, чтобы присмотреть.

— Смотреть? Что смотреть? Пошли, нас грандмастер ждёт! Скоро вернусь, — это было адресовано Миланэ. — О Ваал, дай мне сил! Присмотреть решил. Смотритель...

— Я...

Нервно хлопнули двери.

Даже стало жаль Хала. Зачем так кричать? У Миланэ мягкий, уступчивый нрав: она не умеет хранить обиды, склонна прощать врагов и обидчиков, сочувствовать попавшим в беды, жалеть одиноких и обделённых судьбой.

Что ж, всё сделаю сама. Стеллаж пять, полка два. О, да здесь ни одной книги — одни ящички, похожие на маленькие склепы. Раз-два... Вроде оно. Семь-пять-два-тринадцать.

Ах, какой ты. Тяжеловатый, немаленький.

Она поставила ящик на читальный стол, возле окна; поправила, чтобы его края были параллельны краям стола — Миланэ любит аккуратность. Сняла с плеча сумку, вытянула комментарии в обёртке, убрала обёртку и снова ж таки аккуратно сложила её и поставила на скамью. Так, теперь коробка. Как открывается? Непонятно... Ах да, крышка отодвигается. Не поддаётся. Печать мешает.

Отставив ящичек в сторону, она подошла к окну. Так вдруг захотелось открыть окно, впустить воздух свежести в эту тихую обитель, в это кладбище книг. На окнах решётки, мощные, фигурные; вот же штука: нигде нет решёток, только здесь.

Засов отодвинут, огромные окна нараспашку к себе.

Запахи кипарисов, Поры Востока, жизни и чего-то далекого; они звали в путешествие, в путь без смысла и цели, и Миланэ села на подоконник, забыв о правилах, о задании и прочем, свесив лапу, а вторую поставив прямо на него. Устремиться бы далеко, за горы-леса; там где-то есть всё, что обещается в воздухе здесь, там можно найти истину и забыть о ней, обрести своё счастье, даже понять, что оно есть, и обрести вовсе не трудно, а легко-просто. Где-то всё легче-проще, чем здесь.

Вдруг испугалась. Ведь здесь нельзя открывать окна. Конечно, нельзя. Зал Особой литературы. Что ты делаешь, ученица? Глупости у порога Приятия?

Окна быстро закрыты, засов покрепче. Делу время, потехе известно что.

Кинжалом-сирной она поддела крышку, печать разбилась. Теперь крышка отъехала без особого сопротивления. Миланэ никогда не видела содержимое таких ящичков, потому начала с интересом разглядывать. Сверху — она сразу признала их — находились старые комментарии. По краям коробки пристроена какая-то серовато-коричневая материя, из дешёвых. Она вынула старые комментарии, надеясь увидеть под ними то самое «Снохождение»; но выяснилось, что внутри есть ещё одна сдвижная перегородка, которую снаружи почти не видно.

«Странно. Ведь эту перегородку можно сдвинуть, не повредив печати, если принаровиться. Нелепо как-то получается: печать ничего не сберегает».

Вдруг смутная догадка пронзила Миланэ. Она быстро подошла обратно к стеллажам и начала рассматривать другие ящички. Опа-па. Всё верно. Все печати стояли там, где подсказывал здравый смысл — по центру ящичка, никак не касаясь верхней сдвижной крышки. Это умно: можно свободно прочесть комментарии или вложить новые, но не увидеть основной текст, не прикоснуться к нему и когтем.

Но в её случае печать наглухо закрывала доступ к комментариям. И теперь она, естественно, сорвана.

«Проклятье!», — недовольно выдохнула Миланэ, постучав когтями по столу, и даже огляделась по сторонам, будто кто мог дать ей совет.

Она, не имея раньше дела с такими ящичками, полагала, что если дано разрешение на действия с книгой, то можно без опаски срывать печати. Конечно, это не её вина,

что кто-то по невнимательности налепил печать вовсе не там, где полагается. Её в любом случае нужно было сорвать, рано или поздно. Но штука в том, что вряд ли она имела право совершить это самостоятельно. Во всяком случае, уже ничего не изменить. Это не нарочно. Зачем ученице срывать печати просто так? Зачем ей смотреть на «Снохождение»?

Она сдержалась тогда, сдержится и сейчас.

Снохождение. Оно же сновидчество, оно же сновидение; слово «снохождение» теперь звучит как глас древности, теперь никто так не говорит. Практика, с которой знакомится каждая Ашаи-Китрах с ранних лет ученичества.

Начинается она с пробуждения во сне, осознания себя в мире снов. Через сновидение Ашаи может, в первую и последнюю очередь, чувствовать Ваала, убеждаясь в его несомненном существовании; по очень давней традиции полагается, что ученица может только ощущать или слышать Ваала, но видеть — нет. Это, дескать, могут только сёстры, потому к ним издавна обращаются «видящая». Но на самом деле это, как известно, не так; и, к примеру, многие подруги-ученицы Миланэ утверждали, что видели Ваала, причём каждая — в своём образе; и у неё тоже был подобный опыт — много раз она чувствовала присутствие чего-то безграничного, первосущного и великого, как сам Тиамат. Сама Миланэ — так себе, неважная сновидица. У неё практика сновидчества вызывала многие трудности: она никак не могла добиться устойчивости внимания в картине сновидения, а само оно было преисполнено фантасмагориями, страхами и нелепыми сюжетами, как и обычные сны.

Но она не раз утешалась утверждением наставниц: в прежние времена сильно преувеличивалась важность сновидчества для становления духа Ашаи-Китрах. Теперь уже всем кристально ясно, что оно не столь важно, и является, по большей части, прерогативой Вестающих. Несомненно, сновидение, в котором можно себя осознать — великий дар Ваала, но дарованный лишь для того, чтобы молодая Ашаи могла утвердиться в своей вере, не более и не менее. «Обретение силы» и «познание других миров» в сновидении это не более, чем вероборчества и заблуждения давних Ашаи, которые пошли на поводу у дурных знаний и некоторых примитивных культов. Конечно, есть ещё Вестающие, но это особый разговор: им Ваалом дарована особая склонность к сновидчеству, вследствие чего они могут передавать сообщения друг другу, чем и пользуется Империя Сунгов уже восемь столетий, а до этого девять столетий пользовались правители Тёмной Эры.

Им-то оно требуется по делу, а не по праздности.

— Вот и славно, — молвила себе Миланэ, вынимая старые комментарии и заворачивая их в материю.

Поставила новые. Можно закрывать.

Прислушалась. Тишина, тишина повсюду.

В жизни всегда есть место случайности. И сейчас цепь случайностей дарит возможность одним глазком взглянуть на ветхую книгу, старый текст Ашаи-отступницы; тогда, у тела мёртвой ученицы, она не знала сути этой книги. Когда она прибыла в Сидну, то узнала, какого рода книга волей случая оказалась в её руках, и утрастилась этому; поняла, почему её так просили забыть обо всём, почему безвестная старшая сестра взяла с неё клятву о молчании; а после, когда прошло почти три года после возвращения с Востока, под конец ученичества, пришлось везти эти комментарии в столицу Империи Сунгов; и среди них — случай! — оказались комментарии к «Снохождению». Надо же! Тем не менее, это цепь случайностей, не

судьба. Судьба — выдумка слабых. А вот свершение своего пути — изобретение сильных.

Фатума нет, есть только воля Ваала. Так учат.

Миланэ доселе редко испытывала желание совершать что-то запрещённое и недозволенное; она — дочь спокойной примерности, совершать глупости — не её нрав. Но здесь возгорелась истинным любопытством.

Она успела кое-что узнать об «Снохождении»: в нечаянных разговорах, на уроках наставниц; встречалось имя опороченной и отлученной Малиэль в разных книгах; с ней связано несколько ничем не подтверждённых легенд. «Снохождение». И вот оно, рядом. Рукой подать. Одна из старых печатных копий. Единственная, которой повезло сохраниться. Яснее некуда, что больше такой возможности в жизни не будет. Посмотреть, полистать, прочувствовать дух времени. Потом рассказать тайком подругам, посмеяться, поболтать. Прихвастнуть: «А вот я видела...». А потом — своим детям. И детям детей... «Была некогда в библиотеке Марны, так видела “Снохождение”, представляете? Знаете, оно было такое... такое...». Конечно, видела только здесь. О мёртвой ученице и окровавленной книге она не скажет никому и никогда.

Какое оно?

Нужно видеть.

— Мои предки, вы мне простите, — молвила она, положив руку на ящик со «Снохождением».

Да шакал раздери, Ваал с ним. В конце концов, Он поощряет дерзкие, неправильные поступки, если намерение исходит из искренних и верных побуждений. «Раз так случилось, что никого нет, и печать по ошибке не там, где надо, так нужно глянуть», — думала ученица, отставив новые комментарии в сторону и сдвигая внутреннюю перегородку. — «Ничего такого, в конце концов. Я — будущая Ашаи. Мне можно».

Перегородка вынута, бережно поставлена рядом. Что внутри? Книга, немаленькая, высотой в две ладони. Пропорции золотого сечения. Когда-то за этим следили, это теперь делают пропорции книг из соображений удобства. Переплёт дорогой, из тёмно-синей парчи; цвета уже выцвели. На нём замысловатый узор, и больше ничего.

Миланэ очень осторожно вынула книгу, обернулась к двери, прислушалась. Да ладно. Тоже мне преступление. Печати аккуратнее ставить научитесь.

На стол. Саму книгу открывать почему-то страшно, озноб прокатился по спине. «Трусиха ты», — подумала Миланэ, но чтобы занять руки, взяла и поставила рядом старые и новые комментарии. Перевернув несколько страниц, она с удивлением обнаружила, что «старые» не такие уж старые — выпущены два года назад. И отличия в новых оказались крошечны: была добавлена лишь одна мелкая глава в обличительной части: «О возможном влиянии варварских культов Севера на омрачение духа с. с. Малиэль Млиссарской». В остальном новые комментарии во всём повторяли старые.

Вздыхнув, Миланэ вдруг решила, оставила комментарии в покое и просто осторожно открыла первую страницу «Снохождения».

«Минутку посмотрю, а потом поставлю назад».

Первая страница, в традициях старых мастеров-переплётчиков, оказалась чистой. Страницы чуть пожелтели от времени, но вообще, книга была в отличной сохранности.

Вторая.

Снохождение

*свободные ото лжи
опыты путешествий сознания
по иным мирам
да некоторые общие размышления о пути знания
сестринства Ашаи-Китрах*

Написано от руки, хорошими чернилами, каллиграфической кистью. Удивительно. Почему вручную? Титульную уже тогда почти всегда набирали печатным способом.

И внизу — стамп. Миланэ обожает рассматривать чужие стампы; она очень любит оценивать: «тот слишком выхолощенный», «слишком скучный», «формальный», «изысканный, но много претенциозности», «стамп гармоничного покоя». У неё много эпитетов в запасе.

Тогда были иные каноны стампов. Рваный круг обрамления. Цветок по центру... Что за цветок? Сложно сказать. Вроде строфант, но не уверена. Вверху нет названия дисциплинария — Малиэль никогда не училась в дисциплинарии. Внизу нет года получения (странно!), есть инициалы — «М. М.», а полных имён нет. Да уж, тогда стампы делали кто как хотел, не то что сейчас. Цветок обрамляет ритмичный, правильный орнамент в сальгарском стиле: Малиэль родом из Сальгара, восточной провинции Империи.

И всё.

Интересно. Переверни страницу.

Одинокий эпиграф и напряжённость пустого пространства.

*Всякому пороку есть место в душе, но не трусости
Амали Тихая*

Амали Тихая? Неплохо зная историю сестринства и помня внушительное количество персоналий, Миланэ никогда не слыхала о такой львице — Амали Тихой. Возникали даже сомнения, Сунга ли это, дочь ли Империи, ибо они носят одно или два имени, как вот сама Ваалу-Миланэ-Белсарра, и ещё имя рода. И это не Ашаи, так как перед именем обязательно будет знак-отличие-клеймо «Ваалу-».

«Хм...».

Ещё страница.

«Не захожу ли я слишком далеко? Сейчас придёт Ирмайна».

Ещё страница.

Так и есть — подлинный, первичный экземпляр. Не перепечатка.

Благородство вечного ученичества

С чем пришла ты ко мне, душа ученицы? Изумишься, спросишь, отчего смею звать тебя так, но не храни на это обиды, даже если глаза твои видели многое, а уши укрылись лет седеною. Все мы, Ашаи, изжигая свечу жизни, лишь учимся — мы

вечные ученицы. Пришла ли ты с солнечной радостью верно-го знания либо же томишься в лунном неведении? И если знаешь ты всё, что полагается знать, и наставницы твои объяснили все смыслы, да и ты передашь их своим ученицам, то от слов Малиэль тебе проку не будет, и с лёгким вздохом ты можешь укрыть эти строки либо предать их огню, что ярко сверкает. Но если ты не уверена в своём мире, ощущая, что тропа полна неведений, а страхи и тайны снуют, да повсюду, то знай же: Малиэль поведаёт о том, что зовёт сестринство Ашаи-Китрах снохождением. Так твоих тайн не станет поменьше, скорее, скажу я — они умножатся, но так будешь идти по тропе, сознавая, что делаешь это достойно, Ашаи.

Всё, что я видела, и всё, что мне чувства дарили, отдаю безо лжи; глаза истины всегда смотрят вовнутрь в наши души. Мне был дан дар: я сызмалу легко ловила сны свои и пробуждалась в них без труда и упорства...

Далеко внизу ухнули двери. Малиэль подскочила, испуганная. Поняв, что времени крайне мало, она начала очень быстро перелистывать страницы, стараясь понять структуру и содержание книги: в старых книгах и рукописях очень редко бывает оглавление.

«Нечто вроде учебника или наставнической литературы...», — напряжённо думала она.

Предисловие оказалось длинным. Потом шла глава:

Будь ты охотна, львица-Ашаи!

Старое слово «охотна». Означает: и «осторожна», и «дерзка», и «внимательна». Эта глава оказалась маленькой. Потом же были:

Ловля снов для маленьких учениц, что ещё незнакомы

*

О самом снохождении и не всех его тайнах

*

Что в снохождениях видела я, Малиэль из рода Млиссари

*

Мысли, рожденные из моих снохождений

И очень небольшое, скромное:

Слово в конце

Хорошо.

«Открою наугад, пока есть время. Если услышу Ирмайну, так быстро спрячу её в ящик...».

...Причин для умножения сущностей мне не увидеть. Скажу уверенно: и выход из тела, и снохождение — всё одно да и то же. Выход из тела — снохождение в нашем мире, снохождение — выход из тела в пустоту меж мирами или иные миры. Тем более, всегда стоит помнить: нельзя отделять второе тело, что иногда зовут душой, от себя, телесной, покоящейся в ложе посреди мира тёплой крови. Душа — это ты, и ты — есть душа; нет множества сущностей, а всё едино. Не давай себя обмануть условностям речи, что созданы для удобства общения; как не можешь ты отделить от себя руку или хвост, возгласив: «Это не я, а нечто другое!».

Едина ты со своим вторым телом, со своей душой, которая хранит дар, и прекрасный — может сновать по этому и другим мирам, Тиамат познавая.

Но прости, сестра, что ушла иными тропами, вернёмся мы к прежнему разговору. Теперь всякая Ашаи ведает, что существуют миры, много миров, но ни одна не может в точности молвить, сколь их много и какими нитями они связаны. Всё больше ум мой склоняется к мысли, что миры эти возможно разместить в картине древа, да тем более, что дочки Севера размещают миры в виде онога, и так его называют: «Древо миров». Узрев в не одну ночь и не один год нелживость этого знания, вот мои слова: есть древо миров, и тогда пусть оно так и зовётся.

Насчитала Малиэль в своих странствиях десять миров, что связаны нитями образом вовсе не случайным, хранят свой порядок: не могла я попасть в некоторые миры, не пройдя через другие.

Да, мне сложно поведать, есть ли ещё миры на этом древе и сколь их доступно; допущу, что столь же много, как звёзд среди ночи. Более, эти границы для всякого существа во вселенной свои. Взять же пример: некоторые Ашаи не могут даже управиться с тем, чтобы хорошо уловить сны и проснуться в них, не говоря о хождении в иных мирах. А вполне может быть, что есть Ашаи, что могут видеть больше миров — как мне знать?

Ещё важная, но отвлечённая отметка, прежде чем я приступлю к описанию некоторых способов путешествия по древу. Этот мир, наш мир, всегда располагается по центру древа, но это вовсе не означает его избранность или главенство. Лишь потому это, что он — домашний для нас, наш дом, и нам всегда нужно помнить эту неизбежность, наш вурд; а иные существа, что живут в других мирах, имеют центром на древе свой мир,

свой дом. Потому вид дерева для них будет чуть иным, и правду говорят шаманы: вещи зависят от того, откуда ты смотришь...

Глава III

Как в тёплом, приглушённом дымкой сне, шла она по коридорам, что окрасились светом заката; как во сне, пожелала всего доброго мастеру-смотрителю в приёмной; мягко шла вниз по широким ступеням, что вели в библиотеку Марны, молчаливая и загадочная, пребывающая в себе, ни о чём не думая — мысли не тревожили сознание. Открытый утомлённому солнцу город, аллея тополей — перед нею, вся в цвету.

Ваалу-Ирмайна обещала вернуться за четверть часа, а на самом деле, как оказалось, отсутствовала добрых два. Сначала Миланэ поминутно отрывалась от чтения, опасаясь резкого раскрытия двери и недоброго взгляда, опасаясь за свою репутацию доброй ученицы, страшась ошибки у порога Приятия; в спешке сменила все остальные комментарии, благо, каждая книга находилась быстро и без большого труда. Закончив, вернулась к чтению, и «Снохождение» начало захватывать её, сплетать вокруг неё свои светотени, и она уже не могла противиться этому, она читала о...

Откуда-то сверху упало перо, прямо под лапы, и Миланэ взглянула вверх — увидеть птицу, что обронила его. Заметила далёкий дым от далёких костров.

Ах да. Сегодня же День Героев. Значит, за ним последует Ночь Героев. Днём во всей Империи восславляются львы, воины, герои, живые и павшие в битвах, весёлые и грустные, молодые и старые; но этот праздник — вовсе не поминовение погибших и время грусти, а разухабистое славление живого самцового начала. В эти сутки детям разрешаются шалости, в тавернах гуляют всю ночь, по улицам и дорогам бродят толпы выпивших и вдрызг пьяных львов всех мастей, положений и возрастов, в это время молодые, порядочные маасси — незамужние львицы — прячутся по домам или идут только в самые приличные места, а не слишком порядочные — смеются и визжат в объятиях. День приятия клятв для молодых воинов, небольших подарков для львов от львиц, детских игр повсюду и везде. Ночь мордобоя, спонтанных соитий, ограблений, вина, возжжения костров и костерков, бряцания мечей о щиты, яростных соревнований и ещё Ваал весть каких непотребств.

В столице этот праздник отмечают довольно сдержанно, ибо император Акаш Второй, Рука Ваала, не выносит шума.

Миланэ сделала несколько последних шагов по аллее и вышла на широкую, шумную улицу. Это одна из главных улиц Марны, широкая, красивая; часть её тянется вдоль берега речушки Сааш, небольшой и пенной, с чёрной водой, по которой ходят лишь маленькие лодочки.

Ей направо, потом прямо-прямо, потом налево, по Сафскому мосту. Интересная история у этого моста, Миланэ услышала её буквально сегодня, когда шла в библиотеку. Сначала был мост как мост, ничем не примечательный, таких полно в мире. А лет пять назад с него бросилась в реку львица Сафи, старшая дочь приматора Марны; бросилась броско, у всех на глазах. Из-за неразделенной любви — так говорили. Но высота там небольшая, к тому же Сафи, как оказалось, умеет недурно плавать. Потому самоубийства не вышло, её под смешки и едкие замечания вытащили из

воды. С тех пор горожане и зовут этот мост Сафским. Родилось даже местное выражение «утонуть в Сааше», что значит «потерпеть неудачу в пустячном деле».

«Интересно, что сейчас с нею», — подумала Миланэ, на ходу пальцами пригладив ограду моста. Ха, эта Сафи вполне честно полагала, что не умеет плавать. Страх — хороший учитель.

Она плохо знает Марну. Точнее сказать, почти совсем не знает. Лишь дорогу к Восточному рынку, к библиотеке, к Императорскому дворцу и к дому Ваалу-Хильзе — подруги по дисциплинарию, теперь уже сестры-Ашаи, что приютила её на эти три дня.

Поправив сумку, Миланэ посмотрела прямо на восток, где за домами скрывалось усталое солнце, источник жизни. Ночь крадётся к земле. Пора идти, и она пошла, ступая по крепкой брусчатке, и ничто её особо не волновало, не тревожило, не было душе ни хорошо, ни плохо. Улица впереди, и иди себе, иди.

Справа проплыла большая витрина, ученица посмотрела: там ткани, всякие и разные. Кроваво-красные шелка. Нижние юбки, которые Ашаи-Китрах носят лишь тогда, когда холодно, и только в дорожной одежде. Подушечки для булавок. Надо бы купить, а то занавески комнаты в Сидне сплошь ими утыканы: плохая привычка детства, мать так приучила, у неё самой никогда не было таких подушечек. Но увы, магазин закрыт — сегодня предусмотрительные хозяева повесили замок пораньше, хотя квартал богатый, стражи полно, императорский дворец недалеко.

«Или праздновать ушли».

Вот оно. Улица кончилась, и она вышла на огромный проспект, один из главных путей, что пролегает через Марну. Именно по нему пролегает важная дорога между провинциями, идущая с севера на юг, которую так и называют Марнской, а потому здесь все: и местные жители, и проезжие, и пилигримы, и случайно забредшие и ещё Ваал весть кто.

Всё вокруг теперь небольшое, одноэтажное, редко увидишь строение в два этажа. Слева — целая гряда огоньков небогатых кварталов, что тянутся от горизонта до горизонта... Нижний город — так здесь называют эти кварталы.

Свечерело. Зажглись звёзды, зажглись огоньки, зажглись глаза, вспыхнули сердца Ночи Героев.

Миланэ шла, высматривая ориентир, который хорошо запомнила: таверна «Большой Дерб» должна появиться с правой стороны.

«Назовут же... Что такое «Дерб»? Или кто такой? Проклятье, какое здесь всё одинаковое. Ещё пропущу!». Ан нет, не пропустишь: вот эта красноватая, облезлая по краям вывеска; у неизвестного оформителя не было и малейшего цветового чувства, потому ядовито-зелёный фон сочетался с красной каймой холодного оттенка и чуть желтоватыми буквами, нарисованными в ужасной манере, стилизацией под старый шрифт древнего языка. К чему это таверне, зачем? Это так сложно, за это брались на каллиграфии только самые смелые ученицы. А тут вот тебе.

Совсем не сложно для кого-то, оказывается.

«Забыла купить еды... Ну, и что теперь?»

Быстро подумав, Миланэ делает то, на что вряд ли осмелилась бы почти любая маасси её возраста без сопровождения самцом, а лучше — самцами. Она лёгким движением открывает хлипкие, чисто условные дверцы в таверну у оживлённого торгового пути, не самую плохую, конечно, но этому заведению далеко до изысканности. Встречается здесь всякая душа, и добрая, и злая, но чаще — обывательски-

хитрая, торговая, с наглостью и простотой, желая чуть смошенничать, чуть урвать, проиграться в кости и выпить пива. Особенно сегодня, в ночь Героев.

Но Ашаи-Китрах, даже ученицы, — особая каста в Империи, у них есть свои привилегии и отличия. Даже простое оскорбление Ашаи может обернуться каторжными работами на несколько горьких лет, а всякое насилие над львицей из сестринства для простых сословий карается смертью. Кроме того, Ашаи после церемонии Совершенстволетия получают кинжал-сирну — оружие с прямым обоюдоострым клинком, длиной с ладонь, треугольной формы и без долы, с очень острым кончиком. Ею трудно делать что-то по хозяйству — неудобно. По традиции всех учениц сестринства обучают владеть этим маленьким оружием. И, самое главное, Ашаи носит сирну при себе всегда. Вообще всегда. Что бы она ни делала, и куда бы ни шла — с нею всегда сирна. А когда спишь, она должна находиться на расстоянии вытянутой руки или под головой.

Множество взглядов, дым табака и ещё чего-то, душный дух. Все чуть притихли, увидев ученицу-Ашаи, но потом гул снова возобновился, снова прозвучал гогот вон за тем дальним столом. Свечей и ламп полно, но все светили как-то невзрачно, тускло, словно воздух крал свет.

Она подошла к стойке, где молодой, очень худой лев светло-грязной шерсти быстро, скучаяще разливал пиво в большие деревянные кружки, липкие, с потёками пены. Ха, вот где истинная отрешённость, которую ищут некоторые Ашаи: лев смотрит на окружающих и окружающее, как на пустое место, бесконечно усталый, он терпеливо слушает все те просьбы и всю ту дрянь, что ему говорят, и ни один мускул не дрогнет на лице. Ни одного лишнего движения, слова.

Ждать пришлось долго. Совсем рядом на высоком стуле сидел лев, судя по одежде — охотник или егерь, и непрестанно косился затуманенными глазами на Миланэ; то отворачивался, то снова обращал к ней взор, и, казалось, его так и подмывает что-то сказать.

Ученица не смотрела на него, хотя всё замечала.

— Слушаю, — устало и без изысков спросил молодой трактирщик, отодвинув полные кружки с пивом навстречу жадным ладоням.

Миланэ здесь раз была, потому примерно знает, что есть, а чего — нет.

— Попрошу круг хлеба. И хамона, четверть окорока. И пусть лев завернёт, если можно.

— Не во что, — равнодушно ответил он.

— Хорошо. Пусть так. Спасибо.

Трактирщик вытащил большой, сыровяленый свиной окорок.

Скользнула рука, дотронулась к сумке. Да, всё на месте. Сумка. Кошелек. Старые комментарии, которые надо сдать в Сидне. Завтра надо будет их пересмотреть.

Тем временем охотник-егерь на что-то решился.

— Выпей с нами, жрица Ваала. Сегодня его праздник! Или брезгуешь?

Разговоры и смешки утихали: всем вмиг стало интересно. Даже отрешённый трактирщик перестал отрезать филей от окорока.

Миланэ ответила не сразу. Она окинула взором свою небольшую публику, все эти устало-весёлые лица, что ждали развлечения и отрады; ей показалось, что все они слились в одно большое пятно.

Обращаясь к этому пятну, а не к ним, она молвила:

— Не брезгую — устала. И это не праздник Ваала, смею отметить.

— Как это? Как же это... не праздник Ваала, а? Создатель он всего, создал всё! Значит, и праздник этот — тоже создал! Потому его славить должен весь мир, раз он создатель! Ночь Героев! Он же герой! Герой мира!

Он и не подозревает, что его слова — то ещё вероборчество. Антурианская, старая ересь сестры Антурии, которая посмела утверждать: Ваал не есть воплощенный дух Сунгов, он суть *создатель всего*, потому его должны славить не только Сунги, но и все остальные племена и роды мира. Популярное заблуждение среди низших сословий, мол, славить Ваала — не привилегия Сунгов, а обязанность всего мира. Она в ходу среди простых голов, но её никогда не упоминают возле Ашаи, так как это можно счесть почти что оскорблением.

Но пьяному, как известно, море по колено.

— Ваал не создавал мира, а явился из Тиамата вместе с нами. Ночь Героев — не праздник Ваала, а праздник тех, кто служит ему смелостью. А всякий лев — воин, а потому этот праздник — праздник львов. И Ваал среди вас в это время, он пьёт вместе с вами. Ваш это праздник. За вас.

Миланэ, прикрыв глаза и подняв левую руку, требуя внимания, повернула голову к трактирщику:

— Вина.

Тот очень быстро выхватил кубок откуда-то из-под стойки, словно нарочно ожидая такого момента, и налил тёмного-тёмного вина.

Пальцы вокруг ножки кубка. Мизинец тоже. Да легче бери, не расплескай, берёшь, как хозяйка ведро. Вино пьют небольшими глотками, так положено, но тут надо вопреки этикету, залпом, большими глотками.

Тут главное начать и не пролить.

Сволочь! Подонок! Креплёное! Не подать виду, не подать. Страшно хочется то ли чихнуть, то ли кашлянуть. Нельзя, нельзя. Жизнь состоит из ограничений и запретов. Такова судьба Ашаи. Терпи. Нельзя. Вперед. Шутник-трактирщик, вот чего налил. Видеть желает весёлые влажные глаза самки, заплетающийся язык и хвост, бесконтрольный смех на любую несуразность. А ты думала, Миланэ. Львы, они такие.

Ну же, последние капли. Вот так. Безумие, что же я такое делаю. Что я вытворяю? Зачем дешёвый эпатаж? Где здесь изящность? С ума сошла.

Кубок — бац! — на стойку. Закусив губу, отдышалась. Утерлась — о кошмар! — прямо тыльной стороной запястья.

Таверна взревела, ликуя. Многие подняли руки, некоторые одобрительно смеялись, кто-то одиноко захлопал в ладоши, некоторые последовали её примеру. Лев в грязноватом кафтанчике мелкого чиновника улыбался, заложив руки за голову. Егерь-охотник победно поднял когти к потолку:

— Видали? Видали?! Вот оно!.. Это не из тех, не из манерных! — захлебывался он. — Та самая! Настоящая!

Приложив руку к сердцу, кивнула им всем, неизвестным, и пошла к выходу. Двое расступились. Сзади слышался одобрительный гул, возгласы:

— Ай да Ашаи!

— Зажгла! Зажгла!

Она вышла на свежий воздух, не глядя по сторонам; с улицы удивлённо смотрели на таверну, а какие-то детишки даже глазели в окна — чего это там режут, что произошло?

Вино очень быстро ударило в голову, и стало хорошо, очень хорошо. Всё, к дому

подруги осталось две сотни шагов. И слава Ваалу — день утомил, а ночь нежна. Миланэ свернула направо, наслаждаясь нарастающим опьянением, ведь Ашаи-Китрах вовсе не сторонятся вина да прочих наркотиков, а иногда они одобряются; более того, иногда находиться в чистом уме неприлично и непозволительно.

Она открыла калитку, вслушавшись в тихий скрип. Небольшой одноэтажный дом, посреди таких же — это дом Хильзе. Постучалась, но никто не открыл, никто не подошёл. Громче. Никого. Толкнула дверь — она оказалась незапертой. Похоже, сестра Хильзе уже дома, просто не слышит. Спасибо тебе, Хильзе, приютила, дом у тебя хороший, и ты хорошая. Ах, всё хорошо.

Вошла, лениво сняла сумку и бросила прямо на пол, чуть неуклюже стянула кнемиды. Вздохнула, вошла в прихожую через проём без дверей. Широкие двери внутреннего двора, оказалось, раздвинуты настежь. По свету лампы Миланэ поняла, что там кто-то есть; а потом услышала тихий разговор.

Предупредительно потрясла браслетом на левой руке, на всякий случай, чтобы означиться. Он хорошо звенит, на нём есть такие приплетённые звенящие штучки. Нарочито медленно вошла во небольшой прямоугольный дворик, со всех сторон огороженный плетёным заборчиком. Как оказалось, не зря. Хильзе вместе с каким-то статным, высоким львом в подпоясанной тёмной тунике (такую никогда не оденет воин) лениво возлежала на огромной скамье-качалке. Прямо на табурете перед ними стоял сосуд с вином; один из дорогих серебряных кубков валялся возле его лапы на скамье, а второй Хильзе держала в руках, но казалось, что вот-вот упустит. Лев курил трубку с длинным мундштуком и маслянистыми глазами поглядел на Миланэ; в его глазах не зажглось любопытство.

— О, Милани пришла! Иди к нам, милая... Хочешь? — протянула она кубок дисциплине Сидны.

— Я пришла, сестра. Прости, очень устала. Не буду мешать.

Лев пустил струйку дыма.

Хильзе хмельно засмеялась, вздёрнув хвостом. Высокая, тёмно-золотого окраса, с тёмными полосками на мордочке, маленькими ушками. Ровные белые зубки, белый летний пласис свисает к земле.

— Хорошо, сестра, — взмахнула Хильзе рукой в воздухе.

— Красивой ночи. Пойду ко сну.

Миланэ, желая красивой ночи, совершила довольно сложный жест. Левая рука скользит от середины живота до внутренней стороны бедра, а правая — по шее, потом вверх к затылку и, в конце концов, выглядывает из-за левого уха; левая рука убирается прочь за спину, а правая находится сверху ещё некоторое время, выражая незащищённость, а потом с поглаживанием шеи соскальзывает вниз. Жест этот достоверно различают лишь Ашаи-Китрах, он не предназначается обычным львам и львицам; гамма значений у него огромная, очень аморфная; обобщённо он утверждает начало самки, намекает на львицу и всё с нею связанное, в данном случае — на красоту. И бессонную ночь. Главное, подать его неброско, мимоходом, превратить в стечение случайностей, а иначе он выглядит весьма наигранно и пошло.

— Красивой ночи, — повторила Хильзе, тронув бок льва когтями лапы.

Тот поднял брови, улыбнулся, посмотрел на неё, а потом на Миланэ, и ничего не сказал, а лишь снова пустил дым из трубки, ни на что не решаясь.

Пришла пора и отдых знать; вошла Миланэ в дом, осмотрелась в темноте, давая себе время на раздумья, бесцельно осматривая тьму углов. Осторожно открыла дверь

в комнату, что предоставила ей Хильзе; возле неё, этой двери, грузно стоял большой, старый комод; и она снова о него ударилась, в точь как сегодня утром.

— Ай! — потёрла лапу и вздохнула.

Закрывает дверь и оперлась о неё, откинув голову назад и так разглядывая своё пристанище.

Она хорошая, Хильзе, с непростым характером, но искренне-добрым сердцем. Старше неё на три года, уже два года как прошла Приятие; тем не менее, они сдружились ещё в Сидне, несмотря на довольно большую для учениц разницу в возрасте. Живет Хильзе здесь сама, детей нет, хотя она всё говорит, что не против; несколько раз в неделю сюда приходит старая львица, в качестве услуги-горничной, получая за это плату. Вот, в принципе, всё, что Миланэ знает о жизни подруги в Марне: Хильзе не особо любит о себе рассказывать, и никогда не любила.

Стам, сирну, сумку — на маленький столик с узорчатой скатертью у окна. Из сумки: кошель, шоколад в бумаге, старые комментарии, два платка, катушка ниток с иголками, пилка для когтей и ещё немного всякой мелочи. Всё оттуда вытряхнуть, Миланэ почему-то не любит, если что остаётся в сумках на ночь: всё раскладывает по полкам, столам, тумбам, ящикам. Снять пояс. Браслет, серьги. Кольцо остаётся, оно всегда надето. Сбросила дорожное одеяние — свиру, кинула её на постель. Осталась в короткой нательной рубаше — шемизе, сбросила и её; плотнее затянула занавески на окнах, хотя они и так были хорошо прикрыты. Старый страх, уже угасший, но всё равно живой: что кто-то подсматривает за нею с улицы. Родом с отрочества, случилась с нею однажды одна неприятная история. Поэтому Миланэ не очень любит первые этажи, но тут уж ничего не поделаешь.

Вытянула из шкафа длинную ночную рубашу. Хорошо. Прохладно. Взмахнула хвостом. Помыться бы, да неудобно. Хильзе там со львом, а сегодня зной, а сегодня Ночь Героев. Неприлично мешать, она и так — гостья.

Ах, ладно.

На столике — глиняный кувшинчик забавных форм. Интересно, что там, раньше он здесь не стоял. В нём что? В нём — вода. Теплая от дневной жары и ночного зноя, но всё равно как нельзя кстати. Кружки нет, потому можно и так, прямо с него, никто ж не смотрит — все мы естественны наедине с собою.

Села на постель, отбросив покрывало.

«Или нет?», — подумала Миланэ, чувствуя, как струйки воды стекают по подбородку. — «Или лжём мы себе?»

Устало поместила кувшинчик обратно, разлеглась на постели, вытянула руки, лапы, свесила хвост к полу. Приложила руку ко лбу, прикрыла глаза.

«Сегодня день непростой. Я пришла лишь положить эти комментарии кстати почти ничего в них не изменилось но судьба расположила так надо же Ирмайны не было и того библиотечного, как там его, ах да, Хал, и печать не на той стороне и как же всё-таки совпало со «Снохождением» а ведь раньше я не обращала внимание на совпадения или обращала... Обращала внимание... Внимание. Внимание, взгляд. Оружие Ашаи. Взгляд. О чём это я ах да погибшая ученица на Востоке имела его и теперь я его тоже увидела, а в Малиэль чувствуется искренняя душа только вот что же она хотела сказать что имела в виду писала о мирах древе миров, почему именно древо ведь деревья были такие красивые в саду дома матери фруктовые деревья мы собирали яблоки апельсины и хурму а потом ели мать ругала что едим незрелые мама нужно ей написать как там она и брат и сестрёнка она гордится мной конечно

гордится но я не подаю виду и никогда не подавала. Хммм... «Снохождение», сквозь сон ты учишься чувствовать Ваала а можешь даже увидеть, так учат. Но я не видела никогда не видела чувствовала только странное присутствие или это я себе выдумала и никогда не слышала голосов Ваал не говорит со мной да и как со мною он может говорить если он лишь сущность сотворенная тысячами тысяч умов, скажем так скажем прямо эссенция духа или всё же нет попробуй тут пойми... Пойми, понять, понимать это наше дело, дело Ашаи-Китрах, но я ничего не понимаю. Малиэль мне сказала написала что нужно сначала во снах действовать а потом и начнётся снохождение истинное я конечно во снах пробуждалась но мне кажется она верно отметила что поначалу тебя окружают только страхи и миражи сознания в этом самом снохождении а уже потом когда приучишься наловчишься сможешь выходить из тела бродить по этому миру да другим мирам по этому миру во сне можно ходить конечно мне это рассказывала хвалилась Айни что она вылетела из тела смотрела на себя на комнату что это даровал ей Ваал ха-ха глупышка а наряды у неё ой мама когда ж я смогу купить себе такой пласис как у неё да никогда где такие деньжищи...».

Стук в дверь и сразу же кто-то, глубоко выдохнув, вошёл.

Миланэ медленно убрала руку со лба. Это была Хильзе, и в одной руке у неё был светильник со свечой, во второй — какой-то сосуд.

— Ты ещё не спишь? — спросила Хильзе, упёршись локтем о дверь. От её веса дверь поддалась и левиза чуть не упала.

— Ещё нет, — привстала Миланэ.

— Славно, сестра... Прости, я так, спросить. Тихих снов.

Миланэ поймала, что подруге вовсе не хочется уходить и закрывать дверь. Слова иногда не выражают истинного смысла; скорее, даже наоборот.

— погоди, Хильзе. Не уходи.

Что сестра-Ашаи и сделала. Неровной походкой она подошла к окну, поставила светильник и уюстилась на небольшом диванчике, прямо напротив кровати Миланэ.

— Где?.. Этот... — не зная имени льва, Миланэ смутилась. Она даже не слышала, как он ушёл.

— Трусливая душа. Не хочю о нём говорить. Лишь болтать способен.

— Жаль.

Неосторожный взмах руки — графинчик, из которого пила Миланэ, полетел к полу и громко разбился в прах.

— Ого... Вот даже как, — сказала Миланэ, вставая, чтобы убрать осколки.

— Даже так, — ответила Хильзе. — А как же: такой день — и быть чистой? В Ночь Героев можно. Не всё в строгости жить. Конечно, в простые дни — вот так, — смиренно и стыдливо сложила руки Хильзе. — И так, — показала она, как в ступке размечают травы. — Или ещё как. А сегодня — вот так.

«Она больше притворяется, чем действительно выпила».

Все притворяются.

— Да не убирай, не надо, — остановила Хильзе заботы Миланэ. Пошаркав лапой, она убрала осколки под свой же диванчик.

— Эм, — удивлённый взгляд Миланэ.

— Потом уберемся. Ночь не для того, — уверенно сказала сестра-Ашаи.

Как скажешь, сестра.

— Ты притворяешься? — вдруг спросила Миланэ, возлѣгши обратно на кровать.

Ей хочется быть пьяной. Хочет уйти от себя Хильзе, да куда.

— Да. Пожалуй. Что-то не очень это вино... Не берёт, — как-то удивлённо взглянула Хильзе на сосуд в руке. — Весь вечер испортил, сволочь.

— Кто?

— Да вон тот, — взмахнула рукой на окно сестра-Ашай, а потом встала и подошла к нему. — Что ушёл. Таких за смертью посылать надо — столь глупые. Ничего не понимают. Или не хотят.

— Ты его давно знаешь? Кто он? — поинтересовалась Миланэ.

— Знала. Знать больше не хочу. Давай о чем другом, — села сестра-Ашай на высокий подоконник.

И что же, чем её занять, о чем поболтать, немного и ненавязчиво, чтобы ей стало легче на душе, и можно было спокойно уснуть, а перед тем сном немножко подумать, и...

— Скромняжка, чтоб его... — Хильзе таки не могла успокоиться.

— Во скромности нет порока, — отточенным, чуть кротким тоном молвила Миланэ, взмахнув хвостом.

— Что за жизнь без порока? — в той же манере, только более настойчивой, ответила Хильзе.

— Верно, тогда скажу: от неё нет вреда.

— Скромность — кратчайший путь к неизвестности, — Хильзе туманно поглядела ей глаза в глаза.

— Когда есть, чем гордиться, можно себе её позволить.

— А если нечем?

— Тогда это предпочтительно.

— Хм... — улыбнулась Хильзе, поняв, что она побеждена в маленьком поединке словесности.

Кто-то закричал, чей-то визг, что-то разбилось. Сестра-Ашай поморщилась, тронула когтем серьгу и посмотрела на Миланэ, что улеглась обратно на кровать и глядела в потолок, разделенный надвое большой деревянной балкой.

Взгляды встретились.

— Выпьешь всё-таки? — предложила Хильзе, чуть подмигнув.

— Нет, спасибо. Мне хватит, я уже успела сегодня.

— Так расскажи мне о своём дне, — растеклась Хильзе на подоконнике с бессилием самки. — Наверное, он был насыщенным.

Огненно-лунный силуэт Хильзе возле окна: огонь огней улицы, что празднует шумом и светом Ночь Героев, сень почти полной луны.

— О, мой Ваал. Прости меня, глупую, несведущую, невидящую, — спохватилась сестра, быстро соскочив с подоконника. — Ты хочешь есть! А я тебя пытаю разговором. Отчего молчишь?

И, не спрашивая больше, схватила её за руку.

— Ой, Хильзе, да я не одета, на мне только...

— Да пошли, говорю тебе. Никого здесь нет и больше сегодня не будет.

Миланэ усадили в столовой, за длинный стол, да приказали сидеть. Сестра-Ашай ушла на кухню.

— Так как в библиотеке всё прошло? Ты, считай, целый день была. Долго ждала? — спросила она оттуда.

— Нет. Я зашла — а там пусто. Почти никого.

— Праздник, — вошла Хильзе, ухмыляясь. — Праздник... Вот, попей молока. Сыр. Молоко свежее. Я бы приготовила чего, да долго, и угли потухли.

— Спасибо.

Миланэ чувствовала себя весьма незащищённо в одной ночной рубашке, здесь, посреди столовой; как ни сядь, всё равно никак не получится с приличием — что свести лапы вместе, что закинуть лапу за лапу; ей казалось, что в неё жадным взором впелись десятки глаз самцов, и не такой уж далёкий ночной шум праздника напоминал о жизни. Ей вдруг причудливо показалось, что она находится на некоей тёмной церемонии, вокруг безумие, и она — нагая, пьёт напиток вожделения, и она позволила себе с тёплым томлением то, что весьма любила делать, но позволялось это лишь наедине с собою: упиваясь молоком из кувшина, она пропустила струйки мимо рта, и они потекли по подбородку, каплями запятнали одеяние и стол.

Хильзе без удивления наблюдала за нею, сидя на стуле и облокотившись о его спинку.

Ученица вздохнула после жадно-страстного питья, хищно утёрлась и растёрла остатки молока по рукам. На её родине подобная манера пить характерна для львиц, как юных, так старых; конечно, при всех так не делают, это считается интимным ритуалом, что символизирует щедрость и плодовитость самки. Также это прямой намёк для льва, если львица пьёт при нём в такой манере. Миланэ помнит, как мать постоянно, раз-два в неделю, выходила утром вот так из дому, в одной шемизе и юбке без пояса, шла за дом, в сад, и вот так пила молоко, вино или медовую воду, чтобы проливалось и по ней, и на землю. Всегда говорила, что это «на достаток». На её южной родине, Андари, без пояса замужние львицы на улицу не выходят, но для этого утреннего ритуала существовало общепринятое исключение.

Да, ещё считается, что молоко хорошо влияет на шерсть и кожу.

«Хотя я читала где-то в каком-то медицинском трактате, что молоко вообще взрослым вредно», — подумалось Миланэ.

— И что дальше? — спросила Хильзе наконец.

— Сначала меня отвели к Особому залу, Седьмому, как они его называют, — вдохнула воздух. — Там пришлось немного подождать на старшую Ваалу-Ирмайну, без неё нельзя получить доступ даже с застампованным поручением из Сидны. Знаешь её, Ирмайну?

— Знаю, но так, плохо, — неопределённо покачала рукой Хильзе.

— Потом меня завели в зал, я по каталогу нашла все книги, положила комментарии, старые забрала. Там книга такая была, «Снохождение», она оказалась в таком небольшом ящике. Вскрыла ящик, просмотрела её. Знаешь, такая... необычная вещь...

— Погоди... А как ты могла книгу просматривать? — сощурился глаз, спросила Хильзе.

Миланэ не то что бы испугалась или начала переживать, но уже чуть пожалела, что начала об этом говорить. На самом деле это весьма опасный, сокровенный, даже слегка отступнический опыт. И, как выясняется, Хильзе не только внимательно её слушает, но вполне себе представляет внутренние правила библиотеки.

— Так в том-то и дело. Печать почти на всех ящичках была поставлена как надо, посередине боковой стенки, а там... А у ящика «Снохождения» да ещё нескольких — наверху, у верхней крышки. Кто-то или ошибся или очень спешил. Но я это лишь потом выяснила, а тогда думала, что имею право печать сорвать. Ну, и сорвала.

Потом увидела упущение, но было поздно. Если честно, то думала, что меня накажут, но Ирмайна потом сказала, что я не виновата, а повинен тот, кто ставил печати. Пожурила, но чуть-чуть...

Некоторое время Ваалу-Хильзе сосредоточенно нечто обдумывала.

— Так Ирмайны рядом не было, когда ты вскрывала? — она встала и зажгла от одной одинокой свечи, взятой со стола, ещё несколько свечек на полке.

— Нет. Она куда-то очень торопилась и оставила меня одну.

— И никого из служителей не было?

— Один, Хал его звали, но Ирмайна его потом забрала за собой... Да, к грандмастеру библиотеки, кажется.

Одну из свечей Хильзе поставила перед собою; свет падал на её лицо снизу вверх, отчего она обрела тайну облика и силу взгляда. Вообще, у неё вовсе не самый сильный взгляд, конечно, но, самое главное — он есть.

— Если честно, то ты совершила тот ещё проступок, — медленно вертела она свечу в руках, и Миланэ наблюдала за этим. — Книги в ящиках — книги первой группы. Ты, когда в приёмной расписывалась и стамповала документ — а так и было — ты строжайше клялась не трогать тех фондов, на которые у тебя нет разрешения. А особо из первой группы, что пропечатаны сургучом.

Миланэ опечалилась, уши прижались. Всё верно, так и есть.

— Не пойми меня превратно, — продолжала Хильзе. — Для меня всё — чепуха. Просто если бы Ирмайна увидела то, что ты листаешь книгу из ящика без разрешения... Понимаешь, что это значит для ученицы?

— Что? — подняла взгляд Миланэ.

— Есть целый библиотечный кодекс, — вздохнула Ваалу-Хильзе и, сняв свой амулет Ваала, зажала его в левой руке. — Я полгода провела в библиотеке Марны, знаю, что говорю. Чтение книг из Особого зала, неважно какой категории, приравнивается к распространению ересей и отступничества. Проклятье, простому хвосту за это прокуратор дал бы года три каторжных работ, — рассматривала она собственный амулет. — А тебе, ученице у Приятия, нужно вообще быть чище воздуха, иначе — сама знаешь. Любая глупость может бросить на тебя тень. О мой Ваал, ты так глупо рисковала!

— Я не думаю, что она узнает... Книга вложена обратно в ящик, ящик снова опечатан. И положен на стеллаж... — убеждала и себя, и её Миланэ. — Откуда ей знать?

— Да, верно. Это хорошо. Просто я как раз и говорю о том, что могло... Ах, ладно. Ваал помог тебе, Милани. Никто этого не видел, на том и закончим.

— Да. Да.

«Она, конечно же, права. Что на меня тогда нашло?».

Хильзе встала и забрала котёл на кухню; длинные шлейфы рукавов её пласиса тихо взметнулись в тишине. «Это так неудобно, наверное», — подумала Миланэ. — «Подавать подруге еду прямо в выходном пласисе. Кормить меня среди ночи».

— Что это за книга? Что в ней было? — прозвучал её голос из кухни.

— Та, которую я посмела посмотреть? — чуть помедлив, ответила Миланэ, бесцельно дотрагиваясь когтем к краешку стола, постукивая им, проводя невидимые, ровные линии. — «Снохождение». Малиэль Млиссарской.

Хильзе вернулась; она села возле окна, прямо на большом сундуке, довольно далеко от Миланэ.

— «Снохождение»? Наверное, что-то о сновидении. Никогда не была сильна в

нём, — вздохнула она. — Ничего я там не видела. Познать его дано не всем Ашаи. Не зря же есть Вестающие, а есть мы. Знаешь, скажу: не знаю, как кто, но я услышала Ваала только перед Приятием. А лишь на третьем испытании я его увидела...

— Пожалуйста, не надо. Мне нельзя знать, — Миланэ попыталась защититься ладонью от сего знания.

— Да не беспокойся, тебе уже можно. Ты совсем близко. Ничего особенного в третьем испытании нет, так что бояться его стоит меньше всего.

Ученицы всю жизнь готовятся к Приятию: серии из трёх испытаний, успешность прохождения которых и решает, станет ли ученица частью сестринства Ашаи-Китрах. Приятие, как правило, проводится за пять-шесть лет после Совершеннолетия, реже — четыре либо семь. Четверть века — максимальный срок; та львица, которая встретила свои двадцать пять лет, не будучи сестрой-Ашаи, никогда уже ею не станет. Приятие состоит из трёх испытаний: проверки самых различных навыков, что нужны Ашаи-Китрах; «ночного одиночества», суть которого заключается в целой ночи раздумий о том, хочет ли ученица встать на путь служения Ваалу; и «встречи с Ваалом», которая заключается в принятии большой дозы сомы — особой наркотической смеси. Последовательность строгая, испытания не могут меняться местами.

О третьем испытании и его переживаниях сёстрам-Ашаи рассказывать ученицам строжайше запрещено.

— Да... Но не надо, — тихо молвила Миланэ, хотя и страшно хотелось узнать. — Давай не будем нарушать обеты.

Хильзе улыбнулась.

— А вообще... Думаю, догадываешься, что тебя вовсе не отправили поглазеть на Марнскую библиотеку и всунуть в пыльный ящик эти дурацкие комментарии. Думаю, наставницы намекают, что после Приятия ты можешь поехать к нам в Марну.

— Думаешь?

— Не уверена, — развела руками Хильзе, — но такое чувство. Они тебя не послали просто так, я в это не верю. Засунуть эти комментарии могли поручить ученице на года три младше тебя. Думаю... Если ты приедешь к нам, то я помогу устроиться на первых порах, а там посмотрим. Здесь много возможностей. Так что мы должны использовать эти два дня.

Мило улыбнувшись, Миланэ сжала руки и смотрела на свечу.

Огонь свечи пленит.

— Слушай, а давай озадачим Тиамат вопросом? Спросим, с какой целью тебя отправили в столицу? — оживилась Хильзе.

Миланэ махнула ладонью:

— Что ты, право, не надо... пустяки.

— Да ладно, давай узнаем, интересно же!

Посомневавшись, дочь Андарики спросила:

— А с тобою что лучше всего говорит?

— Карты. С юности так было. А что с тобой? Никогда не видела тебя за мантикой.

«Удивительно. Хильзе никогда не видела меня за мантикой?»

— Карра-Аррам.

— Знаки с собой?

— Нет, в Сидне оставила.

— Вот это плохо. Хорошая мантисса всегда берёт то, что с нею говорит.

— Да я никогда не была хорошей мантиссой, — бессовестно соврала Миланэ.

— Сейчас приду...

Упорхнула Хильзе прочь от стола, в свою комнату. Лёгкий взмах рук, изящность длинных лап. Пользуется успехом у львов. А что я, что же я, вижу лишь Сидну, сестёр, учёбу, знание, ах Ваал, и больше ни... Стой. Погоди. Не о том. О чём думаешь? О Ваал, неужели она права, неужели в Марну после дисциплинария? Столица, горожане, улицы, ужины, пиры, император, своя жизнь, свои правила. И где я среди всего этого?

— Вот, — Хильзе положила на стол небольшой кожаный мешочек, сшитый очень грубыми стежками. Убрала молоко и сыр, протерла стол, взяла одну из свечей из полки, поставила по центру.

— Ты не смотри, что она такая новая, — молвила, вытягивая из мешочка карты. — В смысле, колода новая. Старую я утопила в болоте. До сих пор жалею.

— Утопила в болоте? Но как это произошло?

— Да это так, долгая история...

— Расскажи, Хильзе.

— После Сидны я не сразу попала в Марну. Перед Приятием, — тасовала она колоду, — ко мне подошла одна из сестрин Круга Трёх... Забыла её имя. Она задала только один вопрос: умею ли я управляться с лошадьми и фирранами. А я, дура, ответила: «да». У нас ведь в Юниане раньше в седло садишься, чем учишься на своих двоих ходить. Хах... Я только потом всё поняла.

Молчаливый вопрос в глазах Миланэ. Хильзе стукнула колодой о стол и продолжила тасовать:

— Короче говоря, Приятие у меня было быстрым и... каким-то торопливым что ли. Такой у меня остался осадок. После него, прямо на следующий день, меня вызвали в Админу и сообщили, что для меня есть назначение в Регнаре. В общем, я собрала свои нехитрые пожитки и поехала с этой... короче, с ними, там было две сестрины и ещё много всяких хвостов... В Регнаре выяснилось, что меня хотят видеть в местном штабе Легаты. А уже оттуда я, буквально за полчаса, шла в форт Дассалугай. Точнее, ехала верхом.

— Форт Дассалугай?

— Северо-восточная граница, двадцать льенов от ближайшего маленького городка Гольци, — Хильзе подняла небольшой кулак победы в воздух, сжав карты. — И хуторки среди болот. Мечты сбываются!

— Ты... и на северо-восточной границе?

— Прямо на контрабандных тропах наших любимых северных соседей. Пограничный форт. Короче говоря, форт этот на высоте стоял, на такой скале, высотой шагов пятьдесят, у самой границы. Центр для нескольких застав. Они идут так, знаешь, справа и слева... по границе, эти заставы. Самая дальняя — двенадцать льенов... Вот. Две старые кухарки, старик-кузнец. Сорок воинов, два дренгира, командир форта. И я, молодая Ашаи-Китрах после дисциплинария. Отличная компания. Одухотворение форта. Видящая Ваала среди каменных стен.

— О, Хильзе...

— Да я тебя прошу, всё было не так ужасно. Иногда даже весело. Я сначала к ним привыкала... а потом привыкла. Они славные парни. Конечно, глазами жрали. Никак к этому не могла привыкнуть первую луну. А потом... Ничего. Свыклось. Я старалась их как-то отвлечь, расслабить. Я ведь не каменная, мне их жалко на самом деле.

Да и себя тоже. В первой же поездке в Регнар купила за последние гроши лютню, хотя я на лютнях всегда неважно играла, вообще струнные — не моё. Но это всё, на что тогда хватило империалов. Брякала им, что помнила, пела по вечерам. Болтали ни о чём... Ты ведь была на Востоке, Миланэ?

Хильзе могла и не спрашивать, она всё помнила.

— Да, четыре луны, — кивнула дисциплина.

— Тогда ты приоткрыла иную сторону жизни, — вздохнула Хильзе. — Так что какой из этого можно сделать вывод, хм? Не говори лишнего, не делай глупостей, не будь дурой — не говори кому попало «да». Как вот я.

Миланэ обняла её пальцы своей ладонью. А второй прикрыла сверху.

Свеча догорала.

Ещё разок стасовав карты, Хильзе молвила:

— Видящая Ваала — для слышащей Ваала.

Она сделала небольшую, но ощутимую заминку перед «слышащей».

Протянула колоду для Миланэ, и та без слов знает, что делать: немного сдвинула её левой рукой, и сразу Хильзе верхнюю стопку подложила под низ колоды. Из самого низа вытянула карту и довольно резким движением поставила на стол.

Обе Ашай — сестра и ученица — склонились к ней.

Миланэ молчит, она в картах не сильна, да и вопрошает Хильзе, а потому говорить — только ей.

Хильзе молчала довольно долго.

— Сикстима, — наконец указала она на изображённую на карте луну, которая в мантике имеет две ипостаси: Луану и Сикстиму. — Я тебе сразу говорю, что послали тебя сюда с задней мыслью. Ты... я не знаю, может тебе и дали какое-то тайное поручение. На то оно и тайное, чтобы я не знала, верно?

— Не давали мне никакого тайного поручения, честно. Просто приехать сюда и положить комментарии.

Хильзе снова надолго замолчала.

— Тебя не за этим послали. Они, эти комментарии — дело десятое. Тебя направили сюда с чем-то очень важным. Действительно непростым. С чем-то тайным, с тайной. Это... Это, возможно, испытание. Которое, учитывая твои же слова оключениях в библиотеке, ты провалила. Но нет, нет... Погоди. Если бы оно заключалось в том, чтобы ты не нарушала правила библиотеки, то тебя сразу бы там взяли с поличным. А ты уже здесь, книга опечатана... Станок на выходе ставила? В такой большой книге, как вначале?

— Да.

— Это книга выхода из Седьмого зала. Она застампована тобой, подписана смотрителем, к тебе претензий уже быть не может. Нет-нет, что я плету, это слишком мелко: ловить ученицу на пороге Приятия на такой чепухе, как чтение одной запрещённой книжки... Знаешь, перед Приятием любят всякие испытания делать. Но это не оно, не то... О Ваал, я так близко, но не могу ясно увидеть!

Хильзе убрала карту в колоду, а её рывком бросила в кожаный чехол.

— Проклятье!

— Ладно, Хильзи, прости. Это неважно. В чем бы всё ни заключалось: в библиотеке, в заведении знакомств, в особых заданиях, что неведомы мне — уже пора спать, а то завтра — или уже сегодня — будет новый день.

— Да, кстати, меня не будет с утра до вечера, я тебе ключи оставляю... — зевнула

Хильзе.

— Хорошо. Тогда отойду ко сну, если ты не против.

Хильзе устало и томно потянулась.

— Что за день... Что за ночь...

Она только успела встать, как тут постучали во входную дверь дома.

Глава IV

Чуть сощурив маленькие глазки, с. с. Ваалу-Ирмайна, воспитанница Айнансгарда, крови провинции Амастилаар, сорок шесть лет от роду, находясь в огромной приёмной Марнской библиотеки, провожала взглядом уходящую Ваалу-Миланэ, Сидны дисциплину. Когда двери за нею со стуком закрылись, Ирмайна резко обернулась. Всколыхнулись две длинных тесьмы, приделанные сзади к широкому поясу.

— Покажи мне журнал на Особый зал.

Мастер-смотритель посмотрел на неё поверх очков, потом обстоятельно и неспешно открыл один из ящиков, поставил перед нею этот самый журнал.

«Размещение комментариев... Ваалу-Миланэ-Белсарра... Поручение от сестринства Сидны...».

Как и полагается, были стамп с подписью.

В дисциплине Ирмайна, тогда ещё тихая, неприлично скромная для Ашаи львица, осторожная с подругами, немного заискивающая перед наставницами, увлеклась каллиграфией. Побочный, но оттого не менее серьёзный интерес она питала к видению характера и склонностей через почерк и знаки, будь-то буквы, цифры, просто каракули, рисунки и прочее. С той поры много воды утекло, Ирмайна больше не имела ни времени, ни желания на всяческие изыскания, а тем более на каллиграфические, но старые навыки никуда не делись.

Зашёл посетитель, и мастер отвлекся на него.

Подпись ужата в графу, но размашистость не скроешь. Любит порядок, но так, внешне, без педантизма. Незлобный характер, даже мягкий, уступчивый. Типичный стамп, так характерный для юной львицы, полный наивного романтизма; рисунок штампа на протяжении жизни изменить невозможно, при утрате всё делается по прежнему клише, а потому наставницы вместе с опытными художниками иногда помогают ученицам перед Совершеннолетием создать красивый и достойный эскиз, который не будет смотреться глупо ни через двадцать, ни через пятьдесят лет. Конечно, такое — не для всех, ведь вообще-то сталлам запрещено помогать с эскизами собственных стампов. Здесь же абсолютно очевидно, что она создавала эскиз самостоятельно, как и должно быть, согласно формальности, из чего можно заключить: она явно не на особом счету у наставниц Сидны; по крайней мере, не была тогда, несколько лет назад.

Ирмайна вздохнула.

В своё время подруги с насмешкой относились к её необычному интересу к почерку; у наставниц это тоже не находило доброго отклика. «Вернее смотреть кому-то в глаза или спрашивать мантикой» — так говорили все, сомневаясь.

Ну-ну.

Она уже не сомневалась, что всё вышло так, как задумывалось.

— Где Хал? — захлопнула Ирмайна журнал.

— Я здесь, — выглянуло испуганно-удивленное лицо из каморки.

Ирмайна уже быстрым шагом успела шагнуть в коридор; её голос звонко прозвучал из-за угла:

— Иди за мной. И ключи возьми.

Через две минуты они вошли в Зал Особой литературы.

— Можешь идти, — махнула она рукой, не глядя, и тот тихо прикрыл дверь. — Хотя нет, постой. Возьми каталог и жди.

Тот вернулся и подошёл к стойке с каталогом.

Так, что там из первой группы... Вот: Малиэль, «Снохождение».

Миг — и ящик с книгой уже в цепких руках Ваалу-Ирмайны. Поднесла ящик к свету окна, открыв верхнюю крышку. Комментарии жёстко и безжалостно бросила прямо на подоконник. Ничего себе — сразу такая удача! Так и есть: еле заметные восковые следы на перегородке разрушены. Значит, перегородку сдвигали.

Ирмайна усмехнулась.

Но это ещё ничего не доказывает. Открыв крышку, Ирмайна без особых церемоний вытащила «Снохождение» и осмотрела крошечную восковую полоску, которая проходила по верхнему краю ребра книги вдоль всех страниц, почти у корешка. Книга закрыта — она не нарушится. Книга откроется — полоска рассыплется.

Конечно же, полоска была полностью разрушена, а значит, просматривали все или почти все страницы.

На миг она даже пожалела Миланэ, хотя не в её привычке кого-либо жалеть. Падающего толкни, утопающий спасётся сам. А ещё подумала, что подруга Леенайни, она же старшая сестра Ваалу-Леенайни, *амарах* дисциплинария Сидны, не только любит весьма изощрённые и откровенно странные методы проверки, но и не лишена некоего чёрного, блудного чувства юмора.

Скептически вздохнула. Несчастливая дисциплинарица из любопытства лишь немного посмотрела на глупую книжонку.

«Тоже мне предлог», — закрыла она ящик. — «Не так вы смотрите, не так, не на том проверяете. Ну, Леенайни, дело ваше, наставническое. Стройте себе, что хотите».

Для порядка проверила и остальные книги, к которым имела доступ Миланэ, хотя вполне хватало и этого «Снохождения». Но кажется, Миланэ рискнула просмотреть только его.

— Видишь, показываю: неправильно опечатали, — молвила Ирмайна, не поворачиваясь. — Так не должно быть. Хорошо, что Ваалу-Миланэ меня сразу предупредила.

— Ага... Действительно. Но как так? — подошёл Хал, щурясь от света и разглядывая остатки сургучной печати на ящичке. — Кто его опечатывал в прошлый раз? Я не знаю.

Да откуда ж тебе знать. И никто не знает. Дело нехитрое, сама сделала.

— И я хотела бы знать, Хал. И я хотела бы знать. Ладно, возьми сургуча, сделаем как надо.

Дело сделано, всё как просили.

Просьба исполнена.

Глава V

Миланэ вздрогнула, Хильзе обернулась на стуле, нахмурившись и прижав уши.

— Там вроде стучали... — коготь Миланэ указал на небольшую, крепкую дверь. Основательный засов, фигурные полосы железа: предыдущие жильцы очень боялись ограбления, хотя этот Марны район — не самый плохой.

— Стучали, — подтвердила подруга.

Тишина. Хильзе встала, расправила складки пласиса, увидела пятно на шлейфе рукава и вздохнула от досады.

Постучали ещё раз, негромко, несмело.

— Пойду гляну, кого нелёгкая принесла.

— Ой, погоди-погоди, Хильзи, я в комнату. Неприлично! — Миланэ не очень хотела предстать перед неизвестными гостями в одной ночнушке.

— Да ладно, — сестра-Ашаи шла к дверям. — Наверное, кто-то наакался и не в ту дверь стучится.

— Ну прошу, погоди.

Засов уже лязгнул, и Миланэ поняла, что не успевает незаметно прошмыгнуть к своей комнате. Потому она просто выбежала через задний выход во внутренний дворик. Понятно, что незваные гости вряд ли сразу пойдут в столовую или даже в гостиную, но предстать перед ними в ночном одеянии ученица не могла. Вбежав в дворик, Миланэ остановилась, потом сделала несколько шагов по прохладным камушкам. Вот глупость. Надо было в комнату бежать: вдруг гости надолго? Мало ли кто может придти к Хильзе.

Села на скамью-качалку, поджав под себя лапы и обвившись хвостом.

Где-то вдалеке раздался жалкий звук бьющегося стекла — праздник в самом разгаре. Уши наострились, чувство обострилось. Посмотрела вверх: густая листва дерева, что растёт рядом, в трёх шагах, скрывает звёзды в бесконечности неба, мешает видеть луну, Дочь Ночи, ночное светило, с двумя ипостасями: Луаной и Сикстимой. Луану мы видим всегда, Сикстиму — тёмную сторону — никогда.

Постаралась прислушаться к разговору в доме, ведь что-то там говорят.

А ведь Хильзе права. Ой, как права. Ваал мой, как хорошо, что Ирмайна ничего не заметила, никто ничего не заметил. Как славно. Нет, чтобы спокойно утолить любопытство, и просто на миг взглянуть. Сидела целый час и читала-читала-читала, переворачивала, пропускала, возвращалась, разглядывала рисованное древо миров, хотела даже его по-быстрому перерисовать, да нечем было.

— Эй, Милани.

Она встрепенулась.

— Да? А кто там? Кто пришёл? — наострила ушки.

Ваалу-Хильзе подошла ближе и приложила ладонь к глазам; потом она потёрла нос и даже пальцами сжала его, словно желая очнуться. Уши её были чуть прижаты, а кончик хвоста нервно дёргался.

— Какой-то лев, из Нижнего Города. Сегодня утром у его сестры умер супруг, и он, по его словам, уже полдня и полночи ищет Ашаи, которая могла бы провести обряд сожжения.

Она ударила ладонью в стену, глядя вниз.

— Что-то мне подсказывает, что насчёт полдня и полночи он не врёт.

— О... И что, он правда никого не нашёл? — склонила Миланэ голову набок.

— Проклятье, это ведь Марна. Здесь без звона имперялов никто и хвостом не пошевелит, — взгляд Хильзе был на удивление беззащитным и растерянным. — Он сказал, что нашёл меня по совету какой-то старой львицы на улице. Говорит, что отчаявшись, шёл и шёл, просто спрашивая, где здесь можно найти Ашаи-Китрах. Надеюсь, что найдёт хоть какую-то из странствующих на Марнской дороге.

— Надо помочь, Хильзи, — кивнула Миланэ.

Конечно, надо.

Та в какой-то ужасной беспомощности всплеснула руками; казалось, умер кто-то из её рода.

— Я бы сделала это, я бы пошла. Но не могу, — оправдывалась перед Миланэ. — На рассвете должна уехать в одну деревушку недалеко от Марны, очень надо. Боюсь, что опоздаю, если сейчас отправлюсь на это сожжение. А туда... Туда опоздать я не могу. Там... Долго рассказывать...

— Хильзе, я могу пойти. Вместо тебя, — предложила Миланэ без всякого сомнения.

— Не утруждайся, не надо. Ты устала, — подняла подруга ладони.

— Перестань, Хильзе. Можешь поручиться за меня, и всё. Ложись отдыхать, проснёшься с рассветом. У тебя осталось лишь полночи. Уже полночь... Где луна? Вон, смотри.

Хильзе взглянула вверх, а потом на подругу.

— Мансура у тебя есть? — Миланэ уверенно взяла дело в свои руки.

— Есть, — кивнула Хильзе, чуть подумав.

— Тогда пойду облачусь, а ты скажи льву, чтобы немножко подождал. Ты ведь ему не отказала? Он ещё тут, да?

— Да, тут. В прихожей.

Вдруг, полностью приняв предложение Миланэ, сестра-Ашаи сама взяла её за руку и вошла в дом да торопливо подвела к дверям комнаты.

— Одевайся, а я сейчас, — открыла дверь и оставила Миланэ саму.

Огонь вина полностью рассеялся.

Сквозь стены она уже хорошо слышала:

— Пусть лев присядет, прошу.

— Благодарю, досточтимая.

Даже отсюда слышно, как мягко и учтиво говорит Хильзе. Никакой отстранённости, никакой заносчивости. Нет этого обычного для молодых Ашаи «вы-знаете-я-особенная-я-такая-я-избранница-Ваала-потому-имейте-в-виду».

Но вот незадача. Ай, даже проклятье. Трижды. Миланэ растерянно оглянулась.

А в чём же пойдёшь ты, Миланэ-ученица?

Как только вошла Хильзе, она одновременно и требовательно, и виновато сказала:

— Хильзе, такое дело: нужен пласис.

— У тебя разве нет? — застыла сестра-Ашаи.

— Нет. Я не брала его в дорогу.

Немного подумав, Хильзе ответила:

— Возьми простую одежду.

— Нет, не пойду на сожжение в дорожной.

— Мой будет для тебя слишком длинным, — Хильзе тут же подошла к Миланэ и поравнялась с нею. — Любой из моих тебе не подойдёт.

Всякий пласис шьётся отдельно для каждой Ашаи, его невозможно купить в

лавке.

Миланэ поняла, что говорит глупости. Нет, так не пойдёт: Хильзе на полголовы выше неё. И носить чужой пласис, даже пласис хорошей подруги — весьма и весьма дурной тон, и опытный глаз сразу увидит плохую подгонку по фигуре и неправильную длину.

— Да ничего. Иди в дорожной. Это не претит, не в этом суть. Облачайся, — Хильзе помогала ей продеть серьги, которые Миланэ почему-то решила надеть первыми, — я принесу мансуру. Лев — его зовут Нрай — ждёт в прихожей.

— Киноварь есть? — деловито осведомилась Миланэ, одевая свиру.

— Должна быть.

Взяв в руки стамп подруги, Хильзе дотронулась когтями к щеке и наблюдала,

— Прости, Миланэ, что спрашиваю... Я помню, что с игнимарой у тебя всё даже слишком хорошо. А как с мансурой? Как вообще с траурным церемониалом? — спросила она.

В прихожей что-то упало с глухим стуком. И разбилось.

— О нет-нет-нет... — слышались стенания и неприличные слова.

Сухой, утомлённый, угасший голос.

Но Хильзе не обратила внимания и смотрела на Миланэ. Ученица пока не отвечала. Хильзе, воспринимая молчание как неуверенность, искала её взгляда; некоторые её сомнения понятны. Всякая ученица с ранних лет начинает открывать для себя всё, что должна знать и уметь сестра Ашай-Китрах. Но это «всё» включает столь много различных, зачастую совершенно не связанных друг с другом умений, что каждая из них должна что-то выбрать. Поэтому неудивительно: с некоторыми церемониями, умениями, искусствами Ашай может быть знакома лишь понаслышке.

— Я не подведу.

«Сколько раз это было? Сложно сосчитать...», — подумала Миланэ и сильным рывком затянула пояс. Туго. Ещё сильнее. — «Не беспокойся, сестра».

— Принесу мансуру и киноварь.

Неприятно влезать в одежду, которую совсем недавно спокойно отбросила прочь. Неприятно куда-то собираться среди ночи, чтобы сжечь незнакомое тело незнакомой души. Но Миланэ знает: таков удел Ашай.

Сирна — к поясу, сумка — надета. Готово.

Миланэ вышла из комнаты и столкнулась с Хильзе.

— Как я, нормально? — тихо спросила ученица о своём внешнем виде.

Как ведь неудобно, нехорошо идти на сожжение в дорожной одежде! Но что поделаешь.

— Всё отлично, — приврала Хильзе. — Держи.

Вот и мансура. Ритуальный духовой инструмент, который используется только Ашай-Китрах.

— Спасибо.

Они вышли в прихожую и застали ещё не старого, но уже утомленного жизнью льва за уборкой осколков вазы, которую он нечаянно опрокинул с комода.

— О, преподобная, будь я неладен, я не хотел этого...

— Ваал мой, да пусть лев забудет. Мелочи.

— О, прости мне видящая, пусть прости... — продолжал он ползать, выискивая осколки на полу.

Ваалу-Хильзе без лишних разговоров подошла и подняла его за локоть. Заметно,

что ему страшно и неудобно всё, абсолютно всё: находиться здесь; просить Ашаи; носить этот траурный чёрно-красный халат, с неизменными узорчатыми огоньками, из недорогого тафта; искать осколки вазы.

Он встал, с неуверенностью и тоской поглядел на неё, а потом — на Миланэ.

— Сир Нрай-ла пусть выслушает: я сейчас не могу пойти на обряд сожжения мужа вашей сестры, пусть его душа найдёт Нахейм. Не имею никакой возможности.

— Ооо... — застонал он, обхватив руками голову и неуклюже приседая на грубый табурет.

— Пусть Нрай-ла погодит с огорчением.

Лев застыл в смешной и жалкой позе, опустив руки.

— Это — Ваалу-Миланэ-Белсарра, ученица у порога Приятия из Сидны. Моя лучшая подруга...

«...лучшая подруга...», — эхом прозвучало в сознании Миланэ.

Да, у них были хорошие отношения в дисциплинии, вполне хорошие. Но пересекались они не так часто. И, по правде говоря, Миланэ сильно сомневалась перед тем, как попросить приюта, полагая, что негоже хорошим знакомством оправдывать трёхдневное беспокойство. Кроме того, в большинстве городов Империи для Ашаи в гостиницах и постоялых дворах есть весьма существенные льготы, так что её желание переночевать у Хильзе можно было бы вполне воспринять как скупость.

— ...которая пойдёт со львом и сделает всё, что полагается. Пусть лев не беспокоится о том, что она ещё не сестра-Ашаи. Во-первых, это вполне по традиции, во-вторых, Миланэ — уже почти сестра, в-третьих — это одна из лучших учениц, которых я знаю. Так что я отдаю это служение.

Любая Ашаи может переложить свои обязанности — «отдать служение» — ученице, которая прошла Церемонию Совершеннолетия, наблюдая за нею или просто поручившись за неё.

— Я принимаю, — негромко ответила Миланэ.

Сестра-Ашаи с тенью удивления посмотрела на подругу.

Эй, ну же. Хильзе, ты что, забыла? Так принято по церемониалу.

— Оооо, так мой зов к Ваалу услышан! — возрадовался лев.

— Вполне, — кивнула Хильзе. — Ещё раз сожалею, что мне лично приходится отказать в услужении вашему доброму роду. Но вместо меня будет Ваалу-Миланэ-Белсарра.

— Можно просто Ваалу-Миланэ, — улыбнулась дочь Андари.

Нрай серьёзно посмотрел на неё и выдал жалкое подобие улыбки в ответ.

Миланэ поняла, что поступает нетактично, расточая радость перед траурной церемонией.

— Спасибо, достойнейшая госпожа, спасибо, — рассыпался в благодарностях Нрай-ла, сжав вместе руки.

— Таков удел сестринства, благодарностей не надо, — махнула рукой Хильзе, непринуждённо прислонившись к дверному проёму.

— Полагаю, время не ждёт. Рассвет нескоро, но его час придёт. Мы должны успеть.

— О да, да, сиятельная. Да. Поторопимся, если можно, — сказал он и осторожно, выжидающе приоткрыл входную дверь. — Ещё раз благодарю. Мы... наш род этого не забудет, клянусь.

— Нет места для благодарений и клятв в час скорби. Ясных глаз, Миланэ.

Традиционное, чуть старомодное напутствие в среде Ашаи-Китрах. Сейчас так редко говорят.

— Спасибо, сестра. Доброй ночи тебе, — выходя, молвила ученица.

Хильзе кивнула, чуть улыбнувшись, прикрыла за ними дверь. Закрыла на засов, подняла левую руку и, задумчиво-грустная, несколько раз провернула серебряное колечко, глядя на него.

* *

— Не желаю вызывать волны скорби в сердце льва, но я должна знать: кто и как ушёл в Нахейм, — поправила Миланэ мансуру на левом боку.

— Я уже говорил, это супруг моей сестры, Оттар. Он сильно заболел... точнее, как сказать, он вообще болел в последнее время. Тяжёлое дыхание, сдавливало грудь. Лекари говорили, что у него больное сердце, но предрекали ещё десяток лет жизни.

— Когда это случилось?

— Сегодня утром. Знаю, что мы обременяем вас, сестёр, этой заботой...

— Вовсе нет. Пусть лев не думает об этом.

— Ваал мой, только лишь бы они не начали сожжение сами... О нет, Оттар так не хотел, не хотел! Он всегда был глубоко верующим. Истинный Сунг, гражданин Империи. Он умолял, вот о чём умолял: чтобы не огонь факела, пусть и зажжённого в Доме Сестёр, возжёт его костёр, а чтобы Ашаи сделала это своей рукой, огнём Ваала. Я с лап сбился, пока нашёл благородную Ваалу-Миланэ, я обходил много кварталов, был и в Шевиоте, и в Квартале торговцев, но все были чем-то заняты. И я всё понимаю, сегодня большой праздник, это так, я не жалею, просто — ох, бедный Оттар — такова была его воля...

«Без звона империялов здесь никто и хвостом не пошевелит», — вспомнились слова Хильзе.

Нет-нет. Конечно, это — преувеличение. Есть Ашаи-Китрах, которые действительно откажут в проведении обряда, зная, что благодарности не предвидится или она будет скромной. Но таких не так много — сестринство, оно чисто. Но Праздник Героев — то, на что ждут весь год; у всякой сестры, как и у каждой живой души, свои планы на этот день. Пойти туда, сделать то, побывать там; ужины, приёмы, пиры, поездки в загородные усадьбы, участие в посвящении молодых воинов и прочее-прочее. Немудрено, что Храю-ла все отказывали — кто вежливо и с уважением, кто не слишком.

Где-то вдалеке, справа, взметнулась в небо горящая стрела.

Стрела времени. Так она летит: в небо, в никуда, без цели. Такими же странными, сноподобными ночами шла Миланэ за отцом, так ходили они на охоту. Они много раз ходили на охоту, и Миланэ это нравилось; отец, всегда молчаливый, выглядел на ней очень естественно.

Во всё остальное время он не был естественным.

Мой бедный, мой молчаливый папа. Как ты там?

Но у Миланэ с самого детства не было много времени на охоту с отцом и на помощь матери: когда исполнилось семь лет, то в их дом пришла по какому-то делу Ваалу-Мрууна, сестра, что отдавала служение в их поселении и ещё нескольких в округе. А до этого с нею происходило много чего, и самое жуткое для родителей — ночные блуждания по дому и вовне. Отец с матерью волновались, что Миланэ забо-

лела душой, но всё вышло иначе... Оказалось — она не больна, она избрана душой.

Она помнила, как осталась лежать на полу после воспламенения собственных ладоней, чувствуя себя плохо и слабо, а Мрууна незамедлительно ушла, чтобы огласить всем весть: Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи стала её ученицей.

Так Миланэ ступила на путь Ашаи-Китрах и познакомилась с даром игнимары, владение которым является обязательным для абсолютно любой Ашаи. Игнимара — умение произвольно воспламенять часть своего тела; это почти всегда правая либо левая ладонь. Только очень немногие Ашаи могут воспламенить обе ладони, либо воспламенить руку аж до плеча; известно не так уж мало случаев, когда воспламенился кончик хвоста; известны несколько случаев воспламенения глаз. Считается, что высшая ступень мастерства в игнимаре — воспламенить всё тело, но такого никто никогда не видел. Большинство Ашаи полагают, что это невозможно.

Уникальность дара в том, что им владеют только Ашаи. Любые, даже самые основательные попытки обучить ему обычных львиц, и даже львов, ни к чему не привели. Также всяческие попытки объяснить суть этого явления окончились, по сути, ничем; сами Ашаи-Китрах также не берутся его объяснять, они просто называют это огнём Ваала, даром духа Сунгов, свидетельством Его мощи.

Одним из главных условий вступления на тропу жриц Ваала является *врождённая* склонность к игнимаре. Этот врождённый дар изначально всегда пассивен, и проявляется тем, что маленькая львица может без видимых последствий выдержать недолгое пребывание правой либо левой ладони в огне Ваала. Определение, какая из ладоней выдержит — одна из важнейших задач сестры, которая решила взять себе ученицу. Ошибка в определении приведёт к сильным ожогам у львицы и считается плохим знаком; сёстры не берут такую на обучение. Также такая ошибка считается плохим знаком и для сестры, которая захотела стать наставницей, и указывает на неспособность быть ею вообще.

Если ошибки не произошло, то некоторое, очень небольшое время, ладонь «принимающей огонь», как говорят Ашаи, пылает сама по себе, а вредных последствий, кроме неприятных ощущений и отвратительного самочувствия, нет. Но маленькая ученица ещё далеко не готова сама воспламенять ладони — она этого ещё попросту не умеет, и в подавляющем большинстве случаев, будет учиться пять-шесть лет, прежде чем на её ладони вспыхнет первый огонёк.

Игнимарой должна владеть абсолютно любая Ашаи-Китрах, поэтому ученица должна зажечь свой первый огонь до Совершеннолетия сама, иначе её обучение прекращают, несмотря на любые успехи в других умениях. Также проверка владения даром игнимары обязательна на Церемонии Приятия, и входит в первое испытание. Несмотря на важность дара, большинство сестёр-Ашаи владеют игнимарой сравнительно неважно: они способны зажечь лишь небольшой огонёк на нескольких пальцах длительностью в три-четыре удара сердца, а зачастую сам дар бесследно исчезает на некоторое время, бывает, что на годы. Это не считается плохим или ззорным, а также не есть следствие нерадивости, нежелания, слабой воли либо лени; это именно дар, тут выше головы прыгнуть невозможно.

Ашаи по-разному вызывают огонь. Наставницы обучают нескольким популярным приёмам, но ученица должна лично выявить наиболее удобный способ. Для большинства его невозможно вызвать в беспокойном состоянии, в страхе или в гневе, очень трудно вызвать, предварительно не сконцентрировавшись и не подготовившись, трудно вызвать в неподходящей обстановке, при болезни и плохом

самочувствию.

Для большинства игнимара — вещь капризная, несмотря на годы упражнений.

У огня игнимары есть несколько интересных свойств. Во-первых, он весьма и весьма горяч, и от него охотно загораются всякие горючие материалы: дерево, бумага, трут, даже одежда самой Ашаи; в общем, всё, что горит в обычном огне, загорится в огне Ваала. Во-вторых, он не причиняет вреда ладоням самой Ашаи. В-третьих, пламя может быть самых разных цветов: красного, желтого, синего, зеленого, фиолетового, белого и так далее. Как правило, один цвет преследует сестру-Ашаи всю жизнь, хотя может изменяться на небольшое время. В-четвёртых, игнимара весьма сильно истощает, после неё всегда мучает жажда, ощущается утомление и слабость, покалывание в ладони и руке. В-пятых, от резких движений пламя игнимары, как правило, сразу тухнет.

Огонь игнимары почитается священным и используется в строго оговоренных случаях, как часть некоторых обрядов. Возжигать от него обычные свечи, опиумные трубки, дрова, факелы, стрелы, лампы, играть с ним, демонстрировать его праздным зрителям, кичиться — запрещается, и неспроста: дар может надолго пропасть. Причём это вовсе не предрассудок, а реальная обыденность.

В светских и научных кругах игнимару иногда называют пирокинезом; лишь самые ярые противники жречества Ашаи-Китрах и веры в Ваала отрицают реальность феномена, принимая его за искусное шарлатанство, хотя множество исследований и непосредственных свидетельств подтверждают — огонь исходит словно из ниоткуда, никаких скрытых хитростей тут нет.

Для большинства игнимара служит прямым, самым живым доказательством того, что вера во Ваала — не пустой звук, а Ашаи-Китрах — настоящие жрицы и хранители духа Сунгов.

— Далеко нам ещё, Нрай? — спросила ученица, ступив на неширокий каменный мост.

— Совсем ничего, чуть-чуть. Терпение, попрошу терпения.

Они свернули направо и пошли мимо домов, утопающих в щедрой зелени. Миланэ и Нрай умолкли, думая о своём.

Именно по причине отличного дара игнимары, личная наставница в Сидне, Хильзари, очень часто брала Миланэ на траурные церемонии и сожжения, явно предпочитая её прочим ученицам. И это не только потому, что Миланэ исполнительна, несвоевольна, хорошо следует церемонии и отлично возжигает пламя Ваала. По правде говоря, многие Ашаи-Китрах, особенно молодые, не могут возжечь огня на траурных церемониях: всеобщая тоска угнетает их нрав и настрой. Потому среди всех учениц Сидны, что у порога Приятия, Миланэ — одна из самых искушённых и опытных в таких обрядах.

Они шли однообразными улицами, улочками, переулками, в которых Миланэ, будь она в одиночестве, потерялась в два счёта. Вокруг стало тише, поспокойнее: все ушли праздновать в город, а кто не ушёл, так уже спят или пытаются заснуть.

— Да, кстати: из Дома Сестёр моя супруга должна была принести огня. Так что об этом можно не беспокоиться.

— Это хорошо. Оставьте в доме умершего — пусть горит.

— Но как... А как тогда львица зажжёт погребальный, извиняюсь, костёр? — с какой-то хитрецей спросил Нрай.

— Я сама, — просто ответила Миланэ.

Свернули налево. Вдалеке — огни факелов. Миланэ почувствовала: «там».

— А... — протянул Нрай, притворившись, что всё понял.

Взгляд от Миланэ. Его чуть растерянные глаза, добрые складки рта, большие усы.

— То есть... Львица зажжёт огонь из руки?

— Да.

— Ничего себе! Так львица умеет?

Теперь настал черёд удивления Миланэ. Конечно, умеет. Как иначе.

— Ого. Я никогда не видел это вблизи.

Прямо как маленький львёнок.

— Лев не бывал на сожжениях?

— Как же не бывать. Бывал. Но там костёр всегда жгли от факела.

Ах, понятно.

«Вот оно что», — помыслила Миланэ. — «Вот же я глупа. Ведь большинство похорон у простого рода происходит без Ашай-Китрах, они идут за огнём в Дом Сестёр или, на крайний случай, к любой сестре-Ашай, и возжигают огонь от лампы или свечки, которая, в свою очередь, была зажжена пламенем Ваала, и огонь этот вовсе не требует платы, а в небогатых сословиях принято считать, что сестру-Ашай, да особенно на сожжении, нужно отблагодарить как можно щедрее-богаче, а ведь денег-то нет, богатства нет, и опозориться не хочется, оскандалиться — тоже, и получается замкнутый круг. Да ещё нужно найти эту самую сестру; в небольших городках и посёлках с этим проще, а в большой столице Марне попробуй изловчись да найди; ведь если ты приехала в Марну, так ведь не будешь жить в Нижнем Городе да прочих пригородах, ты будешь вертеться среди высшего света. Да и ещё не всякая из нас может стать игнимарой на сожжении, для этого нужно иметь милосердную и печальную душу, ибо весёлая душа приходит в уныние от зрелища смерти, огонь ей будет очень трудно возжечь, даже будь она прекрасной мастерицей...»

— Хвала небесам, что они ещё здесь, — с облегчением вздохнул Нрай-ла и пошёл так быстро вперёд, как только мог.

Она не смогла за ним угнаться, да уже и нельзя спешить. Всё, теперь не вольно идти, как хочешь, делать, что хочешь.

Обычный небольшой дом из местного светлого камня, большой двор. По местной традиции — ворота настежь, так же, как и все двери в доме. На небольшой, низкой тележке, которую используют именно для сожжений — Оттар; вокруг него — все, кто пришёл провести его в последний путь.

Так, они заметили Нрая, теперь заметят и меня, посему — время. Знаки траура и сожаления: прижатые уши, хвост к земле, руки сложить вместе у солнечного сплетения, сцепив ладони. Ступать со спешкой нельзя.

Вот Ваалу-Миланэ входит во двор и все вострят уши, обращают внимание. Душ собралось довольно много, здесь львы и львицы самых различных возрастов, но одного положения: простые земледельцы среднего, по простым меркам, достатка. Возле покойного собрались близкие, их тихий разговор прекратился, и все сейчас смотрят на неё, кроме одной львицы, что подарила краткий взгляд, а потом вернулась обратно к своему горю.

Было заметно, что обряд затянулся до невозможности, повис в воздухе неопределённости: у всех был усталый, измотанный вид; заметно, что поругались не раз и не два, решая, что же делать — находиться возле покойника, как неприкаянные, неизвестно сколько времени, или таки исполнить его волю и подождать Ашай, если та

придёт, конечно, а она вряд ли придёт, ибо повсюду праздник, да и дорого-разорительно всё это, ведь не знать, какую сумму благодарения Ашаи захочет в такую ночь.

Миланэ шла, обходя нестройный круг, чтобы таким образом молчаливо поприветствовать собравшихся; кто-то ещё копошился в доме, а кто-то уже и вышел. Ну конечно же, там в ожидании собралась компания львов, чтобы помянуть память Отгара, что ушёл в Нахейм; конечно же, было полно времени помянуть как следует, да ещё и о большом празднике не забыть, потому тройка львиц с простыми, неотесанными мордами истово пытаются походить на трезвых, оттого они выглядят ещё нелепее. Ах, нет-нет, здесь есть разные сословия: вон стоят львица и лев; льва видно плохо, сказать что-то наверняка о нём невозможно, но львица чуть ближе, и намётанный, опытный, внимательный с детства глаз Миланэ улавливает дороговизну и строгость её наряда. Пожалуй, то, что на ней одето, стоит дороже этого дома со всей утварью в придачу; но темнота подводит, можно ошибиться, да и взгляд лишь мельком, ведь Миланэ не имеет права делать здесь то, что хочет, она мягко и плавно ступает, рассматривая всех, так знакомясь, так представляясь — без слов.

Все собрались в нестройный круг. Центром стал Отгар, Миланэ и несколько самых близких родственников, точнее, родственниц: ученица-Ашаи сразу поняла, что возле покойного стоят супруга и две дочери; из рассказа Нрая она помнила, что у Отгара есть ещё и сын, но что-то его не видеть.

— Спасибо благо... благородной видящей Ваала, что пришла к нам. Там огонь, там есть крас... Это было так внезапно... — заговорила супруга, а дочери отчего-то отошли.

Как и большинство, она не умет отличить ученицу-Ашаи от сестры-Ашаи.

— Я с вами в скорбный час, — взяла Миланэ её руку.

— Не могу говорить. Так устала...

— Малая печаль красноречива. Великая — безмолвна.

Цитата из «Изящных слов на всякий случай жизни». Есть такая книга, её знают все Ашаи.

— Я много ему не сказала... ещё так много...

— Тысячи слов не стоят и одной слёзы. Блюстителю слова есть?

— А? — не сразу поняла львица.

— Блюститель слова. Тот, кому оставили устное завещание.

— Нет. Он не успел ничего завещать, смерть была внезапной.

— И потому ушёл без страданий.

— Хватит. Нужно закончить... Хватит.

Верно. Миланэ обняла её, и та растворилась в объятиях, словно Ашаи — избавительница от этого дня и этой ночи.

— Надо продолжать, — шёпотом, только для неё напомним ученица, когда поняла, что супруга покойного может простоять так очень долго.

— Да, — очень коротко и тихо ответила та.

Объятия разомкнулись, и вот Миланэ уже сама, лишь рядом — Отгар. Его тело полностью обернуто в красную ткань, вместе с головой; в красной ткани сжигают и предают земле, как правило, воинов, стражей, некоторых служащих. Миланэ, дочь своего рода, по неистребимой привычке отметила, что это простой ситец не лучшего сплёта.

Миланэ, по обряду, должна убедиться, что покойник действительно умер; также надо подтвердить его личность — самой, или вопросив об этом присутствующих. Но

заученная ритуалистика — одно, а живой опыт ничем не заменить. Конечно же, Миланэ сейчас не будет делать этого, ибо кроме раздражения, это сейчас больше ничего не вызовет. Потому она лишь просто приподнимает ткань, берёт из сумки алую краску и наносит полоску на правую щеку покойного. Тут тоже нужен живой опыт. Нигде не научишься тому, что маленький горшочек с краской должен быть на самом верху сумки, в лёгкой доступности. Иначе будет, как на первом сожжении, которое ей отдала Хильзари — придётся копаться в сумке, прямо как на рынке, и это — в такой момент.

Теперь должно быть прощание с покойным: каждый должен подойти и сдержанно попрощаться с ним любым способом: поцеловать, пожать руку, просто посмотреть, в последний раз подарить какую-нибудь маленькую вещь. Но Миланэ и его делать уже не будет. Пришла она, конечно, очень поздно, потому получилось невпопад, ведь прощание делается до завивания в ткань, и по чину, та, кто ведёт обряд, то есть Миланэ, должна тоже попрощаться с покойным. При таком прощании руки покойного должны быть свободны, с ним завиваются все прощальные вещи. Миланэ хорошо видит — неискушенные в ритуалах, эти львы и львицы с Оттаром успели попрощаться: под тканью заметны его прощальные подарки; по сути, она может вот прямо сейчас отказаться вести обряд, ибо вроде как не имеет права этого делать. И должен его вести любой или любая из тех, кто попрощался. Но не она.

«Уж точно, иная бы на моём месте, дурёха, ушла прочь или сделала заново прощание», — подумала Миланэ, преклоняясь у лап Оттара. — «Запросто».

В среде Ашаи-Китрах хорошо известно, что многие ученицы за время учёбы ни разу не вели траурных церемоний, в виду того, что такое ответственное служение наставницы отдадут весьма неохотно, во избежание глупостей и конфузов. Такие ученицы, превратившись в сестру-Ашаи, знают проведение такого обряда только на сухих словах; первые разы они чувствуют себя неуверенно, а потому строго и упрямо следуют заученному ритуалу.

Но сегодня Ваал помог этим скорбящим — с ними Миланэ.

Миланэ преклонилась перед Оттаром, и вокруг воцарилось робкое молчание.

Мансура на поясе больно впиалась в ребро.

— Ваал, солнце нашего духа, — сказала ученица первые слова и сделала заминку, чтобы присутствующие осознали и вместе подхватили воззвание, — утешение наших сердец, в тебе мы пребываем, сыны сильные, дочери добрые. Без радости собрались мы, так прими печали наши, дай нам мощь нашу, прими Оттара нашего, дай нам память нашу. И если настанет наш час, то укажи нам Нахейм.

Встала. Вот как неудобно преклоняться в свире. А в Сидне — целых три пласиса, прямо в сундуке, друг на дружке. Глупая моя голова. Могла и взять хотя бы один.

— Вспомним: что мы не сказали, что мы не сделали для Оттара.

Осмотрелась вокруг, всматриваясь каждому в глаза, потом обернулась, чтобы увидеть тех, кто позади. Так полагается. Тут не только можно что-то в последний раз сказать покойному, но также от его имени объявить слова, которые он велел передать.

Вокруг молчание. Никто ничего сказать не хочет.

Только Миланэ приоткрыла рот, как прозвучало:

— Упокойся мирно, Оттар. Ты был хорошим львом. Конечно... конечно, я скажу, ты свою жизнь... ты жил разным, поступал по-всякому. Но Ваал свидетель, что ты не был плохим.

Все зашевелились; говорящий в неловкости замолчал — его почему-то стали одёргивать.

Кто ещё? Никто? Что ж. Пора на сожжение.

— Нахейм ждёт сына Ваала, — молвила Миланэ.

В повозку впрягли лошадь и все медленно отправились в путь. Миланэ вместе со Нраем, который начал указывать путь, пошли впереди. Вообще-то, Нраю, по суевериям и традиции, не стоит идти впереди, это должен делать лишь тот, кто ведёт обряд; но в этом случае нет выбора, ведь Миланэ попросту не знает пути. На повозке не сидел никто, лошадь ведут за поводья — суеверие. За покойным пошли все остальные.

Ворота закрылись, как и двери в доме.

— Далеко? — тихо спросила Миланэ.

— Есть немного, — ответил Нрай-ла.

Миланэ чувствует, как к ней твёрдо прижимается мансура.

Небольшая, темно-уютная улица — уже пуста; в небе витает предчувствие рассвета, и звёзды уже бледнее. Медленнее ступай. Ещё медленнее. Далеко-далеко ещё вздымаются огненные стрелы в небо, но тухнут они быстро и внезапно, не успев достичь неба; эти стрелы похожи то ли на мираж, то ли на знак.

Усталость водопадом обрушилась на Миланэ, рассеялась по телу томлением и лёгкой волной. День взял своё, измотал с одной стороны, а потом ночь тихонько крадёт силы с другой. Хочется сесть и прикорнуть где-нибудь, чтобы никто не тревожил, а ещё лучше — обнял. Ведь хорошо ходить по снопоподобному миру не в одиночестве, а ещё с кем-то. «Снохождение». Да вот оно, хождение во сне — идём все вместе, и живые, и мёртвые, в плену вечного сна. Всё вокруг: и небольшие, и плетеные заборы, и неровная земля под ногами — не совсем настоящее, словно придуманное вспышкой чьего-то фантазма. Лёгкие тени начали бегать по всему вокруг, мерцая.

Вот он какой, подлунный мир.

Взгляд не может остановиться на чём-то одном, вдруг всё темнеет, а потом начинает переливаться странным внутренним светом; Миланэ прекрасно осознаёт то, как твёрдо идёт по земле, вперёд, на сожжение, и то же время сознание с дрожащим шумом отплывало назад, словно отставая от тела; и вот Миланэ, очень медленно и неуверенно изумляясь, понимает, что смотрит на себя саму сзади; а потом — резкий толчок, теперь ещё большая странность: она словно стоит на голове у себя же над головой, а весь, такой далёкий подлунный мир печали и огней Ночи Героев — вверх тормашками.

Испуг и страх пронзили её от странности ощущения. Громкий, мучительный хлопок в ушах, ощущение провала, белые пятна перед глазами, ощущение, будто вынырнула из воды на поверхность. Озноб прошёл от ушей до хвоста, Миланэ, вздохнув, чуть испуганно посмотрела вокруг; лапы послушно шли вперёд, и всё есть, как было; никто ничего не заметил, да и не мог заметить.

Ваал мой, со мной всякое бывало, но что же это было?

Вдохнула глубоко, выдохнула, всмотрелась в вещи мира.

— Сейчас пойдём направо. Будет длинная улица, потом кладбище, — очень кстати сказал Хал, окончательно вернув Миланэ к самой себе.

Она немножко помолчала. Потёрла пальцами запястье, а потом ладонь снова обняла ладонь.

— Место сожжения готово?

Миланэ спрашивает, желая услышать безусловное «да». Но Нрай-ла отвечает, как всегда, с простой неуверенностью:

— Ну как бы должно. Я позаботился — дров будет много.

— О Ваал, Нрай, это не дрова, а тофет, — чуть прижала она уши.

— Пусть преподобная простит, пусть простит.

Не желая слушать это мерзкое «преподобная», Миланэ говорит:

— Пожалуй, Нраю стоит говорить со мною на «ты». Мы уже успели пройти пути вместе.

— Нет-нет, я как-то... не могу... неудобно...

«Да ты вдвое старше меня. Не говори глупостей».

— Нрай может многое. Нрай хороший лев.

— Правда?

— Самая что ни есть.

Он взглянул на неё и улыбнулся.

«Эй, да что же всё-таки только что было?»

Небольшая беседа помогла ей полностью обрести себя, но Миланэ так и не вняла, что с нею произошло. Туманное сноподобие мира начало проявляться ещё по дороге к Оттару, вот теперь достигло странного завершения, и теперь пропало — как хвостом смахнуло.

Миланэ не очень хорошо знакома со сновидными ощущениями, хотя она сразу поняла схожесть того, что с нею приключилось, со сновидческим переходом из мира реальности в мир сновидных грёз; она, безусловно, интересовалась сновидением — с ним должны быть на практике знакомы все ученицы-Ашаи. Но никогда заинтересованность не переступала границ живой вовлечённости, одержимости. А всё потому, что оно не слишком хорошо ей удавалось, по крайней мере, некоторые её подруги преуспевали значительно лучше. А реально сильных сновидиц-учениц, у которых есть настоящий дар и способности, из дисциплинарии забирают весьма рано: они учатся отдельно, у Вестающих, и сами со временем становятся ими, отдавая свой дар на службу Империи и сестринству. У Миланэ была одна такая подруга — её забрали сразу после Совершеннолетия.

Год переписывались. А потом подруга перестала отвечать на письма.

Вестающие — крайне немногочисленная (в Империи их никогда не было больше сотни), закрытая каста даже для самих Ашаи, они мерцают в скрытности и тайнах; Вестающие крайне неохотно раскрывают свою жизнь, не посвящают в мастерство сновидения простых Ашаи: большинство их знаний хранится только для их круга. Они никогда не становятся наставницами в дисциплинариях, хотя очень многие амарах старались добиться этого. Своевольные, они берут лишь тех, кого посчитают нужным и в ком увидят настоящие способности. Без природного таланта попасть к ним практически невозможно.

Вестающие, по сути, перед Империей и сестринством имеют лишь одну обязанность: передавать друг другу в сновидении различные сообщения. Это — почти мгновенная ночная связь, для которой любые расстояния не преграда. Учатся этому долго и трудно, но, научившись, могут сообщаться в сновидении, причём не только по двое, а и по трое, четверо, пятеро, шестеро. Десятеро. Днём Вестающие ведут праздную жизнь, ни в чём не нуждаясь — они на особом попечении государства и множества патронов. А ночью передают сообщения и просто общаются между собой.

Так что Миланэ не узнает тайн сновидения, ведь Вестающих не расспросишь, разве что придётся познать их самой. Но это вряд ли — таланта-то нет. Умение есть, таланта нет. Умею, потому что надо; но не талантлива, потому что надо — так не бывает в жизни.

«Но ничего», — утешит всякая наставница в дисциплинарии. — «Ничего. Сновидение — не столь важно». Не так важно, ведь даже самая бесталанная ученица да сможет несколько раз очнуться во сне и смутно ощутить присутствие Ваала. А больше и не надо.

И что видела ученица-Миланэ в своих прошлых сновидениях, что испытала? Да ничего такого. Недолгие вспышки осознанности. То походишь среди странных домов, то полетаешь надо морем. Нахлебаешься страха, когда в сновидениеходишь и когда выходишь из него с шумом, хотя вроде осознаёшь, что всё — игры ума, игры души, неопасные, нереальные. Но он всё равно очень глубокий и весьма трудный, этот страх. Много раз засыпала с целью очнуться во сне, найти Ваала — и однажды нашла яркий источник света над колодцем, что излучал тепло и благодать. Нашла, значит. «Вот видишь, Он пришёл в таком образе», — так объяснила Хильзари. Несколько раз лёгкой душой бродила вокруг кровати, выкатившись посреди сновидения, полного грёз, прямо в обыденный мир. Даже раз вылетела в окно и смутно, но видела, что происходит снаружи; правда, очень быстро всё наполнилось какими-то яркими пятнами и светящимися нитями, и Миланэ проснулась с бешено колотящимся сердцем. Вообще, у неё после каждого сновидения так билось сердце.

Её сновидения оказывались только ярким сном, в котором она могла осознавать себя, вспомнить о себе; а вещи хоть и воспринимались очень живо, но оставляли чувство неуверенности, изменяясь при всякой её мысли, всяком намерении, так что после пробуждения не оставалось сомнений — мирок этот полон шатких декораций и туманных иллюзий ума.

Всё так.

Но Миланэ недавно кое-что запомнила:

...Так многие зовут снохождением лишь то, что я назову блужданием среди грёз. Да, истинно так, с этого всё начинается да иначе начинаться не может.

Но только очнувшись среди сна, не обретаешь ты иные миры, не видишь их, но пленяешься образами, что дарит тебе разум из твоих желаний, из страхов твоих, из ожиданий твоих, из веры твоей, из памяти да ещё невесть чего; да ещё иногда ты летаешь вокруг своего тела, как заблудшая душа, не зная, что делать да куда податься. Но понемногу отринув мир грёз, ты, милая ученица, сначала попадёшь в тёмную пропасть меж мирами, а потом научишься ходить по ветвям древа миров...

Хотя... А хотя. Мало ли что можно написать. Бумага всё стерпит, всё-всё. Сегодня напишу, что земля покоится на трёх черепахах, а завтра — что по лесам-полям бегают бесшёрстные обезьяны. Какой с меня спрос? Сто не поверят, да один поверит.

— Вон, вон площадка, Ваалу-Миланэ. Видишь?

«Ладно. Подумаю-пойму потом».

— Вон наш этот... как это... тофет.

— Не наш, а Оттара.

— Ах, ну да, ну да... Бедный Оттар.

Кладбища в Империи — круглой формы, кроме разве что стихийных и военных погребений. Они редко бывают большими: фамильные склепы и погребение в землю мало кто может себе позволить, да и не всем положено. Большинство следует ритуалу сожжения, поэтому на кладбищах всегда есть несколько круглых площадок окружностью в сто один шаг, ни больше ни меньше.

Миланэ встает недалеко от центра, возле тофета — прямоугольного сооружения из дерева в львиный рост.

— Нраю стоит отойти. Спасибо, — поблагодарила Миланэ за указанный путь, легко дотронувшись до его плеча.

Он ничего не ответил и отошёл усталой, согбенной фигурой в сторонку. Он помнит, что в этом круге нельзя говорить никому, кроме того, кто ведёт обряд сожжения.

Шесть львов переложили тело Оттара с повозки на вершину тофета. Все, кто пришёл, встали в круг.

Теперь надо обойти тофет, и Миланэ пошла. Это нужно не только для того, чтобы, согласно ритуалу, алой краской оставить маленький след с каждой стороны, но и проверить, прочно ли стоит тофет, правильно ли сделан, не завалится ли слишком быстро. Но здесь можно особо не беспокоиться, здесь их быстро и добротнo делают мастера. Они, как правило, дожидаются траурную процессию, но сегодня, по очевидной причине, этого не сделали.

Дело тофетного мастера — малопочитаемое, однообразное и мрачное, но очень прибыльное. Брат отца — такой мастер, в небольшом городке недалеко от её родного селения. Миланэ хорошо знает, что даже в бедных провинциях за тофет не берут меньше двухсот импералов, а в Марне наверняка около пятисот; в Праздник Героев цена возрастает, наверно, до целой тысячи.

Раз. Два. Три. Четыре. Круг завершён.

Теперь — преклонение, которое в церемониале поз и жестов именуют *криммау-аммау*. Именно в честь этой церемониальной позы именуется один из трёх дисциплинариев. Присесть на правую лапу, левая будет опорой. Опуститься, не быстро, но и не медленно; главное — плавно. Пяту правой не поправлять, изначально ставь лапу правильно. Правую руку к сердцу прижать, левую — вперёд, полусогнутую. И лапы одновременно с руками, одновременно!

Миланэ вспомнит: ходит Ваалу-Амалла, строгая и вообще малопрятная наставница церемониала и этикета, между рядов учениц, у каждой находит недостаток, ошибку, своеволие; она имела обычай на такие занятия ходить с тонкой палицей и ею тыкать там, где, по её мнению, всё ужасно. «Слишком раболепно», «когти лап в стороне, лапа в стороне!», «Айни, ты сжалась вся, как котёнок», «руку выше».

Все рано или поздно начинали тихо ненавидеть занятия по церемониальным жестам. Раз-два-раз. Руку выше, руку ниже. Не как хочется, а как надо.

Миланэ закрыла глаза.

— Братья и сёстры прощают тебя, Оттар, Ваал узнает тебя, Оттар, Нахейм примет тебя, Оттар, Тиамат поглотит тебя, Оттар.

Она почти бессознательно, полностью заученно говорит эти слова; сейчас ведь будет самое важное, самое главное в ритуале — возжжение огня Ваала. Сейчас вся воля, всё намерение — на нём. Открыв глаза, высмотрела, есть ли трут, не силён ли

ветер. Трут есть, и много; молодцы они, мастера. Ветер небольшой; спасибо, ветер.

Миланэ вдруг кое-что увидела.

Вот неудача. Всего не предвидишь. Ведь одета она в свирю, а свирь рукава узкие; конечно, их можно расстегнуть, только они могут легко скользнуть обратно. В пласисе шлейфы рукавов можно особым образом завязать за шеей или просто подоткнуть повыше, и сползать они не будут. Предплечье должно быть абсолютно голым, иначе может загореться одежда. Такое случается у сестёр, причём чаще, чем хотелось бы.

Хорошо, если у тебя игнимара скромная, тогда и риск мал. А если, как у Миланэ?

Но делать нечего. Пуговицы левого рукава поддались сразу, а правые вздумали немного поиздеваться, и путались-цеплялись под тонкими, изящными пальцами дочери хорошей ткачихи и зажиточного торговца скотом.

Потёрла-пригладила руки.

Есть несколько типичных способов возжечь огонь Ваала: резким сотрясением, долгим чтением монотонно-угрожающей энграммы, яростным трением пальцев об ладонь. Ни один из них Миланэ не любит, предпочитая свой, а это уже признак хорошей игнимары — иметь свой способ. Особенно она не любила «пальцы об ладонь», ей всегда такое казалось смешным и уродливым; она всегда отворачивалась, скрывая гримасу отвращения, если какая-то Ашаи его применяла.

Закрывать глаза, приблизить сжатые ладони к себе, поднести ко рту. Подуть, не сильно, а очень легко, чтобы дыхание было тёплым — ну точь-в-точь замерзшая львица на снежном ветру. И медленно подать ладони вперёд, внутренне усиливая волны тепла в руках, вспоминая колкое ощущение.

Отлично. Идут быстрые огненные волны, нарастают изнутри, колко исходят с кончиков пальцев. Ещё чуть, ну же. Чуть не хватает. Чуть. Не жалко тебе Оттара, не жалко. Так жалеи. У тебя игнимара из милосердия и жалости. «Милосердие — это величие», Ваалу-Даима-Хинрана, 499 Эры Империи. Помнишь? Супруга Оттара, покоящегося на тофете. Жалеешь? Погибшая ученица Вестающих, тогда, три года назад на Востоке. Плачешь за нею?

И так ей стало жалко все души на свете, и что живы, и что умирают, и что уже; и всем есть время жить, время умирать, время раствориться в вечности, и все чего-то алчут, хотят, смыслы ищут и знания, но только не имеет конца эта тщетность; да обнять бы всех теплом сердца, огнём души, огнём-огнём-огонь. Огонь!

Кто-то по-детски вздохнул, где-то сзади. Голос львёнка, точно. Вот он, огонь Ваалу-Миланэ-Белсарры, синеватого оттенка и с малахитовыми вспышками. Лево́й ладонью, что воспылала огнём, она подожгла трут; тот мгновенно загорелся — языки пламени объяли тофет.

Послышался плач, кое-где тихий и скромный, но львицы Оттара — отчаянный, похожий на вой.

Миланэ встала прямо, отряхнула левую руку, и огонь угас. Несколько мгновений она не шевелилась — досаждало колкое, терпкое ощущение в ладони; но оно вскоре должно пройти. Вот, прошло.

Пришла очередь мансуры.

Первые искры огня ушли в небо.

Жаль, не проверила игру, ах жаль: первый тон будет незнакомым, ведь все мансуры имеют свой голос, поскольку две одинаковые кости, из которых создаётся тело и медленно расширяющийся раструб мансуры, подобрать невозможно; поэтому под

каждую подстраивается деревянный мундштук, причём долго и мучительно. Тон можно создавать только ртом и дыханием — никаких отверстий на мансуре нет; самое же главное — поймать момент разделения голоса мансуры: при слабом выдохе у неё будет низкий, мягко-печальный голос; при сильно выдохе и плотно закусенном мундштуке — резкий, пронзительный, хлещущий по ушам. Если сыграть на грани этого разделения, то изойдёт крайне неприятный, очень фальшивый звук.

Вот его больше всего и боится Миланэ.

Но нет времени на страх, мансура должна петь, и вот тихий, тёмный звук подкрался к ушам, долгий-долгий. Она играет, чуть подняв голову, и ей видны искры, что взметаются ввысь-ввысь, и ещё один протяжный звук-стон, и ещё.

Но так мансура лишь знакомится с душою умершего, так эти звуки берут её в объятия. Сейчас нужно вдыхать сильно, по сильнее; только бы не попался этот переход, лишь бы не попался. Но нет, всё хорошо, вот как взвыла! Души наизнанку, души улетели, да вместе с ними и Оттар. Тише, Миланэ, это уж слишком, не так резко. Теперь ниже, ещё ниже. Пропусти переход, теперь — мягко.

Легче опускай мансуру.

Всё.

— В Нахейм, — прошептала неслышно.

Это не по церемониалу. Это Миланэ так, просто.

Привычным движением снова заткнула мансуру за пояс, выискивая взглядом вдову Оттара.

Как правило, перед последующим ритуалом нужно спросить, кто из близких родственников желает в нём поучаствовать. Но обычно Ашаи такого не делают, потому как желающих всегда слишком много, а сил на всех не хватит. Потому делают его лишь для самой близкой души.

Здесь это — супруга.

Вдова с непониманием и злостью отчаяния смотрит на Миланэ, не понимая заминки.

— Я покажу львице Оттара, — пришлось объяснить. — Если львица желает.

Пала на колени — конечно, желает.

Страйя, это не так сложно: нужно наложить руки на голову, но не просто так, а особым образом, чтобы большие пальцы надавили на глаза, но не сильно, а легко; втяни когти, ученица; львица пала на колени и ухватилась за её локти, нужно бы подсказать ей, что лучше братья за талию, ну да ладно; сейчас, как говорится в канонах, Ваал покажет её льва в последний раз, хотя Миланэ знает, прекрасно знает, что такое видение можно вызывать наложением рук ещё и ещё, лишь бы хорошо помнили того, чей образ будут показывать; ведь это вовсе не она показывает ей мужа, и даже не Ваал, а она сама смотрит на него в сновидном состоянии, выхватывая из собственной памяти; её дело — вогнать её в это сновидение наяву, с закрытыми глазами; обыватели, простые души, они не могут в него войти сами, не имеют с ним дела, потому им помогает энграмма, вот такая:

— Ия, ия, луауня, посмотри на него, отрекись от себя. Ия, ия, луауня...

Можно и без энграммы, если силы хватит. Но так вернее.

Чувствуется, как застыло её тело под руками, как вдова оцепенела в трепете — она видит! Она видит своего Оттара; но нет же, не супруга львица видит, а лишь его тень, памятный образ, видит в своём небольшом сновидении, кратком и ярком.

— Оттар!

Руки супруги Оттара безвольно скользнули вниз, но потом яростно вернулись и снова ухватили локти Миланэ.

— Покажи ещё!

Но тут же остепенилась, смирилась, прижала уши. Взяла себя в руки. Миланэ хотела её пригладить, как-то успокоить и приласкать, но вдова встала быстро и ушла незаметно в круг.

Дочь Сидны осмотрела всех и каждого, по кругу.

Всё, сожжение проведено.

Верно, уходите из круга, ко мне не подходите, со мной не говорите. Слава Ваалу, что не вздумали этого делать. За пределами — беседуйте, сколь угодно. Прошу прощения, что львица говорит? Нет-нет, так мне положено, такое моё служение. Пусть львица не плачет. Табличку? Конечно, напишу. Да, конечно, я иду со всеми ещё домой, там и напишем. Я измаралась на рукаве? Спасибо. Не заметила, когда успела. Не печальтесь, он в Нахейме. Сочувствую горю. Я с вами в час скорби. Сочувствую. Таково моё служение. Да, вы знали Оттара, да, как жаль.

Наконец, пришли обратно к дому; потом долго-крикливо искали стол и стул, которые куда-то подевались. Миланэ тихо недоумевала: ну как это дома могут пропасть такие первейшие вещи? Не иголки ведь. Хух, нашли, хорошо, зажгли три свечи на подсвечнике.

— Оттар, сын Хедда, из рода Нолаев. 759–810 Эры Империи, — уточнила Миланэ, усевшись поудобнее.

— Из рода Нолаев, верно.

— О-т-т-а-р, Х-е-д-д-а, Н-о-л-а-е-в.

— Да, — утерла слезу вдова, а потом отвернулась, снова плача.

Миланэ взяла дощечку, опустила весьма хорошую кисточку в дрянную канцелярскую гуашь. Кисточку они хорошую взяли, а гуашь — отвратительную. Но откуда им знать такие тонкости. Да и вообще, хорошо, хоть такие есть.

Штрих, ещё штрих.

Да, покроете лаком через два дня, это можно.

— А печать можно... вот сюда... можно? — тычет вдова когтем на обратную сторону таблички.

Простая душа — стамп называет печатью. Ничего, ничего, не страшно. Но вот то, о чем она просит — хуже. Она просит поставить стамп на обратную сторону погребальной дощечки, которая будет храниться в доме, как память. Но этого делать нельзя, так как стамп ставится там, где Ашай что-то подтверждает, подписывается, в чём-то клянётся, в чём-то уверяет, придает чему-то вес. Так что же, получается, если ставить стампы на погребальные дощечки, тогда: «Подтверждаю-клянусь, что такой-то умер, а я вела обряд»?

Неизвестно, откуда среди простых львов да львиц появилось эта привычка. Скорее всего, чтобы время от времени брать и оборачивать их, приговаривая: да, наш сородич ушёл достойно, его в Нахейм отправила Ашай-Китрах. Ещё хуже, что некоторые Ашай потакают этому и без зазрений ставят стампы на дощечки.

— Сожалею, но не вольно этого делать. Это табличка вашего рода, ставить на ней стамп нельзя.

— Пусть благородная поставит стамп, — умоляюще глядела супруга.

— Не могу, — уже не так смело ответила Миланэ.

Та сидела и немигающее глядела на табличку. Миланэ не знала, что сказать, и

тоже покоилась молча. Потом подошла родственница, под руку забрала вдову прочь вместе с табличкой, и на том всё разрешилось.

В доме было полно душ; все усердно металась из угла угол, вокруг царила какая-то порхающая беготня, бессмысленная. Не ведая, можно было подумать, что готовятся к свадьбе. Миланэ посидела немножко, а потом встала и направилась к выходу, но в длинном коридоре её с небольшой скамейки кто-то окликнул:

— Ви-ви-видящая Ва-Ваала, Ви-видящая!

И ухватил за рукав.

Обернувшись, дочь Сидны увидела льва, в котором признала сына Оттара.

— Я п-прошу, — закрыл он глаза от усердия: слова давались ему тяжело.

Осторожно присела возле него.

— Я не видящая, я слышащая. Ещё ученица.

— В самом деле? — с нескрываемым изумлением спросил он.

Потом посмотрел вниз, на пол, да наклонился так низко, что его неряшливая грива упала ему на глаза, а космы расстелились по плечам.

Миланэ глядел на него с ожиданием.

— Я-я-я...

Он перевёл дух.

— Я...

Чуть приблизилась, пригнулась к нему. Нет сомнений — он болен, и не только заика, но ещё страдает некоего рода помешательством ума.

— Я-я хочу с-с-сказать.

Она взяла его ладонь.

— Так говори.

Он огромными глазами посмотрел на свою ладонь в объятиях Миланэ, потом снова посмотрел на землю. И снова — на неё.

— У т-т-тебя... У-у львицы е-есть...

«Говори. Говори», — приказывает взгляд Миланэ.

— Все к-красивые — они ж-жестокие. Но л-ль-вица — мило-с-сердна.

Но тут кто-то похлопал его по плечу:

— Хайни, не время надоедать, не время. Пошли.

— Он не причиняет мне неудобств, — с небольшим раздражением подняла взгляд Миланэ.

Но большой, рыжегривый лев с широченной мордой, в простоватой деревенской робе, подпоясанной толстым ремнём, не обращал на неё ни малейшего внимания.

— Нет, я просто говорю, что-что в-в-всё хорошо, — намного беглее заговорил сын Оттара, оставив ладонь Миланэ.

— Хайни, да что ж хорошего, отец у тебя помер. Пошли, дело есть.

— Я-я-я...

— Давай-давай.

Миланэ встала, уже не тая раздраженности.

Хайни ещё смотрел несколько мгновений на неё, а потом пошёл вслед лапице, что безжалостно тянула его прочь, к выходу.

Чуть постояв, держа одну руку на поясе, а второй поглаживая подбородок, Миланэ тоже вышла из дому и встала на крыльце. Вокруг был с десяток львов и львиц; первые курили трубки, вторые — грустно беседовали. Выискивая взглядом этого Хайни, сына Оттара, Миланэ уж нашла его, и тут её кто-то цепко ухватил за

руку. Миланэ начинала раздражать эта манера здешних земледельцев без церемоний хватать тебя за всё, что им попадает на глаза. Она сама — простого происхождения, как унижительно говорят патриции, «чёрной кости»; но, тем не менее, у неё дома, в посёлке, нравы и манеры соблюдаются куда лучше.

Но, конечно, не подала виду. Вдруг здесь так принято?

— Пусть преподобная, благородная примет скромную благодарность, — так сказала львица, что одёргивала сзади, та самая, что под руку уводила вдову Оттара. Родственница либо соседка. Она настойчиво предлагала взять небольшой кошель, весьма туго набитый. Конечно, мелкой монетой, но наверняка там огромная сумма по здешним меркам.

— Нет-нет, за предложение — моя искренняя благодарность, но не могу.

— Почему? Пусть преподобная возьмёт, — всё так же предлагала львица, и почему-то начала улыбаться, хотя и нахмурилась. «Мало, что ли?», — читалось в её глазах.

— Львица да простит меня, но я не могу взять.

— Ну, так нельзя, — покачала та головой.

Миланэ не может взять у них деньги.

Вообще-то, ей положено брать, хотя никакая Ашаи не делает обрядов ради вознаграждения; ну, по крайней мере, так должно быть. Но Ашаи может принимать любую благодарность, более того, по негласному этикету сестёр — должна, дабы не обидеть благодарствующего. Некоторые сёстры вообще живут лишь на такого рода благодарности, почти не имея других источников дохода. Но Миланэ не может взять денег у этой семьи, где одна вдова осталась с двумя незамужними дочерьми да больным сыном. Она сгорит в огне стыда, если совершит такое. Её совесть, её андарианское воспитание, которое не отличается особыми вольностями, не позволяют этого.

Но ведь Миланэ, помимо много чего, умеет легко, убедительно и беззастенчиво врать, и никогда не считает ложь пороком, если она применяется на благое дело.

— Львица не понимает: я не могу взять денег. Я — ученица дисциплинария, мне не положено принимать благодарностей. Их может взять только та сестра, которая отдала мне служение.

Неискушённая, львица сразу поверила:

— Но как теперь... Где она? А передать ей — нельзя?..

— Передать нельзя — таков канон. Это её служение, она лишь и может принять. Она сегодня на рассвете уедет из Марны, по делам. Но, как только вернётся, то обязательно зайдёт.

— И примет?

— И примет, непременно. И отдаст на хорошие дела.

— Вот хорошо, пусть приходит.

— Непременно скажу ей. Ещё раз примите: я скорблю с вами.

— Спасибо, — торопливо кивнула львица и скрылась в доме.

Пора уходить. Прощаться не следует.

«Я сделала всё, я могу уйти», — устало-устало подумала Миланэ и пошла ко вратам. Возле них, опершись о столб, стоял высокий, стройный лев. В мутном зареве рассвета его горделивый, стремительный профиль мало сочетался с окружающим пейзажем уютной домовитости.

Проходя у врат, Миланэ отметила, что это тот самый...

...да-да, тот самый, что стоял с львицей-хаману в дорогом наряде. А он ничего,

это я сразу заметила, ещё тогда, когда пришла. И что он здесь де...

— Восславим Ваала, слышащая его дыхание, — внезапно обратился лев к дочери Сидны, причём в очень вежливой и правильной форме.

— Достоинством духа, — Миланэ не поскупилась собрать силы и присесть в почти безупречном книксене. — Чем послужу льву?

— Узнаю истинную Ашаи: она думает о служении, — улыбнулся лев и подошёл к ней на шаг.

Ха, да он непрост. Уж точно не из этой среды. Что он здесь делает?

— Узнаю сильного самца: он щедр на доброе слово для львицы.

В Сидне учат: если растерялась, если взята комплиментом врасплох, то нужно отвечать в том же ключе, повторяя слова собеседника.

«Проклятье. Неудачно ответила».

На нём — траурный халат, очень строгий, полностью чёрного цвета без единого проблеска цвета и узора. Такие носят либо очень бедные либо очень богатые львы. Пояс — тоже чёрный, как и ножны короткого меча. На пальцах — ни единого украшения, на шее — тоже. Короткая, ухоженная грива, южные черты — тонкий нос, неширокий подбородок, чуть раскосые тёмные глаза.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, — вытянул он из чехла длинную трубку и снял с пояса кiset, — я искренне благодарен Ашаи за то, что она нашла время в эту ночь и отправила моего доброго дядю в Нахейм. Он мечтал об этом, мечтал, чтобы именно жрица Ваала отправила его в Нахейм и предала огням. Он был очень искренен в своей вере, — лев продолжал набивать табаком трубку, не глядя на неё. — Правда.

— Я скорблю об утрате льва.

О Ваал, кто же он? С одной стороны, он чем-то похож на городского франта, который все деньги тратит на внешность. Но, во-первых, тот не оденется с такой скромностью, даже если идёт на сожжение; во-вторых, ткань халата очень похожа на очень дорогой сорт андарианского шелка — слэш, у которого есть этот неповторимый перламутровый отлив; и в третьих, Миланэ не могла сказать, какими именно благовониями умастился лев, но это было что-то очень хорошее.

Он очень, очень похож на патриция.

Тогда как он может быть племянником небогатого земледельца Отгара?

Миланэ начала искать его взгляда, стараясь поймать его душу чутьём.

Но не получилось. Вдруг подошла львица, та самая, что стояла возле него при церемонии прощания.

Она встала возле него, потом посмотрела на Миланэ и молча поприветствовала её небольшим кивком головы; от глаза ученицы не ускользнуло то, что она при этом приложила руку к груди — жест благодарения.

— Она не взяла денег, — внезапно молвила львица, глядя в никуда.

Лев посмотрел на неё, развёл руками и пустил первый клуб дыма. Миланэ, в свою очередь, насторожилась — эти слова вполне можно принять на свой счёт.

— Спасибо слышащей Ваала, — это уже предназначалось Миланэ.

Внимательные глаза львицы изучали Миланэ с тщанием опыта.

Замена книксену в ответ на благодарность: сжать ладони в молитвенном жесте, поднести к правой стороне подбородка и кивнуть, касаясь им ладоней. Так делают, если присед неуместен либо ситуация требует сдержанности и небольших движений.

Не попрощавшись, хаману ушла.

Миланэ посмотрела на льва. «И чего ты хочешь?»

— Пусть Ваалу-Миланэ-Белсарра простит мою мать за немногословность. Ей тяжело даются траурные церемонии, — лев спокойно посмотрел на дом Оттара, а потом жестом предложил пойти вперёд, по улице.

— Они никому не даются легко, — медленно пошла с ним Миланэ, слева. — Пусть будет прощено любопытство: мать льва — сестра Оттара?

Ну действительно стало любопытно, честное слово.

Он затаился и выдохнул дым через нос.

— Нет. Мой отец — брат Оттара.

Хм... «Что-то я не помню среди присутствующих никого похожего на брата Оттара».

— Ах да, моя невежливость! Моё имя — Синга из рода Сайстиллари. Львица да позволит мне поцеловать руку, что дарит огонь Ваала.

Позволит, ах, ну конечно.

— Ваалу-Миланэ. Сердечно рада знакомству.

Так... Что за чепуха. Если отец Синга — из рода Сайстиллари, то почему Оттар — из рода Нолаев? Как у сыновей одного отца может быть разное имя рода?

Но вдруг они не сыновья одного отца, а только одной матери?

— Насколько слышал, Ваалу-Миланэ отказалась от благодарности за проведение сожжения.

— Ученица не может брать благодарностей, — пришлось продолжать свою маленькую ложь. — Это делает лишь сестра, что отдала служение. Мать льва говорила обо мне, смею спросить?

— Нет, она говорила о жене моего дяди, пусть он войдёт в Нахейм. И мы двое знаем, что ученица *может* принимать благодарности, — посмотрел он на неё, улыбаясь, держа трубку во рту и придерживая двумя пальцами чубук.

«Дура ты. Ах, дура».

— Это не была ложь во зло. Мне неловко принимать такую большую благодарность от этой семьи, — искренне сдалась-призналась Миланэ. — Она... она была слишком большой.

— Тем не менее, не принять благодарность от рода — неправильно.

— Пусть я нарушу канон, но сон мой будет спокоен.

— Если львица примет благодарность от меня, племянника, крови этого рода, — медленно молвил Синга, — то сон львицы будет спокойным, очень спокойным. У меня есть все возможности сполна отблагодарить прекрасную Миланэ и не потерпеть при этом никаких неудобств, о которых можно помыслить.

О, ну вот, его рука уже потянулась к поясу, за кошельком. Так, нужно что-то предпринять. О Ваал, Миланэ, думай, думай, думай, как вежливо отказать, а то как-то глупо получается...

...его рука достала небольшое кресало — огонь потух в трубке.

Есть.

— Чем же Синга от имени рода отблагодарит меня?

За этим вопросом ну точно следует...

— А что львица желает?

...ну конечно. Последовал.

— Есть одна услуга, которую Синга может сделать, если не затруднит.

— Я слушаю.

— Я — ученица дисциплинария Сидны. В Марне я второй раз, по поручению

наставниц, и плохо представляю, как мне вернуться. Если лев будет так добр и поможет здесь, в этом Нижнем Городе, найти извозчика или проводника, который бы смог...

Синга сделал несколько резких жестов рукой, обращая её внимание, и Миланэ утихла.

— Где сейчас сиятельная проживает? — требовательно спросил он.

— Возле Марнской дороги, недалеко от таверны «Большой Дерб», — сказала Миланэ первое, что пришло в голову.

— Это... Это...

— Улица Великой Триады, тринадцатый дом, квартал Станса Второго, — назвала Миланэ формальный адрес.

Он взмахнул хвостом и совершил рукою жест приглашения.

— Отлично. Я дерзко воспользуюсь случаем и проведу Ашаи до дома.

Ну, нельзя сказать, что к этому не шло. Отлично, почему бы и нет. Синга скрасит конец этих трудных, утомительных-утомительных суток; с лёгким разговором дойдёшь до дому, а там кровать, в которую можно взять да упасть.

Так, держись ровно, уши к нему.

— О, если льву нетрудно. Это будет огромной услугой...

— Пустяки, мне в удовольствие. И всё равно продолжаю настаивать на...

Заметив, что Синга теперь уже взял кошель, Миланэ левой рукой придержала его локоть, а правую ладонь без касания приложила к его груди.

— Синга, — с придыханием молвила она, чтобы было вернее, — прошу. Отказав однажды, я не хочу делать этого дважды. Возможно моя ложь была гнусной, пусть. Но так я сегодня решила, пусть так будет. Да не хранит обиды на меня род Синги.

— Хорошо. Я понимаю, — убрал он деньги, оценив серьёзность. И сразу же отвлек разговор в иное русло: — Пойдём?

— Пошли.

Они пошли вниз по рассветной улице. Миланэ отвернулась и зевнула, притворившись, будто потирает нос. Повела ушками: сзади что-то бряцало, кто-то шёл вдалеке позади. Старая львица, в мрачном платье из грубой ткани, как тень прошла мимо них, не удостоив взглядом.

После Ночи Героев наступила усталая тишина.

— Так Ваалу-Миланэ — из Сидны?

— Да, верно. Ученица на пороге Приятия.

— А когда оно?

— Примерно через две луны.

— Совсем близко!

— Даже не верится.

«О Ваал, поддерживаю разговор, как прачка», — тягуче-устало подумала Миланэ. Она слишком изморилась, чтобы вспоминать цитаты, выискивать остроты, изящные обороты; ей хотелось говорить просто и односложно.

— Как... как этот друг дяди, сосед, нашёл Ваалу-Миланэ?

— Говорил, что целый день бегал по Марне в поисках Ашаи. Но все были заняты.

— Можно понять.

— Можно.

Тишина и...

— Прошу прощения, так как нашёл?

— Ему кто-то показал дом Ваалу-Хильзе. Он вообще-то к ней пришёл, но Хильзе не могла пойти, утром она уезжает из Марны по важным делам. Кстати, вот уже и утро...

Неудержимо зевнула, снова умело скрыв это.

— Хильзе отдала мне служение, и я пошла.

— Нужно было поблагодарить Нрая. Он так много сделал, — заметил Синга.

— Я соглашусь. Можно кое-что спросить?

Они ступили на мост рынка, тот самый, по которому Миланэ со Нраем-ла шла ранее.

— Весь внимание.

— У дяди и отца разные имена рода, верно?

— Верно, — кивнул Синга, стряхнув несуществующие пылинки с плеча.

— Значит, разные отцы?

— Нет. Это длинная и грустная история, сиятельная Ваалу-Миланэ.

— Я со тцанием выслушаю, если сир Синга пожелает о ней говорить.

— Мой отец, Тансарр, и Оттар, мой дядя, родились в один день. У моего деда, их отца, были две каменоломни в землях Хустру, и небольшая латифундия возле Кнасиса...

— О, Кнасис. Это совсем недалеко от моего дома.

— Милые черты Ваалу-Миланэ так и поют, что она дочь Андари. Моя догадка нашла подтверждение.

— Все львицы Андари улыбаются Синге. Так что же далее? Мне очень интересно.

— Так дед и жил в Кнасисе. Богатый провинциальный горожанин, очень достойный лев, мой славный предок. А потом он заболел, когда моему отцу и дяде исполнилось двадцать два. Отец учился в Имперском университете Марны, он хотел стать магистром права, ему оставался год. А вот дядя Оттар сразу уехал в Хустру, на каменоломни, и там управлял ими. Дед угас быстро, но успел оставить завещание. В нём он оставил каменоломни дяде Оттару, а латифундию, дом в Кнасисе и виллу на берегу Найского залива — отцу. Дядя Оттар всю жизнь считал это несправедливым, но не в том суть. Отец начал делать карьеру в Марне. Для этого, буду откровенен, ему пришлось продать отцовскую виллу. Отец делал карьеру трудно и упорно. В это время дядя Оттар связался с какими-то проходимцами, увлёкся азартными играми, а потом — что таить — погряз в криминальных сделках. Одну каменоломню он, насколько знаю, проиграл в карты; вторую пришлось продать на взятки, чтобы его не отправили на каторгу за подделку документов.

— Оу... — пригладила ухо Миланэ.

— Пусть Ваалу-Миланэ не судит слишком строго. Он действительно был добрым львом, правда.

— Все мы порочны, так или иначе. Разве мне судить? — развела она руками.

— И мне тоже. Оттар откупился, угомонился и пошёл работать к ростовщику учётчиком. Кажется... В общем, в какую-то контору. Но его старые подельники захотели взыскать с него долг, и приплелись среди ночи домой. А Оттар к тому времени обзавёлся семьёй, и тетя Сансилли была уж беременна. Как там было дело, никто не знает, но Оттар убил их воинским мечом и выкинул тела на улицу. Он, кстати, в девятнадцать ушёл в Легату, откуда дезертировал через год, из-за чего деду пришлось утрясать многие неприятности. Он, как выяснилось, ушёл вместе с мечом,

коим и зарубил тех двоих. Потом, при разбирательстве, Оттар утверждал, что это они вторглись к нему в жилище, но нашлись свидетели того, как он их добровольно впустил вовнутрь. Учитывая его прошлые приключения, ему грозила, по меньшей мере, очень долгая каторга...

— Оттар был львом беспокойной крови.

— Это точно. Когда мой отец узнал об этом, то сказал, что брат прыгал-прыгал, и допрыгался. Бабушка написала ему слёзное письмо, в котором просила моего отца помочь Оттару. Отец ответил, что ничем помочь не может. Тогда бабушка села в дилижанс, приехала в Марну, и начала умолять отца. В общем, моему отцу пришлось совершить невозможное, и он вытащил дядю Оттара из тюрьмы и по-тихому замял дело. Он чуть не погубил этим свою успешную карьеру, и спасло его лишь чудо. После этого он привёз Оттара в Марну, дал немного денег и сказал, что видеть его больше не желает. А также напомнил сменить имя рода, чтобы этот позор не стал несмываемым пятном в роду. И дядя взял имя рода от супруги, ему некуда было деваться: таков был их уговор.

— Отец льва сделал самоотверженный поступок ради уз рода. Отец Синги — страж?

Тот с большим удивлением взглянул на Миланэ, а она — на него.

— Нет. Нет-нет, не страж, — закачал он головой. — Так вот, сначала отец запрещал мне и моему брату видеться с дядей, но однажды я пришёл увидеть моего двоюродного брата, того самого, что немного «того», да... И сестёр... Потом познакомился с дядей Оттаром. Иногда к ним заживал. Я знаю, что это весьма не нравилось отцу, но это же родная кровь всё-таки. Особенно сестрёнки, им ведь нужно помогать. Они теперь отца лишились — так буду помогать.

— У Синги чуткое сердце.

Он засмеялся, но грустно.

— Пожалуй... И когда мы узнали о смерти дяди, то я сразу сказал, что пойду на сожжение, и со мною пошла моя мама, хоть она знала Оттара очень плохо. Она убеждала отца, но он не пошёл... Я не злюсь на него, ни на кого не злюсь. У него есть на то причины. Как есть, так есть.

— Грустная история, Синга. У жизни всегда найдутся тёмные краски для нас.

Рынок, по которому они проходили, напоминал истинную картину хаоса.

Миланэ только сейчас поняла, что постоянное бряцанье позади не только не стихало всё это время, но сейчас даже усилилось. Она с подозрением обернулась.

Двое. Два льва, больших, фигуры — почти правильный квадрат. Гривы — во! Один из них — в кожаном доспехе. Похожи на воинов, но Миланэ ничего не понимает в униформах. Сложно сказать, кто они да что они. Стражи?

— Возможно, я слишком устала, но кажется нас кто-то преследует.

— А, Ваалу-Миланэ, не стоит тревожиться. Они с нами, — махнул Синга рукой и взъерошил гриву.

— С нами? Пожалуй, негоже идти с кем-то, не имея знакомства.

— Ваалу-Миланэ хочет с ними познакомиться? — удивился Синги, но тут же позвал их: — Подойдите сюда.

Те не подошли, но грузно подбежали. Смотрели они в удивленным вопрошанием. Миланэ же поправила подол свiry. Левая ладонь обнимает правое запястье. Правую ладонь к небу.

— Слышащая Ваала желает с вами познакомиться.

— Здравия желаю, преподобная, — стукнул он грудь кулаком.
— Сильного утра, воин.
— Я — Хез. А это — Саян, — теперь стукнул кулаком грудь товарища.
— Очень приятно, — эти слова у Саяна вышли трудно, с тяжёлым раздумьем, словно ему значительно ближе простая брань.
— Я рада, что узнала вас. Вы славные.
Лицо Хеза расплылось в детской улыбке и повёл плечами, перевалившись с лапы на лапу.
— Ладно, вот и познакомились. Пойдём, Ваалу-Миланэ?
— Идём, Синга.
Они молча вышли на Марнскую дорогу, и солнце рассвета брызнуло лучами в глаза. Миланэ даже закрылась ладонью, Синга лишь сощурился.
— Новый рассвет, новый день. Новые надежды, — бодро сказал он, подняв повыше подбородок.
— Новые обязанности, — молвила Миланэ.
— Новые впечатления, — всё равно радовался Синга.
— Новые неприятности.
— Пожалуй, слишком много пессимизма.
— Оптимизм — это заискивание перед жизнью. Мы приписываем жизни некие добродетели, из которых хотели бы извлечь выгоду. Так говорила одна Ашаи два века назад.
— Кто именно?
— Шелли Нинсайская, в стихах о любви. «Ты жизни верила, но пренебрёг тобою, пренебрёг да тот, кто избавил бы от ноши силы горькой...».
— О, слышан о Шелли. Это правда, что она писала о львах, но на самом деле влеклась лишь ко львицам?
— Это расхожее мнение ничем не подтверждено. Впрочем, даже если так, то пусть.
Он улыбнулся и почесал подборок.
— Какой же всё-таки рок звучит в тех словах. Об оптимизме. В жизни должно быть место надеждам, пусть даже совсем призрачным.
— Когда усталость струится из тебя, а твои лапы ступают домой с траурной церемонии, невольно вспомнишь о судьбе и бренности живого.
— О кровь моя, как же я слеп. И давно Ваалу-Миланэ не отдыхала?
— С вчерашнего утра, — призналась.
— Если надо, то могу понести львицу, — и даже то ли в шутку, то ли всерьёз собрался это сделать.
— Ах, нет-нет, — мягко оттолкнула его Миланэ. — Это, право, будет выглядеть очень смешно. Но когда я паду, пусть лев пообещает, что далее понесёт меня.
— Обещаю и клянусь.
Миланэ поняла, что зря рассказала про усталость. Вообще многое зряшно сболтнула.
— Львица успела увидеть красоты Марны?
Хорошая у него черта: легко сменяет тему разговора. И к слову не цепляется. Какой, однако, лёгкий в разговоре лев. Миланэ вдохнула поглубже. А вообще, всё это становится вполне себе интересным...
— Вовсе нет, о чем жалею. И вряд ли успею.

— Насколько я помню, три дня? — показал он три когтя.
— Да, послезавтра утром придётся мне уехать.
— Вот, как жаль. И сразу в Сидну?
— Да, — скромно ответила дисциплина.
— Когда в следующий раз Ваалу-Миланэ будет в столице?
— Никто не знает, и я — тоже.
— Я тут подумал: вдруг львицу пришлют сюда из дисциплинария. Было бы чудесно.
— Кто знает. Но это вряд ли. В Марне и без меня достаточно сестёр-Ашаи.
— Львица не знает, куда отправится после дисциплинария? — Синга взял в руки трубку и начал вертеть её.

— Слабо представляю. Сначала я должна хотя бы год отбыть там, где мне посоветует амарах дисциплинария. Это дань уважения. Или полгода, если я попаду в какое-либо место, связанное с Легатой.

— Я слышал, что те, кто обрели патронов во время ученичества, не следуют этому обязательству. Это правда? — смотрел он на Миланэ искоса. Синга как-то очень ловко и незаметно уже успел возжечь трубку.

«Ему совершенно не идёт курение», — подумала Миланэ. — «Бросил бы. Даже трубка в руках — и то не идёт. Будь он мне ближе — я бы ему сказала...».

— Да, правда. Но среди моего года только одна такая ученица. Патроны любят знакомиться с Ашаи сразу после Приятия, но не до этого.

— Почему так? — без удивления спросил он.

— А вдруг ученица не пройдёт Приятия?

— Такое бывает редко, насколько мне известно.

— Редко, да метко.

На небе — ни облачка. Будет чудесный день.

А вот и «Большой Дерб», окаянная забегаловка. Так, направо, ещё двести шагов по дороге вверх, и слева — дом Хильзе. Синга перестал говорить, Миланэ же успела три раза зевнуть — удержаться было невозможно.

Игнимара-то истощает.

— Большое спасибо, Синга. Вот мы и пришли.

— У Ваалу-Миланэ в сегодняшний вечер есть какие-либо неотложные дела?

Ах, вот оно даже как. Ну что ж, да я вовсе не против...

— Ммм... Сегодня надо уладить кое-что, — конечно же, сразу соглашаться нельзя. — Но завтра — нет, никаких дел нет.

— Хорошо. Мой отец тоже захочет увидеть и отблагодарить ту прекрасную Ашаи, что верно сослужила для его бедного брата.

Внутренне застыла. Ох, это не... Ну что ж.

— С радостью увижу его, — ровно ответила.

— Прекрасно. Очень надеюсь, что ещё встречу Ваалу-Миланэ.

— Взаимно, Синга. Благодарю за помощь.

— Это самое малое, что я мог сделать для слышащей Ваала. Спокойного отдыха.

— Приятного дня.

Она постояла немножко, провожая его взглядом и лёгкой, вежливой улыбкой, а потом длинным ключом Миланэ открыла дом Хильзе. Миланэ всегда нравилось, если дома никого нет — значит, можно быть наедине, что-то подумать, что-то придумать, уплыть в мечтах и не заботиться о том, что некто оборвет тебя на полумысли.

«Глупая ты. Оптимизм-пессимизм. Лев-то какой, а ты о ерунде болтаешь!».

Страшно захотелось сбросить свирю, сбросить всё, и бездумно упасть на кровать. Но Миланэ так не может, она вся устала за день, и это томление собралось в теле. Она привыкла мыться много и часто, а потому, несмотря ни на что — в воду.

Так, мансуру, сирну... всё на кровать. Свирю — вон, на пол. И нательную рубаху тоже. Кольца, серьги — на столик. Посмотрела на хвост — немного измарался.

Вот так, вся как есть, дочь Сидны и пошла в балинею — комнату омовений и мытья, без которой не мыслим практически ни один хороший дом в Империи. В доме Хильзе она находилась в пристройке к основному дому, возле столовой. Миланэ ещё по приезду отметила эту странность в планировке, но всё забывала спросить об этом подругу.

Потрогала воду в ведёрке.

Зябко.

Села на маленькую скамейку, приложила ладони к лицу, растёрла глаза.

Ааах, Ваал мой, сейчас прямо тут лягу и усну-усну, сплю, сплю, сплю... Так, вставай. А что в купели, есть вода? Есть? Есть! Вода в большой бочке-купели совершенно чистая, и ничего наливать самой не надо.

Только холодная.

Миланэ до смерти захотелось залезть в тёплую воду в бочке, окунуться по самые уши.

Открыв заслонку печи, она набросала дров; потом пошла на кухню и начала искать трутницу. Но поиск оказался безуспешным. Также нигде не было ни самого трута, нашелся только кремень без кресала; Миланэ походила по всему дому, кроме комнаты Хильзе, и даже почему-то заглянула под свою кровать. Посмотрела в печь на кухне, но там угли были очень слабенькие, и раздуть их не получалось.

— Проклятье!

Пойти к соседям за огнём, что ли.

Она выглянула в окно: утро звенело в полную силу. За низким заборчиком, ограждавшим небольшой двор Хильзе, по улице неторопливо ступал пожилой лев. У Миланэ появилась сонная мысль: «Он наверняка курит трубку. Значит, есть огниво. И он зажжёт мне печь!».

Словно почувствовав на себе взгляд, лев на ходу рассеяно посмотрел в окно. И ту же оживился, остановился и начал улыбаться.

— Хей-хей, привет, красавица!

Миланэ мгновение не понимала, что с ним такое. Но потом дошло: она-то, отодвинув занавеску, стоит в чём мать родила. Помахав ему ручкой, Миланэ отпрянула и испуганно прислонилась к стенке.

Старый весельчак побрел себе дальше, посмеиваясь:

— Молодёжь!

Неприлично-то как. Ну да ладно. Разве нам к лицу ханжиться, Синга?

Хороший лев. Вот бы приехал сюда, а я вот так ему взмахиваю ладошкой, а он заходит в дом, а я убегаю в комнату, а он врывается...

Так где же мне огня достать?

А потом её посетила безумная идея, и она быстро пошла к печи балинеи. Миланэ вскинула обе руки, сощурила глаза. Соединив ладони, она подула на них, мягко, медленно наклоняя голову набок. Терпкая колкость мгновенно проняла ладони.

Прав был Нрай. Тофет — лишь дрова.

Огнём Ваала в обе руки, даром игнимары, священным даром духа для Ашай,

Миланэ торжественно подожгла дрова в бане. Дрова загорелись, как надо — огонь игнимары немного горячее обычного; это не домысел, а вполне факт, проверенный учеными. Учёные феномен игнимары так и сяк извертели, желая увидеть в нём какой-то фокус и фиглярство. Но не тут-то было.

Потом пошла что-то скушать, ожидая, пока подогреется вода в купели. Нашелся мешок яблок и вяленая рыба. Такую рыбу Миланэ терпеть не может (как её Хильзе только ест? уж точно — дочь земель Дэнэнаи), потому села на табурет в столовой и начала заправски отрезать себе куски яблок и (о ужас!) есть их прямо с ножа. Если бы какая-то наставница хотела показать пример самых дурных манер, то ей бы стоило сгрести всех учениц Империи к дому Хильзе, и показать, как воспитанница Сидны, на пороге Приятия, ничтоже сумняшеся сидит на табурете голая, не соблюдая никакой позы для сидения, кушает яблоки прямо с лезвия ножа и ждёт, пока подогреется купель дровами, объятами огнём Ваала.

Затем Миланэ блаженно наслаждалась тёплой водой, закрыв глаза, вся отмокала в ней, свесив руки через край бочки и поставив подбородок на него же, когда услышала шум в доме. Навострив уши, она слушала-слушала, настораживаясь, пока не увидела Хильзе в дорожном облачении, которая явно искала её.

Она снова прикрыла глаза.

— Ах, это ты, Хильзе, — вяло протянула она руку в приветствии.

— Да, похоже, это я. Купаешься?

— Блаженствую, Хильзе, — стекали струйки по подбородку Миланэ.

Хильзе начала вытаскивать полотенца из корзины.

— Как всё прошло?

— Печально, как ещё проходят сожжения. Это был лев по имени Оттар. Бедноватый земледелец, пять десятков лет, убитая горем вдова, двое дочерей-маасси и сын-заика, — пристукнула Миланэ по борту бочки.

— Да уж, — посмотрела на неё подруга. — Устала?

— Есть немножко, Хильзи.

— Ладно, мойся, а потом сразу иди спать. Пойду тебе постелю.

— Кстати... А почему ты не поехала? Ты же вроде...

— Пришлось поездку отложить. Кое-что не сладилось, — отмахнулась она. — Хотя, по-моему, здесь некогда откладывать. Хоть бери и сама езжай.

Было заметно, что подруга-Хильзе явно расстроена. Она подошла к Миланэ; отворив заслонку, и деловито заглянула в печь.

— Ну что, как тебе эти палочки? Правда, отличная штука? — спросила Хильзе, глядя на огонь.

— Какие палочки? — нахмурилась Миланэ, потирая мокрое ухо.

— Ну те самые, для зажигания огня. Это я купила в магазине аптекаря Толная. Теперь не нужно никаких трутниц, к нему вся Марна ходит. Штука просто изумительная, говорят, скоро их в Легату станут поставлять. Хочешь, тебе коробку подарю?

— Это... Ваал, не могу понять, о чём ты. Я, кстати, оббегала весь дом и не могла найти ни кресала, ни трута.

— Так я их в подвал спрятала. Пользуюсь теперь только палочками. А ты что, не ими зажгла дрова?

— Нет.

— А чем тогда?

Неестественно долгое молчание для такого вопроса.

— Ладонью.

Хильзе подошла к Миланэ, одной рукой взявшись за край купели.

— Игнимарой, что ли? — в её глазах играло изумление.

— Угум.

— О, Миланэ, теперь вижу, что ты устала больше некуда. Пошли со мной, пошли.

Как маленькую, она её вытащила с купели, зачем-то долго оттирала, хотя Миланэ уверяла, что справится сама, отвела в комнату, постелила что-то красивое и уложила спать. Дочь Сидны лишь коснулась щекой к чистой ткани и сразу провалилась в чёрное забытьё безо всякого сознания.

Глава VI

Миланэ уснула, а Хильзе ушла в город. Она решила сама поехать в то самое поселение возле столицы.

У неё там весьма важное дело: тяжело болеет одна Ашаи, по имени Сталса, которую она хорошо знает много лет, подруга её первой наставницы. У этой сестры есть ученица-*найси* — маленькая ученица — которую наставница решила отдать в дисциплирий. Она видела в ней все задатки и способности, но недуг скопил её, она даже с трудом передвигалась по дому.

Хильзе должна забрать эту львёну-ученицу с собой в Марну, чтобы та прошла Круг Трёх сестёр, которые или подтвердят способности юной ученицы и дадут рекомендацию в дисциплирий, либо отвергнут их. Подруга-Ашаи вовсе не просила об этом Хильзе, но всё говорило о том, что дни Сталсы сочтены, несмотря на молодой — ей даже ещё не было пятидесяти — возраст. Недуг Сталсы был крайне странным, никто так и не смог определить его природу, но она подозревала, что отравилась по неосторожности чем-то редким и необычным. Учитывая то, что ещё в юности она неистово влюбилась в фармацию и постоянно проводила эксперименты на грани официально высмеянной, отвергнутой алхимии, то это было похоже на правду.

Долг велит забрать ученицу до того, как подруга её первой наставницы умрёт.

Хильзе должен был отвезти один знакомый. Но поездка не сладилась, а было это так.

На рассвете пришла к его дому.

Долгий стук, у Хильзе аж костяшки пальцев заболели.

Дверь открыла какая-то львичка в наспех надетой юбке и помятой блузе.

— Где Блас? — требовательно спросила Ваалу-Хильзе, смерив молодую особу взглядом.

— А что такое? — удивилась львичка. И приложила ладонь к груди: испугалась сестры Ашаи-Китрах. Ваалу-Хильзе не стала спорить и без церемоний вошла в небольшой, но весьма неплохо обставленный дом дренгира марнской стражи.

Коим и был Блас.

Она вошла в спальню. Среди дичайшего беспорядка на скомканной постели нараспашку спал Блас. Хильзе взяло зло. Дёрнула его за хвост, за лапу:

— Отстань... — махнул рукой.

— Блас! Уже полдень! — обманула Хильзе. — Блас?!

Некоторое время он лежал без движения. Потом перевернулся и сонно уставился на Ваалу-Хильзе:

— Ну?

— Мы должны ехать! Забыл? Блас!

— Ааа...

— Вставай, поехали, мы должны были приехать ещё к вечеру!

Блас заметил, что лежит в непристойном виде, и вяло натянул на себя покрывало.

— Я это самое... Может, как-то... Давай завтра?

Вот так никто никуда не поехал. Хильзе поняла, что толку с него не будет и страшно пожалела о том, что попросила именно его. В расстроенных чувствах вернулась домой, где застала сонную, усталую Миланэ, которую и уложила спать.

Потом Хильзе никак не могла договориться с извозчиками о приемлемых условиях: все называли какие-то заоблачные цены, и это несмотря на то, что она — Ашай. Эти-то привыкли, что в Марне их много, и большого пиетета к сестринству не питают. Они понимали, что в день после Ночи Героев заработают в Марне столько, сколько не заработают за неделю обычной работы.

В заботах-хлопотах прошёл почти весь день, и ехать было уже поздно. Хильзе рассудила, что уладит вопрос с поездкой завтра; она бы и сама поехала, верхом, но негде было достать лошадь. А на фирранах, естественно, никто возле Марны не ездит.

Вернувшись домой, она обнаружила, что Миланэ куда-то ушла. Хильзе переоделась и ушла на кухню, чтобы: сготовить чего вкусенького на ужин; подумать о такой важной поездке; прикинуть, успеет ли вернуться к брачной клятве одной пары, которая пригласила её вести церемонию.

Вдруг — стук в дверь, пугающий своей уверенной ясностью.

Заткнув полотенце за пояс, а другим вытирая руки, Хильзе пошла открывать.

— Имперская посылная служба! — важно изрёк лев в красном плаще с вензелями, со смешным достоинством держа в руке небольшой жезл.

«Наверное, им и стучал», — подумалось Хильзе.

Она молча стояла, придерживая дверь и глядя на него; лев, в свою очередь, тоже молчал, чего-то выжидая.

Ну ладно. Имперская. Посылная. Служба. Дальше что?

— Львица — домработница? — наконец-то разорвал заминку.

— Нет.

— Попрошу львицу сообщить, здесь ли временно проживает благородная Ваалу-Миланэ-Белсарра, слышащая Ваала, дисциплина Сидны? — подглядывал он в свиток.

— Да.

— Владелица сего дома — преподобная Ваалу-Хильзе, видящая Ваала?

— Да.

— Могу ли я увидеть преподобную Ваалу-Хильзе?

— Это я.

— Ах, так это вы, — обратился лев с официально-выспренным «вы». — Попрошу простить. Могу ли увидеть сиятельную Ваалу-Миланэ-Белсарру? Мне поручено лично отдать ей сообщение.

— Её сейчас нет, — пожала плечами Хильзе, поводя хвостом.

— А когда придёт благородная слышащая Ваала, не подскажете?

Хильзе захотелось грязным полотенцем заехать ему по роже. Обращение на «вы»

используется в Империи редко, только в очень официальных обращениях; как правило, оно уместно только для императора и членов его семьи. Во всех остальных случаях оно носит ироничный оттенок. Причём упрекнуть посланца не в чем: Хильзе знала, что у имперских служащих и чиновников есть давний указ обращаться в любых случаях на «вы» с патрициями и сёстрами-Ашаи. Но этот указ, с обоюдного согласия, повсеместно игнорировался.

— Сложно сказать.

— Хорошо. С разрешения, я подожду у калитки.

— Зачем ждать? Лев может отдать мне, я передам, — Хильзе протянула руку.

На что тот лишь подарил косой взгляд.

— Да я под стамп возьму, пусть лев не волнуется, — пошевелила она пальцами, мол, ну же, не бойся.

— Спасибо за заботу, — вскинул он брови и посмотрел в сторону. — Но мне поручено отдать лично ей, прямо в руки.

— Как угодно, — развела руками Хильзе.

— Спасибо. Всего доброго.

— Пока.

Тот действительно встал у калитки, играя своим маленьким жезлом: ударял им о ладонь. Такие жезлы выдаются некоторым чиновникам и служащим Империи, как символ власти и представительства. «Смешная штука», — подумала Хильзе, прикрыла дверь, но потом снова отворила.

— Так что, лев будет ждать на улице? — чуть насмешливо спросила она.

— Я должен дожидаться Ваалу-Миланэ-Бе... — заунывно начал он.

— Нет-нет-нет, — вытянула из-за пояса полотенце. — Пусть лев входит. Я не хочу, чтобы чего плохого подумали о моём гостеприимстве.

Тот немножко подумал, кивнул в такт какой-то мысли и направился к порогу. У входа он остановился, в глазах немой вопрос: «Можно войти?». На что Хильзе жестом пригласила вовнутрь.

— Премного благодарен, — сказал он уже в прихожей, осматриваясь.

Хильзе закрыла дверь.

— Пусть лев не видит оскорбления в том, что я так одета, — провела она ладонями по талии и бёдрам. — Я никого не ждала и полагала, что это пришла Ваалу-Миланэ.

Они вошли в столовую.

— О нет, нет никакой нужды в извинениях, — кивок в ответ на приглашающий жест Хильзе. — В свою очередь... пусть львица не сочтёт грубостью, — повинился жесту Хильзе и сел за стол, — что я не могу передать письмо кому-то, кроме благородной Ваалу-Миланэ.

— Да всё понимаю. Мой гость выпьет немного вина? — тут же Ашаи достала с полки запечатанную бутылку.

— Нет-нет, спасибо, но я на службе, — важно помахал он рукой. — Не положено. «Сейчас мы с тобой побеседуем», — внутренне усмехнулась Хильзе.

Вино очутилось на столе.

— Будем же добрыми Сунгами и позволим себе то, что одобряет Ваал в этот день. Вино отличное, стоит испробовать, — она очутилась позади него, с кубком в руке.

— Должен заметить, что тот день, к сожалению, уже прошёл.

— Но его эхо живо в наших сердцах, — подошла она с другой стороны. — Пусть

лев не отказывается принять гостеприимство сестринства Ашаи.

Это прозвучало убедительно, и он чуть неуклюже взял кубок. И себе взяв кубок из серванта, Хильзе ловко налила в него вина. Когда она обернулась, то как-то очень близко, прямо возле руки льва, мелькнул её хвост.

— Лев не сочтёт фамильярностью, если мы, учитывая равный возраст, перейдём на «ты»? — села напротив него.

Хильзе сильно заинтриговал этот посланец. Имперская посыльная служба используется для пересылки важных сообщений и документов, причём именно государством и Легатой; дисциплинарии, например, ею не пользуются. Простое, вечное любопытство самки так и раздирало её. Поэтому она потихоньку-полегоньку решила вытянуть из него, с чем именно он пришёл к Миланэ.

— С радостью, — произнес он с улыбкой, исполненной весёлого удивления.

«Сейчас узнаем, кто таков», — поняла Хильзе.

Звон бронзовых кубков.

Лев утёрся ладонью и придирчиво посмотрел на кубок, подняв на уровень глаз.

— Хорошо, давай познакомимся. Ваалу-Хильзе, из рода Астал, — исполнила она приветственный жест знакомства: правая рука к груди, кивок головой, ближе к правому плечу.

— Тэнгай из рода Хластров, — вдруг в нём проснулся кавалер и он торопливо поцеловал руку Хильзе.

Напыщенность как хвостом смахнуло.

— Вот и познакомились. Очень приятно.

— Мне тоже, Ваалу-Хильзе.

— Можно просто Хильзе, — с весёлым прижмуром взмахнула ладонью Ашаи.

— А это не нарушение... правил... канонов?

— Нет. Это знак.

— Чего же, могу ли узнать?

— Доброго расположения. Не больше. И не меньше. Только вот прошу, Тэнгай, скажи: зачем желал ты обидеть меня этим глупым «вы»?

— Эм... — дёрнулся он.

— Странно была одета? — пригладила себя за ушком.

— Я не...

— Да, поговорка «встречают по одежке» верна, да не совсем. Одежек у львицы бывает много, и одинаковых нет. А иногда нет вовсе.

Тэнгай замахал руками, даже встал:

— Я... честное слово... нет. Я не имел в виду ничего обидного. Клянусь кровью рода.

Она тоже встала, чтобы Тэнгай за плечи усадить.

— Ну если так, то забудем об этом. Пока мы ждём Миланэ, предложу льву тушеную свинину с имбирем, от которой он не откажется, — и упорхнула на кухню.

— Нет, я вовсе не голоден... — он вяло попытался воспротивиться.

Хильзе практически тут же вернулась.

— Ах, не пристало льву так скромничать, особенно в аппетитах, — поставила ладони на стол. — Лев ведь всегда голоден, верно?

— Когда наелся, так откуда взяться голоду?

— Но ведь голод бывает разного рода, да?

Её левая бровь предательски поднялась, еле-еле. Но Тэнгай заметил это, заметил

на грани неясного узнавания.

Было? Или не было?

— Каким же он бывает? — потёр ладони.

— Мне ли объяснять льву такие вещи, — улыбнулась Хильзе.

— А я настаиваю и хочу услышать.

Она молчит. Почему она молчит?!

— Ой, там моё блюдо на огне, — снова упорхнула она на кухню.

Тэнгай посидел, нервно побарабанив когтями по столу.

— Так пусть Ваалу-Хильзе продолжит свою мысль, — сказал он громко.

— Какую мысль, пусть напомним Тэнгай? — возникла Ашай в дверях, словно из ниоткуда, словно по мгновенному зову.

— О голоде и его видах.

Хильзе подошла.

— Не припомню, что я хотела сказать.

Его заворожило это маленькое движенье, почти незаметное: она словно переминалась с лапы на лапу, еле-еле, и каждый раз бедро слегка покачивалось; она повторяла его для каждого бедра именно два раза, не один, не три, а именно два; и вот эти два раза почему-то начали пробуждать в нём тёплую, колючую волну вождения. Именно эти два раза. Повторяет. Каждый раз.

— Я, кажется, начинаю понимать, — почесал он шею, а потом и грудь, проникнув когтями через ворот рубахи.

— Так говорить не надо, о таком не говорят, — прекратила.

Только не прекращай!

— Иногда говорят. Зависит от времени и места.

— И разве здесь время да и место?

Ну же. Давай ещё. Ну.

— Мне сложно судить об этом, — выдохнул сквозь зубы.

— Об этом судит всегда лев, львица лишь корится, — посмотрела в сторону и вверх, обнажив шею.

— А львица хочет мне покориться? — сжал кубок, но потом нежно отпустил, словно он был живым.

— Может, да. Может, нет. Сама не знаю свой ответ, — взглянула прямо ему в глаза.

Ладно, довольно игр.

— Хильзе, я хочу тебя, — протянул он к ней руки, но помешал стол. Он отбросил стул назад, вмиг поднявшись на лапы, приблизился к ней и жадно схватил за плечо.

— Будь по-твоему, — она казалась невероятно изумлённой, но его руки не сбросила, — но знай: прежде всего мне надо кое-что узнать.

— Что? — сглотнул он.

— С чем пришёл к Миланэ?

— С посланием, я не знаю содержания. Я никогда не знаю текста посланий.

— А кто послал?

— Сенатор Тансарр Сайстиларский воспользовался правом на посыльную службу. У него есть дело к Миланэ. Иди сюда.

«Ну ничего себе», — удивилась Хильзе, поэтому тут же утратила цепкую хватку взгляда. Он же обнаружил, что крепко держит её за талию. Убрал руки, сосредоточенно нахмурился.

Немилосердный, тяжеловатый взгляд Хильзе.
— Садись.
— Зачем ты это сделала?
— Сделала что?
— Ты решила разузнать о послании!
Хильзе поморщилась и фыркнула.
— Не устраивай балаганных сцен. Ты сам всё рассказал.
— Зачем тебе знать, что в послании? Я предупрежу Ваалу-Миланэ.
— Предупреждай сколько угодно: у сестринства Ашаи нет тайн. Она моя лучшая подруга ещё со времён дисциплинария. Что ты ей скажешь? Как всё сам мне расплёл?
Он сильно выдохнул, бессмысленно толкнув стул, взъерошивал аккуратную чёрную гриву.
— Это непорядочно, Хильзе.
— Непорядочно со спесью обращаться к Ашаи, да и вообще к любой душе, — Ашаи начала устраивать порядок на столе. — Я бы всё простила, но не это мерзкое выканье.
— Я извинился! Ты же сказала, что забудешь об этом!
— Видимо, забыть не смогла. Ладно, ты прощён. Думаю, мясо уже готово. Будешь?
— Пожалуй, я пойду.
— Да сиди, сиди, — ушла она на кухню. — Миланэ скоро будет.
Хильзе внесла огромную сковороду и соорудила для неё место на столе. Положив на тарелку гостю и припросив отведать, села напротив, заложив лапу за лапу.
— Не обижайся, — взяла в ладони кончик хвоста. — Другого способа выведать, с чем ты да кто ты, не существовало.
— Это будет мне хорошим уроком, — уплетал он с набитым ртом, не церемонясь.
— Верно подмечено. Ты бы...
— Хильзе, — перебил лев, — ты больше не утянешь меня в этот омут. Я, прости, поем, потом допью вино, потом встану на улице и буду ждать Ваалу-Миланэ. Потом я ей передам письмо, потом отчитаюсь, а потом уйду домой. Вот так и будет.
Тэнгай съел всё из тарелки.
— Хорошее блюдо, — сказал и встал.
— Уж не ждала от тебя доброго слова, — Хильзе осталась сидеть.
Осушив кубок, посланец взял жезл и твёрдо направился к выходу. Но его шаги утихли после скрипа входной двери.
Хильзе сидела неподвижно.
Всё-таки через миг вернулся, но тихо, без гулкого шага.
— Спасибо вам за обед, преподобная Ваалу-Хильзе, — вкрадчиво и пересмешно сказал Тэнгай.
Внезапно в столовой раздались всхлипы плача.
— Ты чего... плачешь? — пошёл он к ней, как тут в дверь постучали.
— Это Миланэ, — отворачивалась она прочь. — Давай, иди, открой ей.
Тэнгай с небольшой миг в нерешительности смотрел на спину Хильзе, на её симпатичный хвост, на изгибы плеч. А потом пошёл открывать дверь.
— Имперская посыльная служба, — рыкнул Тэнгай и вдруг почувствовал себя в каком-то фарсовом положении.
— Что? — изумилась-опешила Миланэ, глядя на него большими глазами.

— Мне велено передать послание, — отчеканил лев, вынимая запечатанный свёрток из внутреннего кармана.

— От кого? — она бездумно взяла письмо. — Но... А где Хильзе? Что лев здесь делает? — наострила Миланэ уши, мордочка стала серьёзной, взгляд — остреньким, с огоньком.

— Я здесь! — прозвучало из глубин дома. — Он принёс тебе письмо!

— Эм...

— Прошу поставить подпись вот здесь. И штамп попрошу тоже, — протянул небольшую бумажку.

— Ну, я... Идём к столу. Здесь неудобно.

В столовой Хильзе не оказалось.

«О небо, до чего она странная... Хильзе», — подумал Тэнгай, наблюдая, как Миланэ изящно подписывается и привычно бьёт штампом по бумаге.

— Всего доброго, Ваалу-Миланэ-Белсарра. Приятного дня.

— Благодарю, льву тоже, — дочь Андарики удивлённо провожала его взглядом, пока дверь не захлопнулась.

— Что это было, Хильзе? — быстро присела Миланэ.

— Да вот, принёс тебе какое-то послание. Хотел ждть на улице, но я впустила. Даже накормить успела, — её голос звучал с внутреннего дворика, где-то возле балинеи.

Дочь Сидны вертела свёрток в руках, разглядывала сургучную печать; выглянула в окно — в мире свечерело.

— От кого? Я ничего такого важного... не жду, — продолжала рассматривать.

— Он не сказал. Оставлять не хотел, даже под штамп: говорил, не положено. Лично в руки.

Хильзе вернулась, растирая глаза и осматривая ладони — не осталось ли следов от смывтой тентуши с глаз? Тем не менее, внимательно слушала: она любит всё тайное: маленькие секреты, небольшие проверки, лёгкие нюансы. Хотелось знать: скажет ли Миланэ, от кого письмо, или что-то соврёт.

— Что ж... — Миланэ вскрыла печать с помощью сирны и принялась читать.

Занявшись уборкой стола, Хильзе поглядывала, как же будет вести себя подруга.

Та сначала обхватила письмо двумя руками, потом приложила ладонь к щеке, а потом открыла рот от удивления.

— О Ваал. Хильзе, это...

— Что такое? Что-то случилось? — подруга прекратила елозить тряпкой по столу.

— Нет... То есть, да. Ты только погляди!

— А можно? — спросила Хильзе, мигом очутившись позади Миланэ.

— Смотри! — ученица расправила письмо получше.

*Сиятельная слышащая Ваала,
благородная дочь своего рода,
верная дисциплина Сидны —
Ваалу-Миланэ-Белсарра!*

*Храня искреннюю благодарность в сердце за милосердное
отправление в Нахейм духа моего близкого родича Оттара и
желая непосредственно выразить её, приглашаю безупречную на*

вечернюю трапезу, которая состоится в моей марнской резиденции, 7-го дня 4-ой Луны Выхода сего года, после захода солнца, в девятом часу.

*С чистым уважением,
глава рода Сайстиллари,
член Сената Империи Сунгов,
преданный делам Императора
Тансарр,
из рода Сайстиллари.*

И печать. В ней внушало уважение всё: и тончайшие детали гравировки — не подделаешь; и строгий Сенатский круг — не усомнишься; и традиционный имперский узор из ромбов.

— Это ведь сенатор Тансарр! Из рода Сайстиллари! Поверить не могу, — бросила тряпку Хильзе.

— Тот самый? Настоящий сенатор? Из двадцати четырёх?

Миланэ весьма плохо разобралась во всём, что касалось политики, государственного устройства, всех и всяческих учреждений, Легаты и всего такого; это всегда удручало её, несколько раз ставило в неловкое положение, а раз даже сыграло злую шутку. Но все воспитанницы дисциплинариев изучают основы права и устройства Империи, она, естественно, знала, что есть Сенат, а в Сенате сейчас — двадцать четыре головы, и все эти львы имеют огромное влияние в Империи.

И вот один из них приглашает на ужин.

— Именно так, Миланэ. Ты, выходит, отправила в последний путь брата сенатора? — с утверждением спросила Хильзе.

— Помню: Синга сказал, что его отец захочет со мной увидаться, меня поблагодарить, — не слушала Миланэ.

— Его не было на сожжении, верно?

— Кого? Тансарра? Нет. Был сын и супруга. Насколько понимаю, да, супруга. Я сразу их приметил, по одежде, — облокотилась о стол Миланэ, даже не заметив упавшей сумки.

— Что тут скажешь. Даже самая видная старшая сестра почла бы за честь пойти на ужин к сенатору, — со сметливой предприимчивостью сказала Хильзе, чуть сощурившись. — Это даже лучше, чем пойти на пир к императору, где околачиваются все, кому не лень.

Так-то да. Но...

— Слушай, Хильзе. Что ему надо? Почему меня приглашают? — стук когтей Миланэ по столу послышался по всему дому.

— Видимо, спохватился, хочет соблюсти приличия, — Хильзе всё рассматривала сверху, снизу, сзади, сбоку необычное письмо. — Он же публичная персона.

— Может узнал, что я не брала денег?

— Может быть. Впрочем, какая разница? Это тебе только на руку. Вернувшись в Сидну, ты всем сможешь рассказать, что ужинала в доме сенатора, — с лукавым тщеславием молвила Хильзе. — Может, даже какие знакомства заведёшь. Мало ли кто будет на этом ужине. Уверена, что много разных важных персон. Вот оно! — вскинула руку к потолку. — Вот оно, важное событие твоей поездки. Как мы и

предвидели!

Но Миланэ не разделила радости подруги.

— Что делать, Хильзе? — с тревогой спросила она.

— Как что? Ложиться спать, хорошо отдохнуть, а завтра с утра начинать приводить себя в порядок. Я тебе помогу.

— Кровь предков, нет, Хильзе. У меня нет пласиса. Даже просто, обычного светского наряда, на крайний случай — и то нет! Нет!

Хильзе перестала улыбаться и отдала ей письмо.

— Мне не в чем идти! — отчаялась Миланэ.

«Проклятье, как я могла не взять хоть один пласис из Сидны? Как? Ехала в Марну, а не куда-нибудь!».

От досады бросила приглашение на стол.

— Идём, посмотришь мои, — решительно позвала за собой Хильзе.

— Они не подойдут, — заметила Миланэ, вставая.

— Попробуем.

Но чуда не случилось. Хильзе выше Миланэ почти на целую голову, потому все её наряды смотрелись на ней весьма нелепо, тем более, что пласис всегда шьётся лично для каждой сестры, с точным соблюдением всех мерок.

— Завтра пойдём к одной сестре, одолжим у неё.

— Нет! Ты что! Какой позор! Нет! — впала в ужас Миланэ.

— Миланэ, она почти такая же, как ты. А вдруг?

— Да как я буду носить чужой пласис? Это невысказано!

— Она хорошая подруга, всё поймёт.

Подумав-погадав, решили пойти к ней в самом крайнем случае.

— Можем завтра пройтись по магазинам с одеждой?

— Отличненько, и что?

— Попробуем найти какой-то светский наряд, — неуверенно предложила Хильзе.

Это предложение их тех, которые предполагается просто высказать, потом раскритиковать и с лёгкой душой отбросить.

— Ваал, да за что мы его купим? У меня всего лишь сотня импералов.

— Я тебе одолжу деньги.

— Я приглашена как Ашаи, а не простая львица. В этом — вся суть!

Снова сели, призадумались.

— Дом Сестёр, — предложила Хильзе.

— Да, я приду и скажу: здрастье, дайте-ка мне пласис.

— Ты идти хочешь или отговорки придумывать? — вспылила сестра.

Закрыв глаза, Миланэ начала тереть переносицу:

— Лучше не идти, чем позориться!

— Пойдешь так, как есть. В свире и...

— ...жёстких дорожных кнемидах? На ужин к сенатору? Я лучше заколюсь.

Миланэ возненавидела себя. Нет, ведь не забыла пласис; она намеренно его не взяла, полагая, что в Марне ждёт лишь библиотека.

Тут в дверь постучались, и Хильзе пошла открывать. Оказалось, к ней зашёл знакомый ростовщик, чтобы застамповать копию какого-то документа. Хильзе не могла отказать в услуге, и они ушли в столовую.

А Миланэ удалилась в свою комнату, прихватив письмо, зажгла свечи, ибо в мире уж было тёмным-темно; снова и снова перечитывала его, стараясь уловить цель этого

приглашения. «Итак. Он не написал моё имя рода. Почему? Потому что не знает. В таких случаях его нужно указывать. Наверное, поэтому такое напыщенное обращение вначале — чтобы сгладить неудобство. Хорошо, допустим, пошли дальше. Почему он его не знает? Потому, что узнал обо мне совсем недавно и скорее всего, от Синги. Да, точно, от Синги. Сенатор узнал обо мне после сожжения, не раньше, и справок навести не успел».

Зачем она, скромная ученица Сидны, понадобилась сенатору Империи?

Синга? Его проделка?

Возможно.

Тогда отчего такие сложности? При желании можно сделать всё чище и проще. И уж вряд ли бы стал впутывать в это отца, который, тем более, явно питал презрение к родному брату.

Так, что ещё?

«Благодарность. Может, Тансарр действительно узнал, что я не взяла денег, и не хочет, чтобы его род оставался в долгу? Хотя, с другой стороны, у него и брата были даже разные имена рода».

Так, ещё версия: атлас красоты, нескромные предложения и всё такое. Миланэ ни разу не позировала художникам атласов красоты, хотя многие подруги-дисциплины делают это вполне охотно. Как знать, вдруг он каким-то немыслимым образом обнаружил, что Миланэ в атласе нет, и непременно хочет её запечатлеть для коллекции. Такое тоже может быть, тем более, что Синга мог описать её внешность. Сенаторы, патриции — они ведь ценители атласов красоты и тому подобных вещей.

— Да что тут думать, — в который раз отбросила письмо. — Не в чем идти!

* *

Поутру, весьма рано, они ушли в город; Хильзе облачилась в светлый пласис, словно на праздник.

— Хильзе... нет... я не пойду, — заупрямилась Миланэ прямо у порога.

Они стояли возле большого двухэтажного дома-кондоминиума; район был незнакомым Миланэ, но явно небедным. Это ещё больше убивало её, так как предстояла унижительная просьба — одолжить пласис у знакомой Хильзе, которая, по словам подруги, «почти такая же ростом и фигурой».

Невозможная просьба.

— Выбора нет, — упорная Хильзе не сдавалась.

Казалось, ей больше нужен этот ужин, чем самой Миланэ.

— Если нет возможности пойти, так я не пойду. Будут другие возможности.

— Другой такой не будет. Пожалеешь на всю жизнь. Мне бы так! — блеснули глаза Хильзе. — Надо потерпеть и попробовать.

Миланэ испугалась внутри: а вдруг пожалеет? Ну вдруг действительно пожалеет? Самое худшее, что может быть с нами — жалеть об упущенных возможностях. Хотя, с другой стороны, о чем жалеть? Что не побывала на ужине у сенатора? Чушь шакаля. Но настойчиво билось внутреннее «Надо!», да и Хильзе подгоняла.

— Пошли, — потащила за руку.

Поднялись на второй этаж.

Безусловно, всё прошло закономерно плохо и унижительно.

— Что? — наострила уши, вскинула брови, осанилась Ваалу-Шентали-Майна,

справедливая и честная сестра-Ашай, истинной веры последовательница, бывшая воспитанница самого верного из трёх дисциплириев — Криммау-Аммау.

Хильзе объяснила ещё раз, теперь уже вкратце:

— Майна, нам очень нужен пласис.

Та помолчала, и это молчание не предвещало ничего доброго.

— Я знаю, наша просьба кажется странной, — решила заговорить Миланэ, стараясь хранить достоинство во всём: в жестах, тоне, выражении. — Самые крайние обстоятельства вынудили меня пойти на этот шаг.

Выказывая злость, Шентали-Майна швырнула веер на стол.

— Да, согласна. Просьба действительно звучит, по меньшей мере, странновато. Прости, Хильзе, но это совершенно против правил и здравого смысла. Я знаю, знаю, что ты мне не раз оказывала добрые услуги, и это ценю. Но то, что вы просите... что просит дисциплира Миланэ... Абсурд, — непередаваемо тонкой, мягкой, и тем более разящей манерой произнесла она последнее слово.

Повисла неловкая заминка.

— Могу сделать одно, — встала Майна, поднялись с кресел и дочери Сидны, — в знак нашей хорошей дружбы, Хильзе: я просто забуду об этом разговоре. Его про-сто не бы-ло, я ничего не слышала.

Хильзе чуть подумала.

— Хорошо, сделай это для меня. Забудь о нём, — улыбнулась Хильзе.

— Если желаете, то пройдёмте, утолим жажду хересом.

— С радостью, — внезапно согласилась Хильзе.

И они попили хересу.

Спешно поблагодарили, сошли вниз, на улицу, прошли шагов сто.

— Сволочь, — зло и спокойно сказала сестра-Ашай.

— О небо, Хильзе, перестань. Тебя не красят скверные слова.

«Зачем же она делает всё это ради меня? Чем я обязана?».

— «Хильзе, я тебе благодарна навеки, обращайся по любому поводу. Спасибо, спасибо! Ля-ля-ля», — мастерски кривлялась Хильзе, точно подражая манере Ваалу-Шентали-Майны. — Вот, пожалуйста — обратилась. Я припомню это.

— Не стоит расстраиваться, сестра моя, прошу. Майну можно понять.

— Она жалеет кусок тряпки тебе, сестре-Ашай. И мне, выходит, тоже.

— Пласис — не кусок тряпки.

Хильзе остановилась и посмотрела ей в глаза.

— Ты ещё ничего не понимаешь, Миланэ. Ничего. Но ты поймёшь.

Дочь Андари не совсем поняла, почему именно она ничего не понимает, но пока пыталась, то Хильзе перескочила:

— Ладно, пройдёмся по лавкам.

— А смысл? — грустно спросила Миланэ, смирившись с судьбой.

Ну раз так, значит так. Значит, не очень надо-то. Меня пригласили, а я не могу. Бывает?

Бывает. Неудобно, но жизнь полна неприятностями.

А далее они ходили по Марне посреди тёплого, тусклого дня; на улицах было полно львов и львиц всех сословий и возрастов, все спешили переделать дела — Праздник Героев взял свою дань, многие выпали из колеса будничной жизни на несколько дней. Сначала зашли в одну одёжную лавку в Квартале Торговцев, потом в другую, и ещё в третью. Ни Хильзе, ни Миланэ не могли бы внятно ответить, чего

они туда заходили: одежды, подобающей случаю, хотя бы светской, и близко там не было. Хильзе предложила пойти в центр города, где есть одни из лучших в Империи магазинов; хотя, конечно, лучшие одежные магазины — в Андари, о чём Миланэ не преминула напомнить.

— Ах, право, — засмеялась Хильзе, — в Андари, может, и самые лучшие, но здесь — самые дорогие.

Если в предыдущих лавках делать было нечего, ибо там ничего достойного не сыскалось, то здесь, в центре, сами Хильзе и Миланэ не слишком подходили магазинам, ведь с деньгами у Миланэ не сладилось. Торговцы с радостью подсказывали к сётрам-Ашай, зная их любовь к нарядам и щедрость на них, зная сибаритские нравы многих здешних сестёр, они расспрашивали, показывая и то да это, а Хильзе с умным видом кивала головой, задавала всякие бессмысленные вопросы, Миланэ вовсе молчала, лишь изучая крой, ткани, где морщась, где-то признавая вкус неизвестной мастерицы; да, здесь неплохие наряды, и уже готовые, и подходящие для неё, хоть лучшее, конечно, шьётся на заказ; но Миланэ боялась смотреть на ценники, приколотые в самых незаметных местах, и заметив краем глаза цифру в пять сотен, она оставила в покое удивительно яркую юбку бирюзового цвета из органзы, а ведь органзу трудно раскрасить в любой яркий цвет, и сказала Хильзе:

— Пошли, сестра, походим ещё.

И они ушли из третьего магазинчика в центре Марны.

— Идём домой, Хильзи. Полно нам. Не знаю, как отблагодарить тебя за уделённое внимание.

— Да пустое. Толку с этого. Ну что... пойдёшь так, как есть? — неуверенно спросила Хильзе.

— Нет.

— И то верно.

Они шли по широкой, очень красивой улице, вымощенной гладким, крупным камнем, на которой Миланэ ещё не бывала. Она начала расспрашивать Хильзе; оказалось, что улица ведёт прямо вратам закрытой территории императорского дворца; далее, на запад от дворца, тянутся огромные императорские сады, площадь которых составляет добрую треть всей Марны. Миланэ вспомнила, как видела их часть из окон Марнской библиотеки, и ей захотелось туда попасть.

— А это что? — вдруг узнала Миланэ знакомую витрину и знакомые подушечки для иголок.

Она не удержалась и даже тыкнула пальцем, что не подобает дисциплине Сидны.

— Магазин Андориаса Храмса, неприлично известного портного. Я о нём слышала, но ни разу не была. Знаю, что там одеваются некоторые придворные, важные чинуши, некоторые старшие сёстры. Такие, как Ваалу-Хамуна. Слыхала о Хамуне? Нет? Лучше и не надо.

— Давай зайдём.

— Милани... можно, конечно, но зачем расстраиваться? — переменчиво заговорила Хильзе, а голос её предательски поднял тон. — Не надо, Милани, не надо. Я не буду туда ходить.

— Почему? Что такое? — удивилась Миланэ с улыбкой.

— Я расстроюсь, я не буду, — отмахивалась Хильзе, словно от наваждения.

— Да что с тобой?

— У Храмса всё такое... ай, нет, давай не будем расстраиваться. Ладно. Угово-

рила. Пойдём! Взглянем — и сразу домой.

— Мне только подушечку для иглонок взять. Давно надо.

— Ты знаешь, сколько у него такая подушечка стоит? Подушечка для иглонок от Храмса?

— А...

— Идём. Увидишь. Уболтала! Будем ходить и реветь. Ходить — открыла она дверь, затренькал звоночек, — и реветь. А потом не говори, что я не предупреждала.

Миланэ, помедлив, вошла вслед за подругой-Хильзе.

Массивная дубовая дверь. Тяжело! Не для тонких рук молодой львицы.

Витрины с улицы оказались обманчивыми. Они попали не в сам магазин, а в своеобразную прихожую: комнату круглой формы, пол которой был покрыт паркетом восхитительного цвета, красивого узора и сложнейшей работы. Посередине комнаты находилась колонна, обитая деревом. Миланэ заметила, что вся колонна хаотично покрыта надписями на древнем языке, но не успела толком рассмотреть, как тут навстречу с радушной улыбкой подошла высокая львица.

— Здравствуйте! Прощу за мной, сиятельные сёстры, прошу.

Пошли.

Длинный, прекрасно освещенный лампами зал. Столы с драгоценностями. И никакого прилавка. Миланэ также нигде не увидела примерочной, хотя бы одной, хотя бы маленькой. С другого конца зала им навстречу поспешил низенький лев.

— Красивого дня видящим Ваала! Чем могу помочь? — сложил он руки на груди.

Миланэ не знала, что сказать и как может помочь этот лев, но Хильзе отчаянно произнесла:

— Нам нужен пласис.

— Отлично! — обрадовался лев, подёргивая мерную ленту на шее. — Вам обоим или кому-то из вас?

— Моей подруге, Ваалу-Миланэ.

— Тогда пройдёмте, начнём обсуждать эскиз и модель.

— Нет, прошу прощения... Мы неправильно выразились, — решила Миланэ. — Нам нужно что-то уже готовое, какое-либо праздничное платье, напоминающее пласис. Нам он, вообще-то, нужен уже сегодня...

Лев и львица переглянулись.

— Так, осмелюсь уточнить, нужен пласис или светская одежда? — поправил он пробор на гриве.

— Пласис... Но сегодня. Потому какая-нибудь светская одежда...

Лев вздохнул, потёр нос. Потом молча подошёл к Миланэ, и молчаливым жестом попросил поднять руки. Лентой обхватил талию, подслеповато присмотрелся к отметке. Потом так же, молча, попросил опустить руки. Приложил ленту к левой руке. Снова присмотрелся. На глаз оценил рост.

Затем повёл их за собой.

Оказалось, что здесь есть ещё один зал, который и являлся одной большой примерочной.

— Анси, знаешь что... Вот что, душа моя, принеси тот тёмно-красный пласис... эм... тот, что пошил грандмастер.

— Сейчас.

На большой вешалке внесли нечто, скрытое в тёмную ткань. Лев осторожно разместил вешалку на планке, у стены.

— Вообще-то, у нас есть один, — начал разворачивать ткань. — Он близок к меркам львицы. За день его не ушьёшь, к сожалению, но за два-три дня будет готово. Правда, нужно примерить, чтобы сказать точно.

— А, так что, всё же есть готовые пласисы? — поинтересовалась Хильзе.

— Как ни странно, один есть — он перед вами, — ему не поддавалась какая-то отстёжка. — Его должна была забрать другая сестра-Ашаи. Но не сложилось.

Их взору предстало нечто воистину превосходное. Невероятный оттенок, который Миланэ могла ближе всего определить как альмандиновый: тёмно-красный, с переливом; но это концы свободных рукавов и центральная часть, а плечи были полностью черны. Тесьмы на рукавах оказались большой длины; значит, их можно будет надёжно обвязывать через грудь, если пробьёт час к игнимаре. К нему, конечно же, шёл свой пояс, и тот, кто его создавал, явно знал толк, как Ашаи носят пояса и что им приходится на них носить.

— История этого пласиса вообще, — запнулся лев, — позволю себе сказать, необычна. Его заказала нам одна из молодых сестёр Марны; я не могу раскрыть имени, но особа, позволю себе сказать, видная и глубоко уважаемая. Сам грандмастер Андориас снял с неё мерки, создал эскиз, придумал детали, обсудил все сроки.

Он пригладил тёмную ткань.

— Пласис был готов где-то... ну, через дней тридцать, примерно. Хотя сроки, как я уже позволил себе сказать, были оговорены, но сестра-Ашаи не нашла времени, чтобы забрать его. Потом, к большому сожалению, в конечном итоге пласис уважаемой сестре-Ашаи не вполне, так сказать, понравился, хотя все детали эскиза соблюдены, а грандмастер лично приложил к нему руку.

— Ей не понравилось? Лев шутит!

— Отнюдь. Как говорится, позволю себе сказать: о вкусах не поспоришь.

— Грандмастер Андориас, наверное, расстроился, — заметила Миланэ.

Лев поднял палец вверх.

— Нет-нет-нет. Я сам удивился. Он обычно очень болезненно воспринимает всякую критику, а тут... Сказал, что у этого пласиса рано или поздно будет хозяйка, он ей предназначен и больше никому, позволю себе сказать. Вы знаете, грандмастер говорит, что иногда видит личности тех, кому создаёт одежду.

Лев предупредительно засмеялся, не желая выглядеть глупо.

— Он у нас такой эксцентричный! — сказал громко и уверенно.

Потом снова принялся ходить вокруг Миланэ, просил то вытянуть руку, то поставить лапу на небольшую подставку, и даже измерил её хвост.

— Да, я уверен: пласис очень близок к меркам Ваалу-Миланэ. Прошу, пройдёмте со мной, — поманил за собой.

— А... — растерялась та.

— Иди, Миланэ. Иди, — подгоняла Хильзе.

— Но...

— Просто примерь. Примерь, — блистала глазами сестра-Ашаи.

— Верно, верно, — радовался покупательницам продавец. — Давайте поглядим.

Какие зеркала, ах, какие зеркала!

Поясной сташ подвязала тесёмкой. Поверх него пояс, запахнутый на левую сторону. Что ж мелочиться, облачимся-ка полностью. Подцепила сирну и стамп, подправила рукава.

Ай, хорошо.

«Идеально сидит. И-де-аааа-льно», — внутренне застонала Миланэ. Подняла голову. Опустила. Да, вот так. Жрица Ваала, львица Сунгов. — Восхитительно! — сказал продавец, припрыгивая вокруг и улыбаясь. Конечно, от продавца иного ждать нельзя. Хильзе просто молчала.

Миланэ чувствовала себя легко, свободно, непринуждённо и уверенно, словно она не просто облачилась в удобную и подходящую одежду, а получила некое тихое превосходство надо всем миром и всеми его обитателями. Захотелось сотворить нечто странное, красивое, ну хоть что-то; разве интересно просто выйти, покрасоваться, крутануться раз да обратно спрятаться в каморку, снять пласис да снова одеть такую простую, такую обычную дорожную одежду? Бессмысленно мечтать, бессмысленно и думать об этом пласисе; бессмысленно рассчитывать на сегодняшний вечер, ибо не в чем идти, не в чем представиться перед высоким родом, а потому лучше не позориться, не обретать позора, не идти.

Криммау-аммау!

Левая лапа вперёд, на одной линии с правой. Вниз, садись вниз, руки скрещены на груди. Глаза закрыть, из-за век ни в коем случае не подглядывать, хоть так и легче держать равновесие. Потом руки вперёд, к небу, так вот можно застыть на некоторое время, и это будет криммау-аммау, «знак поклонения»; но так стало жаль Миланэ самой себя, пожалела она, что не в чем пойти, что нету денег, что по глупости и лени не взяла хоть самый жалкий пласис из Сидны. От такой жалости и таких чувств сама по себе вспылала игнимарой — вспыхнули обе ладони.

— Bravo, bravo! — захолопал лев, не зная, как реагировать: он ещё ни разу не видел, чтобы Ашай возжигали огонь Ваала прямо вот так, в магазине.

Сжала ладони в кулаки, огонь угас. Открыла глаза, поднялась.

— Осторожнее с пламенем, Миланэ... Изумительный пласис, — молвила Хильзе.

— Нравится пласис видящей Ваала? — хитро спросил лев, посмотрел на свою помощницу, которая стояла в сторонке и наблюдала.

— Очень нравится.

— Я поражён. Нет, я поражён! Его не нужно...

Он осторожно рассмотрел рукава, внимательно осмотрел складки на спине, с профессиональной бесцеремонностью засунул пальцы под пояс, и даже измерил длину от паркета до полы пласиса.

— ...не нужно подгонять! — всплеснул руками.

— Благодарна, что лев дал мне такую возможность... Пойду я, разоблачусь, — повела ушами Миланэ

— А сколько стоит? — вдруг спросила Хильзе.

Растопырив пальцы, лев соединил их перед собой в деликатном жесте.

— Изначальная цена была четыре двести. Но, учитывая те обстоятельства, о которых я вам рассказывал ранее, его можно предоставить с огромной уценкой: за две пятьсот.

Миланэ отвернулась и, забыв о всяких приличиях, начала постукивать когтем по клыкку. Хильзе, умная-находчивая, всегда упорная, сощурилась:

— У нас есть ко льву просьба.

— Да, слушаю?

— Говорю начистоту. У нас нет возможности купить этот пласис. Но он нам очень нужен, ибо другого мы к сегодняшнему вечеру найти не сможем. Лишь один

вечер. Мы сможем заплатить некоторую сумму, чтобы оплатить риски да издержки. А также вовек лично будем благодарны за такую услугу.

— Но... Пусть простит меня видящая Ваала, но мы, в магазине Андориаса Храмса, такого не практикуем, — вмешалась высокая львица.

— Лев не понимает, — не обращала на неё внимания Хильзе. — Мы бы никогда не обратились с такой просьбой, не будь это жестом отчаяния.

— Что видящая Ваала имеет в виду? Какого рода отчаяние? — поинтересовался он.

Вооружённая опытом жизни и хваткой, Хильзе начала всё рассказывать, как есть:

— Это — дисциплина Сидны, и у неё через несколько лун будет Приятие. Она приехала в Марну по небольшому делу, и не могла предположить, что её на ужин пригласит один из сенаторов. Для неё очень важно побывать на этом ужине, ибо вчера ночью она провела сожжение его брата. Присутствие на ужине важно не только для неё лично, но и для всего сестринства Марны в целом.

Позади послышались шаги. Хильзе не обернулась, а Миланэ вообще ничего не слышала, ибо совсем ушла в себя.

— Пожалуй, тогда стоит обращаться к сестринству Марны, насколько я смею предположить, — скептически заметил лев, наматывая на ладонь мерную ленту.

— Нет, нельзя. В том-то и дело, что никакая Ашай не отдаст свой пласис, потому что это — против канона. Поэтому мы должны искать окольные пути.

— Ну... это...

— Безусловно, я подкреплю все письменные гарантии штампом, как и сама Ваалу-Миланэ. Пласис будет возвращен вам в целостности и сохранности ровно на следующее утро, а издержки будут уплачены немедленно.

— Я, естественно, полностью доверяю словам огнепламенной, и могу войти в ваше непростое положение. Но, право, как... как я потом продам пласис, который уже носила Ашай? Тем более, что, по словам львицы, это — против правил?

— Это останется между нами, — Хильзе смотрела то на него, то на высокую львицу. — Всю ответственность мы возьмем на себя. Лев не обязан знать внутренние каноны Ашай-Китрах.

— Имперская посыльная служба!

Хильзе вся вздрогнула, Миланэ обернулась. У льва же от испуга глаза стали большие-большие.

— Могу я видеть сира Андориаса?

— Его нет, — тихо ответил лев. — Будет после полудня, сир.

— Прошу передать приглашение, — протянул ему свёрток Тэнгай. — Завтра состоится пир в Изумрудном саду. Император желает видеть сира Андориаса Храмса.

— Хорошо-хорошо, я передам...

Тэнгай стукнул себя по груди и начал уходить. Но вдруг остановился, развернулся.

— Да... Не по долгу службы, а по долгу Сунга должен отметить, что хорошо знаю Ваалу-Хильзе, а также полностью подтверждаю, что сенатор Тансарр Сайстилларский пригласил эту молодую Ашай на ужин. Ваалу-Хильзе — безусловно честная, — Тэнгай говорил чуть ли не по слогам, — искренняя и верная Ашай, она никогда не обманет, потому что я могу поручиться за её порядочность и слово.

Хильзе открыла рот от изумления.

— Сенатор Тансарр? О, мастер Андориас полностью поддерживал его на преды-

дущих выборах, — заулыбался лев, мимоходом показав какой-то знак высокой львице.

— Полагаю, что если сиятельная Ваалу-Миланэ не будет иметь возможности принять приглашение, то это вызовет огорчение сенатора Тансарра. Думаю, магазин Андориаса Храмса сможет поспособствовать разрешению всех вопросов. Всего хорошего.

Снова стукнул себя в грудь и, гулко стуча когтями лап, ушёл.

После долгого молчания лев сказал:

— Что ж, это проясняет многое. Пожалуй, — добавил он тише, — мы сможем договориться.

— Отлично. Наше предложение: берём пласис сегодня, отдаем завтра поутру; обещаем самое тщательное и бережное обращение. Цена?

— Хильзе...

Сестра-Ашай нетерпеливо-властно взмахнула рукой, мол, молчи.

— Это будет стоить пятьсот импералов, — беспомощно взмахнул руками лев. — И письменные гарантии со штампом.

— Возьмем десятую часть цены, ведь это лишь один вечер. Двести пятьдесят.

— Нет, здесь я вынужден быть категоричным. Пять сотен. Вы должны меня понять.

— Договорились.

Высыпав целую горсть монет прямо на небольшой столик, Хильзе села на диванчик и начала деловито их считать.

У входной двери зазвенело.

— Анси! Анси! Иди глянь, кто там пришёл, — отвлекся лев.

Тем временем Миланэ подошла к Хильзе, присела возле.

— О Ваал, ты с ума сошла! — громким шёпотом молвила она. — Хильзе, ты слишком многое для меня делаешь! У меня нет таких денег!

— Приедешь в Сидну — пришлешь. Пойти хочешь?

— Я хочу сказать, что...

— Ты идти на ужин хочешь? — разозлилась Хильзе от этих хождений вокруг да около.

— Да.

— Вот. Четыреста тридцать, сорок... девяносто... есть.

Жалкие остатки денег Хильзе небрежно бросила обратно в кошель.

— Прощу, — прямо в ладонь отсыпала ему монет.

Пересчитав деньги, лев с лёгкой небрежностью завернул пласис в большой кусок ткани.

«Пятьсот импералов... Один вечер... Такие деньги... Разве оно стоит того?».

Лев услужливо подал два пера и два листика бумаги. Хильзе принялась ровно, без заминки что-то строчить на нём, небрежным и торопливым почерком.

Чуть подумав, Миланэ и себе аккуратно вывела: «Я, Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплира, обязуюсь возвратить взятый мною 7-го дня 4-й Луны Выхода 810 года Э. И. безупречный пласис стоимостью две тысячи пятьсот импералов утром, 8-го дня 4-й Луны Выхода 810 года Э. И.»

Штамп!

— Тогда жду вас завтра, — заулыбался лев.

— Отлично. Пошли, Миланэ.

— И я смею просить сиятельных дочерей Ваала... не распространяться, что магазин Андориаса Храмса идёт на такие исключительные уступки для некоторых клиентов.

— Уверяем льва: всё между нами.

Принимая свёрток, дочь Сидны серьёзно молвила ему, слегка поклонившись:

— Спасибо. Я не забуду доброй услуги льва. Моя благодарность найдёт свой путь.

Глава VII

Она растёрла тентушь меж пальцами.

Самое главное — правильно подвести глаза. Остальное приложится.

Этому, конечно же, обучают в Сидне. Как хорошо одеться, как привести себя в порядок, как выглядеть достойно. И всё такое.

Всё такое.

Закрыв глаза, она застыла, поигрывая когтями в воздухе.

Всё так странно.

Целых пять сотен. Ваал ты мой, я напрочь спятила, насовсем. И невесть когда смогу отдать такие деньжищи сестре-Хильзе. Хорошая подруга, слишком ты добра ко мне.

Что, красива я?

Ой-ёй, ведь красива.

Миланэ смотрит в большое зеркало, и самое время предаться самоизучению-самолюбованию, высматриванию собственных недостатков, предаться созерцанию достоинств. Что, эгоизм? А как иначе? Как львице без этого?

Это очень даже важные вопросы. Слишком важные, чтобы о них молчать.

Чем пленяются самцы, чем поражаются, что находят в её облике привлекательным? Итак, зачем ждать: можно пройтись, сверху донизу или снизу вверх — без разницы. Пусть будет сверху вниз. Уши хорошие, маленькие и округлые, чёрная кайма, и нету той большой проблемы, когда они обрастают шерстью изнутри и снаружи, а для многих львиц — это хлопоты. Окрас шерсти? Чуть темнее андарианского, видимо где-то как-то всплыло чьё-то наследство, тусклый янтарь, тёмноянтарь; самое главное — ровный окрас, без пятен и переходов. Смотрим дальше, встречаемся с нею взглядом; что видим в глазах — каковы они? Сказать можно много, а тем более о глазах всякой Ашай-Китрах, но в первую очередь в сознание приходит вот что — *внимательные*. Серо-зелёные, они внимают миру вокруг, оттого взгляд Миланэ всегда чуть-чуть серьёзнее, чем ожидаешь увидеть у молодой львицы. Будь они большими, так никто бы не смог избежать её взгляда; но нет, они вполне обычны. Классическим каноном красоты, которым может похвастаться любая львица северной Сунгкомнаасы (а они и так много чем могут похвастаться), являются уголки глаз чуть кверху, их даже нарочно так подводят тентушью, «ставят стрелы», как говорится меж львицами; она не соответствует сему канону, внешние уголки её внимательных и чуть печальных глаз стремятся-стремятся вверх, но в самом конце словно устают, и сходят вниз. Впалые скулы, которых она некогда стыдилась, потом перестала. Тёмный нос, с узкой переносицей, здесь острые

черты; вообще, и вроде бы как вполне андарианка, и на мать весьма похожа, и во внешности множество этих округлых андарианских черт — но нет-нет, но проскочит нечто чужое, своевольное, своё. Никаких проблем с усами, никогда не ведала и не знала, что это такое, а от них не избавляются разве что старые нишани, которым уж нет дела до красоты. Губы тонкие, рот небольшой, зубы ровные-здоровые, но от природы желтоватого оттенка, поэтому Миланэ крайне редко улыбается во все тридцать и всё пытается отбеливать их зубным мелом, весьма малоуспешно. Забавная деталь — длинный язык; в детстве Миланэ всех смешила, что запросто могла облизать не только нос, но и достать до переносицы; но этого, слов нет, теперь никому знать не надо. Подбородок? О, здесь самцам понравится. Маленький, точёный, тонкий, но — хвала андарианской крови! — ни одного острого угла.

С глазами закончено. Миланэ отставила тентушь и тончайшую кисточку, сбросила большую шаль с длинными-длинными оторочками, которой прикрылась, чтобы было уютнее-теплее, встала, и вес на правой лапе, а левая чуть подогнута; больше на ней не было ничего.

Неширокие плечи, руки тонкие, несколько, по её мнению, недостатков: маленький шрам на левом плече (поранилась, попав на кухонный нож, когда дурачилась с Арасси), слишком явственные ключицы, намекающие на излишнюю худощавость, а она уместна только для совсем юных львиц. Грудь? Ещё один недостаток. И вроде есть, но... хм. Давай-ка сложим ладони на талии и спустимся ниже — оценим достоинства. Всё тот же ровный окрас тусклого янтаря, чуть светлее на животе, темнее по бокам. Талия хорошая, выразительная; нет, всё-таки отличная талия, есть чем хвастаться, всё на ней хорошо сидит: пояса, пласисы, свiry, простые платья, любое исподнее, если его подпоясать чем угодно, и без ничего она хороша. Но в том-то и дело, что она не слишком-то тонка, и благодарить надо вовсе не тонкость, а то, что её очень подчёркивает — кровь и отличие всякой андарианки — выразительные, широкие, круглые бёдра, придающие цельность всей фигуре. Да, здесь точно львам нравится.

Повернулась в профиль, чуть опустила голову, всматриваясь в игры светотени на своём теле.

Хвост средний, без большой кисточки, такой себе — им она никогда до конца не довольна. Но что хорошо — очень гибкий, его можно изящно закрутить кверху и ни о чём не беспокоиться. Лапы недлинные, всё хотелось бы чуть длиннее, но ровные, правильные, как на картинке из анатомического атласа или атласа красоты.

Кстати, об атласах красоты.

«Никак нельзя исключить, что он приглашает к себе ради этого. Соглашаться или нет, если предложит? Хм... Раньше я всё отказывала. Теперь посмотрим».

Ах да, вот ещё что.

«А может, Тансарр прослышал о моей *стальсе*? Маловероятно, но у меня и так столько смутных догадок, что все они — маловероятны».

Её умение в массаже-стальсе известно, многие визитёры Сидны многое бы отдали, чтобы каждую неделю ходить с нею в термы.

«Но не стоит забегать вперёд».

Большой коготь на лапах невыразителен, как и запястная подушечка. Нижнее запястье, этот переход между голенью и собственно лапой с подушечками — тонко, на нём не очень хорошо держатся кнемиды, гетры, и гамаши, и шнуры обуви вроде сандалий, что незаменимы в дальней дороге (иначе подушечки во кровь сотрёшь).

Нижние когти она, конечно, не подстригает и не стачивает, это удел совсем уж изнеженных маасси-бездельниц, которые только ходят от кровати к столу, от стола в сад, и обратно в кровать. Но, слов нет, старается за ними смотреть.

Симпатичные лапы, некрупные.

Улыбнулась себе с зеркала. А что, красива, ей ведь красива.

Тонкочувственна в движении, всегда плавна, как всякая хорошая дочь Сидны, сдержанная, во многом даже застенчивая; но что-то всегда есть в её движениях, позах, в её сдержанности, нечто строптивое да неручное.

Потом шемиза, потом пласис, пояс да всё к нему: стамп, кошель, сирна. Поискала у себя, что бы взять из эфирных масел, выбрала смесь сандала с розой. И Ваалу-Миланэ-Белсарра как раз завязывала пояс пласиса, как вошла Хильзе.

— Как я? — спросила Миланэ, не глядя.

— Шик-блеск, — подошла сзади подруга.

— Который час?

— Пятый-шестой примерно.

Миланэ пригладила уши, дотронулась к щекам.

— Хильзе.

Молчание.

— Хильзе?

— Тихо! Кто-то приехал!

Только сейчас Миланэ обратила внимание на цокот копыт, который тут же стих.

— Кто? — всё ещё глядя на себя в зеркале, спросила Миланэ.

— Не знаю. Пойду гляну.

Сидя тише мыши, она слушала:

— Есть ли сиятельная Ваалу-Миланэ-Белсарра? — прозвучал низкий самцовый голос в прихожей.

— Да, есть, — отвечала хозяйка-Хильзе.

— Мне поручено сопроводить её к дому сенатора Тансарра Сайстиллари.

— Она занята, но сейчас выйдет. Льва не затруднит ожидание?

— Конечно нет. Я могу ждать сколько потребуется.

— Спасибо.

Двери закрылись и Хильзе влетела в свою комнату, в которой приводилась в порядок и красоту Миланэ. Собственно, всё было готово, но подруга жестом пригласила присесть дочь Андари на кровать.

— Ещё посидеть? — спросила Миланэ.

— А то.

Миланэ умолкла, сложив руки накрест. Хильзе встала у окна.

— Это Синга всё подстроил.

— Думаешь? — молвила через плечо Миланэ, чуть прижав уши.

— Скорее всего.

— Тогда зачем всё так сложно?

Хильзе пожала плечами и бросила трепать занавесь.

— У патрициев свои причуды.

— Насколько поняла, его род не принадлежал к высокому сословию. Так, богатые дельцы, — Миланэ начала пристально осматривать когти.

— Но отличие патриция дают всякому, кто стал сенатором. Да не в этом суть. Это нечто вроде жеста, знаешь: «Глянь, какой я влиятельный». Ужин с отцом-сенатором.

ещё какой-то сюрприз. И ещё, пока ты не растаешь.

— И как же мне себя повести, Хильзи?

— Да как хочешь, — с тяжёлым вздохом сказала Хильзе. — Если всё будет хорошо, так почему бы и нет.

Диковинная штука эта жизнь, подумалось Хильзе. Иные так добиваются хоть малейшей благосклонности рока, ищут окольные пути и сражаются за шанс, другие удивлённо хлопают глазами, получая очередной подарок от доброй судьбы, да ещё сомневаются: брать или не брать...

Когти сами расцарапали занавесь. Хильзе неслышно выругалась.

— Лучше бы Синга сам пришёл, куда-то пригласил. Так было бы честно и красиво, по-моему, — тем временем говорила Миланэ.

— Ну, смотри сама.

— Может мы зря истратили пять сотен?

— Моя мать говорила, что лучше обрести каплю опыта, чем море золота.

— Преувеличение, конечно.

— Как сказать.

Неожиданно слушать такой ответ от Хильзе, которая всегда казалась весьма практичной особой.

— Побывать на ужине у сенатора никому не помешает, и оно того стоит. Это лишь кажется, что никто не заметит.

— Ладно. Пора.

— Посиди ещё, для важности.

— Не могу уже.

Миланэ встала, подошла к подруге. Та продолжала осматривать её, мерить взглядом, что-то прикидывать в уме.

— Расскажешь потом, что там как.

— Конечно, сестра,

— Ну, ясных глаз, чутких ушей.

— Тихого вечера, Хильзе.

Они поцеловали друг друга в щёку, обнялись. Затем Миланэ вышла спокойно, неспешно, и села в предложенное ландо.

— Прощу, сиятельная.

— Моя благодарность.

За нею приехал совершенно незнакомый лев, хмурый и без симпатии, в длинном, не по погоде, плаще, с длинными усами. Он сидит молча, постоянно потирая правую ладонь большим пальцем, со смутным недовольством разглядывая окружающее, иногда зорко поглядывая на неё, как строгий и ответственный сторожевой, которому должно уберечь хозяйское добро.

— Чудесная погода, не правда ли? — чудовищная банальность от неё, но лев ответил исчерпывающе-необычным образом:

— Кости ломит.

Миланэ заметила, что едут они по уже знакомой дороге; но потом свернули, но Миланэ поняла: дом сенатора должен быть вот здесь, в этом богатом районе, возле Императорских садов.

«Мда, пояс этого пласиса держит осанку получше иных корсетов».

Тряхнула браслетом на левой руке. Старая привычка успокаивает.

Мимо проплывали дома, что утопали в зелени.

Поездка не была утомительной, несмотря на гробовое молчание её компаньона-хранителя. Дом сенатора оказался не таким большим, как представляла себе Миланэ. Она ожидала некоей вычурности, роскоши и неумеренности, а оказалось, что это обычный дом зажиточного марнского гражданина: длинный одноэтажный прямоугольник строгой архитектуры. Двери были открыты настежь, веяло пустотой. Миланэ ожидала, что будет полно приглашенных, что будет шум и гам светского повечерья, но ничего такого не наблюдалось и помине.

«Ваал мой, что я помню из патрицианского этикета?..»

Она не раз была на званых ужинах и пирах у богатых особ, главным образом в Сармане, ближайшем крупном городе возле Сидны, но в провинции нравы и манеры соблюдаются не так строго. Но как будет здесь?

Закатные лучи освещали холл.

— Приветствую, благородная гостья дома Сайстиллари. Смею узнать имя? — встретил её лев-управитель.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра имеет честь войти в дом Сайстиллари, — незамедлительно ответила дочь Сидны.

Пол — холодный мрамор. На стенах — фрески.

— Прошу в гостевую комнату.

Тщательно омыть лапы, сначала в первом, потом... Ах да, патрицианский обычай — тебе омывают лапы, ты не делаешь этого сама. Львица-прислужница, железные кольца в ушах (дхаарка, не-Сунга, малоправная) очень тщательно проделывает это, перебирая каждый нижний коготь, а потом ещё чем-то смазывает лапу.

— Спасибо.

Львица посмотрела на Миланэ с каким-то болезненным удивлением, словно та не поблагодарила, а оскорбила. Чувствуя неловкость, Миланэ не стала задерживаться в гостевой комнате и лишь мельком посмотрелась в зеркало.

— Попрошу пройти за мной. Сир Тансарр с нетерпением ждёт львицу, — вёл её дальше лев-управитель; дальше — громко сказано: с десяток шагов, и он растворил двери атриума и тут же отошёл в сторону.

Там уже ждал, стоя посередине, лев в длинно-белой драпированной тоге.

Так, Милани, теперь знакомство по всем правилам. Не спеши.

«Я первая».

— Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзай приветствует его мужество.

— Я ждал слышащую Ваала. Тансарр, из рода Сайстиллари, — он непринуждённо поцеловал её руку, причём с соблюдением тонкого правила: у Ашай-Китрах принято целовать левую, а не правую руку, именно там, где серебряное кольцо.

«Эй, он не обязан этого делать», — вспыхнуло в её сознании. Любой патриций может этого не делать.

— Душа моя рада знакомству.

— Пусть слышащая Ваала разрешит обращаться «Ваалу-Миланэ».

— Не смею разрешать, но смею тепло принимать такое обращение.

Он увёл её за собой по длинному коридору, прочь из атриума.

— Мне хотелось побеседовать в непринужденной, близкой обстановке, без излишних формальностей. Потому пригласил слышащую Ваала на наш скромный семейный ужин.

— Это большая честь для меня.

— Ваалу-Миланэ достойна великой благодарности за отправку души моего брата

по крови в Нахейм, — степенно говорил сенатор Тансарр, похожий на постаревшего, потяжелевшего и окрепшего Сингу. — Вынужден признать, что он не был украшением нашего рода, и я долгое время не поддерживал с ним отношений, а потому предпочел не явиться на сожжение. Возможно, это решение расходится с добрыми обычаями верных Сунгов, но я поступил именно так, — совершал он широкие жесты.

Вопреки собственному обычаю наблюдать за всем и подмечать всё, Миланэ всю прислушивалась к нему, наострив уши и не обращая внимания на остальное.

— У благородного льва, уверена, были свои причины.

— Тем не менее, по зову рода, я искренне признателен, что сиятельная слышащая Ваала нашла время и возможности для печальной церемонии в Ночь Героев. Не могу не восхититься такой отверженностью.

— Ашай-Китрах назначены служить духу Сунгов.

Они вошли в небольшой обеденный зал, окна которого выходили на запад; светлые, изумительно красивые лучи освещали его. Миланэ сразу поняла, что трапеза не будет поминальной, и никакого траура в доме не соблюдается. По нраву патрициев, большой, но низкий столик с мраморной столешницей окружали три огромных, широких дивана с сонмом подушек, на которых вовсе не предполагалось сидеть, но возлегать. При поминальных трапезах все сидят на твёрдых скамьях; семья, которая блюдет траур, всегда завтракает, обедает и ужинает только сидя — это строгий обычай во всей Империи.

На столе, кроме фруктов на огромном подносе, высокого сосуда и двух серебряных кубков, больше ничего не было. Выглядело это немного странно. Всё же её пригласили, как хозяйку траурного обряда, и стоило соблюсти некие формальности. Но, похоже, хозяин дома не заботился об этом.

Начинало проясняться: дело либо в Синге, либо в каком-то личном вопросе самого сенатора. Ну да, ну да, скорее всего — атлас красоты.

«Внимай. Попробуй поймать его душу».

Он разлёгся.

Напротив, соблюдая все строгости, возлегла и Миланэ; левая рука держит правое запястье, правая ладонь обращена вниз: знак сдержанности, замкнутости, желания объяснений.

— Пожалуй, Ваалу-Миланэ увидит некую странность в том, — грузно пошевелился он, — что я не убит горем. Не хочу лицемерить и скажу, что с братом порвал очень давно, и показную скорбь считаю себя недостойной. Брат не отличался ни умом, ни честью, и я всё бы ему простил, но не гнусный проигрыш отцовского дела в карты. Грустная история рода, — развёл он руками.

Миланэ промолчала.

Помолчал и Тансарр, вероятно, выжидая её слова.

— Но всё же, отдавая дань Ваалу, почтим его память, — предложил Тансарр, и они вместе взяли со столика кубки, встали.

«Почтим», — кивнула Миланэ.

Они сели обратно. Знак хорошего расположения: сам хозяин подлил ей вина. Так патриции делают только для почетных гостей, обычно питьё наливают слуги. Это Миланэ прекрасно знала, и немало тому удивилась; настораживало, что она успела заработать здесь такой почёт.

— Пусть он вступит в свой Нахейм, — молвила Миланэ, осторожно поставив кубок.

Ай-яй. Бесподобное вино.

— Пусть, — равнодушно согласился Тансарр.

Они возлегли снова. Миланэ локтем оперлась о большую подушку и приложила палец к подбородку. Тансарр внимательно смотрел на неё, безо всякого смущения изучая взглядом; Миланэ глядела ему в глаза, старалась поймать взгляд, ухватить.

Наконец, Тансарр, утёршись, хлопнул два раза в ладоши.

— Позови Сингу и Ксаалу, — сказал он быстро подошедшему слуге, что возник словно из ниоткуда.

Слуга ушёл, а они остались.

— Я любил его, — внезапно изрёк он.

— Кого мы любим, на тех возлагаем надежды...

— ...а надежды часто не оправдываются... — подхватил Тансарр известное изречение.

— ...и тогда любовь исходит в прах...

— ...а вместо приходит ненависть.

«Ненависть» он прибавил сам», — подумала Миланэ.

А вот и вошел Синга, виновник всего, а с ним — незнакомая, высокая львица, в чём-то похожая на Хильзе, но уже возраста силы.

— Рад видеть снова прекрасную дочь Сидны, — вежливо и обходительно поцеловал Синга её руку, сразу направившись к дочери Сидны, улыбаясь.

— Взаимно, Синга, благородный сын Тансарра, — ответила Миланэ, вставая для знакомства.

— Ксаала из рода Сайстиллари, супруга сира Тансарра, — первой начала его супруга, довольно скромно и без лишней вычурности.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи приветствует её светлость.

Все разместились вокруг столика, и три прислужника начали расставлять яства: огромные, раскормленные донельзя жареные куры; не меньше пяти графинов с холодным питьём: разведённым шеришем, хересом, лимонной водой и просто водой; южные орехи — огромные, крепкие, с белой сердцевинкой и жидкостью внутри них; ассорти из красной и белой рыбы; перепелиные и соловьиные яйца. Но всё это было ерундой и эпатажем для Миланэ по сравнению с отличной курицей с любимым имбирём.

Но вот Синга взял себе яблоко, обычно-банальное яблоко и начал грызть.

— Начни с основательного, Синга, — сказала ему мать, аккуратно открывающая ножку у большой курицы.

— Да, дельная мысль, почему бы не отведать... — поддержал Тансарр.

— Нет, папа, я ем яблоко и я съем яблоко.

Отец с усмешкой посмотрел на него, потом как-то слишком тяжело вздохнул.

— Плохо ты себя ведёшь.

— Может быть, — шевелил хвостом Синга, развалясь. — Я бунтарь, папа. Бунтарь духа, понимаешь? Мне так положено.

— Твой бунт в том, чтобы кушать яблоко в начале трапезы?

— И в этом тоже.

— Ты прямо как эти хальсиды из Гельсии. Мелочный протест без всякого смысла.

— Всё-то ты, отец, сумеешь перевести на политику, и прямо с самого начала, — засмеялся Синга.

— Мда, тебе смешно, — закивал Тансарр и перевёл взгляд на Ашаи. — А мы

сегодня рассматривали этот вопрос в Сенате самым внимательным образом, должен признать.

— И к чему пришли? — насмешливо спросил Синга, поигрывая огрызком яблока.

— Он так избалован, — сказал сенатор своей супруге, словно говоря о совершенно чужой особе, забавно указывая пальцем на Сингу.

Ответа не последовало. Лишь неопределенный кивок — мать кушала ножку.

— Отец, знаешь, ты забываешь о нашей гостье, — отметил Синга, взяв себе ещё простого яблока.

— Пожалуй, даже ты иногда бываешь прав.

— Нет, пусть лев продолжает. Мне интересно, что там с хальсидами. Не сильна в делах политики, но желается услышать о ней от её вершителя, — молвила Миланэ.

— Я бы не назвал себя вершителем, — Тансарр небрежно налил себе вина, без тени улыбки. — По крайней мере, есть ещё двадцать три таких, как я. Дело это не столько политическое, сколько результат столкновения разных мировоззрений: варварского и нашего. Здесь даже затронуты вопросы веры, я бы сказал.

— Вот как. Каким образом?

— Как бы попроще изложить... У хальсидов появился некий... герой... дутый, конечно. «Пророк», как они его величают; он был реальной личностью, но его надели невероятными способностями. Нёс он некое вероучение, какую-то глупость, в которую я даже не хотел вникать. Всё бы ничего, но этот их герой, к несчастью, умер.

— Что с ним случилось?

— Его казнили, по делу убийства гражданина Империи, некоего колесного мастера, что на старости лет осел в Гельсии.

— А зачем он совершил убийство?

— Мотивы совершенно неясны. Подробности не знаю.

— Папа, его просто убрали наши. Скажи по-честному, зачем нам слушать сказки? Избавились. Чах — и всё, — Синга приставил руки к горлу и посмотрел на Миланэ.

Она тут же посмотрела на Тансарра, но тот не обратил никакого внимания на сына, и смотрел только на Ашай-Китрах.

— Его дело — между нами говоря — не было подставным. Судили его настолько честно, насколько вообще можно судить варвара. Тем более, что его хотели казнить очень мягко: дать снотворного, смешанного с ядом. Но он отверг такой способ и его последней волей было то, чтобы его сожгли. На казни были присяжные, всё как положено. Это не было устрашением, вовсе нет. Просто свершилось правосудие. Но хальсиды раздули из этого что-то невероятное. Они оплакивали своего героя-преступника, этого обычного сумасшедшего голодранца. Они отказывались работать. Начали сбиваться по ночам в кучки, что-то бормоча. Понятно, местные власти принялись наводить порядок, но это вызвало волнения по всей провинции. В результате — небольшое восстание, которое случилось на днях, его быстро подавили, и — как вам это нравится — хальсиды тут же выдали своих зачинщиков-вожаков, мило улыбаясь. Впрочем, и сами эти зачинщики улыбались тоже.

— Добровольно взяли и выдали? — удивилась Миланэ.

— Да, добровольно.

— Они сильно трусили, правильно я сужу?

— Дело здесь не в трусости. Я бы сказал, скорее, в слабоумной храбрости, которая, впрочем, скорее слабоумная, чем храбрость. Зачинщикам было объявлено, что за

мятеж их ждёт казнь, на что хальсиды ответили, что они ищут мучительной смерти на огне. Они хотели, чтобы их тоже сожгли.

— О Ваал, зачем? — нахмурилась Миланэ.

— Они так захотели, ещё раз говорю. Это у хальсидов стало добродетелью — сжигать себя во имя своего учения. Совершенно непонятного, должен сказать.

— Вот дурни, — заметил Синга, продолжая вертеть огрызок яблока за хвостик.

Молчание.

— Если учение поддерживается горением его поклонников, то это — плохое учение. Чума духа, что косит души и губит жизни, — наконец, уверенно молвила дочь Сидны.

Согласно кивнув, Тансарр развёл руками:

— Короче говоря, они искренне полагают, что если сгореть за свои убеждения, то это придаст истинности их учению. Но я очень сомневаюсь, что страдание и мученичество могут стать предвестием истины.

— Так их тоже сожгли?

— Сожгли. Они сами захотели такую казнь, а законы Империи требуют соблюдать последнее желание осуждённого на смерть.

Супруга Тансарра молчала, глядя в окно.

— Какие всё это глупости... Не надо гореть на костре ради учения. Из твоего внутреннего огня должно изойти учение! — вдруг убеждённо сказала она, словно обращаясь к кому-то невидимому.

— Либо из твоего учения должно изойти пламя, — Миланэ подняла ладонь перед собой.

Синга довольно засмеялся и хлопнул несколько раз в ладоши, Тансарр улыбнулся.

— Так Ваалу-Миланэ — из Сидны?

— Да. Я — ученица у порога Приятия.

— О, так значит Ваалу-Миланэ вскоре станет сестрой-Ашай?

— Миланэ надеется на это. Осталось меньше двух лун моей надежде.

— А как так случилось, что слышащая Ваала пошла на сожжение Отгара? Какое дело привело Ваалу-Миланэ в Марну?

— Пап, Миланэ приехала в библиотеку, — встрял Синга.

— Ваалу-Миланэ, сын. Проявляй уважение.

— Нет, всё хорошо, мы ещё раньше условились обходиться без излишних формальностей. В библиотеку Марны, по поручению наставниц Сидны.

— Надолго? — поинтересовался Тансарр.

— Завтра мне назначено уехать, — ответила Миланэ. — А прибыла я три дня назад.

Тансарр отпил из кубка и закрыл глаза.

— А ещё, пап, Миланэ родом из Андарики.

— В самом деле?

— Да.

— Откуда именно?

— Небольшой посёлок, недалеко от Ходниана.

— О небо, да я ведь родом из Кнасиса! Это совсем рядом. Льенов сорок от Ходниана! Най-най, но не слышаю от Ваалу-Миланэ нашего родного говора, — вдруг заговорил он, как настоящий андарианец, растягивая гласные и смягчая «л».

— Втай же, как и я от сенатора, — улыбнулась Миланэ, сделав традиционное

андарианское просторечное ударение на предпоследний слог. Этот говор, по сути — язык посёлков и маленьких городков Андари. Миланэ даже стеснялась в дисциплинарии в первое время, если вдруг он нечаянно проскакивал. Странно, что такая знатная особа, патриций, не гнушается его.

«Подтрунивает?..», — чуть сжалась изнутри Миланэ.

— И что ж, у отца Миланэ есть какое-то дело в посёлке? — спросил Тансарр.

— Не совсем понимаю льва.

— Чем занимается, я имею в виду.

— Он торговец. Как и мать.

— О, и чем он торгует?

Миланэ хотела сказать это ни быстро, ни медленно. Обычно, короче говоря. Но, как всегда, не слишком-то получилось:

— Скотом. А мать — тканями, которые сама же тчёт.

Тансарр повернулся к супруге с очень довольной улыбкой:

— Только у нас в Андари, милая, могут сказать: ткань тчётся. Львица тчёт ткань. Она изотчала целый локоть, — вздохнул и посмотрел на Миланэ.

Ксаала закивала с дежурной радостью, мол, о конечно, это очень интересно, невероятная деталь, а потом спросила Миланэ:

— Как тебе Марна?

— Каковой может быть столица нашей Империи? Только прекрасной. Я в вос-торге от Императорских садов.

— О, ты уже успела в них побывать?

— Нет, — почувствовала Миланэ дикий конфуз. — Только проходила рядом.

— Папа, а зачем хальсиды придумали себе новое вероучение? — внезапно вернулся к старой теме Синга. — У них ведь вроде было что-то там. Что, теперь Гельсия будет вся в бунте?

— Прайд хальсидов — лишь часть Гельсии. И то, лишь второй по величине. Все остальные продолжают верить в великую богиню-мать. Впрочем, что я рассказываю, наверняка Ваалу-Миланэ может поведать об этих вещах куда лучше и больше.

— Не так уж лучше и ненамного больше, — улыбнулась Миланэ, пожимая плечами. — В дисциплинариях мы не слишком заостряем внимание на варварском вздоре.

Именно так положено говорить: «варварский вздор». Это не её слова, она *должна* так говорить, ибо только такое небрежение чужими взглядами согласуется с *аамсунной*.

— Я удивлена, что нечто подобное произошло в Гельсии. Обычно у них очень спокойные верования и ровное отношение к миру; тем более, что среди их аристократии принято тянуться в нашей вере, хотя она им недоступна. Сжечь себя ради своих иллюзий — это, скорее, нечто в духе Востока.

— А что, на Востоке тоже такое есть? — удивлённо вскинул брови Тансарр и даже смахнул прочь прядь гривы.

— Нет, именно о таком не слыхала, но это вполне в их духе, вот те же сумасшедшие шамхаты с реки Нкан... Почти каждый прайд имеет сонм своих богов, сложных мифов, сказок, поверий. Там можно совсем голову потерять; некоторые светские учёные любят в этом покопаться, но это недостойно Ашаи.

— Да какая разница, во что они верят, в конце концов? — махнул рукой Синга. — Их веры бессильны, они могут до скончания времён верить, что происходят от бога грозы, но бросаться молниями так и не научатся.

— Во-первых: кто знает? — улыбнулась Миланэ, поворачивая в ладонях кубок. — Во-вторых, их верования для нас ничтожны, но на их жизнь влияют самым решительным образом. Так что иногда полезно знать такие особенности — они могут идти нам на пользу.

— Например?

Ашай-Китрах никогда не должна заминаться в разговоре, стесняться речи, мямлить; Миланэ ничего не оставалось, как вмиг что-нибудь придумать или вспомнить, что на ум придёт.

— У меня был случай на Востоке...

— Сиятельная была на Востоке? — почти в унисон спросили супруг с женой.

— Мммм... Да.

— О, я не знал, что дисциплинар отсылают на Восток! — Тансарр изумлённо смотрел на Ксаалу. Та кивнула, мол, ещё как отсылают.

— Я не могла увильнуть от этого служения, — сказала Миланэ, словно оправдываясь за плохой поступок. — Ашай-Китрах не увивают. Да и мне предполагалось там быть в первую очередь: я знаю траурный церемониал, неплохая игнимара, фармация... Шансов избежать не было.

— И сколько Ваалу-Миланэ там провела?

— Четыре луны.

— Так а что за случай? — заинтересовался Синга.

— Однажды наш легион отправил обоз в тыл, взять припасов. В лесу на него напали драаги. И... одна львица, что была в обозе, в самом начале боя убила их вожака стрелой в шею. Драаги сразу убежали, и поначалу я не знала, почему.

— Струсилы они, да?

— Отнюдь. Это те ещё... — Миланэ не сразу подобрала эпитета. — Те ещё звери. Дело в том, что львица для них — нечто достойное и презрения, и сожаления одновременно; самка — это нечто очень жалкое по их мнению, даже неодушевлённое, пригодное только для охоты и рождения; погибнуть от рук львицы для воина-драага примерно то самое, что... хм, идти по лесу, споткнуться о сук и разбить всмерть голову о пенёк. Если бог войны допускает смерть вожака от такой нелепости, то дело явно не сладилось, нужно разворачиваться, а богу стоит принести жертву побольше.

— Как занимательно... — Тансарр очень оживился, бросив и еду, и вина, вовсю начав внимать дисциплинаре. — А что сиятельная думает о войне на Востоке?

— Как таковой войны я не застала. Полагаю, что там многое изменилось за эти три года...

— Тансарр... Не сейчас, — властно подняла ладонь Ксаала и, кашлянув, поглядела на Сингу. Тот с явной неохотой встал, бросил подушку и подошёл к дочери Сидны:

— Спасибо за ужин. Меня ещё ждут неотложные дела. Ваалу-Миланэ, — приложил он руку к груди. — Отец, мама. Простите.

Тансарр три раза похлопал в ладоши.

Вошёл лев, но не прислужник из дхааров (а Миланэ заметила, что в доме прислуживают именно они), а управляющий, который ранее встретил её. Он подошёл к сенатору и торжественно протянул какую-то вещицу, больше всего похожую на кошель. И сразу удалился.

«Это ещё что? Снова они за своё! Говорила же: не возьму! Да что им до этих денег, всё ими не измеришь-то! Так, идёт ко мне...».

Но далее всё произошло, как во сне. Тансарр отдал супруге эту вещицу, подошёл к Миланэ, близко-близко, и его тога дотрагивалась к её колену, и во взгляде у него было нечто странное: то ли печальная надежда, то ли тихая решительность. Вдруг он — как понимать? — встал на колени и протянул к ней руку смелым жестом, а Миланэ невольно подхватила от неожиданности подол пласиса, наострила ушки, а рот чуть приоткрылся от удивления. А ещё Миланэ замечает всевидящим глазом самки, что супруга Тансарра поднялась с места, с неким многозначительным вздохом, играя вещицей-кошелем, и проходит к большим окнам, что напротив; она смотрит на огни фонарей на улице, где почти ночь.

Всё успела передумать Миланэ, всё предположить, удивляясь странным поступкам четы патрициев; от неожиданности забыла изобразить хоть какой-то жест, да и так сидела, держа правой рукой пласис.

— Посмотри на меня, дочь Ваала, обращаюсь к тебе, искра Ваала, выслушай слово, львица Ваала, — глухим голосом молвил ей сенатор Тансарр.

Изумлённая, Миланэ всё ещё покоилась, а сенатор продолжал стоять перед нею в преклонении, твёрдо глядя прямо в глаза.

Она поняла, что происходит.

«Ладонь навстречу, скорей!».

— Взгляд мой к тебе, верный сын Сунгов, обратился ты верно, смелый сын Сунгов, для тебя мои уши, добрый сын Сунгов, — поднимаясь, дала она ему хрупкую ладонь, а потом вторую.

Голос не дрогнул, потому что Миланэ повторяла эти слова бесчисленное множество раз. Но до этого они были только пустышкой, упражнением, просто речью безо всякой силы.

Тансарр сжал её ладони, поднялся и уверенно повёл к окнам, где спокойно стояла Ксаала.

Короткий, совсем маленький миг для неё, и нужно успеть решиться: да или нет? Хочет ли Миланэ, чтобы Тансарр из рода Сайстиллари стал её патроном? Она ещё может отказать. А может согласиться. Выбор за нею.

«Выбор за мною. О Ваал, я думала что угодно, я думала он хочет или поблагодарить, или атлас красоты, или просто вежливость, или ещё небо весть что, но я ему нужна как львица-Ашаи, ему нужны дары моего духа, ему нужны мои умения, ему нужна моя преданность; хочет он стать патроном моим — но что же увидел во мне сенатор Империи? Отчего обязана я, Сидны дисциплина, дочь Андари, да ещё не сестра, такой чести? Сенатор-патрон. О, мой Ваал».

Тансарр взял с рук Ксаалы вещицу — Дар Обращения. Кошель, туго перемотанный верёвкой, не большой, но и не маленький.

— Прими мою почесть, дочь Ваала, скажи своё слово, львица Ваала, — спокойно, но торжественно, как и подобает сенатору, произнес Тансарр. Ксаала нетерпеливо покосилась на него. Миланэ ждала, чувствуя, как бежит холод по спине да сдавило горло тихим волнением. Ещё не всё. Не все слова...

— Ведь желаю силы Ашаи, что Сунгам во вечности служит.

Да? Нет? Да или нет? Миланэ, Милани, решайся. Дочь Сидны. Будущая сестра Ашаи-Китрах. Почти сестра Ашаи-Китрах. Гордость матери.

Да.

Счастливая звезда всегда неожиданна — не стоит отвергать подарки судьбы.

Конечно же, да.

— Принимаю я почесть, верный сын Сунгов... — Миланэ, чувствуя жгучую неловкость и умело скрывая её, берёт Дар Обращения.

Двумя руками держи Дар, двумя. Строже взгляд.

— ...я согласна служить, смелый сын Сунгов...

Миланэ склонила голову в легком книксене.

— ...желания сбудутся, родной мне сын Сунгов.

Её левая рука ненадолго дотронулась к его правому плечу.

В воздухе повисла тишина.

Миланэ слышала своё дыхание и сердце.

В конце зала открылись двери — негромко, но в пленительной тишине звук раздался жалобно и назойливо. Кто-то из прислужников удивительным образом не знал о строжайшем запрете хозяина тревожить, пока дом не покинет Ашаи-Китрах. Гневный взгляд и сжатые скулы были красноречивее всяких слов — нарушитель спокойствия мгновенно прикрыл двери.

— Прошу меня извинить, но сейчас в моём долгу покинуть вас.

Тотчас покинув свой гнев, Тансарр с удивлением посмотрел на Миланэ. Ксаала, зоркая, молчащая, заметила это и поняла, что супруг так и не смог запомнить всех нюансов.

— Конечно. Мы понимаем, Ваалу-Миланэ. Я провожу слышащую Ваала.

Миланэ присела, приложив правую руку к сердцу, пожелала хорошей ночи и поблагодарила за гостеприимство. Ксаала повела её обратно, к гостевой комнате; в доме было удивительно тихо и пусто, и они пока не проронили ни слова, думая о своём. В гостевой она подошла к зеркалу, рассмотрелась, поправила складки пласиса, перевязала пояс; вздохнув, опёрлась ладонями на столик перед зеркалом, и так смотрела на себя с добрую минуту. Осмотрелась вокруг.

«Теперь этот дом имеет ко мне отношение. Ну надо же».

Вышла, очутилась в коридоре. Что ж, пора прощаться и уходить.

— Ваалу-Миланэ, волею судьбы мы стали ближе друг другу.

— Благодарна доброй судьбе.

— Раз уж так, то мы можем перейти на близкое общение?

— Почту за честь, — кивнула Ксаале Миланэ.

— Насколько я помню, ты должна завтра уехать в Сидну, верно?

Миланэ сразу уловила чутьём, безмолвно поймала, что Ксаала много общалась с Ашаи-Китрах. Это чувствовалось по непосредственной, лёгкой манере.

— Да.

— Завтра утром к тебе заглянет посыльный. Возьмешь от него письмо патроната.

«О небо, я чуть не забыла о нём!».

Такие письма составляются патроном для новой подопечной, чтобы поспособствовать скорейшему переходу Ашаи под его крыло и влияние. Если Ашаи ещё учится в дисциплинии, то патрон обращается к наставницам и амарах с просьбой не назначать ей места служения; если Ашаи где-то служит, то патрон просит отпустить её. Такое письмо от патриция почти всегда гарантирует беспрепятственный уход с прежнего места и свободу от места служения.

— После Приятия не торопись в Марну. Пребывай в Сидне или ещё где столько, сколько считаешь нужным. Можешь съездить домой, в Андарию. Мы будем ждать и подготовимся к твоему переезду.

— Я не намерена слишком задерживаться после Приятия.

— Славно. Мы подготовимся. Итак... Не будем ломать обычай: не стану сегодня обращаться к тебе, как к Ашаи рода.

По давней традиции, патронат вступает в силу лишь на рассвете следующего дня, а не сразу после согласия Ашаи. Но вообще, Миланэ удивилась, насколько Ксаала хорошо разбиралась во всех тонкостях, и надо было признать, что супруга сенатора отлично подготовилась к Церемонии Обращения.

— Красивой ночи, Ваалу-Миланэ.

— Тихой ночи, Ксаала.

«Ксаала готовилась. Они готовились. Это не было спонтанным решением. И Синга здесь ни при чём», — подумала Миланэ, садясь в ландо.

А ещё она с досадой подумала, что прощание получилось чересчур простым.

Глава VIII

Хильзе, не перебивая, слушала рассказ Миланэ. Потом, изумлённая, лично захотела убедиться, что Даром Обращения оказалась чудовищная, совершенно баснословная сумма: двадцать тысяч империалов золотом. Всячески рассматривая золотые, Хильзе с удивлением подозрения бросала взгляды. Никогда она не слыхала, чтобы кому-то отдавали такой большой Дар, а тем более — дисциплине-ученице, которая ещё не прошла Приятя. И Миланэ тоже не слыхала. Вообще, обычным Даром считались тысячи две-три империалов, очень хорошим — пять.

Посудачили, поболтали до глубокой ночи.

— Правильно сделала, что согласилась. Везучей ты крови, Миланэ, — так сказала подруга, и впервые в жизни Миланэ услышала от неё нечто похожее на зависть.

Тут же Миланэ вернула ей долг за пласис, хотя Хильзе почему-то начала вяло отказываться.

Утром, как и было обещано, явился посыльный с письмом патроната, которое предназначалось лично для амарах Сидны. Дождавшись его, Миланэ сразу отправилась в магазин Храмса; дочь торговца, она понимала, что покупательницу для её пласиса найти будет почти невозможно, а потому без трудностей смогла сбить цену:

— Безупречный пласис... — вздохнула, поставив свёрток на прилавок. — Я бы смогла забрать его прямо сейчас, только у меня есть только тысяча и восемь сотен империалов. Как жаль...

— Что ж. Пожалуй, мы сможем уступить, — управляющий магазином даже не стал торговаться для приличия.

В Сидне подруги умрут от зависти.

Ко всему управляющий подарил игольницу, ту самую, на которую она с безответным вздыханием смотрела всего лишь пару дней назад.

Пришла домой, собрала вещи; свира, кнемиды, сирна, серьги, кольцо, стамп; тепло попрощалась с Хильзе, пообещав вскоре приехать; уехала с пойманным извозчиком на Площадь Тирза Третьего, большое и шумное место на севере Марны, куда прибывали и откуда отбывали все дилижансы; села на скамейку (какой-то добрый сир галантно уступил место, и Миланэ со всей вежливостью поблагодарила его), поставила скатку вещей возле себя, проверила, плотно ли закрыта сумка, где лежала немаленькая сумма денег, и стала ждать полудня.

На этот раз она уедет напрямую в Сарман, безо всяких сложностей, речных путешествий и пересадок. Двести льенов расстояния. Два дня дороги. А оттуда к Сидне хвостом взмахнуть, можно даже пешком пройти, или кто подхватит.

Пока приехал её дилижанс, успела съесть большую конфету на палочке, поговорить о пустяках с нотариом, который, как оказалось, тоже ехал в Сарман, и попыталась предсказать погоду на завтра.

А сейчас вокруг — мягкая, нежная погода. Ни холодно, ни жарко; ни влажно, ни сухо. В самый раз.

Дилижанс прибыл, и попутчики оказались таковы: тот самый нотар, с которым завязалась беседа — Миланэ села возле него, у окна; престарелый, тощий лев, который подслеповато глядел на мир и держал на коленях небольшую деревянную коробку, отчего-то не разместив её сзади, и он находился напротив Миланэ; мать с юной дочерью-подростком, очевидно, из сословия ещё не очень богатых, но подающих надежды купцов; у обоих был недоверчиво-испуганный взгляд, мать непрерывно копошилась в своей котомке; какая-то совершенно серая, незаметная личность, сидящая по диагонали от Миланэ, судя по одежде — как бы самец; воин с тяжёлым взглядом, то ли дренгир, то ли миллис, в выдавшем виды тёмно-красном плаще, тяжёлых сандалиях с большими шнурами, поножах до колена и кожаных наручах; Миланэ, глядя на него, вдруг поняла, что он слегка пьян, но его усталая потертость хорошо скрывает это; удивительно, но восьмое место было свободным, что пошло на пользу воину — тот небрежно развалился на сидении.

Миланэ повесила сумку на крючок возле дверей. Вообще-то, там огромная сумма денег, так её размещать — весьма опрометчиво. Тем не менее, выбора у Миланэ не было: в поясной кошель семнадцать с лишним тысяч империалов, хоть и золотом, не умещались, а держать сумки на коленях всем Ашаи-Китрах запрещено этикетом. Ашаи — не базарная торговка.

Потрясла серебряным браслетом по привычке, закинула лапу за лапу и начала смотреть на площадь.

«Теперь Тансарр — мой патрон. О кровь моя, это значит многое. Это меняет жизнь».

Ещё будучи ученицей-сталлой, Миланэ начала изучать в дисциплинах все тонкости церемонии Обращения, как и все ученицы. Это единственная церемония, инициатором которой не может быть сестра-Ашаи, поэтому пребывать в готовности к ней нужно почти всегда и почти везде; все ученицы, хоть среди бела дня, хоть среди тёмной ночи, могут безошибочно да безупречно вымолвить все те слова, что должны прозвучать при согласии, и которые нужны при отказе.

И это не подвело в нужный момент. Несмотря на некоторые мелочи, Миланэ посчитала, что Обращение у неё прошло необычно, красиво и удачно.

Но, тем не менее, у неё осталось множество вопросов. Первый, главный: почему именно она? Это удивительно, необъяснимо, тем более, что Синга, как выяснилось, имеет лишь косвенное отношение к нему и уж точно не был инициатором. В Марне полно сестёр, причём таких, у которых прекрасный дар игнимары. Любая из них вряд ли откажется занять такого патрона, как сенатор Империи; у такой Ашаи будут и связи, и опыт, и всё, что угодно. Зачем нужна малознакомая ученица из Сидны?

Дело — в огне Ваала?

Да, я допускаю, что у меня хорошая игнимара. Но в Марне Ашаи с хорошей игнимарой найти несложно. И что, у всех патроны? Не верю.

Только сейчас начинаю понимать, кто такой Тансарр, кто есть мой патрон. У Хильзе глаза горели огнём. Один из важнейших чинов Империи Сунгов, Миланэ. Тут уже не в богатстве дело. Ему хватает. И его роду хватает. Не в этом дело. Нет. Он обсуждает важнейшие политические дела, творит законы и, наверное, даже вхож к Императору. И он выбрал меня, ещё даже не сестру, а ученицу Сидны, просто заприметив на сожжении. Причём не самолично, а через супругу и сына.

Ваал мой, дома как узнают, так упадут на месте.

Что скажет амарах в Сидне?

Ладно-ладненько. Для всего есть причины. Что они увидели во мне?

Синга здесь ни при чём. Уже передумано-перегадано. Ксаала? О, она непроста. Где-то возле неё — разгадка всех причин. Без неё ничего бы не случилось.

Так, им не нужен патронат престижа. Им не нужен показной патронат. Иначе они бы взяли какую-нибудь цепкую сестрину. С их возможностями это нетрудно. Наверное, им нужна верная сестра-Ашаи, благодарная, рьяная, честная, готовая на всё, на любой подлог, на любую низость ради взлёта. Что ж, в этом есть резон. Они увидели во мне такую? Хммм... Но тогда бы Тансарр относился ко мне со скрытой насмешкой. Но её не было. Ксаала бы тихо ненавидела меня. Но она относилась с уважением, она знала тонкости церемонии.

Тансарр падок на прелести юных учениц из дисциплинариев? Желает сделать меня сестрой-любовницей? Но тогда он бы смотрел с возделением и жадностью. Фу, как ты неприглядно думаешь о своём патроне, фу. Хотел бы чего такого — не стал бы устраивать представление.

И уж тем более тратить целых двадцать тысяч.

Поехали!

Вот она, дорога. Мысли обретают плавность, перекатываются, как волны, а не измучиваются сухим умом.

В конце концов, Хильзе ведь предсказывала, что не зря я в Марну приехала, так видать, точно не зря. Так угодно судьбе, духу Сунгов так угодно, ну и пусть. Я буду хорошей Ашаи, доброй Ашаи, верной Ашаи, и если тебе, Тансарр, нужна такая, то тогда ты не проглядел. Я вовсе не плоха, хороша я; ай-яй, хороша-хороша. Разве ж зря столько лет отдано Сидне и учению?

Миланэ провела пальцами по шее, заглядевшись в окно.

Чудная погода, птицы.

Будь скромнее.

Пыльный перекрёсток, башня стражи. Большой указатель на двух ровных столбах: «Марна». Извозчий пару раз прикрикнул на лошадей, дилижанс поехал резвее, мягко покачиваясь. И дочь Сидны глядела в окно на разбросанные повсюду дома, мягко светло-серое небо, мелких торговцев с их кибитками, на высокие тополя и огромную водяную мельницу, и как-то начало грезиться, измышляться, что всё случилось так непроста, наверняка её ведёт своя судьба-сила; она следит за нею всю жизнь, подбрасывая возможности, награждая подарками, да-да. Ха! Никогда она не кичилась своими возможностями, всегда была скромною Ашаи, и вот эту спокойную добродетель скромности будто бы кто заметил, да оценил, да рассудил, что тогда ей должно причитаться хорошее почтение в виде знатного патрона и доброй судьбы. Вот оно, признание моей тихой, молчаливой силы, думала Миланэ, и втайне-втайне улыбалась себе, да свысока думала о менее удачливых подругах из дисциплинария, что болтали-резвились больше её, да не свезло им так, как ей.

Но тут же Миланэ, разрываясь надвое, глубоко стыдилась таких мыслей, понимая, что не должна Ашаи с таким пошлым проворством думать о своей уютненькой устроенности в жизни. Дурной, мещанский образ мыслей; мещанская дочь ты, него-дьяка! Дочь ткачихи и торговца скотом, а не Ашаи!

Мысли её начали уходить, путаться, растворяться в бесконечном потоке пути:

«Ведь искусство и красота — призвания Ашаи-Китрах, дары духа и внутренняя Сила. Доброй дочерью Сунгов должна я быть, видящая Ваала, охранительница веры, живой символ её силы и правдивости. Созидание — мой путь. Искусства, во всём — искусность, тонкость, умеренность благородства. Но что смогу я? Что могу добавить в искусства, если все они полны, изобильны творениями, и множество из них недосыгаемы для меня, как звёзды. Что я могу дать этому потоку, не лучшее ли, что сделать могу — не сквернить его, принимая лучшее из него, следуя ему? Прожить, не делая большого добра, не создавая большого горя?..».

Посмотрела на пальцы, повертела кольцо по старой привычке.

«Надо готовиться, подвести к концу все дела. Как будет время, заскочить в какую-нибудь лавку, может, где из-под прилавка найдётся перепечатка «Снохождения». Нужно будет поспрашивать Арасси, она в этом знает толк, она хорошо знает книжных торговцев. Хотя, если времени не будет, так хвост с ним. Сейчас у меня такие времена начнутся, что не до книг будет. Не до книг. Не до сновидений... Не до книг...», — рисовала Миланэ невидимые андарианские узоры на прозрачном стекле окна. — «Не до сновидений...».

Вдруг дилижанс сильно качнуло на большой дорожной кочке, и Миланэ очнулась-вернулась.

— Что за интересность творит лев? — спросил лев-нотар, заглядывая к соседу.

Его вопрос назначался тому самому старику, который прежде держал коробку на коленях. Только сейчас Миланэ заметила, что он раскрыл её, и возится с забавной куклой в чёрном платице, и по всему, кукла олицетворяла злую колдунью-ведьму из детских сказок. С её лап и рук безвольно свисали тонкие белые нити; старик же шилом пытался проделать какую-то дыру в деревянной спинке куклы. Он избрал для этого не лучшее время и место: дилижанс потряхивало, потому дело, судя по напряжённому выражению, не ладилось.

— Да так, — со вздохом ответил старик, словно ему каждый день приходится отвечать на такой вопрос.

Миланэ села ровно, положив ладони друг на дружку на колене: жест интереса.

— Позволит ли лев проявить интерес: что это за куклы? — любопытство продолжало терзать нотари.

— Марионетки. А я их мастер. Они, — похлопал по ящику, — всегда со мной.

— О, так лев — артист?

— Артисты — они. Я только их мастер.

— Право, как необычно, — засмеялся нотар. — Хорошо-то сказано.

Воин, сидящий возле марионеточного мастера, имел то самое равнодушно-презрительное выражение, которые имеют достаточно повидавшие и жизнь, и смерть; он скучающе осматривал дилижанс, всем видом показывая, что лишь по ленивой благодати души терпит все эти детские глупости. Его блуждающий взгляд остановился на Миланэ; она, чуткая, подняла взгляд, свой взгляд-оружие к нему. Миланэ, как и всякая львица, уважала воинов. Потому еле-еле заметно улыбнулась, почти только глазами, что вспыхнули маленьким огнём.

Удивительно, но он остался безучастным. Совершенно не изменился в лице. Ничуть. Всё та же скука, всё то же презрение к этой мирной жизни.

— И что мастер сейчас делает?

Старик небрежно повернул куклу.

— Здесь вот, сзади, есть дырка, — почесал он щёку. — К ней крепится маленький крючок. К этому крючку идёт центrovочная нить, чтобы Стимса Ужасная не падала во время представлений. Крючок выпадает, потому что дырка разошлась. Я делаю дырку поглубже.

— Стимса Ужасная! Героиня сказок! — смеялся нотар. — Нет, ну вы видали? Разве не удивительно? — спросил сидящих слева от него мать и дочь.

— Да-да, — благостно ответила мать-львица с дежурной улыбкой, расправляя подол платья.

— Но мастеру, вероятно, неудобно-то, на ходу-то. На первой же станции можно будет спокойно доделать работу.

Тот скривился, словно съел соли.

— Не могу сидеть без дела, видит ли добрый сир.

— Очень тонкая работа. Прекрасная кукла, будто живая, — отметила Миланэ.

— У меня есть и получше, — оживился марионеточник, оказавшись в центре внимания.

— Я посмотрю на эту, если сир не возражает.

— Не возражаю ничуть, преподобная глядит, если хочет. Прошу.

Миланэ всячески повертела куклу в руках. Оказалась она довольно большой — с локоть ростом. Детали лица действительно оказались проработаны очень хорошо: глазами-пуговками злая Стимса Ужасная неотрывно глядела на мир да хищно улыбалась. Уши чуть прижаты, на них кое-где истёрлась тёмно-золотистая краска. Хвоста не было — предполагалось, что он всегда «скрыт» под платьем, которое привлекло внимание Миланэ:

— Хлопковая ткань. На тафт схожа. Скроено ладно. Вот эти чёрные кружева на шее я бы стачила наоборот, а то шов заметно. Правда, оторочка эта, на подоле, ни к чему... Но красиво.

— Только вот эти складки на платье не держатся, — мастер тут же спохватился с вопросом, почувствовав опытность самки в делах одежных. — Всегда оно, это платье, такое вот, какое-то взлохмаченное.

— Сиру нужно взять немного мыла, немного уксуса, смешать в воде. Намочить тряпку, ею провести по платьицу. В утюг углей набросать, разутюжить осторожно, и будет держаться.

— Спасибо, милая преподобная, — мастер снова взял в руки шило. — Попробую.

— И трудно так быть, повелителем марионеток?

Мастер с прищуром посмотрел на нотари, задавшего вопрос.

— Нет, я не их повелитель. И не их хозяин. Я сам на них похож.

— Может лев расширить свою мысль?

— Добрый сир так любит вопросы, — обвинительно заключил мастер.

— Я любознателен, не скрою.

Дочь львицы-купчихи с осторожным интересом выглянула из-за плеча матери, тихо желая потрогать куклу.

— Когда идёшь на ярмарку, или на рынок, или в театр какой захаживаешь, раскладываешь своих актёров, берёшь в руки накрестия и начинаешь водить за ниточки,

то они оживают. Разве не чудо?

— Удивительно-то, безусловно, — нотар не понимал риторических вопросов, он был привычен к простым, конкретным вопрошениям. — Но чудо в полном смысле слова мне увидеть сложно. Ниточки ведь, не чудо.

— Чудо начинается потом, не сразу. Проходит так раз, второй, третий. Год, два. И начинаешь понимать, что все мы, каждый из нас — похож на них. На актёров. Мы двигаемся, говорим — но мы ли это?

Миланэ внимательно слушала.

— Так бывает, такое наваждение, когда ветер колышет какую-то тряпку, — смотрел мастер в окно, за которым был привычный пейзаж возле Марны: поле со всходами, далёкий лесок и кусты возле дороги. — В темноте, среди неведения, тебе кажется, будто она — живая, дышит своей жизнью и в ней сидит воля. Но на самом деле мы знаем правду: виной всему — ветер. Вдруг ветры судеб вот так и треплют нас, вот так, — трепал он свою куклу. — Вдруг кто-то извне или что-то в нас дёргает за серебряные нити, а мы знать не знаем.

Мастер говорил с каким-то фальшивым придыханием, словно рассказывал детям страшную сказку, стараясь при этом напугать. Но Миланэ всё равно слушала, играя одной рукой с серьгой, а второй — обняв себя за живот и талию.

— Как курьёзно! — засмеялся нотар-хохотун. — Интересничает лев!

Дочери Сидны показалось-почуялось, что мастер со скрытой обидой посмотрел на него, обидой на смех.

— Тогда дайте им свободу, вашим актёрам. Обрежьте нити! — с мелкой патетикой воскликнул незлобивый, весёлый нотар, воздев руки в потолок дилижанса. При этом он задел котомку львицы, что сидела справа от него, и котомка чуть не свалилась на пол.

— Ой, прошу прощения.

— Ничего, ничего.

— Если у марионетки обрезать нити, то это не даст ей свободы. Она просто упадёт и не сможет двигаться. Умрёт, — вдруг изрёк мастер и продолжил копаться шилом в тельце куклы.

— Мне кажется, что мастер всё утрирует. Не так-то плохо. Я оптимист-то по натуре, оптимист.

— Оптимист, не оптимист — разницы никакой, — мастер спрятал Стимсу Ужасную в ящик, закрыл и сложил на нём руки. — Кукла-оптимист отличается от собрата-пессимиста лишь цветом. Или выражением рта.

Улыбка просияла на лице Миланэ.

— Не скажет пусть сир, это не так, — нотар чувствовался в своей тарелке, привычный к диспутам со студенческой скамьи, в которых важна победа над собеседником. — Ведь всякая профессия, наше личное дело, так сказать, налагает неизбежную печать. Марионеточный мастер видит, что марионетки-то подчиняются ему, что он дёргает их за нити, как вышнее существо, как Ваал... прошу прощения, сиятельная Ашаи, забылся в речи... и начинает думать, что так-то всё устроено в жизни. А вот нотары, нотары, скажу я, они, знаете ли, доверяют всем, но доверием совершенно особенным, доверием-то подозрительным, доверием, требующим доказательств. Я уже всё на свете рассматриваю сквозь это стекло доверия-недоверия, всякое слово взвешиваю на этих внутренних весах, и всегда слово это должно быть подкреплено легчайшим весом, лёгкой материей — бумагой. И для кого-то бумаги —

мусор. Но не для меня-то. Я по ним многое могу сказать, очень многое. Воин, — указал он на льва напротив, — глядит на жизнь как на арену схватки жизни и смерти. Целитель тоже, но его точка зрения уже противоположна — он на другом конце арены. Мы, становясь кем-то, вырываем аспекты из жизни и начинаем их осмысливать, вертеть в разуме, а потом — принимать за всю картину мира. Понимает сир? Понимает?

— Из чего ты можешь знать, как глядит на жизнь воин? — пробормотал легатный лев с пустыми глазами, безо всякого выражения, ни злобного, ни взбешенного. Сильной рукой он опёрся о стенку дилижанса и стукнул крепким, потёртым кулаком.

— Я предположил, — почтительным тоном ответил нотар и тут же мастерски увернул беседу: — Так что теория льва вполне имеет право на жизнь, но увы, не может претендовать на окончательность.

— Мои уши слышат хорошего оратора, — приложив руку в груди, улыбнулась Миланэ рядом сидящему нотару.

— Спасибо. Так что, почтенный мастер, можно сказать: это просто взгляд-то на жизнь. Теория, одна из теорий.

— То, что я говорил — это не теория, — злился уязвлённый мастер оттого, что этот нотар-хохотун совершенно не понимал сути дела, и барабанил пальцами по коробке.

— Я не имею в виду теорию в академическом смысле, — довольно болтал нотар. — Скажем так, я бы назвал это стихийным воззрением на жизнь, которое сложилось у льва.

Пальцы мастера начали поддрагивать, он суетился на сиденье и нервно вздыхал. Миланэ стало жаль его: он был из тех самых, неприспособленных к жизни душ.

Незаметно проверила: на месте ли сумка?

На месте.

— Сир говорит так, будто бы желает уличить меня в чём-то низменном. Будто бы иметь своё мнение — плохо, — отбивался марионеточник.

— Нет, право, и в мыслях не было.

Подняв палец, нотар повернулся к Миланэ, привлекая внимание; причём её тихо насмешило то, что он поднял мизинец, а не указательный палец. У неё на родине этот жест означает непристойный намёк для львицы. Вспомнила, что у многих студентов и молодых интеллектуалов есть мода отращивать длинный коготь на мизинце; так, дескать, они узнают друг дружку, и непременно их демонстрируют при случае. Видимо, глупая молодёжная забава перешла в привычку и сохранилась до сих пор.

Не хочет нотар её обидеть.

Кто может быть настолько глуп, чтобы обидеть Ашаи?

Таких среди Сунгов нет. Слишком суровые законы защищают их. Слишком мощные привилегии у всякой совершеннолетней сестры и ученицы.

Никто не обидит Ашаи.

Вдруг Миланэ с какой-то тёплой негой внутри почувствовала, какое же всё-таки у неё завидное положение в жизни, в этом мире. Хорошая судьба дала ей изначальный дар к игнимаре, дала наставницу, дала Сидну, дала добрых подруг, дала Хильзе, дала много ещё чего, да ещё и смерть Отгара, что привела её к патрону-сенатору, влиятельному патрону, сильному патрону....

Ай-яй, мать не поверит, как взлетела её дочь. Хотя и так безмерно гордится ею...

Вся жизнь — впереди.

Многие силы и возможности открываются перед нею.

Здравствуй, мир! Вот, скоро ты поприветствуешь сестру Ваалу-Миланэ-Белсарру, и она навечно войдёт в список сестёр.

— Искренне прошу ответить: что сиятельная думает по этому поводу? — суетился нотар.

— Какому? — взмахнула ладонью в вопросительном жесте. — Пусть сир уточнит.

— Где же истина? Марионетки ли мы? Прав ли мастер, прав ли я, или правы оба?

«Сложные вопросы», — подумала Миланэ. — «Но ему и ответов не надо. Хитрец-болтун».

— Вопрошающий получает тот ответ, который ему нужен, иначе никто бы не шёл по своему пути. Все шли бы топтанной дорогой.

— И я возьму на себя смелость утверждать, что это очень близко к тому, что я говорил, — довольный только ему одному понятной победой, нотар откинулся на спинку сиденья.

Воин посмотрел на него, провёл ладонью по лицу и — внезапно — указал на него когтем.

— Твоя смелость одна — зажать хвост, — жестоко отчеканил он. — Так что усядься и заткни пасть. И ты, чурбан старый, с куклами тут. Подвинулся быстро! Куклы тут устроили они, куклы им играть давай. Тамдохнешь, а тут — куклы!

— Позвольте, добрые Сунги, но это... как может лев так говорить? — с испуганным возмущением спросил нотар.

Обняв ящик, подвинулся мастер марионеток.

— Заткнулся, сел тихо — я сказал!

Миланэ на миг даже не поверила ушам. Этот воин, лет тридцати, делал нечто невообразимое и вёл себя, как последняя кабацкая тварь. Львица-мать и дочь поджались. Они вместе посмотрели на мастера, на нотари, потом на Миланэ, ища помощи.

«Он же не настолько пьян... Что с ним?».

Естественно, она решила вмешаться:

— Воин не блюдет благородства и переходит границы, — при этом указала на него всеми пальцами, ладонью вниз — жест обвинения и презрения. Лев-воин посмотрел на неё, долгим, тяжёлым взглядом; глаза его были пустыми, серыми, без цвета. Миланэ слышала, как он громко, но ровно и спокойно дышит.

— Границы? Ты видела эти границы, видела их в жизни, нет? Отвечай, я сказал! — с каждым словом тон его становился всё громче и страшнее.

Странная серая личность в капюшоне только теперь зашевелилась в своём углу, у противоположного окна. Оказалось, что это тощий лев-подросток с большими печальными глазами, тёмного окраса и воровато-бродяжного вида.

Дилижанс тихо качался на прекрасной Марнской дороге.

Признаться, Миланэ не знала, как поступить. Растерялась. Она никогда не сталкивалась с такой странной, беспричинной агрессией; и вообще, она не могла припомнить в своей жизни сколь-нибудь серьёзного конфликта с любым львом. Она на миг подумала, что следует как-то успокоить его, усыпить, схватить взглядом, но эти свинцовые глаза ясно говорили, что видели они всё. И ничем их не пронять.

Тишина длилась очень долго. Прозвучал какой-то стук по корпусу дилижанса: извозчий, видимо, услышав разговор на повышенных тонах, хотел таким незатейливым образом унять спорщиков.

Наконец, Миланэ решила окончательно укорить-предупредить:

— Ведёшь ты себя недостойно, воин, и я не премину сообщ...

Но он мгновенно прервал:

— Рот закрой, самка! Когда лев говорит, безгривая должна заткнуться! Не усвоила от матери такого урока?! Так от меня — усвоишь! Сидеть, я сказал! Сидеть! — топнул он лапой в сандалии, а потом с силой припечатал её к ребру сидения, прямо возле Миланэ; вместе с сиденьем припечатанной оказалась и часть подола свиры. Она ощутила, как стянуло подол, обхватило бёдра и колени.

Миланэ глядела ему в глаза, а потом повернула голову к нотариу: тот сидел с изумлённо-глуповатой улыбкой, испуганной, жалобной. Потом к марионеточнику: старик, он обнимал свой ящик и от негодования у него открылся рот, а руки дрожали. Лев-подросток ещё похлеще укрылся капюшоном и вжался в уголок. О матери с дочерью говорить нечего: те сидели ни живы, ни мертвы.

Дочь Сидны вдруг поняла, что она одна, одинока, совсем одна против жестокого воплощения ярости. Здесь некому откликнуться на её зов о помощи, «зов о сохранении чести Ашаи», как его называют согласно Книге Сунгов, одному из главных законов Империи.

Что они теперь, все писанные законы мира?

Она попробовала освободить подол.

— Сидеть, я сказал! — дрогнула его лапа, сильнее прижимая когтями. — Ты что, думала: напялю на себя безделушки, назовусь Ашаи, и каждый станет ходить подле, не дыша? А?! Что никто не посмеет слова сказать? Что все будут слушать с открытыми ртами? Нееет. Нет. Я вас знаю. Я вас лучше всех знаю. Коварные сволочи. Плетёте интриги зла и прикрываетесь, вереща о вере, Ваале.

Вдруг он откуда-то из-под сиденья, ловким и привычным к оружию движением, выхватил короткий легатный меч в ножнах, решительно, и в то же время очень спокойно обнажил оружие и приставил острие к её горлу.

— Сидеть, если не хочешь сдохнуть. Ты будешь сидеть молча, не шевелясь, пока мы не приедем. И любое слово супротив — я тебя убью.

Миланэ ощущала холодное острие меча у себя на горле; пришла в голову глупая и несвоевременная мысль о том, что оно довольно тупое, и на случайной кочке он не сможет проткнуть ей горло. Глаза сами рассматривали потёртости, царапины на клинке, большой скол у гарды, какие-то пятна. Закрыв глаза, поняла ученица-Ашаи, что он исполнит свой бессмысленный приговор, если потребуется, не отпустит свою ненависть. Мигом пролетели в сознании возможности: разжалобить его; успокоить его; унизиться, захихикать, попытаться соблазнить его и перевести всё в игру самца-самки; дать денег; сидеть, как мышь, не двигаться; прокричать что-то извозчему (вдруг подсобит?); попросить помощи у окружающих (эти точно не подсобят); выждать.

Но всё это претило ей, её чести и чести сестринства. Что ж, разве пристало сидеть, как мыши? Слушаться, как собаке?

Из глубин души восстало извечная хитрость самки, мерзостное и древнее коварство Ашаи-Китрах, яснохолодный ум, который веками помогал выживать всем её сёстрам.

У неё есть право на это.

Когда Миланэ волнуется, её всегда схватывает щемящее чувство в груди и горле. И вот так, схваченная чувством, прижатая лапой, с острием меча у горла, она подняла

ладони к нему в жесте поражения — сдавалась на милость; милые, тонкие черты рта вздрогнули, рот приоткрылся, глаза стали большими от страха.

— Будь добрым Сунгом, воин. Не убивай меня, беззащитную, умоляю Ваалом.

— А это — как захочу. Ваала нет. Где же он, почему не спасает свою жрицу? — усмеялся он. Потом поправил меч: — А так... Гляди. Что ты сейчас? Ничто.

Она медленно опустила руки.

Сирну носят всегда; редкая Ашаи нарушает эту традицию. И дело даже не в том, что с нею удобно, красиво, хорошо, безопасно или ещё как. Просто все наставницы неизменно требуют этого.

Неизменно.

«Быстрее, пока он сирну не забрал. Может догадаться».

Видимо, лев устал держать меч на весу, а потому опустил его и прижал к животу Миланэ.

— Ладно-ладно, но зачем он тоже вынул нож? — испуганно молвила Миланэ, глядя на того самого льва-подростка.

«Вынул нож» подействовало: скорее, повинуясь инстинкту, лев повернул голову налево, намереваясь увидеть, откуда там ещё взялся нож. Он только начал поворачиваться — пальцы Миланэ ощутили равнодушную, прохладную кожу рукоятки. Давление меча ослабло — пальцы дисциплины поддели сирну из ножен.

— Я ничего не вынимал, ничего! — испуганно зарычал и замахал руками подросток, прижавшись спиной в угол. — У меня ничего...

Миланэ помнила, что страшно боялась порезаться, когда голой левой рукой, скорее даже левым предплечьем изо всех сил ударила по боковине клинка меча. Но ей нужно было подняться, встать любой ценой. А потом — единое движение: всем телом, до боли сжав сирну в правой ладони, она устремила её вперёд. В последний момент он понял, что происходит; начал поднимать левую руку; это был годами выработанный рефлекс, привычка, ведь в левой руке — щит. Но это не помогло, и не могло помочь — сирна вошла прямо в горло, по самую рукоять.

Возмездие!

Он схватился за её руку в последнем усилии, но вдруг сирна рассыпалась в пыльный, сверкающий прах, и Миланэ оказалась перед ним, беззащитна-безоружна, и оказалось вдруг, что нету никакой ненависти, нету никакой угрозы, нет никакого убийства, что теперь она ласково держит его шею, укрыв руку в гриве, а вовсе не желает злой гибели, и он вдруг схватил её за талию, силой усадил на колени, обнял стальной хваткой, а потом пламенно впился в неё поцелуем, держа за подбородок, чтобы не удрала-убежала, и в окно дилижанса пробились неведомые лучи неведомого солнца, и после нужной, небольшой заминки, Миланэ тоже обняла его, и уже не отпускала, задыхаясь, задыхаясь, задыхаясь...

...она упала в негу-небытие, перед нею появился огромный, белый, как снег вершин, лист, на котором буквами с дерзким штрихом было начертано:

*...истина в том, что страх мешает видеть её. Страх нет.
Когда поймёшь ты, вечная ученица, тогда и увидишь свою истину, сверкающую в лунном свете. Но что тебе до того, верна она или нет? Ты гляди на её сияние...*

Миланэ протянула руку, мучительно пытаясь вспомнить, где видела эти слова, а

потом вспомнила, и как только вспомнила, так сразу растаяла в немом свете... Просто растаять в неге бесконечных, ало-жёлто-оранжевых океанов тепла...

...Дилижанс тряхануло на яме; Миланэ, вздрогнув телом, аж подпрыгнув — очнулась.

Как и всякий и всякая, кого резко разбудили, Миланэ начала оглядываться вокруг, часто моргая, пытаясь притвориться, что спал кто угодно, но только не она. Вокруг было тихо и мирно: нотар читал какие-то записи (увидев, что Миланэ смотрит на него, улыбнулся ей и продолжил читать); старик-марионеточник дальше обнимал свой ящик, не желая с ним расставаться; мать и дочь о чём-то перешептывались; подросток в сером плаще всё так же смотрел в окно, спрятавшись от всех.

А что воин?

Дочь Сидны поглядела на него.

Он спал.

Никогда, никогда-никогда Миланэ не замечала за собою такого; она никогда не засыпала вдруг, вот так, прямо на ходу, не отдав себе отчёта. Милая дочь Сидны вообще не помнила, когда именно заснула...

«Когда я уснула? Ваал мой, я действительно слышала беседу, а потом взяла да уснула. Они слышали мои слова? Говорила ли я в реальности или во сне?»

Она ещё раз внимательно осмотрела всех, пытаясь найти зацепку и ответ на вопрос. Потрогала сирну в ножнах — покоится, как всегда, спокойная-холодная. Так... Диалог с марионеточником: был или не был?

Так, так, так. Погоди-ка, погоди. Надо всё проверить.

— Прошу любезно выслушать меня, добрый сир, — обратилась Миланэ к мастеру, и он удивлённо посмотрел на неё. — Лев уже починил куклу?

Тот часто заморгал, почесал седую гриву.

— Прошу извинить: безупречная тоже вчера зрела тот глупый провал на ярмарке?

— Я не была вчера на ярмарке.

— Тогда откуда ж преподобная знает, что...

— ...Стимса Ужасная нуждается в помощи?

— Ну... Да. Да. Именно у неё вчера нить, это самое... Ужасно глупо получилось. Предки мои, уже вся Марна знает, всем уже рассказали, — беспомощно махнул рукой.

— Пусть лев не беспокоится. Марна ничего не знает. Я уверена — большинство ничего и не заметило.

— Хах, вот преподобная знает, а на ярмарке не была... Не надо утешений. Тридцать лет выступаем, и давно такого не случалось...

«Значит, я беседовала с ним во сне...», — подумала Миланэ, и мурашки пробежали по телу: она-то знала всё; она даже помнила, до мельчайшей детали, словно видела живую, как выглядит Стимса Ужасная.

— А платице у Стимсы Ужасной можно расправить так: леву нужно взять немного мыла, немного уксуса, смешать в воде. Намочить тряпку, ею провести по платицу. В утюг набросать углей, разутюжить осторожно, и будет держаться.

— Преподобная видящая Ваала, это как: Ваал теперь принёс Ашаи дар чтения мыслей? Что-то новое.

Нотар с любопытством взглянул на Миланэ, а потом на мастера.

— Только пусть преподобная больше не читает их, — махнул рукой мастер. — Они глупые, старые. Пусть преподобная читает у молодых, — кивнул он на рядом

спящего воина.

Конечно, Миланэ не может читать мысли. Эмпатическое чувство позволяет лишь понять их примерное направление и настрой, но не суть. Следовало как-то нейтрально уйти от темы.

— Прошу меня простить. Я дисциплинара, до моего Приятия осталось меньше двух лун, и скоро должна стать сестрой-Ашаи, а посему должна упражняться в дарах духа. Пусть лев найдёт для меня прощение.

— Ничего, ничего, я пошутил... — отмахнулся мастер.

— Уверен, что с такими возможностями сиятельная пройдёт любое испытание, — улыбался нотар, отставив в сторону свои записи. — А могу я стать объектом для упражнений?

— А лев не боится? — спросила у него мать-львица со скромной улыбкой.

Её дочь с любопытством поблескивала глазками, наострив ушки.

— Если только сиятельная не будет раскрывать тайны моих клиентов, — захохотал нотар.

От хохота воин нахмурился, повернулся на другой бок. И тут же захрапел.

— Эм... Да. Чтобы не раскрывать никаких тайн льва, я дам только ему одному понятный знак.

Миланэ подняла перед собой ладонь, сжатую в кулак; лишь мизинец не присоединился к своим братьям и стоял прямо, в гордом одиночестве.

Поначалу нотар нахмурился, махнул рукой в недоумении, а потом просиял.

— Ха-ха-ха, — хлопнул в ладоши два раза. — Вот так штука! Изумительно! Ваал мой, дай смею ли я узнать имя сиятельной Ашаи? За всё это время мы так и не познакомились!

— Меня зовут Ваалу-Миланэ-Белсарра. Хотелось бы приласкать уши именем льва.

— Пусть сиятельная зовёт меня просто Асмаран.

— И что, мысли льва угаданы?

— Почти. Скорее, сиятельная Миланэ напомнила о моей молодости...

И всю дорогу, до первой остановки, нотар болтал без умолку: рассказывал шутки и анекдоты; рассказывал какие-то истории из своей работы, курьёзы и юмор которых были понятны ему одному, но все чинно смеялись; осторожно обсуждал политику, в частности, всерьёз предлагал пересмотреть курс в отношении Кафнского протектората в сторону ужесточения; пробовал обсуждать современную художественную литературу, верно, пытаясь блеснуть скудными знаниями, но как только Миланэ и (неожиданно!) львица-купчиха подхватили тему, то сразу же ловко начал от неё убежать, поняв, что может попасть впросак.

Сначала Миланэ поддерживала разговор, а потом плавно ушла из него. Она хотела как-то осмыслить, понять свой опыт; для неё не составило бы трудности полностью принять внезапное вхождение в сон без контроля и воли, если бы не ужасающее чувство реальности происходящего; даже в самом обычном сновидении, где имеет место полное забытьё, какая-то часть души знает, что всё это — не правду, ложь, обман духа. Теперь же было кристально чистое осознание реальности; всё получилось так, будто бы действительно случился скандал, после — произошло убийство, а потом время отпрыгнуло назад, как испуганная серна на охоте.

Но она не могла обдумать это, как следует, ум отказывался служить. Лишь одна догадка, одно последнее намерение осталось у Миланэ.

Оно касалось война.

На первой остановке, у большого придорожного гостиного дома, все они вышли, чтобы поесть, попить и немного отдохнуть от дороги. Перед этим проснувшийся воин дважды похлопал себя по бокам, осмотрелся по стенам дилижанса.

Миланэ поняла-догадалась, что он ищет:

— Под сиденьем.

— А... Спасибо, — поблагодарил лев, не глядя на неё, и забрал оружие из-под сиденья.

Поев плоховатой бараньей похлебки, попив очень вкусной воды из колодца и прихорошившись возле немаленького зеркала в хозяйской комнате, куда её милостивопустила толстая хозяйка с извечным полотенцем через пояс, Миланэ отправилась искать война. Она ожидала увидеть его тут же, в трактирчике, с кружкой пива, но — нет. Нашла недалеко от колодца, под пустым навесом для сена. Воин сидел прямо на большом, старом пне, со снятыми сандалиями, шевелил пальцами лап, расстегнув короткую рубаху и распоясавшись. Жмурясь от послеполуденного солнца, в одной руке он держал длинный стебель люцерны, а во второй — флягу.

— Здравствуй, воин, — Миланэ как была, так и присела возле него на колени, прямо на невысокую траву.

— Красивого дня, видящая Ваала, — удивился он и откинул пыльные сандалии в сторону.

— Почему лев с предубеждением относится к нам, Ашаи-Китрах? — безо всяких вступлений спросила Миланэ.

Он почесал светло-пепельную гриву на груди.

— С чего преподобная взяла?

— Так показалось, — склонила голову, глядя.

— Преподобная решила и на мне поупражняться? — усмехнулся он, облизав зубы.

— Разве воин слышал разговоры в дилижансе? Воин ведь спал.

— Нет, я так... дремал. У меня вообще со сном в последнее время неважно: спать очень хочу — а не могу.

Она встала и присела с иной стороны; почему-то вспомнилась давнотёмная легенда о сёстрах великого правителя Сунгов Аримана, которые наговаривали с двух сторон брату то, как стоит поступать да как не стоит, и в отместку за послушание сдавались ему на ложе.

— Знаю много средств для хорошего сна.

— Я их тоже знаю. Да пустяки.

— Так почему? Может, лев видел, как Ашаи недостойно себя ведёт?

— Я много чего видел, — закивал он.

— И всё-таки? Я пришла с добрым намерением, пусть воин верит мне.

Он ухмыльнулся и отбросил травинку.

— Пусть Ашаи выслушает: я — Сунг. А Сунг не может плохо относиться к Ашаи, потому что они — жрицы Ваала. А Ваал, как говорится, наше всё.

Он плохо скрывал сарказм, но пытался.

— Ответ искренне, воин. Клянусь — я с доброй душой к тебе. Мне важно это знать.

— Это ещё зачем? — удивился.

— Не могу всего объяснить. Но, в частности... мне хочется, чтобы лев изменил

своё мнение о сестринстве.

— Изменил мнение... Это лишь трусы вмиг меняют мнения. Своё я уже сказал, — он поднял с травы ножны и ткнул ими в землю. — Разве что непонятно, нет?

Долгий, тягучий взгляд от Миланэ. И на мгновение показалось, что он понял этот укор львицы.

«У него умные глаза», — вдруг подумала Миланэ. — «Он *понимает*».

Взгляд к земле, встать, как при криммау-аммау (как можно плавнее!), левая ладонь держит правую за запястье, у живота.

— Больше не помешаю льву. Сильного дня.

Он ничего не сказал вослед. Но Миланэ слышала, как обнажил меч и воткнул его в землю. Её догадка оказалась верной.

«А догадка-то верна: у него какой-то зуб на нас. Ну вот и хорошо, всё сходится. О кровь моя, всё сходится! Марионеточник, нотар, воин — все детали этого сна, все подробности, всё-всё — оказалось точным».

Было над чем подумать, было что спросить у наставниц в Сидне. Миланэ обязательно спросит: и о «Снохождении», и о своих ощущениях.

«Интересно, может, в нашей библиотеке есть копия “Снохождения?” Не забыть, обязательно сходить!», — всерьёз подумала Миланэ. — «Должна быть!».

Но глодала одна мысль; точнее, смутное чувство незавершённости. Она, сама не зная почему, очень не хотела, чтобы этот воин сохранил своё мнение. Казалось бы: он ей — никто; огромной симпатии не вызывал; положение его в обществе — невысокое; мнение — небольшое; ум — прям и узок. Что с него требовать? Но Миланэ хотелось, чтобы его смерть во сне превратилась в нечто совсем иное, чтобы он не обнажал меча, будь-то меч из стали или из духа и слов, а обожал её, любил её, добрым словом отзывался о ней, чтобы помнил: Ашаи-Китрах — цветы духа и сёстры понимания.

Ашаи-Китрах — сёстры понимания.

Она желала чем-то доказать ему, и даже не ему, а самой себе, что это — именно так. Миланэ была готова и сделать снадобье для сна, и возжечь перед ним игнимару на свечи и отдать эту свечу, или предсказать судьбы, или сыграть на чём угодно, ну хоть бы на кифаре. Да, она готова была пойти на любой жест, даже на такой скандал, на какой однажды пошла Ваалу-Фирая, одна из наставниц Сидны, недавно отошедшая в Нахейм. Как-то в молодости, немислимыми судьбами, почти случайно, она попала на научное заседание первого университета протектората Гельсия; в этот новообразованный университет съехалось удивительно количество учёных из Империи, не в последнюю очередь потому, что именно здесь можно было начать всё сызнову и сыскать научную славу, блеснуть умом среди гельсианцев — не-Сунгов, конечно, но и не варваров, и — главное — уйти от всё возрастающего давления Надзора Веры. На собрании как раз высмеивали сонм традиционных верований гельсианцев во всяких богов, и адептов этих верований; славление этих богов требовало непременно пышных церемоний и специально, многолетне обученных жрецов. Один из видных критиков верований, как старых, так и совсем новых, призывающий к «естественным наукам» и «вере в разум», предлагал всем совершить мысленный эксперимент: представить этих жрецов не в роскошных одеждах, не при пышных гривах и всех знаках отличия, а нищими оборванцами под подворотней. «Научная истина не зависит от того, кто её оглашает — нищий или мудрец», — утверждал учёный. — «Но если мы честно проведём сей эксперимент, то увидим, сколь нелепыми

являются все слова жрецов о богах и сколь они напоминают безумие или пьяный бред. Перестав быть ослеплёнными мишурой, мы видим правду». Развивая свою мысль, он осторожно дошёл о рассуждениях о вере Сунгов, и это не только не вызвало в учёных из Империи негодование, но вполне себе даже одобрение — дома им надоело это мягонькое сглаживание уголочков, им тоже не раз хотелось похульничать и посомневаться насчёт своей веры. Правда, все тут же отметили наличие Ашаи-Китрах среди них, которая вообще затесалась во всю эту компанию чудовищной случайностью, тему решили не развивать, но Ваалу-Фирая начала протестовать, мол, продолжайте-продолжайте, очень интересно. В итоге учёный отметил, что такой же мысленный эксперимент можно проделать со «жрицами веры благородных Сунгов — Ашаи-Китрах», и в итоге посмотреть «что останется от их слов».

— Ашаи не говорят, кому как жить, кому как верить, — попыталась защититься Фирая.

Но тут же среди родных Сунгов нашлись те, кто мгновенно нашёл множество контраргументов и контрпримеров; честная с собой и с другими, Фирая вынуждена была признать, что такое бывает — Ашаи *могут* поучать.

— Но между всеми известными мне жрецами любых богов и Ашаи есть существенная разница, — так сказала она.

— О, пожалуй то, что только вера Сунгов — истинна? — саркастично и смело заметил учёный-гельсианец.

Некоторые из учёных-Сунгов отметили, что всё чуть чересчур, надо бы прекращать, но Фирая махнула рукой.

— Так давайте проясним вопрос на опыте, а не мысленно, — так она предложила. — Сейчас я стану той самой нищенкой в подворотне и начну делать всё то, что делают Ашаи-Китрах. Впрочем, даже почему — буду нести всякий бред.

К величайшему, всеобщему изумлению, она преспокойно сняла с себя все одежды, ну почти все, если по-честному (шемизу таки оставила), облилась чернилами, что попались под руку, посыпала голову и уши землёй из цветочной кадки и в таком виде встала на стул перед ними. Эти экзерсисы до того ошеломили добропорядочную публику, что никто даже не попытался её остановить, только кое-где прокатились нервные смешки.

— Всё безобразие веры Сунгов в том, что она — ложнонелепа и очень смешна, — почесала она бок. — Давайте попрыгаем умом: вот есть все веры, и все они веры как веры — надо верить, и того хватит. Нет же, вера Сунгов, эта тварь, Ваалопочитание, не может как все, чтоб её. Жрицы её не только кочевряжатся в том, что утверждают её истинность для душ Сунгов, и только для душ Сунгов, ибо это сумма душ Сунгов, но и ещё представляют вот это...

С этими словами на её ладонях (Фирая была очень сильной мастерицей игнимары) вспыхнули алые вспышки огня Ваала.

— Все веры истинны, вера Сунгов ложна, — ходила она в своём мистическом свете перед гельсианскими учёными. — Ложна. Ложна. Ложна...

Они видели рядом её ладони, чувствовали этот жар, в глазах стыли страх и благоговение, они отворачивались от него, они протягивали к нему руки, они... Когда её огонь угас, устало-весёлым голосом сообщила, сев на пол:

— Давно известно, что игнимара — мерзкий фокус, а не какой-то там дар.

Скандал был, конечно, жуткий. Но — невероятное дело! — Круг Семи оправдал её, не в последнюю очередь потому, что почти все присутствующие учёные стали

тайными поклонниками веры Сунгов и Ашаи-Китрах (открыто нельзя — открыто славить Ваала могут только Сунги).

Зашло солнце, сумерки пропитали воздух и небо; дилижанс прибыл в небольшой, провинциальный городочек, больше похожий на большой посёлок. Здесь находился большой и хороший постоялый двор; благодаря прежнему императору, Тиссу-Аррдану Первому, который указал дать всем гостиницам и постоялым дворам огромные льготы, их в Империи стало ещё больше, хороших и разных.

— Для приезжих есть малоплатные койки в двух общих спальнях: львы отдельно, львицы с детьми отдельно, но это, конечно, не для сиятельной Ашаи. Комнаты по двадцать пять империалов. Ещё есть две светёлки, очень хорошенькие, но они чуть дороже. Для Ашаи всё — полцены, — говорила необычно молоденькая хозяйка-управляющая постоялого двора.

— Нет, мне простую комнату. Оплачу всю цену.

— Зачем? Сиятельная имеет право на половину цены.

— Нет, я ещё дисциплира. Через два месяца стану сестрой — вот тогда будет полцены.

Миланэ очень часто так врала уже много лет, уверенным и решительным тоном; светские души, не очень сведущие в тонкостях привилегий Ашаи, никогда не настаивали. На самом деле, как совершеннолетняя Ашаи-Китрах, она имела, согласно привилегии приюта, полное право на скидку. Даже больше: могла сказать, что спать ей вроде бы и надо, а денег-то вроде бы и нет, а где-нибудь спать она не будет, и хозяева не решились бы отказать.

Комнатка оказалась маленькой, четыре шага у каждой стены, правильной квадратной формы. В двух углах стояли огромные подсвечники, традиционные для ашнарийцев — Сунгов в окрестностях Марны, первых среди равных. Ашнарийцы, во-первых, не любят темноты, а во-вторых, воска у них всегда полно, да по бросовым ценам. Но будто этого мало, на столике у окна стоял ещё маленький канделябр.

— Вот ключ, здесь шкаф, здесь столик, в столике есть ящик, в ящике есть свечи, занавески опущены, постели застелены, воду будут греть до полуночи, если что надо — пусть сиятельная обращается, — это уже говорила пожилая горничная, вида невероятно уютного, спокойного и добродушного, возжигая свечи.

— Спасибо большое.

— Пожалуйста, сиятельная.

Миланэ села на кровать, осваиваясь в новой обстановке. Зачем-то попробовала её на мягкость, прямо как маленькая. Ой нет, жёсткая.

Она очень любит спать в постоялых дворах, гостиницах и прочих подобных заведениях. Сложно сказать, отчего. Вероятно, это уже сила привычки: в дисциплирии ученицы спят именно в таких комнатах, по двое, трое или, самое большее, четверо, да к тому же и путешествуют очень много.

Сбросила скатку вещей на противоположную кровать, поставила сумку на стул. Вдохнула. Спрятала в ящик стола сирну и стамп. Подумав, туда же спрятала кошель, набитый золотыми империалами от патрона. Раскрыла скатку, бережно вынула оттуда завернутый в ткань пласис. Развернула, полюбовалась, свернула. Поставила на стол полотенце — кусок толстой, белой хлопковой ткани, настойку мральсы (для зубов), мел в банке (для них же), две расчёски (мелкую и грубую), смесь лавандового и розового масел, кусок пемзы и мешочек с разными травами; последний поставила на стол. Такие мешочки Миланэ всегда делала сама, для себя и для подруг, расстав-

ляла всюду, где только возможно. Сняла свирю, сложила её в шкаф. Вынула из шкафа огромный кусок белой ткани, завернувшись в который, полагалось идти в балинею. Достала большой кусок мыла, что купила перед отъездом, подумала, достала сирну от ящика и отрезала от него половину. Вытерла клинок сирны о подол шемизы; почему-то долго рассматривала такую знакомую сирну. «*Ашаи-но-Сидна*», на древнем языке, «*Сестринство Сидны*». Бросила сирну в ножнах обратно в ящик, небрежно. Вытянула из скатки чистую шемизу.

Теперь она выглядит так же, как тысячи обычных молодых хорошеньких львиц, стройненьких, среднего роста, обычного золотистого окраса с маленьким уклоном в тёмные тона, маленькими ушами, не длинным и не коротким хвостом, еле заметной тёмной полоской на спине.

Или нет? Или не как тысячи?

Сделала два шага, потом правая лапа — за левую, голову чуть опустила, хвост подвернула. Нет, по походке увидят, что Ашаи. Увидят. Всё увидят. Всю меня увидят. Ах ты проклятье. Нет в комнате зеркала. Ужас. Ужас-ужас, ай-яй. Нет хуже ничего комнат без зеркал. Как на себя смотреть-глядеть, как себя увидеть, как же понять, что ты и кто ты для мира, если не во что смотреть?

«Как оно есть... Увидеться мы можем лишь в отражении, а изнутри себя не увидишь. Так оно с внешностью. Верно, так оно и с душой — должно быть зеркало для души, для душ...», — взмахнула хвостом Миланэ.

Сгребла всё добро в узел, завернула, закуталась в большую белую ткань, взяла ключ и чистую ночнушку. Заперла ящик стола, а потом надёжно закрыла двери комнаты, несколько раз подёргав их для спокойствия, и ушла мыться в балинею.

Здесь они оказались что надо, тесниться точно не придётся. Зашла на половину львиц, оставила вещи на скамье, взяла себе ведро и кадку, сняла шемизу прочь, зачерпнула из огромной бочки с тёплой водой, ушла в отгорожу. Сразу окатилась из ведра, снова набрала воды, но теперь уже зачерпывала из ведра кадкой, и так поливала себя.

Мылась долго, как и всегда. Намылившись, вся белая от пены, сидела на скамье и натирала зубы мелом — для белизны. Рядом мылись мать и дочь, что ехали в дилижансе. Дочь почему-то постоянно смеялась.

Пошла, снова набрала ведро воды. Сразу же вылила его на себя.

И вдруг ей стало так печально, так грустно, что она всплакнула. Совершенно неизвестная, неизбежная, неизбежная волей меланхолия напала на неё; Миланэ узнала это, с нею такое бывало, много раз. Делается так странно, от всего: и что ты львица; и что ты Ашаи-Китрах; и что у тебя именно такие когти, а не другие, и хвост такой, а не другой, и нрав такой, а не другой; и что вокруг тебя то, что тебя окружает, и что живёшь ты именно в то время, в которое живёшь, не сотней лет позже, да не раньше — тоже; и что ты всё ещё ученица, но вскоре станешь сестрой, и так это странно — попрощаться с ученичеством.

Отошло так же, как и пришло.

Долго расчёсывала шерсть, кисточку хвоста, вытиралась и обсушивалась. Мать с дочкой ушли, хоть и пришли позже, а она всё сидела. Потом облачилась в ночнушку, собрала все вещи и поблагодарила, согласно андарианской традиции, «воду за жизнь».

Пришла в комнату, сбросила вещи на кровать, села на стул, положив лапы на спинку другого стула. Потянулась всем телом, зевнула, вздохнула. Так.

Так. Дорогой в комнату она придумала себе одно дельце: надо бы записать те самые слова, которые увидела в конце сна. Совершенно не помня, были ли эти слова в тексте «Снохождения», она вознамерилась это проверить в будущем; но, чтобы не забыть, следовало записать их на бумаге.

— Ай-яй, — сказала себе Миланэ. Ведь нужно снова одеться в свирю, застегнуть пояс, подцепить к нему сирну и стамп, одеть кольцо и сойти вниз. Серьги можно не надевать, но от этого не легче.

Она улыбнулась, облокотилась о стол, потёрла глаза.

Нееет, одеваться совсем не хочется. Так запомнить можно, не надо записывать. За весь день одежда надоедает, от неё хочется освободиться, снять её, дать себе свободы, хотя у Ашаи всегда меньше одежды на себе: лишь шемиза да свира, оделась в них — да иди куда хочешь, а тем более, что сейчас тепло, и будет ещё теплее, ведь наступает тёплый сезон, Время Огня, хотя у неё в Андарики эта пора зовётся Время Солнца, впрочем это неважно, и в Ашнари вообще всегда ночи тёплые, приятные, но у неё дома они ещё лучше, там ночью постоянно снуёт странный сладкий запах, похожий на аромат старого мёда, только легче и чище, и Миланэ не могла понять ни источника этого запаха, ни почему его больше нигде нету, кроме Андарики.

Надо растянуться, принять осанку, осанка для Ашаи — главное, впрочем, в нашей жизни чего только главного нет, как послушаешь наставниц, так о всём они говорят — главное, главное, ля-ля-ля. А что не главное тогда, скажите на милость? Всё важно, ничего неважного. Или: всё неважно, ничего важного. Так сойти с ума можно. Должна же быть в чём-то лёгкость мысли, ветреное отношение; кровь моя, я — молодая львица, кровь жизни, и тёплые ветроволны могут сыграть со мной не одну шутку. Пусть играют, пусть приходят, мои лёгкие волны, войдите в меня, пройдите сквозь меня...

Миланэ встала, коснулась пальцами рук к когтям лап, прогнулась назад, потом прислонилась спиной к стенке возле своей кровати, пропустив хвост между лап и так постояла немного; потом воздела руки к небу-потолку.

«Ступни, хвост, лопатки, затылок, ладони. Прогнись в талии».

Потом растеклась по кровати, растянулась всем телом, согнула левую лапу, а лодыжкой правой опёрлась о колено. Так и лежала, болтая ступнёй, рассматривая потолок, который надвое делила массивная подпорка. Спать не спится, да и вроде ничего не хочется, и сама не знаешь, что с собою делать.

Вдруг она услышала знакомые шаги в коридоре. Да, это горничная, скорее всего. Можно её попросить.

Миланэ осторожно приоткрыла дверь. Да, это она, несёт куда-то простыни.

— Можно обратиться ко львице?

— Да-да, слушаю.

— Не желаю обременять трудностью, но прошу: можно принести перо, бумагу и чернила?

— Сейчас, сиятельная, — махнула рукой горничная и пошла дальше. — Сейчас принесу.

— Покорно благодарна, — дочь Андарики легонько затворила дверь.

Легла обратно в кровать; заложив руки за голову, снова начала болтать лапой. Зевнула. Ладно, сейчас запишем, и спать. Завтра под вечер уж будешь в Сидне.

«Пожалуй, сновидеть не стоит. После сегодняшнего...», — подумала Миланэ и обняла ладонью кисточку хвоста; ею она начала водить по колену и голени.

В коридоре снова ожили чьи-то шаги.

Стук в дверь.

— Да-да, можно, — негромко сказала Миланэ, совершенно уверенная, что это пришла горничная с письменными принадлежностями.

Решительно отворилась дверь, и в ней предстал воин из сегодняшних яви и сна. На нём было воинский плащ-накидка до колен, тёмно-бордового цвета, застёгнутый на груди круглой фибулой; вместо серо-зелёной короткой рубашки и неуклюжих, мешковатых штанов теперь была туника до колен, подпоясанная крепким, потёртым ремнём, на боку — короткий меч в неказистых ножнах; на лапах — всё те же сандалии, шнурованные до колен; наручей не было, но появился довольно большой перстень на безымянном пальце левой руки. Выглядел он так решительно, даже свирепо, будто хотел кого-то лишиться жизни в этой комнате; но в руке он держал закупоренную бутылку вина, которую держал истинно как оружие — за горлышко.

Внезапность появления, противоречивость образа застала Миланэ врасплох, насмешила и сбила с толку — она еле сдержала нервный смешок. Двери, им отпущенные, открылись настежь, а потом начали закрываться обратно, и пристукнули его, но лев не обратил никакого внимания. Прошло мгновение, смешок угас, и Миланэ поняла причину заминки: если воин выглядел угрожающе и вместе с тем забавно, то она для него наверняка представляла собою зрелище иного рода. Всё, что на ней — ночная рубашка, хоть длинная, да и та сползла на талию, а больше ничего, ни колец, ни браслетов — вся, как есть, так и лежит, закинув лапу за лапу. Тем не менее, для Миланэ есть оправдание: она не ждала, не приглашала никого, кроме старой горничной.

Возникла резонная мысль встать и одеть свиру, чтобы не выглядеть пошло; в то же время помыслилось немедленно прогнать его, наглеца; а потом Миланэ всё-таки решила осведомиться, с чем и зачем он пришёл, а чтобы не предстоять перед ним и дальше в таком виде, решила ровно сесть на кровати, закинув лапу за лапу; и мелькнула идея взять да накинуть на себя длинный кусок ткани, в котором пришла из балинеи, но, во-первых, он был ещё мокрым, во-вторых, так некрасиво.

Решено — сделано. Мелькнул хвост, Миланэ не быстро и не медленно поднялась и ровно села на краю кровати. Нога за лапу, крепко сцепились пальцы — ладони обняли колено, подбородочек чуть вниз, уши чуть-чуть прижать, серьёзный вид.

— Что льву угодно? — не тепло, но и не слишком холодно спросила она.

Не ответив, он подошёл к столику и со стуком водрузил на него бутылку.

— Я так и не представился. Хайдарр, из рода Слааров, — кивнул, глядя на неё. — Хочу извиниться. Я слишком грубо разговаривал с видящей Ваала, — стоял он ровно, словно в строю.

— Слышащей, — повертела Миланэ своё серебряное кольцо.

— Не понял? — нахмурился Хайдарр.

— Слышащей Ваала. Я — дисциплина.

— Не меняет дела. Пусть львица простит и за сегодняшний разговор, и за внезапный визит. Предан Империи, — сказал он и начал уходить.

— Ай-яй. Плохо так: начинать — не заканчивать.

Он посмотрел на неё, прикрыв двери. А потом и вовсе осторожно закрыл их.

— Я не отказываюсь от прежнего намерения выслушать мнение льва.

Левая ладонь на груди, правая — навстречу собеседнику: жест приглашения, иногда — вопроса.

Хайдарр немного подумал, потёр гриву-шею, устало пожал плечами:

— Сомневаюсь, что это окажется интересным. Долгая и скучная история.

— Вино? — мельком указала она на бутылку.

— Да.

Прошёл миг времени, лишь удар сердца, а он без лишних слов откуда-то достал маленький ножичек с толстым лезвием и с пугающей, лишенной всякого усилия лёгкостью оторвал с его помощью укупорку. На столе стоял графинчик с водой и две деревянных кружки. Графинчик он равнодушно отпихнул ладонью, сгрёб эти кружки, и быстро, с шумом разлил вино. Одну кружку оставил себе, вторую с неуклюжей галантностью протянул ей. Миланэ не покорила такая небрежность в повадках, хотя она, вообще-то, не любит неаккуратности и хамского отношения. Она, внимательная, чуткая к душам, хорошо заметила, что в этой небрежности к вещам и угловатых повадках нет ни капли наигранности. Этот лев действительно привык обходиться истинно малым; он настолько свыкся с жизнью, что невероятно далека от всякой изысканности или хотя бы мягкости, что наверное, даже не замечал этого.

— Почему лев-сир решил извиниться? — уважительно молвила, приняв вино.

У него — тёмные-тёмные глаза, светло-коричневый окрас с беспорядочными, маленькими полосками, крепкие руки, роста он не самого высокого, но и определённо немаленького. Вон, пришлось ему чуть согнуться, когда входил. У него не было широкого подбородка и огромных скул, характерных для собирательного образа простака, дебошира и рубаки.

— Из-за чувства справедливости, — махнул хвостом, свободно опустив руку на стол. — Нельзя всех сеять сквозь одно сито. Да и стыдно говорить грубые слова молодой и красивой львице, — спрятал нож и протянул ей кружку.

Ему пришлось тянуться, а Миланэ только чуть подала своё вино вперёд.

— Я благодарна, Хайдарр, — возложила хвост на колено. — Готова выслушать, что лев думает о сестринстве.

— Да что тут говорить, это долгая и такая... скомканная история. Скорее, даже не история, а так, личные наблюдения...

— Я готова.

Он вздохнул, почесал коротко остриженную гриву, взял стул и припечатал его к полу напротив Миланэ, а потом тяжело сел на него.

— Но я правильно понял, что львица мне простила?

— Львица этого не скажет, пока не выслушает льва.

Вошла горничная, держа в руках чернильницу, перья в чехле и дощечку для бумаг. Ничуть не удивившись присутствию гостя, она спокойно подошла к столу и начала шуршать-хлопотать, вздыхая. Беседа сама собой стихла, было слышно, как в полной тишине старая львица осторожно и крайне неспешно расставляет писчие принадлежности на столе.

— Смею напомнить, что после полночи соблюдается тишь, — вдруг сказала она. — Вы, наши гости, сможете уснуть безо всякого шума.

Осторожно закрыла дверь.

Хайдарр какое-то время смотрел на закрытые двери, сильно повернув голову; и когда обратил взор к ней, то она заметила смешливую, усталую улыбку.

— А почему это так важно для сиятельной?

— Я дисциплина, Хайдарр, и у меня скоро Приятие. Мне нужно хорошо чувствовать души, а потому упражняюсь на ком попало. Пытаюсь проверить свои ощущения

и догадки, не более.

Миланэ действительно говорила правду. Она очень хотела, чтобы картина сегодняшнего сна обрела некое разумное завершение, окончательность, твёрдость; она желала убедиться в её истинности. У неё витали вопросы в душе: но сохранилась ли честность ума? Честность духа? Отдаю ли я себе полный отчёт о своих переживаниях, познаю ли я их? Что происходило со мною и вокруг меня? Сопротивлялась ли воля обману чувства?

— Хочу развеять плохое мнение льва о сестринстве, — махнула перед собою правой ладонью, словно убирая невидимую завесу.

Ровнее в талии, плечо опусти. Хвост с пола, хвост на кровать возложи.

— Ну что ж... — поднялся он. — Наверно, львица хочет приодеться, а я пока выйду и подожду. Сойдём вниз, засядем в таверне.

Дочь Сидны не отвечала, и лев стоял, ожидая ответа. Поглядела на вино, на него, яблоко. Снова вино. Повертела кольцо.

— А зачем: у нас и здесь всё есть для разговора, — ровненько ответила Миланэ, взмахом ладони указав на бутыль.

— Хорошая мысль, — мгновенно согласился он.

«Вот подлец», — почему-то подумала Миланэ, но сама жестом пригласила снова усесться, что он охотно сделал.

— Пусть лучше лев снимет своё облачение. Неудобно, верно, в нём тут.

Да, так-то чуть неудобно: она в одной шемизе, а он, такой грозный, весь в своём плаще да и при оружии. Тогда уж что-то одно: или ей одеться, или он сбросит с себя лишнее.

— Привычно, — так ответил, но сразу отстегнул фибулу, бросил плащ на спинку стула, а оружие с ремнём — прямо на пол, возле противоположной кровати. И снова сел напротив.

— Итак, я верно почувствовала? Лев настроен против Ашаи? Он, будь его воля и свобода, проткнул бы мечом насквозь. Верно говорю?

Почесав подбородок, воин с ухмылкой посмотрел на неё.

— Лихо сказано. Хм. Не совсем так, но... Надо же: это говорит сама Ашаи, и это, оказывается, очень интересно. Пожалуй, она собирается сдать меня Надзору.

— Пожалуй, я согласна перейти на «ты», — предложила Миланэ; с незапамятных времён именно львицы предлагают перейти с уважительного обращения на близкое.

— У меня появилось ещё больше подозрений, — сказал Хайдарр, смеясь и расшнуровывая застёжки сандалий.

— Зря, — отпила Миланэ вина. — Вот и зря.

Вино оказалось чересчур сладким, соответствуя вкусам простых сословий, но не столь плохим.

— Да ничего, мне не страшно. Какая разница, где пропадать.

— Я знаю, — снова сцепила пальцы ладоней на коленке. — Ты много думаешь о бесстрашии.

— А что о нём думать, — он постучал кулаком правой руки по левому плечу, изображая приветствие Имперской армии. — Здесь много не надумаешь. Кто-кто, а я не против таких Ашаи, как ты, потому что ты... хорошая, — мучительно подобрал он слово, хотя на самом деле воли просило совсем иное. — Хотя и хочешь сдать меня в надзираловку, — сбросил сандалии, растопырил пальцы лап. — Но ладно, почтём за каприз. К Ашаи-Китрах, как дочери Сунгов, плохо относиться — бессмысленно, зна-

ешь ли. Но сам уклад... не знаю... устройство вашего сословия, хоть ему тысячи лет, не вызывает у меня уважения. Он не плох и не хорош сам по себе, этот уклад, я не знаю, мне не судить... Но вот что: наверх у вас пробиваются совершенно омерзительные особы, лишенные всякой совести, внутренней чести, и очень многие среди вас стараются подражать, тянуться к этому, становясь просто каким-то комком бесцельной безжалостности, взбалмошности и самодурства. Вижу добычу — не вижу препятствий. Делаю всё, что взбредёт в голову. И никакого наказания. Вот то, чем живут многие из вас. Из вас, Ашаи-Китрах.

Миланэ вздёрнула подбородочек, отпила чуть вина и обняла правой рукой левую. Закинув лапу за лапу, храня ровную осанку, хотя в лапы пробирался неприятный холод, она дала ответ:

— Это серьёзные обличения, большие упрёки. Я полагаю, ты расскажешь нечто, что послужит доказательством. Да, Хайдарр?

— Смысл? Ты скажешь, что всё — вздор. И наглая ложь, — развалился он на стуле.

— Я могу чувствовать её, ложь. Предлагаю продолжить.

— Что ж, для Надзора будет много всякого на меня, — Хайдарр взял кружку и налил себе ещё. Потом, не спрашивая, подлил и ей. — Так что советую воспользоваться пером и бумагой, чтобы чего не упустить из моей охульной болтовни.

— Ах да, верно. Спасибо, что напомнил.

Миланэ действительно взяла дощечку, поставила на неё лист бумаги (горничная принесла целую кипу — хоть книгу пиши), обмакнула перо; почувствовав, что за столом, в этой комнате, в этой одежде и в такой ситуации, она будет выглядеть странно, даже по-дурацки, несколько мгновений колебалась: уместиться поудобнее на кровати, убрав лапы с пола? Это будет выглядеть весьма легкомысленно. Прекратить дурачиться и оставить писанину? Возможно, хотя она действительно собиралась поскорее начертать слова из сна, чтобы ни за что не забыть их...

Впрочем... А что? Он ведь не смотрит на меня. Вон, задумчивый, глядит на занавешенное окно. Что ему до меня с моим вздором. Он пришёл поведать серьёзные вещи, а ты серьёзно слушай эти серьёзные вещи, навостри ушки, прикрой бёдра и всё иное. Ночнушка, она потому и длинная, чтобы прикрываться. Да разве ж я буду соблазнять его или дразнить, Ваал мой, нет-нет, не буду, не буду, какой вздор, какая чепуховая ерунда, а что если он себе выдумает, так это его делишки, разве ж это моё дело, нет-нет, не моё. Он жёсткий, твёрдый, грубоватый и грязноватый, фуй. Что ему до меня, чистой, незапятнанной, ароматной? Если уж я, какова есть, так что мне, исчезнуть, раствориться в Тиамате, провалиться сквозь землю? Он пришёл, не я пришла, не виновата я, не виновата, не виновата, не виноватая. Я Ашаи, в конце-то концов, да-да, а мы не простые львицы, к нам так просто не приткнёшься, не возьмёшься.

И не думай чего себе, мерзавец!

А просто смотреть можно? Ваал с тобой. Допустим, что можно.

Дочь Сидны вся взобралась на кровать, будто бы не находилась среди ночи с незнакомым львом в маленькой комнате придорожного двора, а была у себя в Сидне, в спальне, которую делила с хорошей, прекрасной подругой Арасси. Возлегла, подоткнув подушку, закинула лапу за лапу и укрылась одеяльцем, предусмотрительно подоткнув складку ночной сорочки меж коленками, так, на всякий случай, мало ли чего.

— Собираешься много писать, что так улеглась?

— Если много расскажешь, так много напишу.

— Ладно. С чего начать, даже не знаю. Нет, вот смотри, есть многие, которые не любят что-то, но сами объяснить не могут, отчего так. Верхние ашнаррийцы не любят нижних. Хустрианцы не любят саргальцев, — с напряжением говорил он. — Миллисы не любят стражей. Я не люблю баранины, и так далее. Но вот почему я не люблю Ашаи, — откинулся он на спинку стула, скрестил крепкие руки, и она жалобно заскрипела, — объяснить попробую. Видал я всякое, и оно мне, виданное, не понравилось.

— Что ты видел, Хайдарр? — подняла бровь Миланэ и посмотрела на него глазком, написав первых три слова: «Истина в том...».

— В первую очередь расскажу о молодой Ашаи, которую однажды прислали к нам в легион. Э...

— Хайдарр, прости, должна попросить. Я — львица, я ни края уха не понимаю в военном деле, оружии и прочих подобных вещах. Я только стрелять из большого лука умею, и то не очень ладно.

— А... Нет проблем. Эй, начнём с того, что ты, наверное, по моему облачению и не поняла, кто я?

— Нет, прости.

— Я — примста-тригинмарр, помощник командира когорты, точнее, третьей когорты шестого строевого легиона Второго Восточного Домината.

— Предки, как грозно, — покачала она головой, повела ушками. — Так ты командуешь? Ты — дренгир?

— Верно, я не просто воин, а — дренгир. Видишь ли, прим-триги — дренгиры.

— Прим-триги? — спросила Миланэ, удивлённо заморгав.

Как раз закончила ещё три слова: «...что страх мешает...».

Хорошо быть самкой: можно делать несколько дел одновременно.

— Ну, это так, в Легате между собой говорят. Сокращениями. Прим-триг — примста-тригинмарр.

— Ясно.

— А легион — это около двух тысяч воинов.

— Ваал мой, так ты... лев... ты ими командуешь?

Миланэ даже озлилась на саму себя, но поделаться с собою ничего не смогла. Она как-то помимо своей воли задала этот глупенький вопрос, играя-сверкая незнанием самки дел самцов; на самом деле понимала, что тот, кто командует двумя тысячами воинов, не будет ехать в дилижансе в пыльных сандалиях, засыпая на ходу. Кроме того, ей-то пришлось немного познакомиться с отличиями Имперской армии, она понимала, что примста-тригинмарр — это дренгир, командир, ведущий воин, который добровольно отдал жизнь воинству Сунгов, но командир маленький, небольшой. Он отличается от простых воинов, миллисов, он избрал военное дело как занятие в жизни.

— Нееет, — улыбнулся Хайдарр, — нет. Самое большее — сотней.

— Всё равно, вот что я скажу: это очень много.

— Может быть. Так вот, приехала молодая Ашаи в наш легион, прямо после дисциплинария, вот как ты. Конечно, не в него, а в форт, где был и штаб, и жил командир легиона. Ну, чем занимаются Ашаи в армии? По крайней мере, чем должны заниматься? Готовить с лекарями побольше всяких мазей и припарок, жечь свечки,

огоньки и факелы, вынюхивать ложь, придумать что-то любопытное на праздники и это... всё такое. Короче, отмучить годик-второй, да уехать с чистым сердцем. Она же сразу вцепилась в местные дела получше иной хищницы.

— В каком смысле?

— Первым делом она... это... она избавилась от нашего легата, льва с огромным опытом, умного, толкового, лишённого идиотского безрассудства да пламенной любви к делам Императора. Да, Ваалу-Мессали было её имя. Запиши это, запиши, да-да. Всё запиши. И про Императора запиши.

Несколько взмахов пером.

«...видеть её». Каллиграфическое окончание предложения.

— Короче, мы тогда были на зимних квартирах в Мствааше. Она с ходу написала на него донос, это я точно знаю. Ещё эта Ваалу-Мессали хорошо знала, кто есть кто в нашем Втором Доминате. Знала, кому он неудобен, кто его не любит и вообще, куда как нажимать. Короче, через две луны у нас был новый командир, а старый куда-то уехал. Новым легатом стал помощник старого командира, Смул его звали; его сразу же повысили до миллиарра, естественно, к чему он оказался не готов. Мессали мгновенно прибрала его к лапам, заодно пинком разрушив семью. Ходил он за ней, как собака и исполнял все прихоти. Знаешь, вся такая, сестра-Ашай, кровь Менай, в общем — падайте ниц. Ну, чего сказать... Каждое утро Смул приказывал разводить огонь под огромным чаном, где раньше варили пиво. В этом чане она и купалась прямо во дворе форта, мол, ей хочется только под открытым небом. Перед этим пришлось надраивать этот чан до блеска.

— Фуй. Не может быть.

— Чего не может быть? — засмеялся Хайдарр, протянув к ней кружку.

Чокнулись.

— Так и было, — отпил. — Я тебе говорю.

— Но в чане из-под пива? Не верю.

— Тебя только это удивляет? — искренне захохотал Хайдарр. — Так его вычистили. Ездил она с ним повсюду, не с чаном конечно, а со Смумом, обожала чем-то покомандовать или дать какое-то указание. В лазарете легиона её ни разу не видели. Но это всё ерунда, это так...

Фыркнув, дисциплина отмахнулась; он умолк, повисла тишина.

— Гнилой плод не смеет говорить, что дерево прогнило.

— Да хвост с ней. Не в ней дело, по большому счёту.

— А в ком? Или в чём?

Он ухмыльнулся. Миланэ почувствовала: тайна, недомолвка, сомнение, скрытность.

— Вот что ещё расскажу. Наш легион посетила Вестающая. И ты представь себе: её постоянно таскали в паланкине восемь дхааров, а мне поручили охранять всю эту кавалькаду, хотя у неё и своей охраны хватало. Я ходил за Вестающей, Мессали как хвост увязалась за Вестающей, а за своей любовницей Мессали бегал наш легат Смул. Жалкое, убогое зрелище. Посмеяться бы с балагана, но в итоге всё это стоило жизни многим из нас.

— В каком смысле? — нахмурилась Миланэ, чуть прижав ушки.

— В прямом, — отрешённо ответил Хайдарр. — Эта Вестающая, по слухам, ездила по легионам Второго Восточного не просто так: играла в какую-то свою игру. Она всячески склоняла легатов уйти в поход в Таамфанское ущелье.

— Зачем? И... как она может склонить, ведь командиры Легаты ещё кому-то подчиняются...

«Страх нет».

— Отстаивала чьи-то интересы. В Таамфанском есть золотые прииски. Золото под лапами валяется, хоть собирай. Это ущелье вместе с приисками отдали варварам-фландам десять лет назад. Ещё раз говорю: она отстаивала чьи-то интересы... Я не знаю, что Вестающая говорила командирам легионов. Даже не знаю, она ли убедила главу Второго Восточного совершить этот поход, или это командиры выступили с инициативой. Я не понимаю, почему она не сделала этого в Марне, напрямую, в Регулате. Не знаю, не знаю...

— Хайдарр, что-то это всё так... притянуто за уши... — мордашка Миланэ стала хмурой, уши недоверчиво прижались, но потом просветлилась спокойствием понимания. — Вестающие — они одной лапой в иных мирах, им это не нужно. Полагаю, это совпадение.

— Может и так. Может, эти слухи — полная труха, а я просто полупьяный кретин. Короче, мы ушли в поход во Время Вод, когда там холодно, мокро и зябко, хорошо там перемерзли, переболели, посражались. Ущелье мы взяли, прииски тоже. Потом дело дошло до Императора, ему не понравилось, что с нашими дорогими друзьями-фландами вышел скандал. Высочайше повелел отойти, мы и вернулись обратно, на те же зимние квартиры. И в нашем старом, добром форте нас ждала наша старая, добрая Мессали. Правда, незадача случилась: Смул в походе умер от огня в груди. Сильно промок, не спал два дня, слёг и как-то взял да ушёл в Нахейм.

Стукнул когтем по кружке.

— А нам запрещено об этом говорить. Знаешь это?

— Запрещено? Почему?

— Да. Всё, что ты сейчас услышала, может запросто сослужить, если хочешь упечь меня на долгую-долгую каторгу. Об этом холодном походе ведь мало кто знает. А кто знает, тот молчит.

— Моя душа скорбит с тобой, Хайдарр, — она мельком дотронулась до его ладони, — но здесь я не вижу никакой тени на наше сестринство. Хорошо, понимаю, я согласна: Мессали эта — не лучшая среди сестёр. Но вся история с Вестающей и с Мессали, как мне кажется, никак не связана со смертью твоих братьев по оружию.

Тот молчал, ничего не отвечая; взял в руки бутылку, повертел, постучал доньшком о колено. Взгляд исподлобья для неё, потом снова стук доньшком.

«Большая бутылка», — подумала Миланэ. — «Кружечек десять».

Резко и внезапно налил себе, потом и ей; все движения говорили, что возражений и протеста он не потерпит.

«Когда поймёшь ты, милая ученица...», — начертала Ваалу-Миланэ-Белсарра. — «Как же я хорошо помню эти слова...».

— Ладно. Не бери в голову, — протянул к ней кружку. — Напиши ещё, что я считаю Ваалу-Мессали настоящей сукой.

Небольшая заминка: Миланэ отставила перо на стол, а дощечку с бумагой — вниз, на пол возле кровати. Снова воссела ровно, ушки вверх, левая обнимает животалию, правая — к нему.

Взяла вино.

— Ошибаешься, Хайдарр, — Миланэ, наконец ответив на его жест, отпила совсем немножко и поставила кружку обратно на стол. — Всё это — поход, повадки Мес-

сали, Вестающая — просто совпадение, случайное и мимолётное, но наш ум любит связывать причины-следствия, даже самые нелепые. Однажды ты увидел плохой цветок — уверена, что это было ещё до Мессали, но ты скрываешь это в тених — и воздумал, что таковы все цветы нашей породы. Гляди: есть плохие воины, а есть плохие Ашаи. Что ж до Вестающей, то они упрямы, необычны, но не потому, что мерзки душою, но потому, что живут не как все и чувствуют не то, что все. Им суждено день жить, а ночью взмывать душой, чтобы говорить во снах всё, что требуют Сунги, что требует Империя. Отыщи снисхождение и понимание к их странным повадкам; они тоже подневольны в жизни, как воины.

Хайдарр хмыкнул.

— Да не убедила. Всё равно несправедливо.

— Что именно?

— То, что Мессали так себя вела.

— Я не собиралась отрицать, что это может показаться несправедливым. Тем не менее, давай вместе согласимся: твой командир — взрослый лев; и Мессали — тоже; и его супруга, и все-все-все. Мы вольны выбирать то, что хотим. Разве мы не можем взять ответственность за то, что вершим? — с горячим убеждением молвила Ваалу-Миланэ.

— Ладно, хвост с ним. Пусть, — махнул лапой. — Почему Мессали ни разу... скажем... я ни разу не видел, чтобы она заботилась в лазарете? И никогда не слышал, чтобы она там была? Не видел, чтобы зажигала где-то огонь. Или кому-то сказала доброе слово.

— Кто знает, в чём заключалось её служение. Могло быть так, что эта Ашаи попросту не успевала.

— Ну, разве что иное я мог услышать? За верных Сунгов.

Последние слова были полны острейшего сарказма, а сам он беззвучно смеялся. Миланэ, тем не менее, выпила до дна.

— Плевать на Мессали, — продолжил он. — Но почему Вестающая была столь... пошлой, наверное, да? Она ведь не какая-то патрицианка, у которой кроме денег, мужа и происхождения — ничего нет. Зачем паланкин, зачем вся эта дурная мишура? Охрана. Суэта... У неё же должно быть нечто такое... Не знаю. Неимоверное, удивительное. Ей должно быть плевать, — и он наглядно изобразил, как именно ей должно быть всё равно, — на этот светский балаган, на богатство, роскошь.

«Что ему сказать в защиту?», — думала Миланэ.

— Вестающие нуждаются в защите, Хайдарр. Я хорошо это знаю, — вдруг вспомнила о погибшей ученице Вестающих. Ученица. Книга. Кровь. «Снохождение».

Зашумел шальной ночной ветер за окном. Сильно подавшись на стуле к окну и отвернув занавеску, Хайдарр бесцельно выглянул туда. Потом снова взглянул на дочь Андари и воспринял её молчание за вежливое недоумение.

— Ты не понимаешь, о чём я, — с безнадегой махнул он лапой. — Ладно, пойду.

Заметно, ой как заметно, что уходит не хочет — даже не шевельнулся.

— Не уходи, — чуть погодя, молвила Миланэ, взмахнув хвостом. — Мы ещё не закончили.

— Этого тебе хватит, чтобы упечь меня куда подальше, — сказал он, показывая на писчую дощечку, которую Миланэ отставила подальше на кровать.

— Попытаюсь объяснить. Даже я, дисциплира, даже сёстры вполне не знают, чем живут Вестающие. Ясно одно: к миру они относятся с равнодушием, с холодом, они

— отрешённые. Потому они могут совершать странные поступки, вестись странно, и вообще воплощать многие странности, даже пороки. Но пойми: такова их судьба; это вовсе непросто — почти каждую ночь уходить в сон и там встречаться с другими Вестающими. А Ваалу-Мессали — так попробуй пойми, что там было. Может и так. Может, она была совершенно плоха, даже омерзительна. Такое бывает. Я не могу отрицать. И прошу у тебя прощения от имени всех Ашаи, если кто из нас причинил тебе зло.

Он протёр глаза.

— Не извиняйся. Как-то я далеко зашёл. Я — Сунг, я верю в вашу искру, вы всегда мне нравились. Потому иногда жду слишком многого от вас... сам не знаю, чего жду. Знаешь, моя родная сестра — тоже Ашаи, она в Айнангарде.

— Ты тоскуешь за нею? — тут же ухватилась Миланэ за важное в разговоре.

Как всякая Ашаи, Миланэ хорошо чувствовала важные повороты в любом разговоре; многие слова — лишь прелюдия, мишура, игра, прежде чем будет сказано главное.

— Очень. Она — всё, что у меня есть.

— С этого и надо было начать.

Взяла по-быстрому перо.

«...тогда и увидишь свою истину, сверкающую в лунном свете».

Отставила.

— Давно вы не виделись?

— Два года. Ей двадцать сейчас. Или двадцать один.

— Едешь к ней?

— Да. Сначала к ней, потом домой, в Йонурру.

Он скрестил руки, хвост его задёргался.

— Сестринство забрало сестру, когда мне исполнилось восемнадцать, а ей — одиннадцать. В девятнадцать я стал воином, и с того времени видел её очень мало, можно по когтям пересчитать. Последний раз, когда приехал, мне показалось... что мы такие разные. Она стала иной. Не могу сказать — плохой. Просто иной...

— У неё теперь своя жизнь, — стараясь дать понимание, мягко молвила Миланэ.

— Я люблю её. Она — вся кровь, что у меня осталась. Но боюсь, что теперь я ей уже не нужен. Я писал много раз, она — очень редко; всё оказывалась очень занятой, это чувствовалось, у неё было полно каких-то дел, и её утомляло, что с братом надо посидеть, поболтать. Виви была мила со мной в последний раз, но я чувствовал — она отбывает задачу, роль, держит себя, управляет собой, и эти жесты, вот постоянно: сидит так, а потом вот так, а потом рукой так, вот как ты, — кивнул он Миланэ, — и всё просчитано до мелочи, а зачем, спрашивается? Ведь только надо, чтобы она меня обняла...

Вздыхнул, посмотрел наверх, на потолок. Стало очень тихо, можно вслушаться в каждый шорох.

— Пусть всё это будет не зря. Пусть она станет хорошей Ашаи.

Миланэ внимательно выслушала его, совершенно неотрывно глядя ему в глаза.

— У тебя был только один день?

— Да. Так получилось.

— Два года назад?

— Да.

— Вы встречались в стаамсе дисциплинария?

— Стаамсе? Хм... Это то главное, красивое здание? Высооооое такое...

— Верно, оно.

— Да, в нём. Вот там сидели.

— Хайдарр, послушай меня, — дотронулась к его плечу, одновременно приложив ладонь к груди. — Посмотри на меня.

Со сложновыразимым мучением-вопрошением он посмотрел на неё, молодую, одновременно с недоверием, но — и с верой.

— Ученица после Совершеннолетия всегда занята, особенно первый год. Хайдарр, то, что она пригласила тебя вовнутрь, говорит о многом, и я объясню тебе, что случилось и почему. Ты ведь знаешь, с древнего: «Ашаи-Китрах» — «сёстры понимания»? Не знаешь? — она ухватила кончик хвоста, не его, а свой. — Мы всегда стараемся понять, что и почему происходит. Сестра не могла принять тебя в своей комнате или доме в дисциплирии — это запрещено, туда даже мать родная войти не может. Она не ушла с тобой куда-нибудь из дисциплирии потому, что — я полностью уверена — не могла этого сделать. У нас бывают свободные деньки, но бывает такое, что ты обязана, обязана, обязана делать то, что говорят наставницы, и не только они. И у неё был такой день. Она не ушла с тобой в прекрасные сады Айнангарда или любое иное тихое место, которых полно в любой дисциплирии, твоя сестра ушла с тобой в стаамс, чтобы сразу показать: вот, погляди, теперь это часть меня, часть моей жизни. Она присела с тобой недалеко от входа, а ты рассматривался вокруг, глазел на витражи, и также смотрел на неё, она пыталась показать собой: гляди, брат, чему я научилась, среди чего живу, чем я живу, чем есть и чем я стану. Сестра-Виви показывала тебе жесты, одежду, осанку, свой голос и взгляд — всю себя. Перед этим ты стоял у входа в дисциплирий, и ты пришёл, конечно же, не в день посещения, поздно вечером, рано утром или вообще в неудобное время, и она спешила к входу, чтобы сообщить привратным стражам, чтобы они впустили тебя вовнутрь, да убедилась, чтобы они не забирали оружия, хотя им так положено, и чтобы провести тебя вовнутрь стаамса не в день посещения, ей пришлось стамповаться у стражей, и всего этого ты не видел. Она сидела с тобою, не имея возможности полностью отдаться чувствам, поскольку это неприлично в стаамсе; верно, многое хотела сказать, столь многое, что не знала, с чего начать. И пока вы так сидели — время истекло, пришлось ей уходить.

— Но письма? Что тогда с письмами? — попытался Хайдарр сказать обычным голосом, но получилось плохо.

— А уверен ли ты, что все они доходили? И твои, и её?

Взмахнул головой, закивал, словно узрев великую правду, узнав истину, которая всегда была рядом, но он её не видел из-за слепоты.

Ваалу-Миланэ продолжила:

— Много, очень многое она отдала, чтобы пройти сквозь страхи, будучи найси, истинные трудности и отрыв от родной земли, будучи сталлой. Ей пришлось пройти через истинный ужас Совершеннолетия; очень многое отдала, чтобы многому научиться, принесла в жертву многие дни и все силы своего духа...

Хайдарр увидел, что Миланэ, дотолё сидевшая прямо и ровно, держа на колене протянутую к нему ладонь в странном жесте просьбы-воззвания, вся отвернулась влево; Ваалу-Миланэ уже больше не сидела, закинув лапу за лапу, она убрала лапы с пола, вся присела на кровати, Хайдарр видел её теневой силуэт в ярком огне свечей.

Сложила ладони вместе, вдохнула и отвернулась в сторону, чтобы ему не было

нечаянного вреда; закрыв глаза, выдохнула на них, зная, что всё получится — ладони неистово покалывало; её игнимара, чуткая к состраданию и щемящим чувствам, вспыхнула.

Он тихо наблюдал за нею, и вдруг показалось, что среди пустого, тёмного пространства есть только она, он и жёлтый свет; странно она выглядела, жрица вечного начала львицы. Потом увидел, как вспыхнул бледно-фиолетовый огонь на её ладонях; он раньше никогда не видел игнимару в такой интимной близости, и зрелище, к которому он дотоле вроде как привык, совершенно сразило, обволокло, поймало необъяснимостью и бесконечной тайной. Странность: огонь этот вовсе не добавлял света ни пространству, ни душе, а придавал больше тихой тьмы, и на миг показалось, что сейчас провалится куда-то назад-вниз; он возжелал этого провала, и стало понятно: лишь дотронься к ней, к её игнимаре, и она увлечёт в эту пропасть; ну и пусть увлечёт, кровь с ним, что ещё брать от жизни, если не чувство полёта в долгопадении вниз и назад...

Ей хотелось показать ему игнимару, но она не забывалась: понимая, что долгий огонь истощит её силы и очень захочется спать, потушила пламя сильной встряской рук лишь через три удара сердца. Снова села обратно, к нему, снова вскинула лапу за лапу, а хвост упокоила на колене, только теперь не стала держать руки при себе, а странно-игриво опёрлась о кровать. Но не могла иначе: ладони чуть жгло и покалывало, требовалось дать ладоням отдых.

— ... и однажды она сделала *это*, и смогла доказать это на Совершеннолети, — продолжила, как ни в чём не бывало. — Она стала дисциплиной. Вот что сестра тебе показывала, — так сказала Ваалу-Миланэ-Белсарра, указав на Хайдарра пальцем вытянутой руки.

Всё, Хайдарр, ты можешь идти. Я вижу, что ты уже не питаешь к сестринству ни малейшей обиды, никакой злобы, ты всё понял, тебе всё стало понятно; твою тьму я осияла светом понимания; или же твой свет угашен тьмой покоя — понимай, как хочешь. Моё незаметное служение исполнено, я свершила всё, что должно, проследовала за канвой своего мимолётного дневного сна-снохождения, и ты...

Вдруг он поймал её руку, словно хищник добычу, преклонился у лап и хвоста. Сладкий, истомный испуг самки волной прокатился по телу Миланэ, разлился теплом внизу живота, и ей стало стыдно, что она *захотела* так испугаться. Он поцеловал её ладонь, а потом запястье; вдруг Миланэ подумала, что пока ещё не надо забирать руку, несмотря на покалывание, не надо, нет-нет, он может решиться и выш...

Хайдарр оставил руку, сел обратно, словно ничего не произошло, развалясь, будто такой вольной позой хотел скрыть робость собственного порыва.

Последовал запоздалый и слабый протест:

— Ой, да погоди... Нельзя, после игнимары, ай... — капризно потрясла ладонью Миланэ.

Это не лукавство, это — правда. Нельзя. Сильно закололо всю ладонь и руку. Любое чужое касание так действует после возжжения огня Ваала.

Ещё потрясла рукой, чтобы ушло противное ощущение.

А Хайдарр улыбался, и наконец-то эти глаза просияли радостью:

— Как у вас всё непросто... Я теперь понимаю, — начал сбивчиво. — Послушай, такая штука... прости. Я не знаю, как тебя зовут.

— Шутишь, — вспыхнули молнии в глазах Миланэ, чуть прижались уши. — Нет, ты не шутишь? Я не представилась?

— Нет, увы, не имел чести.

— Какой ужас, — она в действительном ужасе схватилась за переносицу, а потом прикрыла рот ладошкой. — Мой Ваал, предки мои. Ваалу-Миланэ-Белсарра. Ваалу-Миланэ. Эм... Миланэ.

— Очень приятно.

— Не могу поверить, — качала головой с закрытыми глазами, с тем самым видом, когда хватаются за лоб, зажмуриваются и подсчитывают всякие убытки.

— Да ерунда. Ну что ж, за знакомство, — засмеялся он и взял бутыль.

— Нет, мне, пожалуй...

— Да-да-да. Да. Вот.

— Хайдарр, не настаивай, — Миланэ постаралась прозвучать грозно и строго. Но получилось грозненько и строгонько.

— За добрых Сунгов.

Поднял свою кружку, вторую протянул ей.

— Проклятье, никак не могу привыкнуть.

— К чему?

— Обращаться к тебе на «ты», Ваалу-Миланэ.

— Я согласилась, значит, можно. И можно просто «Миланэ». Любая Ашай-Китрах — это такая же Сунга, как и все.

— Не скажи. Не скажи, — покачал он головой. — Два имени... Ты из Андарики?

— Да.

— У нас был такой боец, Астар-Хомлиани, так всего его звали просто — Хом... Я, насколько помню, первое имя выбирает отец, а второе — мать.

— Это для львёнков. Для львён первое имя выбирает мать, второе — отец.

— Значит, «Миланэ» выбрала тебе мама?

— Верно.

— Мама хорошо угадала с именем. Ты очень мила, Миланэ.

Комплимент был простодушным и нескладным, но ей понравилась эта искренность.

— Спасибо.

Она снова взяла дощечку и перо, а чернильницу придвинула поближе к краешку стола; в комнате не холодно, но и не очень-то тепло — время уже близилось к полночи, а потому есть выбор: мёрзнуть дальше либо возложить лапы на кровать и разлечься. Чуть подумав, Миланэ выбрала второе. Сколько можно сидеть-то? Формальности и приличия соблюдать стоит, конечно, но он и так уже сидит у неё много дольше, чем полагается, так что ханжиться поздно да незачем.

Ну не идёт он прочь, что поделать. Что же мне, мёрзнуть что ли? И чего ради?

Хайдарр усердно делал вид, что его очень интересует поверхность стола. Тем временем Миланэ без спешки себе улеглась, стянула себе ночнушку пониже, уткнула её складку меж бёдер и взяла дощечку с бумагой. Продолжила: *«Но что тебе до того, верна она или нет?»*.

— Строго у вас там, в дисциплинах? — внезапно спросил он, всё ещё не глядя на неё.

— Когда как, — шевельнула Миланэ хвостом. — В зависимости, что ты видишь в слове «строго».

— Имел в виду, трудно ли, это всё... Как оно — быть Ашай?

— А вот спрошу: как оно — быть воином?

Вдруг Миланэ поняла, что не может не сотворить какой-то игривости; что она просто просится наружу, вырывается. И, спросив, дотронулась к его плечу нему коготками лапы. Хайдарр тут же посмотрел на неё, Миланэ сразу-снова испугалась и чуть пожалела об этом.

— Иногда кажется, что ты проклят. А иногда кажется, что живёшь совсем не зря.

— Так и у нас. Всё то же.

— Выходит, судьбы у нас разные, но чувства одни. Странно, что львы не могут быть, ха-ха-х, братьями-Ашаи, — Хайдарр начал перебирать в руках все предметы, что мог найти на столике, по одному; и, чуть потрогав, отбрасывал их с презрением к вещам мира.

— Откуда у вас, глупышей наших, взять понимание? — молвила Миланэ со странной, серьёзной улыбкой.

— Как откуда? — резко, с вызовом возразил лев. — Ты глянь: все учёные — почти сплошь львы. Как что придумать, что смастерить — так это к нам, самцам.

— О да, аргумент, — так же улыбалась Миланэ.

— А что? Разбавили бы немного вашу империю самок. Глядишь, и вам было бы... — улыбнулся он и вдруг по-хозяйски придвинул стул поближе к ней, — ...веселее.

— Нам и так не скучно. За наше сестринство?

— За ваше сестринство, — мгновенно согласился Хайдарр.

Залпом осушил кружку. А вот Миланэ не будет повторять его трюка, ни в коем случае.

— Миланэ, ты за своих сестёр — и не до дна? — подняв голову, старался он подглядеть в её кружку.

— Хайдарр, скажу вот что: я — всё, — она укрыла от него кружку, ведь там было ещё больше половины.

— Нечестно, — погрозился он, постучав когтем по столу. — Когда ты будешь сдавать меня в надзираловку, то я обязательно упомяну об этом. Глядишь, и помилют. «Она не хотела пить до дна за своё сестринство!», — вот так я запою.

— Даже так. Хм. Тогда не дам тебе никаких шансов.

Покачала лапкой, хвост изумительным полукольцом обвился вокруг лодыжки и бессильно упал.

— Не дам, Хайдарр, — повторилась.

— Не дашь? — спокойно переспросил он, потирая ладонью большой палец.

— Нет.

И тут же испила всё вино из кружки.

— Ничего ты им не скажешь, ибо нечего будет говорить.

— Эх, я пропал. Так что, говоришь, сёстрам-Ашаи львы не нужны?

— Сёстрам-Ашаи львы нужны. Не нужны нам, пффф, братья. Фуй.

— Чегой-то так жестоко? Вдруг найдётся какой-нибудь левчина, тончайшая душа, который захочет познать Ваала, всё такое.

— А я скажу, чем это закончится, — закивала Миланэ, и в её глазах на миг блеснул огненный хаос. — Потому что такое уже было.

— В смысле?

— Сейчас расскажу.

«Что тебе «истинность»? Ты гляди на...».

Широкие, свободные росчерки. Что это они у меня такие большие, вольные? Что-то рука разошлась сама, непослушная. Ей стало чуть стыдно, что она преступница,

она преступает нечто, вершит своё маленькое преступление, сплетая вокруг него свои нежные тени; преступница-отступница.

— Где-то семьсот лет назад, даже больше, когда только появились дисциплирии, а сестринство Империи было молодым, в Империи ровно двадцать два года существовали так называемые «верные сыновья Ваала». Твои уши что-то слышали об этом?

— Не, первый раз слышу, — ответил Хайдарр, и судя по всему, он действительно этого не знал. Миланэ не удивилась: в классической, общей истории Сунгов это не упоминается.

— Так вот, — вытянула Миланэ левую лапку, ту самую, что ближе к нему, и он пристально наблюдал за этим движением, — эти сыновья были намеренно и открыто созданы властями Империи с разрешения Тассая Первого. Они создавались из всех желающих, кто умом, в копошении разума, старался постичь природу Ваала, а таких набралось немало. Различные учёные, мечтатели и просто дураки, желающие статуса и величия — предполагалось, что они станут самцовой стороной служения Ваалу, будут умственно изучать веру Сунгов, распространять свои измышления среди публики и заодно вести некоторые общие ритуалы. Ашаи-Китрах в то время было сравнительно немного, дисциплирии были юными, и сестёр нигде не хватало. Впрочем, их и сейчас нигде не хватает.

— Ашаи не были против?

— Кто ж спрашивал? Мы не можем указывать Сунгам, как относиться к Ваалу и как его чтить, — она беспечно болтала правой лапой. — И никогда не могли. Империя посчитала, что это в её интересах, Сунги так посчитали. Как мы могли возражать? Мы тоже дочери Сунгов, зачем нам идти против общей воли?

— Но выразить мнение могли?

— Мнения выражались, конечно. Но в среде Ашаи не принято особо кого-то критиковать, — сказала Миланэ, и тайно устыдилась своих слов, — а принято смотреть за собой.

Маленькая, злая неправда.

То ли он был вовсе поглощён рассказом, и не желал упустить ни единого слова, то ли ему стало неудобно на стуле, то ли он просто решил сменить положение тела, но как-то вдруг оказался-очутился возле её лап, усевшись на кровати, не рядом, но и не очень уж-то далеко. Заодно Хайдарр подлил себе вина, не слишком много, соблюдая меру, но щедрой рукой налил для Миланэ, и протянул ей.

— Может показаться, что эти сыновья вынырнули из ниоткуда, — взяла она тяжёлую кружку, — соткались из чистого воздуха. Айна, это не так, нет-нет. На самом деле, уже до этого около сотни лет существовала эдакая группа любителей-почитателей всего таинственного и вероподобного. Она не особо распространялась о своей деятельности, была своего рода полутайным сборищем, о котором, тем не менее, многие знали. В неё входили некоторые высокие чины. Может, именно это поспоство... поспосбо... ой... поспособствовало, прости, выходу сыновей Ваала из тьмы тайности на яркий свет дней Сунгов. Поэтому сыновья не пришли в общество с пустыми руками — у них уже было время на устройство своих правил, своего уклада, у них создалась своя организация и силы. То есть, начали они на твёрдой почве.

— А что дальше?

— Они процес... ой... просуществовали, ну прости меня, двадцать два года. Сын Тассая Первого просто не смог больше терпеть и указал разогнать сыновей Ваала к псовым матерям. Ой...

— И почему же?

— Ты хочешь знать — почему? — зачем-то переспросила Миланэ.

— Да. Хочу.

«...на её сияние», — начертала Миланэ и бросила перо на стол.

— Потому что всякое, любое жречество самцов — дешёвое, бессильное фиглярство, бессмысленное умствование, устройство иерархий и правил там, где их помине быть не может, установка запретов, сводов, кодексов, предписаний, поощрений и наказаний да прочей ерунды, которая не придает силы, а убавляет её. Самка есть жрица, не самец; ей доступно видение, откровение, она чувствует, он — нет. «Несправедливость!», — взбунтуешься ты, и правильно сделаешь; но правильно не потому, что выскажешься о несправедливости, а правильно то, что взбунтуешь. Льву не назначено чувствовать, ему назначено действовать и брать, строить и крушить. Если самцы будут заниматься своим, если они будут воинами, предводителями и умами времени, то будут они сильны и довольны собою, да будут брать силы и удовольствие от своих самок, получая от жриц веру-откровение напрямую, без умственной шелухи. Самец-жрец жалок, слаб и беспомощен, а потому душевно желает слыть важным и властным. Но он — бессильный паяц. Он не может ответить на простой вопрос: «А что я могу?». А вот мы можем, — подняла Миланэ ладонь и встряхнула ею, словно угашая игнимару. — Это — наше. А что делали эти бессильные шуты? Я тебе скажу: братья Ваала строили всякие здания, чтобы в них вертеться среди кучи своих напыщенных церемоний, поучали всех подряд, потому что не знали ничего, обвиняли всех подряд, потому что только так могли возвыситься, желали наказывать за отступления, потому что жили среди глупых страхов, и запрещали всё подряд, потому что сами ничего не могли. Не надо никаких братьев. Нужны лишь львы-Сунги, и львицы-Сунги. Вот ты и есть сын Сунгов, и я есть Сунга, ты воин, и это есть твоё жречество-служение, и я — Ашаи, и это — моё служение. Твоё, — указала на его. — Моё, — на себя. — Твоё. Моё.

Перевела дух. Аж сама устала от речи. Эй, ай, Хайдарр, почему твоя рука скользит по колену, это ещё к чему... эй, да ещё куда-то выше? С ума сошёл! Чего ж тебе?

— В общем, лев — воин, а не... Хайдарр... Хайдарр? Погоди-погоди, что ты делаешь?

Вместо ответа он мягко и властно забрал у неё перо, мощным рывком оказался возле неё и, ухмыляясь, принялся рассматривать начертанное. Конечно, оно его интересовало не более, чем капли дождя за окном и густой туман ночи; равнодушно и отвлечённо разглядев бумагу, Хайдарр небрежно положил дощечку на стол, чтобы между ним и Миланэ больше не было преград.

«Чего он вздумал?» — спрашивала одна часть Миланэ, умная, рассудительная, сознательная и осторожная. Вторая насмешливо утверждала очевидную вещь: дразниться собою, играть с самцом можно лишь до определённой черты: он или сбежит или бросится на тебя; да, и вот ты, когда писала, бессознательно (или ещё как сознательно, дочь порочной лжи, лживого порока!) закинула левую лапу за правую, чтобы доскать была удобная опора для дощечки, расправив хвост во всю длину на кровати, отчего предстала ты перед ним в самом бесстыдном виде; а как же — он, хотя-не-хотя, а должен вцепиться во всю тебя взглядом, хорошенькую, стройную без худобы, ухоженную, умную, знающую, с загадкой Ашаи, с чуть лживо-порочной красотой Ашаи, с грацией Ашаи, пахнущую цветами и самкой. Но оставим это; что желала третья сторона души Миланэ? Третья желала вся сдаться на милость, ужаснуться до

теплоты в животе и растаять в огне.

Стой, негодяй, стой, Ваалу-Миланэ не такая, ты к ней не подкрадывайся, как трус; ты, если чего и хочешь, тогда...

— Ты негодяй...

— Негодяй, — повторил за нею Хайдарр

— Негодяй, ты веришь во Ваала? — приставила ладонь к его щеке, отворачивая прочь от себя, отпихивая.

— Безусловно, — сопротивляясь её ладони, чуть угрожающе сказал он, и это могло быть как истинной правдой, так и чистой ложью.

Её внимательный, влажный взгляд. Вытянула палец с коготком, дотронулась к его носу.

— Так давай за него выпьем. Ему будет приятно.

— Выпьем, — согласился он, а рука уже с голодной жадностью обхватила всё её бедро.

Миланэ неловко взяла кружку со стола, с покорностью взглянула на то, что осталось допить и вздохнула, жарко выдохнув через рот.

— Хайдарр, я тебя предупреждаю, как... ай... как Ашаи. Убери оттуда руку, — сжала она лапы, вертя кружку так и сяк, — убери немедленно.... Ты плохой, — ещё раз несильно оттолкнула его щёку. — У нас ничего не будет. Продолжишь — возьму сирну, я могу, негодяй, я знаю. Я сказала тебе слово, дала тебе... слово...

Она вдруг закрывает глаза, прячет свой мягкий влажный взгляд при свете свечей, и начинает пить вино, улыбаясь, но не как подобает по приличиям, не как всегда, а пьёт так, как мать в утренних лучах, как пили множество львиц Андарики до неё, и будут пить впредь; это родовая память, память рода, символ плодородия и приглашение к нему; ручейки вина излились по небольшому подбородку, утекли по шее и спрятались где-то под ночной рубашкой, а некоторые, не выдержав своей тяжести, падали сверкающими каплями прямо на неё. Он внимает этим каплям, а потом дерзко приближается, обнимает за талию так, что аж перехватывает дыхание, и хватает за подбородок, сжимая, желая так утишить-усмирить. Миланэ чувствует его дыхание у себя на шее и вся замерла в ожидании... в ожидании... в цепкой хватке, в ожидании.

Так и желается с ним ещё играть-подразнить, отталкивать-приманивать его, и она даже делает слабенькое движение, словно бросаясь к столу, где сирна, но силы предают Миланэ; наконец, она закрыла глаза, прислушавшись к жаркой волне по телу оттого, как Хайдарр слизывает капли, что остались у неё на шее, на подбородке, на груди, и каждый поцелуй отзывался волной, волной-волной... я должна сдержаться, не следует, мне не надо этого, пусть он не знает, ему нельзя...

Миланэ больше не могла сдержать стоны и вся растеклась-отдалась, она приняла всё, чему должно быть. Хайдарр понял и увидел это молчаливое согласие самки; он мгновенно сбросил с себя всё лишнее и прижал собою к кровати, не давая шансов на спасение, словно опасаясь, что она вдруг сбежит, сверкающе смеясь.

Чувствуя на себе сильную, приятную тяжесть льва, Миланэ обняла его, приложив ладонь к его затылку и шее, скрытых в непослушной гриве и чуть сжала их; она, Ашаи, знает, как это нравится львам, она всё знает об ощущениях тела, ведь Миланэ очень хорошо ощущает телесность и понимает её язык, это талант Миланэ, как и игнимара; да, именно поэтому Ваалу-Миланэ — одна из хороших мастериц стальсы, телесного лечения, ещё проще — массажа; одна из лучших среди целой Сидны. Дар от рождения, дар от матери, дар рода, а потому она никогда им не гордилась, даже

втайне, как например, игнимарой — принимала этот дар, как есть... Как есть, как есть... Я принимаю тебя, Хайдарр, я принимаю, я принимаю. Ты возьми меня, возьми-возьми, ай да зачем всё разорвал, плохой, для тебя ведь подняла руки, сдалась, чтоб снял прочь, а ты вон какой алчный-нетерпеливый, мой негодяй, возьми меня, да, мой лев, вот так.

Глава IX

Сад, превосходный, изумительный сад есть у них дома, в Стаймлау, среди лесов-степей Андари; Миланэ тосковала за многим, когда пришлось уехать в дисциплирий (всего лишь в маленьких, юных, сияющих светом солнца двенадцать лет!) — и за матерью, и за сестрой, и за соседями, за молчаливым отцом, но более всего — за их большим, красивым садом. Нет, конечно, её отпускали домой, и надолго, но Миланэ как-то мало могла поймать ту самую пору во Время Выхода... Во Время Выхода там завсегда распускаются цветы абрикосов и вишен, яблонь и грушевых деревьев, и даже есть одно апельсиновое деревцо — некогда отец где-то достал, посадил, но оно прижилось плохо; точнее, взрастало, но плоды дарило кислые, как лимон; но пахло чудесно, и цветы были изумительны; вот сейчас она ходит и глядит на эти цветы, бесцельно трогая их. Вдруг подумалось: отчего я могу достать цветы рукой: то ли я так высока, то ли дерево стало меньше? И почему столь бесцветно-серое небо надо мною? Почему, почему, поч... ах... знаю... знаю. Понимаю.

Ваалу-Миланэ-Белсарра осозналась, пришла в себя, поняла своё место и свой сон; она — во сне. И тут же, легонько, медленно и плавно, даже без шума, она проснулась-выкатилась, миновав этот соннотрудный переход от забытья сна к яви, и просто поняла: я лежу с открытыми глазами и гляжу на странные узоры скатерти небольшого столика.

Тёмно-синие потёки и пятна на самой скатерти; для верности потрогала их пальцем, ощутила неприятную липкость. Вздохнула. Чернильница свалилась на пол, пролилось всё содержимое. Ужасно. Такие пятна извести невозможно.

Перевернули чернильницу. О небо, когда успели, когда ж это было? Ваал знает.

Осторожно начала подниматься, но вняла: не всё так просто — Хайдарр, глубоко сопя, спал у стенки и обнимал её большой своей лапницей, не давая свободы. Пришлось легонько извернуться, ускользнуть и тихо уложить его руку на постель.

Миланэ села на постели, тихо и неслышно, протерла глаза пальцами и потянулась вверх. Сладко зевнула, взмахнула кончиком хвоста, осмотрелась. О предки-предки, да здесь всё ещё хуже, чем с чернильницей.

Встала, прошлась по комнате. Утром она всегда растягивается, Ашай невольно вставать с постели просто так, но сейчас не время. Выглянула в окно: не ранее, но ещё не позднее утро; птицы поют; кто-то ходит по внутреннему двору; кто-то сидит на поваленном дереве, которое здесь лежит, верно, невесть сколько лет; на небе — ни облачка. Рассмотрела свечи на подсвечниках. Они не были затушены, а потому совершенно выгорели; судя по всему, горели почти всю ночь. Завернувшись во вчерашнюю белую ткань, Миланэ приготовила для мытья всё то же, что и вчера. Зачем-то открыла ключом ящик стола, посмотрела, всё ли на месте. Кошель есть, сирна есть, стамп есть, кольцо... кольцо не снимала, оно на пальце.

В балинее поймала на себе взгляд львицы-купчихи, той самой, что попутчица. Они с дочерью — Миланэ увидела, когда шла мыться — спали в соседней комнате. Миланэ, даже не глядя на неё, чуяла эту смесь смутных чувств: смущение от того, что пришлось дочери объяснять эти нетяжёлые нравы Ашаи-Китрах, коим нельзя идти замуж, гнев за нарушение приличий, зависть к молодости, досаду оттого, что пришлось заснуть позже. Но как только дисциплина-Ашаи ответила взглядом, та поспешила отвернуться, а потом и ушла.

Вытершись почти досуха, Миланэ вернулась в комнату.

Хайдарр то ли уже не спал, то ли проснулся от её входа.

Поглядев на него искоса, с гордостью и неприступностью, она начала натирать кисти смесью масел, прихорашиваться, хотя и сделала это ещё раньше, в балинее; в профиль, легонько покачивая хвостом, мастерски притворяясь, будто полностью занята уходом за собой.

Пусть первый говорит; это дело львов — идти вперёд.

Хайдарр долго наблюдал за нею с сонной, блаженной улыбкой, не желая отрывать от неё взгляда.

— Красивого утра, — наконец, молвил. Подумав, добавил милое ему имя: — Миланэ.

Она продолжала охорашиваться, не устаивая его взглядом.

— Ты забыл, как должно обращаться к Ашаи? — стряхнула ещё масла на ладонь.

— Извини, Ваалу-Миланэ, — ответил, нисколько не удивившись её холодненькому тону, ничему не смутившись. Потом Хайдарр немного привстал, опершись на локоть; заметив потёки чернил, с кислым удивлением начал разглядывать этот весь беспорядок. Зевнув, проурчал и дальше откинулся на кровать.

Миланэ взяла ночную рубашку, которая, как в плохих анекдотах, висела прямо на верхушке шкафа; она, признаться, заметила только сейчас. Хайдарр-лев, получается, мало того, что разорвал её, так ещё отшвырнул. Взяв её на коготь указательного пальца, Миланэ встала перед ним; левой же рукой она вопросительно-грозно взялась за талию; вес тела — на правую лапу, хвост кончиком вверх, подбородочек чуть вздёрни. Осанка, храни осанку.

— Глянь, как ты всё напортил, — укорительно потрясла ночнушкой на весу, а потом и указала ею на чернильный беспорядок у кровати.

Поскольку Хайдарр вовсе не впечатлился, а продолжал улыбаться и тихо любоваться её нестрашным гневом, то она показала ему ночную рубашку во всей красе:

— О кровь моя, это уже не ушьёшь, — вздохнула. — Всё уж.

Бросила ночнушку прямо в него, но несильно, без злости.

Он её поймал и осторожно уложил возле на кровать. Потом что-то себе задумал и начал пристально рассматривать, словно сам собрался ушивать.

— Что с вас возьмёшь, львиц, — взмахнула ладонью.

Она решила потянуться вверх, сцепив пальцы, а потом уж начать неспешно одеваться и приводить себя в подобающий вид. Но предательский узел длинной балинейной ткани, завязанный подмышкой, вдруг прямо сейчас решил развязаться. С тихим шуршанием длинная, белая и чуть мокрая ткань бессильно сползла вниз, а Миланэ так и замерла, осталась стоять, глядя на него, подняв руки прямо над собою, ладонь-в-ладонь, как удивительная жрица неведомого неба.

Внезапно вонзилась одна мысль в сознание; Миланэ заметила, что в последнее время это с нею бывает необычно часто: на ум приходят необычные ассоциации,

странные умозаключения, необычные сочетания образов, вспыхивают странные, давно забытые памятью искры, словно бы в её теле думала не только она, а ещё некто, словно в ней жила другая Миланэ, либо часть её души, тайная и молчаливая, решалась вдруг заговорить. Подумала она о том, что однажды, будучи ещё сталлой, перед самым Совершеннолетием, ей приснилась львица, вся белая в белом мире, оставляющая алые следы: пламенная, свободная от одежд, такая-как-есть, она устремлялась ввысь, склонив голову, но воздев руки к небу. Это был сон, просто сон, но он очень запомнился Миланэ ощущением вечной связи с чем-то давним, глубоким, неизбывным. Она поняла, что для неё нет иного выбора, кроме как последовать этому образу; бесконечная череда уверенных, сильных знаков вела её сквозь вчерашний день до сегодняшнего утра, и жизнь была странно схожей на сон, а сны — на реальность. Дочь Сидны даже перестала удивляться совпадениям, словно так и должно быть. Да что означали все эти совпадения, штрихи судьбы, полутона — сказать было невозможно; не могла Миланэ собрать их в единый, верный смысл, да и не особо хотелось.

Но что делал Хайдарр?

Понятно, он не спешил приходить на помощь, не слишком желая раздумывать, нужна она Миланэ или нет. Хорошо он внял, что Миланэ это неудобно и непросто — взять да торопливо согнуться, чтобы поднять балинейную ткань; а медленно и с достоинством — не получится.

— Хайдарр, — обратилась к нему, ничего не меняя.

— Да?

Она ничего не ответила, лишь посмотрела вниз, на опавшую ткань. Потом — с укором — на него. Чуть вздёрнула бровью и мотнул хвост, мол, чего ждёшь, помоги мне, попавшей в беду.

Эта серьёзность в её облике вдруг толкнула игривые и довольные мысли Хайдарра в неожиданную сторону; пришло нестройное понимание, что Миланэ преследует некие цель и смысл, совершенно тайные для него; здесь была не только и не столько сиюминутная страсть и одноночное одиночество львицы, но нечто большее, что подвигло её сплести вокруг него эти сладкие тени Ашаи. Хайдарр, хоть и был гордым львом, но не мог поверить, что все эти предвечерние разговоры, вечерние игры, ночные страсти и укусы (да, она укусила его несколько раз) и этот бездвижный танец вершатся для него одного. Это наполнило одновременно и лёгкой грустью, и странным довольством оттого, что именно он стал свидетелем этого неизвестного, странно-страстного представления.

Свесившись с кровати к её лапам, поднял ткань и подал ей.

Страшно хотелось дотронуться к её лодыжке, бедру, животу или талии, но он побоялся какой-либо пошлостью либо непонятностью разрушить хрупкое равновесие момента.

— Ваалу-Миланэ, ты прекрасна.

Ничего не ответив, она завернулась в ткань и открыла шкаф.

Устав ждать ответа, снова разлёгся на кровати, уместив голову на скрещенные на затылке руки.

— Правда? — вдруг спросила она, небрежно бросив свиру на другую кровать.

— Да. Истинная правда.

— Приятно.

Миланэ достала чистую, белую-белую шемизу из скатки, покосилась на него,

взгрустнула от наличия непонятного, крошечного синего пятнышка на изнанке подола.

— Отвернись.

— Ты стесняешься? — Хайдарр казался удивлённым.

— Отвернись, я прошу.

Что он и сделал.

Облачившись в шемизу, Миланэ хорошенько осмотрелась, расправила ненужные и некрасивые складки (хотя тщетно), посмотрела на Хайдарра. Гляди же, послушный, не смотрит, к стенке отвернулся. И правильно делает, в дорожном одеянии нет ничего красивого, да и одеваться — не раздеваться. Хотя... Как сказать.

«Не люблю, когда смотрят, как одеваюсь. Ох, предки мои, какой у него шрам на спине. Надо будет спросить, ай нет, не буду спрашивать, ещё обидится или ему неприятно вспоминать, у меня бы спрашивали о чём-то подобном я бы обиделась, но у львов оно иначе конечно, ну да ладно пусть это будет тайной».

Застегнула ремень. Чуть потуже, чтобы осанка. Вот так. Из ящика в столе: сирна, стамп. Шнур стампа: раз-два-три. Бессознательно проверила: держится ли?

Браслет — это легко. Серьги — тоже.

Ну комната без зеркал, ну не издевательство ли?

— Но всё равно ты плохой. Хитрец и негодяй, — подошла к нему, постукивая коготками лап по полу.

— За что меня так? — обернулся он, поняв, что уже можно смотреть сколько хочешь.

— Тебе скажи. Не скажу, — вильнула хвостом Миланэ.

Он засмеялся и взлохматил гриву.

— Кое-кто тоже плохо себя вёл. Вот.

Она не сразу посмотрела на него, вместо этого выглядывая в окно; Хайдарр, как выяснилось, показывал тёмно-красные пятнышки на плече.

— Кто-то кусался. И у кого это такие остренькие зубки? — смешливо спросил он и начал играть в руке её ночнушкой.

Признаться, Миланэ не помнила, чтобы она кусалась. Как ни странно, она вообще мало что помнила из тех мгновений, хотя нельзя сказать, чтобы было сверхъестественно хорошо. Нет, он неплох, самое главное — сильный, без этого манерничанья и несмелости, всё по-самцовому, как надо, только всё очень быстро, хотя и несколько раз, три или четыре, чуть ли не подряд, даже встать не отпускал, жадно-алчный, ну это можно понять.

— Я тебя так искусала? — наострила Миланэ уши.

— Думал, ты меня прямо тут и съешь. Несильно расцарапала — спасибо и на том, — он снова лёг на спину, заложив руки за голову; ночную рубашку разместил прямо у себя на груди и шее, укрывшись ею, как одеялом.

Присела на кровать.

— Перевернись, пожалуйста. Дай погляжу.

— Да будет тебе. Чего там смотреть, — смешливо запротестовал.

— Прости. Я не хотела так сильно.

— Да забудь, — засмеялся он, уткнувшись в подушку.

Вместо ответа она начала поглаживать его по гриве, закрыв глаза (это всегда помогает лучше чувствовать); на миг отвлёкшись, быстро сняла кольцо и браслет, взяла со стола бутылочку со смесью масел, привычно растёрла масло между ладо-

нями, длинные пальцы разгладили друг дружку и вкрадчиво коснулись его спины.

«Жаль мы не в термах а то сейчас бы совсем растаял, я бы его довела до ума, ах, шрам этот, наверное от меча или чего-то подобного военного острого опасного, кошмар какой, кто-то пытался убить и не убил, и слава предкам ведь такой славный лев мог бы погибнуть, а так он жив, хороший, нет я к нему так себе, без особой страсти, да какой страсти, просто так отношусь, нельзя сказать что невесть как отношусь, но он мне симпатичен... Да. Что-то есть в нём такое, простое и бесхитрое, чисто львиное и настоящее, что я люблю, а не люблю всех этих увилителей-мечтателей, шакал бы их всех побрал, вроде красив собой и красив душой но внутри ни характера ни воли ни движения, простого желания и того мало, словно за него всё надо делать, дурни и несмелцы эдакие бывают, говорят их со временем всё больше и больше. Да ладно, я-то Ашаи, за мной самец всегда увильнёт, я свободна, а что делать простым львицам ума не приложу, вот вышла ведь замуж сестрёнка моя да за такого бессильного, ни то ни сё, как там она скоро её увижу... Какая у него тугая спина и все эти мускулы вокруг неё, наверное, от постоянных нагрузок, несчастный, не знает покоя от всех этих самцовых безумств, сражений и войн... Надо будет его спросить, продолжает ли ненавидеть Ашаи, но нет это будет глупость несусветная, не вздумай спрашивать, лучше просто постараться учуять эмпатией, да и он не ненавидел сестринство на самом деле, просто накрутил себе какое-то предубеждение да и сестру его Ашаи-Китрах забрали, а такое всегда больно... Да и он прав, Вестающая в паланкине это как-то немного пошло, как ни крути, хоть у них и непростая жизнь но тем не менее, а об этой Ваалу-Мессали нужно запомнить, постараюсь выяснить что за это за особа такая, вдруг кто чего о ней слышал... Кровь моя, как же повторился вчерашний сон тёплого дня, почти точь-в-точь, но как так может быть, нельзя назвать это ни сновидением, ни визионерством да предсказанием, как-то вспыхнули во мне силы и выдали нечто эдакое непонятное... Нужно будет поспрашивать ненавязчиво наставниц да посоветоваться с кем-то, вдруг кто что подскажет, что это было за дневной сон наяву, хотя какая разница в самом-то деле... Наверное, такой вот внезапный вид сновидения, ну или снохождения если говорить по-старому, как Малиэль, что тут удивительного, Ашаи вообще должна быть научена ничему не удивляться, да-да, спрошу-ка я у наставницы Хильзари перво-наперво, она неплохая сновидица я-то знаю хоть и скрывается зачем-то, Ваал мой, до чего все мы докатились уже стыдно быть хорошей сновидящей, мол это только для Вестающих, не тратьте своё время понапрасну есть ещё куча даров, служений и умений вам назначенных ля-ля-ля, хотя идея не ахти, ведь Хильзари тут же напичкает меня всякой патетикой мол, перед Приятием тебе Ваал посылает видения и знаки о той растущей силе, что Он тебе дарует, и так далее и тому подобное...».

Тело Хайдарра совершенно растаяло от вкрадчивых и очень нежных ладоней Миланэ.

— Львицы говорят, — рассёк тишину её тихий голос, — если не упомнишь, как было, так значит лев — хороший любовник.

— Да ладно, — сказал он глухо, но таким самодовольным тоном, что Миланэ невольно улыбнулась. — Проклятье, как ты это делаешь?

Она волною провела ладонь от его затылка до основания хвоста, а потом легонько пристукнула ладонями по плечам. Всё. Ей не жаль ещё, но пора уж.

Хайдарр, чуть пожелав, сонно поднял голову и посмотрел на светлое утреннее окно. Внутри него словно разжался тугий стальной стержень воли, и он весьма

быстро поднялся, и как-то хищно отдернул занавеску и выглянул наружу, пригнувшись, словно спал не в постоялом дворе посреди Империи, а очнулся от краткого сна в осаждённой злейшими врагами цитадели.

Миланэ начала аккуратно и неспешно укладывать вещи в скатку. Она успела уложить сущие пустяки и лишь повернулась к шкафу, чтобы глянуть, не забылось ли что, как он уж был полностью одет и даже подпоясан, только меч продолжал сиротливо валяться у другой кровати, которая в эту ночь никому не понадобилась, кроме покоящихся на ней вещей.

— Так, Хайдарр, пора уходить, — вежливо, но настойчиво молвила Ваалу-Миланэ-Белсарра.

— Тогда пошли.

— Нет, — ребро её левой ладони рассекло воздух перед ним, — ты сначала выйди и подходи к дилижансу.

— Стесняешься со мной выходить?

Почувствовала настоящую обиду.

— Нет, не стесняюсь, — как можно убедительней молвила. — Но так требуют приличия. Лучше выйди первым, — и отвернулась к окну, приложив тонкие пальцы к щеке.

Взял меч и начал выходить.

— Вообще, никогда так не думай, и будешь иметь успех у львиц. Ты можешь.

— Как не думать?

— Вроде этого самого: «...стесняешься со мной выходить». Ты должен быть уверен в себе по самые уши, даже если она — дочь Императора, — Миланэ обернулась к нему на миг, а потом вернулась к созерцанию вида за окном. — Даже мысли не допускай, что она может стесняться с тобой куда-то пойти.

— Я — реалист, — бряцнул оружием, подцепив ножны к поясу.

— Дурак ты. Зачем нам реалисты? Нам нужны самцы, — вдруг подошла и игриво толкнула его бедром.

Он начал лнуть к ней в поиске нежности, но Миланэ скрестила руки перед собою, ладонями вверх к нему, отвернулась: не слишком сильно, чтобы не причинить обиды, но и не слишком слабо, чтобы не воспринял как игру.

— Хайдарр... всё... Всё. У нас было наше время.

В коридоре кто-то начал противно трезвонить в колокольчик.

— Я тебе потом всё скажу, — сказал он охрипшим голосом.

— Говори сейчас, — кивнула, мол, говори что хочешь.

Посмотрел в сторону, челюсти сжались в решении и раздумье.

— Нет, я должен обдумать. Я не могу сказать абы что и не умею говорить так, как ты, сходу... До Сармана ещё есть время. Позже.

Он тут же вышел, прихлопнув дверь, и Миланэ осталась в одиночестве.

Некоторое, кратенькое время она занималась тем, что проверяла и перепроверяла, всё ли взяла, ничего ли не забыла. Была с нею эта привычка, больше схожая на манию: всё ли при себе, ничего ли не утеряно. Вынула кошель из сумки, зачем-то подержала его на весу, попробовала тяжесть. Поставила на стол, села, облокотившись о него, сложила ладони вместе и спрятала в них лицо. Миланэ чувствовала, как дыхание струится сквозь пальцы; концентрация на дыхании — одно из упражнений, оно полезно во множестве самых разных случаев.

На улице кто-то бряцал ведром, смеялся, лилась какая-то жидкость.

Открыла глаза, посмотрела на стол свежим взглядом. Грязную чернильницу, дощечку для написания и перья она сколь возможно аккуратно сложила у краешка стола; это было жалким извинением — скатерть и пол оказались замараны хуже некуда. Ах, вот что — бумагу с цитатой-то забыла. Сложив вдвое, небрежно сунула в сумку.

В дверь осторожно постучали.

— Входите, прошу.

— Сиятельная видящая Ваала, экипаж скоро будет отъезжать, — это горничная.

— Уже иду. Благодарность львице.

За письменные принадлежности и уборку Миланэ отдала пятьдесят импералов, хотя сонная хозяйка ни за что не хотела их брать.

Вышла на крыльцо и даже не успела осмотреться, как подбежал извозчий, сумбурно пожелал красивого утра и впихнул её вещи в дилижанс, чтобы сиятельная не вздумала ещё тут задерживаться.

Погода — точь-в-точь, как вчера. Лишь появился первый пух тополей.

Львица-мать с дочерью избегали смотреть на Миланэ. Фуй, стыд-позор, ох уж эти Ашаи-Китрах. Нотар, который, наверное, тоже спал в комнате рядом, теперь сидел напротив Миланэ и плохо старался скрыть свой шальной-несбыточный интерес, предаваясь каким-то фантазиям. Марионеточный мастер всё так же сидел, согбенный, лишь ящика не было на коленях. Подросток в капюшоне ещё поболее зарылся в свой угол, никак не желая участвовать в жизни маленького общества. К этому обществу, кстати, подсел восьмой: толстый лев с грустной, осунувшейся мордой; Миланэ поняла по одежде (поношенный халат непонятого цвета) и виду (усталость вместе с равнодушием к окружающим), что он либо счетовод, либо очень мелкий чиновник, на котором покоится всякая нудная, пыльная работа.

Хайдарр в этот день был совсем другим, нежели вчера, и сыпал шутками, рассказывал различные (интересные и не очень) истории; без жестоких подробностей, нецензурщины, с весельем описывал какие-то сражения и всякие военные дела; в лице чиновника он нашёл хоть какого-то собеседника, так как тот тоже служил в Легате, правда, невесть когда давно, лишь по обязанности, и только полтора года; тем не менее, у них нашлась общая тема для беседы, и Миланэ пришлось без особого интереса слушать их болтовню, а потом она погрузилась в созерцание пейзажей за окном. Когда, давно уж после полудня, замелькали усадьбы Сармана и вдалеке явился в мечтательной дымке Мараманарский холм, Миланэ воспрянула настроением и оживилась. Начинается почти родная земля, вторая родина, которую она знает очень хорошо.

Верно, даже лучше, чем свою истинную родину.

Хотя...

Сейчас будет пост стражи, через который проходит почти весь въездной и выездной транспорт. Сарман — город богатый, город для отдыха, оздоровления: здесь полно зелёных аллей и лесов, минеральных источников, всяческих магазинов, лечебниц и терм, домов отдыха, и один тайный-всем-явный бордель, только очень пристойный и дорогой, вежливые стражники, чистые улицы, дома не более чем в три этажа и почти нет всяких «нежелательных особ», как здесь благочинно называют воруя, пьянчуг, разбойников, любителей всяких подпольных игр и бойцовых сборищ, нищих и всяких прочих. Совсем рядом, в пятнадцати льенах, есть дисциплирий Ашаи-Китрах, Сидна, один из крупнейших центров медицины во всей Империи и

средоточие жизни жриц Ваала. Говорят, там разве что мёртвых не воскрешают, а так можно вылечиться от чего угодно, да-да.

Стража остановила дилижанс. Такой экипаж они не могут пропустить.

— Доброго всем дня, — казённо молвил стражник, просовывая любопытную голову с коротко подстриженной гривой. Резкое движение, дилижанс качнулся, и вот одной лапой он уже внутри. Хайдарр без утайки скривился: как и все настоящие воины, терпеть не мог стражу. Но тот, мгновенно оценив всех путешественников, сконцентрировался лишь на одном.

— Тааак... Попрошу выйти.

Подросток упорно делал вид, что смотрит в окно, но стражник без особых церемоний подёргал его за рукав.

— Он со мной, — внезапно заявила Ваалу-Миланэ.

Опытный страж равнодушно вздохнул:

— Зачем сиятельная дисциплина выгораживает его?

Близость дисциплинария делает своё дело. Местные стражи отлично знают, кто есть кто, и прекрасно различают учениц-сталл от учениц-дисциплинар, учениц-дисциплинар от сестёр, сестёр от старших сестёр-сестрин, свободных Ашаи от тех, кто учился в дисциплинарии, и так далее.

— Настроение хорошее.

Чего врать-то.

— Пусть слышащая Ваала согласится — это не повод.

— Будет вам. Найдите милосердие, найдите в сердце огонь общности Сунгов. Он едет с нами прямо из Марны. Милый, только молчаливый.

— А едет куда?

— В Дэнэнаи, — подал голос подросток.

— Куда именно?

— Какая разница? Я свободный гражданин, еду, куда хочу.

— Ну-ка, свободный гражданин, выходи-ка сюда.

— Я же попросила, — настойчиво молвила Миланэ.

— Пусть меня простит слышащая Ваала, но моя служба — досматривать особ, что вызывают подозрения. И я её должен исполнять.

— Чего в нём подозрительного? Да, одет бедно. Да, худой, без лоска. Но он — добрый Сунг. Ты ведь добрый Сунг?

— Да, сиятельная, прекрасная Ашаи. Да. Я — честный, хоть и беден. Еду к больной тётушке...

— Я настаиваю, — твёрдо заявила Миланэ.

— Прошу простить... Формальность. Мы должны соблюсти формальность.

Страж небрежным жестом пригласил подростка выйти из экипажа. Тот вышел, тоскливо оглядываясь.

— От крысы, не отстанут от дитяти, — начал подниматься Хайдарр.

— Пусть лев сядет. Пусть. Это ненадолго, — поспешила успокоить его Миланэ, понимая, что он-то может устроить скандал или чего похлеще.

Дочь Сидны стала наблюдать за происходящим вовне, оставив дверь дилижанса открытой.

— Вот, я вышел. Что вам нужно?

Миланэ чувствовала его страх.

Веяли сухие степные ветры, необычные для этих мест. Носило вечную пыль по

дороге.

— Покажи всё, что при себе, — приказал страж, а второй, совсем молодой, начал похлопывать подростка по бокам, сверху донизу.

Вдруг тот изо всех сил метнулся в сторону, извергнув из-под лап клубы дорожной пыли. Второй страж попытался поймать юного льва, но рукахватила воздух; первый страж не успел вовремя осмыслить происходящее, поймался на неожиданности.

Миланэ метнулась наружу.

Ваал мой, да что ж такое?

Беглец рванул за дилижанс, в отчаянной попытке сбежать прочь, на восток, прочь от Сармана и его стражей; верно, и убежал бы, поддерживаемый страхом и молодостью, если бы не третий страж, что лениво осматривал багаж позади экипажа. Опытный, возраста силы лев, со впалым шрамом на щеке, вмиг выхватил короткую палицу с круглым наконечником стали — обычное оружие стражей — и нанёс простой, быстрый и точный удар прямо по животу беглеца. Тот пробежал ещё несколько шагов, но дыхание совершенно перехватилось, а потому распластался от боли и нехватки воздуха по земле.

Дочь Сидны осадилась в яростном порыве, держась за огромное заднее колесо; нотар и Хайдарр также уже оказались снаружи, живо заинтересовавшись событиями; высунулась перепуганная голова марионеточника.

— Оставьте его, не то... — зло воскликнула-возгрозились Ваалу-Миланэ, но застыла на месте, вся как была.

Юный лев распластался по земле. В шаге, позади него — лежал большой, тяжёлый кошель, перевязанный бордовым шнуром с медными наконечниками.

Она бы узнала его среди тысяч — её кошель.

Выставив ладонь вперёд, веря и не веря глазам, она подошла к нему, присела и подняла перед собой, разглядывая, словно видела в первый раз.

— Кошель преподобной? — спокойно, крайне буднично спросил третий страж, прилаживая палицу к поясу.

Не ответив, Миланэ метнулась к дилижансу, схватила сумку с крючка на стене. Вышла обратно, изумлённо осматривая. Из дилижанса все вышли, даже мать и дочь. Миланэ приблизилась, осматривая небольшой порез на своей сумке. Первый страж без слов осторожно взял её в руки, осмотрел и с кривой усмешкой отдал Миланэ.

— Я попрошу экипаж задержаться. Мастнар, Хэйди — пропускайте других. Клиента — к нам. Преподобная, посмею просить пройти со мной.

Она пошла за ним вослед, сама не своя и не слыша, как грязно ругается Хайдарр, сетует нотар и зло смеётся извозчий. Не видела, как юному льву без всякой церемонии и жалости туго связали руки жёсткой пеньковой верёвкой.

Старая, низенькая, сиротливая башня стражи угнетала серостью, отдавала холодом; на её верхушке безвольно трепетало красно-золотое знамя Империи Сунгов. Возле башни ютилась казённая деревянная пристройка с тёмными окнами, куда и вошли Миланэ со стражем. Глаза не сразу привыкли к темноте. Ударил тяжёлый запах казёнщины. Окружил уют и сумрак.

Прошли по коридору, свернули налево, сели у окна, у длинного, неприглядного стола. Страж убрал с него меч и принадлежности для заточки, жестом пригласил её сесть. Он ничего не говорил, лишь глядел на Миланэ; она же тоже молчала, уставившись в муть и плесень окна.

В дальнем углу сидел ещё один лев-страж — судя по всему, глава поста — и что-

то нацарапывал в большой, окантованной железом книге. Позади него пылала чаша с огнём на длинной, напольной стойке. Потухшая лампа с нефтью опасно стояла на краешке стола.

— Что там? — посмотрел на них, отбросив перо.

— Вор.

Не впечатлившись, глава стражи снова взял перо, но вдруг остановился, приглядевшись к Миланэ.

— Моё почтение, сиятельная, — кивнул.

— Сильного льву дня, — бесцветно молвила она.

В коридоре раздался шум, хрипкое и сбитое дыхание, стук сандалий, бряцание оружия. Пинком открылась дверь, страж со шрамом на щеке ввёл в помещение юного льва-ворюгу и небрежно привязал его за руки к лаве. И без слов вышел.

Глава стражи откинулся на скрипучем стуле, покусывая кончик пера.

Первый страж жестом попросил Миланэ дать кошель, и с пиететом, церемонно поставил его у краешка стола.

— Один из самых тупых карманников, что я видел. Дилижанс из Марны, украл кошель у Ашаи, никто не обнаружил пропажу заранее. Вытянут из дилижанса при беглом осмотре, когда вытащили на тщательный, то совершил попытку к бегству. Улика выпала на дорогу, улика опознана потерпевшей, то есть сиятельной. Пожалуй-ста, имя, — деловито осведомился он.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, из рода Нарзаи, дисциплира Сидны.

— Прибежал к успеху, — кратко засмеялся глава стражи, колупаясь пером в зубах. Удостоил вора взглядом: — Ты что, совсем дурак? Каждый идиот знает, что в Сармане есть пост. Бездомыши, которые воруют рыбу на рынке, и те знают: здесь есть пост.

Ухмыляясь, первый страж подошёл в грубо сколоченному комоду, вытащил оттуда листы бумаги, перья в банке и чернильницу.

— И ты, в таком виде, украв кошель у Ашаи, не сбежав после кражи, хотел проехать пост Сармана в дилижансе? Я ещё такой жирной наглости не видел.

Глава стражи почесал гриву.

— Сиятельная дисциплира, прошу, пусть слышащая Ваала расскажет, как было дело, — вздохнул.

— Я выехала из Марны, — медленно молвила Миланэ, — заночевали в постоялом дворе, поехали дальше...

При каждом слове она покачивала головой, приложив палец к виску.

— Когда садились в дилижанс утром, то кошель ещё был? — перебил глава стражи.

— Да, — посмотрела на вора.

— В пути останавливались? — хмурый взгляд главы стражи.

Первый страж заметил, что воришка пытается ослабить веревки, и осадил его ударом по плечу.

— Конечно. На питьё и обед.

— Он вскрыл ей сумку, — заметил страж, спокойно копошась в карманах и одежде юного льва, который пока не проронил ни слова и сидел, низко склонив голову под капюшоном. Страж резким движением откинул его. — Очевидно, где-то перед Сарманом, или на последней остановке. Наверное, в Сармане и хотел сойти.

На стол рядом страж выложил всякое добро вора: маленький ножичек, обломан-

ное лезвие, шнурок, смятый обрывок бумажки, шило, горсть мелких монет, выдавший виды перевязанный мешочек, вилку, две ложки и катушку ниток с иголкой.

— Так, давай без геройства. Чистосердечное признание — и все довольны. Имя? Терпеливо подождал, и снова спокойно спросил:

— Имя?

— Райнар.

— Сколько лет?

— Девятнадцать.

Выглядел он на шестнадцать-семнадцать, даже гривы толком не имел.

— Украл перед Сарманом?

— Перед Сарманом.

Голос у него был сдавленным. Видимо, боль от удара палицей ещё не прошла.

— При последней остановке?

— Да.

— Сколько украл? — встал глава стражи, начав прохаживаться туда-сюда.

— Не знаю.

— Не считал деньги в кошеле?

— Некогда было.

— Почему не сразу сошёл прочь?

— Хотел в Сарман приехать.

— Не знал, что тут пост?

— Нет. Я никогда не посещал Ашнари, — поднял он взгляд на главу стражи. — Я из Мствааша. Я и в Марне первый раз был.

Стражи переглянулись и засмеялись. Воришка говорил о Мствааше так, будто здесь есть чем гордиться. Бедная, пограничная провинция на юго-востоке, никогда не знавшая покоя. Там даже море серое от бедности.

— Зачем ехал в Сарман?

— Чтобы потом поехать куда-то ещё, — простецки ответил юный лев.

Махнув на него рукой, глава стражи подошёл к столу, где сидела Миланэ.

— Пускай сиятельная откроет кошель и пересчитает деньги. Сколько там было изначально?

— Я не помню точно.

— Ну примерно?

— Тысяч восемнадцать имперялов золотом.

От удивления глава стражи закрыл рот, а первый страж почесал бок.

— Да уж, дружок, — хлопнули воришке по плечу. — Будешь ты камешки долбить киркой всю жизнь, если раньше не сдохнешь. Это в лучшем случае.

Попробовав кошель на вес, глава стражи протянул его Миланэ.

— Пусть сиятельная пересчитает.

Она не знала, что думать. Глодала досада оттого, что не смогла уберечься; оттого, что не почувствовала в нём опасность, а защищала его (где моё правдовидение, где мои предчувствия, где всё эти силы, возможности?); угнетало зло и глупость всей ситуации. Нехотя раскрыла кошель, безразлично высыпала золотые на стол и небрежно начала считать. Все наблюдали: интересно ведь поглядеть на такие деньжищи. Вор глазел на то, что ранее своровал, и жалел обо всём на свете.

— Семнадцать тысяч восемьсот.

— Ничего не пропало?

— Нет.

— Хорошо. Вот, прошу, небольшая такая бюрократия, — первый страж придвинул бумагу к Миланэ. — Стамп у сиятельной при себе?

— Он всегда при Ашаи, что в здоровой памяти.

— Вот и хорошо. Попрошу вкратце описать неприятный инцидент, и мы больше не смеем задерживать видящую Ваала. Да, и если сиятельная хочет примерно наказать воришку, то пусть напишет, что он угрожал ей при задержании или кричал всякую гнусность о сестринстве Ашаи-Китрах. Одним дурнем будет меньше на свете.

Вор вздрогнул, засуетился на лаве, даже попробовал встать, что ему не удалось:

— Что?

— О, смотри! Ожил, — засмеялся глава стражи, но закашлялся. Будто вспомнив о кашле и вредных привычках, достал трубку.

— Меня...

— Тебя-тебя. Казнят, — начинал он трубку табаком. — Воровство крупной суммы золотом у Ашаи, сдобрить сверху вероборчеством — суд будет очень быстрым.

— Но я жить хочу! — изумлённо осмотрелся юный лев по сторонам. — Нет, нет, я не...

— Ой, ну извини, что попортили твой жизненный план. Мы не хотели.

Дочь Сидны взяла перо.

Есть столько разных взглядов на жизнь, что определяют: то верно, это неверно, то будет правильным, а то — ложным. Вот здесь истина, а там — ложь. Падающего подтолкни. Ладонь ближнему протяни. Защищай свои интересы. В себе нечего защищать. Ваалу-Леейле, 540–613 Э. И.: *«Дурной нрав неустребим в душах, потому незачем понимать его и потакать прощением»*. *«Милосердие — это величие»*, Ваалу-Даима-Хинрана, 499 Э. И. Обожаю Ваалу-Даиму-Хинрану, все её трактаты и стихи, это не то что современные паяцы, филистеры и фигляры, у меня однажды даже вспыхнула игнимара при чтении, так меня обняла жалость и чувства, хорошо что успела отбросить книгу и встряской утишить пламя. Не-помню-кто, не-помню-когда: *«Всякое преступление перед добрыми Сунгами должно быть отмщено наказанием»*. Когда я перевернула чан с кипятком, мама заставила меня собирать в саду подгнившие плоды для скота. Преступление и наказание. Сколько стоит жизнь? Вот интересно, стоят ли десять лет каторги семнадцать тысяч восемьсот империалов? А двадцать лет? А вся жизнь? Вот интересно, а если он своровал не только у меня, утешаясь в тёмном уголке своей жалкой добычей, а ещё у кого, кто беднее меня, кто в нужде и ограничениях? Мне легко прощать, изъявлять благородство, милосердие: мне-то патрон подарил деньги, взял и подарил, они мне легко достались, а что легко приходит, то просто уходит.

Быть умнее, думать впредь, о будущем; плохие должны погибнуть, хорошие — жить. Его смертью я пресеку горести, буду защитницей, хранительницей, мечом правосудия, огнём безжалостности, посланницей очищения духа Сунгов. Или не смертью, каторгой например. Да, каторгой, каторжными работами. Он будет полезен на каторге, с него будет польза, как вот с меня в дисциплинарии. Все в обществе должны быть полезны: он, она, я, ты, мы, все вместе. Польза, больше пользы, и ничего дурного-плохого!

Да!

Тогда всё будет хорошо, всё будет замечательно; тогда Сунги будут хорошими,

прекрасными, нет же, идеальными; ни одного порока, внешнего или внутреннего, не будет в них; все они вместе, стройно уйдут в Нахейм, строем уйдут в Нахейм. Жили по правде, умерли по правде. Изничтожим же тех, кто идёт не в лапу, или идёт не туда, или вообще не идёт.

Именно.

Красивым, круглым почерком, привычно, Ваалу-Миланэ-Белсарра начала начертать на жёлтой бумаге: «9-го дня 4-ой Луны Выхода 810 года Э. И. я, Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи, Сидны дисциплина на данное время, направ...».

Отставила вдруг перо, сложила ладони вместе, спрятала в них лицо: рот, нос, скулы, часть щёк; указательные пальцы уткнулись в основание носа. Размеренное дыхание, прижатые уши. Хвост упал куда-то под лаву и сейчас измарается.

Зачем он это сделал? Для всего есть свой мотив, для любого поступка, даже для поступка безумца, ведь поступки не вершатся без воли и намерения. Почему не украл у нотариуса, Хайдарра или матери с дочерью? У Ашаи воровать будет только истинный безумец или глупейший воришка, вор по случайности, ведь опасность огромна, а наказание — велико. За кражу личных вещей Ашаи-Китрах грозит намного большее наказание, чем обычно — таковы законы Империи. Почему он сразу же не исчез после кражи? Неопытный, глупый. Почему он не знал о посте стражи перед Сарманом? Неопытный, юный. Вообще, как ему взбрела в голову идея ехать в Сарман при таком бедном виде? Неопытный, наивный.

Я львица, я знаю, что жизнь подарить тяжело. Я Ашаи, я была на двух родах, я видела всю трудность рождения жизни. Львица назначена дарить жизнь, хорошему или худому — неважно. Моё сердце не держит зла и мщений, а для моего намерения не нужно бесконечных доказательств: я — Ашаи, моя воля исходит не из ума, но из источников души.

— Усадите его возле меня.

Стражи переглянулись.

— Посадите-посадите, я прошу.

Вора посадили напротив неё, со связанными руками. Вор не смел смотреть в глаза Ашаи, но та не стала ждать и рукою подняла его подбородок, чтобы видеть глаза.

Смотри. Вот так.

— Твой отец был Сунгом?

— Да. Воином. Воевал где-то на востоке.

— Мать была Сунгой?

— Да, она из Хустру.

— И ты, Сунг, сын честных Сунгов, — указала на него пальцем, — пошёл на воровство? Что тебе эти деньги? На что они тебе? Отвечай по честности.

Стражи сидели и слушали. Ваалу-Миланэ выглядела, несмотря на тонкое сложение, милые черты и мягкие манеры, величественно и грозно, являя собой триумф некоей странной, пробуждённой ото сна воли.

— Просто так... Не хватало денег, — объяснился юный лев, как мог.

— Они кому зельно нужны? — забывшись, Миланэ перешла на андарианский диалект.

— Нет, — покачал головой.

— Твой отец был воином, а ты — воруешь? — уже два пальца-когтя Миланэ указывали на него, и он со страхом глядел на них.

— Да.

— У твоего отца был один меч, один щит и одни сандалии — и у него было всё. А ты носишься со всяким мусором в карманах, облачаясь в капюшоны, и воруюешь кошель у львиц жадными руками? — каждое слово звучало всё тише, но оттого и яснее.

— Да, — признался тот, и слеза скатилась по его щеке.

Ваалу-Миланэ осмотрелась по сторонам, открыв ладони в вопросительном жесте.

— Что тогда есть у тебя? Что ты хотел обрести этими деньгами?

— Не знаю.

— Укради ты хоть полбогатства мира, но всё равно будешь беден. Деньги — власть, деньги — сила, оно так; но деньги — тлен. Они не стоят жизни, они не стоят смерти. Тьфу, плевать на них, на все деньги мира, на всё богатство и роскоши, на всё удобство, суету сует. Не веришь? Ашаи покажет тебе. Гляди: Ашаи отбрасывает их прочь. И неважно, что они дарены мне патроном.

Миланэ действительно бросила кошель в сторону, на край стола.

— Это — уже не мои деньги, — обратилась она к стражам. — Я их оставлю здесь: заберите себе или отдайте в казну. Посчитаем, что ничего он не украл. Не держите его: пусть отходит прочь на четыре стороны.

Первый страж сидел на лаве напротив, глава стражи опирался о свой стол. Двое вмиг встали, не веря собственным ушам.

— Сиятельная, — подошёл к ней глава, начав так, словно хотел кротко усмирить безумную, — но он уйдёт и продолжит воровать у других. Мы ведь этого не можем допустить, правда?

Но Миланэ лишь взмахнула ладонью прочь, потом скрестила руки, заложив лапу за лапу.

— А пусть ворует. Не сворует всего, не наворует, — усмехнулась с презрением. — Те, у кого отберёт, рано или поздно обретут снова и не вспомнят о нём, ибо у них будет то, что причитается. Он же, сколько бы не отобрал, ничего не получит — песок сквозь пальцы будет сочиться, только так. Глупый и шелудивый, он снова попадет на своё воровство, его более никто не пощадит.

— Такие недостойны ходить по земле. Ловишь их, ловишь... Это неправильно.

— Пусть так. Но его мать и отец полагали по-иному, они дали взглянуть на этот мир. Его же кто-то взрастил, кто-то смотрел на него с надеждой. Будем же иметь уважение к этому. Я львица, мне ведомо, что дать жизнь много трудней, чем отобрать её.

Указала на него всеми пальцами, вытянув когти и склонив голову; камушки-хризолиты на подвесках серьг засверкали от случайных лучей солнца.

— Ты — не Сунг. Не смотри на меня, не подходи ко мне, — так запретила ему. — Ты — не сын своего отца. Так тебе говорит Ашаи-Китрах. Ты купил свою жизнь за семнадцать тысяч восемьсот ворованных импералов. Можешь возгордиться своей ценой. Дорогого стоишь.

Юный лев уже всюду плакал, сполна чувствуя страдание в безжалостном мире.

— Не хочу так жить! Не будут так жить! Не давай им денег, я украл деньги! Я сын своего отца! — пытался оправдаться он хоть чем-то.

Удивилась Миланэ:

— Не оставлять деньги? Ты отказываешься от моей милости?

— Не оставлять! Я украл! Я!

— Ты отправишься на каторгу либо умрёшь в таком случае, — нахмурилась, причём левый глаз сделался мрачнее правого.

— Я лучше умру! Я сын своего отца! И матери тоже!

— Как хочешь. Ты выбрал свою судьбу.

Без всяких сомнений Миланэ взяла перо, обмакнула его в страшную ёмкость, отдалённо напоминавшую чернильницу, и споро принялась писать своё обращение к стражам и прокурору о покушении на собственность Ашаи. Подкреплённое штампом, такое обращение — грозный документ, а не кусок бумажки; согласно законам Империи и привилегии доверия сестринства Ашаи-Китрах, судья может даже не вызывать Ашаи для разбирательств на суд, достаточно её письменных заверений.

Взяла тяжёлый штамп, примерилась и свершила сильный отпечаток красным чернилом-киноварью. Львица, кифара, плектр.

Документ выставила перед собой и буднично зачитала:

— Кража огромной суммы в размере семнадцать тысяч восемьсот империялов золотом, угроза расправой львице сестринства Ашаи-Китрах, хула на дух Сунгов, сквернословие на сестринство, явное знакомство с нечестивыми взглядами на веру, попытка к бегству, попытка поджога помещения стражи путём опрокидывания чаши с огнём на бумаги. Всеми я, Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи, Сидны дисциплина, была верным свидетелем. Явные преступные склонности и опасность для всех верных граждан Империи. Прошу рассмотреть вышеизложенное согласно законов Империи и верным способом отсечь сего топтателя законов и нравов Сунгов от всякой жизни в добром обществе.

— Грязная лживая тварь! Я только украл деньги, я ничего не хулил и не жёл! — яростно встал Райнар, но тут же получил удар под дых и осел.

Миланэ вздрогнула от такого насилия, взмахнула первому стражу, мол, не бей, оставь.

— А я что говорила. Естественно, сквернословие, — так закивала.

Обращение она положила на стол главы стражи; маленьким, незаметным кивком головы позвала того за собой. Вор и первый страж остались наедине, а Миланэ с главой стражи вышли в коридор и начали направляться к свету выхода; но тут она остановилась сама, остановился и он. Прежде чем говорить, выдержала небольшой миг.

— Там совсем другое написано.

— Пусть сиятельная простит, не совсем пойму...

— Только не говорите правды, предавая его позже суду, — Миланэ смотрела на него, играя серебряным кольцом на безымянном пальце. — Не убивайте. Деньги не стоят этого.

Состроив скептическое выражение, глава поста посмотрел в сторону, заложив мощные руки за пояс.

— Видящая Ваала слишком милостива к этому отбросу.

— И пусть. У меня скоро Приятие — не хочу омрачать его. У нас есть традиция, по которой перед Приятием прощаются все обиды, а всякое зло обозначает дурной знак.

Ваалу-Миланэ, конечно же, привирает: помине нет и не было такой традиции.

— Жаль, что так случилось.

— И я не могу поверить.

— Мда уж, бывает. Насколько я понял, сиятельная вначале выгораживала воришку, — не забыл страж этой обиды.

— Пусть лев мне простит нетерпеливость в словах. Я виновата перед всеми здеш-

ними стражами, ошибалась, признаю. И благодарна за то, что уберётся подарок моего патрона. Моя благодарность не забудет этого.

— Пустяки, служба такая. Как я люблю говорить — доверяй, но проверяй, хе-хе-хе, — засмеялся глава и сделал шаг навстречу выходу, намекая на то, что разговор затянулся.

Но Миланэ не сдвинулась с места. Ещё не всё.

— Это хороший урок для меня. Лучше не придумашь.

Вынув кошель, она без скрытности медленно отсчитала десять золотых, умотала их в первый попавшийся кусочек ткани (такие она всегда носила в сумке). Миланэ, дочь торговцев и хозяйственников, хорошо умела давать благодарства-подарки-взятки-откупы, прекрасно чувствуя нужные моменты и правильные способы; всё это, умноженное на чувствительность, ум и такт Ашаи, не раз помогало в жизни. Подошла к нему вплотную, на расстояние очень близкого знакомства и поцелуев, левой рукой обняла его плечо, а второй заложила свёрток сзади за пояс.

— Вам всем за хлопоты. Моя благодарность. Не убивайте. Попугайте и отпустите.

— Ээээ, на службе, это самое... не это... не беру, — сказал он, просто чтобы хоть что-то сказать.

Миланэ медленно пошла к выходу.

— Это благодарность. Ашаи отказывать нельзя. Пусть лев берёт-берёт. Я настаиваю.

— Что ж...

— Лишь не убивайте, не сдавайте на каторгу. Не омрачайте мне Приятие, хорошо?

— Не убьем, не сдадим, — заверил глава. — Пару неделек поработает, да и всё.

— В рекруты сдайте. Пусть по следам отца идёт.

— Да кому он там такой гнилой нужен.

Вышли на улицу, к тёплым ветрам из южных степей; прямо у порога пронеслось перекати-поле. Миланэ взглянула вверх, и небо показалось ей настолько огромным и свободным, что она аж вздохнула от томления, а по спине, от ушей до хвоста, прокатилась волна озноба.

— Милосердна всё-таки преподобная. Очень милосердная. Слишком милосердная к этой собаке. Пусть простятся мне такие слова.

— У каждого свой порок.

— Его пороки слишком вредны.

— Я о себе.

К зданию стражи уверенным, топчущим всё на пути шагом направлялся Хайдарр, желая вмешаться и узнать, надобна ли его притягательной Миланэ какая-либо помощь, потому что он готов отрубить головы всем её недругам.

— Ну, чего там? — требовательно, с напором спросил он.

— Всё хорошо. Деньги вернули, вор пойман, можно ехать дальше, — тут же сказала-успокоила Миланэ. Обратилась к главе поста: — Благодарю за защиту и помощь. Сильного льву дня.

— Верен делам Императора, — несильно, формально стукнул себя по груди. — Красивого дня для сиятельной.

— Идём, — заторопился Хайдарр, желая её уберечь, как маленькую.

— Меня уже все заждались? — улыбнулась она.

Глава поста вернулся обратно, в свою вотчину. В коридоре перепрятал деньги,

предварительно пересчитав (тысяча импералов!) и по привычке попробовав на зуб (доверяй, но проверяй).

Вошёл в комнату. Первый страж уже успел привязать вора к огромному кольцу в стене и делал полезное: точил меч. Присев за стол, глава задумался. Вдруг, кое-что вспомнив, взял с другого стола обращение Миланэ, повернулся к окну и начал читать.

*Стражам и просекторам Сармана
Прошение
Ваалу-Миланэ-Белсарры из рода Нарзау, Сидны дисциплины
на данное время*

9-го дня 4-ой Луны Выхода 810 года Э. И. я, Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзау, Сидны дисциплина на данное время, направлялась в дилижансе из Марны в Сарман, где со мною путешествовало семь особ. Один из них, молодой лев, имени, положения и рода занятий мне неизвестных, перед Сарманом начал громко спорить о делах хозяйственного толка с другим путешественником, а именно львом по имени Хайдарр, рода мне неизвестного, воином-дренгиром. Во споре он не соблюдал общих приличий, прибег ко всяческой неумеренности, ругательствам и сквернословию, о чём был сразу предупреждён мною. Дурное поведение он прекратил по моему требованию, но о таком нечестивом поведении я сразу сообщила на первом посту, а именно перед Сарманом, вследствие чего молодой лев был задержан стражами, как подозрительный и беспокойный. Считаю долгом предупредить всех охранителей права о сем случае, верно подтвердить полную истинность вышеупомянутых происшествий, и данными мне привилегиями просить охранителей права отдать сему молодому льву именно то наказание, которое причитается за дурное и глупое поведение в обществе честных Сунгов и в присутствии Ашаи-Китрах.

*9-й день 4-й Луны Выхода 810 Э. И.
Подпись,
стамп*

Потом повернулся к преступнику:

— Что, дружок. Поздравляю.

Тот поднял низко склонённую голову, посмотрел на него с тоской, вздохнул, и продолжил уныло считать мгновения своей жизни.

— Поздравляю со вторым рождением, шакаля кровь. Имел ты счастье украсть у дивно доброй сердцем Ашаи-Китрах. Твоё счастье. Мне бы такое.

Тот снова поднял голову, но теперь уже в истинном изумлении.

— На. Читай, — протянул ему бумагу, но тут же забрал обратно. — Ты и читать не умеешь, наверное.

— Умею, — еле ответил он.

Глава поста тёр подбородок, снова и снова перечитывая написанное.

— Это... Сознаёшься в том, что ругался и буянил в дилижансе? — задумчиво спросил он.

— Что?..

— Сознавайся, дурень, другого шанса не дам.

Скорее не из слов, но из тона, Райнар понял, что где-то здесь его счастливая звезда, какое-то чудесное избавление от множества горестей и смерти.

— Сознаюсь, — кивнул он.

— Вот и хорошо. Я б тебя сгноил, если бы не её просьба.

— И что теперь?

— Пару недель гной будешь катать из-под скота, а потом катись на все четыре. Хотя я бы тебя сам в этот гной закопал.

Райнар вдруг сполз на пол; руки, привязанные к кольцу, безвольно повисли.

Подошел первый страж, глянул своему старшему через плечо.

— А чего так? — негромко спросил.

— У неё это, как его, Приятие скоро. И у них там традиция, что нужно всех прощать перед этим...

— А что написала?

— Смотри...

Тот вмиг взял прошение и с любопытством начал читать, шевеля ртом во время чтения, хмурясь и вскидывая брови.

— Эээ, как-то это всё... — почесал он короткую гриву.

Глава поста сел за свой стол и невидящими глазами уставился на вора.

В дилижансе всем было интересно узнать: Ваалу-Миланэ-Белсарра верно заверила всех, что вор получит по заслугам, получив отмщение за кражу — одно из самых тяжких преступлений по воззрениям всех добрых Сунгов во всей Империи: от Хольца до Тобриана, от Норрамарка до Хустру. Заодно Ваалу-Миланэ крупными стежками зашивала сумку с помощью суровой нити, любезно предоставленной львицей-матерью, а иглу она уж имела свою, и жалела, что сумка эта уже не будет выглядеть, как раньше, и вот незадача: больше не придётся брать её с собою в путешествия, что ждут посреди будущей, долгой и счастливой жизни, залитой солнечным светом, наполненной добрыми встречами, приятными сюрпризами, хорошим обществом и прекрасным служением.

Путешественники обсудили ужасную да незавидную судьбу воришки и остались довольны справедливостью, что восторжествовала. Как только закончили об этом говорить, так сразу дилижанс остановился у большого и красивого прибывного двора Сармана. Все вышли: в Сармане дилижанс должен был сменить извозчего и лошадей, а потом ехать себе далее на запад.

Получив свою скатку, закинув сумку через плечо, осмотревшись, Миланэ остановилась возле дилижанса, вроде как для того, чтобы покрепче всё связать и осмотреть перед уходом; но на самом деле она поджидала Хайдарра, который куда-то запропастился сразу после приезда и всё не приходил. Миланэ хотела попрощаться с ним, ибо негоже уходить от всякого, кто разделял с тобой ложе, без прощания и последнего доброго слова; нет-нет, но вспомнишь всё несказанное смутными вечерами.

Он наконец-то прибежал, запыхавшись.

— Убегал по делам.

— Помоги здесь. Стяни. Да, вот так... моя благодарность. Спасибо, сильный лев

Хайдарр.

— Чепуха.

Миланэ смерила его взглядом, вздохнула и посмотрела в сторону. Ещё миг — и она уйдёт, сказав «Прощай, Хайдарр».

— Миланэ, я... — вдруг схватил он её за ладонь, но остепенился, отпустил. — Может, пойдём, чего выпьем?

— Я должна попасть в Сидну до захода солнца.

— Ага... А, ну да. Миланэ, я вот что хочу сказать... — скороговоркой молвил он, будто опасаясь, что она исчезнет.

— Не надо ничего говорить, Хайдарр. Давай лучше я отдарю тебе нечто в память о мне.

— Но у меня ничего для тебя нет.

Миланэ уже хотела предложить ему обменяться клочками шерсти, у него — с гривы, у неё — с хвоста; так делают и влюблённые, и супруги, и любовники у неё в Андари, да и не только там, а ещё и в Хустру, и в Дэнэна, и в Юниане, и в Хольце, да ещё много где; такое зовут «обменяться памятью» или «обменяться запахом». Многие прайды считают это дурным обычаем, особенно такие ханжи, как львы и львицы Сунгкомнаасы, ну и ничего, какая разница, что кто там думает. Она испытывала к нему симпатию, и желала оставить о себе добрую память. И теперь, если он подумает о львицах духа Сунгов нечто плохое, справедливо или нет, то пусть сразу вспомнит её, и его плохие мысли смоеет волной былых воспоминаний...

— Хотя постой, — сказал Хайдарр, копошась у себя за пазухой, и торопливо кое-что вытащил под свет солнца.

— Что это? — спросила Миланэ, хотя ясно видела, что это — амулет с простым, вязаным шнуром, на котором висели большие зубы разных тварей, а посередине находился изрисованный узорами белый, круглый камешек с красной точкой посередине. Такие вещицы часто делают в посёлках на удачу или там на добрую охоту, от укуса змеи, дурного глаза и так далее и тому прочее. Миланэ помнила, что такие амулеты, как истинная юнианка, умела делать Хильзе, причём могла такой заделать чуть ли не за один присест, и мастерила их в некоторые минуты скуки.

— Бери, это тебе, на память, — бесхитростно сказал он, с почти детской искренностью протянув амулет ей в руку.

Миланэ приняла подарок и начала вертеть, разглядывая; на самом деле, большого любопытства к вещице у неё не появилось, так как не особая любительница подобных штук; ей нравится серебро, а из золота нравится белое, иногда — жёлтое, но не любит красное; её глазу приятны цветные драгоценные и полудрагоценные камни. Тем не менее, отметила, что сотворен он симпатично, тепло и без лишней вычурности, в немного странной манере, хотя вид у него был изношенный.

Есть такое очень важное умение — принимать подарки; в дисциплинах этому даже учат, это входит в уроки будущей сестры-Ашаи. Если будешь принимать любой подарок, будь то маленький или большой, без радости и с заносчивостью — значит, вредишь не только себе и дарящему, но и всему сестринству.

«Пусть возникнет радость на грани глупости, потому как всякий дар носит в себе непостижимую тайну и символизируют дар вообще, дар как идею, а все вы — дочери дара духа, дочери счастливой судьбы, запомните это», — так однажды об этом говорила наставница Ваалу-Даэльси, Ашаи с печальным, полуотсутствующим взглядом, крупного, чуть нескладного сложения, целых пятнадцать лет прожившая в далёком-

далёком горном поселении в Норрамарке, имевшая трёх детей и понятия не имевшая, где они; её любимое занятие — тихое пребывание посреди любых садов, полей, лесов и гор, где она наблюдает за птицами. Даэльси есть совершенный, безупречный знаток птиц: она легко предсказывает по ним погоду, урожаи, чью-то судьбу и множество других вещей, не говоря уже о том, что может рассказать о всякой птице почти всё. Учёные, правда, не могут почерпнуть у неё много знаний: во-первых, она их терпеть не может, во-вторых, у неё для каждого вида — своё название, совершенно отличное от общепринятых и научных.

«Я — Ашай-Китрах, а летать всё не научилась», — любила приговаривать. — «Наверное, для нас уготованы иные дары».

— Моя благодарность, Хайдарр. Прелесть, Ваал мой, он такой милый. Откуда он у тебя? — засверкали глаза Миланэ, вся она аж закрутилась-завертелась от довольства.

— Сестра дала на память. Бери.

Дар чуть не ускользнул из её ладоней — до того она удивилась, и даже чуть нахмурилась, не понимая такого странного легкомыслия с его стороны.

— Погоди... Он — от твоей сестры? Тебе разве не жаль его отдавать?

— Тебе — ничуть, — уверенно сказал Хайдарр.

— Погоди. Это слишком. Твоя сестра падёт в печаль, когда узнает, что ты отдал амулет.

— Я еду к ней, она сплетёт ещё. Кроме того, у меня больше ничего нет, совершенно ничего. И знаешь что: наберусь наглости и попрошу подарить мне тот листок с цитатой. Когда я стану старым, негодным и ворчливым, то вытяну его из закровов, сяду на пенёк возле своего дома и буду читать.

«Настаивать, он будет настаивать, да ещё обидится, если я его не возьму. Да и потом, у него действительно ничего нету, а запахом он обменяться либо не хочет, либо не знает как. По всему, амулет для него слишком многого не значил, потому... нет, не стоит обижать, пусть уж будет так...».

— Он маленький... Там немного слов, — только и ответила дочь Сидны, удивившись такому пожеланию.

— Разве в количестве дело?

Миланэ посмотрела на него, потом молча вынула сложенный вдвое, желтоватый лист с цитатой и с книксеном отдала ему, всё ещё зажимая в левой руке подаренный амулет.

— Спасибо, — спрятал Хайдарр этот лист.

— Да хранит тебя Ваал, воин, — обняла ладонью его щёку.

— И тебя, сиятельная Ваалу-Миланэ, — дотронулся он к её щеке.

Улыбнувшись ему, Ваалу-Миланэ взяла свою скатку, взмахнула хвостом и ушла прочь по широкой, несуетной улице. Он притворился, будто тоже уходит, но остановился и начал наблюдать за нею, уходящей. Ему было интересно, обернётся ли она, но Миланэ не оборачивалась, уверенно направляясь по своему пути, верно зная, по какой тропе ступают её лапы; ему стало немного стыдно, что он упрятал её ночную рубашку, скатав в походный плащ, который сейчас валяется под сиденьем вместе с мечом, и призадумался о том, поняла ли Миланэ эту пропажу или нет, а ещё подумал, что он ничем не лучше того воришки, которого поймали перед Сарманом, притом неважно, что ночнушка и так безнадежно попорчена, и о том, что он не мог её не украсть, ведь он просто сходил с ума от этого запаха, и когда утром ах дисциплира,

ах Миланэ, ушла мыться, то сразу схватил её ночное одеяние и вдыхал запах шерсти и тела, просто не в силах насытиться (а когда услышал шаги, так откинул ночнушку прочь, и она повисла на шкафу), и ещё о том, что эту Миланэ, волнующую серьёзной красотой Миланэ, все только обкрадывают, берут у неё, но от того ничего не иссякает в её огненном сердце и не уменьшается пламя в её горящих ладонях.

«Не удивился, если бы она сама отдала кошель тому глупому дитю», — подумал Хайдарр, не зная, сколь близок к правде и сколь многое Миланэ подарила Райнару, без зазрения совести обворовавшему её.

Глава X

Никакой трудности с путешествием из Сармана в Сидну, между которыми лишь от силы десять льенов или бодрых два часа ходу, Миланэ не испытала. Знающая всё местное получше родного посёлка в Андари, она в первую очередь пошла к площади возле казарм стражи Сармана; эта площадь — своеобразный отправной пункт, из которого завсегда можно добраться в Сидну самым различным способом; на этот раз Миланэ не стала искать дарового способа, набиваясь в милые попутчицы в какой-нибудь обоз стражи, и её за небольшую плату подвез старый извозчий, который ездил здесь столько, сколько Миланэ себя помнила, вместе с четырьмя юными ученицами-сталлами в сопровождении наставницы Ваалу-Шаалины, тёмненькой, худенькой львицы лет тридцати пяти с большими глазами, большой мастерицы ядов, отрав и прочих злых веществ. Миланэ хорошо знала сестру Шаалину: вместе с несколькими подругами около луны ходила к ней на занятия; Шаалина тут же начала расспрашивать что да как, о поездке в Марну и самой Марне, посетовала на погоду и рассказала о последних новостях в дисциплирии.

Сталлы, все уже почти взрослые — семнадцать лет — смиренно и как-то печально сидели на лаве повозки, не вмешиваясь в разговор и не болтая друг с другом. Заметив их настрой, Миланэ спросила, что у них случилось, и Шаалина вместо них ответила, что вскоре наступит двенадцатый день последней Луны Выхода, и к Церемонии Совершеннолетия осталось всего ничего, считанные два дня. Припомнив весь ужас и переживания Церемонии, Миланэ прижала уши в знак солидарности; выяснилось, что одна из подруг ещё не может уверенно возжигать пламя игнимары, а потому есть большие шансы, что от волнения не сможет проделать этого на Церемонии, что означает только одно — придётся попрощаться с тропой Ашаи.

Миланэ надавала кучу советов, хотя и знала, что они почти бесполезны.

Когда вдалеке, из-за деревьев, показался знаменитый обелиск на входе, Миланэ притихла. Она успела соскучиться по дисциплирию, по матери духа. Впереди завиднелся главный въезд, сверкает обелиск высотой в пятьдесят шагов, и за ним, вдалеке — стаамс, главное здание любого дисциплирия. Но повозка свернула налево, на небольшую аллею, которая вела к другому, будничному въезду, ведь главный должен содержаться в чистоте и нетронутости, как и дорога к нему.

Страж-привратник поднимает руку в приветствии, улыбается; извозчий лениво отвечает и перекинулся с ним парой слов:

— Как оно?

— Хорошо.

Проехав шагов тридцать, повозка остановилась.

— Прибыли, сиятельные, — вздохнул извозчий и, прикрывшись ладонью, посмотрел на оседающее солнце.

Поблагодарив его, все Ашай вышли.

Сейчас, в предзакатное время, вокруг почти никого не видать.

Что ж, Миланэ в первую очередь надо в стаамс — отчитаться о проделанном задании. Ваалу-Шаалина со своими сталлами пожелала Миланэ красивой ночи; свершив жест недолгого прощания, они ушли направо, в сторону огромного жилого квартала, Сиднамая, где живут многие Ашай Сидны и которого сейчас не видно из-за садов.

Миланэ первым делом пошла к обелиску; от него же будет путь по широкой аллее прямо в стаамс.

Возле обелиска, из чистой бронзы, вылита статуя основательницы дисциплинария, Ваалу-Ханэмариште, которая в преклонении держит большую чашу — символ целиительства; по очень старой традиции, после путешествия и отлучения всякая воспитанница Сидны должна подойти к статуе и дотронуться к чаше. Тысячи тысяч пальцев дотрагивались к ней, потому она была вычищена ими до идеального блеска.

Бросила скатку на траву, возле гранитных плит круглой площади обелиска. Здравствуй, Ваалу-Ханэмариште, красивого тебе вечера, это я, Сидны дисциплинария Ваалу-Миланэ-Белсарра. Левая рука дотрагивается к чаше, небольшой книксен с поклоном, правая отходит в сторону в жесте благодарности. Хвост чуть выше, кончик вверх.

«Надо бы пойти и вещи оставить в комнате», — подумала Миланэ. Ещё подумав немножко, решила оставить всё своё добро у стражей стаамса, на входе, нужно лишь старые комментарии не забыть, их нужно сейчас сдать как молчаливое свидетельство исполненного обязательства, проделанной работы. Ведь Миланэ всегда исполняет то, что приказали наставницы...

...я исполнительна, да, я верна, всегда делаю дела верно и до конца — цените меня, наставницы, цени меня, Сидна, оцените меня, Сунги! Ваал мой, я совсем, вконец устала от дороги. Сейчас приду, и ничего не заботит: просто кровать, и просто сон, даже есть не особо хочется...

«С чистым намерением ты войдёшь», — так начертано на фасаде стаамса, сравнительно невысокого, архитектуры строгой, даже простой, лишь стрельчатые арки внутри и огромная каменная балюстрада выбиваются из общей канвы строгости, да высокий-высокий шпиль, который исходил из центра внутреннего двора стаамса, с которого можно увидеть чуть ли не весь Северный Ашнари, всю провинцию, а Сарман так и подавно видно. Миланэ у входа в стаамс поприветствовала двух наставниц, потом одну, потом ещё трёх, потом тут же встретила подруг, но молвила, что спешит и должна идти, да, да, красивого вечера, тихой ночи, зашла вовнутрь через большие двери с резьбой, поприветствовала входных стражей, зашла в них, оставила вещи, только вынув старые комментарии и бесцельно пролистав их. Немножко подумав, она покопошилась в сумке и упрятала кошель с деньгами патрона поглубже. Ещё немножко подумав, открыла её и достала письмо патрона, чтобы сразу отдать помощницам амарах. Вытаскивая письмо, уронила амулет, подаренный Хайдарром. Поставила обратно, немного присмотревшись к нему.

Станный, вообще-то. Надо будет показать кому.

— Когда слышащая Ваала возвратится, смею спросить? — спрашивает страж, подергивая усы.

— Около пол часа, сир.

Затем Миланэ всячески повертелась перед небольшим зеркалом в комнате стражей, чтобы осмотреться и привести себя в порядок; ей страшно не нравилось, что она вся в дорожной пыли и вообще вид у неё так себе, дорожный, будничней, то бишь никакой. Захотела чуть подвести тентушью глаза, потом передумала и вышла прочь из комнаты стражей, прижимая к груди старые комментарии и письмо патрона.

Главный зал, посередине — большая чаша с огнём Ваала, который, по идее, никогда не должен гаснуть, но уж на веку Миланэ он тух от недосмотра то ли два, то ли три раза; она всегда мечтала, чтобы в один прекрасный день он угас, и никто не мог его зажечь, но вдруг приходит она и совершает это, ведь у неё прекрасная, сильная игнимара — то, что надо. Сверху, над головой — большой раздвижной купол, чудо здешней инженерной мысли. Когда дождь или непогода, то зрители прикрывают его, когда погода хороша — он открыт. По краям — коридоры в два этажа, ведущие в самые разные помещения стаамса, отделенные от основного зала колоннадой. Все стены этих коридоров — в фресках, большинство из которых созданы самими сёстрами; некоторым от силы десятков лет, некоторым больше четырехсот. Чудовищный разноразный в стилях, временах и темах фресок никого не заботит; точнее, все делают вид, что не заботит — традиция.

За чашей, на небольшом постаменте находится высокий шест. Некогда, очень-очень давно, ещё до всяких времён Империи, все Ашаи ходили с длинными шестами, в рост львицы, которые служили и символом, и оружием, и орудием переноски, и в чем только не пригождались. Обычно его носили за спиной и украшали множеством способов. При созыве любого Круга, будь то Круг Трёх, Семи или Девяти, шест втыкался в землю, и вокруг него собирались сёстры, чтобы обсудить вопрос, по которому был созван Круг. Но теперь древняя, полуварварская традиция откинута и позабыта.

Ей в самый конец, потом нужно пройти через внутренний двор, всегда прямо-прямо-прямо. Там, в конце, находится *Админа* — внутренне управление дисциплинария.

Если бы Ваалу-Миланэ дали задание доставить в библиотеку Марны обычную, незапрещённую, хоть даже и самую дорогую книгу, то это не требовало бы никакого отчёта. Никаких формальностей, никакого бумагомарания. Но даже такая, казалось бы, мелочь, как возложение новых комментариев к верборческой книге (первой группы!), требует отчёта в Админе. А они уже сами доложат, куда надо: и библиотеке Сидны сообщат, и наставнице, которая отправила с заданием, и даже, наверное, в Надзор отправят какую-то бумажку.

Она ступает мимо фонтана центрального двора.

— Милани, Милани!

Наострив уши, Миланэ смотрит влево.

— Наконец-то! С возвращением.

Длинные тесьмы пласиса развеваются от ветра движения, быстрые, но в то же время полные достоинства шаги к Миланэ.

— Спасибо, Айни, — и объятия сомкнулись.

Это — одна из лучших подруг Миланэ, Ваалу-Айнэсваала, надменная и гордая дочь Сунгкомнаасы, из богатого рода самой хорошей крови. Надменность, аристократизм настолько естественно и прирожденно обитали в ней, что это не вызывало никакого отторжения. Её всегда холодный взгляд на самом деле теплее многих жарких заверений в вечной дружбе и верности; никогда Айни не позволит себе низкой

грубости, подлости, пошлости.

— Как поездка? — улыбается она, осматривая подругу.

— Хорошо, Аини, — кивнула Миланэ, прикрыв глаза. — Всегда бы так.

— Мы с Арасси сегодня хотели пойти в Сарман, — намекнула подруга.

— Аини, посмею предложить: приходи лучше к нам. Ко мне и Арасси.

Вдруг ей страшно захотелось увидеть подругу-Арасси. Она всегда любила её какой-то странной, тоскующей любовью; она не походила ни на дружескую, ни на интимную, даже слова «родство душ» имели тут немного смысла.

— К вам в дом? — казалось, Айнэсваала удивлена.

— Конечно, — Миланэ с подругой вошла под колоннаду внутреннего двора. — Если увидишь Шасну, то обязательно передай. Просто приходи, просто побеседуем. Мы так давно не собирались на наши посиделки.

— Согласна, — заулыбалась Аини, но поверхностно; улыбка вдруг пропала с её красивого лица, и она добавила с меланхолией, глядя в сторону-вниз: — Я согласна...

— Что такое? — ощутила её Миланэ.

Та вдруг беззащитно обняла себя и совершила почти что немислимое: прильнула спиной к гладко-круглой, белой колонне.

— Волнуюсь.

И тут же обрела над собою власть и отпрянула от своей опоры, а ладони свершили жест открытости: левая держит правую за запястье у солнечного сплетения, правая — ладонью к небу.

— Сколько осталось? — спросила Миланэ, хотя прекрасно знала сколько.

— Десять дней... Знаешь, что самое ужасное? В эту неделю не дают никаких заданий, никаких служений. Ничего делать не надо. Раньше я думала, что это хорошо. А теперь поняла, как это трудно — сидеть без дела в ожидании...

— Не печалься. Я с тобой. Мы и об этом поговорим.

— Милани, я передам Шасне. Около восьми, хорошо?

— Хорошо.

— А пока: красивого дня.

— Уж вечер.

— Пока бьёт свет, то есть надежда, — уходила Ваалу-Айнэсваала

Миланэ вошла вовнутрь ещё одного зала, поприветствовала ещё нескольких знакомых сестёр. Пошла прямо, к широкому коридору, поплыла мимо его стен с узорами. Стены всех коридоров в Сидне имеют на стенках широкую полосу с узором, причём каждый коридор несёт свою, отличную от остальных; каждый из этих узоров принадлежит определённой провинции, например, андарианские узоры шли по длинному коридору на втором этаже, в левом крыле, который вёл в большой зал с замысловатым названием «Зал прекрасного действия»; в нём (да и не только в нём) ученицы до нитя в лапах и руках повторяют жесты, упражняются в позах (как нужно возлегать, сидеть, стоять, преклоняться — предусмотрены почти все случаи жизни) и оттачивают искусство танца. В другом крыле есть «Зал прекрасного покоя», поменьше размером, в котором (и не только в нём) учат одеваться, прихорашиваться, приводить себя в порядок, научают манерам. Миланэ всегда удивлялась такому разделению; ей, как и многим, казалось, что значительно разумнее упражняться в позах в Зале прекрасного покоя, и вообще, такое разделение казалось надуманным.

Она толкнула дверь и вошла в приёмную Админы. Её встретила огромная люстра

на потолке, широкая стойка и запах бумаги.

— Доброго вечера, слышащая Ваала, — первой, согласно правилам, поприветствовала её престарелая служащая.

— Этот вечер прекрасен, — облокотилась о стойку Миланэ, положив перед собою комментарии. — Пожалуйста, пусть львица примет: Ваалу-Миланэ-Белсарра, восемьсот третий год, прибыла из Марны, исполнив поручение, отданное наставницей Ваалу-Хильзари.

В восемьсот третьем году прошла её Церемония Совершеннолетия.

— Сейчас, одно мгновение...

Служащая начала ворошить бумаги, а Миланэ осмотрелась. В приёмной, кроме неё и ещё двух служащих сидела львица-Ашай совершенно тёмного, почти коричневого окраса, крупного сложения; по виду, очевидно, свободная наставница; с нею была и маленькая, лет десять-двенадцать, ученица-найси. Они вместе о чём-то грустили, сидя на низеньком диванчике перед маленьким столиком.

«Приехали после Круга Трёх на приём. И неудачно, наверное», — подумалось Миланэ.

— Размещение новых комментариев... в библиотеке Марны... к вероборческим книгам. Верно? — отвлекла служащая.

— Да, верно.

— Хорошо. Наша библиотека уже закрыта, поэтому я их опечатаю и передам завтра. Также мы уведомим Ваалу-Хильзари, — привычной скороговоркой тараторила львица, протягивая на подпись книгу-реестр и заодно протягивая бумажку, чтобы Миланэ застамповала её для опечатывания комментариев.

— Миланэ!

Надо же, вот неожиданность: это она, это — наставница Хильзари!

Сама Хильзари всегда воплощала собою живой, собирательный, классический образ Ашай-наставницы. Роста не высокого, не низкого, сложения не крупного, но и не хрупкого, почти всегда в пласисе тёмных оттенков с длинным шлейфом, свисающим спереди-справа, с пояса (негласный признак наставниц); возраст её совершенно стёрт, и ей одинаково можно определить как тридцать, так и пятьдесят лет. Всегда немного торопливая, зачастую нетерпеливая, иногда — с толикой жёсткости, даже жестокости, но в то же время всё понимающая, всё чувствующая и предчувствующая, в меру строгая, в меру мягкая, поощряющая почти всё, кроме излишеств, твёрдой веры и добропорядочного отношения к своим обязанностям. Глаза карие, небольшие, нос остренький, окрас — самый обычный — светлое золото.

— Восславим Ваала, видящая свет Ваалу-Хильзари.

— Да восславим, слышащая. Милани, я успела по тебе соскучиться, — обняла ученицу Хильзари. — Как только узнала, что ты прибыла, так сразу сюда. Всё сделала?

— Сделала, моя наставница. Вот как раз отдаю старые комментарии.

— Ладненько, сдавай побыстрее, и пойдём, есть дела.

— Ваалу-Миланэ пусть не забудет о штампе, — напомнила о себе служащая Админы.

— Да, да. Конечно, — спохватилась Миланэ. — Вот, прошу.

— Спасибо, всего прекрасного.

— И львице.

— Всё? Закончили? — поинтересовалась наставница.

— Да-да, всё, — кивнула служащая, отвлекшись на другую работу.

— Пошли, Миланэ.

«Хммм, куда это мы?..», — подумала Миланэ, когда они направились не к выходу из приёмной, а налево, где находилось представительно Палаты, а вместе с нею — Имперского Надзора Веры.

Вдруг её сердце сжали тиски мгновенного страха.

Промелькнула совершенно невозможная мысль: «Знают!». И тут же утихла. Совершенно невозможно, чтобы наставница, которую она знала столько лет, взяла да и отправила её в Надзор.

За дверью был ещё один зал, полный небольших колонн. Впереди их ждала широкая лестница, которая вела к амарах дисциплинария.

Хильзари взглянула на свою ученицу.

— Что с тобой?

Пришлось вскользь соврать:

— Приятие... Иногда меня охватывает волнение.

— Эти страхи, эти страхи. Хоть кто-нибудь может не воображать из Приятия пытку? — вздохнула Хильзари, на ходу кивнув другой сестрине, что шла навстречу.

— Ваалу-Хильзари спокойно себя вела перед своим Приятием?

— Нет. Но это не значит, что никто на это не способен, — развевался шлейф наставницы от быстро-уверенной походки.

— А что у нас за дела? Куда идём?

— Тебя после приезда хотела видеть амарах, лично.

Признаться, неожиданно.

— Какая честь... Но зачем, наставница знает?

Ваалу-Хильзари пошла намного медленнее, а потом и вовсе приостановилась:

— Видимо, настал час узнать, — сказала она со вздохом, склонив голову набок, — что тебя ждёт после Приятия.

Она не хотела отпускать Миланэ. Ей вообще всегда было трудно отпускать в мир учениц, к которым привязалась. Дочь Андарики оказалась одной из таких; и сейчас наставница желала сказать много хороших слов, прежде чем отпустит её на этот разговор. Она понятия не имела, что именно амарах хочет сообщить, но была уверена, что пришёл час личной беседы амарах с ученицей перед Приятием — через него проходит каждая дисциплина; обычно на нём, в общих чертах, дисциплина и узнаёт, куда уедет отдавать долг служения на ближайшие несколько лет.

По многолетнему опыту Хильзари знала, что чем раньше вызывают на эту беседу, тем хуже и труднее будет назначение. Прекрасно зная, что у Миланэ отличный дар игнимары, помня о её хорошем знании похоронных и траурных ритуалов, и опыте на Востоке, Хильзари небезосновательно боялась того, что её снова отправят на Восток, в Первый или Второй Восточный Доминат, в какой-нибудь из штабов Легаты, чтобы служить воинам, и — самое главное — сжигать их огнём Ваала, когда они падут; и уже не как ученицу, а как полноценную сестру, а это — надолго... Незавидная судьба: там, в конечном итоге, только неизбывная тоска, тоска, тоска, смерть, истеричные интриги, и снова тоска... И Ваалу-Хильзари знала полно Ашаи-Китрах, которые после служения на Востоке изменялись до неузнаваемости. Поэтому в голосе наставницы тускнела печаль, и она без особой радости вела ученицу к Ваалу-Леенайни. «Кому-то это надо делать», — бессмысленно утешалась Хильзари. — «Кому-то надо».

Но Миланэ не обратила никакого внимания на все эти оттенки чувства. Застыв на месте, она с испуганным видом уставилась на Хильзари.

— Письмо! — приложила руку к щеке, аж зазвенел серебряный браслет.

— Какое письмо?

— Ваал мой, я забыла письмо патрона в комментариях! — и не спрашивая, без спросу прощения, быстрее шагом заторопилась обратно.

— Какое письмо? Какого патрона? — спрашивала Хильзари, чуть ли не бегом догоняя Миланэ.

— Письмо для амарах, я хотела его передать!

— Чьё письмо?

— Патрона! — вспыхнула дисциплина, вбежав обратно в приёмную Админы.

Она утратилась, что оно нечаянно потеряется, сгубится, уничтожится; что любопытная служащая нечаянно его вскроет (и тогда оно уже непригодно для амарах!); терзала себя за то, что вообще посмела его забыть.

— Чьего патрона, Миланэ, о чём ты говоришь? — наставница прильнула к стойке, как и ученица.

— Моего патрона, — быстро ответила Миланэ и тут же обратилась ко львице-служащей: — Прошу, прошу, пусть львица посмотрит... Я там забыла в комментариях одно письмо, мне нужно его забрать, оно там среди страниц, где-то в конце.

Со спокойной уверенностью та сразу нашла комментарии и, не задавая лишних вопросов, распечатала их.

— Амम्म... — начала она быстро перелистывать тонкие страницы. — Сейчас. Ах да, есть. Прошу, — протянула.

То самое светло-блаженное облегчение, даже хочется смеяться.

— Моя глубочайшая благодарность. Пусть простится беспокойство, — с приторной вежливостью молвила Миланэ и медленно пошла, чтоб присесть где-нибудь.

— Ничего, ничего, со всеми случается, — успокоила служащая и без особых эмоций вернулась обратно к делам.

Лишь представив, как могло всё обернуться, потеряй она письмо патрона навсегда, то мелкая дрожь прошла вдоль спины. Присев возле неизвестной наставницы и маленькой ученицы-найси, которые всё ещё сидели здесь, Миланэ несколько раз повернула письмо в руке, бессмысленно осматривая личную печать её патрона. Хильзари присела рядом. Вопросов она не задавала, но ответов явно ожидала.

— В Марне... мне предложил патронат сенатор Тансарр из рода Сайстиллари, — сказала наконец Миланэ, понимая, что длинное молчание будет глупым и невежливым жестом: потакать себе в эмоциях можно лишь до определённой черты.

Наставница засуетилась, навострив уши:

— О небо, неужели? — и даже схватила ученицу за локоть.

— Вот... — как молчаливое свидетельство, протянула письмо Миланэ.

Не взяв его, Хильзари обрадовалась:

— Ваал мой, Миланэ! Как я рада за тебя! Вот и хорошо, вот прекрасно.

Чувствовалось, что она действительно рада.

— Моя наставница, судьба сделала мне необычный дар. Как я с ним встретила — это долгая история, во многом необычная...

— Это ты потом расскажешь, успеется, — собралась с какими-то мыслями Хильзари и стала торопиться ещё пуще прежнего. Но теперь её торопливость избавилась от волнения: понимая, что хорошая ученица неожиданно заимела патрона в Марне,

она обрадовалась тому, что той не придётся несколько молодых лет влачить трудное, полное вызовов для прочности духа служение, сопряжённое со смертью и риском гибели. Новость настолько облегчила душу, что она даже не особо успела заинтересоваться, как и почему так случилось, ведь учениц весьма-весьма редко берут под крыло патроната.

Она встала, всем своим видом показывая: «Пошли к амарах!».

Тем временем Миланэ, на радостях, решила поделиться добрым настроением с маленькой найси, которая совершенно пригорюнилась, прижав уши. Её наставница (по одежде, виду и манерам — юнианка) не совершала попыток утешить ученицу: то ли она глубоко думала о своём, то ли считала это лишним, то ли бросила пытаться. Было неизвестно, кого и зачем они здесь ждали, если ждали вообще.

— Всё будет хорошо, — молвила Миланэ.

Маленькая Ашаи, чуть больше десятка лет от роду, но уже с непростым взглядом, ответила с укором, даже вызовом:

— Легко говорить.

— Намарси, извинись, — негромко сказала ей наставница, не переменяв позы, не бросив взгляда.

— Не стоит... Не стоит. Слова ничего не стоят, наравду. Лишь поступки, — сказала Миланэ, вставая.

— Пусть слышащая Ваала меня простит, — ученица-найси тут же исполнила указание своей наставницы, неумело совершив жест извинения, причём сделав его сидя, а для него полагается встать.

Хильзари не вмешивалась, ибо ей было некогда — она пошла на мгновение перекинуться парой слов со служащими Админы.

— Я не злюсь на тебя, — бесхитростно сказала дочь Андари.

— Меня не хотят принять к вам в Сидну, — вдруг подняла взгляд найси, и они встретились душами с Миланэ.

— Не печалься, ты ведь останешься львицей-Ашаи.

— «Плохие способности к игнимаре» — вот как сказали, — заметила наставница, при этом весьма вульгарно почесав шею.

— Со временем они могут выявиться, не отчаивайся, — терпеливо молвила Миланэ для найси. — Опускать хвост — самое простое.

— Зачем нужны эти глупые фокусы с огнём? — без вопрошания возгласила найси. — И кому?

Миланэ никогда не слыхала, чтобы кто-то из Ашаи, будь-то дитя или старая львица, так относился к игнимаре. Почти все воспринимали её, как удивительнейшую вещь, как великий дар. И тут — на тебе.

— Как же... Огонь Ваала нужен... — растерялась Миланэ, быстро перекидывая взгляд то на неё, то на наставницу.

— Нужен, конечно: чтобы Совершеннолетие пройти, и Приятие тоже, — смело сказала найси, даже не дрогнув, то ли по детской глупости, то ли по несмышленной отваге.

— Неудивительно, что с таким отношением ты не прошла Круг Трёх, — укорительно отметила Ваалу-Миланэ, покачав головой с печалью и укором.

Круг Трёх Сестёр в данном случае обозначал трёх наставниц дисциплинария, которые принимали решение о принятии либо непринятии ученицы-найси на обучение в дисциплинарий. И совершенно ясно, рассудила Миланэ, что с таким, можно сказать,

«подходом» к игнимаре — одному из главных даров Ашаи-Китрах — нечего даже и приходить в дисциплирий.

— Метрика найси, можно забрать, пожалуйста! — отозвались служащие Админы. Наставница встала, как и ученица.

— Прошу нас извинить, — бросила наставница и обратилась к воспитаннице: — Пойдём.

Найси, самостоятельная, ушла брать свои бумаги, а Миланэ остановила юнианку:

— Пусть видящая Ваала погодит. Можно кое-что спросить?

— Слышащая Ваала да пусть спрашивает, — с тонко скрытой иронией молвила Ашаи-юнианка; тем не менее, это ничуть не ускользнуло от внимательного чувства Миланэ.

— Ясно, что она не смогла войти в дисциплирий с таким отношением к игнимаре. И у неё не так много шансов на Совершеннолетия, если ничего не переменится. Почему видящая Ваала не объяснит ей это?

«Если ей не нравится игнимара, так пусть хоть соврёт. Судьба ведь на кону, судьба!», — не понимала Миланэ.

— Прошу меня извинить, — равнодушно сказала та.

Но сделав шаг, она остановилась; вполоборота, глядя через плечо и вниз, наставница тихо молвила:

— Она ещё не умеет себе врать. В отличие от нас. Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, львица сильной игнимары.

«Какая хорошая эмпатия», — только и подумала дочь Андари. Не всякая Ашаи может вот так, сходу, определить дар к огню Ваала.

Тем временем возвратилась маленькая Ашаи-Китрах; она и Миланэ встретились взглядами, и что-то такое вечно-предвечное проскочило между ними; поразительно, но почувствовали они это одновременно, несмотря на огромную разницу в возраст-опыте. Миланэ держала своё столь ценное письмо, маленькая Намарси обняла у груди свою бесценную метрику, свидетельство рождения.

— Будь охотна, маленькая ученица, — Миланэ показалось, что негромкие слова произнесла совсем не она, а некто *через неё*.

— Пойдём же, Миланэ, — помахала рукой Хильзари. — А то не успеем.

* *

А за два часа до прибытия Миланэ её личное дело вместе с ещё тремя попало в руки амарах Сидны, Ваалу-Леенайни.

Она сидела в глубоком плетеном кресле, находясь в лоджии своих покоев во стаамсе; она любила читать и писать при свете, на открытом воздухе; предзакатные лучи солнца освещали стаамс, огромные земли Сидны, и ласкали её шёрстку.

Характера деятельного, живого. Роста маленького, окраса светло-светло-коричневого, обожает умащения-масла, вообще всякие хорошие запахи, не покажется перед другими без подведённых тентушью глаз и небольших чёрных полос на скулах (поклонница окраски). Возражений не терпит. Амарах стала шесть лет назад, крайне неожиданно для себя и для многих. Конечно, за это время успела наделать ошибок, обрела врагов и друзей, но главное — в полную силу решила претворить в жизнь некоторые идеи, благо, статус амарах позволяет очень многое; да что там говорить — почти всё мыслимое.

Хвост её безвольно отмокал в небольшом тазу со всякими травами — Леенайни посчитала, что шерсть там утратила лоск и блеск.

Сейчас ей надо принять важное решение, а когда Леенайни принимает важные решения, то неизменно пьёт очень крепкий зелёный чай безо всяких добавок. Страшная экзотика, этот зелёный чай, везут из каких-то совершенно диких мест через Кафну, а потому он ужасно дорог; но для амарах Сидны деньги и связанный с ними бред — тщетный вопрос.

Горячий чай в огромной чашке возле личных дел четырёх учениц-дисциплиар.

«И кого мне выбрать?», — подумала она, беспорядочно выставив все четыре дела перед собою.

Ваалу-Шасна, Ваалу-Амариссани, Ваалу-Миланэ-Белсарра, Ваалу-Хойна — четыре дисциплиары, у которых на протяжении трёх последующих лун должно свершиться Приятие.

На самом деле, четвёртое дело принесли зря, зря-зря. Она внутренне для себя уже решила, кто явно не подходит, и запросила дело Хойны чисто по инерции и из любви к парным числам. Во-первых, как раз Ашаи с её навыками позарез нужна в одной из больниц в далекой Кафне; во-вторых, Хойна ей просто не нравится — приторно-вежливая такая, без той особой внутренней гордости, с тихим, но неизменным огоньком поиска выгоды и полезного, хотя услужливая, предупредительная. Такие хороши, когда всё хорошо; когда станет плохо, нужны другие.

Не то что бы должно стать плохо, подумала амарах, но в жизни всяко бывает.

«Тебе, Ваалу-Хойна, милая, придётся уплыть через синее море, дальнейшее море. И не сетуй на судьбу, лучше скажи себе: «Мир повидаю!». Завели теперь привычку: чуть что, так жаловаться на место служения после дисциплиария. А мы-то в своё время — ни-ни, мы прочнее были...», — вспомнила Леенайни не такую уж далёкую молодость, закрыв глаза и отпив горячего чая в тёплую погоду.

И, наконец, в отличие от остальных трёх, проступок Хойны был самым безделушным и пустяковым.

Остаются Амариссани, Шасна и Миланэ.

Махом отбросив дело Хойны подальше, на край стола, Леенайни, почёсывая подбородок всей ладонью, открыла остальные три дела. У каждого — кожаный переплёт (на года!), каждое — довольно толстое само по себе, но не из-за бумаги (у каждого от силы страниц десять), а из-за наличия светотипа — большой, в размер страницы стеклянной пластины, прозрачной с лицевой стороны, и полностью чёрной — с тыла. На каждой из них, с точностью и достоверностью, запечатлены ученицы после Приятия, то есть в юных семнадцать лет.

Изготовление светотипов — чрезвычайно дорогое и сложное удовольствие. Некогда подобные портреты создавались по старинке, художниками-портретистами, которые с помощью некоторых ухищрений-присоблений добивались практически идеального сходства. Но художники — капризные души: то у них сегодня не ладится, то медленно работают, то вообще отказываются писать в самый нужный момент; кроме того, их всегда не хватало, ведь за одно Совершеннолетие в дисциплиарий может придти сотня учениц, а то и больше. А ещё, по всеобщему однозначному мнению опытных Ашаи, по светотипу намного легче уловить общие черты характера и души, «увидеть», как говорят Ашаи-Китрах; это свойство светотипа было открыто почти случайно, через нескольких лет после его изобретения умнейшим учёным-оптиком Марнского университета, а это случилось сравнительно недавно, лет трид-

цать назад. Связывали это с тем, что художник невольно трактовал любой портрет через дымчатое стекло своей души, а стеклянная пластина с серебром — прозрачно-бесстрастна. Поэтому дисциплирии Айнангард и Сидна давно уже перешли на светотипию при составлении личного дела на ученицу, которая успешно прошла трудную Церемонию Совершеннолетия и стала дисциплирой, и только Криммау-Аммау, где сидят непоколебимые хранительницы традиций, всё ещё составляет портреты учениц с помощью художников; что там, что там дисциплирам нужно долго и упорно сидеть на стуле, потому для них разницы нет; но никакой мастер-художник не достигнет той достоверности, которую дарит светотип.

Открыв каждое дело на первой странице, где находился портрет, Ваалу-Леенайни сложила перед собою руки на столе и начала всматриваться в каждую из них; подул свежий ветер, но она не обратила внимания.

«Пожалуй, сначала Шасну просмотрим».

Леенайни как-то привыкла думать о себе в третьем лице, и даже в разговорах вместо «Я пойду», «Я подумаю» говорила «Мы пойдём», «Мы подумаем».

Ваалу-Шасна. Даже тогда, в те юные семнадцать лет, у неё уже целеустремленный, строгий взгляд, строгое сердце — не увёшься. Грубые, словно высеченные из камня черты, крупное, но ладное сложение. Леенайни неплохо знает Шасну, однажды прибегала к её помощи и несколько раз говорила по душам. Что ни говори, из неё — очень хорошая Ашаи-Китрах, нужная, такие нужны Сунгам; можно сказать — внушительная, да-да, именно так, внушительная. Внушает. Взгляд у неё такой... какое бы слово... меткий. Цепкий. Взяла за душу — держит тебя, не отпускает.

Ваалу-Шасна из рода Свельрра, рождённая 786 года Э. И., городок Тавальсиан, провинция Йонурру. Родное место на момент Совершеннолетия — город Мантри, провинция Йонурру. Оглашённая прайдовая принадлежность — норрамарси. Наставница — с. с. Ваалу-Вельза, Мантри, Андария. Происхождение: простое, сословие малоимущих горожан. Примечание: с девятилетнего возраста воспитывалась наставницей (отец пропал без вести, мать умерла по болезни). Отец — истинный Сунг, Йонурру. Дед по отцу, нишани по отцу — неизвестно. Мать, дед по матери, нишани по матери — принятые Сунги, Норрамарк. Вывод по родословной: принятая Сунга. Денежное достоинство рода: нижнее. Примечание: на содержании наставницы и государства.

Наследственных болезней — нет, увечий и уродств, несовместимых с достоинством Ашаи-Китрах — нет. Примечание: иногда мучают сильные головные боли неясного происхождения. Отношение к сестринству Ашаи-Китрах и вере Сунгов — достойное, исключительно уверенное. Прохождение испытания правдовидицей перед Церемонией Совершеннолетия — успешное. В низменных и недостойных поступках не уличена.

Место прохождения Церемонии Совершеннолетия — Сидна. Прохождение Церемонии Совершеннолетия — успешное. Мнения Круга Семи на Церемонии Совершеннолетия: все семь — принимают. Таланты, выявленные на Церемонии Совершеннолетия:

большие способности к страйе, сильный взгляд, развитая способность к влиянию на души. Эскиз стампа (собственный) одобрен. 803 год Э. И.

Перевернув страницу, Леенайни перешла от скупых ведомостей, что были запечатлены после Церемонии Совершеннолетия, к более обстоятельным записям.

Дисциплина Ваалу-Шасна, из рода Свельрра. Приятие назначено на конец Времени Выхода 810 года Э. И. Склонности и таланты, проявленные во время обучения: очень сильные навыки страйи и влияния на души, сильный взгляд, явная склонность к правдивости (примечание на полях: видит далеко не всё и не всегда), отличное знание истории веры и сестринства, отличное знание законов Империи Сунгов, очень хорошая стрельба из большого лука. Овладение общими знаниями Ашаи-Китрах — почти полное, провал в фармации. В низменных и недостойных поступках не уличена, отношение к стампу — ответственное, в злоупотреблении веществами не уличена (примечание: питает отвращение ко всему, что влияет на сознание). Явление Ваала во снах — сбылось, подтверждено правдивостью. Инструменты: флейта, мансура. Мастерство игры — достаточное. Владение танцами — достаточное, владение жестами и позами — достаточное. Владение каллиграфией — достаточное, владение рисунком и росписью — достаточное. Важные и примечательные служения и поступки: трёхлунное служение в Отделе сыска и следствий Префектуры Сармана в качестве правдивой (808 год Э. И.); бесстрашное уничтожение варвара стрелой в руке при трёхлунном служении в крепости Имперской Легаты на Восточных Землях (сто льенов от границ Первого Восточного Домината);...

Леенайни прекрасно помнила об этой нагумевшей истории. Суть была простой: года два назад Ваалу-Шасну, как дисциплину сильного духа и очень простого происхождения, отправили на служение-обучение прямо на Восток, за границу Империи, в дикие, варварские земли, где уже много лет Имперская легата пытается держать в узде многочисленные племена, княжества, земли и землишки восточных варваров. Там всё полнится постоянным страхом, мелкими и крупными нападениями, бандитизмом, восстаниями, непонятными никому сражениями; то вроде там всё спокойно, то чуть ли не тотальная война. Империя Сунгов не спешит возглашать эти земли своими, она их просто контролирует, чтобы обезопасить территорию, пытается иметь с Востока пользу в меру сил и возможностей, водружая на множество тамошних тронов и трончиков свои креатуры, которые постоянно выходят из-под контроля и плетут бесконечные интриги.

По сути оказалось, что Шасне вместе с ещё одной сестрой пришлось служить воюющему легиону. К своим обязанностям Ваалу-Шасна приступила споро, с пугающей уверенностью; она почти весь день проводила в хлопотах, разъездах, заданиях и походах. В одном из таких небольших походов её группа, около двадцати воинов,

попала в засаду — самое обычное дело на Востоке. Лук Шасна заткнула за спину, поскольку он больше мешал, чем был полезен, а нападение оказалось крайне внезапным; варвары, прекрасно зная, что у Сунгов есть эти ужасно-непонятные Ашаи, видимо, яро пожелали захватить её живой; в итоге вся потасовка как-то сразу началась именно с её персоны. Но Ваалу-Шасна с самого начала умерила пыл нападающих, вытянув стрелу с колчана, который торчал из сумки, и этой стрелой проткнула первому нападающему живот, а потом и горло. Потом она, как ни в чём не бывало, взяла совну и отмахалась ею от нападавших.

Следом, на одной из страниц, этот случай по-военному сухо и кратко описывался комендантом крепости, но амарах знала о подробностях — их Шасна поведала сама, в присутствии множества учениц, нескольких наставниц и её, Леенайни. Кстати, рассказывать о нём Шасна не любила, что также было известно амарах.

Далее в заслугах и служениях Шасны оказалось множество всяко-разного: уличение во лжи преступников, спасение жизни одной из учениц, научение сталл основам искусства страйи и так далее. Пять-шесть листов были целиком и полностью заполнены положительными замечаниями и впечатлениями наставниц о силе её взгляда и влияния на душу.

Безусловно, это дар от Ваала.

«Она — хороший выбор», — подумала Леенайни. — «Неплохой».

Пролистав до конца дело Шасны, амарах отставила его и взяла дело Миланэ.

С первой страницы на неё глядела не совсем обычная дисциплира. Как правило, после Совершеннолетия они все чуть растерянно-радостные, со скрытым знаком триумфа на лице (только что пройдено труднейшее испытание!). Но Миланэ выглядела серьёзной, даже чуть чересчур. Типичные андарианские черты: лёгкая, почти незаметная тёмная полоска, которая начиналась от основания носа, ладные скругленные уши без острых углов, темноватый нос, тонкие черты рта. Ни дать ни взять — типичная андарианская маасси; её очень легко представить в этом узорчатом, длинном андарианском платье с неизменным тонким шлейфом, что крепится к правой стороне груди и ниспадает чуть ли не до самых лап, небольшом обруче. Тем не менее, её андарианские черты смешались с благородством сестринства; есть такой феномен красоты Ашаи: когда львёна становится ею, то сразу чуть меняется, чуть взрослеет; львица-подросток из сестринства, пройдя Церемонию Совершеннолетия, становится неуловимо изящнее и красивее — это факт, подтвержденный опытом множества поколений, а не досужие домыслы. Никто до конца не знал, в чём тут дело, потому все говорили, что это один из неявных даров Ваала.

Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи, рождённая 786 года Э. И., посёлок Стаймлау (округ Ходниана), провинция Андария. Родное место на момент Совершеннолетия — посёлок Стаймлау, провинция Андария. Оглашённая прайдовая принадлежность — андарианка. Наставница — с. с. Ваалу-Мрууна, Стаймлау, Андария. Происхождение: простое, сословие добрых земледельцев и скотоводов. Отец, дед по отцу, нишани по отцу — истинные Сунги, Андария. Мать, дед по матери — истинные Сунги, Андария. Нишани по матери — принятая Сунга, Хольц. Вывод по родословной: истинная Сунга. Денежное достоинство рода: средне-нижнее.

Наследственных болезней — нет, увечий и уродств, несовместимых с достоинством Ашаи-Китрах — нет. Отношение к сестринству Ашаи-Китрах и вере Сунгов — достойное. Прохождение испытания правдовидицей перед Церемонией Совершеннолетия — успешное. В низменных и недостойных поступках не уличена.

Место прохождения Церемонии Совершеннолетия — Сидна. Прохождение Церемонии Совершеннолетия — успешное. Мнения Круга Семи на Церемонии Совершеннолетия: шесть — принимают, одна — воздержалась. Таланты, выявленные на Церемонии Совершеннолетия: чистая игнимара. Эскиз штампа (собственный) одобрен. 803 год Э. И.

Амарах вздохнула, подошла к перилам лоджии и чуть посмотрела на мир, а потом вернулась обратно.

Дисциплина Ваалу-Миланэ-Белсарра, из рода Нарзаи. Приятие назначено на начало Поры Огня 810 года Э. И. Склонности и таланты, проявленные во время обучения: чистая, стойкая игнимара в две руки; стальса; траурный церемониал. Овладение общими знаниями Ашаи-Китрах — полное. В низменных и недостойных поступках не уличена, отношение к штампу — ответственное, в злоупотреблении вещами не уличена. Явление Ваала во снах — сбылось, подтверждено правдовидицей. Инструменты: кифара, арфа, цимлатин, мансура; мастерство игры — достаточное (примечание на полях: на мансуре — хорошее). Владение танцами — достаточное, владение жестами и позами — хорошее (примечание: родовой опыт в швейном деле, отличный вкус в одеждах). Владение каллиграфией — хорошее, владение рисунком и росписью — достаточное. Важные и примечательные служения и поступки: ведение церемонии сожжения супруги префекта префектуры Регулата Закона и Порядка Сармана; ведение церемонии сожжения трагически погибшего септимарра Имперской Легаты; излечение тяжёлого спинного недуга у купца высокого денежного достоинства (из Сунгкомнаасы); излечение от шейных болей многих Сунгов; четырёхлунное служение Легате на Восточных землях (Второй Восточный Доминат).

Сводное мнение наставниц о предполагаемых местах служения Сунгам: Имперская Легата (боевые части); больницы для добрых Сунгов хорошего денежного достоинства; сестра, отвечающая за траурные церемонии в больших городах.

Детей на данное время нет. Патрона на данное время нет. 809 год Э. И.

Было несколько примеров почерка (обычного и каллиграфического), оттиск штампа, несколько посредственных стихов (сочиненных в процессе обучения искус-

ству речи), два ещё более посредственных рисунка (грифелем и тушью), маленькое замечание от одной из правдовидиц Сидны: «Спокойные, твёрдые жизненные принципы, характерные для андарианок. Не имеет склонности к разглашению всяких тайн, предпочитает скрытность и утайку, неохотно идёт на искренность в некоторых темах, тактична в разговоре», и курьёзный, весьма смешной документ, который неизвестно зачем прикрепили к делу — объяснительная главы стражи центральных ворот о том, что он в служебное время ушёл в термы дисциплинария и был замечен там «на лечении» у Ваалу-Миланэ-Белсарры по её же настойчивой просьбе, поскольку это требовалось «для обучения стальсам, массажам и прочим терапиям», правописание сохранено. Леенайни раньше как-то не замечала его и с весёлой живостью перечитала несколько раз; потом до неё дошло, что эту одинокую бумажку кто-то из наставниц всунул не смеха ради, а для полной характеристики дисциплинария, мол, принципов она спокойных, строгого андарианского воспитания, но ничто из удовольствий ей не чуждо. Тут Леенайни вспомнила, как краем уха слышала о склонности Миланэ заманивать львов, преимущественно стражей, в термы дисциплинария под вроде бы серьёзным предлогом... Правда, Леенайни и не знала всей правды: Миланэ и в самом деле звала львов в термы именно ради обучения стальсе, потому как она должна была знать не только анатомию и энергетику самки (подруги-дисциплинары с величайшим удовольствием-то ходили к ней на сеансы), но и самца; конечно, при этом львы вздумывали себе всякое, но Миланэ мягко, но непреклонно отбивалась, и не захотела сопротивляться лишь раз. Так что мысли Леенайни о скрытной тяге к интимным развлечениям у Миланэ хоть и имели веские основания, но на самом деле не отвечали действительности. Все домыслы подруг и наставниц о скрытой тяге Миланэ к разврату (что само по себе спокойно воспринимается сестринством Ашаи) были именно домыслами; Миланэ знала о них, но не спешила что-либо отрицать, ибо это могло вызвать насмешки и даже обвинения в лицемерии.

Самое обычное, даже безликое личное дело. Неплохая дисциплинара, но явно ничего выдающегося. Да и по сути, её Леенайни знает хуже всех, лишь больше по рассказам тех, кому доверяет. Несколько бесед и пара совместных работ в экзана не в счёт.

Но дело Миланэ оказалось у неё на столе по нескольким причинам. Во-первых, остальные дисциплинары, у которых состоится Приятие в этом году, попросту не подходят по многим причинам: то влиятельный и богатый род, то ненадёжный, ветрено-смешливый характер, то особые умения, на которые уже ждут во множестве мест Империи, и так далее и тому подобное. Во-вторых, Леенайни втайне завидовала всякой Ашаи с отличной игнимарой, ведь у самой-то не ахти, и считала, что в её случае это будет очень полезным. В-третьих, почти полное отсутствие всяких проступков и вольностей во время обучения говорило об ответственности и страхе любым образом опорочить своё имя, а это на руку Леенайни.

Кроме того, с одной стороны, Миланэ ей чем-то симпатична, но с другой стороны — совершенно не нравится; первое чувство было вполне разумным, рациональным, плодом размышлений-сопоставлений, тщательного выбора из доступных вариантов. Второе возникало из созерцания её портрета на светотипе; острые, чуть асимметричные черты мордашки, цельная, внутренняя строгость во влажных глазах, даже узкий нос и подведенные чёрные полосы от глаз к шее (на Совершеннолетие принято раскрашиваться), странное, глубоко скованное, хищное бесстрашие (или же бесстрашная хищность), что тихо скользило по её юному, семнадцатилетнему облику

— всё это внушало то ли непонятные опасения, то ли даже плохо объяснимый испуг. Какие-то слишком противоречивые чувства.

Статус Ашаи — всё, что есть у Миланэ, и она ни за что не захочет утрачивать его; Миланэ сделает всё, чтобы сохраниться в сестринстве; её небогатый род не сможет вмешаться, поднять шум или защитить свою дочь, да и высоких покровителей у неё нет. Всё это говорило «за». Но казалось, Ваалу-Миланэ что-то таит в себе, неизвестное; с одной стороны, именно это и нужно Леенайни, с другой — настораживало и пугало.

— Не знаю, не знаю насчёт тебя, не знаю. Миланэ, да. Род Нарзаи, да. Андарианка. Не знаю, брать ли тебя в игру...

В таких случаях совершенно логичным было бы использовать какой-нибудь способ предсказания. Но Леенайни слаба в мантике, она знает, что предсказательница из неё никакая, потому не надеется на мантику и не слишком верит ей, считая, что каждая душа сама шьёт свою судьбу.

Осторожно отложив в нерешительности дело Миланэ, Леенайни значительно бойчее-веселее взяла дело удобной и хорошей во всех смыслах Ваалу-Амариссани.

Ваалу-Амариссани, рождённая 787 года Э. И., городок Верхний Мас, провинция Дэнэнаи. Родное место на момент Совершеннолетия — городок Верхний Мас, провинция Дэнэнаи. Оглашённая прайдовая принадлежность — не оглашена. Наставница — с. с. Ваалу-Нолиана, Верхний Мас, Дэнэнаи (примечание: известная старшая сестра, Ашаи высоких достоинств, одна из лучших воспитанниц Айнансгарда своего года, крупная мастерица фармации и каллиграфии). Происхождение: простое, сословие чиновников среднего ранга. Отец, дед по отцу — истинные Сунги, Дэнэнаи. Нишани по отцу — истинная Сунга, Северный Ашнари. Мать, дед по матери, нишани по матери — истинные Сунги, Дэнэнаи. Вывод по родословной: истинная Сунга. Денежное достоинство рода: среднее.

Наследственных болезней — нет, увечий и уродств, несовместимых с достоинством Ашаи-Китрах — нет. Отношение к сестринству Ашаи-Китрах и вере Сунгов — радостное, слегка экзальтированное. Прохождение испытания правдивидицей перед Церемонией Совершеннолетия — успешное (примечание: с некоторыми допущениями и оговорками, см. стр. 4). В низменных и недостойных поступках не уличена, имела несколько замечаний от наставниц, будучи сталлой в Сидне.

Место прохождения Церемонии Совершеннолетия — Сидна. Прохождение Церемонии Совершеннолетия — успешное. Мнения Круга Семи на Церемонии Совершеннолетия: шесть — принимают, одна — воздержалась. Таланты, выявленные на Церемонии Совершеннолетия: отличные задатки к искусству речи и жестам. Эскиз штампа (собственный) одобрен. 803 год Э. И...

Бегло пролистав остальные страницы, амарах начала теревить краешек одной из

них. Читала Леенайни чисто механически, не задумываясь. Она отлично знала Амариссани: живую, очень симпатичную, весёлую и крайне общительную молодую львицу; она покоряла обаянием и ненавязчивостью, а также умением много, складно и красиво говорить. Амариссани также писала проникновенные, светло-грустные стихи, вовсе не стесняясь выносить их на суд публики, и у неё даже появились поклонники в среде искусств. Взвешивая все «за» и «против», Ваалу-Леенайни понимала, что именно такая, полностью живая и здоровая духом Ашаи, может больше всего пригодиться.

Её умение быстро, легко знакомиться с кем угодно — бесценно.

Чай уж давно остыл. Ваалу-Леенайни поднялась; всё ещё не определившись с полно и окончательно, прошла по лоджии; холодная мраморная колонна равнодушно испытала прикосновение ладони; Леенайни отсюда наблюдала огромные владения Сидны в золотом свете: вот перед нею раскинулся Сиднамай — жилой квартал для всех учениц Сидны и почти всех сестёр. Занимал он землю воистину внушительную, и в нём были общежития с дортуарами для учениц-сталл, общие дома с отдельными комнатами для двух или трёх дисциплинар, небольшие отдельные домики (несчастные, они всегда предмет вечного раздора между дисциплинарами) для двух, трёх или четырёх дисциплинар, парадные аллеи, громоотводы, камышовые кровли на многих домах, в некоторых даже фасады со штукатуркой под мрамор, общие комнаты, столовые, кухни, комнаты и дома для светских служащих, обсидиановые статуи великих и неизвестных Ашаи-Китрах, деятелей Империи, алебастровые светильники, диваны для сидения, диваны для возлежания, подставки для лап и хвостов, кладовые, ледники, сушилки для одежды, сушилки для трав и корней, угольные, дровяные и винные погреба, клумбы и сады с тюльпанами, крокусами, гиацинтами, примулами, ландышами и строфантом, гамаки в садах, лаборатории, места тишины и уединения, переливчатые колокольчики на входных дверях и ещё всего не счесть.

Когда стала впервые попадает в Сиднамай, то обязательно теряется.

Вдруг в дверь постучали. Ваалу-Леенайни поняла, что больше наедине с собою побыть не сможет; потому, чтобы решиться, так себе втихую и сказала:

— Амариссани. Пусть будет Амариссани. Что тут ещё думать...

Пришла старшая сестра Ваалу-Амалла, наставница Сидны, давняя подруга и соратница в любом деле, большая мастерица жестов, поз и этикета. Чрезвычайно строгая с ученицами, подозрительно лёгкая в общении с себе равными; наставляла она искусно и хорошо, но казалось, Амалле до черноты надоели эти этикет и жесты, потому что в жизни она всегда, где только возможно, позволяла себе расслабиться и забыть о формальностях.

— Ты с чем ко мне, Амалли? — с равнодушием спросила Леенайни, отходя от дверей и не оборачиваясь.

Гордая сознанием того, что с амарах, как говорится, у неё тесно сплетены хвосты, Ваалу-Амалла важно вошла, мельтеша длинными шлейфами от рукавов пласиса.

— Или зашла просто так, повидаться? — переспросила амарах.

— С одним важным делом... Сейчас обсудим... Что это ты делаешь? — любопытствовала Амалла, направляясь прямо к лоджии — она любила виды из неё.

— Дела смотрю, — с чуть иным равнодушием ответила амарах.

— Чьи? — чуть прищурила глаза Амалла, разглядывая стол и то, что на нём покоилось.

— Дисциплинар, у которых скоро Приятие.

Поскучнев, Амалла присела там, где ранее сидела Леенайни, а её хвост обвил ножку стула.

— Аааа... Да-да. Раз, два, три, четыре... — загибала пальцы наставница, словно маленькая львёна, что учится считать.

— Три, — невольно поправила её Леенайни, но тут же одёрнулась.

— Нет, четыре, — взывая к справедливости и очевидному, указала пальцем Амалла, непонятливо глядя на влиятельнейшую подругу. — Смотри.

— Ах... Верно, — взмахнула рукой Леенайни, мол, этих дел и так невпроворот, тут забыть своё имя можно.

— Послушай, я к тебе по такому вопросу... — отдав почесть вежливой болтовне, перешла к делу Амалла.

Леенайни, зажигая свечи на столике и вполуха слушая её просьбы, решила окончательно: «Ваалу-Амариссани. Вот кого я возьму к Тайнодействующим. Да поможет мне Ваал».

* *

«С чистым намерением ты сможешь войти», — такие слова писаны на большой гранитной стелле возле дверей покоев амарах; с другой стороны, слева, находится статуя львицы, в полный рост. Она, насколько было известно Миланэ, никого не изображала, никто не знал имени скульптора и даже никто толком не ведал, сколько ей лет и кто её сюда поставил да зачем она тут стоит; она — чистый предмет искусства безо всякой подоплёки и истории за собою. Оттого эта львица, закрывшая глаза и сложившая ладони у щёки, казалась невыразимо прекрасной, как чистая идея вечного начала самки.

Хильзари и Миланэ вошли в большую приёмную. Прямо перед ними — широкий стол, где днём сидит помощница амарах, в роли которой очень часто выступает какая-либо ученица; множество растений в горшках и горшочках различных стилей и размеров, два огромных окна, высокие потолки.

— Надеюсь, амарах у себя.

— Она принимает до пяти, а сейчас почти семь, — осторожно заметила Миланэ, всё же надеясь, что Леенайни на месте.

Вместо ответа Хильзари громко постучала дверным кольцом в левую дверь, где находились комнаты служения амарах. В правой двери — личные покои амарах, но в них не принято стучаться без самой крайней необходимости.

— Да, похоже её нет, — Хильзари задумчиво почесала за ухом.

— Не страшно, моя наставница, всё сделаю завтра.

Вдруг входные двери в приёмную резко распахнулись и в комнату влетела сама Ваалу-Леенайни с ещё двумя сёстрами. Первую из них Миланэ отлично знала — это наставница Амалла, вторую сестру она видела впервые в жизни.

— Я, если честно, уже устала от этих просьб из Регулата, — нервно сказала Леенайни, не обратив и малейшего внимания на посетительниц. — Двадцать сестёр. Им, видите ли, надо двадцать сестёр! Немыслимо!

— Мда, ужасно, — согласилась Амалла.

— Не то слово, — вторила незнакомка.

Они резко встали в кружок у двери, все взвинченные и многозначительные; казалось, никто совершенно не заметил Хильзари и Миланэ, будто их не существует.

— Кстати, там ещё один художник атласов жаловался, что привратные стражи повели себя очень грубо. Пригрозился пожаловаться в Палату, — сообщила незнакомка с какой-то сухой истерикой и значением.

Одета она была в непомерно длинный, совершенно непрактичный пласис странного грязно-тёмно-зелёного цвета. Обычно пласис должен достигать пят, но не касаться поверхности; здесь его долы влачили по полу. Также у него была занижена талия. Миланэ этот пласис больше напомнил некое бальное платье, и единственным признаком одеяния Ашаи было то, что у него болтались (а не развевались) шлейфы для подвязки рукавов.

— Пусть в этом году передадут всем художникам, что если они будут бегать по дисциплинарию, как по парку флирта в Мистфальне, то мигом отсюда вылетят. Так... — наконец-то заметила посетительниц амарах. — Хильзари, сейчас...

— Да, моя амарах, мы подождём, — кивнула Хильзари и медленно присела на стул возле стола.

— Так, ладно...

Но две спутницы Леенайни уже поняли, что беседа не свяжется, потому решили распрощаться:

— Вижу, моя амарах, что есть ещё дела. Не будем задерживать. Доброй ночи.

— Ярких огней, — Ваалу-Леенайни воздала ввысь ладонь в традиционном прощании Ашаи.

Глаза Амаллы задержались на дисциплинаре.

— Миланэ? Давно не виделись, — вскинулась её бровь.

— Восславим Ваала, рада видеть наставницу Амаллу, — книксен от Миланэ.

— Осанка ровнее, — указала она пальцем. — И письмо двумя руками держи.

Миланэ тут же исправилась.

— Да, наставница.

— Амалла, да не будь такой строгой, Ваал мой, — Леенайни ключами открывала двери в личные покои.

— Не будешь строгой — вмиг всё забудут.

Двери в приёмную закрылись и вмиг воцарилась неестественная тишина, как бывает после шумного разговора.

— Восславим Ваала, моя безупречная амарах... — первой начала Миланэ, быстро бросая взгляды то на Леенайни, то на Хильзари.

— Восславим же. Простите, что не поприветствовала, совсем забегалась. Прошу, — амарах пригласила войти в свои покои.

Миланэ начала заходить, а Хильзари поднялась:

— Моя амарах, сообщалось, что львица желает видеть дисциплинару Ваалу-Миланэ-Белсарру после прибытия из Марны, — пугающе формально вымолвила наставница Хильзари, и Миланэ уверилась — пришёл час личной беседы с амарах.

— Миланэ, когда ты прибыла? — спросила Леенайни, как-то странно осматривая её с ушей до когтей лап.

«Впрочем, почему странно, что тут странного, выгляжу я хуже львицы из далекого посёлка. Спешись всюду, глупая, всюду спешись, а в итоге смотри что получается. Что тебе мешало пойти к себе да переодеться?..».

— Час назад, моя амарах.

— Славно. Решила не отдыхать с дороги, а сразу — ко мне?

Хвост Миланэ незаметно вздрогнул.

— Нельзя быть настолько усталой, чтобы не желать сразу увидеть свою амарах.

Хильзари не стала полностью входить в комнату, а неприкаянно приютилась у двери.

— Славно-славно. Славно. Что ж... — пошла по комнате амарах.

Ваалу-Леенайни, выложив какие-то вещи на комод, затушила свечи (в мире ещё светло), которые прислуга предупредительно зажгла уже сейчас, ожидая её более позднего прихода; на ходу сняла обруч с высоким венцом (традиционное отличие амарах) и совершенно небрежно бросила его на другой комод, подошла и встала прямо напротив Миланэ; бросила на миг взгляд на Хильзари, и они мгновенно поняли друг друга. Безусловно, разговор амарах с ученицей перед Приятием должен быть с глазу на глаз — так заведено. Таким образом подчеркивается важность Приятия и того, что за ним последует, а также отдается честь тем годам, сквозь которые успела пройти ученица.

— Вынуждена покинуть ваше тёплое общество, — поспешила сказать наставница Хильзари. — Меня ещё кое-кто ждёт.

— Понимаем, Ваалу-Хильзари, — без особого старания подыграла амарах. — Ярких огней.

— Нежного вечера.

Леенайни молча проводила наставницу к двери, закрыла её на ключ и устало-небрежно пошла в другую комнату, жестом поманив за собою Миланэ. Вообще, Миланэ нравилось, что Леенайни жила весьма скромно, по меркам амарах, конечно. Её комнаты никогда не наполнились сонмом предметов искусства, подушками в золотой парче и занавесками, которые стояли как добрый дом. Здесь, в гостевой комнате, всё было довольно просто: два широченных дивана для возлежания, четыре маленьких и длинный-длинный, низенький стол.

Наконец, дочь Андарики вошла в комнату. Амарах села на диван, посмотрела в окно, потом на напольные часы с одинокой стрелкой.

— Миланэ, на будущее: никогда так не делай, — разлеглась Леенайни. — Не приходи сразу, с пылу-жару, прямо с дороги, на любую встречу или в общество. Подготовься.

Миланэ стройно стояла напротив, стараясь держаться достойно и подобающе (её растормошило замечание наставницы Амаллы), но чувствуясь весьма неудобно.

«Ваал мой, ну почему, почему я не одела свой новый пласис? Вот так всегда, вот так всегда: не подумашь, не продумашь...».

— Моя амарах... Искренне прошу прощения за оплошность... — жест извинения.

— Да пойми правильно, это я тебе как советчица говорю, не в наставление. Ты скоро станешь сестрой, тебе надо отдать должное. Приляг, пожалуйста, не стой.

Последовав её приглашению, Миланэ разлеглась, опираясь на локоть. Письмо аккуратно положила на столик.

— Да и вообще, личную беседу перед Приятием не принято начинать с похвалы, а надо чем-то попечалить. Укорить. Такое всякое... — улыбнулась амарах. — Не я так придумала — так до меня выдуманно.

Выждав, Миланэ осторожно ответила:

— Я когда шла, то хотела привести себя в порядок. С другой стороны, наставница Ваалу-Хильзари сказала, что амарах ждёт меня. Я не знала, насколько всё срочно и посчитала, что это может быть связано с моим заданием в Марне.

На миг глаза Леенайни сузились.

— Да как личная беседа может касаться такого пустяка, как это задание?

«Ты гляди, знамо же говорят: жертва чувствует охотницу», — подумала Леенайни. — «Или наоборот: охотница — жертву».

— Пусть моя амарах простит...

— Вот и вторая оплошность, — указала пальцем Леенайни. — Не надо постоянно извиняться, это не совсем к лицу для Ашаи. На этом можно закончить всякие поучения, и перейдём к важному. Пожалуй, тебя больше всего интересует вопрос, где и зачем ты окажешься после Приятия. Не буду мучить и сразу начну с этого...

— Моя амарах, смею прервать львицу...

— Да-да, — Леенайни навострила уши.

Она ожидала слёзной, дрожащей просьбы о назначении в каком-то месте и неназначении в других; вообще-то, это случалось весьма нечасто, но несколько случаев на веку Леенайни уже было. Такие дисциплины, как правило, умоляли не давать им служение в Легате и на далёком Востоке вообще, просили не отсылать за пределы Империи, в какие-либо Протектораты; такие дисциплины всегда просились слёзно, с надрывом, взывали к тысяче причин и устраивали дурнейшее представление. От ожидания подобных низостей у Леенайни сжались пальцы правой ладони и чуть встрепенулся хвост.

«Так рано, прямо с самого начала, об этом ещё никто не смел заикаться», — со спокойным, выжидающим злом подумала амарах.

Но Миланэ совершила нечто иное: она встала и, взяв со столика письмо, протянула его.

— Это письмо моего патрона, — скромно объяснила Миланэ. — Он пожелал, чтобы безупречная амарах ознакомилась с ним.

— Патрона? — весьма да весьма удивилась Леенайни и, не мешкая, раскрыла его, сорвав огромную личную печать. Только после этого она догадалась осмотреть её; нахмурившись, развернула бумагу. Посмотрела на Миланэ и начала читать.

Патроны у дисциплин появляются редко; это, по сути, не запрещено, но то же самое, что покупать яблоко, которое ещё лишь цветок: неизвестно, созреет ли. Очень редко, но бывало, что хитрые ученицы шли на подлог и пытались прикрыться патроном (полностью фиктивным или почти настоящим), чтобы не ехать на место служения после Приятия, а уехать туда, куда хочется. Но таких почти всегда раскусывали, как мелкую кость, и амарах строго отклоняла просьбу такого «патрона», а дисциплину отсылали служить на несколько лет куда подальше и пожестче.

Целый сонм эмоций блуждал по лицу Леенайни, пока она читала это письмо. Миланэ скрытно-внимательно наблюдала за нею

— Сенатор Тансарр? — совершенно опустила письмо, но тут же спохватилась — подняла, словно что упустила.

— Вероятно, блистательная амарах знает его? — со скрытой гордостью спросила Миланэ.

— Я слыхала о нём, слыхала, конечно... — рассеянно ответила Леенайни, потирая нос. — Даже раз видела. Но лично не знакома. Миланэ, хम्म... Да, Миланэ, это впечатляет. Но... как всё это произошло? Рассказывай.

Миланэ так и рассказала обо всём: как приехала в Марну, как пришла к Хильзе, как выполнила поручение в библиотеке, как вернулась домой к подруге, как случайно забрел к ним Нрай, как Хильзе отдала ей служение, как она провела церемонию сожжения Отгара, как после Синга беседовал с ней, как потом пригла-

силы домой к сенатору Тансарру и как она там согласилась принять Дар Обращения.

— ...и, наконец, я без приключений вернулась в Сидну, моя амарах.

Внимала Леенайни, внимала хорошо и не перебивала. Вошла прислуга в виде двух маленьких, старших львиц, из чужаков-дхааров; Леенайни молча махнула им рукой: можно зажигать лампы и свечи. Вообще, это было почти что неслыханно: дхаарки, не-Сунги — прислуживают амарах дисциплинария. Дхаары не рабы, в Империи рабства давно нет, целых три столетия, но и не граждане; это — львы и львицы чужих земель, которые захотели жить и работать в Империи. Они ни в коем случае не являются Сунгами, ни истинными, ни принятыми, а потому их права сильно урезаны. Их присутствие в дисциплинарии — почти что прямой вызов духу Сунгов. Но Ваалу-Леенайни очень привязалась к этим двум львицам, которых в своё время приютила её предшественница, и считала их преданнейшими душами.

Она задумчиво играла небольшим золотым браслетом на руке; глубокие тени воцарились в комнате.

— Он не говорил, в каких талантах нуждается? — спросила Леенайни, глядя куда-то вдаль.

— В общем-то, нет.

— А что насчёт Дара Обращения?

«А вот нетактичный вопрос с её стороны», — подумала Миланэ. В среде Ашаи не очень принято его задавать. Миланэ всегда старалась поставить себя на чужое место, и сейчас признала: она, будучи амарах, ни за что бы такое не спросила, или если бы и спросила, то немного по-другому, мягче, не в упор...

Но, в конце концов, это ведь амарах, а не абы кто; что от неё скрывается?

— Двадцать тысяч империалов золотом.

Ваалу-Леенайни несколько раз моргнула, потом осмотрелась вокруг, разглядывая всякие-разные предметы в своей комнате. У неё вырвался неопределённый жест, который Миланэ не смогла понять, но больше всего он напоминал непонимание, даже недоумение.

— Очень достойный дар, должна отметить, — сказала Леенайни, будто о пустяке.

Серьёзный взгляд амарах к Миланэ, даже серьёзно-укорительный, будто Миланэ порочна и плоха. Но вдруг Леенайни воссияла чистой, искренней улыбкой:

— Я безусловно удовлетворю просьбу твоего патрона. В письме, — она помахала им, — он просит, чтобы ты после Приятия уехала в Марну. И я ни в коем случае не могу отказать столь уважаемому льву. Должна заметить, что это лучшее письмо патрона, которое я когда-либо видела.

Радость и тепло разлились по душе Миланэ; она глубоко вдохнула.

— Моя амарах... Могу узнать, куда мне суждено было направиться?

— Сейчас это уже совершенно неважно, Милани. Всё поменялось... всё, — туманно молвила амарах, вчетверо сложив письмо. Потом она встала и прошлась по комнате, раздумывая о чём-то. Её тихие шаги шуршали в тишине.

— Раз так, Миланэ, то я бы хотела задать вопрос. Только прошу: не переспрашивай. Отвечай, как есть. Подумай.

— Уши слушают, моя амарах.

— Ты представляешь себя вне сестринства Ашаи-Китрах?

Неожиданный вопрос. Впрочем, он вполне может быть частью этой традиционной беседы амарах и будущей сестры-Ашаи, подумала Миланэ, так что удивляться нечему. Ничему не удивляйся, Миланэ, всё идёт так, как и должно идти.

Создав вид, что глубоко раздумывает, Миланэ, растянув время, ответила:

— Нет, не представляю, моя амарах.

— Ты — Ашаи до кончиков ногтей?

— Да.

— Ты никогда не предашь сестринство и саму себя? — села она прямо возле дисциплины, близко-близко.

Миланэ поднялась и приложила руку к сердцу.

— Не предам.

Как можно?..

— Хорошо, — всматривалась в неё Леенайни, пытаюсь понять. — Хорошо, Ваалу-Миланэ-Белсарра, дочь рода Нарзаи. Хорошенько, — отпрянула.

Леенайни возвратилась к своему дивану, разлеглась; Миланэ же смотрела на тёмно-фиолетовое небо в окне с первыми звёздами на небе. «Сколь они далеко», — подумалось. — «Учёные говорят, что они дальше солнца, дальше луны, и будь у тебя тысяча жизней, всё равно не сможешь дойти ни к одной. Но что там, в этой бесконечности? Есть ли там другая Ваалу-Миланэ-Белсарра?.. Как жить среди столь неизбывно-огромного мира?..».

— Рада за тебя, — голос Леенайни возвратил к жизни и её заботам. — Действительно рада. Тебя хвалили наставницы, Миланэ, ты хорошая дисциплина с отличной игнимарой.

«Наверное, это так, раз говорит сама амарах», — подумала Миланэ, незаметно поправляя рукав свiry. Возлежать было удобно, но как-то неприятно — ей бы проще сидеть перед амарах.

— Навсегда запомню эти тёплые слова.

— Марна тебе понравилась? — с лёгкостью и беззаботностью спросила Леенайни, сложив ладони в жесте открытости.

— Очень красивый город, — посмотрела Миланэ туда, где вместо неба давил белый потолок с люстрой на десяток свечей.

— А библиотека Марны... ммм... красота! Правда? Прогулялась в Императорских садах?

— Нет, не успела, к сожалению, — ладонь внешним ребром к груди: жест сожаления, но несильного, так, понарошку.

— Ничего, успеешь. Я уже, наверное, год в Марне не была... — сказала Леенайни и замолчала. Непринужденная беседа, которая началась весьма споро и неплохо, как-то не сладилась, угасла. Каждая из Ашаи начала думать о своём: Миланэ — меланхолично, Леенайни — сосредоточенно, быстро, точно.

Но было ещё кое-что. Миланэ так и подмывало побеседовать о «Снохождении» и Малиэль, совершенно не ко времени и не к месту; неким даже не седьмым чувством, не безмолвным знанием, а десятым — она знала, что Леенайни знает о «Снохождении» чуть больше, чем можно подумать. Вот такое предчувствие соткалось в её душе. «Далось оно мне», — подумала Миланэ, но со злостью совершенно притворной, фальшивой, как мстваашское золото. — «Прицепилось к душе. Не гляди долго на запретное, не то запретное поглядит на тебя».

Она не знала, с чего начать, и вообще ли стоит это делать. Поэтому решила задать весьма безобидный вопрос, чтобы начать издалека:

— Моя амарах, я хотела бы кое-что спросить, если позволительно.

— Да, конечно, — обрадовалась та.

Леенайни любит вопросы, точнее, очень любит отвечать на них. Не всякие, конечно. Обыденные, требующие мелочного внимания — раздражают, надоедают. Но если украдкой, с придыханием спрашивают о чем-то вечно-великом, жизненно-важном или о вере, так она всегда готова что-нибудь вымолвить.

— Он довольно необычен... — снуёт Миланэ взглядом по полу из старого дерева. Бордовые стены, что доселе не привлекали к себе внимания, начали тревожить своей потусторонностью.

— Да говори-говори, — без терпения перебила амарах.

«Слышала ли безупречная амарах что-либо о древе миров?», — вот что хотела спросить Миланэ, но внезапно устрашилась, ведь неминуемо та спросит, где это Миланэ слыхала да зачем ей это знать; тут же вплотную можно заговорить о «Снохождении», давнем восточном происшествии и проступке в библиотеке, а это уже весьма скользкая дорожка. Согласно канонам, истинно, по-настоящему существует среди бесконечного Тиамата только один мир — их мир, а всё остальное — выдумка и глупость, а миры сновидения — сложные, правдоподобные иллюзии, которые иногда порождаются самой душой (тогда это плохо и бессмысленно), а иногда — Ваалом (тогда это хорошо и имеет смысл). Конечно, иногда душа Ашаи в сновидении может блуждать и по этому, домашнему, реальному миру, никто этого не отрицает, но это совсем другой вопрос...

«Можно соврать, что древо миров было упомянуто в комментариях. Но вдруг она решит посмотреть да проверить? Шанс ничтожен, но есть. Что тогда?.. Лучше не рисковать...».

Леенайни не та, с кем можно об этом побеседовать. Не нужно терять головы от радости; она вмиг с благой старшей сестры превратится в свирепую наставницу и, по меньшей мере, строго осадит за вероборческие мыслишки. «Обязательно потом раскину на всё это Карру-Аррам», — решила Миланэ. — «А то сойти с ума можно».

Но пока она думала, царило молчание, отчего разговор совсем увяз в неловкости.

— Миланэ, ты не раздумывай, не стесняйся.

Нужно выкручиваться. Миланэ спросила первое, что пришло на ум:

— Моё Приятие... Известен ли день его проведения?

Беспокойная Леенайни не могла долго находиться на одном месте, потому снова встала и начала ходить по комнате, но уже почему-то позади Миланэ. Для того, чтобы видеть её, дисциплинере пришлось слова сестры, опираясь локтем о спинку дивана. Тем временем Леенайни подошла к огромному, старомодному комоду с маленькими ящичками; один из них с шумом открыла. Миланэ подумала, что она хочет нечто вручить или дать, даже подумалось, что это может быть амулет Ваала, который иногда дают поддерживать дисциплинам перед Приятием (она слыхала о таком обычае). Но Леенайни просто бесцельно оглядела ящичек, затем посмотрела на картину маслом над комодом и, наконец, ответила:

— Вот что, Миланэ, — обернулась. — Твоё Приятие состоится где-то через луну, точной даты я не знаю, нужно будет уточнить, но это, по сути, неважно. Ещё неделю побудешь в дисциплинарии, а потом у тебя будет вольное время: можешь поехать домой, можешь готовиться, что-то изучать, читать, писать, рисовать, куда-то поехать, пойти куда-то на служение или отдохнуть — в общем, делать, что хочется. Ты уже сама лучше знаешь, что тебе нужно.

— Спасибо, моя амарах.

— Перед Приятием любая дисциплина имеет на это право, — приблизилась Лее-

найни и вдруг взяла Миланэ за подбородок, очень осторожно и аккуратно. — За это время советую навестить патрона, побеседовать с ним, выяснить, в чём будет заключаться служение. Но не забывай, что интересы патрона очень важны, но интересы сестринства и нужды Сунгов тоже не надо упускать из виду. Хорошо, Миланэ. Я очень рада за тебя; Тансарр сделал хороший выбор, он что-то увидел в тебе, и это — прекрасно. Теперь ты будешь влиятельной, достойной Ашай, но не забывай свою мать духа, своих наставниц. Свою амарах.

— Никогда, моя амарах, — ответила Миланэ, покоясь во власти руки Леенайни.

— Славно, — отпустила её Леенайни. — Да, вот что. На Приятии тебя никто не испытывает, помни это. Испытываешь ты саму себя. Я прошу тебя быть сильной и отважной. Настолько сильной и настолько отважной, какой вообще ты можешь быть. Понимаешь?

— Да, моя амарах.

— Если возникнут какие-то вопросы, сложности, сомнения, то ты можешь обратиться ко мне. Только найди понимание, если я в какой-то момент буду слишком занята. Также если у патрона возникнут какие-то вопросы, которые потребуют хорошего влияния, не бойся обращаться, — амарах без предупреждения пошла к дверям.

Миланэ намёк поняла и тут же поднялась.

— У моей благодарности нет берегов, моя безупречная амарах, — поклонилась Миланэ главной сестре своего дисциплинария.

— Вот и славно, — заключила амарах. — Пусть Ваал хранит тебя, Миланэ.

— Дух Сунгов всегда пребудет с моей амарах. Не смею больше задерживаться, доброй ночи, — взялась дочь Андарины за холодную ручку двери.

— Пока, — попрощалась Леенайни с той самой усталостью и равнодушием особ высокого положения.

Миланэ вышла, услышала, как захлопнулись двери, постояла немножко, а затем медленно направилась прочь.

У входа в покои уже стояло двое охранников.

«Она точно не ожидала, что у меня будет патрон-сенатор и ещё эти двадцать тысяч Дара, изумилась совершенно, хотя сделала вид, что просто немного удивлена... Письмо приняла, и дней двадцать свободного времени... Жизнь прекрасна, жизнь чудесна, Ваал мой, как хорошо жить и быть удачливой! Вот иные этого не понимают и не ценят, а я — да. Да!».

У охраны возле входа стаамса забрала свои вещи и пошла в Сиднамай, к своему небольшому дому, который разделяла с Арасси.

— Да... — почесала загривок Леенайни, когда закрыла дверь. — Интересно, интересно...

«Амариссани придётся сбросить со счетов. С таким поворотом событий — Миланэ, однозначно. А если двух сразу?.. Нет, это будет подозрительно. Нет-нет-нет».

Леенайни пришло в голову кое-что очень важное, потому она стала требовательно, но вместе с тем отрешённо-задумчиво звенеть маленьким колокольчиком.

— Да, госпожа? — быстро вошла львица-прислужница.

— Обязательно напомни мне утром вот что: выяснить о Тансарре.

— Выяснить о Тансарре. Хорошо, госпожа.

— Всё.

Естественно, рано утром (а амарах вставала не позже семи) ей об этом сразу напо-

мнили, и она даже направилась созывать некоторых старших сестёр-наставниц, которые хорошо знали Марну и её жизнь. Но амарах опередили. Каждый день, в девятом часу, Ваалу-Леенайни получала вести от Вестающей дисциплинария, и помимо всего прочего, от имени сестринства Марны пришла просьба подробно сообщить о такой дисциплинарии, как Ваалу-Миланэ-Белсарра, которая «обрела в Марне важного патрона, а именно сенатора Тансарра из рода Сайстиллари», а поэтому «сестринство желает подготовиться к знакомству с нею».

Важность запроса была подчеркнута не только тем, что его передали через Вестающих — это многое значит — но и тем, что он оказался самым длинным из всех вестей.

Хороший знак. Во-первых, стало ясно, что патронат Миланэ самый что ни на есть настоящий. Конечно, дисциплинария никогда бы не осмелилась лгать в таком деле, но всё равно, это добавляло уверенности. Во-вторых, это подтверждало спонтанный характер знакомства Миланэ и Тансарра. Могло случиться так, что влиятельные Ашаи Марны, например, те же Вестающие, могли нарочно подослать Миланэ к Тансарру, чтобы он взял над нею патронат. Это бы неминуемо означало, что Миланэ тесно сплелась с Вестающими или иными кругами влияния, а это бы перечеркнуло планы Леенайни.

Тем не менее она до конца не вняла, почему этому патронату уделили столь много внимания, хоть это и сенатор, один из двадцати четырёх.

Но чуть позже она узнала получше, отчего сие событие оказалось столь важным. Ей быстро подготовили справку о сенаторе Тансарре. Итак, Тансарр, из непатрицианского рода Сайстиллари — сенатор и политик высокого ранга в первом поколении. Происхождение — смешанное, Андария и Хольц. Ну, тут уже многое понятно. «Тансарр решил иметь дело с близкой кровью», — сразу подумала Леенайни. Богат, причём действительно богат, не гол как мышь, как иные патриции, что лишь создают видимость роскоши, а сами безнадежно погрязли в долгах. Список его собственности оказался столь внушительным, что читать было воистину утомительно. Избран от юга и юго-запада, поддерживали его фракции дельцов, мануфактурщиков, торговцев, частично — крупные ростовщики, исповедующие умеренность в политике, как внешней, так и внутренней. Группы эти — не самые влиятельные в Империи, они больше имеют вес у себя в Андарии и Хольце, частично — Хустру и Юниане, и уж точно не самые влиятельные при дворе Императора и политической жизни Марны. Тем не менее, их отличала сильная материальная независимость и широкие, очень умеренные взгляды на множество вопросов. В Сенате к этой группе принадлежало всего три сенатора, включая самого Тансарра.

Вообще, Леенайни глодало то, что такой высокопоставленный львина, без малого пять лет уж сенатор, столько времени обходился без Ашаи рода. В таких высоких кругах это почти что обязательно, ведь без патроната довольно трудно завести связи в сестринстве, что крайне полезно для любого политика и дельца высокого ранга.

Но самое интересное выявилось в конце, где шли уже не формальные сведения, а кое-что поинтереснее.

Как оказалось, всё — неспроста.

Кроме довольно тёмного и бурного прошлого его рода, была ещё одна важная деталь: Тансарр довольно упрямо не желал иметь дела со сестринством Ашаи-Китрах, даже в ущерб делам и карьере. К нему, по крайней мере, два раза подсылали молодых сестёр, в самых различных ситуациях, которым давалась недвусмысленная

задача: сделать так, чтобы Тансарр захотел взять над ними патронат. Ему даже раз прямо намекали, что будет лучше для дела, если он возьмёт Ашаи рода.

Но Тансарр не шёл на согласие и относился к сестринству если не с враждебностью (это невозможно себе представить для Сунга подобного статуса), то с огромной осторожностью. Наризательной стала кличка, которой Тансарра смеха ради наделили сестры Марны: «Холостяк».

Надо сказать, что у почти у всех сенаторов был патронат над какой-то Ашаи. Только двое, уже не считая Тансарра, не имели родную сестру. Один из них принадлежал к той самой политической группе, что и Тансарр. Неглупая Леенайни поняла, что такой своеобразный саботаж имел, просто должен иметь под собою какую-то почву, неважно какую, но должен.

Но теперь оно, это противление... исчезло.

«Он или взял Миланэ ради того, чтобы от него просто отвязались... Или... Или решил иметь дело со сестринством, устав сопротивляться. Или... Решил, что так будет всё-таки лучше для статуса и дел... Мало ли, может у него неприятности, или он хочет вертеть сомнительные сделки... Нет, нет, тогда бы он не брал себе зелёную дисциплину, да ещё перед Приятием...».

Кроме всего прочего, был ещё один странноватый факт, который прямо не касался дела. Прошлые супруги Тансарра, по имени Ксаала, оказалось тёмным пятном. Складывалось впечатление, что она явилась на свет, выйдя замуж за Тансарра, а до этого нигде не существовала и с нею ничего не происходило.

Леенайни не знала, что именно думать. Но определённо, здесь всё было интересно и непросто, а амарах Сидны любила, когда всё вот так.

Всё это убеждало, что окончательный выбор — Миланэ — верен.

Глава XI

«О мой Ваал, наконец-то я у своей двери, у себя дома, хоть и говорят, что дом Ашаи повсюду, где земля Сунгов. О мой Ваал, а где мой ключ?.. О мой Ваал, о мой Ваал, говорят ты есть, но и говорят, что тебя нет... Ты мне найти ключ не сможешь, я должна сделать это сама. Или сможешь? Или всё правда? Почему тогда ты не явишься предо мною, своею жрицей, и не возложишь мне его в ладонь? Знаешь ли, тогда не найдёшь ты преданнее львицы-Ашаи, если совершишь такую простоту.

Но ты не можешь.

А я — гляди! — могу. Вот, нашла. Каково? Я — живая, а ты — лишь сын моего живого духа».

Почти всю фасадную стену их небольшого дома обвил плющ. Миланэ не слишком любила его, но Арасси это очень нравилось потому она без труда смирялась. Окно открыто, но плотно занавешено, чтобы не влетали светлячки, мотыльки и прочая ночная живность. Горит слабый свет лампы — значит, кто-то есть.

Ключ, в конце концов, не понадобился — дверь оказалась незапертой.

Их с Арасси дом представляет собою правильный квадрат. Всё просто —ходишь в коридор, он же — прихожая. Прямо — кладовая с очень маленьким погребом. Направо — общая спальня. Налево — кухня и столовая. Всё.

Свет пробивался из спальни.

На неё пали взоры трёх львиц, и на маленький миг всё укрыла тишина.

— Милани! — вскочила Арасси с кровати, на коей до этого беззаботно лежала. — Вернулась, наконец, пропажа наша!

Небрежно опираясь на спинку кровати, сидела Шасна: львица крупного, даже грозного сложения, в повседневном светло-сером пласисе, неулыбчивая, тёмная взглядом и светлая шёрсткой. На кровати Миланэ расположилась Айнэсваала, в самой что ни на есть классической позе для игры на лютне, которую она держала на коленях; всем видом она напоминала картинку в назидание младшим ученицам.

Арасси, живая, вся с виду весёлая и смешливая, бросилась на шею Миланэ, да так, что ей пришлось постараться, чтобы удержаться на лапах. Скатку пришлось бросить.

— Как в Марне? Рассказывай! А что тебе говорила амарах? Милани, хочешь поесть? У тебя усталый вид, давай я это... дай сюда... и это дай сюда...

— Я предположила, что ты не будешь против, если я вместе с Шасной нагрюну в гости, — чинно молвила Айнэсваала.

— Конечно нет, милая Айни. Конечно, не против, — ответила Миланэ.

Вместо ответа Айни проиграла совершенно безупречную гамму в четыре струны.

Подошла Шасна и просто молча её обняла, с простым и искренним чувством.

Четыре лучшие подруги — в полном сборе.

— Давайте сброшу всё лишнее, пойду помоюсь... — с вымученной улыбкой предложила Миланэ.

— Да конечно, конечно! — хлопотала Арасси. — Мы тут не пропадём. Ждём-ждём.

Через полчаса Миланэ лежала на своей кровати, укрывшись одеялом почти до самой шеи, и сонно слушала разговоры. На широкой тумбе возле кровати, помимо остальных её вещей и украшений, скромно лежал амулет, подаренный Хайдарром.

«Нет сил болтать, пусть они говорят, а я себе помаленьку усну, и меня устыдят будить...», — так себе придумала Миланэ.

— ...а я ей кричу, чтобы она не вздумала сыпать целых две горсти, но куда там: сыпанула! Тинктуру мвесны передержала: надо дня три, она хранила дней десять. Я говорю: «Хази, милая, это никуда не годится, это нельзя давать — слишком сильное, вообще неверно приготовленное». А она мне: «Чего меня учишь, чего учишь, я так делала всю жизнь, ещё когда была найси, по рецепту первой наставницы, а ты тут верещишь на ухо». Я говорю: «Не носи это в больницу, я тебя прошу». Она: «От этого жёлчь даже у мертвеца пойдёт, а камни растворятся за час». Ну, думаю, делай как знаешь, поди, больные прежде станут мертвецами, а потом уж всё остальное. С другой стороны, она так уверенно себя вела, так уверенно говорила... Шакал, с ним думаю. Вдруг так. Потом, через два дня, приходим в больницу, а там ждут двое с сильнейшей жёлчной коликой. Жёлчь-то мгновенно погналась от такой концентрации тинктуры, а камни застряли в протоках. Потом Хази за мной бегала, просилась, чтобы я никому ничего... Говорю: «Да Ваал с тобой, твоя совесть». Вывод: никогда никому не верьте, если знаете, что можно сделать правильно, а не абы как, даже если кто-то воплощает в себе всю уверенность и наглость мира. Нельзя обманываться, нельзя.

— Нельзя не обмануться в жизни... — заметила Шасна. — Невозможно просто, всё равно где-то попадёшь впросак. Даже правдовидицы обманываются.

— В первую очередь — правдовидицы, — отметила Айни.

— Почему?

— Вы слишком уверены в том, что видите истину.

— Каждая Ашай — суть правовидица. Так что тебе следовало сказать «мы», а не «вы», — спокойно повела ушами Шасна, блистая холодным взглядом.

— Не каждая Ашай, брось, — усмехнулась Айни, дочь Сунгкомнаасы.

— Настоящая Ашай, я имею в виду.

— Не стану спорить, но скажу: Ваал каждой из нас дарует нечто особое, и далеко не всегда это — правовидение. Ты, Шасна, привычна к тому, что можешь схватить чужую душу и вытряхнуть её, как улей. И тебе кажется, что все так способны или, по крайней мере, могут попытаться.

— Почему душа — как улей? — любопытствовала Арасси.

— А как иначе. Улей, а в нём пчёлы-мысли, они только и делают, что жалят.

— Такого ещё слыхала. В чём-то верно, а в чём-то — нет, — покачала головой Шасна.

— Нигде нет полной ясности.

Шасна забила хвостом:

— Вот уж в тебе сомнения сидят. Так уж и нигде нет, прям. Уверенность — она важна. Когда ты сомневаешься, то твоя воля стынет, как лёд реки в Норрамарке.

— Сомнение — оно важно. Без него нет воли и намерения. Когда ты сомневаешься, то ты — дочь чувства и душа мира, знающая его тайну. Когда ты уверена, то похожа на глупую овцу, что бредет за стадом в Хольце.

Арасси лежала с видом, будто её страшно болит голова, а потом вскочила:

— Эй, вы с ума посходили, болтать о такой чепухе! Бросьте немедленно, пейте вот лучше херес. Дать ещё, Шасни? Не отказывайся, я сама делала, не обижай.

— Не обижу, — уверила Шасна и протянула пустую кружку. — Влей, пожалуйста. Айни, я вот что тебе скажу.

Ашай, дочь Сунгкомнаасы, дитя патрицианского рода, не глядела на собеседницу, а поглаживала струны лютни.

— Только не говори гадостей, я от них расстраиваюсь, — молвила она, плавно качая головой из стороны в сторону, глядя на свой инструмент.

— Я никогда тебе гадостей не говорила и никогда не скажу, — прямо сказала Шасна, приняв полную кружку от Арасси. — Мне кажется, ты путаешь личную уверенность с паясничавшей уверенностью толпы. Смотри: твоя личная уверенность — твоё острие духа — твоё намерение. Оно может быть каким угодно: верным с точки зрения одних истин, и ужасным — с точки зрения иных. А уверенность толпы — всегда безумство и шутство, кто тут спорит. Толпе покажи хвост, а она провозгласит его императором.

— Может и путаю. Вполне может быть. Я ж не уверена в своей правоте. В жизни так легко запутаться в сетях.

Шасна встала на скользкий путь. Её суждения всегда решительны и далеки от хитрости, а искусствами речи и спора она владеет откровенно плохо из-за своего прямого, как стрела, характера (а какой ещё может быть у Ашай с сильным взглядом?); у неё мало шансов против изоощрённой в этих вещах Айнэсваалы, которая отлично чувствуетея в гибких, потаённых ходах слов и никогда не утрачивает высокой невозмутимости.

Их беседе пришла на помощь Арасси, юркнувшая к себе на кровать:

— Знаете, я тут прознала одну новость. Холли беременна, — сказала она, усевшись. Её руки обхватывали колени, а подбородочек нашёл приют на ладони.

— Да ну? — нахмурилась Шасна, удивившись такой новости.

— Она сама мне сказала, — с победной правотой отпарировала Арасси.

— А срок какой? — спросила Миланэ, чуть испуганно.

— Шесть-восемь недель, вроде того, — ответила Арасси, что-то выискивая у себя на тумбе.

Все призадумались, а Миланэ привстала на кровати:

— погоди. До моего Приятия чуть больше луны, твоё, — она указала на Арасси, — будет сразу после моего, а до твоего... до твоего, Шасна?

Та немного помолчала, собираясь с мыслью.

— Две недели.

— Да. Значит, и у неё примерно через две-три недели. Придется ей остаться в дисциплирии, — уверенным тоном сказала Миланэ, улёгшись обратно.

Вероятно, именно этой реплики и ждала Арасси, ибо сразу бросила:

— Она сказала, что оставаться в Сидне не будет. И уйдёт отсюда сестрой.

— Как это?.. А дитя? Как она хочет с беременностью идти на Приятие? — забеспокоилась Миланэ.

Беспокойство Миланэ изъяснила не зря. Всякое Приятие состоит из трёх испытаний. Первое довольно простое: нужно день-два как-нибудь послужить, «прислужиться», как говорят, то бишь выполнить некие задания, которые давались с учётом талантов и склонностей ученицы; заодно надо зажечь игнимару перед Кругом Семи. Первое испытание, по сути — чистейшая формальность, ибо ученица в таком возрасте кое-что да умеет, ибо просто бы не смогла столько задержаться в дисциплирии; как правило, оно более строгое для свободных учениц-Ашай, а дисциплирам волноваться нечего.

Второе испытание довольно необычно. Нужно просто всю ночь пробыть одной, ни с кем не разговаривая. Спать нельзя. Лежать нельзя. Читать нельзя ничего, кроме Кодекса. Сидеть можно, стоять можно. Полагается думать о Ваале, о вере, о служении, о Сунгах, о будущем месте служения, об ответственности Ашай, о долгой истории сестринства, о знаниях. Вот и все требования. На самом деле, это испытание зачастую усложняют, например, запирают в тёмных комнатах уединения, которые есть в каждой дисциплирии, или даже подвалах. Но, на самом деле, испытание довольно формальное, пустяковое.

А вот третье испытание всегда было самым важным; даже во времена Миланэ оно сохранило свой трудный, опасный характер. В уединённом месте, как правило, это особый Зал Приятия, собирается Круг Семи и сама ученица. И всё, больше никто не может заявиться на третье испытание, даже Император, исключение только одно: Высокая Мать. Испытание всегда начинается на закате. Сестры Круга Семи одеваются в лучшие пласисы, берут лучшие украшения; ученица же приходит в длинном белом балахоне крайне простого покроя, из украшений на ней — лишь кольцо Ваала. Больше ничего, даже сирны, которую Ашай не снимают даже в Императорском дворце. Ей дают наркотическую смесь, *сому*, которую ученица должна испить; доза в несколько раз превышает обычные нормы и близка к опасной, отчего смерть во время третьего испытания — явление редкое, но случается. С момента принятия смеси до начала действия проходит около полчаса, которые ученица может провести как угодно: в беседах с принимающими сёстрами Круга; в молчании и интроспекции; в чтении стихов и даже игре на каком-либо инструменте; в произнесении каких-либо речей. По древнейшей традиции принято, что ученица имеет право вести себя как

угодно, в том числе даже плакать, сожалеть о трудной судьбе, а о её словах, даже самых гнуснейших, сестры Круга Семи должны забыть и никому не рассказывать. Дело в том, что в какой-то момент перед началом тяжёлого галлюциногенного путешествия от отравления большой дозой сомы ученицу неизменно обхватывает очень сильный страх смерти: символическая смерть переживается почти реально.

Поэтому беременных и приболевших дисциплинар к Приятию стараются не допускать. Но ученице нельзя запретить проходить Приятие, если оно уже назначено.

— Вот так и пойдёт, — развела руками Арасси, попеременно глядя на всех подруг.

Ей абы что, лишь бы посудачить.

— Бред! — воскликнула Миланэ, в который раз рывком поднявшись на кровати; она даже нечаянно чуть ударила пяткой Айни, которая сидела у неё в лапах.

Арасси, передразнивая чужой тон, манерно проговорила:

— Она мне говорила, что имеет на это право, и вовсе не в её характере просиживать здесь ещё целый год.

— Можно просить наставниц, чтобы уехать на место служения, а самой вернуться через год на Приятие. И всё, — не успокаивалась Миланэ.

Так нередко делают. Ученица уезжает туда, куда ей было назначено, и приступает к обязанностям сестры, а через год приезжает на Приятие. Такие исключения делают лишь в особых случаях, но этот — именно таков.

— Она уже хочет быть сестрой. Уже и сейчас, — сложила ладони Арасси, постукивая коготками и наблюдая за тем, как Шасна осторожно отпивает херес.

— Прискорбно, но Холли может дорого уплатить за это, — заметила Айни.

— Она всегда была невысокого ума, — с ровной душой сказала Шасна.

«Какие мы все разные», — подумала Миланэ, глядя на подруг в свете лампы и двух свечей.

— Но, в конце концов, это её выбор. Все мы выбираем в жизни, — после молчания снова молвила Шасна, отдавая кружку Арасси.

Но та, глядя на Миланэ, внимая разговору, вслепую протянула руку и не изловчилась поймать кружку, отчего та мягко упала на тонкое летнее покрывало.

— Как это «её выбор»? А дитя? — возмутилась Миланэ. — Почему она не призадумается о нём?

— Вдруг оно — нежеланно?

— Как — нежеланно? — такое не могло уложиться в уме андарианки Миланэ. — Как это может быть? Я поговорю с нею потом, поспрашиваю, что к чему.

Арасси испугалась, но так, манерно-деланно:

— Милани, ты с ума сошла, я это вам по большому секрету рассказала!

— Скажу, что почувствовала, — серьёзно ответила Милани. — Или сделаю вид, будто Карру раскинула.

— Только не рассказывайте никому, не рассказывайте... — деланно запричитала Арасси.

Так восклицая, Арасси ушла в кладовую, где находился бельевой шкаф, чтобы взять новое покрывало; Шасна решила, что ей негоже больше сидеть на чужой кровати, пусть даже это и кровать давнишней подруги по дисциплинарию, и взяла себе единственный стул в комнате.

— Зачем оно нам нужно — рассказывать... У неё своя жизнь, — устало молвила Шасна, усевшись и закинув лапу за лапу. Её сирна, необычно большая и скрытно-

грозная, под стать хозяйке, со стуком упёрлась ногами в спинку стула.

— Но нельзя ведь такое пропускать мимо ушей, верно?

— Милани, всегда хочется кого-то укрыть своим видением жизни и моралью, но редко в этом есть толк.

— Я только хочу помочь, — настаивала Миланэ.

— Она вряд ли посчитает твоё вмешательство за помощь.

— Тогда её дитю.

— Её дитя ещё ни в чём не нуждается. Оно ещё не родилось.

— Шасна, ты — жестока, — в устах Миланэ это прозвучало как глубокий укор. Чуть помедлив, необычно жёстко для себя добавила: — Всякое равнодушие может прозвучать как мудрость.

— Знаю.

Поняв, что назрел небольшой конфликт мировоззрений, Айни решила попытаться беседу:

— Будем надеяться, что ничего плохого не случится, — рассудила она и снова проиграла гамму на лютне. — Да поможет ей Ваал.

Тем временем Арасси уже вернулась и что-то там хозяйничала возле шкафа Миланэ; от внимательного глаза не ускользнул новая, не виданная ею раньше вещь. Любопытство прожгло, она взяла её в руки, начала разглядывать.

— Миланэ, а где ты его взяла, этот амулет?

— Подарили, — скромно ответила она.

— Миленький. Но странненький. Такие плетут где-то в Норрамарке, да? Верно, Шасни? Стиль схож.

— Дай взглянуть.

— Вот штука, от него пальцы жжёт, — Арасси заправски потёрла руки о шемизу.

Миланэ насторожилась, ведь она прекрасно знала о крайне высокой чувствительности подруги; например, её могло обжечь, если она брала в руки краденную вещь или защипать глаза, если с нею говорил некто, желающий зла. Но большущей проблемой было то, что Арасси, во-первых, не придавала своей чувствительности хотя бы капельку должного внимания, а во-вторых, совершенно не умела интерпретировать свои чувства. То, что ей обожгло пальцы, могло означать что угодно, в том числе и глубокое чувство, с которым подарил амулет Хайдарр. А могло значить, что он — попросту краденый.

Внимательный взгляд Шасны, тем временем, изучал амулет со всех сторон. Он явно заинтересовал её.

— Это зубы белого волка, — настолько многозначительно произнесла она, что все притихли, как мыши.

— Вероятно, редкость, — вопросительно-неуверенно отметила Айни, мало чего смыслящая в живности и охоте.

— У нас да, та ещё редкость, — подтвердила Шасна.

— Ну, здесь, в Ашнари, вообще волков очень мало.

— Я имею в виду Империю. У нас нет белых волков — водятся только на севере.

— Скорее всего, он из Амастилаара. Или Норрамарка, — выглядывала Миланэ из своей кровати, наострив ушки. — Так мне говорили.

— Похоже на то, — ответила Шасна, но без уверенности. Она сузила глаза, словно щурясь от солнца, и так глядела на амулет, а потом протянула его Миланэ, но её руку перехватила Айнэсваала, отложившая лютню в сторону. Лютня встала неу-

стойчиво, а потом упала грифом на бедро Миланэ. Дочь Андарики бережливо подобрала инструмент.

— Прошу, дай взглянуть, — тем временем попросила Айни, приложив ладонь к сердцу в затейливом жесте.

Она несколько раз провернула амулет, заинтересовавшись камнем в центре.

— Вот это, вот этот камень, видите?

— Симпатичный, правда? Таких ещё не видела. И узоры...

— Это не узор, а северная вязь, я её узнаю, я много раз её видела в одной книге. Тут что-то написано по-ихнему... Эм...

Она напряжённо всматривалась в него.

— Амулет северных варваров, — с высокомерием истинной Сунги молвила Айнэсваала. — Вот что тебе подарили, Миланэ. Кто подарил?

— Один лев, — не начала вдаваться в подробности Миланэ, всегда хранящая в большой тайне любовные дела даже перед ближайшими подругами; это у неё просто в крови — так делают все андарианки.

— Это был обмен памятью? — тут у Шасны чувство правдовидицы сработало хорошо и безотказно.

— Да.

— Лев из Норрамарка?

— Дренгир Легаты, он ехал с Востока.

Миланэ решила умолчать, что этот амулет Хайдарру подарила родная сестра, надлежащая к сестринству Ашаи. Кроме того, она начала кориться за то, что легко сдалась и приняла амулет, как дар; это явно вещь совершенно непростая, ценная для Хайдарра и дорогая сама по себе (зубы белого волка наверняка немало стоят), и мимолётное знакомство в одну ночь не стоило такого необычного подарка.

— А что там написано? Кто мог бы прочитать? — с беззаботностью спросила Арасси. Ей всё равно, какой амулет: северный — не северный. Хоть с луны.

— На ум приходит наставница Даэльси. Можно ещё спросить мастериц древнего языка, но они вряд ли сильно помогут... Можно пойти к светским учёным...

Миланэ, подоткнув подушку повыше, откинулась и уже не слушала, но только лишь созерцала подруг.

Вот Арасси. Лучшая подруга, самая что ни на есть. Всегда весёлая, свободная; фривольная везде, где это хоть сколь-нибудь позволительно, но нрава вовсе не злобного или корыстного, а доброго, широкой души. Сейчас на ней только шемиза да два браслета на обоих запястьях, оба разные, оба — подарки двух поклонников. Очень лёгкая в общении, любит сладкое, любит львов, любит всякие безделушки, любит детей, любит торжественные церемонии, любит танцы и прочее-прочее.

Вот Шасна. Непростой опыт жизни омрачает её взгляд, движения, вид. Конечно, любая ученица у порога Приятия имеет хоть какой-нибудь жизненный опыт, всё же Ашаи-Китрах видят в жизни много больше, чем абсолютное большинство простых львиц. Но у Шасны случай особый, и жизнь особая. Она знает цену жизни и смерти.

Вот Айнэсваала. Судьба щедро одарила её и особой красотой северных Сунгов, и действительными талантами, и происхождением.

«Вот и мы, столь разные, тем не менее, любим друг друга... Но куда нас развеет после Сидны? Будем ли мы столь дружны?..»

Пока Миланэ предавалась сновидной меланхолии, то разговор ушёл в иное русло. Лишь громкий смех Арасси и Айни растормошил, вернул к миру.

— Хей, Милани, — набравшись в своё время от Миланэ андарианских словечек, Арасси иногда блистала ими, — у тебя сегодня был личный разговор с амарах?

Сонно повернувшись и моргнув, Миланэ ответила:

— Да.

Призадумавшись, Арасси вдруг испугалась:

— Ваал мой, тебе что, хотят пораньше назначить Приятие? Почему так рано?

— Нет, всё как было, — прикрыла глаза Миланэ, отрицая. — Где-то три недели осталось.

— И что, Леенайни сказала, куда ты... уедешь... на служение? — с опаской спросила Арасси, боясь услышать что-то грустное и далёкое.

«Погоди, им же ничего не известно», — пронзило Миланэ.

— Ах да, души мои. Вы ведь не знаете.

— Не знаем чего? — насторожилась Арасси.

— У меня появился патрон. В Марне.

У Айнэсваалы сорвался коготь со струны и та выдала жалобный звук, Шасна повернула голову с необычной для себя спешностью, Арасси совершенно привстала на кровати.

— Миланэ, моё сердце разделяет твою радость, — поспешила поздравить Айни, глядя с нескрываемым интересом.

Арасси перебралась к кровати Миланэ:

— Ну, ну рассказывай!

И пришлось повторить всё то же, что она пересказывала амарах.

— Потрясающе, — обрадовалась Арасси. — Ваал мой, Миланэ, лапка моя, теперь я буду точно знать, что с тобой будет всё хорошо!

— Сенатор — это очень и очень достойно, — мечтательно взглянула вверх Айни, подумав о своём.

— Я очень боялась, Миланэ, что с твоими склонностями и талантами ты попадёшь в Легату, да ещё на Восток, — присела возле её кровати Шасна.

Айни и Арасси (первая — со сдержанным достоинством, вторая — с необузданной радостью) начали обсуждать неожиданную новость; тут — вдруг стук во входную дверь дома.

— Можно входить, можно! — пропела Арасси.

В Сиднамае чужих нет, здесь все свои; стучатся тут лишь из приличий. Чьи-то лёгкие шаги, и в проёме осторожно явилась любопытная голова, потом, как-то крадучись-бочком, Ваалу-Нойна, а это была именно она, вошла в спальню, и с осторожностью осматривала присутствующих, словно желая подметить опасность. Всем известно, что ей — двадцать пять, и что в Сидне она засиделась; пожалуй, она бы и ещё пребывала здесь, но стать сестрою-Ашаи можно только до двадцати пяти лет. После этого срока ты или сестра или обычная львица. Ну, не совсем обычная; по правде говоря, неудавшихся Ашаи называют Приближёнными, и у них даже есть некоторые неформальные права, но это уж совсем другая история.

Она, будучи добротною Ашаи, имела огромную проблему — не могла стабильно возжечь игнимару. Нойна возжигала огонь Ваала лишь с помощью энграммы, то есть особого словесного заклинания, и то с большим трудом и утомительной концентрацией, потому срок её Приятия всё оттягивали да оттягивали. За это время она успела много чего совершить, в том числе уже имела дитя, львёну двух лет.

— Эм... доброго всем вечера... Миланэ, с возвращением... тебя так долго не

было... — бесцветно говорила она, раздумывая после каждых двух-трёх слов. — Там, в нижних садах, устроили танцы... там и художники эти самые есть... художники атласов... приходите... Айнэсваала, там может пригодиться твоя игра... приходите...

— Спасибо, Нойна, сейчас мы чуть поговорим и, возможно, придем, — ответила Айни, подкручивая винты на грифе.

— Как знаете, — нудно, блекло ответила та, а затем бесшумно исчезла из комнаты.

В тишине затрещала свеча.

— Я бы спать пошла, — вдруг сказала Шасна.

В конце концов, намерения и планы определились: Миланэ и Арасси оставались; Шасна шла к себе, тоже к отдыху; Айни вдруг решила принять приглашение и пойти в нижние сады.

— Кто так приходит к своим сёстрам, вот так приглашает? Как только наставницы сохранили её в Сидне? — сказала она, поправляя пояс пласиса у большого ростового зеркала, которое обязательно есть в каждой спальне и каждом дортуаре Сидны. — Да её бы в самый худший фансиналл не взяли бы после изгнания. Позор.

— В двадцать пять в фансиналл не берет, — отметила Шасна.

Арасси прыснула.

Айнэсваала очень не любит Нойну из-за простецких манер, недалёкого ума и сомнительного родового происхождения; об этом многие знают, а уж её подруги — так подавно.

— Воистину, низкую дочь невозможно перевоспитать. Уже почти сестра, а манеры, как у служанки-дхаарки, — всё возмущалась Айнэсваала.

— Зато она энграммы у неё хороши, — заметила Арасси, поднимая хвост с кровати ладонью и роняя его обратно.

На самом деле, Нойна делает энграммы не просто хорошо. Она — крупнейшая мастерица Сидны по части энграмм, давно перескочившая через наставниц; в этом она вполне могла потягаться с сёстрами Криммау-Аммау, которые всегда считались лучшими в энграммах. Мастерство их составления и применения Нойна поначалу изучала вынужденно, ибо никак не могла толком зажечь игнимару. Сначала и энграммы не хотели ей поддаваться, но она с нельвиным упорством занималась ими, почти игнорируя всё остальное. Потому-то её сохранили в Сидне, ибо у неё выявился яркий талант; а если ты что-то действительно умеешь — значит, нужна в сестринстве.

— У некоторых из них есть вполне хорошие манеры, — сказала Шасна, разглядывая когти. — Я дхааров имею в виду.

— Чушь. В лучшем случае они могут лишь глупо подражать, — сразу возразила Айни, всё ещё не удовлетворенная своим видом.

— Дхаарки прислуживают амарах дисциплинария, — заметила Миланэ, без задней мысли, просто так.

— И это ужасно. Дхааров вообще не должно быть в дисциплинарии. Для них есть полно других мест. Какой смысл находиться им в обители духа Сунгов?

— А вдруг они проникнутся его величием и потянутся к нему? — молвила Шасна со скрытым сарказмом.

Айнэсваала возмутилась и даже бросила прихорашиваться:

— Не хватало ещё! Грязное не может бесследно дотронуться к чистому!

— Ладно, — улыбалась Шасна. — Доброй ночи, Арасси. Спокойно ночи, Милани, хорошо отдохни.

Попрощавшись, они ушли.

Миланэ улеглась на живот, лицом к стенке, прикрылась тонкой тканью и отреклась от мира.

«Предки мои, ещё только луна, и я стану сестрой, стану жить в Марне... Принимать участие в жизни патрона... И вот как ко мне станут все относиться? А вот так, вот так... Это столь заманчиво да интересно иметь силу и влияние, вот например я куда войду в любой магазин или там учреждение или гости а все начнут перешёптываться смотрите это Миланэ, да-да, та самая, родная Ашаи сенатора Тансарра, вы слышали о ней, ах какая у неё игнимара, ах какая она из себя, а я буду делать вид что не замечаю или мне в привычку... Хорошо иметь силу и влияние, опять же деньги, они не всё решают в жизни, но многое, они — власть, вокруг них всё вертится, не без этого, давай будем говорить честно, что тут таить. Наверное, мне придётся выполнять его важные поручения, даже давать взятки, наверное, я это умею, буду так давать с многозначительным видом, и с таким же видом их будет кто-то принимать, хотя какие взятки может давать сенатор, ему должны давать... Взятки это как бы плохо, но на самом деле иногда на пользу общему делу, не так ли?.. А ещё будет время заняться собой, будет досуг, я обязательно пройду по всем магазинам Марны с одеждой, драгоценностями, украшениями и прочим-всяким, увижу интересные места, познакомлюсь с интересными львами и львицами... достану самых лучших тканей и перешлю их матери в Ходниан, ой, надо будет ей и денег дать когда приеду... Достану хороших книг, обязательно достану «Снохождение»... снохождение... снохождение... Вот почему в дисциплирии ему так мало внимания уделяют? Хотя понятно, тут обучить сложно, тут больше личное упорство играет роль, да и склонность имеет значение... Не зря ведь Вестающих так мало, а все они — хорошие сновидицы... самые лучшие... и ничего, никаких огромных истинотайн они не изрекают... хотя, как знать, у них свои тайны, даже свой мир... Да, согласно канонам, в снохождении нету истины, а потому время проводить в сновидных похождениях имеет немного смысла, оно дано лишь для видения Ваала, но разве Ашаи всё должна измерять полезностью?.. Хотя да, как нас учили: «Хорошая Ашаи — полезная Сунгам Ашаи». Всё меряется полезностью для Сунгов, для общности... Польза — мера всего... Всего... Всего... Деньги. Польза... Сунги...».

— Миланэ? — тихо прошептала Арасси, но в тишине ночи её голос прозвучал резко, даже пугающе.

— Да? — на выдохе молвила Миланэ.

— Ты спишь?

— Так... лежу...

— Ты боишься Приятия? — ткани кровати шуршали, когда Арасси высоко подняла лапу, вот так играя своими изяществом и гибкостью.

Она всегда спит на спине.

«Как можно спать на спине?», — всегда удивлялась Миланэ. — «Неудобно ведь».

— Нет. Скорее, немножко волнуюсь, когда о нём думаю, — дочь Андарики попробовала изложить свои мысли в честном ответе.

— А я боюсь, — призналась Арасси, и по её тону Миланэ поняла, что действительно боится.

— Боишься того, что после него продолжатся твои ночные кошмары? Или

боишься пить сому?

Арасси помолчала, продолжая играть лапой в воздухе.

— Боюсь, что Ваал меня просто убьёт, когда её выпью. Ведь помнишь, что было, когда я несколько раз пила нарала...

Устало приподнявшись на кровати, Миланэ с нетерпением спросила:

— Арасси, скажи честно: ты взаправду думаешь, что это Ваал приходит в твои сны? В конце концов, за столько лет мы ведь можем внести ясность! Ваал приходит к тебе, да?

Арасси, протянув руку, взяла два браслета со столика и начала ими постукивать.

— Больше некому приходиться. А кто ещё? Что это такое?.. Ну должна же я хоть что-то думать, — бросила браслеты обратно. — Иначе это болезнь и безумие. Я должна верить, что это Ваал, а иначе — конец...

Миланэ не верила во Ваала, как это принято среди простых Сунгов — прямо и плоско, который понимают его именно как «Первосущность», как нечто индивидуальное, вроде богов и богинь этих варваров; да никакая Ашаи, из тех, кого она знала, не верила в него в истинном смысле слова. Всё это было бы огромным надувательством, маскарадом, притворством, если бы не некое странное убеждение в частичной, но верности этой веры, тем более, что она опиралась на таинственные, странные и необъяснимые вещи, свидетелем которых ежедневно, с малых лет, была каждая Ашаи. Соответственно, эту никому не постижимую до конца двойственность и противоречивость — двоемыслие, о да — носила в себе не только Миланэ, но и остальные Ашаи, и каждая справлялась с нею отдельно, как умела.

И если некто посягал на некие основы, на Ваала, на Сунгов, на их жизнь и их порядок, то Миланэ чувствовала в себе сдерживаемый, но гнев, и всячески пресекала подобное инакомыслие. Ваал приходил в её сновидения, она явственно помнила этот совершенно безличный образ в форме света на вершине; тем не менее, в этой безличности пряталась та самая *сунгмара*, «отличие всех Сунгов», их характер, их древность, общность, их прошлое и будущее; Миланэ чувствовала, что и она — часть этого сияния, и в ней есть этот свет, и в остальных Сунгах, а другие к этому не причастны, они не могут иметь тех даров духа, которыми владеет сестринство. Потому они — другие, чужаки, они не хуже и не лучше, но они — чужие.

Если Ваала нет, то почему только львицы-Сунги могут владеть дарами?

Если Ваала нет, то что это за сияние в сновидениях?

Если Ваала нет, тогда почему бессильны и жалки жрецы иных народов, прайдов и племен?

Хорошие вопросы. Вопросы, которые терзали всякую Ашаи, что решила вдруг пересмотреть свою веру.

Конечно, Ваал приходит в разных образах. И к Арасси он впервые пришёл в образе большого, яростного, тёмного льва; он без предисловий и послесловий насиловал её каждый раз, при каждом видении в сновидении, а потом топил в небольшом, но чёрноглубоком пруду. Арасси не боялась рассказывать наставницам, что это был именно Ваал, а не просто фантазия, скрытые желания и прочая шелуха ума; говорила, что это именно он, что «она чувствует». Наставницы всячески смотрели ей в глаза, даже правдивидица пыталась уличить во лжи, но потом все лишь повели ушами и решили, что у каждого свой способ познания духа Сунгов, а потому если она назначена Ему для такого изошрённо-извращённого эротизма, так пускай, что поделать.

Никогда не страшась делиться ощущениями и личным, не имея никаких границ и

внутренних преград, Арасси всё рассказывала Миланэ. Её длинные рассказы, которые всегда богаты на детали и всякий раз звучат по-разному, в конце концов сводились к тому, что насилие ей, в общем-то, нравилось, а утопление было ужасающим. Пожалуй, дочь Андарины посчитала бы Арасси странной и болезненной лгуньей ради эпатажа, львицей дурнейшего воспитания, но та действительно просыпалась среди ночи от удушья и, как правило, падала с кровати или на несколько минут впадала в сумеречное, жуткое состояние беспомощной паники; за несколько лет совместной жизни Миланэ привыкла к этому и знала, что делать. И всякий раз, когда случался ночной приступ, Арасси перед этим видела своего грозного, жестокого Ваала.

Впервые это случилось с нею в шестнадцать лет, и тогда ещё Миланэ и Арасси были знакомы очень плохо. Шестнадцать лет считаются весьма ранним сроком для первого видения Ваала, потому Арасси посчитала ночные приключения за всплеск фантазии. Все её интимные приключения и соблазнения до девятнадцати имели целью унять эти страшносладкие ночные кошмары; вообще-то, Арасси считала их чем-то болезненным, а потому желала избавиться от них. Но расцвет эротизма в дневной жизни имел мало влияния на ночные видения, он их не выгонял, не успокаивал, не унимал дочиста; тогда Арасси поняла, что эти видения имеют немного общего с её дневной жизнью. Тем не менее, они были сущей странностью и огромным образом повлияли на неё. Она в одно время попробовала удержаться от всякой мысли о львах, даже не смотреть в сторону самцов (правда, выдержала недолго), но вот это самым ужасным образом усугубило тяжесть её сновидений, поэтому ничего не оставалось, кроме как вернуться к прежнему образу жизни. Во многом это предопределило своеобразный характер Арасси; у неё было много недоброжелательниц, даже откровенных врагов, но также и множество обожателей-почитателей-воздыхателей. Несмотря на всё это, Миланэ ладил с нею очень хорошо; без зазрения и оглядки она могла назвать её одной из своих лучших подруг.

В последнее время приступы у Арасси вмещали в себе всё больше ужаса и всё меньше удовольствия. Кроме того, она начала втайне сомневаться, что это именно Ваал посещает её сны; но появлялся вопрос: если не Он — то что тогда? Или кто?

Поэтому Приятие Арасси начала воспринимать как некий порог, черту, за которой её эти кошмары должны оставить.

— Позавчера такую книгу хорошую начала читать. «Несколько неверных слов» называется. Там, знаешь...

— Арасси, чуть не забыла. У меня будет к тебе просьба.

Миланэ вдруг с острой ясностью поняла, что у неё есть все шансы достать «Снохождение».

— Какая?

— В Сармане заведёшь меня в тот книжный магазин, где работает твой приятель?

— Конечно. А что нужно?

— Книжку одну купить.

Арасси хмыкнула в недоумении.

— Белую или серую? — спросила с осторожностью, ведь от Миланэ, как правило, всегда слышались лёгкие укоры, если она собирала в комнате кучу запрещенных цензурой книг. Миланэ ими никогда не интересовалась; дело не только в том, что Миланэ — послушная дисциплина, но и в том, что она не питала интереса к эротической литературе и отречённому чтению. Арасси же очень любила и то, и другое;

отречённое чтение, то есть воспоминания и свидетельства Ашаи-Китрах, которые по разным причинам были отлучены от сестринства, всегда вызывало у неё неподдельный интерес. Эротическая литература, в принципе, не страшна, ею играется множество львов и львиц Империи самых разных сословий, и запрещают её из-за глупого ханжества и вяложизненного морализаторства теперешнего Императора, запрещают безынтересно и нетребовательно, закрывая глаза на то, что купить такой род чтива можно в любой, самой захудалой книжной лавке. Отречённое чтение куда опасней: за хранение подобной литературы вполне реально изгнать дисциплину прочь; но Арасси все эти годы ухитрялась избегать неприятностей.

— Серую, конечно. Иначе зачем бы я тебя тревожила.

— У него есть много всякого, — сразу предложила Арасси. — Хм, на тебя не похоже.

— Сама удивляюсь, — действительно удивилась себе Миланэ.

— Может, дать тебе чего почитать?

— Нет, мне нужна одна конкретная книжка, больше ничего.

— А как называется?

— «Снохождение», пера Малиэль.

— Хм... Не слышала. Ну, спросим у Морни. Он должен знать, — Арасси мяла в руках точилку-забаву для когтей, не прекращая своих воздушных игр с лапами.

— Зайдём в Сармане к нему, когда будем ехать ко мне, ладно?

— Ладно. Погоди... Куда это «к тебе»?

— В Ходниан. Поехали, наконец, ко мне в гости, в Андарию. Хотя бы перед Приятием.

— Но...

— Не отказывай, Арасси, не надо. Умоляю. Перед Приятием у нас будет много свободного времени, впервые за столько лет... Давай проведем их вместе.

— Я согласна, — легко и просто согласилась Арасси.

— Чудесно, — только и ответила Миланэ, безумно усталая, и повернулась на бок.

Всё, наконец-то можно уснуть...

— Миланэ, как думаешь, куда я уеду после Приятия?

— Давай завтра... попробуем... погадать... — пробормотала Миланэ.

— Пробовала, и других просила. Ерунда какая-то получается. Куда-то далеко, говорят.

— Угу...

— Мне лишь луна осталась до него. Или чуть больше... Это вроде много, а на самом деле — немного. Ты спишь?

— Уху...

— А знаешь, я очень рада, что ты меня пригласила к себе на родину. Я никогда не была в Андарию. Так интересно, ну просто жуть как.

— Дааа...

— Нет в мире лучше подружки, чем ты. Честно. И, наверное, никогда не будет.

— Ухум...

— Ладно, давай спать, что ли. Будем спать?

— Мммм...

— Прикрою окно... Ветер дует... Плохие сны нагонит.

Глава XII

Когда Миланэ всячески прихорашивалась, вертелась возле зеркала, советовалась с Арасси по поводу нарядов, и вообще готовилась, то у неё не было большого сердца на встречу с Таем.

«Чудеса со мной», — подумала Миланэ, выходя из дому и направляясь к стаамсу, как было условлено. — «Попробуй тут пойми мир, если даже не поймёшь, чего хочешь назавтра».

Взяла тот самый пласис, который обрела в Марне.

Естественно, совершенно естественно, что она из приличия запоздала, но немножко, совсем чуть, на минут десять-пятнадцать. Но оказалось, что его у входа нет. Следовало определиться, и Миланэ, после некоторых сомнений, всё-таки решила чуть подождать. В жизни всякое случается; он мог запоздать не по доброй воле; кроме того, дела стоит доводить до конца.

Чрезвычайно сложно сказать, кем именно для Миланэ являлся Тай — лев старше неё на пять лет, превосходной тёмной внешности и хорошего происхождения, обаятельный, в ладах с жизнью. Словосочетание «всё сложно» никак не могло описать истории их взаимоотношений; они не были друзьями, потому что с самого начала, когда Миланэ исполнилось девятнадцать и она однажды попала на приём к главе магистрата Сармана, у неё завязался с Таем короткий роман, который затем перерос в отчуждённую дружбу, иногда пронзаемую вспышками страсти; но страсть эта была очень практичной по своему существу, взаимовыгодой, в которой каждая из сторон находила природное расслабление, не более (но и не менее — в этом Тай был хорош).

Далее каждый преследовал своё: Миланэ — точку приложения, как львица, ведь каждая самка нуждается в поклонниках, неплохой компании и времяпровождении, когда скучно; вначале она приняла эти отношения, поддавшись романтическому порыву, даже поверив в свою влюблённость, а потом внутренне согласилась их потихоньку поддерживать вовсе не потому, что действительно находила в них нечто действительно интересное и волнующее; скорее, желание было подспудным, смутным, но очень живым, сильным, а потому искало выхода: чтобы восхищались, чтобы желали, чтобы любили — вот, чего она хотела. Чтобы вот по-настоящему. Не сиюминутно, не понарошку, а так... Но получалось именно сиюминутно и именно понарошку; сущий бардак. Миланэ очень быстро смирилась, приняла всё за данность, и Тай, в конце концов, стал для неё неким суррогатом сначала любовника, а потом — друга; но на него и судьбу она ничуть не обижалась, это никак не пошатнуло её веру в невозможное, великое, внебренное чувство.

Таю выгод оказалось больше. Если львицы замечают тебя в компании Ашаи-Китрах, и ничего что только дисциплины (а некоторые скажут: «более того — дисциплины!»), то они мгновенно обращают на тебя внимание; они-то знают, как всякая Ашаи, эта живая сумма качеств самок Сунгов, переборчива и расчётлива в партнёрах. Поэтому он мог тщательно выбирать из тех львиц, что выказывали знаки благосклонности, а таких оказалось пруд-пруди. В некоторых кругах твоё появление вместе с Ашаи — половина успеха. Естественно, он находил своё удовольствие в красивой андарианке Ваалу-Миланэ, и вполне уверенно можно сказать, что благодаря ей не только провёл прекрасные вечера, но и узнал кое-что новое о львицах вообще. Но время неумолимо бежало, надо было устраивать жизнь, и он наконец-то

определился с кандидаткой в супруги; да, по старым временам ещё не раз поскучаешь, но всему своё время. В конце концов, в какой-то момент он понял, что Миланэ окончательно передвинула его из графы «львы, которые могут посметь...» в почти постыдную «друзья, с которыми можно провести время». Он не особо отяготился, потому что был умным львом и понимал, что их спонтанные отношения рано или поздно должны были угаснуть; кроме того, уже приходилось относиться к этим отношениям с утайкой. С другой стороны, дружба с Ашаи — это престижно и выгодно, поэтому-то он захаживал к ней по старой памяти, приглашал на всякие необязательные торжества, пытаясь поддерживать добрые отношения.

Сегодня Миланэ хотела с ним окончательно попрощаться, через подруг попросив его приехать; начинать — всегда прерогатива самцов, но вот заканчивать — зачастую самок. Он, конечно, останется своего рода другом, и если что, она сможет ему помочь по старой памяти, но так, без большой охоты...

Личная жизнь Ашаи-Китрах — всегда такой бардак. Они обречены на это.

— Если у входа появится лев такой, видный, весь из себя — не упустите — то дайте знать, — обратилась Миланэ ко стражникам у входа. — Я буду у скамейки на аллее.

— Как сиятельная просит, так и будет.

Ждать самолично здесь претит этикет.

И вообще, это знак большой благосклонности, подумала Миланэ. Пусть оценит в последний раз, когда придёт. Усевшись на скамью, она огляделась по сторонам. Мимо прошли четыре дисциплины, года на три-четыре младшее неё.

— Восславим Ваала, сестра.

— Восславим, сестры.

Ещё три.

— Восславим...

— Восславим.

Хромая, шла мимо старая сиделка из больницы Сидны, которую Миланэ прекрасно знала уже много лет. Она тоже андарианка, и всегда говорит на родном диалекте, что часто вызывает насмешки.

— Красивого дня, Ваалу-Милани.

— Светлого дня.

— Втай некого ждешь-то?

— Жду, Тимрара-нишани.

— Ай-яй, ждать это натрудно, — запричитала старая львица, хлопнув в ладоши.

— Ничего, Тимрара-нишани, я терпелива.

— Ваал тебе отдал зельно достоинств...

Тимрара ушла, а Миланэ вытащила из-за пояса чехол со знаками Карры-Аррам, чтобы узнать: где Тай и отчего его нет.

Карра-Аррам — один из многих предсказательных инструментов Ашаи-Китрах, созданный сестрою Каррой много-много лет назад; Карра, как её сокращенно называют, не слишком популярна в среде Ашаи, так как её изначальное назначение — гадание на довольно узкие темы, а именно любовные, семейные и родовые. Ею сложно, а зачастую и невозможно предсказывать что-либо другое; тем не менее, Миланэ издавна нашла с Каррой общий язык. Свои знаки в виде карт Миланэ, по традиции, смастерила сама; использовала она их нечасто, но и не стеснялась обращаться, если возникала нужда. Гадание на Карре-Аррам не требует никаких

ритуалов, формальностей, всё можно делать на ходу, в этом её удобство; и если у Ашаи есть сила и связь, то можно вполне успешно что-либо предсказывать.

Зажала колоду знаков пальцами правой руки, потом развернула, как веер, и вытянула первый с тихим вопросом:

— Придёт ли?

«Чаша, разбитая пополудни». Охохо. Нуууу, тут яснее быть не может. Не придёт. Не сможет. Тут даже нечего смотреть почему, и так ясно: невеста, уже вот-вот супруга, наверняка закатила ему истеричную сцену, мол, по каким ещё таким делам ты снова прёшься в Сидну, а?

Спрятала Карру и запечалилась.

«Вот хорошо всякой простой львице... Все желают львицу-Ашаи, а на деле — боятся, опасаются, обходят... Ведь попробуй с нею управься, она с виду самостоятельна, решительна, сильна, влиятельна да прочее-прочее... Потому труднее нам выбирать, много труднее, смелых львов мало, а проходимцев да корыстных — много...»

Любовных приключений у Миланэ было совсем немного, если сравнивать с остальными подругами-ученицами; как истинная андарианка, она всегда сдержанно-неуступчива, осмотрительна, мастерица пассивного обаяния самки — это родовое, это в крови. У дисциплинар Сидны часто случается роман со стражником Сармана, не рядовым, конечно, а молодым дренгиром; вот и у неё случился такой роман. Аккуратный, предупредительный, но иногда проскакивали какие-то дурнейшие манеры; но в общем, было понятно, что ему нужно, и это мало устраивало Миланэ, так как она не питала к нему больших чувств, он просто был симпатичен; она связалась с ним, потому что, во-первых, стало любопытно, а во-вторых, молодая Ашаи не должна долго ходить в недотрогах, должна «знать жизнь», должна «уметь обходиться со львами», «дарить духу Сунгов наслаждение». Так-то да, но пока она думала-раздумывала, как поступить, весьма страшась возможной близости, то всё угасло.

Но, как говорится, не решишься ты — решатся за тебя. И льва она узнала отнюдь не поздно — в восемнадцать лет; у неё случилось ночное приключение с совершенно-непонятно-кем на празднике, на который её нарочно уболтала пойти Арасси; стоило предположить, что Арасси под «праздником» имеет в виду нечто вроде молодёжной оргии, но похоже, что под этим словом у неё подразумевался какой-то уж полностью несусветный разврат, а для подобных обычных вещей у неё было наготове слово «праздник» или «праздничек», как Арасси любила говорить. Миланэ там не понравилось, а от некоторых вещей она пришла в ужас и отвращение, но просто взять, махнуть хвостом и уйти не могла; убеждая себя, что и такой опыт нужен Ашаи, а ханжество в среде сестринства — почти порок, и из чувства того, что все дела нужно доводить до конца, Миланэ без всякого желания отдалась одному льву, который, по крайней мере, не вызывал у неё неприятия, заманенная в самую дальнюю комнату огромной патрицианской виллы. Без Арасси она идти не могла и не хотела, а потому, после полудикого соития, уснула льва частично взглядом, частично ласками, а сама уселась у окна, чувствуя одиночество; потом заснула возле льва, слегка обняв его, но не потому, что хотелось нежности, а потому, что было зябко. Так их и нашли поутру, и Миланэ с абсурдным чувством выполненного долга ушла с Арасси восвояси.

Потом она ненадолго увлеклась сыном аптекаря из Адбана, города в льенах сорока от Сидны, и даже несколько раз нарочно приезжала туда, чтобы явиться-

покрутиться перед ним; представить себе первый шаг с её стороны было совершенно невозможным (Ашаи! Андарианка!). Он сразу обратил внимание на ученицу-Ашаи, что чуть больше обычного задерживалась в аптеке среди флаконов и склянок, постоянно выпрашивая совершенно ненужного совета, мягкая, скромно-улыбчивая; лев охотно пускался в объяснения, и ей приходилось слушать, причём не только о фармации, но ещё об истории их города и генеалогии. На третий раз он вдруг прыгнул выше головы и пригласил её на прогулку; Миланэ, к его страху, неожиданно согласилась. Высокий, худощавый, слегка сутулый, но вполне симпатичный и хорошей крови, он со знанием города водил её по Адбану, бесконечно болтал о своих генеалогических изысканиях и старинных домах; Миланэ слушала всё это с истинным терпением львицы-андарианки и достоинством Ашаи-Китрах, кое-где даже находила для себя что-то интересное. Так и протащился день до вечера.

От симпатии к неприязни всего несколько шагов, и Миланэ, разочаровавшись в его трусливой пассивности, навсегда зареклась иметь дело со всяким осторожно-несмелым самцом.

Затем у неё приключилось короткое, романтически-трогательное приключение с новеньким главой стражи главных врат Сидны. Все подруги считали, что Миланэ совсем не зря увлекает львов в термы, прикрываясь тем, что-де ей надо изучать все нюансы стальсы, и понимающе, с хитрецей улыбались. Но всё это были враки и глупости, и только Мтаал, сын далекой западной провинции Листигия, смог подступить к ней; надо сказать, что он нравился очень многим ученицам, даже сёстрам, но Миланэ покорила его своей андарианской внешностью и таким же характером: неприступно-мягким, обходчивым, беззлобным. И, конечно, стальсой. Самое главное, что он был романтичным, очень хорошо воспитанным, но настойчивым; с ним Миланэ почувствовала себя желанной, и не преминула этим воспользоваться, как всякая самка — давала подступаться медленно, шагок за шагом; он писал ей трогательные письма, в которых делал много забавных ошибок, хотя видется они могли сравнительно часто, небезуспешно пытался поддерживать интересные беседы, был искренен и добр, и Миланэ даже раз втайне подумала, что если бы не её судьба Ашаи, не сей статус, то она даже — невероятно! — могла бы выйти за него, уехать в Андарию, осесть где-то недалеко от отцовского дома и принести трое детей, или даже четверо. Она к нему привязалась (почему-то страшась называть это «влюблённостью»), и с желанием и радостью однажды сдалась ему, но через луну вышло так, что ей на две недели пришлось уехать с наставницами в Криммау-Аммау, а затем сразу в провинцию Аарв-Найсагри; вернувшись, обнаружила лишь прощальное письмо — Мтаалу пришлось уехать в далёкую-далёкую Кафну, за синее море. Поплакав немного, она стала ждать ещё одного письма, ведь он не оставил обратного адреса — видимо, сам не знал. Получив кратенькую весточку из Кафны аж через три луны, Миланэ ответила самым лучшим письмом, на которое была способна, используя всё мастерство в искусствах сочинения и каллиграфии. Они ещё переписывались два раза, а потом Мтаал пропал — видимо, жизнь захватила; как бы там ни было, Миланэ всегда вспоминала его с тёплой грустью, желая всего хорошего в жизни.

Всё это хорошо, всё это так...

Миланэ вздохнула.

Тай, сын ювелира из Сармана. Это были её первые и единственные отношения, которые можно назвать «постоянными», «продолжительными», если под продолжи-

тельностью понимать год и две луны, а постоянством — возможность видаться где-то раз в неделю, и то не всегда. Ей — двадцать один год, она только-только вернулась с Востока, совсем скоро — двадцать два; характер её чуть обострился, прошёл очищение пламенем, как у всякой ученицы, что успела послужить Легате. Практически с самого начала, если не считать небольшого периода влюблённости Миланэ, была понятна надуманность и половинчатость этих отношений; и он, и она скрыто знали, что у них нет будущего. Безусловно, прекрасный вопрос — что такое «будущее» в этом смысле? Супружеский обет? Ашаи нельзя замуж. Сожительство после Приятия? И он, и она понимали, что это — невозможно (Миланэ не собиралась, Тай искал себе супругу). Рождение детей? Миланэ не была готова, тем более вот так. Взаимная любовь до смерти? Эй, уже не смешно.

Тем не менее, Миланэ принимала эти отношения по трём причинам. Во-первых, и да-да, как ни странно, он был чрезвычайно точен в слове и пунктуален. Казалось бы — что такого? А всё дело в том, что дисциплинары-Ашаи — не обычные львицы; и если лев, возжелав поухаживать за любой маасси, может практически в любой момент придти туда, где она обычно бывает, перехватить её где-то по пути, даже придти прямо домой, как принято в последнее время и попросить выйти, то с дисциплиной так не получится. Хоть в любой дисциплинарии и есть так называемые «часы посещения», но они настолько ненадёжны, что на них и положиться нечего; кроме того, они больше предназначаются для родственников. Вовнутрь большинства строевых дисциплинарий, а тем более его жилых кварталов, лев не может попасть; и хоть есть рискованные сорвиголовы, которые нарушают строгий закон, в целом это — невозможный вариант. Кроме того, дисциплинары почти всегда чем-то занята, и свободное время ценится, определяется наперёд, высматривается. Нехорошо получается: лев не может проявить инициативы. Он не может встретить желанной дисциплинары тогда, когда хочет!

Что делать? Любая Ашаи — львица; как-то не очень хорошо идти и устраивать всё самой. А потому многие поколения дисциплинар выработали свои способы. Миланэ использовала надёжный и проверенный: писала своеобразные записки, главным назначением которых было дать знать в завуалированной форме, когда и как Тай может её встретить. Скрытность необходима по приличиям и этикету: не могла же она написать: «Жди меня после шестого часа такого-то дня — встретимся».

Потому приходилось писать нечто подобное:

Привет, милый Тай,

есть несколько вещей, недоступных львиному пониманию: первая, это природа игнимары; вторая, это безбрежность Тиамата; и третья, это почему отменили столь ожидаемое занятие по игре на цимлатине, которому не суждено состояться в шестом часу восьмого дня второй Луны Вод. Я буду с тобой откровенна: мало что может сравниться с игрою на цимлатине — великим услаждением слуха; между всем, если ты когда-нибудь пожелаешь услышать мою игру, то дай знать — я буду рада принести удовольствие столь доброму Сунгу навряде тебя. Слов нет, моя игра несравнима с игрою нашей наставницы — истинной мастерицы, но я стараюсь верночувственно следо-

вать её наставлениям. И теперь я лишена этого занятия и хорошего наставления! Потому мне ничего не остаётся, кроме как поделиться с тобою своей лёгкой печалью.

*Целую,
ВМБ*

Передавались эти записки либо извозчими, либо посыльными, либо подругами-друзьями. Конечно, в какой-то момент можно задаться вопросом: зачем этот маскарад? Почему не написать: «Буду свободна тогда-то»? Нельзя! Вот не могла Миланэ переступить через этикет переписки, даже в таких личных вещах — так положено для Ашаи-Китрах. Тот же этикет очень рекомендовал сохранять у себя копии записок и писем (так исключается вероятность подделки), и Миланэ иногда со смехом перечитывала их. И, безусловно, все они оформлялись каллиграфически — никак иначе.

В условленное время Тай всегда был у врат Сидны; он никогда не опаздывал, безупречно точный — ни разу не пришлось ждать. Миланэ боком вскакивала на его фиррана и они неслись к Сарману.

О да, и это было второй причиной — эти совместные, вечерне-ночные поездки на фирране. О да, Тай имел превосходного, породистого, откормленного, мощного, лоснящегося фиррана с огромной гривой, который очень нравился Миланэ — настоящий зверь. Далёкий-далёкий пра-пра-сородич львиного рода, четырёхлапый, большой, он вёз их к Сарману длинными, упругими прыжками; иногда Тай садил её впереди, иногда — позади; в первом случае она пребывала в объятиях, во втором — лгнула щекой к его спине, и каждый раз получала тайное наслаждение. Ей почти почти верилось, что её забрал за собою некий герой, знающий свою цель, уверенный, укравший её от остального мира, и она была безумно рада этой целеустремлённости, этой подмене своей воли на чужую. Они с Таем, как Миланэ потом поняла, в те моменты были наиболее близки, даже больше, чем при самой близости; они оба, молчаливые, получали нечто такое от этих поездок, чего не могли получить нигде более; они были почти настоящими, почти сами собой. И чего тут таить, именно от этих поездок, от этого фиррана, от его живой мощи Миланэ распалаясь больше всего, иногда до того, что ей хотелось дёрнуть Тая за гриву, взглядом умоляя, и чтобы фирран резко отскочил с дороги в спасительную чащобу, он чтобы Тай остановился прямо посреди вечероночи в этих зарослях и прямо там, без глупых условностей, взял её, а фирран бы стоял над ними, наблюдая, и с его пасти исходила бы на мать-землю длинная, искрящаяся в лунном свете слюна...

Конечно, так никогда не случалось. Это — из разряда безумных, несбыточных эрофантазий, которые навсегда укрыты покровом глубокой тайны.

Но вот что касается небезумного и сбыточного, то — и это третья причина — Тай был хорош. Тут надо начать с того, что Таю нельзя было довериться, как дорогой душе, с ним нельзя было поговорить начистоту. Он никогда не интересовался её жизнью и почти ни о чём не расспрашивал; даже то, что она — андарианка, узнал чуть ли не через полгода с их знакомства; а потому она тоже стеснялась всяких расспросов о его жизни. Беседовали они всегда отвлечённо, словно отбывая повинность, касаясь только нейтральных тем, их совместные пребывания в обществе, в целом и общем, оказывались для Миланэ скучны и тягостны. Тай был из той самой породы львов: без надломов, зазубрин, правильный в поступках и мыслях, с чётким жизненным планом, а потому — успешных, воспитанных в ровном, спокойном роду, знающих себе цену

и так далее. Такие очень нравятся многим львицам, с такими можно неплохо устроить жизнь. Тай был внимателен, всегда старался устроить их досуг; Миланэ хорошо это подмечала; но здесь всегда чувствовался дух чистой формальщины — каждый играл свою строгую роль.

После развлечений, выхода в свет и досуга, закономерно наступали мгновения игр самца и самки. Вот здесь ему можно было довериться, как льву, и расслабиться — он знал, что делать, никогда не совершал глупостей и безусловно соблюдал правила. Ведь что самое важное в подобных дружески-интимных отношениях: взаимная, огненная страсть? тайная, безответная влюблённость одной из сторон? обилие взаимных интересов? сходство темпераментов? Как бы не так! Однажды подруга-Арасси очень точно подметила, когда они взялись обсудить эту тему:

— Правила игры, Миланэ.

Да, именно так. Тай безусловно соблюдал правила игры, потому Миланэ без всякой опаски и напряжения сдавалась ему. Он никогда не забывал о ней; ничего не делал через «не хочу»; относился с уважением, а всякое доминирование и унижение беспрекословно прописывалось в правилах и было частью полового ритуала; ни о чём не распространялся; молча, охотно шёл навстречу её мельком высказанным пожеланиям, да и сам был наделён хорошей фантазией. Ближе к концу их отношений Миланэ всё меньше понимала, зачем им эта пытка межполовых формальностей и предварительных хождений вокруг да около, зачем все эти визиты, вечера, ужины, прогулки и представления, если можно просто взять да перейти к единственному-главному, хотя проходила она эту пытку со всем достоинством, красотой и грацией, на которые только была способна, а способна она на многое.

Но, естественно, и это осталось тайной — андарианки о таком не признаются.

Присутствие Тая в своей жизни всё-таки, несмотря на неоднозначность и сумбурность, Миланэ воспринимала благосклонно. Оно помогало не бросаться опретью на какого-либо льва, что вдруг тебе понравился; не делать глупостей; находить выход для тех самых времён, когда хочется чистейших, банальных ласк без претензий на всё остальное; чувствовать себя хотя бы на некоторое время «при самце». Она знала, что у него есть другие львицы. Она знала, что он ищет себе супругу. Это никак её не заботило, ревновать было бы унижительно и бессмысленно — таковы правила игры. Правда, его львицы пылали от ревности до искр в глазах, и самое забавное случилось тогда, когда Ваалу-Миланэ пришла зажечь огонь Ваала в дом родителей Тая (вот тебе и польза в отношениях с Ашаи); к несчастью, она серьёзно опоздала, по весьма уважительной причине, а потому нос к носу столкнулась со львицею, у которой были самые серьёзные виды на Тая; он привёл её на ужин к родителям — познакомить. Безусловно, родители вынуждены были пригласить Ваалу-Миланэ к столу, но она сослалась на очень-очень важные дела, и всё бы на этом закончилось, но необычную настойчивость вдруг выявил сам Тай, который, казалось, должен быть заинтересован к её скорейшему исчезновению. Он просто не отпускал, упрашивая! Убедил, пришлось ненадолго присесть.

Львица, вполне миловидная, сидела, улыбалась, и даже беседовала с нею, но изнутри просто душилась ненавистью и ревностью; эмпатия Миланэ не могла вынести этих волн, поэтому она очень скоро ушла.

— Тай, ты зачем её так унижил? — потом потребовала объяснений у Тая.

— Если она хочет быть моей женой — стерпит. Она подо мной, не я под ней.

— О фу, Тай, какая пошлость, — фыркнула Миланэ.

— Может быть, — очень спокойно сказал он. — А можно назвать это «жизненно-стью». Знаешь, я не хотел так: чтобы она осталась, а ты ушла, не посидев со мной за столом. После всего, что между нами. Понимаешь?

Миланэ ещё повозмущалась для приличия, но поняла, что это был весьма и весьма недвусмысленный жест уважения; в целом, он обошёлся непорядочно с той львицей, будущей супругой, но порядочно — с нею, Ашаи. Что важнее, как правильнее? Она так и не смогла решить этот ребус.

Эх Тай, Тай.

Миланэ не виделась с ним уже полгода, а отношения прекратились ещё много раньше. Всё-таки хотелось с ним попрощаться, пожелать наилучшего в жизни и лизнуть в щёку — хорошим самцам надо отдавать должное.

«Даже сама не знаю, чего хочу в жизни... Вроде всё есть, а если раздумать — так негде прильнуть».

...вот чтобы всю любил, без условности и всяких «но» да «если» и «потом».

«Я бы тебе многое отдала. А может, даже всё...».

— Ваалу-Миланэ-Белсарра?

Миланэ аж одёрнулась от неожиданности: она столь глубоко ушла в себя, что не заметила, как подошёл белосеверный незнакомец в коротких штанах и простейшей тунике; до того он был прост, что странно, как его вообще впустили.

— Доброго дня безупречной. Я от Тая пришёл.

— Доброго дня льву... Да? — встала она.

— Я — его друг. Он не смог написать письма по некоторым причинам. Просил передать, что ни о чём не жалеет и надеется, что так же себя чувствует и преподобная. Просил передать наилучшие пожелания.

«Тай, Ваал мой, ты всегда был столь умён-смышлён. Как можно *такое* передавать через друзей, даже самых близких?», — неприятно изумилась Миланэ.

— А что помешало написать? — всё же спросила.

— Некоторые семейные обстоятельства, так сказать, — скривился он, замысловато жестикулируя. А потом махнул ладонью, мол, чего таить: — Супруга не даёт. Она в своё время нашла письма, был небольшой скандал. Он не хочет теперь её волновать — она беременна.

— Он сочелся в браке? — ещё больше изумилась Миланэ.

Удивил не сам факт, а то, что она не знала.

— Уж две луны как.

— Откуда лев знает о письмах?

— Боюсь, об этом пол-Сармана знает. Что я буду тут врать перед преподобной?

— Что ж, пусть лев передаст и ему наилучшие пожелания. Передаст благодарность за приглашение на свадьбу. И за то, что так прекрасно со мной попрощался, — кивнула Миланэ и решительно ушла.

Вот так всегда; примерно такой конец ожидает подобные связи.

«Бредно, скандально, сумбурно, немного балаганно, забавно и в чём-то жалко», — позлилась немножко Миланэ, хотя к Таю не питала ничего, даже обиды. Всё-таки хотелось лично попрощаться, да ладно. Немного подумала о том, как этот друг Тая смог попасть внутрь дисциплинария, но потом вспомнила, что сама выбрала час посещения, чтобы пообщаться с ним внутри, а не снаружи.

Ничего страшного не случилось, просто забавный жизненный эпизод. Ах, кто-то бахвалился, что «она подо мной, не я под ней». Впрочем, имеет право. Негоже бере-

дить души добрых супругов Сунгов, особенно беременных, вносить смуту в молодую семью. Быть Ашаи-разлучницей, скандалщицей, вносить хаос в чужие отношения — не одобряется Кодексом и *аамсуной*.

Наболтала лишнего всё-таки.

В самом деле — ничего такого. Она давно уже ничего не чувствует к Таю. Если встретятся где на улице — вежливо поздороваются, и всё.

Но что-то как-то начало берeditь, совершенно безотносительно к нему, а так, вообще... Она никогда всерьёз не думала о тихой драме судеб Ашаи; как-то всё проплывало мимо, а тут — не проплыло, корабль сел на мель. По прибытию в свой дом, села на кровать и зарыдала такими горькими слезами, коих давно не было в жизни.

«Не будет так, как у Малиэль», — дрожала её челюсть. — «Ничего не будет. Всё — ложь».

* *

Иногда одиночества хочется больше, чем любой компании, любой пары и всякой понимающей души; так часто бывает с Миланэ, и вот теперь, кое-как успокоившись в родных стенах, Миланэ решила уйти... а куда уйти, если хочется побыть одной? Верное дело, в Сидне найдётся и такое место: Аумлан-стау, что в переводе с древнего означает незатейливое «Тихий дом» или «Дом тишины». Полтора льена от Сиднамая, полчаса ходьбы. Идёшь туда, выбираешь себе комнату-помещение (четыре стены, циновка на полу, пара одеял, стул, маленький коврик, окно, подставка для свечки — всё) и делай, что тебе нужно. Общаться там нельзя, в занятые комнаты заходить тоже нельзя, шуметь нельзя.

Дисциплины не любят мрачно-тихий Аумлан на берегу сонного, болотистого озерца, в который иногда заставляют ходить наставницы упражняться в тишине ума. Значительно лучше, веселее и эффективнее делать это в залах стаамса, вместе с подругами; ведь если двадцать таких, как ты, сидят себе и молчат вместе во тьме, то это много сильнее, чем ты сама сидишь и молчишь. Сама многое не намолчишь, а с другими — можно.

Поэтому в него ходили нечасто, а если и ходили, то с простой целью — выспаться в полной тишине. Наставницы за это не ругали — они сами так делали.

«Как испортило настрой», — думала Миланэ, ступая к Аумлану, одетая уже в простую свирю. — «Хоть вой, хоть рычи».

Но по дороге обида и злость улетучились сами собой и Миланэ прибыла в Дом Тишины уже вполне в согласии с собой.

«Что делать? Возвращаться?.. Но ладно уж, раз дел сегодня нет, так пару часов упаду в *аумлан*, а потом домой пойду, ужин сготовлю».

Аумланом зовётся не только этот дом одиночества, но и медитативная практика Ашаи. Аумлан бывает разным: тёмным — когда просто сидишь или лежишь, стараешься изгнать из головы все мысли и не заснуть; светлым — это когда вглядываешься в какой-нибудь предмет либо в рисованную энграмму. Практика аумлана весьма близка к сновидчеству, а потому ему уделяют мало внимания; он считается прерогативой сталл и юных дисциплин, которые не могут поймать во сновидении образ Ваала. А сновидение ни на что больше не годится, как говорится. Только увидеть Ваала, и хватит. Незачем среди иллюзий сновать, не-за-чем.

Вошла в низкое, каменное, длинное здание, выбрала себе первую комнату, выве-

сила красный шнур на кольце мощной дубовой двери — знак того, что комната занята — и, сбросив свирю и сандалии, легла на циновку.

Возлегла на спине, закрыла глаза. Привычно начала всматриваться в темноту перед глазами.

Дело с Таем не давала покоя.

«Вот я на него обиделась, а за что?.. И сама не скажу, что мне было надобно... Любви от него хотела, я от него другой любви хотела, чтобы он меня видел так-как-есть, но какая я тогда на самом деле? Мир несовершенен, он не таков, чтобы быть по твоей прихоти... Надо было тебе говорить об этом приглашении на свадьбу, надо было говорить лишнее его другу? Ваал мой, ты же, на самом деле, желаешь ему лишь наилучшего, пусть живёт в добре и здоровье, и его дети... В конце концов тебе на Тая плевать. Например, намечается Синга в Марне...»

Долго-долго переворачивая в уме недолгие события дня, Миланэ, наконец, подошла к выводу, что не может сказать себе наверняка: права или нет. Тайно понадеялась, что другу станет ума не передавать то, что она сболтнула лишнего.

«Ну и Ваал с ним. Львица не всегда должна быть уверенной в собственной правоте. Так, глядишь, только правильные поступки начнёшь делать».

Открыла глаза, ощутив холод, с намерением уйти отсюда прочь.

— Вот проклятье...

За окном капал набирающий силы мелкий дождик.

«Ничего, чуть пережду», — решилось само собой.

Делать нечего — снова улеглась и как-то сразу и хорошо пала в аумлан, в невесомое состояние тёмного безмыслия и созерцания образов перед глазами.

Так её поглотил здоровый, мягкий сон.

Затем Миланэ начало сниться, что она в Айнангарде; она себя никак не признавала, полностью доверяясь иллюзиям сна, как обычно бывает у всех живых душ, что могут видеть цветные да чёрно-белые сны; гладкие, туманные и всегда ирреальные, они знакомы каждому. В них не веришь до конца ни в собственную жизнь, ни в смерть. Сон — он сон и есть.

В этом иллюзорном Айнангарде призрачная Миланэ смутно, бродя по неким коридорам-закоулкам, искала некоего художника, который мог бы написать её портрет. Но вместо попадались компании молодых сестёр, что смеялись от её расспросов и почему-то не воспринимали всерьёз; одна из них сказала, что атласы красоты теперь воспрещены цензурой, и её изгонят из сестринства за такие интересы. Но Миланэ-сновидной было всё равно — она продолжила поиски, пока не наткнулась на огромный столб прямо среди главного зала церемоний; столб выглядел толстым, напоминал потрескавшееся дерево, уходившее ввысь, пробиваясь сквозь стремительный шпиль стаамса Айнангарда, а ведь это — одно из самых высоких зданий Империи, так что столб оказался очень высоким, верно, до самого неба.

Но всё это неважно, стоит себе столб-дерево, ну и пусть стоит; главное, на нём был дурно оформленный указатель, точь-в-точь как вывеска «Большого Дерба» в Марне. На нём-то писано: «Художники, искусники и все-все-все». И стрелка. Туда и последовала дочь Андари, чего уж там, ей художник-то и нужен. Вошла в некую дверь, маленькую такую, смешную, и сразу очутилась на солнечном побережье у озерца, ярко сверкающего волнами. Солнце повсюду дарило свет, все вещи мира отбрасывали странные, тёмные-тёмные тени. Не задумываясь о странностях, причинах и следствиях, Миланэ пошла к озерцу; вдруг её сновидное «Я» осознало, что

вокруг большая-большая толпа, все куда-то спешат-снуют, а у озера художники, артисты, музыканты, писатели, поэты и прочие творческие души сидят с удочками да ловят нечто, верно, рыбу, а возможно что другое. «Где-то тут и мой художник», — подумала Миланэ-сновидная.

Да, есть так, вот он, как все.

— Ты гляди, чего я изловил. Гляди! — без приветствия набросился он на неё, безумно-весёлый, и тряс перед нею рыбой, но не обычной, а золотой.

— Зачем это?.. Пусти её, и так не съешь.

— Не съем. Растрясу! — засмеялся и начал потрясать рыбой в руке, головой вниз; из её рта посыпались империалы (медью, серебром, золотом), монеты варваров и западных протекторатов, золотые перстни, драгоценные камни (даже хризолит, какой есть во серьгах Миланэ) и прочее добро мира. Вытряхнув из неё ценности, он начал лихорадочно собирать их с земли; Миланэ и себе взяла монетку, так, не корысти ради, а чтобы разглядеть. Но та исплавилась от жара её ладоней, что знают огонь игнимары, а потом осыпалась песком меж пальцев.

«Деньги иссыпаются в тлен», — подумала Миланэ. — «Но правят миром, а потому не могут рассыпаться в ничто — так не бывает; потому что ничто не может править миром. Значит... я сплю, я во сне».

И тут весь мир превратился в песок, рухнув напрочь, а Миланэ очутилась в безмерном одиночестве сияющей тьмы; хорошо и верно осознав себя, она поняла, что начала сновидеть, и уже из опыта знала, что будет дальше: она чуть побудет среди тьмы, а далее сновидный мир иллюзий снова соберётся в причудливой картине, где можно и немного побродить безо всякого толку или же, если сильно вознамериться, можно встретить Ваала в том образе, в котором он тебе является. Для Миланэ, например, он всегда был шаром или столбом бело-жёлтого света на какой-либо возвышенности. К нему можно подойти, услышать тихий, но проникающий сквозь всю душу гул, даже дотронуться, и тогда охватит очень странное чувство, для которого почти нет слов. Как однажды сказала Айнэсваала: «Это истинный триумф: ощущаешься очень сильной и настоящей, причастной к невероятно величественному». Миланэ же укладывала это в слова так: «Словно воплощаешь собою всех Сунгов мира».

Но Миланэ осозналась очень хорошо; она понимала, что её тело лежит в одной из комнат Аумлана, что за окном — дождь; вспомнила разговор с другом Тая и свою обиду-сожаление; и она вспомнила о Малиэль и тех словах, что сложены в «Снохождении».

...ты броди по миру сновидных иллюзий, не питая страхов, и однажды придут к тебе миры снохождения. Сновидные тени будут исходить в прах под твоими руками и взглядом, ты нигде истинного видеть не будешь. Тогда-то и падёт душа в тёмную пустоту меж мирами, не зная, куда ей деваться...

И в этой тьме Миланэ, вспомнив об этом, вдруг ощутила, что она, она сама — пугающе реальна посреди бесконечной пустоты.

«Хорошо, пусть», — до странности чётко и ясно размышляла Миланэ-душа. — «Есть миры сновидных иллюзий, что суть плоды моих фантазмов, это знаю. Знакома мне и эта сияющая тьма вокруг, в которой я задержалась. Всё так, да ничего нового.

Но миры снохождения, что есть *вне* меня — как они? где они? что они?».

Помыслив это, ощутила мелкую-мелкую дрожь в своём теле сновидения, в душе, в себе самой. Низкий, всеохватывающий гул, который Миланэ заметила только теперь, начал угрожающе, с устрашением возрастать; характерное ощущение стремления, ухода вверх одновременно и раздосадовало, и облегчило душу — этот уход вверх был признаком возвращения обратно, к себе, спящей-настоящей; раздосадовало потому, что её опыт не был ни путным, ни толковым; облегчило потому, что гул превращался в страшный рёв, он досаждал беспокойством и страхом.

Но чуть трусливое измышление, спокойное ожидание вкатывания обратно в тело обратилось в истое беспокойство. Миланэ вдруг поняла, осознала, что никуда-то она не возвращается, душа даже и не думает возвращаться. Сознание вершило новый, совершенно неизвестный ранее путь, и эта новизна ощущений отзывалась мучительным страхом, смешанным со странной болью, которые Миланэ пыталась удавить, успокоить, обрести над собою намерение и власть. Но без большого успеха.

Вдруг всё остановилось, обрело устойчивость. Миланэ медленно и тяжело, даже неуклюже, вкатилась-ввалилась в новый ирреальный сюжет сновидного фантазма; произошло это не как обычно, внезапно и легко, а как-то вымученно; мир сооткнулся вокруг неё словно из тяжёлого тумана. Вокруг не то день, не то ночь, светила в серо-свинцовом небе не было; под ногами находилось нечто, больше всего напоминающее голую протоптанную землю. Станным образом, обращая внимание вниз, Миланэ видела все её трещинки и крупички. Далее, поднимая внимание-взор сновидного тела, она заметила вокруг камни, большие и маленькие; из-за совершенно искажённого чувства расстояния невозможно было сказать, сколь они большие и насколько далеко находятся. В один миг казалось, что они на расстоянии пары шагов, а затем — что в бесконечности.

Вдали виднелись горы совершенно неестественной высоты, и чем дальше Миланэ вглядывалась, тем тяжелее сохранялась всякая осознанность и произвольное внимание.

«Смотри под лапы», — смекнула. Стало немного легче. Затем поглядела на руки: приём для сновидчества, с которым Ашаи знакомится, ещё даже будучи найси. Руки оказались, как и положено в сновидении, необычными, немного странных пропорций и почему-то очень светлого цвета, а также от них исходило небольшое свечение, которое отдалённо напоминало зарождающийся огонь игнимары.

В сознании отсутствовала кристальная ясность, да и фантазмы вокруг были нестройны, туманны. Тем не менее, всё было реально, слишком реально, почти-почти реально, и себя, сновидящую, она ощущала тяжело, неуклюже. Туман, что плыл вокруг и обнимал этот мир, словно проходил сквозь неё, и Миланэ чётко ощущала его как медленный ветер. Но сновидение может быть всяким, подумала Миланэ, а потому — чему удивляться? Сегодня одна картинка, завтра — другая. Всё и так — чушь. Но каким бы оно ни было, в нём всегда можно делать две вещи: перемещаться взглядом да произвольно изменять окружающие вещи.

Взять тот же камень, что ближе всего, небольшой.

«Его нет», — спокойно вознамерилась Миланэ, как учили.

Но камень как-то не совсем захотел исчезать.

«Его нет!».

А он — есть.

«Его... нет?...».

А как же. Есть, лишь замысловатые, красивейшие живые узоры снуют по его неровно-блестящей поверхности, каждый раз немного изменяясь при её «Нет!».

«Это что, как это так?.. Фантазмы сновидения должны подчиняться воле, ибо изошли от моего ума. Всё просто. Раз, два, три. Два и два — четыре. Но здесь всё не так... Ваал мой, где я?».

Этот простейший вопрос — где я? — вдруг потряс её всю, всю душу до основ, и даже нечто большее внутри неё. Миланэ-ученица вдруг поняла: этот вопрос, хоть и бессмысленный в плане верного ответа, всё-таки несёт зерно истины, потому что она, или, вернее сказать, её душа, сновидное тело — назвать можно как угодно — куда-то, но *попала*.

«Это какой-то мир?».

Это последнее, что она успела осмысленно подумать. Но тут же её, от всего волнения, изгнало прочь, как непрошенную гостью, и она начала участвовать в каком-то полусне-полудикости: Миланэ превратилась в маленькую, крошечную точку, перемещалась в неведомом пространстве-времени по длинным серебряным нитям, каждый раз останавливаясь у её узелков; каждый из них хитроумно сплетал и связывал другие нити. Чуть остановившись в одном, она неожиданно переходила к другому. Это путешествие не имело цели-смысла, но в нём таилась некая вечная радость, даже триумф.

Такой живой полубред-полусон надолго пленил её; Миланэ потом казалось — почти вечность. Но она не терзалась — это было хорошо и покойно, и она совершенно ничего о себе не помнила: что она — львица, что она — Ашаи, что она Миланэ, в конце концов, что она любит телятину и не любит баранины, что она из Андарии и что втайне очень любит, когда её... но не будет о тайном.

Сон медленно, глухо прекратился, но промежутка бесконечного забвения сна без сновидений не было — Миланэ сразу проснулась в комнате Аумлана-стау, не сразу, а с медлительной постепенностью. Сначала проросло новое, безмерное удивление от становящегося мира, и в какой-то момент Миланэ показалось, что она очень многое поняла, но тут же забыла. Затем вся комната стала обителью ирреального, иномирного, но уже более-менее знакомого.

Наконец, стало понятно: глаза открыты, смотрят на трещинки стены. Лежит на спине, что ей несвойственно, да ещё повернув голову влево. Привстала. В теле ощущалась разбитость, словно бежала льенов пять, а потом вдруг заболела сенной лихорадкой. Прикрыв лицо широко расставленной ладонью, Миланэ вздохнула и молвила:

— Ясно...

Хотя совершенно ничего не было ясным.

Мысли спутывались, напоздали одна на другую.

Она привстала.

Тряслись ладони, несильно, но ощутимо.

Вздохнула несколько раз, захотела встать. И вроде всё ничего, но вдруг стошнило, причём сильно так стошнило, по-серьёзному; совершенно непонятно отчего. Она так и надолго застыла, ощущая своё дурное и жалкое положение.

«От страха?», — с глубоким стыдом подумала Миланэ, утёршись ладонью.

Убрать надо, немедленно, да нечем ведь.

Миланэ утёрлась расшитым платком, который всегда таскала в сумке, вытерла им ладонь. Медленно собралась и вышла из комнаты.

А тут как шла старая Манзанни, давнейшая светская служительница Сидны. Множество таких уборщиц-прислужниц Сидны попросту безымянны для Ашаи — их имён они не помнят. Но Манзанни знали все. Да и она за многие годы тоже многое узнала, даром что лишь прислужница-уборщица из глухого хустрианского посёлка.

— Добрыдень, съятльная. Всё? — отмашкой указала на комнату.

Миланэ ничего не ответила, а прислонилась к стене. Потом взялась рукой за красный шнур на двери, просто чтобы руки чем-то занять, но Манзанни восприняла это как согласие с тем, что уже «всё».

— Там... это... не надо заходить, я сама... сейчас...

Опытнейшая Манзанни сразу всё поняла.

— Ничего, ничего. Случается, не волнуйся, у вас бывает. Всё видела, всё знаю. Я позабочусь, ты иди. Иди.

Миланэ кивнула и, не попрощавшись, ушла; проведив её взглядом, старая львица вошла вовнутрь комнаты.

Она действительно поняла, о чем речь: уже не один десяток раз за свою жизнь сталкивалась с тем, что именно в комнатах Аумлана учениц почему-то сташнивает. Сначала, в молодости, она полагала, что они там нечто принимают втихомолку, и удивлялась: зачем такие шалости? Ведь Ашаи может принимать любой наркотик среди своих сестёр, если посчитает нужным. Но следов или запаха, которые должны оставаться после подобных излишеств, Манзанни ни разу не обнаружила. Тем более, что сталлы и дисциплиры (а это практически всегда были сталлы и дисциплиры, и только однажды — молодая сестра) ничего особого с собой не приносили, да и не выносили тоже. Потому поняла она, что дело здесь деликатнее; зная на своём бытовательском уровне, что в Аумлан-стау ученицы и сестры приходят, как правило, «видеть Ваала во сне», она приняла для себя объяснение, что Ваал подобным образом наказывает, как суровый отец, в чём-то провинившихся Ашаи.

— За дело видать, за дело, — негромко посетовала Манзанни и принялась убирать.

Он же дух Сунгов: раз его можно видеть, то и он — видит.

Миланэ казалось, что она очень долго идёт домой, всё вокруг мерещилось каким-то ненастоящим, словно поддельным, игрушечным. Дело катилось то ли к вечеру, то ли к ночи: в сырости-мороси было не разобрать. Жутко, до невозможности хотелось что-то съесть, что угодно.

Дома её ждала Арасси, ибо по причине дождя она так и не успела доделать сегодняшние дела.

— Как день? Повидалась с Таем?

Миланэ показалось, что Арасси говорит на каком-то странном языке, забавном и незнакомом:

— Прости, пошто гворишь?

— С Таем-то как? — потребовала ответа Арасси, опершись рукой о подоконник.

— У нас есть поесть? Еда? Что поесть у нас есть?

— Есть... — нахмурилась подруга, потом приглянулась: — Милани, что с тобой?

— Вадай доедим? Есть чоку.

— Миланэ, что с тобой?! — тут же обеспокоилась Арасси и подбежала.

— Я тебя люблю, А... А...

Миланэ вдруг забыла, как зовут подругу. Напрочь. Первый звук помнила, а остальные — унесло...

Долгим будет пересказ, если описать все действия Арасси: она и охала, и ахала, и с дотошностью, по всем правилам, обследовала её, даже раздев донага, искала укусы насекомых и змей, заглядывала в рот, принохивалась к шерсти. Наконец, Арасси пришла к выводу, что Миланэ вдыхала дым арры, хотя никакого запаха от неё не исходило. Тем не менее, её поведение явно было странным, арра же одна из немногих наркотических трав, которая не расширяет и не сужает зрачки, а они у Миланэ оказались вполне нормальны.

Утром Миланэ, хорошо помня всё вчерашнее, удачно объяснилась перед Арасси тем, будто бы вчера нечаянно приняла немного нарала, сделанного неопытной ученицей, тем самым подтвердив очевидную, но неверную догадку подруги о том, что всё дело — в веществах. Также она, сама не зная почему, вдохновенно наврала о том, как встретилась с Таем и как они замечательно-окончательно расстались.

Выдуманый рассказ понравился Арасси.

* *

— Все вы — каждая из вас — доказали, что можете стать Ашаи-Китрах. Теперь вы уже не сталлы, не маленькие ученицы, вы — полноценные дисциплины, доказавшие себе, сестринству, Сунгам и Ваалу то, что вам назначен этот путь служения. Это налагает многие привилегии; но многие обязательства ждут того, что вы будете выполнять их и верно следовать им. Верно! — ещё раз повторила Ваалу-Хильзари. — Так, сейчас я попрошу кого-нибудь назвать все привилегии, которые наличествуют у совершеннолетних учениц и сестёр нашего сестринства. Майни, назови ты, прошу.

«Это невозможно завалить», — подумала Миланэ, пошевелив пальцами вместе сжатых ладоней. — «Да-да, это первое, что меня спросили на Совершеннолетии. Как теперь помню».

— Привилегия неприкосновенности, привилегия доверия, привилегия входа, привилегия обращения, привилегия преимущества, привилегия заверения, привилегия приюта, привилегия собственности, — протараторила Майна, совершенно не задумываясь, точнее, уже Ваалу-Майна, дисциплина Сидны семнадцати лет от роду. Достижение в жизни, как ни крути, и она восседала с горделивым, сияющим видом.

— Отлично, — Ваалу-Хильзари равнодушно махнула рукой, не ожидая ничего другого. — Вот, все мы слышали: привилегия заверения. Но она — не только привилегия, она — глубочайшее обязательство Ашаи. Об этом обязательстве, одном из самых важных, мы сегодня поговорим всерьёз, по-настоящему. Ранее вы не могли знать, пройдете ли Совершеннолетие, и наставницы не знали тем более, а потому вас ничему этому не обучали; но теперь, когда ваши стампы уже с вами, каждая получила пласис и кольцо — теперь иное дело. Теперь вы — в ответе перед собой, Ваалом и Сунгами за всё, что делаете. И не делаете. Ашаи не может позволить себе мысли о том, что она не на виду, что никому нет дела до неё, что она — в стороне, что — вне общества. Такая Ашаи не нужна духу Сунгов.

Миланэ сидит в сторонке, в дальнем уголке аудитории, на высокой, а потому неудобной скамейке.

Здесь около тридцати учениц-сталл, которые только-только прошли Совершеннолетие; для одного урока такое количество учениц — очень много. Есть здесь и те самые, с которыми Миланэ ехала по возвращении в Сидну; взглядом она искала их подругу, у которой были проблемы с игнимарой, но найти не смогла.

«Не прошла, видать».

Но её подруги вовсе не выглядели печальными, совсем напротив. Ну ещё бы, их можно понять. Всё позади.

У Миланэ очень хорошее настроение, полное сил и внутренней готовности ко всему. Скорее, даже замечательное. Позавчерашнюю разбитую усталость и чувство иномирности как смахнуло, теперь она находится здесь-и-сейчас, упиваясь всем миром вокруг. Ей хотелось шутить, делать что-то смешное, веселиться, куражиться, делать всем хорошо и без умолку болтать.

Тем временем Ваалу-Хильзари прохаживалась взад-вперёд:

— Такое вводное слово я изрела для нашего первого занятия по привилегии заверения и основам права Империи. Сразу скажу, что позже каждая из вас будет слушать чтения в светских учебных заведениях по различным ветвям права Империи. Но запомните: привилегия заверения и умение обращаться со штампом — это не правовая наука, что бы вам там не говорили светские головы. Ашай-Китрах заверяли клятвы, сделки и право собственности задолго до того, как вообще появилось такие слова, как «прецедент» и «юриспруденция». А, тем более, «нотар».

Прокатались смешки.

Улыбнувшись чему-то своему, наставница Ваалу-Хильзари продолжила:

— Так вот. Как вы знаете, суть привилегии доверия состоит в том, что с помощью своего штампа и слова вы и я можем заверять множество различных вещей, то есть, подтверждать или опровергать чужие слова. Что именно, спросите вы? «Что я имею право подтвердить?», — спросит каждая из вас. Отвечаю: всё, что касается отношений между двумя и более Сунгами. Договоры, сделки, купли и продажи, клятвы, обещания, свидетельства, показания, жалобы, списки, завещания, поручительства... дарчие... да что угодно. Ещё раз хочу отметить — это не только привилегия, но и строгое обязательство. Ашай не должна увиливать от ответственности подтверждения; мы не те, кто боится ответа. И благодаря этому общество добрых Сунгов строится не на страхе наказания и взаимном подозрении во лжи, а на доверии, потому что Ашай-Китрах — его проводницы. Мы — проводницы доверия, его повиухи и хранительницы. Чтобы наглядно показать, почему это хорошо и почему так важно — я пойду обратным путём и попрошу вас задействовать воображение.

Она свершила жест «алон-гастау», жест настойчивой просьбы.

— Представьте себе... вы, вот все вы... представьте общества, скажем, тех же северных прайдов, варваров... Или нет, — махнула рукою, — давайте возьмем ещё большую, более наглядную абстракцию. Вообразите общество неких разумных существ, скажем, умных обезьян. Да-да, не смейтесь, я знаю, что это полная чушь. Это лишь для того, чтобы мы могли отрешённо рассуждать о таком обществе, не привлекая никаких измышлений и не терзаясь ненужными коннотациями, связанными с северными или восточными варварами либо нашими подопечными на западе. Допустим, у этих обезьян общество развилось значительно дальше первобытного прайда, скажем, пусть оно будет примерно на нашем уровне. Но у них нет никаких Ашай, нету общности, нет общего духа, и все их отношения строятся на принципе «ты мне — я тебе», в самом широком смысле, и на страхе наказания, будь то наказание от закона или традиции. Подобное общество вполне может существовать, что мы можем видеть, например, в Гельсии. Там может существовать всё, кроме одного: изначального доверия между его членами. Каждый захочет гарантий. Каждый хочет знать, что слова другого — не пустой звук. Но поскольку проводниц доверия у них

нет, то они будут измышлять сложные системы гарантий, самые разные вещи, которые будут подстёгивать слова и обещания. С развитием общества эти вещи будут становиться всё сложнее и сложнее, а способы обмана — всё изощрённее. От этого все ещё сильнее будут подозревать всех, потому что всё будет идти от противного: не от доверия, а от страха попасть впросак. Они будут выдумывать право, если хотите, и правосудие, и деньги, и всё то, что обслуживает деньги. Но эти их выдумки и, наконец, станут не средством, но целью. Такое общество — обречено, в конце концов, на пустоту и полное неверие. Каждый начнёт думать: «Поверю — не попаду ли в дураки?».

«Но в Империи ведь тоже есть деньги, право, правосудие. Нестройные рассуждения», — размышляла Миланэ, внимательно слушая.

Сегодня ей назначили такое служение: помогать наставницам в обучении младших по годам учениц.

— Может, у этих обезьян будут не проводницы, а проводники? — предположила какая-то ученица, худенькая, маленькая, тёмненькая, грустная с лика. Говоря, она не смотрела на Хильзари, а направила взор в сторону и вниз.

Хильзари хмыкнула, готовая ко всякому вопросу.

— Чтобы быть проводницей, посредником, — медленно начала она, — нужно быть жрицей, хотя бы жрицей доверия и только. Можно привнести в мир божество доверия, договоров и клятв, воздавать ему таким образом почести. Жрицы вполне могут родить божество, потому что самка рождает, не самец, он может только посеять; так и было с духом Сунгов, в метафорическом смысле, конечно. А самец жрецом быть не может, сколь бы ни пытался, и поскольку жрецом быть не может, то и проводником — тоже.

Все закивали. Конечно не может. Это всем ясно. Лев-жрец — такой же нонсенс, как львица-завоеватель. Они-то нажречествуют, так нажречествуют, что мало не покажется.

Миланэ заметила, как одна из новоиспеченных дисциплинар, пользуясь тем, что сидит за спиной подруги, украдкой рассматривает ножны своей сирны, сняв их с пояса.

— Мы отвлеклись. Вы скажете: «Пусть этим проводником будет закон!». Неплохо на первый взгляд, но близоруко. Абстракция, умствование, в конце концов, не могут вести доверие как следует. Закон — он для всех, за него отвечают все, а потому — никто. Только не надо говорить о санкциях и тому подобном, которые всегда назначены кому-то конкретному.

Аудитории в дисциплинариях всегда полукруглые, в несколько ярусов, но не более четырёх. Никаких столов перед ученицами нет; можно ничего не записывать, всё стоит запоминать. Кому очень хочется, тот может взять доску для писания и ставить на неё бумагу. При ответе можно не вставать. Но сидеть надо всегда ровно, по нескольким позам, никак иначе. Сначала это непривычно, утомительно, потом привыкаешь, а дальше уже и не представляешь, как иначе.

— Среди нас же, Сунгов, тот, кто готов доверять — не простак, не глупая голова. Напротив: это — разумно, правильно и честно. Ашаи, в свою очередь, помогают родиться этому доверию. Они связывают, — Хильзари свершила замысловатый жест, будто связывая невидимые нити, — души этими узами.

Посмотрела на ладонь, пошевелила пальцами.

— Приходит пастух и говорит: «Я хочу отдать три коровы и получить за них дом,

но коровы мои — ещё телята, их надо вырастить. А в доме желаю жить прямо сейчас». Зодчий говорит: «Я хочу взять коров и отдать мною построенный дом. Но как я могу знать, что ты отдашь их?». Пастух отвечает: «Мы составим с тобою бумагу, в которой и опишем наше дело — я дам обещание». Но зодчий верно молвит: «Но если потом ты скажешь, что бумага — ничто?». И тогда приходит к ним Ашаи: «Верьте друг другу, добрые Сунги. Двое договариваются, третья видит. Горе тому, кто осмелится осознанно нарушить договор».

Она ударила тыльной стороной кисти правой руки по левой ладони. Нйах-гастау — сложный жест, означающий конец, прекращение, убийство, а также презрение.

— Мы, Ашаи — не только вестницы духа, но ещё и хранительницы доверия, справедливости, собственности. Одна душа не может с полным покоем довериться другой, поскольку в обществе существует естественная осторожность между незнакомыми и плохо знакомыми особами; но если посреди них является сестра, то углы сглаживаются, и каждый честный Сунг спокойнее возьмёт любые обязательства, которые намеревался взять.

— А нечестный? — спросила дерзновенная ученичка, по всему, дочь Сунгкомна-асы.

— Для нечестивцев, клятвопреступников и проходимцев у нас есть свои подарки. И эти подарки очень часто нравятся им куда меньше, чем наказания от Имперского закона. Сестринство не знает ни давности дела в мщении, ни глупых условностей в воздаянии. Но с самого начала лучше до подобного не доводить. Когда Ашаи может быть проводницей доверия? Когда остальные стороны принимают его, готовы к нему, стремятся к нему. Только так, никак иначе. Светский нотари обязан засвидетельствовать любой договор, если всё соответствует закону, будь даже кто-то из сторон самого злого, дурного и жадного нрава. Мы же можем поступать так, как считаем нужным, и свидетельствовать лишь то, что выдаётся нам честным. Сёстрам-Ашаи Ваалом дано правдивидение и эмпатия, чувство души, острый ум, а потому: разве зазря мы зовемся «сёстрами понимания», скажите мне?

— Не зря.

— Скажите ещё раз, ученицы.

— Не зря, наставница! — звонко воскликнули ученицы; кто-то из них засмеялся.

Улыбнулась и Ваалу-Хильзари. Она сделала несколько шажков, прошлась, и продолжила, скрестив руки:

— Ашаи отводит от дурной клятвы и заведомо нечестной сделки. Каждая из вас может обратиться за помощью и советом к другим сёстрам, если нету полной уверенности. Вместе оно легче уличать во лжи, поверьте. Можно также обращаться в Палату дел Ашаи-Китрах, на то она и создана, чтобы помогать в таких вещах.

Ваалу-Хильзари молчала долго.

— Кстати, отвлекусь: в библиотеке есть такая старая книга, «Вне справедливости» называется, её когда-то сложило сестринство Криммау-Аммау. Там историй полно, да и многому можно поучиться в искусстве воздаяния, а особенно — как вести Книгу Злой Памяти, о которой вам расскажут позже. Хотя вы и так о ней слышали, уверена.

— Да, да, — закивали юные дисциплиры, сверкая зубками.

— Добрая воля и свободное намерение — вот что в жизни имеет высочайшую ценность. Кто обесценивает это, тому должно воздаваться по заслугам, и даже сверх того. Из этого следует, что Ашаи не может свидетельствовать то, в чём нет доброй

воли, а есть принуждение и нужда. Все клятвы должны быть добровольны.

Все клятвы должны быть добровольны...

«А добровольен ли наш путь? Просто однажды узнаёшь, что ты избрана наставницей... Словно родиться во второй раз. От тебя почти ничего не зависит. И дар к игнимаре — от рождения. Но от Ашаи-Китрах требуют многих клятв, мы многое должны совершать, причём не абы как...».

— Так, мои дорогие, давайте-ка перейдём к чему-то более основательному, — тон Хильзари совершенно поменялся, стал будничным и лёгким. — Ваалу-Миланэ, попрошу слышащую Ваала подойти, — поманила её жестом. — Сейчас мы... Сейчас мы все будем учиться подвязывать стамп к поясу. Некоторые из вас уже умеют, но всё равно мы обязательно должны научиться, причём хорошо и правильно. Я не зря позвала именно Ваалу-Миланэ, потому как именно она в своё время, не уделив достаточного внимания, уронила стамп. Прямо на пол. С пояса. На церемонии Нового Года. Так, глядите... Узел вот так, через руку... Пальцем или когтем придержите эту петлю. И сильно затяните. Понятно? Миланэ, показывай.

Облачившись в лучший пласис, тот самый, который купила в Марне, Миланэ выглядела очень хорошо, тем более что её украшали доброе расположение духа, лёгкая тентушь на глазах и тонкие полосы хирайи под ними. Миланэ очень редко наносит хирайю — чёрную-чёрную краску на растительной основе — но сегодня самое то настроение.

Она встала.

На тебя смотрит столько глаз. Ждут, что будешь делать.

— Восславим Ваала, сёстры. Эм... в этом году вы очень рано обрели стампы. Мы в своё время получили их аж через луну... — улыбнулась, посмотрела на Хильзари, потом посерьёзела. — Итак, один конец шнура — красный, второй — чёрный. Вам нужно вязать узел так, чтобы лишь красный отстёгивал стамп от пояса. Эм... вот, вот так. Раз-два-три. Чтобы хорошо держалось, да снималось тоже, потуже затягивайте пояса...

— Кстати, можете поздравить Ваалу-Миланэ.

Она с удивлением поглядела на наставницу.

— Совсем недавно она стала родной Ашаи для одного из сенаторов Империи в Марне. Большое достижение, скажу вам.

— Поздравляем, Ваалу-Миланэ! — повеселели юные ученицы, глядя на Миланэ с полной верой в свою счастливую звезду жизни.

— Пусть тропа будет усеяна цветами веры... — одиноко пожелал кто-то.

Миланэ присела в жесте большой благодарности.

* *

Наставницу Ваалу-Даэльси найти нетрудно: почти всё время она проводит в садах Сидны, наблюдая за птицами, ухаживая за кустами и там же изредка обучая учениц, как правило, искусству чтения и толкования текстов либо ухода за растениями.

Сидит она прямо под вишней, на небольшом коврикe; её поза — одна лапа подогнута под себя, вторая согнута в колене и обхвачена руками — ясно говорит, что она успела познать в жизни много свободы и одиночества, да не слишком жалуется всякие формальности. Хвост стелится по траве, а одета она проще нельзя: на ней лишь длинная серая туника, кольцо и амулет.

— Восславим Ваала, наставница Ваалу-Даэльси, — свершила Миланэ глубокий книксен, а потом присела на одно колено, держа перед собою сжатые ладони.

— Здравствуй, Миланэ. Чем обязана? — взмахнула хвостом Даэльси, склонила голову набок.

— Я не помешаю видящей Ваала?

— Что ты, дитя моё. Твой голос подобен пению ласточки.

— Недостойна столь добрых слов. Ваалу-Даэльси... У меня необычный вопрос, мне посоветовали обратиться ко львице. Может видящая Ваала взглянуть на этот амулет?

Миланэ раскрыла ладони и протянула ей подарок Хайдарра. Львица-наставница осторожно взяла его и начала рассматривать, поигрывая им в руке.

— Я кое-что выяснила. Мне сказали, что здесь что-то написано, а также, что он имеет отношение к северным варварам. Это вот, например, зубы снежного волка. А они у нас не водятся, — сладно-заученно сказала Миланэ.

— Не водятся, — эхом вторила Даэльси.

— Львица может о нём что-то сказать?

— Откуда он у тебя? Впрочем, не надо, не говори. Тебе будет спокойней, мне тоже, — рассматривала она амулет. — Почему ты решила обратиться именно ко мне?

Вопрос, ощутила Миланэ, был серьёзным, даже испытующим. Но она не готовилась к подобному, потому затрепетала:

— Подумала, может как-нибудь львица могла сталкиваться с... северной культурой, вещицами, и всё такое прочее... ведь столько лет прожила в Норрамарке.

Глаза Даэльси сверкнули, угасли, а потом она подняла голову высоко вверх.

— А я уж подумала тебе отказать и отпустить с добрым словом. Но эта сойка дала знак, что лучше не отказывать, и что тебе, Миланэ, можно верить.

Поискав взглядом птичку, но неудачно, Миланэ придвинулась ближе.

Разглядывая амулет, Ашай-наставница даже подбросила его несколько раз, словно желала удостовериться в немаленьком весе. Затем пальцем поманила Миланэ взглянуть на вязь:

— Здесь написано на древнем: «*Отважным помогает судьба*».

Миланэ хмыкнула, ожидая чуть иного. Любовный амулет — вот чего она ждала. Завместо — какая-то тривиальность.

— Даже не знала, что северным прайдам известен древний язык, — посмотрела на Даэльси с непониманием. — Древний язык Сунгов?

— Он самый. Известен, — спокойно ответила та. — От них и пошёл, только этого тебе в дисциплирии не скажут, да и ты не поверишь. Это амулет на победу в любых битвах. Это, Миланэ, не простая поделка. Эта вещица — дело рук и силы северных шаманай, а они умеют такие вещи делать, поверь.

— Северных... шаманай? Жриц северных прайдов, да? — для уверенности спросила Миланэ, мило нахмурившись.

— Не слыхала о них? — посмотрела в сторону Даэльси, постукивая себя веточкой по голени.

— Слыхала, конечно, — торопливо заговорила Миланэ. — Но «шаманай» — это их эндоним, они себя так называют, а принято избегать самоназваний во избежание путаницы.

— Эндоним, ха-ха-х, — засмеялась Даэльси, но невесело. — Хах... Ладно. Всё-таки: где ты его достала, Миланэ?

- Долгая история. Подарили.
- Ладно-ладно, можешь не рассказывать. Спрячь.
- Я не хотела показаться невежливой, наставница...

Но Даэльси не слушала:

— ...опасно ходить с такой штукой по Сидне. Спрячь-спрячь. Вот так, за пазуху. Так и ходи, и не показывай.

- Даже подругам?
- Тем более подругам.

* *

В Сиднамае, у дома Миланэ и Арасси есть маленький задний двор; всё, что в нём есть: четыре кола, вбитые в землю, навес из тростника и листов хум, с десятков яблонь и груш да осиное гнездо, с которым устали бороться да так и оставили с миром. Траву Миланэ иногда скашивает сама, если этого не успевают проделать служители, Арасси за это не берётся — не привычна, не умеет. Есть кроты, но они во всём Сиднамае есть.

Под навес Миланэ принесла два кресла, круглый стол из кухни-столовой, кувшин с яблочным соком, с десятков чистых листов, две кисточки и тушь. Наставницы дали сегодня служение: ввести одну из учениц в начала предсказания с Каррой-Аррам. Имя ученицы — Ваалу-Массари; она именно из тех, которые только что успешно прошли Церемонию Совершеннолетия; ей, конечно же, семнадцать, она из провинции Яамри, приятной и очень красивой земли; её жители — амрийцы, истинные Сунги — взяли лучшие качества хустрианцев (страстность, весёлый нрав) и найсгрийцев (чувство достоинства и смелость).

— Возьми кисть, пожалуйста. Будем рисовать знаки, и я буду рассказывать об их значении.

— Готова, — быстро ответила Массари, наблюдая за пальцами Миланэ; в правой руке она держала кисть, в левой — один из знаков, который она с капризно-деловитым видом взяла из рассыпанной по столу колоды Миланэ.

Львица она маленькая, но вовсе не тонкого сложения; желающие зла вполне могли бы назвать её толстоватой. Тем не менее, эта полнота ей шла полностью; скорее, даже не полнота, а крепость сложения. Выглядела она как типичная хозяйка таверны — сбитая и волевая, что может и пригреть, и огреть, только в ранней молодости; но от подобных ассоциаций спасали одеяние Ашаи, и маленькие, округлые, очень симпатичные черты мордашки. Окраса она довольно необычного, пепельно-тёмного; видимо, у неё в роду смешалось много кровей — окрас её говорил о южном происхождении, в то же время весьма длинный хвост — о северном.

Массари нрава упорного, хваткого, деловитого; она — неформальный лидер среди учениц-одногодков, имеет прирождённый талант к сплочению. Так же основательно и с рвением к делу она взялась за мантику Карры-Аррам. Если начистоту, то Миланэ не могла внять, зачем ей нужна Карра, которая лучше всего под стать печальным и тихим душам; для этой мантики надо иметь чуткие к малейшим нюансам уши и своеобразную беспрактичность, любовь к чистому искусству без отдачи.

— Если ты всерьёз интересуешься, то придётся лично создать собственную колоду знаков.

— Я всерьёз. Знаю, — ответила Массари, поставив знак обратно на стол и посмот-

рев ей в глаза.

Как все настоящие знатоки, Миланэ отнюдь не считала себя выдающейся мастерицей Карры. Она почти всегда воспринимала её как отдушину, увлечение, одну из красок жизни. И, совершенно незаметно для себя, она прослыла в Сидне авторитетом в этой редкой предсказательной системе, не только среди учениц, но и наставниц. И её представили Массари так, как будто она — недостижимая звезда, лучшая из лучших, отчего Миланэ ощутила стыд.

— Ваалу-Миланэ, в первую очередь хочу понять: а можно как-то сразу узнать, что мне подойдёт Карра-Аррам?

Миланэ не спешила переходить на дружеское обращение, без этого формального отличия-клейма «Ваалу-» — без номена. Нет, она вполне благожелательно настроена к юной ученице, но она — андарианка, потому в крови внутренняя строгость, чувство аккуратной дистанции с малознакомой душой.

— Вижу, ты подготовилась перед тем, как придти, — Миланэ сразу поняла, на что намекает Массари. — Правда, вопрос стоит чуть по-иному задавать: подходишь ли ты Карре. Вот мы сейчас и спросим, что она думает о тебе.

— Если будет ответ «нет», то для меня дорога закрыта?

— Я бы так не сказала. Можно сквозь торный путь продирается, но есть ли смысл? Давай не будем забегать вперёд. Дотронься.

Миланэ сгребла свою колоду знаков и дала дотронуться к ним; юная ученица очень внимательно наблюдала за каждым движением. Миланэ несколько раз небрежно потасовала знаки, а потом безо всяких церемоний вытащила нижний и крайне осторожно поставила на стол. Вытащила ещё один, откуда-то из середины, сощурилась, отставила в сторону фасом вниз. Следующий поставила рядом с первым. Ещё один, последний — тоже.

Вглядываться пришлось долго, Массари нетерпеливо крутила своё серебряное кольцо.

«Первые дни оно всё «кусается» на пальце», — чуть улыбнулась Миланэ собственным мыслям. — «Так и хочется теревить».

— Так что там? — не вытерпела Массари.

— Вот они, первые три знака, которые ты сегодня начертаешь. Да, кстати, у каждого знака есть отдельное название, но я не буду пока их называть — они на другом языке. Всегда помни, что их названия на нашем, сунгском — только приближённый перевод.

— На древнем, да? — почти утвердительно спросила Массари и откинулась на спинку ротангового кресла, взяв в ладони один из знаков, что ей выпал.

Эта была совершенная бесцеремонность, но Миланэ стерпела и ничего не сказала: ученица точно совершила это не со зла. Кроме того, такое свободное обращение вполне могло быть предвестием хорошей дружбы между нею и Каррой-Аррам.

— Нет. Гляди сюда, — Миланэ указала на выпавшие знаки. — То, что ты взяла — знак «Да». Далее — «Смерть, которой не миновать». И наконец — «Сходятся и сойдутся». Это...

— И что это означает? — нетерпеливо перебила Массари, оставив один знак и начав рассматривать второй.

— С Каррой у тебя будут долгие отношения, но есть предыстория. Об этой мантике ты услышала давно, возможно, ещё будучи найси, но знаний о ней получить нигде не могла. Далее ты внимала негласному запрету на мантику для сталл, но

твёрдо уверилась, что после Совершеннолетия попытаешься обрести с нею связь. В общем, всё благоприятствует.

Та сидела молча, призадумавшись, оставив «Сходятся и сойдутся» в покое. Её обняла глубокая серьёзность; Миланэ тем временем сгребла знаки в кучу, помахала рукой подругам, что шли по дорожке, отгороженной стеной кустов, а затем начала разглядывать когти на правой руке.

«Подпилить этот, на безымянном. Странно, что Карра ей подходит. Вообще-то, эта Массари неплоха, толкова...».

— Ваалу-Миланэ, я хочу учиться у тебя, — на выдохе проговорила Массари, перейдя на «ты» от ли от волнения, то ли из внезапного, дружеского уважения. — Как сказала, так есть. Хоть Ашаи не должна удивляться, но... я удивлена.

— Не я сказала, но Карра, — очень спокойно, безо всякой сокрытой гордости ответила Миланэ, медленно отобрав у неё «Сходятся и сойдутся».

— А почему Ваалу-Миланэ отставила второй знак? Он был плох?

— Какой второй знак? — не сразу поняла Миланэ.

— Когда Ваалу-Миланэ вытаскивала из колоды знаки, то первый положила, а второй отставила, третий положила, и четвёртый положила. Что со вторым? Он оказался плох для меня, да?

— Нет, нет, так надо, — взмахнула хвостом Миланэ (сегодня у неё свира с вольным хвостом). — Вот мы вплотную подошли к основам. Гляди, знаки Карры делятся на три вида. В первый входят всего лишь два знака, «Да» или «Нет». Именно «Да» выпал тебе первым, и это очень хорошо, очень-очень. Сама Карра называла эти два знака «Заверителями бесстрастными». Вот второй вид — двенадцать знаков. Их Карра называла «Силами, в мире витающими». Третий вид насчитывает семьдесят восемь знаков, их Карра называла «Душами сверкающими». В обычном раскладе как раз нужны три знака, но каждого вида — по одной штуке. По пути к каждому из трёх ты, скорее всего, переложить примерно половину колоды. Вообще, какие знаки будут встречаться по пути, тоже весьма важно, но это со временем научишься понимать.

— Оооо... Хм. Понятно, — Массари вежливо дала понять, что не совсем поняла сути. — Я не знала...

«Объясняю просто отвратно», — разозлилась на себя Миланэ.

— Так ты только начала учиться, откуда ж тебе знать. Соку хочешь?

— Спасибо. Так на каком языке их названия, Ваалу-Миланэ? — ещё раз любопытствовала Массари.

— Что ты знаешь о Карре-Аррам? — дочь Андарики ответила вопросом на вопрос.

— О сестре-Ашаи Карре?

— Да.

— Ну, что она родом из Юниана, родилась где-то пятисотом году Эры Империи, была свободной Ашаи, сначала служила нескольким посёлкам и маленькому городку Баш, потом жила отшельницей, умерла в сорок лет от болезни...

— О ней многое не прочтёшь и не узнаешь, поскольку о Карре писать никто не хотел. Я тебе так скажу: мантика Карры-Аррам долгое время была почти под запретом. Владение Каррой лет эдак пятьдесят назад было не то что бы опасным... но так... нежелательным. О ней до сих пор стесняются говорить. Видишь ли, Карра была настолько странной и эксцентричной Ашаи, что её хотели изгнать, а наследие объявить вероборчеством. Но времена изменились, её взгляды признаются обычным

чужацеством, но тех, кто реально знает и понимает Карру, осталось очень немного.

— Да, я это поняла из своих поисков, — усмехнулась Массари, взглянув в глаза Миланэ.

— Так вот, Карра выдумала язык для своего мантического искусства. Он крайне нестроен сам по себе и дошёл до нас в ущербном, неполном виде. Потому практического значения не имеет, но каждая мастерица Карры не только умеет по памяти рисовать знаки, но и помнит оригинальные названия. К большому счастью, одна из учениц самой Карры, а их было только две, смогла точно перевести все значения на наш язык, благодаря чему мы здесь и сидим.

— А может Ваалу-Миланэ-Белсарра озвучить названия знаков, что выпали?

— Могу, — неохотно молвила дочь-жрица Андари. — Но это пока ещё ни к чему.

— Пожалуйста!

— Ладно... Вот, — нашла она в колоде «Да» и повертела в пальцах. — «Сео».

— «Сео»? — пригляделась к знаку Массари.

— Да. Вот — «Смерть, которой не миновать», — ещё вытянула Миланэ. — На языке Карры — «Затахиин хаалат э хоу». Умоляю, только не спрашивай о значении этого знака. Мы всё будем проходить по порядку... И вот — «Сходятся и сойдутся». «Пармарат а партариим».

Слова звучали совершенно чужеродно и странно, Массари лишь удивлённо заморгала.

— А как она придумала свою мантику?

— Да так же, как были придуманы карты Йоши, стебли, предсказания на рамзане, крови и прочее-прочее...

— Нет, всё это принадлежит сестринству, а здесь есть конкретная мать мантики. Может, она что-то рассказывала об этом?

— По легенде, знаки Карра собирала во снах. Хоть эту легенду рассказывала сама Карра, но ей верить нельзя: хоть она и была яркой Ашай, но полубезумной.

Миланэ вдруг замолчала. Собирала во снах. Как-то она всегда упускала из виду...

...постояй-постояй, погоди. «Собирала во снах», это ты для Массари нарочно упрощаешь. Карра говорила, что *«заснула единожды, сразу попала в дурственное место, и вечность бы с ним и все проклятья, но там встретила львицу очень странного вида, причём бесхвостую, бесшерстую — смехота, и она-то мне начала показывать знаки всякие, что я рисовала после пробуждения и вспоминала об их значении. Так было несчётное количество раз, сама со счёта сбилась, да хвост с этим счётом. Дурное приключение, скажу вам, да и тошнило от него...»*. Я всегда думала об этом, как о безумной, забавной выдумке, но теперь... начинаю... я начинаю думать... её ведь тоже тошнило... Ваал мой, как я раньше не...

— Значит, Карра не против... — задумчиво молвила Массари.

— Что? А, да. Не против. У вас должно сложиться.

— Точно?

— Здесь нельзя ровно отрезать, невозможно предсказать что-либо с полным уверением. Даже наилучшая предсказательница ошибается и может услышать неверно.

— Ладно. Ваалу-Миланэ, тогда львица скажет мне: как всё устроено? Как, — Массари совершила ударение на вопросе, — это работает? В конце концов, ответы нам даёт Ваал? Ведь от него — все наши дары.

— Я бы остереглась прибегать к такому упрощению. Ваал ни на что не влияет сам

по себе.

— Но как же?.. — явно запротестовала Массари.

— Нет-нет, гляди. Я тебе сейчас разьясню, — покачала головой Миланэ, строгая наставница. — Ваал живёт во всех нас, понимаешь? В наших душах, в нашем духе. Без нас его не станет.

Массари налила и отпила соку; несмотря на то, что он был безумно кислым — так любила Миланэ — она ничуть не скривилась, даже ухом не повела.

— Как и нас без него, — отставила кружку.

— Как и нас... — повторила Миланэ. — Эм... И если ты скажешь, что в мантике получаешь ответы от Ваала — то сильно исказишь суть дела.

— Значит, всё-таки суть дела можно раскрыть?

— Не знаю. Никто не знает, как всё вершится. Понимаешь? Это примерно так, как с игнимарой. Вот ты знаешь, откуда она берётся?

— Ну... огонь Ваала... огонь от него... пламя, которое берётся от... Ам...

— Видишь — нет слов. Как игнимару трудно объяснить, так и мантику. Но объяснения не нужны, вертеть словами можно как угодно. К примеру, можно сказать, что при мантике я вольно-невольно направляю свою или чужую судьбу так, чтобы она вышла к предсказанной тропе. Поэтому-то старые Ашай советовали мантикой не увлекаться, потому что считали: всерьёз предсказываешь — всерьёз влияешь на исход событий.

— Ладно. Ваал живёт во всех нас, — напряжённо думала Массари, — но в то же время его можно увидеть.

— Увидеть можно. В сновидении, — поправила дочь Андари, внимательная наставница.

— Значит, он всё-таки нечто особенное, он — личность, сверхсущество. Можно сказать, самый главный Сунг. Первосущность.

— Массари, мы же о Карре-Аррам должны беседовать.

— Пусть простит меня Ваалу-Миланэ, я просто хотела побеседовать на все темы, что представлялись мне интересными.

— Перестань, Массари. Никаких обид, только пытаюсь как можно лучше использовать время, с которым ты пришла ко мне научиться Карре. Что я, кстати, очень ценю.

— Спасибо.

— Итак, давай нарисуем первые знаки, «Да» и «Нет», они же — «Сео» и «Нон»...

* *

Сидна, не считая Сиднамая и земель вокруг дисциплинария — это множество самых разных строений, преимущественно из мрамора, соединённых сводчатыми галереями, маленькими садовыми дорожками и широкими аллеями. Каждое имеет своё назначение: есть и больница (одна из лучших в Империи), есть лектории, есть термы, есть мастерские, есть всё.

В одном из таких, которое называют дивным именем Гелейса (а практически каждое здание имеет своё имя), и находится сегодня Миланэ. Гелейса — очень простое одноэтажное здание, подавляющую часть которого занимает огромный зал с не менее огромными окнами; его главное назначение — обучение танцам, позам и жестам; нет, в стаамсе тоже есть залы для этого, но Гелейса — в первую очередь...

Посторонним вход воспрещён.

В главном зале, на боковых стенах здесь — панно: сёстры-Ашаи в разных позах. Лас-аммау, омраани-аммау, криммау-аммау, аамсуна-аммау, хейтари-аммау... все сорок восемь традиционных-классических-канонических поз.

Над главным входом — надпись: «Учись, ученица».

Миланэ могла сегодня не приходить. Сегодня у неё совершенно свободный день, а завтра она уезжает вместе с Арасси в Андарию. Дисциплирам её возраста уже не нужны эти занятия — в своё время она успела отдать им очень много времени, и умеет всё, что должна.

Раньше эти занятия воспринимались как тяжёлая необходимость, изнурительный труд. Но с течением времени Миланэ нашла в них отраду: повторяя полностью заученные движения, не по своей воле, а по воле наставниц, она словно отрешалась от себя, покидалась-забывалась, получая возможность либо пребывать в состоянии покойного, бестревожного безмыслия или же отвлечённо думать о своём. Беседуя с подругами, Миланэ нашла, что и они ощущают примерно то же самое.

На самом деле, забыться, уйти от себя в равномерности и монотонности — это исцеление, это спасение.

Не зря ведь сладчайший сон — серость без снов.

— Омраани, атэс!

Поза «спокойного пребывания». Встать ровно, очень ровно, идеально ровно, подбородок чуть ниже, ещё, руки свободно вперёд, пальцы легко обнимают пальцы. Стоишь на любой церемонии, на любом сборище? Так и стой.

«Как хорошо, что мы с Арасси уезжаем ко мне... Ваал мой, она ни разу у меня не была, я у неё — целых три раза! Хоть ей и ближе, ей что, пять десятков льенов от Сидны — и она дома...»

— Анэшмаан, атэс!

Сорок восемь классических поз предполагают, что Ашаи может не только стоять на земле, но и сидеть на земле. А сонм неклассических, что: сидит на стуле; сидит на диване; сидит на маленьком или неудобном; лежит просто так; лежит, соблазняя льва; полулежит в патрицианском стиле; облокотилась о спинку стула; сидит на краю бассейна в термах; выглядывает из окна (с учётом того, где основной созерцатель — спереди или сзади); стоит с луком; стоит с иным оружием... Анэшмаан — вариация классической хнента-гастау, только там ты сидишь просто так, а здесь — в сосредоточенной задумчивости; как говорит Арасси: «делаешь умный вид».

«Времени проходит всё больше, понимаю всё меньше. Ваал мой, почему я так увлеклась снохождением, вот любопытна, всё хочу знать, а зачем оно мне — знать?.. Жила бы себе без веды, горя не знавшая, не пытаюсь вникнуть — ведь и так не поймёшь... Но если не поймёшь, тогда какая ж ты Ашаи-Китрах, какая сестра понимания? Но мы все притворяемся, что понимаем. Я не знаю, что такое мир. Мне неведомо, кто я такая.

— Криммау, атэс!

Криммау-аммау. Коленопреклонение.

«Всё-таки глупейшие головы запретили «Снохождение». Верно, об этом очень трудно написать, а потому всяческая подобная книга должна цениться на вес золота, так нет! — ещё запрет. Теперь ходи, ищи его, рискуй. А, может, так должно быть? Не всем дано знать, да не всем нужно... Знать, ха-ха. Эк хватила, знать. Знание — ерунда, главное — сила. Или знание — сила? А может, всё — мои иллюзии? Но

какие живые иллюзии! От них тошнит, живот болит и кружится голова».

— Хейтари, атэс!

«Дурное у тебя в голове, Милани, непрактичное да наивное. Признайся себе: воля доброй судьбы сделала тебя сестрою-Ашай, и если бы сложилось иначе, то вдумайся: жила бы ты тихой, неспешной жизнью у себя Ходниане, детей бы нарожала, с мужем-дурнем бы управлялась, изменяла бы ему потихонечку, несильно так, аккуратно, осторожно да нечастенько, вот как сестра, сестра моя сестрица родная... Жила бы всем этим, неброским. Но гляди, сколь добра добрая доля: хороша твоя игнимара, прекрасны твои подруги, высока твоя Сидна, славен и силен твой патрон, верна твоя вера и сильная ты Сунга. В Марну езжай, серьёзную жизнь познавай. И дочку роди, а можно и сына. А можно обоих вместе. Тогда мама моя заплачет и скажет в своём доме: «Вот моя дочь, вот гордость — глядите, все Сунги!». Она всегда так хотела сказать. Она всегда хотела...

— Ниже голову, Миланэ, — говорит ей наставница. — Не следует так взлетать.

Глава XIII

Вообще, Арасси умеет производить впечатление, когда хочет. И не только потому, что от природы одарена пугающего совершенства красотой. В её движениях и повадках, когда надо, появляется неуловимая свобода властительницы, словно бы она — сошедшая к простым душам хозяйка мира. Или, если выразаться языком южных или западных варваров, богиня; только она не гневная богиня, а обольстительная, чарующая, всепрощающая и весёлая. От её свободного нрава и переливчатого смеха львы теряют голову; а многие львицы завидуют, злобнеют, либо стараются украдкой подсмотреть да подучиться, либо просто любят и воспринимают как есть, как вот например Миланэ. Тем не менее, несмотря на пресловутый свободный нрав, Арасси никогда не одевалась пошло либо вызывающе; в этом она весьма сдержана и никогда не даёт повода для кривотолков. Чувство меры, чувство момента — вот что Миланэ любила в ней.

Вот и в книжную лавку с претенциозным названием «Акнимал» (всякий знает, что Акнимал — герой старого эпоса Сунгов, ещё более старого, чем сама Империя) она входит так, будто ей принадлежит весь Сарман вместе с жителями впридачу. Облачённая в дорожную свирю совершенно непрактичного, но красивого светло-бежевого цвета, со сдержанно-асимметричным подолом, Арасси подходит к прилавку и ставит на него обе ладони, осматривая всё вокруг.

— Что преподобной слышащей Ваала угодно? — спрашивает её книжница, внимательно наблюдая.

У Ваалу-Миланэ-Белсарры не лучшие способности к эмпатии, но она безошибочно учуяла бессильную, завистливую злобу молодой особы, всецело обращенную к Арасси. Но Арасси совершенно нипочём такая ерунда, как чужие недобрые взгляды и плохие мысли. Она с благожелательностью, мягким спокойствием говорит:

— Попрошу львицу сказать мне: здесь ли сир Морниан?

— Здесь.

— Благодарна.

Не говоря ни слова больше, Арасси уплывает за прилавок, не отпуская с него одну

из ладоней, приглаживая его, будто бы это — живое существо. Следом за нею — так уж и быть — следует Миланэ; из-за врождённой вежливости и нелюбви ко всякой грубости, она обращается к львице-книжнице:

— Львица разрешит?

Ведь она-то здесь всего лишь второй раз в жизни (первый был лет пять назад, да и то случайно).

— Преподобная тоже к сиру? — спрашивает эта небольшая ростом, с пятнышками на мордашке львица, крепко сцепив ладони перед собой.

— Да, у нас — важное дело.

— Прошу, вам не надо спрашивать у меня изволения.

Тёмный, небольшой коридор. Арасси в нём внезапно оборачивается, приставляет палец к губам и подмигивает; далее она старается идти бесшумно, и двери, что впереди, начала отворять крайне медленно и осторожно. Миланэ с непониманием наблюдает за сими действиями, но невольно сама начала ступать осторожнее.

За дверцей оказалась небольшая, светлая комната — по всему, кабинет владельца. Интерьер пестрел самыми различными вещами; в помещении всюду царил явственный бардак, который безуспешно пытался прикинуться порядком. Прямо на полу в нестройные стопки собраны книги, какие-то свитки, обрезки бумаги. Что говорить о полках и шкафах — они доверху заставлены множеством подобных вещей. А за столиком, на удивление свободным от хлама, боком к гостям сидел, собственно, самец и хозяин. Меньше всего он был похож на книготорговца: высокий, полноватый, с хорошо ухоженной, гладкой рыжей гривой.

— Арасси? — удивлённо и радостно привстал он.

— Милани, вот из-за тебя нас поймали! — закатила глаза Арасси.

Он ринулся к ней, но вдруг обратил внимание на Миланэ, которая тем временем осторожно осматривала интерьер.

— Обнимай-обнимай, — переливчато засмеялась Арасси, подходя, — ей смотреть можно. Это — моя лучшая подруга.

Лев усадил её на кресло, на котором ранее сиживал.

— Какими судьбами? — удивлённо спросил, садясь на стол. — Ты же говорила после того... этого... что до Приятия и вздумать не придёшь. Ой, то бишь придти не вздумаешь.

— Не рад меня видеть, да, прохвост? — сверкнула смехом Арасси, взметнула хвостом и повела бровью.

— Да ты что, я...

— Садись, дурашка, садись, — по-свойски указала она на стул, что покоился в пыльном углу, — я дразнюсь. У нас есть небольшое дельце.

Миланэ тем временем нарочито внимательно изучала стеллажи, храня спокойствие и сдержанность.

— О, внимательно слушаю, — Морниан смотрел то на Арасси, то на Миланэ. — Чем могу?

— Мы к тебе за книжкой для моей подруги. Ой, Ваал, я вас не познакомила. Это — Ваалу-Миланэ-Белсарра. Милани — это Морниан, или просто Морни, славный лёва и неплохой... эм... книготорговец, — так сказала Арасси.

«Перестань уж дурачиться», — незаметно вздохнула Миланэ.

— Я искренне рада нашему доброму знакомству, Морниан, — молвила дочь Андарины обычные слова вежливости, свершив неглубокий книксен.

Но тот оказался притким и скорым на ум; подскочив, он поцеловал её левую руку:

— Ваалу-Миланэ! Все жемчужины мира меркнут по сравнению с сиянием изящества львицы.

Миланэ одарила его небольшой улыбкой и уселась на мгновенно предложенный им стул, тот самый, на который ранее указывала Арасси. Морниан отошёл от них, встал возле входа и оперся локтем о книжный шкаф.

— Миланэ пахнет сладко, как мёд. Я ощутил, когда целовал эту безупречную руку, — со странной мечтательностью и смелостью сказал он.

Было необычно, приятно, Миланэ одарила его скромной улыбкой.

— Даже слаще меня? — вздохнула Арасси и снова взметнула хвостом.

— Ты любишь ставить в неловкое положение... Я боюсь отвечать!

— Лев не должен быть трусом! — сощурился глаза, хищно молвила Арасси.

— Лев много чего должен. Но все мы имеем свои слабости. После такого вступления, могу ли предполагать, что вам нужна такая же игривая литература, как и ваше настроение? — затарабанил он когтями по дереву.

— А вот тут ухожу в тень, — отмахнулась Арасси и поглядела в окно. — Здесь с тобою будет говорить Милани.

Вдруг захотелось, чтобы книга была у него. Чтобы вот так сразу было то, что хочется. Не может такая значимая и важная книга существовать без перепечаток и копий; уж если запретили, значит, есть что запрещать — значит, должны ходить недозволенные копии, а иначе толку-то цензурировать книгу, которую никто не читает? Надзор Веры на пустые глупости не имеет времени, никому не нужные книжки на рассмотрение брать не станут.

«Будь неладен этот Регулат, а с ним — Палата, а в ней — Надзор. Поввосседали друг на дружке, позапрещали всё подряд, а сестринство послушно закивало головками, мол, доброе дело делаете, добрые Сунги, вероборчество запрещаете, добрые Сунги».

Вдруг как пчела ужалила.

«Ваал ты мой, глупа я, как крот. Да ведь именно сестринство Сидны составляло комментарии! Значит, должны в Сидне быть те, кто хорошо знаком с текстом. Значит, есть сёстры, у которых можно расспросить о Малиэль и самом “Снохождении”. Должен быть образчик текста в самой Сидне, ведь комментарии без самой книги создать невозможно! Что же ты сразу не выяснила, кто их укладывал? Расспросила бы всё, гляди, и многое бы стало ясным. Но самое главное — в Сидне должен быть образчик, копия текста!».

Пока раздумывала, Арасси и Морниан вопросительно смотрели на неё.

— Сир Морниан, — крайне медленно начала Миланэ, — мне нужна книга, которая называется «Снохождение», написала её Малиэль из рода Млиссари.

— Не знаю, не знаю... Хм, а это какой род литературы?

— Цензурой она определена, как вероборческая. Первая группа, если сиру это о чём либо говорит.

Он почесал гриву; видимо, это мало о чём говорило.

— Отречённое чтение? — спросил, посмотрев на Арасси

Она быстро переводила взгляд то на него, то на Миланэ.

— Нет. Скажем так, трактат, который по ошибке был определен как вероборческий. Хотя ничего такого там нет.

— Ну-ну, полно, наши цензоры никогда не ошибаются, — засмеялся он, стукнув кулаком по столу.

Не разделив весёлого настроения, Миланэ подошла к нему почти вплотную; их отделял лишь маленький шажок.

— Сир Морниан, я пришла сюда не ради словесных забав. Если сир может помочь, то прошу уделить моей просьбе толику серьёзности. В ответ я постараюсь как можно лучше отблагодарить льва, если он найдёт книгу.

Несколько мгновений Морниан смотрел на неё застывшим взглядом, а потом бросился торопливо вынимать книги из ящика в углу.

— Не знаю. Что-то такое слышал... Я попробую поискать. Сейчас... — летели книги на пол, большие и маленькие.

Они летели, кувыркались, вздымалась пыль. Так было долго, неприлично долго.

— Её у нас нет, но здесь нечему удивляться. Из серого у меня лишь немного отречённого чтения и много игривого. Вот, два атласа. Хотите, покажу?.. — заулыбался он, но Арасси замахала рукой, мол, не время и не место. — А, да... Остальное здесь непопулярно, к сожалению. Мне сложно что-либо посоветовать для Ваалу-Миланэ, но... я... дам одну возможную зацепку.

Улыбнувшись Арасси, он продолжил:

— Такие вербоческие книги, варварское чтиво и прочее-подобное любят собирать частные коллекционеры. Книжным лавкам хранить такое невыгодно и опасно.

— «Снохождение» — не варварское чтиво, — отметила Миланэ.

— В общем, мой совет: лучше всего отправиться в Марну. Я тут... я тут написал один адрес. Там тоже есть книжная лавка, похожая на мою. Её хозяин, Хас — мой давний, так сказать, знакомый. Пусть львица скажет, что от меня. Тогда, надеюсь, он пойдёт навстречу. Вот ещё. Стоит вручить ему эту монетку. Так он поймёт, что Ваалу-Миланэ — своя.

— Идеально! Миланэ как раз вскоре в Марну и поедет! — поднялась Арасси, возрадовавшись, что дело разрешилось.

— Спасибо... — повертела монеточку Миланэ, разглядывая.

— Только имейте в виду: он жадный и осторожный. Поначалу будет отрицать, что продает серую литературу. И будет отрицать, пока не задобрить деньгами.

— Хорошо. Моя благодарность для льва. Что я должна?

— Что должна? Ничего не должна, пустяки какие.

— Милани, ты бы поцеловала Морни, и он будет рад. Верно, Морни?

— Не смею мечтать.

Но мечты сбываются, Миланэ подошла и действительно поцеловала его в щёку, причём весьма так, Арасси аж притихла. Миланэ, самка-львица, задабривалась, добивалась своего. Вдруг ещё что скажет, растаяв?

— Морниан, у тебя действительно нет книги? Она мне очень нужна, — серьёзно и грустно смотрела на него всегда внимательными глазами.

— Да честно говорю, с чего бы мне это... с чего бы утаивать... Я весь, как на ладони, — Морни бесконечно оглядывался на Арасси, будто боялся её ревности.

— А ты что-либо когда-либо слышал о ней?

— Название вроде слышал, вроде да. Но никогда не видел, в руках не держал. Об авторе не знаю ничего. Малиль, да?

— Малиэль.

— Нет, ничего не могу сказать.

— А как думаешь, у этого Хаса «Снохождение» может оказаться? — спрашивала Миланэ.

— Если такая книга существует, то он должен знать о ней. В крайнем случае, посоветует знающих, — уверенно ответил лев.

— Морни.

— Да?

— Спасибо. Сестринство не забудет твоей помощи.

Миланэ поцеловала его в щёку ещё раз.

— Хей, я начинаю ревновать! — засмеялась Арасси.

* *

Миланэ решила не ехать в Стаймлау обычным способом, от станции к станции — это заняло бы как минимум три дня утомительного пути. Потому она наняла дилижанс с извозчиком и двух охранников, отставников Легаты. Удовольствие весьма недешёвое, но Миланэ меньше всего сейчас хотелось романтики долгой дороги, а деньги у неё более чем были.

— Ты чего таких старых стражей взяла? — со смехом прошептала Арасси на ухо, когда они тронулись в путь из Сармана.

Ничего не ответив, Миланэ задумчиво глядела на далёкий Мараманарский холм.

«Вот что. Если не найду «Снохождение» в Марне, то попытаюсь достать его в Сидне. Любой ценой. Так-так, вот как оно получается: у меня есть запасной вариант, и это — превосходно. Славно...», — воспрянула духом Миланэ и ослабила пояс.

В то же время Арасси не обиделась на молчание подруги, привычная, что иногда Миланэ может не ответить на всякий вопрос; она, напевая нехитрый мотивчик, глядела в окошко и держала в руке небольшое зеркальце; время от времени, отрываясь от созерцания, всматривалась в себя, а потом снова возвращалась к миру, при этом непрестанно улыбаясь и сияя.

Её ладонь оказалась в ладони Миланэ.

— Так рада, что ты едешь ко мне в гости. Взаправду, — Миланэ сжала её тонкие пальцы.

— А я просто без ума от этого, ииии! — Арасси вдруг кинулась подруге на шею — Мы с тобой отлично проведем время: увижу твоих родных, мы с ними поболтаем, я увижу твою родню, да-да, а потом мы куда-то пойдём и кому-то что-то там сослужим, поможем, а потом как-нибудь прошвырнёмся и натворим шалостей, — Арасси лизнула Миланэ в щёку, а потом прижалась к её плечу, цепко ухватив за локоть, и замурлыкала.

Вздохнув, Миланэ смолчала.

Так они ехали очень долго, и Миланэ думала, что подруга уснула на её плече, как вдруг та зашевелилась и спросила:

— Что это за книга?

— Как объяснить... — Миланэ смотрела в окно. — Если вкратце, то это поучения по... по сновидению.

Застучала брусчатка под колёсами — они ехали по мосту через какую-то реку.

— Все эти поиски — ради какого-то учебника по сновидению? — фыркнула подруга, а потом зевнула.

— Арасси, эта книга принадлежит к первой группе в библиотеке Марны.

— Что это значит? — легкомысленно спросила Арасси. — Она — вероборческая, очень-очень?

— Ну получается, что как бы да. Хранится она в Особом зале библиотеки, в опечатанном ящике. Вот таком, — Миланэ руками показала его размеры.

Сонными глазами Арасси следила за её жестами. Потом хмыкнула.

— Тогда это должно быть что-то более серьёзное, чем просто учебник по сновидению. Хотя вообще не представляю таковой: невозможно этому научиться по книге.

«Невозможно-то и невозможно. Но мне не учиться надо. Мне знать надо», — подумала Миланэ.

— Почему ты так уверена, что эту книгу можно достать?

— Должны существовать её копии либо старые тиражи. Иначе на неё не делали бы комментариев, которые я везла в Марну, правильно? Кто будет делать комментарии на книгу, которой уж давно в миру нет?

— Верно. Но, на самом деле, тут никакая книга не поможет, — Арасси освободила от плена плечо подружки, — а особо если... всё серьёзно и действительно... непросто.

Миланэ не сразу вняла, о чём говорит Арасси. Но безмолвное чувство Ашаи подсказало — речь о её давней, главной проблеме в сновидении.

— Как у тебя? — почти утвердительно спросила Миланэ.

— Как у меня. Лично я бы не хотела знать сновидения вообще, оно больше мучает, чем даёт мне что-то. Но Ваал через него хочет меня знать — так Ему угодно. Что я могу сделать?.. Но ты, тебе-то всё зачем? В сновидении всё, кроме Ваала — твои иллюзии... — потянулась подружка.

— Арасси.

— Что?

— Ты можешь вспомнить, чтобы я хоть когда-нибудь тебя осуждала за вкусы?

— Хей, не обижайся, погоди. Я ничего плохого не хотела сказать. Мне просто любопытно.

Молчание угнетало обоих, потому Арасси продолжила:

— Я вот очень люблю отречённое чтение, и ты это знаешь. Оно, не побоюсь признаться, весьма полезно.

— В каком смысле «полезно»?

— Знаешь, я никогда не читала книги, где идёт прямая хула на веру, на Сунгов, на Ваала, на сестринство. Такую книгу я всегда отшвыривала куда подальше. Меня интересовало другое: сколь глубоко может пасть Ашаи, сколь она может быть добро-совестна. Либо злосовестна. Какая тьма может сесть в её душе. Что думает павшая духом и как со стороны это выглядит — вот что для меня любопытно. Это интересно, согласись, и полезно.

— Да. Это может быть полезным.

Пригрело солнце, и Миланэ-ученица придремала, прильнув щекой к холодной коже обивки. Упала она в приятнейшую дорожную дрему, выход из которой всегда мучителен, а возврат в неё — сладок.

«Все говорим, что желаем жизни, а сами так ищем дрёмы и снов», — взволновались мысли Миланэ, а потом утихли.

Но хорошая, мощёная дорога кончилась, и на первой же кочке трянуло так, что Миланэ враз проснулась, недовольно и сонно посмотрев по сторонам. Она думала, что Арасси тоже дремлет, но та с необычной для себя серьёзностью смотрела в про-

тивоположное окно.

Она отлично знала, что хорошая дорога из Сидны в Ходниан кончается как раз у раздела между Северным Ашнари и её родиной. Совсем немножко, и они будут на землях Андари.

«Моя земля, моя Андария, моя Андария, Андариа, Андаррийах, Андарри...», — склонялась голова Миланэ во дрёме.

* *

Арасси смешно щурилась от знойного солнца, с большим любопытством разглядывая родные для Миланэ земли.

— Мы уже совсем близко?

— Прямо, прямо! — громко сказала Миланэ извозчому, который не знал пути в в Стаймлау, а потом ответила ей: — Да.

Совершенно всё источало спокойную, размеренную жизнь. Низкие, широкие дома, обилие ухоженных садов, повсюдные чистота и порядок. Уютный, замкнутый на себе мир, по которому Миланэ хоть и не слишком скучала, но вспоминала всегда с ностальгирующей негой. Вообще, жила в ней эта двойственность, как наверное, и в любой Ашаи-Китрах: одна часть её естества, сызмальства воспитанная в ухоженном, благонравном андарианском доме, принимала многие представления и привычки, что правила в этой среде; вторая, более обширная, жила тем, чем живут сёстры-Ашаи, и верила в то, во что верят сёстры-Ашаи. Это иногда порождало внутренние склоки в душе, нерешительность, сомнения; к примеру, строгий нрав андарианки не позволял ей то многое в личной жизни, что ничуть не воспрещается всем сёстрам-Ашаи, и даже вполне одобряется. Но большинство сомнений, в конце концов, разрешались в пользу второй части души, потому как она в первую очередь — Ашаи-Китрах, львица духа Сунгов, а уже потом — андарианка; поэтому чаще всего она смотрела на мир, как львица, надлежащая к великому сестринству, а не андарианская маасси, и неудивительно — большую самую важную для становления характера часть жизни она провела в Сидне, совершенно самостоятельно, в отрыве от дома и родителей...

Но ещё, иногда мельком, она чувствовала нечто совершенно третье, независимое и безбрежное, но что именно — так Миланэ и сама не могла уловить, даже смутно. Более того, иногда она понимала, что нету лишь двух Миланэ — это жалкое упрощение — а есть десятки, десятки десятков личностей внутри, и цельность её «Я» — иллюзия.

— Сейчас налево... Это моя улица, Арасси. Я здесь играла в детстве.

— Ииии! Мрррр.

«Интересно, а дома уже прознали, что я еду?», — помыслила Миланэ.

Конечно, она, как андарианка по крови, прекрасно знала, что вести в здешних посёлках распространяются с быстротой молнии. Миг, и уже все знают: кто, зачем и как прибыл, и незнакомому хвосту здесь невозможно прошмыгнуть незамеченным. Тем не менее, всегда удивляло то, что к её прибытию дома всегда были готовы; и неважно, предупреждала ли в письмах, когда приедет, либо вовсе умалчивала — всегда, когда приезжала, на пороге дома обязательно встречала мама. Создавалось впечатление, что у матери нет иных дел, кроме как ждать Миланэ, и нет других детей, кроме любимой Миланэ.

— Попрошу здесь остановить. Да-да... Хорошо.

Первой, быстро и ловко, соскочила на землю Арасси. Ещё утром, когда они только проснулись в постоялом дворе, она оделась в сдержанный серо-синий пласис с широким кушаком золотистого цвета; она очень долго вертелась у зеркала, дольше обычного, и поскольку Арасси никогда не жалела времени для зеркал, то им пришлось весьма поздно выехать. Миланэ было втайне приятно, что подруга так тщательно подготавливается к знакомству с её землёй и роднёй. Ей не всё равно!

Выйдя, Арасси осмотрелась, как осматриваются на незнакомой земле. Вооружённая знанием, что Миланэ выросла в «самом обычном андарианском посёлке», она немного не так представляла себе то, что предстанет перед взором. Она ожидала нечто простовато-бедноватое, опрятное и аккуратное, конечно, но без всякого лоска; ожидала, что на улицах будут ходить охотники с добычей в свободных одеждах; ожидала атмосферы глуши и забвения. Но её удивили широченные улицы и ощущение полнейшей самодостаточности каждого дома; а по размеру садов и земли возле домов можно легко предположить, что в каждом дворе размещается нечто, никак не меньшее за усадьбу; аккуратность и убранство казались неестественными, картинными; почти каждый дом имел два этажа, правда, с невысокими потолками; местные сады могли играючи соперничать со садами Сидны; а таких стад домашнего скота она не видала, наверное, никогда.

Следом сошла Миланэ и сразу заметила знакомое лицо.

— Светлого дня, хаману Демерара, — с улыбкой молвила она старой, худой львице, которая неспешно шла мимо так, будто бы остановившийся экипаж не имел для неё значения и не представлял ни малейшего интереса.

— Миланэ, душенька, неужто ты? — с немного притворным удивлением возгласила львица, резво подойдя поближе. — Ты! Ай... Ты юж отучилась, стала Ашаей? Мать поведывала, что се совсем скоро. Мама часто говорит о тебе, часто.

— Ещё нет, хаману Демерара. Пара недель осталась, совсем чуть.

— Да разве се время? Считай, всё. Ай-яй... Выросла совсем, в какой свет Сунгов превратилась. Ай... — сказала Демерара и заметив, что Миланэ подходит к ней обняться, сделала торопливый шаг назад. — Нет, дай руку, тебе так положено.

Совершился небольшой ритуал: старая львица взяла левую руку Миланэ, на которой — серебряное кольцо, и приложила её тонкие пальцы к правой щеке. Это старинный обычай торжественного приветствия между львицей-Сунгой и львицей-Ашаи; в современности к нему прибегают нечасто, чаще всего это удел пожилых и старых, которым по душе давние традиции. Молодые ученицы и сёстры всегда чувствуют себя неудобно, если кто-нибудь вдвое-втрое старше прибегает к такому способу приветствия. Но в дисциплинах готовят к любой мыслимой ситуации в части формальностей и церемоний, а потому Миланэ, чтобы унять всякие неловкость и двусмыслие, глубоко склонилась, прижав уши именно в то время, когда старая Демерара взяла её ладонь.

— Пусть Ваал укажет путь Демераре, — небольшое, но обязательное напутствие от Ашаи.

— Спасибо, Ваалу-Миланэ. А это — с тобой? — прищурилась Демерара.

— Да. Львица будет знакома — это Ваалу-Арасси, Сидны дисциплина, моя подруга, — сказала Миланэ

— Ваалу-Арасси, к услужению львице, — подошла она.

— Зовусь Демерарой, — кратко представилась бессменная хозяйка гостиного двора Стаймлау.

Та же церемония была свершена и с Арасси.

— Спокойствия духа Демераре, — так пожелала Арасси.

— Спасибо. Не буду задерживать, молодые. Втай мать уже ждёт.

— Было приятно повидаться, хаману Демерара.

— Ваалу-Миланэ, а надолго ли? Выйдете ли к нам? У нас завтра такой праздник, такой...

— Обязательно, хаману Демерара. Мы на несколько дней, — мягко прервала её Миланэ, подняв руку в одном из многих жестов извинения, и тут же почувствовала неловкость.

— Славно! — сказала та и куда-то заторопилась.

Извозчий и телохранители, которые устали ждать, подхватили целых три баула, которые принадлежали Арасси; Миланэ сама взяла свою скатку.

— О чём это она говорила? Куда ходить? Куда выходить? — тихо спросила Арасси.

— Ну, в смысле, появимся ли в посёлке. Потом всё увидишь.

— А, естественно появимся! Конечно, появимся, Милани, ведь мы...

Арасси что-то начала болтать без умолку, когда они отворили ворота и направились к порогу дома, но Миланэ как-то враз перестала слушать, утратила интерес, вмиг погрузившись в меланхолию воспоминаний детства, чувствуя новый порог жизни, понимая, что жизнь никогда не будет прежней, и она вспоминала, что вот родилась тут, потом подросла, потом стала ученицей-найси, потом — сталлой, потом — дисциплирой, но всё это время она была ученицей, той-кто-учится, и всегда возвращалась домой так, как возвращаются дети к матери; но теперь, с каждым шагом, она словно переступала невидимые черты, которые уверенно разделяли её жизнь надвое, и скоро, очень скоро, после Приятия, она станет совсем взрослой, одинокой, даже отделённой от своей родины и дома. Тропка и сад были все те же, как прежде, как много лет назад; вишни, что так цветут в Пору Всрода, столь знакомые альструмерии, на зависть всем... Она глядела вперёд себя, зная, что сейчас будет: мать выйдет на порог, когда ей останется шагов десять, ведь в Андари такой обычай — встречать хороших гостей у порога, ведь у ворот принимают неожиданных посетителей, а в самом доме — неважных гостей.

Краем уха она слышала, что Арасси восторгается садом и обстановкой, тут заметила: приоткрылась дверь. Прошёл миг, та распахнулась совсем, и на крыльцо вышла мама, вся в грустной торжественности; на ней было бело-красное платье, столь характерное для старших андарианок — с очень высокой талией и длинным шлейфом, ниспадающим с правой стороны груди почти до пола; и Миланэ знала, что мама его берёт крайне редко, по особым случаям. На левой руке был обязательный атрибут для встречи гостей: длинный, снежно-белый домотканый холст, который предполагалось пятнать кровью того, что будет съедено на трапезе. Но эта традиция с кровью в Андари потихоньку, но верно умирала, поскольку казалась диковатой и непривычной остальным Сунгам; строго этой традиции придерживаются разве что на свадьбах или в узком кругу родственников. Поэтому холст был снежно-белым.

Арасси тут же прекратила говорить.

Последние шаги дались Миланэ трудно, поскольку она смотрела в глаза матери, и между ними вершился совершенно незримый, понятный только им двоим диалог. Во взгляде Миланэ были искренняя радость от приезда на родину, радостно-тревожное ожидание будущего, немного печальное понимание того, что ученицей её видят здесь

в последний раз; а она поняла — мама не знает, что с нею станет после Приятия, куда ей придётся уехать, что придётся делать, какие радости и горести ждут её дитя; и ещё потому, что её дочь — Ашаи-Китрах, ей нельзя противиться, нельзя протестовать или влиять, и нельзя было все эти долгие годы, когда Миланэ училась в дисциплинарии, далеко-далеко от дома; а потому мать бессильна, она ничего не может с этим поделать, потому что таков удел сестринства, и если сестра Ваалу-Миланэ уедет далеко на восток или на запад, так значит, такова судьба, а ведь Империя Сунгов огромна, в ней есть где затеряться... И взаправду — некогда она была так рада, что дочь вошла в сестринство Ашаи, но теперь хотелось, чтобы Ваалу-Миланэ чудом превратилась в Миланэ, обычную андарианскую маасси, которая сразу выйдет замуж за хорошего льва, с достатком, конечного, внимательного и хозяйственного, начнёт жить совсем недалеко, домов пять-десять от неё, прямо вот как вторая дочь — Дайнэсваала, а можно и в соседнем посёлке, это не столь важно, главное чтобы рядом, потом пройдёт некоторое время, и она увидит детей своей любимой дочери, и...

— Я перед тобой, мама, — андарианское приветствие после разлуки.

— Я перед тобой, Миланэ. С возвращением.

Они поцеловали друг друга в щёку, а потом обнялись.

— Светлого дня, хаману Смила. Моё имя — Арасси.

— И ты, Ваалу-Арасси, моя хорошая гостья, будь вхожа в мой дом, — излучала покой мать Миланэ. — И вы, честные Сунги, будьте вхожи в мой дом, — это она извозчому и стражам.

— Спасибо, хаману, но мы должны ехать, — те затоптались на месте.

— В добрый путь. Светлого дня, Ваалу-Арасси. Моя Миланэ много рассказывала о львице...

Закончив помогать матери с вещами, Миланэ заметила, что Арасси уже вышла из прихожей и осторожно, знакомясь с новым местом, прошла внутрь главной комнаты.

С детской непосредственностью она разглядывала невысокие потолки, чётко по центру укрытые росписью, ковры, вязанные украшательства на стенах; виляя хвостом, с интересом потрогала большой кувшин на столике — непрменный, символический атрибут интерьера в Андари — и даже заглянула вовнутрь него. Удивилась тому, что, судя по количеству стульев и места на длинной-длинной лаве со спинкой, здесь предполагалось разместить голов двадцать, не меньше. Любопытство вызвали ступени, которые вели наверх, на второй этаж. Дверей внутри дома, как таковых, она не увидела; вместо них были целые несколько слоёв различных занавесей, что хитрым образом поднимались и опускались с помощью спрятанных шнуров. Рассматриваясь, Арасси отметила, что в доме полным-полно различных декоративных вещей; казалось, все предметы обихода имеют на себе какое-либо украшательство.

Угадав ход мыслей подруги, Миланэ тихо присоединилась и некоторое время ходила рядом, как тень. Тем самым она не только сопровождала подругу, но и давала матери время приготовиться и окончательно накрыть стол.

Вообще, со стороны поведение Арасси могло показаться странноватым, даже фамильярным: без спросу бродит по чужому дому, который видит впервые, дотошно всё осматривает, всему удивляется и ко всему ей есть дело. Даже для Ашаи, которым иногда вынужденно, а иногда справедливо прощаются многие странности, это — чуть чересчур. Но Миланэ знает её, как мало кто; наверное, как никто; и понимает, что всё дело не в дурном любопытстве, неуёмности, а в пресловутом шестом-седь-

мом чувстве, чувствительности Арасси к местам, предметам, и во всяком новом месте та должна, по её словам, «прочувствоваться».

— Ты ведь знаешь, я должна привыкнуть, — тихо молвила для подруги Арасси, хоть объясняться и не было никакой нужды. — Так интересно ходить по дому, где ты взрослала...

На одной из стен, между маленькой печью и шкафом, на стене висело множество тарелок. Мать очень любила разнообразную посуду, и с удовольствием принимала в её подарок. Особо дорожила одной милой, тёмно-коричневой тарелкой, которую Миланэ и её сестра когда-то давно купили в Ходниане. Примечательно, что сзади она была подписана: «Маме от Дайни и Миланэ, 801 г.», единственная такая в своём роде — остальные были безо всяких подписей.

Надо ли говорить, что Арасси взяла именно эту тарелочку и всячески повертела в руках, хотя та висела чуть ли не выше всех, почти у потолка.

— О, тёплая. Видимо, мастер знатный был, — как всегда, подруга совершила неправильный вывод из вернейшего чувства, совершенно не заботясь о своём даре. — Прелесть какая.

«Сколь мощные силы раскрывает во львицах-Сунгах сестринство Ашаи», — светло, со сплином подумала Ваалу-Миланэ-Белсарра. — «Сколь щедрые дары мы обретаем в духе Сунгов, ступая по тропе...».

В конце концов, когда Арасси дёрнула за шнур и дверной занавес неожиданно упал, чуть испугав её, Миланэ осторожно отметила:

— Да, всё это — рукотворные вещи.

— То есть занавески, вот эти салфетки... и вот это?

— Да, да. Всё это сделано мамой и сестрой... — не без гордости сказала Миланэ, а потом добавила: — Или нишани по матери. Или мной. Пойдём.

— Очень хорошее место. Очень хороший дом, — негромко молвила Арасси и, облачившись в свою обычную весёлость, вошла в трапезную.

Они уселись за длинный-длинный стол в светлой трапезной комнате: мать Миланэ на почётном месте, сама Миланэ слева от неё, Арасси же уселась рядом с подругой.

— Най, я не буду говорить лишнего, — начала Смилана, — и сразу скажу: очень, очень рада вас видеть. Миланэ много рассказывала о Ваалу-Арасси.

— Пусть хаману пожалует, можно просто Арасси. И мне столь неловко, что все эти годы я не приезжала сюда; теперь истинно понимаю, сколь много потеряла.

— Мам, а где отец? — вздохнула Миланэ.

— У него какие-то дела. Он ждал, но потом... Най, дела явились. Как обычно.

— А Дайни у себя дома?

— Она завтра придёт, к завтраку, — заторопилась с ответом мать. Потом объяснила Арасси: — Дайни — это сестра Миланэ, моя старшая дочь.

Они, не сговариваясь, взяли за вино и чокнулись; Миланэ еле поспела за ними.

За трапезой Миланэ почти ничего не сказала — Арасси и мать быстро нашли общий язык, начали обсуждать самые разнообразные пустяки, как-то даже непривычно быстро; но зная лёгкий-гибкий нрав подруги, не удивилась этому.

— ...Миланэ была хорошим детям... Но как капризничала до лет четырёх! Ой... Словами не передать. Мы с отцом с лап сбивались, я уже не знала, что делать. А любопытная была — спаси Ваал. Потом подросла, успокоилась...

— Она и теперь очень любопытна, — закивала Арасси с неотразимой хитрецей.

— Правда? — Смилана сияла: ей очень понравилась подруга дочери.

— Да. Просто у неё такое любопытство, незаметное. Но очень сильное.

Вдруг что-то стукнуло, упало, перевернулось, зазвенело. Миг — отодвинулась занавесь, и вошёл отец.

— Папа, — встала к нему Миланэ, а он молча обнял её.

— Где ты был? — с супружеской претензией обратилась Смилана, не глядя на него.

— Как где? — спросил он своим обычным тоном, в котором всегда присутствовало некоторое сдавленное негодование. — Умтай попросил помочь с кольями.

— Какими ещё кольями?

— Шатёр! Свадьба!

— О, у кого-то в посёлке скоро свадьба? — мгновенно обратила на себя внимание Арасси, чтобы увести беседу в приятное русло; у неё превосходный дар к исправлению беседы и сглаживанию острых углов.

Отец сразу ушёл без особых церемоний, а Миланэ чуть нахмурилась. Она, конечно, по понятным причинам, не очень хорошо разбиралась в подробностях жизни родного посёлка, но крупные события не проходили мимо. Теперь она действительно не знала, кто и с кем.

— Сегодня. Забыла вам сказать.

«О, да, сейчас она вспыхнет от радости. Полночи мы спать не будем точно».

Вообще, свадьбы у Миланэ всегда вызывали весьма противоречивые, раздвоенные чувства.

— Милани, ну ты понимаешь... — посмотрела на неё Арасси.

— Конечно, мы пойдём, — поспешила успокоить подругу Миланэ. — Мам, а кто?

— Сын Умтая, Вельст.

— Хаману Смилана, бесконечно рада, что этот дом и эта земля дали мне приют. Если будет позволено, я хотела бы сказать одну вещь, которую должна, и спросить одну, которая скажется необычной.

— Ай-яй, — молвила мать с улыбкой, точь-в-точь как Миланэ, — слушаю.

Озорно поглядев на Миланэ, Арасси начала:

— Дочь львицы — самая лучшая подруга моей жизни, и это отнюдь не потому, что мы живём рядом много лет. Это потому, что в ней есть нечто такое, чего у других нет. Я не знаю что, но это делает её самой лучшей на свете подругой.

— Ваал мой, как хорошо слышать.

— И как оно — быть матерью такой замечательной Ашай?

Взяв кубок, мать вдруг начала покачивать его из стороны в сторону, а потом на миг приложила к носу ладонь, но сразу же отвела. Смилана застыла с улыбкой, глядя на вино, но Миланэ остро ощутила, что мать продолжает улыбаться по инерции, и здесь нет ни капли веселья.

— Как оно — быть матерью такой Ашай, как моя дочь? — начала Смилана, и голос дрогнул. После очень долгой, неестественно долгой заминки, она поставила кубок и продолжила, посмотрев прямо в глаза Арасси: — Я сейчас расскажу. Это самое лучшее, что только может быть в жизни. Я всегда гордилась ею, я всегда верила в её силы, это величайшая честь — дать жизнь львице духа. Я верю в неё, верю даже больше, чем во всё остальное, вместе взятое, и все ветры Андарики не могут быть сильнее порывов её души. Верю в её ум, красоту, хитрость, я даже верю в её безумие, если есть таковое, или было, или будет. И верю, что где бы она ни оказа-

лась вскоре...

— Мама...

— Хаману Сми...

Мать выставила ладонь, укрываясь, одновременно утирая слёзы.

— Нет, не надо мне ничего говорить. Втай не знавать, куда Миланэ придётся уехать, со её познанием, со сим огнём и сожжениями. Таких отправляют известно куда — где много смертей. Но я не ропщу, не упираюсь, лишь просто... лишь просто... Зельно вы меня вывели на чист... чистую воду...

Резко повернувшись и приложив руку к груди, Арасси беззвучно, но яростно проговорила Миланэ: «Скажи, скажи немедленно!».

— Что сказать? — прошептала она в ответ.

Мать услышала, навострила уши, продолжая утираться.

— О Марне, о патроне! Миланэ, ну же! — с укором молвила Арасси, склонив голову и прижав уши.

Словно очнувшись, она вдохнула побольше воздуха и произнесла:

— Да... Мама, я хотела сказать завтра, когда все наши соберутся, но наверное... В общем, я знаю, куда вскоре уеду. Мам, у меня появился патрон в Марне, сир Тансарр из рода Сайстиллари. Он сенатор, ну, заседает в Сенате, выбирается, один из двадцати четырёх, важный лев. Он сам меня выбрал. Уже была Церемония. Я уеду в Марну, мам. Я не уеду на Восток, не уеду в Легату, не буду видеть варваров, как ты боялась... я никогда их не видела и не увижу, — безупречно и бессовестно солгала Миланэ, как всегда. — Уже нечего беспокоиться. Не волнуйся.

Мать никогда не знала, что Миланэ была на Востоке; тем более не знала, что дочь успела отправить чужую душу из миру прочь. Убийство, даже смертельного врага — не добродетель для андарианской львицы.

— После Приятия уезжаю в Марну. Решено. Амарах утвердила это.

— Это правда? — Смилана недоверчиво посмотрела на Арасси.

— В таких делах Ашай-Китрах не лгут, хаману Смилана, — необычно серьёзно заметила та, на миг поглядев на Миланэ, поправив подол пласиса и взмахнув хвостом.

— Я всё потом расскажу. Завтра, при всех, хорошо? Или, если хочешь, вечером? Или зельно сейчас?

— Нет-нет, завтра. О Ваал, се я что-то... Мне вредно пить. Ой. Пойдёмте-ка пойдёмте, вы же с длинной дороги. Следуйте мне.

Мать разместила их наверху, в бывшей комнате Миланэ и её сестры. Подруги раскладывали вещи и переговаривались лишь по делу: то поставить туда, то — сюда. Но вдруг Миланэ совсем расчувствовалась и сама себе села поплакать.

— Может, не имею права на такие слова, но знаешь что? Ты мне ближе родной сестры, ты моя настоящая сестра. Сама не знаю, почему так. Мы такие разные...

Пореветь, оно иногда львицам нужно, ничего страшного. Потому Арасси не забеспокоилась, а продолжала раскладываться.

— Не говори так. Твоя сестрёнка бы обиделась. И, кроме того: не зря ведь сестринство зовут сестринством, — хлопотала Арасси и улыбалась.

— Прости, я разволновалась. Вы с матерью сегодня столько всего сказали...

— У тебя прекрасная мама. И ты так похожа на неё.

— А на папу?

— Ну, и на папу... Чуть.

Миланэ знала, что ей суждено покинуть родной дом, и когда она приедет сюда в следующий раз, то всё не будет так, как прежде; из ученицы, которой так привыкла быть, она превратится во львицу духа. Так сказала мать. Как же оно странно и нездешне звучит: «Львица духа». Ха-ха, я — львица духа. Интересно, даже забавно. Мне иногда кажется, что во мне ничего нет. Игнимара? Да чепуха... Курьёзно. Серьёзно. Львица духа. Львица духа...

Глава XIV

— Мы её вряд ли застанем, — усомнилась Миланэ.

Так и случилось, как усомнилась. Первой наставницы, Ваалу-Мрууны, в прошлом — воспитанницы строгонеприступного Криммау-Аммау — дома не оказалось. Она жила в сторонке от остальных, в странновато-ветховатом домишке, который ничуть не изменился за столько лет, сколько Миланэ себя помнила; казалось, он простоит вечность, и даже мир пропадёт, на смену ему придут иные, а он всё будет стоять, невозмутимый.

Арасси по-свойски толкнула калитку, потопталась немного у крыльца, даже заглянула в окна, демонстрируя не лучшие манеры. Миланэ сделала несколько осторожных шагов по тропке, глядя вниз — не хочется замарать пласис, тот самый, из Марны.

Подруга ранее сказала:

— В нём ты просто лучше всех. И строже всех.

— Строже? Разве хорошо? — повела хвостом Миланэ.

— Ты сама когда-то говорила: «Стиль не кричит, он подчёркивает». В одежде хорошо всё то, что подчёркивает. Ты, Милани, строга, ты вовсе не легка, не надо. Знай себе, что хочешь, но такова ты со стороны; а что здесь может быть ценнее чужого взгляда? — спросила Арасси, и не дождавшись ответа, продолжила: — Так вот, ты в нём настолько стройно-строга, что тебе сразу веришь.

— Веришь чему?

— Да всему.

Как бы там ни было, наставницы дома не оказалось; но первая наставница — именно та, к кому в первую очередь идёт дисциплина перед Приятием. Отложить посещение «на потом» — знак неуважения, даже презрения.

— Даже не знаю, что делать, — молвила Миланэ, потрогав низкую ветку старой вишни.

— Где она может быть? — нетерпеливо подошла Арасси.

— Где угодно. В соседних посёлках даже. Она — одна на три селения.

— Слушай-слушай, так пошли поспрашиваем у здешних душ.

— Они вряд ли знают, — наученная опытом Миланэ тяжело вздохнула. — Мрууна никому не отчитывается, куда идёт.

Миланэ обходила почти весь Стаймлау, чтобы найти наставницу, но той нигде не было; тем не менее, дочь Сидны решила разыскать её за всякую цену. Подругу она оставила на месте подготовки к свадьбе; её утешало то, что Арасси точно найдёт себе место среди этого шума.

Искать, в конце концов, притомила, потому решила сократить путь.

— Амстра но мира менаи, — она негромко проговаривала несложную энграмму, что помогает найти пропавших и потерянные вещи. С нею — легче искать.

Вскоре на мир легли сумерки, и Миланэ обрадовалась этому — ей всегда нравилось это время. Она шла по наитию, по безмолвному знанию, на запад от посёлка, к реке, зная без больших сомнений и внутренней борьбы, что всё у неё получится, потому что иначе не может быть у той, что с дня на день станет жрицей Ваала, но не такой, как это обычно бывает, не самодовольно-уверенной в своей вере и своём знании, не стянутой намертво узкими воззрениями, а внимательной, чуткой, с тонкой тревогой в сердце, чутьём к своему духу и другим душам мира; для неё всё в мире оставалось до конца неразгаданным, загадочным, вещи для неё были неясны; для многих из её рода понятно: почему верить, во что верить, зачем верить, как верить. Но ей...

Так и случилось: наставница нашлась в сумеречном свете. Она совершенно бесцельно ходила по небольшому арочному мосту через реку: туда-сюда, туда-сюда. Миланэ остановилась возле дерева, а потом прильнула к нему, опершись щекой о ладонь, чтобы наставница не увидела её пораньше времени. Дисциплина наблюдала за старой львицей, пытаясь понять: может, она делает нечто нужное, пока непонятное? может, что потеряла на мосту?

«Лучше пойти, она ведь точно меня ждёт», — решила Миланэ.

Когда выходила на мост, то Мрууна вовсе не удивилась, даже не встрепенулась, как обычно бывает после разлуки; а разлука была немалой: полгода.

— Я повсюду искала наставницу, — подошла Миланэ.

— Ишла, — ответила Мрууна, поглаживая перила моста, словно живое существо. — Небольшое испытание от меня... чтобы остальные прошли легко.

— Признаться, получилось не без труда, — Миланэ пальцами дотронулась к сердцу, приклонив уши, покоряясь заученному жесту.

Это не ускользнуло от глаза наставницы.

— Что ж, Миланэ... Когда твоё Приятие?

«Наставница никогда не называла меня ласково. Например, “Милани” или ещё как... Только “Миланэ”. Только так, — вдруг подумалось ей. — Интересно, почему?».

— Осталось около трёх недель.

— А точнее? — потребовала наставница.

Миланэ подумала, что в своё время переняла эту своеобразную требовательность и строгость; иногда она в таком же тоне требовала от других точности-верности.

— Точнее не знаю. Мне не сказали, да и никому не говорят.

— Хах... — отмахнулась наставница, поглядев в сторону. — Вот нравы теперь пошли. Истомляют вам души, мотают нервы. А сами-то, поди, за три луны знали точный день, и то хвосты дрожали.

— Раньше дисциплины наперёд знали время Приятия? — спросила Миланэ, хоть знала ответ.

— По крайней мере, в Криммау-Аммау, тридцать четыре года назад — да. А теперь — видишь как. Как-нибудь, экак. Перебьётесь, мол. Если это от желанья вас всех помучить, так это плохо. Если от бардака, то тоже плохо. Но, может, я чего-то не понимаю. Ведь давно было моё Приятие... Стара я уже.

— Львица вовсе не стара! — поспешила уверить дочь Сидны.

— В Сидне тебя научили льстить. Право, здесь это лишнее, поверь, — беззлобно,

даже весело молвила Мрууна.

— Наставница Мрууна все эти годы говорила так, будто в Сидне меня учат чему-то...

— Плохому? — пронзила взглядом наставница.

— Можно так сказать.

— Нет. Дисциплина даёт очень многое, — задумчиво сказала. — Там просто не учат всему.

— Наверное, нет такого места в этом мире, где учат всему.

— Да и в других мирах, наверное, тоже.

— В других мирах?

С моста они направлялись на твердую землю. Миланэ очень внимательно посмотрела на Мрууну, и невольно замедлила шаг. Та вовсе не торопилась отвечать. Они успели пройти с десятков шагов по пыльной грунтовой дорожке, прежде чем уши Миланэ услышали будничное, нескладное:

— Да. Ну да. Во всех тех, которые мы можем вообразить. Вообразить вместо нашего, родного, понимаешь? Буйство фантазии, иллюзии.

Миланэ столь сильно ощутила неискренность, даже фальшивость, что задалась вопросом: то ли она стала чутка и эмпатийна, развив свой не слишком большой дар правдивидения, то ли наставница столь явно вложила в слова нарочитость, умысел. «Она понимает, она знает, не может не знать, что мир есть нечто больше, чем положено думать нам всем», — размыслила дисциплина. — «Всем Ашаи-Китрах. Но кем и зачем это положено, в конце-то концов?».

— Наставница пусть послушает: хочю сказать, что я тож...

— Миланэ... — сразу, в отрицании покачала головой Мрууна, остановившись и посмотрев своей первой и последней найси в глаза. — Если мы говорим в шутку, то нет смысла уделять этому внимание. Если мы всерьёз, то тем более — мы на очень скользком пути.

— И разве мы поскользнёмся? — вспыхнула Миланэ решимостью.

— Я — вряд ли, да мне уже и неважно. А ты — можешь, — указала Мрууна на неё пальцем, и Миланэ невольно обратила внимание на её тёмный, истёртый временем коготь. — А я ведь люблю тебя.

— Я тоже люблю наставницу... И я не поскользнусь.

— Самоуверенна, — улыбнулась Мрууна, но печально. — Даже не знаю, что сказать.

— Влюблённая в себя соперниц не имеет, — решила отшутиться Миланэ цитатой из «Изящных изречений», и вдруг почувствовалась глупо. Впрочем, наставница не обратила внимания. Казалось, Ваалу-Мрууна очень глубоко призадумалась.

— Ты, может, даже не поскользнёшься, — молвила наконец. — Но другие — так и знай! — заметят, что ты ходишь по льду, а не по твёрдой земле, и сразу обеспокоятся. Другие, они очень любят беспокоиться о благонравии других, знаешь ли.

Вздохнув, она присела прямо на ствол поваленного дерева; Миланэ, чуть подумав, сделала то же, только осторожнее, и уложила хвост у лап. Лишь теперь дочь Сидны заметила, что в левой ладони наставница держит небольшой ворох чальнасекары — цветка, обладающего резко-пряным ароматом. Чальнасекару, согласно свадебной традиции, коих в Андари несметное количество, полагается добавлять в напиток, который обязательно должны выпить молодожёны во время трапезы, опять таки согласно традиции, причём из одной чаши, причём до дна. Чальнасекара

любому напитку придает отвратительную горечь, но в этом как бы и заключается смысл. Как бы. Смысл.

«Столько странной чепухи полагается свершать в дань старым обычаям», — вдруг отстранённо подумала Миланэ.

Тем временем наставница не торопилась со словами; она перекладывала стебли цветов с одной ладони в другую, играла с ними, растирала листья между пальцами.

— Нашему сестринству не нравятся иные, воображаемые миры, — вдруг сказала Мрууна, свершив исключительно сильное ударение на «воображаемые». — Нашему сестринству нравится этот, — указала она рукой вокруг: на сумерки, на тихую речушку, на редколесье за берегом, на мост. — Хотя, с другой стороны, смешно невзлюбивать то, чего не существует, так ведь?

Навострила уши, ожидая от ученицы ответа.

Миланэ почувствовала, что не может больше выдержать; она должна с кем-то без утайки поговорить о всём: о туманных догадках, которые подтачивали её душу на протяжении последних трёх лет; о странных сновидениях, что случались с того времени, как она стала дисциплиной; о смерти ученицы Вестающих и книге в крови; о книге в крови, «Снохождении», в библиотеке Марны; об недавнем опыте в Аумлане-стау. С кем же, как не с первой наставницей?

— Пусть наставница со мной поговорит начистоту! Пожалуйста! — она легонько дотронулась к руке наставницы.

— О чём? — поднялась Мрууна, взмахнув подолом и хвостом, в то время как Миланэ осталась недвижна. — О чём говорить здесь будем, ученица моя? Иные миры, буйство красок беспечной фантазии! Милый вздор для юных учениц. Тихие игры ума. Но мы-то... но мы! Мы ведь сёстры понимания, и мы-то понимаем простую сущность игр праздного духа, мы-то знаем вот что: наше сновидение — только мост для сознания между явью и солнцем Сунгов — Ваалом! Нет времени для иллюзий, если внимаешь, что должна искать в сновидении Его яркое сияние, больше ничего! И Вестающие — украшение Сунгов, бич врагов — вот кто знает истинную ценность даров Ваала, вот кому ведома глупость иллюзий и безбрежная ценность этого мира, что надлежит Сунгам, а потому и Ваалу. Ваалу, а потому и Сунгам... Не предавайся бесцельным мечтаниям о нереальном, ведь бесцельность — глупость, а глупость — порок, а сёстры-Ашай — беспорочны.

Миланэ, застыв, удивлённо глядела на наставницу; она никогда не видала, чтобы Ваалу-Мрууна говорила с такими двусмысленными патетикой и пафосом; её речь напоминала драматические воздыхания героини старомодной пьесы в исполнении плохой актрисы. Миланэ даже заморгала, когда Мрууна с насмешкой поглядела на неё:

— Всё ли поняла, Ваалу-Миланэ?

«Её речь — издевка! Но не надо мною. Она всё понимает, но говорить ей не вольно — боится свободных слов. Но почему? Да потому что думает о тебе, Миланэ...».

Она кивнула.

— То-то, — со вздохом отвернулась Мрууна. — Об этом не говорят.

— А книги пишут? — с печальной улыбкой спросила Миланэ.

— Пожалуй, было бы интересно взглянуть на подобное безумство, — наставница присела обратно.

Помолчали.

— Наставница, но почему все притворяются? — утомлённо молвила Миланэ, а потому вовсе поникла, прижав уши. — Почему все притворяются?

Она и сама не знала, что именно желала спросить, что выразить; вдруг с пугающей очевидностью стало ясно, что вся жизнь — череда ежедневных лицедейств от рассвета до заката.

— А большинство не притворяется. Они как раз в своей тарелке.

Ваалу-Мрууна встала, оправила своё нехитрое платье, и жестом пригласила Миланэ последовать за нею, чему та повиновалась.

— Я, вообще-то, хотела рассказать тебе о Приятии. Чего ждать, чего не ждать, чего бояться, чего нет, — развела руки в стороны Мрууна, словно удивляясь тому, куда их привёл недолгий разговор.

— Нет. Так нельзя, — твёрдо, без сомнения отказалась Миланэ. — Другие делают по-честному, и я буду.

— По-честному? Другие? Слишком ты хорошего мнения об остальных Ашаи. Они-то играют, кто во что горазд, — засмеялась Мрууна со знанием жизни. — Впрочем, как и все остальные.

— Эти все играют в Ашаи, а я — живу жизнью Ашаи. Не надо ради меня ломать традицию. Я сама.

Так они и шли в Ходниан: Мрууна — с твёрдостью сильной, но смирившейся со миром души, Миланэ — печальной поступью мягкой мечтательницы.

— Забудь, Миланэ, — так сказала Мрууна, когда поравнялись с первым домом и увидели толпу вдали.

— Что забыть, наставница?

— Ты знаешь, что.

* *

Миланэ хотелось спать.

Ещё бы: сегодня они пришли домой далеко-далеко за полночь, поскольку Арасси, несмотря на лёгкие опасения Миланэ, не страдала от скуки и нашла себе множество занятий. Поначалу они с Мрууной обнаружили, что Арасси без тени смущения пытается руководить приготовлениями ко свадьбе; ещё бы — Ваалу-Арасси весьма хороша в любых торжественностях. Миланэ боялась, что наставница озлится на такое самоуправство со стороны подруги, но та стоически улыбнулась:

— Что ж, раз так, то будем вести церемониал вместе.

Познакомившись с Арасси и уделив ей из вежливости несколько мгновений, Мрууна сослалась на усталость и ушла к себе домой. Миланэ безумно хотелось последовать за нею, присесть в тиши её дома, пасть на колени возле её лап и просто всё рассказать. Совершенно всё, что придёт в голову, поплакать вволю, а потом успокоиться и заснуть. Нет ничего лучше сна в доме наставницы...

Но невозможно — с нею была Арасси.

Которая поначалу продолжила свою суету вокруг свадебных приготовлений, оценивая, давая советы и распоряжаясь где попало, и Миланэ даже показалось, что Арасси во всём этом выглядит слегка назойливо. Затем она изъявила большой интерес к местным достопримечательностям, но мало что увидела — совсем стемнело. Потом Арасси пришлось посетить пять домов, которые пожелали возжечь домашний огонь Ваала от её игнимары. Зная свои нестойкие способности, Арасси

умело выкрутилась и предложила всем пяти семьям собраться в одном доме и в такой компании торжественно возжечь огонь. Как водится, Ваалу-Арасси, а вместе с нею и Ваалу-Миланэ-Белсарру, прекрасную дочь Ходниана, не могли отпустить просто так; пришлось остаться на благодарственную трапезу — по традиции, возжжение огня Ваала должно быть отдарено.

Хотелось спать.

Но Ашаи не привыкать к усилию воли, поэтому Миланэ в это прекрасное утро с неприступным достоинством восседала у почётного места возле главы семейства — отца. Напротив неё — родная сестра Дайнэсваала, с супругом. Пришла она с детьми, но отправила их играть на солнечную улицу. Миланэ, обожавшая племяшей, расстроилась — ей хотелось с ними повозиться.

Пришлось ещё раз рассказать историю о патроне.

— Итак, Милани, теперь будем приезжать погостить в Марну? — довольно и весело заключила мать.

— Конечно, приезжайте. Хотя — как знать — вдруг патрону потребуется, чтобы я куда-то уехала.

— Вот нате: говорит — приезжайте, а сама — могу уехать, — засмеялась Дайнэсваала, но в одиночестве, потому после заминки молвила: — А что он ещё может от тебя требовать?

— Ну... многое, конечно... точнее, согласно традиции... — начала Миланэ, и вдруг чихнула.

— С одной стороны, — тут же изловчилась придти на помощь Арасси, — патрон не может что-то требовать от своей Ашаи. У него не больше прав, чем у любого другого Сунга. Но с другой стороны, существует традиция, так называемый молчаливый договор, который вступает в силу после Церемонии Обращения. И Миланэ, соблюдая его, будет во многом ему помогать.

— Так я спрашиваю: в чём именно? — два раза стукнула по столу Дайни внешней стороной ладони.

— Во всём, что требует ритуальных обязательств, умений или привилегий Ашаи, — справно ответила Арасси, знающая.

— И ты уже знаешь, Милани, как ему будешь помогать?

— Не представляю даже, — честно ответила дочь Сидны.

— Понятно, — с многозначительностью протянула родная сестра. — Там что-то говорилось о подарках...

— А какой Дар Обращения он тебе воздал? Ты так и не рассказывала, — вдруг тоже заметила Арасси.

— Не рассказывала? — переспросила Миланэ, хотя прекрасно помнила, что ни разу ни перед кем об этом не обмолвилась.

— Нет. А вообще, патроны любят дарить очень дорогие книги, — начала рассказывать Арасси для матери и отца Миланэ, — а одной моей подруге — смешно сказать — в качестве Дара как-то подарили статуэтку богини влаги и плодородия из Гельсии. Все патроны вконец с ума сходят, когда стараются подобрать подарок. Пытаются выделиться, а на деле получается что-то странноватое.

— А что за подарок, скажу я так, лучше всего? Втай, говорю, самый приятный и повсюдный? — поинтересовалась мать Миланэ.

— Деньги. С ними никогда промаха не будет, — по-житейски ответила Арасси.

— Двадцать тысяч импералов золотом, — сказала Миланэ, задумчиво помешивая

вая красный чай.

— Что «двадцать тысяч»? Имперялов? Золотом?.. — наострила мать уши.

— Подарил мне патрон в качестве Дара Обращения.

Все замолчали.

— Ого! — резко воскликнула сестра Миланэ, и в этом возгласе было всё: зависть, удивление, презрение, обывательское недоверие.

— Это большой дар, да? — спросила Смилана, попеременно поглядывая на обоих дисциплиар.

— Ещё бы! Я впервые о таком слышу! — откинулась Арасси на стуле (и даже в этом движении — строгое соблюдение позы).

— Так Ваалу-Арасси об этом тоже не знала? — как-то хитро спросила Дайни.

— Нет.

— Ты чего ж, Милани, столь сильно секретничаешь с этим своим патроном? — вмиг Дайни превратила слова в оружие.

Миланэ никогда на подобное не отвечала. Она знала сестру. Но Арасси, знающая подводные камни всяких бесед, мгновенно стала щитом для подруги:

— Говорить так с Ашаи — большое неприличие.

— А что, Ашаи — особенные? — с ехидцей поинтересовалась сестра Миланэ.

Всё это время её супруг сидел и кушал. Кушал и сидел.

— Да, — очень просто ответила Арасси.

Дайнэсваала явно не ждала такого простого, прямого ответа. Мгновенный поединок взглядов, и она понимает — у них слишком разный вес. А потому — толчок в бок молчаливо едящему супругу; тот перестал кушать.

— Я прихожу к себе домой, а меня здесь укоряют. Вот, пожалуйста!

«Она решила заесться с Арасси! О нет, нет-нет, предки мои, да что ж это такое...», — измученно помыслила Миланэ, закрыв лицо ладонью. Арасси за словом к карман не лезет, она известна своим бесстрашием ко всякому конфликту.

— Ваал мой, Дайни...

— У тебя есть собственный домашний очаг, который тебе должно хранить, — заметила мать.

— Ну конечно, наш дом — там, — указала Дайни куда-то в сторону, где, по её мнению, находится её дом (ошиблась). — Ведь всё лучшее — точно не мне, не любимице! Всё будет передано известно кому!

— Не вздорься, — строго сказала мать, удручённая размолвкой родных сестёр. — Молчи, если не находишь добрых слов.

— Втай со мной всё так: молчи да молчи!

Мать Смилана бросила полотенце на стол.

— Прошу извинений... Пошли со мной, — кивнула дочери.

Но Дайнэсваала не спешила, потому сказал слово отец:

— Делай, что мать велит.

— Мам, я тоже... — встала Миланэ.

— Нет, ты оставайся здесь, — поднял руку отец. — У нас гостя.

Но сам, бросив ложку, встал и ушёл прочь. Остались Миланэ, Арасси и супруг Дайнэсваалы, решивший, что можно продолжать кушать.

— О Ваал мой, Милани. Какая неловкость, однако.

— Неловкость — не то слово, Арасси.

Они долго сидели в молчании. Вдруг последний лев встал из-за стола, пробормо-

тал слова извинения и вышел на улицу.

— Но с чего такой вздор, ненависть? Она ненавидит тебя, — тут же зашептала Арасси, склонившись и попеременно глядя в каждый глаз Миланэ.

— Она любит меня, просто... таков характер.

— Она ненавидит тебя. Ваал мой, я ощутила это, как только она вошла на порог.

— Арасси!

Арасси внимательно смотрела на неё.

— Ты всегда скрывала это от меня.

— Сколь ещё многое я скрываю.

Завтрак был безнадежно испорчен.

* *

— Мне иногда кажется, что я ничего в жизни не понимаю. Я стосковалась по пониманию, — никак не могла заснуть Миланэ. После любых праздничных веселостей она находит во сне великую сладость, но тут — как отрезало. Она ворочалась-ворочалась, но...

— Бесполезна твоя страсть, Миланэ, — полусонно ответила Арасси, медленно рассматривая пласис, что запятнала на свадьбе. — Чем больше этого хочешь, тем темнее вещи. Лишь вера ведёт нас вперёд.

Миланэ опёрлась локтем о подушку:

— Знаешь, не покидает ощущение: будто мне дали кисть для каллиграфии, а я ею рою землю да ещё смеюсь оттого, как всё удачно идёт.

— Сновидение чушь, Миланэ! Перестань о нём бредить! — бросила пласис Арасси, обзлённая, что пятно-то сложное.

— О да, и несколько раз в луну ты вся дрожишь в ночи от этой чуши!

— У меня всё по-другому. Меня...

— ...насилуют и топят в пруду, и этот бред пугает тебя до дрожи. Чего б тебе не взять да сказать себе: «Сновидение чушь, Арасси!»

Подруга неистово покачала головой, а хвост нервно забился:

— Это делает Ваал! Ай... — она ударилась хвостом о кровать.

— Пусть даже так. Что меняется?

— Как... Всё меняется!

— Зачем Он это делает? — требовательно вытянула ладонь Миланэ.

— Ты ведь знаешь, что такие вопросы — бессмыслица.

— Нет, не бессмыслица. Ты просто сдалась, ты перестала искать правду о том, что с тобою происходит.

— Будто её можно найти... Будто вообще можно найти правду о том, что с тобой происходит. Никто не может найти правду о том, что с ним происходит. Или с нею. Или с кем угодно. Есть как есть.

«Она думает так же, как и я. Она думает о нашей лжеправде. Она знает, что дело Ашаи — нечисто. Ваал мой, сколько этого «лже», повсюду эти «лже-лже-лже», полуправда там, лицемерие тут; сколь много ненастоящего, лживого, бродишь по миру, будто по топкому болоту».

— Ты просто не хочешь этого знать.

— Мне так легче. Я пыталась, у меня не вышло.

Миланэ победно возлегла на спину, уставившись в потолок. Хвост свисал с кро-

вати.

— Милая Милани, в мире нет ничего более важного, чем счастливая душа. А столь печалишься, да всё ни о чём.

— Нет, я не... Нет. Нет, мне хорошо, и даже иногда — весело.

Лампа никак не поддавалась Арасси — не хотела тушиться.

— Многое зло мира происходит от нежелания знать, от валянии в собственном незнании. Знаешь, как свинки валяются в грязи. Хрю-хрю. Я ничего не знаю. На самом деле, это нежелание — такая пошлость... недостойная всех существ всех миров.

— Иных миров нет, Милани, подруга моя, — с терпеливой улыбкой ответила Арасси.

* *

Каждой матери знакомо: спишь, вроде бы спокойно, но твоё ухо всегда очень остро. Поначалу это непривычно, ужасно раздражает и не даёт спать, но потом приходит привычка.

Так пришла привычка и к Миланэ, хоть она не могла ещё называться матерью.

В спокойной, ночной тиши дома раздался сдавленный, жутковатый стон. Потом звуки метания по кровати; миг зияющей тишины; потом несколько панических вдохов и выдохов. Услышь такое всякая душа, что ранее незнакома с Арасси, то хорошо бы наелась ночного страха. Но Миланэ привычна за столько лет. Рывком поднялась, вздохнула, с живостью, столь присущей всякому, кто поднялся ото сна по тревоге, подбежала к кровати подруги. Та часто дышала сквозь сцепленные зубы, поверхностно и шумно, мотая головой.

Без слов Миланэ положила её голову себе на колени и стала ждать.

Она не могла сейчас ей помочь. Она не знала никого в мире, кто бы сейчас мог помочь Арасси. Всё, что оставалось — ждать, когда подруга более-менее обретёт сознание: тогда и только тогда можно начать её успокаивать, начать спокойно дышать вместе; но, как правило, успокаивать не требовалось, если вовремя прижать к себе: сознавая, что она не сама, Арасси очень быстро засыпала обратно, уже без всяких ужасов насилия и удушения.

Если всё случилось в эту ночь, то за следующие две-три можно практически не волноваться.

— Милани? — на выдохе тихо спросила Арасси.

— Я, — мурлыкнула та.

— Ой... всё.

— Угум.

Сегодня легко отделалась: проснулась почти мгновенно, а удушение было слабым.

— Спасибо.

Арасси за пять лет совместной жизни ни разу не забыла поблагодарить.

Немножко помолчали. Арасси дотронулась ко лбу, будто у неё жар.

— Ой, подружка, если меня на протяжении пары дней никто не...

Внезапно умолкла на полуслове.

— Что такое? — шёпотом спросила Миланэ.

Вместо ответа Арасси глядела на вход в комнату; глаза Миланэ успели очень

хорошо освоиться впотьмах, и она хорошо это видела. Резко повернула голову — там всколыхнулась дверная занавесь, а потом тихо застучали когти по деревянному полу.

— Дети, это вы? Мы вас разбудили? — громким шёпотом зашипела Миланэ, но тщетно.

Сегодня дети Дайнэсваалы, племяши Миланэ, остались спать здесь.

— Ой, проклятье... — снова схватилась за лоб Арасси, качая головой и закрыв глаза.

— Не кори себя, ты ни в чём не виновата. Ты нечаянно их разбудила.

Арасси помолчала. Миланэ ещё раз поглядела на вход в комнату.

— Идём-ка баиньки, Милани.

— Ладно, доброй ночи.

Улёгшись, Миланэ вспомнила, что ей снились неразгаданные северные письма. Как знать, может быть, она бы разгадала их, но сон ведь оказался прерван.

* *

Арасси с самого утра куда-то ушла, и Миланэ осталась в одиночестве, коим никогда не тяготилась.

Разумно полагая, что после Приятия придётся задержаться в Марне надолго и, скорее всего, поселиться в новом жилище, Миланэ желала высмотреть, какие вещицы можно взять с родины. Конечно, почти всё её добро — в Сидне, ведь именно там она живёт последний десяток лет, а это немало. Но здесь можно найти немало милых безделушек, что могут согреть душу в грустный момент и придать уюта; многие из них — ещё из детства.

Стоит взять что-то с собою, ведь неизвестно, как сложится жизнь.

В своих поисках и порядках Миланэ полностью вытянула самый нижний ящик комода в комнате.

— Давненько не виделась, — улыбнулась, вынув ясеневую шкатулку.

Повинуясь ещё детской привычке, она иногда разговаривает с вещами.

В этой шкатулке хранились различные детские ценности; это были какие-то записки, стеклянные шарики, моток бархатных лент, бесчисленное количество иголок самых разных размеров и прочее-прочее, даже была одна любовная записка; но вообще, она тут лишь одна — львицам Ашай-Китрах, даже маленьким, нечасто признаются в любви, ибо это непросто, ибо с ними намного сложнее. Сколь Ашай прекрасны — столь и недоступны, даром что эта неприступность часто, часто-часто вовсе не такова, как полагают, вовсе не так страшна и прочна, вовсе нет...

Немного подумав, Миланэ решила её не брать, потому что негоже брать детские забавы во взрослый мир. Но решила ещё раз пересмотреть, что там.

На самом дне лежало нечто, завёрнутое во выцветшую от времени материю. Миланэ совершенно не помнила, что там, и стало даже любопытно: «Вот сейчас гляну и увижу нечто старо-знакомое, умилнусь, спрячу и жизнь продолжится...».

Там оказался камешек, небольшой, мутноватого голубого цвета.

Она не могла припомнить, что это и зачем, пока догадалась.

— Ах да, — просияла Миланэ от радости воспоминания. — Сестрица.

Да, когда-то этот камешек казался довольно большим; в детстве он был размером с коготь, а теперь — едва ли пол-когтя...

Забавный был случай, конечно. С того времени прошло лет пятнадцать, а то и

больше. Миланэ вместе с отцом и сестрой поехала в Ходниан, на рынок. Там Миланэ рассорилась с Дайни по пустяково-детскому поводу; отец, в конце концов, внимательно выслушал обоих и предложил обменяться подарками, чтобы дочери помирились. Обоим дал денег, и Миланэ купила для Дайни практичную вещь — разноцветную шерстяную пряжу, а вот сестра подарила камушек, выбитый за полцены у какой-то торговки; предполагалось с ним сделать какое-то украшение, но забылось. Торговка яро утверждала, что камень драгоценный. Конечно, враки всё.

Вдруг Миланэ пригляделась. Раньше она этого не замечала. Тоненькая, крохотная вязь на камне ранее казалась обычным узором, который к тому же успел хорошо истереться. Теперь же, сквозь года, её взгляд изменился, ведь теперь она почти сестра с живым умом, воспитанница дисциплинария, она многое знает и ещё больше умеет; и её глаз признал большое, огромное сходство этого узора с вязью на амулете, который подарил Хайдарр.

Встрепенувшись, Миланэ торопливо разрыла свои вещи, сложенные в сундук возле кровати, повыбрасывая что попало. В какой-то момент взял страх: а вдруг где-то по дороге амулет потерялся? Но нет, вот он.

Миланэ повертела его в ладонях, сидя на коленях.

— Привет.

Резко обернувшись, дисциплинария увидела родную сестру. Та плечом опиралась о проём входа в комнату, подминая занавеси.

— Привет, Дайни.

— Что, вещи собираешь? — села сестра на её кровать.

— Не то что бы собираю... Мне здесь особо нечего собирать. Так, пересматриваю. Помнишь этот камень? — протянула сестре камешек.

— Где? Этот? А... — та не взяла, но посмотрела. — Да. Еле выбила у той старухи.

— Знаешь, он...

— Слушай, Миланэ, надо поговорить, — сестра приглаживала покрывало на кровати.

Отставив вещи, Миланэ села возле неё и наострила уши.

Дайнэсваала никогда не раскаивалась в содеянном и сказанном. К этому все так привыкли, что никто от неё этого не ожидал. Но вдруг в её душе что-то промелькнуло, если родная сестра скоро станет Ашай и уедет в Марну?

— Такое дело... — спокойно, даже мягко начала она, но вдруг что-то сорвалось, и её тон вмиг окреп. — Вот скоро ты уедешь в Марну, вряд ли будешь здесь жить. Но этот дом хотят оставить тебе. Скажи, разве в этом есть смысл? Не будет ведь дом пустовать, Милани! Ты же понимаешь, что за домом надо ухаживать, так далее...

— Дайни, не переживай. Я оставлю его тебе.

— Хорошо говорить, а вот мать тебе хочет оставить. А ты ведь себе легко сможешь заработать, и в Марне будешь жить, дом-то тебе здесь зачем?

— Посуди сама, даже если он был бы моим — что бы изменилось? Ты всё равно будешь его хозяйкой.

— Я пока хозяйка там, у себя. Сейчас тут мама, — настойчиво говорила Дайни.

Миланэ вздохнула, перебирая амулет в руке:

— В общем, мне дом не нужен. Если это так важно, то обещаю: у меня не будет на него никаких претензий.

— Хочу надеяться, что ты не передумаешь, — всхлипнула Дайнэсваала.

— Тебе не хватает моего сестринского слова?

— Мать может сказать, что я всё наврала!
— Ну хочешь заверение дам, со штампом? — полушутливо спросила Миланэ, совсем не всерьёз, а чтобы повеселиться.
Всхлипы мгновенно прекратились.
— О, давай, — сметливый ум заметил эту чудесно-добровольную идею. Миг Миланэ сидела молча. Потом осмотрелась.
— Чернила с перьями у меня есть... надо бы бумагу.
— Сейчас принесу.
И действительно — сейчас же принесла.

*Заверение
Ваалу-Миланэ-Белсарры из рода Нарзаи, Сидны дисциплины
на данное время*

*Я, Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи, Сидны дисциплина
на данное время, сейчас и впредь добровольно отказываюсь от
всяких прав наследования и передачи на родовой дом своей
матери, Смиланы из рода Нарзаи, в посёлке Стаймлау, округ
Ходниана, Андария, в пользу своей родной сестры, Дайнэсваалы
из рода Хорар, и её супруга или содержца.*

*19-й день 4-й Луны Выхода 810 Э. И.
Подпись,
стамп*

Дайнэсваала терпеливо пробежалась по строкам. Нахмурилась.
— Эй, а что значит «супруга или содержца»? Почему сразу не прописать моего Таяши?
— Чтобы потом трудностей не было. Ты можешь развестись, Таяши может умереть или пропасть; короче, у тебя может быть другой лев. Если мать будет передавать дом по наследству, то ты его сможешь перенять; точнее, это сделает отец от имени матери, а Таяши, или другой лев, примет от твоего имени. Наверное, ты знаешь, что в Андарии львицы не могут самостоятельно вести дела с недвижимостью, кроме родовой передачи по наследству. Знаешь ведь?
— В общем, так лучше? — напряжённо хмурилась сестра.
— Да, так лучше.
— Спасибо, Миланэ.
— Не за что.
Вроде бы всё. Но просто так уходить Дайнэсваале было неудобно. Она продолжала сидеть на кровати, ёрзая и выглядывая в окно. Миланэ ж вернулась к разбору вещей.
— А что это такое? — спросила сестра, заметив амулет в руках Миланэ.
— Это? Да так, подарок...
— Дай погляжу.
С неохотцей Миланэ отдала его сестре.
— Странный он какой-то. Кто его подарил-то?
— Так, знакомые.

— Нет, странный всё-таки, — сказала Дайни, примеряя его на шею, — грубый очень. Такой разве что льву подойдёт. И где такое делают, где носят? — покачиваясь она перед зеркалом.

Затем Дайнэсваала, наморщив нос, потрогала зубы на амулете, подняла его за кончик и поставила на кровать. Фыркнула:

— Не знаю, как ты, а я бы его вернула дарителю обратно. Он же такой грубый, куда в нём выйдешь?

— Вернула обратно? — подняла взор Миланэ.

— Да. Он больше льву идёт, наверное... И то. Не знаю.

Шумно дыша, дочь Сидны отошла к окну, обоими руками спёршись на подоконник. Взор выхватывал цветущий сад, небо, забор.

— А знаешь, ты права. Пожалуй, я его верну.

— Вот видишь, — заключила сестра, окончательно довольная сегодняшними победами. — Ладно, я пойду пока, подготовлю чего-нибудь для ужина. Ой, красивого дня, преподобная...

— Красивого дня, Дайнэсваала, — уверенным шагом вошла в комнату Арасси.

— Ну, я пошла.

Миланэ ждала, пока сестра сойдёт вниз; то же самое делала и подруга, заодно усаживаясь перед зеркалом. Когда шаги стихли, то Миланэ вздохнула.

— Что, приходила извиняться?

— Да, — бессовестно соврала Миланэ. Затем подошла к ней: — Мы едем в Айнансгард.

— Что? — Арасси застыла с кисточкой для тентуши в воздухе.

— Нам нужно в Айнансгард.

— Зачем? — опешила подруга, отставляя тентушь.

Миланэ взяла амулет с кровати и показала ей.

— Я отдам это...

— Кому?

— Сестре Хайдарра. Льва, с которым я спала по дороге в Сидну.

— Сестре? Зачем отдавать? — помотала головой Арасси

— Это амулет-оберег. Сестра дала ему на защиту и удачу, а он этого не знал.

— Почему не знал? — часто моргала подруга.

— Она ему не сказала.

— Почему?

— Так, Арасси. Нам нужно поехать.

Так. Это новость. Арасси постучала коготками.

— Мы ведь только прибыли. Мы ведь собирались у тебя погостить, — резонно отметила она.

— Я знаю. Верь: мне столь неловко перед тобою, Арасси, что хочется исчезнуть. Но я должна это сделать, пока не поздно.

— Пока... не поздно? Миланэ, ничего не могу понять. Что может опоздать, с чем мы должны поспешить?

— Арасси, внимай сюда: этот оберег нужно отдать родной сестре Хайдарра в Айнансгарде, чтобы она... чтобы она отдала амулет Хайдарру. Понимаешь?

Все эти неожиданности сбили Арасси с толку. Она взяла у Миланэ амулет, глядя на него с недоумением.

— Это просто вещь, Милани! Вещь северных варваров, брякушка, безделушка.

— Почему ты его перекидываешь с ладони в ладонь?
— Пальцы жжёт, — злостно ответила Арасси, злая на жгучую вещицу.
— Арасси, а почему он жжёт тебе пальцы?
— Откуда я знаю. Краденый, наверное, — отставила его.
Так-то всё стало довольно странно и беспричинно. Поездка никак не входила в планы.
— Ну а как ты найдёшь его сестру? — спросила Арасси и развела руками.
— Она — дисциплинара Айнансгарда.
— А ты знаешь её имя?
Хвост Арасси нервно покачивался.
— Нет, но это не трудность. Не переживай, через Админу найдём.
— А почему не отдать Хайдарру лично, раз уж мы туда едем? Ты, наверно, знаешь, где он живёт?
— Он, скорее всего, уже уехал обратно на Восток.
— Ваал мой, с тобою, Миланэ, перед Приятием такое творится, что хоть рычи, хоть убегай...
— Арасси, поехали. Надо... Ты согласна?
— Будто у нас есть выбор.
Миланэ была бесконечно благодарна за это «у нас».
«Она самая лучшая, превосходная подруга», — подумалось.
— Тогда собираемся.
— Прямо сейчас? Да? Хорошо.

* *

Миланэ сошла вниз; были опасения, что мать куда-то ушла, и как всегда, до самого вечера её не будет, но нет — она здесь, на кухне; одета обычно, для работы по хозяйству, только — о, странность! — сидит у стола, подперев подбородок ладонью, и смотрит в окно. Видеть маму незанятой в это время дня и в такой обстановке было столь неожиданным, что Миланэ изумлённо-испуганно окликнула её:

— Мама?
— Да, доченька?
Миланэ присела возле неё, притихнув. Смилана несколько мгновений смотрела ей прямо в глаза, а потом продолжила созерцать заоконные дали.
— Мам, я должна кое-что сказать. Мы...
— Я тоже должна кое-что сказать. Давно уже.
— Я вовсе не обижаюсь на Дайни. И мам, хочу вам оставить десять тысяч, так что вы сможете без труда...
— Что? Какие ещё десять тысяч? — аж оскалилась мать.
— Империялов, мам.
— Даже не вздумай, — решительный жест протеста.
— Но вы с отцом ведь действительно хотите мне оставить этот дом, хоть он мне... — Миланэ умолкла, побоявшись сказать оскорбительное «не нужен». — Дайни чувствует себя обиженной, а у неё дети, семья... мам. Сделайте её наследницей нашего дома.
— Мы ей и её дармоеду дом построили, — обозлилась Смилана. — Так что даже не вспоминай. Никаких — слышишь, никаких! — денег я с отцом не возьмём. И

сестре не вздумай ничего давать. Они тебе пригодятся. Поезжай в Марну, обустроишься. У нас тут всё более чем хорошо. Я тебе все эти года мало что могла дать... так тем более не буду забирать.

— Мам, ну о чём ты...

— Но я вовсе не об этом хотела поговорить.

— И о Приятии не беспокойся, мам. И патрон у меня очень хороший.

— Да, да... Слушай, Миланэ-Белсарра, дитя моё, я тебе должна что-то рассказать.

Взгляд матери скользил по всему вокруг, словно не решаясь на главное. Миланэ уселась поудобнее, приготовилась слушать.

— Я много-много лет скрывала это, и мне кажется — небезуспешно. И это стоило мне много душевных сил, а бессонных ночей — не счесть. Не знаю, поверишь или нет, но я целый год раздумывала, должна ли ты это знать. А до этого, что говорить, воля была лишь такова: никогда-никогда-никогда не расскажу... Но ты уже скоро пройдёшь своё Приятие, ты — взрослая львица, и должна знать. Имеешь право...

По столу ею передвигались различные предметы, то бишь чашечки, блюдца, небольшой чайничек, пустая ваза. Терпеливо наблюдая за этим хаосом движений, Миланэ начинала понимать, что мать имеет сказать нечто действительно важное, а не какую-нибудь светлую банальность или уже спокойное — после вестей о патроне — беспокойство.

— Мой супруг, Далиан — настоящий отец для Дайнэсваалы. И он — любящий папа для тебя, он всегда любил тебя и — верь — никогда не сказал о тебе худого слова. Для него ты — родная, истинная дочь, самая любимая, самая лучшая. Как и для меня. Но он — не тот, кто дал тебе жизнь. У тебя течёт кровь другого льва.

— Кто? — запнулась Миланэ, задав вопрос вместо «чья?».

— Его зовут Нинталу. Не знаю, что с ним и где он сейчас. Последний раз мы виделись двадцать лет назад.

Миланэ с великим удивлением заметила в глазах матери не повинность или тяжесть признания, а нечто вроде озорных огоньков.

— Мам... но как так? Ведь вы с папой... ну, с моим папой, я имею в виду...

— Двадцать пять лет назад я поехала с супругом в Ходниан, — подняла ладонь Смилана, чтобы её слушали. — Тогда папа, то бишь Далиан, только обретался в жизни, да и жили мы в другом доме, как ты помнишь по моим рассказам. Он ездил к одному видному ростовщику, чтобы взять деньги под хороший залог и выгодный процент. Ростовщик этот был к тому же далёкой родней отца — то ли троюродный дядя, то ли... как-то так. В общем, он хорошо нас принял: не пустил нас ночевать в гостиный двор, предложив комнату.

— Это что, я дочь ростовщика из Ходниана? — очень тщательно спросила Миланэ, кусая себе клыками внутреннюю сторону губ.

— Что?.. — мать непонимающе наострила уши, а потом расслабилась. — Нет, нет. В то же время приехал Нинталу; он был знакомым ростовщика, ему было двадцать шесть, он крутился в торговле редкими товарами, плавал на кораблях... то ли морской торговец, то ли... я не знаю. Папа и ростовщик уехали смотреть залог, супруга ростовщика была в отъезде, а мы с Нинталу остались...

— Ты его знала до этого?

— Видела в первый раз, — пожалала плечами мать, а потом вдруг схватила ладонь Миланэ и начала теревить на ней серебряное кольцо, будто на своей.

— И... — протянула дочь.

— И я была добропорядочной андарианской хаману, что недавно принесла супружеский обет, чинно родила первую дочь и приглядывалась, когда появится вторая. У меня был хороший, порядочный, хозяйственный супруг. У меня всё было, и мне... и мне совсем не следовало соглашаться на приглашение сойти вниз и отужинать. Сложно сказать, почему согласилась. Видимо, кое-чего, Миланиши, мне не хватало в жизни. Может, тебя?

Миланэ выдохнула. Что она могла сказать?

— Я заявила, что не вправе хозяйничать в чужом доме, а потому не могу соорудить ему ужин. На что Нинталу ответил, что он — близкий друг хозяина, ему можно, и он сам всё сделал. Мне есть не хотелось, и я знала, что папа скоро вернётся, вот-вот. Но сошла вниз.

За окном было хорошо, светло; мать смотрела на этот свет, и Миланэ не видела на ней никакого раскаяния, а только след светлых воспоминаний. Мать, всегда беспорочная, вдруг показалась ей очень живой, ожившей хранительницей тайн, львицей, отрешённой от своих страстей, но прекрасно помнящей о них.

— Час, что мы провели за ужином, пролетел вот так — фух! И ты знаешь: я сразу влюбилась в него, по самые уши, — показала на свои уши, совсем такие, как у Миланэ, — вот так вот — раз! Не знаю насчёт него... понимаешь, я знала его час, и уже хотела уйти за ним, бросив абсолютно всё, куда угодно. Мы говорили, вроде ни о чём, но как мы говорили! Это было такое родство, такое... это была совершенно слепая влюблённость. Я ловила каждое слово, и он прислушивался ко мне, и я к нему, и он ко мне. Ты знаешь, мы как-то поняли — мы нашли друг друга, ведь в мире столько самцов и самок, знаешь, и одни подходят к друг другу лучше, иные — хуже, а тут...

Она вдруг засмеялась, совершенно искренне.

— Потом он дал мне горячего вина, и я пошла в комнату наверх, поскольку наступила ночь. Да, мне следовало сидеть, дожидаясь супруга. Я села так... на краешке кровати, вот так... — показывала мама, как она села. — И начала реветь, потому что всю жизнь делала лишь то, что нужно. Вся моя воля, все мои желания были изолированы.

Мама совершила необычный, совершенно нехарактерный жест: махнула руками возле головы, словно показывая, как мысли разбегаются из её головы.

— Вдруг входит Нинталу, — беспомощно призналась она. — Я сказала, что они сейчас вернутся, и... А он сказал, что они вернутся только завтра. И так подошёл, знаешь... я тебе расскажу, ты уже не маленькая... вот как меня взял за подбородок, а меня всю в жар, всю в жар...

Миланэ узнала всю себя. У неё тоже эта слабость с подбородком; у большинства такой жест вызовет возмущение или недовольство, а Миланэ таяла; возьми за нижнюю челюсть, даже чуть придуши — она сладко оцепенеет; у самок иногда бывают настолько необычные предпочтения и слабости, что никогда не угадаешь. Тем не менее, её в своё время угадал Тай и хорошо пользовался этим.

— Как с ним было, мама?

— Как с ним было? По-настоящему. Дико.

— Откуда он знал, что они задержатся? — спросила Миланэ, лишь чтобы спросить.

— Не знаю. А затем прошло два сезона, и родилась ты. Так и... вот так.

Что ж, вот так история.

— Ты его видела после этого?

— Нет. Нинталу на следующий день тоже уехал, как и мы.

— А как вы простились?

— Сказали друг другу «До свидания», правда, папа — ну, Далиан — спросил после этого, не плохо ли мне.

— Папа знает?

— Нет.

— А ты знаешь, где... Нинталу?

— Нет.

— Мам, давай узнаем о нём.

— Как?

— Я возьму Карру. Ещё на пропавших хороша мантика на крови, хотя... даже не знаю... пожалуй, Карра лучше... я сейчас приду.

Миланэ быстро вернулась со второго этажа вместе со знаками Карры-Аррам.

— У тебя есть какая-либо вещь от него? Что угодно, — осведомилась, севши обратно за стол.

— Откуда, что ты, — усмехнулась мама.

— Я его совсем не знаю, — призадумалась Миланэ, медленно тасуя знаки. — Так спрашивать Тиамат очень трудно. Разве кровь близкого родственника, но... Не знаешь его родственников?

— Милани, ты — его дочь, — сказала очевидную вещь Смилана.

— Ваал мой... Прости, мам. Просто это как гром среди ясного неба...

Миланэ быстро проколола себе сирной палец; мать в испуге ойкнула; это выглядит довольно страшновато, но на самом деле, при должной сноровке, почти не больно. Пару капель крови она просто капнула в ближайшую чашку, придвинув к себе, и поставила по центру стола. Стасовав, начала делать расклад знаков, каждый раз вытаскивая один из них, удерживая колоду над чашкой.

— Он жив. Относительно здоров, — первым делом заключила Миланэ.

— Тааак... — сказать, что матери стало любопытно — ничего не сказать. Она подалась вперёд.

— Он сейчас посреди воды. Много воды. Море. Он — мореход, — вытащила следующий знак Миланэ.

— Да-да, как-то так.

Миланэ сгрестила знаки, что успела вытащить, вернула их в колоду, а потом вновь разложила, целых три.

— У него есть львица.

— Супруга?

— Нет. Они так, просто вместе. Моложе его.

— Вот как.

— Этот как-то не очень видно... А! Он из Хустру? Он — хустрианец?

— Да.

— Значит, я — наполовину хустрианка?

— Да.

— Ваал мой, а все в Сидне называют меня самой настоящей андарианкой... В пример ставят.

— Прости меня, Милани.

Наверное, дочери стоило сказать нечто вроде «я прощаю, мама» либо «спасибо,

что теперь я это знаю», но вместо Миланэ прыснула.

— Мам, ну за что ты извиняешься? — дочь отставила Карру и чашку. — О, Ваал мой, значит я — совсем иная, чем мне думалось всю жизнь, — пригладила загривок.

— Иная, Милани. Ты иная. Потому я горжусь тобой. Именно поэтому ты стала Ашаи.

Добавила тихим-тихим шёпотом:

— Дочь Далиана не смогла бы стать Ашаи-Китрах.

Вдруг послышался шум шагов; они смолкли, и с улицы вовнутрь кухни зашёл отец. Увидел, что мать с дочерью сидят за столом с чайником и чашками, спросил:

— Что, чаёк попиваете?

— Хорошо, что не кровь, как ты говорил, — съязвила Смилана.

Миланэ знала, что мать с отцом, как и всякая супружеская пара, иногда любили разругаться. Но не всерьёз и никогда — надолго. Так, «чтобы ухо было остро», как любила пошутить мама.

— Кровь пить полезно, особенно свежую, — заметил отец.

— Ты втай уж сдулся-то?

— Я? А ты?

— Есть будешь?

— Ну давай...

Отец, довольный разрешением небольшого конфликта, ушёл ненадолго прочь.

— А что ты мне хотела сказать? — вдруг спросила мать, перетаскивая огромный чан.

— Мы едем в Айнсансгард.

Глава XV

Миланэ боялась, что все эти пять утомительных и однообразных дней, пока они ехали в великий и самый первый дисциплинарый — Айнансгард, Арасси начнёт всё больше молчать и в её глазах будет таиться молчаливый укор. Но опасения оказались напрасны: было заметно, что подруга если и обиделась, то никак не выказывала этого, и дочь Андари не чувствовала разобщения с нею.

Тем не менее, Миланэ замечала, что она никак не находила понимания для их поступка: посреди бела дня взять да уехать за четыреста с лишним льенов, чтобы отдать родной сестре какого-то льва, пусть и Ашаи, некий «оберег» явного варварского происхождения. Ашаи-Китрах не слишком превозносят ум и рациональное, по крайней мере, он у них сосуществует с остальными гранями души, но глупость, бессмысленные поступки и вздорство не могли найти доброго отклика в душе Арасси. Она некоторое время в самом благожелательном тоне пыталась убедить Миланэ, что делается какая-то ненужная глупость, усилия — напрасны, даже никчёмны; то та была, как обычно, несгибаемой.

«Деньги — ладно, патрон ей всучил целый мешок денег, это её дело, как с ними сходить с ума. Но сколько времени и усилий зря! И это — перед Приятием...», — подумывала Арасси, забившись в угол дорогущего дилижанса и невидяще уставившись в окно.

Её душа сильно смягчилась, когда она вошла в Айнансгард и увидела главный

стаамс — стремительный памятник зодчества потрясающей красоты и высоты.

Они, как водится, первым делом пошли в Админу; там Миланэ объяснила, что им нужна дисциплина — родная сестра льва Хайдарра, двадцати одного года отроду. Под такую скупую характеристику могли подпасть очень многие, и в Админе поинтересовались, не знают ли сиятельные ещё каких-либо примет той, которую нужно найти. Ваалу-Миланэ начала тереть уши ладонями, яростно пытаясь вспомнить, даже изгласила энграмму на возвращение утерянного и вспоминание забытого; но Ваалу-Арасси саркастично отметила, что изглашает она вовсе другую энграмму, а именно для быстрого засыпания и сна без сновидений. Сложно сказать, что надо делать, если забыла энграмму для вспоминания забытого — мда уж — и Миланэ, сдавшись, лишь добавила, что имя рода дисциплины может начинаться на «С».

Тяжело вздохнув, служители Админы отправились искать безвестную дисциплину в картотеке, ибо просьбы Ашаи, даже самые странные и трудные, надо выполнять. Вернулись служители необычно быстро, чего не ожидали ни Миланэ, ни, тем более, Арасси.

— Ваалу-Вивиана, из рода Слааров, двадцать один год от роду, у которой есть родной брат, дренгир Легаты...

— Да-да-да-да! — затараторила Миланэ. — Вивиана!

— Хорошо. Насколько дело срочное?

— Очень срочное и касается её брата.

Служительницы Админы со вздохом переглянулись.

— Мы вызовем её как можно быстрее, — с печалью в голосе молвила одна из них. — Подождите в гостевых комнатах, прошу.

— Благодарим львиц, — сделала Миланэ небрежный книксен и быстрым шагом направилась к выходу, жестом поманив за собой подругу-Арасси.

В гостевых комнатах Миланэ и Арасси сидели уже больше часа; Арасси несколько раз предложила пойти поесть, но Миланэ ответила, что нельзя терять и мига времени. Недалеко, на такой же софе, сидел некий знатный господин в тоге, похожий на патриция Сунгкомнаасы. Он с недвусмысленным, бесстрашным интересом поглядывал на двух подруг; Миланэ не особо замечала его взглядов, Арасси они только злили.

Наконец, створы дверей распахнулись, в комнату влетела молодая дисциплина.

По всему было видно, что облачалась она второпях (в стаамс Ашаи не могут входить без пласиса — это считается очень дурным тоном), вплоть до того, что сирна у неё оказалась заткнута рукоятью вниз. Шерсть цвета корицы говорила о западном происхождении; очень маленькие уши прижаты, то ли от волнения, то ли от плохого настроения; пласис на ней почему-то лилейный, нежно-белый — такие обычно носят или на больших празднествах, или на сожжениях. Миланэ сразу признала сходство её черт с Хайдарром.

Она села напротив, ровно и скованно, словно на Совершеннолетию; её большие, карие глаза влажно, яростно смотрели на обоих подруг.

— Пусть осенит тебя свет Ваала, сестра, — начала Миланэ с традиционного приветствия.

Арасси тоже с улыбкой кивнула, а потом поглядела в окно, дотрагиваясь когтем к подбородку.

— Осенит и вас. Что случилось? — спросила она высоким голосом, да так, что стало понятно — нечто должно было случиться.

— Сестра, меня зовут Ваалу-Миланэ. Это моя подруга Ваалу-Арасси, мы — дисциплины Сидны у порога Приятия. Мы... точнее, я лично имею к Вивиане важное дело.

— Говорите уже, — торопливо сказала Вивиана, взмахнув хвостом. — Скажите: что с Хайдарром? — цепко сжала ладони.

— Я не знаю.

— Значит, пропал без вести?

— Нет, о Ваал, нет. Надеюсь, нет. Мы не приехали сообщить о плохих новостях. Вивиана неправильно поняла!

Вот что сбило Вивиану с толку, так сбило.

— Тогда откуда у львицы амулет моего брата? — глядела она на вещь, что Миланэ неуверенно держала в руках.

— Я приехала его вернуть, — та увильнула от вопроса.

— Где ты его взяла? — перешла на «ты» сестра Хайдарра.

— Он сам мне дал... — начала Миланэ, но не договорила, поскольку Вивиана мгновенно перебила:

— Когда? Зачем?

Миланэ на миг запнулась, но потом сказала правду:

— Мы познакомились по дороге из Марны. Я с ним спала. Потом Хайдарр подарил мне его на память. И мы разъехались в разные стороны.

— Так он жив... с ним всё хорошо...

— Надеюсь. Он ещё здесь?

— Здесь — это где? — без больших церемоний спросила Вивиана, уверенно расправляя пласис. — Он уехал обратно на Восток неделю назад. Но я ведь говорила ему, говорила никому амулет не отдавать! Не показывать! А теперь он у вас. И чего вы хотите?

— Попрошу прощения, сёстры, должна отлучиться, — неожиданно поднялась Арасси и тут же вышла.

— Так чего ты хочешь? — развела руками воспитанница Айнансгарда.

«Холодный приём... С другой стороны — а чего ты хотела?».

— Я приехала отдать амулет. Насколько мне стало известно, это не обычная вещь. Хайдарр не знал, что дарит; он сказал, что это самое дорогое, что у него есть.

Сколь был мягок тон Миланэ, столь остр — тон собеседницы, больше схожей на противницу:

— Он отлично знал, что это такое. Ему было сказано, что это — оберег на защиту. Собственно, дискуссия была бесполезной.

— Прошу.

Быстрым, нервным движением Вивиана взяла эту штуку.

— Спасибо. Всего доброго.

Поднялась, и так застыла. Села обратно.

— Он приедет не ранее, чем через год. Что мне с ним делать?.. — с такой внезапной и великой безнадегой молвила она, что Миланэ сразу прониклась сочувствием, хотя миг назад хотела уйти без длинных послесловий. — Что ты сделала с моим братом? — внимательно поглядела на неё Вивиана и села обратно. — Зачем он отдал амулет, который достался мне с таким трудом?

— Ничего. Мы познакомились случайно... — ответила дочь Сидны, и чтобы отвести разговор в иное русло, заметила: — Я узнавала о нём в Сидне.

— И, Ваал мой, не вздумай распространяться о том, что узнала. Особенно здесь, в Айнансгарде.

— Не буду.

После сего судьбе можно было бы и оборвать череду необычных слов и поступков, чтобы вернуться в размеренно-понятное русло; хватит бы всех этих непонятностей, пусть Миланэ едет в Сидну, прихватив Арасси, Вивиана останется с амулетом брата — и на том истории конец.

— Держи, — повторила Вивиана, потрясая амулетом в опасной близости от её носа.

Опомнившись, Миланэ отпрянула.

— Нет-нет, Вивиана, я приехала, чтобы...

— Ты любишь его?

Миланэ в растерянности осмотрела гостевой зал, будто бы эти белесые своды могли чем-то помочь. Как-то отвечать на такой вопрос? Любить — да нет, не любит. Просто знакома, просто симпатизирует.

— Мы просто провели ночь вместе, — повела она плечом, стараясь быть честной.

— Всё равно держи. Не я подарила тебе, а мой брат. Наверняка он разозлится, если узнает, что я забрала у тебя амулет. Его лучше не злить.

— Но ему это нужнее... Ему ведь поможет?.. — Миланэ робко приняла возврат.

— Как знать. Что только не сделаешь, чтобы брат вернулся невредим. Но я понятия не имею, что происходит, если такие амулеты отдаются прочь. Он именно, если разобраться.

Вивиана несколько раз осмотрелась вокруг; верно, она вдруг поняла, что лишние свидетели будут весьма некстати.

— Что же теперь делать? — задумчиво спросила Миланэ.

— Да что хочешь, но я бы сохранила его себе.

— Нет, я говорю о Хайдарре.

— Беспокоиться поздно. Брат далеко, а второй такой амулет я не смогу достать.

«Что ж, хорошо-понятно», — подумала дочь Сидны. — Но всё-таки: что он такое?».

— Это амулет северных прайдов?

— Можно и так сказать, — торопливо ответила Вивиана, тут же перескочив: — Боюсь, амулет тебе придётся оставить, во зло или благо. Если тебе не нравится его происхождение, то просто думай о нём, как о подарке.

«За сим, пожалуй, всё», — помыслила Миланэ. Несмотря на обстоятельства, она пыталась притронуться эмпатией к душе Вивианы (незадача: Ашаи всегда сложнее прочувствовать, чем светскую душу), искала её взгляда, и несколько раз нашла; пожалуй, та не была глупа и поняла, что Миланэ совершает кой-какие попытки пролезть ей в душу. В конце концов, игры взглядов обоим надоели, потому что приходилось взаимно улавливать ход мыслей, которые можно просто выразить вслух. Тем не менее, Миланэ смогла кое-что выудить: Вивиана пребывала в угасающем раздражении и беспокойстве; так-то её можно понять: неизвестно кто, пусть и Ашаи (а может, тем более) приходит и тычет тебе северный амулет, требуя признаний. По уму, так надо сразу сказать: ничего не знаю, вижу в первый раз, о чём львица говорит, что львица себе позволяет.

Вышло чуть иначе. Вивиана, в свою очередь, увидела в душе Миланэ нечто такое, что дало возможность сказать:

— Раз ты сюда приехала из самой Сидны, заботясь о моём брате, тогда надеюсь, что мы можем говорить откровенно.

— На самом деле я приехала из Андари... Да. Можем.

Вивиана пересела к ней на софу, совсем близко, без личного пространства, тело к телу.

— Этот амулет — дело рук северных шаманай, — склонилась она, почти шепча на ухо, очень внимательно вглядываясь. — Я знаю одну старшую сестру, необычную, которая имеет там связи, — Вивиана крайне многозначительно сказала слово «там». — Я через неё получила этот амулет, это было весьма непросто. Она живёт в Цаплае, отшельничает. Цаплай — это недалеко, льенов пятьдесят, угрюмогоры, как мы их зовём. Пойми, Миланэ — когда я рассказываю о ней, то доверяюсь. Тебе. Потому: никому и ничего.

Миланэ молча кивнула; потом поняла, что кивка недостаточно:

— Никому ничего. Я могу с нею повидаться?

— Спрашивай её, не меня. Она принимает далеко не всех. Прости, сестра, но я должна идти. Когда увижу Хайдарра, обязательно расскажу. Но, боюсь, будет это нескоро...

— Не надо. Не рассказывай ему ничего, — попросилась Ваалу-Миланэ-Белсарра.

* *

Дорога, шедшая вверх, была извилисто-угрюма; предсумеречный час обдавал холодом и неуютом. Миланэ, дочь юга, поразилась тому, сколь природа может быть отрешённой, холодной, равнодушной к тёплой крови.

— Осторожно, — предупредила, и помогла Арасси перебраться по неровной кладке через крошечную речку.

Над горами висел туман, облака висели неправдоподобно низко.

Как только Миланэ хорошенько разузнала у Вивианы, как добраться к необычной старшей сестре Нараяне, так сразу они и отправились. Нельзя сказать, что это было лёгкое путешествие. Ночевать пришлось в довольно подозрительном и убогом месте, по меркам дисциплинар Сидны, конечно. Зябкая погода требовала тёплой одежды, и счастье Миланэ, что Арасси любит таскать с собой множество нужных и ненужных вещей — она дала тёплый плащ-накидку с капюшоном, который обычно носят Ашаи в ненастье. Тем не менее, остальные вещи, что они опрометчиво не оставили в Айнансарде, им пришлось отдать на сохранение первой попавшейся сестре-Ашаи в городке со смешным названием Цвах; Арасси объяснила Миланэ, что «цвах» у хустрианцев — это весьма неприличное, жаргонное словцо, на что та ответила, что вся жизнь хустрианцев — сплошное неприличие.

Из этого селения им следовало отправиться в другое; избитая дорога к нему не предвещала простого пути.

Посёлок, возле которого должна обитать Нараяна, оказался глухим, забытым Ваалом скоплением двух десятков домов посреди гор, в котором жили лишь охотники. К Миланэ и Арасси они были не то что строги или суровы, а будто бы просто равнодушны. «Пришли, ну и мир с вами», — так молвили их глаза.

— Амастилаар. Считай, тот же Норрамарк. Тут наша Шасна чувствовалась бы, словно рыба в воде, — весело сказала Арасси.

Миланэ была бесконечно благодарна ей; она уже много-много раз пожалела о

том, что не отправила подругу в Сидну. Было заметно, что ей непросто смириться со странностями Миланэ, которая ранее выказывала не так уж много странного. Она не понимала мотивов и цели их путешествия. Самым пагубным для доброго настроения было то, что Миланэ сама не знала их; хотя, безусловно, она пыталась придумать разумные, хорошие доводы и для себя, и для других.

Шли они по этой угрюмой дороге уже час. Дорогу им указали, но провести никто не согласился.

— Хаману Нараяна не любит к ней ходящих, — со странным уважением отвечали им местные.

Дорога свершила ещё одну неровную петлю вокруг огромного камня, и они увидели небольшой дом с большим крыльцом в окружении высоких елей; в нём горел свет, а из большой трубы ввысь тихо-тихо уходил дым.

— Кто-то есть. Пришли не зря, — заметила Арасси, ловко откинув капюшон.

Взошли на крыльцо, постучались в дверь. Арасси, потирая ладони, обдавала их тёплым воздухом дыхания и наблюдала почти незаметный пар. Миланэ улыбнулась, будто бы извиняясь и утешая: «Ещё чуть, моя подруга, ещё совсем немного, я только узнаю, что мне делать с амулетом, да всё дело».

В доме не было слышно никакой суеты, поэтому Миланэ постучала ещё раз, уже требовательнее.

— О, Ваал, не говори, что нам нет входа в сие жилище, — устало сказала Арасси, и сделала нехарактерный для себя жест: прикрыла глаза ладонью и покачала головой в немом укор.

— А если там никого? Если она только что ушла? — медленно помыслила вслух Миланэ.

— Там есть живая душа, — не открывая взора, с глубокой уверенностью молвила Арасси.

Как только Миланэ начала стучать в третий раз, так сразу дверь и открылась.

— Да?

Перед ними предстала, вытирая руки о рваную тряпку, львица низкого роста, крепко сложенная, в простейшем сером одеянии с короткими рукавами и переднике. Миланэ на миг испугалась, что они ошиблись: Ашаи наденет передник или фартук только в самом крайнем случае. Это — символы светской львицы, преимущественно детной и замужней, но Ашаи-Китрах даже дома стараются его не носить. Кроме того, на ней не было амулета Ваала, сирны, да и вообще всех приличествующих отличий. Глаза — совсем простые, серые и безучастные; совсем не таких глаз ожидаешь от старшей сестры, что ведёт причудливую жизнь одиночки.

— Да, я слушаю? — повторилась она.

— Хорошего дня львице, — обратилась Миланэ, на всякий случай сделав кник-сен. — Можем ли мы увидеть сиятельную Ваалу-Нараяну?

— Зачем? — с небольшим удивлением спросила львица.

— Об этом, прошу понять, мы можем беседовать только с нею.

Не ответив, львица отошла от двери и кивком пригласила войти. Но сразу же их ждала другая дверь. Миланэ сразу поняла, почему им пришлось немного подождать: стук попросту не был слышан.

— Здесь надо стучаться в окно, стук в дверь трудно слышать, — словно прочтя мысли Миланэ, отметила львица, открывая вторую.

Дом состоял из одной большой комнаты под высокой крышей, и двух маленьких.

Было уютно, тепло, повсюду царил хороший порядок; Миланэ отметила стол с кучей сосудов самых разных размеров и принадлежностей для целительства. Теплилась грубая, большая печь, характерная для северных провинций, и был маленький камин, в котором горел жалкий огонь. Судя по всему, хозяйка жила одна, но кроватей оказалось целых четыре.

— Это стаамс Айнансгарда? — сразу же начала Арасси знакомиться с местом, указав на большую картину прямо перед ними на стенке.

— Да, — подтвердила львица.

— Невероятная работа.

Только теперь заметив серебряное кольцо на левой руке львицы, Миланэ учтиво прижала уши:

— Имею честь говорить с преподобной Ваалу-Нараяной?

Миланэ с каким-то раздражённым намерением нарочно употребила это гадкое «преподобная».

— Да. А я, наверное, имею честь говорить с тобой, верно? — отставила тряпку Нараяна.

— Я — Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплира, моя подруга — Ваалу-Арасси, Сидны дисциплира. Мы — у порога Приятия.

— Превосходно. Есть хотите? — Ваалу-Нараяна, эта простая и твёрдая сестрина, пригласила загривок.

— Благодарю, мы не голодны, — Миланэ поглядела на Арасси, но не получила ответного взгляда.

— Это ты так говоришь. Арасси ведь ничего не говорит.

— Если можно, задам вопрос: львица некогда была воспитанницей Айнансгарда? — спросила Арасси, обходя стол.

— Нет. Я никогда не училась в дисциплирии.

Не все Ашаи-Китрах происходят из дисциплириев, хотя очень многим хочется, чтобы это было так и только так. Они учатся у наставниц и только у них, проходят и Совершеннолетие, и Приятие, получают кольцо, сирну и стамп в своё время, имеют те же привилегии. Более того, таких Ашаи большинство во всей сорокамиллионной Империи Сунгов — воспитанницы дисциплириев составляют примерно треть. Никто никогда этого не говорит, и даже не осмеливается прошептать, но считается, что это — лучшая треть, более благородная треть, более образованная, сильная, влиятельная, знающая, прозорливая, воспитанная, хитрая, умная, более полезная, более угодная Ваалу... Но старые устои незыблемы: ученица может воспитываться вне дисциплирия, как все Ашаи древности. Но, если задуматься, и без них нельзя: удел свободных Ашаи — вот такая жизнь, служение в небольших городках и посёлках, повседневность, провинциальность, нехитрое целительство и обыденные церемонии.

— Оу... — вздохнула Арасси, явно не ожидая такого ответа.

Чуть помедлив, Миланэ продолжила:

— Превосходная Ваалу-Нараяна, я прибыла, точнее, мы прибыли с весьма необычным делом...

— Можешь даже не говорить, с чем приехали. Тут уже всё видно. Но, боюсь, твоей подружке помочь не так просто.

— Моей подру...

Но тем временем Нараяна начала хлопотать, довольно решительно ухватив Арасси за локоть и усаживая её в кресло.

— Садись, садись, лицом к огню. Не бойся; раз приехали, то стыдиться нечего.

Арасси с изумлением посмотрела на Миланэ, а та только развела руками, прижав уши; хвост застыл в удивлении и непонимании. Нараяна же быстро, очень торопливо подкинула дров в камин, потом уселась на подлокотнике кресла:

— Сядь сюда ровно, Арасси, гляди сюда, на меня, будем смотреть. Ай... Ай да, всем нам, сновидицам, неприятно, натрудно живется... И явным, и неявным, и всяко-разным, и что только с нами... не... случается...

Вот что видела Миланэ: с удивлением и зачатками раздражения Арасси уселась там, где сказала Нараяна; блеснули в свете огня её красивые серьги; столь милые многим львам черты лица обрели острые тени; Арасси засуетилась в кресле, и Миланэ опытным глазом дисциплины поняла зачем — она желала принять закрытую позу для сидения, чтобы лапа за лапу, а левая рука была вот так, а... но ей так не вышло, потому что Нараяна уверенно ухватила её плечи; затем Миланэ видела, как ослабла, расслабилась Арасси под пристальным взглядом старшей сестры, её черты изгладились, с них сошла острота, и взгляд стал то ли очень усталым, то ли бескрайне мечтательным, бестревожным, всматривающимся в нечто далёкое, почти бесконечное, а может — и действительно бесконечное...

В какой-то момент, после того, как установилась тишина, Миланэ хотела вмешаться, прекратить все эти непонятности. Но тут Арасси вся вздрогнула, закрыв глаза, а Нараяна её придержала:

— Шшшшш...

Так продолжалось ещё несколько мгновений, а потом Нараяна отпрянула, представив Арасси то ли дремать, то ли спать в кресле со склонённой головой.

— Что львица сделала с Арасси? — с волей в голосе спросила Миланэ.

— Тише говори... Это не я, это она сама с собою так. Да и не только она. Несчастные мои юные создания, как вас калечат в ваших школах, что с вами делают...

— Я не понимаю, — строгая андарианка-Миланэ, наверное, впервые в жизни опёрлась левой рукой о ножны сирны, беседуя с другой Ашаи-Китрах. А это жест чрезвычайного раздражения, презрения, требования.

— Да я тоже много чего не понимаю. Оп, — поймала Нараяна безвольную Арасси, которая начала сползать в кресле; привычно и легко она взяла её на руки и уложила на ближайшую кровать. — Только не буди, скоро сама проснется.

— Что произошло? Зачем львица это делала? Зачем использовала против неё взгляд?

Несколько мгновений никакого ответа не последовало; вместо этого эта странная сестрина начала убирать один из столов, словно ничего не случилось.

— А как иначе мне высмотреть? — наконец, устало ответила Нараяна, смахнув крошки со стола и пригласив Миланэ присесть. Потом прищурилась: — Погоди: ты что, не знаешь о её...

— О чём? — пока ещё не спешила садиться Миланэ.

— Ты знаешь, что с ней происходит ночью?

Дочь Андарики медленно и осторожно присела на лаву.

— Знаю. Кошмары.

— Так чему удивляешься? Ведь сама её привела, так? — напористо, с непониманием спросила Нараяна.

— Нет. Нет-нет. Пусть львица погодит, а то мы совсем спутаемся. Мы пришли узнать кое-что об одной вещи...

Та вся изменилась в облике удивления, уши её привстали, она вся подалась вперёд.

— Ах вот оно что! Я то думала, что вы...

— Так сиятельная Нараяна знает о её ночных кошмарах? — легонько подложив пальцы для подбородка, облокотилась Миланэ.

— Ты мне расскажи, что знаешь. Только начистоту.

Она посмотрела вниз, на грубую дубовую столешницу и несознательно отметила, что на столе остались пятна от красной охры.

— Примерно раз в неделю ей снится кошмар: сначала её насилует тёмный лев, а потом топит в тёмном пруду. Арасси каждый раз всё понимает, но ничего не может сделать, и просыпается в панике. Все эти годы я бросаюсь и начинаю её успокаивать.

— Сколько лет длится вся эта история?

— Не знаю. С шестнадцати, наверное, — не смотрела в глаза Миланэ.

— С шестнадцати? — с недоверчивостью спросила Нараяна. — Как она справляется?

— Не знаю. Она привыкла, да и я... И, на правду, хорошо об этом знаю тоже только я... Наставницы говорили, что так бывает, перед первым видением Ваала. А потом Арасси поняла, что это и есть Ваал. По крайней мере, она так твердит. Я лично не знаю... Это так необычно. Кроме того, она как бы... Мммм...

— Любит со львами? — сильно, залихватски ударила ладонью о ладонь Нараяна. Такой грубый жест вызвал отторжение у Миланэ; она посмотрела в глаза Нараяне — её взгляд был серьёзен и сострадателен.

— Точно. Говорит, что если переспать, то кошмары намного реже снятся. Говорит, что это такой у неё путь Ашаи: раздавать наслаждение, а иначе Ваал снова начинает душить во снах.

Нараяна тяжело поднялась, глядя на жарокрасный перелив огня в камине. Затем она яростно потёрла нос и уши.

— Нам двоим придётся несладко, но придётся ей остаться на луну. Или даже две.

— В каком смысле? — насторожилась Миланэ.

— Ей придётся остаться здесь. Мы попытаемся что-то сделать, — сестрина устала вила руки в бока.

— Но у нас через несколько недель будет Приятие!

— Нельзя ей идти ни на какое Приятие, будь оно неладно! — Миланэ впервые увидела от Нараяны жест Ашаи — жест отторжения и полного несогласия, нйах-гастау. — Там сеструшки напоят её сомой, а это сразу ослабит, тут и конец! Она ведь и так ничего не принимает, даже вина много не пьёт — знает ведь, что сгинет!

Миланэ хотела что-то возразить, хотя враз и вмиг почувствовала убийственную правдивость этих слов, но тут заметила, что Арасси зашевелилась и начала сонно-хмуру привставать. А потом рывком сорвалась с постели.

«Мой Ваал, она в ярости», — испугалась Миланэ.

Арасси почти никогда не злилась; по крайней мере, по её словам, она всегда пыталась превратить злобу в насмешку. Но Миланэ хорошо знала, когда Арасси злится по-настоящему; и в гневе она совершенно безрассудна.

— Зачем... что ты делала... зачем? Зачем? Зачем там смотрела?! — её трясло.

Нараяна сидела нерушимо.

— Чтобы увидеть, ясное дело. А дела нехороши, так что оставайся со мной. Подруга привела тебя ко мне, это — знак.

Услышав «подруга», Арасси мгновенно уцепилась в слово:

— Я не поняла, Миланэ, ты нарочно затащила меня сюда для глупостей? Выдумок? Собралась меня исцелять?

— Арасси, я не... — приложила дочь Андарики две руки к груди. — Послушай, надо это обсудить, я понятия не имела, что...

— Так ты решила меня сказками затащить к отступнице?! Хитра, да?!

— Арасси, подруга, душа моя...

— Так. Молчи. Совести у тебя нет.

Миланэ замолчала.

— Оставайся, в последний раз говорю, — встала Нараяна, но Арасси сделала шаг назад:

— Молчи, отступница, сирна при мне! — отпрянула Арасси назад, хищно удерживая ладонь возле кинжала. — Я всё слышала, что ты говорила о Приятии и Ваале в моих снах!

Совсем не испугавшись, Нараяна только всплеснула ладонями, как торговка на рынке.

— Глупое моё дитя, то не Ваал в твоих снах, то что похуже.

— Я ухожу, — заявила Арасси. — Миланэ, я ухожу.

— Не уходи, стой! — Миланэ попробовала взять её за руку, но не вышло.

— Я ухожу. Ты — со мной?

— Ты же ничего не выслушала...

— Ясно. Я пошла.

Хлопнули одни двери, хлопнули другие.

— Кошмар какой, — в тяжёлом впечатлении Миланэ присела на лаву.

Подойдя к окну, Нараяна наблюдала, как молодая львица уходит по мрачной дороге в сумерки. Потом рывком выбежала на улицу; Миланэ слышала глухое:

— Иди сюда, копьё дам, у нас тут воры и волки!

Миланэ прильнула к окну. Арасси даже не обернулась; она лишь на ходу поправила пояс, а потом накинула капюшон.

Нараяна вошла обратно в дом, Миланэ присела на сундук у окна. Некоторое время она размышляла о том, кинуться ли вдогонку за подругой и забыть всё, как дурной сон. Но думала так, понарошку, безвольно...

— Здесь действительно волки?

— Не беспокойся, цела дойдёт. Здесь охотники всё отловили, что только можно. И что нельзя — тоже.

— Так что с нею на самом деле?

— Не знаю, как оно всё на самом деле, — встала рядом Нараяна, прислонившись к стенке из толстых брусьев.

Миланэ посмотрела на неё, потом резко взмахнула рукой, мол: «Да сколько можно издеваться?».

— Послушай, никто из нас даже не знает, как устроен этот мир, что тут говорить о других, что в Тиамате. Но что могу сказать: что бы себе ни выдумывала Арасси, как бы она не пыталась защититься от неведомого, всё это — судороги ума, который отчаянно пытается ухватиться за крохи здравого смысла, и любое объяснение, даже самое глупое, что лишь подбросят, он вмиг радостно хватает, как голодная собака. Её не насилует Ваал или как там ещё она говорит. Знаешь ли, Ваал — забавная игрушка, в чём-то иногда величественная, но в таких случаях покоряться ей — смертельно

опасно.

Нараяна, сощурившись, посмотрела вверх.

— Арасси больна, больна особой болезнью начинающих сновидиц, — и отошла куда-то внутрь дома.

— Она — не сновидица. Она терпеть не может сновидеть, — прислонилась Миланэ к холодному стеклу, а потом и выдохнула на него, наблюдая, как мир становится непрозрачным и белым.

— Кто ж её спрашивает, что она там может терпеть? Арасси ею родилась и некогда пыталась сновидеть. Но с нею не было никого, кто бы мог подсказать, — с безграничной уверенностью молвила Нараяна, как-то успев взять корзину и большую охапку сушёных трав, с которых начала срывать маленьким ножом цветки.

— Подсказать что? — постучала Миланэ когтем по стеклу.

— Когда душа бродит по другим мирам, то она там вовсе не одинока, — сказала Ашаи, буднично бросая цветки в корзину. — Там встречается кто угодно, что угодно. Вот одна из сущностей сновидения уцепилась к ней и крадёт силу.

— Что за сущность? Откуда?

— Не знаю. Полно всяких.

— Чушь какая-то, — безвольно молвила Миланэ.

— Ай да, чушь. Всё вам чушь! Чушь, — раздражённо и резко взмахнула Нараяна рукой, нож блеснул в свете огня. — Ты-то хоть такой не будь! Сновидица она, каких ещё сыскать; мне бы такую в ученицы — радовалась бы днём и ночью. Как Арасси начала сновидеть, так доверилась всему, что увидела. А миров на древе много, и снуют там самые разные существа, какие хочешь.

— Что они такое? Как они выглядят?

— Да как угодно! От твоей души зависит. Там, знаешь ли, видишь всё так, как преломляют зеркала твоей души. Да и здесь тоже, — Нараяна постучала ножом по корзине. — Вот есть такие из них, во верхних мирах, что жрут силу сновидящих. Вот увидела Арасси такую в свои шестнадцать лет, да ещё в виде красивого льва. Подошла, доверилась, расслабилась, начала верить всему — а в сновидении ничему нельзя верить до конца. Вот оно и пристало к ней. Потом ещё раз. Потом ещё. Теперь ей вырваться трудно, она нашла лишь один способ — растрачивать силу со львами. Растрачиваешь силу, неважно как: развратом, игнимарой, ещё какими глупостями — сновидеть не можешь. Она не поспит с кем-то — и начинает сновидеть, без своей воли! А тут её уже поджидает ужас. Вот и всё.

Наблюдая, как Нараяна продолжает срезать цветки, Миланэ всё порывалась что-то спросить. Но даже не знала, что.

— Это сколько силы надо иметь, чтобы столько лет сохранять добрый дух. Другая бы уже давно с ума сошла. Сильна твоя Арасси, — приговаривала сестрина, простоманерная.

— Она говорила, что ей даже нравится. Свыклась.

— А то. Силу тратить приятно, сила любит искать выхода.

— Почему тогда её топят в сновидении, если это приятно? Хороша приятность, ничего не скажешь.

— Так душа ж не глупа, второе тело не безумно. Оно знает, что с него украли, потому ей видится, что топят. Но если взять слишком много, — сестрина наставила на неё нож, — то можно не выдержать, и утонет она взаправду.

— Как это?

— Умрёт в постели.

Вообще-то, Миланэ плохо воспринимала то, что говорила Нараяна. Ей всё казалось плохим розыгрышем, странностью; хлопнут двери, вернётся Арасси, засмеётся Нараяна, они обе обсядут с двух сторон и начнут убеждать, что решили так пошутить.

Тем более Миланэ вздрогнула от её голоса:

— Потому она ничего не принимает. Вино, нарвали, опиум — неважно что — раскрывают и ослабляют душу.

— Но откуда мне знать, что мнение львицы — истина, а слова Арасси — неправда?

— Я не говорила, что мои слова истинны. Львицы духа не должны состраивать себе клетки из мыслей, а потом бодро влезать в них. Всё просто: Арасси думает, что с нею происходит нечто необычное и трудное, но хорошее, да и только. Но мой опыт говорит — она в большой опасности, и погибнет, если не перестанет упрямиться.

— Это не просто упрямство. Ведь, получается, всё, в чем она была уверена — пыль.

— Потому она и сбежала. Все боятся разрушения своего мира.

Срезав все цветки, Нараяна уверенным движением взяла безвольную Миланэ под руку и усадила на кровать. «Заснуть бы», — вдруг подумала дочь Сидны. Всё вокруг убаюкивало: огни камина, речи Нараяны, всё-всё.

— Вас не учат сновидению, потому что ваши наставницы сами ничего в нём не смыслят. Больше того — не хотят. Вера.

— Превосходная не верит во Ваала?

— А ты?

— Не знаю... Мне иногда кажется, что я не знаю — кто я... Да, помню своё имя, помню, что Ашаи-Китрах, Сидны дисциплина... у порога... Приятия... андарианка...

— Сказать тебе, кто ты?

Миланэ так посмотрела на Нараяну, с такой неизбывной тоской и вечным зовом, что та сразу увлекла за собою прямо к креслу, где прежде сидела Арасси.

— Пошли к огню.

Очень аккуратно, осторожно села Миланэ, словно опасаясь. Нараяна не торопила, а стояла подле и сказала немножко посмотреть на огонь, успокоиться. Впрочем, она и так была спокойна, если состояние опустошенной тревоги можно назвать покоем; Нараяна встала перед нею, но так, чтобы Миланэ могла видеть огонь; она брала её подбородок двумя ладонями, осторожно и нежно, как мать (Арасси она было схватила, как жертву), и так смотрела: наклонит её голову вниз, ещё ниже, потом вверх, вправо, влево, словно читала книгу. Нараяна очень тихо говорила ей смотреть в глаза, а не на огонь, Миланэ повиновалась; глаза старшей сестры то угасали до жуткой черноты, но начинали сиять аловатым светом; никакой простоманерности, никакого простецтва — только бездна взгляда.

— Брось эти игры с огнём, сновидица, — сощурилась сестрина.

— Я не смотрю на него.

— Я об игнимаре. Тебе нужно от неё отказаться, если желаешь сновидеть — а ты желаешь. Тебе больше нельзя тратить силу на такую глупость.

— Но у меня очень хорошая игнимара, как же я...

— Вот именно, вот поэтому у тебя сильная игнимара, ибо имеешь много силы, которой назначено сновидеть.

— Но я же Ашаи-Китрах, как я могу без игнимары? — подняла ладони Миланэ, а потом сжала в кулаки. Что-то очень яростное, сильное вырвалось из её сердца: она оскалилась, и клыки отблёскивали в свете огня.

— Ты ведь не дхаарка духа, не рабыня веры Сунгов, не пленница тех, кто умиляется этим зрелищем и кто уважает его, кто просит этого огня и кто требует, кто падок на жалкие зрелища, экстазы и прочие фокусы. Это показное, это для всех, это для вида, чтобы боялись и уважали. Но не туда ведут тропы львиц духа. Игнимара, по сути — глупость, которой придают значение; глупость, возвращённая безумно мощным намерением. С тем же успехом можно учиться всем Ашаи ходить по тончайшему канату или убивать мышей взглядом. Вспомни, сколь больно и долго ты училась этому, но никогда не спрашивала себя — зачем?

— Зачем? — задалась вопросом Миланэ.

Нет, правда — зачем? Это всегда очень весёлый вопрос — зачем? Это вполне забавно — уметь зажигать пламя на ладонях, но...

— Чтобы сиять внешне, сжигая внутреннее. А ты ведь сновидица. Ты можешь скользить по ветвям древа мира, как львята у нас зимой на санках.

Замечание развеселило Миланэ и вернуло хороший настрой. Она засмеялась.

— Ты-то хоть останешься, поужинаешь?

— Почту за честь, превосходная.

— Отлично. Но я так и не услышала, зачем вы ко мне пришли.

— Вот, — показала Миланэ, — прошу.

Нараяна взяла амулет, повертела.

— И что с ним?

Миланэ пересказала сестрине историю амулета. Та слушала сосредоточенно, покачивая вещь на весу.

— Откуда ты приехала? Из Сидны? — в какой-то момент Нараяна устала слушать.

— Нет, из Андари. У меня вольное время перед Приятием.

— Кровь моя, и ты проделала весь путь, лишь чтобы показать мне эту вещь? — подняла сестрина бровь.

— Да. Может, львица подскажет, что делать?

— Гром и молния, Миланэ, нельзя быть такой падкой на вещи! Это всего лишь вещь! Да, искусно сделанная, красивая. Внушающая, запрещённая, — со смешком сказала Нараяна. — Но не более того.

— Так амулет что, ненастоящий?

— Почему. Очень даже настоящий. Его действительно сделали шаманы севера, у них искусство такое. Любят они всякие вещички такие. Но это лишь вещь, памятка, тёплое воспоминание. Сувенирчик, если хочешь. Этот лев-воин, который подарил его тебе — дарил память. Он знает, что на войне имеет значение только щит и меч — вот главные вещи для боя; потому подарил, что мог.

— Тогда зачем львица сказала Вивиане, что амулет уберёжет Хайдарра?

Нараяна мелко закачала головой, отрицая.

— Ой-ёй, погоди, ей никто этого не говорил. Это львицы-Сунги, у которых львы ушли на войну, такое навывдумывали. У меня было целых три дисциплины Айнансгарда, одна за другой, не считая всех прочих; всех я пыталась прогнать, но они были столь упёрты, что пришлось раздарить несколько таких амулетов — так оказалось проще. А они ко мне ещё с кучей денег пришли, видано ж такое. Теперь, слышала,

этими амулетами всякие мошенники приторговывают. Думаю, лучше дам настоящее, чем им подсунут фальшь да ещё мешок денег возьмут.

— Откуда у львицы настоящие амулеты?

Но Нараяна явно притворилась, что не услышала вопроса. Немного подумав, она молвила изменившимся тоном:

— Необычный поступок. Ваал воздаст тебе за это. Прodelать такой путь, чтобы поймать столь маленький шанс отдать ему оберег, это...

Что «это» — Нараяна не договорила. Она враз начала ходить по дому, будто решив прекратить разговор.

— Пусть львица не смеётся надо мной. Львица во Ваала не верит, — заторопилась за ней Миланэ.

— Вовсе не смеюсь.

— Что мне теперь с ним делать?

— То, что делают с подарками — сбереги.

— А с Хайдарром теперь что будет?

— Видно, сильно ты его любишь.

— Я не могу назвать это любовью. Мы лишь были вместе, всего одну ночь. Скорее, чувство долга... я неравнодушна.

— Раз спали вместе, так тебе будет много легче придти к нему во сне. Думаю, это обрадует его. Приди, порадууй, побеседуй с ним — пусть он вспомнит.

— Ходить к другим душам дано только Вестающим, — с укоризной всезнайки отметила Миланэ, серьёзная.

— Глупости какие, львица духа. Какое тебе дело до того, что кто делает и может? Делай, что хочешь — лишь бы ты могла хотеть!

* *

Где-то громко хлопнула тяжёлая дверь. Звук донёся вовсе не с крыльца, а из дальней комнаты, где горела — если гадать по теням — одинокая свеча. Ваалу-Нараяна вся чудовищно переменялась, и Миланэ впервые увидела в ней нечто схожее на беспокойство, даже страх. Предупредительно насторожилась:

— Незваные гости? — тревожным шёпотом спросила она, не зная, чего ждать от этих краев.

— Пожалуй, пожалуй... — крайне невнятно пробормотала Нараяна, рывком встала и пошла к той комнате, но застыла на полдороге — прямо у картины.

— А что, правда хороша? — её коготь постучал по невзрачной раме.

— Кто? — не поняла Миланэ.

— Картина-то.

— Мда, думаю, очень даже...

— Говорят, добрая картина на стене — окно в иной мир.

— Разве ж стаамс Айнансгарда не в нашем?

— Для меня — да, — задумчиво, даже как-то поэтично ответила сестрина. — В некотором смысле...

Далее Миланэ услышала, как некто топчется лапами, сбивая грязь, часто дышит; более того, чуткие уши слышали совершенно чужую, абсолютно чуждую речь, просто до ужаса. Ни слова не понятно. Уши беспомощны. Кошмар. Катастрофа. На самом деле, всякий и всякая из Сунгов очень редко могут слышать чужую речь, ибо

её просто негде услышать. Негде! Дхаарам запрещено общаться на своих языках, если рядом хотя бы один Сунг. Изучение языков, кроме разве что древнего, приравнивается к чудачеству, позволительному лишь богатым бездельникам да учёным. И то, в дебри древнего не стоит заходить, а то мало ли... Ещё чего встретишь в дебрях этих.

Говорила львица, голос у неё был слегка сипловатым, но молодым, уверенным, звенящим; острым, что ли. Нараяна что-то ответила, тоже на чуждой речи, и на несколько мгновений в доме воцарилась тишина.

Миланэ зачем-то встала. Потом села.

В большую комнату, где находилась Миланэ, вошла львица, одетая пугающе странно и непривычно: плечи и грудь укрывала меховая накидка с множеством клыков волка; уши её, не боясь холода, были свободны от всякого убора, лишь было три пера хищной птицы за левых ухом, что покачивались с каждым движением головы; а вот лапы оказались обуты в тёплые меховые кнемиды аж до колен; на шее было два ожерелья, одно большое, второе — маленькое; сильный пояс держал юбку с множеством длинных тесьм длиной чуть ниже колен; и Миланэ отметила, что её пояс очень схож на походные пояса Ашаи. Тёмно-серебряная шерсть, совершенно замечательного окраса, мало виданного Миланэ вообще, оказалась не в пример длиннее, чем у неё, дочери тёплой, ухоженной, многопастбищной, благодатной равнины. Львице составляла компанию львёна, одетая значительно теплее и обычнее для глаза Сунги.

Незнакомая спокойно подошла к Миланэ на расстояние двух рук, потом села на кровать напротив. Миланэ приняла настороженную позу, усевшись прямо и лапу-за-лапу; та же села очень просто, не заботясь, но с таким достоинством, которого не достичь многим воспитанницам Сидны после многих лет обучения. И начала изучать Миланэ взглядом: пытливым, тягучим, цепким.

«Я могу выдержать поединок», — холодно подумала дисциплина Сидны. — «Я могу, я могу, я могу, я всё могу...». Ей казалось, что сейчас всё сестринство Ашаи-Китрах вжилось в неё, и она собою полностью отвечает за него, полностью представляет его, воплотилось в неё — перед кем-то...

Её удивляло то, что Нараяна совершенно самоустранилась, даже не пытаясь представить их друг другу, словно они должны были решить между собою всё сами.

— Кайса, — молвила львица с чужеродным, резким «с», и Миланэ поняла, что ей сообщили имя.

Следовало, безусловно, представиться так: «Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзай, Сидны дисциплина». Но она поняла, что это будет звучать напыщенно, и даже глупо для чужого уха; это впечатляет Сунгов, но впечатлит ли её?

— Миланэ.

Тем временем подошла Нараяна, куда-то упрятав львёну, и осторожно сказала:

— Она — ученица Ашаи-Китрах, — чётко, раздельно выговаривая каждый звук, обратилась к незнакомке. И тут же:

— Миланэ, это та, кого Сунги зовут шаманаями.

Это было сказано так, словно Нараяна призналась в преступлении; недоверчиво, с пытливым взглядом.

Пожалуй, в Сидне готовят ко всему, кроме одного: как себя вести, когда тебя познакомили со жрицей безумных, подражательных, враждебных северных культов. Пожалуй, предполагается, что их сразу нужно убивать. Как-то так. Навер-

ное, и эта львица не каждый день виделась с Ашаи, потому что молчала, хотя в её молчании было значительно меньше неуверенности, чем в молчании Миланэ.

— Этой ученице идёт время стать на свои силы, — с чудовищным акцентом на сунгском языке, но раздельно-понятливо сказала шаманая, указывая двумя пальцами на Миланэ; слова больше предназначались Нараяне, чем ей.

— Рада впервые в жизни увидеть дочь Севера, — так решила ответить дочь Сидны. Кайса глубоко кивнула; Миланэ поглядела на Нараяну и прочла в её глазах облегчение.

Она прекрасно знала, что должна чувствовать: злобу, ярость, отвращение, презрение, гордость Сунги, надменность Ашаи-Китрах. Северные прайды завсегда были непримиримыми врагами Империи, много долгих столетий; их нельзя было завоевать или прижать к стенке, убедить в чем-то или подкупить; и вот теперь она впервые в жизни видела жрицу их бессмысленных культов, которые называют себя шаманаями, но выглядела та совершенно по-иному, чем представлялось на иллюстрациях в различных книгах по истории Империи Сунгов, в писаниях Ашаи-Китрах и так далее.

Было о чём задуматься. Нет, в самом деле. С этой Нараяной всё зашло как-то слишком далеко; по её виду стало понятно, что случилась какая-то непредвиденность, случайность, конфуз и накладка. Этого не должно было быть, но это произошло.

Когда Миланэ вернулась с раздумий в мир тёплой крови, напротив неё сидела уже маленькая львёна, что пришла с шаманай; Кайса уже успела встать и о чем-то тихо, свободно говорила на незнакомом языке с Нараяной; некоторые слова Миланэ, прислушавшись, могла уловить — они были схожи на древний язык.

Львёна смотрела без страха и с любопытством, высоко болтая хвостом.

Миланэ улыбнулась, как улыбаются детям. Лет ей десять-двенадцать, как раз возраст перехода от найси к сталлам у Ашаи-Китрах, одета она значительно привычнее для глаза Сунги, и у неё нет никаких колец с амулетами — совершенно ничего, кроме странной, маленькой чёрной полоски под левым глазом. Поначалу дочь Сидны подумала, что это родовое пятно, но потом пригляделась — явно краска.

Потом львёна, бросив изучать внешность Миланэ, показала на её руку, обернувшись к Нараяне и Кайсе с непонятной просьбой.

Фыркнув, блеснув глазами, Кайса строго отчитала её за эти слова.

— Что она говорит? Что говорит, превосходная?

— Ничего, ничего, — отмахнулась сестрина.

— Как это ничего, Ваалу-Нараяна? Как ничего, если вот эти уши слышат!

Нараяна, немного поколебавшись, объяснила Миланэ суть:

— Она хотела увидеть огонь на ладони, потому что никогда не видела.

Кажется, Кайса запротестовала. Нараяна молчала, заняв полный, растерянный нейтралитет.

Огонь на ладони? Легко! Поднявшись, Миланэ молча повлекла львёну за собой к окну.

Итак, садись на колени — так легче. Рукава этой свирь подоткнуть невозможно... Снимать, что ли? Нет уж, это не приличествует, хоть вокруг одни самки. Что ж, не зря у Ашаи-Китрах есть подруга-сирна. Раз-два — вот уже рукава, безжалостно разрезанные, можно убрать повыше, чтобы оголить ладони и предплечья. Миланэ потёрла руки, стараясь понять, сколь хорошо сегодня к ней расположены силы Ашаи. Она уже много лет не терпела неудач в игнимаре, но с нею играть нельзя, неуважи-

тельное и смешливое отношение может дорого обойтись. Потом сжать вместе, призывая тепло придти к ней, и легко отпустить.

Львёна аж прижала уши, когда увидела первые, настоящие малахитовые вспышки огня на ладонях львицы; впервые в жизни видевшая это, непривычная, неверящая, она с благоговением глядела на это представление духа Ашаи. Огонь переливался синим и зелёным, он очень тускло освещал стол, корзины, давал проблески в окне, глазах и далёком зеркале...

Миланэ сквозь полуприкрытые веки видела её изумление и вдруг загордилась этим.

«Как бы там ни было, что бы кто ни говорил, но ты гляди, что может Сунга-Ашаи... Могут ли твои вершить такое? Может ли кто-либо вообще совершать такое?».

Но львёнка вдруг совершила неожиданное: словно желая увериться в реальности происходящего, она смело протянула ладонь прямо в пламя Ваала. Теперь она с открытым ртом наблюдала за тем, как ярчайшим алым оттенком горит её собственная ладонь, причём вовсе не обжигая. А потом совершила ужаснейшую ошибку: начала бить ладонью о колено и бок, пытаясь сбить огонь на ладони, что ей удалось. От неожиданности, даже испуга, пламя угасло на руках Миланэ. Испугалась она не только того, что одежда на львёне может вспыхнуть от такого обращения (огонь Ваала даже горячее обычного!), но и того, что пламя вообще перешло к ней. Ведь это невозможно. Невозможно! Пламя Ваала не может передаваться ученице шаманаи, не-Сунге, не-верной, не...

Оно не может передаться той, кто не Ашаи-Китрах — так её учили всю жизнь!

Эта львёна ведь не найси, не ученица-Ашаи — как это возможно?

Ашаи-Китрах может стать только Сунга!

Пламя Ваала горит только на чистых ладонях Ашаи!

«О мой Ваал... Или ты уже не мой... Или ты не Ваал?..».

Тем временем, у маленькой шаманаи сразу началась столь хорошо знакомая каждой Ашаи неприятность: рука отнялась, в ней началось нестерпимое покалывание. Испугавшись ощущений, львёна прислонилась к стенке и закрыла глаза, пытаясь не застонать.

К ней в унисон бросились Нараяна и Кайса.

— Миланэ, ты чего? Зачем позволила ей игнимару трогать?

— Сестрина, превосходная, я не хотела, не нарочно, она сама... Дайте мне, дайте я! Нараяна, пусть львица скажет шаманае, что я знаю, что делать.

Естественно, что Миланэ знала. Ей-то не знать: в своё время она на занятия с игнимарой потратила столько времени, что хватило бы на что угодно; например, выучить весь Кодекс наизусть, не меньше. Она взяла ладонь львёны и начала встряхивать руку; та застонала — это было крайне неприятно, но Миланэ знала, что только так можно унять ужасное онемение.

— Сейчас у неё будет слабость, но потом пройдёт. По крайней мере, должно. Я первый раз вижу, чтобы у не-Ашаи принялся огонь.

— Ой, Миланэ, снова эти фокусы с огнём, — причитала Нараяна.

Дочь Сидны не совсем поняла, почему «фокусы» и почему «снова», но смолчала.

Кайса, похоже, не разгневалась на Миланэ и понимала, что её ученица, проявив свойственное любопытство, сама себе наделала неприятностей. Но хмурилась, не отходила. Подобрал сирну со стола, отложенную ранее, и вогнав её в ножны, Миланэ

взяла свой плащ, небрежно уложенный недалеко от входа. Надо было уходить, и не потому, что Миланэ чувствовала себя неудобно и ущемлено (разве что самую малость), а потому, что не знала, как действовать; случай с игнимарой так вообще представился ей чем-то сумасбродно-балаганным. Это были такие обстоятельства, которые не вписывались ни в какие наставления, рамки, правила, и всякое действие предоставлялось само себе — нужно было принимать решения изнутри, только личной волей; собственно, кто-то должен исчезнуть из дома Нараяны: либо она, либо шаманая. Почему шаманая вообще очутилась в доме этой Ашаи — хороший вопрос, но его можно задать потом, потом-потом, а сейчас — уходить. В любой непонятной ситуации — отходи прочь...

— Пожалуй, дальнейшим присутствием я помешаю сиятельной старшей сестре и её друзьям. Прошу простить, но чувствую, что — пора.

Нараяна посмотрела на неё и только кивнула; похоже, она тоже так считала. Потом, словно нехотя, добавила:

— Всё-таки, если сможешь убедить подругу, то приводи снова. Не разозлюсь. Постараюсь помочь.

— Моя благодарность старшей сестре...

— А что касается тебя, так ты сама себе вполне поможешь.

— Спасибо, — зачем-то поблагодарила Миланэ, хотя было особо не за что.

— И я попрошу тебя...

— Я смолчу, — пообещала Миланэ. — Моё слово.

Они уже стояли возле дверей на выход из дому.

— Я рассказала Кайсе о твоей подруге, — вдруг доверительно сообщила Нараяна.

— Она любопытствовала, зачем ты пришла. Пришлось вкратце всё поведать.

Миланэ ответила взглядом непонимания.

«И что с того?».

— Кайса глубоко сочувствует, хоть саму проблему называет детской.

— Я бы так не назвала те ужасы, что творятся с Арасси, — поправила Миланэ свой плащ.

— Ачень плоха, — внезапно вмешалась в разговор Кайса, откуда-то из глубин дома. Она вышла к ним; теперь она смотрела именно на дочь Сидны, только на неё, не на Нараяну, как прежде.

— Она имеет в виду то, что осторожность в сновидении — первое, чему учат шамани своих учениц. Твоя Арасси попала в ловушку давно, очень давно, но не было никого, чтобы подсказать. Да, вас могут год учить тому, как вильнуть хвостом, если ты немножко рассержена, но раскрыть простейшие вещи, которые нужны всякой львице духа — нет, это непосильное таинство, это воспрещено, туда даже не смотрят! — внезапно рассердилась сестрина.

Кайса, ранее уложившая свою ослабевшую ученицу на кровать, подошла к Миланэ.

— Вижу тебя, львица сновидений, — начала безо всяких предисловий. — Эта... вот эта... — смело взяла её ладонь и сжала. — Нет, нет! Не гореть. Не сгорай: другим — весела, ай тебе — без проков. Эта надо в последний раз, иначе будешь бессильным. Ходи по снам, так тебе надо. А огней не надо. Так придёшь.

— Куда? — печально, с тёмной иронией спросила Миланэ. — Куда приду, чужая?

— К силе. Ещё некуда пойти львицам духа, — бесконечно уверенный взгляд Кайсы.

— Я — не львица-духа. Я — Ашай-Китрах, — почему-то сказала Миланэ, в первый раз устыдившись своей касты.

— Не прячься, львица духа. Ты подобна во мне, а я — тебе.

Миланэ повела ушами и открыла первую выходную дверь. Пора и честь знать.

Нараяна последовала за ней.

Миланэ остановилась в холодной прихожей. Собственно, здесь что-то не так. Почему она уходит, именно она, а не Кайса? Непорядок. Здесь ведь дело вовсе не в личностях, а именно в том, что уходит Ашай-Китрах, а не шаманая, тем более — из обители другой Ашай. Более того, она на своей земле, земле Сунгов — Норрамарке.

«Я что, сбегая прочь?», — держалась она за ручку двери.

— Миланэ, что случилось?

— Предложение превосходной ещё в силе?

— Это какое?

— Отужинать вместе.

— А, да, если хочешь. Ты сама заторопилась к выходу, я было подумала... Но вообще — темно-то уже, не иди в темень.

— Если Ваалу-Нараяна будет так добра, то я останусь.

— Чудно. Заходи.

Через миг Миланэ сидела напротив Кайсы за длинным столом. Где-то гремела посудой сестрина. За спиною шаманаи нависал угрожающе-красивый стаамс Айнансгарда. Горели шесть свечек на столе. Миланэ сидела очень строго, как полагается, даже лучше. Кайса чем-то напоминала свободонравную львичку в таверне — совсем откинулась, спёршись на стенную сваю, руки она подняла высоко за голову, сцепив ладони на загривке, лапы длинно протянулись по лаве, а кончик хвоста приютился на бедре. Говорить было не о чем — молчали; и в какой-то момент Кайса медленно провела ладонью от загривка к макушке меж ушами, её необычно длинная шерстка начала сваливаться под сим движением на глаза, образовав некое забавное подобие чёлки, а сама она крайне двусмысленно поглядела на Миланэ и подмигнула с таким лукавством, что Миланэ аж выдохнула.

Нараяна водрузила меж ними грубую кастрюлю, Кайса обратилась к ней на своём языке. Похоже, сказанное удивило сестрину; так сокрушённо покачала головой, пожалала плечами, отмахнулась от шаманаи и начала уходить. Кайса звонко засмеялась.

— Что она говорит? — потребовала Миланэ.

— Ай...

— Превосходная! — возмутилась Миланэ. Её безумно раздражало, что она не может до конца понимать чужих слов.

— Она спрашивала у меня, свободного ли ты нрава.

— Свободного нряава, — улыбаясь, повторила Кайса.

— В каком смысле?

— Она говорит, — раздражённо сказала Нараяна, — что в тебя влюблена какая-то львица, потому спрашивает, свободного ли ты нрава. Нравятся ли тебе львы, нравятся ли львицы, или и те, и другие! Да что за день такой!

Дочь Сидны помотала головой, будто отряхиваясь:

— Какая ещё львица в меня влюблена?

Кайса забавно развела руками, мол, откуда я знаю, и снова сцепила ладони на загривке. Вдруг подошла львёна, что уже совсем отошла от опытов с игнимарой; она

молча уселась возле своей наставницы. Тем временем Кайса снова что-то спросила у Нараяны, та довольно жёстко ответила; шаманая рассмеялась и повторила вопрос. Сестрина, поставив перед ними огромную тарелку с жареными рёбрами (львёна голодно накинулась на них, не дожидаясь взрослых), с устало-измученным видом сказала Кайсе:

— Ханжа.

Та подняла палец с когтем, оставила его на Ваалу-Миланэ-Белсарру:

— Цанна, то слово! Ханьжа, ханьжа, — вовсю дурачилась Кайса.

— Так, бросьте свои глупости, дитя вон рядом сидит. Ешьте.

— Я и не бралась за глупости, чтобы их бросать, — ответила Миланэ.

Установилось молчание, и первой приглашение Нараяны приняла шаманая. Она взяла ребро, обмакнула его в кастрюле и вгрызлась. Миланэ тоже положила себе на тарелку, но ни вилки, ни ножа не было; предполагалось есть так.

— Так как, хотелось бы знать, шаманая попала сюда?

Кайса поглядела на Нараяну, всё ещё впившись в кусок мяса. Та на всякий случай перевела её слова, хотя шаманая, по всему, неплохо понимала сунгский.

— Лапами, — сказала Кайса.

— Северные земли отсюда льенов пятьдесят. Два дня ходу, не меньше.

Кайса пожала плечами: да, ну и что?

— И вас никто не остановил?

— А должен? — ироничное удивление Кайсы.

— Так-то да, так-то должен не пускать, — закивала Миланэ, разглядывая её наряд.

— Зачем? — повела ушами шамани. — Кайса никому зла не делает.

В разговор вклинилась Нараяна, аккуратно поставив локоть на стол:

— Кайса — шамани мягкой силы и доброго нрава, в отличие от некоторых. Она мало кому вредит, её сложно разозлить, — по-доброму, негромко отметила сестрина.

Дочь Севера прожевала своё и спросила у Миланэ, не отпуская темы:

— Так зачем Кайсу должен не пускать?

— Это — земли Сунгов. Они не приветствуют шаманай. Вы верите во вздорные вещи и подражаете нашей вере. Вот так, — Миланэ скрестила руки, но не как обычно, запихнув ладони вовнутрь, а правильно-грациозно, согласно жесту — положив их на внешнюю сторону плеч.

Кайса поняла плохо, попросила Нараяну перевести.

— Шамани не верит. А подражать всем этим... огонь на руках... и... Ваалам... никто не будет. Эта глупость.

— Конечно, кто бы ждал иных слов. Глупости. А не глупости носить зубы вот здесь, прямо у шеи, не варварство ли? — спросила Миланэ с вызовом.

— Почему? — Кайса с удивлением потрогала свою меховую накидку, на которой были эти самые зубы. — Не нравится — можно не одеть. А ты без Ваала выйти из дома не можешь. И без огня на руках тоже не можешь. Эта твоя тюрьма, — медленно, с этим северным говором и как-то очень страшно говорила Кайса.

— Ваал мне нравится. Игнимара, пламя Его — тоже нррравится. Понимаешь? Я сама одела это, я приняла это.

— Хорошо. Хорошая львица. Но знай навсегда: огонь на руке украдывает твою силу. А твой Ваал, дитя вашего духа, даёт ей путь в маленькие щели, а больше никуда. Ты в клетке со своей силой. А они, — потрогала она зубы на накидке, при-

гладила ожерелье, — придают мне сил. И греют.

— Мы слишком разные.

— Мы не разные. Ты — вольсунга, ты — Ашаи, а все Ашаи — больные шамани. Мы с тобой очень плохи, разруганны, но сёстры.

— Вольсунга? — повела ухом Миланэ, посмотрев на Нараяну.

— Ну, помнишь древнее самоназвание? Ваал-Сунги. Северные прайды его ещё помнят. Ваал-Сунги — вольсунги, — объяснила Нараяна, попеременно глядя на них обоих.

Так, ладно. Превосходно.

— Почему я должна тебе верить? — сощурилась Миланэ.

— Ты не должна верить, сновидица! — Кайса застучала по столу когтями. — Шамани верит не веря, иначе конец!

— Эта твоя подруга, Арасси, тоже этого не знает, так что я боюсь, что... — как-то робко начала Нараяна.

— Не знает чего? — вмиг вцепилась Миланэ, защищаясь.

— Что верить надо не веря. Что всякая вера... — начала сестрина.

— ...это слепые глаза, тогда не видишь, — закончила шамани.

— Вот как. А я, выходит, сновидица, мне не надо верить?

На самом деле Миланэ чувствовала, что её заносит, что её скатывает в пропасть.

— Шамани сновидят, охотятся за силой во снах, смотрят в другое, так всегда было. Ты этого не можешь, потому что тебя посадили в клетку, и ты сама там сидишь, тебе нет куда убежать. Ты не умеешь то, что уметь такая ученица, — Кайса указала на свою львёну, что улыбалась во все зубы-клыки. — Она уже знает, как надо учиться карабкаться когтями по мирам и не срываться.

— Да ну. Такие вы... хорошие, а я — такая беспомощная, да? Так вы хороши, а Ашаи — столь плохи! Если мы такие заблудшие, Кайса, то зачем ты всё это рассказываешь? Я ведь и так не пойму, — с тоскливым, мерзким даже для себя сарказмом говорила дочь Сидны.

— Потому что есть долг, — молвила шамани, сообщая очевидность.

— Какой долг?

— Долг знания каждой шамани. Каждая передаёт знание, когда считает нужным. И даже когда не считает — *вирд* заставит. Вирд заставляет сейчас меня, потому что нашей встречи не должно быть, но она есть. Без долга пропасть всем львицам духа в этом мире, цанна!

— Передаёшь знание. Проповедуешь? Как те, в Гельсии, как их... Огнелюбцы, которых жарят на кострах. Их жарят, им нравится, они проповедуют.

Нараяна закрыла лицо руками.

А вот Кайса глядела на Миланэ; тут-то вдруг у неё и заныло в солнечном сплетении.

— Ты сама себе лжёшь, ты говоришь грязь, а внутри плачешь. Шамани не проповедуют, они передают знания другим шамани.

— Я не шамани. Я — Ашаи-Китрах.

— Можно назваться как угодно, слова — пыль. Они не меняют дела.

Миланэ чувствовала, что ведёт себя не просто ужасно. Это было хуже, чем ужасно.

— Толку с этого, если львёна, по словам Кайсы, знает о сновидении больше, чем я. Какое знание мне можно передать? — она еле уняла дрогнувший голос.

— Жалуйся сколько хочешь. Жалуйся, я буду слушать.

Миланэ стучала когтем по тарелке, где лежала нетронутая еда. Кайса обглаживала косточку, львёна что-то пила из кружки. Нараяна с отрешённым видом глядела в тёмное окно.

— Я — плохая сновидица. Я чувствую, что со мной что-то не так. Вот, — таки пожаловалась Миланэ.

— Нет, не такая плохая. Ты уже скользила по ветвям дерева миров. Не потакайся в слабости. Ты сильна.

— Не делай того, не делай этого. Кто тебе дал право так рассуждать?

— Я сама беру права. Мне никто не даёт.

Шаманая отодвинула тарелку в сторону, подалась через стол вперёд, положив на него руки.

— Я думала, что ты — сильная. А ты — слабая. У тебя сломана воля, ты не пытаешься быть безупречна, ты только жалуешься, Ми-ла-нэ. Труслива, Ми-ла-нэ.

Сложнописуемые чувства. Шерсть на загривке встала дыбом от злости и обиды. Но Миланэ очень хорошо выловила их, придержалась. Так-то каждый говорит всякое слово не просто так; всякое слово — сила, та или иная. Что старалась сказать Кайса? Отличный вопрос для сестры понимания. И, в конце концов, всё сказанное вполне может быть правдой.

— Может быть. Не всем же повезло родиться так, как тебе; стать, как тебе. Ты очень смелая, Кайса. Ты очень сильная, Кайса. Ты никогда не жаловалась, Кайса, — со спокойной иронией качнула плечами Миланэ, а потом подмигнула львёне и потрясла ладошкой в воздухе, намекая на игнимару; затем дунула на неё, словно затушив огонь. Львёна засмеялась — ей понравились эти жесты.

Восторг обуял Нараяну:

— Ты смотри, как ученицу можно встряхнуть. Смотри, как зажглись силой её глаза. Вот так наставница Кайса!

Шаманая улыбалась. Сложно сказать, что ей понравилось, но она определённо осталась довольна.

— Что ты хочешь знать о сновидениях, Миланэ? — вдумчиво спросила Нараяна, придвинувшись к ней.

Но Миланэ вдруг решительно встала, мигом накинула плащ.

— Кто сказал, что я хочу о них знать!

— Миг назад была настоящей, — кивнула Кайса. — Теперь снова упала.

— Миланэ, не ври себе. Ты ведь хочешь её спросить.

— Нет! — направила дисциплина к выходу.

— Миланэ, ты взрослая львица, не веди себя, как львёна.

— Нет.

Она резко обернулась:

— Превосходная Ваалу-Нараяна, я — дисциплина Ашаи-Китрах. Я не могу спрашивать совета у шаманаи. Даже если хочу. Даже если безумно хочу. Даже если вся дрожу от желания знать, как скользить по древу миров. Мне невольно. Мне нельзя. Так говорит Кодекс и аамсуна.

— Теперь ты видишь свою клетку, сновидица? — хищно бросилась к ней шаманая.

— Я её всегда видела, Кайса.

Всё оставив, Кайса подошла к ней, и обняла её шею; такого же роста, она при-

льнула щекой к щеке, очень сильно, до чрезвычайности и боли, а когти неистово впились в плечи и спину Миланэ; она чувствовала, как тёплоструевая ладонь прошлась от загривка до спины, как она взмыла ещё раз и дотронулась к её красивым ушам. Миланэ робко отвечала на это изъявление непонятной ещё нежности, и старалась поболее не шевелиться. И да, Кайса что-то говорила на ухо, горячо и убеждённо, словно заклинала, но Миланэ не понимала ни слова — это был чужой, северный язык... И когда Кайса отпрянула, то дочь Андарики видела, что она совсем плачет, да и самой было уже слишком непросто придерживать неведомые слёзы; только сильная воля выручала в этом.

Нараяна вручила копье:

— На. Вдруг таки будут воры и волки.

* *

Возвращались в Сидну Миланэ и Арасси в молчаливом разобщении.

Уехали они сразу после беспокойной и неудобной ночёвки. Согласие у них было лишь в одном:

— В Сидну едем.

— Только так.

Ехали только двое, потому извозчий запросил немислимую цену, но Миланэ сейчас меньше всего волновалась о деньгах.

«Лишь вдвоём — это хорошо. Будет время помолчать. Можно будет подумать. И, наконец, мы сможем объяснить...»

Поначалу она, словно хищница, поджидала момент для начала разговора; её чуткому и доброму сердцу было больно оттого, что столь преданная подруга таит обиды. Но Арасси в первый раз демонстрировала столь явное нежелание идти навстречу и была столь упорна в недовольном выражении и жестах, что Миланэ отрешилась от всего, предалась раздумьям.

«Я не лгала ей, не дурачила её. Впору бы Арасси ощутить, понять, принять... Она решила, что я желаю дурными уловками завлечь и излечить от... недуга? Неужели всё, что говорила Нараяна — правда? Кто она — старшая сестра Ваалу-Нараяна? Шаманаи вхожи в её дом — это ли не странность?»

Сунги никогда не признавали и не признают чужих верований, убеждений, взглядов, священных вещей и понятий — они считают это недостойным. Так же и со северными прайдами. Ещё до Эры Империи их пытались, как говорят, взять под коготь; но если с остальными это получалось вполне неплохо, то с прайдами Больших гор дело обстояло значительно сложнее. То, что работало со всем остальным лвиным родом, там давало совершенно непредвиденные результаты.

Там, где Сунги хотели обмануть северные прайды, обманывались сами.

Где хотели завоевать, то сталкивались то с яростным сопротивлением, то с глубочайшим коварством.

Марионеточные правители, которых пытались поставить Сунги, очень быстро умирали самыми странными смертями.

И так уже не менее пятисот лет. А раньше на Севере существовало большая и крайне опасная формация прайдов, однажды Сунги еле выстояли под её ответными ударами. Что самое странное, Сунги, в первую очередь — Ашаи-Китрах, пытались подавлять и преследовать верования северных львов, отчего отродясь не делали со

всеми остальными на протяжении своей огромной, трехтысячелетней истории. Вспышки преследований в разные времена то утихали, то возобновлялись. Но Сунги здесь терпели поражение — шаманаи были, есть, и по всему, будут.

Ведь что остальные прайды? Гельсианцы, после долгих сражений покорившиеся Сунгам, отреклись от всех и всяческих богов, духов, прочей ерунды, начали боготворить веру Сунгов во Ваала, хотя им даже банальная причастность к этой вере воспрещена (как и всем остальным не-Сунгам), разве что теперь пошло некое возрождение смешных культов. Южные прайды на многие тысячи льенов вокруг Кафны, сохраняя свои культы предков и духов, признали право Сунгов на властвование, на высшую правоту во вопросах духа. Восточные прайды, самые разношерстные, боятся и ненавидят веру Сунгов, справедливо полагая, что именно её мощь дарует им столько побед. И все, все они подавлены величиим сестринства Ашаи-Китрах; они боятся и уважают львиц духа Сунгов, кое-где даже подпольно поклоняются им, словно богиням среди смертных, видя в них бесконечно глубокое провидение, превосходство и величие Сунгов.

Поэтому они никогда не трогали чужих мировоззрений. Просто потому, что знали: их взгляд на мир — непреклонно избранный, делиться им с другими — непозволительное расточительство, метание золота перед свиньями, а переубеждать или преследовать чужаков за их метафизические глупости — значит, видеть в чужих верованиях нечто достойное соперничества. Ашаи не знают проповедей, Ашаи не распространяют веру, ведь желающие сами тянутся к ней, как мотыльки к огню. Весь львиный род, что сталкивался со Сунгами и Ашаи-Китрах — начинал верить им. Он верил, так или иначе: то ли уважением, то ли заискиванием, то ли страхом, то ли искренностью, то ли сомнением — но верил.

Но северные прайды не верят богам, и тем более — Сунгам. Они верят шаманам.

А шаманаи, казалось, не только не преклонялись перед Сунгами и сестринством, но открыто насмеялись над ним. Их не удивляла игнимара, они не приходили в изумление от сил Вестающих, и Ваалу, всемирному духу Сунгов, не отдавали никакого почтения. Неслыханная дерзость, длящаяся столетиями!

Это приводило в недоумение и раздражение многие поколения Ашаи-Китрах.

Казалось бы, с чего надо беспокоиться? Сунги самодостаточны; строго говоря, в давние времена никому и в голову не пришло назвать Ашаи-Китрах «жрицами Ваала», поскольку не существовало ни культа Ваала, а тем более — поклонения ему, ни определённого церемониала; Ваал был лишь понятием, словом, которое обозначало «то, что есть Сунг», «суть Сунга», «дух Сунга». Поэтому защищаться или нападать на чужаков в вопросах веры бессмысленно.

Знания о верованиях других народностей в Империи можно почерпнуть безо всякого ограничения. Можно обойтись смешливыми и саркастичными популярными книжками известных и не очень путешественников; можно прочитать серьёзные, полные надменности научные труды, общий итог которых неизменен: все, кроме Сунгов — «низки духом». Можно ознакомиться со скупыми, полными небрежности заметками, что составили многие сёстры-Ашаи, которые отдавали служение на покорённых землях вне Империи, например, в протекторате Гельсия.

Но ничего подобного нельзя найти о шаманам. Такая литература считается вероборческой. Их не обсуждают в быту, о них не говорят в дисциплинах. Знаки симпатии северным прайдам могут привести дисциплину к изгнанию из сестринства. Проявлять интерес, даже строго научный, к шаманам и верованиям северных прай-

дов крайне не рекомендуется. И вообще, тема шаманай в среде Ашаи, да и не только в ней — хуст, табу.

— Сунгам это не приличествует — копошиться в глупостях, — скажет любая Ашаи заученную фразу.

Когда Ваалу-Миланэ-Белсарра была ещё сталлой, то её удивляло такое неравнозначное отношение. Над остальными верованиями и наивными системами мира можно смеяться сколь угодно и обсуждать сколько влезет, но стоит обратить взор наверх, на Север, так сразу всё притихает, всё становится... серьёзным. Настороженным.

Наставницы объясняли просто:

— Остальные не причиняли нам особых хлопот, но с шаманаями не так, они — злейшие хулигельницы, воровки знаний, гнусные подражалки. Хитрая злоба в них. Фуй!

Почему «гнусные подражалки» (фраза, которую Миланэ очень хорошо запомнила от одной наставницы)? Ответ прост. С неохотцей признается, что они, в отличие от всех остальных, кое-что умеют. Нет, конечно, игнимара им недоступна — ещё чего не хватало, да и вестать они не умеют, но немножечко, понарошку, «пытаются сновидеть». Конечно, все знания они когда-то наворовали у Ашаи-Китрах, и вот теперь, перековеркав его на свой дурной лад, пытаются с ним что-то сделать.

Но куда им? Шаманай достойны только презрения.

Есть даже такие Ашаи-Китрах, что могут выразить своеобразное сочувствие:

— Глупые... Сновидеть, но не признавать увиденное там! Они ведь тоже краем глаза могут увидеть Ваала.

Но остальные Ашаи недовольно шикнут:

— Что говоришь, сестра? Не дано! Только Сунга может познать Ваала, только она может обладать Его дарами духа.

Но Миланэ живёт во сравнительно спокойном времени, войны со Севером сейчас нету, поэтому ярость и презрение Ашаи к шаманаям так не чувствуется, сглаживается... О них предпочитают умалчивать. Молчать.

«Я видела настоящую шаманая, которую приютила старшая сестра», — к Миланэ начинало приходиться какое-то детское удивление, и даже небольшой страх. — «Немыслимо. Я общалась с нею. Она давала мне советы. Мы спорили. Мы обнимались. Я сбежала... Мне стоило ненавидеть, мне следовало взять да уйти без промедления, или куда-то сообщить, или... Или... Так вот откуда у Нараяны эти амулеты. Хотя — смешно сказать — она говорила, что они лишь побрякушки. Но Арасси такая побрякушка жжёт пальцы. Врёшь, Нараяна».

Она уселась поудобнее.

«Но вернёмся туда, с чего всё началось. Мне надо было отдать Хайдарру амулет, но он уехал на Восточные земли. Кроме того, с чужих слов, в этом нет большого смысла, да и подарки возвращать нехорошо. Тогда моя поездка была совершенно зряшной. Почти...», — небрежно размышляла Миланэ, совершенно отчётливо понимая, что на самом деле её нечто вело по этому пути, словно дитя за руку, с кристально строгим намерением. — «Надо будет последовать совету Нараяны: попытаться придти к Хайдарру в сновидении, хотя это почти невозможно. Не знаю, что и думать о ней... А о шамане Кайсе — так и подавно...»

Впрочем, буду чиста совестью. Нельзя дурно думать о тех, кто принял тебя, кто пытался помочь, кто не причинил зла».

Миланэ мельком посмотрела на сжатые вместе ладони Арасси.

«Игнимара! Ваал мой, как лъвёна, как это дитя смогло перенять мой огонь?! Невозможно! Она не может стать на путь Ашаи! Весёлый разлад с умом получается у тебя, Милани. Говоришь “Невозможно!”, а сама всё видела. Значит... Значит, среди шаманай есть те, кто может стать Ашаи. Или мы ближе, мы близки, мы — я боюсь думать — родственны друг другу. Ваал мой, крамола какая. И гляди: по привычке обращаюсь я к тебе, Ваал, но теперь — что думать о тебе, дух Сунгов? Я ли твоя служительница, твоя ли пленница, или ты...»

Миланэ вся вжалась в сиденье и закрыла глаза, словно ожидая кары от строгого отца.

«И если так, то что тогда я знаю о мире?..», — выглянула в окно. — «Все вещи зависят от того, откуда смотришь. Откуда смотрю я?».

На самом деле, Миланэ притворялась перед собою. Многие вещи она уже знала, просто не решалась уверенно разместить перед взором, как личное достояние, но бродила вокруг да около.

«Советовали прекратить игнимару. Но это — моя гордость! Я не могу этого совершить, ведь именно этим жила все годы... Игнимара — то, что удерживает Ашаи и Сунгов вместе. Самый главный дар духа. Каков будет мир без неё?».

Бесконечные, нестройные лозы сомнений обвили душу. Она вдруг вспоминала, что принадлежит к сестринству Ашаи, что не может поддаваться мгновенным впечатлениям и должна помнить то, чему научили; то вдруг впадала в совестливое сомнение во всём, на чём стояла её картина мира.

— Ответы. Мне нужны ответы, — сказала она вслух.

Арасси поглядела на неё чуть сощурилась, но ничего не сказала, а вытянула сирну из ножен и начала расплетать её темляк, что всегда делала в раздражении.

«Чем скорее я найду “Снохождение”, тем лучше. Немедленно в Марну. Может, направиться прямо сейчас? Нет... Надо оставить Арасси в Сидне — её терпение кончилось. Это не её борьба, и у неё скоро Приятие... Нараяна запрещала ей идти на него — грозит опасность. К ней прицепилась сущность из других миров, вытворяя с нею в сновидении невесть что. Однако. Ха, звучит слишком по-дурацки, чтобы быть правдой; но объяснения Арасси не менее глупы. Если бы знала, что Нараяне можно полностью верить, а тем более — Кайсе... Нельзя быть падкой на доверие в жизни. Я — Ашаи, она — шаманая. Есть разница. Огромная разница. Она дика, она незнакома со знаниями, она не видела величие стаамсов, игнимара не горит на её ладони, в её жестах нет нашей грации, и она не сможет поддержать светский разговор. Так-то...»

— Арасси?

— Да?

— Когда приедем в Сидну, я сразу отправлюсь в столицу.

— Как хочешь.

— Может, мы попытаемся по-иному взглянуть на твою проблему?

— У меня нет никаких проблем, это первое. Второе: я не собираюсь слушать бредни спятившей в одиночестве сестры. Ваал, Миланэ, да ты слушала её болтовню, развесив уши! — Арасси вмиг превратилась в одну кипящую страсть, стоило только тронуть.

— Если она спятила, то как узнала о твоих ночных кошмарах? Не отвергай очевидного!

— Так понятное дело. Ты ей раньше сказала.

— Арасси, ты о чём? Я видела её первый раз в жизни! Если она смогла понять, что с тобою, значит ей нечто ведомо! Давай прислушаемся!

— Прислушаемся к её советам? Какой был дан совет, помнишь? Не идти на Приятие, не пить на нём сому! Не больше, не меньше. Пустяк какой, подумаешь там! Да я всю свою жизнь отдала этому пути. Если не пойду на Приятие — что тогда? Идти в таверну мыть горшки?

— Попытайся хотя бы осознать, что это не Ваал, а что-то похуже. Вспомни об этом, когда увидишь своего насильника в сновидении, вспомни так же, как о руках в сновидении. Знаешь, как в первые годы обучения. Посмотрела на руки — значит, сновидишь. Я безумно волнуюсь за тебя, Арасси.

— У меня нет выхода.

— Давай мы после Приятия снова приедем к ней. Она говорила, что готова тебя принять снова и помочь.

— Я не поеду к ней. Почему именно теперь я должна менять мнение? Что будет со мною, если мой мир, в котором я столь трудно научилась жить в добром настроении, разрушится? Да, меня душит по ночам невесть что, и мне надо верить, что это — Ваал. Да, я вообще не сновижу, потому что каждая попытка кончается этим привычным кошмаром. Да, сплю с кем попало, потому что тогда ночной страх ненадолго, но уходит. И сейчас, когда ты сидела до полночи у Нараяны, я улеглась для хозяина двора, в котором мы ночевали. Он одурел от счастья, я чуть не плакала, но знала, что буду плакать ещё сильнее ночью, если не совершу этого. Я бы ещё жгла игнимару день и ночь, как факел, если бы умела хорошо возжигать — после неё тоже легче, знаешь ли. А в остальном у меня всё превосходно.

— Арасси, так давай мы разобьём наши воззрения! Нужно что-то делать. Давай попытаемся...

— Крамольна ж ты, Милани, — сквозь слёзы улыбнулась Арасси, взяв её ладонь. — Сыграются с тобою злые шутки.

— И не стоило этого делать, с хозяином двора. Это не выход.

— Ой, знаешь ли, у тебя тоже не всё в порядке с личной жизнью. Кто бы говорил!

— Не понимаю, — Миланэ действительно не поняла.

Арасси умела построить катастрофически кислое выражение.

— Кто та маленькая лгунья, которая рассказала, как хорошо было расставаться с Таем. Ах, Тай! Прощай, Тай! — паясничала она.

— Причём здесь это?

— Ни при чём. Совсем ни при чём. Ты ведь его даже не видела! Он не пришёл, — отчеканила последние слова Арасси.

— Ну и что? Это его выбор. Между нами не было ничего особенного. Так... Баловство. Дружба по интересам, если хочешь.

— Ты за ним ревела, — почти по слогам высказала Арасси, победно и смешливо.

— Вот поревела. Немножко. И что? А что мне остаётся? У меня в жизни не было ничего настоящего, признаюсь, да. А у тебя? У тебя — было?

Арасси ничего не ответила.

Двое вмиг решили, что лучше-ка эту тему оставить до более благих времён.

— Знаешь, я поняла, сколь далеко ты зашла в своём поиске. Удивительно... Нет, я никому ничего не скажу. Никогда. Только давай попытаемся быть добрыми Ашаи-Китрах. Давай будем верны, моя сестра, даже если верим в сонмы лжи. Мы должны верить в безбрежность верности так же, как должны верить во Ваала. Давай будем

украшением духа Сунгов, даже если наша позолота — фальшива.
«Я ещё никуда не зашла», — подумала Миланэ.

Глава XVI

— С правами собственности нужно уладить ещё кое-какие формальности, но сир Тансарр настаивал, чтобы сиятельная могла войти в свой дом сразу после приезда. Оформление не займёт много времени, уверяю, — говорил лев со светлой, очень короткой гривой и бегающими глазёнками.

Когда он отвернулся, показывая вид за окном, Миланэ чуть ухмыльнулась. Она поняла, в чём дело: дальновидный патрон действует осторожно, не спешит отдавать ей дом, пока не свершилось Приятие. Разумно; впрочем, после него с правами собственности тянуть не стоит — такое вполне можно расценить, как невежливость и недоверие, а между Ашаи и патроном должно быть полное взаимопонимание.

— В доме два этажа. Наверху — три комнаты: две спальни, одна гардеробная. Здесь прихожая, прямо кухня, вот сюда, налево — столовая. Квартал Торговцев — очень спокойный, как раз для сиятельной.

Этот лев представился оценщиком и продавцом недвижимости; он пытался говорить спокойно, с большим достоинством, но его, пройдоху, выдавали сильный хольцианский акцент и слащавая любезность, из чего следовало, что на этой срочной сделке он неплохо заработал.

— Со временем я бы хотела создать экзану в какой-либо из комнат.

— Прошу простить мою неосведомленность, но что это?

— Помещение, где занимаются фармацевцией, — аккуратно осматривалась дочь Сидны.

— Аааа, это. Я думаю, какой-то уголок на кухне вполне подойдёт.

— На кухне экзану оборудовать нельзя. Посуду для еды и для фармации не хранят вместе, иначе можно нечаянно отравиться.

— О, прошу прощения, я не мог знать таких тонких моментов. Думаю, любая комната наверху подойдёт. Пусть сиятельная решает — это её дом. Кроме того, насколько мне известно, в Марне полно отличных лавок с зельями, препаратами...

Сначала Миланэ было удивилась невежеству льва, но потом вмиг поняла-догадалась, сколь по-иному рассуждают светские души; он вряд ли может знать, что любая Ашаи, отдающая служение такому роду, как род сенатора Тансарра, не может полностью полагаться на чужие препараты.

— Если преподобную всё устраивает, то хотелось бы уточнить некоторые детали, — пригласил он сесть в прихожей за маленький круглый столик без скатерти, совершенно неуместный. Такое впечатление, что прежние хозяева хотели его вынести прочь, да и забыли у входа.

— Я слушаю льва, — приняла Миланэ приглашение.

Он вынул тетрадь в матерчатом переплёте и графис. Миланэ отметила это, посмотрела на него, чуть сощурившись — желала встретиться взглядом. Да, так есть: красуется перед нею, хочет показаться небедным и внимательным, ведь такую тетрадь для записей может позволить себе далеко не всякий.

— Нужен ли превосходной управляющий домом?

— Нет. Тут, собственно, нечем управлять, — осмотрелась вокруг.

Он хмыкнул.

— Нужна ли прислуга и в каком количестве?

Миланэ призадумалась, лев решил подсказать:

— Горничная? Повариха? Нянька?

При последнем слове Миланэ встрепенулась и молвила:

— У меня ещё нет детей, сир, — и внутренне отругала себя за смешную поспешность.

— Значит, горничные с управляющей? Я могу подобрать самых лучших и послушных львиц.

— Горничная.

— В каком количестве?

— Одна. Здесь не очень большой дом.

Лев немного помолчал, почесав за ухом.

— Превосходный выбор, — просиял улыбкой. — Ещё такой вопрос: имеет ли преподобная что-то против служительниц-дхаарок?

Это застало врасплох — она никогда в жизни не думала о подобном. К дхаарам — чужакам, всем не-Сунгам, которым разрешено жить и работать в Империи Сунгов — она всегда относилась с той же природной любезностью, что и к любому Сунгу. Миланэ ни разу не позволила себе унижить или оскорбить любую дхаарку, любого дхаара, хотя могла без малейших последствий сделать это. Даже ударить. Даже убить. А Миланэ знавала многих Ашаи, которые не упускали возможность поиздеваться над ними.

— Чтобы сиятельная смогла принять определённое решение, позволю себе сказать, что у дхаарок есть некоторые положительные стороны: они крайне послушны, не требуют чрезмерной оплаты, чрезвычайно трудолюбивы. И безропотно переносят телесные наказания, — сказал со смехом служащий.

Миланэ может мгновенно взъяриться. Об этом никогда не скажешь, зная её характер; вспышки гнева у неё очень редки, да и среди Ашаи несдержанность в эмоциях считается дурным тоном. Тем не менее, в этих редких случаях Миланэ, обычно невероятно хорошо держащая себя в руках, ничего не может с собой поделаться; произвольно совершался какой-то резкий, срывистый жест, глаза вспыхивали злобнейшим пламенем, уши прижимались, а кончик хвоста вздёргивался ввысь. Казалось, она вся возьмётся огнём; но гнев быстро растворялся, словно приливная волна на песке. Иногда ей приходилось чувствовать известные неловкость и вину за такие редчайшие вспышки.

Ладонь ударила по столику так, что аж жалобно забренчал толстенький подсвечник на столике. Лик её остался совершенно непроницаем, словно ничего не случилось. «Если лев желает побеседовать о телесных наказаниях, то стоит поехать на Восток, в любой из двух Доминатов, и начать дискуссию с любым тамошним воином, который наверняка не является профаном в таком неделикатном деле», — так хотелось ей сказать.

Но она сдержалась, потому просто промолчала.

— Прошу прощения, если я сказал нечто бесцеремонное. Я не хотел причинить никакой обиды. Я понимаю, что был фамильярен в этом смехе. Ещё раз прошу простить, — не на шутку испугался он.

«Ничего ты не понял, дурак», — подумалось ей.

— Извинения приняты.

— Итак, к чему мы пришли? Дхаары тоже подходят или только наши?

«С одной стороны, я теперь Ашай для рода сенатора, потому следует быть избирательной в таких вопросах. С другой — в конце концов, это мой дом».

— Это может быть и Сунга, и дхаарка. Без разницы. Но сперва я должна посмотреть на претендентку.

— Разумеется, разумеется. Прислуга может жить здесь?

Чуть подумав, Миланэ ответила:

— Да.

— Хорошо. Думаю, всё... Мы немедленно известим высочайшего сира Тансарра о том, что сиятельная Ашай его рода ознакомилась со своим домом в Марне. Надеюсь, он будет доволен. Красивого дня.

— Пусть твой путь будет угоден Ваалу, — по-старинному дала ему напутствие Миланэ.

— Большое спасибо.

Тяжелая дверь закрылась, и Миланэ осталась одна в собственном доме.

Загадочным образом Тансарр как-то узнал, что она сегодня утром прибыла в Марну; как только Миланэ сошла с дилижанса, её встретили. В целом, она планировала остановиться в Доме Сестёр (снова просить Хильзе было неудобно), а там уж навестить патрона, но получилось совершенно по-другому, и теперь дочь Сидны стояла посреди прихожей личного, дарёного марнского дома.

Это приятно удивило её. Только Миланэ полагала, что это произойдёт после Приятия, когда она станет полноценной сестрой. Но к нему осталось всего ничего — десять дней.

С другой стороны, иного ждать не приходилось. Обязательства, которые возникают вследствие приятия патроната, нигде не прописаны, и держатся лишь на давних обычаях. Но эти обязательства, как правило, прочнее любых законов и формальных правил, поскольку им раза в два больше лет, чем самой Империи. Во-первых, патрон должен материально помогать, а также решить вопрос с жильём, если такой возникнет. Из этого следует, что патронат по карману только состоятельным особам. Во-вторых, он должен внимательно относиться ко всякому обращению Ашай о помощи либо протекции. В-третьих, ему нельзя негативно отзываться о своей подопечной, ни в семье, ни в частных беседах, ни в обществе. Если Ашай разонравилась или вызывает недовольство своим поведением, то можно просто разорвать узы патроната.

В то же время сестра-Ашай может без приглашения приходить домой к патрону; она также вхожа в то учреждение, где работает патрон, вхожа в его владения. Как правило, именно она организует или ведёт различные церемонии патрона и его рода; стампует его документы и сделки, принимает на хранение различные ценности; возжигает пламя Ваала в его доме; иногда сопровождает патрона и членов его рода; использует для блага патрона и рода любые личные навыки — от фармации до тайнописи; использует свою возможность обращаться в Палату дел Ашай-Китрах и охранения веры ради интересов патрона. Но сестра-Ашай не должна полностью отдавать всё своё время патрону, а он не вправе этого требовать.

«Потому каждая сестра, что имеет патрона, должна соблюдать равновесие между исполнением долга перед патроном и служению Сунгам», — наизусть помнила Миланэ цитату из Кодекса.

Патрон также имеет определённые негласные права. Помимо просьб о проведе-

нии обрядов, использовании даров духа, талантов и умений, патрон лично может вместе с Ашай ходить в те места, где ему самому вход или запрещён, или крайне ограничен; это касается как светских заведений, так и заведений сестринства. Он может называть её «моя» либо «наша», например: «Моя Ваалу-Миланэ-Белсарра», как публично, так и в личных беседах. Также притязать на определённые безвозмездные услуги могут ближайшие члены рода патрона, как то: супруга; дети; мать и отец патрона; братья и сёстры патрона.

«Ваал мой, Тансарр даёт мне займы столько доверия...»

Было непривычно, она не знала, за что братья. Ещё бы, всякий, кто в первых раз получает свой, собственный дом, то немножко теряется. Хотя ей не дали ещё в руки право собственности (патрон решил подстраховаться до Приятия — решила Миланэ), и она много лет жила в доме Сиднамая, за которой была в полном ответе на пару с Арасси, тем не менее, Миланэ полностью прочувствовала, что дом — её. Теперь она — хозяйка.

Прошёл миг, а Миланэ уж облачилась в простую свиру и начала споро исследовать, осматривать дом, заглядывая во все закоулки, поднимая клубы пыли в тихих местах, изучая очень красивую марнскую печь, заглядывая в ящики некоторой мебели, опрокидывая огромную балинею, обнаруживая, что посуды нету никакой, но зато есть три амфоры и четыре вазы, а ещё пробуя когтем побелку на стенах (свежая).

Вот так хозяйничая, она упала в раздумья:

«Навестить патрона — раз. Пойти в книжную лавку, как советовали в Сармане — два. Обустроить дом — три... Это странное слово — “дом”. Теперь это мой дом. И я сделаю его... каким? Тёплым. Я андарианка, я знаю, как сделать тёплый дом, это мне известно лучше всего. Лишь наполовину андарианка», — вдруг вспомнила, — «но ничего. Не забыла ли я адрес и монетку, что дал мне Морниан?», — всполошилась и проверила в кошеле. — «Нет-нет. Не забыла. Это сейчас — моя надежда. “Снохождение” должно где-то быть, я достану его. Уцеплюсь в него когтями, как та ученица Вестающих...»

Она уселась передохнуть у окна на втором этаже, которое выходило прямо на мостовую, совсем недалеко от Сафского моста. Миланэ уже решила, что здесь, в этой комнате, будет спальня.

«Спальня важна. Мне она очень важна. Поскольку я буду сновидеть, буду пытаться — хочу знать, что за всем этим стоит. За чем “этим”? Да за всем. За чем “всем”? Глупый вопрос, наверное... Сказать “за миром” — слишком выпренне. Сказать “за книгой, которую однажды увидела” — мелко. Сказать “за моей жизнью” — хм... Я ведь почему-то живу, и вон та львица, что идёт с корзинкой внизу — тоже».

Ей вдруг стало так томносладко, что захотелось прилечь, хотя бы на небольшой часок; она не была уставшей, чувствовалась отлично, и вроде в дороге успела выспаться, но почему-то неумолимо клонило в дневной сон. От прежних хозяев осталась кровать, пока ещё неудобная, не-своя, и Миланэ было подумала, не поменять ли её на другую, ведь, согласно андарианским обычаям, да и вообще обычаям всех южных Сунгов, кровать — священное место дома, что должно быть совершенно родным.

Прилёгшись прямо так, одетой, что вообще-то, возбраняется этикетом, Миланэ прислушалась к шуму на улице.

«С чего я живу? Все мы? Всё, что мы делаем, делаем лишь из страха вне сытых берегов — мы ведь так выживаем в мире, невольные. Чтобы посмотреть на себя,

нужно зеркало — а где его взять? Найду-ка я сновидении зеркало и посмотрюсь в него, чтобы понять — кто такая и чем живу... есть ли у меня те силы, о которых не говорят. Сновидение будет моим зеркалом. Будешь глядеться, львица этого мира, вглядываться в зеркала иных миров, чтобы однажды сказать себе тихо: “Я поняла”. Двоемирие не пугает тебя, не страшишься того, что одним телом спишь, а вторым — скользишь по мирам, ведь ты и так сплошь из двойников: тёплого-холодного, смелого-трусливого, глупого-умного. Ведь говорили наставницы: пиши слабости сестёр своих на песке, а силы — на камне. Песок развеется — камень останется...»

Миланэ казалось, что за неё кто-то размышляет, без насилия, но настойчиво вкладывая смыслы в сознание; некая часть в ней с удивлением обнаруживала эти мысли и внимала им, как откровению, то сердилась на них, как на наваждение. Потом она рассыпалась на множество мелких личностей, а потом озеро снов соткалось вокруг неё; на том бы конец, за которым должно последовать новое рождение-пробуждение, но тут...

...тут она вдруг, словно разбудившись, вмиг обнаружила себя посреди совершенно голой и серой местности, где под ногами — только камень, и вокруг летает пыль. Над головою светило бледно-серое, неправдоподобно огромное солнце, на полнеба. Сквозь всё тело словно струилась колючая вода, а между ушей, на макушке, хлестал безумный ветер. Миланэ, уже умеющая воить, взяла страх в непрочную, но узду, и осмотрелась по сторонам, а потом обернулась, где обнаружила львицу; глаза у неё горели, их огонь напоминал игнимару; одежды на ней не было никакой, что, похоже, ничуть не смущало её, а в правой руке она держала нечто похожее на копьё, один конец которого упирался в каменную землю.

Львица не смотрела на Миланэ; придерживая ладонь у глаз, она всматривалась куда-то вдаль; но потом, заметив гостью, начала говорить так неумолимо и жёстко, словно пытаясь убить голосом:

— Для чего тебе это, чего же ради ты — Ашаи-Китрах? — воткнула она конец копья в солнечное сплетение Миланэ, отчего ощутилось нечто вроде глухой боли. — Чего ради делаете вы свои дневные дела, как не ради жизни и пропитания? Вы боитесь лишиться куска добычи; ты, невольная, не можешь говорить что хочешь и делать как хочешь, потому что должно тебе соблюдать границы и правила; и ты цепляешься за своё имя, за свой облик, за право сказать себе «Я — Ашаи», чтобы легче и привольнее тебе жилось, а ещё потому, что больше ничего не умеешь, кроме как теплить огни на ладонях, — ударила она копьём по ладоням, и Миланэ взглянула на них — будто бы такие, как всегда, но и не такие. — Что мне, охотнице, ты можешь говорить? Мой путь туда, куда я хочу, а не куда придумано другими. Вспомни себя: сколь часто делаешь то, что хочешь? А сколь часто то, чего от тебя ждут? Ты не можешь сказать, что думаешь, а тем более делать, как хочешь сама. Все вы цепляетесь друг за друга. Вы зорко глядите друг за дружкой в сестринстве, раболепные, дабы быстро вскочить по чьей-то голове к лучшему куску. Как мне вас не знать, о Ашаи! Даже думая наедине, ты оглядываешься — нет ли никого за спиной, чтобы уличить в плохом? Сидишь наедине не вольно, а согласно выдуманному правилу — потому что боишься. Какие ж вы львицы духа, вы лишь научились с него получать — доярки духа. Вы разучились карабкаться по древу миров — смешные, глупые! Куда вам до вольного странствия, созерцания миров — в этом нет пользы в твоём тесном мире, а значит — нет интереса для тебя, Ашаи.

После столь уничтожительной речи загадочно-яростная утратила интерес к

дочери Сидны и продолжила созерцать даль, держа копье.

— Я сновиджу! — вдруг закричала Миланэ что есть сил, но здесь, в этом сновидном мире, слова давались крайне тяжело; она осознала, что на самом деле это был вовсе не крик, а скорее даже шёпот.

— Когда ты сновидишь, ты пробуждаешься, — выдала львица сущее противоречие, а потом раздались раскаты грома, почернело и без того безрадостное небо, и звук был столь сильным, что Миланэ дрожала с каждым раскатом, словно лист на ветру, затем — жуткий провал вниз, будто разверзлась каменная земля; медленно, неохотно, даже лениво душа вкатилась обратно в столь знакомое тело. Прошел миг, то ли ничтожный, то ли вечность — Миланэ не могла сказать, потому что время словно разорвали посередке — и она увидела стул, свой гиацинтовый пояс, секретер с фигурной резьбой по дереву (ямрийские узоры), сирну в ножнах на стуле (тоненький поясок для крепления свисает к дороговому, амарантовому дощатому полу) и безвкусные занавески, что безвольно колыхались от ветров открытого окна.

— Да как она смеет... — не шевелясь, тихо молвила Миланэ с обидой, даже гневом, хотя было совершенно неясно, что и почему произошло, и к кому вообще предьявлять возмущение. Тут-то заметила, что глаза — влажны.

Внизу кто-то настойчиво и уверенно стучался в дверь.

Миланэ торопливо встала, как обычно бывает спросонья, утёрлась, быстро одела пояс и сирну (их снимают лишь «перед сном, перед львом, перед Приятием») и сошла по крутым ступенькам вниз.

Незнакомый посетитель был настойчив и продолжал стучаться. Миланэ, наконец, открыла дверь.

— Во славу Ваала, Миланэ! — блистая улыбкой, сверкая белейшими ровными зубками, совершила приветственный жест ахмай-гастау (правая ладонь обращена к себе, от солнечного сплетения взмах вверх, в конце — полусогнутые пальцы, голову чуть откинуть или наоборот — склонить) львица в ладном, симпатичном пласисе и с длинными-длинными (насколько позволяет статус сестры) серьгами.

— Во славу всех Сунгов... Эманси? — Миланэ продолжала утирать глаза.

— Сюприиз!

Миланэ ещё ранее, когда приезжала по делу в Марнскую библиотеку, заметила одну вещь, которую решительно не могла понять: моду марнских сестёр носить пласисы с выточками на бёдрах или — ещё хуже — возле подола; тем самым традиционное облачение ставало очень похожим на обычные светские платья; а Миланэ всегда полагала, что между сестринством и простыми львицами всегда была, есть и должна существовать дистанция. Точнее, она догадывалась о происхождении этой моды — здесь повлияла светская, пирушная, привольная жизнь Марны.

Вдруг стало неловко — она ведь тоже вливается в эту жизнь.

— Я тут прослыхала, что ты стала одною из нас и присоединилась к чудному марнскому сестринству! Как я рада!

— Прошу, входи: мой дом — твой дом, — отошла Миланэ от двери, приглашая.

— Ай, слава Ваалу, восторгаюсь слышать это «мой дом»! Поздравляю, Миланиши! — полезла Эманси в обнимки, а потом смело, с любопытством вошла внутрь.

В дисциплирии Эмансина, или просто Эманси, считалась посредственной ученицей без больших талантов и способностей, хотя уже в нём прославилась умением учинять небольшие праздники, разжигать скандалы и плести интрижки. Она была всего на полгода старше Миланэ — разница несущественная в их возрасте; но, с дру-

гой стороны, её Приятие прошло ещё три года назад, и с тех пор она уже хорошо установилась в жизни. Они не были близкими подругами; скорее, просто знакомыми, которым доводилось много жить и учиться в одном месте, а потому — неизбежно общаться. Служение у Ваалу-Эмансины было самое непыльное, вполне подходящее: она преподавала «веру и нравы Сунгов», основы фармации и ещё какую-то необязательную ерунду в дорогом марнском фансиналле, то бишь учебном заведении для светских маасси, которым родители определили одну дорогу — достойное и почтенное замужество; ещё она состояла при нескольких конторах нотаров, как «Ашаи для штампа», хотя в среде сестринства работать вместе с нотариами считается чуть ли не дурным тоном. В фансиналле её умение крутиться в обществе и держать ухо востро развилось до необычайности, что, впрочем, неудивительно, ведь фансиналлы — самые настоящие школы болтовни, интриг и злословия.

Эманси именно из тех, кто знает всё и про всех. По происхождению она юнианка, а в Юниане, как и в Андари, превыше всего ценятся род и семья; это обстоятельство тоже способствовало её умениям к общению. Род у неё был действительно впечатляющий по своей обширности связей, просто огромный, и казалось, что в каждом сколь-нибудь крупном городе Империи у неё найдётся какой-нибудь троюродный брат или двоюродная тётка.

Не жалуя злословиц, Миланэ всё же пребывала во вполне добрых, ровных отношениях с Эманси; не последнюю роль сыграло то, что Эманси имела, в отличие от иных сплетниц, отличное чувство такта, и хорошо понимала, когда собеседнику не нравится тон и тема разговора. Безусловно, она была меркантильной, не без этого, как все подобные особы, всегда пытаясь как-нибудь отыскать полезное для себя; тем не менее, она никогда не переходила определённых границ. И Миланэ не слишком расстраивалась из-за этого, прекрасно понимая, что искренность в отношениях — глубокая ценность, а ценности не встречаются везде да повсюду.

— Ваал послал мне прекрасную весть в этот день! Теперь ты с нами!

— Проходи. Я только приехала, потому пусть будет прощён весь неуют и бардак.

— Какой неуют, какой бардак? Прекрасный дом. Жаль, что не возле садов, например, в квартале Димихли. Там все наши имеют обыкновение жить. И от садов недалеко, и от Дома Сестёр...

Поначалу Миланэ была не в восторге от её визита; хотелось тишины, уединения, надо было собраться с мыслями и решениями; и радовалась она только тому, что Эманси не притащила какую-нибудь из своих многочисленных подружек, от которых только голова болит. Но очень скоро поняла, что Эманси пришла как нельзя кстати, словно её прислало само провидение, судьба, как сказала бы шаманая Кайса — *вурд*.

Сначала, после обмена вежливостями да похвалы дома, зашёл разговор о том, как Эманси смогла так быстро прознать, где и как Миланэ приютилась в Марне.

— Небольшая тайна, право, — улыбалась Эманси по своему обыкновению широко и открыто, сидя за пустым столом в столовой, покачивая лапкой. — Твой патрон уже с неделю искал тебе годный дом, не сам конечно, а через своих управляющих, и эти поиски стали известны большому кругу. Молва-молва, так сказать... А то, что ты — Ашаи рода у Тансарра Сайстиларского, так это пол-Марны знает, чего там.

Потом начала расспрашивать о Сидне, и Миланэ начала рассказывать: всё вроде бы по-старому; у неё очень скоро Приятие, через две недели, как у Айнэсвалы, Арасси и Шасны (жду не дождусь); а потом ещё у Эмиары-Линаи (а, той самой, хох-

тушки, мы с нею раз свечи делали, такая история забавная, ну потом расскажу), Айлиши и других; а у Нойны — аж в начале Поры Выхода (бедная Нойна, наставницы не отпускали её из-за энграмм); а Холли — беременна, но, дурёха, хочет пройти Приятие с беременностью (совсем больная, что ли?); в Сиднамае достроили большой летний атриум для занятий, недалеко от Аумлана (наконец-то); а ещё был курьёз в этом году, когда одну дисциплину, двадцати лет отроду, изгнали за махинации со штампом, и она на коленях, прямо в стаамсе, умоляла старшую сестру оставить её (о, фуй!); а ещё одна дисциплина ушла сама, по Церемонии прощания, так как решила выйти замуж (как бы не пожалела потом).

Но затем Эмансина плавно перешла к главной теме разговора — Тансарру.

Естественно, она не могла упустить того, что сестра по дисциплину внезапно для всех получила столь важного, влиятельного и, прямо сказать, непростого патрона. Конечно, в беседе ею двигало не только любопытство, но и желание завязать близкое и крепкое знакомство. Но, получая сведения от Миланэ, она сама их дала несравненно больше, и это оказалось очень на руку — ведь, к своему стыду, о своём патроне Миланэ практически ничего не знала.

— ...хороший дом, Миланиши, не кондоминиум — я их лично терпеть не могу, знаешь. Живёшь себе, а за стенкой кто-то ещё, да чужой. Я слышала, тут раньше жили ростовщики. Нет, очень почтенное семейство, уверяю, ты не подумай... Но что тут говорить, Тансарр — птица в Марне видная, и о нём Ашаи много наслышаны. Его-то и звали «холостяком»: никак не хотел брать к себе Ашаи рода, а у сенаторов этого не принято, так сказать; такие видные Сунги — и без Ашаи! «Первейшие из Сунгов первыми стремятся вперёд к огню игнимары», как говорится в «Устремлённых взглядах», не так ли?..

Миланэ не любила этой классического образца литературы Ашаи-Китрах. Он казался ей чересчур слащавым и пресным одновременно.

— Я знаю, что иногда Ашаи бывают вместе со своими сенаторами на заседаниях Сената. Да уж... С видными сёстрами познакомишься. Вообще, скажу по секрету всему свету, сестринство Марны на уши встало, когда узнало, что у Тансарра случилось Обращение. О тебе все спрашивали, пытались разузнать: кто такая? откуда? почему? Даже Вестающие суетились, это я тебе точно говорю, представляешь... Эх, ловко ты, Миланиши! Поговаривали, что его супруга, мол, очень ревновала и не хотела, чтобы у них появилась Ашаи рода. Но он, наверное, старался найти себе андарианку, хоть сам — сенатор от Хольца.

— Тансарр узнал, что я андарианка, лишь после того, как пригласил.

— А куда знаешь? У сенаторов возможности такие, что ай-ай. После похорон он всё прознал о тебе, вот и всё. И его Синге ты, наверное, понравилась. Ой, Миланиши, закрутишься во всём, ай-ай... А какой он, Синга, расскажи о впечатлении?

— Эммм... Если...

— Ну ладненько, спрашивать пока что рано. Не буду, не буду, прости меня, болтунью. Но, так сказать, все говорят, что у него многим супруга заправляет, и что благодаря только ей он стал сенатором. Хотя, всё враки — львица может помочь лишь умному льву, с дураком ничего не сотворишь. Старший сын — забыла, как зовётся — тот сейчас в Кафне, супругу имеет, торгует с южными варварами. Виднейший был лев, скажу тебе, в моём фансиналле о нём было столько болтовни, что прости Ваал, но не хотел оставаться на папином содержании. Синге Тансарр подарил какую-то недвижимость и цеха, вот с ренты тот и живёт. Штатается по Марне, плут,

был вольным слушателем в Марнском университете, не очень успешным, говорят, то ли по риторике, то ли... Ты точно не знаешь, нет?

— Нет. Не упоминал ничего такого.

— Ну неважно, так сказать. Он ещё сонеты пишет, представляешь? Поэт в некотором роде... Стихи. Ой, не знаю, Милани, будешь помогать, наверное, своему патрону с его политическим, так сказать, положением. Знаешь ли, старые брюзги-патриции к нему относятся как к оппоненту, но у него в Сенате тоже своя группа, да и хорошая поддержка в Хольце. В Хольце есть много дельцов, но никто не хочет отрываться от дел, вот и послали Тансарра за всех отдуваться, если можно так сказать. Будешь что-то делать с его свободомыслием, ну это обычно для Хольца, миролюбием — хочет примять сражения на Востоке. Ничего, на то мы и есть, чтобы освещать путь. Ну, что я тебе рассказываю, ты всё знаешь... Патриции, я слышала, даже хотели разыграть то, что у него нету Ашаи рода, как повод для скандала. Фуй, даже была клевета, что он, мол, ударился во варварские верования, коих в Хольце полно... Видать, ему это ужас как надоело, всё это трепление. Миланиши, ты — его спасение! Прекрасное андарианское спасение из сестринства. Но опасайся этих патрициев-брюзг, они и к тебе будут приглядываться пристальнее некуда. Я бы среди них не выдержала, они пресыщены жизнью по самое горло, — смешливо говорила Эмансина, но тут же спохватывалась, осторожная: — Хотя, конечно, умны и благородны; в общем, дело непростое — держаться нужно над высокой пропастью, так что готовься, Миланиши... Я вот что тебе скажу: одна сестрёнка, Араминга, из комнаасских выскочек, как прознала, что Тансарр взял андарианку, да ещё дисциплину, а не сестру, так прямо чуть себе хвост не изгрызла. Она целых два раза бывала в его доме с известной целью. Бегала такая: «Ну возьмите меня, возьмите меня», — спародировала Эманси. — Так рассказывали... А они взяли тебя!

Всё это время Миланэ слушала весьма внимательно, стараясь скрыть интерес. Помимо прочего, чувствовала жутчайшую неловкость, что никак не могла попотчевать, обходить гостью, хоть и на то была самая веская причина — она сама только сегодня вошла в этот дом.

В конце концов, Эманси снова поздравила Миланэ, предложила больше видаться и не забывать друг друга, а потом быстро и ловко ушла, не затягивая с прощанием. Закрыв дверь, дочь Андарики подумала: «И всё равно — зачем я ему нужна? Здесь нет места простому везению. Здесь какой-то смысл, цель, вознамерение».

И вдруг сказала себе:

— Полно, — погляделась в зеркало. — Хватит сомнений.

«Действительно — почему я не могу быть лучше других?»

Странное дневное сновидение совершенно вылетело из головы, потому что мир предоставил ей множество иных вещей для внимания.

А потом пошла в Дом Сестёр Марны — отметить, как положено по Кодексу, что у неё здесь появился дом, и тут ей одобрено служение после Приятия.

* *

Следующим утром, хмурым и пасмурным, второго дня Первой Луны Огня 810 года Эры Империи, в девятом часу, облачённая в серое, длинное и очень простое платье с оторочкой подола во всю длину, совершенно светское, подпоясанная обычной лентой мерсеризованного шелка, заткнув наискось за спиной сирну (дома так

намного удобнее, хотя не по канону), Ваалу-Миланэ-Белсарра пила месмериновый чай, облокотившись о стол; взгляд её был мечтательным, и она чуть покачивалась, словно внутренне танцует. Она думала о том, что долго не могла заснуть ночью; о том, когда пойдёт к патрону, и поначалу решила нанести визит вечером, но потом передумала — нельзя тянуть, нужно идти к обеду, надо показать, что она стала Ашаи рода не для вечерней праздности, а для дел дня; думала о том, как побыстрее обустроить дом необходимым — здесь не хватало множества нужных в повседневности вещей; о том, что в Доме Сестёр она отметилась на удивление спокойно и тихо, несмотря на заверения Эманси о страшном шуме по поводу её Обращения; о том, что завтра пойдёт в книжные магазины, чтобы...

Снова тревожат.

Стук в дверь был робким, аккуратным; он словно говорил: «Не страшно, если отворят не сразу — я умею ждать».

— Да?

Стучалась львица возраста силы, что приходил к концу — лет под пятьдесят; не крупная, тёмно-золотистой шерсти; широкие карие глаза на миг встретили взгляд Миланэ, и тут же посмотрели долу, к земле; в её взгляде было нечто тихое и тяжёлое; одета она именно так, как одевается домашняя прислуга — огромный передник, рукава в три четверти, никаких украшений; в каждом ухе по два железных кольца — отличие львиц-дхаарок; самые успешные из них иногда дерзают поменять их на серебряные, но в коем случае не золотые — не позволено; у её лап был большой баул с личными вещами.

— Я преклоняюсь перед Ашаи-Китрах, сиятельная. Меня зовут Раттана, я узнала, что в этом доме требуется прислуга, и почту за честь служить в доме безупречной Ашаи, — сказала она на чистом сунгском.

Надо сказать, Миланэ уже успела пожалеть о ранее высказанной вольности. Нет, она ничего не имела против дхааров, и против этой львицы, но действительно не знала, сколь терпимо к ним относится её патрон-сенатор; с одной стороны, такие вопросы не должны волновать, да и каноны позволяют Ашаи-Китрах, даже Высокой Матери, абсолютно беспрепятственно иметь дхааров в качестве прислуги; с другой стороны, она никоим образом не хочет навредить престижу патрона, и не знает, какие негласные правила приняты в среде тех Ашаи, что приближены к сенаторам и прочим крайне влиятельным особам Империи.

Но её стержень Ашаи, её происхождение, её характер, её жизненный опыт, её воспитание Сидны не позволяли дать поворот от дверей.

— Я прошу львицу войти, — учтиво сказала Миланэ, хотя ко всем дхаарам Ашаи прямо рекомендуется обращаться на «ты».

Она вежливо выслушала Раттану и узнала, что та умеет делать всю домашнюю работу, умеет готовить, в том числе — марнские блюда, пять лет служила в доме чиновника Регулата Закона и Порядка; у неё есть взрослая дочь, которая заботится о себе сама, а потому у неё нет практически никаких личных хлопот; умеет шить, вязать, прясть, ткать; умеет легко уживаться с остальной прислугой и всё такое прочее.

Пока Раттана, явно волнуясь, немного сбивчиво рассказывала о себе, Миланэ с глуповатым внутренним оцепенением смотрела на львицу-дхаари. Она совершенно не знала, что должна говорить, о чём надо спрашивать, хотя в дисциплинарии её, естественно, обучали домоуправлению и обращению с прислугой. Эмпатийное чувство

уверенно говорило, что львица говорит правду, нигде не лжёт, и вообще, это приятная и добрая душа, хотя с большими горестями за хвостом. Говорила она совершенно чисто, без акцента, но вся внешность была абсолютно не-Сунгской — за лъен видно чужую кровь.

Возникла идея сходить за Каррой-Аррам, раскинуть знаки, но они были на втором этаже, и Миланэ решила не беспокоиться. «Пожалуй, не стоит спешить. Эти несколько дней вполне можно потерпеть и приглядеться к остальным. Не выбирать же первую, что пришла в дом, в самом-то деле».

— Понимает ли Раттана, что служить Ашай-Китрах — огромная ответственность?

Миланэ задала вопрос не потому, что так хотелось; так научили, он — из разряда обязательных при взятии на служение дхааров.

— Я буду всеми силами прислуживаться безупречной госпоже-Ашай. Через служение благородной Ашай я хочу услужить великим Сунгам, что дали мне приют.

Такой же заученный ответ, как и вопрос.

Задав ещё для порядка несколько совершенно мелких вопросов, Миланэ ровненько сообщила, что ей всё понятно, и Раттана, кажется, достойна того, чтобы служить в этом доме; тем не менее, требуется некоторое время для принятия решения. А посему, пока что — всего хорошего.

— Очень надеюсь ещё раз обрести честь видеть сиятельную Ашай.

— Всего хорошего, — закрыла Миланэ дверь и немного пожалела, поскольку эта львица-дхаари чем-то понравилась: эмпатия давала «добрый ответ», как говорят. Но никто ж не покупает первое попавшееся на рынке; жизненный опыт учит, что нужно походить, повыбирать, а потом уже принимать решение.

«Однако! Синга пишет сонеты. Я слыхала, что это непросто», — враз перескочила на иные мысли Миланэ.

В эти мгновения дочь Андари не ведала, что Раттана не уходит из-под её двери, медлит; она, грустно глядя вниз, мотала какую-то нить на палец, потом вздохнула, швырнула её наземь, затем бросила взгляд на дом, и...

Намереваясь допить чай, Миланэ уселась, но тут пришло знание-желание, крайне смутное, но требовательное. Она даже замерла, стараясь прислушаться к душе, понять, что это и почему; оно было аморфным, оно требовало каких-то действий, а каких — Миланэ не могла внять. Поэтому дисциплина поднялась, взмахнув хвостом, стукнула два раза когтями по столу и сказала себе: «Пойду-ка гляну, как дхаарка уходит». Это единственное, что пришло в голову совершить; надо было что-то сделать, вот Миланэ и подошла к окну у входной двери, отёрнула занавеску и...

Картина простая и пошлая. Перед Раттаной, в шагах десяти от дома, прямо посреди улицы стоял некий львина, ростом раза в полтора выше львицы. Она к нему боком, сложив руки на груди и глядя в землю, уши — прижаты. Лев заросший, с неухоженной гривой окраса светлого дерева, в тёплом, аляповатом сером сюртуке, подпоясанный огромным потёртым ремнём, в типичных легатских кнемидах. В руке играл хлыст. Хлыст маленький, отметила Миланэ, в точь такой, которые пользуют для погонки ослов и прочего небольшого скота. Лев что-то кричал, Раттана — отворачивалась, но он делал шаг в сторону и снова пытался настичь её взгляд. Миланэ слышала, что тот нечто орёт; но расслышать сложно — окна и двери оказались отличными. Миланэ решила немедля открыть окно, но это оказалась не так просто, и пока она возилась с форточкой (хотя много проще было открыть дверь), картина поменялась — теперь лев держал дхаарку за подбородок и тряс.

— Сукина дочь! — тряс он её безо всяких усилий. — Когда вы всё переведётесь тут?! Когда сдохнете?! Твой тут сынок, твой тут ходил крал всё подряд?!

— У меня нет сына, — сказала Раттана с насильно вздёрнутым подбородком кверху, прикрывая руками обе щёки. Опытная.

— Чего сказала?!

— Нет сына.

— Нет, конечно! Да такая только шакала родить может! Чья и откуда, сказала быстро! Тут приличный род живёт, приличные Сунги, твою рожу я здесь впервые вижу! Зачем мешком меня толкнула? — зарычал он, замахнувшись хлыстом.

— Я не хотела, — со страхом, но без крика отвечала Раттана

— Дааа, не хотела, знаю, как вы не хотите! — и его замах превратился в хлёт. — Чья ты? Чья? Ничья? Чья?..

Миланэ как-то совершенно бездумно отпустила занавеску, вся сцена скрылась. Ей ничуть не было страшно, только мерзко. Но можно отойти от окна, сесть за стол и продолжить завтрак, ибо она — охранительница Сунгов, не дхааров. Дхаары — они и есть чужаки, никто их за хвост сюда не тянул. Неприятный эпизод, естественно. Можно выбежать на улицу, потребовать остановиться, умерить пыл, поднять шум-гам, испытать на себе его злой, бессмысленный взгляд; но это будет так глупо, так нелепо. Она ведь не в одеянии Ашаи, а в самом простом, повседневно-обиходном платье, не облачаться же теперь в пласис, и потом надо будет ему на ходу доказывать, что она принадлежит к сестринству, что на неё кричать нельзя, что вот есть подвески на ушах, посмотри, есть серебряное кольцо сестринства, и вообще, хватит безобразничать... конечно, лев имеет право бить дхаарку за оскорбление, это согласно законам, да, всё верно... да, верно, но я могу сказать, что меня оскорбила столь грубая картина, я вправе потребовать немедленных извинений... что ж, извинения приняты... возможно, ещё потребую сатисфакций в судебном порядке, и пусть лев поверит, что суд будет быстрым... да что дхаарка, оскорблены мои уши столь грубой картиной! Ах, лев не знал, что здесь поселилась Ашаи, потому не стеснялся в выражениях? Так будет знать...

«Вaal мой, как это будет гнусно и скандально. Смешно».

Дурная сцена будет: побитая дхаарка, оскорбленный нею Сунг, толпа зевак и сердобольцев, кричащих хаману и визжащих маасси. Самое то для прибытия в Марну! Самое то! Да, кроме того: что за служанка, что не может идти прямо и осторожно, никого не задевая вещами? В самом деле, такую не стоит брать в услужение, нет-нет-нет, стоит рассмотреть иные варианты, прикинуть, приглянуться... рассчитать... посчитать... подумать, как в жизни удобнее... самое главное — устроиться в жизни правильно.

Вдруг она возненавидела весь этот нищий духом мир, безумный, больной, ненавистный, оскорбительный даже тем, что вообще существует.

«Тогда пусть смешно не будет никому», — серьёзно подумала Ваалу-Миланэ-Белсарра, со всей злостью дергая на себя ручку входной двери. Она умеет быть серьёзной; пусть каждый спросит себя — умеет ли он быть серьёзным?

«Ваалу-Даима-Хинрана: “Когда ты стала неустрашима, то враги Сунгов превратятся в пыль”. Ваалу-Инсиная: “Я вижу лишь бесстрашных Ашаи-Китрах, уходящих ввысь к звёздам Нахейма”. Ваалу-Малиэль: “У них я научилась быть бесстрашной, и за полдня вяла больше, чем за всю жизнь”. Ваал мой, сколь хорошо придумано нашим сестринством — мы всегда должны хранить тебя подле себя», — думала

Миланэ-Белсарра, уверенным, быстро-вкрадчивым шагом, со склонённой головой приближаясь к дхаарке и льву, в точь таким же, с каким охотница идёт к убитому стрелой зверю или опытная куртизанка поддавливает свою жертву на светском приёме; правая рука держалась позади, за ножны сирны. — «И сколь много раз я получала выговор за то, что забывала сирну, как все подруги...»

Лев ещё что-то орал; заметив приближение Миланэ, он перестал хлестать Раттану. Из окна на другой стороне улицы высунулся чей-то любопытный нос, Миланэ не видела — лев это или львица. Ашаи предстала перед львом, глядя на него снизу вверх, по запаху ощущая, что он пьян. Лев, морщась и не понимая, продолжал глядеть на неё, как на привидение или недоразумение. Эмпатией Миланэ понимала: он не догадывается, что перед ним — Ашаи-Китрах, не замечает этих маленьких отличий — серебряного кольца и подвесок, которые, как назло, сегодня маленькие и коротенькие, такие можно увидеть у любой маасси.

— Чего? — спросил он, хамски, но уже тише.

Тут вдруг Раттана подняла руки и с удивлением поняла, что они на них — кровавые полосы. Это немедленно взъярило льва и он снова замахнулся.

В жизни есть роковые моменты. Пожалуй, Миланэ бы устроила ему большие неприятности, раскрыв свою личность, изрядно попугала, и лев бы вовек обходил её дом дом десятой дорогой, и на том конец; но вместо того, чтобы прекратить гнусность, он взялся за прежнее: снова хлестнул Раттану с размаха, будто здесь Миланэ и рядом не существовало.

Миланэ из тех, что знают себя в страхе, что знают свою решимость; правая рука сделала всё сама: большой палец придержал ножны, остальные вытащили сирну, и очень быстрым, подлым движением она снизу вверх взметнула её к телу льва. В памяти совершенно не отложилось, сколько ударов она нанесла, но никак не меньше трёх, так как всегда учили, что одного удара сирной мало, нужны несколько, нужны многие... Затем оттолкнула левой рукой, сделала шаг назад; лев упал очень легко, пугающе легко; он держался за живот, ничего не говорил и даже не пытался сопротивляться, только хрипел. Хлыст выпал ему из руки.

Всё произошло само как-то собой.

Далее был крик прямо в доме напротив, Раттана споткнулась и упала (или ей подкосились лапы — Миланэ было невдомёк), лев положил голову на землю и застонал. Она же стояла, держа сирну в правой ладони, и смотрела, как расплывается тёмное пятно на его одежде и слушала стон; по этому стону стало ясно — лев вряд ли увидит следующую зарю.

— Раттана, дай какую-нибудь тряпицу, — попросила она, не глядя протянув руку.

— Что? — прямо так, сидя на земле, глухо просила дхаарка.

— Тряпку, вытереть сирну, — посмотрела на неё Миланэ, а потом с преувеличенным вниманием начала рассматривать свой кинжал. — Ты ведь согласна мне служить?

— Да-да, сейчас... — засуетилась да, поднявшись.

Получив в качестве ветоши превосходную салфетку с шитьём, Миланэ не без жалости к белизне ткани тщательно вытерла сирну, от пяты до острия, и заткнула её, куда полагается — не сзади за поясом, а слева.

— Раттана, говорить буду я. Ты молчи, пока не скажу, — предупредила Миланэ.

Та ответила, глядя на Ашаи и не обращая никакого внимания на обидчика, дела которого были совсем плохи:

— Да-да, госпожа...

Привилегия сохранения чести и неприкосновенности. Сейчас она должна полностью оградить Миланэ, как львицу-Ашаи, от всяческих неприятностей, тем более — наказания. Ещё в Книге Сунгов, основном законе Империи, писано: «...если кто из простого сословия при всех среди бела дня и ясной ночи оскорбляет Ашаи, обращается к ней с презрением, открыто насмехается, нагло тянет когти без изволения, хватает её и так далее, и подобное, и тому прочее...», то Ашаи-Китрах может прикончить обидчика на месте.

Но проблема в том, что лев с хлыстом, по сути, не угрожал Миланэ, не пытался её ударить; он бил дхаарку, что почти никак не наказывается по всей Империи; за такое — штраф, о котором стыдно упоминать. Поэтому её положение было непрочным, а потому следовало действовать и говорить верно, точно, безупречно.

— Что происходит? — подбежал какой-то незнакомец

— Лев — страж? — требовательно и уверенно спросила Миланэ (сейчас иной тон неуместен, нужно идти до конца).

— Не... Я на шум прибежал. Что случилось? — показал когтем на умирающего.

Миланэ не ответила.

Стража прибыла быстро, в числе двух молодых львов вместе с дренгиром стражи в отличии септимарра, во всём облике которого читались бесконечная усталость и полнейшее безразличие к чужому страданию. Обидчик Раттаны был ещё жив, вокруг него собиралось немало голов, штук двадцать, они окружили Миланэ и Раттану вместе со стражами, но никаких попыток помочь льву не предпринимали.

— Его ударила львица... преподобная?

— Да.

— Чем?

— Сирной. И я попрошу льва представиться.

— Маталу-Эссени, септимарр Марнской стражи. То же попрошу сделать преподобную.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплира... Ашаи рода сенатора Тансарра из рода Сайстиллари.

Страж-дренгир взъерошил гриву и с тяжестью выдохнул.

— Осмотрите его... За что преподобная ударила сирной гражданина Империи?

— Это — моя прислуга, — Миланэ указала на Раттану. — Она выходила из моего дома по моему поручению, как этот лев, имени и рода мне незнакомых, без причин напал на неё с хлыстом. Я вышла на улицу, чтобы совладать с этим безобразием, но лев начал угрожать мне, хотя прекрасно видел, что я надлежу к сестринству Ашаи-Китрах. Потом замахнулся хлыстом, отчего я была вынуждена ударить его сирной несколько раз.

Это — рискованный, но единственный выход.

— Ашаи не одета в... одежду Ашаи.

— Ашаи-Китрах могут ходить в чём угодно, будь при них сирна и кольцо.

— Но нет этого... как его... амулета.

— Я — дисциплира, амулет Ваала обрету после Приятя.

— Почему на доме нет знака?

Конечно же, она не успела прибить на входных дверях дома *ном* — небольшой круг из железа, похожий на колесо от телеги, отличительный знак того, что хозяйка дома — Ашаи, символически обозначающий огонь Ваала.

— Потому что я только сегодня в нём поселилась.

— Тем не менее, если этот дом принадлежит Ашаи, то он там должен быть, — сухо и формально сказал страж, зачем-то напав на эту зацепку.

Но Миланэ взять не так просто; она вняла старой мудрости сестёр: попала в неприятности — обращайся в Палату.

— Дальнейший разговор будет вестись только в присутствии представителя Палаты.

— Умер, — объявил второй страж.

Неожиданно Миланэ нашла вполне уверенную, беспрекословную поддержку в толпе:

— И поделом! — рычал зычный голос престарелой львицы явно склочного нрава. — Раффу сначала кричал на всю улицу, а потом и на Ашаи кричал. Допрыгался. Тьфу!

— Не кричите, и так голова раскалывается. Иди в Палату... — отдал распоряжение дренгир стражи.

— Пока не придёт представитель Палаты, я буду находиться в своём доме.

— Если сиятельная не желает присутствовать при опросе свидетелей... Как угодно.

Миланэ развернулась и ушла, за нею последовала её новая прислуга. Сильно хлопнув дверьми, словно пытаясь укрыться навсегда, дисциплина опёрлась о них в усталости и смятении:

— Раттана... ты всё слышала... если будут спрашивать, говори как я, иначе недобровать ни тебе, ни мне.

— Госпожа, я скажу всё как надо.

И по голосу она поняла: дхаарка скажет.

— Раттана, как твоё имя рода? — снова присела Миланэ в столовой, за остывшим чаем, прямо как раньше, но лишь с той разницей, что теперь на её счету числилась ещё одна забранная жизнь. Одна и одна. Вместе — две.

— Там, где я родилась, нет имён рода, — словно извиняясь ответила Раттана, хлопоча невпопад: то переставляла какие-то вещи на кухне, то что-то вытирала прямо подолом.

— А где ты родилась? — спросила Миланэ, но лишь так, чтобы не оставаться наедине с мыслями.

— Земли Мрамри, на пустошах Чивикена.

— Это где? — с преувеличенной задумчивостью нахмурилась Миланэ.

— Да там, где Норой.

Это совершенно ничего не говорило. «Она отвечает так же, как я спрашиваю — как-нибудь. Ещё бы. Увидеть такое».

— Так ты с юга?

— Ой, я не сильна в сторонах мира, прошу простить.

— По морю плыла в Империю? — попробовала Миланэ подступиться с другой стороны.

— Нет-нет. Я его сроду не видала, море. Я с матерью ещё юной дхам приехала на повозке. Там ещё город был такой... Забыла. Те земли населялись листигами, кажется...

«Как её занесло-то. Северо-запад».

— Раттана, старайся не использовать слов родного языка со мною. Я их не знаю.

— Как сиятельная прикажет. Я забыла просто. Я вообще вся разволновалась... Я... Я благодарна преподобной за то, что она защитила меня. Это всё так неприятно, так ужасно... И я прошу прощения за то, что доставила жуткие хлопоты своей хозяйке... — Раттана пала перед нею на колени.

— Встань, быстрее. Так распорядилась судьба. Раз нам велено знаться между собой, то знай: я — Ваалу-Миланэ-Белсарра, скоро стану сестрой-Ашаи, но пока ещё — ученица. Родом из Андари, юга Империи.

— Хорошо, я запомню, хозяйка. Осмелюсь спросить — кто ещё будет со мной служить?

— Пока лишь ты. Дисциплирам не положено более одной прислуги.

Миланэ, как обычно, неизвестно зачем сотворила маленькую ложь. Конечно, любая дисциплира может иметь в своём доме столько прислуги, сколько хочется и сколько позволяет здравый смысл, как и всякая Сунга вообще.

— Ты ведь справишься сама?

— Да, сиятельная.

Миланэ взглянула в окно, где качались ветви кипарисов, усталые от изобилия окончившейся Поры Выхода.

— А кто такая дхам?

— «Молодая», по-нашему. Ещё не знала льва, но уже может.

Были ещё какие-то вопросы в запасе у Миланэ, но тут дверь широко распахнулась, и без всякого стука да спросу.

— Красивого дня, безупречная дисциплира!

На пороге стоял высокий, статный лев с такой улыбкой, будто он прибыл на свадьбу, а не на дело об убийстве. Никакого сомнения о том не возникло — это явно служитель Палаты, причём не самого маленького ранга; все они носят вычурные ярко-красные плащи с большой серебряной цепью, множество всяческих побрякушек, буквально звенят с каждым шагом. За ним грузно и мрачно топтался страж-дренгир.

— Сильного дня льву, — встrepенулась Миланэ. — Проходите.

Тот мгновенно воспользовался приглашением; церемонно оmyв лапы, приняв помощь Раттаны с полотенцем, он присел на маленький стул, ловко и вовремя подставленный той же Раттаной.

— Я — полномочный представитель Марнской Палаты дел Ашаи-Китрах и охранения веры, — облокотился он широкой рукой на стол, улыбаясь, как солнце. — Зовут меня Фрай из рода Теннемарри, но для сиятельной я всегда буду просто Фрай.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплира у порога Приятия, Ашаи рода сенатора Тансарра из рода Сайстиллари.

— Ах, дисциплира... — мечтательно протянул лев и даже с некой сладостностью прикрыл глаза, будто вспомнив нечто изумительное. Но потом вмиг вернулся к прозе жизни: — Слышал, у сиятельной есть некоторые затруднения. Но, для начала пусть мы с преподобной пройдем... так сказать...

— Признание. Понимаю.

— Я ведь раньше не имел чести знать столь восхитительный цвет Сунгов, как Ваалу-Миланэ.

— Похвала льва — моя высокая честь.

— Да, красота безупречной ошеломительна... У сиятельной такая харизма!

Ритуал Признания возник недавно, всего лишь двести с небольшим лет назад.

Заключается он в проверке: действительно ли та, что выдает себя за Ашаи-Китрах, является таковой. Признание установило тот целый свод правил, уловок и приёмов, которые позволяли отличить настоящую Ашаи от той, кто искусно ею прикидывается (что не такая большая редкость в Империи, а тем более — за её пределами). До возникновения ритуала проверить истинность какой-либо Ашаи могла лишь другая сестра. Но потом ритуал быстро стал необходимой формальностью при общении Ашаи с представителями Палаты и Надзора; причём именно они имеют право инициировать его проведение при первой встрече. Абсолютно любая сталла, дисциплина и сестра должна знать, как отвечать на определённые вопросы, и демонстрировать некоторые вещи по запросу.

— Прощу кольцо сестринства.

Миланэ протянула ему левую руку. Лев очень бережно принял её ладонь и с большим чувством, пользуясь положением, потрогал каждый палец и коготь. Да, понятно: он страшный охотник до львиц, а тем более — львиц из сестринства.

— Я прошу сирну.

«Слава Ваалу, не попросил стамп. Он-то наверху, в спальне».

С большим интересом Фрай рассматривал сирну с рук Миланэ (братъ её в руки не вправе), прочёл на ножнах «Сестринство Сидны», затем попросил обнажить и пригляделся к мельчайшим следам крови возле рукоятки.

— Моя игнимара может возжечься.

— Я бы с большим удовольствием взглянул на бесконечно красивую картину, но я признаю твою сущность, Ашаи.

— Я верна тебе, Сунг, — со словами Миланэ сирна снова спряталась в ножны.

— Итак, в самых общих деталях наслышан об неприятности, но попрошу Ваалу-Миланэ поведать то, что приключилось.

— Я находилась здесь, в своём доме, в который поселилась вот вчера, как тут услышала крик с улицы. Взглянув, поняла, что какой-то лев, рода и занятий мне неизвестных, совершенно недостойными словами бранит мою служанку Раттану, что шла по делу согласно моему поручению. Затем он начал сечь её кнутом; я вышла, чтобы прекратить гнусность. Объявив ему, что я — Ашаи-Китрах, а была я при всех отличиях, потребовала немедленно извиниться и удалиться прочь, на что в ответ он ответил мне самым неподобающим образом и замахнулся хлыстом. В итоге пришлось прибегнуть к защите личной чести и чести всего сестринства. Лев может взглянуть, сколь сильно преступник посёк руки моей служанки-дхаари, а эти руки служат Сунгам.

Лев лишь с усмешкой развёл руки и сильно отклонившись назад, посмотрел на молчаливого дренгира стражи, хлопнув себя по колену.

— О чём тут ещё говорить?

Тот смолчал, и Фрай посмотрел на неё:

— Дисциплина Сидны, служащая сенатору, убивает согласно привилегии бестолкового хама простой крови, дурного прошлого и тёмных занятий. И дренгир позволил довести дело до Палаты? Может, дренгир ещё заставит обращаться по такому очевидному делу к правдивидице?

— Мне лишь нужно добро Палаты на завершение дела и уведомление прокурора, — подёргивал усы дренгир.

— Добро уже у дренгира на руках. Ваал мой, тут было достаточно просто выслушать сиятельную и принять к сведению свидетелей. Всё. А, да, а что говорит та самая

служанка?

— Показания дхааров мы берём в крайнем случае, — не преминул отметить страж.

— Ах, если убийство не крайний случай, то боюсь представить себе таковой. Давайте послушаем: дело её касается, понимаете ли, непосредственно. Тем более, что у наших преподобных не служит абы кто, а вполне пристойные дхаары. Прошу, не бойся.

— Я вышла, чтобы отнести белье прачке. Только вышла, как тут покойный сир сказал, что я задела его баулом. Он был пьян. Начал ругать, потом бить хлыстом. Госпожа вышла и заступилась, поскольку я шла по её указу. Он начал на неё кричать и захотел ударить. Я хотела было броситься, чтобы он не трогал госпожу, но госпожа его, это, того...

— Всё дело. Избавьте сиятельную от своей назойливости, ей и так пришлось пережить нелегкое, — Фрай показывал стражу небрежные жесты. — Безупречная дисциплина Сидны — прошу позволения откланяться.

— Да хранит льва Ваал.

— А сиятельной дарит дух. Всего хорошего, ждём у нас.

— Удачного дня, — поспешил удалиться и страж.

— Пусть воина хранит Ваал. Сильного дня.

Лично спровадив обоих из дому, Миланэ закрыла входную дверь своего нового дома и безвольно сползла по ней, тихо расплакавшись под укрытием ладоней. Она плохо помнила, как её мягко, слово через одеяло, подхватили и уложили на кровать чужие руки; она думала лишь об одном: «Какая глупость, но я не могла иначе. Не могла иначе. Не могла...»

Она никогда не желала забирать жизнь ни у кого из львиного рода. Вот ведь в чём дело: нету у Сунгов единой морали для всех. Что для воина — добродетель, для молодой андарианской львицы — порок, даром что Ашаи. Всё просто: андарианка дарит жизнь, не отбирает. Теперь, когда это случилось, она не чувствовалась в огромной пропасти проступка, ибо понимала: поступить так было единственной возможностью для её естества в тот момент; но общая нелепость, быстрота, даже обыденность случившегося угнетали до невозможности; а тем более то, что Миланэ не злого нрава, она никогда не желала чужой крови и страданий за просто так, она верила в то, что львица назначена дарить жизни, а не забирать их. Миланэ раз за разом вспоминала все мгновения, продумывала, как обычно бывает, бессмысленные варианты того, как могло всё приключиться. Разлёгшись на кровати, согнув лапу и покачивая ею, она то брала кончик хвоста в ладонь, то отпускала, и он безвольно падал на простыню. Раттана сидела возле неё, совершенно молчаливая, и подавала ей время от времени чаю, того самого, который она пила утром, но свежего.

День только начался, но явно не обещал быть лёгким — внизу постучались.

Раттана оставила кружку прямо на полу и поспешила вниз. Но очень быстро вернулась:

— К сиятельной пожаловала львица. Желает наняться, — с каким-то виноватым видом объявила львица-дхаари.

— О добрый Ваал, я не выдержу ещё одного найма! — застонала Ваалу-Миланэ, так и не вставая.

— Что мне передать?

— Уже есть прислуга — вот что.

Вздохнув, Миланэ подняла чашку с пола и, покачивая её в руке, осмотрелась вокруг, по комнате.

Деваться некуда: сегодняшнее происшествие бросит на неё жуткую тень, как в глазах патрона, так и перед сестринством Марны; стоило обдумывать, как лучше всего поведиться и рассказывать об этом случае, чтобы уберечь крохи репутации. «Невоздержанность — вот что скажут. Не удивлюсь, если патрон расторгнет отношения. “Убила Сунга ради дхаарки” — вот что скажут. И, вполне возможно, этот лев был почтенным главой семейства, у него есть большой род, много детей... “Укрылась за привилегией неприкосновенности” — вот что скажут».

Сняла сирну с пояса, посмотрела на неё. «Сестринство Сидны». Откинула прочь, кинжал проехался по кровати, остановившись на грани: конец ножен висел над пропастью пола, но рукоятка ещё держалась на кровати.

«Надо раскинуть Карру. Несомненно».

Внизу был какой-то шум, даже перебранка. Миланэ притихла, насторожилась. Потом услышала шаги по лестнице.

— Сиятельная, эта львица требует внимания, — первой вбежала служанка с растерянным видом. — Она требует благородную лично.

— Однако, — только и ответила Миланэ, как тут на пороге предстала сама просительница: высокая, возраста силы — под сорок, внешности видной и презентабельной — узкий, тонкий нос, длинный хвост, небольшие, чуть прижатые уши, длинный и приподнятый в конце разрез глаз; окрас шерсти и черты говорили об истинно сунгском происхождении, по всему — Сунгкомнааса. Дочь Сидны даже заподозрила, что Раттана ошиблась, и это вовсе не кандидатка на прислугу, а некто иная.

— Меня зовут Наамрая-Сали, я прибыла к преподобной.

«Точно Сунгкомнааса».

— Ваалу-Миланэ-Белсарра. Чем могу служить? — очень просто молвила дисциплина, продолжая возлегать на кровати, теребя кончик хвоста.

— Это я с радостью могу служить преподобной, — встала Наамрая перед нею на одно колено, отчего Миланэ почувствовала себя очень неудобно, но делать с этим ничего не хотелось. — К безупречной Ашаи я отправлена сиром Хаши из рода Занирасси, который ранее, насколько мне известно, представлял сей дом для сиятельной, — чётко и уверенно чеканила она каждое слово. — Он направил меня в услужение; пришла я сама, поскольку, насколько известно, преподобной требуется — пока что — прислуга в одну душу. Вот моё рекомендательное письмо от сира Хаши, а вот ещё одно — от старшей сестры Ваалу-Ирмайны, у которой я имела честь служить пять лет. Я служу в домах сестринства Ашаи-Китрах вот уже двадцать лет, и знаю все тонкости подобной службы.

Признаться, Миланэ опешила от такого послужного списка. Бессознательно она взяла письмо, но разворачивать не стала. Взглянула на Ратанну — та стояла у дверей, держа сложенные руки перед собой и глядя в пол.

— Вот в чём дело. Сожалею, что столь добрая Сунга зря потратила ценное время, но у меня уже есть служанка, — скрестила руки Миланэ.

— Но... насколько я знаю, безупречная лишь вчера прибыла в Марну. Неужели Ваалу-Миланэ столь быстро определилась? — встала просительница с колен.

— Вижу, львица хорошо осведомлена о моих делах.

— Но ведь я... у меня большой опыт... — Наамрая выглядела настолько расте-

рянной, что дочь Сидны удивилась. — Я не требую отдельной комнаты, поскольку местная, могу покидать дом на любое время, если сиятельная прикажет. Тем более, сестринство Марны подтвердит мою преданность.

Взяв свою сирну обратно, Миланэ поднялась и встала перед нею:

— Мне лестно слышать, что у львицы столь много достоинств. Да хранит Наамраю Ваал. Теперь посмею просить львицу покинуть меня: мне нездоровится.

— Эм... Спасибо. Я смогу обратиться, если появятся вакансии?

— Несомненно.

— Благодарю сиятельную за приём. Храню надежду на встречу.

— Красивого дня.

Снова усевшись за столом на кухне, Миланэ призадумалась. События дня наползали друга на друга; она уже чувствовала огромную усталость, но никак не могла увязать всё друг с другом. Хотелось ответов. Хоть каких-нибудь, что могли бы хоть немного прояснить вещи, внести ясность в туман судеб. А когда Ашаи желает подобных ответов — она обращается к мантике.

Миланэ долго искала в своих вещах колоду Карры, и даже было испугалась, что потеряла её, а это — очень дурной знак. Но вскоре нашла на дне походной сумки, той самой, с которой некогда отправилась на Восток. Испытав огромное облегчение, Миланэ, тем не менее, никак не могла внять, почему Карра оказалась именно там. Опытная мантисса, она ничуть не смущалась чужих глаз, как обычно бывает с начинающими, потому просто воссела в столовой, храня ровную осанку, и начала раскидывать знаки для начала, не обращая внимания на Раттану, которая уже осмотрела малейшие уголки столовой и кухни, изучая наличие всякого добра и собрав изрядную кучу хлама, оставшегося после прежних хозяев в разных закутках.

Непонятного было много, как всегда в жизни, но Миланэ как-то даже не знала, что именно спросить.

«Пожалуй, спрошу о том, кого убила».

Хотя нет. Это стоит сделать по-настоящему.

«По-настоящему», — для себя усмехнулась Миланэ. — «Сколь порочные слова для этого мира».

— Раттана, пойди на улицу и разузнай, кем был тот лев.

— Да, госпожа.

— И дотронься, пожалуйста. Сдвинь колоду, — протянула Миланэ ей ладонь со знаками Карры.

— Вот так? — Раттана очень осторожно, даже с неким страхом, когтем подвинула колоду.

— Спасибо.

Служанка ушла справляться о несчастном льве, но далее был вопрос о ней самой; Раттана вообще понравилась Миланэ, у неё была своя харизма; она чувствовала душой её характер, тот самый стойкий, надёжный характер, который вырабатывается у личностей, прошедших тяжёлые жизненные испытания.

Первым выпал знак из Сил, Эн-Энхелет — «Сосуд смешивающий». Вторым решил предстать перед Миланэ Сео, то бишь «Да». При данной постановке вопроса сочетание было лёгким, приятным для вопрошающего; почти всегда оно обозначало случайные, но необходимые судьбе встречи, последующую дружбу либо тесные отношения.

Ответ знаков пока что был весьма конкретным, но не полностью удовлетворил

Миланэ — ясно, как день, что они описывают их встречу, но не саму личность Раттаны. Она ждала, что именно выпадет из Душ Сверкающих; этим знаком оказался Халиран — «Верный вере». Миланэ реально удивилась этому, поскольку Халиран был её личным знаком, он почти всегда выпадал при вопрошении о строе её собственной личности (а таким вопрошением грешит всякая мантисса), обозначающий мягкость и согласие с миром, под которыми таились твёрдые принципы, верность, неуступчивость перед ликом опасности.

Миланэ, долго вглядываясь в знаки, поняла главное: их встреча была неизбежной, и Раттана будет ей доброй прислугой.

Собственно, с мантикой можно заканчивать — главный ответ получен — но она решила ещё раскинуть знаки на просительницу, ту самую Наамраю-Сали. Её вообще сильно удивило то, сколь представительная особа пришла проситься на работу прислужницы; тем не менее, Миланэ никогда не жила в столице и не имела служанок, а потому не могла знать здешних порядков.

Но здесь Карра-Аррам поставила дочь Сидны в настоящий тупик.

Давненько не бывало того, чтобы она не могла хотя бы приблизительно понять ответ собственной мантики. Конечно, ответы бывают верными, бывают не очень, но здесь перед глазами явился настоящий вздор: Сео — Асалад-Саахри — Нахалахет-Таррур. «Да». «Данное обещание». «Падающая чаша».

«Эм... Пожалуй, доброчестная, но крайне расчётливая особа, разумная, со склонностью к... истерикам? Нет, не так. Я, наверное, всё же не так вопрошала, как мне теперь кажется. Это не её личность. Это её ситуация со мной. Да, она рассчитывала, что наймётся, имела здесь вполне определённые виды, полагая, что всё уже в кармане. А планы-то расстроились».

Но осталась неуверенность. Внутреннее чувство молчало.

— Как трактовать-то? — решила вытащить уточняющий знак.

Выпал Эмалви-Маим — «Львица духа». Родной знак всего сестринства Ашаи-Китрах.

— И всё же?

Нассарар-Саалхим. «Одежды лжи».

Миланэ сгребла в кучу знаки, глубоко вздохнула. Вдруг подумалось о том, что Карра не хочет с нею говорить.

— А ты хочешь мне отвечать?

Сео. «Да». Ответ прямее некуда.

— Кто я? — громко и вслух говорила Миланэ, словно лет десять назад, когда она только училась Карре.

Кто? Эмалви-Маим.

Идеально-издевательский ответ.

— Так что за личность эта Наамрая?.. — чуть ли не заклиная энграмму прорычала Миланэ.

— Сиятельная, — быстро распахнулась дверь и на пороге явилась Раттана с озабоченным видом, — я прознала об этом льве.

— И?

— Он был карточным игроком. Не работал. С преступным прошлым. Без семьи. Пил в последнее время. Весь квартал уже знает, что Ваалу-Миланэ, защищаясь, убила его. И все на нашей стороне!

Миланэ промолчала. Собрала знаки обратно в колоду, кроме вытянутого как раз в

тот момент, как зашла Раттана; дочь Сидны взглянула на него.

«Одежды лжи».

* *

Тансарр, из рода Сайстиллари, услышав лет десять назад, что он станет сенатором Империи, лишь бы рассмеялся в ответ. Этот взлёт по ступеням сложной лестницы общества Сунгов случился благодаря большой удаче, влиятельным знакомствам в среде купцов, латифундистов и цеховиков, а также супруге. Первая далась ему просто от рождения; вторые появились у него частично благодаря старым знакомствам отца, частично — благодаря уму самого Тансарра; третью он нашёл в магистрате родного города в провинции Хольц, куда двадцатилетняя Ксаала пришла по какому-то делу. Они разговорились ни о чём; Тансарра изумило то, сколь сильно Ксаала отличалась от местной толпы: у неё были вполне светские манеры, пристойный способ вести беседу, так что даже Тансарр устыдился первоначальной мысли, будто бы это простенькая торговка либо хозяйка лавки. Слово за слово, оказалось, что Ксаала издалика — из Найсагри — и приехала обосноваться; как она сама выразилась: «Начать жизнь сначала». Тансарр удивился такому обороту, поскольку Ксаала была совсем молода. Как бы в шутку он предложил ей бросить всё и поехать в Хас, город в Андари, куда направлялся по делам — брать огромный займ. Бросила. Поехала. Это быстрое, мимолётное, даже несерьёзно-авантюрное знакомство и привело их к супружеству.

Как оказалось, львица Тансарру досталась что надо.

У них родилось двое сыновей, с разницей в три года, по характеру — полные противоположности. Старший — практичен, смекалист, деловит и крайне самостоятелен; когда исполнилось девятнадцать, добровольно ушёл в Легату, и чтобы сын не попал на Восток, влиятельному отцу пришлось втайне похлопотать; вернувшись, старший сын попросил скромную сумму, собрал нехитрое добро и уплыл на юг, в Кафну — искать жизни. Он её вполне нашёл, разбогатев на поставках хлопка. Ни в чём не нуждаясь, он писал короткие, вежливо-формальные письма домой и отказался от всяких претензий на большое отцовское наследство в пользу младшего братца, Синги.

Тот же не слишком заботился о прозаичных жизненных делах. Главным его занятием было празднество по Марне в поисках приключений, развлечений и знакомств. Вольный слушатель в Марнском университете, захаживал туда раз в месяц для виду либо посвящая себя аж на целую неделю какому-нибудь курсу. У него наличествовала некоторая собственность — несколько общих домов, которые он сдавал в ренту, и кузнечный цех, хотя в кузнечном деле он не смыслил ничего. С этой собственностью, подаренной отцом на совершеннолетие, Синга безбедно жил в своём доме, в котором Синга почти всегда отсутствовал — всё свободное время, которого было полно, проводил у друзей, знакомых и знакомых знакомых. Круг знакомств — воистину впечатляющ; по большому числу, это были молодые особы патрицианского происхождения либо отпрыски богатых родителей. Но также он не боялся никаких двусмысленных и даже откровенно странных знакомств: его можно было заметить в компании рыночных актёров, бригадира грузчиков, непризнанных писателей, рыночных музыкантов, старой куртизанки и так далее. Всю эту публику он без зазрения приглашал к себе домой или веселился с нею в самых разных местах, порою удивительных и даже недостойных Сунга его происхождения.

Казалось бы, родители должны придти в ярость от такого поведения сына, отмахнуться от него. Но Синга всегда имел чувство границ: никогда не занимался дебошем и пресекал, насколько мог, попытки побуждать у других, друзей своих никому не навязывал; он никому не желал зла, не плёл интриг, не пускал сплетен (хотя знал их бесчисленное множество), был лёгок в общении, постоянно в добром настроении, лиричен. Он сочинял лёгкие стишки, чем забавлял львиц всех возрастов, неплохо рисовал, а также имел пристрастие к сложению сонетов; последнее увлечение Синга считал в некотором роде серьёзным, и читал их лишь самым близким друзьям.

Миланэ связала свою жизнь с необычным родом.

Но и сама он — далеко не проста и кристально ясна.

Ваалу-Миланэ-Белсарра, собравшись с духом и силами (кои растаяли от утреннего происшествия), облачилась как подобает и прибыла в дом патрона далеко после обеда. В доме не было никого, кроме Ксаалы и многочисленной прислуги; хозяйка хорошо встретила, провела в атриум, предложила еду с напитками. Около часа прошло в совершенно посторонних и непринужденных беседах, обычных для львиц.

Потом хозяйка приказала принести кое-что крепче хереса, и тому нашелся повод:

— Сегодня — праздник вступления нашего Императора в исполнение воли Ваала. Сколько уже прошло? Девять? Нет... Десять лет. Замечательная дата.

— Завсегда я не успеваю проследить за праздниками, — засмеялась Миланэ, — особенно если приезжаю в Марну.

Вообще, Ксаала оставляла не совсем обычное впечатление, даже двойственное. Она была львицей сосредоточенной души, умеющей волить — это чувствовалось. Миланэ видела, что та продолжает приглядываться к ней, старается нащупать её то сильные, то ли слабые стороны, то ли всё вместе; в воздухе витала своеобразная настороженность. Тем не менее, Миланэ решила, что знаются они между собой всего ничего, а потому небольшое напряжение вполне естественно.

— Может, вам возжечь огонь Ваала в доме?

— Сегодня не желаю тебя утруждать. Чувствуйся, будто дома, и не думай об остальном.

— Это совсем не утруждение для меня, но прямая обязанность.

— Служанки только вчера принесли огня из Дома Сестёр.

Затем пошёл разговор о Синге. Мать изъясилась чрезвычайную откровенность, прямо предупредив, что младший сын — плут-бездельник, известный своим беспутным образом жизни; поэтому Ваалу-Миланэ, находясь в его обществе, должна помнить об этом, и строго одёргивать, если почувствует необходимость; также она вовсе не обязана потакать любым его прихотям, в том числе тем самым, обычным для молодых львов; Миланэ вообще может не проводить свободное время в его компании, если посчитает нужным, так как некоторые привычки Синги могут бросить на неё тень, как на добрую Ашай-Китрах.

«Вот так-так», — только и подумала Миланэ, изрисовав в уме совсем другой образ Синги за все эти дни.

— Мне он показался приятным собеседником, — поторопилась сказать Миланэ, причём вовсе не соврамши.

— Не могу сказать, что он плохой. Нет, вовсе не плохой. Он не зол, не распутен. Просто... непутёв. А вот, лёгок на помине.

Широкий шаг, распахнутые объятия, улыбка.

— Здравствуй, мама. Миланэ! Вот кого я рад видеть!

— Ваалу-Миланэ! Сколько раз тебе говорила! — пригрозила мать.

— Ничего-ничего, мы уже перешли на «ты», — вежливо улыбнулась Миланэ, принимая его объятия; она была уверена, что это будут классические, осторожно-лёгкие объятия, принятые в патрицианской среде. Как бы не так. Аж плечо заболело.

— Мама, можно я украду нашу Ашаи и...

— Нельзя. У нас важный разговор, а потом ещё придёт отец, он имеет к сиятельной дела. Иди.

— Жаль, — безо всякого сожаления взмахнул он руками. — Мы ещё скоро увидимся, пока.

— Да хранит тебя Ваал, — кивнула ему Миланэ и посмотрела на Ксаалу. Только она села, как тут кое-что случилось.

— Что там ещё? — наострила уши Ксаала, увидев поверенного гонца своего мужа, который буквально ворвался в двери.

— Сир Тансарр желает справиться, всё ли хорошо у Ваалу-Миланэ-Белсарры.

— Да, вполне. А что за такая поспешность?

— Поступили сведения, что на сиятельную утром напали. Ей пришлось защищаться и убить обидчика. Сир Тансарр хочет знать, как себя чувствует Ваалу-Миланэ.

— Пусть лев передаст, что всё хорошо, нечего волноваться, — поспешила уверить дочь Сидны, поднявшись.

— Так что, собственно, произошло? Нунсий, а ну-ка объяснись, — изумлённо потребовала Ксаала.

Хоть совсем не хотелось, Миланэ начала пересказывать утренние события. Она поведала Ксаале примерно ту же полуправду, которую сочинила для стражей. Та слушала рассказ очень внимательно, лишь иногда чуть кивая; на её лице не проступило ни тени отвращения либо неприятия.

— Прискорбно, что так случилось. Но тому шакалу — поделом. Даже не стоит вспоминать о нём. Кстати, у тебя прислуга из дхаарок?

Закономерный вопрос. Следовало ожидать.

— Не хочу чтобы мне служили Сунги. Я сама служу Сунгам.

— Не всякий лев осмелится так защитить свою львицу, как ты защитила свою служанку.

— Так если львов нет — что делать?

— И то верно. Ашаи с душою воительницы.

— Ну нет, — усмехнулась Миланэ, — сколь говорит мой опыт, мне не нравятся войны.

— В самом деле? — необычно оживилась Ксаала, даже очень. — Не нравятся?

— Конечно нет. А разве есть те, кому они к душе?

— Конечно есть, — с бесконечной уверенностью отрезала Ксаала. — А о каком опыте ты упоминала?

— Не знаю, как объясниться... — с неохотой ответила Миланэ, качая головой, свершив соответствующий жест.

Хозяйка настаивала на продолжении темы, и Миланэ пришлось поведать, как она несколько лун провела во Втором Восточном Доминате. Снова оно, снова прошлое... Один день, одна ночь. Оно ввергало в глубочайшие размышления, трепет, дрожь души; никакие бури жизни не смогут смыть его.

«Ваал мой, “Снохождение”. “Снохождение”. Снохождение. Я в Марне ради

него... Все эти дни ведомы им. Что за рок? Кровь предков, чем я живу? К чему стремлюсь? Есть у меня кольцо Ваала на безымянном пальце, есть патрон, есть дом, есть родные, есть будущее, есть тёплое ожидание бесконечной вереницы жизненных радостей — никаких волнений! Но к чему стремилась та ученица Вестающих, что держала его у сердца? Почему меня влечет то, что привело её к смерти? Оно ли её привело к гибели? Снохождение?», — посмотрела Миланэ на открытое небо, заключённое в рамку атриума.

— Я вижу, что тебе, моя Ашаи, больно вспоминать.

— Не совсем так... Просто...

— Объяснений не требуется, — молвила Ксаала и хлопнула три раза в ладоши. — ещё вина сиятельной, быстрее.

— Нет, благодарю. Больше не надо.

Тут вдруг, постучав по полу, распорядитель дома объявил, что домой вернулся хозяин. Тансарр, бодрый, напористый и властный, в тоге сенатора, подошёл к ним. Он тепло поприветствовал Миланэ, провёл маленькую, совершенно ненужную беседу с женой (ради этикета — поняла Миланэ), и начал расспрашивать свою Ашаи рода о новом доме («Понравился?» — «Очень!») и об убийстве обидчика. Тансарр отметил, что слух разнесся очень быстро и восхитился её поступком.

— Истинная андарианка, истинная Сунга, — несколько раз сказал он.

Вскоре они пришли в его рабочую комнату. Она отметила, что окна в ней необычно маленькие, двери кованы железом, а ключ — размером с ладонь.

— Рад, что ты пришла ко мне перед Приятием. Знаю, что время перед ним весьма сложное, потому не хочу обременять. Правда, у меня есть много дел, с которыми ты можешь помочь прямо сейчас.

— Я готова, мой патрон.

Выяснилось, что Тансарр — крупный заимодатель; займы давал он далеко не случайным львам, а только старым патрицианским родам. Многие из них, несмотря на громкие имена рода, претерпевали весьма незавидное — по их меркам — денежное положение; зная тягу патрициев к роскоши и сорению деньгами, Тансарр, вместе с очень скромными процентами, получал лояльность и зависимость множества патрициев, которые своим влиянием могли в ответ помочь его делам. Всё было с займами хорошо; тем не менее, существовала загвоздка: у него до этого не было Ашаи рода, и патриции приходили на подписание договора займа со своими Ашаи (при договорах займа патриции традиционно приглашают для стампования только их: приглашение нотариуса — дурной тон). В среде высоких деловых кругов существует негласное «правило двух»: крупная сделка должна быть скреплена заверителями с обеих сторон. То бишь желательно иметь двух Ашаи-Китрах, с каждой стороны.

В целом, проблема могла полностью решиться приглашением любой сестры со стороны, которая за вполне разумную плату могла застамповать договор, но Тансарр, по какой-то причине, не желал к такому прибегать. На осторожный вопрос Миланэ, Тансарр расплывчато и весьма бегло объяснил, что просто не желал посвящать чужих — даже если это Ашаи — в свои дела.

Теперь им, а точнее, Миланэ, следовало заверить десятка два сделок, а ещё точнее — добавить свой стамп к уже существующему. Такая процедура вполне допускалась, но с непременным условием присутствия обеих сторон.

— Отличный повод познакомиться моих друзей с тобой, — так об этом сказал патрон.

Миланэ небеспопченно выразила сомнение в том, что она имеет право сейчас перезаверять такие сделки. Формально, стамп ученицы-дисциплины имеет почти такую же силу, как и сестры. Но каноны сестринства крайне не одобряли участие стампов дисциплин в больших сделках.

Тансарр как-то не учёл этого, и поэтому сидел, в раздумьи потирая прекрасно ухоженную гриву с проседью. Миланэ смахивала несуществующие пылинки с рукавов, попеременно то поднимая взгляд на патрона, то опуская. Лапа за лапу, по своей привычке (поза допустима для Ашаи-Китрах), соединив ладони крест-накрест, не смыкая пальцев (жест одобряется для Ашаи-Китрах); подбородок не опускать; хвост к лапе.

— Положение не тупиковое. Можно в каждом случае приглашать и тех Ашаи, что стамповали договор, — наконец предложила Миланэ.

— И что это даст? — поднял он взгляд.

— Я могу у них спрашивать разрешение на размещение своего штампа.

— Как у вас всё сложно, однако, — с неким сарказмом сказал Тансарр, усмехнувшись, но с таким вариантом вполне согласился.

Дело не ушло в долгий ящик: Тансарр, долго приглядываясь к списку, наконец повелел пригласить некоторых своих клиентов. И пока они шли, из большого сейфа вытянул листок жёлтой бумаги, протянул его дисциплине.

Некоторое время Миланэ рассматривала его. Что тут сказать? Список «перемещенного имущества из крепости Мвейл в лагерь Четвёртого легиона 12 дня 1-й Луны Вод 809 года Э. И.». Кратко объяснялось какой-то сестрою-Ашаи, что «настоящим заверяю, что нижеследующее имущество было перемещено вышеозначенным днём в целостности и сохранности». Подпись, стамп, дата.

— Что скажешь об этом документе?

— Я мало что в нём смыслю. Но кое-что могу поведать. Стамп настоящий, бывшей воспитанницы Криммау-Аммау, Приятие у неё состоялось в 796 году. Оттиск необычно бледный — вероятно, у неё кончилась киноварь. Писала бумагу одна особа, и вряд ли это была сама Ашаи. Эта же особа подписалась за саму Ашаи. Мало того, что подпись небрежна и неумела — а ученицы Криммау-Аммау тратят годы на каллиграфию — так ещё неверна. Одна из нас никогда не напишет номен без приставки «сестра» либо «старшая сестра». Такое впечатление, что некто составил этот документ, а Ашаи его лишь застамповала. Но никакая сестра не позволит за себя расписываться. Возможно, стамп украли... Но какое отношение к нашим делам имеет этот, позволю допустить, что фальшивый — список?

— Никакого. Кое-кто самым отвратительным образом проворовался, вот и всё.

Усевшись обратно, он впился в неё взглядом. Надолго.

— Ваалу-Миланэ, я хочу сказать вот что, — начал чеканить он, и Миланэ наострила уши. — У меня, точнее, у моей семьи... а если ещё точнее, то и у моих политических сторонников есть некоторые недоброжелатели, которым не нравятся некоторые мои — вполне честные, прошу заметить — взгляды. Я считаю своим долгом предупредить мою Ашаи рода об этой... особенности, и прошу быть внимательной. Держать уши настороже, выражаясь простым языком. Я был бы рад узнать от моей Ашаи о любых пересудах, слухах, странностях... возможных интригах... так далее. Скажем так, без этого в моей деятельности никуда.

Было очень заметно, с каким огромным тщанием Тансарр подбирает каждое слово.

— Как верно отметил сир, в жизни видной политической особы не может не быть врагов, да и просто оппонентов. Смею заверить, что я постараюсь защищать интересы моего патрона настолько, сколь в моих силах.

— Идёт. Мы друг друга поняли. Ещё здесь... и здесь, — торопливо закрыл тему Тансарр, протягивая ей закладные для изучения.

Дело у Тансарра очень быстро поспевало за словом: первый заёмщик пришёл где-то через полчаса. Это был лев с равнодушной мордой, с виду неприятный и скользкий тип лет сорока, тёмный. Он уже знал, что у Тансарра появилась Ашаи рода, потому без всяких возражений согласился прибавить новый stamp. Пришел он сам, потому Миланэ ничего не оставалось делать, как рискнуть и заверить закладной договор.

Второй заёмщик с порога начал восклицать:

— Святые предки, мой дорогой друг Тансарри, что такое? Земля перевернулась, молнии сошли с неба, мы пришли в Нахейм? Что случилось за эти дни, чего я не знаю? — подошёл он к её патрону и они поприветствовали друг друга по патрицианскому обычаю: обнялись, держась за локти.

— Мой дорогой друг, о чём ты говоришь? Я нашёл повод, чтобы познакомиться с моей Ашаи рода. Приглашаю к знакомству: Ваалу-Миланэ-Белсарра.

Миланэ пришлось самым приветственным и ласковым образом отвечать на нескончаемые лестные слова старого льва. Этот тоже пришёл без своей Ашаи, что заверяла сделку, поэтому снова пришлось взять на себя всю ответственность.

Третий пришёл, наконец, со своей Ашаи, сестрой лет тридцать, невероятно высокой львицей с зелёными, попросту изумрудными глазами. Бывшая воспитанница Сидны не могла отказать младшей сестрёнке:

— Я не против. Приятие через неделю. Уже Ашаи рода.

Четвертый был недоволен, как и его сестрина:

— Не даю согласия. Покуда видано? Вот будет Приятие, станет сестрой — тогда сколь угодно. Не вольно распоряжаться правами сестринства как вздумается...

Все эти обыденные хлопоты заняли уйму времени и сил.

Потом был поздний ужин с разговорами ни о чём. Миланэ возвратилась домой уже за полночь и мгновенно завалилась спать, еле успев раздеться.

Глава XVII

«Кажется, здесь».

Вывески нету, потому Миланэ несколько раз посмотрела на клочок бумажки, на котором был записан адрес, данный ей две недели назад в Сармане. Как назло, вокруг нет ни души, чтобы спросить.

Дисциплина вошла. Хлипкая дверь открылась необычно туго — оказалось, что мешал какой-то мешок, валявшийся на полу. Помещение представляло собою комнату шагов десять на десять, с низким потолком, тёмное; по трем стенам стояли ветхие книжные шкафы. Почти в центре находился высокий стол или низкая стойка — нечто среднее. На нём царил невообразимый хаос и лежал тёмный, бронзовый колокольчик.

Всё это казалось заброшенным.

Миланэ очень осторожно звякнула колокольчиком, в пыльной тишине звук выдался резким, неприятным.

— Иду, иду... — прорычал низкий, недовольный голос из глубин дверного проёма.

На свет выполз, не иначе, поседевший худощавый лев с длинной гривой, давно не видевшей ухода и ножниц; вид у него был чрезвычайно недовольный и заспанный.

— Прошу прощения... — поняла Миланэ, что она не вовремя.

— Такое случается со львами — они спят, — развёл руками лев. — На входе висела табличка: «Обед». А я в обед всегда сплю. Ночью вот спать не могу, а днём — пожалуйста.

— Не заметила, мои глубочайшие извинения. Если лев пожелает, я удалюсь до более удачного времени.

— Чего уж там. Разве будем ссориться? Не стоит. Слушаю, благороднейшая.

— Насколь я хорошо понимаю: лев — сир Хас?

— Точно так, к услугам маасси.

Хоть Миланэ и была при всех отличиях Ашаи-Китрах, лев почему-то обратился к ней по-светски. То ли стар, то ли слеп, то ли идёт на принцип.

— Я пришла ко льву по одному важному, личному делу. От сира Морниана из Сармана.

— Аааа... Морниан. Хм.

Миланэ протянула ему монетку, которую получила в Сармане. Без тени удивления и без всякого вопроса он спрятал её в карман, похоронив тайну её значения.

— Что ж, пошли.

Они спустились по крутым, жутко скрипящим ступеням в цокольный этаж; слабый свет пробивался из маленьких окошек вверху. Хас обернулся и вопросительно посмотрел на неё.

— Мне нужна книга «Снохождение». Малиэль. Лев слышал о такой?

— «Снохождение»? Малиэль?

Он молчал очень долго, ну очень. Но молчала и Миланэ, не теряя терпения.

— Как-то сложно припомнить... То вроде припоминаю... то вроде нет, — наконец, ответил он, делая замысловатые движения пальцами.

Но дочь Сидны оказалась подготовленной к такому повороту: храня тонкий нюх на алчные личности, она быстро вняла, какой манер разговора нужно принять в этом случае: прямой и деловой.

— Сколько это может стоить? — мягонько осведомилась она.

— Две сотни, — вмиг ответил он.

— Вот, пожалуйста.

— Прошу учесть, сиятельная, — поднял он коготь. — Не хочется обидеть, но должен предупредить: я старый, больной лев, доживающий годы. Конечно, можно отправить в холодные стены и меня, и Морни. Но пусть благородная поверит: нас всех за это можно упечь. Всех книжников.

— Клянусь кровью предков, что пришла без ножа в рукаве.

Почесав гриву, сир Хас сел на ящик:

— Я знаю мало об этой книге. Она у меня вроде была, но сейчас вроде нет. То ли 650-й год, то ли 640-й. Написана Ашаи-отступницей. Похожа на верборческие памфлеты Хольцианского кружка, перемешанные с какой-то фрагментарной мутью. Особой ценности в кругах коллекционеров не представляет. Книжка дрянная, в

смысле качества перепечатки. Подпольной, конечно.

— Сколько стоит узнать, где сейчас книга? Я хочу купить экземпляр. И я много могу потратить.

Он махнул рукой.

— Эта книга не стоит усилий и трат... Хранить её для коллекции нет большого смысла — она не имеет ценности, как объект книжного искусства. Как литература свободного духа она тоже слаба: есть значительно более мощные вещи, с которыми «Снохождение» и рядом не стояло. И это не только моё мнение, все знатоки подтвердят. В общем, обычная литература чёрного списка, второго сорта. Биография этой Малиэль самая заурядная, с душком безумия. Правда, слыхал, что есть подпольное издание хорошего качества, очень редкое.

— Хас пусть скажет: сколько? — потрясла Миланэ увесистым кошельком.

— Ээээхе... К чему катится мир! Ашаи-Китрах разыскивают абы какие чёрные книжонки за такие деньжищи. Не буду умножать зла в мире. Сейчас...

Миланэ закрыла глаза, глубоко выдохнула. Слова Хаса не произвели на неё никакого впечатления. Она не чувяла страха, не чувствовала того, что преступает черту всякой добропорядочности. Теперь у неё будут свои тайны. Это будет её злая мудрость. Она теперь на себе проверит, что стоят слова Малиэль, она теперь попытается вырваться из цепей мира.

«Цепи зла», — ниоткуда вспыхнула стрела слов в сознании.

— Вот, — Хас осторожно протянул ей невзрачную серую книжку, сдув пыль. — Но у меня есть вещи получше. Если вероборчество, так вдребезги! Взять вот «Вечная ученица». Или там «Цепи зла», — говорил он, и Миланэ вздрогнула от неожиданности. — Или «Трактат о смерти, душе и прочих глупостях». Сиятельная желает?

— Нет-нет... Не сейчас. Я могу выйти наверх и ознакомиться?

— Ладно. Для сиятельной — восемь сотен. Почти даром за такой риск, — намекнул Хас на немедленный расчёт, но Миланэ уже шла вверх по крутым ступеням. Ей не терпелось взглянуть.

Она подошла к окну, села за стол. Простой, изрядно потрёпанный временем твёрдый переплёт без всяких украс, только в правом верхнем уголке кто-то начертил две буквы: «Сн». Миланэ ожидала, что книга будет потолще, хорошо помня книгу в крови и в библиотеке. Верно, тонкая бумага и плотный набор сыграли свою роль.

Опершись плечом о стенку, Миланэ открыла книгу; вместо столь вошедшей в память титульной страницы увидела нечто очень странное и дурно-неприличное. Ах, клыки и когти! Что это?.. Это? Придерживая одной рукой страницу, другую Миланэ-ученица приложила к щеке, как всегда делала в большом удивлении. Она сощурилась и пригнулась поближе, потом даже придвинула книгу к самому краешку стола, чтобы получше рассмотреть нарисованное.

Там была изображена голая львица во весь рост, что обнимала руками плечи и жеманно запрокинула голову вверх-вбок; стиль вполне напоминал картинки на неприличных открытках; через страницу стало понятно, что это, должно быть, сама Малиэль:

Голые истины! Ничего, кроме ИСТИН!

Ничего такого она не видела во книге в крови.

Ладно. Перепечатники, а тем более нелегальные, любят побаловаться и пошутить.

Шутки, однако, с дурным вкусом.
Следующая страница.

Снохождение

*свободные ото лжи
опыты противлению вечному ОБМАНУ Сунгов*

«Проклятье, а где продолжение титула? Он неполон! Да ещё исковеркан». А слово «обман» было набрано значительно большими буквами, чем остальные. Миланэ не вытерпела и быстро пролистала книгу, придерживая страницы когтем большого пальца. Прочих иллюстраций не оказалось, хотя в оригинале их было немало.

Открыла на произвольной странице:

...когда-то я полагала, что можно довериться хоть одной сестре. Обман, обман! О, моя священная наивность!

Перевернула дальше. Дальше шли рецепты какого-то чудодейственного нарави, советы по обработке ибоги для того, чтобы «торкнуло сразу и наверняка», личные проклятья каким-то безвестным сёстрам и ещё невесть что. Правда, Миланэ узнала одну из глав — «Мысли, рожденные из моих снохождений», которая здесь почему-то не имела названия; также знакомыми выдались и некоторые описания виденного во снах.

Впрочем, дальше было хлеще:

...Естественно, что простая душа не получает никаких Даров Духа, ни Тайн — всё это бессмыслица для неё. Поэтому я предупреждаю всякую Настоящую Душу, что если она изучит эти писания, прочтет, исследует и поймёт их, то не должна относиться к ним, как ко внешнему, а должна сделать их предметом Размышления и Ощущений. Если некто стремится найти Истину, или Откровение, а тем более — во снах, то прежде всего должно определиться — с какой Целью Душа хочет познать эти Тайны...

...Желание, или Воля, есть проявление или манифестация единства, когда оно желает или волит себя. Воля — пробуждающееся желания. Таким образом, существует три вида сил во Вечном Единстве, то есть Единство представляет собой волю и желание самого себя: Наслаждение является острием Воли, и Вечной Радостью восприятия для неё, Настоящая Душа соткана из Могуущественных Поступков, и всё это сходится к одному — к небывалой Силе Снохождения, которое даёт нам Ключ для закрытия от мира...

...Я не буду больше упоминать об безумно узком и самодо-

вольном способе мышления Сунгов и, тем более, всех «правых» Ашаи-Китрах. Они понимают Ваала, как отражение своего «Я» в Духе, и больше ничего. «Я есть Сунга, я — Ваал», — кричат они. Несчастные. Ваал, или Мировой Дух, или придумай название — это Вечное, Непознаваемое, Бесконечное единство, которое показывает себя в себе, из Вечностей во Вечности, посредством всех нас, обладающих Духом, Сознанием и Разумом. И Знание этого Духа — единственная задача, достойная Настоящей Души, решаемая с помощью Снохождения...

Текст пестрел подобной труднопостижимой галиматьей — от чтения одной страницы начинала раскалываться голова. Впрочем, содержались и такие вещи, насчёт фальшивости которых Миланэ не обрела уверенности:

...Я к верборчеству отношусь лично, а вовсе не умозрительно. Я вывожу своё пристрастие к нему из личных несчастий — тех, в которых замешаны Ашаи-Китрах, да и все Сунги вообще. Меня не признали посреди этого рода, им не нужны мои склонности, я для них — выскочка, плохая львица, наследница бунта. Мне было отказано даже не в признании, а в простой возможности спокойно жить...

Было такое впечатление, что какой-то варвар, перековеркав текст на свой дикий лад, подставив сентенции большого или тёмного ума, выдал его за собственное творение. Некоторые пассажи выдались ей знакомыми; но даже под страхом казни Миланэ не смогла бы ответить, где она встречалась с подобным стилем.

Текст был фальшивым, без сомнений. Подделкой. Надувательством. Он не имел ничего сходного с тем самым «Снохождением», на которое она подспудно ждала столько времени, на встречу с которым хранила надежду. Дочь Сидны ощутила, что страшно хочется куда-то запустить эту ветхую фикцию в дешёвом переплёте. Или в кого-то. Она взъярилась, тем самым гневом, что всегда спал в ней, в милой, обходительной дисциплине сестринства Ашаи-Китрах. И только верная воля, привычная повиноваться хозяйке за столько лет, удержала её.

— Это — не настоящее «Снохождение».

— В каком роде ненастоящее? Что это значит?

— От «Снохождения» Малиэль Млиссарской здесь только название. Всё остальное — гнус. Лев пожелал меня обмануть?

Когда Миланэ в гневе, то это почти не заметно. Почти. Можно увидеть, как с каждым словом у неё чуть обнажаются клыки.

— Право, и в мыслях не... Так, львица погодит. Что с ним не так? — взял он брошенную на стол книгу, начал торопливо листать. — Какие, прошу заметить, дефекты? Да, она не в идеальном состоянии...

— Оно ненастоящее! Мне нужно настоящее!

— У меня есть лишь такое. И в других есть лишь такое.

— Каких других?

— А вот этого, пожалуй, не стану говорить. Вообще, наше общение кончено. Всего, львица соизволит, доброго.

— Оно должно быть иным!

— Должно. Не должно. Вот, деньги обратно. Чтобы не обвиняли в чём. А если придёт ко мне Надзор или ещё кто, так пусть приходят. Я уже своё доживаю.

— Я прошу прощения у льва... Не сдержалась. И всё же: разве это и есть... то самое... «Снохождение»?

— Естественно! — возмутился Хас до крайности, аж припрыгивая на месте. — Именно так и выглядит эта книга! Я же говорил: есть ещё хорошее издание, в лучшем переплёте. По содержанию они идентичны. Все перепечатки берутся с этого издания, — потряс он книженцией.

— Ваал мой, лев знает, как я могу взглянуть на иные образцы?

— Однако, как это в манерах Ашай-Китрах! Набрасываться на того, кто по твоей же просьбе, рискуя свободой, продает вероборческую литературу! Призывать Ваала в поисках таких книжек!

«У старика большой зуб на нас», — сделана уверенный вывод Миланэ. Что тут скажешь. В обществе Сунгов это не такая большая редкость. Но лишь очень немногие из них решаются открыто раскрыть свои взгляды.

— Не надо ничего возвращать, — отторгла она его несмелую ладонь, что протягивала деньги обратно. — Пусть сир скажет, куда стоит обратиться.

Жадность и гордость боролись в душе Хаса. Его глаза бегали, в руках он вертел непроданную книжку, доставившую сегодня столько неприятных хлопот. Это нужно было проснуться, потратить время и, наконец, узнать, что капризной Ашайке, видите ли, она не понравилась — что-то там *не так*. А что там может быть *так*? Чего она ждала от запрещённой литературы? Высокого качества печати? Правильных идей?

Расчетливость победила, и он быстро назвал два адреса; Миланэ попросила их записать, но Хас наотрез отказался, потому пришлось всё сделать самой.

Путешествие продолжилось. Миланэ пришла в ещё один книжный магазин; потом не постеснялась посетить дом книжного коллекционера на севере Марны. В первом ей очень вежливо отказали, притворившись, что ничего не знают о подобной книге. Она, конечно, чувствовала ложь эмпатией: хозяйка лавки врала так незатейливо, что и львёна уличила бы её в неискренности. Во втором доме приняли настолько хорошо, что Миланэ и мечтать не могла; пересказав этому коллекционеру — художнику, высокому льву аристократической внешности, очень холёному, надменному в облике — свои поиски «Снохождения» как возможно откровеннее, дочь Андари обрела его доверие. Естественно, множество деталей, а тем более случай с ученицей Вестающих, Миланэ опустила; тем не менее, она всё-таки рисковала, столь открываясь незнакомому льву. Но тому было не понаслышке ведомо стремление к искусству и книгам. Он пригласил к личные покои, распорядился подать угощение и вообще оказался очень учтив.

— Малоизвестное произведение. Хотя тираж его необычно большой, как для подпольной литературы. Мне известно, что «Снохождение» запрещено Надзором. Нонсенс с этой цензурой! За меня, свободного Сунга, патриция, давнего рода, решают, что мне вольно читать, а что — нет. Неприличие. Должен заметить: я учёный, а потому в некотором роде — большой скептик, в том числе и насчёт нашей веры. Меня мало волнуют её вопросы. Я не трогаю её, она не трогает меня. Молчаливый уговор, верно?

Миланэ ничего не ответила, и ровным тоном хозяин продолжил:

— Пожалуй, львице не терпится увидеть те книги. Один момент.

Вскоре он вернулся.

— Вот самый массовый тираж, — потряс в воздухе увесистым томом. — Насколько мне известно, существует около трёх сотен экземпляров. Согласно датировке, они были выпущены в 680 году. Но некоторые соображения позволяют заключить, что это не так. Моё предположение: тираж был выпущен не ранее 700 года. Ошибка или оплошность — очень сложно судить.

Аккуратно отставив эту книгу, взял другую.

— Этот тираж основан на тексте массового, — небрежно перелистал страницы. — У него качество значительно лучше, и для любителя книг он составляет значительно большую ценность. Около пятидесяти экземпляров... пятьдесят шесть, да.

— А на чём основан текст массового тиража? — Миланэ принялась листать том, любезно предоставленным этим замечательным львом. Она уже всерьёз обдумывала, как его стоит отблагодарить; неважно, будет ли результат — в любом случае ей был оказан отличный приём.

— Я слабо владею конкретной темой. По логике, на тексте оригинального. Но мне неизвестно, насколько он был объёмен, и дошли ли нас экземпляры вообще. Надзор — не сомневаюсь — пытался уничтожить все оригинальные экземпляры, по крайней мере, мне они никогда не встречались, о них я никогда не слышал. Несколько должны храниться в особых залах, как и остальное вероборчество. Тут уже львице виднее... — он аккуратно прочистил горло.

— У меня есть сведения, что этот массовый тираж — подделка, — подняла она взор, увидев в поданной книге всё то же самое, что и у Хаса.

— Маловероятно. Вообще, что львица имеет в виду под словом «подделка»?

— Текст намеренно искажен, причём очень сильно. Это совсем другое произведение, по своей сути.

Патриций сел напротив неё, заложив лапу за лапу, резким движением отбросив свой хвост.

— Не исключаю ничего в нашем мире. Но, рассуждая трезво, мне это кажется нереальным. Кому от этого прок? — это раз. Трудоемкость процесса — два. Высочайшая вероятность того, что обман будет вскрыт — три. Это вроде как наново переписать книгу, зная, что она всё равно будет читаться из-под полы в жалком количестве. Откуда у львицы сведения, осмелюсь поинтересоваться?

— Слухи... — по-самочьи уклончиво вильнула Миланэ, легонько поводя ушками.

— О, слухи в нашей среде — это нечто, — он театрально воздел руки к небу. — Книжники обожают их пускать, и пусть даже безупречная не спрашивает почему — есть масса причин. Если бы я внимал каждому из них! Ох... Советую огнепламенной не особо доверять всей этой болтовне...

Благодарности он не захотел никакой.

Снова она вернулась домой затемно: голодная, уставшая.

— Я волновалась, сиятельная. Столь поздний час!

— Сегодня я кое-что искала, Раттана, — на ходу расстегала пояс Миланэ.

— И что же, нашла сиятельная? — Раттана ставила на стол огромное блюдо.

Села.

— Нет, — медленно покачала головой. — Я вообще редко нахожу то, что хочу. Скажи, — подняла Миланэ взор, — ты часто достигала того, чего желала?

— Думаю, да, благородная.

— Серьёзно?

— Мне кажется, это немудрено.

— Даже так.

— Стоит размещать перед собой нечто видимое, достижимое. То, чего можно достичь. А там, глядишь, доберешься до невозможного. Не надо выдумывать, надо браться за то, в чём уверена.

Эти крайне нехитрые слова, сказанные дхааркой, почему-то успокоили Миланэ.

* *

— Библиотека Марны, Миланэ. Книги, книги, целые кучи книг! — смеялся Синга.

Он водил Миланэ по Марне. Вообще-то, она не очень любила бродить и рассматривать городские достопримечательности — однажды уже пришлось насытиться этим по полной; но Синга был весел, смешлив, ко всему относился с изрядной иронией, без тяжести. Вообще, он был хорош как собеседник и компаньон, его выгодно отличала лёгкость и непринуждённость в общении.

— Я была в ней, — отметила Миланэ.

Затем они покатались, поехав, куда глаза глядят; бродили по каким-то лавкам; как ни в чём не бывало зашли поесть к одному из многочисленных богатых друзей Синги; заглянули в Дом Сестёр, где Миланэ некоторое время объясняла значение фресок классического искусства Ашаи-Китрах; в общем, жгли время. Миланэ всё-таки решила побыть с ним до конца, чтобы, во-первых, не обижать ближайшего родственника патрона, и, во-вторых, до конца понять его как льва. Откровенно говоря, Синга не очень привлекал; он был именно из тех, кому суждено быть вечными «друзьями» самок, как бы им не хотелось иного. Ему же компания дочери Андари — и это было заметно — доставляла настоящее удовольствие.

Развезаться оказалось полезно: уже два дня она пребывала в неважном духе — подкосило то, что надежды снова встретить «Снохождение» оказались призрачными, и как выяснилось, они постоянно жили всё это время. В том, что показанные ей книги были фальшивкой — она не сомневалась. Но все размышления о том, кто, зачем и почему создал её, причём в таком масштабе, приводили в глухой тупик.

«Этой фальшивкой некто желал очернить имя Малиэль либо скрыть настоящий текст. Но это слишком даже для Надзора».

Миланэ улыбнулась Синге в ответ на его комплимент.

«Так... Но та ученица-Вестающая где-то разыскала настоящий экземпляр. Значит, его можно найти. А может, её убийство было подстроеным? Может, её убили из-за «Снохождения»? Раньше мне это не приходило в голову. Она где-то его достала... купила... украла... подарили... и её убили. Изощрённо, но возможно. Кто? Надо попробовать найти ответ в мантике. Свои же? Вестающие? Нет-нет... Это слишком. Но всё равно, допустим. Тогда всё сходится: ученица слишком увлеклась вероборчеством, её решили без скандала, даже с почестью, убрать вон. Что стоит направить на неправильный путь? Ничего. Её направили, она попала в лапы варварам, убийство. Какая чистая схема».

— А давай пойдём по этой улочке? — Синга не давал спокойно поразмыслить.

— Хорошо.

«Измумительно. Если допустить, что «Снохождение» столь опасно — а похоже, что так — то выходит, я хожу по лезвиям кинжалов. Но вот что интересно. Комментарии к нему я везла в куче других, я, простая дисциплина. Сёстры Сидны, как теперь

понятно, писали их по этому фальшивому тексту. Но в библиотеке Марны — настоящая книга! Подлинник! И на нём сверху валяются напрочь лживые комментарии. А всё почему? Да потому что сами сёстры Сидны верят в подлинность того фальшивого текста. Тогда кто знает о настоящем тексте? Известно кто. Вестающие. Ну, ещё я. Значит, Вестающие полагают, что в нём — огромная опасность. Почему?..»

Миланэ, как ни странно, очень помогало то, что она не сидит в тишине, а ходит с Сингой, вполуха слушая болтовню. Мысль неслась быстро, чётко, мгновенно. Всё становилось понятным, ясным, определённым; мрак непонимания отступал.

«Глупый вопрос — почему... Когда говоришь о сновидении, значит, сразу вспоминаешь Вестающих. И наоборот. Значит, там есть тайны, которые Вестающие не желают раскрывать. Возможно, там описан некий способ общения во снах...»

Вдруг Миланэ воскликнула:

— Так, постой.

— Что случилось? — участливо спросил Синга.

Что-то не сходилось. Катастрофически не сходилось.

— Эм... давай свернём-ка направо. Что за флаги на улице?..

— Это улица кондитеров. Они всегда вывешивают эмблемы цехов на флажках...

«Если там есть тайны для Вестающих, то какой смысл им убивать свою же ученицу ради них? Она была их ученицей — безусловно. Ей был отдан весь почёт — это тоже так. Значит, мои догадки не совсем верны. Точнее, вовсе неверны. Или её не убили нарочно, или не убили ради книги. Похоже, “Снохождение” не играет в смерти ученицы никакой роли... Да ясное дело! Убийцы первым делом, любой ценой, нашли бы его — и забрали. Очевидно. Улика! Значит, она в тот злосчастный день просто имела книгу при себе, не более... Значит, я снова пришла туда, откуда моя мысль отправилась в путь. Ну чудно!».

— Миланэ, есть предложение.

«Но один важный вывод можно сделать наверняка: ученица где-то достала настоящий текст. Значит, он существует».

— Внимаю.

— Я тут вспомнил, что сегодня у моего близкого друга Талсы будут небольшие посиделки. Соберутся только друзья.

«Ничего ты не вспомнил», — чуяла ложь Миланэ. — «Ты просто не решился сразу предложить».

— А кто там будет?

— Хорошая компания, уверяю. Сыновья-дочери самых известных родов Марны. Мы все хорошие друзья и отличные бездельники, — засмеялся Синга, и Миланэ улыбнулась в ответ. — Вполне уютная обстановка: нас будет шестеро, самое большее — семеро.

— Согласна. Только я не желала бы допоздна составлять компанию столь добрым Сунгам — третий день плохо сплю. Уверяю — дело лишь в моей усталости.

— Конечно, конечно, — смеялся Синга. — Мы чуть-чуть побудем. Самую малость.

Миланэ ещё раз взглянула на окна Марнской библиотеки.

* *

Двухэтажный дом с широким фасадом снаружи выглядел очень богато, даже

вычурно. У входа сидели красного мрамора псы с острыми мордами, а на массивном фронте, сверху, в застывшем танце покоилась Ахлиа, мифическая прама-терь всех Сунгов, чей культ ещё сохранился в лесной глуши запада Империи; находился дом вовсе не в центре Марны, где обычно селится знать, а в южном предместье. Синга объяснил, что совсем недалеко находится и его дом, поэтому-то здесь он — частый гость.

Их изысканно встретили служители-Сунги, обходительно препроводили в большую гостиную; скорее, даже не комнату, а залу. Изумило обилие зелени прямо внутри этой залы: здесь росли пальмы из Кафны, какие-то карликовые деревья, вились плющи и где-то в клетке пронзительно пела канарейка.

Потолок посередине был застеклён, прямо как купол стаамса Сидны.

— Синга! Друг! — пронзительно вскричал кто-то, да так, что Миланэ вздрогнула. Она даже не заметила эту далёкую компанию в дальнем углу.

Синга и лев обнялись, держась руками за локти друг друга.

— Что-как, Талси? — просторечно обратился к нему Синга.

— Да вот сидим, посиживаем. Эй, раз так, давай послушаем, это... Я пригласил флейтисток — вот такие! — сидят в гостевых комнатах, ждут.

— Не надо, у меня голова раскалывается, — раздался вялый голос.

— Не надо? И не надо. Пошли!

Миланэ последовала за Сингой и хозяином. Они подошли, и дочь Сидны ощутила на себе взгляды. Первой очень капризно спросила-поинтересовалась молодая особа:

— Сингушка, это кто с тобой?

— Ашаи моего рода, Эллазиши.

— О! Ашаи? — весь встрепетулся Талса-хозяин, словно только теперь её увидел.

— А да, та самая, которую взял твой отец? Какая приятная встреча. Талса.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, — ответила дочь Сидны, постеснявшись добавить «из рода Нарзай».

— Не сочти за труды, Миланиши, — мгновенно освоился с её номеном этот Талса-хозяин, да так непринуждённо, что она даже не обиделась, скорее напротив, — присоединяйся к нам. Ничего, если я буду избегать номена? Правда? Чего бы ты хотела, скажи, прошу?

— Пожалуй, мне досаждают крошечная жажда, — придумала Миланэ.

Ей ничего не хотелось на самом деле. Но стало любопытно.

В её расположение попала целая стопка ковров, огромная, широченная, высотой в колено. На таких же коврах возлегали, опираясь о горы подушек, и остальные участники компании. Все сидели, образовав большой круг, шагов в пять, не меньше. Слева от неё разместился Синга, будто у себя дома, перевернувшись на живот; далее на подушках, вытянув лапы, восседал Талса, радушный и крайне симпатичный молодой лев, свободный в манерах; далее, скромно поджав лапы, неподвижно восседала львица безумной красоты (умри от зависти любая) с благородными и грустными чертами, напоминая изваяние неведомого скульптора-гения; подле неё возлегала, закинув лапу на лапу, та самая капризная особа в очень дорогом и весьма безвкусном наряде, роста высокого и окраса золотосветлого; особняком сидел лев, который никак не вписывался в эту молодую компанию — лет сорока, тучный, заросший, с громадными золотыми перстнями на смешных пальцах, сопящий и лениво уплетающий куски мяса, и он был единственным, перед кем стоял крошечный столик с большой тарелкой; справа от Миланэ с хитро-блудливым взглядом, иронической

полуулыбкой и нагловатой мордашкой, подогнув под себя лапу, играя хвостом, сидел тёмный, молодой лев.

— Снова с отцом не успел поговорить, — вот так пожаловался Синга.

— У сенаторов сейчас много работы, — улыбался хозяин.

Толстый львище отряхнул пальцы и посмотрел на Миланэ, старательно жуя с полным ртом. Потом снова обратил внимание на пищу.

— Они с императором готовят новую войну, — добавил Талса.

— Я так не люблю, когда разговор заходит о Легате и войне. Ничего в этом не понимаю! Правда, Ланшан? — капризно-пошло тянула звуки эта Эллазиши (Эллази, да?).

— А? Да... — изваяние скульптора-гения отозвалось мягким, тихоньким, льнущим ввысь голосом.

Это безумно. Это поразительно.

Миланэ впервые в жизни почувствовала укус зависти, глядя на другую самку. Родись *такой* — и больше ничего не надо. Гениально. Безупречно. Катарсис.

— Мой отец постоянно говорит, что она несвоевременна, — Синга предложил своей Ашаи винограда, но та отказалась, покачав головкой.

— Не бывает своевременных войн, Синга, — снова улыбнулся хозяин. И сразу хлопнул в ладоши: — Флейтисток! Флейтисток сюда! — требовал он, махая кому-то руками позади Миланэ.

— Да не надо... — угрюмо отозвался толстый обжора, вытирая жирные пальцы о белоснежное полотенце.

— Да прям таки, — отозвался симпатичный-нагловатый, одновременно придвигаясь чуть ближе к Миланэ, с правой стороны. — Вспоминаю эти два года, как самые лучшие в жизни.

Синга посмотрел на него, выглядывая из-за плеча дочери Сидны:

— Какие два года?

— В Легате, — по-самцовому небрежно и саркастично ответил темногривец.

— Ай, Манутай, разве ты был на войне? — смешно округлила глаза Эллазиши-Эллази.

Толстяк засмеялся, аж ему крошки брызнули изо рта, вслед за ним хихикнул и Синга. Миланэ покосилась на него, потом обратила взор на черногривца.

— Вся моя жизнь — война, милая, — подмигнул тот капризной.

Безупречная красота, изваяние, робко взмахнула хвостом и вздохнула; прекрасные уголки рта опустились вниз.

— Всё, сладкие мои. Флейтистки уже идут, — объявил Талса, улёгшись поудобнее.

— О, твою мать, — застонал толстяк.

— Сир Сатарина, надо потерпеть чуть-чуть, — увещевал хозяин-Талса. — Отдыхать надо высоко, с приобщением к искусству. Мы ведь Сунги.

— Оооо, — сидел сир Сатарина с куском жареного мяса в руке, а потом в сердцах бросил его на тарелку. — Мы ведь Сунги.

Вошли три львицы в длинных, воздушно-струящихся белых платьях с мастерской драпировкой. Миланэ сопровождала их взглядом: как они совершили в унисон книксен для слушателей; как вместе уселись на небольшие креслица, вмиг принесённые многочисленной прислужгой; как изготовились к игре на своих флейтах. Всё делали то же самое, за исключением Ланшаны-красоты и Сатарины-жирдяя. Первая сидела в

своей печали, величественная и одновременно такая беззащитная; второй сидел с абсолютно дурацки открытым ртом, часто мигал глазами, облизывал губы, а потом и вовсе схватился за скулы в фарсовом отчаянии.

Миланэ услышала плавнотихие звуки: нечто незнакомое, но очень приятное. Она приготовилась, наострила уши, потому что слушать нужно внимательно — так требуется по нраву и этикету.

Но поведение остальных градировало от равнодушного до чудовищного; кроме Ланшаны, конечно — она тоже внимала. Талса восседал с чувством выполненного долга и улыбался чему-то своему, глядя в потолок; полулежащая Эллази подпирала щеку ладонью с выражением скуки; Синга, вроде как душа поэтичная, протягивал руки за виноградинами, но скрытно; Ману тыкал ножичком в яблоко; но самым большим чудовищем оказался, естественно, сир Сатарина. Он сидел, закрыв морду руками, иногда отрывал небольшой кусок мяса, запихивая в рот. Потом и вовсе свалился на спину, как таракан.

Казалось, все эти чудовищности проходят мимо флейтисток; не тут-то было:

— Великие охотницы, я так не могу! Вы даже не слушаете, и даже не притворяетесь, что слушаете! — в бесконечным возмущением сказала одна из них, прервавшись на самой коде.

Флейтистка встала и ушла. Установилась большая неловкость.

— Просим извинений, добрые Сунги, — сказали её подруги, переглянулись и торопливо ушли за обиженной.

Впечатлённая Миланэ долго не могла пошевелиться, но зато мог Талса: он развёл руками, глупо захохотал, а потом добавил:

— Конфуз! Сир Сатарина, кажется, мне известен виновник такой... такой вспышки характеров. Ца!

— Неприятности случаются, — отпил сир Сатарина из графинчика. — Каждый слушает, как умеет.

Эллази бросила в него яблоком, а потом ещё каким-то фруктом из тарелки.

— Противный, противный сир Сатарина! Ваал мой, как так можно?!

Всё кинутое в него тот аккуратно складывал в горку на свою тарелку.

— Так, давайте, о чём мы там говорили, — поднял руку. — Что ты говорил, Талса? О политике, да. Синга? Что отец занят, ты говорил? А, да, о войне. Во, давай Ману. Рассказывай о войне, Легате, всём таком.

— Что рассказывать, сир Сатарина?

— Ну я не знаю, вспомни какую-нибудь тупую легатскую историю. Давай, — шевелил Сатарина пальцами, словно щекотал невидимую львичку.

— Со мной не случалось тупых историй, — щёлкнул пальцами тёмномолодой львина.

— Да ну? — с острым удивлением посмотрел на него толстяк.

— Ну да.

— Какой однако редкий талант, — с талантливым драматизмом сжал кулаки сир Сатарина, сидя у своего алтаря обжорства. — С ним никогда не случалось тупых историй! — и все засмеялись, кроме Миланэ и безупречного изваяния с именем Ланшана; громче всех хохотал Талса, хлопая в ладоши.

То ли Ману, то ли Манутай сидел и улыбался-насмехался, но его улыбка потеряла уверенность, и в какой-то миг даже стала виноватой.

— Так, говоришь Синга, занят отец? Будет война, угум? — сказал сир Сатарина,

когда смех утих, и отпил прямо из графинчика, что стоял на мягкой подушке возле него, в опасном перекосе.

— Не будет, если её не допустить, — настойчиво отметил Синга.

— Добрый Ваал, да что мы начали болтать о скукотище! — Эллази без церемоний бросила подушкой в сира Сатарину, тот вяло отмахнулся. — Я сейчас сдохну с тоски. Пусть об этом рассуждают те, кто занимается всем этим... убивает... воюет. Или как там. Вот Ланшани, ты бы смогла убить курицу? Или цыплёнка?

Недостижимая опустила взор долу:

— Вряд ли...

Черногривец так засмеялся, что Миланэ аж вздрогнула.

— Что смеёшься, Ману?

— Ланшан, ты что правда не смогла бы убить цыплёнка? — махнул он рукой, словно рубил невидимую голову.

— Нет...

— Цыплёнка? — зашевелился сир Сатарина. — Сам ты цыплёнок. Ты ещё никого не убил в жизни. Рано тебе ещё смеяться.

— Да все мы здесь, сир Сатарина, мирного нрава. Кого мы могли когда-нибудь убить? И зачем? — неугомонно смеялся-улыбался радушный Талса.

— Да, это совершенно ни к чему, — поддержала Эллази, сладко-сладко зевнув. — Лучше заниматься любовью. Правда, Манутай?

Ману подмигнул ей, обнажив клыки.

— Откуда сир Сатарина может знать, что у кого было в жизни? Мало ли, может среди нас есть маньяк? Вот сир Сатарина, например, — указывал на него пальцем Синга, похохатывая и махая кубком во второй руке.

— Я-то? — удивился сир Сатарина. — Я могу знать. По глазам вижу.

Прокатились смешки: Тайназ, Ману, Эллази, впервые улыбнулась изваяние-Ланшани.

— То есть?

— У того, кто убивал, есть взгляд. Я знаю, как выглядит такой взгляд.

Эллази-Эллазиши — не поспорить — вполне красиво перевернулась на живот; наверное, подсмотрела приём у Ашай-Китрах. Есть такой переход из одной позы в другую.

— И как? Буууу! Ррррр, — состроила гримаску, обнажив зубки.

— Хотите знать? Да запросто. Сейчас всё скажу по вашим глазам.

— Сеанс ясновидения объявляю открытым! — засмеялся Талса и снова замахал прислужникам. Мол, несите, скорее там.

Сначала сир Сатарина указал коготепальцем на дурашливую Эллази; в дурачестве она, откровенно говоря, выглядела лучше, чем в этой спесивой капризности. В этом оскале ровненьких зубов и безобидно сощуренных глаз она запросто могла понравиться кому угодно.

— Неа. Хотя живой курице ты бы отгрызла голову.

— О, фу, Сатарина.

Потом коготь переместился на создание гения, Ланшани. Она с грустной улыбкой посмотрела на него, а потом вдруг взяла себе с тарелки большую грушку и аккуратно разрешила её посерединке маленьким ножичком.

— От такого взгляда распускаются цветы.

Посмотрев на Талсу, так вообще махнул рукой, и тот искренне захохотал.

Коготь уставился на Сингу.

— Ты, друг мой, не убивал.

— Спасибо, что сир меня прикрыл, — свойски подмигнул Синга — Я уж думал, меня разоблачат.

— Но, думаю, всё ещё впереди.

— Не сомневаюсь, — Синга подлил себе вина и сделал то же для Миланэ.

Дочь Сидны застыла с кубком у рта, когда палец Сатарины указал на неё:

— Вот, полюбуйте. Вот этот взгляд.

Пришлось кубок поставить на поднос, как пятёрка любопытных глаз уставились на неё. Миланэ почувствовала смятение; нет, не стыд, не страх, а нечто вроде печального чувства рока.

«Предки мои, да непрост этот дурацкий сир Сатарина», — эмпатия не дала себя обмануть.

— Какой взгляд, сир Сатарина, о Ваал великий? — занервничала Эллази.

— Взгляд воительницы, что знает смерть врага, — кивнул Сатарина, не глядя в глаза Ашаи.

Тут встал Талса, держа ладонь у сердца:

— Сиир Сатарина, не стоит пугать мою добрую гостью, тем более, что мы ещё хорошо не познакомились... — взмахивал хвостом, подошёл к Миланэ и легонько притронулся до плеча. — Умоляю простить, умоляю простить, тысяча извинений. Наш старый друг так шутит.

— Да, я стар, циничен и богат, потому могу говорить всё, что думаю, — откинулся он назад, страдая от пресыщенной икоты.

Талса подливал всем вина, все протягивали кубки; не отказала в принятии этой любезности и Миланэ.

— Думать, что такая прекрасная, сиятельная сестра Ашаи может кого-то убить — полная чушь. Какая нелепость. Правда, Ланшани? Правда, Эллазиши? — сновал Талса, а потом бросился обратно на ковры-подушки.

Те согласились.

— Угум, — и себе кивнул Сатарина, похлопывая по животу. — Правда, правда.

— Раз уж речь о знакомствах, то пора бы... — несмело начала Ланшана, глядя большеискренними глазами на дочь Сидны. — Сингаи, будь добр, поведай, как твой род узнал...

— Всё понял, всё понял, — поднял тот руки и закатал рукава. — Моё упущение. Но вы так мило беседовали, что не хотелось прерывать. Её зовут Ваалу-Миланэ-Белсарра, она из Сидны, дисциплина, у неё очень скоро будет Приятие, она из Андарии, у неё есть сестра, она — прекрасная Ашаи и превосходная львица. Познакомились мы на похоронах...

— Как интересно! А кто умер-то? — перебила Эллази, смешно и дурственно почёсывая локти.

— Дядя. Мой. Ну, вы его не знаете. Так вот...

— Надо же! А что, Ваалу-Миланэ тоже его знала? А как вы там разговорились?

— Она его сжигала на тофете, — взъерошил Синга гриву.

— Кого? — тупо удивился Ману-Тайназ.

— Дядю, — раздражённо ответил Синга.

— Надо же!

— И теперь она стала Ашаи нашего рода, чем мы очень гордимся. Она — из

Андарии, поэтому обязательно поддержит моего отца в том, чтобы не допустить новой войны на Востоке, к которой ещё никто не готов.

— Bravo, bravo, как мило! — умилилась чему-то Эллази.

— Да чушь. Варварам время от времени нужно перешибать хребет, чтобы они не вставали. Их нужно переламывать. Говорить: так и так. Заставлять. Властвовать. Это то, что делали наши предки. Это то, что будут делать наши потомки... — важно заметил Ману-Тайназ.

— Эй, молодёжь, хотите расскажу вам сказку?

— Да, да, сир Сатарина, да! — радостно заметалась Эллази, даже хвостом начала вертеть. Её платье, и без того с огромным вырезом на груди, ещё и сильно-сильно обнажило крепкое, хорошее бедро, из-за чего Манутай и Синга попали в невольный плен. Хотелось вроде бы смотреть в одну сторону, а их тянуло в другую.

— Везде, где только появляется Сунг, он начинает наводить свой порядок, ставить свою метку, — с преувеличенно-радостной, размеренной важностью начал он, и Миланэ сразу поняла: он бесподобный рассказчик. — Казалось бы, всякое живое существо приспосабливается к окружающему. Но Сунг... Сунг, он просто начинает жить как жил, с упорством, достойным лучшего применения, устанавливая свои и только свои порядки. Ничего чужого! Он втыкает своё знамя, и на другой день оно падает; он снова его поднимает утром; ночью оно снова падает; и так далее до бесконечности, пока местным попросту не надоест сбрасывать это знамя. Сунг везде носит свой мир, точнее, маленький мирок, в котором живёт; для него не существует остального, он просто не видит его. Только Сунг может прожить полжизни на чужой ему земле и не знать ни одного слова из местных языков. Посмотрите, кто окружает Империю: протектораты, доминаты, просто прогнувшиеся подхалимы и равнодушные к нашему равнодушию. Но у Империи нет соседей. Точно таких соседей, которые бывают в посёлках: с которыми живешь, дружишь, помогаешь, иногда бранишься — но проживаешь вместе жизнь, перенимая для себя полезное и любопытное.

— Сир предлагает перенимать нравы и культуры варваров? Это же варварство чистой воды, это нелепость, — заметил Талса, радостный.

— Варварство — отрицать возможную ценность иного взгляда на вещи мира, — засуетился сир Сатарина, позабыв о своём алтарчике обжорства. — Это самое несносное варварство, которое мне ведомо. Мы неспособны перенять некоторые интересности и диковины, мы не способны даже их осмыслить в том ключе, в котором они были рождены, задуманы; мы все видим через наши кривые зеркала. В этом отношении Сунги и есть самые большие глупцы и слепцы.

— Сир либо неудачно изъясняется, либо я чего-то не понимаю, — признался Талса, зевнув.

Сатарина махнул рукой.

— Я хотела бы услышать: о каких интересностях, диковинах речь? Какое нам дело до вещей и мыслей чужаков? Они забавны. Но они не ровня нам.

Это говорила Ланшана, с трагической серьёзностью.

Тот словно только и ждал подобного вопроса: тут же поднял палец с когтем вверх:

— Прошу всех проделать опыт, мысленный. Мысленный. Не надо никуда идти, не надо ничего делать. Пусть некто представит, что мы некогда встретимся с львиной общностью с таким уровнем развития строя общества, разума и духа, рядом с кото-

рым мы будем львятами. Что станет с нашей твёрдостью? Она начнёт ломаться, крошиться, как стекло; и бесчисленные осколки этого стекла так изранят души Сунгов, приведут их в такое потрясение основ, что они могут согнуться от ран. Когда мы поймем, что мы — не основа вселенной, а лишь частичка витража, то нас разобьёт вдребезги от этого нехитрого знания. Мы прямые, как стрела; видим только своё под носом. Это непростительно, даже несмотря на то, что наследие Сунгов величественно. Да тем более потому, что наследие Сунгов величественно.

Раздался хлопок в ладоши. Талса победно взирал на толстяка.

— Наконец-то сир Сатарина признал, что наши наследие и вера величественны. О чём мы столько спорили, да? Вот оно.

— Вера? Наша вера? Ваал? Она чрезвычайно нелепа. Это какой-то памятник самодурству и обману.

— О, Сатарина, нам сейчас будет конец. Здесь ведь Ашаи-Китрах! — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Талса.

Дочь Сидны кивнула

На самом деле, она вполне подготовлена к такому повороту; и только потому, что здесь не предполагается особо готовиться, ибо Ашаи не убеждают и не проповедуют. Зачем? Сестринство считает ниже своего достоинства кого-то убеждать, с чем-то бороться и слишком сильно брать глупости к сердцу. Но так-то в вопросе отношения к вероборчеству никогда не было равенства и однозначности. Огромное значение здесь имеет происхождение и положение. Например, для львов-львиц низших сословий, жителей мелких посёлков, чернорабочих и так далее всякие мысли против общего течения недопустимы. Для учёных, львов да львиц науки, индивидов с отличным образованием скептицизм и ирония по поводу веры Сунгов — почти норма, это ни для кого не секрет; тем не менее, этот скептицизм никогда не должен выходить за определённые рамки. Главное: чем ты образованнее, умнее и выше по социальному положению, тем больше у тебя прав на оспаривание вопросов веры либо же на вежливую форму неверия.

Правда, здесь вряд ли есть то, что можно назвать «вежливой формой».

Да ладно.

— Сейчас посмотрю, как наш любимый сир будет заниматься вероборчеством рядом с Ашаи. Как интересно! — потирала ладошки Эллази.

В разговор поспешил вмешаться Синга:

— И нашего любимого Сатарину заберёт Надзор. Нас заест тоска. Миланэ, пожалуйста, только не принимай его всерьёз, — он чуть склонился к ней с последними словами.

— Нет, не надо этого, меня можно принимать всерьёз. Нужно! Очень даже нужно, дорогой мой, сладкий Синга! — с почти рычанием, сталью в голосе, сказал ярый Сатарина, почти преображённый, глядя прямо на Сингу.

Все притихли.

— Я тебе не прачка, чтобы не принимать меня в расчёт! Я умею сделать так, чтобы меня слушали. Меня слушали сто воинов — так послушают и пятеро бездельников! Есть большая игра для всех нас, Сунгов, и великая хитрость всех Ашаи. Хитрость игры в том, что мы не строим свою веру на голой земле — прекрасную основу для нас самым тщательным образом подготовили... кто бы вы думали? Да, Ашаи-Китрах. Они пытаются доказать Сунгам и не только нам, что Ваал есть, он не чистая рациональная или иррациональная фикция, не трансценденция, но существует

как сумма, как максима всех наших душ. Они могут видеть Его, они могут показывать Его стражей. И все мы знаем, что стража существует, как и видение Ваала во снах, но интерпретация всех этих штук — совсем другой вопрос. Здесь великая хитрость Ашаи-Китрах: интерпретация равна доказательству. Она позволяет усомнившимся убедить. И только сильные духом и недоверчивые умы ставят всё под сомнение.

Все были уstraшены этим грозным тоном (кроме Миланэ), потому никто не решался сказать. Но вдруг сир Сатарина по-доброму рассмеялся, и все последовали его примеру (кроме Миланэ), обрадовавшись тому, что молния ударила далеко, а гром — ласков и негромок.

— А можно поменьше этих умных слов? — фыркнула Эллазиши, утираясь.

— Можно. Мне очень нравятся Ашаи-Китрах, — так заключил Сатарина.

Талса закачал головой, мол, старина-старина, парадокс на парадоксе.

— Как же так, Сатарина? Ты высмеивал нелепость нашей веры, а тут... — иронично заметил он.

— Но какую силу нужно иметь, чтобы влить эту нелепость в головы остальных? Никто не задумывался?

Похоже, всерьёз задумалась только Ланшана.

— Нелепости всегда хорошо вливаются в головы черни. А у нас чернь верит так, постольку-поскольку. По-настоящему верит лишь высокая кровь. Благородные роды. Значит, наша вера — не нелепость, — решил блеснуть Ману-Тайназ.

— О! Вот как! Какая стройность мышления! Даааа, в этих домах высокой крови, благородной крови, вы никогда не найдете сочувствие, участливость или отсутствие лицемерия. Каждый, у которого есть хоть сколь-нибудь чувство, сразу ощутит этот воздух фальши и церемоний. Ты говоришь, но никто тебя не выслушает. Самое страшное, что это властвует между всеми, даже между близкими родственниками. Все сидят смиренно, все сидят ровно, никаких шагов в сторону или навстречу, — Сатарина забрёл уже в такие дебри, что, наверное, уже сам был не рад.

— Прямо как наша Ашаи, да?

Сатарина посмотрел на Эллази и ничего не сказал. Продолжил говорить, глядя на Миланэ:

— Наша Ашаи? Она из тех, кто может сжечь весь мир и не устыдиться. А может умереть за него. Она похожа на тех сестёр, которых я видел ранее. Кстати, я уважаю сестринство, что бы кто ни думал... Поверьте, я могу себе позволить говорить, что хочу, и говорю — я уважаю Ашаи-Китрах, хотя иногда ненавижу. Так вот. Она хоть и похожа, но чуть отличается. Её хорошо иметь в друзьях. Но ещё лучше во врагах, потому что врага достойнее вам не найти. Она легка, но у неё алмазные когти.

— Обалдеть. Сир Сатарина, отличная сказка! — захлопала в ладоши Эллазиши, её примеру почему-то робко последовала скромная, но такая великолепная Ланшана.

— Всегда рад вас потешить, молодёжь, — осушил тот кубок.

— Тогда слушайте, я вам признаюсь, — переняла разговор Эллази. — Давайте устроим вечер признаний, а? А? Давайте я первая. Так вот, знаете, что самое крутое? Однажды я занялась любовью со львом, сжевав листья коки. Он и я. Мы их нажевали, как серны. Это было замечательно! Талса, теперь ты.

— А кто сказал, что мы начали играть? — состроил тот смешную морду.

— Пфффф, какие вы скушные, о позорище! — зарылась та мордашкой в подушку.

— Сначала хорошенько расслабимся, а уже потом начать играть в признавалки,

— что-то вытащил Талса, неведомо откуда, с коварнейшей улыбкой.

Первой всё поняла Эллазиши:

— Уииии! Талси, я тебя люблю, мой сладкий!

Затем поняли и все остальные, и Миланэ — тоже. Дамавеск. Сладкая смесь с мускатом и гашишем; удовольствие патрициев, дорогое, модно-популярное в последнее время, простое в употреблении — потому и привлекает — но совершенно неизящное. В среде Ашаи-Китрах пользуется почти что презрением. Талса представлял его взору страждущих на небольшом, серебряном блюде с забавной крышечкой; очевидно, оно служило только для дамавеска, потому что Миланэ не могла себе представить иного предназначения для такой посудинки.

— Эллазиши, будешь?

— Спрашиваешь.

Она взяла себе маленькой ложкой зеленоватой массы.

— Сир Сатарина? — учтиво подошёл к нему Талса.

— Не, не, не буду, полно... Ладно, уговорил, — хотя никто его и не уговаривал.

Ланшана молча взяла ложечку и так же молча приняла угощение.

— Синга?

Он как-то виновато поглядел на Ашаи своего рода, словно ища одобрения.

— Ну я... Пожалуй, давай, чего там. Миланэ? Ты?..

— Кстати, вы заметили, что Ваалу-Миланэ ещё не проронила ни слова? — с какой-то внезапной, острой подозрительностью сказала Эллазиши, чуть сощурившись, поигрывая ещё полной ложкой в ладони.

— Добрые Сунги, ну кто так поступает?.. — с великим укором молвила дисциплинара, и все затихли, наконец снова услышав её голос. Даже Сатарина внимал, ожидая справедливого гнева или какой-нибудь вспышки поучений. — Кто так обходится с внереальностью? Мы так мило беседуем, а гашиш — это тяжёлая поступь, а вы её ещё мешаете с сахаром и сладостями; но вот опиум — светотень, это — лёгкость. Дым. Ваал мой, зачем вам эта подделка, камень на шею? Талса, раз у тебя есть дамавеск, то могу предположить, что найдётся и опиум?

Тот ничего не ответил, но лишь три раза яростно хлопнул в ладоши. Мигом влетела прислужница, он широким жестом подозвал её к себе и что-то громко зашептал на ухо. Та кивнула два раза и спешно удалилась.

Все сидели, молчали. Только Сатарина, покусывая нижнюю губу, забавно зыркал на всех. Зырк. Зырк. Потом с чудовищно комичной осторожностью взял себе перепелиное яйцо и начал кушать.

Всем пришлось слушать, как он чавкает.

Тут Миланэ встала, сопровождаемая взглядами; все посчитали, что она то ли решила удалиться, то ли выражает недовольство, но на самом деле дисциплинара просто встала навстречу служанке и приняла от той большой поднос, на котором были две тонкодлинные, деревянные трубки и курильницу на вычурных ножках; чуть подумав, Миланэ прихватила ножичек, которым предполагалось резать фрукты.

— Вот. Всё для сиятельной, — подошёл к ней хозяин.

— Лучше, чем можно мечтать. У тебя всё есть, — Миланэ сама отнесла это к столу и открыла курильницу, где увидела очень даже солидный запас добротного, тёмного экстракционного опия.

— Но разве можно мешать опий с гашей? Шоколад в карамели получается, — подошёл Ману, скрестив руки. — Животик заболит.

— Не заболит. Вы все будете опиум. Отставьте ложки, — ответила дочь Сидны.

— Я могу всё устроить, я... — попытался было распорядиться Талса, но Миланэ даже не посмотрела на него; она как раз пересыпала опиий на кончике ножа на маленькую, приспособленную ею тарелку.

— Не стоит утруждаться. Ашаи всё сделает сама. На то она и служит Сунгам.

Ману-Тайназ, почесав гриву, отошёл к остальным, залихватски подмигнув.

— Если честно, у меня никогда нормально через трубку не получалось. Мы его так, на иголке, это самое... — зашептал дисциплире хозяин. — Некрасиво. А дамавеска скушал, и всё.

— А теперь всё получится, Талса. И не кушай дамавеск, это — дурной тон.

— Как прикажешь, сиятельная, — улыбался он во все тридцать.

Экстракционный опиий нуждается в хорошем гранулировании, но для курения нельзя его превращать в пыль или мелкий порошок — это знает каждая дисциплира, хоть скольнибудь знающая фармацию. В том-то причина многих неудач при отдыхе с ним; в форме порошка он сгорает слишком интенсивно, и вместо ласковых объятий получается удар по морде. Здесь ещё много тонкостей. Помельчённые гранулы — а Миланэ сейчас и занимается их созданием — надо хорошо зажечь и раскурить, иначе ничего не выйдет...

Все пытливо глядели, как она ловко раскуривает трубку, резко выдыхая неверный начальный дым; она так же, молча, глядела на них. Она видит их плохо, она занята тем, чтобы начальный дым — самый тяжёлый и малопрятный — не попал в лёгкие.

— А другую, может так быстрее буд... — не знал покоя Талса.

— Шшшш... — приложила она палец ко рту.

Готово.

Сперва она подошла к Синге, как самому родному из присутствующих, а не к хозяину. Подошла необычно, сзади; он было попробовал обернуться (что выдало его неопытность — среди настоящих любителей он не бывал, ибо где есть настоящие любители, так среди них обязательно будет какая-нибудь Ашаи, а они уж знают толк в сей церемонии), но она нежно не дала этого сделать.

— Пей, душа, из фонтана внереальности, — так принято говорить, если кого-то угощаешь. Вообще, фраз есть очень много, на всякие случаи жизни: для старших, для младших, для равных, для любовников, для патрона — для кого угодно. — Затягивайся. Сильнее. Не бойся... Ещё, ещё, — запустила пальцы левой руки ему в гриву. — Медленно отпускай... Хороший, хороший.

Оставила его, пошла дальше.

— Пади, душа, в плен моря покоя, — подошла сзади к хозяину-Талсе.

Талса оказался поопытнее и расторопнее; от её прикосновений вздрогнул, Миланэ поняла, что эмпатия её раньше не подвела — Талса сильно симпатизирует ей.

— Сойди, душа, во дно тёмных вод, — это к Ману.

Мельком взглянула на Сингу. Тому уже было хорошо: он сильно закрыл глаза и невидяще уставился в небо.

С Манутаем всё чуть осложнилось: он совсем потерял голову от всех чар и попытался хитростью поцеловать дисциплиру, по сильнее прижав её руку к своему плечу; но Миланэ, львица, смогла улизнуть, как это делали её неисчислимые предковницы, избегая нежеланных притязаний.

Эллази-Эллазиши. С самками всё чуть иначе, к ним подходишь не сзади, а спереди, садясь на колени. При этом принято брать левую ладонью кончик собствен-

ного хвоста, и то же делает твоя подруга; так вы сплетаете пальцы своих ладоней, а вместе с тем — сплетаете и хвосты, символ вечного единения-сестринства всех львиц Сунгов, а может — и львиц мира. Эллази оказалась хорошо знакомою с этими ритуалами-жестами-движениями, а потому экзерсисы Миланэ не были встречены удивлённым взглядом, только Эллази пришлось придвинуться — хвостик у неё оказался коротковат; наверное, это было её уязвимым местом, слабостью, тщательно скрываемым недостатком, ибо она так поглядела на Миланэ, что... ай ладно.

— Открой, душа, свои вечные пропасти.

Остались Сатарина и Ланшана. Лучше начинать с противного, а закусывать сладким, поэтому Миланэ выбрала первого. На удивление, тот не делал никаких лишних движений, не говорил глупостей, и вообще молчал, всё приняв как данность и не пытаясь сострить-выдумать.

— Закрой, душа, свои тленные непокойства.

Он устало кивнул, его уши поникли.

Дисциплина встретилась взглядом с прекрасной львицею; она села против неё, Ланшана охотно сплела свою ладонь и хвост, безропотно приняв всё, что ей предложила Миланэ, и она ощущала её тёплую ладонь и шелковистый кончик хвоста этой светлой львицы безупречной грации.

— Прими, душа, аааа... — прервалась Миланэ, ибо её прервала Ланшана, прервала тем, что случается только между близкими, прервала интимным образом, выдохнув на неё, и Миланэ мгновенно приняла это приглашение, принимая воздух жизни и огонь внереальности от львицы-изваяния, закрыв глаза и сомкнувшись с нею устами в почти-поцелуе...

Миланэ оглядела всё то, что натворила. Вот так посиделка, которая хотела окончиться всеобщим тупым окочением от дамавеска, превратилась в нечто... в какое-то действие... ритуал. Даже тайну, полутьму. Вот что творят Ашаи, сердца бессердечного мира, приносящие светотьму миру Сунгов.

Ох, какие острые светотени, тёплые волны, тёплые цвета.

Лишь мощнейшим усилием воли Миланэ подавила в себе желание угнаться за всеми; и она осталась бы здесь, со всеми этими славными Сунгами, если бы не зов.

Зов уйти отсюда и побыть одной.

Глава XVIII

Миланэ, дисциплина Ашаи-Китрах, бесцельно шла по улицам глубоконочной Марны; она ранее не верила, что можно уйти куда глаза глядят, не задумываясь о пути. Но сейчас судьба-насмешница со всей силой показала, сколь она заблуждалась в своём неверии.

Изначала хотела вернуться домой (снова устала! снова поздно!), но поняла: она ещё не привыкла, что в Марне есть её дом, что вернётся «домой» в полном смысле слова. Нет, она просто придёт на ночлег и отдых, но не «домой». Но не этим взволнована, не это стосковало. Миланэ вообще не могла сказать, грустно ли ей или нет, плохо или нет. Было никак; она словно заблудилась в этом мраке, хотя огни нередки, иногда даже попадались прохожие, друг на друга похожие. Ей желалось одного — самого полного уединения, крошечного одиночества. Вся душа соткана из нитей

большого-большого сомнения, но не определённого, а так — вселенского: есть мир — и есть, но непонятно; она — Ашаи, да, но непонятно; смыслы и цели в жизни очерчены, да — но непонятно. Всё-всё-всё — непонятно, загадочно, тайно, неизвестно, туманно, мрачно, исстелено по тихой земле. И в эти великие нити вплетены грусти, печали, стоскования и утраты — все, что были прожиты ею в двадцать четыре года (много? мало? ничтожно?).

Мир оказался столь отдалённым, ирреальным, что к нему не было никакой страсти, никакой особой мысли, не было бытия здесь-и-сейчас, хотя дочь мира тёплой крови, казалось бы, должна хорошо ощущать его ушами, глазами, нюхом, телом. Ваалу-Миланэ-Белсарра как-то уверилась, что её стройные лапы, привычные к путям, идут сами, а она лишь наблюдает за собою. Не хотелось отвечать на свои же вопросы, не хотелось искать выходов и троп — лишь плыть, плыть, плыть вне времени, вне пространств и миражей.

Утрата, великая утрата. Всё есть, но чего-то не хватает. Чувство того, что нужно бросаться в поиск, вовсе не приближало к миру, ко всему жизненно-практичному, а вовсе наоборот... И оттого, что Миланэ даже не могла понять, чего и как ей надо, за чем и кем она стосковалась, стало казаться, что весь её мир — выдумка злого разума, точнее, неразумия, чей-то фантазм: собственный или ещё чей...

«Тиамат. Тиамат... Какое ж это слово... В нём всё, и в нём — ничего. Я плыву среди волн Тиамата. Я — дочь Тиамата. Я есть сам Тиамат. Я есть. Я есть».

Я есть, я существую. Вдруг это признание пробудило её душу; она, взволновавшись, возвратилась в мир, в котором ей было суждено родиться, но совсем не обычно, нет; всё вокруг предстало сновидным, чуть нестройным, в лёгкой дымке, почти ненастоящим или почти настоящим. Миланиши вняла, совершенно бесстрастно, простейшей правде: прогулка по родному миру ничем не отличается от блужданий в снохождениях; всё то же, всё то же по глубочайшей сути, что бы кто не говорил, что бы кто не придумывал, как бы себя не бил в грудь, не убеждал.

«Я не принимала опиума», — холодно сверкнул её разум в углу сознания. — «Но его дым мог воздействовать. Ланшана, что же ты совершила со мною...»

Падали капли с крыш, сыро и холодно ударяясь о брусчатку. Чуть ветрено, чуть зябко; небо — тёмное, улицы — молчаливые.

«Но раз так, и мне приходится блуждать по своему миру, словно по снам, тогда пусть. Я — сновидица», — молвила себе Миланэ. И как только это было осознанно, принято, то неистощимая сила её духа, внимания, её намерения начинала пробуждаться. Она словно снова вживую вернулась к окружающему бытию, но немного по-иному, чем обычно; да что говорить, совсем иначе. Появилось вокруг множество загадочных, тайных вещей; казалось, можно увидеть столь многое, недоступное ранее. Повсюду шевелились тени, свет стал ярче, тьма — темнее, небо так вообще вселяло страх; уши слышали шорох каждого камешка от шагов, а по спине и меж ушей проходили мучительные волны не то озноба, не то колючей воды, хорошо знакомые каждой дисциплине по практике аумлана.

«Явись луна — тогда конец», — почему-то подумалось Миланэ, и воспоминание о луне вообще ввергло её во высочайшее беспокойство духа. Вмиг волны по спине и затылку перенесли на всё тело и даже, казалось, вне его, стали невыносимы; в ушах начал нарастать звенящий гул, Миланэ перестала понимать: идёт она, стоит, сидит или лежит навзничь.

Она всегда была не из трусливых. Пугливость и отсутствие стойкости были для

неё вообще нижайшими пороками. На пути Ашай-Китрах ей не раз довелось удушить свои страхи, проявлять неустрашимость и дух. Но здесь...

...ей показалось, что это — всё. Какой бы ни был, но конец. Неизвестно, что случилось, неизвестно почему. Вспышка перед глазами — если можно ещё говорить о зрении — и Миланэ очутилась в некоей серости. Она посмотрела вокруг, обернулась, вдруг ощутив, что вся создана из огня, а за нею, при каждом повороте, увивается огненный шлейф, как хвост. Вокруг неё был город, но совершенно диковинный, будто сделанный из камня; дикие, странные пропорции окон и дверей, которые зияли в них чёрными дырами; сероватый туман; то тут, то там из земли торчали камни, на которых чуть белесоватым светом переливались всякие символы. Была и река, но уродливая и маленькая. Миланэ очутилась далеко от каждого из камней, но понимала безмолвным знанием, что смысл надписей можно определённо «понять», приблизившись. Она задержала взгляд на одном из них, и вдруг очутилась подле (что обычно для сновидений); но перемещение не оказалось истинно мгновенным, нет, оно было свершено с неким усилием. Символы, начертанные на камне, выдались совершенно неизвестными. Тем не менее, Миланэ вполне уловила смысл. Гласилось:

Настоящее намерение освободит от зачарованного взгляда

Слова непонятны, но лишь внешне. Она понимала их вовсе не словесно, не вербально, не мыслью сознания; проняло совершенно иное понимание, такое же естественное и бессловесное, как понимание боли, жара или чувства любви. Вдруг всё вокруг взволновалось, помутнело, потемнело, потом свистящий рёв — и Миланэ очутилась в ином месте.

Вдруг оказалось, что она глядит на обычную вывеску марнского магазинчика:

Прекрасные сладости очаруют вас! Кондитерская трёх сестёр

Она было протянула к ней руку, словно за помощью, будто бы эта частица её родного мирка могла помочь, избавить от великого бремени сновидицы. Но вывеска растаяла, расплылась, и душа Миланэ снова вверглась в пропасть темноты.

Можно сказать, что прошла вечность, можно ответить, что незаметный миг — без разницы. Тысячелетний сон и сон длиною в час ничем не отличить. Сознание Миланэ снова зажглось, обрело себя и понимание окружающего; обнаружилось, что она, крошечная, стоит среди чёрной пустыни. Чувствовалось, что здесь нету ни души — этот мир тоскливо пуст. Здесь лежали только камни, похожие на застывшую лаву, низкое, давящее небо (если это вообще можно назвать небом); мелькали красные и бурые огоньки. Мир этот был неприятен, противен, из него желалось поскорей вырваться; он пугал и навязывался своей тоской. Миланэ не стала по нему путешествовать, хотя чувствовала, что может, и её воля приказала самой себе убираться отсюда; она помнила, что лучше всего в таких случаях устремляться душой вверх, сосредотачивая всё внимание на точке меж ушами.

Рев был вне всяких воображимых пределов. Сознание в этот миг рассыпалось в сверкающей, стремительной тьме на мириады частиц, и каждая из них тоже была ею, той, кто звалась в одном из миров «Миланэ». Медленно, как-то нехотя, эти частицы снова собрались вместе, и когда это случилось, Миланэ осознала в...

...меньше всего слова её мира подходили для того, чтобы описать, что именно предстало перед нею.

Нету ни верха, ни низа. Можно сказать, что Миланэ очутилась в облаке — сверкающем, белейшем; звенящие чистота и лёгкость. Отовсюду доносился легчайший, но явственный звук; Миланэ могла бы сказать, что больше всего он похож на много-сотенный хор львиц-дисциплиар, что взяли одну ноту; надо сказать, Миланэ вполне помнила о себе, и о том, кто она, даже слишком хорошо помнила, с безупречно чистотой. Она понимала, что её тело сейчас сидит или даже лежит на грязной мостовой (кошмар...), а она — здесь. Одна часть там, другая — тут.

Миланэ осмыслила, что может ходить; обернувшись, обнаружила, что оставляет горячие, алые следы. Они крайне заинтересовали, но времени любоваться не было: ощутилось присутствие. Приближалась львица, очень высокая, вся в белом, такой красоты, которую бессмысленно описывать; длинный-длинный хвост вызывал волнения в здешнем белом тумане. Она улыбалась, приближаясь к Миланэ; но её улыбка была безличной, словно она приветствовала весь львиный род, а не только дочь Сидны. Если бы в мир снизошла Ахлиа, мать всех Сунгов, то она бы явилась именно такой, не иначе. И Миланэ ощутила почти неудержимое желание пасть ниц и поверить чему-то, во что-то, во что угодно, неважно, лишь бы открылась последняя истина, окончательная, *настоящая*. Почти, потому что остаток воли удерживал; и поэтому Миланэ ждала.

«Чего тебе здесь, Сунга?», — смотрела призрачная львица сверху вниз.

«Я знать хочу, как всё на самом деле».

«Знать, как на самом деле? Ты — Ашаи-Китрах, у тебя есть все ответы».

«Неправда — у меня их нет».

«Здесь нет слова “неправда”!», — зарычала львица, и вместо глаз у неё явилась пустота. — «Ярая дисциплиара! Не быть тебе сестрой! Плохая, плохая, злая-злая-злая!».

Миланэ отвернулась от неё прочь в бесконечном смятении. Она почувствовала великую усталость, даже истощение. Воить было сложно, почти невозможно.

Львица белого мира вдруг исчезла.

«Тихо, тихонько. Домой, домой. К обыденному, к знакомому», — такая бесформенная мысль одержала верх в её сознании. Медленно, верно белый мир начал исчезать прочь. Но казалось, намерение не желает возвращать домой, в этот столь знакомый мир Сунгов, Марны, Ашаи-Китрах; её сознание мучительно, безвольно швыряло в сонме видений, и казалось, что самое ужасное сумасшествие ничто по сравнению с этим; но мало-помалу безумные, мучительные, бесконтрольные качели души утихали, а воля начинала возвращаться. В один миг обнаружилось, что она, то бишь её тело в этом мире, держится за железный поручень моста, присев на одно колено. Эта ясная, вполне определённая картина дала основу, укрепила её, почти так же, как взгляд на собственные руки укрепляет внимание в сновидении.

Мостовая, фонарь, скамейка, дом. Второй дом. Ещё раз скамейка. Ощущая, что она дома, в своём мире тёплой крови, Миланэ возрадовалась. Волны по телу начали утихать, шум в ушах почти ушёл, всё ставало на места.

Меньше всего следует ожидать, что Миланэ очутилась в бреду. Она хорошо знала бред и многие состояния после всяких веществ, но всё это ничуть не похоже. Всё это время у неё хранилась ясность сознания, иногда оно было сверхострым, неким своим, особенным, совершенно безличным; если бы она не находилась на улицах Марны,

под открытым ночным небом, то вполне бы уверенно ответила, что сновидит, только сильнее и страшнее, чем обычно. Впрочем, теперь каждое её сновидение ставало всё более... реальным.

Встав ровно, она глубоко вздохнула.

Всё. Всё кончено, непонятное ушло прочь, оставив дочь Сунгов в покое. Вздохнув, Миланэ оглянулась вокруг, понимая, что даже в такой поздний час некто может ходить по улицам и застать её во весьма двусмысленном положении; ведь она совершенно не помнила, как здесь очутилась, как именно добралась сюда, и при этом вряд ли соблюдалась верная осанка, походка и общий вид; более того, некто вполне вправе посчитать, что она сильно пьяна или вообще не в себе, а это неподходящим образом может сказаться на репутации, репутации сестринства, Сидны, Тансарра, всех молодых львиц и так далее-прочее.

И она взглянула вниз, чтобы оценить — не замаралась ли, но тут случилось непредвиденное, ужасное и вместе с тем прекрасное одновременно. Её увлекла тёмная-тёмная поверхность вод реки под Сафским мостом; воды играли, переливались яркими малахитовыми всполохами, отчего-то отражая больше света, чем вокруг. Вода стала маслянистой, волнующей, пугающей и неимоверно притягательной.

Вмиг отбросив все рассуждения прочь, душа Миланэ восхитилась зрелищем; руки сами опёрлись об ограду моста, а всё тело прислонилось к ней.

«Это ведь воды Тиамата, о кровь моя...», — схватила мысль, и сразу, снова прокатилась мощнейшая волна уже столь знакомого озноба. — «Ткань мира передо мной».

Миланэ ощутила, как сама становится водой, растекаясь, не чувствуя под собой земли и лап. Стало всё равно, что есть и что станет. Объяло полнейшее равнодушие к себе и собственной судьбе; львица духа помнила, что её зовут «Миланэ», и что она стоит среди ночи на мосту, но насколько это больше не заботило, потому что забот больше не существовало, кроме одной — встретиться с тканью мира, которая блистала перед нею. И воды Тиамата словно услышали, словно поняли её, словно приняли её, сновидицу; изумрудный туман взвился вокруг неё, безумно красив, тонок, искрист. И — самое главное — он сулил нечто, обещал, он манил; новые миры, новые бесконечности — он обещал что угодно, что лишь можно измыслить.

«Прильну, меня унесёт», — устремила Миланэ к холодно текущим водам.

* *

«Холодно», — первая мысль.

Во рту мерзейший привкус: смесь тины и затхлого. Потом очень быстро возвратились остальные телесные ощущения, и Миланэ с ужасом обнаружила, что её окружает нечто холодное, мокрое, вокруг темнота; и — самое страшное — её кто-то куда-то властно тащит. Она попробовала повернуть голову, но это оказалось нелегко, потому что некто держал за шею и горло.

— Пусти! — попыталась сказать, но вместо этого вышел сдавленный хрип, а потом она так мучительно кашлянула, что заболело в спине.

— Давай её сюда, давай, — кряхтел голос какого-то старика.

— Подержи за плечи... не так... фу... — сильно выдохнул незнакомый.

Миланэ казалось, что она очень пьяна и уставша одновременно. Она ощущала под собой нечто ребристо-жесткое, смутно поняла, что это ступени с набережной к воде

под мостом, и смотрела просто в ночное небо; там, в бреши сгустившихся облаков, сияла очень одинокая звёздочка. Некто грубо, без церемоний взял за подбородок; она смутно увидела чьи-то глаза.

Потом её понесли, но вовсе не картинно, как иные могут вообразить — на руках перед собой. Нет, просто взвалили на плечо, как нужную и полезную в хозяйстве вещь. Миланэ видела только землю, теперь она покорно глядела вниз, на чередующиеся каменные ступеньки и с каким-то странным удовольствием ощущала, как с неё стекают струйки, падают капли вод реки Марны. Потом бессознательно рукой провела по талии, пытаясь понять, не утратила ли stampa и сирны; сирна была на месте, и судя по тому, как нечто впилось правый бок — stampa тоже. Научилась за столько лет подвязывать намертво, чего там говорить. Посмотрела на безымянный палец левой ладони. Кольцо на месте.

Видимо тому, кто её нёс, stampa тоже причинял большие неудобства, поэтому он нахально и бесцеремонно попытался перебросить его на другую сторону; но незнакомец не учёл, что он накрепко подвязан к поясу, поэтому у ничего не получалось.

— Stampa... не притрагиваться... не вольно... оставь.

— Да, таки Ашаи, — про себя вымолвил тот, кто нёс.

Миланэ чуть подняла голову и увидела, наконец, старого льва, что семенит за ними.

Тем временем незнакомец без особого труда переменял её положение, и теперь Миланэ оказалась на руках перед ним; небольшой миг смотрел на неё, а она — на него. Потом быстрым движением уложил на диван пролётки и поправил положение её хвоста, что безвольно свисал. Затем уселся на противоположный диван, по ходу движения, и приказал старику-извозчому:

— К Второй Бесмерийской, живей.

Пролётка немедленно тронулась, зацокали копыта лошади.

Только теперь Миланэ, недвижно возлегая, смогла смутно рассмотреть, сколь позволял ночной свет, рассмотреть своего...

«Кто он?.. Я упала в воду? О, Ваал мой, какой кошмар... О нет, какой позор...»

...спасителя. Да, он спас её. Можно сразу сказать, что роста среднего, строен; тёмная грива неясного ещё оттенка у него коротка, в точь как у воинов Легаты, но несколько длинных прядей ниспадали на глаза. Плащ, под ним — туника; первый коричневый, вторая — серая; одежда самая обычная, из толпы не отличишь. Ни оружия, ни кошеля, ни украшений. Сидел свободно, облокотившись о край пролётки. Смотрел на ночную Марну, словно на Миланэ глядеть было чем-то неудобным или неприличным. Потом бросил взгляд на неё, измокшую, озябшую, без слов снял плащ и укрыл.

Миланэ так же, молча, приняла этот знак милосердия.

— Зачем? — вдруг задал он короткий, но понятный вопрос.

Долгое молчание.

— Я задумалась, — вдруг ответила Миланэ. Собственный ответ поразил нелепостью; это, а также стыд за своё положение, сюрреалистичность и непонятность происходящего, ночь, странное опьянение сыграли свою лепту — она вдруг захохотала громко, звонко, запрокинув голову и прижав уши. А потом, мгновенно умолкнув, укрыла правой ладонью взгляд от мира.

Потрогав висок, он продолжил созерцать ночную Марну.

— Уму непостижимо! Уму не-по-сти-жи-мо! — вздорность произошедшего

совершенно прибила её; она, Сидны дисциплира, считай — уже сестра-Ашаи, дочь Андарики, близкая к влиятельному роду Империи, заработавшая себе цену и познавшая свою смелость на Востоке, не дающая в обиду даже львиц-дхаарок, прекрасная мастерица редкой мантики Карры-Аррам, не говоря уже об игнимаре, — и в неведомо каком виде и состоянии прохаживалась по Марне, а потом канула в воды со Сафского моста, как когда-то несчастно-глупая Сафи. Если кто её видел и запомнил — вот смеху и позору будет. Вот извозчий, каналья, видел! И этот — этот! — тоже видел.

Этот, правда, не смеялся, не стыдил. Он просто смотрел, очень серьёзно, с оттенком любопытства.

— Кто ты? Зачем вытаскил? Я умею плавать. Могу плыть! Ещё как! — сказала ему Миланэ, ощутив, что голос её дрожит, словно она вот-вот заплачет.

— Так лучше не станет. Надо лежать. Сиятельную нужно показать доктору.

— Нет. Нет! Мне нельзя к доктору, — она сделала попытку привстать, но неудачно. — Его ещё не хватало!

— Я так не считаю. Огнепламенная могла переохладиться, и не мне говорить безупречной, сколь это опасно для здоровья. Кроме того, я так и не услышал причин, которые подвигли Ашаи на такой ужасный поступок.

— Ка-какой? — дрожала Миланэ. Она действительно успела совершенно озябнуть.

— Поскорей!.. — прикрикнул лев на извозчего. — Сиятельная бросилась с моста Сафи. Символично, конечно, но мне такой способ свести счёты с жизнью выдаётся глупым.

— Никаких счётов с жизнью... Жизнь не умеет считать, — привстала Миланэ, несмотря на холод и своё положение, сверкнув глазами в темноте ночи. — Если бы я желала уйти из мира тёплой крови, то сделала всё гораздо лучше. Самоубийство — отвлага, достойная лучшего применения.

Даже в таком положении Миланэ не забывала говорить цитатами.

— И также я — пока что — не сестра, — с неким вызовом заметила она.

— А кто? — несильно заинтересовался лев.

— Дисциплира Сидны у порога Приятия. Я вот-вот стану сестрой.

— Всё равно не могу понять этого происшествия.

— Я не смогу удачно объяснить льву произошедшее, не нарушив канон сестринства. Единственное, о чём прошу — не распространяться. И никаких светских докторов... целителей... всего такого. Мне меньше всего нужна огласка.

— Так всё-таки это нелепость? Случайность?

— Чистейшая. Признаться, я удивлена не меньше, чем сир. А может, больше.

Чувствуя чудовищные усталость и сонливость, которые навалились непосильной тяжестью на сознание, Миланэ непрестанно зевала. Ей было неудобно, гадко (вся мокрая) и вместе с тем крайне хотелось просто взять и уйти в серый сон безо всяких видений, снохождений да иных миров.

— Куда я могу отвезти львицу, если к доктору нам путь заказан? — сквозь пелену прозвучал его голос.

— Туда... — слабо махнула рукой Миланэ без малейшего определения. — А, впрочем, куда угодно. Мне всё равно...

Утомлённая, она вдруг заснула, словно канув в воды Тиамата.

Когда, наконец, разбудило пение птиц, то Миланэ показалось, что она отоспалась на луны вперёд, это раз; и два — что в этом заспанном состоянии она выглядит не просто плохо, а совершенно ужасно, взъерошено и неопрятно.

Оглянулась.

Не имея ни малейшего представления о том, где находится, Миланэ медленно, со слабостью выглянула в окно. Свет яркого дня резал глаза, большая, широкая улица оказалась сухой, будто бы и не было ночной мороси. Стекло дешёвое, с неровной поверхностью, поэтому всё в нём — причудливо. Возле перекрестка играли львята.

В маленькой комнате было светло, ветрено и как-то свободно.

Она вдруг аж подскочила на кровати, и это прогнало остатки сна. Оказалось, что она спала в мастаре — очень длинной, свободной тунике, которую обычно носят старшие львицы — и не по её размеру; Миланэ явственно понимала, что или она была столь беспамятна, что переделалась без сознания, или её некто переделал. Немудрено, конечно: если бы она уснула в мокром, то в лучшем случае надолго простудилась.

— Какой скандал... — тихо сказала Миланэ, согнув левую лапу в колене и подбрав хвост. Так просидела, уткнувшись лбом в колено и совершенно безуспешно пытаясь размышлять о том, что случилось этой ночью; но все размышления сводились к обрывчатому воспоминанию безумных путешествий.

Подняла взор.

Убранство комнаты вообще было довольно скромно и состояло, по большинству, из двух кроватей, перпендикулярных окну со стенкой. Смесь запахов в ней явственно указывала, что здесь живёт самец. У комнаты не было двери. На подоконнике стоял графин. В нём оказалась вода, вполне свежая и хорошая; правда, немного тепловатая.

Миланэ как раз пила, когда вошёл он.

Окинув её взором, уселся напротив на кровать, словно чего-то ожидая.

— Как благородная чувствуется? — как-то осторожно спросил он.

Она краем глаза наблюдала за ним. Потом утёрлась, поставила графинчик обратно на подоконник и приложила правую ладонь к груди.

— Хорошего дня. Неплохо.

— Сиятельная помнит события этой ночи?

— Где я? — ответила она вопросом на вопрос.

— Не надо пугаться, безупречная у меня дома, в Марне.

— Я не испугалась.

Он посмотрел в окно.

— Ещё воды? Хересу? Шериша? Лимонада?

— Нет, спасибо. Где моё облачение?

— Я попросил Свельну развесить всё на улице.

— Кто такая Свельна? — с подозрением спросила Миланэ.

— Соседка.

— Она увидит, что это одежда Ашай-Китрах!

— Иного выхода не было, сиятельная. Упреждая возможный вопрос, отмечу, что мне также пришлось попросить Свельну освободить огнепламенную от мокрой одежды, потому что сиятельная оказалась такой соней... не хотела просыпаться...

— И надеть вот это, да? — Миланэ двумя когтями подёргала на себе мастару.

— Это всё, что смог достать.
— Где же, решусь спросить у льва?
— У Свельны, — пожал он плечами, выглядывая в окно.
— Я попрошу льва вернуть мою одежду и... кошель, пояс, стамп, сирна!
— Одежда ещё сохнет. А остальное — прошу.
Сирна, стамп, кошель очутились на её кровати.
— Никогда не держал такие кинжалы в руках, — сказал он, вдруг вытащив сирну из ножен.

Чудовищно, Миланэ аж подскочила. Она рывком забрала её, даже слишком порывисто:

— И не смог бы лев. Не вольно их держать тому, кто не надлежит к сестринству, — она схватила его ладонь, держащую сирну.

Вдруг Миланэ поняла, что ведёт себя совершенно дурно и неблагодарно. Ладонь она отпустила, позволив смотреть. Разрешением он воспользовался — повертел кинжал в руках. Потом очень ловко поиграл сирною между пальцев, подкинул её в воздух, поймал, и снова тихо вонзил в ножны.

— Меня зовут Амон, — протянул их.

Миланэ кивнула, чуть прижав уши; всё согласно жестам:

— Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзай, Сидны дисциплира.

— Сегодня ночью ехал по Сафскому мосту. Личные дела не дают покоя и ночью... Ещё издали заметил львицу, стоящую в нерешительности у перил моста; а затем она решила утонуть. Правильно я понимаю?

— Не вижу причин, согласно которым должна держать полный отчёт в происшествиях того дня. С другой стороны, я очень ценю несомненную помощь льва...

Вдруг она закрыла лицо ладонями.

— Нет, не так, — со вздохом молвила, убрав ладони. — Прости меня. Я — Ваалу-Миланэ-Белсарра. Но ты зови меня просто Миланэ, без номена.

Он протянул руку навстречу; она тоже, левую. Он очень просто поцеловал её, без излишней слащавости, без всех этих ужимок и долгих удержаний.

— Где мы?

— В Марне.

— Но где именно?

— Разве не заметно? Впрочем, кроются подозрения, что безупречная не из Марны.

— Почему? — Миланэ, удобно усевшись на кровати, крепко сжав лапы вместе и укрывшись тонким покрывалом, поблёскивала ему глазами.

— Произношение. Черты, — взял он графин в руки, потом оставил.

— Черты?

Амон поднял взор.

— То ли андарианские, то ли юнианские. Скорее, андарианские.

— Да, я — андарианка. Хотя, говорят, во мне ещё есть иная кровь.

— Несомненно есть, — сразу согласился он, властно вздёрнув подбородок.

У него был этот жест: он словно весь приосанивался, выстраивался по неведомой внутренней команде, сжимался.

— И какая, может ли знать проницательный лев?

Амон усмехнулся.

— Наверное, ты проголодалась?

— Нет, спасибо. Тем более, я не смею больше задерживать и обременять своим присутствием. Я хотела бы получить своё облачение, поблагодарить, благословить и уйти, — сказала Миланэ, тем не менее, не торопясь со сборами.

— Оно ещё сохнет. Надо ещё немного солнца... Но если дело к спеху, то могу отдать, — смотрел он прямо на неё.

Миланэ вздохнула, погладила себя по загривку.

— Пусть сохнет, коль так. Время за полдень, мои планы и так все расстроились.

Немножко посидели, посмотрели друг на друга.

— Что ты делал в столь поздний час возле Сафского моста?

— Да так, были дела. У меня много дел. Жизнь такая.

— А чем занимаешься, решусь спросить?

— Да так, всем помногу. Сегодня одно дело, завтра — второе. Понемножку, понемножку... Вот так живу. То тем, то сем.

— Лев темнит, — вздёрнула она бровью, повела ухом: её редкий жест, её тайное оружие.

Похоже, оружие подействовало, но недостаточно сильно. После некоторой заминки Амон ответил:

— А что мне остаётся делать?

— Да признайся. Даю слово Ашаи, что не выдам, если здесь есть наличествует нечто... контroversионное.

— Я — взломщик замков, шулер и аферист.

Миланэ засмеялась, а потом прикрыта рот ладошкой и замахала ею, мол, не обращай внимания на дурацкий смех.

— Миланэ, ты ведь не из Марны. Тебе сейчас надо куда-то уехать или тут остаёшься, в городе?

Спрашивал он как-то чётко, отдельно, подбирая слова.

— Я не из Марны, но у меня здесь дом.

— О, тогда не о чем беспокоиться.

— Я в Марне всего несколько дней, и мне условно ведомы лишь несколько главных улиц, немного Квартал Торговцев — у меня там дом, кстати — и некоторые главные места. Дворец Императора, Сады, Дом Сестёр. Библиотека Марны... С которой всё началось... Вся эта моя марнская жизнь, — чуть покачивалась она, роняя почти с каждым словом хвост на кровать.

— О, библиотека! С неё началась марнская жизнь? Было бы лестно услышать, что Миланэ там служит. Тогда у нас наверняка есть общие знакомые. Это так?

— Нет. А что?

— У меня там много знакомых, — увильнул он.

«Опа, опапа», — тут-то Миланэ и пригляделась к нему. — «Так-так-так».

— Ты там работаешь? — спросила прямо, в упор.

— Нет. Я же говорил: я — взломщик. Взломщики не работают в библиотеках. Им вообще не нравится работать.

— И не боишься в этом признаваться?

— Наш брат никогда не поверит словам имперчика, но верит слову Ашаи.

— Я не нарушу клятвы. Ашаи-Китрах — хранительницы клятв и доверия.

Сказав это, Миланэ вдруг громко рассмеялась. Это показалось ей очень смешным, неизвестно почему. Удивительно, но её примеру последовал и Амон; они долго и весело смеялись в унисон, без всякой неискренности.

— Ты, верно, пошутил? Так ведь? Амон ведь наговаривает на себя, правда?

— Все нет. Могу при безупречной вскрыть какой-нибудь замочек, — продолжал смеяться он.

— Тогда и остальные утверждения, а именно насчёт шулера и пройдохи — верны?

— Боюсь, ещё как верны.

— Какой ужас. Кошмар. Не хочу больше говорить.

Она вдруг поняла, сколь фальшива. Словом говорилось нечто поверхностное, простое, имеющее мало смысла и ещё менее — чувства; но по иным нитям между ними вершился совсем другой диалог, точнее сказать, даже несколько. Они общались взглядами; она обнаружила, что её руки и пальцы складываются в невольные жесты, совершенно отличные от речи; что хвост живёт своей жизнью, равно как лапы; что уши наостроены к нему и еле заметно играют, то прислушиваясь, то прижимаясь. Говорила Миланэ с неким придыханием, словно упрятав загадку.

— Думаю, все мои одежды уже высохли.

Он неопределённо кивнул.

— Тогда я могу просить тебя об некоторой услуге, которая, скажем так, может показаться странноватой?

— Слушаю.

— Лев упоминал, что у него есть знакомые в Имперской библиотеке Марны.

— Наличны вполне хорошие связи.

— Тогда я бы хотела попросить...

Она начала лихорадочно думать. Её мысль ещё никогда не неслась столь молниеносно, лихорадочно, не впадала в крайности, ловушки и углы с каждым мигом.

— Так что же?

— Я... Я...

Миланэ прекратила говорить. Ничего не подбиралось ко слову. Что тут можно сказать? Эта незримая, невидимая связь, мистический союз взглядов. Рот её приоткрылся, обнажились слегка нижние клыки, совсем чуть, только верхушки; она склонила голову от неведомого смущения, хотя прежде она никогда взаправду не смущалась перед львом, и вспомнив о своей гордости, снова посмотрела на него, не шевелясь, даже не рискуя повести ухом. Амон наблюдал за нею с задумчивостью правителя. Нерешительная, чуть пристыженная, она посильнее укрылась покрывалом, почти до подбородка, и так сидела, спёршись о стенку и поджав под себя лапы, даже хвост вместе с кончиком скрыла под тканью.

Они оба чрезвычайно вздрогнули: где-то жалобно брякнула дверь.

— Амон, слышь... опа, прости, не помешал? — у входа топтался совершенно криминального вида львище, совсем страшный.

— Ты как думаешь? — без особого зла ответил тот. — Иди, потом поговорим.

— Добро.

Снова брякнула дверь.

— Принеси мне мои вещи, — тихо попросила Миланэ, обняв себе плечи.

Амон ни слова не сказал, он встал и вышел прочь. И когда он вернулся с её вещами и осторожно положил их на кровать, у её лап, уже совершенно сухие, кстати, вещи, она смогла облачить в слова то, что требовалось:

— Мне нужна одна книга, которая находится в Марнской библиотеке.

— Книга? Ты хочешь её *достать*? — деловито-быстро осведомился он. — Я

умею доставать вещи, раз мы говорим откровенно.

— Тебе это покажется странным...

— Может быть. Но я слушаю.

— Если не покажется, то прошу выслушать меня серьёзно. В общем, эту книгу просто так не выдают, — взяла она свой светлый пласис.

— Догадываюсь.

— Да, — посмотрела и на шемизу. — Содержится книга в Седьмом зале, он же Особый зал, относится к первой группе. Я готова предложить практически... практически любую сумму за эту услугу, — бросила вещи обратно на кровать, всё так же сидя с поджатыми лапами и укрывшись.

— Как необычно. Можно выяснить. Правда, нужно разнюхать некоторые обстоятельства и вопросы; тема новая, ещё не сталкивался. Но у меня вопрос: зачем книга? Для перепродажи? Могу устроить.

— Не могу сказать, но точно не для продажи, — покачала она головой.

Амон поставил лапу на табурет.

— А у торговцев книгами её можно достать?

— Нет, уже пыталась. Только библиотека.

Амон прижал уши в раздумьи, подёргал себя за хвост, почесал гриву.

— Предлагаю так: завтра, в обед, мы встречаемся у «Встревоженного кречета» и я расскажу о возможностях, сроках и, возможно, предварительной цене; также пусть львица имеет в виду, что я могу быть не один, а с другом или даже друзьями.

— Друзьями?

— Я не могу сам всё делать, мне нужны знакомые из библиотеки. Они должны быть в курсе.

— А ты уверен, что они... ну, что они поймут, что ты... что мы хотим?

— Поймут, поймут.

Миланэ теребила свои вещи.

— Где это — «Встревоженный кречет»?

— Поспрашиваешь, на севере Марны.

Заметив наконец, что Миланэ никак не может одеться в его присутствии, он тут же быстро встал и решительным шагом вышел из комнаты.

Через несколько минут она вышла из комнаты в коридор; Амон стоял напротив открытого окна, выходящего в грязный внутренний двор и отрешённо смотрел, как какая-то старая львица развешивает бельё.

— Должна идти, — жестом поманила его от окна Миланэ. — Спасибо Амон. Ты спас мне жизнь. Ты славный лев, честно. Я ценю, что ты не прошёл мимо в трудный для меня миг, — поцеловала в щёку в благодарность; вполне заслуженно, так положено. — Если завтра ничего не получится, то пойму. У меня тоже может завтра не получиться — пойми и ты. И, знаешь, я живу в Квартале Торговцев, улица Славы Востока. Если что надо будет — приходи.

— Миланэ, я должен тебе кое-что сказать.

— Да? — охотно наострила она уши.

— Слушай, такая тема... — начал он, но с мучительной ухмылкой осёкся, стукнул кулаком о стену. И сразу продолжил, но чуть иным, более мягким тоном: — Будь охотна.

— Как ты сказал? «Охотна»? — склонила она голову набок.

— Да. Это значит «внимательна», и...

— Я знаю. До встречи, Амон.

— Завтра в обед! Не забудь! — слышался сзади его голос.

* *

«Встревоженный крик» оказался небольшим гостиним двором в северном предместье Марны.

Миланэ издали увидела Амона, что сидел снаружи за грубым деревянным столом; он приветственно помахал ей, будто старый и добрый друг; возле него кто-то сжато и сгорбленно сидел, но Миланэ не могла со спины прознать, кто.

Она, облачённая в тёмно-красный пласис, подошла к ним тем уверенным, плавным шагом, какому могут научить лишь в дисциплинах; серьги с ярчайше-зелёными хризолитами; сирна, стамп, кошель, кольцо Ваала, родовой золотой браслет, тентушь на глазах — всё при ней. И никому из них не ведомо, что Миланэ, отменив все дела (даже запланированное посещение патрона!), прихорашивалась добрых три часа; а им кажется, что все это — ненарочность, что так оно всегда есть, и ничего делать для этого не надо...

Ах, самцы.

«Я с ума сошла, я иду как на свидание, целое утро провела перед зеркалом, хотя мой Ваал, я никогда не ходила на свидания, и в самом деле — никогда, ну почти никогда если не считать той истории с тем трусом из Адбана... А с Таем были выходы в свет, не свидания. И к кому я иду, ведь это переговоры по краже вещи, а не светский приём... Переговоры насчёт кражи! Ашаи-Китрах, хранительница права собственности! Смешно, право, к чему ты скатилась!»

Её терзали ужасные сомнения. Она и хотела идти на эту встречу, и не хотела. Разумно говоря, всё это — безумная авантюра; Миланэ даже сама не поняла, как всё произошло.

Встав возле их столика, Миланэ поставила руку на бок; зазвенел браслет. Глаза, серый малахит, ярко засверкали; сначала взгляд на Амона — он оделся необычайно хорошо и дорого, потом она оценила его компаньона; тот почему-то не решался поднять взор, хотя Миланэ уж узнала в этой сутулой фигуре Хала — библиотечного служителя Марнской библиотеки. Вдруг тот, словно ужаленный, посмотрел на неё и взмахнул хвостом. Тем временем Миланэ чуть прижала ушки, ощущая эмпатией от него столь мощные флюиды беспокойства, что и сама, внезапно для себя, нервно улыбнулась.

— Красивого дня, Миланэ.

— Привет, Амон, — чуть погодя, молвила она.

Он чуть задержал на ней взгляд, а потом подал ей руку, чтобы помочь присесть; Миланэ не ожидала от него манер, но вышло настолько свободно и естественно, что дочь Андарины полностью покорилась приглашению и села возле него на длинную, грубую лаву, на расстоянии двух ладоней.

— Славного дня, Хал. Пусть тебя бережёт Ваал.

— Спасибо. Это... Так чё теперь? — спросил он у Амона.

Той смотрел на него очень спокойно, уверенно, с полуулыбкой.

Вообще, Миланэ пленяла его манера держаться. Казалось, он смотрит на мир с лёгкой иронией, словно не считает окружающее себе ровней и соперником. У него не было ни малейшей грубой манеры, хотя, казалось, он пытается их себе навязать;

например, сейчас он играл монеткой в полимпериаля между пальцами, да ещё стучал ею по столу; но от глаза Миланэ, от чувства вовсе не ускользнуло, что всё это — игра, внешнее.

«Если я не раскину на него Карру и если не прожгу ему душу взглядом, чтобы узнать, то буду полнейшей душой... Хотя зачем мне это?.. А затем. Просто так. Почему бы и нет. Он ведь... небезынтересен, да? Или ошибаюсь? Я ведь не имела дела с такими львами, никогда в жизни. Чего ты ждала? В кармане по ножу, сальные шутки и нескончаемая брань?».

— Рассказывай. Можешь говорить ей так, как мне.

Хал сидел, моргая, глупо уставившись на Амона, будто увидев его в первый раз. Казалось, он и будет так сидеть до конца времён, но тут подошла хозяйка заведения — крупная львица нескромных форм с очень смешливыми, весёлыми глазами; по всему — крови запада: то ли Листигии, то ли Йонуруру.

— Чего желают добрые Сунги?

Миланэ отметила, что у львицы очень красивый, поставленный голос.

— Мне пива, — неожиданно быстро, с готовностью выпалил Хал.

— Для меня и сиятельной — шериш.

Хозяйка любопытным взглядом окидывала довольно странную компанию: какой-то конторский замухрышка, представительный пройдоха и очень достойная Ашаи-Китрах, явно небедная и нездешней крови.

— Очень хорошо, добрые гости.

— Хороший здесь шериш, поверьте. Вы побеседуйте, а я прогуляюсь, — сказал Амон для Миланэ, когда хозяйка отошла, и поднялся.

— Нет, останься, — чуть торопливее, чем следовало, сказала дочь Андари.

Амон действительно остался и многозначительно кивнул Халу.

— Ага, всё понял... Это... Я помню сиятельную, а она помнит меня, наверное, — начал Хал и даже сделал попытку улыбнуться; не дожидаясь ответа, продолжил: — Конечно, понимаю, что здесь... серьёзные... здесь всё... в общем я всё понимаю, да. Это... Я только прошу, чтобы у меня не было неприятностей, у меня семья, сородичи и так далее... С другой стороны — у меня выбора нет, что тут сказать...

— Хал, желаю внимания для моих слов, — сказала Миланэ. — Что бы лев ни предложил — это лишь на добровольной основе. Хочешь — берись; не хочешь — отказывайся. Я предлагаю достойное, на мой взгляд, вознаграждение. Но сначала хочу выслушать предложения.

— Ага... Я знаю, что нужно достать книгу из Особого зала, мне Амон говорил. Это, вообще-то, лет пять каторги, вроде того.

— Мне нужно «Снохождение» Малиэль Млиссарской, первая группа, в Особом зале.

— А... То самое. Помню. Аааа... Вот оно что! — часто закивал Хал. — Так, а почему ж не через Ваалу-Ирмайну?.. Она ведь эти вопросы вроде бы как... ведёт. Хотя... её что, решили отстранить от дел, так сказать? Вот так поворот! Или я чего-то не понимаю? Но ладно-ладно, это не моего ума дело, я хвост короткий, молчу-молчу... — малопонятно изъяснялся он. — Короче, это можно повернуть примерно так, если без Ирмайны. Шакал, без неё сложно будет, ведь она раньше эту воду мутила... Один ключ есть у меня, точнее, у меня к нему есть доступ. Второй принадлежит Ирмайне, но его копия есть у ключницы, я этот вопрос возьму на себя. И третье, самое сложное — печать на ящике с книгой...

— Погоди, Хал. Что ты имеешь в виду под тем, что «Ваалу-Ирмайна мутила воду»?

— Не понял. Преподобная не знает? Она что, не в курсе? — он мгновенно набросился на Амона, но без зла, а с умоляюще-испуганным видом. — Она не от... — запнулся он. — Эй, погоди, мы так не договаривались, это полная...

Надо было прерывать непонятный поток жалоб. Она было уж вдохнула, чтобы сказать, но вдруг Миланэ ощутила ладонь на бедре; она с удивлением поглядела на Амона, но касание оказалось недолгим, мимолётным.

— Не кипятись, Хальчик. Успокойся. Всё под крылышком, сядь и выпей, — Амон с невозмутимой усмешкой подсунул ему только что принесённое пиво. — Пей пиво. Так надо.

Хал последовал совету и жадно хлебнул пива, дико озираясь.

— Она не в теме дел Ирмайны, да. Но Ваалу-Миланэ-Белсарра не та, что предлагает чепуху. Она пришла к тебе лично, улавливаешь?

Похоже, Хал не улавливал, потому что впадал в панику:

— Твою мать, Амон, зачем ты меня в это втянул? Что мне теперь будет? — уткнулся тот лбом о край стола.

— Ничего не будет, — очень зло сказал Амон, очень, Миланэ аж испугалась, тёплая волна испуга прокатилась по животу и растворилась ниже. — Она в теме, понял? Она. В. Теме. Так надо.

— В общем, это... Я имею в виду, что Вэ-Ирмайна, — Хал от волнения перестал следить за языком, — частенько валяла дурака с этими книгами Особого зала... Ну то бишь закрывалась с ними, и что-то делала; конечно, немудрено что, я ведь долго работаю в библиотеке — выносила некоторые, на время. Одалживала, так сказать. Короче, суть в том, что этих книг было очень мало, четыре или пять, и среди них было «Снохождение». На моём веку она выносила его раз десять... ну, может, меньше... пять... а точнее — два или три... Я не могу точно сказать, совершенно не в курсе. Но там явно что-то мутится. Не хочу знать, что. В общем, если вы решили копать тему, то дальше без меня, честное слово, потому что Ирмайна меня с песком смешает. Ещё я знаю, через десятые уши, что книги эти она выносила не для себя, а для всяких... интересующихся. Но что они делали с этими книжками: поддельвали, продавали, изучали наизусть — не знаю. Она постоянно, постоянно мутила с проклятыми книжками, и меня втягивала; но клянусь — я ни при чём, ни при чём.

— Хал, милый, не нервничай, — Миланэ решительно взяла его руку, — мне совершенно всё равно, какие вещи вы делали с Ваалу-Ирмайной. Это её и твоё. Всё, что мне надо — это «Снохождение», остальное меня не касается. Его можно достать из библиотеки?

— Можно, можно. Только что потом? Если эта тема не согласована с Ирмайной, тогда мне конец, если она прознает. И, боюсь, ей тоже не поздоровится; вся библиотека будет на ушах. Даже если брать книгу на время — скажем, на луну — то всё равно существует большой риск. Я ведь не буду иметь гарантий того, что Ваалу-Миланэ вернёт книжку в срок, и вернёт вообще, а вернуть необходимо; и её отсутствие всплывет при первой же ката... каталогизации или если Ирмайна снова захочет её на время стащить.

— Зачем она это делала, как ты думаешь?

— Не знаю. Какие-то дела Ашай-Китрах, попробуй тут пойми. Только пусть безупречная Ваалу-Миланэ не спрашивает у самой Ваалу-Ирмайны, иначе она

почернеет от злости. Это тайные дела. Вообще, я могу выполнить вашу просьбу — у меня нет выбора, в конце концов. С практической точки зрения это несложно, но последствия могут быть самыми непредсказуемыми...

«Какой кошмар...»

Миланэ вдруг поняла, насколько далеко она зашла в своём поиске, который всё больше напоминал преступление. Теперь она рисковала не только своим благополучием, но подталкивала к проступку Хала; тем более, в этом оказался втянут Амон, несмотря на его добрую (злую?) волю. Стало кристально ясно, что невозможно таким воровским, низким способом получить желаемое... что?.. книгу? Книга — всего лишь застывшие знания. Стоит ли знание чужих страданий? Свои — ладно, Миланэ не имеет страха (хотя говорят, что не боятся только непуганые), но остальные?.. Что будет с Халом? С Ирмайной? Кстати, тут дело почти понятное: Ирмайна наверняка сама почитывает «Снохождение» и другие вероборческие творения; ещё бы не соблазниться... Тут, безусловно, можно попробовать найти выход на Ирмайну; но всё равно её придётся неким способом подтолкнуть к краже книги, да хоть бы шантажом (хотя ученица, шантажирующая сестрину — это звучит смешно), и снова она рискует чужими душами, снова посягает на основу общества Сунгов — право собственности; ей нужно будет поступить нечестно, низко, темно, утаиваясь и прячась...

Ваалу-Даима-Хинрана. «И если, чтобы достичь идеала, надобно идти к подлости, то или путь неверен, или идеал ничтожен».

Идеал не ничтожен. Значит, путь неверен.

Нет. Надо признать: поиски «Снохождения» — безнадёжны. Дочь Сидны честно пыталась. Оно где-то есть, но туда ей, Миланэ, путь заказан. Наверное, так и надо; где-то здесь должна быть справедливость. Нельзя превратиться в плохую Ашаи, чтобы стать сильной львицей духа. Украденное знание через чужие страдания — даже несправедливо заточенное, преступно заточенное! — не принесет силы...

— Больше спасибо, Хал. Ты мне очень помог. Пожалуйста, забудь об этом разговоре и продолжай спокойно жить. Вот тебе за беспокойство, — Миланэ вытянула три сотни империалов золотом, завернутые в милый, надушенный платок.

— Не-не, я не возьму, зачем это... — начал вяло отмахиваться Хал, но тут же хапнул платок, не развернув. — Так мне что, ничего не надо делать?

— Ничего, — слабо улыбнулась Миланэ, приложив коготь в подбородку.

— Ирмайна не узнает? — с надеждой спросил Хал, будто провинившийся лвьёнок, что чудом избежал трёпки.

— Нет. Клянусь кровью предков — разговор был только между нами.

Тот немножко подумал, смахнул несуществующие крошки со добротного, широкого стола.

— Хорошо. Так я пойду?

— Иди, добрых дней, — помахал ему Амон.

Миланэ приложила правую руку к груди в жесте.

— Всего хорошего, Хал. Да хранит тебя дух Сунгов.

— Спасибо! — развеселый, он бодро ушёл прочь, при этом нечаянно задев хвост некоей хаману, что мирно сидела за соседним столом.

Миланэ смотрела ему вслед, пока тот не скрылся за углом, а потом склонила голову, разглядывая собственные коготки. Амон глядел на неё сбоку; печальный профиль молодой Ашаи явно не оставлял его с ровной душой.

— Что ты ему дала? — спросил он, испив шериша.

— Денег... Немного денег, — негромко ответила.

Вздыхнула.

«Почему, если у тебя всё есть, то всё равно чего-то не хватает? Желать мне лучшего нельзя: и будущее определено, и настоящее обеспечено, и прошлое порядочно, и деньги есть, и патрон есть, и знания есть, и характер в наличии, и определённые силы есть, и мама есть, и даже сестра есть, и Арасси у меня есть, Айнэсваала, и остальные подруги, и наставницы, и Синга есть... всё у меня... Книги нет — да разве потеря? Ох, умора. Да разве сама не дойду до всего? Я сновидица, так мне сказали, значит — могу сама... Всё есть, разве что ещё чего-то нет... кого-то нет... нет?»

— Думала, у меня получится. Так хотела достать эту книгу, — вздохнула Миланэ.

— Да что это за книга такая, Миланэ? Расскажи, мне интересно.

— Не смогу. Не потому, что не хочу, а потому что не знаю как. Ты вряд ли поймёшь... Хал верно заметил — это дела Ашаи-Китрах.

— Я так понимаю, ты отказалась от своих планов.

Миланэ ничего не ответила.

— Как плохо, когда не достигаешь желаемого, — вдруг молвил он, поглядев вдаль. — Когда видишь звезду, и понимаешь — не дотянуться, приходится ходить по этой земле. Опечалилась, Миланэ?

— Да, милый Амон. Но такова жизнь.

Долгое молчание. Ваалу-Миланэ сидела долго, она выжидала, ждала даже чуть больше, чем положено. Она даже до конца не понимала, зачем ей это нужно, ведь... ай, ладно, что тут скажешь. Но ничего не происходило: Амон молчал, мир молчал, вообще всё катилось, как прежде. Раз так...

— Что ж, — встала она, — мне было очень приятно иметь с тобой дело. Я...

— Прежде чем ты уйдёшь, я снова должен кое-что сказать.

Миланэ наострила ушки, крайне внимая, готовая уловить любое слово.

— Приглашаю на маленькую прогулку. Ты так расстроилась. Почему бы не развеяться?

Она с удивлением посмотрела на протянутую руку, на это приглашение. «Зачем он меня приглашает? Куда ведёт? О Ваал, что делать?», — выжидала Миланэ, внешне спокойная.

Вообще, это свидание — невозможно. Кто он, и кто — она?

«Быстрее, пока не убрал ладонь!».

И Миланэ очень медленно протянула ему руку навстречу.

— Может, я смогу достать эту книгу? Поспрашиваю? — легко поднялся он, оставив монеты на столе и увлекая за собой.

— Благородный жест, Амон. Только ты не сможешь отличить настоящее от подделки.

— Это большая жизненная задача: отличать настоящее от подделки. Мне кажется, чем больше я живу, тем меньше справляюсь.

— Должно быть иначе, не находишь?

— Ещё бы. Но как есть. Расскажу тебе историю: недавно, дней десять назад, был на представлении в Мармаросском театре; кстати, стоит сходить, там ставятся отличные драмы. Там ставили «Целая жизнь беспорядка». Актёр всего один, на протяжении всего спектакля, и он больше молчит, нежели говорит. Почтенная публика неистовствовала, а мне показалось, что где-то я был обманут и задумался об истинности в искусстве.

— Хорошая шутка насчёт истинности в искусстве. Зачем ему такая категория, как «истинность»?

— Так её нет, истинности?

— Я это не подразумевала. Нужно лишь иметь в виду: оно соткано из фантазмов и иллюзий; отражение блужданий, скитаний душ — искусство. В этом его безмерное величие. Зачем ему подражание миру?

— Как знать, вдруг я, вдруг ты, вдруг все мы тоже сотканы из чьих-то фантазмов?

— Най-най. Нет. Метафизическая профанация. Отрицание существования мира — змея, кусающая свой хвост. Мы ведь говорим, чувствуем, думаем. Мы имеем сознание. Волю. Намерение. Силу. Игнимару. Ты ведь сознаёшь сам себя, ты волишь.

— Это ничего не доказывает. Вот например, я сплю, мне что-то снится, я этому верю. Но разве это не фантазм? Чтобы показать мысль: бывало ли с тобой такое: сон во сне, заключённый в сон?

— Бывало ли со мной подобное? Ох Амон, задавать такой вопрос Ашаи-Китрах — почти неприличие. Это как спросить любого взрослого льва о том, играл ли он деревянным мечом в детстве.

— Неудачное сравнение. Я не играл деревянным, а сразу стащил у отца настоящий.

— Хорошо, согласна. Признаю поражение в сентенции, — засмеялась Миланэ.

— Как быстро ты сдаёшься.

— Вовсе нет. Быстрое признание ошибок — путь к победе.

Он, похоже, куда-то целенаправленно вёл её; это не было похоже на спокойную, равнодушную к любому направлению прогулку, но на путешествие с конечной целью и смыслом.

Она беспомощно осмотрелась вокруг. Интересно, все души, весь львиный род, что ходит вокруг неё — они получают то, что хотят? Или каждый чувствует нехватку в жизни чего-то главного, основного, бесконечно важного?

— Знаешь, я обязательно попытаюсь найти его для тебя, — лёгким касанием он предложил ей взяться за руку.

Это было крайне неожиданно, смело, без оглядки на всякие временные условности. Похоже, Амон не боялся любого отказа; Миланэ, чуть погодя, очень осторожно приняла предложение, хотя не знала, правильно ли поступает.

— Не надо. Всё-таки вероборческая книга. Я не хочу, чтобы ты рисковал.

Миланэ сразу же поймала взгляд почтенной львицы, что шла навстречу. По всему, её интересовало: с кем так идёт эта Ашаи-Китрах?

— Совсем недавно ты была готова идти на риск сама, да ещё втащить меня с Халом.

Она очень легко и осторожно освободилась от плена его пальцев, что держали ладонь. Не время. Знак благосклонности дан, не более, не менее.

— Я передумала. Одумалась. Видела цель, не замечая препятствий. И любой твой укор будет справедливым. Но я всегда пыталась быть честной Ашаи. Я не воровка. Я не буду красть даже из самых благородных побуждений, а поверь — они таковы; я знаю, что «Снохождению» не место на кладбище книг, оно не должно быть заточено в тюрьме. Нельзя получать знания через низость кражи, а преступление против собственности — одно из самых ужасных.

— А кому принадлежит книга? Кто её написал?

— Малиэль, из рода Млиссари, почти две сотни лет назад.

Миланэ посмотрела на Огненную башню Дома Сестёр, что виднелась вдаль, на востоке. До этого она немного сомневалась; но теперь полностью уверилась, что Амон — совершенно не тот, за кого себя выдает.

— Так ты хочешь эту книгу достать лично для себя?

— Да.

— А как остальные? Вероятно, есть некто ещё, кто интересуется подобным.

— Не исключаю, что есть, — кивнула Миланэ.

— Значит, не нужно ограничивать поиск библиотекой Марны. Если есть единомышленники, у кого-то должна быть эта великая и ужасная книга; я не верю, что она лишь в одном экземпляре. Иначе зачем её запрещать?

— Единомышленницы, — поправила она. — Горе в том, что я не знаю, как найти этих единомышленниц.

— Искать нужно повсюду, где может появиться интерес к творению с именем «Снохождение». Там-где-ходят-по-снам.

Эта незатейливая, даже дурашливая фраза (Амон смеялся над её поиском, считая всё причудой самки — это нетрудно ощутить) мгновенно приковала ум Миланэ, аж остановилось сердце; стало понятно, что Амон по-своему прав, до жути прав. Здесь было очень много простейшей житейской мудрости: искать почитательниц «Снохождения» там, где-ходят-по-снам.

— Амон, ты очень умён. Право, я впервые по-настоящему чувствую прямую силу ума льва.

Он только повёл ушами и улыбнулся, не понимая, смеётся ли Миланэ или говорит всерьёз.

— Милани, вот что: у тебя после того случая нету страха перед мостами?

— Вовсе нет. Скорее, теперь буду искать всякий мост.

— А ты можешь признаться, что тогда произошло? Вовсе не похоже — прости за грубость — что ты принимала нечто, скажем так...

— Я поняла. Ашаи-Китрах позволительны вещества; но поверь, ходить абы-какой посреди ночной улицы — это столь же преступно, как для любой иной Сунги. Должна признаться, что в тот вечер готовила опиум для одной небольшой компании, но это не могло повлиять. Как объяснить... Я сама не до конца не понимаю, что произошло. Скажем так, у меня внезапно изменилась метанойя... — задумчиво ответила Миланэ.

— Метанойя? — удивился Амон, ловко обогнув медленную старушку.

— Состояние сознания.

— Как странно. Не слышал такого слова.

— Это слово Ашаи-Китрах; вообще, светские уши не должны его слышать, но наш случай требует исключения. Видишь ли, мы можем осознанно бродить во снах; и нечто подобное случилось со мной, когда возвращалась домой, прямо наяву, противу моей воли, которая, верь — не так уж слаба. Я незнакома, и знания сестринства не дают мне внятного ответа на вопрос: что это было? Но «Снохождение» могло бы дать ответы.

— И ты сразу решила его найти, прямо после этого случая?

— Нет, конечно, ещё много-много раньше.

— Тогда почему книга под запретом, если она полезна для Ашаи?

— Формальных причин много. Главная: будто бы Малиэль занималась суцим вероборчеством и отрицала Ваала.

— А ты как считаешь? — посмотрел он на неё.

— Не знаю. Как могу составить мнение, если не могу полностью прочесть «Снохождение»?

— Тогда боюсь предположить, что ты можешь не найти ответа на вопрос. Тем более, что он бесконечно сложен, вида: как может быть, что я, ступая домой, вдруг провалилась в сон, а потом решила спрыгнуть с моста?

— Очень смешно. Амон, я могу и не найти ответа. Но хочу попытаться; я желала бы иметь возможность искать его повсюду. К сожалению, цензура Империи не даёт мне возможности, а потому я вынуждена делать то, что делаю... точнее, делала. Как видишь, мне пришлось оставить всё это — слишком опасно для всех, не только для меня... — развела она руками, и они свернули за угол.

— А нельзя об этом поговорить с кем-то... в твоём дисциплинарии, не знаю... с другими Ашаи-Китрах?

Вообще-то, Миланэ уже заметила, что он действительно пытался вникнуть, а не просто поддерживал разговор ради посторонней цели.

— Можно. Но это вряд ли что-то даст, а то и может привести к беде. Видишь ли, у нас не поощряется интерес к сновидению. Это примерно то же самое, что бегать и расспрашивать о чём-то неприличном: вроде бы можно, но не стоит. Это сложная тема, Амон, — улыбнулась она, сцепив пальцы рук.

— А на что похоже сновидение, которое испытывает Ашаи-Китрах?

— Согласно канонам, об этом нельзя говорить со светскими душами, — не очень уверенно попыталась увильнуть Миланэ.

— Несправедливо. Ты требуешь справедливости к своему желанию знания, ты была готова ради этого рискнуть очень многим и наверняка нарушить множество правил. А теперь говоришь, что канон что-то не разрешает, и будешь этому покорна.

Да она совсем не против, на самом деле. Предстояло сложное объяснение, и Миланэ вдохнула поглубже.

— Посмотри вокруг. Вокруг дома, дорога, львиный род... облака... лавки с коврами... что ещё... виднеется дворец Императора... Всё это — наш мир, твой и мой; мы сейчас в нём вместе. Тем не менее, его непрерывно выстраивает наш ум. Но если твоя сила воли достаточно сильна, и ты умеешь укрывать ум тишиной, то твоя душа при засыпании сможет попасть в серость без впечатлений, но при всём этом сможет осознавать себя. Тогда у тебя два пути: либо ум начинает измышлять новые, личные фантазмы, в которых странно смешаны реальные впечатления, воспоминания, осколки иных миров. Либо душа уходит через бурю междумирья и начинает блуждать по иным мирам, в которых ум пытается выстроить новую, совершенно непривычную для сознания картину, потому что... этот новый мир даёт... ему... новые впечатления. Настоль непривычную, что этому попросту нет слов.

— Значит, веришь в то, что другие миры существуют? — то ли с иронией, то ли с недоверием спросил он.

Она не могла поверить, что обсуждает это. Сколько долгих дней, сколько тёмных ночей это могло существовать лишь наедине с собой!

— Я знаю, что они существуют. Потому мне и нужно «Снохождение». Я сновидица, Амон.

— Но это — вероборчество, — уверенно сказал он. — Я слаб в вопросах веры, но... все знают «Девять оснований». Там написано, что мир — един, что мир — один.

— Безусловно. Я сама — воплощённое вероборчество. Неправильная Ашаи,

отвергнутая устоями веры Сунгов. Невозможная Ашаи. Каково?

— Изумительно — вот каково. Ваалу-Миланэ, не вера Сунгов опровергает тебя; это ты отвергаешь то, что теперь зовётся верой Сунгов.

— Смеёшься... — вздохнула она, и заметив его отрицательный кивок, спросила: — Почему ты так думаешь?

— Я верю тебе.

— Почему?

— У веры нет разумных доводов. Здесь разум всегда смешон. Она — чистое впечатление. Чувство. Твой взгляд. Твои жесты. То, как ты улыбаешься; то, как глядишь в сторону, задумавшись о мимолётном; даже то, как взмахиваешь рукой и как склоняешь голову, слушая меня. Твои поступки — безрассудно-невозможны в том мире, где все со всем согласны, и всем ведомо своё место; и вполне ясны — если понимать их чистый смысл. Мне не требуются доказательства — я их нахожу в тебе. Я верю в такую Ашаи-Китрах.

Она слушала это словно в полусне, с чуть открытым ртом.

«Это... Это...», — застыла её мысль в изумлении странного очарования. Но Амон не дал завершить её, додумать до конца, а тут же указал на мост вдалеке:

— Гляди: там некий художник рисует портреты. Давай попробуем?

Было сложно понять, что именно он желает предложить; потому, покачав головой, словно освобождаясь от наваждения, Миланэ с улыбкой спросила:

— Что попробуем?

— Увидеть, что получится.

Миланэ вовсе не против увидеть, что получится, потому идея была благосклонно принята.

Мостовая под ними кончилась: им следовало пройти по набережной две сотни шагов к тому мосту по небольшой, утоптанной тропке, по которой мало кто ходил. Возле неё тянулся длинный, кованный забор, за которым цвела садовая аллея; по всему, там размещался фансиалл — заведение молодых львиц. «Может, именно здесь служит Эмансина», — почему-то подумала Миланэ. Вместе с нею вспомнила и о самой близкой подруге — Арасси. Вдруг очень захотелось её увидеть. Вот прямо сейчас.

Амон вдруг умолк.

— Миланэ, могу посметь востребовать правду?

— Не знаю. Как сказано в Кодексе: Ашаи-Китрах не могут лгать. Но никто не обязывал говорить правду, — улыбнулась ему Миланэ. — А что ты хочешь узнать?

— Ты... тебе нравятся портреты? В смысле, художники, искусство? С тебя рисовали некогда портрет?

«Вовсе не это желал ты спросить, нет-нет-нет: передумал в последний миг, ушёл на попятную. Зачем? Зачем? Не иди назад, нет, иди вперёд, вперёд...», — подумала она и посмотрела на него; Амон понял, что она поняла. От этого он не то что бы растерялся, но со вздохом поглядел в землю перед собой, будто оправдываясь за свою осторожность.

— Естественно, нравятся, — не торопясь, ответила Миланэ. — С меня и светотип снимали, для личного дела, после Совершеннолетия, и я смогла выбить его копию для матери. Теперь он у неё; и портрет писали... года два назад...

У Амона было удивительное для неё свойство, просто приводившее в некий пугливый восторг. Она чувствовала, что может довериться, причём не так, в некоторых

делах и осторожничая, а полностью, вот прямо вся.

Тем временем они почти подошли к мосту, возле которого проходила оживлённая торговля и суэта, даже больше — была образована некая ярмарка; Амон снова начал шутливо расспрашивать её, не боится ли она теперь ходить по мостам и возле них, на что дочь Андарики снова вполне серьёзно ответила, что она теперь напротив — будет искать их. Поначалу Амон рассмеялся, а потом посерьёзней и вдруг сказал очень смешную штуку о том, что у неё — красивый нос. Вдруг Миланэ не осталась в долгу и ответила, что у него — симпатичные уши и грива ничего.

Почему-то с ним было очень легко. Она ни с кем не ощущала такой лёгкости, непринужденности, свободы.

Тем временем они подошли ко всему действию; здесь было множество львят, разномастных торговцев, некая группа лицедеёв и смельчаки, которые, будто нарочно напоминая Миланэ о прошлом, прыгали с моста в реку. Как раз прибыла стража, чтобы унять это непотребство, и даже завязался скандал, за которым они немножко понаблюдали. Потом Амон купил ей всяких лакомств и они прогулялись по мосту взад-вперёд. Вообще, по окружающей публике Миланэ поняла, что Амон завел её в тот район Марны, где жили львы и львицы, скажем так, не самого высокого рода. Затем вспомнили о своём намерении и таки взяли в оборот одного из художников.

Это был лев чудного вида: толстоватый, со взъерошенной гривой, наружности совершенно ординарной, скучной, с недовольной миной. В обычном случае Миланэ бы никогда и ни за что не стала ему позировать, даже в его сторону не посмотрела. Но в этот солнечный, прекрасный день, в этот час у них оказалось столь хорошее состояние духа, что не хотелось обращать внимание на подобные мелочи. Тот указал Миланэ встать необычно далеко, у противоположной стороны моста. Это удивило, ведь перед ними ходили львы-львицы, но лев ворчливо ответил, что ему виднее — он ведь искусен, а как вы думали. Что ж, Миланэ не стала спорить, встала, где указано; поначалу вздумала принять какую-нибудь классическую позу Ашаи-Китрах, но потом вняла, что будет смотреться смешно, долго пребывая в ней посреди всей толпы, а к позам и жестам надлежит относиться крайне внимательно, учтиво, бережливо — они не должны стать объектом двусмысленного отношения; она и так начала ловить на себе недоуменные и смешливые взгляды. Но ничто не могло смутить её превосходного состояния духа, этого солнечного внутреннего ожидания. Потому она просто уложила руки на перила и чуть улыбалась Амону, который просто стоял и смотрел на неё.

К единственной чести художника, закончил он крайне быстро. Амон, не посмотрев, пожелал рассчитаться, но тот почему-то не принял денег, мгновенно собрал свои вещи и почти убежал. Почесав гриву и поглядев ему вослед, Амон развернул толстый рулон бумаги.

Они уставились на сие творение.

— И как тебе? — первой решила сказать Миланэ, часто моргая.

— Даже не знаю... — Амон продолжал почёсывать гриву.

— Ну, и мне невдомёк... Смею заметить, хотя, как молвила Ваалу-Даима-Хинрана: «Суждения лёгки, а нелегка тропа». Так никто не делает. И вообще. Помоему... уровень начинающего... скажем где-то так... странный лев... у него нет особого дара, что тут скажешь... — Миланэ почему-то не находилась со словами; точнее, она так вежливо выражала своё глубокое недоумение.

— Ага, ага...

А потом Миланэ прямо созналась:

— Кошмар.

Амона это очень развеселило. Дотронувшись к её руке возле локтя, он молвил с огнём в глазах:

— Я боюсь, в твоём случае все художники обречены на неудачу.

— Очень жаль слышать. Отчего?

Они снова вступили на тропу, по которой сюда пришли.

— Ты разве не знаешь? — многозначительно спросил он.

Теперь пришла её очередь многозначащего молчания; много они прошли, около сотни шагов, прежде чем она остановилась посреди тропы, прямо под сенью после-полуденных лучей солнца, что пробивались сквозь листву; дул ветерок. И затем она свершила нечто крайне затейливое, весьма неожиданное, даже для себя: с хитростью самки провела кончиками когтей по его руке, будто бы совсем нечаянно; Амон обратил внимание и чуть сбавил шаг, пытаясь верно осмыслить — не показалось ли? Но тем временем львица-Ашаи свершила так, чтобы её ладонь очутилась в его ладони, совершенно случайно, естественно, и полностью остановилась, будто недоумевающая от его внезапной медлительности. И, естественно, поймала взглядом, чуть подалась вперёд, и в итоге он, наверное, совершенно бессознательно, обнял её за талию; тем не менее, всё случилось так, будто бы именно на нём лежит вся ответственность.

Устроив притворство, что она удивлена такой смелостью, молвила:

— Я? Что я могу знать... — вздохнула. — Я не знаю, что делаю, Амон, — очень мягко обняла Миланэ его шею, распрямив руки. — Не знаю, что делаю. Не знаю... Может, ты знаешь? Амон, кто ты?

Она была готова к неизбежному, ну почти готова, потому как боялась, словно на первом свидании, но ничего не случилось: Амон посмотрел куда-то вниз и в сторону, будто в чем-то повинный.

— Идём.

Снова шаги по тропе.

— А куда мы идём? — требовательно спросила Миланэ.

— Я хочу показать тебе Императорские сады.

Миланэ утихла и решила выждать, что будет.

«Может, он прав: вокруг хвостов много. Неприлично, тем более — мне».

По дороге они наткнулись на лавку, в которой продавались писчие и каллиграфические принадлежности. Вспомнив, что у неё нет почти ничего из необходимого в новом доме (всё осталось в Сидне), Миланэ попросилась заглянуть туда на маленький миг. Маленький миг весьма затянулся, и вот почему. Несмотря на то, что лавка находилась на весьма пыльной и пустынной улице с унылыми домами в два этажа, внутри ожидал действительно превосходный ассортимент. В свете свечей графисы, перья, кисти, дощечки, чернильницы были неопишутемы. Более того, за прилавком находилась хозяйка собственной персоной, старшая сестра-Ашаи, львица глубокого возраста силы, немного толстоватая, с очень живым взглядом, тонкой линией рта, серо-пепельного окраса. Это было весьма удивительным, потому как всякая Ашаи-Китрах, даже если она хозяйка магазина, не станет торговать лично; канонами торговли для Ашаи-Китрах не запрещена, но находиться за прилавком лично, торговаться, угождать посетителям — весьма неодобрительно: велик риск уронить достоинство сестринства. Но всё оказалось гораздо интереснее: выяснилось, что эта сестрина — не кто иная, как Ваалу-Эсендина. В среде увлекающихся каллиграфией

она — живая легенда, а в дисциплинах её имя знает почти каждая ученица. Впервые за много десятков лет светским каллиграфам было указано их место, и сестринство Ашаи-Китрах снова могло сказать: «Нас не превзойти».

Миланэ изумилась тому, что здесь не находились посетители, кроме них, но Эсендина ответила, что так бывает, особенно в некоторые дни. Безусловно, дочь Сидны не могла упустить шанса побеседовать со столь известной сестриной; Эсендина оказалась крайне простой в общении, безо всякой спеси и высокомерия; казалось, она немножко устала от вопросов, которые задавала Миланэ, по той простой причине, что слышит их чуть ли не каждый день. Её работы почему-то не продавались, как это обычно бывает в подобных лавках, на что мастерица ответила, что они заказаны на луны вперёд, а деньги она пускает когда как, но большому счету даёт на всякие добрые дела, особенно на сиротские приюты, потому что на себя тратить деньги не умеет. Затем в разговор вошёл Амон. По правде говоря, Миланэ поначалу не желала, чтобы он вообще начинал говорить, ибо он мог сказать не то что бы глупость (она уже вняла, что Амон весьма умён), но нечто невпопад, но опасения оказались совершенно напрасными, отчего Миланэ почему-то даже воспряла, возгордилась, хотя и сама до конца не поняла, почему (а, может, всё поняла, но не желала себе признаться); кстати говоря, Эсендина однажды назвала их «парой», что немножечко смутило, потому как Миланэ ещё совершенно не задумывалась, как именно *назвать* то, что происходит между ними. Внимательно выслушав их беседу, Амон попросил Миланэ «написать что-то красивое»; конечно, тем самым поставил её во весьма неудобное положение, поскольку перед мастерицей каллиграфии можно запросто попасть впросак. Но отказываться — тоже нехорошо. Вдруг ей кое-что пришло на ум, и Миланэ условилась, что напишет, но покажет лишь тогда, когда сама посчитает нужным (или не покажет никогда, вот так). Они с Эсендиной ушли в сторонку, Миланэ кое-что написала тушью на дорогой грейпферовой бумаге; со скучающим видом Эсендина отметила:

— Сидна. Неплохо.

Указала на несколько недостатков, а главный тот, что «когда спускаешь штрих, то давишь на кисть», что недопустимо. Миланэ же пришлось только удивляться, как по нескольким строчкам эта львица-Ашаи смогла определить, где она обучалась каллиграфии. Потом она сложила бумагу вчетверо, к неудовольствию Эсендины, и спрятала себе под пласис, возле пояса. В конце концов, Миланэ накупила много нужных и полезных вещей, и рассчитавшись, сообщила, что всё это позавтра заберёт её служанка по имени Раттана. На том посещение было окончено, и они вышли.

Они продолжили путь, и тут Амон завел разговор о дисциплинах:

— Долго Ашаи-Китрах учат каллиграфию в дисциплинах?

— С самого начала, со сталлы. С двенадцати-четырнадцати лет.

Тут-то он изъявил любопытство о подробностях жизни учениц в дисциплинах, потому Миланэ пришлось пуститься в пространные рассказы, упуская некоторые моменты, которые воспрещено оглашать по обетам и канонам: что ученица-найси до двенадцати, иногда тринадцати или совсем редко — четырнадцати лет учится у своей первой наставницы; как проходит она Круг Трёх Сестёр, которые определяют её судьбу: обучаться тропе Ашаи в дисциплинах или с наставницей; как поначалу непросто сталле находится в дисциплинах в отрыве от родных земли и дома; что в дисциплинах тоже плетутся интриги, причём самые беспощадные; как ужасна и волнительна Церемония Совершеннолетия, подлинно решающая судьбу юной львицы, и

которую не проходит примерно треть учениц-сталл из дисциплинариев и половина из свободных Ашаи; что ученичество в дисциплинариях совершенно не похоже на таковое в любом светском заведении, и в чём-то отличается большим попустительством, а в ином — жесточайшими строгостью и требовательностью; что юная Ашаи-Китрах, сначала в качестве сталлы, а потом, после Совершеннолетия — дисциплинарии, учит множество вещей: и общеобразовательные предметы, навроде словесности или математики, и веру Сунгов с её историей, игнимару, некоторые азы сновидения («Совершенно нищие азы», — выразилась она), нужные для «видения Ваала» («Будь оно неладно, сие видение», — отметила Миланэ, внезапно вспомнив об Арасси), фармацию, травничество и знахарство, медицину, обучение дарам духа навроде страйи или эмпатии, ритуалистику, жесты, этикет (и светский, и сестринства), риторичку, азы древнего языка, каллиграфию («Вот тепер ты её видел», — сказала Миланэ, на что Амон вмиг ответил: «Не видел, так как ты спрятала написанное», и она смутилась), музыку (Амон захотел при случае услышать её игру на чём-либо, и Миланэ согласилась, что «когда-нибудь»), различные таланты вроде танцев, песенного искусства, стрельбы из большого лука, мантики и тому подобного; рассказала Миланэ о близких подругах, особенно Арасси, естественно, сокрыв её секреты; о некоторых забавных случаях, приключившихся с нею в Сидне за все эти годы; ни словом не обмолвилась о своём пребывании на Востоке; плавно увильнув от обсуждения Сидны, начала описывать свою родину — Андарию, а ещё повещала о доме и родных; дошла до рассказа о сестре и племяшах, отметив:

— ...Сестра моя избрала себе в супруги льва довольно странных, я бы сказала — посредственных качеств. Тихий он; да и вообще, прости меня, как говорят львицы помеж собою — «никакой». Но сдаётся мне, что сестру такое вполне устраивает, что странно...

— Что здесь странного? — не согласился Амон. — Странное только для тебя, а она в нём что-то видит. Каждый имеет право любить, как хочет и кого хочет.

— Не отрицаю. У меня просто есть мнение, которое всегда прячу перед нею... я вообще многое прячу перед нею. Каждый достоин права любить и быть любимым, безусловно. Я знаю это, я ведь Ашаи-Китрах.

— А что такого говорят Ашаи насчёт любви?

— Ах, Амон, это зависит от воления самой Ашаи. Единого мнения нет: среди нас кто как хочет, так и любит; и кого хочет. Всё в твоих когтях.

— Не совсем понял, честно. У вас должен быть некий... некое общее мнение, как общности, как сестринства. На всё у вас есть общие мнения, а тут?

— А нет всецелого мнения. Почто оно? Ты гляди, среди нас есть львицы свободных нравов, а есть построже. Зависит от наследия, воспитания, родной земли. Как хочешь, так поступай.

— И ты...

— И я — андарианка по крови, и по духу — тоже.

— А что говорят Ашаи: существует ли любовь с первого взгляда?

«Завёл меня такими тропами!», — подумалось Миланэ, и она стала идти ещё медленнее, чем прежде.

— Забавный вопрос, — молвила она, хотя не видела в нём ничего забавного или смешного. — Я ведь упоминала: нет у нас общего мнения о всякой любви.

— Тогда как полагаешь ты?

Нет, Миланэ не против. Она далеко не против. Ей всё происходящее доставляет

удовольствие; ей нравится эта игра, и нравится Амон, честно-честно; но её угнетало, даже чуть раздражало то, что он хранит в себе глупую, затаенную грусть, словно опасается или боится. А Миланэ очень не любит, когда лев боится и весь среди сомнений: это миг повергает её в уныние, потом в раздражение, а затем — в тихую ярость. Потому не могла внутри себя решить: почему он беспокоится и почему боится? вообще, как с ним быть?

— Возможно... Вполне может быть, — она поглаживала шею. — Я не уверена ещё... — опустила взор долу. — Я хотела бы увериться, — подняла к нему. — Спрошусь: почему лишь мне суждено отвечать на вопросы? — потребовала. — Ты мне скажи. Вот ты мне и скажи.

Под колоннадой голос преобразался — даже лёгкий шёпот был слышен.

— Совершенно, безусловно — она существует. Мне мало сказать; хочешь, я тебе докажу?

— Я не прот...

Она уже знала, что Амон сделает это, рано или поздно — но сегодня; и не пошла бы с ним, если бы не хранила любопытства и желания узнать его получше. Тем не менее, Миланэ представляла всё чуть иначе: вот он заводит в совершенно безльвиное, но очень красивое место; вот он почти до боли сильно обнимает и набрасывается с поцелуями, как на добычу, решившись окончательно, опасаясь, что ученица-Ашаи ускользнет или решит, что хватит с него дразнилок да игр. Ведь кто он, и кто — она?.. Если брать «по уму», то такие отношения ей не под стать; безусловно, их знакомство интересно, да и нельзя упустить то, что Амон спас жизнь. Но всё равно льву неопределённых занятий и происхождения нужно быть крайне смелым, чтобы завоевать расположение Ашаи.

Но Амон совершил всё иначе: в его поцелуе не было ни желания совладать с нею прямо здесь-сейчас, ни испуганной дерзости. Ей показалось, что она целуется первый раз в жизни, только с вычетом обычного страха и неумения, который всегда есть во всяком первом поцелуе. Амон держал её за талию, не спускал с неё глаз; вдруг он дотронулся к её уху, словно впервые разглядывая крайне ценную вещь; чуть выпустив когти, пригладил скулу; дотронулся к подбородку. Миланэ слышала чужие шаги, ей стало неловко, что их застанут вот прямо так, как влюблённых подростков, потому она смущенно улыбнулась, а потом даже неподдельно застеснялась. Смущение, наверное, привело Амона в тихий восторг, потому что в смущении она, как оказалось, безумно красива; да и вообще, всегда была такой...

На них с недовольством поглядели некий сир в тоге с высокой, строгой и отвратительной с виду хаману.

Ашаи-Китрах очень хорошо чувствует душу тех, с кем становится близка, а потому Ваалу-Миланэ уже знала, что относится он к ней с неподдельной нежностью. Он действительно влюблён, но раздосадован одновременно. Только теперь, через этот поцелуй, Миланэ поняла, сколь ему грустно, и почему-то вдруг испугалась, что сделала нечто не так.

— Не уверена, но кажется... ты убедил меня, — Миланэ рассматривала его, словно узнав наново, обнимая шею и плечи.

Вдруг он пригласил снова идти дальше.

— Доселе я сам не знал, что такое возможно. Хотя не могу сказать, что любовь мне неизвестна.

— Да и мне совестно жаловаться на судьбу, — она ждала, что Амон возьмёт её за

руку. — В моей жизни было место чувствам; хотя с Ашаи — наверное, понимаешь ты — всё чуть иначе.

— Моя мама рассказывала, что каждая любовь, которую нам посчастливилось встретить в жизни, вовсе не должна обеднять нас сердцем, обременять душу тяжестью воспоминаний. Нет, она добавляет нашему сердцу богатства, и даже если узы разорвались, то надо сохранить самое лучшее из того, что было.

Вдруг Миланэ поняла, что сама становится жертвой: не она вынуждала ждать, а он; не она вынуждала волноваться, а он; не она с ним играла, а казалось — он. Он вёл себя с нею, с Ашаи, столь уверенно и спокойно, как с обычной львицей, и она начала понимать, что не сможет сопротивляться этой уверенности.

«Ваал мой, я влюбляюсь в него... Влюбляюсь в него, по самые уши. Какой кошмар, что будет!»

— Твоя мать была львицей великой мудрости.

Они давно уже миновали несколько кварталов, время плыло незаметно.

— Я многое поведала о себе. Теперь твоя очередь.

— Миланэ, для этого я и вызвал тебя на крошечную прогулку.

— Не называй эту прогулку крошечной, не спеши сдаваться, — она коснулась его руки.

— После того, что услышишь, ты вряд ли захочешь иметь со мной дело.

— Посмотрим.

Они вышли на открытую набережную. Пологий берег в зелёной траве, маленькое озеро; судя по тому, что вокруг был лишь почтенный львиный род, каким-то непостижимым образом они успели войти в Сады Императора; Миланэ и не заметила этого. Амон уселся прямо в тени большого дерева бильбао, из листьев которого можно варить отличную мазь для открытых ран, пригласил это же сделать Миланэ, но потом сразу встал, видимо, опасаясь, что ей будет непросто присесть в её наряде. Но опасения напрасны: большинство нарядов Ашаи предназначены для того, чтобы в них можно было преклоняться и вообще чувствоваться весьма свободно, чего не скажешь о многих одеяниях светских львиц.

Ведь Ашаи-Китрах может как оказаться на приёме у Императора, так и сжигать в преклонении огнём игнимары тела умерших.

Дочь Сидны кивнула, подняв левую ладонь: «Не беспокойся». Сорвав листик с дерева, она уселась, поджав лапы под себя и усевшись прямо на них — поза, совершенно неприемлемая для светских львиц и обычная для Ашаи; переживала, что земля окажется холодной, но та успела прогреться за день. Погода была чудной, совершенно потрясающей, в воздухе витали серебряные нити.

— Что ты мне хотел сказать, Амон? — она вертела лист в руках.

— Ты, наверное, поняла, что я не тот, кем пытаюсь казаться.

— Поняла ещё тогда, как проснулась в твоём доме, — смешливо молвила дочь Андари.

— Вот как... Я — сотрудник Службы тайных дел Империи. В ту ночь я вовсе не «проезжал мимо», как ты, возможно, подумала. Я выполнял задание о слежке за тобой, а тот извозчик был действительно случайным очевидцем и лишь остановился, чтобы помочь. Тебе, верно, интересно, зачем я за тобой следил. Вот что: слежка не имела конкретной задачи, лишь обычное определение: где бываешь, с кем встречаешься. Конечно, когда ты начала тонуть — а этого никто не мог предвидеть — то я бросился тебя спасать, это была чисто моя инициатива. В общем, всё пошло не по

плану. Я забрал тебя к себе, потому не знал, как иначе... Потом решил ненавязчиво установить связь, воспользовавшись столь удобным случаем. Связь установилась как нельзя лучше, о чём я сразу доложил руководству. И, тем более, эта история с книгой «Снохождение»... Мне дали задание: любыми способами поделничать тебе, копать, высматривать. С самого начала мне дали задание устанавливать круг твоих связей, установить тех, кто за тобой стоит, собирать на тебя любой компромат. Моё руководство оказалось очень заинтересовано в тебе: мне приказали бросить все остальные задачи...

— Зачем я нужна Тайной службе? — задрожал голос Миланэ, перебивая.

— Ты не нужна Тайной службе сама по себе, сколько я могу судить. Мы выполняем чей-то заказ, так это зовётся на нашем языке, то бишь, тобой интересуется некто крайне влиятельный. Некто настолько влиятельный, что захож напрямую к руководству нашей службы. Видишь ли, мы не занимаемся мелочью.

— С чем это связано? С тем, что мой патрон — сенатор Тансарр?

— Боюсь, что да. Похоже, что кое-кому он мешает или с ним хотят договориться. Но мне кажется, что это одна из причин, хотя могу ошибаться.

Миланэ поёрзала, усаживаясь поудобнее; в сердцах отбросила хвост назад.

— Хал? «Снохождение»? Теперь это тоже известно твоему руководству? Теперь ждать, когда в мою дверь постучатся из Надзора? И в его дверь — тоже?

— Нет. Я не раскрыл ничего; сначала потому, что хотел разобраться в деле и покопать, а затем потому, что... Я не сдам тебя, Миланэ, не беспокойся. Я понял, что не смогу этого сделать, а тем более тогда, когда ты отказалась от авантюры. А Хал давно завербован нашей Службой, он — наш старый агент. Обратись ты к нему напрямую — ты бы пропала, Милани... Вот он бы тебя сдал. Но сейчас Хал будет молчать, он хорошо усвоил уроки на сей счёт.

— А что будет с Ваалу-Ирмайной? Ведь Хал может и её сдать... не знаю... вам или Надзору. Он ведь, как ты говоришь, ваш агент. А я желала к ней обратиться, думала, она как-нибудь сможет помочь...

— Ваалу-Ирмайна знает, что Хал завербован, но её это абсолютно не затрагивает и совершенно не беспокоит. Меньше-меньше-меньше всего я тебе советую обращаться к ней. Всё, что она проворачивает в библиотеке, делается из согласия самых влиятельных голов Империи, поверь. Иначе её бы давно уже там не было. Не подходи к Халу, не верь ему. Не верь Ирмайне. Пожалуйста, бойся всего этого; ты ходила по лезвию кинжала. Не говори мне больше о своих планах. Вообще никому не говори, Милани. За тобой и так наблюдает столько глаз...

— Так ты не один?

— Определённо нет.

«Нет...» — внутренне застонала Миланэ. — «Нет-нет. Почему?...»

— Вот ещё, я знаю, что ты пару дней назад убила обидчика. Будь уверена: это очень многих взволновало; всполошило, если хочешь. Кто-то, кому ты интересна, перестал воспринимать тебя несерьёзно.

— Да и что, что убила? Судить начнёшь? Не трудись: я над собою уже успела провести десяток судов.

— Нет... Я не то хотел сказать. Напротив — это поразило.

— Прости, но зачем ты устроил фарс с похищением книги? Если говоришь, что не сдашь меня? Зачем было устраивать мне встречу с Халом?

— Милани... — тяжело вздохнув, посмотрел в сторону Хал, на красивые сады.

— Я запрещаю льву обращаться ко мне на «ты», — приосанилась она. — Так зачем, осмелюсь узнать?

— Мне пришлось играть роль; но на этой встрече я окончательно уверился, что за тобой... за сиятельной никто не стоит, и Ваалу-Миланэ просто решила — как это ни безумно — утащить книгу из Имперской библиотеки по личным причинам, из наивности не подозревая, что там полно агентов, двойных агентов и прочих радостей. Что там подлец сидит на негодые и паршивцем погоняет. Когда было сказано, что безупречная не вынесет, если «Халу и Ирмайне будет причинен вред», то я просто не выдержал. Я понял, что мне нужно спасти сиятельную, и лучший способ сделать это — рассказать суть вещей.

— Суть вещей...

Она была ни жива, ни мертва.

— Всё, что сейчас рассказываю сиятельной, тянет на трибунал, измену клятве Императору и долгую каторгу, если не казнь. Мне хотелось бы, чтобы Ваалу-Миланэ понимала это.

— Откуда знать, что ты говоришь правду? Почему я должна верить тебе?

— Я знаю, что иногда Ашай-Китрах могут видеть правду.

Посмотрев на него, она отвернулась.

— Обращайся ко мне, как хочешь. Делай, что хочешь, — молвила она бесконечно усталым голосом. — Сдавай куда угодно, докладывай кому хочется.

— Милани, давай подытожим, это важно. Ты слушаешь меня? — терпеливо сказал Амон, понимая, что всё кончено.

— Да... — Миланэ сложила руки так, как делают при чтении энграммы на успокоение.

— Не делай больше попыток достать эту книгу, по крайней мере, через библиотеку Марны. Забудь, хотя бы сейчас, потому что слишком много тех, кто интересуется твоей жизнью. Всегда помни, что за тобой следят; скорее всего, из-за того, что твой патрон — фигура, которая кого-то интересует и, может, кому-то даже мешает. И последнее: очень сильно разозлись, изо всех сил ударь меня и уйди в негодовании домой.

— Не буду. Не хочу домой, не хочу в негодовании. У меня есть здесь дом, но нету «домой». Я ничего не хочу.

«Почему я столь слаба?», — требовательно взыскала с неё гордость. — «Почему я жалуясь ему, почему плету всякую чушь? Обманщик! Предатель! Предатель? Нет, всё-таки... а таки и предатель!».

— Мне нужно будет как-то объяснить, почему у меня с тобой разорвалась связь и дальнейшая работа невозможна. Как иначе я смогу...

Вдруг резкий удар пришелся по его щеке, потом по другой, потом ещё раз. Теперь перед ним вовсе не сидела, а стояла неукротимая дочь Андари, величественная и несчастная в своей ярости; глаза у неё чуть сузились, уши чуть прижались, левая рука упёрлась в ножны сирны:

— Не смей больше! Не подходи! Ничего-ничего не смей! Ты понимаешь, что случилось?! Нет?! Никто не понимает, что случилось!

Взмахнув подолом пласиса, она резко ушла, быстро утирая глаза от слёз.

Амон недвижно сидел, чувствуя огромную пропасть в душе. Он чувствовал, как обрушилось нечто очень важное; возможное, самое важное в жизни; и, самое главное, в этом никто не был виноват, просто так произошло, просто такова жизнь, лишь

так сложились сложные обстоятельства, и в ином случае он не отошёл бы от неё, ведь она так ему понравилась, эта львица, эта Ваалу-Миланэ-Белсарра, дочь Андари и великой Сидны дисциплинара, или просто Милани; она, тихий гений сердца, есть в ней то великое, таинственное, что ищет вход в каждую душу и находит его; она не скажет слова, не бросит и взгляда без тайного умысла соблазнить, тайного даже для себя; ничего в ней нету жёсткого, просто-ясного и грубо-уверенного. Она — мастерица казаться, её суть в том: она есть лишь тогда, когда кажется; но кажется она чем-то бесконечно истинным, и когда он спорил с нею об истинности, раскидываясь словами, то внутренне знал, что истина есть, и она — вот, перед ним, вся в загадке, но не перестающая от этого быть ею. Вечное начало самки, что сглаживает шероховатости душ, пленяющее своим присутствием, медленно обволакивающее; и теперь её нет, она исчезла.

Теперь можно отчитаться и жить, как жил. Чего же более?

Откинувшись назад, Амон опёрся о землю и вдруг ощутил нечто под ладонью. Там оказалась некая карточка, сложенная вчетверо, уже чуть успевшая измараться в земле и примяться; прежде чем открыть, рассмотрел её со всех сторон, правда, не поднимая высоко, а держа у земли. Огляделся, затем незаметно понюхал — старый способ; так и есть, принадлежит Миланэ, та самая карточка, на которой она сегодня рисовала кисточкой и спрятала её за своим одеянием от его глаз. Затем развернул и увидел:

*Что произойдёт,
если сестра понимания поймёт:
влюбиться ей пришла пора?
О милый Амон,
на самом деле это — не игра.*

Глава XIX

Очень медленно, очень долго Миланэ снимала хризолитовые подвески с ушей, стоя перед большим зеркалом, хотя страстно хотелось совершить нечто остервенелое, пораскидать вещи по комнате и дому, разбить десяток тарелок и ещё, наверное, больше блюдо, потом заплакать, а потом как-нибудь успокоиться и сказать себе, что всё пройдёт и все — сволочи. Но нечто — наверное, всё та же сильная воля Ашаи, воспитание Ашаи, которые въелись в кровь — не давало этого сделать. Поэтому все её движения были нарочито медленными, словно она боялась самой себя.

Длинный пояс упал на пол. Чуткие уши услышали стук внизу. «Раттана хозяйничает». Посмотрела на кончик хвоста, слабо удивилась тому, что он успел измараться, и безвольно отпустила его.

Обычно львицы любуются собою перед зеркалом, пытаются выявить недостатки, ведут с ним незримый диалог, стараясь окончательно понять: «Хороша ли? Где мой недостаток, а где — моя власть?». Но в сей миг было всё равно — она просто глядела на себя, на свою форму в этом мире, в которой было суждено явиться. Освещение в комнате плоховато, две зажжённые свечи — не в счёт, а потому её глаза сверкают, отражая чуть больше света, чем есть в мире. Она серьёзна, но не по-дневному

напряжённо, а расслаблено; пожалуй, именно такое выражение можно найти у спящих.

Прекрасные виды за окнами, не холодно, не жарко.

«У нас всё происходило быстро, слишком быстро... Как счастливы пары, у которых есть эти недели, луны. Годы!..», — дотронулась когтем к зеркалу. — «Видимо, ему было наплевать! Негодяй! Ваал мой, зачем он всё разрушил, почему не захотел обманывать ещё хотя бы несколько дней, хотя бы недельку, я ведь не глупа я ведь знаю что всё рано или поздно кончается, рано или поздно умирают души миры мысли, он мог ещё немножко подождать а потом начать со своими признаниями, вот уж да... Наверное, он не хотел меня мучить, так вот и зря, пусть бы помучил, ты уже и так наделал дел, я и так успела тебя полюбить... Ах, Амон, что ты наделал? Ты разрушил сразу две мечты: прикрыл мне пути к любви и к “Снохождению”. Теперь что ты прикажешь делать? Что при-ка-же-шь?»

Она сбросила пласис на пол, осталась в шемизе, бессмысленно выглянула в окно, в очень маленький внутренний двор. Видны первые звёзды.

Может показаться удивительным, что Миланэ не беспокоилась по поводу слезки и всего прочего. Но это было так. Она уже давно поняла, что после вхождения в род Тансарра стала весьма важной птицей, да и тем более, что тот предупреждал: у него есть оппоненты. Миланэ ничуть не боялась. Из всего произошедшего для неё представлялись важными только две вещи: последний мыслимый путь к «Снохождению» прикрыт, с намёком на полную неопределенность дальнейших поисков; Амон, в которого она успела влюбиться со скоростью ветра, приказал оставить его.

В дверь постучались.

— Да? — отозвалась слабым голосом.

— Хозяйка, там пришли, просят зажечь огонь Ваала на чаше. Соседи, три дома от нас, хаману с двумя детьми. Почтенное семейство, супруг служит не последним чиновником.

— Хорошо, — кивнула Миланэ, без всяких сомнений направившись к двери, чтобы исполнить свои обязательства, как Ашаи-Китрах.

Она ведь добрая Ашаи, она принимает свои обеты.

— Сиятельная... но в таком виде... наверное, так не очень будет хорошо... — ужаснулась Раттана.

— В каком? — глупо удивившись, осмотрела себя Миланэ. Она совершенно не помнила мгновения, когда успела разоблачиться, да и сделала это весьма своеобразно: пояса с пласисом не было, но украшения — на месте, да и к тому же сирна в руке.

— Скажу, что безупречной нездоровится. Сейчас вернусь.

Раттана очень осторожно закрыла дверь, а Миланэ так и осталась стоять. Потом снова отошла к окну, не глядя швырнув сирну на кровать. Там она вдруг встала в классическую позу, обозначающую печаль, но не траур, хейтари-аммау: встать ровно, стройно, голову чуть склонить, уши прижать на три четверти, хвост обвивает левую лапу у колена, руки накрест на груди. Это не считая многих иных деталей, мелких, но важных. При этом Миланэ внутренне ухмылялась (но вовсе не внешне — воспрещено позой!), что они, Ашаи, даже грустят по церемониалу и предписаниям; тем не менее, её не зря учили столько лет — она не могла уже хоть в чём-то нарушить позу или как оступиться. Церемонии, правила. Так надо, так не надо. И даже объясняется, что красиво, а что нет, будто чувство эстетики застыло в камне, заклю-

чѐнное. Застывшая лава.

Тем не менее, Миланэ знала, что она — Ашаи, и не может иначе.

Спровадив посетителей ни с чем, вернулась Раттана, держа в одной руке большое полотенце, а в другой — миску с водой.

— Сиятельной плохо? — осведомилась.

— Да. То есть нет. Плохо наверное, Раттана, — Миланэ бессознательно свершила выход из позы: руки сразу вниз, подбородок вверх, на миг прикрыть глаза, взмахнуть хвостом, уши отжать, не поворачиваться ни в какую сторону три удара сердца без крайней необходимости, стройности не терять.

Дхаарка подошла, приглядываясь.

— Вот у львицы бывало так, что все виды на судьбу вдруг брали и рассыпались, как бисер по полу?

— Как бисер по полу, — вторила Раттана, осторожно усаживая хозяйку на кровать, — бывало, сиятельная. Всё бывало.

— Я, наверное, сейчас пойду в экзану, — отстраненно говорила Миланэ, совершенно не глядя на служанку-дхаари. — Точнее, мы ещё не успели её обставить, так пойду на кухню. Сделаю успокоительное или арру.

— А что такое арра? — спокойно поинтересовалась Раттана, мало слушая её, словно маленькую львѐну и продолжая складывать повсюду разбросанные вещи.

— Вещество такое. Дурь. Чтобы ты знала, в дисциплинах ею ещё как балуются. Вдохнула пару раз — и самое то, уже ничего не надо, и всё в порядке.

— Я никогда не думала, что Ашаи-Китрах столь несчастны, сиятельная, — серьёзно молвила Раттана.

— Мы не несчастны. Мы, мы... Просто... Что со мной, Раттана? Может, тебе знамо?

— Знамо, — с готовностью ответила та, снимая с её ушей подвески и возлагая их возле зеркала. — Конечно. Я по взгляду вижу.

— Ты видишь по взгляду? — спросила Миланэ с ироничным превосходством Сунги и Ашаи-Китрах, впервые взглянув на неё осмысленно и верно.

— Вижу. У меня на родине такое называется... я могу сказать на своём языке?

— Можешь. Не надо у меня спрашивать. Говори, как хочешь. Ты живая душа, ты можешь говорить, как благорассудится.

— Анстайахшарза, — вымолвила она с непередаваемым акцентом, и слова звучали совершенно чуждо. — Это примерно значит «тоска львицы». Это когда ей нужны лев и дети, когда пришла пора. Оставляться в таком положении считается большим несчастьем, — Раттана смочила виски Миланэ мокрым полотенцем, а потом приложила на миг к затылку. Дочь Сидны не противилась.

— Ашаи не могут выйти замуж, — словно оправдываясь, ответила.

Раттана открыла окно, в которое глядела Миланэ, и вовнутрь ворвались грустные ночные звуки.

— Супружество здесь ни при чём, сиятельная. Тоскует безупречная по льву, оттого и досады, злость к судьбе. Я не смею много говорить, ибо служу сиятельной, а ещё не знаю долгов и обетов великого сестринства, но лучше бы сделать так, чтобы кто-то сиятельную нашёл.

Она даже не знала, что ответить.

— Он меня нашёл, но вдруг бросил.

— На-на, сиятельная, вот оно что. Но я тут смею молвить: таких, как моя хозяйка,

не бросают.

— Это почему так?

— Хозяйке глупый не понравится, а неглупый такую львицу, как хозяйка, не бросит. Одумается потом, измучается, придёт обратно. Железную кость сгрызёт, но придёт.

— Разве? Да он и не бросал меня вовсе... Просто так получилось... Спасибо, Раттана, что за мной так ходишь.

— А как иначе? Пусть безупречная отоспится и ничего-ничего не делает, не думает, это сейчас надобно.

— Я бы ещё поужинала. Есть у нас чего? — очень просто спросила Миланэ, будто бы обращаясь к подруге-дисциплинере.

— Конечно есть, сиятельная.

И они поужинали, а потом Миланэ, блюстимая Раттаной, ушла спать.

Возлегнув набок, она вытащила на мир из тумбы, где начала хранить ценные вещи, подарок Хайдарра, северный амулет. Долго его разглядывала, особенно зубы волка. Потом одела на шею, перевернулась на спину и уставилась в потолок.

— Так победим, — зачем-то молвила самой себе, очень тихо.

Вдруг стало очень жаль Амона, и Миланэ начала плакать.

«Разве он виноват хоть в чём-то, он ведь делал всё чтобы разрешить случившееся он пытался даже помочь и отвадить от ужасной ошибки он спас меня от холодных вод в которых я бы верно утонула и не было бы больше Ваалу-Миланэ-Белсарры, какая нелепость могла случиться... Он улучил краткий миг чтобы побыть со мною а я дура не замечала и всё себя спрашивала почему такой печальный почему да почему... Надо было сразу учуять что с ним и постараться не влюбляться, не принимать игру а сразу идти прочь, глядишь было бы в мире одним растерзанным сердцем меньше... Или двумя... Двумя, знамо, точно двумя, меня он тоже полюбил, мне-то не знать... А может притворялся? Нееет, так не притворяются. Или притворяются? Нет! Возможно... Всё равно нет!»

Сжавшись, повернулась на другой бок, вспомнила о записке, которую бросила на траве возле него, уже за ненадобностью. Вдруг начала сожалеть Миланэ, что не отдала её Амону прямо в руки, ведь он наверняка не заметил, так и ушёл. А она ведь старалась для него, действительно старалась, она желала как лучше... Вспомнилось, что точно так же она дарила свою каллиграфическую работу Хайдарру; для полной картины не хватает лишь подарка от Амона (Хайдарр ведь подарил ей амулет) и огня Ваала на кровати с Амоном (как она показывала его Хайдарру). Но ничего этого не будет, ведь теперь за нею будет следить не Амон; верно, будет кто-то другой, кто не подвержен всяким чувствам на службе, вот так...

Да шакал с ними, пусть следят. Дурни.

«Вот как будет. Всё, в итоге, глупость и блажь. Больше никакого “Снохождения”, не хочет оно попадать в твои когти, и не попадёт, как видишь. И об Амоне ты забудь — так тебе лучше, и ему. Теперь начинай жить реальным миром, забудь обо всём этом, ставай такой, как надо... Превращайся в порядочную сестру Ашаи-Китрах. Устраивайся среди жизни. Вон гляди — Синга; обрати на него внимание, будут у тебя дети знатного рода, узы с патроном крепче, и вообще — правильно получится. Всё нужно делать с толком, с умом, по канонам и предписаниям; в общем, как надо и как принято. Что за будущее, если делать глупости? Забудь, забудь. Никаких снохождений, ведь они крадут силы, что нужны для игнимары, равно и наоборот, но нам

нужна игнимара, а не иные миры — с иных миров пользы не взыскать, а с игнимары — ещё как. Не вспоминай об Амоне. Никаких культов Севера. Никаких сумасбродств, случайных связей, неверных слов, неправильных мыслей. Ничего. Ничего...»

* *

В эту ночь снились сны, в которых она не осознавала себя, и это было великим отдохновением. Там было много всякого неважного и сумасбродного, как оно обычно бывает. Но один из снов оказался особым. Миланэ ходила по каким-то комнатам, маленьким и угрюмым, и больше всего поражали их тёмно-синие потолки, настолько низкие, что приходилось всегда пригибаться; в этих комнатах она не видела обитателей, но знала, что они есть, и почитают за счастье, если твоя комната позволят вволю сесть, а верх шика — это если ты может стоять в ней, сгорбившись. Большинству приходилось ползать лёжа, и так проходила их жизнь, если это можно прозвать жизнью. Впрочем, нет, неправда, одного жителя сего мира Миланэ увидела: в одном из уголков встретила существо, сидящее на заду (то бишь дела у него шли небогато, но и небедно), что-то быстро-быстро черкавшее на желтоватой бумаге штукой, похожей на графис. Вокруг кутался мрак, но похоже, что создание вполне удовлетворялось своим положением; настрочивая писанину, оно иногда билось большой головой о потолок, словно в порыве подняться. «Какая жалость», — смило-сердилась Миланэ. — «Чего только не бывает».

В таком блуждании прошла бы вечность, но вдруг стены, потолки и пол исчезли, и Миланэ начала ходить по очень гладким камням на горных вершинах, потом среди каких-то очень высоких жёлтых трав, напоминающих о полях её Андари. Всё вокруг было полно знаков и смыслов, и казалось, что на небе одновременно с солнцем есть пять или шесть лун, вокруг чувствовалось незримое присутствие множества душ. Затем всего этого не стало — во снах всё быстро исчезает — и перед нею появились монументальные, беспредельные вещи; описать их сложно, но больше всего они напоминали огромные круги из очень гладкого, желтоватого камня, что висели просто в воздухе. На этих кругах были высечены символы вдоль окружностей; некоторые ей довелось узнать — среди них ютились и обычные буквы сунгского алфавита, но большинство хранили молчание бесконечной тайны, и оставалось только поражаться, какие смыслы и глубины они несут. Эти символы пребывали в идеальном, совершенно случайном хаосе. Кругов этих посреди неба много, очень много, и ходить среди них можно бесконечно. Она начала дотрагиваться то к одному, то к другому, чувствуя в этом большую необходимость, подверженная строгой логике сна, столь же эфемерной, как сам сон. От прикосновений круги тускнели, некоторые вертелись и сменяли порядок символов на ещё один совершенный хаос, у некоторых символы разлетались в вечность, а сами они превращались в золотой прах. Всё это было интересно, даже забавно для инстинкта разрушения, но понимания от такого не прибавлялось, скорее, напротив, и львица духа очень тяготилась этим. Но один из дисков оказался чуть иным, незримо отличаясь от остальных, Миланэ не могла бы сказать, чем именно, но так было. Пришло его время, и Миланэ дотронулась к нему, но произошло всё иначе, чем раньше: символы завертелись, но без равнодушия и бесцелия, а с какой-то злой неукротимостью, словно того и ждали, когда к ним подойдёт она, ведь она — их ключ. Всё встало на места; то, что Миланэ

увидела там, прочла и поняла — повергло её в экстаз (она помнила это, когда проснулась — после снов хорошо помнишь только чувства). Но такие сильные чувства вредны безумно шаткому равновесию сна — Миланэ начала просыпаться; она понимала это и не хотела этого: «Сон мой, милый, постой-постой, подожди, погоди, прошу тебя, я не желаю возвращаться к тёплой крови, я ещё чуть, я постараюсь понять хоть каплю, запомнить — не давай мне уйти...»

Она, живая душа, почувствовала, что оставила вместе с этим сном неразгаданное. Он был нелеп, как все сны вообще, но столь светел, что взгляд сам устремлялся ввысь при воспоминании. В нём словно было сохранено всё самое светлое её жизни, светлая сторона; будто сном было высказано нечто мантическое, нет, надо взять выше — истинно пророческое, дано обещание, но вовсе не иллюзорное, а по-настоящему честное. Впечатление было великим, потому проснулась она в не то что бы хорошем расположении духа, ведь сразу пришло на ум вчерашнее, а каком-то мирном, всепонимающем, всепрощающем, уносящем.

Как выяснилось, заснула она со северным амулетом на шее. Сняла.

К этому утру собралось столько неразрешимых обстоятельств, и все в одно время, что Миланэ, вспомнив о них, учуяла ту самую тоскливую тяжесть, какую испытывает всякий, кто помнит о многих обязанностях, которые должно сделать и ни в коем случае — для своего же блага — не упустить. Праздные души — лёгкие души. Нет, не счастливые, это другое. Но именно лёгкие.

Дела мира делают нас тяжёлыми.

Следовало сделать несколько вещей. Зайти в Дом Сестёр — отметить перед отъездом, взять какие-либо поручения в Сидну или ещё что, поскольку завтра надо уезжать, готовиться к Приятию — осталось без малого семь дней. Затем заглянуть к Хильзе, уделить внимание патрону и его делам, а ещё извиниться перед соседями, которые вчера хотели возжечь огонь Ваала и совершить им это, если ещё не передумали. Потихоньку можно будет собрать вещи и ждать завтрашнего полудня.

Нехитрые дневные дела, простой жизненный план.

Визит в Дом Сестёр не преподнёс никаких сюрпризов: отметили, что Ваалу-Миланэ-Белсарра отъезжает в Сидну проходить Приятие, традиционно благословили в Зале Огня, пожелав силы и твёрдой веры; Миланэ пришлось выслушать несколько напутствий, два пожелания и одну просьбу; дали небольшой пакет несрочных бумаг, которые следовало сдать в Админу Сидны, и тут же назначили служение после Приятия — придти в школу Нош после возвращения в Марну уже в качестве сестры Ашаи-Китрах и дать там несколько уроков по основам веры вместе с тамошней Ашаи. Миланэ была наслышана об этой школе, где учились дети старых патрицианских родов. Также были какие-то очень смутные полунамёки на то, что «кое-кто из сестринства хотел бы побеседовать с Ваалу-Миланэ о некоторых верных делах сестёр». Все попытки уточнить, о чём речь, оказались напрасными: было сообщено, что об этом побеседуют после Приятия, а прежде разговоры нежелательны.

Хильзе удивилась приходу Миланэ; она открыла дверь, утирая ладони полотенцем, как всегда, и обнаружила там дисциплинару с виноватой улыбкой. Вообще-то, дочь Андарики очень боялась, что подруги, как обычно, не будет дома, потому по дороге к ней непрестанно читала энграмму на вызов. Как выяснилось позже, это не оказалось зряшным, так как Хильзе собиралась уйти по делам, но в последний момент просто передумала. Безусловно, Хильзе давно уже знала, что Миланэ в эти дни пребывала в Марне и ей был подарен дом. По всем приличиям, Миланэ должна

первой посетить её и пригласить домой, либо просто заявиться; но в первые дни дисциплина не сделала сего, потому что жизнь завертелась очень быстро, забот и переживаний оказалось очень много, поэтому визит к Хильзе она откладывала с дня на день.

Сладной беседы не получилось, хотя Миланэ очень хотелось выговориться и выслушать хоть какие-либо суждения или советы. Во-первых, у Хильзе было довольно неважное настроение, приправленное затаенной обидой на Миланэ, которая изволила придти лишь перед самым отъездом; во-вторых, и это главное, у Хильзе появилась дома новая жительница — ученица-найси, по имени Ваалу-Лаэни. Её наставница, Сталса, таки умерла после необъяснимой болезни, а поскольку Лаэни была полной сироткой, то Хильзе ничего не оставалось, как приютить её по завещанию Сталсы и стать наставницей. Бедная Лаэни должна была на днях пройти Круг Трёх, но к ней прицепилась такая печаль-тоска, что нечего было и думать показывать её в таком состоянии. Миланэ сразу отправилась в комнату найси, в ту самую, где когда-то ночевала сама, и взялась утешать несчастную ученицу.

— Я не хочу быть Ашай, — почему-то повторяла она.

— Наставница Сталса желала, чтобы ты стала ею.

— Я не хочу быть Ашай.

— Дитя, нам не суждено выбирать нашей тропы.

— Не хочу...

Наконец, после нежности и утешений, Лаэни весьма успокоилась — заснула на руках Миланэ.

— Я точно так же делаю, — сказала Хильзе после того, как Миланэ осторожно закрыла дверь комнаты. — Вгоняю в спячку то стражей, то настойкой четырёхлиста. Ну и доколе мне так поступать?.. Она уже неделю такова. Дух её очень ослаблен. Просто не знаю, как она пройдёт Круг Трёх. Миланэ, послушай... Надо решать вопрос. Сталса очень хотела этого, а я хорошо знала её. Достоянная была сестра, очень.

Они прошли в столовую; Миланэ уселась, Хильзе встала возле стола.

— Надо подождать, она должна это пережить.

— Время не терпит, Миланэ.

— Почему не терпит? — чуть сузила взгляд Миланэ. — Сколько ей лет?

Хильзе посмотрела вверх, что-то высчитывая.

— Двенадцать.

— У неё в запасе ещё целый год, — с облегчением молвила Миланэ. Пройти Круг Трёх можно и в тринадцать. И даже в четырнадцать, но это уже поздно.

— Миланэ, тебе легко говорить, — с большим обозлением сказала Хильзе, начав бестолково перемещать подсвечник по столу. — А я не могу с нею возиться столько времени.

— То есть? — не поняла Миланэ.

Нет, взаправду не поняла. Но Хильзе смотрела на неё так, будто пытаясь понять: «Не шутит ли? Не издевается?».

— У меня свои намерения к жизни! — развела руками. — Я должна была поехать в Мистфальн с одним... с одними... в общем, поехать. Теперь всё перевернулось: в её нынешнем настрое она однозначно провалится на Круге, а потому её нужно обхаживать; а если не пройдёт и потом, чего я весьма боюсь, то что делать?.. Кто будет наставницей? Хоть в приют Призрения сдавай...

Последнее прозвучало без сарказма, а словно бы внезапное озарение.

— Хильзе, ты что, с ума сошла? — серьёзно изрекла Миланэ, облокотившись о стол и взмахнув ладонью. — Какое ещё Призрение? И Сталса, она ведь...

— Да, да, да. Да. Все вы очень любите поговорить; а как сами испробовать сей жизни — так ни-ни.

Поглаживая себя по носу, Миланэ начала глядеть по сторонам, растерявшись. На самом деле, у неё не было слов. Она не знала, что сказать. В Андариин львица, отдавшая дитя — неважно, своё или чужое — в сиротский приют Призрения, считалась особой значительно меньших достоинств, чем любая неприкрытая блудница. Принимать такую в доме — хуст; это крайне не одобряется. Но более того, каноны Ашаи велят всячески заботиться о будущем поколении, и забота о найси умершей наставницы — скорее честь, нежели обязательство. Но каноны канонами, а в жизни — как видимо — всё проще.

— В общем, чего я бы смела просить: похлопochи о хорошем Круге Трёх, когда вернёшься из Сидны, ладно? — примирительно начала Хильзе, увидев, что её речи произвели на подругу неизгладимое впечатление. — Ты — Ашаи рода сенатора, связи у тебя появятся вмиг... Так что вспомни мимолётом, пожалуйста, о просьбе Хильзе.

Откровенно говоря, Миланэ могла здесь не больше, чем Хильзе. Пока. Но она не могла ответить иначе, кроме как:

— Хорошо, попытаюсь помочь.

— И прости, если что сказала не так. Я очень устала...

Извинение было неискренним.

— Ничего. Понимаю.

Миланэ попрощалась с Хильзе, не холодно, но сдержаннее, чем обычно; ещё раз уверила, что попытается помочь, и вышла.

В целом, она начала понимать проблему и беспокойство подруги. Как ни крути, а ситуация непростая: если эту найси отдать сейчас на растерзание трем сёстрам, то путь в дисциплиний ей будет закрыт. Конечно, можно пойти на хитрость и попробовать пройти Круг трёх в ином месте, что весьма непросто по многим причинам; но это может всплыть и плохо закончиться — такие случаи Миланэ знала. Если ждать, пока она станет готова, то о львёне нужно заботиться; опять же — нету никакой уверенности, что она и потом пройдёт Круг. В таком случае Хильзе должна или сама взять над нею наставничество, или найти ей наставницу, что ой как непросто в развращённой Марне и её окрестностях.

После этого разговора Миланэ ощутилась так, будто вступила в грязь. Она решила исследовать, отчего у неё явилось такое чувство, и погрузилась в себя. В итоге, мысли вывели на более обширную тропу.

Нет ничего более естественного, чем стража собственных интересов и благополучия: на том стоит мир. И Хильзе пыталась это делать, не желая обременяться такой обузой, как Лаэни, и это можно понять; тем не менее Миланэ чувствовала здесь нечто катастрофически неправильное, но не могла ответить, что именно. Она не могла оформить верно свои чувствомысли, облечь в строгие сентенции, стараясь рассуждать как можно более справедливо и бесстрастно; ведь Хильзе не повинна в смерти наставницы Лаэни, она вряд ли горела желанием принять найси, она вообще ни в чём не повинна. Она, конечно, молода, бездетна, имеет неустоявшиеся отношения с непонятно кем и ей вовсе невыгодно уделять столь необходимое внимание для

Лаэни, наставлять и обучать её, не говоря уже о самых обычных заботах, вроде как накормить-напоить-приодеть. Всё это можно понять. Размышляя в таком ключе, Миланэ не стыдилась своих мыслей: Ашаи — имморалистки по существу; мораль они считают необходимой условностью.

Так думая, Миланэ взяла извозчика и поехала к патрону.

Наблюдая за жизнью Марны, что пронеслась мимо её взора, Миланэ вдруг начала понимать. Всё яснее и яснее. «Невыгодно. Невыгодно. Невыгодно», — крутилось слово в её сознании. Потом оно начало раскручиваться, и из него, словно из древнего кувшина изобилия, которым владела праматерь Сунгов, начали исходить мысли:

«Ей это *невыгодно*, вот и всё. Заботиться о найси — та ещё работёнка. Ты всю жизнь считала, что в твоей касте дела обстоят иначе, что в ней не меряют выгодой? А ведь что же? Посмотри: Ашаи тоже вонзают друг во друга клыки в борьбе за кусок и тёплое место. Ведь что наш образ жизни? То самое выживание. Способ жить, имея каждый день свою часть. Да, мы лечим, но зачастую это лучше делают доктора. Я прихожу в дом льва и говорю ему, что зажгу в его доме священный огонь; более того, он сам приходит с такой просьбой. И я иду, возжигаю, хотя знаю, что это — лишь пламя. Чем не способ жить? Мы ищем себе патронов ради денег. Чем не способ жить? Мы сжигаем трупы за деньги. Чем не способ жить? Мы пытаемся карабкаться вверх друг по дружке. Чем не способ жить? Где здесь «львица духа»? Зри: какими бы словами ты не укрывалась, в остатке что ты есть — львица, что хочет жрать и получать кусок добычи. Охотница, но охотница на всё тот же кусок, и для тебя он — цель, не средство. Мы говорим, что веруем во Ваала для того, чтобы нам было тепло и уютно. А какой самообман, какая напыщенность... Средства стали целью. А теперь помысли прямо сейчас: а чем живёт «львица духа»? Можешь помыслить? То-то и оно... Она тоже охотница, но охотница силы, охотница иных миров, свидетельствующая то, о чём нельзя рассказать; украшение львиного духа. А ты и представить этого не можешь, потому что ты — Ашаи-Китрах; тебе вместо неба направляли взор в потолок, и талдычили, что это и есть такое небо, самое лучшее среди небес всех миров... Не притворяйся, не притворяйся, что не такая. Тебе шаманая советовала не жечь игнимару ради того, чтобы сновидеть, но ты разве последуешь совету? Не последуешь, а то, ведь жрать захочется, статус ценен, тёплое место в жизни дорого. Огонь Ваала дарит тёпленькие местечки в нашем укладе. Потому хорошо, что не попало к тебе «Снохождение» — оно назначено львицам духа, а не тем, кто...»

Она не додумала, потому что пришлось прикрыть глаза, сдерживая слёзы. Миланэ делала вид, что ей попала пыль в глаза...

Ей вдруг бесконечно захотелось куда-то уехать отсюда, куда-нибудь, откуда приехала или ещё куда. Миланэ уже понимала, что если она впустит этот мир Марны к себе, то он затянет, он станет её частью, а она — его. Впрочем, это не было чересчур печально, лишь только пугающе обыденно, словно бы твердилось: «Всё, вот твоё место в жизни, здесь и будь, тут и сиди».

Проехали мимо книжной лавки.

«И всё-таки», — мимолётом подумалось, — «раз все вещи средь нас сводятся к одному, то кому выгодно называть вероборчество вероборчеством? Ведь кому-то должно. Интересно».

У патрона Миланэ провела необычно мало времени, поскольку он был в срочном отъезде, а его супруга — весьма занята; отбив с нею маленькую, вежливую беседу и

пожелав удачи на Приятии, она удалилась, и Миланэ, простамповав два оставленных документа, ощутила себя ненужной и ушла, поскольку делать было больше нечего.

Об Амоне старалась не вспоминать. Но поскольку старалась очень сильно, то получалось очень плохо.

Когда уже шла по улице, на которой находится её дом, неминуемо пришлось промелькнуть мимо места убийства.

Отвратительное место.

«Наверное, все вокруг полагают, что я давно забыла, и мне — всё равно». Да, иногда всё не так плохо, и Миланэ считала, что поступок справедлив и смел, и нужно было вступить за Раттану, хотя это не исконное дело самок — вступаться и защищать; но потом думалось, что Раттана и так натерпелась, а потому ей не привыкать, и этот лев мог бы ещё пожить на свете.

Миланэ пришла, и они с Раттаной занялись домашними делами. Следовало очень многое подготовить к её будущему возвращению из Сидны уже в качестве сестры-Ашаи; для этого дисциплина намеревалась оставить служанке добрую половину своих денег, чтобы та, ни в чём не нуждаясь, приобретала всё необходимое и пользовалась любой помощью. Впрочем, у Миланэ осталось восемь тысяч — сумма большая, но для Марны совсем не внушительная. Честно говоря, она ещё понятия не имела, какое денежное содержание решил дать ей Тансарр, ибо ещё в глаза его не видела, не считая Дара Обращения, конечно. Эта неопределенность немножко смущала, так как Миланэ не знала, на что рассчитывать: сможет ли она обустроить экзану сразу или придётся потихоньку делать, например, полгода? А тут ещё и внутри всё обставить надо: нужны и посуда, и чаши Ваала, и ном, и много чего ещё.

Миланэ нравилось болтать с Раттаной. Та, несмотря на происхождение, не только умела поддерживать беседу и чувствовать её повороты, но ещё обладала ясным умом.

«Хорошая львица», — думала дисциплина.

Помимо прочего, Раттана не преминула выразить свою благодарность Миланэ «за всё-всё», по её выражению, и в связи с этим упомянула об «необычайном благородстве сестринства Ашаи-Китрах», на что Миланэ, сидевшая на стуле, закинув лапу за лапу и скрестив руки, разразилась примерно такой речью:

— Раттана, ты послушай. Может показаться, что среди Ашаи-Китрах есть только необыкновенные личности, необычайных чувств и талантов; я скажу — это такая чепуха. Большинство из нас самые обычные, наш характер можно описать одним словом: надменность. А ещё ограниченность. Так что не стоит превозносить ввысь любую львицу Ваала: это будет несправедливо по отношению к тем, кто действительно чего-то стоит.

На этом беседа была окончена, потому что слишком задушевные беседы с прислугой редко приводят к добру. Миланэ поднялась вверх, к себе. Она было собралась немножко заняться Каррой, разложить знаки, а потом кое-что спросить (о Амоне, конечно, о ком же ещё), как тут в дверь постучали.

Раттана вернулась с докладом:

— Сиятельная, там какой-то сир пришёл. Называться по имени не желает. Говорит — светлейшая узнает.

— В самом деле? — обмерла Миланэ со знаком «Сео» в ладони, стараясь не подать виду. В висках застучало, шерсть на загривке поднялась, воздуха почему-то стало меньше...

О, да.

— Так что делать, хозяйка? — спросила Раттана после долгого молчания.

— Впускай его и принимай, как гостя. Я сейчас спущусь, — очень равнодушно молвила она.

Как только за Раттаной прикрылась дверь, молниеносно она зажгла побольше свечей, мигом убрала знаки в мешочек, приделалась, повертелась у зеркала и чинно сошла вниз, чтобы...

«Да чтоб тебя!», — ой как разозлилась Миланэ.

Пришёл Синга.

* *

Как бы там ни было, его следовало принять, наперекор позднему времени — дело стремилось к полуночи.

«Нужно быть наивным, как пастух, чтобы приплестись в столь поздний час, и сидеть с этой весёлой ухмылкой», — думала Миланэ, вежливо полуулыбаясь ему и спускаясь по ступеням; Синга почему-то вовсе не торопился проходить в гостиную, топтался посреди прихожей, хотя Раттана явно упрашивала пройти и уже пошла что-то стряпать. Когда Миланэ сошла, стало понятным его намерение: он полез в обнимки, и дисциплинаре ничего не оставалось, как увильнуть и превратить всё в дружеский жест; нос уловил, что Синга чуть пьян.

Жестом пригласив его в гостиную, Миланэ олицетворяла собой чинность и вежливость; жесты, движения и взгляды её стали величественно-заученными, будто бы она находилась не у себя дома, а в зале с наставниками или на приёме.

Они сели за стол.

Синга сидел, барабая по столешнице. Миланэ наблюдала за этим.

«Любовь зла...», — догадалась-почувствовала дисциплинара, чуть поджав хвост, ближе к ножке стула.

За всё время она проронила лишь пару слов вежливости, да и он не отличился красноречием, вовсе не торопясь объясниться. Вошла Раттана, но взгляд Синги был столь многозначителен, что она поспешила удалиться.

— Что? Не ожидала меня увидеть?

В этой его фразе было всё: извинение; некий вызов; любопытство.

— По правде говоря, нет, — сказала, как есть, Миланэ. И добавила, возложив пальцы правой ладони на стол. — Но мне приятно, что ты зашёл. Хочешь чего поесть, выпить?

Синга глядел на огромные напольные часы, что громко тикали в углу; одинокая, большая стрелка указывала почти полночь. Миланэ тоже посмотрела на эти часы, которые она всё хотела переместить на иное место, вытянуть из угла — прежние хозяева выбрали очень нелепое место для такой вещи; но всё забывала это сказать Раттане, да и той придётся просить помощи у каких-нибудь львов покрепче. Добротные, дубовые. Огромный бронзовый маятник. Вообще, удивительно, что они не забрали часы с собой, эти хозяева, ведь такая вещь стоит огромных денег.

— Поздно, согласен, — отрывисто говорил Синга, сняв дорогой алый плащ и бросив его на спинку соседнего стула. — Просто так получилось... Меня к столь позднему визиту вынудили некоторые обстоятельства личного характера.

— Что за обстоятельства, Синга?

— Снова не смогу толком уснуть... Я не видел тебя эти два или три дня. Хочу извиниться. Я могу извиниться?

— За что, Синга? — наострила уши Миланэ, склонив голову вниз и влево.

— За всё, что у нас случилось.

— Ничего у нас не случилось, — со смыслами молвила она. — Это я в какой-то мере должна искать извинения за то, что ушла от Талсы раньше времени, без особых прощаний. Но, как говорили мудрые: дом, из которого уходишь без прощания, либо очень плох, либо очень хорош. Я плохого о Талсе сказать никак не могу.

Синга развёл руками, очень широко. А потом с бессилием опустил их.

— Мммда... — взволнованно почесал он длинную гриву, безуспешно убирая непослушные пряди со лба.

Он нервничал, и эта нервозность немного смешила Миланэ. Нет, она и малейшего виду не подавала, была невозмутима и плавна, как истинная воспитанница Сидны, вовсе не желая ставить его в неловкое положение. Решив помочь, дать передышку, она позвала:

— Раттана!

Та оказалась невероятно расторопной, и в дверях появилась почти мгновенно.

«А таки не зря я убила ту тварь ради неё», — вдруг жестоко подумала она. — «Превосходная служанка».

— Слушаю, госпожа.

— Вина какого-нибудь гостю. Я знаю — он любит чёрное, сладкое.

— Сейчас, госпожа.

— Интересно, почему у тебя только она? — спросил Синга.

— Много — не значит хорошо. Кроме того, традиции не одобряют иметь дисциплирам прислугу более двух голов.

— Она дхаарка, да? Я могу тебе подобрать очень хороших Сунг, а то как-то не смотрится, — засмеялся Синга, но взгляд Миланэ был холоден, а выражение лица — чрезвычайно, пугающе отстранённым, поэтому он неловко умолк.

Раттана принесла вино. Миланэ молча кивнула, мол, оставь нас и оставь бутылку, и та удалась вовсе. Тем временем Синга всё ерзал на месте, ни на что не решаясь, а потом вдруг изрёк:

— Я вот недавно слышал речь глашатаев возле Сената. Мне кажется, что будет новая война на Востоке. Сколько этих войн было за последние пятьдесят лет? Раз, два, три, четыре... — начал загибать он пальцы.

— Инцидент Карса не принято считать за войну, — поправила Миланэ.

— А у разных историков — разные мнения, — поднял Синга указательный палец с большим перстнем, радостный оттого, что Миланэ подхватила разговор.

Но этому учат в дисциплинариях: подхватывать разговор.

— Пожалуй. Неотрадно слышать новости о войне. Но к чему они?

— Так... — махнул он, будто сам удивляясь, зачем об этом упомянул.

Миланэ закинула лапу за лапу с кубком в руке, отпрянув от стола:

— Желаешь поучаствовать в исконном деле Сунгов?

Она спросила без задней мысли, даже вполне серьёзно, хотя и не без предположения, что Синга — далеко не воин по складу личности.

— Нет-нет, я не хочу никого убивать... — даже испугался он. — И не хочу оказаться убитым сам.

Миланэ посмотрела вверх, нечто разглядывая в уме.

— Это выгодная стратегия жизни, но до определённого момента, — уверенно молвила, посмотрев на него.

Но он тоже посмотрел на неё:

— На иную мне не хватает духа.

Нельзя сказать, что Миланэ заужала его после этих слов; тем не менее, сказанное немного сместило её точку зрения, и она вняла, что Синга вовсе не назначен для жизненной борьбы, но для созерцания жизни. Вообще, стало вмиг ясно: он глубоко несчастен, не зная, как изобрести выхода своим склонностям.

— Мне всегда нравилась твоя честность. Правда. Наверное, это и мне позволит быть с тобою до конца честной.

— Вот как, — наострил он уши.

Встав, Миланэ протянула ему бутылку, а сама взяла чаши.

— Идём наверх, на воздух.

В её доме, в той самой комнате, где она собиралась сделать экзану, находилась небольшая лоджия. Поманив его за собой, Миланэ пошла через прихожую наверх; вход к лоджии преграждала сплошная дверь, окованная железом. Миланэ она страшно не нравилась, ибо выглядело это совершенно по-дурацки; но в этом был свой резон — предыдущие владельцы дома явно боялись воров. Дисциплина решительно отворила эту тяжеленную несуразность, и они оказались в мире звёзд, ночных звуков и огней Марны, что виднелись повсюду: дом стоял на возвышенности, поэтому вид оказался хоть куда.

Здесь Миланэ вовсе закрыла глаза на всякие условности этикета. Достав два стула из комнаты, она водрузила их в лоджии, предложила сесть Синге и полувозлегла на своём, откинув лапы прямо на перила; пласис расправила и подоткнула повыше, чтобы было посвободнее, и её лапы, выше колена, оказались открыты миру и взору. В целом, это выглядело смело, в чем-то — вызывающе; но таким же несогласным со всякими приличиями был и ночной визит Синги, да и его способ поведения, поэтому Миланэ перестала церемониться и обратила атмосферу в непринуждённость, если не сказать — раскованность.

Тем более, что Миланэ к нему не питала плохих чувств; она видела в нём несостоящуюся, но личность.

— Раз всё откровенно, то скажи: это ты захотел, чтобы я стала вашей Ашай рода?

Видимо, её деяния и лапы чуть сковали его ум (самцы-то могут думать лишь об одной вещи одновременно), поэтому Синга ответил не сразу:

— Что? Нет-нет... Это дело матери и отца.

— Ты не знаешь, зачем я нужна твоему отцу? — Миланэ хлестнула вина в кубок гостя, а потом и себе. Опомнившись, Синга перенял у неё бутылку и помог с этим.

— Как зачем?.. Для чего нужны Ашай рода? — отпил он, глядя на звёзды. — Тебе виднее.

— Я знаю, что он долго не хотел брать над кем-то патронат.

— Это верно, это да. Он всегда опасался сестринства. Знаешь, я немного об этом знаю. Мать и отец всегда скрытничали со мной насчёт дел, а особенно — столь щепетильных. Это мой брат всегда знал: что, где, как. А я... Меня всегда за придурка считали. А ты, Миланэ, как считаешь — я придурок?

— Нет, я так не считаю. Ты по-своему бесподобный даже, — серьёзно ответила она. — С тобой легко.

Синга начал потирать глаза большим и указательным пальцами.

— Однажды отец сказал, что это они всем заправляют... Ашаи-Китрах. Вестающие. Он даже слова этого не любит выговаривать — «Вестающие». Он говорил, что именно они... делают то, что делается в Империи. Мне кажется, он их боится и ненавидит. У него свои какие-то заморочки, он помешался на этой политике и всюду видит заговоры. Он ведь политик, потому и помешался на ней... Угу.

Миланэ внимала.

— А ты, наверное, моим родителям для того пригодилась, чтобы от них отвязались, наконец, и перестали смотреть косо. Он сенатор, ему положено иметь Ашаи рода, ла-ла... Отцу просто надоело. Ты, Миланэ, у нас — для отвода глаз. Хотя на тебя отвести глаза и без того немудрено, правда?

— Ах, тебе ж виднее, ты лев, — засмеялась она вежливо-благодарным смехом от комплимента.

— Да так и есть. Раньше меня, вообще-то, строго-настрого предупреждали, чтобы я не вздумал водиться ни с какой Ашаи.

— Кто так предупреждал? — удивилась Миланэ, всё ещё улыбаясь.

— Мать, — с трудом признался Синга, отпив ещё. — Она говорила, что ни в коем случае. Мол, с последней шлюхой водись, но только не с Ашаи-Китрах. Иначе всех нас погубишь. Так говорила.

— Да ну?..

— Серьёзно. А потом появилась ты, и всё переменилось. Там, на похоронах дяди Оттара, тебя как раз мама заприметила. А потом уж и я. Это она посоветовала отцу взять над тобой патронат. После этого мать мне говорила, что если я захочу, то уже с тобой могу... ладить, так сказать. И стало очень интересно. Мне было очень интересно познакомиться с тобой, Миланэ. Я ведь до этого, собственно, близко не общался с Ашаи.

— Согласись, мы плохо друг друга знаем, — Миланэ шевелила кончиком хвоста, глядя на далёкие огни и покачивая в ладони кубок.

Синга посмотрел на неё с грустной улыбкой.

— Это да. Но я понимаю, что у меня нет шансов.

— О Ваал мой, Синга, когда лев так говорит, то у него никогда никаких шансов не будет, ни с кем и нигде.

— Вряд ли ты этим хочешь сказать, что у нас могут завязаться хоть какие-то отношения.

— «Хоть какие-то» — это какие? Я считаю нас друзьями. Не самыми близкими, но не могу сказать о тебе плохо.

— Прости, но я не о том. Не о дружбе.

— Называй вещи своими именами, не бойся. Мы вдвоём, мы молоды, мы средь ночи, мы в меру раскованны. Даже друзья.

— Похоже, ты даже «друзья» говоришь с издевкой.

— Вовсе нет, не будь глупцом, — взмахнула ладонью дочь Андари. — Хорошо если не решаешься, то я скажу: ты хочешь моей любви. Видишь ли, при должной настойчивости ты бы смог одержать эту победу, но я бы не полюбила тебя.

— Как я, например, мог бы её одержать? — с интересом и каким-то страхом посмотрел на неё Синга.

Она свершила манарси-гастау — жест неопределенности, сомнений. Рука проплыла в воздухе.

— Как угодно. Охотник поджидает свою добычу, и будь уверен: если у него есть

воля, он изловит её. Я уже говорила, что мы плохо знаем друг друга. Тебе вот неизвестно, что в Сидне я — мастерица стальсы.

— В самом деле?

— Ну да. По крайней мере, так говорили. И смотри: ты мог бы вскользь узнать об этом. Под этим предлогом ты увлекаешь меня в термы, упрасывая сделать тебе спину ровнее, и у меня рано или поздно должны закончиться предлоги, почему я сегодня не могу и не хочу. А там до победы недалеко.

— Ты со многими так делала в Сидне?

Синга сказал это то ли обидевшись, то ли заревновав, то ли возмутившись.

— Что именно делала, Синга?

— Ты знаешь, — пошёл он на попятную.

— Вот что. Стальсы я переделала — не сочту. А то, что «я знаю», и в термах — лишь с одним. И я в него была влюблена.

— Не верю, — язвительно сказал он.

Миланэ стерпела, но решила, что во второй раз не потерпит.

— Как хочешь. Мне и наставницы не верили. Всегда считали, что я скрытая развратница. Но мне то что. Я знаю, где правда.

Синга долго раздумывал.

— Тогда верю, — вздохнул и посмотрел на неё: — И что, когда пойдём в термы? Теперь я всё знаю, теперь не приму отказ. Роду патрона не принято отказывать в служениях, это вопреки молчаливому договору.

Миланэ удивило вот что: он говорил так, словно бы хорошо знает дела Ашаи-Китрах и то, как они говорят. Эти мелкие детали, эти непопулярные у обычных Сунгов слова — «род патрона», «служение», «молчаливый договор» — свидетельствовали, что Синга кое-что знает об Ашаи. То ли он обманывал, что не имел ранее тесного дела с сестринством (но здесь Миланэ обмана не чуяла), то ли здесь... что-то другое.

— Не знаю, когда пойдём. Когда-нибудь. Я вот что хотела всем этим сказать. Ты бы смог рано или поздно — тем более, ты сын патрона — получить победу надо мной. Но ни ты, ни я почти ничего с неё бы не получили. Я бы сделала это лишь потому, что в какой-то момент мне было бы легче сдаться, нежели объяснить, почему не хочу. А ты бы мысленно поздравил себя с триумфом и, возможно, утратил интерес.

— Или не утратил. Возможно, я бы влюбился. Может, уже влюбился.

— А я знаю, Синга, что ты влюбился. Потому говорю с тобой именно так, как говорю; не потому, что дурно воспитана и жестока, а потому, что ты мне безразличен как личность, как друг, если хочешь. Просто пойми: в любви есть двое, а если кто-то один старается тащить за двоих, то это — прямой путь к несчастьям. В нашем случае ты будешь один, ты попадёшь в несчастье. Так что я не смогу тебе ничего дать, кроме как — большой ценой и после всяких отпираний — того самого, как ты выразился, «я знаю». Но для этого есть куртизанки, любовницы и много кто ещё.

Он умолк. Видимо, никогда и не подозревал, что львицы могут говорить с такой откровенностью, прямоотой, остротой суждения. По всему, всё это разрушило его иллюзии насчёт возможных отношений, которые Синга имел все шансы предвкушать; как же, он — сын влиятельного патрона, а Миланэ — никому не известная дисциплина Сидны, что благодаря его отцу выходит в мир. Но тут всё перевернулось с лап на голову.

Дочь духа видела это смятение.

— Синга, ты ведь шёл сюда с намерениями насчёт меня?

— Да, — очень просто признался он. — Я думал, мы выпьем вина, почитаем стихи, ещё что-нибудь. А потом...

— А как ты себе это представлял?

— Не знаю. Что я приду. А ты будешь... вся моя.

— Смешной, — невольно хихикнула она.

— Смешной, — вторил за нею Синга. — Самки вообще жестоки.

— А то, Синга, — отпила она вина, растекаясь и расслабляясь. — Коварны, безжалостны, ещё как можно о нас сказать... Но я бы не назвала это жестокостью, слишком жестоко — называть нас жестокими. Когда ты это поймёшь, тебе с нами будет значительно легче. Иди, бери плеть, и ступай ко львицам, что будут бросаться тебе на шею. А они будут — ты славный, просто не мой; ты — не моё, видишь ли. Так бывает. Полюби одну из них, и у тебя всё будет хорошо. Если любовь угаснет, то полюби другую. Если нет — так нет. Делай, что хочешь, не бойся.

— Верен ли совет? Если бы я так делал, то уже давно бы овладел тобой прямо на полу, вот и всё.

— Верен, — кивнула Миланэ. — Если бы ты так делал, ты бы закончил тем, что ощутил сирну у шеи, вот и всё.

— Ты бы меня убила, как того льва? — сказал Синга так, будто действительно верил в такую возможность.

— Нет, я же не кровожадная, у меня есть сердце. Так я бы дала знать, что ты сильно ошибся, что продолжать не стоит.

— Значит, придётся мне в жизни наткнуться на кинжалы.

— Таковы вещи. Львам приходится на них иногда наткнуться, но бояться этого не надо. Они вонзаются в тебя холодом не потому, что хотят убить, нет. Они лишь говорят, что ты ошибся.

— Я для тебя стих сложил, вот что, — вдруг сказал он, и начал что-то доставать из внутренних карманов.

«Вот так сюрприз», — подумала Миланэ.

Почему-то стало стыдно. Даже и весьма. Она вспомнила о нравах Андари, о матери, о любви к Амону, о понимании Ашаи-Китрах.

Сёстры понимания.

Вовсе не сестры жестокости.

— Синга, это очень мило. Я взаправду послушаю с большим удовольствием, — она поставила лапы обратно на пол.

Синга расправил скомканную бумажку, потом ещё одну, потом ещё; слабый свет ночи вынуждал его приглядываться к написанному; просмотренные он бросал на пол, а потом ему надоело:

— Да всё равно. Третий вариант я и так помню.

И начал, совершенно не заботясь, слушают его или нет:

Я знаю — её душа предвечна...

Вдруг отбросил.

— Не то. Сейчас.

*Я гляжу в своё окно
Но в окне моём темно
Я дрожу и вижу мир
Пью я чёрный эликсир
Говорят, что если в поле
Выйти, взять и разрубить
Нить судьбы и свою волю
Спокойным будешь... жить и жить
Так было со мной всегда
Окна, зерцала, вода
Видел тёмные миры
Оконных далей, без веды
А потом я обернулся
Незначай и как бы вспять
И тогда совсем проснулся
Страх мой страшный дал мне знать
Кто стоит передо мною?
Вера, грация, краса
Почему меня так жжёт искрою
Огнепламенем... она!
Я знаю: веры нет во мне немного
Много тоже как бы нет
Что мне делать из собою?
Как влюбить, чем удивить...
Тихий берег меня кинул
Тишь да гладь пропала враз
Как не сгинуть, как не сгинуть?
Я не знаю... мой алмаз!
Что ты знаешь о любви?
В небесах зажглись огни
Я решил на них смотреть
Взять тебя, а тебя... нет*

Прекратил. Потом добавил, видимо, из иного:

*Вы не будьте ко мне строги
Не хочу сидеть в остроге
Ваших мыслей, ваших дум
Вы поймёте меня плохо
Ваш я знаю мерзкий хохот
Да, я еду на коне
Страшно, страшно, страшно мне...*

Нечего и говорить, что Миланэ действительно растрогалась. Ей сразу стало жаль Сингу чистым чувством самки, которое жалеет и любит всё живое; оно знает, что у природы получается по-всякому: иногда урождаются цветы и птицы, иногда — такие как она, Миланэ, а бывает — и такие, как он.

— Я хотел сделать тебе венец сонетов. Но это много работы, не успел, — оправдываясь, сообщил он и спрятал комканые бумаги. — Очень долго.

Миланэ присела у его лап на колени.

— Синга, послушай, это ведь прекрасно. Ты можешь подарить стих?

Вскинув брови, он снова вынул записки и начал небрежно их рассматривать; ненужное выкидывал прямо на холодный каменный пол.

— Вот... Нет, вот. Только у меня почерк плохой. И вид неважный.

Она приняла подарок.

— А как создаётся венец... — было начала Миланэ, но даже не успела завершить:

— Это надо создать четырнадцать сонетов, — встал Синга, и вместе с ним стройно поднялась Миланэ, — а потом всё завершить пятнадцатым, который получается при складывании первых строк этих четырнадцати. И хорошо, если пятнадцатый содержит главную мысль всех предыдущих. Долго, сложно. Ладно, Миланиши, пойду-ка я куда-нибудь, — пошёл он к выходу, двинул нелепую, тяжёлую дверь и ощутил прикосновение к плечу.

— Хочешь — оставайся, если устал; я устрою тебе ночлег. Поздно ведь...

Немного подумав, он ответил:

— Спасибо, Миланэ. Это был очень интересный вечер.

— И тебе спасибо. Столь необычных даров мне никогда не делали.

— Тебе посвящали стихи. Ты просто не знаешь. Я пошёл.

— Идём, я тебя провожу.

— Нет-нет, сам спущусь. Так будет лучше.

— Полноте, хозяйка не может не проводить гостя.

Они всё же спустились вместе, иначе получилось бы крайне неприлично, хоть Синга и порывался уйти в гордом одиночестве; Миланэ, безусловно, поняла его настрой: он так пытался показать обиду и огорчение, в какой-то мере попытался надавить на жалость, сознательно и бессознательно, как оно иногда бывает в отношениях, хотя у них не было никаких отношений, о которых можно всерьёз говорить; тем не менее, у него, безусловно, наличествовали некоторые надежды насчёт неё, и наверняка Синга полагал, что она вполне благосклонна. Всё кончилось фальшиво-весёлым, немного спешным прощанием. Миланэ сообщила, что уезжает завтра в Сидну, ибо у неё Приятие; Синга высказал обычные пожелания удачи. Потом она поцеловала его в щёку, попросив передать отцу самые тёплые приветствия. Он вышел, на том всё кончилось и прихожую заволочла тишина.

Пожелав спокойной ночи Раттане, хоть ночи-то осталось не так много, Миланэ медленно поднялась наверх в спальню, закрыла дверь за собой и застонала.

— Фух... — вздохнула, растерев усталые глаза.

Хорошо, что завтра не надо слишком рано вставать — дилижанс отправляется только в обед.

Раздевшись, рассмотрела возле огня свечи подаренный Сингой стих. Почерк у него оказался действительно неважнецкий, что свидетельствовало о невысоком происхождении, ведь патрицианским детям ставят почерк почти из пеленок. Ей почему-то захотелось что-то подправить или добавить каллиграфический узор; под руку как раз попались писчие принадлежности, ранее принесенные Раттаной из лавки. И она вот так, прямо в шемизе, уселась за столик и начала переписывать стих; идея не лучшая для желающей сна львицы посреди ночи, но Миланэ вообще любит странные поступки, а ещё упорна: если идея овладевает ею, то берегись.

Попутно думала над тем, не слишком ли поспешные выводы сделала, посчитав, что Синга прямо-таки влюбился в неё. Но даже при беглом воспоминании всех его поступков Миланэ могла спокойно ответить: «Не ошиблась». Но не нравился ей Синга как самец. Его главным недостатком оказалось то, что он словно выпрашивал у неё отношений, словно спрашивал разрешение на каждом шагу, и боялся брать ответственность. Уверен в беседе, но неуверен в себе. Поэтому Миланэ пыталась оправдать своё сегонощное поведение; ведь если она сразу расставила всё по местам, то он должен понять малосмысленность стремления завладеть её расположением.

С иной стороны, её поведение было близким к самоуверенной пошлости. Для неё, андарианской дочери, это было действительно чересчур, такое более приличествует какой-нибудь хустрианке. Она сразу, без особых раздумий, приняла, что со Сингой, сыном сенатора, можно говорить именно в таком тоне, намеренно направляя беседу в жаркое русло. Возможно ли такое?

Миланэ вздохнула.

Иногда ей казалось, что кроме бесчисленных мелких личностей, у ней живут две главные Миланэ: одна осторожная, чувственная, грустная, нежная; вторая плевать хотела на другую, ведомая страшной волей. И вторая сначала действует, а первая потом обдумывает и грустит оттого, сколь всё гадко вышло.

«В-М-Б, В-М-Б, В-М-Б.» Только теперь осознала, что расписала всю карточку каллиграфическими инициалами собственного номена. «Какое самолюбство», — подумалось ей. — «Фуй. Стыд-совесть у тебя, милая, как-то незаметно кончились».

Миланэ оставила стих в покое, села на кровать, прижав лапы вместе, укрывшись покрывалом и обвив щиколотки хвостом.

«Может, я свершила ошибку. Зачем отогнала? После Приятия нужно будет очень хорошо задуматься о жизни и перспективах. Не стоило так отбрасывать... если смириться, но вполне всё может случиться-получиться, тем более, в таком случае мои дети будут доброго происхождения. И возможности всякие... Со “Снохождением” — кончено» — ударила она по кровати, но слабенько. — «И со всякими сумасбродствами насчёт Амона — тоже», — ещё слабее. — «Вообще, со всеми этими фантазиями надо рвать вконец. За мной следили, вот это главное, вот это нужно будет сообщить Тансарру. И продолжают следить, наверное. Не Амон, конечно, а кто-то другой... А может, и он. Вдруг всё, что он сказал — очень хитрая игра?», — подумала Миланэ, сама себе не веря. Мысли продолжали ходить по кругу: — «А насчёт “Снохождения”, то можно ещё попытаться поспрашивать у доверенных сестёр. Без особого рвения, так, чтобы окончательно успокоиться. Амон ведь верно подметил: снохождение ищут там-где-ходят-во-снах. Так, хватит об Амоне. Игни-мару я, само собой, жечь буду — куда денусь. Буду, как все Ашаи, и всё у меня сладится. Сла-ди-т-ся. Попытаюсь чуть сновидеть, может, что и сама пойму. А не пойму, так пропади оно пропадом...».

Наверное, Миланэ так бы и сидела до утра, пытая себя бессмысленными размышлениями, как тут...

И ранее были слышны подозрительные звуки, доносившиеся сверху, похожие на скрип и тихий стук. Нет, её чуткие уши львицы — ведь она потомница охотниц, которые вслушивались в мир бесчисленные годы — очень хорошо отметили это, только дочь Сидны ранее не слишком обращала внимание, это не поднималось на поверхность сознания, потому что такие непонятные шорохи в ночи бывают, верно, в любом жилище; мать бы сказала, что шалит домовый дух — в Андари и много где

ещё верят в духов, особенно в горных и лесных, хотя это не одобряется истинной верой Сунгов, но, как говорится, одно другому не мешает; кроме того, она привычна к такому, поскольку отчий дом двухэтажен: если сестра толклась наверху, то внизу всё было слышно, а ещё точно так же дела обстояли в Сидне, когда она проживала в кондоминиуме, на первом этаже. Но теперь вспомнила, что над нею нету ничего, лишь крыша, то перестала равнодушничать, начала вглядываться в окна, не слезая с кровати и так же обнимая прижатые к себе лапы руками.

Шорохи переместились с крыши к окнам, и там, у карниза, вдруг что-то ухнуло. Все эти звуки совершенно не понравились Миланэ: она встрепелась, ведомая ночным беспокойством, что так отлично от дневного, свесила лапы с кровати, готовая встать. Ладони начали искать сирну под подушкой, потому что с нею будет как-то поспокойнее, чем без неё, и Миланэ внезапно оценила мудрость поколений Ашаи-Китрах, которая велит всегда держать кинжал возле ложа. Но больше никаких звуков не раздавалось.

— Голуби, — тихонько сказала Миланэ, грызя коготь на левой руке. — Фуй...

Пытаясь отвлечься, вспомнила, сколь тяжело и непросто вывести диких голубей из зданий. В Сидне голубей травили, потому что они любили жить в стаамсе и других зданиях, тем самым уродуя вид любой архитектурной формы; травили их хитро и коварно, как и умеют Ашаи-Китрах: специальным, пророщенным в яду зерном. На тему травли голубей в дисциплирии всегда было множество споров: одни с этим соглашались, считая голубей «летучими крысами»; иные видели в этом глупость и бессмысленное убийство живого, а особенно протестовали те, кому приходилось иметь дело с голубятниками и почтовыми голубями.

Нет, отвлечься не получается. Почему-то очень тревожно. Кто хоть раз испытал ночной страх и тревоги, тот поймёт, сколь они несладостны и темны. Тревога накачивала отвратительными волнами; Миланэ показалось, что её очень быстро бросило в жар, а в солнечном сплетении поселилась давящая, тёмная тяжесть, что лихорадочно билась.

«Да что за...», — подумала она, но не тут-то было.

Миланэ услышала, что в соседней комнате, там, где должна быть экзана, закрипела дверь. Это не мог быть ветер: дверь запиралась изнутри.

Миланэ сидела, не шевелясь, наострив уши.

Да, да, да, ясно услышала, что кто-то тихо ступает по соседней комнате, потом вышел в коридор и куда-то направляется! Кто-то! Кто-то!

«Вор!», — всё поняла Миланэ.

Это тебе не жуткий жар в груди, тут всё понятнее и проще, потому трусить даже неприлично. Миланэ сжала ножны сирны, вынула кинжал.

«Почему, ну почему я не приказала Раттане запереть ту треклятую дверь!», — сокрушалась она, тихо и медленно поднимаясь, но вспомнила, что сама её и забыла запереть, устроив там посиделки со Сингой. «Почему я не приказала купить лёгкую совну, дома-то ни одной железки!», — продолжала сокрушаться она, сделав два шажка к двери, но снова вспомнила, что дхаарам нельзя покупать оружие, и тем более — владеть им. В дисциплириях учениц обучают владеть совной — лёгкой алебардой с изогнутым лезвийным наконечником, с рукоятью в длину от пят до плеч львицы; это оружие повсеместно используется для защиты дома, его считают оружием самок. Миланэ, как и все остальные дисциплиры, ненавидела эти занятия с алебардами, совнами и прочим железом, хотя могла споро разрубить ими деревцо

толщиной в руку.

Но сейчас, похоже, вору придётся удирать от её рычания и сирны, а не от замаха совной.

Тем временем шаги ничуть не удалялись, а приближались. Миланэ засомневалась: это мог быть не только вор, а некто иной. В сознании вмиг всплыло всё: что она — Ашаи важного патрона; что за нею следили; что она искала «Снохождение» и покушалась на него; что она убила того дурака на улице; на ум приходили Тайная служба, Надзор, криминальные синдикаты и наёмные убийцы.

В общем, дело принимало нешуточный оборот.

Дверь начала медленно открываться, Миланэ невольно начала отступать. Комната у неё ещё необставлена, спрятаться где-то или затаиться для броска — нигде. Дело нужно кончать. Если вор — убежит в любом случае. Если убийца — то попытается убить.

И только Миланэ собралась истошно зарычать, как тут увидела того, кто вошёл в комнату. Он вовсе не крался, шёл ровно и спокойно, просто стараясь не издавать звуков; так ступают, если боятся разбудить детей. Он заметил, что Миланэ совсем не спит, а стоит подле кровати; прикрыв дверь, словно у себя дома, направился к ней уверенным шагом. Дочь Сидны зачем-то взяла сирну обратным хватом, хоть это совершенно неправильно, и оскалилась, как вдруг узнала — это был Амон.

Он подошёл почти вплотную. Миланэ так и стояла в полном изумлении, уже совсем не скалясь и не прижимая уши, её рот чуть приоткрылся от удивления, а сирну в обратном хвате она невольно продолжала держать на уровне груди, прижав внешнюю сторону кисти к шее. Несколько раз моргнула, потом чуть отпрянула головой назад, словно не веря глазам.

Амон взглянул ей в глаза, потом на кинжал, Миланэ же не сводила с него глаз.

— Ты меня напугал! — пожаловалась ему Миланэ. Такие слова должны звучать испуганно, но у неё вышла причудливая смесь каприза, тихой радости и вздыхания львицы.

Кинжал она всё ещё держала перед собой. Поглядев на него, как на диковину, медленно-медленно опустила руку вниз, а Амон наблюдал за этим движением; Миланэ помышляла, что такого надо сказать ещё, самого подходящего и верного, потому что вопрос «Что ты здесь делаешь?» будет таки презабавен, да и как себя вести — очень возмущаться или не очень? Всё это следовало обдумать, подвергнуть сомнениям, помаяться, но Амон не дал ей этих мгновений, он положил руки ей на плечи, прижав поближе; но он ждал — не отторгнет ли? И тут навроде собрался что-нибудь сказать, объяснить — ведь, в самом деле, нельзя так ворваться ко львице в дом и стоять молча — но Миланэ вдруг вся растеклась в его объятиях и чуть наклонила голову, прикрыв глаза, обнимая в ответ, и он сразу понял её хитрость, как она делает так, чтобы заставил упасть её на кровать, и голова её склоняется сонным, томным движением; почему-то ждал в ней некую скованность, но напротив, здесь было столько непринужденной вольности, что даже испугало — ибо в таком случае нельзя быть плохим любовником, с такими львицами, вообще с ними нельзя плохо, потому что они созданы для любви.

* *

Ей долго не хватало самца — Раттана была права. Теперь хотелось куда-то идти,

что-то делать: строить планы, дарить милосердие, отдавать служение, расточать деньги, зарабатывать их — в общем, жить. Да, прямо сейчас, среди ночи; но куда в такой час пойдёшь и что будешь делать? Поэтому она, просто уложив руки на его спину, перевернувшись на живот, рисовала когтем незамысловатые узоры по его шёрстке. Ещё ей хотелось чем-то угостить либо доставить какое-нибудь небольшое удовольствие, проявить заботу; но, опять же, она не хотела сходить вниз, чтобы не ставить в известность Раттану, а та наверняка проявит интерес к неожиданному гостю. Амону интерес вреден, очень вреден, не зря он служит Тайной службе, а Тайная служба, естественно, должна быть в тайне... Хотя, с другой стороны, зачем себя обманывать — наверняка она давно проснулась от её голоса и теперь недоумевают: шакал их знает, этих Ашаи-Китрах, не пойми чем по ночам занимаются.

— Мне бы помыться. Да и тебе. Но внизу — Раттана, — вздохнула Миланэ, глядя в окно. Она то и дело брала краешек тонкой простыни. Пригляделась к ткани и обнаружила, что это шантунг — весьма дорогая разновидность шёлковой ткани, сродни тафту. Наверное, Раттана позаботилась. — Она славная. Дхаарка. Но ей незачем знать, что ты здесь.

Амону, наверное, было очень хорошо, потому он не нашелся с ответом.

— Хотя, если хочешь, можем пойти вместе. Я ей как-нибудь объясню. Скажу что-нибудь, — сказала Миланэ, потому что, во-первых, это было необходимо, а во-вторых, его и так не получится прятать вечно. Что за отношения будут — прятаться от всех?

Кому какая разница?

— Ведь это её не касается. Это никого не касается.

Миланэ с тихой внезапностью осознала, сколь она сильно влюблена в Амона: бесстыдно, мучительно, даже ревниво, как-то совсем по-настоящему. Даже стыдно, что так влюблена. У самок ведь любовь должна проходить так, понарошку, осторожненько...

Она позволяет ему такие вещи, которые бы не простились никому.

Он может даже лежать и молчать, пока она говорит.

Когти в гриву возле шеи; о да, Миланэ знает, что делает. Да-да, вот так, лев, вот так. Зашевелился, растянулся? То-то и оно.

— Она тебя знать не знает, ей будет всё равно, — взмахнула рукой, на миг прекратив царапать его шею. — Хотя будет недоумевать, как ты сюда попал, — тыкнула ему два раза когтем в спину, несильно. — Но неважно. Так что можем пойти.

Амон лежал молча, не двигаясь, даже кончик хвоста не подавал признаков жизни, единственно — дышал. Потом вдруг нашёл её левую ладонь своей, поцеловал, чуть укусил, и возвратил обратно.

— Ваал мой, хоть один лев может после близости слово сказать? Или все опосля впадают в спячку? — смешно отчаялась она.

— Я думаю, Милани, — тут же ответил Амон и осторожно перевернулся на спину. — Кроме того, ты даже не представляешь, как после этого тянет в сон.

— Прости, родилась без гривы, знать не могу. О чем ты можешь сейчас думать? Ты ещё можешь думать? — сказала она ему, показывая коготки на правой руке, мол, сейчас уберу все помыслы из головы.

— Есть важные новости. Ты не дала сразу рассказать.

— Я?! — возмутилась Миланэ и взмахнула хвостом, а потом даже стукнула его по плечу. — Я не дала рассказать?

Ну да сейчас! Я? Нет на мне никакой вины! Сам пришёл!

— Я здесь ни при чём. Я — порядочная львица, — уселась на краешек кровати и начала обиженно приводить себя в порядок для того, чтобы он начал проситься у неё с прощением.

— Не обижайся, — замурлыкал Амон, взбираясь по её хвосту всё выше и выше.

— Тссс! Не разбуди мне Раттану! Она не должна знать! — забрала Миланэ хвост.

— Думаю, она уже давно не спит, — Амон заложил руки за голову и уставился в потолок.

Миланэ немножко подумала, заодно расправляя и одевая шемизу, а потом изрекла, поняв, что этот нахал имеет в виду:

— Нахал.

Вдруг он начал, быстро и серьёзно:

— Послушай, Милани, хотел рассказать после того, как всё получится, всё устаканится и ты вернёшься из Сидны. Но передумал. Я доложил наверх, что связь прервалась, меня отстранили от работы с тобой, потому пришлось вот так, словно вор, пробираться — ночью слежки нет. Вообще, насчёт тебя я сделал наиболее скучный отчёт; кажется, он прошёл, от тебя вскоре отвяжутся. Мне так и не удалось выяснить, кто заказчик слежки. Наверное, всё-таки политические противники Тансарра, вроде сенатора Шанта и его шайки; жди, что после Приятия к тебе обратятся с двусмысленными предложениями. Сейчас идёт передел сфер влияния, а ещё это предчувствие новой войны...

— Я патрону расскажу о слежке. Можно?

— Можно, — немного подумал Амон.

— Так что они от меня хотят? — спросила Миланэ, всё же не понимая, что именно она вкладывает в слово «они».

— Загнать в кувшин, как говорится. Поставить в такое положение, чтобы ты, в конце концов, была вынуждена делать то, что им выгодно. Но если не делать глупостей и заручиться помощью Тансарра, то всё будет хорошо. Поэтому ты должна быть идеальной Ашай, чтобы им не за что было уцепиться.

— Я пытаюсь, хотя вряд ли получится...

— Ещё советую вот что: патрон, вполне возможно, решит тебя куда-нибудь отправить, например, к старшему сыну в Кафну, чтобы тут всё утряслось. У меня уже есть довольно верные сведения, что Сайстиллари взяли над тобой патронат для отвода глаз. Прости, но это так.

— Да я уже поняла, — махнула рукой Миланэ, улыбаясь.

Он подёргал усы, посмотрел на неё, потом дальше уставился в потолок.

— Тебя это не обижает?

— Обижает, — пожала она плечами, кончик хвоста нервно дёрнулся. — Тем не менее, если я хоть так смогу им помочь, тогда исполню своё служение, — прижались её уши в классическом жесте почтения, анлиль-гастау.

— Поэтому если они тебя отправят — уезжай. Повод для поездки найдётся. И им хорошо — приставать здесь не будут, и тебе — Кафна отличный город, вот увидишь, — со знанием дела молвил Амон.

— А ты? — встрепенулась Миланэ.

— Что я? — взял её ладонь и поцеловал, но грустно.

— Уеду, а ты будешь здесь?

Он тягостно промолчал; за окном отозвался близкий сверчок, громкий и назойли-

вый. Затем поглядел в окно, где бездна звёзд уже тускнела от близости рассвета.

— Ты останешься здесь? — внезапно испугалась она.

Она ещё не успела подумать о будущем, потому что вся пропала в настоящем. Она ещё не успела ничего прочувствовать, как уже нужно думать о будущем.

— В Кафне хорошо, Миланэ, — сделал он широчайший жест, показывая, как там привлекательно. — Море, юг. Поезжай... Тут у тебя слишком много недоброжелателей, а там — иной мир.

— Иной мир... — повторила за ним Миланэ с бесконечной меланхолией.

— Ты уедешь не на луну, не на две. На годы. Ты станешь другой, жизнь у тебя будет другая, — сказал Амон так, будто мечтая увидеть её, Миланэ, в этой иной жизни: среди бесконечного летнего света — её драматически рельефный силуэт; она весела, жива, решает повседневные дела, обеспечена (в Кафне всякая Ашаи весьма ценится, их там немного, ибо Южный Протекторат); у неё есть кто-то; их может быть несколько, у Ашаи так бывает; у неё есть маленькие дети, она, кроме того, опекается каким-нибудь сиротским приютом или вершит иные щедрые дела; лечит, жжёт пламя Ваала, и так далее...

— Поэтому решил сделать тебе небольшой подарок.

Миланэ поудобнее уселась на кровати, поближе к нему.

— Надеюсь, всё получится. Я достану тебе «Снохождение».

Некоторое время она ничего не говорила, не двигалась. А потом засмеялась. Ах, вон оно что...

«Мой милый, добрый Амон», — только и вздохнула Миланэ, чувствуя с ним глубокое единение, совершенно не похожее ни на что. Её настоящая влюблённость показала всю силу эмпатии: дочь Андарики чутко ловила все оттенки его чувств, и даже уши её двигались так, словно прислушивались к монологу его души.

— Ты не отличишь настоящее от подделки. Забудь, — взмахнула рукой и хвостом, блеснув белыми зубами. — Как видишь, я пыталась, у меня не вышло. Забудь о нём, прости, что беспокоила, — поцеловала его в сладком наваждении, прижимая его плечо ладонью, чуть выпустив когти и втайне желая ещё; она хотела, чтобы Амон дальше с нею что-то делал, что угодно, что ему захочется, а она не скажет «нет».

Отпрянув и чуть поразмыслив, весело добавила, дотронувшись к его носу:

— Это может плохо закончиться, зачем тебе такое? Покупка в книжных лавках из-под полы тоже небезопасна.

— Так оно тебя больше не интересует? Это был лишь мимолётный интерес?

А вот на этом Миланэ остановилась, очень внимательно посмотрела Амону в глаза, и ему стало понятно.

— Понял, что неправ, — он поднялся и прислонился к изголовью кровати. — Послушай, я достану тебе «Снохождение» из Марнской библиотеки. Это несложно с возможностями агента Тайной службы. Мы одолжим его на несколько лун, можно нанять переписчика — у тебя будет текстовая копия книги. Если ты за это время уедешь в Кафну, то книга останется здесь, я её верну назад, а потом как-нибудь вышлю тебе копию. Пришлось бегло изучить вопрос: я знаю, что по миру гуляет очень много плохих подделок этой книги. Правда. Не знаю, с чем это связано — наверное, она обладает редкой букинистической ценностью или вроде того. Также знаю, что книги первой группы практически никогда не вынимаются, и лежат опечатанные годами. Поэтому шанс остаться незамеченным — велик.

Безусловно, та ещё новость. Миланэ, посерьёзнев, уселась возле него, а он обнял её за талию.

— А если пропажу обнаружат?

— Не переживай, с нас будут взятки гладки. У служителей библиотеки, конечно, могут быть неприятности, у сестры-хранительницы библиотеки — Ваалу-Ирмайны — тоже. Но они не будут длиться слишком долго, а потом книга чудом найдётся. А скорее всего, никто ничего не заметит.

Миланэ слушала, приложив палец к подбородку. По улице простучала пролётка.

— Хал говорил, что Ирмайна таскает книги туда-сюда из библиотеки. Она может обнаружить пропажу.

— Вот таскает, вот и дотаскается, — ударил Амон кулаком по ладони. — В её интересах будет всё скрыть; Тайная служба, между прочим, имеет на неё не самое лучшее досье, поверь мне — ей невредно немного понервничать. Кроме того, я своими методами сообщу ей, что книга будет возвращена.

— Хал знает о наших планах, — вмиг выискала слабость Миланэ.

Идея, которая некогда показалась весьма жизнеспособной, теперь не прельщала Миланэ. Она не желала чувствоваться воровкой и не желала никому зла.

— Поверь: ему лучше помалкивать. Для его же блага.

— Если с него будут спрашивать, он мигом захочет переложить ответственность на тебя. И, наверно, на меня. И будет прав, — убеждала льва львица.

— На нас, а ещё на Императора, Ваалу-Ирмайну, Томгу-Монгу из сказки и случайного прохожего, — чувствовал себя уверенно лев.

— Пойми, я просто не хочу, чтобы кто-то пострадал. Даже Хал. Это будет несправедливо, — объяснила ему дочь Сидны.

Но она чуяла: Амон настроился крайне решительно, и наверняка уже предпринял какие-то шаги; поняла — надо надавить сильнее. Надо разубеждать.

— Да никто не пострадает. Это просто книга! Да кому она там нужна, будь она хоть трижды вероборческая? Есть имперские законы. «Ибо так хотят Сунги!». «Ибо так не хотят Сунги!», — Амон процитировал известные изречения, которые ставятся в начале и конце каждого всеимперского закона. — Кража книги из Особого зала приравнивается к вероборчеству, это прямой путь на каторгу; знаешь ли, все служители библиотеки разобьются о землю, но будут скрывать такую пропажу до конца. Пока будут идти разбирательства и поиски, мы её вернем. Ты ведь вернешь её?

— Если ты так скажешь, то верну, — сказала она, потому что с иными словами не нашлась. — Но лучше пусть лежит, где лежала...

Посидели, подумали. Его рука успела скользнуть под шемизу и обняла её живот.

— Она может дать мне множество ответов, — изрезал тишину тихий голос Миланэ: тёмный, подлинный, напряжённый. — Вообще, наверное, каждый в жизни ищет своё «Снохождение»; но достичь его не так просто. Видишь ли, воин должен найти свой хороший меч, каллиграф — свою лучшую кисть, а сновидица должна иметь своё «Снохождение», понимаешь? Сновидице говорят, что других миров нет, что ничего нет, и что всё — выдумка, а лишь это — настоящее, — взмахнула она ладонью. — А сновидица знает, что есть, и что всё — иначе. Каково прикажешь жить? — посмотрела на него: испытующе. И вместе с тем — беспомощно.

Казалось, он её не слушал. Амон смотрел куда-то на дверь; наверное, прислушивался ко звукам внизу: там уже точно суетилась Раттана, которая всегда встаёт чудовищно рано.

— А что там есть, Миланэ? — вдруг спросил Амон с отсутствующим взглядом. Оказывается, он слушал её, и он слышал её.

— Столь странные вещи... — растерялась она. Со словами было сложно. — Есть мир, полный давящей черноты, а есть сверкающий белый мир. В них, наверное, много можно найти.

— А зачем находить?

— Как зачем? Незачем. Вот зачем живём, зачем дышим и ходим по земле? Вот потому. Так... приказано.

— Чем? Кем? — ухватился за её ответы, словно за свет в конце туннеля.

— Не знаю.

— Ваалом? — отрывисто спросил Амон, словно во вопросе был заложен ответ; но этот ответ совсем его не устраивал.

— Мне — нет, — посмотрела ему в глаза Миланэ. Взгляд её был непрост; она уже не смотрела на него, как на любимого льва, но того, кто ищет ответ.

— Ваал есть, Миланэ?

— Он есть, — очень уверенно ответила она. — В душах сестёр и Сунгов. Но поскольку воля сестёр сильна, то... понимаешь... они договорились, что он есть. И договорились столь сильно — а мы ведь хранительницы договоров, верно? — что он действительно стал существовать, а эту договоренность подхватили остальные Сунги.

Амон хмыкнул. Однако.

— А ты, стало быть, выпала из договора?

Он задавал хорошие вопросы.

— Пожалуй.

— Так ты не Ашаи-Китрах?

Взгляд от Миланэ. Но здесь нет желания обидеть — здесь стремление понять правду.

— Я — Ашаи-Китрах, — с большим достоинством молвила она, быстро указав на собственные уши — древнейший жест, обозначающий принадлежность к ученицам, ибо они «слышат Ваала». — Не надо сводить сестринство к одному Ваалу. Мы — его матери, не он — наш прародитель. Мы много больше, чем вера во Ваала. Ведь изначально мы не были прикованы к одному взгляду; мне даже однажды выпало несчастье услышать из уст одной сестры, что существование Ваала — внешний факт! Ашаи-Китрах признают сумму точек зрения, различные углы, перспективы; они не верят в этот бессмысленный «неволящий, незаинтересованный субъект познания». Проклятье, да именно поэтому нами глубоко ценится искусство толкования слов и текста; мы соединяем их с «чувствованием души». Это проникновение в сам образ мыслей, в эмоции текста, в его метапослание и частные смыслы. Ашаи-Китрах — сёстры понимания.

Она вдруг ощутила глубокий парадокс. Столь много было сказано о многогранности сестринства — и вместе с тем указала на свои милые уши с чёрной каймой. Ибо. Слышат. Ваала. А пройдёт семь дней — и будет она указывать на глаза, потому что они «видят Ваала»... Она отрицает его, но использует эти жесты.

Ваал мой, как сложна жизнь!

Для Амона, пожалуй, это оказалось слишком.

— Миланэ, зачем ты мне всё это рассказываешь... — словно осознав ужасную ошибку, сказал ей Амон.

Она была такой серьёзной, но вдруг улыбнулась, поглядела в сторонку, а потом снова на него.

— А почто ты спрашиваешь?

— Потому что очень интересно. Просто... ты так доверяешься мне.

— Да. Я тоже верю тебе, Амон. Как и ты мне, ты говорил это, помнишь?

Он кивнул.

Вдруг она кое-что припомнила. Усевшись на кровати поудобнее, молча пригласила сделать и Амона. Подоткнула рукава шемизы повыше, сбросила на пол бесформенный комок лёгкого одеяла для тёплых ночей.

— Хочешь, что-то покажу? — спросила, и не дождалась ответа: — Гляди: я Ашай, что не верит Ваалу. Да? А теперь смотри — я возожгу Его пламя.

Глядя на свои руки в неверном свете, ей мыслилось, что нет ничего более переменчивого и неопределённого, чем наши желания. Её предупреждала сестрина строгого Норрамарка, что невольню жечь огонь на ладонях, потому что он крадёт огонь изнутри — силу духа и намерения; невольню гореть внешним пламенем! В самом деле, её даже обуял душеубийственный стыд, и вместе с тем — сладость нарушения своих же решений и саморазрушения. Да, ха, смотрите, сгорю я! — хищно улыбалось её «Я», одно из бесчисленного множества её души. Тем более, цель не была чужой сердцу: Миланэ хотела показать любимому, что взаправду собою представляет этот огонь, поддерживающий веру Сунгов столь долгие века.

Амон видел, как львица, в которую он влюблён, показала свои ладони, словно пытаясь убедить, что здесь нет никакого подвоха, и что её руки — чисты. Потом — красиво и странно — поманила пальцем к себе; такому противиться невозможно, он последовал зову, он бы охотно последовал на любой её зов, хоть в пропасть, и они соединились в жаждущем, страстном поцелуе, стоя на коленях посреди их ложа, а хвосты их причудливо сплелись. Казалось, сейчас снова случится таинство продолжения рода, но Амон очень хорошо чувял, что сейчас произойдёт нечто необычное, и тут вдруг ощутил ушами, затылком и плечами сильный, нешуточный жар, а по всему телу прошла жуткая, неведомая доселе колючая волна, которая явно передалась от неё. Но Миланэ вовремя отпрянула, зная, что Амон не готов (и не может быть готов) к таким ощущениям и теперь сидела, держа перед собой пылающие ладони, глядящая на него.

— Ваала — нет, Ваал — фантазм, Ваал — иллюзия, Ваал — ничто, — заклинала она, держа горящие ладони с тонким, несвойственным ей жёлто-алым пламенем перед собой, глаза её горели тоже, словно поджигатели рассвета, тени под тонким очерком скул стали чернее чёрного, и это было настолько еретически и страшно, что даже комната, казалось, наполнилась тихим, звериным, иномирным гулом. Амон свидетельствовал это, и до остова души понял, что такая воистину бестрепетная львица, столь удачно прячущаяся под обличьем не самой заурядной, но вполне благоприличной Ашай-Китрах, может свершить нечто такое, от чего у многих подожмутся уши и хвосты.

Должно было получиться красиво-романтически: рождающийся рассвет, лев и львица, огонь на ладони, огонь в сердцах... А получилось так, что Амон — лев далеко-далеко не трусливый — сидел почти ни жив, ни мёртв.

— Но как так? — спросил, и сложно было понять, о чём он спрашивает, и не было даже уверенности, что он спрашивает именно Миланэ.

— Игнимара — не пламя Ваала.

— Но что тогда?

— Кто знает, — пожалала она плечами и начала тереть ладонь о ладонь: после игни-мары всегда не самые лучшие ощущения.

— Ты знаешь, я действительно люблю тебя.

«Он любит меня! Я люблю тебя! Вслушайся в эти слова, не будь глупой. Отбрось поиски истин; он — вся твоя истина».

— Вот не ставь меня в такое положение. Ведь и мне тогда придётся сознаться, что я... как мне сказать? Я влюблена. В. Тебя. И знаешь что? Не надо ради меня делать этого. Не бери «Снохождение». Это опасно. Я буду волноваться. Не хочу волноваться. Хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Ты меня понимаешь, Амон? Наверное, никто не мог бы сделать большего подарка, чем ты собирался; но ты и так даришь несравнимо больше...

— Поздно. «Снохождение» у меня.

Амон сказал это просто и буднично, словно поведал, как купил круг сыра вчера на рынке. Неспешно встав, он поднял с пола свой плащ, зачем-то потряхнул им несколько раз, а потом откуда-то с его внутренней стороны достал нечто, завернутое в чёрную ткань.

Миланэ наблюдала, застыв, как кошка.

«Если это правда, если он действительно достал книгу, то... проклятье, что делать?! Верно, верно говорят: боясь мечты — она может осуществиться».

Тем временем Амон поставил свёрток на кровать и сел перед ним, как перед идолом неведомого прайда, озадаченный тем, что всё происходящее — столь реально. Он не смотрел на Миланэ, ни по сторонам, а куда-то вперёд, в одну точку, насквозь пораженный собственным поступком.

Несколько быстрых взмахов руки, что отбрасывали одежды чёрной ткани, и Миланэ увидела до ужаса знакомые пропорции, цвет и даже запах. Как-то до последнего момента казалось, что он забавляется либо выдает желаемое за действительное. Но лишь Миланэ перевернула несколько первых страниц, а потом раскрыла наугад и сразу попала на изображение древа миров, то резко захлопнула книгу; её движение оказалось даже чересчур сильным.

— Амон, ты с ума сошёл. Ты с ума сошёл, — сползла она на пол, заклиная его и себя. — Ты с ума сошёл, и я тоже.

Пала вниз дочь Андарики совсем безвольно, поэтому Амон решил отбросить сантименты и помочь ей успокоиться, но Миланэ вдруг поднялась, очень быстро, и подошла к окну, выходящему на узкую улицу, где вполне оживал рассвет, где ещё не было пыли дня; в воздухе летали запахи Луны Огня и цветень. Она открыла окно, но продолжала то ли плакать, то ли смеяться; похоже, и то и другое. Да, желание обнять сильно, но Амон — умный и осторожный лев, он помнит: у окна появляться нельзя. Увидят. В Тайной службе, где он влачит службу без малого два года, не простят такой связи.

— Всё равно: ореол тайны, он всегда немного...

Не договорил. Миланэ уже не просто плакала — она рыдала, с огромным усилием подавляя себя. Слезы большими каплями падали прямо на пол, орошали её кисти и пальцы, щёки и нос, совершенно застав ей мир. Стоять у окна не нашлось сил, она снова сидела на полу, прильнув к стене; полуголая, стройная, сладкая, беззащитная, совершенно разбитая неведомым горем, даже сейчас не утрачивая плавности, даже некоторого изыска в движениях и жестах; прижатые уши, безвольный хвост,

большие, влажные глаза; совершенно незабываемый взгляд, маленький, полуоткрытый рот с горячим дыханием.

Очень осторожно открылись двери в комнату, прозвучало испуганно-тревожное:

— Сиятельная? — сначала явилась голова Раттаны с настороженными ушами, потом рука у дверного проёма; рука от испуга и неожиданности взметнулась ко рту. Так служанка-дхаари постояла несколько ударов сердца, а потом ещё тише закрыла дверь.

Влажный взгляд Миланэ, снизу вверх. Теперь она улыбается, причём заметно, что она вовсе не пытается сыграть роль или притвориться беззаботной — здесь искренность. Быстрота смены настроения сбила его с толку; всё-таки самцу сложно это понять.

— Смотри, — смешно и нежно она тронула его ухо. — Это значит для меня очень многое. Послушай, послушай... Ты слушаешь, нет? Так вот, я завтра поеду в Сидну. Два дня на дорогу. Потом пять дней до Приятия. Шестнадцатый день 1-й Луны Огня. Потом два-три дня в Сидне, возвращаюсь сюда. Вкратце — дней десять. Как только приезжаю, сразу верни его обратно. Амон, слышишь? Сразу же. Я за это время сделаю необходимые записи; мне не нужна копия — нужно знание. Верни книгу, чтобы с тобой было всё в порядке. И с остальными — тоже.

Он ощутил жар её рта на щеке, затем чуть ниже, у подбородка. Амон ощущал, что она вся из огня: тепло исходило от её рук, пальцев, лап, даже хвоста, что уложился на него.

— Прости, что подала однажды столь безумную идею. Ты мой безумец, ты сошёл с ума, я люблю тебя... — признавалась она, не зная условности.

* *

Утро.

— Зачем выбрал это занятие? Мои великие предки, ты мог бы стать кем-нибудь другим!

— Кем?

— Купцом, например. Купец одежд и тканей, первой статьи, со внесением в реестр. Или переводчиком. Кафнский диалект, бесмерийский язык юга — и вот ты со мной в Кафне!

Что тут ответить? У львиц всегда всё просто, касаясь дел самцов. Пойди, сделай, потом скажи, что всё хорошо. Амон, разлэгшись, играя её безвольно-мягкой ладонью, сказал:

— Так вышло. Не только мы пишем книгу нашей жизни. В девятнадцать я пошёл в Легату, в двадцать два ушёл.

— Или нет, не купцом. Очень представляю тебя судьёй. Или адвокатом, — обняла его Миланэ.

— Это потому, что у тебя яркое воображение. И знаешь, право, как его понимают эти крючкотворы, не имеет ничего общего со справедливостью. Это лишь наука искусно перекидывать ответственность на чужой хвост. А я никогда не бегал от ответственности. Я её даже искал.

— И давно ты в Тайной Службе?

— С того времени, как ушёл из Легаты.

— А когда ты ушёл из Легаты?

- Да года три назад.
- Так тебе двадцать пять?
- Да, а что?
- Я думала, лет тридцать.
- А тебе?
- Эй!

Миланэ, погодя, с деланной обидой ответила:

— Двадцать четыре. Не переживай, точно не больше. В двадцать пять дисциплина должна стать сестрой — это крайний срок. А я, как видишь, ещё дисциплина.

Амон насторожился, посмотрев на окно; он чувствовал себя крайне двойственно: с одной стороны, у Миланэ ему было более чем хорошо; с другой стороны, он знал, что его не должны здесь обнаружить. Уже одна живая душа точно знала, что он здесь — Раттана. Но Миланэ уверила, что та будет молчать.

— Хм, Амон, а кто ты по крови?

— Даже не знаю, что сказать, — задумчиво пригладил гриву.

Миланэ перевернулась на живот:

— Почему не знаешь?

— Моя мать — хустрианка. Точно. А кто отец — понятия не имею. Меня воспитала андарианская семья. Я — хустрианский подкидыш. Приехал в повозке.

— Ой, Амон... Прости.

Миланэ более чем хорошо понимала, о чём речь, и знала, что значит выражение: «приехать в повозке». Хустрианцы — самый ветреный и горячий прайд Империи; их свободные нравы никогда не переставали удивлять остальных. Поэтому в Хустру больше всего львиц простого поведения. Это связано не столько с лёгкими нравами, сколько с тем, что в Хустру — много портовых городов, военных поселений и казарм, много торговых путей. Хустрианцы высокого рода относятся к ним весьма негативно, как львы, так и львицы, считая «дома отдыха» (как их здесь называют) источником многих бед и опошления половых отношений. Дело в том, что в регионе Хустру остро стоит проблема нежелательной беременности и всех её последствий; большинство хустрианцев совсем не зря признают всё это низостью, ибо у них издавна существует очень высокая культура половых отношений, своеобразные «правила игры» между самцом и самкой, которым с подросткового возраста учатся все хустрианцы. Проблема ещё усугубляется тем, что общество хустрианцев — индивидуалистическое общество, за каждым признаётся право на собственную жизнь и интересы, и принцип «каждый сам за себя» здесь очень популярен. Поэтому усыновление-удочерение детей, рождённых у таких матерей, происходит очень редко. Хустрианцы не понимают, как можно добровольно взять на себя ответственность за чужого львёнка, да и очень щепетильно относятся к наследственности; для них очень важен вопрос — от кого ты произошёл.

Но хустрианцам повезло. Рядом, на западе — Андария. Воспитание детей здесь возведено в искусство и культ. Только в Андарии сердобольная львица может подобрать беспризорника прямо с улицы, забрать к себе, и никто не удивится такому поступку. Ну а детей, которые утратили родителей, в Андарии тем более никто не бросит — их заберёт если не родня, так соседи.

В Хустру есть приюты для таких детей, они содержатся за счёт Империи, но всегда переполнены. Поэтому издавна, с молчаливого согласия властей, руководство таких приютов вместе с воинами Имперской Легаты Сунгов иногда проводит очень

необычную операцию. Детей, достигших шести-семи лет (то есть таких, которые могут внятно говорить и не беспомощны) сажают в обозные повозки Легаты, приставляют к ним воинов, и увозят прямо в Андарию. Ночью прибыв в строго определённое поселение или поселения, детей попросту... бросают на окраине, предварительно посоветовав идти к поселению и стучаться во все дома. Иногда делается по-другому, особенно если обоз сопровождает дренгир, которому не чужды понятия нравственности и чести. В таком случае среди ночи к андарианскому дому стучится воин с зарёванным львёнком на руках и с простыми словами: «Ради Ваала, будьте милосердны — возьмите».

Но чаще андарианка слышит стук в окна-двери, встает и обнаруживает на пороге своего дома одинокое дитя. Либо несколько детей. Либо целую кучу детей, которые наперебой рассказывают сбивчивую историю о том, что их куда-то везли-везли, а потом бросили. В результате, рано или поздно, просыпается целое поселение. До утра, поохав и поохав, низвергнув кучу проклятий на головы «хустрианских кукушек», которые «нагуляли и бросили», андарианки расходятся по домам. Вопросы о том, что делать с детьми, не возникает: их по одному разбирают все семьи, что могут себе позволить. Иногда часть детей отдают в соседние поселения и раздают родственникам, как подарки. Таким детям практически всегда дают новые имена и приучают к мысли, что они теперь — сыновья и дочери Андарики, станут настоящими Сунгами (не то, что эти хустрианцы), а их новые матери и отцы — настоящие матери и отцы.

Всё это дело выполняют именно воины Имперской Легаты, и сему есть несколько причин: такие действия противозаконны; но в Легате любой приказ сначала выполняется, а потом обжалуется, поэтому для воинов нет выбора; досматривать недвижимое и движимое имущество Легаты имеет право лишь представители самой Легаты, поэтому местные стражи ничего не смогут сделать.

Такая же судьба постигла и Амона. До пяти лет он ютился в приюте Призрения; потом его усадили вместе с десятком остальных в повозку и увезли в Андарию. Среди ночи воин с огромной гривой и усами — Амон помнил многие детали — отдал его какой-то львице возраста силы; Амону она показалась очень доброй, потому первым делом он украл среди ночи большой кусок крольчатины из чана на кухне и сожрал её с костями, забившись под стол. Он посчитал, что такая добрая особа не будет сильно бить за эту выходку. Её Амон запомнил плохо, потому что на второй день его отдали в другой дом, и тогда ещё очень мутило от переедания; но отдали не из-за кролика, а потому, что львица не могла за ним присматривать по причине возраста, занятости и большого хозяйства. Но и там его не могли содержать; наконец, через неделю маленького Амона, успевшего повидать с пяток домов, отдали каким-то очень далёким родственникам той львицы, которая приняла его.

— Прости, что заставила вспоминать страшное.

— Пустяки.

— Навмест расскажи нечто светлое. Поведай о первой любви, — попросила Миланэ.

— Первой любви? — очень удивился он.

— Вижу, твоя душа волнуется от воспоминаний, — заулыбалась Миланэ.

— Не знаю... — засомневался, затерзался Амон. — Миланэ, если хочешь выслушать, то... это длинная... путанная история. Немного странная. Слишком откровенная.

— Я сохраню в тайне твоё откровение.

* *

Амон попал в Западную Андарию, самую строгонравную и благочинную. Вот как всё стало вокруг него: примыкающий прямо к лесу большой дом; новая мать — дородная, строгая, большая, со взглядом каменной статуи и вечно заляпанном переднике; новый отец, пропадающий если не на лесопилке, владельцем коей являлся, то на охоте, не бывающий дома неделями; сводный старший брат, которому было решительно плевать на такую мелюзгу, как Амон; и сводная сестра, на два года старше, милейшая и добрейшая душа, давшая ему, маленькому, много столь недостающей материнской ласки. Ему сразу было запрещено вспоминать что-либо о приюте или, упаси Ваал, о хустрианских «родителях». Теперь он — андарианец, и будет воспитан соответственно. На произвол судьбы его никто не бросит, но и носиться, как с яйцом, никто не будет. Так было сказано, так пошли дни.

Амон рос, больше помогая по домашнему хозяйству и топчась на лесопилке. На охоту отчим его не брал, поскольку души не чаял в старшем сыне, а до приёмьша ему большого дела не было; впрочем, никогда не обижал и вполне содержал. Он похлопотал о неплохом образовании Амона, отдавая в лучшую школу недалёкого городка Вельтро (хотя школ-то было всего две), и позволял пользоваться своей какой-никакой библиотекой. Дом находился на отшибе большого посёлка, потому Амон, по большей части, целыми днями оказывался предоставлен сам себе и отлично изучил лесную местность вокруг. Целыми днями он мастерил луки, ловушки для мелкой добычи, лазал по деревьям и купался в реках, которых было целых три.

Амон сразу больше всего привязался к сводной сестре. Звали её Сарамба, была она львёной не по годам крупной, воплощая собой мать в миниатюре, лишь только облик её был намного добрее и мягче; она не являлась красавицей в полном смысле слова, у неё были недостатки (большие уши, неровные зубы, ординарнейший светло-пепельный окрас), которых Сарамба стыдилась ну просто до смешного; но она не была страшненькой, нет-нет — вполне-очень ничего; хоть она и была ещё мала, но все говорили, что Сарамба благополучно и без потрясений найдётся львом без завышенных запросов в будущей жизни. Симпатичная. Она симпатично улыбалась, стыдилась, забавно злилась, очень трогательно печалилась, и принадлежала к той породе львиц, которые всех жалеют и которые не умеют отказывать.

Когда Амон исполнилось тринадцать, полоска вдоль головы и шеи начинала превращаться в гриву, которую старший брат имел привычку дёргать (он вот-вот должен был уйти в Легату), а Сарамба — взъерошивать, его подкосило: он тяжело, горячо, иступлённо, неудержимо и невозможно влюбился в сводную сестру. Сыграли роль и хустрианская кровь, и начало возмужания. У хустрианцев с этим справляются быстро и мастерски: там половое воспитание начинают ещё тогда, когда львёнок и говорить толком не умеет, а начало возмужания определяют мигом и сразу утоляют интерес юного самца проверенными временем способами.

Но в Андарии такого нет и не будет, а род здесь — святое. Поэтому поначалу Амон старался не проявлять интереса к Сарамбе, убеждая себя, что это — его сестра, так нельзя, и всякий интерес к сестре любовного толка — хуст; но оттого жгло ещё сильнее. Всё, что оставалось: изнывать, бесполезно убеждать себя, сражаться с собой или действовать на свой страх и риск.

И всё усугубилось тем, что Амон оказался не робкого десятка.

Поначалу Амон скрывался и страдал в одиночестве. Но потом понял, что это — не его стезя. Лучше получить тысячу тумачков и сотню отказов, но всё равно попробовать. Что именно «попробовать» — он ещё сам не знал. Нет, Амон чётко зарубил себе на носу, что хорошо бы её поцеловать и завязать некие тайные отношения; а дальше всё растворялось в мраке сладкой неопределенности.

Сарамба с негим ужасом наблюдала за его дико изменившимся поведением. Ей было уже шестнадцать, она превратилась в юную андарианскую маасси — создание, по идее, кроткое, стыдливое, послушное роду и родителям, хозяйственное, предпочитающее охоте домашние дела, беспрекословно благочестивое и водночасье практичное, весьма расчётливое. Она обрела округлые, типичнейше андарианские черты, где нет места никакой остроте, а всё плавно-округлое: уши, мордашка, нос, фигура, даже кончик хвоста; здесь-то и проявилась её родовая привлекательная черта: отлично сложенное, далёкое от худощавости и тщедушности, крепко-сбитое тело западной андарианки, почти как у взрослой львицы.

Она была старше, выше, сильнее и больше Амона.

Но это его совершенно не останавливало.

Он начал приглашать на различные одинокие прогулки; делать подарки; писать неуклюжие стихи и записки; выискивал любое мгновение, чтобы уединиться с Сарамбой или, как он называл её — Сари. Мачеха, не единожды услышав это ласковое сокращение имени, запретила Амону так обращаться к дочери, потому что пыталась следовать каким-то своим воображениям насчёт «приличной жизни, принятой в городах». По мнению мачехи, ласковые сокращения для шестнадцатилетней маасси недопустимы в «приличных родах», а тем более из уст пасынка. Амон оказался упёртым — нарочно начал делать это, постоянно натываясь на конфликт и скандалы.

Поначалу Сарамба, поняв чувством самки, что происходит с братцем, про себя посмеялась над этим. Потом начала внутренне жалеть его. А потом вдруг поняла, что поддаётся ему, идёт на мелкие уступки, продолжая жалеть и любить, как брата. Из-за застенчивости она не решалась прямо заговорить с Амоном, тем более — с родителями. Кроме того, Сарамба понимала: в этом случае сводному брату не поздоровится. Потому решила молчать и действовать по извечному принципу: будь что будет.

Амон оказался необычайно настойчив. В конце концов, всё это и привело их к первому поцелую, когда она, хитрым способом выманенная в самый дальний угол сада, читала ему классические стихи Вейтаны. Амон набросился на неё, как на добычу, и она ничего, ничего не могла с этим поделать.

Конечно, всё получилось ужасно-смешно: он укусил её губу, стукнулся зубами и нечаянно задел рукой бусы, разорвав их. После попросил прощения за эти неудобства и сказал, что никогда не целовался. А ещё, что безумно любит её. А ещё предложил удрать из дому вдвоём и как-нибудь жить-поживать в большом мире, или притвориться, что они «заблудились» в лесу, а самим где-то уединиться и... Что «и» — Амон так и не договорил, потому что сам не знал. Идеи, как им теперь устроить жизнь после столь поворотного мгновения, как поцелуй, посыпались из него, как из рога изобилия.

Ей следовало или немедленно поиздеваться, либо нарычать, либо пожаловаться матери. Но вместо этого Сарамба, нанизывая обратно бусины на нить, тихо сказала, что тоже никогда не целовалась, тоже его любит — но как брата! — а удирать из

дому плохая идея, потому что мама будет переживать. О «заблудиться в лесу» не упомянула, потому что ей стало страшно неловко.

Впрочем, как и Амону, который ходил несколько дней, словно огретый.

Но через несколько дней они поцеловались ещё раз. И ещё. Потом ещё. Амон был полностью доволен своей победой, ему нравилось делать это с Сари, нравилось делать первые шаги в мире чувственности и запахов львицы; она же вся горела от стыда, что находит тайное удовольствие в поцелуях с братом, пусть и сводным, пусть и младшим, хотя всегда делала вид, что сдаётся крайне нехотя и потакает его безумной прихоти только из сестринского терпения. По прошествии некоторого времени она даже смогла увидеть некоторые выгодные стороны: так можно научиться поцелуям, во всеоружии встретив первые, действительно серьёзные отношения.

Так прошло несколько лун, две или три. Вместе они очень быстро постигли искусство поцелуя, и могли заниматься этим буквально часами, пока не начинала болеть челюсть; они научились множеству мелочей и приятных, тонких нежностей, вроде как шептать друг другу бессмыслицу на ухо горячим дыханием, либо же нарочно пить что-нибудь горячее, а после — сразу целоваться (а ещё лучше, если кто-то при этом съест кусочек снега из погребца), или же, своровав бутылку вина, целоваться под лёгким хмелем. Амон смелел с каждым днём, ему становилось мало шеи, ушей, рта, плеч, глаз, ладоней, скул Сари. Всё чаще его руки пытались спуститься ниже талии; он всяческой хитростью искал путь под пояс юбки, который Сари нарочно затягивала как можно туже. В итоге, после одного особо страстного порыва Амона, который Сарамбе пришлось сдерживать, заехав ему по щеке без ногтей, у них состоялся долгий и откровенный разговор.

Первой, что необычно, начала Сари. Она сказала, что врать не будет и признается, что ей действительно нравятся эти нежности, иначе она бы давно всё пресекла, и он нравится ей, как — тут Сари долго не могла подобрать слова, но осмелилась — как лев, который берёт её поцелуем и лаской; в этом она находит настоящее удовольствие и в некоторые моменты ей тоже хочется чего-то большего, по той простой причине, что даже ледяную львицу можно растопить долгой нежностью; но при этом она ощущает себя в мучительном, постыдном, крайне двусмысленном положении, и думает об их странном приключении почти каждую ночь перед сном; более того, следует принять во внимание, что если тайны станут явью, то случится нечто страшное, потому что они живут в Западной Андари, а здесь такого никто не поймёт; вместе они совершают сладкое преступление, которое может дорого обойтись; и если с него, по большому счёту, как с гуся вода, то она вполне может навлечь на себя настоящий позор, если кто прознает; но поскольку дело у них идёт в одном, весьма недвусмысленном направлении, то всё принимает ещё более пугающий оборот. Поэтому им нужно обо всём поговорить и условиться, как жить со всем этим дальше; она, Сари, всё-таки желает видеть своё будущее безоблачным и свободным от кривотолков, поэтому хочет, чтобы Амон, как настоящий, честный лев, пообещал ей, что не делает ничего «такого», потому что, при должной настойчивости, ему это действительно удастся — в какой-то момент она просто не сможет или не сумеет воспротивиться, и тогда уже ничего не поправишь; а также она очень хочет, чтобы они остались, в первую очередь, братом и сестрой; поэтому стоит хранить всё происшедшее между ними в строжайшей тайне; что касается их будущего, как «льва и львицы» (так Сари и сказала), то она как бы не против продолжать всё, как раньше, но с условием хорошего скрытничанья, и до того момента, пока у неё не появится

любовь или поклонник; Амон должен пообещать, что в этом случае он тоже не надеется на глупостей и, тем более, не станет ревновать; она, к своему стыду, не может прекратить это всё, потому что у неё не хватает воли — она не в силах отказаться, хотя понимает, что вроде бы надо; если Амон найдёт в себе эти силы — она всё поймёт и будет благодарна.

Слово взял он. Был немногословен, вопреки обыкновению. Он пообещал, что никогда не перейдёт черты и прекратит свои наглые попытки; хотя, конечно, хочется; откровенно признался, что действительно любит и хочет её, а это действительно опасно; а потому, чтобы не причинять ей страданий и уберечь от возможных неприятностей, отважно прекращает их отношения, и теперь они становятся обычными братом и сестрой, как раньше.

Хватило его, и её тоже, ровно на четыре дня.

А мать Сарамбы действительно заподозрила неладное. Она никак не могла облечь в оформленное мнение то, что замечала за дочерью и пасынком. Безумно сложно, невозможно было поверить, что у них могут быть — фуй! — какие-то «отношения». Тем не менее, зоркий материнский глаз замечал многое. Сама не зная почему, она приказала Сарамбе запереться на ночь в комнате. Амону выделила комнату на холодном цокольном этаже, согнав его с комнаты на втором, найдя для этого хитрый повод — «будущий воин должен привыкать к неудобству», заставив мужа поддержать и убедительно подтвердить веским словом такое решение. Ведь будущее его было простым и понятным: уйти в Легату и начать полностью свою жизнь. Приемная мать заставляла Амона работать прилежнее и велела сидеть в библиотеке в свободное от работ и учёбы время, а дочери приказывала в этот момент заниматься домашними делами. В общем, мать держала уши настороже. А Сарамба и Амона потихоньку теряли осторожность, как ни старались.

Это, в конце концов, привело к катастрофе и разоблачению.

Но по порядку.

Их непонятные, но оттого не менее тепло-сладкие отношения, разгорелись с новой силой после небольшой передышки. На самом деле, Амон лишь частично не сдержал слова. Да, он не мог от этого отказаться. Как и она — тоже. Но они стали значительно осторожнее, Амон перестал наглеть; более того, Сари совершила одно открытие, которое, с одной стороны, заставило обоих сгореть от неловкости, но с другой — очень помогало ему остывать и не переходить той самой черты. При одном из «свиданий», как они это в шутку называли, они на четверть послеобеденного часа уединились в подвале, в котором было одно чудное место. Там можно было находиться в сравнительной безопасности, потому как тяжёлая, двойная дверь ухала так, что не услышать невозможно. Мать сказала Сари перевернуть бутылки с винами и протряхнуть с них пыль, а тут как раз «для помощи» подвернулся Амон, который тоже зашёл в подвал за «обронённым диском для метания, что закатился через решётки в подвал» (да-да, у них всё было продумано, диск был под рукой как доказательство невинности, и даже то, что в шею при непосредственной угрозе обнаружения целовать не стоит, поскольку мокрую-взъерошенную шерсть ничего не стоит увидеть). Конечно, такая «случайность» добавляла изрядно камней в корзину подозрений матери; с другой стороны: не пойман — не вор. Да и лгать они изрядно научились. В общем, всё было почти как всегда: он встал у каменной стены на маленький, широкий ящик, потому что был ниже неё на полголовы, обернул к себе спиной, взяв в ладонь кончик её хвоста (Сари часто для него одевала платья и юбки с

открытым хвостом — ему так нравилось), другой рукой обхватил шею и подбородок, повернув к себе, и так они предавались поцелую; она была в обычной лёгкой юбке для Поры Огня, на три четверти, и рубахе на короткий рукав для домашних работ; конечно, под всем — шемиза; он же — в груботканой тунике до колена, в которой обычно бегал, метал диск или копьё. Вдруг она ощутила, что дышать он стал шумнее и чаще, чем обычно, хватка стала сильнее; конечно, она и прежде замечала уже немалый знак его желания, с самых первых поцелуев, и привыкла, даже перестав этого стыдиться; но здесь было явно что-то «не то». Он вдруг перестал целовать, оставил её хвост в покое, но талию сжал почти до боли, прижимая к себе до дрожи. В его движениях, что вдруг стали порывистыми и сильными, появились уверенные, инстинктивные намеренность и цель. Она поняла, что происходит нечто невероятно важное для него, и притихла, ничему не противясь. И очень быстро с ним случилось то, что случается с самцами. В последний раз он так прижал, что стало больно, и она чуть не зарычала, а потом вдруг отпустил. Мгновение Сари не двигалась, а потом резко обернулась, и увидела, что Амон часто дышал с полужакрытыми глазами, сползая по стене, а на мордахе проступило некое блаженство, перемешанное с болью.

Сари примерно поняла (примерно, потому что плохо представляла, незнакомая, как оно там всё у самцов), что произошло, но на всякий спросила:

— Тебе плохо?

— Не-нет... Мне не...

Потом ладонь скользнула по юбке сзади, туда, куда смотрел Амон; Сари поняла, что её придётся немедленно сменить, потом спрятать, а потом выстирать, да чтобы никто не увидел и, тем более, не ощутил запаха...

Да, они сделали открытие. Оказалось, что жажду можно утолить, а к запертой двери — найти ключ, из тупика страсти — найти выход; этот выход был очень-очень необходим Амону для многого, в первую очередь для того, чтобы понять: его влюблённость исходит от дикой, молодой крови, а не от эфемерных высших чувств. Это проясняло многое и разрешало многие мучения.

Итак, в их отношениях появился ещё один виток. Поначалу они делали вид, будто совершенно ничего не происходит; но, после того, как это произошло несколько раз, Амон первым нарушил молчание и сказал Сари, что если ей не нравится происходящее и они зашли слишком далеко, то он прекратит; вообще, можно ещё раз попробовать порвать с их безумием. На что она ответила, после недолгой задумчивости, что ничего особого не случилось, только не стоит, пожалуй, портить ей одежды — это вызывает много трудностей; хорошо бы всё делать так, чтобы запятнанной оказывалась она сама, а не наряды.

Однако, Сари опасалась, что Амон окончательно замахнётся на невозможное; врать нечего — она действительно боялась; она и любила Амона, и находила в нём наслаждение, но побаивалась его, хоть он и младше на целых два года; она чувствовала большую ответственность за всё, как старшая по возрасту, но Амон с самого начала перетягивал эту ответственность на себя, и в итоге она стала ведомой им. Поэтому всё могло ужасно осложниться.

Но — странное дело — их открытие лишь пошло на пользу. Он стал спокойнее, увереннее, глаза перестали блестеть жаркой лихорадкой. Исчезла некоторая назойливость ласк и внимания. Сари поняла, впрочем, как и он, что это — путь к разрешению их отношений; они стали немного легче и беззаботнее относиться к происходящему. Следовать определённым правилам, условностям и границам стало проще, например:

держат за талию можно, спускаться ниже, к основанию хвоста — совсем чуть и ненадолго; целовать в шею можно, но путешествовать вниз, к груди — нет; никакого прикладства ниже живота, будь то под одеждой или сверху неё; бёдра — только внешняя сторона; подмышки тоже нельзя трогать, ибо Сари до ужаса боится щекотки и может засмеяться, а это — лишний шум; никаких своевольных попыток раздеть: Сари сама снимет то, что посчитает нужным, или позволит ему; нельзя сильно кусаться — Сари этого не любит, а ещё остаются следы; в её лунные дни — никаких игр, вообще, разве что сестринские поцелуи; и самое главное — она будет дарить ему только благоразумные ласки, её руки не уйдут ниже пояса ни за что, потому что будет неловко и стыдно; она не будет ему помогать доходить до конца, но и не будет мешать: пусть довольствуется ею в тех границах, что очерчены. Она — принимающая ласку; он — дарящий; но дарящий имеет право на своё вознаграждение.

Теперь Амон не делал никаких попыток нарушить эти границы, что успокаивало Сари: она теперь наверняка знала, что может ему довериться. В своих одиноких размышлениях она поняла, что происходящее между ними, по сути своей, не любовь, а любовная игра, а всякая игра — прелюдия к настоящей жизни; в игре всегда есть некоторые условности, правила и ненастоящность. Сарамба корила себя за то, что игра у неё происходит со сводным братом; но, с другой стороны, другого партнёра для игр в округе не было и не предвиделось, потому с ними случилось то, что случилось. Этими соображениями она поделилась с Амоном, осторожно, чтобы не обидеть его чувств. Но тот всё понял совершенно правильно, отметив, что всё так и есть; и, конечно, он любит её: Сари для него — больше, чем сводная сестра, без сомнений; но понятно, что рано или поздно игра должна закончиться.

После этих признаний они стали гораздо вольнее. Теперь они предавались своим забавам без тайного, смущённого страха, а с простой радостью и удовольствием. Роли окончательно распределились: Амон проявлял инициативу в игре, а Сари устанавливала правила. Иногда в эти правила вносились некоторые изменения и поправки; суть их заключалась в том, что Амону позволялось чуть больше или меньше. В конечном итоге, правила весьма и весьма смягчились. Сари, например, брала большую, широкую юбку, которая выглядела более чем скромно и благопристойно; скромницу, что носит такую юбку, нельзя упрекнуть ни в какой попытке соблазна. Как бы не так. Уединяясь с ним, Сари всю расправляла её и садилась ему на колени, и они уже чувствовали друг друга не через одежды, а вживую; ему позволялось гладить её живот, да почти что угодно, правда, к внутренней стороне бедра и к самому главному путь был строго заказан, а при попытке покусания игра прекращалась; к груди тоже не стоило лезть. По правде говоря, этого ему и не требовалось, потому что Сари, несмотря на уверения в благоразумии своих ласк и в том, что она — лишь принимающая нежность, иногда плавно сжимала и разжимала бёдра, медленно-озверело доводя его к освобождению. На последующие благодарения-расспросы Сари невинно моргала, отвечая, что ничего подобного не делала, ведь он был занят её шеей и загривком, а она очень любит, когда целуют загривок, и ей было некогда обращать на что-то внимание, и она знать не знает, о чём речь.

Впрочем, в их новых отношениях не хватало определённой справедливости.

— Я для тебя тоже хочу что-то сделать, — откровенно говорил Амон.

— Нет-нет, невозможно. Нет. Это будет хуст. Это совсем другое, — со страхом и уверенностью говорила Сари, отворачиваясь; но Амону казалось, что у этой уверенности крайне неуверенные лапы, и с каждым днём они становятся всё слабее, и он

рано или поздно сможет свергнуть её. Он считал такое правило нечестным: ему можно доходить до конца, а ей — нет. Амон хотел сделать для неё больше, но правила Сари воспрещали это, и он ничего не мог поделать; точнее, мог, но тогда их игра снова вышла бы из-под контроля.

В конце концов, он почти отважился вероломно нарушить договор и в наглую установить новые, справедливые для обоих правила, но этому не было суждено случиться.

Преступников тянет на место преступления. Сари и Амон облюбовали подвал, то самое место. Да, в доме много более комфортных мест, но в подвале безопаснее всего: мать в любой момент могла заглянуть в её комнату, и Амон там совершенно ни к чему; в библиотеке они тоже выглядели бы глупо, кроме того, там сложно услышать приближающиеся шаги; в гостиной постоянно снуют две прислужницы; на кухне — тем более; в погребке холодно, никаких удобств; на чердаке — хорошо, но если мать позовёт, то как Сарамба или он будут оттуда спускаться, чем объяснят своё пребывание в столь странном месте? А в подвале Амон, если нужно, может мгновенно спрятаться; там темно, а темнота — хорошо; там вполне тепло, точнее, сносно, но им и так не прохладно вдвоём; и Сарамба в любой миг могла объяснить, зачем туда пошла. Тем более, что ту Пору Вод дожди лили, не переставая, и куда-то уйти по округе было невозможно. Всё предусмотрев, они спустились, тихо прикрыв дверь. За узеньким, цокольным окном барабанил дождь. Царила тьма. Старшего брата с отцом не было. Мать вышивала западноандарианские узоры на новой скатерти, которую спешно готовила к Воссоединению — большому всеимперскому празднику, и можно было с уверенностью сказать, что за этим занятием она просидит от обеда до сумерек.

Сари заметила, что сегодня времени у них немного, потому что ей ещё нужно управиться с прислужницами к ужину и смешливо начала сожалеть, что ещё не придумали часов, которые, к примеру, можно положить в карман или одеть на шею. Амон авторитетно заявил, что такое невозможно, потому что львиные пальцы не смогут управиться с очень мелкими деталюшками, а ведь именно такие потребуются: он уже видел однажды разобранные напольные часы, и там было полно шестеренок. Читая такую небольшую лекцию, он одновременно вёл её за руку к нужному месту, упирался спиной о спинку деревянного стеллажа, прижимал к себе. Он уже успел сильно подрасти, так как с момента начала их отношений прошёл почти год, точнее, десять лун, и он такого же роста, что и Сари.

Он закрывал глаза при поцелуе; то же делала и Сари. Так лучше. Так чувствуешь больше. Иногда украдкой он чуть подглядывал, наблюдая за нею, и это было незабываемое зрелище. Её уши прижимались, глаза закрыты в великой, смиренной безмятежности вечного начала самки, она восхитительно серьёзна — природа не знает шуток, хотя они условились на жалких словах, что между ними — только игра; Амон в такие моменты начинал что-то понимать, нечто совершенно необлачимое в слова, но нечто великое, абсолютное; ему словно бы приоткрывалась ткань мира; мутные воды Тиамата становились на кратчайший миг кристально чисты.

Так он наблюдал за нею и сейчас. В один момент, когда они взаимно повернули головы — делали они это совершенно и быстро, не сговорясь, ибо чувствовали друг друга с полдыхания — Амон заметил, что ухо Сари насторожилось, а потом она открыла левый глаз. Никогда, ни до, ни после, он не видел — а Амон успел кое-что страшного повидать в жизни — чтобы взгляд так быстро и так безбрежно наполнялся

ужасом и безысходностью. Он обратил взгляд влево и увидел такое: служанка, держа в руках огромный кувшин для зерна, эта львица лет тридцати, Сунга, андарианка, троедетная, пьющий супруг, бедная родня — буквально наблюдала за ними. Некоторые мгновения Амон умом льва не мог понять её намерений и отношения к тому, что увидела; но Сарамба — она очень хорошо поняла верным чувством львицы — вся обмякла в объятиях, только не томно, а как-то мертвенно, безжизненно. Тем временем служанка — её звали Ифана — картинно, всепобеждающе, даже как-то триумфально разжала руки, и в её огромных глазах и полуулыбке-полугримасе изображалось беспощадное ликование, плохо прикрытое возмущенно-оскорблённой гримаской. Огромный кувшин, старый, который достался матери Сарамбы и мачехе Амона ещё от нишани-праматери, громко разбился вдребезги; вместе с тем Ифана начала истошно вопить, прижав обе ладони к щекам, а потом сбежала к выходу с этими хриплыми воплями, будто случился пожар:

— Помогите! На помощь! Страшное творится!..

Амон посмотрел на Сари; та невидяще и немигающе глядела на место, откуда исчезла Ифана. Потом очень медленно повернула к нему голову, разжав губы, что вмиг стали сухими:

— Амон. Это конец.

— Да ладно. Всё уладим, — постарался сказать он как можно спокойнее. — Ифана-дура, я её сейчас...

— Это конец. Амон, убегай. Убегай сейчас.

Но он не спешил, хотя это, в какой-то мере, казалось разумным: сможешь скрыться — и служанка, может быть, останется в дурах. Не успев всего осознать, он знал твёрдо, что не оставит Сари в столь трудное мгновение.

А события развивались стремительно, как молния.

Тяжёлые, характерные шаги матери уже вовсю гремели по лестнице, прямо над ними.

— Что случилось? — глухо слышали они вдвоём.

— Там! Там внизу! Он её!.. Он! Она!..

— Сарамба? Амон?! — мгновенно, с полуслова поняла мать.

Внезапно Сарамба быстро сорвалась вперёд, прошептав отчаянное:

— Беги!

Но, по сути, Амону убежать было некуда, разве что через узкое окошко вверху, что столько раз давало им луч света. Теперь он понял, что случилось нечто действительно непоправимое, поэтому бегство казалось естественным выходом, ибо прятаться нет смысла — мать найдёт. Да и прятаться как-то не того... не по-самцовому. Значит, убежать.

Но как же Сари?

Амон не двинулся с места и продолжал стоять, как древний истукан Тёмных Времён. Потом чинно направился к дверям подвала, будто ничего не случилось. Положение оказалось тяжёлым, но возможность существовала. Они с Сари должны всё отрицать. Врать, отрицать, врать. Ничего не было. Всё враки.

Но вмиг построенный план вмиг же рухнул.

— Мама, это не то, что... Мама, так получилось! Я, мама, я... Мама пусть не тронет Амона, не сделает ему ничего!..

Тяжёлые двери подвала чуть не вышибло с петель, когда их пнула мать Сарамбы. Он увидел, что Сари находится в жалком и униженном положении — она встала на

колени в кухне, взывая к матери.

— Хустрианский ублюдок! Что ты с ней сделал?! — действительно угрожающим тоном спросила она, заслонив проход.

— Я её люблю, — катастрофически неправильно ответил Амон.

Сари подбежала и встала перед матерью.

— Он мне ничего не сделал, мама! Клянусь предками, мама!

— Что вы делали? — по всему, мать спрашивала у Сарамбы, но смотрела на Амона.

Подскочила Ифана.

— Ой, госпожа, такое-такое! Оказывается, зельно всякое делали, вот такое, — показала служанка на свой рот, — и такое, — хлопнула себя по бёдрам, — и срам знает ещё что, я увидала, я удивилась, я испугалась, кабы он чего ей не сделал, и к чему он её исклонял — ой-ёй... — обвиняюще тыкала пальцем на Амона. Затем умолкла, с чувством исполненного долга вытерев руки заткнутым за пояс полотенцем.

Мать приближалась к нему.

— Мама... Мама. Мама... — заклинала Сари, не давая ей пройти. — Мама, так получилось. Мама, не надо.

В какой-то момент это спасло Амона. Мать вдруг взяла Сарамбу под локоть и повела наверх:

— Ну-ка пошли...

«Взмыть за ней!», — подумал было, но сразу раздумал. Пожалуй, мать он сейчас только ещё больше разозлит своим присутствием, а это повредит Сари. О себе Амон не особо переживал; в какой-то мере, на себя он давно махнул хвостом. Он ведь полагал, что станет сильным воином и погибнет смертью героя. Тот, кто избрал такую судьбу, не слишком станет переживать, если его будут называть ублюдком и выгонять из дому. Но Сари?.. Он ведь на самом деле любил её, безо всяких шуток.

Потом поглядел на Ифану, которая с любопытством прислушивалась к происходящему наверху.

— Ты, сволочь, я тебя сейчас прикончу, — с ненавистью посмотрел на неё Амон и даже начал оглядываться, словно действительно искал орудие расправы.

Та отскочила и завопила вверх по лестнице, сложив ладони у рта:

— Ой-ёй, госпожа, Амон грозился, что меня зарежет! Зарежет!

— Сейчас я его сама зарежу, — донеслось оттуда. — А лучше — отец с сыном.

Да, Амон не был робкого десятка. Но приуныл. Пожалуй, придётся дорого заплатить за... что?.. Почему и кому он должен платить? Всегда казалось, что их любовь касается лишь их. Ан, нет. Миру есть дело. Миру надо заплатить, оказывается.

Ничего. Он всё возьмёт на себя. Даже скажет, что насильно затащил в подвал, чтобы изнасиловать. Он за нею бегал, как одержимый, и постоянно запугивал, что убьёт в случае непокорности. Сари ни в чём не повинна. Она — честная маасси! Да.

Он взял грубо стесанный табурет, гордо уставил посреди кухни, уселся и твёрдо решил себе, что никуда убегать не станет.

Мать спустилась необычно быстро:

— Ты, хустрианский ублюдок! Ты хоть понимаешь, что именно из-за за таких, как ты, бросают в детстве таких, как ты! Отродье, как ты смел так поступить с Сари, как ты смел так поступить со мной! Что она сделала тебе плохого? Что?

Она замахнулась, он зажмурился в ожидании удара. Но его не было. Вместо мать

пустилась в плач и уселась рядом, прямо на мешках с мукой.

— Зачем ты её обесчестил? — почти рыдала она.

— У нас ничего такого не было. Клянусь, — встрепенулся Амон, пытаясь убедить.

— Не успел, ублюдок. Не долез, — утирала она слёзы передником, пребывая в истинном горе. — Ваал велик. Ваал бережёт. Ваал не допускает.

Вдруг Амону стало стыдно. Нет, по-настоящему стыдно. Нельзя не поверить слезам своей матери, пусть даже и не совсем настоящей. Он понял, что сделал нечто ужасное, хотя всё прежнее время считал, что делает нечто прекрасное. Оказывается, они натворили великие беды. Он натворил бед. Ведь это он, он всё начал!

— Ну ничего. Ничего, — злобно воспряла мать, вставая. — Это я, добрая и глупая, ничего с тобой сделать не могу. Вырос на моих руках, сволочь. Слышишь! Вырос! — тыкнула ему когтем в нос. — А придёт Торин — вот он сделает. Сделает.

Поправила передник, убрала хвост в складку подола платья. Так делают, чтоб не мешал работе.

— Подонок неблагодарный. Ничего, разберемся с тобой. Соберемся все вместе — и порешим.

Да, было от чего приунуть. Дело приняло нешуточный оборот.

Раздумывал, пойти или не пойти наверх, к Сари.

Нет, лучше не идти.

Он не знал, что делать, ибо раньше всё было просто, солнечно просто. Теперь вокруг только безумная сложность.

Ближе к вечеру Амон услышал скрип повозки во дворе. Обречённо выглянув в окно, увидел, что это приехал отчим. Правда, он был не сам, а с праматерью Сари по материнской линии, или, как говорят на общеимперском, нишани по матери — мать матери.

С каждым мгновением Амона обволакивали гнетущая безнадега и удушающее чувство провинности. За себя он действительно не слишком боялся, он всё стерпит, и даже если выгонят прочь или даже убьют (юный Амон не исключал и такого, потому что не знал, что за такое бывает) — ничего, не трус. Но истинную правду однажды молвила Сари: с него всё сойдёт, как с гуся вода, ибо он — лев, хоть ещё очень юный, да ещё младшее неё. А что придётся перенести ей — так это Амон даже не мог представить. Мать с отцом её накажут, узнает брат; от служанки узнает весь посёлок и округа! И всё это — не её вина, а его! Вина. Провинность. Жестокое злодеяние. Он ведь знал, что так нельзя. Не Сари начала это, а он. Не она искала его, а он. Она принимала всё, что он совершал. Но позор достанется ей — какая ужасная несправедливость для его любящей Сари.

И всё равно, он до конца не мог понять этой вещи. Если подумать, это было их дело, именно их; здесь нужны лишь двое, остальные — излишни. Почему всем нужно запустить сюда свои грязные лапы?

Но рассуждать было некогда: Торин с праматерью (лично Амон никогда не называл её «праматушкой», ибо не чувствовал за собой такого права, а обращался лишь в обычной, уважительной манере) уже подошли к крыльцу.

Праматерь Сари, мать его мачехи, звалась Ваалу-Нальсазири. Да-да, она была Ашаи-Китрах, но после шестого десятка лет прошла Церемонию Вознесения — ритуал, после которого сестра или старшая сестра добровольно снимает с себя служение и обязательства, отказывается от привилегий — перестаёт проводить всяческую

ритуалистику; в общем, становится почти что обычной львицей, да не совсем. По канонам, такая львица неизменно продолжает быть Ашаи-Китрах и пользуется большим уважением; она вполне вправе использовать знания для блага Сунгов, например, заниматься фармацией и целительством; в безысходных случаях она может вести ритуалы, церемонии; приветствуется наставление учениц, сплошь и рядом случается, что такая Ашаи продолжает быть наставницей; она и дальше может носить сирну, пласис, кольцо и амулет Ваала, может хранить при себе стамп. Но, по неписанным обычаям, вознесённая (или «спящая», как их ещё называют) сестра не пользуется стампом, носит пласисы строгих тёмных тонов без вычурности, не одевает амулет Ваала, носит кольцо и может — при желании — носить сирну. И сохраняет номен.

Они вошли. Служанка была тут как тут, помогая хозяину снять дорожную меховую накидку; Ваалу-Нальсазири отбросила капюшон, вся мокрая от дождя, обнажив полностью чёрные уши. Амон знал, из одной книжки, что вознесённые Ашаи красят уши по очень древней традиции, и означает это, что они перестают видеть Ваала, но снова начинают его слышать, как ученицы; вообще, разрисовка ушей, щёк, носа, области вокруг глаз соком хирайи — удел старых Ашаи, хотя в давние времена почти каждая из них наносила себе личные узоры на лицо, порой изменяясь до неузнаваемости.

Её визит в такое время был необычен. Непонятно, почему она приехала вместе с Торином; непонятно, зачем она приехала вообще. Это не сулило ничего хорошего. Амон не решился к ним выйти и дальше сидел на кухне, от переживаний качаясь на табурете.

Первой неладное ощутила прамактерь:

— Что-то не так в сем доме? — спросила она у служанки.

— Не так, не так, великосиательная, — закивала та. — Ой-ёй, такое... Госпожа поведает, я не смею.

«Я её точно убью», — зло подумал Амон.

Отчим с прамактерью поднялись наверх, и он уже не слышал, что там происходит. Повернулся к дождю за окном. Там — лес, кусочек неба, низкий заборчик, сухая яблоня. Ифана закопошилась сзади; Амон повернулся и так посмотрел на неё, что она, сделав занятой вид, вмиг удалилась.

«Безусловно», — рассуждал Амон, — «она не действовала по собственному наитию. Мать давно заметила и, наверное, приказала за нами приглядывать. Как Ифана там очутилась? Почему мы её не услышали? Ясно: как-то улучила момент, притаилась в подвале. Когда мы вошли, она находилась там, сидя тихо, как мышь. Коварная сука».

Под руку попалась деревянная ложка. Он отшвырнул её.

«Значит, мать знала что-то о нас. Но почему не говорила ни со мной, ни со Сари? Хотя... как знать? Сари и она, возможно, имели некий разговор. Но тогда Сари всё бы мне рассказала... Ага, ну да. Зачем Сари мне рассказывать? И всё отрицала, наверное, перед матерью-то; делала возмущенную, непонимающую мордашку».

Почесал гриву.

«Нет, Сари бы рассказала», — подумал со знанием её души. — «Она верит мне. Она искала бы у меня совета. Она сказала бы, что мать явно что-то подозревает».

У входа на кухню зашуршали шаги; Амон не оборачивался.

— Сир Амон, госпожа вызывает в гостиную, — с издевательским пиететом проворковала Ифана.

Он вздохнул. Ну вот и всё. Доигрались.

«Я — воин. У меня нет страха. Я просто войду, расскажу всё так, чтобы спасти Сари. Остальное — плевать».

Посмотрел на себя, поправил грубый, великоватый пояс, отданный сводным братом, одернул тунику и решительно вошёл в гостиную.

За большим столом на двадцать голов сидели: отчим, мачеха, Сарамба, прагматер. Возле мачехи уселась Ифана.

— Ну что, деятель. Садись, — увидев утвердительный кивок мачехи, первым сказал ему отчим. Он указал на противоположный угол стола.

Амон сел в одиночестве. Это, вообще-то, было хорошо. Сари сидела с ними; значит, обвиняемым, по большому счёту, будет он. Что ж, справедливо.

Наверное, у мачехи имелся какой-то свой план всего этого действия. Но он вмиг расстроился:

— Я так понимаю, мне суждено видеть суд, — внезапно молвила Ваалу-Нальсазири. — В таком случае, по давнему обычаю Сунгов, я беру в нём главенство, как Ашаи и старшая в этом роду. Ибо так хотят Сунги.

Ваалу-Нальсазири быстро, обычно и ловко зажгла игнимарой большой тройной подсвечник, что без дела стоял на комод, водрузила его по центру стола; Амон никогда не видел от неё огня Ваала, ибо она, казалось, уже давно забросила свои дела Ашаи. Наверное, то же самое подумали и отчим с мачехой, потому что изумлённо глазели на неё.

Сари, наконец, подняла взгляд.

— Ифана, ты что здесь делаешь? У тебя нет занятия? — тут же спросила прагматер у служанки.

— Она всё видела, — вступилась за неё мать Сарамбы.

— Это родовое дело. Если потребуется, я её позову, — неподражаемо уверенным тоном Ашаи молвила Нальсазири. — Ступай, Ифана, да пребудет с тобой Ваал.

Служанка, с низко спрятым хвостом, как говорится, торопливо удалилась, даже не поблагодарив за благословение, но не от неуважения, а наоборот — от страха.

— Итак, что произошло?

Первой начала говорить мачеха, хотя было заметно, что неожиданный поворот событий явно ей не по нутру. Наверное, она предполагала, что все они попросту возьмут да заклеят Амона; а там, глядишь, можно выгнать его к шакалей матери из дому или ещё что. Она сказала, что давно заметила, как Амон стал «диким и ненормальным», что он «нагло надоедает несчастной Сарамбе» и что «творится нечто ужасное», только никак не могла «поверить в такое». Практически каждое её слово сопровождалось негромкими возгласами Сари:

— Нет... Не так... Неправда... Не надо...

— У нас не Хустру! У нас — Андария, — расплакалась мачеха наконец. — Где у нас такое видано? Хустрианский ублюдок! Кровь от крови далеко не утечёт! Как теперь мне утереть слёзы моей дочери, как заставить забыть о поругании? Что теперь скажут добрые Сунги в округе? Пойдет молва — что станет с её будущим? Какой позор, какое несчастье...

Нальсазири поняла, что больше дочь ничего не скажет, поэтому обратилась к её супругу:

— Тебе есть что сказать?

— Я только что узнал обо всём этом дерьме! Неслыханно! Я его привяжу к столбу и засеку! Чего ты с ней делал?! Говори!

— Я люблю её. Но у нас ничего не было.

— Чего «ничего не было»? Чего ты врешь?! Вот все говорят, что было! Сарамба, что у вас там было, а то я уже не пойму! — он два или три раза ударил кулаком по столу.

— Отец... — истинно застонала Сари. — Отец, не надо...

— Оставь, не кричи на неё, — испугалась мать за дочь.

— Понятно. Амон, придётся тебе говорить, — взмахнула рукой Ваалу-Нальсазири. — Говори правду, ибо так хотят Сунги.

Амон начал говорить всё прямо, как есть: что влюбился в Сарамбу; что начал приставать к ней; что полез с поцелуем, а она не смогла его отбросить, ибо пожалела; что требовал от неё этого ещё и ещё, а она не могла ничего поделаться и рассказать — тоже; что Сари ни в чём не виновата, а именно он — негодяй, подлец и развратник; он постоянно надоедал ей, но она не могла всё выдать, ибо жалела и боялась, что мать с отцом сотворят с ним неизвестно что; что ничего у них не было, в смысле — соития, в этом все могут быть уверены, потому что Сари — порядочная маасси, и такого не допустила.

Она бы скорее умерла, чем допустила такую гнусность.

— Перестаньте её мучить. Она — самая лучшая львица в мире.

Так закончил и сел. Сердце колотилось просто до невозможности.

Все молчали. Потому он решился добавить:

— Это я начал, это всё начал я. Я всюду подстерегал её. Я знаю, что сделал соверш...

— Хватит оговариваться, — прервала Нальсазири его отчаянный монолог, — не так глупа, как выгляжу. Раз собралось это дурное судилище, то я скажу слово.

И Ваалу-Нальсазири действительно сказала. Конечно, многое, что наплёл Амон — благородная ложь. Это была их игра. Они молоды. Они учатся любить. Ими движут страсти юности. Им никто не объяснил, что их любовь ни к чему доброму привести не может. Не потому что она плохая — никакая любовь не может быть плохой; просто таковы правила общества, правила жизни, и лучше их не нарушать, если требуется уверенность и покой. Вообще, все подняли такой галдёж и шум, будто невесть что случилось, нечто из ряда вон. А в их возрасте подобное — да должно было произойти; чему тут удивляться? Тем более, они не родной крови, не надо обманываться на сей счёт. Зачем было выносить это на обсуждение, на порицание? На потеху служанке? Очень остроумно. Нужно не только *уметь видеть*, нужно и *уметь не видеть*. Ничего бы не случилось, и всё бы окончилось, как ни в чём не бывало: Сарамба влюбилась бы в кого-то, Амон стал бы львом и ушёл.

— Я пожила на свете больше, видала всякого. Так что слушайте меня, маасси и молодой лев. Ничего такого не произошло, втай забудьте о всех проклятьях, которые вам довелось услышать. Но поскольку вы попали в ловушку, то у вашей любви нет выхода, и нужно всё окончательно разрешить. Ты, Амон, должен сказать, что больше не потребуешь от Сарамбы ничего, ибо ей нужно будущее. И поблагодаришь за всё.

Он неотрывно смотрел на неё. Сари то ли сама приделась, то ли её вынудили; но была она очень мила. Красивый серебряный родовой венец, передававшийся из поколения в поколение, сиял в неверном свете огня.

Поднимать взгляда маасси не решалась.

— Сари, прости, что так обошёлся с тобой. Я тебя очень люблю. Ты самая лучшая львица в мире.

— Какой стыд! — зарычала мачеха. — Она тебе сестра!

Но Ваалу-Нальсазири делала вид, что этого не слышала. Теперь обратилась к маасси:

— Ты, Сарамба, сознаешься себе, что хотела этого, потому так случилось. И ничего постыдного нет — ты училась любить. Ты скажешь, что больше не станешь давать ему повода, потому что тебе нужно будущее. И поблагодаришь за всё.

Она явно не желала говорить хоть слово при свидетелях. Но Нальсазири терпеливо ждала, потому Сарамба кратенько и стесненно молвила:

— Спасибо, Амон.

— Славно. Не велико дело. Теперь идите, не чувствуйте за собой вины, прекратите шалости, а то этот дом с ума сойдёт. Ищите любовь вовне, будьте добрыми сестрой и братом. Ибо общество вам не простит и не даст вам отдохновения. Обсудите всё между собой без недомолвок, не таясь. Ибо так хотят Сунги.

— Спасибо, праматерь Ваалу-Нальсазири, — поблагодарил за обоих Амон.

— Идите наверх.

Они вышли; но, не сговариваясь, встали у закрытой двери и начали слушать.

— Я замечу, что это ни в какие ворота не лезет...

— Засели тут на мою голову! О, горе мне! Вы чего, совсем детей не любите?! Отдали на растерзание — сами же! Служанка-то теперь имеет о чём язык почесать! Нашла, кого взять в дело воспитания! Дуру Ифану! Вы даже не удосужились с ними поговорить, ни до, ни после, ни вообще! Ваал мой, это дело можно было разрешить всего лишь парой слов... Большое дело, видите ли. Мы такие правильные, видите ли! Хотя ходим к шлюхам по мелкопраздничным дням! — видимо, это назначалось отцу; Сари и Амон переглянулись. — Так разорвём своих детей на части, пусть знают-то, чего вольно, чего нет!

— Я вот что...

— Ты вот что! Хоть бы раз взглянул на несчастное дитя! Взяли его, так почему не воспитывали?! Как подрастёт, так возьми его в Вельтро или на Старый Зуб. Отдай его тем своим шлюхам. Они ему всё покажут и расскажут лучше, чем ты. А Сарамбу вы мне только троньте упрёком. Ты ей продыху своим рукоделием не даешь! Что, она, сидя у нитей да игл, себе найдёт кого-то? Они растут, они учатся жизни...

— Хороша учёба! Позор какой!

— Позор — быть глупой и косной!

Установилось молчание. Сари дернула Амона за руку, мол, пошли поскорее, ибо они уходят. Но Амон отмахнулся: через щель он видел, что все ещё сидят на местах.

— Какая ж ты глупая, дочь моя. Вот таки глупая. Слепая в одном. И зоркая — ах, зоркая! — в ином. Всё у вас вот так, светских душонок: перековеркано вверх дном. Смотрите вы хорошо, да не в те стороны.

Амон дотронулся к ладони Сари.

— Пойдём, что ли? — спросил шёпотом.

— Пойдём...

Всё улеглось. Казалось, дело обернулось как нельзя лучше, и им повезло, что всё обошлось сравнительно легко. Умная Сари сразу сказала Амону, что не стоит беседовать в сей же день — не удастся, ибо праматерь вскоре уйдёт, а отец с матерью останутся и наверняка продолжат их дёргать. Так и случилось. Мать всё равно имела

долгую, напряжённую беседу с Сари; в конце концов, они вдвоём расплакались, и договорились, что в семнадцать Сари начнёт искать себе пару, надевая пустые ножны на пояс, и на том всё кончилось. Амона мать никак больше не трогала, по слёзной просьбе дочери. От отца тот получил пару зуботычин и обещание, что свои деньги ему на шлюх не потратит никогда и ни за что, и что в шестнадцать он мигом пошурует на работу в лесопилке, а в девятнадцать — короткие проводы, пару империалов в карман, ржавый меч — поминай, как звали. Старший брат так ничего и не узнал. Служанку заставили молчать: частично деньгами, частично угрозами (но на самом деле её напугал взгляд Ваалу-Нальсазири). Правда, она всё же как-то проболталась, но к счастью, слуху не поверили и он растворился.

Сари и Амон поговорили на следующий день. Он видел перемены: Сари оказалась по-настоящему напугана. Он видел: она столь ужаснулась происходящему, столь приняла вину и стыд, что больше никак и ни за что не рискнёт с ним пойти на откровенность, даже в разговоре, даже если бы желала. Они молвили друг другу обычные тёплые слова поддержки, Амон поблагодарил её, сошлись на том, что всё более-менее обошлось, даже побоялись поцеловать друг друга в щёку напоследок. Он даже не решился поцеловать её руку, что так любил делать. Ведь теперь, из любви (как странно!), следовало не трогать её, поменьше говорить с нею и вообще, оставить в полном покое. Ей следовало стать ему «просто приёмной сестрой».

Этот разговор оставил в нём жестокое чувство недосказанности. Он столько желал сказать, но не сказал.

После всего Сари заболела; всё было схоже на простуду, и по всему, ею являлось, но Амон был уверен, что это из-за волнений.

Плыли луны. Со временем всё стерлось, и хотя все всё помнили, но в доме хранился строгий уговор никогда об этом не заговаривать. Между нею и ним выросла невидимая, но прочная, гнетущая стена. И они это понимали, они — втайне — ненавидели эту стену; но Амон понял, что ничего не может поделать, ибо боится за Сари; а Сари боится за него и за себя.

Далее ничего особого не происходило, время плыло, день за днём, луна за луной; но затем, по происшествии пяти лет, кое-что напоследок случилось.

Подходила к концу Четвёртая Луна Огня — конец годового цикла. Сарамба готовилась стать супругой льва из Вельтро, сына главы местной Префектуры Регулата закона и порядка, чем мачеха страшно гордилась. В этом году Амону должно было исполниться девятнадцать, и отчим готовился немедля, после окончания года, отправить его в Легату и забыть о нём. Амон знал это: готовил кой-какое снаряжение по советам опытных друзей, собирал деньги на оружие (в Легату принято приходить со своим, хотя можно и так), пробивал насквозь копьём с хорошим наконечником доску в два пальца толщиной. Дома он теперь бывал редко, перебиваясь ночёвкой один-два раза в десять дней; с несколькими сорвиголовами добывал охотой кожу и меха, по большей части, лисьи. Ночевал-жил у друга, иногда — по несколько дней в лесах; мог там засесть и на несколько недель, без всяких неудобств обустриваясь в землянках и пещерах, которые время от времени заселяли охотники вроде него.

Хотя всё уже давно оговорено, в том числе между родителями, но Церемония Вхождения всё оттягивалась по всяким глупым причинам, и с нею стоило поспешить, ибо свадьба должна была состояться через луну. Мачеха волновалась: вдруг лев в последний момент соскочит? Никто особо не скрывал, что это родовой брак, умный как говорят, проще говоря — по расчёту.

Но, наконец, Вхождение было назначено. В этот день Амон чувствовал себя по-дурацки и откровенно маялся. Мачеха с отчимом пригласили его, как говорится, для чужого глаза, ибо так требовали приличия: приемный сын остаётся сыном, считается частью рода, носит родовое имя и должен присутствовать на церемонии. Облачившись в единственную праздничную одежду, что у него была — синюю пасну, Амон уселся в столовой и принялся скучать в ожидании. Эта штука, пасна, напоминавшая тогу, обертывалась довольно замысловатым способом поверх туники: сначала вокруг пояса, потом через плечо; в ней Амон чувствовал себя неуютно. По дому бегала Ифана и ещё две родственницы из посёлка, приготавливаясь к приезду жениха, и все они должны были тотчас исчезнуть после его прибытия, ибо, по обычаю, которых в Андарики целый обоз и маленькая тележка, в этот день маасси должна хозяйничать совершенно сама — никто не должен ей помогать.

Сарамба находилась где-то наверху с матерью. Амон не стал туда захаживать — по некоей молчаливой, негласной договоренности, путь на второй этаж был ему заказан, и там он сколь-нибудь долгое время не бывал уже несколько лет.

Надоело скучать и стучать когтем по чаше с орехами в меду, и он пошёл нарубить дров, прямо так, в праздничной одежде.

За этим занятием его застал приезд будущего супруга. Ифана зашипела на него, чтобы он поскорее мыл руки и стрелой летел в гостиную, и скрылась вместе с родственницами в комнате для прислуги.

Через мгновение Амон сидел в дальнем углу, в конце стола; на это, кстати, обратил внимание один из гостей. Ему было объяснено, что Амон вот-вот уйдёт в Легату, а потому вот так, символически, отрекается от мирной светской жизни. Такое объяснение было встречено с полным пониманием, ибо такой обычай вполне существовал, и Церемония Вхождения — а если объяснить проще, то обычное застолье, приправленное небольшой кучкой условностей — началась.

Гостей приехала целая куча, добрый десяток голов. Амону они оказались абсолютно неинтересны, как и происходящее. Жениха ненавидел — он казался идиотом. Сарамбу немного ревновал, но за столько лет привык вообще никак не проявлять чувств. Она давно стала для него совершенно недостижимой звездой, символом иного мира. В последнее время он оказывал некоторые знаки внимания одной молодой львице из посёлка, но это было чисто так, чтобы чем-то себя занять; недавно он бросил это делать, ибо не хотел морочить голову маасси перед уходом в Легату, в которой уже видел себя мёртвым героем. Ему казалось, что так будет лучше всего — умереть молодым и ни о чём не беспокоиться.

Итак, жених, по церемонии, всадил в пустые ножны Сари свой кинжал. Здесь произошел конфуз: у Сари оказались слишком большие ножны, и его небольшой кинжал, имея крошечную гарду, просто утонул в них по самую рукоятку. Как так произошло, никто не мог понять, ибо и кинжал, и ножны подбирались заранее, чтобы полностью соответствовать; кто-то что-то тут напутал, как обычно и бывает на всяких подобных неловких церемониях. Все немного посмеялись и приступили к трапезе.

Амон есть не хотел, что-то там жевал из чистой вежливости, думая о том, у кого лучше купить меч: Васла из Вельтро или Вальнася из соседнего посёлка. Мачеха его строго-настрого предупредила: ничего не говорить, лишь односложно и вежливо отвечать, если к нему вдруг будут обращаться гости жениха. Он и не говорил. Он хотел удалиться как можно раньше и незаметнее.

Сарамба хозяйничала в одиночку. Это явно было непросто. Несколько раз она прошла мимо него, подлив вина (в посёлках Андарики львицы подливают напитки львам, что во всей Империи давно уже считали чудовищным провинциализмом). Шуршало её платье, её столь родной, хорошо знакомый запах перемешался с цветочным ароматом какого-то масла; а недаром говорят, что память запаха — самая сильная. Да и ладно...

Здесь он-то заметил что-то не то, что-то особенное; нет, не так — что-то совершенно из ряда вон выходящее. Когда Сари подливала вина, то стояла справа от него; вдруг ощутил, как её бедро давит на плечо, причём всё сильнее и сильнее; давление усиливалось теми самими ножнами, что висели на поясе с левой стороны. В конце она чуть подтолкнула бедром, словно хотела опрокинуть со стула, да так, что ему пришлось совершить усилие, чтобы удержаться. А потом вмиг отпрянула и ушла.

Со стороны всё было совершенно незаметно. Но у Амона это вызвало целую бурю чувств и мыслей. Он более чем хорошо знал этот жест; так, когда-то давно, в иной жизни, Сари любила его чуть поддразнить и доставить приятное: она, целуясь с ним или стоя рядом, вот так ударяла его бёдрами, дразнясь. Делала она это не только наедине с ним, но иногда осмеливалась проделать в иных местах: на ярмарке в Вельтро, куда они однажды пошли всей семьёй; когда они однажды стояли перед матерью, объясняясь по поводу долгого возвращения из посёлка, куда Сари ходила покупать овчину, а Амон помогал её нести (несложно догадаться, почему они опоздали), и когда мать отвернулась, то Сари вдруг совершила это; да много где ещё. И всегда, всегда она делала вид, что ничего не случилось.

Амон начал осторожно, но очень жадно наблюдать. Она ходила позади гостей с большим подносом и не глядела на него; но обострившимся чувством и памятью её души знал — Сари заметила его немой вопрос, и лишь ждёт удобного момента, чтобы ответить взглядом.

В конце концов, она посмотрела на него. Это был лишь удар сердца, но Амон вмиг узнал этот взгляд.

Всё. Он ощутил тёплую волну по всему телу, что разбилась о низ живота. Вмиг стало нескучно. Теперь следовало только ждать и не упустить момент.

И наступил он практически сразу.

Сарамба, вернувшись с кухни, склонилась к матери и начала что-то шептать на ухо. Мать ответила, но дочь покачала головой, не соглашаясь, развела руками в жесте отчаяния. Мать нахмурилась.

Притворяясь, что отпивает вино, он заметил, что мачеха смотрит на него:

— Подойди сюда, — негромко попросила она.

Как бы нехотя, Амон встал и аккуратно подошёл. Сарамба тем временем приятно улыбалась дяде своего будущего супруга в ответ на комплимент и заодно ловко играла подносом на правой руке, иногда проворачивая прямо на одном когте.

— Что?

— Иди закрой крышку подвала.

В их доме, на задней стороне двора, была крышка подвала, что использовалась в случае погрузки туда всякого добра прямо с улицы. Каким-то невообразимым образом открытая крышка создавала ужасный сквозняк, что начинал исходить из щелей в полу кухни; самая большая щель, видимо, была под очагом — то ли так задумано, то ли какая ошибка при постройке — и очаг от внезапного притока воздуха начинал сильно возгораться, а если поток был чересчур силён, то мог и угаснуть.

Амон выбежал на задний двор, мигом поправил крышку (она оказалась не открыта, но сдвинута); Сарамба, по всему, осталась с гостями. Постоял немного, подумав, что неплохо бы начать курить: так он будет выглядеть намного серьёзнее, и повод бы постоять здесь нашёлся, а что касается здоровья, так печься о нём особо нечего — и так погибнет где-нибудь на Востоке.

Амон не сомневался, что поедет на Восток.

Нет, чепуха. Показалось. Это лишь крышка. Сарамба сейчас с гостями.

— К шакалу всё, — сказал зачем-то в пустоту и пошёл обратно в дом.

Когда он вошёл в тёмный коридорчик входа на задний двор, то осторожно закрыл за собою дверь. Сделав три шага, заметил, что кто-то стоит в проходе на кухню.

Сари стояла там, улыбаясь. Она ничего не говорила, ничего не делала, только стройнилась в гордой осанке, высоко упираясь ладонями в дверной проём. Она ждала, когда он подойдёт; в его власти было — идти или не идти.

Нечего здесь говорить: Амон пошёл к ней.

— Сари, ты...

Никаких слов не последовало. Сари просто обняла его шею, как можно сильнее, далеко-далеко закинув руки; она уже на добрых полголовы ниже, хоть далеко не маленького роста, как и мать. Горячий, умелый, помнящий всё поцелуй словно вернул время вспять, лишь теперь здесь больше уверенности, зрелости готовой ко всему самки.

— Я их всех ненавижу. Я люблю только тебя, — жарко молвила она на ухо.

Амон, чисто по памяти прикосновений, совершенно несознательно, уверенно просунул руки за её пояс, как делал когда-то, когда она принадлежала ему и только ему.

— Обещай мне, что будешь зорким, — говоря, она шумно дышала. — Тебя ждёт великая любовь, мой Амон. Обещай, обещай. Хоть она тебя сгубит, но всё будет не зря. Высматривай её. Будь зорким.

— Буду зорким... — сказал он, ибо что оставалось.

Она снова закрыла глаза; Амон прислушался, оглянулся — сколько мгновений у них ещё есть — и ответил на призыв. Нет, ничего не забылось — они страшно соскучились друг за другом. Казалось бы: прошли года, отроческие игры позабылись, канули в омуте памяти. Как же, как же...

Время не ждёт. Он понимал, что Сари прощается с ним — следовало ловить каждое мгновение; но в то же время нельзя подвести её, нельзя подставить.

— А я нарочно подменила ножны, — тихо засмеялась Сарамба, когда он отпрянул.

— Зачем, моя Сари?

— А просто так.

— Сари, я всё это время любил тебя.

— Я знаю.

Теперь она прислушалась, что там делается в гостиной. Сейчас её хватятся, потому времени почти нет.

— Сегодня вечером. Балинейная. Мать уедет в Вельтро. Отец будет спать. Ифаны не будет. Ты скажешь, что идёшь на длинную охоту. И вернёшься, когда стемнеет. Тебя никто не должен видеть.

Он стоял, пытаясь осмыслить невероятное, но Сари взмахнула рукой и гневно блеснула глазами, вмиг переменявшись:

— Иди к ним, — прошептала и убежала на кухню.

Амон ждал этого вечера до озноба. Ни о чём другом он думать не мог.

Но не судьба. После Вхождения планы круто поменялись, ибо за столом отцы семейств договорились вместе пойти на охоту, погостить друг у друга, и Сарамбе пришлось уехать в Вельтро с матерью и будущим супругом.

Он помнил её прощальный взгляд. В нём не было грусти, и даже тоски оказалось совсем немножко. Главное чувство, что осталось от него: «Нас было двое, и я пропала. Но остался ты — я верю в тебя».

* *

«Нет, никого прежде я не слушала столь долго и внимательно», — рассудила Миланэ, когда Амон, наконец, прекратил рассказ.

Утро прошло, дело шло ближе к полудню. Нет и смысла говорить, что дочь Сидны безнадежно опоздала на отъезд в мать духа, потому было принято единственное решение — уехать завтра. Это вполне возможно; кроме того, у них появляется ещё целый день да целая ночь.

— Вот — моя первая любовь, — закончил он.

— А что потом? — осторожно спросила Миланэ.

— Потом?.. Легата, Восток. Ничего особенного...

Миланэ слушала его, лёжа на животе, иногда приглаживая гриву, а он чем-то отвечал: он целовал ладонь, то просто смотрел на неё, дотрагиваясь к её щеке, ушку, шее, подбородку, словно взирая на великую, вечную бесценность. Нет, он не рассказывал ей о большом признании Сари на Церемонии Вхождения, он умолчал об этом; он умолчал о её приглашении в балинейную. Он не желал ревности или двоякого толкования; но Миланэ, конечно, ощутила эмпатией, что Амон нечто скрыл в своей истории, но не стала обращать никакого внимания — на то они и тайны.

— Что же Сари? Верно, вы встречались после и улыбались, вспоминая эти дни. Вы ведь встречались?

— Встречались? Это было бы хорошо...

У неё похолодело в груди и горле. О да, она хорошо знала это ощущение. Ей не знать — она хорошо назначена к траурному церемониалу.

— Нет, Амон. Нет.

Он печально посмотрел на неё бесконечно усталым взглядом.

Тем не менее, Миланэ не хотела верить ни себе, ни ему. Рывком поднялась, открыла комод; на пол полетело пару вещиц, а потом на свет выглянули знаки Карры. Миланэ быстро и споро, прямо на кровати, вытащила их, не соблюдая кой-каких условностей. Собрав выпавшую троицу в левую руку, она долго и тяжело смотрела на неё; её облик укрыла тьма.

— Ваал мой, Амон... — начала плакать она.

Вообще, Миланэ научена не плакать по умершим. Нельзя — она мастерица траура, ей не положено, ибо если Ашаи на сожжении тоже заплачет, то что станется с ритуалом? Но здесь стало как-то совсем не по себе; она сильно прониклась историей Амона и бесконечно сопереживала.

— Как это случилось?

— Никакой ночной кошмар не сравнится с обыденностью мира. Сари постоянно с ним ссорилась. Ко всему, в их союзе никак не появлялись дети. О её смерти наплели много чепухи. Сама шла, сама споткнулась, сама проткнула себе сердце... Так ска-

зали, расследовав дело, — усмехнулся он. — Но перешёптывались, что в одной из ссор он толкнул Сари — у них доходило до этого — а она упала прямо на разделочный нож, который держала в ладони. Свежевала свинью. Говорят, она всё по хозяйству делала, а он — ничего, — Амон ритмично и злобно бил маленькой подушкой о кровать, а потом отбросил её.

Миланэ ещё раз посмотрела на знаки Карры, а потом сжала их в ладони.

— Чушь, Амон, — тихо, уверенно молвила она. — Он убил её.

За окном что-то громко ухнуло, потом взорвался скандал. Миланэ не могла не выглянуть: столкнулись две повозки. Она задёрнула занавеску насовсем и полностью, вернулась к нему, усевшись прямо возле плеча; из колоды знаков вытащила ещё один и кивнула самой себе.

— Но он, я вижу, тоже не жилец. Настигла месть, — спрятала знаки.

Амон посмотрел на неё и вздохнул; любить Ашаи: сладко-горько, это непросто, это жаркое мучение, великая трудность во лжи.

«Надо не только уметь видеть. Надо уметь не видеть», — вспомнила Миланэ рассказ, приглаживая гриву Амона. — «Умна ты вроде, а как придётся к чему — глупа. Его тайна, а ты вынула её на свет».

Вообще, врал и скрывался он отлично. Наверняка в Тайную службу отбирают подобных, наверняка там есть свои правдовидицы, которые совершают такой отбор: годен ли скрываться? может ли молчать? Он пытался скрыть от неё свою месть, которую совершил из любви и ревности; у него есть причины, понимала она, ибо — как знать? — возможно, он ещё не полностью доверяет ей. Но Амон не учёл, что всякая Ашаи, знавшая близость со львом, намного-намного острее и точнее чувствует эмпатией душу этого льва. Этому знанию тысячи лет, и сколько раз его использовали в корыстных целях — не счесть...

Он обнял её, уткнулся носом в бедро и так лежал, закрыв глаза.

— Утонул супругец Сари. С небольшой помощью. Как ни старались его спрятать и спасти — всё равно я нашёл. Милани, теперь ты знаешь мою главную тайну.

Приложила руку к сердцу, хоть он и не видел.

— Она будет сожжена со мной, — спокойным, тихим голосом молвила Миланэ.

— Я не был уверен, что он повинен в смерти Сари. Я убил его... больше из ревности. Теперь знаю это наверняка, и мне спокойнее.

Она молчала.

— Не думай, что я тебе не доверяю, потому пытался скрыться. Нет, мне кое-кто помог, и я поклялся, что никому и никогда...

Амон попытался подняться, но Миланэ не позволила, зная о его бесконечной усталости:

— Понимаю.

Повиновавшись, он дальше уткнулся в её бедро носом.

— Прости меня, Миланэ... Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Амон.

— Тебе не страшно лежать рядом с убийцей?

— А тебе? — ответила вопросом Миланэ, пронзив его взглядом.

Он не ответил.

Терпеливое ожидание. Ашаи к нему привычны с детства. Так и она ждала, пока её лев заснёт, словно маленькое дитя; наконец, Амон уснул, и Миланэ очень осторожно освободилась от его плена, и села на краешке кровати, вздохнув, облокотившись на

колени и сжав лапы вместе.

Всё это было странно, немного безумно. Комната пребывала в страстном, живом бардаке: по полу и постели разбросалась их одежда, в углу возле комода (почему в углу?) валялась сирна, а на самом комодe лежало «Снохождение», совершенно беспечно освобожденное от чёрной ткани, что подевалась неизвестно куда. Когда она успела его развернуть и зачем — Миланэ совершенно не помнила, и это даже пугало.

Она никогда не влюблялась так сильно. Никогда не влюблялась так быстро. Она — по нутру небыстрая на доверчивость — никому не доверялась с такой мгновенной слепотой. Никто с нею не поступал, так Амон. Он спас её. Он умел слушать, он умел рассказывать. Он был необычным и с тайной. И никто не делал ей столь великих подарков, как Амон.

«Опасно, необычно, так дико, волнующе...», — стояла она посреди комнаты в раздумье, держа поднятую с пола сирну. — «Я не должна рисковать, не могу рисковать, пусть он заберёт «Снохождение», пусть вернёт на место... А там я как-нибудь сама... Чутьё да выведет на тропу».

Взглянула на него, спящего. Лучи солнца сквозь занавески мягко освещали его спину, а в воздухе стали видны искрящиеся пылинки.

«Но тогда обидится... Скажет мне, что я глупая трусиха, не знающая своих желаний, ибо зачем тогда начинала всё безобразие? Кроме того, как я могу просто так отдать то, что столько искала? Судьба сделала дар — не отбрасывай его. Ваал мой, даже два дара», — Миланэ ещё раз поглядела на Амона, и ей захотелось как-нибудь позаботиться о нём, потому укрыла его лёгкой наволочкой, хотя и так было тепло.

Да. Щедрая судьба. Два дара враз. Сюрреально.

Миланэ подошла к «Снохождению» на комодe. Большая книга, весьма-весьма. Она несколько раз провела ладонью по обложке, смахивая несуществующую пыль. Хотелось открыть его тут же и враз, но Миланэ оказалась поражена тем самым чувством, которое возникает, если в руки попадает ценная и важная вещь: хочется отложить знакомство, оттянуть удовольствие, усладиться им полностью наедине и полностью готовой. Завернув книгу Малиэль в кусок ткани с игриво-южным цветочным узором и спрятав в комод, Миланэ спустилась вниз и указала Раттане приготовить то ли завтрак, то ли обед. Она не стала играть в непроницаемость, и сама повела львицу-дхаари наверх, в спальню, чтобы показать ей Амона издалека, как будто некое украденное сокровище.

— Он пришёл ко мне ночью, Раттана.

— Я-то думала, что происходит. Думала — воры.

— Только никому нельзя знать, что он у меня. Могу на тебя положиться, Раттана?

— Да, сиятельная. Да.

Потом Миланэ оставила возле Амона целый кувшин лимонной воды, немного привела мысли с вещами в порядок. Первым делом, наконец, ушла помыться, потому что он набезобразничал с нею как надо. Миланэ думала о нём, когда окатывалась ведром с тёплой водой, и глаза непроизвольно закрывались, рот открывался в негой истоме, ловя струйки воды, она стройнилась и выгибалась. Как любовник, заключила она, он очень хорош, наверняка познал, немного взревновала она, не одну дочь Сунгов. Прихорошившись и одевшись как следует — даже подвела тентушью глаза для него — Миланэ уселась в столовой, не зная, что с собой делать. Поездку можно и нужно отложить на завтра — ещё успеется. На улицу выходить не стоит. Патрона беспокоить — тоже. За какое-то дело всерьёз браться невозможно, ибо завтра уез-

жать, проходить Приятие; а не так просто над чем-то усердствовать, если у тебя «Снохождение» в комодке, спящий Амон в постели, ты опоздала на дилижанс, а у тебя Приятие на носу.

Спать совершенно не хотелось, и это было удивительно.

Чтобы чуть отвлечься и дождаться, пока Амон проснется, она уселась в столовой и начала читать книгу учёного Марсалия «О Триаде Сунгов». Её она купила, когда ходила книжным лавкам в поисках «Снохождения»; некогда её порекомендовала Арасси, как весьма занятную, хотя сама она — смешно — книгу не читала. В свою очередь, Арасси её посоветовал кто-то из «своих», то бишь тех, кто отличались лояльностью ко всякому порочному чтиву.

Миланэ понятия не имела, что может быть в этой книге. Триаду Сунгов мог упомнить любой лвьёныш, что отучился пару классов: Тиамат, Ваал, Нахейм. Соответственно, книга с таким общим названием могла уместить очень многое: об этом написано столько, что можно сложить целый дом из бумаги. Как говорится, Ваал — это дух, а с помощью крыльев — Нахейма и Тиамата — Он взмывает ввысь.

Принялась знакомиться, бегло и без большого усердия.

«О Триаде Сунгов», 804 г. Э. И.

Марсалий оказался малоизвестным современным учёным, который весьма много и плодотворно сотрудничал с Айнансгардом, по большей части — как переводчик с древнего и самых распространённых северных языков, в некоторой мере — как историк. Целую главу он рассыпался в благодарностях сестринству Айнсансгарда, которое любезно предоставило возможность без хлопот работать в дисциплинарии, а посему они такие, такие и растакие. Миланэ усмехнулась: неглуп этот Марсалий, всё правильно — сёстры, как любые львицы, падки на похвалу и комплименты. Впрочем, есть и повод для такого: сестры Айнансгарда наиболее благосклонно относятся к изысканиям любых учёных, сами очень уважают изучение небосвода, то бишь астрономии, не так давно — лет пятьдесят назад — позволили изучать на себе феномен игнимары, отчего многие учёные словно с цепи сорвались; правда, особых результатов пока нет. Огонь, ну и огонь. На руках появляется. Откуда — непонятно. Немного горячее, чем огонь на дровах. Цвета разные. Всё вопреки натурфилософии.

Дальнейшие главы были заполнены сухой, просто пустынной академичностью, и это оказалось скучно. Обычное вступительное слово о величии-важности Триады. Обзор различных взглядов на неё в хронологии. Особенности восприятия и понимания этой Триады разными прайдами Империи. Далее, по идее, должно быть интереснее: восприятие Триады не-Сунгами и наличие идей, схожих с этой, у остальных прайдов. По сути, главное внимание уделялось Северу, но и здесь ждало небольшое разочарование: Миланэ казалось, что поездки по Северу можно превратить в увлекательнейший рассказ, а тут получился сухой песок. Ох уж эти самцы, с их страстью к разуму. Да что тот разум? Лишь малая часть...

Она было собралась закрыть книжку, прекратив беглое перелистывание и посчитав, что её обманули, как тут вместо голых описаний и фактов пошли размышления. И выводы.

...Сообразно с вышеизложенными фактами, которые я усердно и непрерывно собирал на протяжении десяти и пяти лет, можно с большой долей уверенности заключить, что основоположное понятие Тиамата знакомо культурам северных не-

Сунгов. Мнение о том, что не-Сунгам столь отвлечённые метафизические понятия совершенно незнакомы, явно несостоятельно; также этими фактами я хочу упразднить общепринятое мнение, что подобные «метафизические факты» полностью недоступны разуму не-Сунгов по причине ограниченности и низкой степени развития.

В частности, такие северные прайды не-Сунгов, как менаирцы, таллалийцы и ордоссианцы, не только выражают понимание понятия «Тиамат» на обыденно-бытовом уровне, но и имеют вполне оформленный метафизическо-философский конструкт, облачённый, по большей части, в фольклорно-мифологическую форму: песни, пересказы, метафорические сказки и т. п.; также уникальными артефактами в этом плане выступают уже весьма известные деревянные таблички и каменные стеллы, созданные упомянутыми ранее «шаманаями» — жрицами местных культов. Я утверждаю, что эти культы, несмотря на бытовавшее ранее мнение об их абсолютной разнородности, весьма гомогенны. Более того, по моему мнению, в этом контексте есть смысл говорить о пан-Северном культе; впрочем, это тема для следующих исследований...

...Как уже упоминалось, примерный перевод слова «Шаанвалуаар-ахмар» — «тёмное море духа». Именно так характеризуют Тиамат представители северных прайдов и их жрицы; более того, все они прекрасно понимают слово «Тиамат», различия состоят лишь в разном, отличном от сунгского произношении, которые приведены на стр. 142. Некоторые исследования, в том числе и прямой распрос представительниц т. наз. северного жречества, позволяют сделать некоторые выводы насчёт этой лексемы. В частности, в древнем языке, который, как нам прекрасно известно, имеет множество диалектов, непостижимое традиционно ассоциировалось с «ночью», и следовательно, с «темнотой». Выражение «тёмное море» в символическом описании т. наз. северных культов не имеет ничего общего со злом или чем-то плохим. Это обозначает «неизвестное», «неведомую силу», «непознаваемое». Одна из представительниц т. наз. северного жречества объяснила мне, после некоторых усилий с моей стороны, что «тёмное море духа» непознаваемо и находится за пределами львиного сознания, потому его нельзя увидеть, как нельзя увидеть свой затылок, но в то же время из него состоят миры, в том числе и этот. «Мы купаемся в этом море, осознавая маленькую каплю вокруг себя. Когда мы умираем, эта капля, построенная умом, лопается, и мы сливаемся с тёмным морем». Как мы видим, это наивное объяснение мира не лишено некоторой логики и верности, потому что классические труды Ашаи-Китрах утверждают непознаваемость Тиамата, то бишь «Тёмного моря духа» в

мифологии т. наз. северных культов, потому что Тиамат находится в основе всего явленного и недоступен для аналитического ума...

В одном месте Марсалий описывал одну из каменных стелл, предположительную, созданную какой-то шаманай:

...Лев и львица с маленьким кружком вокруг них обозначает ординарное сознание; львица с большим кружком обозначает жриц местных культов, т. наз. «шаманай». Кружок, судя по всему, обозначает каплю (сферу) сознания. Таким образом, предполагается, что «шаманая» «сознаёт больше», нежели обычные представители львиного рода. В следующих изображениях указано, что эта сфера может расширяться, сужаться или даже «менять форму». Наглядно изображено, что у «шаманай» потенциальная степень изменения этой сферы значительно больше, чем у остальных. В то же время из одной картинке следует, что сфера «шаманай» уничтожается там, где выживают сферы ординарного сознания, и «шаманая» гибнет там, где простые львы и львицы ничего не чувствуют; судя по всему, это обозначает повышенную «чувствительность» шаманай, хотя этот вопрос я оставляю открытым для дальнейших исследований.

Третье изображение представляет собой довольно сложный для интерпретации объект. Львица-«шаманая», имеющая «сферу осознания», соединена тонкими линиями с точками, находящимся в определённом, древовидном порядке вне сферы; из совокупности доступных мне возможностей можно заключить о присутствии здесь некоторого утверждения, а именно: что «сфера осознания» имеет потенцию к перемещению к этим точкам, а сама львица должна (?) оставаться на месте. Факт неясный, но любопытный, тем не менее, не исключена ошибка или вольность художника. Согласно предположениям некоторых сестёр Айнсансгарда, пожелавших остаться неназванными, здесь может идти речь о мифе т. наз. «многомирности»: демонстрируется способность «шаманай» произвольно перемещаться по «мирам».

Безусловно, правдивость или ложность этого предположения должна быть исследована в будущем. Также я оставляю на суд читателя возможность истинности т. наз. «многомирности».

Ашаи-Китрах. Сёстры понимания. Не зря у них так высоко ценится искусство толкования текстов — оно обязательно изучается в дисциплинах; да и обычных учениц, свободных, к нему тоже стараются приобщить. Миланэ вспомнила, как их наставница, Ваалу-Анлиль, серьёзная и всегда печальная львица, начинала занятия: «Увидавшей незримое!» — говорила она, а они отвечали, преклонившись в криммау-

аммау: «Слава!». «Услышавшей неслыханное!» — «Слава!». «Познавшей неведомое!» — «Слава!».

Миланэ поняла, что этот Марсалий далеко не такой простак, каким хочет казаться. Это «оставляю на суд читателя» — хитрый ход, и нельзя исключить, что он вполне сочувствует... чему? Тому, что пишет. Нельзя толочься на Севере добрых несколько лет и ничего не перенять. В тексте было много таких хитрых ходов.

Вообще, по тексту заметно, что он скрывается, но оставляет концы для читателя. Конечно, всё сделано ради Надзора; но вообще, Надзор весьма попустителен к книгам учёных. В Империи каждый имеет право на свою личную степень свободы духа, которая, в свою очередь, определяется статусом. Например, самовольные мыслишки насчёт веры Сунгов для обычной поселковой львицы недопустимы; в то же время в среде учёных считается почти что обязательной вежливая форма отстраненности от вопросов веры либо здравый скептицизм; патрициям так вообще разрешена некоторая степень иронии.

...Многие факты, приведённые здесь, ставят под сомнение современные представления о появлении Триады. В частности, общепринятым фактом сейчас признано первичное возникновение Диады «Тиамат-Ваал», то есть сёстры-предвестницы в древности одновременно засвидетельствовали реальность и Тиамата, и Ваала. Тем не менее, тщательная датировка и изучение источников указывают, что это может оказаться не так. Знание о Тиамате, судя по всему, значительно древнее знания о Ваале, что может натолкнуть на мысль о том, что зарождение Ашаи-Китрах произошло раньше, чем они открыли Ваала...

Дааа, это более чем смело, Марсалий.

...Имея в виду теоретическую невозможность свидетельства феноменов духа любыми не-Сунгами, согласно сообщениям и наставлениям сестринства Ашаи-Китрах, чрезвычайно сложно установить, оперируют ли при этом северные прайды аллегорией либо «метафизическим фактом», констатируя тем самым действительную «реальность» этих миров...

Последний пассаж не оставлял сомнений, что Марсалий действительно симпатизирует северным взглядам; здесь заключалась и издевка, и ирония, и некое послание для единомышленников; а для поверхностного взгляда — всё чинно-благородно, не в чем упрекнуть. Это развеселило и вдохновило Миланэ, она с большей охотцей начала перелистывать книгу, а потом ей кое-что пришло в голову. Она быстро пошла наверх, тихо прокралась в спальню, где спал Амон, раскинувшись по всей кровати, как полный хозяин положения, взяла «Снохождение» и спустилась обратно. Она сравнила искусный рисунок древа миров из него с изображением на каменной стелле из книги Марсалия.

Ха. Ох, да. Да. Миланэ облокотилась о стол, приложив в волнении сложенные пальцы ко рту. Изображения не были идентичными, но невозмутимо демонстрировали полное подобие в основном принципе — древе миров. Там, где в центре

изображения на стелле находилась львица с кружком, у Малиэль стояло простое и понятное — «Исход: ты читаешь это здесь». Миланэ сразу поняла, что это обозначает мир, что её окружает — домашний мир. В стороны от него разошлись две ветви, одна ушла вниз, две — вверх; это было на схеме стеллы. У Малиэль всё оказалось намного сложнее: кроме этих путей, добавлялись ещё два пути к двум нижним мирам, и два — к двум верхним, причём ветви были изображены по-разному, и напротив каждой размещалась цифра — очевидно, в тексте объяснялось их значение. Также отличие состояло в том, что одного нижнего мира на изображении стеллы не доставало, но ветвь туда, как ни странно, протягивалась; у Малиэль же мир там был.

Только сейчас дочь Сидны поняла кое-что очень простое, от чего полились слёзы, перемешанные со смехом: самые простые вещи очень сложно понять и принять. Нет, здесь нет никакого сговора, шуток или случайности. Малиэль и неизвестный мастер (мастерица?) утверждали нечто очевидное их пониманию, но в тоже время глубоко загадочное, непостижимое — воистину мистическое. Мир не один. Их несколько. Вот так. Делайте, что хотите. Каково знание? Просто, правда? Они даже прямо утверждали, что понятия не имеют, сколько их, этих миров: на стелле в неизвестность протягивались слабые, гаснущие лучи; почти то же было у Малиэль, только пространство между мирами и вовне их у неё более недвусмысленно заполнялось штрихами, похожими на волны, и было писано просто и ясно — «Тиамат».

Ложь, глупость, тщеславие, подражательство?

Да, может быть так бы и подумала Миланэ, ещё не совсем растерявшая крупинку скепсиса. Но она не устояла перед соблазном и начала вычитывать значения цифр напротив ветвей мира в книге Малиэль, сразу наткнувшись на вот что:

...ещё раз упомяну, что одно снохождение редко кончается входом в один мир. Чаще всего душа следует пути по древу, а некоторых миров, как ты знаешь, ученица, не достичь просто так, не побывав во других. Гляди — путь-единица, в мир вязкой серости. После него очень часто выбрасывает в мир чёрных камней. Далее может последовать мир сверкающих небес. Путь сего снохождения поначалу столь част и устойчив, что шамани зовут его «тропой ученицы»...

Да ладно бы это. Как не помнить ей эту «тропу ученицы», о да... Миланэ, волнуясь, открыла наугад иную страницу, ибо эту читать стало страшно, так как можно настолько увлечься, что начать взахлёб читать всё подряд; а ей следует делать всё хорошо, по порядку, ибо «Снохождение» у неё ненадолго, ах ненадолго, и самое важное следует записать...

...Ученица! Внимай, будь осторожна. Снохождение наяву погубит тебя, если ты очутишься у вод: при возврате в тело или выходе прочь — воды влекут, играя цветами, особо зелёным да жёлтым. Душа падка на них, на воды, и причины никому не известны. Воды добротню уносят из мира, но для них сновидица должна быть сильна и намерена, так что помни о моём стереженье, а получише — избегай наяву снохождений, а готовься к ним бережно и поспокойней, исходя душою из готового ложа, а

не посреди опасностей мира; ведь нужно себя поберечь, в снохождении погибнуть — нехитрое дело...

Она поняла, что ей уже, после нескольких строчек, нужна передышка. Та самая, что требуется после прибытия важных новостей или прочтения чего-то необычайно волнующего, но во сто крат сильнее. Закрыла книги, поставила на краешек стола; скрыла лицо ладонями; двигая головой то вверх, то вниз, так потирала нос, ощущая горячее дыхание на ладонях.

В таком положении её и застал визит семейной пары из Марнского пригорода. Перво-наперво вошла Раттана, объявив о добрых Сунгах, что нуждаются в служении Ашаи. Ваалу-Миланэ не могла отказать (хотя, честно говоря, было не до них), потому что в эти марнские дни её глодало немного иррациональное чувство ненужности: будто бы она никому не приносит пользы и ни на что не годна. Конечно, чувство было несправедливым к себе: много всего произошло за эти дни, и приехала она вовсе не служить, а обустроиваться. Как бы там ни было, высоченный, худой лев и его супруга вошли к ней в дом. Требовалось простое: они хотели застамповать выписку из метрической книги; в метрических книгах отображаются рождения, совершеннолетия, бракосочетания и смерти. Здесь было бракосочетание. Выписка из книги сильно попортилась за совместно прожитые годы, и упёртые чинуши не хотели принимать того, что супружеская пара — это супружеская пара; в провинции такое сложно представить, но столица есть столица. «Чинодралы глупые, будь им неладно», — раздосадовалась Миланэ; как и всякая Ашаи, она не слишком жаловала чиновную братию. Немного подумав, быстро накропала им уведомление, что настоящая выписка вполне действительна, и указала, что данное уведомление годно только на 1 (одну) луну, считая от сегодняшнего 8-го дня 1-й Луны Огня 810 г. Э. И. Это не совсем то, что хотели супруги, но иначе Миланэ не могла согласно законам, ибо так хотят Сунги, и посоветовала им сделать новую выписку, благо, это ничего не стоит. На это лев ответил, что сочетались они далековато, а именно в провинции Тобриан, а потому это не так просто, как кажется. Миланэ снова могла лишь посочувствовать, взяла с них совершенно символическую плату в два империала («Так мало?», — удивилась левница, на что дочь Сидны снова наврала всякого, будто бы уведомления ничего не стоят) и отпустила с миром.

Раттана ушла по её поручению — заказывать ном для дома; о надомном знаке Ашаи она вспомнила сразу же после визита этой четы. Посему Миланэ снова сидела одна, за столом, сквозь занавеску наблюдая за жизнью бакалейной лавки напротив.

— Я ведь счастлива, — раздалось в тишине.

Он вживую пришёл к ней из мира облачных грёз, которые прибывают к каждой самке; когда-то ещё ранние, неоформленные, робкие, в них ютилось светящееся некое чувство, что не знает себе места; но со временем, когда она чуть подросла, прошла Приятие, стала дисциплиарой, то они стали более чувственными, конкретными, обрисованными, верными, строптивыми. Ах, были ли эти грёзы? Конечно, были. Вот ей желалось, чтобы лев был хорош собой, умён, загадочен, но несильно и в меру, чтобы защищал её, спасал, делал подарки и безумно любил, делая жуткие поступки ради любви; о, мечтала она, она всегда была мечтательной, и такой осталась; эти грёзы не умещают в себе кого-то определённого, это всегда тёмный силуэт против солнца, полузагадочный, с усмешкой, сильный, добро-злой. Что бы она тогда делала? Всё. Она бы строптивилась ему, она бы завлекала его, играла, поддавалась и сдава-

лась на милость, как повелителю. И разделяла она, конечно разделяла себя и любую светскую львицу, это понятно, ибо простых берут в супруги, в желании найти покой очага, а Ашаи — обожают, в желании найти огонь. Но она может всё, она может и то, и это, а потому он её полюбит, не бросит — ибо не сможет бросить, столь сильны будут её чары.

Да, у их любви будет много трудностей. Кровь моя, сколько здесь сложного! Род патрона, Синга, служба Амона, его задание, её положение и призвание; «Снохождение»; неизвестность после Приятя (а вдруг действительно придётся уехать в Кафну?); сомнительный интерес к её особе и всякие слежки... Но они всё разрешат.

«Амон умный, и я — тоже. Буду с ним, сожгу всё, что он скажет, испепелю саму себя, если нужно...»

«Ты живёшь, только когда любишь», — Ваалу-Даима-Хинрана.

«Львица, которая разучивается очаровывать, всё больше научается ненавидеть», — Сэзарий.

А ещё вот что самое восхитительное: у них это — взаимно. Ведь как обычно идёт тропа любви? Он любит её, Она любит Того, Тот любит Ту, а Та любит только Себя, причём и то безответно. Так течёт жизнь: поначалу для любви мы слишком малы, потом недолгий расцвет (как он недолог у нас, львиц!), а потом вроде и не до любви, а там пришла пора умирать, если до того чего не приключилось.

«Снохождение» на краешке стола попало ко взгляду. Глупой, ой глупо его тут оставлять. Миланэ поднялась наверх, чтобы спрятать снова. Амона в постели не оказалось, и оттого аж похолодело внутри.

— Милани.

Он почему-то сидел в углу, полуголый; возле стоял графинчик.

— Кровь моя, Амон, ты меня напугал, — с действительной укоризной молвила Миланэ и пошла прятать книгу.

— Кто там был? — спросил он, следя за нею.

— Сейчас? Внизу? — наострила ушки, задвинув ящик комода. — Супружеская пара, застамповали одну бумажку.

— Ммм...

— А что? — подошла она к нему, возложив руки на плечи.

— Ничего.

— Ты мой пугливый, — доверчиво уселась ему на колени; он оттаял, учуяв её тепло.

Они поцеловались.

— Тебя что, могут искать? — спросила Миланэ с лёгким, недоверчивым к беде беспокойством.

— Не знаю. Могут, наверное.

Но Миланэ не видела трудностей.

— Уйдёшь ночью, под рассвет.

— Я так и хотел, — Амон приложил ладонь к её загривку.

Помолчали.

— Есть хочешь? — встрепенулась она.

— Не знаю, что бы сейчас сожрал.

— Идём... Идём-идём, я тебя покормлю.

Сошли вниз, уселись на кухне, у очага; похоже, Раттана действительно происходила из голодных земель, ибо наготовила столько всего, что вполне бы хватило на

большую семью, а не одинокую Ашаи.

Амон расспрашивал о Раттане, о доме, о соседях. Также побеседовали о том, что всё безнадежно проспали; он выразил беспокойство, что она может упустить Приятие, на что Миланэ улыбнулась и заверила: не пропустит. Через некоторое время они сели друг против друга. Миланэ сначала наблюдала, подперев щеку ладонью, как он ест. В своё время она недолюбливала, если так делала мать, Арасси тоже имела такую привычку: наделает чего-то, когда её очередь, сядет и смотрит, как Миланэ ест. У них по этому поводу даже случилась однажды маленькая ссора.

Миланэ резко обратила взор в сторону, когда поняла, что это ему тоже может не понравиться; а она не желала, чтобы ему что-то не нравилось.

— Как мы столь быстро влюбились друг во друга? Может, сошли с ума? — меланхолично спросила она, рисуя когтем невидимые узоры на столешнице.

Он повертел ложку в руках, словно диковину.

— Я быстрее.

— Что? — не поняла Миланэ, бросив занятие.

— Я быстрее влюбился, — продолжил есть.

— Как тебе знать? — подалась она к нему, совсем чуть подморгнув левым глазом. Вообще, Миланэ далеко не чуждилась любых заигрываний, но всегда считала, что они должны быть редки да метки.

— Когда я в тебя влюбился, ты ещё не знала, что я есть.

На её вопросительный взгляд с улыбкой ответил:

— Я ведь следил за тобой. Влюбился ещё там, на мосту. Может, и раньше.

— Амон, а как долго ты за мной следил?

— Принял хвост тогда, когда ты вошла в дом Талсы. Кстати, что там делала?

— Там были патрицианские посиделки. Маленькая пирушка.

Нет, всё же где-то глубоко он ещё был жёстким, недоверчивым самцом, глядящим на жизнь остро и без украс. Она почувствовала, как он пожалел об этом вопросе: «Что там делала?». Понимал Амон, что такой вопрос может вызвать у неё некоторые подозрения либо недоверчивость. Волнуясь за её отклик, он тут же попытался изобразить равнодушие; но Миланэ отлично поняла, что здесь было лишь чистое любопытство, ничего более.

Ел быстро, сосредоточенно. Изголодался.

— Хочешь, я тебе тоже что-то расскажу? — вздохнула Миланэ, и вдруг ощутила, как он дотронулся к её голени под столом. Миланэ обожала такие игры: нечаянные касания, мимолётные взгляды, тени улыбок; и ей очень нравилось, что Амон знает в них толк.

— Да, — кивнул он.

— Всегда думала, что я — истинная андарианка, — сказала она, ощущая, что прикосновение поднялось к колену. — Но мать совсем недавно рассказала, что у меня другой отец, а он не был андарианцем. И теперь я даже не знаю, что о себе думать.

Казалось бы — увлекательная и волнующая история. Но у Миланэ вдруг она уместилась лишь в три предложения: она вняла, что действительно нечего сказать. Так странно.

— Ничего, — махнул рукой Амон, словно на пустяк. Ему, приёмьшу, было трудно увидеть здесь нечто особенное: — Я не знаю ни отца, ни матери. Настоящих, в смысле. С этим можно жить, не волнуйся, — улыбнулся он.

Миланэ сонными и влюблёнными глазами смотрела на него. Только теперь

поняла, как же хочется спать, просто всмерть как.

— Хочешь, раскину Карру, — не в силах сдержаться, она зевнула, даже не успев прикрыться ладонью, — ааай... мы попробуем узнать... ой, прости... кто твои родители?

Вместо этого он отпихнул тарелку вбок и подошёл к ней.

— Ты устала. Не спала всё это время?

Миланэ покачала головой. Не-а. Не спала.

— Тогда как-нибудь в другой раз. Сейчас я пойду и уложу тебя, а ты пойдёшь со мной и послушно уляжешься.

— Без тебя не засну — будет одиноко. Кроме того, есть предложение.

— Какое?

Он вёл её к ступеням на второй этаж, поддерживая, словно слабосильную.

— Какая-нибудь Ашаи накладывала на тебя руки? Ты испытывал страйю? — Миланэ снова зевнула.

— Нет.

— Почему? — остановилась она, прильнув к нему.

— Да так... Всё никак не было... возможности. Неинтересно было. Да и к чему эта страйя, если Ваал — лишь слово?

— Он слово, но слово очень сильное... У слова есть власть. Слово — это сила, Амон. Оставь, сама поднимусь.

— Ах, ну да.

Легко подхватив, Амон понёс её на второй этаж, толкнул лапой дверь и уложил в постель. Дочь Сидны попыталась раздеться сама, но он с удовольствием проделал это за неё; она не сопротивлялась, приняв судьбу — ай, делай, что хочешь. Честно говоря, он предпочел бы занятие чуть иное, нежели сон, но Миланэ была уж совсем растаявшей от усталости, и ничего не оставалось, как улечься возле неё.

— Страйей можно не только фантазм Ваала показать. Можно нечто иное. Я слышала, что некое подобие страйи, только более сильное, можно пережить, если уснуть вместе и я начну сновидеть. Это совместное сновидение, сестринству оно хорошо знакомо, я его испытывала... но только с другими Ашаи. А если так усну с тобой, то... смогу так увести твою волю за своей... как оно бывает при обычной страйе, наяву, понимаешь? Только мы не будем глядеть на Ваала, зачем он нам сдался... Мы попытаемся посновидеть. Для этого нужно... Возьми мою ладонь, левую, и не отпускай... Не отпускай, мы попробуем. Ты увидишь... Как при траурном церемониале, можно показывать, я показывала, у меня есть опыт...

— Да-да, моя любовь, да-да, — благодушно кивал Амон на её сонную болтовню, многое не понимая и не особо отягощаясь. — Спи, не тревожься, я с тобой, Милани.

Ладони он её не отпустил, как просила, и так заснул вслед за ней.

Что ж, пришлось познать цену милой, сонливой болтовни львицы-Ашаи. Поначалу всё было, как всегда, но тут вдруг он понял, что *знает о том, что спит*. Неслыханно. Ведь если спишь, то не знаешь об этом. Если знаешь, что не спишь, значит бодрствуешь и бегаешь по миру тёплой крови. А тут бы ни так, ни эдак. Он знал, что спит, и всё равно спал. Более того, перед взором ничего не являлось — одна темнота, а его всего словно сковало. Чудовищно.

Явилась Миланэ; кроме неё, вокруг ничего, а её красота даже лучше, чем наяву. Она явно пыталась что-то сказать, улыбалась, пыталась успокоить; он не отпускал её ладонь, старался хоть как-то удержаться возле, потому что происходящее ну совсем

не нравилось. А по ней заметно — такие дела ей в привычку и нипочём.

Примерный смысл её «слов» до него, в целом, дошёл: «Будь спокоен Амон, всё хорошо, я — с тобой».

Поняв беспокойство, Миланэ отпустила его, смеясь, отчего он впал в ужас. Но стало много лучше, а потом его выкинуло в некую местность, в некий каньон или нечто вроде того. Он с трудом повернулся — всё плыло и прыгало перед взором — и увидел Миланэ, что молча указывала пальцем на далёкий холм, на вершине которого что-то светилось; завидев её, сознание Амона обрело устойчивость, и этот дивный мир перестал плыть. Она явно желала, чтобы он туда пошёл, но путь туда казался столь неблизок, что путешествие казалось невозможным; тем не менее, он попробовал, и понадобилось не более десяти «шагов», чтобы пройти. Как можно так обмануться насчёт расстояния — Амон не понял.

Но размышлять о расстояниях не было времени, так как на вершине холма он увидел... Сари.

Почему-то сразу пал ниц, на колени. Невозможное, нереальное видение, восстание из мёртвых. Он протянул к ней руки в трепете и экстазе, а Сари подошла как ни в чём не бывало, одетая в обычное домашнее платье, то самое, широкое, с открытым хвостом, подняла с колен и начала нечто говорить.

«Я ведь говорила тебе, что найдёшь великую любовь. Говорила-говорила. Но ведь просила быть зорким!».

Понимать её стоило чудовищных усилий, словно бы в сознании одновременно происходил перевод с нескольких языков, но Амон очень хотел услышать, что она скажет. Потому он слышал.

«Я был внимателен, Сари».

«Оно всё так! Не упустил. Но где твоя зоркость? Почему не бдителен? Почему?», — Сари почему-то укоряла его; любя, но укоряла.

Амон попытался её схватить, обнять, поцеловать, но Сари отворачивалась от него, точно так, как много лет назад, дразнясь и пытаясь уgomонить.

«Помнишь нашу клятву?»

«Да», — вдруг испугался он, устыдился. — «Сари, прости, что рассказал ей».

Она протянула ему руку. Дотронулись запястьями, как когда-то. Клятва на крови.

«Ты доверился верной львице».

А потом вдруг исчезла. Потом ужасный рёв в ушах, душа наизнанку, ощущение себя бесконечно большим, совершенно крошечным и прочие прелести.

Проснулся он так, словно бежал от стада разъяренных буйволов: задыхаясь (хотя силён, ловок и вынослив) и с молотом вместо сердца (а ведь его не так просто прогнать). Вдобавок ко всему, будто этого мало, несколько мгновений он не мог двигаться — тело не слушалось.

Наконец, резко поднялся. Темнота и ночь.

— Как они это выдерживают? — тихо сказал сам себе, мельком взглянул на спящую Миланэ и глубоко вздохнул. Немного посмеялся — для самоуспокоения. Всё хорошо, всё нормально, все мы взрослые. Детскими страшилками нас не испугаешь. Прежде всего — не терять головы.

Можно подумать, это может как-то на него повлиять. Ха, ничуть! Амон всегда верит себе и уму. Он смотрит на вещи жизни трезво, с насмешкой и скепсисом, всегда готовый уличить. Да не верит он во всё это, во всё эдакое. Все эти душевные штуки хорошо смотрятся у львиц, спору нет, это их игры, это их украшает, иначе

жизнь была бы тупой и скучной. Но он, лев, знает, что есть тело, что его можно поднять, уронить или порезать. Потрогать, в конце концов. Всё остальное — чепуха.

Что сейчас с ним было? Спал, видел сны. Почему такие странные и живые? А Миланэ говорила, что так будет. Значит, она к этому причастна? Безусловно, причастна, он ведь с ней в тесных эмоциональных отношениях, основанных на обоюдном влечении и молодой крови. О как.

Не верил он всему этому, уже давно. Не надо сказок для львят. Эта, как её, страйя? Да обычное внушение, это не только Ашаи умеют, это и воровайки с рынка проворачивают. Ваал? Могучий миф, благодаря которому Сунги стали Сунгами. Ашаи-Китрах? Красивые львицы с хорошими манерами, необычным мышлением, раскрепощённые и с загадкой; впрочем, их загадка пьёт из того же источника, что и тайна обычной львицы; и разрешается эта тайна всё тем же способом, всё тем же, о да. «Снохождение»? Да просто книжка. Интересная для Ашаи, наверное. Запретная добыча, как в легенде с Тафу. Как тут не понятно: он украл книжку, чтобы доставить ей приятное. Да чего скрывать: завоевать расположение. Дело-то хоть рискованное, но вполне возможное. Как видно, всё увенчалось успехом в полной мере. Надо было бы украсть золотое кольцо — украл бы. Вот эти вот сновидения? То самое внушение, он ведь не отрицает, что Миланэ держит его душу... тьфу, «душа» не то слово... голову, и он совсем не прочь окунуться в озеро её чар. Она хороша, она превосходна, он её любит, это молодость, это кровь. Игнимара? Кхм, сложнее. Впрочем, и тут рано или поздно найдут ответ. Ведь природа даже обычного огня неясна. А дрова горят уже много тысячелетий, и никого это особо не волнует. Он слышал, что самая популярная теория среди учёных — эфирная. Мол, есть всемирный эфир, неясная субстанция, и при определённых условиях Ашаи как-то научились его зажигать; он горит, вот и всё. Это книжки надо читать, там всё написано. В мире много умных львов, они всё равно или поздно прояснят.

Да.

Сари во сне? Ах, Сари... От себя не убежать, от воспоминаний — тоже.

Пора уходить. Нельзя её будить. Она так мило спит... Миланэ. Она вся немного ждалась, беззащитная. Уши чуть прижаты, рот приоткрыт.

Начал одеваться, и... заметил что-то на руке. Что-то темнеет...

Левое запястье в крови.

«Не может быть». Он потрогал его, потом растёр. Кровь не его — запястье цело.

Посмотрел на спящую Миланэ.

«Я ей не рассказывал этого!». Да, он немало умолчал в своей истории, и не рассказывал, как однажды Сари и он поклялись друг другу, что до самой смерти никому не расскажут об их отношениях, чтобы потом не навредить друг другу во взрослой жизни; а чтобы клятва была вернее, скрепили старинным способом: надрезали друг дружке запястья (Сари долго не могла сделать этого Амону и даже всплакнула от жалости) и дотронулись ими, смешивая кровь.

Только Миланэ могла нанести ему кровь на запястье (кто же ещё?!), но ведь она ничего об этом не знала!

Ведь не мог сон... так... повлиять. Так не бывает. Сны — всего лишь... сны.

Он сидел на краю кровати, рассматривал кровь, даже понюхал её. Хотел было её разбудить, чтобы спросить. Рассмотрел: не сделала ли она себе каких надрезов? Но Миланэ укуталась в простыню, что служила ей одеялом в тёплую ночь.

Вдруг быстро оделся, поцеловал её в плечо и быстро исчез из дому через окно на

кухне, которое приглядел ещё вчера, как самое безопасное.

И позавтра Миланэ, уже усевшись в дилижанс к Сарману, уже отчаявшаяся увидеть его в последний раз перед Приятием, заметила близкий сердцу облик в толпе. Амон стоял и улыбался, опершись о колонну здания почты и предусмотрительно прикрываясь подкидыванием монетки — так делают менялы-ростовщики. Заметив её взгляд, указал большим пальцем на сердце, потом приложил целую ладонь к нему, что означало: «Я люблю тебя».

Миланэ ужасно хотелось выбежать и обнять его; от безысходности и неутолённого желания она послала ему, вопреки предосторожности, воздушный поцелуй; неизвестно, чем бы всё кончилось, но Амон первым принял волевое решение и быстро исчез.

Глава XX

Миланэ пребывала в чрезвычайном расположении духа.

Всё обратное путешествие в Сидну было исполнено радостно-возвышенного ожидания. Естественно, думалось об Амоне; о том, что глубоко в вещах надёжно спрятано «Снохождение»; что скоро Приятие, и Миланэ ничуть не волновалась, хотя с иными дисциплирами случались настоящие истерики от переживания за будущую церемонию. Иногда рисовались какие-то беспокойные картины в сознании; например, будто бы дилижанс по дороге остановят разбойники и прикажут отдать все вещи. Тогда пропадёт «Снохождение», как тогда быть? Но Миланэ лишь улыбалась таким несуразностям; она вообще улыбалась всему и всем, чем быстро заслужила доброе имя среди попутчиков, как очень обаятельно-светлая Ашай-Китрах.

Дилижанс не был полон: трое молодых братьев и небедная чета возраста силы. Поездка обошлась значительно дороже, чем в прошлый раз, ехать было намного комфортнее и вольготней — Миланэ посчитала, что раз в жизни себе можно позволить дорогую поездку, хотя обычно она привыкла к бережливости.

Ехали весело. Братья наперебой оказывали некоторые знаки внимания молодой дисциплире, но аккуратно, ведь с сестринством шутки плохи. Заночевали в том же гостинином дворе, где некогда довелось повстречать Хайдарра. Миланэ вспомнила о нём с чувством благодарности; вообще, почему-то он ей запомнился. Тем не менее, много об этом не размышляла, поскольку теперь вовсе не сама, теперь она «прильве», как говорят.

Ни на ночь, ни поутру Миланэ не думала о Приятии. Да, представлялось, как волнуются иные подружки; некоторые — уже отволновались; как некоторые зачитывают энграммы на хорошую игнимару, хотя наперёд читать энграмму то же самое, что попытаться наесться на всю жизнь, пересматривают «Воззнаменования веры» — книгу, для Ашай столь же важную, как умение считать для торговца. Только было начала представлять, как всё будет, да и попутчики уже поутихли, как судьба не дала много думать: у дилижанса сломалось колесо.

Дело оказалось серьёзным — двое извозчих не могли это починить. Поэтому с большими ухищрениями и мучениями они доковыляли до одного посёлка, где должен жить колесный мастер.

Этот посёлок оказался такой дырой, что спаси Ваал, хоть и находился совсем

недалеко от большой дороги, что как бы должно было сулить хоть некоторое оживление и достаток. Пока мастерили колесо, Миланэ решила выйти и осмотреться, как и остальные путешественники. Тут-то её перехватили две испуганные львицы, низкорослые и тёмненькие, детного возраста и чуть ли не под руки повели к какому-то ветхому дому, утверждая, что там болеет один почтенный лев, и кажется, что он уже по-настоящему при смерти, хотя до этого собирался умереть по многу раз. Понять, чем можно быть полезной в таком случае, Миланэ не могла, ибо — если он при смерти — лечить поздно, а сжигать — ещё рано; а близкое общество родных душ даст ему значительно больше, чем беседы с неизвестной львицей Ваала. На всё это перепуганные львицы ответили, что близких родственников у него здесь нет, дети раскиданы по всему миру, а потому хотя бы Ашаи чем-нибудь да поможет в последнем пути.

Умиравший оказался вполне бодрым стариком, который ходить уже не мог. На вопрос Миланэ, что с ним, ответил: болит, причём всё — обычная жалоба для всех, чья жизненная звезда угасает, к тому же добавил, что знает — наступили последние часы, так что лучше провести их в компании и болтовне, чем созерцая унылый потолок. Грива у него была с проседью, но в целом он не выглядел очень старым, и потому Миланэ спросила, почему он уже собрался уходить, ведь не стар, на что лев ответил: «Дрался много». Оказалось, он — бывший воин Легаты, отдавший ремеслу войны три десятка лет. Начал рассказывать всякое из своей жизни, по большей части забавное и весёлое, без зла, а потом попросился на улицу как есть, прямо в кровати. Его вызвали вынести трою братьев, и он там пробыл некоторое время, радуясь солнцу, ну а потом его снова занесли назад, всё время развлекавая разговором.

Наконец, старик всем надоел, и с ним осталась только Ашаи, потому что такова её тропа. Миланэ сказала этому льву, ради утешения, что он смело может предстать перед духом Сунгов в момент смерти, потому что его жизнь наверняка была выше всяких похвал, и потому он попадёт в Нахейм, на что тот ответил, что незачем его тревожить, духа Сунгов, нечего ему особо волноваться, так как жизнь уже прошла, итоги подведены, и духу Сунгов уже поздно просить у него, старика, прощения; потому хочется быть просто закопанным в землю и сожжённым — как живым будет удобнее от него отделаться, пусть так и будет, а церемоний никаких не требуется, и Нахейм даже даром не нужен, потому что он просто хочет умереть, а не где-то ещё блуждать после смерти. Миланэ невольно засмеялась, хоть всё это и было ужасно кощунственно. Потом спросила, нет ли у него какого-либо желания или поручения, которые можно исполнить напоследок, и лев сказал, что вполне себе имеется одно желание, впрочем, он не особо хочет о нём распространяться, потому что его и так никто не исполнит, да и вообще, с ним запоздалось. Миланэ настояла — а вдруг ещё можно успеть? — и тот сказал, что никогда у него в жизни не было Ашаи-Китрах, хотя всю жизнь распирало любопытство, как это с ними; теперь он стар, поэтому, естественно, нелепо пытаться сделать неосуществимое, но хорошо было бы подержать какую-нибудь из них ниже спины, и так немного успокоиться, потому что ему однажды в молодости рассказывали, что у Ашаи-Китрах возле хвоста всё как надо, ибо они постоянно занимаются танцами, позами, прочим.

Переливчатый смех Миланэ долго не утихал, так что снаружи даже подивились: чем это старый так развлекает молодую львицу? А тем временем дисциплина поинтересовалась, всерьёз ли он это говорил; а лев ответил, что дело серьёзное как никогда — до смерти осталось всего ничего, какие тут шутки. Что ж, Миланэ отве-

тила: это очень странная и сумасшедшая просьба для умирающего; на что старик ответил: сумасшедшие те, кто не хочет ощутить тело молодой самки, да и старикам сумасшествие простительно. Вздохнув, Миланэ спросила, довольно ли ему будет поддерживать вожделенное так, через одежды; но старик запротестовал и сказал, что подделок не надо. Что только не сделаешь для тех, кому осталось немного, и Ваалу-Миланэ повернулась к нему левым боком, где асимметричный подол юбки выше, задрала её, попросив попутно особо не распространяться, а то будет вздор-смех. Этому льва не пришлось упрашивать дважды и его рука вмиг скользнула вверх по внутренней стороне бедра. Пока он исследовал, все ли так, как ему однажды говорили, Миланэ развлекала себя и его тем, что цитировала изречения, касающиеся отношения полов и любви: у неё было столь хороше-игривое настроение, что она даже не боялась никаких кривотолков и скандалов.

Наконец, умирающий удовлетворил свою последнюю волю и сказал, что всё сказанное оказалось правдой, даже больше, потому преподобная может быть уверена: формы у неё действительно что надо, за такое не жалко помереть, и недаром о талантах сестринства ходит столько слухов.

Наконец, пришло время уезжать, но к Миланэ подошли напоследок несколько старух из посёлка: страшных, крупных, дородных. Они испросили Ашаи, умер ли старый болван, и услышав отрицательный ответ, да ещё с комментарием, будто бы ему стало лучше, начали ругаться. Они объяснили, что тот иногда любит притвориться умирающим, чтобы развлечься и увидеть, как все хотя бы немножко суетятся.

Миланэ снова посмеялась, отметив, что каждый живёт, как умеет; многих ему лет, как и львицам; и села в дилижанс, продолжив путь к Сидне.

* *

Первый день в Сидне прошёл в посиделках с подругами; в них участвовали только те ученицы, что ждали Приятия, да несколько сочувствующих. Остальные учились и несли служение, поэтому им было некогда; ну а те, кто прошёл Приятие, или отъехали, или готовились к этому. Миланэ не могла покинуть компании сестёр, хотя хотелось сделать две вещи: увидеть Арасси и засесть за «Снохождение». Но первая где-то пропадала (хотя находилась в Сидне — это точно), даже не ночуя в их доме, а второе требовало уединения и собранности.

Здесь были: Ваалу-Айнэсваала — страшно нервничавшая по поводу послезавтрашнего Приятия (ни о чём другом она думать просто не могла) и не ведающая, где запропастилась Арасси; Ваалу-Холли — беременная, но неуклонно желающая пойти на Приятие именно в этом году, отчего устаивалась пальца у виска (за спиной, конечно); Ваалу-Наталла — ничем не примечательная тихоня, которой когда-то пророчили бесславный провал на Совершеннолетию, а она на нём блеснула так, как никто из того года (а всё потому, что имела большой дар к чувству тела: жестам, позам, танцам); Ваалу-Сизая — чистой крови хустрианка, спокойная и приятная особа, в своё время всех обучавшая аашу (но никто не мог достичь её мастерства, ибо учиться надо с детства); Ваалу-Хейза — сплетница с вечно недовольным видом, известная тем, что несколько раз попадала в свиту амарах при посещении Императора, и чем безмерно гордилась (а ещё неплоха в фармации); Ваалу-Кара-Ушала — правильная и церемонная дисциплира, дочь помощника наместника провинции Тобриан, скучноватая, но неподлая и воспитанная (всё, что насчёт церемоний и риту-

алов, кроме траурных — к ней); Ваалу-Маальсина — омерзительная особь, которую на дух не переносили почти все (самой большой тайной Сидны являлось не то, когда умерла основательница Ваалу-Ханэмариште, а то, как Маальсина смогла отучиться все эти годы); Ваалу-Луана — дисциплина из Мствааша... нет, о Луане следует поведать подробнее.

Ваалу-Луана представляла собою редкий образец дисциплины, что происходила из Мствааша. Самый бедный, забитый, обделённый регион Империи, постоянно терпящий бедствия от войн, неурядиц, криминала, контрабанды, коррупции, засилья дхааров и вечного отсутствия денег. Для чиновника направление в Мствааш означает почти ссылку; для воинов это означает безрадостные, серейшие будни; Ашай-Китрах, что направляется туда на служение, должна подготовиться к любым трудностям. Наставниц, способных взять на себя возвращение ученицы-найси, там крайне мало. Кроме того, почти все львицы из Мствааша в лучшем случае являются принятыми Сунгами, а поскольку дитя от связи принятой Сунги с чужаком, по прайдовому закону Империи, считается полукровкой, то бишь не даёт врождённое право получить гражданство Империи, и дхааров и особ совершенно непонятного происхождения во Мствааше — полно, то чистую кровь, столь привечаемую в дисциплинах, оттуда взять крайне трудно; по большинству, все львы-львицы Мствааша являются полукровками, и прайдовый закон, столь строгий на остальных землях Империи, здесь почти не работает — на него там закрывают глаза. В Империи принимали всех мстваашцев, которые могли хоть несколькими словами описать собственное происхождение, за принятых Сунгов.

Казалось бы, у найси-полукровок из Мствааша почти нет шансов попасть в любой из дисциплинах, а тем более в такой оплот чистой крови, как Криммау-Аммау. Тем не менее, их можно встретить даже там, потому что существует тайный циркуляр от Регулата науки, искусств и веры, который, правда, носил рекомендательный характер — Регулаты ничего не могут приказывать дисциплинам. В нём выражалась просьба принимать некоторое число учениц, что происходят из Мствааша, потому что Империя должна быть единой и тому подобное.

Луана, наряду с Миланэ, Шасной, и ещё двумя, была из тех дисциплин их года, которым по-настоящему пришлось поглядеть на Восток. И если Миланэ скрывала, что была на Востоке, и многие даже не знали об этом, а Шасна была этим известна на весь дисциплинах, то Луана относилась к этому очень равнодушно; она не питала иллюзий и знала, что уедет туда сразу после Приятия. Вообще, Луана собою представляла идеальный усреднённый образ Ашай-Китрах. Она делала, говорила и двигалась так, словно сошла с некоей картины, которую рисовали все Сунги и Ашай на протяжении веков. Все её убеждения сливались с верой Сунгов и общими взглядами сестринства; честность её стала притчей; она позволяла себе вольности лишь в тех границах, в которых находился образ правильной Ашай; она никогда не ленилась и редко предавалась праздности; даже отношения со львами завязывала по правилам; она даже не всплакнула на сожжении своего мертворожденного дитяти, ибо на траурных церемониях Ашай-Китрах не одобряется плакать; на неё всегда можно было положиться.

— Прохожу Приятие в один день с тобой, — Луана подседа к Миланэ.

— Я рада, сестра, — ответила Миланэ. — Удачи нам.

Луана развела руками, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

— Хорошо, что ты не уедешь на Восток.

— Спасибо, — ответ получился с заминкой.

Она вертела в руках маленькую шкатулку, то открывая, то закрывая её. Зачем она понадобилась ей здесь, в беседке сада — непонятно.

— Всегда вот что хотела сказать, Милани, — тихо заговорила Луана, приклонившись. — Ты одна из самых лучших. Я рада, что училась эти годы с тобой.

— Луани, и я рада, что...

— За нас, — Луана схватилась за серебряный кубок с вином, который прежде поставила на перила.

— За нас.

Вернувшись домой, Миланэ вдруг заметила письмо на пороге дома.

Подожгла свечи и лампу в комнате, переделалась попроще и принялась разворачивать. Оказалось, что письмо — от подруги, Шасны. «Похоже, наша дружная четвёрка стала тройкой», — подумала Миланэ: Шасна первой прошла Приятие и уже наверняка уехала прочь.

Письмо оформлено очень просто; сразу и нельзя сказать, что его написала Ашаи-Китрах.

Здравствуй, Миланэ,

я стала сестрой. Полагаю, что Ашаи-Китрах должна быть отважной. В более широком смысле можно сказать так: я люблю храбрых. Ты такая, потому пройдешь Приятие без этих дурацких стенаний. Я насмотрелась на них в эти дни, было противно. Хотя мне вообще многое было противно все эти годы. Не ропщу, а извещаю о факте: многое в нашей среде для меня осталось непонятным и тягостным.

Я уезжаю на Восток, во 2-й Восточный Д. Не могу оставить адреса, потому что точно не знаю. Кроме того, наверняка сразу попаду в поход, ибо Сунги хотят новой войны. Когда буду в Марне, тебя найду и мы посидим. Полагаю, что не раньше, чем через года два. Естественно, всё это будет, если выживу. Мантика говорит, что выживу. Раскинь на меня Карру, чтобы ты знала, готовиться к моему небольшому визиту или нет. Будет жаль, если приготовишься, а я буду мертва — напрасные усилия.

Я узнала, как ты убила варвара, когда была в Первом Восточном. Мне случайно обмолвилась Хильзари. Не злись на неё. Отличный выстрел. Зря ты не рассказывала, я бы хохотала до упаду.

Присмотри за Арасси — она словно ёж. Не может найти себе места и не выбирает слов.

Взяла с собой браслет, который ты мне когда-то подарила.

После Приятия о тебе расспрашивала наставница Амалла, дотошно. Из разговора я поняла, что ты им интересна. Наверное, это из-за патрона. Я уже сестра, потому могу себе позволить сказать, что Амалла выросла в грязном воздухе; они будут пытаться использовать тебя, прикрываясь интересами сестринства. Вообще, выстраданный совет: если кто-то начи-

нает говорить об «интересах сестринства», тотчас навостри уши. Почти всегда найдёшь шкурное.

Дисциплины младших годов после Приятя подарили мне книжку со стихами, из которых следует, что поэт любил птичек, цветы, нас (львиц), закатные холмы и т. д. Если придётся отлеживаться после ранения или в болезни, то будет что почитать. Так наверняка случится, потому что в походе рано или поздно станешь слабой на живот, и придётся несколько дней терпеть.

Будь охотна в той столичной жизни, потому что там тебе придётся плыть по морю лжи.

*Будь сильной,
твоя подруга Шасна.*

Миланэ всплакнула, узнав свою Шасну в каждом слове. Немногословная, твёрдая, бесконечно упорная. Перечитав несколько раз, обратила внимание на это «они». Она «им» интересна. «Они» будут пытаться. «Наставницам?», — размышляла Миланэ. — «Ну не всем же. Амалла приближена к Леенайни. Их компания. Наверное, это она имела в виду». Несомненно. Миланэ ведь помнила, как переменялась в облике Леенайни, когда узнала о патроне-сенаторе в Марне.

«Ну я ж не глупа, всё понимаю», — подумала она с грустной улыбкой. — «Мир на этом держится: ты мне — я тебе. В конце концов, они мои наставницы, они заботились обо мне все эти годы... Почему бы не отплатить благодарностью?»

Миланэ услышала скрежет ключей во входной двери. Застыв, она сидела, сложив письмо вдвое, и прислушивалась. Несколько шагов, шуршание пласиса, и вошла Арасси.

Она будто бы немного удивилась, что Миланэ уже здесь, точно та возвратилась слишком рано или ей не совсем следовало находиться в комнате. Они посмотрели друг на друга: Миланэ — вопрошающе; Арасси — с деланным аристократством.

— Привет, — первой начала дочь Андари, потому что кому-то надо было начать. Да, чуется: Арасси знает за собой толику вины и боится делать первый шаг.

— Привет, — сразу ответила Арасси.

Отлегло. Нет, она не может долго держать обид. Миланэ хорошо узнала её за эти годы.

Миланэ несколько раз ударила письмом по столу, посмотрев в окно.

— Я уже вернулась.

— Да, вижу, — раздеваясь, молвила Арасси.

Повисла тишина, во время коей Арасси с каким-то рвением снимала пояс и бросила сирну с штампом на кровать.

— Где пропадала всё это время?

— Я? Развлекалась. Что ещё делать, когда полно времени.

— У тебя полно времени? Ты не готовишься к...

— Пол-но. Вот столько, — показала руками Арасси, словно держа огромную рыбу. Так Миланэ и подумалось: «Будто рыбу держит».

Это напомнило о еде, и она поняла, что весьма голодна. Час вечерний, можно пойти в общую столовую, но это удел сталл и дисциплилар семнадцати-восемнадцати

лет, ученицы постарше ужинают то, что сами состряпают. Миланэ, быстра на решение, после осмотра того, что есть у них дома (а толково ничего не было, лишь пряности и сушёности) пошла напрямик на кухни общей столовой, благо, они не так далеко. Там она попросила ощипанную потрошенную курицу или утку; в общем, любую птицу, только не гуся. Хозяйки, разводя руками, извинились, ибо ничего такого у них не было: только готовое либо живое. Готовое пусть едят, кому сейчас лишь служения да учёба на уме, потому Миланэ взяла себе бело-рыжую курицу. Оказалась она большой и упитанной, и Миланэ отметила, что это некая добрая мясная порода, не иначе.

С этой добычей она пошла назад, одолжив у хозяек небольшой мешок, чтобы её спрятать, ведь Ашаи крайне не одобряется делать некоторые обычные для светских львиц вещи, а именно: носить передники; таскать с собой корзины под локтем; нести в руках охапки чего бы то ни было; нести живую пищу вроде вот этой курицы и так далее. Ашаи не должна смешиваться с обычной хозяйкой, где-то так. Но эти правила этикета иногда ставят самих же учениц и сестёр в столь неудобное, а зачастую и глупое положение, что спаси Ваал, и ничего с этим нельзя поделаться.

Притемнялось, Миланэ решила не медлить; во-первых, скоро ночь, а во-вторых, хотелось кушать. Арасси, к удивлению, осталась дома, а Миланэ была почти уверена, что та снова куда-то пойдёт. На вопрос, будет ли ужинать, Арасси утвердительно мурлыкнула, углубившись в чтение какой-то книжки. Обрадовавшись, что трапезничать не придётся в одиночку, она разогрела очаг, отрезала курице голову, предварительно связав ей шею суровой нитью (иначе курица начнёт кричать: как тут не закричишь, если тебе собрались оттяпать голову, а в Сиднамае громкие звуки неприличны); ошпарив, быстро ощипала её; и в итоге сготовила свою любимую курятину с имбирём.

Приготовив всё, как полагается, и усевшись в кухне-столовой, Миланэ позвала Арасси и начала ждать. Та снова мурлыкнула, но не пришла. Миланэ вытерла несколько кубков, посмотрела в окно и подумала о всяком, постучала вилкой по столу. Безрезультатно.

— Арасси-и-и, ну ты идёшь или как? — вошла немного сердитая Милани в комнату.

Та не оборачивалась и продолжала читать книгу, не перелистывая страниц.
«Ох уж эти обиды», — повела Миланэ ушами.

Стало интересно, что она там такое читает, что оторваться невозможно. Осторожно подошла, играя в руке взятым с кухни ножом, заглянула через плечо, всматриваясь в строчки в неверном свете свечей и лампы.

Великая доктрина веры Сунгов

*Мы, Ашаи-Китрах, сёстры-Сунги, верные Сунгам, избранные
среди Сунгов для Сунгов, возвещаем, что:*

1.

Мы знаем, что Ваал, всеобщий дух всех Сунгов для всех Сунгов, существует.

2.

*Мы знаем, что Сунги своим величием создали Ваала, и Ваал
создал своим величием Сунгов.*

3.

Мы знаем, что любой верный Сунг и любая верная Сунга будут обретать силу, восславляя собственный дух, ибо нет для нас иной веры, кроме как во Ваала.

4.

Мы знаем, что мы, Ашаи-Китрах, созваны Сунгами, чтобы свидетельствовать мощь Ваала через его дары духа и служить Сунгам посредством этих даров.

5.

А остальные Сунги пусть славят Ваала тем путём, который им назначен, ибо кем бы ты ни был — будь им достойно.

6.

А пламя Ваала священно, ибо оно есть великое воззвешие и символ для мощи веры Сунгов, и Ашаи-Китрах с трепетом хранят этот дар.

7.

И все силы Ашаи-Китрах дарованы только Ваалом, потому что они — добрые дочери Сунгов.

8.

И ученице Ваал явится в снах, когда придёт её время, и тогда она станет сестрою, ибо превратится в возвестницу веры.

9.

Потому нету Сунгам дел до иных убеждений, ибо велика вера Ваала, возвещённая дарами духа, и Ваал недоступен иному львиному роду, ибо Сунг — это часть Ваала, часть Ваала — это Сунг.

Странно. Арасси читала первые строки первоосновной книги сестринства Империи — «Воззнаменования веры», которой без малого семь сотен лет; в самом начале там и была Доктрина — основное, что должен чтить во вере всякий Сунг, а тем более — Ашаи. Всё бы ничего, но эти строки всякая Ашаи помнит абсолютно наизусть. Застать взрослую дисциплину за их чтением, да ещё в такое время?..

Львица ощутила присутствие за спиной и повернулась вполборота.

— Сделай это. Лучше ты, чем нечто иное, — молвила она, глядя на нож в руке.

— Ты о чём? — безмерно удивилась Миланэ.

Арасси обхватила голову, облокотившись о стол.

— Я боюсь, Миланиши, — медленно-негромко сказала она. — Я хочу пройти Приятие и забыть... Я не просто так пропадала — ведь знаешь, что делала. Я боюсь его.

Немой, живой и тревожный вопрос в глазах Миланэ заставил говорить дальше.

— И вот... Не знаю, на что опереться. Что будут спрашивать. Чего требовать. У меня нет опоры. Я очень переживаю, смогу ли всё сделать правильно.

— Перестань, Арасси, ты всё сделаешь правильно, о мой Ваал, — обняла её Миланэ.

Она смотрела на нож, брошенный дочерью Андари на стол.

Миланэ приглядывалась к ней. Говорила подавленно, будто из-под плача; но глаза её были сухими. Но вид — совершенно отсутствующий. Такой она никогда не видела

подругу.

Честно говоря, Миланэ ничего не могла понять. Чтобы подруга, никогда не имевшая страха перед испытаниями, так взволновалась перед Приятием? Уму непостижимо. Непонятные изречения. Обрывки фраз.

— Арасси, да что с тобой?

— Ты всё знаешь. Прости меня. Я плохо себя вела.

— Ну что ты, перестань, полноте так волноваться из-за глупостей.

— Глупости... — эхом вторила Арасси.

Они услышали стук в дверь. Троекратный, чёткий и громкий.

— Это кто? — нахмурилась Ваалу-Миланэ после мига заминки.

— Не знаю, — оживилась Ваалу-Арасси, наострив уши.

Но, конечно, узнали они этот стук. Такой используют лишь служители Админы в случае официального дела. Никто больше так стучать в Сиднамае не будет.

Первой открыла дверь резвая Арасси, даже в мгновения неясной печали не утратившая цепкости и быстроты. Так и было: там оказался один из служащих Админы.

— Да, Админа? — в таких случаях принято обращаться не к конкретному служащему, а к Админе вообще, будто к личности.

— Уполномочен вызвать преподобную Ваалу-Миланэ-Белсарру.

— Смею узнать: куда и зачем?

— Это конфиденциально. Преподобная узнает только в Админе.

Миланэ и Арасси переглянулись. Затем дочь Андари развела руками, мол, надо так надо и попросила служащего подождать, пока она приготовится к выходу.

— Зачем это?

— Не знаю. Тебя так не вызывали случаем? — спросила Миланэ, пытаясь понять, связано ли это как-то с Приятием.

— В эти дни — нет.

Церемонность произошедшего впечатлила Миланэ. Облачилась в свой марнский пласис; браслеты, подвески, сирна, стамп. И её начало глодать нехорошее предчувствие. Очень нехорошее. Она ведь живёт не просто так — у неё есть воля, что подсказывает хозяйке, когда хорошо, а когда — худо.

В последний миг прихватила Карру-Аррам, чтобы вытянуть один знак по дороге и примерно понять, что к чему.

Ваалу-Миланэ шла слева и сзади льва, как полагается. Она даже не ответила на весёлое приветствие знакомой дисциплиры. У неё оставалось всё меньше сомнений; она гнала мысль, но судя по всему, что-то с «Снохождением» пошло не так. Совсем не так. Оно неплохо спрятано здесь, в доме Сиднамая, но... Могло случиться что угодно. А если так, то у Амона неприятности. Нет, точно — у него неприятности. Миланэ душой львицы учуяла это.

Вытянула знак Карры на ходу; пришлось присмотреться, чтобы увидеть в ночи. «Падающая чаша».

Эм... Мда.

На одной из стен внутри Админы висело зеркало во львиный рост, и там Миланэ погляделась. Кто смотрел на неё оттуда, из зазеркалья? Она не знала этого, ибо никогда не видела своего светотипа в личном деле, но сейчас её облик столь сроден с этой строгостью и хищным бесстрашием, лишь вся она стала взрослее, темнее, увереннее; наивность юности в глазах приугасла, вместо неё явилось нечто иное. Можно назвать целеустремлённостью, но у Миланэ нету целей в жизни, скорее, напротив —

она не знает, чего ждать от мира и себя.

В Админе сообщили, без присутствия посторонних ушей: в обители наставниц её ждёт Ваалу-Амалла.

Чуть отлегло: по крайней мере, здесь вряд ли что-то связано со «Снохождением». Тем не менее, она чувствовала, что это не очередная беседа перед Приятием либо хождение вокруг да около темы патрона в Марне. Здесь должно быть нечто... что угодно, но плохое.

«Не то, не то, всё не то», — шла она по пустым коридорам стаамса, направляясь к обители наставниц. В пламени свечей светились узоры и панно стен, на которых изображены части Империи, все с названиями, как в древности: вот Сунгкомнааса Могучая, вот Хольц у Края Земель, Андария Многопастбищная, Юниан Великоохотный. Норрамарк Холодный. Ашнари Законный (тогда ещё единый).

Миланэ немножко постояла перед закрытыми дверьми. Где-то вдалеке звучал смех, но вообще было очень пусто, и он лишь усиливал ощущение покинутости.

Постучав три раза, Ваалу-Миланэ вошла в продолговатую комнату-кабинет, по стенам которой шли книжные шкафы; такую имеет каждая наставница, составляющая верхушку дисциплинария. В центре, за массивный стол, прямо как какой чиновник, восседала Ваалу-Амалла, мастерица поз и этикета, приближённая к амарам и прочая-прочая. О да, следует отметить, что львица она тонкой кости, благородной внешности и крови; сейчас её угасающий возраст силы ещё сберег некоторые черты красот молодости; дисциплинарии всех годов весьма её побаивались: нрав вспыльчив, настроен; правда, известно, что она стыдится короткой, тёмно-карамельной шерсти.

— Восславим Ваала в сей вечер, наставница Ваалу-Амалла.

— Входи, Ваалу-Миланэ-Белсарра. Я ждала.

Дисциплинария прошла вперёд, как следует, и встала у стола, помня о ровной спине.

— Садись.

— Спасибо, наставница.

Села. Спина ровная, можно облокотиться о подлокотники кресла, левая рука держит кисть правой.

Наставница несколько раз потёрла ладони, взяла графис, постучала им по столу, встала и начала ходить по комнате, вдоль одной из стен, рассматривая книги.

— Миланэ, я считаю, что любые удары судьбы надо принимать достойно. Особенно это касается нас, Ашаи-Китрах.

После такого жуткого вступления она надолго замолчала, не глядя на Миланэ.

— Видишь ли, каждую дисциплинарию перед Приятием сестринство проверяет, испытывает. Проверяет много, проверяет гласно и негласно.

Амалла скользнула позади неё, и Миланэ ничего не оставалось, кроме как смотреть вперёд.

— Сама понимаешь, что это — строгая необходимость. Только так наше сестринство может быть чистым.

Она явилась с другой стороны.

— И я вынуждена сообщить тебе, Ваалу-Миланэ, что некоторые твои поступки не позволяют сестринству провести для тебя Приятие... — молвила Амалла, вдохнув воздух, желая сказать ещё что-то, но потерявшись со словом. Потому повторила на выдохе: — Провести Приятие.

Миланэ нечасто в жизни чувствовала, что мир темнеет. Но от такой новости брошило и в жар, и в холод одновременно. Ушам не хотелось верить.

— Какие... какие проступки, наставница? — подняла глаза, ища её взгляда, и даже привстала. А потом с умоляющим стоном села обратно: — Нееет...

Она никогда в жизни, в сознательной жизни не представляла себя вне сестринства. Как это? Как понимать? Что это?! Зачем? Почему?..

— Присядь, Миланэ, присядь, — молвила Амалла, поставив руки на её плечи. — Ты должна меня выслушать, ибо я говорю от имени сестринства Сидны. Итак, — она вернулась к столу и села, — каждая дисциплина проходит испытания перед Приятием. Как гласные, так и тайные. Твой проступок заключался в том, что ты, нарушив Кодекс и законы Империи — вероборческие законы, Миланэ — изъявила недостойное любопытство и...

Каждое слово вгоняло шипы в её сердце. Всё завертелось в страшной карусели: Марна, книга, Амон, её судьба, Север, древо миров, патрон, мать.

— ...читала книгу в Седьмом зале Марнской библиотеки, воспользовавшись отсутствием служителей и их ошибкой в запечатывании.

Она долго сидела, осмысливая. Так, хорошо. Отлично. Замечательно. Дальше-дальше. Давай, впивай когти к душе. Говори о воровстве. О краже «Снохождения».

— А дальше?

— Что дальше?

— И всё, наставница?

— Ты считаешь, этого мало? Ну, если хочешь — нет, не всё. На тебя также, — она подняла бумажку со стола и начала читать, — сделали анонимный донос из Айнансгарда о том, что ты интересовалась весьма двусмысленными вещами и даже ездила к одной Ашаи, известной своими отступными взглядами.

Амалла взмахнула бумажкой и бросила её на стол.

— Анонимные доносы мы не рассматриваем, сама знаешь, но они хранятся в личном деле. На всякий случай.

Она вздохнула.

— Да, и ещё. В Марне ты застамповала фиктивный брак. К тебе нарочно приходили с проверкой, та пара. Но это уж такое.

— Смею поинтересоваться: а что за книга была?

Амалла долго и внимательно смотрела на неё.

— Я тебя понимаю, если честно. Ты в помутнении. Не могу сказать, что ты была плохой дисциплиной. Но испытание придумано не мной и Кодекс — тоже. А книга была... — Амалла начала рыться в бумагах на столе. — Если это тебя интересует... «Снохождение», Малиэль из рода Млиссари. Первая группа. Гадость какая, Ваал спаси, — свершила жест презрения. — Ну скажи мне, родная, вот зачем тебе эта чепуха понадобилась?

Миланэ встала.

— Я просто... мне было просто интересно, наставница, я не желала... зла. А что с книгой? А... а служителей... библиотеки не накажут?

— Миланэ, я тебе сочувствую. Что с книгой? Да лежит, где лежала. Какая разница. Ваал великий, Миланэ... И со служителями всё в порядке, никого не накажут. Очень больно видеть перед собой ученицу, которую мы пытались воспитать все эти годы, в таком... положении. С другой стороны, должна огласить, какое решение по тебе приняло сестринство Сидны. Ты готова выслушать? — Амалла рукой указала, что Миланэ лучше присесть.

— Да, наставница, — так и сделала дисциплина.

— Согласно Кодексу и предвечным устоям сестринства Ашаи-Китрах ты, Ваалу-Миланэ-Белсарра, не можешь быть допущена к Приятию по причине проступков, тебя порочащих. В этом случае ты подлежишь Разоблачению; в случае твоего отказа и противления ты подлежишь Изгнанию. Но! — тут же поспешила добавить старшая сестра, подняв палец с когтем. — Сестринство Сидны не может закрыть глаза на твои прошлые заслуги перед Ашаи-Китрах и Сунгами, а также на то, что ты была доброй дисциплиной с сильной игнимарой. Поэтому мы предлагаем иной путь, который смывает твой позор и оставит твою память безупречной. Ты знаешь, что согласно предвечной традиции сестринства, ученица, запятнавшая себя, но имеющая заслуги и добрую память, может очистить свой позор.

Амалла обошла стол и встала перед Миланэ, опершись о него.

— Ты можешь пойти на своё Приятие. Круг Семи будет ждать в назначенное время, и ты вольна придти, а вольна не делать этого. Сестринство не оставляет тебя без выбора. Только сома, которую ты выпьешь... сама понимаешь. Она уведёт тебя в Нахейм. О твоих проступках знает только несколько старших сестёр и амарах. Если ты пройдешь безвозвратное Приятие, то твоя память будет чиста, будешь безупречна в глазах сестринства, никто не посмеет сказать о тебе худого слова. Сестринство должно быть безупречным, и лишь кровь может смыть недостойное.

Миланэ не хотела смотреть ей в глаза. Ей вообще никуда не хотелось смотреть. Всё было до сверхреальности тяжело, напряжённо, и вместе с тем — смешно, и даже глупо.

— Не говори мне о своём решении. Оно мне ни к чему. Обдумай, у тебя в запасе два дня. Если не желаешь разглашения, то храни всё, что я сказала, в тайне. Ни с кем не советуйся. Иначе сёстрам придётся закрыть для тебя путь безупречности, и тогда тебя разоблачат в любом случае. Разглашение твоих проступков не оставит нам выбора.

Миланэ взглянула на неё и поднялась; Амалла больше не заставляла её сидеть, потому они так и стояли в молчании.

— Ведь велики те дисциплины, которых забрал Ваал во время Приятия — они лучшие из нас, — зачем-то добавила наставница; и вдруг Миланэ впервые в жизни увидела, что Амалла испытала нечто вроде стыда: она приложила сжатую ладонь ко рту и посмотрела вниз-сторону.

— Понимаю, наставница Амалла.

Свой голос выдался чужим, словно из бездны.

— И помни, что ты всё ещё дисциплина, пока не пришёл час Приятия.

— Пусть наставница простит мне все ошибки, что я совершала во время занятий. Я старалась быть хорошей Ашаи.

— Ничего. Пустое... Может, я иногда не занималась вами столько, сколько следует. И вот ещё что... Мой совет от меня, старшей сестры, для тебя, дисциплины, — Амалла долго, мучительно подбирала слова, что не было на неё похоже. — Не бойся. Да хранит тебя Ваал.

Миланэ не ответила — что в её положении прощательно — и вышла прочь.

Амалла немного посуетилась в кабинете, переложила вещи с места на место; постояла. Потом затушила весь свет и начала смотреть в окно. Оно выходило к основному входу в обитель наставниц. Она ждала, и дождалась: Ваалу-Миланэ вышла. Шла медленно, потом присела на каменную чашу фонтана, хотя садиться там не разрешалось. Сидела она там недолго, потом ушла к Сиднамаю.

Амалла задёрнула занавеску, взяла графис и вдруг швырнула его в угол.

По характеру она подловата, заносчива и болезненно себялюбива. Но и для неё есть свои пределы, сердце у неё не создано из камня. Амалле чужда жестокость, а здесь она увидела её в полном, болезненном расцвете. Она слабо представляла, как всё произойдёт; но реальность оказалась куда хуже, чем ожидания. Ей было бы во много раз легче, если бы Миланэ начала бросаться в лапы, умолять и плакать: брезгливость уравновесила бы чувство жестокого поступка, который она свершила не по своей воле. Но Миланэ выдержала удар судьбы с великим достоинством; Амалла поняла, что в сущности, Миланэ все эти годы была действительно стоящей дисциплиной, и это полностью вскрылось лишь в момент истины.

— Первый и последний раз. Первый и последний раз, — повторяла она, словно энграмму.

* *

Нет, она ещё не успела испугаться.

Просто всё это казалось каким-то розыгрышем или фарсом. Миланэ хорошо осознала произошедшее: она попала на крючок испытания, когда везла комментарии в Марну, и успешно провалила его. Но изумляли несколько вещей. Само испытание оказалось коварным, вообще странным по своему характеру, но в то же время — мелочным, мелкодушным, смешным, даже подлым. Кроме того, в голове не укладывалось, что за такой жалкий проступок сестринство собралось её убить. Это было так глупо, что Миланэ несколько раз засмеялась.

«Они ничего не знают! Они ничего не знают о том, что «Снохождение» я давно украла вместе с Амоном!», — вымученно смеялась она, присев на чашу фонтана. — «Как всё сплелось. В уме не укладывается... Открой книжку — умри! Или будь изгнана. Неужели столь малая причина достойна того, чтобы разорвать судьбу?», — всё больше изумлялась Миланэ.

Она встала и пошла дальше по ночной Сидне.

Столь малая причина. Совершенный пустяк. Проявить любопытство, посмотреть на книгу; да будь она хоть трижды вероборческой — что с того?! До неё её читало множество хвостов, и ничего — живы, они здравствуют, им хорошо! Что за кошмар? Мир сошёл с ума? Что творится в этом мире? И теперь ей следует выбирать: умереть или быть изгнанной?

Хотя здесь выбора нет, знала Миланэ. Выбора нет.

«Но о смерти попозже, попозже», — с холодом в груди подумала она. — «Я попозже подумаю о смерти. Пока о жизни. О жизни».

Промелькнуло несколько мыслей, что всё это — дикая шутка Амаллы или же такое себе испытание перед Приятием. Но умом она понимала, что с таким не шутят, никто бы не посмел так делать. Значит, всё всерьёз. Ладно, итак, всё серьёзно. Хорошо. Что теперь?

«Она сказала, что с Айнансгарда пришёл донос. Ну, тут ясно: сестра Хайдарра постаралась. Взревновала к брату или что?.. Да пёс с ней. В Марне фиктивный брак застамповала. Хах, они были убедительны, а мне было не до того...»

Итак, что теперь?

«Я могу пойти к амарах Леенайни. Она наверняка знает, всё происходит с её соизволения. Я... я приду... паду ниц, буду умолять её оставить меня в сестринстве. Я не

хочу умирать, я не хочу быть вне сестринства, ведь так?», — размышляла Миланэ, без огня, весьма холодно. — «О, фу. Если она пожалеет меня, пригладит, то придётся целовать её ручки, и она скажет, что я обязана до самого сожжения. Делишки в Марне, патрон видненький... Фу», — её облик исказился презрением. — «Но это если она пожалеет, снизойдёт. Хочешь такого? Пффф. А что если она...»

— Настоящая Ашаи-Китрах, — с большой злобой и намерением процедила Миланэ, сжав перед собой ладонь. — Кодекс и аамсуна!

Пожилой лев-служитель, хозяйничающий на садовой дорожке, удивлённо-недоверчиво поглядел на неё и сделал шаг в сторону.

«Тогда она скажет, что ты — трусливая, никчёмная тварь, а не дисциплина. Тогда прикажет вышвырнуть меня из сестринства по Церемонии Изгнания, тогда я буду не я. Это будет иная, жалкая, загнанная, малодушная львица. Эта львица возьмёт в ручки свою котомочку и тихонько возвратится домой, в Андарию, потому что больше будет некуда. Она не постучится, просто войдёт в дом, прокрадётся на второй этаж, в свою комнатку, там уляжется на постельке и поплачется, а потом уснёт. Мама её увидит, выслушает сбивчивую историю, пожалеет — ибо мать. А потом потекут дни, и эта львица даже попробует выйти замуж, хотя для Андарики в двадцать четыре — да почти двадцать пять, не отнимай годов себе — немножко поздноватенько, но ничего. О, фу. Такое достойно лишь того, чтобы раз подумать и забыть».

Миланэ поглядела на ладонь, намеренно вызывая игнимару; да начала заниматься, и Миланиши тряхнула рукой, словно сжигая всю мишуру.

Ладно.

Нет-нет-нет, в любой жизненной ситуации есть выход. Всегда ведь был, все эти двадцать четыре года!

«Можно иначе. Есть смысл добровольно пойти на Церемонию Разоблачения. Я там, поиграв в гордость, кое-как всё пройду, и даже попрощаюсь с бывшими подругами и наставницами, будто бы ничего особого не случилось; хотя все будут смотреть на меня по-иному, да-да. Потом, прихватив книгу, сразу уеду в Марну и найду там Амона. “Снохождение” мы сразу вернем, чтобы ни у кого не было неприятностей, он всё бросит, и мы куда-то уедем или уйдём — неважно куда. Ха-ха, а можно книгу и не возвращать. Убежим! Он... он заберёт меня. Я... я буду ему нужна. Я буду ему нужна? Что мы будем делать, как жить? Какая разница. Как-нибудь».

Перед их с Арасси домом есть маленькая скамейка. Миланэ присела, не решаясь входить.

«А буду ли я ему нужна вот такой... никакой? Ведь во что превращусь, когда перестану быть Ашаи-Китрах?», — спросила себя. Седьмым чувством она знала, что ответ на этот вопрос *существует*, он не останется без ответа, и ответ почти доходил до сознания. — «Что он полюбил во мне? Меня саму или Ашаи-Китрах во мне? Хах, конечно меня. Но... тогда выходит... Можно ли меня разделить? Но ведь ты и есть Ашаи-Китрах, ничто иное, ты сама говорила — ты сама так клялась себе и другим, и даже амарах, и даже иным мирам».

Она подняла руки и положила их на затылок, прикрыв глаза. Потом так, невидяще, уставилась на небо.

«На самом деле я пыталась быть доброй Ашаи, следующей аамсуне. Честно. Мне некому лгать. Я такой и останусь, потому что как иначе? Жить дальше будет много смыслов, но это будет иная Миланэ, с иными мыслями и другой душой; я привыкла к себе, и я честна — да, и честолюбива», — катились слёзы по её щекам, а небольшие

звёзды превращались с тусклые расплывчатые пятна. — «Но, видимо, нечто не так со мною или с миром, потому мне суждено выпить отравленной сомы и уснуть. Нет, я умру, будучи Ашаи-Китрах; я пыталась доказать, что Ашаи — нечто большее, чем принято считать; нечто, что должно превзойти. Мне говорила мать, что я буду достойно идти по пути. Что она скажет, узнав, что я опорочилась, разоблачилась и сбежала с каким-то львом? О, фу. Хахах, слишком я смела для такого», — встала она, смеясь.

Не следовало тратить много времени зря. Некоторые вещи нужно было привести в порядок, некоторые — сделать.

Она вошла в дом; несмотря на то, что Арасси уже спала, она начала приводить всё в порядок по всему дому: складывать свои вещи, забирать всё, что напоминало о ней; делала это хаотично, без плана, в безмыслии. «Снохождение» забрала с чердака и поставила в тумбу, просто завернув в чёрную ткань. Она уж решила, что попросит Арасси лично доставить этот свёрток в Марну и не заглядывать, что там внутри; идущая на смерть вполне имеет право на такую услугу.

«Надо составить несколько писем. Но завтра».

Миланэ ещё не успела всё осмыслить; ей казалось, что она просто собирается в далёкую дорогу. Потому сон подкосил быстро и хорошо.

* *

Ваалу-Ирмайна закрыла ящик. Потом снова открыла, осмотрела его, хоть и он и был пуст. Сдвинула пару раз перегородку. Снова закрыла. Осмотрелась вокруг, будто кто-то мог помочь советом или снять наваждение; старый мастер вопросительно уставился на неё, придерживая книгу, которую как раз хотел поставить на полку.

— Что случилось? — спросил он.

Вместо ответа та изо всех сил бросила ящик на стол, аж поднялась пыль; острый звук прорезал тишину Марнской библиотеки.

— Великосиятельная, как так можно?

Та вся тряслась то ли гнева, то ли от страха, аж звенели подвески на ушах.

— Как?! Здесь должно быть «Снохождение» Малиэль Млиссарской, а здесь что? — её хвост метнулся так, что ударил подсвечный торшер, и тот, брякнув, упал.

Мастер торопливо подбежал, сколь позволяли годы, и взглянул на обложку. Даже дитю стало бы понятно, что книга современная. Открыл титул, а там красовалось:

*Домашняя кухарка или трактат об мясных и овощных блюдах
для добрых дочерей Сунгов*

— Где книга?! Где это «Снохождение»?!

— Откуда я знаю, великосиятельная?

Так недалеко до бешенства.

Ирмайна поняла, что здесь всё очень-очень плохо. Или её подставили — неужели она больше им не нужна? — или же книгу действительно украли. Неизвестно, что хуже.

* *

Бывают такие дни, когда встаёшь утром, и сразу охватывает вся трудность твоего положения. Тогда подниматься не выходит иначе, чем быстро, серьёзно, суетясь, смахивая с себя печали и принимаясь за дела.

Так у неё не вышло; положение её столь безнадежно, что суетиться поздно. Миланэ, вопреки обыкновению, не поднялась рано поутру. Арасси будила, но она отмахнулась. Солнце давно встало, время завтрака прошло, а Миланэ продолжала валяться в постели. Занималась абы чем: думала об отвлеченном; рисовала когтем по стене; вытянув руку подальше к потолку, почитывала по абзацу одну книжонку, которая когда-то весьма нравилась. В её небольшом, общем с Арасси собрании книг была такая, называлась «Шаги к неизвестному»; в целом, книжка считалась недозвоненной, но так, немножко. Почему она это делала? Да так.

Милани сбросила наволочку на пол, оставшись в одной ночнушке, и заложила лапу за лапу. Лучи просвечивали в окошко, отчего она смешно шурилась.

Моя мысль: жизнь — не слишком великий дар. Жизнь — сновидение, состоящее из мимолётных радостей, беспокойства и нескончаемой борьбы со страданием. Смерть же освобождает, даря вечный сон, а что может быть слаще сна без сновидений, когда мы отдыхаем, не зная беспокойств? Нету даже снов тревог, что столь обычны в наших ночах.

— Идиот, — опустила книгу на грудь, уставившись в потолок.

Этот дурачок ничего не знал о смерти. Она ему казалась словом в книге, понятием, категорией, антонимом к жизни; не более того. Миланэ успела посмотреть на её лик; и ей не нравилось то, что видела. Мастерница траура, кинжалом убившая льва за плохие слова — да, она кое-что смыслит в этом. И она смыслила, что ничего не понимает.

— Все вы идиоты, — молвила в пустоту.

Бросила книгу на стол, вполне удачно — проскользнув, та остановилась у самого края.

Вытянув руки, она начала рассматривать их, складывая в разных жестах: вот манарси-гастау; вот алон-гастау. Да, ладно получается. Но этой ладности осталось недолго. Эта ладность носит на себе такой позор, что смыть его можно только утекшей жизнью. Миланэ подняла лапу, пошевелила пальцами. Она всегда любила их, свои лапы; они ровные, добрые, стройные, от матери, не короткие и не слишком длинные — в самый раз. Вон какая шерсть, тёмное золото.

Закрывает глаза, сжав переносицу. Безвыходность, абсурдность, безжалостность начали укрывать её, словно тёмная пелена. Это что, всё всерьёз?

Амону надо написать письмо. Она обязательно напишет.

Поняв, что в четырёх стенах можно сойти с ума, Миланэ очень хорошо приделалась и вышла на мир: на других посмотреть, себя показать. Сегодня можно делать что угодно, ведь завтра начинается само Приятие. Она сходила и покушала в общей столовой Сиднамая, где провела занятную беседу в дисциплинарами на два-три года помладше: о высоких ценах на всё подряд в Тобриане; о симпатичных воинах-стражах у главного входа, что сменили предыдущих; о практике в больнице Сидны. Как водится, дисциплинары осторожно начали расспрашивать Миланэ о подготовке к Приятию и ощущениях, и та начала совершенно бесовестно врать: она чувствует

небывалый подъём; наставницы крайне предупредительны, и уже сообщили некоторые подробности, которые — все понимают — она раскрыть не может; у неё множество планов после Приятия; а игнимару, она чувствует, сможет зажечь так легко и быстро, как никогда, ибо у неё теперь чуть не постоянно ощущение, что пламя Ваала вот-вот загорится на ладонях, и так целый день, так что если кто волнуется о своей игнимаре — то не стоит.

— Мне даже не верится, что скоро и я встречу с Ваалом на Приятии, — восторженно закатывала глаза маленькая, улыбчивая дисциплира.

— Время летит быстро, сестрицы, — вздохнула другая.

К Миланэ прилепилась улыбка; она так и сидела с этой маской всё время.

— Летит быстро, — вторила она. — Простите меня, должна удалиться, — встала, утёршись салфеткой. — Мне было с вами приятно. Да хранит вас Ваал.

Потом она присоединилась к группе учениц, что слушали наставницу Ваалу-Даэльси, что бессменно сживала в саду; дисциплиры были совсем ещё юными, год-два после Совершеннолетия; слушали они довольно занятный рассказ о водных источниках, воде и природе вообще, причём Даэльси заблаговременно принесла с собой маленькую доску, на которой рисовала то, что считала нужным, а также много всяких сосудов различной ёмкости. Рассказ был далеко не отвлечённым, а имел весьма большую важность: умение определять качество и свойства воды для Ашаи всегда нужно и полезно, как в походах, так в повседневной жизни и фармации. Даэльси показывала известный всем опытным ученицам метод очищения воды через особый мох, а потом пустилась в рассказы о природе.

Погода была ласковой. Милани уселась позади всех; у неё не оказалось куска ткани, который дисциплиры приносят с собой, чтобы сидеть на открытом воздухе, слушая наставниц, но можно и так.

Даэльси не обращала внимания на Миланэ, словно её здесь не было; но это не угнетало, наоборот — делалось легче.

«Счастливые... У каждого своя судьба, каждый печется о своём... И никто никогда не узнает ужасной правды, не узнает о смелом жесте духа, и все будут говорить: вот, Ваал её не принял, не принял в третьем испытании. Хотя на самом деле это был лишь яд, а больше ничего. Сколько нас было таких?.. В прошлом году на Приятии погибла одна дисциплира — это немного. Интересно, она тоже сносила какой-то позор или просто случилось обычное отравление сомой?»

Сома — сумасбродная смесь, которую в обычной жизни никто употреблять не станет. Немудрено, что некоторые из молодых львиц-Ашаи не выдерживают такого испытания.

«Какая дурацкая традиция», — подумала Миланэ.

— Крапивник поёт, что твой приход очень кстати, — сказала ей Даэльси, подсев поближе.

Только теперь Миланэ заметила, что ученицы разошлись.

— Неужели? — слабо улыбнулась дочь Андари. — Эм... наставница Даэльси... я могу быть с львицей откровенной?

Та ответила не сразу, а немного подумала, посмотрев вверх и в сторону.

— Угум, — кивнула.

— Наставница, а птицы поют о смерти?

— Поют.

— А они что-то поют о моей смерти? Наставница может спросить... у кукушки,

например?

— Плохие мысли перед Приятием? — благостно улыбнулась Даэльси, сверкнув добрыми, отрешёнными глазами. — Кукушки сейчас не поют. Я знаю, что ты — мастерица Карры. Почему сама не посмотришь?

— Принято считать, что такие вещи — для самой себя — трудно взять на мантику.

Даэльси смотрела на неё, а потом хлопнула в ладоши, покачав головой, не теряя веселости.

— Ой, глупости тебе в мыслях, Милани. Не волнуйся, — дотронулась к её груди. — Слушай сюда: ты встанешь на колени, выпьешь сому, тебя сёстры Круга сразу уложат и будут с тобой вести беседу, пока не уплывёшь. Можешь чуть-чуть схитрить: когда будешь пить из чаши, пролей по подбородку; наказывать никто не станет — спишут на волнение.

Она пригладила её по щеке.

— Чему быть, того не миновать. Всё будет хорошо.

Вдруг Миланэ взяла её ладони и крепко сжала:

— Наставница Даэльси... Наставница Даэльси... — повторяла она, совершенно не понимая, что сказать, как продолжить. Должны найти какие-то слова, должны!

— Но-но, милая, всё будет хорошо. Так бывает перед Приятием, это волнительно. Но-но... — Даэльси обняла дисциплинару.

Она отпрянула, не в силах совладать с тем, что плачет. Тогда Даэльси приложила ладони к её глазам, словно укрывая от стыда.

— Давай о чём-нибудь поговорим, — предложила она.

— О чём? — спросила Миланэ, не видя мир.

— Ты ещё хранишь тот северный амулет?

— Да. Мне его дал один лев, мы обменялись памятью. Такие вещи нельзя бросать, даже если они кому-то не нравятся.

— Ничего нельзя бросать лишь потому, что это кому-то не нравится.

— Верно. Но за всё можно поплатиться. Тот, кому что-то не нравится, может оказаться сильнее... и накажет за то, что ты делаешь.

— Поэтому Ашаи-Китрах должна быть сильной, — Даэльси утирала слёзы Миланэ.

— Но есть предел любой силе; есть вещи, с которыми невозможно совладать. И тогда остаёшься перед выбором: пасть в схватке или уйти с поджатым хвостом.

Наставница молчала.

— Но Ашаи-Китрах не поджимают хвоста.

— Как ты себя ограничиваешь. Почему бы не уйти, гордо взмахнув им?

— Это будет фальшиво.

— Зато ты продолжишь делать то, что хочешь.

— Это будет фальшиво.

Наставница убрала руки, Миланэ сощурилась от света солнца. Миланэ быстро встала.

— Пусть наставница простит. Я пойду... Прощаюсь с наставницей.

— До свидания, Милани, — улыбнулась ей Даэльси.

Потом она долго и упорно искала любимую наставницу Хильзари. Оказалось, она в Гелейсе; и Миланэ пришла как раз вовремя — ей надо было уезжать далеко в Хольц. Заметив одну из любимиц, Хильзари бросила небольшую компанию сестёр и

поспешила к ней:

— Ах, как жаль, что не смогу видеть тебя сразу после Приятия.

— Спасибо за всё, наставница Хильзари. Спасибо за всё. Все эти годы львица заботилась обо мне. Помнит ли наставница, как я, испуганная, приехала из Ходниана, вместе с Ваалу-Мрууной? И львица была одной из первых, кого я увидела...

— Это...

— Я старалась быть хорошей ученицей. Я пыталась сделать всё. Пусть мне простится, Хильзари. Я прошу прощения.

— Ты куда?

— Туда...

«Я не боюсь. Страх нет. Смерти нет. Ничего нет», — думала она, разоблачаясь, чтобы взять одеяние для жестов, поз и танцев. — «Делай, что должна, и будь, что будет. Делай, что должна, и будь, что будет. Делай, что должна, и будь, что будет».

Красный зал Гелейсы был пуст, когда она зашла в него. Тишина умиротворяла. Она сама себе приказывала, какую позу принять; и одна плавно перетекала в другую, а та — в третью, а та... И так без конца.

Это помогало не размышлять. Мысли стали назойливы, противны, они никуда не вели и ничем не могли помочь.

Ученицы, что пришли на предвечерние занятия, осторожно указывали на неё, ибо Миланэ делала всё хорошо, вполголоса сообщая друг другу:

— Смотрите, смотрите: это — дисциплира перед Приятием.

* *

Когда она пришла домой, то даже не успела омыть лапы, как в дверь робко постучались.

— Можно.

Служитель, совсем юный, почти львёнок, молча передал записку, совершил неуклюжий полукивок-полупоклон и исчез. Тряхнув несколько раз лапой, которую потянула в Гелейсе, Миланэ рассмотрела записочку, потом развернула и прочла:

Достойная Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплира, сестринство напоминает, что в день начала испытаний Приятия крайне нежелательно принимать пищу. Также перед этим рекомендуется не ужинать. Ещё рекомендуются питьё достаточного количества воды и внутренние омовения. Сёстры оберегают от употребления любых веществ, сдвигающих душу, а также ободряющих, успокоительных, рвотных, противорвотных и влияющих на живот.

При себе необходимо иметь полное облачение. Не приветствуются украшения и личные вещи.

Напоминается, что Круг Трёх будет ожидать дисциплиру 13-го дня 1-й Луны Огня 810 г. Э. И. в Зале Огня Сидны, где и начнутся испытания Приятия.

Сестринство Сидны

Миланэ ухмыльнулась. Всегда считалось, что перед Приятием ученица должна наизусть помнить, что ей необходимо. Но, вероятно, многие так волновались, что напрочь всё забывали, путались и попадали в нелепое положение. Поэтому существовала такая практика: незаметной запиской дисциплиндре напоминали, что делать, а чего — нет. Она сама создавала такие записки: учениц младших годов очень часто привлекали помочь Админе их писать; двойная польза: и упражнение в каллиграфии, и запоминаешь.

Упоминание о еде призвало небольшой голод, но она не собиралась послушаться советов, ибо во время Приятия и после него, как показывает огромный опыт Ашаи-Китрах, с дисциплиндрой случается всякое — она может напрочь утратить власть над телом. А обтекаемо-приличным «внутренние омовения» подразумевалась крайне прозаичная процедура, но это завтра, с помощью Арасси.

«Хотя мне-то должно быть всё равно».

Миланэ села у окна, подперла щёку кулаком и уставилась на вечернюю зелень сада. Арасси где-то снова пропала... Хорошая подруга Арасси.

«Завтра меня не станет. Миры будут стоять, как прежде. Завтра я познаю тайну жизни и смерти; интересно: если поверить в Нахейм — вдруг я попаду в него? Буду своя середь своих... А, какая разница. Мне есть о ком вспомнить».

И она написала письмо Амону, самые простые слова. Сложные попросту не хотели ложиться на бумагу. Спрятала в ящик. Матери написать не решилась. Матери незачем знать, что она ведала о собственной смерти — это будет слишком. Амону нужно знать — она не может исчезнуть из его жизни бесследно. Вытащила «Снохождение», освободила от ткани, вздохнула. Да, раньше строились планы, раньше хотелось переписать самые интересные и нужные места. Теперь записки, конечно, не пригодятся. Миланэ перелистывала «Снохождение», иногда задерживаясь на некоторых страницах, просто так.

— Знали бы все, что ты — здесь, — говорила Миланэ с книгой, как с живым существом. — Они думают, что я смотрела одним глазком в библиотеке, ха-ха. А тебя украл мой Амон. Мой самый лучший на свете Амон. Когда умру, ты попади к нему без приключений, ладно? Не хочу никому неприятностей. А потом обратно в ящичек. Надеюсь, ты ещё увидишь мир.

Как ни престранно, ей было ничуть не жаль, что «Снохождение» сейчас здесь, у неё на руках; хотя, по большому счёту, именно оно повинно во всём. Оно разбудило нечто тогда, возле мёртвой ученицы-Вестающей; оно повернуло колесо её судьбы там, в библиотеке. Тем не менее, она понимала, что весь происходящий абсурдный кошмар — не вина «Снохождения»: книга ни в чём не может быть повинна.

Ей нравился стиль Малиэль. Чувствовалось, что та была львицей дела, и всё описанное для неё было глубоко естественным, даже привычным. Тогда, при торопливом перелистывании в Марне, она упустила очень многое; да что там говорить — почти всё. Здесь же спешить некуда. Много рецептов и советов для сновидящих, размышлений, наблюдений, несколько рисунков и схем. Большая книга, пять сотен страниц.

Иногда взгляд цеплялся за предложения и изречения:

...я лишь мост к львице духа. Пусть лучшие ученицы идут по мне на свои вершины...

— Уже без меня, — с самоубийственным сарказмом отметила Милани. — Я цеплялась за свою вершину, но свалилась вниз. Подвели когти... Или мне их обрезали, — она поглядела на свои когти.

Но вот то, что она нашла двумя страницами далее, умерило её трагичную смешливость и ввергло в то особое состояние, которые испытываешь, когда увидишь, услышишь, прочтёшь нечто разящее:

...Шамани, наши не сёстры, но матери духа — учись у них, ученица; то, что они дадут тебе, несравнимо с тем, что ты можешь дать им; когти их чистого духа пленят тебя, и ты поймёшь, что нету других путей, кроме как наверх, к вершинам древа мира...

«Кровь моя, почему она называет шаманай... эм, шамани... “матерями духа”, почему?», — всерьёз задалась вопросом Миланэ, но без скепсиса, а с чистым удивлением. — «Сестринство имеет столь древнюю историю, ей ли это не знать, нам ли это не знать. Это ведь *они научились у нас*, но потом ушли своим особым путём».

Сестринство не основалось на голом месте. Вот взять сестёр-предвестниц. Кем они были? Таков ответ: жрицами мелких культов тогда ещё нестройных, молодых Сунгов, и знахарками. Но после великих ознаменований Ваалу-Вирис, основательницы сестринства, появились Ашаи-Китрах, мощь Сунгов; а остальной львиный род, увидев их красоту, пал ниц в поверженном трепете; а гордые северные прайды так не захотели, и попытались воссоздать величие Ашаи-Китрах у себя; их львицы использовали знания Ашаи и соединили со своими суевериями и верованиями. Нет, Миланэ не всему верила в таком описании прошлого, но, тем не менее, соглашалась, что общая линия сего повествования вполне верна.

Здесь же всё переворачивается с хвоста на голову.

Тут-то вернулась Арасси. Захлопнув книгу, Миланэ встала и повернулась к двери, ожидая её появления. Разговор неизбежен; она понимала, что делать этого нельзя, но иного выхода не было.

Арасси явилась в проёме дверей в необычно-пёстрой свире, с довольным и весёлым выражением; целый сонм браслетов звенел на её левой руке; самое главное, что она разрисовалась узором тентуши под глазами, будто собралась на некий традиционный праздник или уж наступил Ай-Юлассай (до которого ещё целых две луны). В общем, качели её настроений могли сбить с толку кого угодно.

Сейчас Арасси была единственной львицей мира, которая могла в последний раз помочь.

— Смотри, что я принесла, — похвалились Арасси и бросила что-то возле зеркала.

Миланэ посмотрела.

— Халва? — насторожились её уши. — Но перед завтрашним лучше ничего не есть.

— Всё равно. Идти к трудностям надо веселясь. Это не простая халва, в ней есть исальна, мне эту штуку показал...

— Арасси, мне нужно с тобой поговорить.

— Ах, я думала... — бросилась та на кровать и разлеглась. — Я думала, что мне придётся начать. Присядь возле.

Миланэ медленно присела, глядя подруге в глаза.

— Прости за всё.

Некоторое мгновение Миланэ молчала, а потом поглядела вниз с грустной улыбкой:

— А... Ты о всё том же. И ты прости. Но разговор — об ином.

— Я вся внимание.

Но Миланэ подарила Арасси такой взгляд, что та привстала.

— Что стряслось? — серьёзно спросила она.

— Хорошее слово — «стряслось», — задумчиво молвила Миланэ. — Мне сказали, что у меня есть большая провинность. В своё время, когда я поехала в Марну сдать комментарии в библиотеку, то взглянула на одну книгу. Печати на ящике не было, я и подумала — почему бы и нет? В общем, я полагала, что это случайность. Оказалось — испытание.

— Какую ещё книгу? — снова села Арасси.

— Будто не знаешь. Ту самую. «Снохождение».

— Ну и?

— В общем, мне вольно сделать безупречный выбор: или Разоблачение, или мне дадут отравленную сому на Приятии; и этим ядом я смою свой позор.

— Что за бред? — нервно хохотнула Арасси, бросив от эмоций подушку к дверям. Развела руками, широко глядя на Миланэ; хвост метался. — Кто так сказал?

— Амалла, по поручению сестринства Сидны.

— Амалла? — с безумным удивлением спросила подруга. — Так... Они тебя хотят отправить на Разоблачение?

— Или оно, или смерть.

Арасси сидела недвижно, а потом поднялась на лапы и фыркнула с застывшей гримасой жуткой улыбки:

— Балаган! Комедия! Большой сон!

Пометалась она по комнате, ох пометалась. Туда-сюда, туда-сюда, как загнанная львица-зверина в малой клетке.

— Так это что получается: тебе устроили испытаньице перед Приятием, ты на нём провалилась, сама не ведая, а теперь наставницы предлагают уйти «безупречной дисциплирой»? Как оно называется? «Услуга чести», да?

— Да.

— За то, что ты посмотрела на книжку?

— Да.

Нахмурившись, Арасси снова пометалась по комнате, бесцельно подёрнула занавески и посмотрела за окно. Кто-то из подруг помахал ей из садовой дорожки, но Арасси отмахнулась с гримасой отвращения.

Потом в лице переменялась — появилась решимость.

— Собирай вещи и уезжай отсюда.

— Что? Я? Нет, никогда.

— Уезжай немедленно, — Арасси хаотично собирала вещи Миланэ в импровизированный узел из простыни; туда летели расчёски для шерсти, ночная рубашка, пилка для когтей, платок, полотенце — в общем, всякое добро.

— Здесь я могла бы пройти Церемонию Разоблачения, а если уеду, то мне будет только Изгнание. Если бы я хотела разоблачаться, то уже бы сделала это, — говорила Милани повышающимся тоном, вяло пытаясь помешать ей.

— Давай-давай, собирайся, — решительнее молвила Арасси.

— И не подумаю. Я не вижу себя вне сестринства! Вот ты бы как поступила? Это... несправедливо ко мне. Ты бы тоже осталась!

— Я... бы... поступила... как-нибудь... а тебе надо жить, — старалась и спешила Арасси. — Да рвала я когтями справедливость! Нет в мире справедливости!

— Арасси, прекрати.

Та не прекратила.

— Арасси, перестань!

— Почему они хотят тебя убить? — бессильно села на кровать подруга. — Что ты им сделала? Миланиши, я... я... Зачем ты связалась со всем этим? Я ведь говорила, я же предупреждала, что всё это к добру не приведёт, ой не приведёт...

— И вот что: передай книгу... — Миланэ указала на чёрный свёрток.

— Ты сама передашь! Я не передам!

— Мне некого больше просить. Передай «Снохождение» в Марнскую библиотеку и объясни, что я лично украла его. Только не спрашивай, зачем и как. Объясни, что моей последней волей было возвратить книгу. Так надо... Тогда меня уж не будет, я пройду смертельное Приятие и буду в Нахейме, как безупречная дисциплина. Также... вот здесь... вот письмо. Найди мой дом в Марне и попроси Раттану — это моя служанка — передать письмо льву по имени Амон. Или нет. Лучше найди Тансарра, моего патрона, и передай ему. И скажи, что я была верна ему, патрону. Также отдай деньги, вот... Это всё, что осталось от Дара Обращения. Ему нужна новая Ашаи рода, ибо прежней не станет.

Арасси слушала, вроде бы как даже внимательно.

— Всё это поставлю в своём сундуке, — как маленькой объясняла Миланэ. — Только верни «Снохождение», обязательно.

Арасси молчала. Приняв это за согласие, Миланэ встала и вытащила на мир ещё кое что.

— Вот ещё. Северный амулет, который мне подарил Хайдарр. Возьми.

— Нет, он твой, это памятный дар, — слабо отпихнула её руку Арасси.

— Меня не будет, я не хочу, чтобы он пропал.

— Он твой, — темно сказала Арасси. — Тебе дарен, твоя и сила.

Миланэ, честно говоря, не вполне поняла последних слов.

— Это сильная штука, от неё пальцы жжёт. Возьми её с собой на Приятие.

— Нельзя, не приветствуется.

— Возьми-возьми, — встала Арасси и обыденно открыла свой шкаф. — Скроешь под белым хитоном.

Решив больше не настаивать, она спрятала амулет.

— Ты ходила к амарах? Ты спрашивала других наставниц? — деловито и серьёзно осведомилась Арасси; вся она воплощала собой серьёзную стремительность великой красоты.

— Как могу это делать? Всё должно быть тайной, иначе мой проступок станет известен всем. Тогда всё. Тогда только Разоблачение. Если не Изгнание.

— Амарах в любом случае знает. Ты была у неё?

— Нет.

— Почему?! Может, она сможет выручить! Наверняка может! Она выслушает весь этот бред и распорядится прекратить.

— Она не сделает это просто так. Или не сделает вообще, — пожала плечами

Миланэ, сложив ладони на колене.

— Объясни ей всё! Постарайся... втолковать, понимаешь? Покайся! Возьми с собой книгу! Отдай сразу! — убеждала её Арасси, в каком-то фантазмагорическом положении: встав на колени перед нею.

— Никто из них об этом не знает, они не знают, что я украла книгу! Понимаешь?

— Да уж ли?! А может знают? Потому ты и идёшь на смерть, а? Ты сама не знаешь, что натворила! — трясла её лапы Арасси.

— Они не знают, — без особой уверенности ответила Миланэ. — Амалла бы мне сказала... Она говорила, что «Снохождение» в библиотеке, не выказывала никакого беспокойства по его поводу. Они потребовали бы возврата. Вмешался бы Надзор, однозначно. Зачем им это скрывать, в конце концов?

— А зачем им убивать дисциплиру только потому, что она случайно пролинула вероборческую книжонку?

Миланэ не знала, что сказать.

— Они, наверное, всё уже знают, — Арасси прильнула щекой к её бедру. — Иди к Леенайни, Миланиши, прошу тебя. Это единственный шанс.

Арасси упрашивала так, что дрогнула бы и каменная львица.

— Никогда, — до крови впиалась в свою ладонь дочь Андари. — Она захочет, чтобы я ползала у её лап. Или вышвырнет. Что из этого хуже — не знаю.

— Ты слишком гордая! — зарычала Арасси.

— Ты бы побежала?

— Да! — подобострастно молвила Арасси; маятник её эмоций вмиг метнулся к иной стороне.

— Фу, — отвернулась Ваалу-Миланэ-Белсарра, фыркнув. — Я презираю. Я презираю всё, что не готово идти до конца. Я покажу на деле, что любовь к истинам — не безвольные стенания. Покажу, что это есть нечто страшное и могучее. Если сестринство готово убить меня за такое, так что ж: это плохо со мной или что-то с Ашаи-Китрах? Я всегда пыталась быть хорошей Ашаи, такой и погибну — мне не оставили выбора. Андарианка, я буду слышать перед смертью Аламут, великий ветер Андари, уносящий к предкам; и говорят, он уносит в Нахейм, но кому там нужны нерадивые ученицы? Мне очень страшно, Арасси. Этой ночью я не смогу уснуть, и не смогу прочесть ни строчки, ибо ночной страх будет душить меня. Но я не разоблачусь — не видать никому такого позора. И пусть сестринство идёт далее к своим огням — но без меня. Не смогу жить в скверном воздухе трусости.

На столике у них всегда стояли песочные часы, подаренные ещё в незапамятные времена одним поклонником Арасси. Их взяла Миланэ, повертела в руках, наблюдая, как песком пересыпается время. Арасси остро смотрела на неё. Не было большего несчастья, которое она могла бы услышать; но так случилось.

Вдруг Арасси встала и засуетилась по комнате:

— Давай поговорим, обсудим. Мы должны что-то придумать. Ам, знаешь что? Я пойду и сделаю чай. Будешь? — торопливо говорила она.

— Не откажусь, спасибо. Я и так не буду спать. Наверное... Ты составишь мне компанию? — спросила Миланэ, ровно и обыденно, будто бы завтра не должно случиться ничего особенного.

— Составлю, — уверила Арасси, быстро уходя на кухню

У неё был секрет. Да, такой секрет, о котором даже Миланиши не знала. Она часто употребляла снотворное; на неё не действовали общие рецепты, точнее, дей-

ствовали, но не слишком хорошо, потому Арасси за многие годы методом проб и ошибок вывела для себя рецепт самого лучшего снотворного: классическая основа из сильной настойки сон-травы обогащалась хеттом (слабый анестетик) и настойкой гвайи. У этого снотворного много достоинств, в том числе и его доступность, относительная дешевизна, эффективность. Так Арасси спасалась от несносных ночей, если не хотела терпеть ужасов снов.

Она залила чайные листья кипятком в чайнике, вытащила маленькую склянку со снотворным; каждое мгновение оборачивалась — не идёт ли? Нет, не идёт. Лежит на кровати, думает.

Арасси постояла у окна, дожидаясь, пока чай чуть настоится, потом добавила холодной воды. Чай так делать нельзя, но снотворное сильно убавляет эффект, растворившись в кипятке. Приговаривая энграмму на сон, Арасси вылила всё содержимое маленького стеклянного флакончика в чашку Миланэ.

Вот эту вот целую склянку настойки она сегодня приготовила для себя. Для своего Приятия. Она знала, что на Приятии ей лучше всего крепко-крепко уснуть; пробуждение будет невероятно тяжёлым, но это лучше, чем весь ужас, что ждёт её, с которым невозможно совладать. Она намеревалась выпить снотворное перед третьим испытанием.

Арасси смотрела на две кружки, прислонившись к стене, и тихо шептала:

— Так даже лучше... неизвестно, как снотворное с сомой взаимодействует... обойдётся... Переживу. Всю жизнь переживала, и теперь переживу. Ваал велик, Ваал могуч. Ваал, пощади меня... Добра судьба, благосклонен твой лик. Миланэ спасётся — так дай шанс и мне.

* *

Два щелчка по ушам — верный способ убедиться, взяло ли снотворное.

Взяло.

Арасси выглянула на улицу. Уже ночь — Миланэ долго сопротивлялась сну и кажется, даже что-то заподозрила. Тем не менее, сейчас она спала хорошо и крепко. Арасси осторожно взяла из-под её безвольной руки книгу «Снохождение», которую та принялась читать в кровати после недолгой и бессодержательной беседы. Наверное, успела прочесть не больше пары строчек, как слегла; засыпая, говорила какую-то бессвязицу.

Торопливо собравшись, надев пепельный пласис и прихватив «Снохождение» в чёрной ткани, из-за которого появились все эти чудовищные неприятности, Арасси, осторожно закрыв за собою дверь, очень быстрым шагом пошла к стаамсу.

— Глупа, глупа ты, Миланиши, ой глупа. Зачем позналась со всем этим? Не знай ты этой книги, не поехала бы в Айнансгард, не было бы размолвки между нами, я бы не зажила тревогой!

После посещения дома странной сестрины в Норрамарке Арасси окончательно поняла, что её в жизни что-то не так. Совсем не так. Она и раньше это знала, чего скрывать; но раньше могла защититься фальшивой, но прочной стеной «понимания», которая выстраивалась долгие годы и вдруг в одночасье рухнула. Раньше у неё был уверенный ответ, что её во снах посещает Ваал, душит и творит прочие непотребства, но Ашай-Китрах суждено видеть Ваала во снах, потому с этим ничего не нужно делать. Но Нараяна не пожалела спасительных иллюзий, она достала со дна то, что

Арасси всегда и так чуяла — в снах к ней приходит что-то чуждое, совершенно иномирное; самое страшное, что Арасси понятия не имеет, как этому сопротивляться.

После того случая её проверенные методы — разгульная жизнь и снотворное — стали работать хуже. Если последнее ещё неплохо срабатывало и кое-как спасало от ночного насилия, то первое в уже не давало нужного результата; всё равно во снах являлись проблески ужаса. Но самое страшное ждало впереди. Приятие.

Арасси понимала, что сома безумно опасна для неё.

Но сейчас не время думать о себе.

«Выкарабкаюсь. Не впервой».

Охрана стаамса на входе проводила её удивленным взглядом.

По огромным ступеням вверх, направо, потом налево, прямо-прямо-прямо. Группа наставниц навстречу. Какой-то старый лев. Вот и вход в покои амарах.

Арасси открыла тяжёлую дверь, но охрана, стерегущая покой амарах у входа, остановила.

— Её высококосятельство, скорее всего, уже отдыхает. Час уже ночной.

Охранник — молодой лев, хорош как на подбор — несильно держал её за плечо.

Не секрет, что многие охранники, некоторое время послужившие в дисциплинарии, привыкали к постоянному присутствию Ашаи-Китрах и начинали воспринимать их, как обычных львиц. Поэтому они позволяли себе чуть больше обычного, им это попускалось; тем не менее, это было слишком.

— Лев забрал руку. Лев успокоился. Лев открыл мне дверь.

Те переглянулись.

— Сейчас нельзя, благородная.

— Можно сообразить, что среди ночи амарах по пустякам не тревожат?

Вообще, Леенайни неплохая амарах, по отзывам большинства сестёр и учениц; но именно неплохая, не более того. Но у неё есть несколько сторон, которые не все воспринимают однозначно. Например, Леенайни во многих случаях окружала себя охраной, которая иногда достигала десяти голов. Нет, конечно, по дисциплинарию с охраной она никогда не ходила — это было бы слишком: оскорблением сестринства и проявлением *саахри*; это слово древнего языка переводится сложно, примерно оно обозначает «стремление к дурным сторонам светской жизни». Но вот ночью перед её покоем тоже выставлялась охрана, чего не все могли понять. Ходили слухи, что Леенайни по ночам чем-то балуется. Хотя, вообще-то, Ашаи должна баловаться уже невесть чем, чтобы её попрекали.

Один из них молча пошёл справляться, можно ли пустить неожиданную визитёршу, конечно, не у самой Леенайни, а у её служанок — вход в личные комнаты амарах лвам строго воспрещён. Усевшись на лаву, Арасси закинула лапу за лапу и начала нервно топтать в ожидании. Оставшийся охранник наблюдал за нею. Вдруг хвост неудачно подвернулся, и она наступила на самый его кончик.

— Дрянь, — не стесняясь, выругалась Арасси.

Послышались шаги.

— Благородная может войти.

Леенайни, естественно, было что скрывать, но не сегодня. Этой ночью она просто сладко спала без всяких сновидений, как тут её разбудила служанка-дхаарка, явившись в спальне с подсвечником в руке.

— Безупречная Ваалу-Леенайни, здесь, оказывается, пришли к месту, — сказала она с сильным акцентом и неверными ударениями.

О, сколько упрёков амарах довелось слышать о том, что её служанки — дхаарки. Одна из них так и не могла стройно говорить по-сунгски. Но Леенайни, недоверчивая, ни за что бы их не променяла — так ценила трёх дхаарок за безграничную преданность. А слова служанки просто означали, что «кто-то пришёл».

— О Ваал мой, ну что там ещё?

— Пришли, оказывается.

— Кто?

— Дисциплина из старших лет некая, некая хорошая, я её узнавала раньше, она возле Хетты спит, там, если от Гелейсы к Аумлану слева идти.

Что-что, а Леенайни прекрасно помнила, кто и где в Сиднамае живёт. Видимо, это потому, что она происходила из обычного поселкового рода, а там все прекрасно знают: кто, где и как. И по путанному объяснению служанки, которое для чужого уха звучало набором слов, сразу поняла, о ком речь.

Тем более, что Леенайни ждала её.

— Спасибо, иди. Скажи, чтоб посидела.

Служанка тихо-тихо вышла.

— Пришла таки, — сказала себе Леенайни, поднимаясь, — тянула-тянула. Но не выдержала. Да никто ещё не выдержал. Хух... И среди ночи. Да чтобы вас всех. Спать так некогда будет.

Леенайни просто накинула на плечи меховой халат, небрежно посмотрелась в зеркало, хоть там особо не разглядеть, и пошла к приёмную покою. Следовало выглядеть заspanной-злой — так Миланэ должна окончательно понять ничтожность своего положения и будет согласна на всё ради своей благодетельницы.

«Итак, добро пожаловать к Тайнодействующим, дорогая Миланэ», — подумала Леенайни, открыв дверь в приёмную. И застыла, увидев совсем иную дисциплину.

Арасси, обняв книгу обоими руками, подошла к амарах, пала на колени:

— Моя амарах должна простить за столь позднее вторжение. Но умоляю мою амарах не допустить гибели славной Ашаи — Ваалу-Миланэ.

Она наперёд определила, что и как будет говорить; каждое слово было взвешено и выверено.

— Что-что?

— Ваалу-Миланэ свершила преступление, а потому ей присуждено безупречное Приятие. Не вменяется пусть ей в вину, что я знаю — ей пришлось рассказать: я настаивала, я заставила!

— Напомни своё имя, — качая головой, сказала Леенайни, пытаясь понять.

— Ваалу-Арасси, Сидны дисциплина. Я живу с ней в одном доме. Миланэ — славная, хорошая, верная Ашаи-Китрах; моя амарах, я знаю, что решение уже принято, но пусть у неё будет шанс! Она решила стать дисциплиной без упрёка и смыть кровью свой позор — так пусть станет доброй Ашаи! Она кается, она готова покаяться в своих преступлениях! Вот, прошу, моя великая амарах, — Арасси, стоя на коленях, протянула ей книгу в чёрной ткани.

— Не суй мне никаких подношений! Встань!

— Это не поднош...

— Разве ты не знаешь, что такие вещи должны сохраняться в тайне! Надо уважать решение Миланэ! Она решила очистить свою честь перед Ваалом, сестринством и Сунгами! Кто ты такова, чтобы решать за неё? Если позор становится всеобщим достоянием, то в безупречном Приятии ей могут отказать! Ты об этом задумывалась?

Арасси сложила ладони в жесте мольбы:

— Моя амарах, Ваалу-Миланэ будет вернейше служить Сунгам и сестринству, — стройная речь начала сыпаться, хлынули чувства. — Пусть меня, меня, меня накажут за это разглашение — не её! Я умоляю, я прошу пощадить её. Я люблю её. Я... готова на всё. Вот, — Арасси сделала ещё одну попытку отдать амарах «Снохождение», но уже послабее; но Леенайни не смотрела на неё, потому даже не заметила. — Она достойна быть живой Ашаи, а не мёртвой дисциплирой.

Вздохнув, Леенайни подошла к картине на стене, напротив которой стояла Арасси. Большая картина, в половину львиного роста, классический сюжет, входящий в «Предания»: некая Ашаи-Китрах, неизменно высокая, стройная и красивая, уже не юная, лет так тридцати, в полном облачении, в патрицианском доме, стоит рядом со служанкой, которая предлагает ей отведать изысканные блюда на подносе. Сюжет светским головам казался простым и незатейливым, но по множеству деталей можно определить, что именно задумывал изобразить художник. По кнемидам-сандалиям, одеянию и сирне можно определить, что это — боевая Ашаи, сопровождающая легион в походе, а происхождение у неё весьма простое. По убранству дома можно было сразу определить, что это — обителище знатного восточного правителя, точнее, было его обителищем, а Сунги-завоеватели облюбовали его и превратили в походное жильё для знатных дренгиров Легаты. И служанка-дхаарка (это именно она) предлагает Ашаи покушать, пока никто не видит, по одной простой причине: сёстрам, согласно этикету, нельзя много есть за столом на знатном приёме.

— Ты что думаешь, я не опечалилась, узнав об этой истории? Я долго раздумывала... Маялась! Но устои сестринства должны быть нерушимы.

Леенайни потёрла глаза, оскалившись, цокнула языком и поглядела Арасси в глаза.

— Но, раз такое дело... — взялась она за подбородок в раздумье. — Мне следует тебя немедленно прогнать. Но вы все для меня как дочери! Ваал мой... Что вы делаете со мной! Ты можешь поручиться за неё своей судьбой, Арасси?

— Да, моя великая амарах, безусловно да, — преклонилась Арасси, впившись клыками и когтями в этот шанс.

— Ну что ж, ладно. Я посмотрю, что можно сделать.

— Моя амарах... — продолжила терзать возможность Арасси, как хищница добычу.

— Так! Я сказала: посмотрю, что можно сделать. Как думаешь, амарах Сидны многое может?

— Конечно, конечно!

— Вот то-то, — подняла Леенайни палец. — Если бы хотела сказать «нет», я бы сказала «нет».

Помолчали.

— Да, вот что ещё. Арасси, я смогу на тебя рассчитывать? Ты сохранишь всё в тайне? Надеюсь, понимаешь, сколь я рискую?

— Всё понимаю, моя амарах. На меня можно рассчитывать в чём угодно. Я готова ко всему, я готова на всё.

— На всё? Хорошо. Иди. Тебя здесь не было.

— Пусть Ваал дарит дух моей амарах. Спасибо. Спасибо. Красивой ночи...

Леенайни в ответ махнула рукой. Арасси, совершив глубочайший книксен, поспешила удалиться.

Она аж на улице обнаружила, что «Снохождение» по прежнему с нею. Она не знала, что делать с этой треклятой книгой, и даже мелькнула жестокая мысль сжечь её дотла, как опасность и улику, чтобы разрубить сложный узел простым взмахом. Но быстро одумалась: это может навредить Миланэ, ещё как. Вспомнив, что Миланэ просила вернуть книгу в Марну, Арасси решила оставить её на столе, как ни в чём не бывало; тем более, амазах может знать, что она украла «Снохождение» и потребовать его возврата после Приятия, хотя Арасси уже начала сомневаться, что кто-нибудь об этом знает, что и хорошо и плохо одновременно.

Как бы там ни было, Арасси знала, что у её любви появился огромный шанс.

Вошла в дом, растрёпанная и усталая, но довольная. Унижение, которое пришлось испытать, ничто по сравнению с тем, чего удалось достичь.

Арасси сняла пояс и села на краешек кровати, у лап Миланэ. Спит? Ещё как. Не заметила ничегошеньки. Ну слава Ваалу. Что может быть слаще сна без сновидений?

Осторожно положив книгу на стол, Арасси глубоко вздохнула, словно вдыхая опиум. Пласис сполз по её плечам; догорали свечи. Мира вокруг не существовало, кроме этой комнаты, неё и Миланэ, которая, вопреки своему обыкновению, не спала на животе, но на спине. Живот и грудь мерно вздымались в дыхании, а лицо было столь безмятежно, что счастливыцы мира могли бы позавидовать такой отрешённости.

— Миланэ, я люблю тебя, — прозвучал голос Арасси в тёмной комнате.

Она дотронулась к её предплечью, к ладони. Спящая не могла ответить, потому что спящие отвечают лишь в иных мирах, но не в этом. Но это не мешало Арасси продолжать:

— Да нет, я люблю тебя иначе. Глубже. Ты понимаешь. Я никогда не признавалась тебе. Почему, да? Хорош вопрос... Всегда уважала твои взгляды на любовь, отношения... Кроме того, у тебя были львы. Тот же Тай. И есть сейчас. Я боялась испортить наши отношения, ты ведь умеренной крови Андари, — Арасси беспомощно развела руками, — ты почитала меня за сестру. Но раз жизнь сотворила с нами штуку, то ты должна знать.

Она глядела на спящую, наострив уши.

— Не знаю, смогла бы я полюбить льва столь же сильно, как тебя.

Вдруг, словно испугавшись, Арасси торопливо пересела на свою кровать, переделась в ночнушку и пождала под себя лапы, выглядывая в окно.

— Ей лучше не знать, ей лучше не знать... — приговаривала шёпотом. — Мы потом об этом поговорим...

Вдруг промелькнуло в душе, что этого «потом» может не быть.

«Времени у меня и так не осталось», — подумала Арасси. Пришло на мысль, что то же самое может сказать любое смертное существо: и которое умрёт завтра, и которое умрёт через пять десятков лет.

Ни у кого из нас нет времени.

Глава XXI

— Миланэ, Миланиши, просыпайся!

— Аааа... Что? — зашевелилась Миланэ; одну руку она совсем отлежала, и по ней бегали неприятные мурашки; перед глазами встала привычная светло-жёлтая стена.

— Не проспи, соня. Сегодня начинается наше Приятие, — говорила ей Арасси, по-доброму и певуче, словно маленькой львёне.

Это было странно.

Вдруг утро накатилось на неё, мощно и быстро, с помощью воспоминаний: да, она вспомнила всё, всё, что предстоит.

— О, нет. Только не это. Сегодня, — вырвалось совершенно само.

Арасси что-то суетилась по дому, её шаги раздавались чуть ли не повсюду.

Миланэ повернулась.

— Почему я так крепко спала? — щурилась она от слабости, сонливости, утреннего света и довольно скверного самочувствия.

Оказывается, Арасси уже приготовилась уходить; стоя посреди комнаты, ждала, когда Миланэ посмотрит на неё.

— Ты куда?

Вопрос был не из тех, которые нуждались в прямом ответе. Просто Миланэ рисовала это прощание... как-то по-другому. Ей и в голову не могло придти, что Арасси может просто так взять и пойти. Она не знала, что должно быть... Но какое-то прощание... Слезы! Взаимные всепрощения...

«Она ведь знает, что мы больше не увидимся! Мы не будем видеться с этого момента о кровь моя о Ваал мой а теперь она стоит посреди комнаты чуть ли не улыбается неужели это Приятие совершенно всех сводит с ума, неужели ей всё равно и плевать что со мною будет как так можно мы с нею прожили столько лет я ей столько рассказала, да она единственная знает о лике моей судьбы и что же — плевать?! Как так как так что происходит в этом никчёмном мире чтобы он провалился со всеми его дурными выходками где тебя подстерегает опасность за каждым углом и нельзя проснуться поутру чтобы не расплакаться от горя... Ага, теперь-то все заживут живым нет дела до мёртвых и борьбы погибающих мы все заботимся о собственных хвостиках хорошо это или худо. Предки, болит голова... ещё бы ей не болеть... Я умру ещё до Приятия, я заболела и слягу... Я могу притвориться беременной или больной. Я так выкуплю себе немного жизни. Я могу отказаться от Приятия... Я жить хочу, но мне нельзя. Я жить хочу, а нельзя. Ха. Ха-ха. Смешно. Не смешно...»

Арасси всё что-то суетилась, бегая по дому, потом снова вернулась в комнату.

— Круг Трёх встречает меня в Зале Огня в десять. Тебя встречают в полдень, не забудь. Мне пора. Часы только-только прозвенели девять.

Арасси подошла и поцеловала в щёку безвольную, сонную и притихшую от близкой темноты Миланэ.

— Миланиши, только не делай глупостей на Приятии, ладно? Всё будет хорошо. Я тебе записочку накропала, почитаешь. Пошла. Удачи, Милани!

— Тебе тоже, — бессознательно ответила она.

Хлопнула дверь и всё стихло. Умерло.

— Что за... — Миланэ поднялась на локтях и так, полужёжа, осмысливала своё положение.

Дела...

Следовало собираться. Миланэ быстро и споро приступила. Всё, что можно, уже передумано. Всё, что можно было сделать, сделано. А что не сделано — уже поздно. Письма в столе. Арасси найдёт. Если захочет. «Снохождение», оказавшееся почему-то на столе (Миланэ вообще не помнила, когда успела его переставить, ведь читала в кровати), перепрятано в сундук. Пребывая здесь-и-сейчас, она делала всё ладно и хорошо. Одеда пласис, купленный в Марне; подвязала стамп, заткнула сирну; не стала баловаться с тентушью; умастилась сандаловым маслом за ушами; взяла белую тунику свободного кроя, длинный кусок белой материи, приготовленные ещё год назад; ключ не стала брать, вообще ничего личного — всё бросила, кроме северного амулета, который спрятала в складках туники, сама не ведая зачем, ведь потом его не оденешь. Впрочем, почему нет? Нужно будет незаметно надеть и спрятать под одеждой. Да, Миланэ взяла его из вредности и насмешки: когда её, мёртвую, понесут на сожжение, то увидят северный амулет на груди, и это будет забавно. Да, больше: Круг Семи может заметить его на самом Приятии, и это будет ещё забавнее, если они поймут, что это за вещица.

Нет, это уже сумасшествие.

Безумие, упорство, отвага, чувства, умные доводы — всё смешалось в сознании Миланэ. Страшно уже не было. Единственное, что сейчас всерьёз огорчало, так это прощание с Арасси. Право, верно говорят: дисциплины с ума сходят от этого Приятия (Миланэ сейчас поняла всю нелепость сей церемонии, как и всех церемоний вообще); вот и Арасси не выдержала того, что вскоре станет сестрой.

Начала читать её записку:

Милая Милани,

прежде всего хочу выразить тебе свою настоящую...

Тут постучались в дверь.

Понимая, что никакой текст, изъясляющий настоящее, великое сожаление, трагическое прощание не может начинаться этим безгранично пресным «...прежде всего хочу выразить...», а потому скомкала записку и кинула в угол, не глядя.

«Кровь моя, какая чепуха вся эта дружба львиц, всё это сестринство и прочее».

И стало легко, даже как-то залихватски.

Стучался посланец Админы, проверяя, вышла ли дисциплина. Миланэ поздоровалась с ним и сразу пошла к стаамсу.

На первом перекрёстке — а это почти сразу, надо миновать лишь три дома — её, по старой традиции, встретили две дисциплины; теперь они заменяют всех подруг-учениц — остальным нельзя приближаться, даже всяческие пожелания считаются дурным тоном. Сегодня они ей будут помогать, пока не начнутся испытания.

Ими стали Ваалу-Шаана и Ваалу-Аратта. Миланэ неплохо знала первую, хуже — вторую; тем не менее, её как-то успокоило и настроило на менее бунтарский лад то, что именно они пришли сегодня провожать до Круга Трёх. Миланэ вообще-то хотела всячески попаясничать и нарушить традиционное молчание, которое должно храниться на протяжении всего пути: рассказать ученицам пару шуток; спросить что-то у них; если они не захотят говорить, наболтать какой-нибудь пакостный монолог — не всё же в душе держать. Да и в целом не хотелось видеть никаких «подруг», чтобы их всех бездна сожрала.

Но с этими дисциплирами она так поступить не могла.

Шаана, несмотря на свои то ли двадцать, то ли двадцать один, уже имела великую известность в Сидне, как Ашаи, подающая величайшие надежды — «звезда духа», как говорили наставницы. Её талант в том, что ей удавалось всё. Более того, она хороша собой; о личных качествах нечего и говорить — все отзывались о ней в самых приятных комплиментах; плохо наговаривали только откровенные негодяйки, которым никто не верил.

Аратта чем-то напоминала Шасну, только более мягкой и благородной породы. Держалась эта львица чрезвычайно порядочно и отлично одевалась, не пышно или вызывающе, а с большим вкусом, что отмечали все, даже совсем далёкие от таких тем. В дисциплирии её знали как мастерицу мансуры и траурного церемониала; в этом она, надо признать, превосходила Миланэ. Из мансуры она извлекала настолько душераздирающие звуки, что холод и волны по спине ощущали даже бывалые наставницы, не говоря уже о светских душах.

Да, это были именно те ученицы, хорошие, очень хорошие; она не могла перед ними дурно себя вести; Миланэ вдруг осознала, что сделает всё, как *надо*, определённо зная, что это — конец; в этом будет её великий триумф над жизнью и смертью. Паясничанье ушло под лёд. Её не будет, но *они* будут — возможно, они будут удачливее и сильнее? Незачем показывать им пропасти — они сами найдут их.

Вошли в стаамс; в Зале Встречи оказалось необычайно многольвино; многие Ашаи косились на Миланэ, но делали вид, что не замечают. Традиция. Сели на лаву у стены, возле огромного, восхитительного панно на тему самой великой, Хтойской войны, потому что оставалось целых полчаса к полдню.

Молчали, смотрели прямо, всё как полагается. Вылитые статуи.

— Простите сёстры... подскажите, пожалуйста, как здесь попасть в Админу? — робко подошла незнакомая ученица-сталла, наверное, буквально вчера принятая в дисциплирий, совсем ещё юная; да что там юная — маленькая, лет тринадцать, не больше.

— Прямо-прямо-прямо, через внутренний двор. Не сворачивай, — посоветовала Миланэ.

— Большое спасибо.

— Береги себя, ученица, будь охотна.

— Ам... Спасибо.

Эта краткая беседа, запретная с точки зрения традиции (вместо неё должны отвечать ученицы-помощницы), как-то привела Миланэ в чувство, оживила. Страшно захотелось выговориться, подытожить всё, что было прожито; нет, она не верила, что достойна гибели, она всегда считала, что сестринство должно следовать давнему изречению: «Пиши слабости своих сестёр на песке, а безупречности — на камне». И разве попытка узнать то, как всё *на самом деле*, пусть даже наивная до чрезвычайности — столь великое преступление для Ашаи-Китрах?

«Я лишь пыталась быть верной, сильной, волящей Ашаи. Не собиралась я к предательству; не собиралась стать не-Сунгой; не собиралась удалиться в отщепение; не собиралась стать шаманаей; не собиралась идти против сестёр, ибо сама такова; я лишь пыталась указать, что современная Ашаи — нечто, что должно превзойти; я ведь видела иные миры — не безумна ведь, лишь просто честна! Почему мои сёстры убивают меня?»

— Сёстры, я должна... нужно сказать...

Ох да, сколько всего хотелось сказать.

Шаана и Аратта, наострив уши, глядели на неё, растерянную и израненную от борьбы. Вдруг они в одночасье, не сговариваясь, сжали её ладони: Шаана слева, Аратта справа; Шаана сплелась с нею пальцами, Аратта обняла целую ладонь, возле запястья.

— Тёмные воды душу омыли, Миланэ, — Шаана.

— Поток их сносит тебя к водопаду, Миланэ, — Аратта.

— Ты направишь стрелу своей воли, Миланэ, — Шаана.

— У твоего духа — алмазные когти, Миланэ, — Аратта.

— И ты сразишь ими лик страхов, Миланэ, — Шаана.

— Ты умрёшь и возродишься вновь, Миланэ, — Аратта.

У неё застыла кровь, она не могла пошевелиться. Казалось, никакие слова утешения, сочувствия или жалости не смогли бы сейчас помочь. Более того, они вызвали бы только раздражение.

Но это не были слова утешения.

Меньше всего это было утешением.

Эти слова призвали её. Ранее вокруг витали мрак и сплошное отчаяние. А теперь Миланэ обнаружила, что она не распласталась ниц, в ней нашлись хищные дерзость и смелость; и её жизнь не была копошением в уютной низине веры, а преодолением скалистых склонов горы жизни...

Вдруг они нестройно, но осторожно отпустили руки Миланэ, а она почувствовала, что к ним кто-то приближается.

Это оказалась Ваалу-Миальси, молодая наставница светского этикета и этикета Ашаи; дисциплины старших годов знали её плохо, ибо она прибыла в Сидну после обязательного пятилетнего служения не более, чем год назад; выглядела она ненамного старше своих подопечных.

— Вы с ума сошли!

Она чуть нагнулась к ним и громким, злым шёпотом начала отчитывать:

— С ума сошли — междусобойчики устраиваете, а ведёте дисциплину к Приятию! Тссс. Глядите лучше на время, чтоб не опоздать.

Ученицы кивнули.

Немного выждав, Миланэ сначала поглядела на Шаану, потом на Аратту, в поиске их взгляда; но теперь они смотрели прямо и вниз, как полагается.

* *

У огромных дверей Зала Огня Сидны — никого. Это не случайность — так положено.

Ваалу-Миланэ без слов передала своим помощницам нехитрые вещи — её руки должны быть полностью свободны. Теперь она должна войти сама, далее невольно иметь помощниц; на этой тропе веры невозможно иметь помощниц.

«Сколько это шагов?», — помыслилось ей.

Надо пройти путь до Круга Трёх. Совершенное одиночество этого пути должно превратиться в одинокое совершенство.

Двумя руками она толкнула створы дверей; они поддались необычно легко, и тут можно даже заподозрить нечто знаковое, мистическое, сверхсущностное, словно бы сам Ваал приходит на помощь. Но на самом деле известно: с той стороны тихо-тихо

помогают два служителя, которые потом как можно незаметнее прячутся, ибо Зал Огня должен быть пуст: лишь дисциплина и Круг Трёх, что начинает Приятие.

Оглядываться нельзя — таков обычай.

Зал Огня Сидны: он велик, он величествен, он прекрасен. Сидна стоит на земле семь сотен лет — достаточное время, чтобы зодчие создали достойное; этому Залу Огня всего ничего, лишь три сотни. Это колоннада, стремительные своды, пол гранита, высота нефа в два десятка львиных роста, ничего лишнего; огромные витражные окна, полутемень, светотень, холодные серые стены; величие Сунгов. Вот центральная дорожка — *найсида*, что ведёт к Чаше Ваала — великой чаше, в которой почти всегда горит огонь, зажжённый игнимарой.

Наверное, нет такой церемонии, как Приятие в своей целостности, столь переполненной условностями и обычаями, которые нигде не прописаны, даже в Кодексе и многих иных книгах Ашаи, но почти обязательны к следованию, ибо так ты будешь «вести себя верно», согласно аамсуне.

В совершенно пустом Зале найсида вела к трем сёстрам; они находились возле Чаши. Около сотни шагов. Можно идти как хочешь: быстро или медленно; помня о формальностях походки или напрочь пренебрегая ими; с грустным или весёлым ликом; размахивая хвостом или поджав его; глядя вниз, глядя вверх, глядя прямо; как угодно. Нельзя лишь делать остановки в пути.

Она не раз слышала, что этот путь для многих Ашаи оказался чрезвычайно сложен. Многие сёстры утверждали, что лучше бы в начале Приятия было полно голов, а не только Круг Трёх — в одиночестве трудно идти. Нет, ничего подобного — Миланэ просто пошла, помня о походке Ашаи, которая должна быть свободна от скованности; эту скованность истравляют многолетними упражнениями. Теперь она очень хорошо поняла смысл многих церемоний. Они позволяют не размышлять, они позволяют отдаться течению. Она не думала о гибели, о страшных вещах, о том, что будет и что могло бы быть; она просто делала то, что должна, и это занимало всё сознание, не оставляя иного.

Шаги стучали в тишине.

Сёстры Круга внимательно наблюдали, как она приближается. Здесь нет правильного способа приближения, каждая ученица подходит по-своему. Круг Трёх должен увидеть в её походке и повадках то, что позволит принять одно важное решение.

В древнейшие времена ученица подходила к наставницам тогда, когда считала себя готовой. Конечно, теперь такого своеволия нет — много воды утекло со времён тех ярых Ашаи древности. Это превратилось в обычай: когда ученица приблизится на двадцать один шаг (не больше, не меньше) наставницы перестают наблюдать за нею и принимаются за беседу, которая должна выглядеть, как абсолютно непринуждённая (безусловно, каждое слово выверено). Полагается беседовать о Ваале, о вере, о чести, о величии Сунгов и тому подобных вещах (Круг Трёх, в подавляющем большинстве случаев состоящий из малознакомых, а то вообще незнакомых между собою сестёр, определяется с темой загодя).

Её глаза увидели, как сёстры отвернули взоры, а уши услышали:

— Вне сомнений, сестрины: злая ирония, что Ашаи-Китрах во все времена приходилось пролетать между горой преданности Сунгам и пиком истинной веры.

— Мне не доводится видеть здесь разницы, сестра. Преданность Сунгам — истинная вера.

— И я не понимаю, отчего здесь надо пролетать. На этих высотах нужно жить.

К ним должно быть три шага. Три.

Миланэ свершила классическую остановку: на левой лапе нужно прервать движение, а потом перенести вес на правую, словно сделав шагок назад, левую несколько мгновений подержать в расслабленности, а потом принять нужную позу.

Она встала просто: лапы ровно, хвост долу, ладони сложены у живота.

Не только и не столько они изучали Миланэ, как она их. Им не предстояло сделать в жизни великого шага в пропасть, они лишь делают то, что должно; ей же, дочери Андари, воспитаннице Сидны, надлежало переступить грань. Потому её чувства обострились, а взор обрёл остроту; пробудились силы, жила своей жизнью эмпатия.

Злая судьба должна быть последовательной. Если тебе в один ужасный вечер сказали, что выбор невелик — или сломать судьбу, или погибнуть из-за собственных глупомелких проступков, то ничего хорошего от жизни больше ждать нельзя. Но она оказалась саркастичной, а не последовательной. Нет бы дать в Круг Трёх каких-нибудь вздорных, спесивых и глупых сестрёнок во главе с наставницей, которую Миланэ совсем не любит, ну вот та же Ваалу-Миальси вполне бы сгодилась; нет, в её Круге Трёх собрались потрясающие сёстры: Ваалу-Верисса, старшая сестра, наставница игнимары, яркая львица возраста силы с вечной самоуверенной ухмылкой, которая, впрочем, очень ей шла; вторая сестра, судя по всему, из Криммау-Аммау, очень благородного вида; и третья сестра, в очень необычном пласисе — левая сторона черна, правая — бела, а глаза абсолютно порочны — таится в них злобная мудрость. Пласис этот — да, это на грани, почти эпатаж; но понравилось, что-то в этом есть.

Миланэ ранее и мечтать не могла о таком сильном Круге Трёх, эта троица сразу располагала к себе. Верисса — отличная наставница игнимары, которая не наставляла Миланэ, но они хорошо знали друг друга, как знают между собою умелицы одного дела. Сестра из Криммау-Аммау, чувствовала Миланэ, принадлежала к тем, кто достоин уважения: сестра, которая многое знает, многое понимает, со многим смирилась и старается быть... старается *быть*. Кем именно являлась третья сестра, сказать было невозможно, но она точно непростая душа.

«Воистину, как жаль, что их усилия напрасны. А они этого не знают... Кровь моя, какая насмешка».

— Восславим Ваала, наставницы, — взгляд сквозь них, в никуда.

— Велик Ваал, ученица, — все три взора обратились к ней. Они будто «удивлены», обнаружив здесь Ваалу-Миланэ.

Небольшое молчание.

— Зачем ты пришла, ученица? — спрашивает Ваалу-Верисса.

— Ваал указал мне дорогу к Приятю.

— Назови свой номен, ученица.

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, — ответила, чуть не сказав «...из рода Нарзаи».

— Велики те, кто подходят к концу испытаний, — вторая сестра.

— Ведь Ваал поощряет смелость идущих, — третья сестра.

— У кого ты училась тропам Ашаи? — Ваалу-Верисса.

— У Сидны сестринства я имела честь обучаться, — отвечает Миланэ.

— Помнишь ли ты все заветы наставниц? — Верисса.

— Старалась внимать прилежно и сильно.

— Готова ли ты к испытаниям Приятя?

— Готова.

— Тогда не вижу сил, что могли бы преградить путь.

Наставницы переглянулись. Верисса чуть кивнула. Сейчас важный момент — должна зажечься игнимара, и её пламя должно добавиться к огню Чаши. Миланэ знала, что сейчас, в большинстве случаев, это делает сама ученица, но это не совсем согласуется с традицией: если по-настоящему, то они должны зажечь игнимару вместе, соединив ведущие ладони, что весьма и весьма непросто. Слабая игнимара — не редкость. Более того — норма. Поэтому, во избежание конфузов, традицией пренебрегали.

Но Миланэ стало понятно, что всё будет, как надо.

Верисса закатала рукава пласиса, её примеру последовали остальные. Миланэ протянула не одну, а две сложенные ладони, ибо у неё игнимара горит одинаково хорошо на любой руке. Заметила удивлённый, мелькнувший взгляд сестры из Криммау-Аммау. Наставницы приложили ладони к её протянутым рукам и чуть присели на одно колено.

Теперь самое сложное — их игнимара должна возжечься почти одновременно.

— Иас. Иас. Иас, — опытная Верисса сразу начала заговаривать простую энграмму для игнимары; каждое слово отдавалось колючей волной в затылке и спине, и эти волны уходили к рукам, затепляя их.

Ещё. Ещё. Милани с закрытыми глазами ощутила нестерпимый жар в ладонях, который внезапно прошёл.

Совместная игнимара нескольких Ашаи — чарующее зрелище. У каждой из них цвет пламени индивидуален, набор оттенков устанавливается ещё в отрочестве и почти не меняется до конца жизни; изменение цвета вообще считается очень сильным знаком, как правило, дурным. И в совместном возжжении цвета перемешиваются, ярко играют: доминирует то один, то другой. Пламя становится выше и ярче, достигая высотой в половину львиного роста.

Два... Три... Четыре... Пять...

Служители зажгли от их огня два маленьких церемониальных факела и, поднявшись по ступеням, окунули в горящую Чашу. Смысл в этом чисто символический — она и так пылала всю.

Восемь ударов сердца. Долго.

Они разомкнули ладони, огонь угас.

Сестра из Криммау-Аммау приложила цепко сложенные ладони ко лбу, неистово потирая их. Видимо, её мучил тот самый колючий, пренеприятнейший озноб после игнимары, от которого иногда просто спасу нет. Три львицы-служительницы подошли, держа широкие чаши с холодной водой — это хорошо помогает. Верисса, судя по всему, чувствовала хорошо, сестре в черно-белом пласисе тоже было всё нипочём. Миланэ жгло и покалывало ладони, но терпимо. Сестра Криммау мучилась, но смочить ладони отказалась, и служительницы тихо удалились.

— Ваал дал нам знак, сёстры. Ладони этой ученицы несут пламя Ваала, потому она достойна испытаний, а испытания достойны её.

Первый отрезок строгой, ритуальной части — окончен.

— Очень хорошо, сестры, — начала Верисса. — Ваалу-Миланэ, позволь представить твой Круг Трёх, что зажёт звезду твоего Приятия. Меня ты знаешь. Это, — она указала на сестру из Криммау-Аммау, — Ваалу-Хильрара-Майная, наставница медицины и фармации в Криммау-Аммау, а ещё — добрая мантисса, особенно на крови.

Это — Ваалу-Скади, сестра из Тобриана, которая не отказала в чести и прибыла свидетельствовать Приятия учениц, несмотря на занятость: Ваалу-Скади служит Сунгам, опекаясь самым большим в Империи приютом для душевнобольных, — Верисса вздохнула. — Я тебя знаю, Ваалу-Миланэ, как добрую дисциплину. Ваал осветит твой путь. Не имей страха. Скоро ты станешь сестрой.

Верисса сделала шагок назад, приглашая к слову остальных сестёр Круга.

Начала Хильрара:

— Плохо оплачивает наставнице та, которая всегда остаётся лишь ученицей, — голос её хорошо отточен, как и всех воспитанниц Криммау-Аммау. — Пришло и твоё время стать сестрой Ашаи-Китрах. Всё эти годы ты должна была чувствовать благодарность сестринству — так тебя учили. Но теперь мы хотим выразить благодарность тебе — ты пронесла свои знамёна через долгие годы, отдав детство и юность учению, — с этими словами Хильрара совершила книксен, и её примеру быстро последовали остальные сестры Круга. — Ты слушалась наставниц, ты служила Сунгам, ты не совершила проступков, — эти слова гулким эхом прозвучали в сознании Миланэ. — Сестринство благодарит тебя. Ты справишься.

Несмотря на очень простую речь, Хильрара сразу оставила неизгладимое впечатление. Здесь было главное — она не лицемерила.

Осталось слово для Скади.

Та внимательно, въедливо, чуть смешливо смотрела на неё. Необычной оказалась мимика: она была чуть преувеличенной. Сама Скади не была красивой в прямом смысле слова, но и не отталкивающей. Её пласис — Миланэ присмотрлась — оказался таки смелым эпатажем, но этот эпатаж смотрелся на ней натурально. Для чужого уха необычно и пугающе звучало место её служения, но здесь ничего удивительного: Ашаи в разы лучше выявляют больные и слабые души. Можно сказать, мастерство сестринства на этих угодьях не оставляет светским головам никаких шансов. Также Ашаи уверенно распознают симулянтов, а некоторые душевные расстройства лечатся методами Ашаи-Китрах очень хорошо. Более того, Ашаи-Китрах всю свою историю проявляют большой интерес к ненормальности, к душевным феноменам и отклонениям. Немудрено, ведь Ашаи не скрывают: основательница сестринства, Ваалу-Вирис, была душевнобольной.

Ашаи — не только дочери Сунгов и Ваала, но и больной умом львицы.

— Знание мира очень важно. Мы смотрим на мир вокруг себя, потому что так велено львиному роду — знать. Видишь ли, тронутые душой — это те, кому говорят, что они не видят того, что на самом деле видят, и не чувствуют того, что на самом деле чувствуют, из-за чего они окончательно трогаются умом. Их знание мира натывается на препоны: оно не встречает понимания у остальных. Таков ужас. Потому призвание Ашаи — знать больше иных, понимать больше иных, а если Ашаи будет много прислушиваться к толпе, то тоже тронется. Дааа, ты ведь об этом знаешь, ведь знаешь. А то многие полагают: всё, что должна делать Ашаи — вести себя хорошо, согласно аамсуне. Так ли? Ой ли. Это мелочь. Аамсуна — важно, но это мелочь, внешнее. Важное у Ашаи: воля и знание.

Речь её оказалась путанной, но чрезвычайно уверенной.

— Что стоит на пути воли и знаний? — неотрывно смотрела она на Миланэ. — Первое: идольд львиного рода — все то, что обусловлено природой львиного разума и сознания. Второе: идольд пещеры — все те заблуждения и суеверия, что присущи отдельной душе. Третье: идольд рынка — влияние толпы. Четвертое: идольд театра

— влияние балагана, который царит повсюду; повсюдное искривление истины, намеренное и ненамеренное, различными дурнями и паяцами. Пятое: идолъд веры. И если первых четыре могут быть свержены Ашаи, то пятый для них свергнуть невозможно, ибо само назначение Ашаи-Китрах предполагает веру. И что же? Ашаи веру превращают в волю. Веру в то, что это так-то и так-то, мы превращаем в волю, чтобы оно стало так-то и так-то. А от воли рукой подать к силе. А от силы — к знанию. В этом величие сестринства — помни.

Краем глаза Миланэ старалась усмотреть, как именно отражаются такие речи на облике остальных двух сестёр.

Но те бесстрастны, как подобает.

Тем временем Скади ещё призадумалась.

— Можешь врать, иногда себе нужно врать — что таить, так есть, и так будет. Но душа твоя должна быть нелжива, — изрекла она и отпустила взгляд, дав знать, что речь окончена.

— Спасибо, сёстры, — кивнула Верисса и дотронулась к подбородку Миланэ. — Я не знаю подробностей твоего первого испытания. Нечасто, но такое бывает. Указано, что сегодня, после Круга Трёх, ты должна явиться в больницу Сидны, к наставнице Ваалу-Мирне. Указано, что к заходу солнца ты должна явиться в Аумлан, где начнётся твоё второе испытание. Там будешь пребывать, пока за тобой не придут для третьего испытания.

— Спасибо, наставницы.

— Присядь, Миланэ, размысли о вере. Дай нам краткое время.

Дисциплина присела, а они отошли.

Почти всё. Но осталось ещё кое-что.

Ученица, начинающая проходить испытания, издревле отмечалась особой отметкой — большой полосой от макушки до переносицы, а также узорами под глазами и на шее. Со временем узоры стали необязательными, но нанесение большой полосы стало неуклонной традицией. И вот именно сейчас Круг Трёх, разузнав и прочувствовав её личность, должен решить, какой именно цвет подарить ей для отметки. Всего цветов — семь, каждый обозначает некую добродетель Ашаи: синий, чёрный, тёмно-фиолетовый, коричневой охры, тёмно-зелёный, серебряный и ярко-алый.

Этот обряд, с точки зрения канонов, не является чем-то особенным, лишь небольшой частью ритуала начала Приятия и данью далёкой-глубокой традиции. Но ученицы, на самом деле, с ума по нему сходили. Символизм каждого цвета раскладывался по косточкам; каждая бесконечно представляла, какой именно цвет ей будет подарен; некоторые сёстры после Приятия занимались долгой рефлексией по поводу того, какой именно цвет дал Круг Трёх и почему он выбрал именно его; эта тема оказывалась очень популярной у дисциплин старших годов. Из-за этого обряд несколько раз пытались искоренить, однажды — лет сто назад — почти удачно, но в итоге всё вернулось на круги своя.

Стоит отметить, что цвета распределяются действительно неравномерно. К примеру, синий цвет, обозначавший истину, верность и преданность, даётся очень часто. Также вполне обычным является чёрный цвет — символ силы, власти и строгости. Тёмно-фиолетовый цвет, обозначающий благородство, часто назначается ученицам патрицианского происхождения, а также тем, кто имеет великие достижения в позах и жестах, танцах, и кто вообще крайне хорошо смотрится среди львиного рода. Коричневый означает мать-землю — сдержанность, милосердие, доброту; он кра-

суется на переносицах учениц, что имеют склонность к целительству и фармации. Более редкий гость — тёмно-зелёный, самый смутный по значению из всех цветов, потому шутят, что его дают тем, кто ни в чём не может проявиться; но общепринято считается, что он воплощает знание, надежду, благополучие, добрый нрав. Одни полагали, что получить его — обидно, другие — что это сулит удачу.

Самые редкие: серебряный (искусность, яркие таланты) и ярко-алый (огненная смелость, отвага, ярость души, опасность для врагов). Злые языки поговаривали, что серебряный цвет редок из-за дороговизны и сложности изготовления такого пигмента; что касается ярко-алого, то он был, наверное, самым дешёвым и доступным в изготовлении. Но его редкость объяснялась не только тем, что дисциплина должна иметь нетривиальную сумму качеств, но и очень важной вехой истории сестринства и Сунгов. Именно его четыреста лет на Приятии получила Ваалу-Наамзира, одна из почётнейших фигур в истории Ашаи-Китрах...

...Четыреста лет назад, во время великих побед, завоеваний, достойного богатства и подъёма Сунгов, во время сильного Сената, никто и подумать не мог, что к власти может прийти жестокий, алчный к удовольствиям, мести и полубезумным выходкам, и — самое главное — умный тиран-Правитель.

Имя его было Тастас.

Эту страницу в Имперской истории Сунгов считают самой позорной; светские историки не любят её освещать, всячески пытаются подогнать объяснения, как это могло случиться. Но Ашаи-Китрах напротив — считают её показательной.

К власти он пришёл тихо, неслышно, без шума; он был вторым наследником предыдущего Правителя. Старший брат не мог стать Рукой Ваала, ибо ещё будучи подростком, упал с лошади и сильно ушибся головой; настолько сильно, что стал полностью слабоумен, и Ашаи-Китрах вместе с докторами некоторое время пытались исцелить его, но безуспешно, после чего сжалились и подарили кроткую смерть.

Так Тастас, неожиданно для себя, стал наследником и первейшим кандидатом на верховную власть. Вкратце говоря, никаких усилий к взятию власти Тастас не делал, она ему свалилась сама, как множеству иных Императоров-Правителей. Все считали его недолгой, переходной фигурой, концом династии Тентерианов, Сенат и высшие круги Империи готовились к долгой возне за предводительство, и Тастасу была уготована недолгая, спокойная власть, длительностью максимум в десятилетие, после чего ему бы тихо-рассудительно предложили не противиться воле Великого Сената всех прайдов Сунгов и без истерик, добровольно уйти на прекрасный, заслуженный покой с бесконечным досугом.

Никто не учёл нескольких вещей. Воспитывался он не матерью, а ненавистными тётками и всяческими няньками, постоянно переезжая с места на место, в детстве много болел и страдал от сильных ушных болей, которые не могли унять даже самые сильные средства; и, самое главное, Тастас ненавидел всех, потому что сызмальства его не любил никто. Власть, неожиданно попавшая в когти, стала единственным, ради чего стоило поиграть в игру жизни.

Обладая врождённым талантом к сокрытию намерений и сплетению выгодных интриг, Тастас убрал ближайших конкурентов, в том числе родного дядю. Под множеством благовидных предлогов он создавал верную ему группу, потихоньку подминал Сенат и очень удачно сеял в нём раздор.

Первыми недоброе учуяли, как всегда, Ашаи-Китрах. Они уходили «в тень», согласно давнему выражению, если Правитель Сунгов переставал действовать так,

как им нравилось. Но Тастас, оказалось, отлично сумел управляться с ними; выросший среди львиц, научился с ними обходиться, в смысле ненависти и интриганства. Он отлично пользовался разногласиями между Вестающими и влиятельными группами сестёр, а также слабостью тогдашней Высокой Матери.

За три года он изменил расстановку сил до неузнаваемости.

Высокая Мать поначалу не решалась выступать прямо против воли Императора; все считали, что она «выжидает удобного момента». Но потом для многих стало большой и неприятной неожиданностью, что Высокая Мать вдруг поджала хвост и перешла на его сторону, произнеся хвалебную речь на Церемонии Нового Года после Ай-Юлассая. Уже тогда над Тастасом собрались тучи дурной славы и страха.

Несмотря на внутренние раздоры, большинство Ашаи-Китрах, от простой сестры в посёлке до любой марнской Вестающей, не могли принять этого. Поняв свою ошибку и осознавая, что вскоре ей суждено тихо погибнуть от яда, заботливо подлитому в вино, Высокая Мать сделала беспрецедентный доселе поступок — сбегала прочь, пропала, словно в воду канула. Это оказалось настолько большим ударом для львиц Ваала, что по Империи прокатилась волна самоубийств Ашаи-Китрах самых разных возрастов и положений, что разуверились в идеалах сестринства.

Тастас очень умело воспользовался этим. В своих речах он неустанно повторял:

«Ашаи-Китрах — только самки. Это надо помнить всегда. Всякого льва, который превозносит львицу выше себя, мы называем глупцом. Тогда почему мы хотим остаться в дураках рядом с Ашаи-Китрах? Они говорят, что должны служить? Так пусть служат, как могут, не смея мудрствовать».

Он не хотел слышать давней мудрости: «Кто из Правителей пойдёт против сестринства — обречён». Он хотел перевернуть эту мудрость: кто пойдёт среди Ашаи против Правителя — обречены.

Легата была сильна, как никогда. Она вершила великие победы на западных границах Империи, расширяя их. Тастас присваивал все победы, впрочем, всячески обхаживая воинов, позволяя им почти всё, и регулярно путешествуя по западу.

Это возымело великое действие на многих Сунгов.

Сестринство очутилось не только «в тени». Оно оказалось в настоящей опале. Многие Вестающие пошли на уступки действующей власти, роль сестринства в теневой стороне политики крайне умалилась, сёстры начали прогибаться. Казни и пытки при Тастасе стали обыденностью, нередко этой участи не могли избежать и предвзвешенно разоблачённые (или изгнанные) Ашаи.

Кроме того, проявилась тяга Тастаса к вполне определённой форме насилия. Он, благочинно имевший в супругах двух патрицианских тихонь, обожал тащить на ложе или насиловать Ашаи, причём именно их и только их; причём он выворачивал всё так, что подобное всегда было обязательством Ашаи-Китрах, и не только по отношению к нему, но и к остальным Сунгам, в первую очередь — воинам. Учёные Марнского университета по его указу собрали доказательства, что-де в древности у Сунгов так было заведено: Ашаи должны всяко слушаться Руку Ваала и раздаваться Ему да воинам. С этой целью он особенно любил посещать дисциплинарии под благовидными предложениями.

Для дхааров настали несладкие времена (Тастас их ненавидел).

Казалось, Тастасу был уготован быстрый конец. Но не тут-то было.

Всеми в Империи овладел всеобщий страх выступить супротив и появилась наив-

ная вера в то, что это просто «перемены» и «возврат к сильным нравам предков». Кроме того, победы Легаты убеждали Сунгов, особенно низшие слои, что «всё, как надо». Несогласных сестёр ставало всё меньше. Остальные либо молчаливо соглашались с положением дел и плыли по течению, либо полностью уходили от общественной жизни и заботились только о каждодневном.

Среди несогласных оказалась новая Высокая Мать, избранная впопыхах и в суматохе. Она во многом являлась креатурой самого Тастаса, который уже тогда успел глубоко пустить когти в дела Ашаи; тем не менее, она втихую примкнула (но не возглавила, что уже странность) к несогласным.

Сначала появилось множество планов по убийству Тастаса. Задача казалась сложной, но выполнимой, ибо убить льва, даже такого властного — не столь хитрое дело: все живые — смертны. Но дело оказалось много сложнее. Политические противники оказались разгромлены или пребывали в жалком состоянии. Криминальные круги боялись братья за сложнейшее дело и прямо утверждали, что при этом Правителе чувствуются вполне неплохо. На радикальных светских заговорщиков (которые должны существовать при таком тиране!) выйти не удалось, несмотря на мощнейшие связи сестринства. То ли они таились крайне глубоко, то ли их... просто не было. Недовольные патриции и сенаторы сразу шли на попятную при намёках на объединение усилий против Правителя. Все смельчаки находились либо на войне, обогрив славой себя и всех Сунгов, либо были казнены. Более того, Тастас быстро пронюхал, что Ашаи начали сплетать ему смерть. Поговаривали, что у него была личная мантисса, из числа предавших сестринство. Он знал, что Вестающие, в своём большинстве — против него, потому пользовался их услугами чрезвычайно осторожно. Отравить его оказалось делом невозможным: пищу готовили самые доверенные головы, и то он приступал к еде после нескольких проб; молодая Ашаи, попытавшаяся это проделать по поручению сестринства, была найдена убитой самым мучительным способом.

Удивительно, но Тастас не чувствовал себя загнанной серной, напротив, он наступал на сестринство; это обескураживало несогласных Ашаи-Китрах, они не понимали его уверенности. Он небезуспешно колол сестринство, как орех. После нескольких провалившихся покушений он не только не забился в угол, но начал ещё больше куражиться.

В невесёлых мемуарах тогдашних Ашаи писалось:

«Страшный сон. Книги Злой Памяти переполнены».

Именно в этот момент, на шестой год правления Тастаса, в истории Сунгов появляется Ваалу-Наамзира, воспитанница Криммау-Аммау. Классическое описание её внешности гласит, что она слыла привлекательной, небольшого роста, помеси тобрианской и сунгкомнаасской крови, слегка худощавой, с отличительной чертой — у неё всегда были чуть видны верхние клыки, что, вообще-то, считается недостатком в красоте; есть два её портрета, выполненные художниками ещё в дисциплирии. Происходила она из обедневшего благородного рода. Приятие у неё было ранним даже по меркам тех времён — в двадцать лет, после чего она отправилась в маленький городишко на западе, Томст. Там стала Ашаи рода для магистра городка и отвечала почти за всё, ибо сестёр в городке оказалось всего две, считая её. Доподлинно известно, что она сочувствовала сопротивлению сестринства и была вполне осведомлена о ужасном положении во верховной власти Сунгов; тем не менее, как многие обычные Ашаи, ничего не могла поделать и продолжала жить

дальше, не особо заботясь.

Всё круто изменилось, когда в несчастный Томст пожаловал Сам, Его Вечность, Правитель Сунгов, ведомых Ваалом, Длань Ваала, Вершитель Судеб Протекторатов и Доминатов, Завоеватель земель, Император Тастас. Наамзира узнала об этом заранее, за несколько дней. Одни говорят, что прознала мантикой, другие — что просто шла молва. Как бы там ни было, она загодя отдала единственного полуторогодового сына в надёжные руки, понимая, что пока Правитель будет в городе, то продыху никому не будет, в том числе и ей.

Тастас очень любил забавляться, приглашая различных низких положением Ашаи на завтраки, обеды, ужины или просто так; больше всего он любил это делать при путешествиях в Империи, ибо в Марне ему все надоели. Он мог вести с ними обходительные беседы; либо наоборот, пуститься в полный сарказм и всячески унижать. Он мог похвалить, мог и приказать изгнать из сестринства, что совершали его подхвостки, старшие сёстры при дворе, наспех собирая Круг Семи и придумывая повод. Конечно же, не обходилось без омерзительных сцен, непристойных намёков и насилия.

Так Ваалу-Наамзира попала к нему на ужин. Свидетели тех времён сообщают, что держалась она очень просто, словно пришла в гости к другу-лавочнику. Следуя своим прихотям, Тастас распорядился усадить её возле него и устроил нечто вроде допроса: кто такая? откуда родом? как тебе здесь? есть лев, любишь его? а что лучше — опиум или южный кррсагн? Наамзира не только не отступила, но вполне начала поддерживать диалог, и вскоре они разговорились. Потом Тастас приказал гостям веселиться дальше до полуночи (и не дай Ваал кто-то уйдёт раньше), а сам забрал с собой Наамзиру.

Ну, всем всё понятно, никто и ухом не повёл.

Уникальность истории Наамзиры была не только в том, что существовало множество свидетельств современников о тогдашних событиях. Она также вела записи; большинство из них пропало, но некоторые сохранились и вошли в общий свод, составленный исследователями и почитателями позднее, с названием «Триумф воли».

...Хотела убить его в тот вечер, далеко не отходя. Но сразу наткнулась на препятствие. Тастас очень бережётся, нельзя подступиться просто так. Сирну на входе в походный шатёр забирают (внимание: он никогда не спит в помещении в малых городах. Только форты, крепости, т. п.). В личных комнатах всегда десяток стражей. Вообще оказалось, что мою сирну на том ужине не забрали лишь по величайшему недоразумению, из-за этого, как позже я узнала, несколько стражей попали на каторгу...

Случилось неожиданное: Тастасу понравилась Наамзира, и он забрал её с собой.

Записи свидетельствуют о чрезвычайном присутствии духа у Наамзиры: рассуждала она спокойно и методично; понимала, что пока не пришло время, нужно быть как можно ближе к Тастасу, а это значило только одно: мастерское подыгрывание. Так и было. Тастас продолжал развлекаться, путешествуя по западу Империи, но Наамзира стала для него кем-то вроде фаворитки. Более того — советчицы. Она

демонстрировала надменность по отношению к остальным Ашаи, пренебрежение и на пару с Тастасом издевалась над ними.

Спустя луну они вернулись в столицу. Появление новой фаворитки произвело фурор среди высшего света, местных Ашаи, что прогнулись под Тастаса, а тем более это взбудоражило сопротивление, ибо до этого Наамзира была всем незнакома, являясь обычной воспитанницей Криммау-Аммау. Все считали её обычным увлечением Правителя, но он вдруг объявил на одном из пиров, что намерен взять Наамзиру в супруги. Хотя никто не посмел возражать, он тут же поведал, что в давние времена правители прайдов вполне сожительствовали с сёстрами. И вообще, брак Ашаи и Длани Ваала очень символичен, так что здесь в запрете Ашаи на брак можно сделать исключение. Да. Но, впрочем, никто особого значения не придавал — увлечения Тастаса были крайне ветрены. Что касается Наамзиры, то её считали очередной подхвосткой, не стоящей внимания; добродетельные сёстры давно уже заклеили её, как ещё одну негодяйку, предавшую Ашаи-Китрах.

Через несколько дней одна из столичных Вестающих с безмерным удивлением сообщила своим сёстрам, что в сновидении с нею связалась Ашаи, что находится подле тирана. Надо сказать, что Вестающие тогда уже поголовно перешли на сторону сопротивления, поэтому его падение было лишь вопросом времени. Удивление её состояло в том, что разговор в сновидении считается недоступным простым Ашаи-Китрах; постфактум Вестающие признали, что Наамзире Ваал подарил возможность встания, чтобы свергнуть тирана.

Так Наамзира дала о себе знать. После долгих размышлений с нею связались наяву, устроив встречу в тайных комнатах марнских терм; Вестающим, с их огромными возможностями, это оказалось под силу. Наамзира сообщила, что ей требуется помощь, ибо просто так ни яд, ни оружие к Тастасу не пронесёшь. Высокая Мать (которая тоже пришла на встречу), Вестающие, сёстры сопротивления и Наамзира договорились, что объединят усилия и отправят диктатора к предкам.

По сути, все эти сёстры, несмотря на огромные последующие усилия, лишь стали свидетельницами поступков Наамзиры, которая практически всё сделала — волею случая — сама. Ей пришлось, играя роль, вместе с Тастасом оскорблять Высокую Мать, которую тот вызвал для «важного разговора», узнав, что сестринство не на шутку плетёт заговор; он обещал её казнить, если она не успокоит «своих сук»; Наамзира, смеясь, заставила Высокую Мать целовать свой хвост, утверждая, что вскоре именно она станет главной Ашаи, как только превратится в супругу Тастаса. Тому идея очень понравилась, и он отдал распоряжение готовиться к великой церемонии и пиру, которого ещё не знали Сунги.

Изначально Наамзира планировала отравить Императора вином. Это отражено в её записях, которые она вела *амстунгом* — шифром, ключ к которому был у сестёр сопротивления. Сестринство весьма быстро нашло путь для передачи эссенции строфантина. Поскольку тот всегда пил с нею из одного кубка, у Наамзиры не существовало иллюзий на свой счёт. Вообще, в этом и заключается величие Наамзиры — в её записях нельзя найти и тени сомнений насчёт собственной смерти. Она лишь хотела, чтобы эта смерть стала приговором для Тастаса.

К большому несчастью, служанку, которая проносила яд в дворец, волею глупого случая поймали на горячем. Тастасу прислуживали Ашаи-предательницы, которые в своё время из страха поддержали его, а теперь им было некуда деваться. Они знали толк в скрытных способах убийства и умели их раскрывать. Служанка не знала, кому

именно назначался яд, и это спасло Наамзиру. Понятно, после этого случая бдительность в дворце возросла. Тастас разместил охрану прямо в спальне, а сам спал с мечом у изголовья и кинжалом на голени. Спал он всегда сам, не допуская даже Наамзиру, а тем более супруг, которые давно уже жили затворнической жизнью в южной резиденции. Но Наамзире он, в целом, доверял, в своём понимании доверия, конечно.

После превращения в триумфатора западной войны его стали интересовать только пиры, развлечения и оргии; дворец Императора начал напоминать кичливую и пошлую обитель какого-нибудь варварского конунга. Но надо сказать, что на пирах и оргиях он больше любил посиживать-наблюдать; непосредственно сам предпочитал развлекаться в одиночку; как правило, это были одна-две куртизанки, которые свозились со всей Империи, или какая-нибудь Ашаи (или несколько), самых разных возрастов, происхождений, служений и положения. Больше всего ему нравились дисциплины, которые под тысячу и одним предлогом затаскивались в дворец. Практически всегда при этом присутствовала и Наамзира, которой приходилось брать самую активную участь — Тастасу так нравилось.

Казалось, если та решилась убить Тастаса, не думая о себе, то сложности особой нет. Надо лишь взять что-нибудь острое и дело за малым. Но всё оказалось не так просто. Оружие в дворце было под строгим запретом, кроме стражи и самого Императора. Ножей к блюдам не подавали. Яд вообще искали даже там, где его и помине быть не могло. Всякую львицу, которая должна была посетить Тансарра, осматривали самым дотошным образом от ушей до когтей лап. Для Наамзиры существовала поблажка — она могла входить к Самому в лёгком одеянии без осмотра. Но тот сам совершал осмотр, делая вид, что обнимает. Остальным запрещалось приближаться к нему ближе, чем на десять шагов.

Тем временем, Тастаса начали донимать ночные кошмары, а здоровье его сильно подорвалось — стараниями многих сильных Ашаи, в том числе и Вестающих, в сны ему приходили подарочки. Практически каждую ночь он вставал с жуткими воплями, правда, мало-помалу он — живучий, сволочь — привыкал. Тем не менее, так ему оставалось не слишком долго. Возможно, сложись всё иначе, Наамзира бы просто дождалась его смерти, так и не исполнив личную задачу, но оставшись в живых.

«...В эти дни попросил спать с ним. Он в первый раз меня о чём-то попросил — я насторожила уши. До того лишь распорядился. Надо сказать, ночью ревет как львёнок, я его притишаю и утешаю. Ходит под себя. Хорошая работа, сёстры», — писала Наамзира в те дни. — «Всё спрашивает, что делать с ночным сном. Говорю всякое, пустое. К великому сожалению, продолжает осматривать меня, нет ли оружия или острого. Я не смогу задушить его подушкой. Всё, доступное в спальне, слишком ненадёжно...»

Но вскоре произошло событие, сыгравшее ключевую роль. Одной из дисциплин Сидны, что посещала Марну по будничным, прозаичным делам, не повезло попасться на глаз опричникам Тастаса. Долго ли, коротко ли, но ей вручили приглашение, от которого невозможно отказаться. Дисциплина явилась без промедлений; никто не знает, была ли она столь наивной или столь смелой, но явилась в полном

облачении, с сирной, вела себя гордо и вызывающе; когда ей намекнули, зачем она явилась, та наотрез отказалась и объявила происходящее балаганом. Её тут же упекли в застенки, а ручные Ашаи собрали Круг Трёх, чтобы изгнать несчастную, ни в чём не повинную дисциплиру из сестринства. На это пришёл полюбоваться Тастас — ему нахвалили красоту пленницы. Он приказал Кругу Трёх поскорее заканчивать, ибо у него появились на неё свои виды; Тастас также распорядился позвать Наамзиру, та сразу пришла; он попросил её убедить красотку, что не стоит слишком строптивиться, ибо иметь побитых ему не нравится, и вообще, ему нравится, когда самка со всем согласна. Играя роль и смеясь, Наамзира подошла к сестре духа, но та проявляла характер, и плюнула Наамзире прямо в глаза.

Исследователи и почитатели далее расходятся во мнениях, потому что в дальнейшем свидетелей тех событий оказалось ничтожно мало. Достоверно известно, что руки у дисциплиры были связаны, а сирну у неё не забрали; известно, что эта дисциплира, дочь рыбака, имела привычку привязывать ножны сирны особым узлом, намертво, и это могло сыграть свою роль. Также известно, что Наамзира «возмутилась» и начала хлестать её по щекам, а также трясти, на что дисциплира лишь рычала. Находясь прямо подле неё, Наамзира вытащила её сирну и как-то припрятала у себя.

Всё кончилось тем, что дисциплиру изгнали, исхлестали кнутом, вывезли и выбросили в лесу в десяти льенах от Марны. Великая загадка, зачем её вообще оставили в живых; к сожалению, ей это не помогло, и она умерла от горячки в ближайшем посёлке, обрывчато поведав, что случилось. Её история оказалась столь невероятна для обывательского уха, что ей не поверили.

Через два дня Тастас был мёртв.

Многие подробности остались тайной. В ту ночь он снова мучился кошмарами и с ним снова спала Наамзира. Известно, что среди ночи раздались его крики и хрипы, которые охрана услышала сразу; обнаружили Тастаса исколотого, с разрезанной шеей, в которую впилась сирна. Ашаи сидела на краю кровати, вся в крови, и пила что-то из кубка. Её сразу поволокли в темницу, но уже там она упала в слабость и умерла к утру.

Уже к вечеру того дня Ашаи-Китрах объявили о сути случившегося, быстро совершили переворот и совместными усилиями со светским сопротивлением поставили управлять Сунгами одного из сенаторов. Дворец сразу взяла Легата. В нём было обнаружено множество ужасных вещей и доказательств. Тело Наамзиры нашли в темницах; на середине её хвоста обнаружили ленты цвета шерсти, назначение которых поняли не сразу — именно ими она намертво привязала сирну к хвосту.

Её сожжение прошло с величайшими почестями. О её поступке гласилось в каждом уголке Империи: несколько дней Вестающие передавали только сообщения о Ваалу-Наамзире, указывая распространять их повсюду. Приверженцы Тастаса вмиг разбежались. Записи, переданные ранее, частично сохранились у сестёр сопротивления, частично были найдены в её личных покоях, рассованные по тайникам и углам.

...Многие из сестёр рассудят и осудят: как могла я жертвовать кровью близкой мне духом, не только взирая без внешней страсти, но ещё надругаясь? Так отвечу, не в оправдание своё, а в назидание будущим Ашаи: если мы не сразим эту чернь, что возомнила себя Дланью Ваала, любой ценой, то можно будет сказать, что всё сестринство погибло, ничего от него не оста-

*лось. Но знайте: так не будет. Будет так, как возволит Ашаи.
Если сыновья Сунгов не могут убрать варвара на тронце, то
сделают это дочери Сунгов...*

Биографию Ваалу-Наамзиры изучали с величайшей дотошностью. И установленная истина, мелочь промеж иных: на её Приятии, когда ещё никому ничего не было известно, и мир казался велик и прекрасен, она получила алый окрас на переносице...

...Миланэ преклонялась, глядя перед собою на два шага, как и полагается при позе криммау-аммау. Но тут она услышала, что наставницы о чём-то... спорят.

Любопытство взяло верх, она украдкой подняла взор.

Скади, сопровождая речь размашистыми жестами, что-то доказывала Вериссе. Та стояла, застыв с вытянутой рукой, в которой нечто держала схожее на маленькую чашечку; похоже, именно в ней был пигмент для окраски.

— Нет, нет, нет.

Хильрара, судя по всему, держала нейтралитет и слушала обоих.

Миланэ слышала всё плохо, фрагментами, ибо уши прижаты, как положено.

— Но...

— Для неё... не знаете!

— Не слишком... чувствовала...

— Нет, — отрицала Скади. — Только...

В конце концов, тихо вмешалась Хильрара, и Верисса развернулась, жестом призвав к себе служителей; Миланэ миг снова стала смотреть вниз.

Заминка была неожиданной, странноватой: при таком важном ритуале не должно быть несурзностей.

Сестры Круга Трёх, наконец, подошли к ней. Она из криммау-аммау перешла в «позу безволия и отдачи» — омраани-аммау, при которой просто встаёшь на колени; она разрешена Ашаи только для строго определённых мгновений, всё остальное время сестринству не вольно вставать на колени, как каким-то рабам или дхаарам.

Ваалу-Миланэ закрыла глаза и ощутила холодное прикосновение между ушами. Скользкое и холодное, прикосновение продолжало путь ко лбу, потом к переносице и окончилось у самого носа.

— Входящая к нам пусть не имеет сомнений.

Всё. Испытания начались.

Ни слова больше не говоря, не оборачиваясь, сёстры Круга просто удалились, оставив её в полном уединении. Где-то гулко хлопнули двери, Миланэ поднялась. Дотронувшись к холодному, поглядела на палец; на нём остался ярко-алый след пигмента с киноварью.

* *

Когда она шла к больнице, то все, абсолютно все делали книксен, равняясь с нею. Обычай. Все они видели знак на её лице, все понимали, что сейчас дисциплина на великой стезе испытаний.

Миланэ, правда, совсем не замечала всех этих книксенов и взглядов уважения.

Нет, невдомёк. Как можно убить львицу за то, что она заглянула в книжку без спроса? Так, погодите, любой может сказать, что есть выбор: можно умереть, а

можно уйти. Но ведь уйти — равносильно смерти. Это будет совсем другая Миланэ, которая не будет знать, что и как ей делать в мире. Не так ли?

Её начала смешить глупая абсурдность бытия.

В приёмной встретили с чрезвычайной обходительностью и осторожностью, будто Миланэ была больной, а не дисциплиарой в Приятии. Светские служащие отвели её к Ашаи, что расслаблено возлегала на ротанговом кресле на заднем дворе; сидела она спиной к Миланэ.

«Хм, первое испытание в больнице. Даже не знаю, что может быть. Неужели фармация? Ох...», — разочарованно думала дочь Андари. Скука же. Она до вечера будет возиться со ступками, бродить по холодному погребу (в котором всегда чихаешь от мелкой травной пыли), а это успело надоесть ещё много лет назад.

Испытующей оказалась Ваалу-Серетта. В дисциплирии все знали Серетту как мерзкую характером склочницу с замашками старой девы; наставляла она целительство и врачевание, но делала это неважно, преимущественно занимаясь безнадежно больными. В дисциплирии она засиделась, пребывая тут не менее десятка лет, что, вообще-то, запрещено канонами. Также поговаривали, что она и впрямь старая дева (в этом её, кажись, уличила одна из правовидиц), что тоже, вообще-то, запрещено канонами — Ашаи перед Приятием должна знать льва хотя бы раз. Серетта не была старой, лет под пятьдесят, но выглядела воистину на все семь десятков.

Стало чудовищно жаль, что вести первое испытание дано именно ей. Глупый, неуместный сарказм судьбы, и резчайший контраст с её воистину великолепным Кругом Трёх.

Равнодушные, безучастные глаза посмотрели на дочь Андари.

— Восславим Ваала, наставн...

— Восславим. Эх.

Она ничего не говорила, и Миланэ-Миланиши вдруг села напротив неё, не ожидая приглашения. А что такого.

— Это тебе красную краску на нос дали, да? — с какой-то базарной любопытцей, даже завистью спросила Серетта.

— Я не знаю, наставница. Не смотрела, — бесстыдно и с наслаждением соврала Ваалу-Миланэ.

— По поручению сестринства даю тебе первое испытание. Согласно твоим талантам. Иди в термы, — говорила она, рвано и кисло. — Через полчаса. Не больше. Там придёт важный военачальник Легаты. Прямо из Марны. Ты умеешь стальсу, — полупропорительно сказала она, цокнув языком. — Сделай так, чтобы он остался доволен. Одна из комнат малого зала. Кажется, вторая слева. Да пребудет с тобой Ваал.

— Спасибо, наставница. Я отчитаюсь по завершении.

— Отчитайся, — с брезгливым вздохом сказала старая дева.

Это правда. Потому она ненавидела всё молодое, а особенно Миланэ с её известно «каким» талантом к стальсе.

Прошла по аллее сотню шагов, свернула направо.

Термы Сидны, как и вообще вся Сидна, построены на тёплых водах, которые известны на всю Империю. Главные термы (ведь есть ещё несколько маленьких) представляли собой плоское каменное здание, изнутри почти всюду облицованное мрамором.

Прошла она совершенно несознательно, не думая. В чувство её привёл лишь давно знакомый запах вод.

«Это уж издевательство», — крутилась одна мысль в голове.

У иных учениц всё иначе. Они получают на первое испытание что-то красивое, интересное, например: провести три бракосочетания; создать каллиграфическую композицию; возглавить Церемонию Нового Года в небольшом городке; провести Церемонию Славления; и так далее. А тут? Не было никаких иллюзий. Кто-то так решил подшутить над нею перед неизбежным. С точки зрения канонов здесь всё безупречно: стальса талант? — талант; может использоваться во благо Сунгов? — может. Значит, он вполне достоин стать предметом испытания.

А ещё этот идиот точно приставать начнёт, и снова будет скандал... фу.

Жизнь, вообще-то, невероятно пошлая штука. Как ни живи — всё равно измараться в грязи.

У служителей она получила всё необходимое: несколько полотенец, хитон; совершенно бездумно и наугад выбрала первые попавшиеся масла, но улыбнулась алиптере, мастерице масел и благородных запахов; она всегда поддерживала со всеми алиптерами самые лучшие отношения, а они хорошо знали Ваалу-Миланэ. Ей подсказали, в каком именно помещении малого тепидария надо ожидать льва, видного военачальника, в отличии ортус-миллиара. Миланэ точно не помнила всего этого военного табеля о рангах, но безусловно, что это некто весьма важный. Приехал в Сидну поправить здоровье, как водится. Так многие делают.

В термах в это время дня — пусто.

Вошла в малую комнатку тепидария, небольшую, десять на восемь шагов, с потолком в два роста. В центре — огромный мраморный стол, с двумя большими ступенями по бокам (стальсу почти никогда не делают стоя). У входа — белая занавеска. Села на тёплую мраморную скамью.

Хотелось есть.

На потолке собирались капли. Слишком влажно, надо отдёргнуть занавеску.

Взяла в руки полотенце, начала рассматривать.

А если брать глубже? В древности первое испытание не было пустой формальностью, препятствием перед испитием сомы. Это было полнокровное, зачастую рискованное отведывание доли Ашаи; это могло быть полноценное служение, во время которого ученица делала абсолютно всё то же, что и сестра. Оно запросто могло длиться луну. Но со временем оно выродилось в небольшую проверку таланта, не в последнюю очередь потому, что ученицы на протяжении жизни и так проходят массу всевозможных служений, а испытания длительностью даже в неделю для пяти десятков учениц уготовить не так-то просто. Первое испытание превратили в символ.

«Отлично. Символ. Другим-то повезло с символами. А что досталось мне?»

Да. Так есть. Кому-то в жизни достается всё. А кому-то — ничего. С этим ничего не поделать, на то и существует в мире зависть. Ничего не остаётся, кроме как принять судьбу. Как сказала Ваалу-Хильрара из Круга — нести свои знамёна достойно. Знамена. Достойно. Она славная Ашаи, она знает, о чём говорит. А эта Скади... Кровь моя, у неё глаза были такие влажные, острые, сверкающие. Такие у тех, кто много веществами балуется. А ещё у сновидиц такие, наверное.

Миланэ начала оборачивать полотенце вокруг ладони в иную сторону.

В её жизни было много славного. И она тоже старалась быть славной, но — что поделать — судьба-злодейка решила её утопить, как котенка в мешке. Увы, она проиграла; видимо, создана для иной жизни, в иное время, в ином месте. По крайней мере, она знает, когда и как умрёт. Хоть какая-то определённости. Нет, про-

силь пощады она не будет, никакого ухода — в сестринстве до конца. Она и слова никому не скажет о своём проступке, ибо одни осядут от ужаса этой глупости, другие — от хохота. Эх, и всё это из-за «Снохождения», будь оно про... Так, оно здесь ни при чём. Кто, зачем и когда запретил эту книгу — неважно. Важно то, что всё, что там писано — правда. Простая, нагая истина, вовсе не воспринимаемая самой создательницей, как чудо. А за истину, как видно, можно и крови лишиться.

Эх, знали бы все эти дураки и паяцы, что «Снохождение» она у-кра-ла. Ха-ха-ха! На пару с Амоном украла. Точнее, он для неё украл. Ах, Амон...

«Бросить всё. Оставить за хвостом. Немедленно... Плевать на гордость, на пред-рассудки, на саму себя — я хочу жить».

«Не смей. Так ты сдашься. Так все они окажутся правы, а ты жила понапрасну».

«Плевать на то, кто чем окажется. Как глупо знать, что погибнешь, и идти к смерти!».

«Мы всю жизнь знаем, что идём к смерти и погибнем».

«Но мы делаем всё, чтобы жить. Я хочу быть с Амоном, приехать вместе с ним домой, хочу спать с ним до помрачения, ходить по полям и улицам, пойти на охоту, нарожать ему детей и поиграть с ними. Ваал мой, мне двадцать четыре, да уже двадцать пять, а я...»

«Тебе невольно было выбирать. Ты стала Ашаи-Китрах не по своей воле. Такова судьба».

«Вот именно! Не по своей воле!»

«Но потом приняла звание — иначе бы не прошла весь путь. Ты ведь не жалуешься, что родилась львицей в этом мире, и тоже приняла это. А могло ведь быть похуже — поверь. Есть иные миры, где рождаются в куда более печальной форме».

«Да... Я приняла. Это правда...»

«Кто ты?»

«Я?»

«Ты».

«Я — Ашаи-Китрах».

«Но кто такие Ашаи-Китрах?»

«Достойные дочери Сунгов, избранные славить Ваала и нести его пламя другим».

«Нет, больше. Ты знаешь — Ваала нет. Ты сама убедилась в этом. Кем станут Ашаи-Китрах, если у них забрать Ваала?»

«Не знаю. Никем».

«Врёшь. Кем станут Ашаи-Китрах, избавь их от Ваала и тьмы веры Сунгов?»

«Львицами духа... Знающими миры, намерение, силу... Сновидящими... Шам...»

— Чего ты ревёшь?

Миланэ быстро убрала пальцы, которые приставила к вискам.

— Не бойся. Не кусаюсь.

Это был большой, нескладный львище с ухмылкой поселкового задиры. Длинный кусок ткани он тут же скинул, представ, в чём мать родила.

— Доброго льву дня.

— Доброго.

— Меня зовут Ваалу-Миланэ-Белсарра, я...

— Отлично, — улёгся он.

— Льву когда-нибудь делали стальсу? — помотала Миланэ головой, набросив на себя маску улыбки.

— Ещё как делали, — по-свойски устраивался он.

— У льва нет болезней спины, увечий?.. Вот, маленькая кила, верхняя поясничная треть, — отвлекшись от открытия масел, она потрогала его спину.

— Да, есть такое, дорогуша.

Она прекратила исследовать спину.

— Дорогуша? — ладони покоились на его пояснице.

— Ага, — повернулся он.

— Лев знает, что так говорить львице неучтиво, а тем более — Ашай?

— Лев всё прекрасно знает, — он мощно прижал её к себе, да так, что краешек стола больно впился в бедро.

— Не надо...

— А я слышу мольбу: «надо, надо»...

Она мгновенно схватила его за сильный подбородок, как львёнка.

— Не надо, не надо взывать к моим безднам, иначе отринутся.

Тот оцепенел.

— Слушай мой голос, слушай мой сказ. Ты убрал руку. Ты слёг плашмя. Ты изгнал себе волю прочь, потому что так велено Миланэ Непобедимой, Миланэ Несразимой, Миланэ Неустрасимой.

— Да я сейчас...

— Смотри мне в глаза, скот. Смотри мне в глаза. Смотри в левый глаз, когда молвит львица духа. Слово моё изойдёт, тогда ты вовек забудешь о львицах.

Отбросила его подбородок прочь, лев отвернул голову в тотальном изумлении. Это было страшно. Очень страшно. Это только выглядит со стороны так, чуть скандально. На самом деле — очень страшно.

— Не советую говорить, что ты чем-то оказался недоволен, — порывисто закупорила она масла.

— Погоди, — рассудительно воззвал лев, очень быстро сообразив и подавив удивление. — Ты это... серьёзно... насчёт «забудешь о львицах»?

Миланэ уселась на край мраморного стола.

— Ничего не будет. Я ничего не сказала. Ты мог просто полежать и получить хорошую стальсу. Что мешало? Что за воспитание, в конце концов? Ты в Сидне, а не в хустрианском весёлом доме!

— Да мне сказали, что ты на всё будешь согласна, потому что у тебя какое-то там испытание и тебе надо меня ублажить, — скороговоркой заговорил лев, — мол такой ритуал. Я не знал. Нет, я порядочный лев. Да — так да. Нет — так нет. Кто же знал.

— Кто сказал? — остро спросила Миланэ.

— Такая старая сестра, там...

— Можешь не продолжать.

Он пожал плечами и уселся тоже, на почтительном расстоянии.

— Извини, если что.

Лев, сложения хорошего и крупного, взял свой кусок ткани и начал разглядывать.

— Она что, так пошутить решила? — почесал шею.

— А что она тебе сказала? — вопрос на вопрос от Миланэ.

— «Для неё это важное испытание», говорила она. «Она сделает всё, чтобы лев остался доволен», говорила она. «Пусть лев не чувствует себя стеснённо», говорила она.

— Серетта — нетронутая самка. Всем дисциплирам козни строит. Особенно мне.

— Почему? — всё же спросил львина, хотя слово «нетронутая» всё объясняло.

— Я долго училась статься, немного смыслю в ней. Мне даже приходилось учиться у великого мастера Эссенди, слышал о таком?

— Нет.

— Замечательный учитель. И здесь, в Сидне, часто приходилось набивать руку на всех подряд: на подругах, на львах из стражи, на ком угодно. Понятно, что обо мне начали ползти слухи. А я — андарианка, по натуре не такова. Но кому что докажешь, да и смысл. Ну вот Серетта возненавидела меня больше, чем остальных. Такая вот. Маленькая. История.

— Да оно видно. Ну, андарианские черты. Мне нравится.

— Спасибо, — довольно равнодушно пожала плечами, впервые за много лет не приняв комплимент, как полагается. — Она пользуется тем, что сегодня — моё Приятие. Если ты останешься недоволен, то можно заявить, что я не прошла первого испы-та-ния, — забавно сложила по слогам.

— Ого. Так Приятие, так это ты как бы становишься... из учениц переходишь в сёстры, перестаешь учиться, да?

— Да.

— Глупо как-то, статься в качестве испытания. Я думал, вы там... огонь на руках жжёте полдня или там церемонии какие-то...

— Полдня не получится, — усмехнулась Миланэ. — Десять ударов — уже много. Самая длительная игнимара — восемнадцать, около того... Согласна, глупо. Я не виновата, что дали такое первое испытание. Я ни в чём не виновата вообще.

— Как люблю говорить: всегда кто-то в чём-то виноват. Ответственность всегда можно припечатать к конкретной морде. Иначе наступает бардак! Да... Ты не грусти. Воин такую милашку не обидит. Я скажу, что всё было, как в сказке.

Она снова пожала плечами. Говори что хочешь, добрая душа. Слова тут бес-ильны.

— Страшный у тебя взгляд. Недаром вас тут учат.

— Страйя. Ты страйю давно не испытывал?

— Давно. Как-то не доводилось особо. Это для вас, безгривых, забавы-безде-лушки. Видение Ваала, все эти штуки. У нас проще. Друг — обними. Враг — убей. Львица — поимей.

— Хах, что ж это — львица не может быть ни другом, ни врагом?

— Нет. Почему. Если львица друг, тогда сначала обними, потом — поимей. Если враг — поимей, потом убей.

— Фуй. Что только выслушивают мои уши?

— Пусть простит благородная, высших школ не оканчивали. Целая жизнь — война.

— Зачем нам столько войн?

— Не знаю. Я давно перестал себя спрашивать. Ты так говоришь, будто бы тебя это касается.

— Я — Ашай-Китрах. Нас это касается, — говорила Миланэ, медленно. — Я была на Востоке.

— О, может ещё варваров видела? Грозноликих? Драагов, шамхатов с реки Нкан, северняков?

Она не ответила.

— Вы бережёте своих Ашай на войне, так ведь? — спросила, когда молчание и

звуки падающих капель стали уже в тягость.

— Очень бережём. Они помогают, конечно. Суеются во всей этой грязи. Они — символ. Не дают струсить. Очень бережём.

— А здесь, — топнула она лапой по полу, указывая место, — не особо берегут. Здесь можно и за просто так кровь отдать.

— Ты о чём?

— Берегите своих Ашаи-Китрах. Мы не безупречны, знаю. Но мы пытаемся. Правда.

Она поцеловала его в щёку и вышла.

Ко всему прочему, пигмент на её лбу и переносице от тепла и влажности потёк, но Миланэ это обнаружила лишь тогда, когда алиптера испуганно указала:

— Най-най, что у сиятельной... здесь, вот здесь? Всё красное...

Дисциплина остановилась, потом поглядела в зеркало.

— Истина бьет по лицу, — задумчиво ответила Ваалу-Миланэ.

* *

Амарах Леенайни нервничала, лучезарно улыбаясь важным гостям из Регулата науки, искусств и веры, которых принимала в трапезной.

Дел в сей день было много, как всегда, но одно не давало покоя.

С этим всё шло не по плану. Миланэ не уходила из сестринства (здесь доброе, всепрощающее слово амарах, возвращающее непослушную дисциплину в стан сестёр, расплылось бы безмерной благодарностью в её очах), не подходила к ней сама (ещё лучше), а просто себе начала проходить Приятие, будто её всё устраивает. Это не связывалось с видением ситуации, это волновало. Такое она встречала впервые, а ведь до этого успела подставить несчастных учениц уж пять раз. Четыре дисциплины подошли сами. Одна решила уйти из сестринства.

А тут что?

Миланэ может наделать глупостей. Она может лишиться себя жизни, всё разболтать, устроить шум, да мало ли что ещё.

Что-то здесь не так.

Улучив момент, вышла из-за стола, и тут — удача — попала под руку Амалла.

— Что там? — набросилась амарах на неё.

— С чем?

— С Миланэ.

Та лишь неопределённо пожала плечами, не понимая.

— Что смотришь? Да говори, наконец.

— Откуда мне знать, что там с ней, Леенайни?

— Как откуда? Ты ведь вела её Круг Трёх!

— Ничего я не вела. Кто мне говорил? Мне не было ни предписания, ни... ты мне ничего не говорила, — растерялась Амалла.

Леенайни в отчаянии стукнула себя по ушам.

О, проклятье. Она за-бы-ла.

Точно.

Она ведь предупреждала, что сама подберет для Миланэ Круг Трёх. Но вчера вечером и сегодня утром оказалась слишком занята, дважды прогоняла порученцев, не дав никаких указаний. И наставницы-распорядительницы Церемоний Приятия, не

долго думая, дали Миланэ совершенно случайных Ашаи для Круга Трёх, что под руку попались, ибо время поджимало. А потом дали ей первое попавшееся испытание, ибо — снова ж таки — время не терпит.

А она о всём забыла.

Отлично.

— Смотри, — воспользовалась заминкой Амалла, как-то робко сложив руки, что тем более странно для наставницы церемониала. — Предлагаю, чтобы ты вызвала её и намекнула, что всё может быть хорошо. Это хотя бы даст ей надежду. Так легче.

— Нет. Я хочу, чтобы она сама пришла ко мне. Она придёт. Обязательно придёт.

— Когда? — задала резонный вопрос Амалла.

Молчание.

— Нужно знать, что там с её первым испытанием. Позови мне, пожалуйста...

— Я знаю, я была возле больницы, служительницы рассказали. Они говорили, что ей красную краску на нос дали, а они видели такое лишь пару раз. Говорили, что она пришла испытываться к Серетте.

— Что? Она ещё и к Серетте попала?! — разозлилась амарах.

— Да.

— А что она ей дала в испытание?

— Стальсу. Кому-то из тех, столичных, — Ваалу-Амалла кивнула на дверь. — Легатной гриве, кажись.

— Грррр, какой баррррд! — ещё больше разозлилась Леенайни.

— Зря ты всё это затеяла, — вдруг молвила Амалла, глядя в окно.

— Что?

— Твоё дело, конечно. Но зачем именно так набирать в Тайнодействующие? Вообще, давай искренне: ответь — зачем нужны эти игры? Зачем ты создала...

— Нравится иметь верных сестёр. Я хочу опираться на кого-то. Я думаю о будущем.

— Ваал, Леенайни, подумай сама: как можно получить верность, напугав до смерти несчастную ученицу? Да, она тебе будет благодарна по конец жизни. Да, она... впоследствии... приложит все усилия, чтобы тебе помочь. Но не проще ли просто заводить добрые знакомства — с твоими-то возможностями! — вместо создания всяких групп внутри сестринства?

— Как раз в моём положении очень трудно заводить добрые знакомства. Поверь.

— Так что, мне намекнуть Миланэ, что...

— Нет!

* *

Она вошла под низкие своды Аумлан-Стау.

Её без слов встретила малознакомая наставница, окраса крайне тёмного, совершенно коричневого, и повела по коридорам, среди серых каменных стен. Тишина в Аумлане казалась звенящей, грозящей. Ей навстречу прошла Ваалу-Сизая — у неё сегодня тоже Приятие. Нос в серебре; это понятно: так танцевать ааш, как она, никто не может и не сможет. Они не общаются, не приветствуют друг друга и даже не глядят — невольно по традиции. Говорить теперь вообще невольно: во втором испытании ученица принимает обет молчания, и оно началось уже сейчас.

О, когда-то оно запросто могло длиться неделю. Ученицу могли бросить среди

ночных холмов в крошечной хижине. Это могла быть пещера на стремительном утёсе или тёмный подвал форта. Могли быть катакомбы. Просто горы. Сиди, ходи, живи и размышляй о своём пути и о будущем. «Ещё не поздно уйти от Ашаи-Китрах», — так наставляли в самом начале испытания и кидали на произвол судьбы.

В современные времена всё проще: в Аумлане-Стау есть отдельные круглые башенки на самом верху строения, с видом на озеро, где надо перебыть, не смыкая глаз, всю ночь. В них есть стул, подсвечник (который можно зажечь только игнимарой), стол — всё нарочито грубое. На столе — Кодекс Ашаи-Китрах. Его можно читать, хотя любая дисциплина знает эту книгу, считай, наизусть. И даже напутственные слова теперь нарочито урезаны до скромного и стыдливого «Ещё не поздно...»

— Ещё не поздно, — сказала тёмная наставница, почему-то слабо улыбнулась и громко задвинула засов.

То же сделала Миланэ изнутри — запирается надо с обеих сторон. Потом осмотрелась, стоя на месте. Обошла вокруг стола, держась на него и виляя хвостом. Серый свет проникал внутрь с балкона, дул небольшой ветер; холодный каменный пол. Она никогда здесь не была, раньше это запрещалось — в башнях уединения Аумлана ученицы могут находиться только перед Приятием.

Вздыхнула, сев на стул. Собственно, ничего не хотелось и не было настроя ни к чему; наверное, стоило думать о жизни, подвести черту, но как-то даже к этому не имелась охота. На всё теперь она смотрела с презрительной решимостью.

«Что с неё, жизни, взять. Родилась — жила — сгинула», — усмехнулась зло и недобро, но вдруг заметила на стенах своей одноночной тюрьмы, в которой ей пришлось коротать время перед вечностью, множество... выцарапанных надписей. Их было так много, что они даже не сразу бросались в глаза — столь ровен и разнобоян оказался их слой. Бросив размышления, она подошла к стенам в великом любопытстве. Какие-либо надписи на стене, да ещё в дисциплинах — та ещё пошлость, но здесь их почему-то (видимо, в назидание и послание следующим поколениям) не трогали. Все они, судя по всему, были выцарапаны острием кинжала; наверняка всякая ученица, попав сюда на втором испытании, сначала недоумевала, потом понимала суть дела, а потом сама нацарапывала то, что считала нужным — если считала нужным.

«Здесь размышляла о пути Ашаи Ваалу-Шен... (неразборчиво), 765 г. Э. И.».
«Пусть исчезнет ученица и придёт Ашаи! Ваалу-Линя, 710 Э. И.». Ни много, ни мало — сто лет назад. *«Най-най, забыла Наумре отдать тентушь!».* *«Ваал велик, мои сёстры! Восстанем же духом!».* *«Здесь я чувствую себя дурой, а ещё могу простудиться. Время Вод! Одумайтесь, наставницы! В.-С.-Д., года не укажу».* *«Люблю безумно Настигая из Хаса! Ты мой зверррр!».* *«Меня не станет, но мир будет. Всем добрых судеб. М.»*

Да уж. Всем добрых судеб. Безвестная М., как я тебя понимаю.

Миланэ небрежно взяла стул, поставила у входа на балкон, прислонилась к холодной, неприятной стене, и закрыла глаза. Начало грезиться: она вовсе не здесь, она не Сунга, не дочь этого мира, а всё в её жизни устроилось по-иному, и стала она Ашаи древности, когда не было места глупым вещам и нелепым испытаниям, а всё было по-настоящему, и она вовсе не сидит в маленькой башне-тюрьме, а стоит у края крутого утёса, где надо встретить семь закатов, а её собрат здесь — лишь ветер...

Её, молодое красивое создание, способное привести в мир себе подобных, умерщвляют по такому нелепому и глупому поводу, которому изумится всякий,

обладающий здравым смыслом; и ещё более погрузится он в трясину абсурда, если прознает, что она согласилась с таким приговором добровольно...

«Взять и разоблачиться, оставив всё за хвостом? О, нет. Я — Ашай; таковой родилась, таковой и останусь. Прости меня, мама; прости меня, Амон. Вам будет печально, но как мне иначе? На чём будут стоять мои миры, если я оставлю саму себя; как может волишь безотважная Ашай? Да, я слишком горда, если будет угодно».

Она вынула сирну из ножен и начала царапать на стене своё.

«Мне суждено служить во славу всех Сунгов. Было. А теперь? Теперь да, теперь я гибну во славу всех Сунгов, ибо сама — Сунга. Да ведь это всё — искусственность, имя, даже хуже — номен; это то, чем нарицают, не более. Номен — слово, не более; но сколь сильное слово, что ради него погибают».

Остановилась ненадолго, потрясла рукой — чтобы царапать по твердому камню, требовались усилия.

«Нет, наверное, они знают, что я украла книгу», — пришла к выводу, скалясь от отвратительного скрежещущего звука. — «Дааа, тогда Арасси может занять неприятности, ведь книга теперь у неё. Я ж её попросила вернуть. Вот глупость».

Она начала плакать, потому что Арасси всегда была её самой лучшей, самой близкой подругой, и если что доверялось самое-самое, то только ей, никому иному. Быстрое, небрежное прощание так впечатлило Миланэ в самом худшем смысле, что она даже не сразу осознала, что к чему, и не приняла боль в сердце. Этот лёгкий взгляд, это вспорхнувшее прощание — и всё?

Слёзы мешали видеть то, что она писала на стене. Впрочем, дело почти сделано.

На стене осталось: «Амон».

— А я тебе признаюсь: никого не любила так, как тебя.

Миланэ сама не понимала, почему так. Как только вспоминала о нём, так сразу брала истома.

— Буду к тебе приходить во снах.

Подошла к столику, бросила на него со звоном сирну, потом вышла на крошечный, полукруглый, каменный балкончик с видом за озеро и села прямо на пол в углу, так что ей остался для обзора лишь кусочек неба, да и тот не видела, потому что обхватила голову руками, крепко прижав уши, и глядела в пол.

«Если бы он сейчас понял, что со мной, прилетел сюда, вскарабкался по крутой стене и сказал мне, дрожащей, идти с ним, то... дааа! Вот тогда я бы убежала. Вот именно тогда. Я бы сдала всю свою волю ему, ему одному, он бы мне говорил, что делать и что не делать, а я только бы смотрела на него снизу вверх, говоря: “Да. Да. Да”. Я бы делала что угодно. Я бы забыла своё имя, но шла за ним. Я люблю тебя, Амон. О, как жаль, что не могу больше придти к тебе в сновидении — времени больше не осталось. О, представь себе, как бы мы вместе приехали ко мне домой, в Андарию, ты бы познакомился с моей мамой; мы бы шутили, сидя за столом, ты был бы остроумен, а я бы тобой гордилась, мама была бы довольна, сияла и хлопотала вокруг, и кто-то бы пустил шутку о том, что пора уже разрешить замужество для Ашай-Китрах, на что ты бы серьёзно ответил, что мы и так будем вместе, ничем не будем обделены, даже больше, и ты ничего не имеешь против моего призвания, оно тебе даже очень по душе, потому что нет ничего сиятельнее величия сестринства, и замужество вовсе не нужно нам, чтобы быть парой, най-най, втай больше того, мы уже хорошо задумались о детях, их у нас будет несколько...»

Маятник мысли качнулся, Миланэ вспомнила о матери.

Род её, по отцу, ничем не блистал. Бесславен род, вообще-то. Когда-то, очень давно, род Нарзаи славился немалым достатком и хорошими добродетелями, но потом, из-за нерадивых отпрысков, скатился вниз и стал ещё одним обычным родом Андари — без больших пороков и свершений. По матери родословная была иной, со примесью благородной крови, правда, изрядно разбавленной; мать, вообще-то, вышла за отца довольно случайно, и две её сестры, тётки Миланэ, холодно встретили сей брак. Поэтому-то Миланэ знала только родню отца, а родня по матери была практически чужой, поскольку там выросла невидимая стена. Род Нарзаи бы не чтити вовсе, а с матерью и считаться бы перестали, если бы Миланэ не превратилась сызмальства в Ашаи-Китрах; мать рассказала потом, по секрету, что злые языки пророчили ей быстрый уход с тропы; потом болтали, что она-де не попадёт в дисциплин; а потом не пройдёт Совершеннолетие. Но когда она вернулась с дисциплинария полноценной ученицей, всяческая родня стала относиться к их семье намного теплее и дружелюбнее, не говоря уже о шуме в родном посёлке. Ашаи в роду всегда считалась очень хорошим, блестящим признаком, особенно в Андари, где даже троюродный дядя — близкая родня, знаком того, что к роду благосклонен Ваал, а поскольку Миланэ была первой Ашаи-Китрах в роде вообще, то мать очень этим гордилась, равно как и отец...

Тут Миланэ поймалась на мысли, что и дальше, совершенно бессознательно, продолжает считать мужа матери отцом. Нет, папа всегда будет папой... Она называла его так всю жизнь. Но её кровь состоит наполовину из материнской, и наполовину — из совершенно неизвестной, и всё, что она знает о носителе этой крови — имя и несколько скупых слов описания. Многие из того, что она о себе знает — совершенная чушь, половина предков — не её предки, имя её рода, если по-честному, вовсе не Нарзаи...

Она посмотрела на уже ночное небо, которое заволочли тучи.

«Когда мать узнает, может сгнуться от горя», — совсем запечалилась Миланэ. — «Я думаю сейчас о себе, о своей гордости. О своих глупостях в голове, да? Амон переживет, все переживут, но как мама?»

Помотала головой, взяла в ладонь кончик хвоста и начала рассматривать, словно диковинку.

«Я вернусь домой, и все будут тыкать когтем: “Ха-ха, мы говорили, что с неё ничего не получится”. Так и будет».

Снова обхватила голову руками.

Что там, за порогом? Неизвестно. Полный экстремум, пустая неизвестность. Миланэ не хочется заглядывать за порог, потому что это страшно. Есть много взглядов, что там есть. Учение Ашаи-Китрах и вера Ваала говорят, что там есть Нахейм для тех из Сунгов, кто вёл себя хорошо, остальные же просто растворятся в Тиамате. Какой он, Нахейм, никто не знает, но все о нём говорят. Некоторые сестры утверждают, что его можно посетить в сновидении, но большинство относится к этому очень скептически. Вообще, в это почти никто всерьёз не верит. Иные говорят, что душа выходит и начинает бродить по миру, пока совсем не ослабеет; но Ашаи знают, сколь эта выдумка глупа, поскольку душа без тела существовать не может — ими же проверено, в этом сестринство знает толк. Если ты больна или болен, то тебе не получится сновидеть и побродить по миру; только в здоровом теле — сильная душа. Ещё говорят, что бояться нечего: смерть — сон без сновидений, очень-очень долгий, очень-очень сладкий. Не боишься ведь того, что тебя не было целую вечность до

рождения. Да, но все забывают, что время летит в одну сторону, и никто не может сказать наверняка, что всё после смерти будет так же, как до рождения.

К сожалению, эти взгляды живой крови однобоки и забавны, так как мёртвые молчат; либо там слишком худо, либо слишком хорошо, либо там пропадаешь навечно. Конечно не надо исключать снов с умершими родственниками и страйю, но сестринству ведь хорошо известно, что всё это — мелькание ума в горе.

— Всё, что относится к телу — бrenно и недолговечно. Всё, что относится к душе — нестройно и изменчиво. Всюду такое, что я не могу понять. И что делать? — спросила Миланэ, сильнее прижав к себе колени.

Так она просидела некоторое время; ей чудилось, что кто-то стучит в дверь, слышались какие-то голоса, и это она вовсе не восприняла за добрый знак. Даже отчётливо послышалось, что её зовут по имени. Поэтому она поднялась и на всякий случай подошла к двери, хотя понятно, что никто в Аумлане шуметь не будет, но услышала только глухо удаляющиеся шаги.

Стало плохо, так плохо, аж до боли в животе и тошноты — так давал знать о себе великий страх. Она поняла, что должна чем-то отвлечься, потому пошла и зажгла свечи, чтобы не сидеть в темноте. Удалось не сразу, так как игнимара не хотела приходить — хозяйка была утомлена и придавлена борьбой, усталостью, тоской. Это немного отвлекло. Миланэ осмотрелась, отряхнула пласис от грязи (ведь сидела на холодном, каменном полу), села как подобает Ашаи, и начала бессмысленно листать Кодекс.

Остановилась. Не потому, что нашла что интересное (всё знакомо), а от внутренней усталости.

Часть вторая, «Сентенции о том, кого собою должна являть во всех смыслах благородная Ашаи-Китрах перед добрыми Сунгами»:

Благородно быть доброй ученицей и славной сестрой, а потому пусть каждая из нас:

хранит верность вере и честь Сунгов, сколь имеет в себе сил;

читит понимание всех вещей мира да их знание;

не будет беззлобной попусту, но тёплой сердцем к своему великому роду;

не знает страха и не знает упрёка перед ликом любых свершений;

помнит о должной скромности и уместном подчинении, потому что всякая Ашаи есть львица...

И тому подобные наставления для всех и ни для кого.

— Славно, — закрыла Миланэ столь знакомый текст.

Предчувствие всё-таки не молчало. Оно говорило, что как-нибудь будет. Что не может быть никак. Что-нибудь да случится. Не будет небытия. Но она ему не верила: в нас всегда сидит страсть утверждать, что всё хорошо, когда на самом деле всё

плохо.

* *

Нет, Ваалу-Амалла так не могла. Её вчистую съела совесть.

После заката она быстрым, нервным шагом прибыла в Аумлан, попросив одного из стражей подвезти её на фирране, чтобы быстрее добраться.

Зная, что кой-чем рискует, тем не менее, Амалла решила, что Миланэ надо обязательно сообщить: всё это — жестокая игра, не более. Оставалось надеяться, что она сохранит тайну, успокоится и пройдёт третье испытание, как подобает. А там будет видно.

Вообще, Амалла сильно пожалела, что в своё время связалась узами дружбы с Леенайни; это давало множество выгод, но лишило одного — спокойного сна. Теперь эти узы уже не дружеские; скорее, зависимость и страх что-то менять. Леенайни, ставшая амарах вследствие череды счастливых случайностей, возомнила многое. Леенайни непременно хотела создать круг преданных ей сестёр, как это сотворили многоопытные амарах Айнансгарда и Криммау-Аммау, но избрала для этого самые изощрённые, странные, иногда — откровенно дурацкие методы. Иные амарах делали круг из любви, преданности, чувства сестринства. Леенайни торопилась и пыталась привязать к себе насильно, положив на кон страх, зависимость. Более того, Леенайни пробовала превратить это в некое подобие ордена внутри сестринства, обозвав круг зависимых и полупреданных ей сестёр «Тайнодействующими»; название глупое и претенциозное, чистая калька с движения Тайнодействующих, что существовало много лет назад и полагало, что Ашаи должны очень активно вмешиваться в дела светской власти Сунгов и, более того, прибирать эту власть в свои руки, а это уже мысль на грани вероборчества. Те, бывшие Тайнодействующие, тихо-мирно прекратили деятельность, знающие говорят — не без «помощи» Вестающих, которым очень всё это не понравилось.

Конечно, «Тайнодействующие» Ваалу-Леенайни — лишь эпигонство по сравнению с прошлыми. Но Ваалу-Амалла, весьма осведомленная о делах и подводных течениях сестринства, понимала, что рано или поздно Вестающие вмешаются, если амарах Сидны зайдёт слишком далеко.

Сомнений нет: Леенайни хочет, чтобы у неё было, «как у них». Это ясно, как день. Но не выйдет. Вестающие — узкая каста, элита в среде элиты, безумно хитрая, коварная и умная, сплочённая. Вот те действительно влияют на светские дела. Вот они действительно имеют огромную власть в Империи. И когда Ваалу-Амалла недавно догадалась, что Леенайни замахнулась на кусок этой власти, создавая свою нестройную клику из самых разных сестёр — по большинству, ещё вчерашних учениц — то ей стало страшно.

Потому в Аумлан она бежала не столько из альтруизма, сколько из эгоистического побуждения: затушить совесть и как-то отмыться от всего, во что успела вляпаться, пребывая в связи с Леенайни и в её Тайнодействующих, куда попала в своё время наполовину от глупости, наполовину из жадности. Она хотела вернуть себе часть спокойных снов.

На её быстрый шаг среди тёмных коридоров Аумлана выглянула одна из старых служительниц — та самая Манзанни.

— Где Ваалу-Миланэ? В какой башне? — потребовала ответа Амалла.

Манзанни почему-то начала считать на пальцах, а потом указала:

— В левофлигельной, второй по счёту.

— Идём, проводишь.

Та с недоумением последовала за сестриной.

Амалла начала стучаться в покой уединения Миланэ. Звук оказался жалким, дробным, ибо двери огромны.

— Миланэ, отвори дверь! Открой!

— Преподобная, она приняла обет молчания, — вмешалась Манзанни.

— Я знаю.

— Она ничего не скажет.

— Я знаю! Миланэ, открой!

— Это может сорвать испытание.

— Я. Знаю.

Стало понятно, что Миланэ не откроет.

Упорство, достойное восхищения!

— Миланэ, послушай. Это я... — она запнулась, потому что хотела сказать «наставница Амалла», но передумала. — Амалла. Всё будет хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо. Я уже... выясняла. Всё обойдется. Не переживай.

Выждала, повременила, глядя на недоумевающую и немного рассерженную Манзанни, которая раньше никогда не видела таких трюков на втором испытании учениц.

— Не отвечай, — чуть погодя, сказала Амалла, хоть никто и не отвечал, — тебе нельзя.

Громко и тяжело выдохнув, она ушла прочь от дверей.

* *

Миланэ, сонная и безучастная, незамедлительно открыла дверь Кругу Семи перед рассветом; троекратный, противный стук о железную пластину на дверях, в которую стучали специальной ритуальной сирной с большим набалдашником на рукояти, вывел её из полудремы, которой она предавалась, облокотившись о стол. Она устала и хотела спать, совсем не чувствуя торжества момента, как иные ученицы, полагая лишение сна изодрённой пыткой перед неизбежным.

— Всё ли ты обдумала, ученица?

— Да, наставницы, — облики наставниц сливались в одно большое, малоинтересное пятно.

— Желает ли ты стать сестрою-Ашай, ученица? — торжественно спросила другая.

— Да, наставницы, — блекло ответила Миланэ, еле подавив зевоту.

— Тогда пойдём с нами и Ваал примет тебя.

— Да будет так.

Они молча вышли из Аумлана, чей силуэт в раннем утре казался зловещим и безрадостным. Занимался рассвет, багровели тучи.

Миланэ понятия не имела, куда её ведут — место третьего испытания хранится в тайне. Но в её случае секрет лишь в том, в какое именно из семи Обретений её отведут; именно так именуют круглые, закрытые сооружения, созданные для третьего испытания и только для него. Из сестёр Круга Семи она никого не знала, кроме одной (поверхностно), остальные были из других дисциплинариев или на служении;

оказалось целых две свободных Ашай-Китрах. Таких в Империи большинство: воспитанниц дисциплинариев всего лишь треть... но эта треть имеет много больше влияния, чем «простые» сестры. Заметно, что свободные держатся чуть особняком.

Сёстры с интересом поглядывали, что переносица у Миланэ окрашена в красное; цвет сильно поблек, пигмент растёкся, превратившись в ярко-красные потеки, и теперь Миланэ выглядела скорее устрашающей воительницей древнего прайда, нежели ученицей-Ашай, заканчивающей обучение последним экзаменом. Но стирать всё это нельзя до самого конца.

Ей не дали насладиться молчаливой прогулкой — местом третьего испытания оказалось ближайшее к Аумлану Обретение, находящееся на небольшом возвышении возле озера. На входе — два воина: они стерегут от посторонних. Вошли в аванзал; кто-то из наставниц подсказал Миланэ пойти переодеться, когда она попыталась вместе с ними в колоннадный зал, в святая святых всякого Приятя, и это было немного нелепо и конфузно. Сразу свернула налево, где находилась маленькая, неприметная комнатка, вход в которую прикрывала щупленькая дверца; её проём инстинктивно заставлял пригибаться при входе.

Оказывается, ей заботливо принесли узел вещей, о котором она уже и напрочь забыла — отлаженный многими сотнями лет порядок предусматривал любую мелочь. Миланэ сняла совершенно всё, переделась в белую тунику, а из неё выпал северный амулет.

— Ты мой милый, — грустно улыбнулась она, подняв с пола и погладив, словно живое. — Всё меня преследуешь. Зачем только брала тебя у Хайдарра?..

Надевать, конечно, не стала. Велик риск, могут обнаружить сестры Круга, она оскандалится ещё живой. А будет мёртвой — так кто с неё спросит?

— Побудь здесь, пожалуйста.

Бросила его на пласис, который ранее аккуратно сложила.

Страшно не было. Ничуть. Даже подсказывало внутри некое страшноватое любопытство. Вообще, всё стало напоминать театр, абсурд, игру, в которую до конца не можешь поверить.

Вроде как следовало посидеть с собой наедине, вспомнить, что надо; но на месте усидеть невозможно, мысли разбегались. Посмотрела по углам, выглянула в неприятное окно. Потянулась вверх, зевнула, провела руками по талии и бёдрам, топнула лапой, вздернув подбородок вверх. Посмотрела на кончик хвоста — не измарался ли?

Ну, пора.

Сильно возострились чувства, как-то нюх, слух, зрение; она слышала отчётливо, как бьётся сердце и струится воздух, каждый шаг казался длинным, очень длинным и долгим; видела, как сёстры Круга Семи встали в стройный полукруг и смотрят в свете огня-факелов, смешанным с рассветной мглой мира, видела ажурный пьедестал на тонкой ножке, где чаша с сомой, видела ложе в центре зала, похожее то ли на каменный склеп, который делают патрицианские роды, то ли на алтарь варварского божества, которому приносят жертву, и Миланэ подумала, что она очень даже подходит на роль жертвы Ваалу, таковой является по сути, хотя ясно говорится в вере Сунгов, что никаких жертв Ваалу не требуется, ибо Он — дух Сунгов, Он питается совсем иным, Ему нет дела до даров; ложе укрыто простой белой тканью, и на него придёт лечь, когда лапы уже не будут держать, а это пройдёт, сколь известно, четверть часа, максимум — полчаса (для самых крепких телом учениц), а лапы точно не будут держать, ибо сома — жуткое вещество, почти яд, вгоняющий тело и душу в

глубокую бездну. Но не только они смотрели на неё, но и Миланэ — на них; её эмпатия обострилась до предела, и она могла бы поведать очень занятные вещи о сёстрах Круга Семи, если бы кто спросил; к примеру, вон эта, по центру, первая среди равных в Кругу, разменявшая шестой десяток, со смешным щербатым носом и почти рыжего окраса, имеет трёх детей, безумно беспокоится, что они ещё не подарили внуков, а к этому Приятию относится с большим, привычным, заученным безразличием. На всех она смотрела безо всякого пиетета, а с чувством, близким к презрению. Это было презрение той, кто отважилась на очень гордый и безрассудный поступок, и Миланэ хорошо ведала, что никакая из них не проходила через такое, ибо все они живы и здоровы, и будут жить-здоровствовать далее, когда её, мёртвую, унесут отсюда, чтоб торжественно сжечь.

«Кровь моя, неужели никто, никто не предчувствует? Почему они не видят моей поверженной души?»

Миланэ уже не помнила, как молча преклонилась, как говорила церемонную фразу о готовности к верному служению, а наставницы отвечали, и так далее, и тому подобное; лишь в какой-то момент реальность ворвалась в сознание, когда кубок с сомой очутился в ладонях, и вот она стоит, уставившись на тёмно-зелёную жидкость с хищным поблеском на поверхности, а все сёстры Круга преклонились в криммау-аммау. И теперь. Ей. Надо. Всё. Это. Испить.

Сома прохладна, вязка и приторно-сладка на вкус, следы горечи. Вдруг Миланэ оживила яркая вспышка надежды, пока пила, закрыв глаза и отрешившись от мира: яд не может быть таким... таким... таким простым по вкусу, напоминающим сильно подслащённый, горьковатый травяной чай, только очень густой.

Поставив чашу обратно на пьедестал, Миланэ залихватски утёрлась ладонью, чем, наверное, немало удивила сестёр Круга и встала, выставив левую лапу вперёд и не зная, что делать с собой дальше. Эта часть Церемонии Приятия всегда оставалась для учениц глухой тайной. «Что происходит, когда испита сома?», — вопрос оставался без вятного ответа. Никаких поучений о том, что делать, что говорить, как себя вести после принятия сомы, не существовало.

Конечно, всё куда проще, чем кто-то может себе представить. По тайным канонам, в которые посвящены только сёстры-Ашай, но не ученицы, следует позволить испытываемой всё, что угодно, как-то: разговоры на возвышенные темы, игру на инструментах, наставления на будущую жизнь, сложение стихов, цитирование классических текстов и размышления об этих цитатах, рассказ поучительных историй... Вот так чинно должно проходить время, пока испытываемая не ощутит явное действие сомы, потом она спокойно уляжется и с умиротворённой улыбкой уйдёт в иное состояние сознания — на встречу с Ваалом.

В жизни же всё происходит куда более плоско, беспорядочно и прозаично. Хоть в состав сомы входит противорвотное, многих сильно мутит сразу после приёма, и сёстрам Круга приходится сдерживать естественное всяческими способами. Многие впадают в беспокойство, некоторые — в панику, потому что в соме очень много экстракта ибоги, а в большой дозе этот наркотик вызывает сначала сильный, неистовый страх и дезориентацию. Но в сому входит не только ибога; жуткое месиво действует самым непредсказуемым образом даже на самых стойких учениц. Огромный праксис показал, что с самого начала надо определить одну-двух сестёр, которые будут сопровождать вход ученицы в тяжёлое наркотическое путешествие, всячески поддерживая и успокаивая её, а остальным лучше буквально встать в сторонке, отвлечься и

ждать, пока ученица «уплывёт», вмешиваясь лишь в самые острые моменты. В свою очередь, ученице сразу после принятия сомы прощается практически любое поведение и любые слова.

Миланэ ощутила, как что-то кольнуло в животе. Это очень простое происшествие вдруг вмиг раскрутило полное, неприкрытое осознание: она выпила яд и сейчас умрёт. Во рту вмиг пересохло, сердце ужасающе забилося, от середины груди к голове пошёл жуткий, зудящий жар.

— Мама, зачем мне сделалось? — и её чуть не подкосило от внезапного головокружения.

Сестры Круга с удивлением посмотрели на неё и переглянулись: не ожидали, что сома подкосит Миланэ столь быстро; первая среди равных как раз желала огласить Миланэ, что она имеет небольшое время для любых занятий, разговоров, вопросов.

К ней подошла сестра, и только сейчас Миланэ заметила её яркое отличие — глубоко надрезанное левое ухо с большим, простым серебряным кольцом. Это — древнейший знак «мастериц жизни»: так уважительно называют львиц, что делом судьбы назвали принятие родов, неважно, Ашаи они или нет. Естественно, Круг выбрал именно ту сестру, что больше всех привычна к облегчению страданий самки.

— Ш-ш, не пугайся. Присядь. Разве сома была столь неприятна? — тон её был добрым и благостным. — Ты должна быть отважной, у тебя ведь красная переносица, а это — особый знак, правда?

Миланэ села на краешек ложа, осторожно опёршись ладонями. Потом поглядела на сестру, что пришла помочь; дочь Андарики видела, как серьёзнее её облик — глаза Миланэ, полные отчаянной мольбы, страха и осознания предреши́нности, совершенно поразили сестру.

— Я никогда ничего не боялась.

Она резко встала на ровные лапы и начала ходить вокруг ложа:

— Я хочу, чтобы каждая из сестёр знала: я никогда ничего не боялась. Я не сдамся. Я не сдалась. Судьба хотела, чтобы я пала ниц. Я знаю, что мне суждено.

Сёстры Круга, молчаливые, наблюдали, внимательно слушали. Испытуемая может говорить, говорить многое из того, чего обычно не скажешь. Позволено.

На самом деле Миланэ было безумно страшно; она старалась заговорить свой страх. Но заболтать, спрятать его получалось плохо, Миланэ начало мутить, не столько от сомы, сколько от звящего, давящего напряжения страха вверху живота. Зоркая сестра-помощница вмиг заметила неладное и сильно сжала ей запястья, потом надела под подбородком.

— Вдыхай. Выдыхай. Вдыхай. Выдыхай. Так должно быть.

— Не, не должно. Должно иначе, — тихо и сдавленно сказала Миланэ, ощущая давление под челюстью.

— Нет, иначе не бывает. Переживи это, — очень мягко говорила сестра, прекрасно зная, как ученицы в таких случаях ненавидят слово «терпи».

— Мне трудно дышать. Я умираю. Я умру.

Сестра сжала ладонь Миланэ в своей и снова усадила её на ложе.

— Я была честной ученицей. Я недостойна этого, так я не хочу...

Так они сидели несколько мгновений. Плохое самочувствие приходило и уходило волнами. На миг ставало легче, затем — снова кошмар. Сестры Круга, как ни в чём не бывало, отошли в сторонку и завели отвлечённую беседу, окончательно поняв, что сома взяла эту дисциплину крайне быстро и очень крепко.

Миланэ овладела маята: ей хотелось ходить по залу, приложиться лбом в холодной колонне, улечься на пол и кататься, смеяться или плакать. Но железная хватка ладони сестры-помощницы, острый взгляд её глаз не давали; кроме того, она успевала обмахивать её веером и растирать виски, даже брать за мордашу и трясти. Последнее, кстати, помогало лучше всего.

— Пусть львица простит, моей воли... не хватает... у меня ничего не хватает. Я не злюсь ни на кого. Лучше-ка умру Ашаи-Китрах, чем стану безвестной львицей без имени... Я преступница, знаю.

— Дыши. Вдох-выдох. Ты детной ещё не была, тебе туже приходится. Детным легче.

— Покуда львице знамо, что у меня нет детей?.. — туманно улыбается Миланэ, закрыв глаза и качая головой во все стороны; она уже всё, она уже перешла на андарианский диалект — в трудные мгновения мы говорим по-родному.

— За льен могу увидеть. Дай руку, держись.

— Детей никогда не будет. Всё. Дожилась-проигралась.

— Будут-будут. У тебя кровь лёгкая, ты просто разродишься. Двое, львёныш и львёна, сразу двое.

— Лжёшь...

— Дыши, не бойся, — не обратила сестра и малейшего внимания на оскорбление. — Приляг, приляг.

Миланэ покорилась — мир начал плыть-качаться. Волны плохого чувства и страха ставали всё грознее и беспощаднее.

— Наставница пусть убьёт меня...

— Не буду. Сама умрёшь, когда придёт твой час.

— Убей меня сейчас, добрая душа. Сжалуйся, смилуйся... Нет, я не должна так говорить... Ашаи-Китрах не надобна жалость, не нужно презрение. Втай не была бы тут, если бы желала их. Да, да, да.

— Повторяй за мной. Благородны ученицы, и яркая я, ученица. Благородны ученицы, и яркая я, ученица, — сестра-помощница заметила по расстроенному, влажному взгляду Миланэ, что сома напреду начала действовать.

Из последних сил дочь Андари простонала, будто желая в последний раз вонзить когти в трудную гору жизни:

— Благородны ученицы, но ярая я, ученица. Благородны ученицы, но ярая я, ученица. Благородны ученицы, но ярая я, ученица. А потом поеду на Север, и там будут играть мои дети. Мои дети будут играть...

Страдания дисциплины привлекли внимание сестёр Круга; они не стали вмешиваться, но первая среди равных всё-таки подошла, чтобы обозначить участие:

— Что она говорит?

— Метанойя совсем поплыла, — немного удивлённо молвила опытная мастерица жизни, участвовавшая во многих Приятнях.

— А... Быстро что-то.

— Измученная, выстрадавшая она. Интересно, почему? — задалась мастерица вопросом.

В ответ старшая пожала плечами, мол, всяко бывает.

Тем временем Миланэ начала успокаиваться и утихла на ложе, перестав двигаться; теперь её болтовня совершенно ничего не значила, и даже сестра-помощница не прислушивалась, лишь внимательно следя за её самочувствием.

— Это вовсе не страшно, не страшно, не страшно! Я думала, но оказывается, что плохо, что я...

Пальцы её рук ритмично подрагивали. В какой-то момент сестра испугалась молниеносного движения: Миланэ правой рукой схватила себя за левый бок; движение очень напоминало попытку выхватить отсутствующий кинжал.

— Сказали, что умру, — приглушённо постанывала она. — Мне сказали, что умру.

В конце концов тело Миланэ совсем перестало двигаться, а сама она отправилась в трудное, миражное, сновидческое путешествие, порожденное сомой и ведомое ею же, полное обманов и болезненного.

— Как быстро сразило. И как тяжело. Ещё так не видела.

— Бывает, — снова пожала плечами первая сестра Круга, почёсывая запястье.

Глава XXII

Просыпалась Миланэ несколько раз.

В первый раз она вообще не поняла, где находится, и предпочла новый сон трудному пробуждению.

Во второй раз — снова не поняла, очень пыталась, от усилий заснула.

В третий раз всё оказалось много легче. Миланэ обнаружила, что и дальше лежит на твёрдом каменном ложе, что прикрыто лёгкой тканью. Посмотрела влево, но там находилась лишь колоннада зала; вправо — там, оказалось, сидит на краешке её ложа одна из сестёр Круга, мило улыбаясь.

— Здравствуй, сестра. Видишь, как: мне выпала честь видеть твоё пробуждение.

В сознании всё более-менее сладилось, уложилось на место. В конце концов, вспыхнула мысль:

«Жива. Я жива!».

Сома оказалось воистину жестокой вещью: такого бесконтрольного бреда и хаоса она никогда не испытывала, хотя имела хороший опыт с веществами, как всякая дисциплина. Там не только Ваала можно было увидеть, а что угодно.

— То есть я не... не это?..

— Что «не это»?

Вместо ответа Миланэ привстала, хмуро и жёстко оглядывая окружающее.

— Не спеши, полежи ещё, если хочется.

— Спасибо, — зачем-то поблагодарила Миланэ, но совету не последовала.

Внимание сразу привлекло удивительнейшее зрелище: сёстры Круга расположились возле одной из колонн, то бишь буквально — они восседали и возлегали прямо на полу. Трое сидели и вели оживлённую беседу; одна из молодых спала на спине, растянувшись, закрыв от света глаза рукой, и Миланэ точь-в-точь узнала себя, когда была на Востоке — она точно так делала скатку из первых попавшихся вещей и пользовалась сим как подушкой; мастерица жизни, что не бросила Миланэ в одиночестве, возилась с большим кошелем; и последняя сестра просто сидела, ничего не делая.

Она понятия раньше не имела, что всё происходит именно так. Почему-то казалось, что сёстры Круга спокойно удаляются после того, как ученица уйдёт в иные миры смотреть на Ваала, чтобы, к примеру, потрапезничать, отдохнуть — да мало ли

дел найдётся на свете!

Но ученицы не знают, что происходит на третьем испытании — сестринство хорошо бережёт тайны.

— Они всё время были...

— Да, всё время мы были здесь, — кивнула сестра, что сидела возле. — Попытаешься встать?

— Да. О, да.

— Осторожно. Тааак... Голова не кружится? Точно? Держись за руку... Держись за руку, сестра, прошу тебя!

И это «сестра» прозвучало столь звеняще и необычно, что Миланэ пробудилась окончательно.

Все заметили, что Миланэ поднялась и обступили её. Первая сестра Круга взяла слово:

— Да пребудет с тобой Ваал всегда, сестра. Поздравляем, Ваалу-Миланэ-Белсарра. Теперь ты стала сестрой Ашаи-Китрах, — она кивнула с лёгким поклоном, примеру последовали остальные, и Миланэ ответила тем же. — Неси достойно великое знамя веры Сунгов. Сейчас советую привести себя в порядок — для этого всё готово — а потом мы выйдем вместе.

Через несколько мгновений она стояла перед зеркалом и прохладной водой из чана смывала остатки красного пигмента с переносицы. Сбоку, на большом и широком табурете, в целости-сохранности лежали её вещи.

Вошла прислужница.

— Пусть сиятельная попьёт лимонной воды и съест парного мяса. Это по совету наставниц.

— Спасибо. Эм... пусть львица простит... какой сегодня день? Я вижу, на улице... кажется... позднее утро?

— Восемнадцатый день Луны Огня, сиятельная.

«Почти сутки», — подумала Миланэ.

Странно, но голода она не чувствовалась; пришлось заставить себя поесть. Одолевали слабость и лёгкое головокружение, но всё это за счастье по сравнению с тем, что происходило.

В вещах оказался амулет Хайдарра, целый и невредимый. Вряд ли на него кто-то обратил внимание; но Миланэ, помимо всего прочего, обнаружила ещё и золотые серьги с большим браслетом, которые видела вообще впервые в жизни. Нахмурившись, рассматривала их, не понимая, как они тут очутились. Когда Миланэ подняла одну из серёг и посмотрелась в зеркало, то увидела в нём чью-то фигуру.

— Подарок сестринства.

Ваалу-Хильзари. Самая родная, самая близкая. Казалось, она постарела. Стоя у входа, улыбалась, но улыбка казалась грустной.

— Теперь сразу можешь идти в стаамс, на торжественную церемонию, — села. — Всё при тебе. Повезло. Она состоится сегодня — не придётся ждать.

Церемония эта, по сути, не обязательна по канону. После Приятия ученица становится сестрою, никому ничего больше не надо утверждать. Но, по традиции, воспитанницы дисциплинария получают амулеты Ваала в торжественной обстановке в стаамсе с рук самой амарах. Во время Приятий эта церемония проводится отнюдь не каждый день, а раз в семь дней; и те, кому не посчастливилось закончить Приятие в сей удобный день, вынуждены ждать. После этого — два-три дня, и бывшая ученица

уезжает из дисциплинария: здравствуй, великий мир, привечай новую сестру.

— Как трогательно. Спасибо, наставница Хильзари, спасибо за всё.

— Ты уже успела сказать мне «спасибо». И перед Приятием, если помнишь. И тем, что стала сестрой. Поэтому, моя дорогая, привыкай: теперь не можешь говорить мне «наставница».

Они обнялись.

— Посмею не послушаться, наставница.

Миланэ отошла к окну.

— Всё-таки должна спросить. Точно знаю, что не все проходили такое... испытание. Когда Амалла сообщила мне, я была просто разбита... Не знаю, как выдержала. Почему я удостоилась этого?

— Чего «этого»? — развела руками Хильзари. — Приятия? А как иначе? Что значит «не все»? Всем было трудно, Милани. И мне, в своё время. Я боялась сделать что-то не так. Боялась того, что могу увидеть при встрече с Ваалом.

Вон оно всё как.

«Она не знает. Всё-таки никто не знает... почти. Значит, это действительно тайна. Я должна была умереть, но не умерла. Амалла обманула меня?»

— Пусть Хильзари меня простит, я ещё не совсем отошла. Беспорядок в голове.

— Ничего. Миланэ, вообще-то я пришла не просто так. Надо тебе кое-что... сказать, — Хильзари ходила взад-вперёд; казалось, она бродит в своём тревожном мире, плохо слыша и видя окружающее.

— Слушаю.

Несколько раз наставница попыталась начать речь, но неудачно.

— Поздравляю. Ты стала славной Ашаи. Не буду мешать, потом поговорим.

Даже самый непрозорливый лев догадался бы, что Хильзари сказала совсем не то, что хотела. Она быстро, не прощаясь, ушла; Миланэ проводила её взглядом.

Наконец Миланэ полностью оделась и вышла из Обретения. Как оказалось, сёстры Круга продолжают ждать извне, стоя плотным кольцом. Они, заметив её, заулыбались и подошли.

— Рады видеть тебя, сестра. Как чувствуешься?

— Хорошо, — ответила Миланэ. Несмотря на слабость, это было правдой. — Спасибо, сёстры, за всё. За то, что были со мной.

— Пожалуй, пришёл черёд и познакомиться. Меня зовут Ваалу-Гизела, я...

Существовал обычай, что соблюдался не всеми и не всегда: сёстры Круга Семи представляются испытуемой только после удачного Приятия. Вроде поверья: раскрыть ученице имена перед Приятием — к несчастью.

* *

Миланэ с предосторожностями отвели домой, где она под наблюдением заснула. Когда проснулась, аж под вечер, её накормили, как маленькую; это была одна из служительниц больницы и одна дисциплина, обе — немногословные. Убедившись, что Миланэ вполне неплохо чувствуетея, они ушли.

Великое удовольствие — ни о чём не думать. Она снова уложилась спать, всласть опившись холодного морса и сжевав сушёный лист коки, редкого и дорогого в Империи куста юга — пару листов оставили львицы, что обхаживали её. Его давали идущим на поправку — для бодрости; вообще, Миланэ слыхала, что на Юге, в Кафн-

ском протекторате, коку жуют и просто так, хоть целый день, а многие говорят, даже учёные, что кока — настоящее чудо и средство от всего. Но Миланэ хорошо знает, как воспитанница Сидны, что такого не бывает.

От листа коки появилась бодрость, ясность мысли, а сон пропал.

Немного посмотрела в окно.

— И где Арасси? — вдруг задалась вопросом.

Вопрос прозвучал в пустой тишине комнаты чуждо и странно.

Вдруг ей показалось катастрофическим то, что она не успела сделать внятных записей из «Снохождения». Ведь совсем скоро отдавать!

Слово — дело. Взяла перо, чернила, листов побольше. И сразу столкнулась с проблемой. Записать хотелось всё.

«А если не отдавать «Снохождение», а?», — сверкнула шальная мысль.

Наплевав на записи, Миланэ просто углубилась в чтение.

Львиный род стремится к знанию.

Мы — живые существа, имеющие ум и волю; мы желаем знать о мирах.

Дневной мир перед взором есть всегда, когда мы не спим; он един, неделим, не даёт поводов для сомнений. Но другие миры и многие вещи нашего мира можно познать только в снохождении. Любопытство львицы духа естественно — она желает знать и о мире дня, и о мирах ночи.

Чтобы знать вещи сего мира, нужен сильный разум. Он будет вести мысль. Чтобы знать вещи иных миров, нужна сильная воля. Она будет вести намерение.

Разум, ведущий мысль — дело самца.

Воля, ведущая намерение — дело самки.

В каждом из нас и каждой из нас есть от иного пола, потому разум и воля сплетаются.

Так что делать, спросишь ты, ученица.

Ты будешь волящей, если будешь сновидеть. Ничто иное так не ведёт волю к силе, как снохождение.

Миланэ притомилась читать, когда было уж далеко за полночь. Она как раз читала о том, что делать, если ведёт только по одной тропе древа мира, а на остальные не можешь попасть, как тут нечаянно посмотрела на кровать Арасси и вдруг привиделось, что та покрылась тёмными пятнами. Кровать её казалась очень страшной. Но стало понятно: всё это — последствия того кошмара, что пришлось пережить.

«У неё, верно, второе испытание оказалось не под стать моему. Начали мы одновременно, но сому она может пить и сегодня, а не вчера, как я. Кроме того, её могли в больницу положить, а не у нас дома. Она так боялась сомы...»

«Снохождение», наконец, закрыла и спрятала, улеглась поудобнее.

— После такого что угодно померещится...

Мысли завертелись.

«Что?! Это?! Было?! Почему я жива? Значит, надо мной сжалились? Кто-то узнал? Кто-то замолвил слово? Кто-то меня обманул? Амалла? Это такое испытание

веры?»

Нет, лгать не надо: Ваалу-Миланэ-Белсарру начало медленно, но уверенно охватывать ликование. Мало того, что никакого яда, так она ещё стала сестрою-Ашаи! Она жива, воспряла из мёртвых, теперь она иная — пришла к тому, к чему устремлялась почти всю жизнь. Большую часть сознательной жизни она посвятила ученичеству — и вот оно окончилось.

Великое чувство, великое время. Вот оно, славное окончание всех невзгод.

Она заснула прямо во время чтения; щека склонилась к странице книги Малиэль, свеча догорела, в комнате стало темно, и можно увидеть, как лунный свет, пробиваясь сквозь занавеску, серебрит её уши и нос, давая жизнь глубочайшей тени на лице.

* *

Миланэ проспала.

В то время, как остальные сёстры — ещё вчерашние дисциплины! — быстро, радостно, с торжеством и спокойствием величия готовились к заключительной церемонии в стаамсе, дочь Андарики беззаботно предавалась сну. А проснувшись, она всё делала в жуткой спешке, одновременно продевая серьги и поедая кусок холодного мяса, но потом поняла, что не успеет, и сбавила прыть. Это плохо, но не смертельно (теперь сие слово всегда будет казаться ей забавным), потому что следующая такая церемония состоится через семь дней.

Миланэ, полностью облачившись (сегодня она выбрала не марнский, а тёмно-синий пласис, до этого бывший в фаворе), вышла за порог, но сразу засомневалась, стоит ли идти. Церемонию начнут без неё, без проблем; а потом можно всегда сослаться на плохое самочувствие, и никто не попрекнёт.

Шум, пыль — вот прямо перед домом, на тесной дороге, остановилась некая львица; она самолично погоняла фиррана. Миланэ, открыв окно, выглянула.

— Сейчас начнётся в стаамсе, сейчас должна быть амарах, там всё готово! Миланэ, а ты ещё тут? — скороговорка от неё.

— Я опоздала...

— Нет, нет и нет. Миланэ, давай, я прилетела сюда за тобой! Сейчас, семь дней ждать будешь!

Ваалу-Даэльси. Доселе Миланэ и представить не могла её в любой стремительности; всегда та говорила медленно, размеренно, поступала и говорила, лишь обдумав, и выражала собой спокойствие, плавность. А здесь она пригнала с бешеной скоростью, да ещё на фирране (кто вообще мог знать, что она умеет управляться с фирраном?), вздымая пыль и жестоко погоняя.

— Но я ещё не...

— Поспеши, Милани!

Миланэ не стала испытывать судьбу и сразу вскочила сзади.

— Проклятье, в этом пласисе неудобно садиться... — пожаловалась Миланэ.

— Переживёшь. Облачена? Всё как надо? Сирна, стамп? Но, пошёл!

Фирран понёс Миланэ к стаамсу. Зашумел ветер в ушах.

— Что? Как оно, Приятие? — почти заорала Даэльси.

— Ничего особенного, — засияла уверенной, сильной улыбкой дочь Андарики.

Они примчались прямо под вход в стаамс, где уже было множество голов, экипа-

жей и суеты, как и подобает перед торжественной церемонией прощания новопринятых сестёр с матерью духа. В начале Приятия всем строго воспрещено пребывать в Зале Огня, кроме дисциплины и Круга Трёх, Приятие проходит в обете молчания и скрытности от других, третье испытание — вообще тайна тайн; а вот эта церемония — совершенно открытая, причём не только для сестринства, но и для светских душ, чем непременно пользуются множество самых разных львов и львиц всех сословий и положений. В эти дни дисциплин открыт для добрых Сунгов: по нему можно погулять, пообщаться с любой Ашаи, посетить бал (по обычаю, пиры после этой церемонии не устраивают) и, естественно, увидеть саму церемонию в Зале Огня.

Смена обстановки была совершенно невероятной. Только что вся она пребывала в тишине, наедине с собой, как и все эти дни, а здесь... Даэльси указала ей идти, а сама увела своего лихого фиррана прочь, и Миланэ очутилась посреди толпы; безусловно, она ранее была на этой Церемонии, много-много раз, и как простая очевидица, и как помощница. Но теперь словно очутилась на чужом празднике. На длинных ступенях стаамса была проложена дорожка для новых сестёр, но они давно находились внутри, в Зале Огня, потому все вокруг — ученицы-сталлы, дисциплины, свободные ученицы, наставницы дисциплины, гости из Сармана — перестали церемониться и начали ходить по этой дорожке, потому Миланэ шла совершенно незамеченной. Ну, почти — подружки-дисциплины младших годов узнали её и начали нестройно поздравлять, пока всходила вверх, советовали поспешить. Миланэ улыбалась, не прибавляла шагу, а даже останавливалась, чтобы ответить на тёплое поздравление.

Толпа издавала множество звуков, запахов, жестов, знаков, суеты, слов.

— Видела, ты видела, на чём она приехала? Вот эта вот, тёмный носик. Фи.

Миланэ слышала, но не подала виду, улыбнувшись. Сразу узнала этих львиц. Воспитанницы фансиалла. Настоящая школа злословия. Те недолюбливают дисциплину, как вообще Ашаи-Китрах; что поделать — конкуренция львиц за первенство олицетворять начало самки. Но они умело скрывают неприязнь: не любить Ашаи-Китрах в Империи — рано или поздно вылезет боком.

Возле колонны стоял какой-то важный военачальник в полном параде, но на нетвёрдых лапах — праздник всё-таки — и вещал случайным слушателям:

— Ваал — это величие. Люблю Ваала. Он — это Сунги, они сделали... Да, мы сделали его из своих душ и он сделал нас такими... Великими! И всех уважаю. Я на всё готов.

Рубил воздух ладонью и держался за колонну.

Когда Миланэ, пройдя многих и увидев знакомые лики, вошла в Зал Огня, то прошедшие Приятие как раз встали у входа, на найсиде, чтобы в нужный момент выйти вперёд, на центр, и образовать полукруг. У Чаши Ваала уже есть амарах со свитой. Вокруг, возле стен, полно голов; обстановка празднична, шумна и немного сумасбродна.

— Ваалу-Миланэ, ты пришла! — подпрыгнула на месте Хильда, увидев её.

Светская наставница танцев, именно она занималась многими деталями этой Церемонии, хотя по статусу это полагалось делать кому-то из наставниц, но так уж повелось; да и никто особо не возражал — церемония эта существовала во многом для светских глаз.

— Ещё ничего не началось, — спокойно, улыбаясь, ответила Миланэ с истинной мягкостью.

Хильда лишь торопливо махнула, мол, скорей занимай место.

Церемония, по сути, несложная. Надо выйти на центр, встать в полукруг, в нужном моменте присесть, выслушать слово от амарах и принять на шею амулет Ваала. Всё. Правда, в давнишние времена отмечать Приятие любыми торжествами, а тем более пиршествами, танцами и возлияниями было совершенно не принято; это считалось абсолютно неуместным, а само Приятие не касалось светских душ. Такая нерушимость сохранялась около пяти столетий даже после основания дисциплириев, но потом всё же было решено, что негоже давать миру сестёр безо всякого участия обычных, добрых Сунгов.

Выйти к центру Зала Огня — простое дело. Здесь не требуется никаких премудростей, это обычный «проход», как его называют на уроках танцев, поз и жестов, каждая дисциплира могла сделать это хоть с закрытыми глазами.

Церемония началась, они вышли.

Она всегда находила сие действие очень смешным и глупым. Приятие — таинство Ашаи; а это попытка как-то продемонстрировать Сунгам появление на свет новых сестёр, задумка изначально провальная, полная профанации и иронического; а некоторые несведущие светские головы считали, что это есть то самое Приятие. Миланэ не знала сестёр или дисциплир, кому бы нравилась эта церемония.

Миланэ очутилась на левом краешке стройного полукруга, и могла видеть всех. Здесь, слева направо: Ваалу-Луана, Ваалу-Сизая, Ваалу-Айнэсваала, Ваалу-Наталла, Ваалу-Кара-Ушала. Остальных десять она не знает — это бывшие свободные ученицы, проходившие Приятие в дисциплирии. Откровенно говоря, они чуть портили картину скованностью в движениях.

Они присели на одно колено и начали слушать речь амарах:

— Мои сестры, мои добрые Сунги. Сегодня — великий день для этих дочерей Ваала, что ещё вчера были...

И тому подобное — совершенная безвкусица-официоз.

Миланэ, выбрав момент, когда амарах закончила предложение, быстро и тихо позвала подругу, что рядом, в двух шагах:

— Луани? Луан?

Дочь Андари подумала, что та не услышала, но тут донеслось тихое, немного раздражённое, сказанное сквозь зубы:

— Что?

— Где Арасси?

— Что?

— Ты её видела?

— Что? Миланэ... — последнее слово прозвучало с великим укором, мол, нашлось время для разговоров. — Как так можно?

Устыдившись, дочь Андари примолкла.

В конце концов эта пытка кончилась, все захлопали в ладоши, амарах сошла от Чаши Огня к новым сёстрам, чтобы каждой из них надеть амулет Ваала. Когда амарах подошла к ней, то Миланэ улыбалась, совершенно невольно, но победоносно; взгляды встретились.

Вскоре всё кончилось; первым делом дочь Андари поймала за руку Айнэсваалу.

— Айни! Айни! Привет, как ты?

— Да не знаю... Позорище, — озабоченно-занято ответила та.

— Тоже ненавижу эту ерунду. Вот бы не проходить её, да?

— Можно. Можно не приходиться. Так некоторые делают. Амулет всё равно выда-

дут. Я слышала, так в Криммау-Аммау поступают. Не идут, и всё. Показуха, — та скрестила руки на груди, поглядывая по сторонам и выглядывая кого-то в толпе.

— Ты Арасси не видела? Она что, ещё от сомы не отошла?

Айнэсваала вздрогнула и странно поглядела на Миланэ.

— Так ты не знаешь?

— Что?

— Это не все ещё знают... Но я думала, что ты точно знаешь.

— Что знаю? Что не знаю?

У Айни заиграли скулы, она сильно сцепила зубы.

— Арасси умерла на третьем испытании, — ещё крепче сжала скрещённые руки.

Миланэ придержалась за стенку, лапы вмиг ослабели. Но опомниться не дали и на краткий миг:

— Ваалу-Миланэ-Белсарра, сиятельная! — подбежал какой-то служитель.

— Что? Что? — с растерянным раздражением спросила Миланэ, приложив ладонь к макушке.

Вмешалась Айни, даже не глядя, кто звал:

— Оставь нас.

— Преподобную вызывает амарах, это очень важно. В личные покои, немедленно.

Новость была настолько чудовищной, что просто не могла поместиться в сознании сразу, а просачивалась-пролезала частями, тёмно-страшными, красно-алыми частями. Всё обнажилось; оказалось, нет никакого хорошего настроения, и никогда не было. Безумие реальности возликовало снова.

— Ладно, Айни... Я, я потом, я потом приду, я... Мне надо её увидеть, я... Пошли, идём, — толкнула служителя, как пса, мол, пошли.

Миланэ не помнила, как шла по коридорам, как отмахивалась от чьих-то вопросов. В ушах стоял гул.

Очнулась лишь, когда усадили на стул служительницы-дхаарки самой амарах; у тех явно было распоряжение дожидаться Миланэ и провести её в покои. Она плакала и смотрела на потолок.

«Она была права. Она была права. Она была права», — и даже нельзя сказать, кто именно был прав согласно этой мысли. То ли одинокая Ашаи в Норрамарке, то ли сама Арасси, то ли Малиэль, то ли ещё неизвестно кто.

Наконец, вошла амарах; вид у неё оказался усталый. Не церемонясь, сбросила венец на комод, и Миланэ помнила сей жест — так было тогда, раньше; плюхнулась в кресло напротив. Меньше всего в эти мгновения она напоминала амарах великого дисциплинария, а так, обычную Ашаи после тяжёлого дня.

Разлилась гнетущая тишина.

— Моя амарах, это правда? — без предисловий молвила Миланэ.

Леенайни поглядела на неё, потом в сторону.

— Угум. Правда. Арасси умерла. Забрал Ваал.

— Что случилось? Я ничего не знаю. Только что, вот только что мне сказали!

Леенайни вдруг резко поднялась, это же, но медленнее, сделала и Миланэ. Амарах подошла к окну, стала смотреть вниз, чуть отодвинув занавеску, как светские гости разгуливают по садам Сидны.

Пока Миланэ отчаянно боролась со слезами, сказала:

— Когда ей дали сому, то сначала всё шло, как обычно. Но когда она улеглась на ложе и отошла, то потом... В общем, потом ей стало очень плохо... Одна из сестёр

Круга предложила отнести в больницу, некоторые поддержали, некоторые — нет. Пока они спорили и пытались помочь, всё более-менее утихло. Но затем Арасси просто не очнулась. Некоторое время она была жива, но так и не очнулась... Так бывает. Не все выдерживают сому, Миланэ; некоторые слишком чувствительны к ней, и это нельзя предугадать.

Помельтешила занавеской.

— Я знаю, что она попала в Нахейм. Она была доброй ученицей.

Мельтешила дальше.

— Каждую такую смерть переживаю, как свою. Видеть не хотела сегодня всю эту галдящую толпу.

— Пусть амарах скажет начистоту: она в чём-то провинилась? Как я? — Миланэ постучала по собственной груди. — Отравленная сома?

Леенайни быстро перевела взгляд на неё, оставив занавеску.

— Нет. Арасси не была замешана в досадных историях, уверяю. Всё, что случилось — рок.

— Какую вину имела Арасси? Почему её не стало?

— Никакой вины за ней не было. Её забрал Ваал, так бывает, ты это знаешь.

Села напротив.

— Завтра будет проведена траурная церемония. Я сегодня ограничу все празднества до полуночи.

— Я хочу видеть её...

— Хорошо. Но сперва нам нужно побеседовать. Вероятно, ты хочешь знать, что случилось с твоим Приятием, — Леенайни пригласила Миланэ присесть.

— Я знаю, что случилось, — села Миланэ. — Я подглядывала в книгу в Марнской библиотеке — это правда. Я действительно ездила в Айнансгард, чтобы определить значение северного амулета, который подарил мне лев-Сунг, дренгир Хайдарр, ну и ещё, чтобы возратить его, чего не получилось. Именно там сестра этого льва, дисциплина Айнансгарда, посоветовала обратиться к одной Ашаи, что хорошо известно на Севере и носит славу отступницы. Кстати, догадываюсь, что это она сочинила анонимный донос.

— Откуда знаешь об анонимке?

— Наставница Ваалу-Амалла поведала, когда сообщала о невозможности стать сестрой, — ответила Миланэ. Вдруг слова кончились, ей было больше нечего рассказывать. — Да, всё правда.

Леенайни внимательно изучала её взглядом.

— И там эта сестрина, отступница, отчаянно советовала Арасси не идти на Приятие, а иначе она не выдержит.

— Арасси тогда была с тобой? — удивилась Леенайни.

— Да. Она не хотела ехать. Она считала всё вздором.

«Как же всё валится из рук», — подумала амарах. После ночного визита Арасси она решила, что как нельзя лучше будет взять в Тайнодействующие именно её, а не Миланэ; амарах тогда поняла, что с дочерью Андарики будет всё сложно, а вот с Арасси, бесконечно преданной и покорной, как раз всё будет легко. Да, у неё нет патрона-сенатора. Но и нет этой чудовищной упёртости. Кроме того, Арасси — ключ к Миланэ. Влияние через ближайшую подругу иногда мощнее прямого. И теперь Арасси посмела погибнуть на Приятии! Вероломно! Никого не предупредив! Не рассказав о своих проблемах, затруднениях, возможных рисках!

Ваал, хоть на кого-то можно положиться или нет?!

— С тобой вот что случилось, Миланэ. Это было испытанием, — строго кивнула амарах.

— Признаюсь: нелёгким испытанием.

— Оно даётся избранным, только самые верные ученицы проходят его. Сама понимаешь — твоих проступков недостаточно, чтобы изгнать из сестринства, хотя не могу сказать, что поощряю их. Но, давай откровенно, они — чепуха; они были только предлогом. И если бы ты решила разоблачиться, то я бы в последний момент помиловала тебя. Но тогда этого разговора, Миланэ, у нас бы не состоялось.

— Кто решил, что мне стоит дать такое испытание?

Чрезвычайно неудобный, неожиданный вопрос. Леенайни не ждала, что Миланэ осмелится его задать; вообще, тон их разговора с самого начала обрёл необычные черты. Миланэ говорила прямо и открыто, глядя прямо в глаза, Леенайни с неприятным чувством в душе понимала, что такая Ашаи имеет на это право. Неустрашимая, такая глядит в тебя, тогда кем бы ты ни была — хоть самой амарах — не сможешь ответить так, как она тебе.

— Я.

— Но зачем, моя амарах?

— Я хотела знать, истинно ли то, что ты не видишь себя вне нашего сестринства. И ты поступками доказала, что это так. Издревле амарах испытывала самых способных, самых сильных, самых верных учениц. Зачем? Затем, чтобы знать, на кого она может положиться всегда и везде. Затем, чтобы знать, кому она может предложить большее. Чтобы знать, кто лучшая из лучших.

Миланэ молчала.

— Предлагаю тебе, Миланэ, стать Тайнодействующей, — торжественно сказала Ваалу-Леенайни.

Эта привычка хранить многозначительное, звенящее молчание, когда она говорила, или вернее, холодная и как бы строгая сторона сего опасного молчания наводила на Леенайни невероятное раздражение. Вроде как и ничего раздражаться: когда кто-то молвил, другому надо молчать.

— Пожалуй, я не осмелюсь принять такую честь, — пошевелила ухом Миланэ.

«Она даже не спросила, что это и почему!», — впиалась Леенайни когтем в диван.

— Но почему?

— У меня есть патрон, сестринство Марны. Думаю, не смогу уделять этому должного внимания.

— Каждая из нас имеет своё служение. Гляди, я — амарах дисциплинария. Сама понимаешь, сколько у меня дел. Тем не менее, я — Тайнодействующая. Нам нужны такие, как ты.

— Мне сложно составить определённое мнение. Тем более сейчас, когда у меня не стало... её не стало.

— Согласна. Я немного поторопилась с этим разговором, — отступила амарах. — Поговорим послезавтра, когда отойдёшь от смерти подруги.

— Я не отойду от этого за два дня. Я хочу её видеть.

— Ашаи должна быть сильной.

— Знаю.

И Леенайни поняла, что Миланэ действительно знает это.

— Справедливо спросить: кто такие Тайнодействующие? — наконец-то поинтере-

совалась новоявленная сестра Ашаи-Китрах.

— Мы — преданные вере сёстры, что помогают друг другу во всём. Мы сражаемся за то, чтобы Ашаи имели большее влияние в нашем обществе. Чтобы те, кто держит светскую власть, прислушивались к голосу сестринства.

— Не могу пожаловаться, что Ашаи-Китрах имеют маленькое влияние среди Сунгов.

— Влияния никогда не бывает много, не так ли?

Миланэ качала головой, вдруг осознав: здесь вот она сидит, беседует о влиянии сестринства и прочей бессмыслице, а Арасси уже нет; здесь она ведёт беседы, а Арасси уже никогда не будет.

— Да. Никогда, — смотрела, невзирая, что слёзы с её щек уже капали на грудь.

Леенайни обнаружила, что боится Миланэ. Да что там говорить, первые опасения появились ещё тогда, когда она глядела на её светотип в личном деле. Как с такой иметь дело? Чем прижать, например? Испугать? На том-то всё общение строится. Кто кого. А что тут? Говорят, когда не ощущаешь страха, то это — болезнь. Наверное, что-то такое есть у неё. Безрассудна.

«Ваал мой, как всё невпопад! Арасси умерла, эта — сумасшедшая! — взяла и пошла на верную смерть, и как теперь с ней вести беседу-то? Зачем я её приглашаю к нам?.. Разве смогу с ней совладать? А что мне остаётся? Она рано или поздно задалась бы вопросом: зачем её посылали на смерть. Так пусть знает с самого начала».

«Кровь моя», — думала Миланэ, — «сколько ужаса я натерпелась, и всё потому, что кое-кому пришлось в голову проверить мою верность вере. Верность, которой нет. Ведь нету Ваала — я знаю! Тогда... тогда почему я всё равно решила остаться Ашаи-Китрах?.. Страх ел меня, он сжирал заживо. Никто не поймёт цены, которую я заплатила за то, чтобы остаться тою, кем есть...»

Леенайни снова отошла к окну, и Миланэ слышалось, как та стучит зубами, словно во сне.

«Арасси, душа моя. Ты ведь подозревала, что с тобой случится. Ты знала... И всё равно рискнула. Ты столь же безрассудна, как я... Только твоя опасность оказалась настоящей, и ты знала, что она такова».

— Итак, давай мы вернёмся к этому разговору попозже.

— Я бы предпочла, моя амарах, чтобы этот разговор не состоялся вовсе.

— В самом деле? — насторожились уши амарах.

— Сколь понимаю, мне предоставлена возможность выбора: да или нет. Я догадываюсь, что сестринство неоднородно, в нём есть разные кружки по интересам; по крайней мере, об этом догадывается любая ученица после Совершеннолетия. Но я не хочу к ним примыкать, по крайней мере, пока. Я хочу ослепнуть и далее полагать в неведении, что сестринство однородно, как алмаз. Не вижу, чем могла бы быть полезной среди Тайнодействующих, ибо совсем не стремлюсь к влиянию: ни к светскому, ни к какому-либо ещё. Я просто Ашаи-Китрах.

— А кто такие Ашаи-Китрах, если не влиятельные мира сего, берущие силу в Ваале? Ответь.

— Львицы духа.

Леенайни смотрела на неё, вдруг поднялась, неизвестно зачем: то ли разразиться гневной тирадой, то ли похвалить, то ли что, но её внезапно прервал настойчивый стук в дверь; звук был ритмичным и, очевидно, имел какое-то значение.

Вздыхнув, амарах резко и гордо подошла к двери, прошедши в опасной близости

от Миланэ, которая хорошо учуяла её запах: мускусный, резкий. Раньше она не замечала его. Чуть прижав уши, чтобы лучше слышать речь позади, Миланэ спокойно сидела, глядя перед собой. Казалось, следовало взволноваться, ибо амарах — недовольна. Но Миланэ успела столько наволноваться, что её уже просто не хватало на всё это; она говорила, что думала, не особо заботясь.

Голос прислужницы амарах:

— Важные львы просят великосиятельную.

— А я просила: не беспокоить, пока не выйду! Хоть кто-то может поступать так, как следует?!

— Важные львы просят, оказывается. Из Админы с ними сестра, говорит — дела дельные, срочные.

Чуть помолчав, амарах проворчала:

— Давай их сюда.

Хлопнула дверь и Леенайни снова предстала перед Миланэ. Оперлась о стол, а на её лице играли усмешка и гримаса неприятия:

— Значит, всё напрасно. Я очень разочаровалась в тебе, Ваалу-Миланэ. Львица, прошедшая такие испытания, должна быть невероятно смелой; но теперь вижу, что у тебя это были глупость и блажь. Очень жаль. Я сделала тебе великое предложение — примкнуть к достойным, хорошим сёстрам, которые ничего не делают во вред сестринству, а только в его славу. А ты отвергла моё предложение. Мне жаль, что ты сделала такой выбор.

В приёмной застучали шаги.

— Всё, что *так* предлагает амарах — великая честь, — добавила она.

Миланэ встала, собираясь уходить; на уход намекал и жест Леенайни, направленный к двери, мол, больше не задерживаю. Но тут в дверях шумно явилось три льва. Они быстро вошли, сразу закрыли за собой дверь, выстроившись в ряд и занимая проход. Это не было бесцеремонным, но весьма и весьма уверенным поведением. Выйти не получалось, посему Миланэ начала рассматривать гостей. Первый из них, слева, был истинным красавцем; именно таких рисуют в качестве героев-подвижников, победителей-крушителей, соблазнитель и прочее-прочее. Вторых двух не успела — раздался грозный голос Леенайни:

— Кто таковы, добрые Сунги? Мне сообщили, что вы с очень важным делом. Очень надеюсь, что оно воистину таково, иначе я разозлюсь, что вы прервали мой разговор с сестрой, которая только что удостоилась чести носить амулет Ваала. Такой день бывает раз в жизни, понимаете, добрые Сунги?

— Очень сожалеем, что прервали разговор великой преподобной, но наше дело не терпит отлагательств.

— Садитесь. Слушаю.

— Постоим, спасибо. Мы из Марны; я представитель Регулата Закона и Порядка, двое достойных господ — Надзора Веры, — очень обтекаемо, без всяких должностей представился лев, одновременно протягивая Леенайни две важного вида бумаги. Дав ей некоторое время, продолжил: — Давайте обойдёмся без формальностей — ими можно заняться позже. Мы все здесь — взрослые, поэтому хотелось бы побеседовать откровенно. Ваалу-Миланэ, в первую очередь я обращаюсь к сиятельной. Дело в том, что из Имперской библиотеки Марны пропала опасная вероборческая книга — «Снохождение», написанная Малиэль из рода Млиссари, Ашаи-отступницей, великой ненавистницей веры Ваала. Это подлинник, не копия. Книге, с одобрения Круга

Девяти, Надзором присвоена первая группа. Думаю, все понимают, сколь это опасно. Итак, пропажа была обнаружена три дня назад. У нас есть все основания полагать, Ваалу-Миланэ, что преподобной известно местонахождение этой книги.

— «Снохождение»? Малиэль? — нахмурилась Леенайни. — Мне известна эта книжка. С чего вы взяли, что Миланэ имеет к ней какое-то отношение?

— Во-первых, около луны назад, а именно пятого дня четвёртой Луны Всрода 810 года, Ваалу-Миланэ-Белсарра имела доступ к этой книге...

— Да, это так, — перебила его амарах. — По поручению сестринства Сидны. Поручение было исполнено в точности и верности.

— При этом была нарушена целостность охранной печати, что в данном случае являлось большим нарушением.

— Поручение. Было. Исполнено. В точности. И верности, — с каждым словом амарах стучала по столу ладонью. — Так и напишите в своих писульках. Что-то непонятно, добрые Сунги? Если была нарушена, так таковым оказалось поручение сестринства Сидны. Или вам не нравится сестринство Сидны?

— Нравится, очень нравится, великосиятельная Ваалу-Леенайни.

— Чудно. Обратитесь к Ваалу-Ирмайне, библиотечной старшей сестре; возможно, она вспомнит, куда затерялась одна из книжек, которые она стережёт. А моих воспитанниц трогать не надо. Не на-до.

— Это не всё. Ваалу-Миланэ, преподобной знаком некто в Марне, чьё имя начинается на «А»?

— Я знаю многих, чьё имя начинается на «А», и не только в Марне, — задрожала Миланэ, вжавшись и сжавшись.

— Ага. Как угодно. Я просто хочу, чтобы сиятельная знала: к этому молодому льву придётся применить то, что мы называем методой устрашения, у которой есть несколько степеней, ко слову. Третья, вторая, ну и самая неприятная — первая. Понимает ли сиятельная, он сейчас находится в тюрьме форта Фес, а его делом занимается Надзор вместе с Префектурой Марны. Его дело — на призрении у высших чинов Регулата, а также — сестринства Марны. Мы можем начать сложную, тяготную процедуру привлечения преподобной к этому делу, огласить подозрение, так далее... Но просто надо знать: всё это будет стоить долгого времени для него. Боюсь, он уже, попав в безвыходное положение, поведал нам, скажем так, свою версию произошедшего, которая нам, то бишь Надзору и сыску, представляется весьма достоверной.

— Вы будете его пытаться? — голос Миланэ предательски дрогнул.

— Выражаясь просторечно: да, мы будем его законно пытаться, если дело перестанет продвигаться. А станет ли оно продвигаться, во многом зависит от сиятельной Ваалу-Миланэ-Белсарры.

— Но вы говорите, что он вам всё сказал.

Львы переглянулись. Так-то да. Как быстро они схватили её за живое. Удача! Мастерство!

— Нет, никто не говорил, что он нам всё сказал. Ещё не всё. Кроме того, мы не можем ему просто поверить. Итак, львица будет отрицать, что знает льва «А»?

— Не буду отрицать, — покачала она головой.

— Ваалу-Миланэ пребывала в тесных отношениях с «А»?

— Это наше личное дело.

— Как угодно. Он пребывал в доме сиятельной на ночлеге?

— Это тоже вас не касается.

— Лев «А» устраивал встречу служителя библиотеки Хала с Ваалу-Миланэ?

— Напомню: Ваалу-Миланэ может отрицать абсолютно всё, — отозвался другой лев. — И мы будем вынуждены просто уйти, если львица или великосиятельная амарах укажут это сделать. Сейчас Ваалу-Миланэ является дисциплиарой...

— Уже сестрой, сестрой, Ваал мой, — поправила Леенайни, внимая изо всех сил.

— Тем более, сестрой. Сестрой Ашаи-Китрах, и мы пока бессильны вследствие привилегий. Но, как бы там ни было, дело будет раскручиваться, потому что оно — очень важно. Направду. И рано или поздно Ваалу-Миланэ придётся отвечать на вопросы, в том или ином статусе. Ибо преступник, к несчастью, указал на Ваалу-Миланэ как на ту... кто имеет отношение к делу кражи «Снохождения».

— В чем вы её обвиняете, никак не возьму в толк-то? — не строго, а как-то даже мягко спросила Леенайни, облокотившись о стол.

— Мы ни в чём никого не обвиняем. Мы просто хотим докопаться до истины. Ваалу-Миланэ может правдиво поведать, что ей известно о деле — тогда всё станет на свои места. Можно не говорить, но тогда мы будем вынуждены вытаскивать ответы из льва «А» ещё и ещё, пока...

— Довольно, — встала Миланэ. — Что вы сделали с Амоном? Вы его пытали?

— К нему не было пока применено законных пыток.

— А незаконные?

— Тюрьма — не сахар, видит ли сиятельная. Он жив-здоров.

— Если поведаю вам, что знаю — вы отпустите его?

— Мы не можем его отпустить, ибо он сознался в преступлениях. Пока не можем. Скажу начистоту: он поначалу пытался взять всю вину на себя, но факты — вещь упорная. И дело не мелочное. Но если «Снохождение» найдётся вследствие сотрудничества — например, нашего с львицей — то участь всех участников преступления значительно, значительно облегчится. Вплоть до помилования. Если книга не будет найдена с течением времени, то их участь, как ни прискорбно, будет всё ухудшаться и ухудшаться.

— Так львице что-то известно, что могло бы нам помочь? Мы очень ждём этой помощи. И надеемся на неё, ибо это обязательство Ашаи-Китр... — засуетились остальные львы.

— Я хочу, чтобы его отпустили. Он оговорил себя и не имеет к этому отношения.

Амарах вдруг настойчивым жестом пригласила всех сесть за стол, в том числе и Миланэ.

Уселись.

— Допустим. Кто тогда имеет? — настойчиво спросил красавец-сыскарь.

— Вы отпустите его? Отпустите Амона, и вас будет то, что вы ищете, — меланхолично ответила Миланэ, словно сообщала им великую тайну жизни.

— Мы не уполномочены. Но суд, который, безусловно, состоится, примет все доводы и отпустит невиновного, если Амон таковым окажется. Кроме того, влиятельные... головы, которых обеспокоила кража книги... могут поспособствовать мягкому урегулированию вопроса.

— Пусть сиятельная расскажет, — незлобно сказал второй. — Это значительно уймет последствия. Я бы не врал в присутствии амарах дисциплиария.

— «Снохождение» у меня, — призналась Миланэ.

— Тааак...

— Я вам его отдам. Мы познакомились с Амоном случайно. Я убедила его украсть эту книгу, использовав силы Ашаи и вскружив голову. Он подчинился моим силам, учинив кражу под моим руководством. Я хорошо знаю библиотеку Марны, поэтому мне не составило труда придумать, как это проделать. Потом Амон отдал мне книгу, с которой я уехала в Сидну. Она у меня. Я украла «Снохождение».

Все осмысливали услышанное. Ветер трепал занавеси.

— Хорошо. Признание — смелый и правильный поступок, Ваалу-Миланэ. Мы можем увидеть книгу?

— Миланэ... Ты украла?.. Ты украла?! Зачем?! Это правда? — ужаснулась Леенайни.

— Да.

— Нет! — зверски стукнула ладонью по несчастному столу. — Вы на неё надавили! Вообще, вон отсюда, пока я вас не...

Не успела договорить, потому что без стука — как обычно — вошла Амалла, и застыла, увидев необычную сцену.

— Не надо, — попросила Миланэ. — Это так. С разрешения амарах я пойду и покажу добрым Сунгам то, что они ищут.

— Что за день... Амалла, сходи с ними. Посмотри, что там, — устало отмахнулась Леенайни.

«Там» уже было шумно, скандально и неприятно. Когда Миланэ в сопровождении гостей из Марны и молчащей Ваалу-Амаллы подошла к своему дому, то увидела, как вход преграждают несколько Ашаи и шумно спорят с некими невзрачно-неприметными личностями, которые повсюду тыкали какими-то бумажками, медной звездой Регулата Закона и Порядка и казённо, но с нотками неуверенности, зывали к сотрудничеству. Когда подошли ближе, то оказалось, что вход преградила одна из наставниц вместе с дисциплирами, которые первыми заметили подозрительных типов, пытающихся проникнуть в дом Миланэ. Вокруг собралось с десятков учениц, просто наблюдающих за зрелищем, но готовых вмешаться в любой момент; соотношение сил оказалось явно не в пользу подозрительных. Возмущение сестринства Сидны оказалось нешуточным: в дом ушедшей в Нахейм Ваалу-Арасси, о смерти которой знала уже вся Сидна, пытались проникнуть какие-то сыскари со своими вонючими и абсурдными делами, а ведь вещи покойной *нельзя трогать* по меньшей мере семь дней, особенно если это — Ашаи-Китрах. Не говоря уже о том, что просто так в дома Сиднамая врываться нельзя, даже если ты марнский сыскарь или сам регул Закона и Порядка.

Завидев хозяйку дома, ученицы бросились к ней. После туманно-расплывчатого, нарочито запутанного объяснения, Миланэ попросила сестринство освободить вход и впустить нежеланных гостей, поблагодарив за защиту и бдительность. И все они — три марнских гостя и три марнских сыскаря — очутились внутри, брякнув за собой дверь. Амалла вошла тоже, но всё молчала, ходила как-то боком, поглядывая на всё искоса, держа руки в жесте жёсткой сдержанности.

— Не надо тут ничего переворачивать, — заметила Миланэ.

— Раз мы вошли, а сиятельная согласилась сотрудничать, — сказал красавец-лев, зачем-то натягивая перчатки, — то настою на условии: львица всё показывает — а мы всё берём сами.

— Не трогайте это, — мрачно заметила Ваалу-Амалла, указав на кровать Арасси.

— Мы уж знаем, что трогать, а что — нет.

— Не поздоровится, добрый Сунг, — Амалла кивнула на стойку с оружием в коридоре, где уютилась одинокая совна, которую уже много лет никто не трогал. — Это ложе дисциплины, которая вчера ушла в Нахейм.

Угроза прозвучала естественно.

Кровать действительно не тронули, как и некоторые из вещей Арасси, явно указанные Миланэ, но всё остальное — буквально перевернули. В первую очередь вынули на мир «Снохождение» из сундука; именно красавец, осторожно держа книгу в перчатках, дотошно рассмотрел её с помощью маленького увеличительного стекла, потом спрятал в заранее заготовленный футляр, сразу вышел и больше не возвращался. Перед взором сыскарей предстали личные вещи Миланэ, всяческие одёжки, безделушки, поделки, письма, книги, украшения, клочки бумаги и листы записей, даже некогда потерянный клубок дорогих тобрианских нитей — и тот нашёлся.

— Это требуется забрать, хорошо? — прозвучало, когда нашли кипу записей (три десятка листов) — цитат и рисунков из «Снохождения».

Много позже Миланэ поняла, да потом узнала наверняка, что могла прогнать взащей всех этих шушпарей, как только отдала «Снохождение», не подвергая свой дом, за столько лет ставший родным, такому унижению. Она была сестрой Ашаи-Китрах и привилегия неприкосновенности могла сослужить ей в полную силу. Но дочь Андарики упала в глубокую тоску, и на всё лишь кивала — смысла сопротивляться не видела.

«Амон. Амон. Амон. Кровь моя, его хотели пытать. И, верно, пытали. Мой любимый Амон».

— Требуется забрать, ладно? — увидели её письмо к Амону, которое должна была передать Арасси.

Забрали. Сыскари нарочно говорили именно в такой, вопросительной форме — иначе не имели права.

В углу нашлась скомканная бумажка. Сыскари вместе, как школьники, столпились над нею, один из них даже двигал губами при чтении. Миланэ пошевелила ушами, не понимая, что они там нашли.

— Миланэ, это всё правда? — тем временем тихо спросила Амалла.

— Что, наставница Амалла?

— Разве ты украла эту книгу из библиотеки? «Снохождение»? Я ведь помню это дело, ты ведь вскрывала ящик... И так далее, сама понимаешь. Но что произошло? Почему она оказалась у тебя? Кто сказал её забрать? — горячо допытывалась она.

— Никто. Я сама.

— Зачем? — у Амаллы — почти гримаса боли.

— Книжка понравилась. Пришлось украсть.

— Уму непостижимо. Недоговариваешь. Ладно. Как хочешь.

Она гневно взмахивала хвостом, а потом снова громко зашептала:

— Не переживай. Тебе кто-то сказал сделать глупость в Марне. И ты сделала. Мы тебя защитим, сестра. Дело раздавим, как таракана. Леенайни ведь говорила насчёт нашего круга? Нашего общего дела? Говорила. Ты уже с нами.

— Львица — Тайнодействующая? — ухмыльнулась Миланэ, одновременно забирая лапу, на которую чуть не встал один из служивых.

— Конечно, — молвила Амалла и впервые улыбнулась за всё это время.

— Сожалею, но я отказалась от этой чести. Леенайни знает, — вздохнула Миланэ и громко обратилась к сыскарям: — Что вы там нашли?

— Это требуется забрать, ладно? — запрыгали они.

— Да что именно? Дайте глянуть.

Это была записка Арасси, написанная в день начала Приятия, которую Миланэ в сердцах швырнула в угол.

Милая Милани,

прежде всего хочу выразить тебе свою настоящую признательность за всё, что ты делала для меня за длинные, яркие лета. Люблю тебя за это. Я просто люблю тебя. Ты — самая лучшая, и не смей отрицать. Не смей!

И если ты так хочешь, то я могу отвезти в Марну «Снохождение» твоему сладкому другу жизни, но уверена — лучше это совершить тебе, ведь твоей красоте он обрадуется куда больше, чем моей, хоть я сама — молва ходит — вполне ничего. Ты сделаешь это лично, чему очень рада. Думаешь, смеюсь над твоей бедой? Ох, я не столь порочна. Так прочти главную новость. Знаешь, я ненарочно посетила Леенайни, которая приняла меня с большим чинством и благородством, как подобает. Мы побеседовали, пришлось обмолвиться о тебе, и не поверишь — она не знала о твоём деле! Я попросила её вмешаться и выяснить, почему над тобой решили так жутко подшутить, ну, эта отравленная сома на Приятии, обвинения в плохом поведении и прочие гадости. Знай же: Леенайни сказала, что заступится и не даст этому случиться. Вообще, тебе беспокоиться не о чем, иди на Приятие без страхов, всё будет как надо — только гадкий напиток, честно-честно. Только давай пока притворимся, что мы этого не знаем, ладно? А то нам влетит. Видишь, сколь славны дела. Она ведь великая амарах, не так ли?

Мы скоро станем сёстрами! Мне, конечно, немного страшно, но я стараюсь не думать о плохом. Всё это время я выдерживала ночные буйства, и в этот раз выдержу — уж опытна, голыми когтями не возьмёшь.

До встречи!

Вечно преданная тебе,

Арасси.

Миланэ подумала, что весь мир однажды взял и сговорился против неё, начав подстраивать все мыслимые несчастья. Прочти она эти слова тогда, три дня назад — о, сколь многих мыслей пришлось бы избежать, сколь многое бы обошло её стороной: и мысли о скорой гибели, и плохие мысли об Арасси, и безмерная тоска. Уже было неважным, как именно Арасси встречалась с амарах и о чём говорила, хотя догадаться нетрудно: умоляла её, заступалась за подругу.

«Важно то, что я не успела с ней попроситься, как подобает. Стой! погоди! «Попроситься»... Знамо, знамо я пустоголова. Мне нужно было отвадить её от этого Приятия! Ведь говорили, говорили, что ей нельзя, нельзя! Что я сделала, чтобы остановить её? Лишь маленький скандалчик и мелкую ссору? Она жалелась мне, она

верила мне, она — может быть — в конце концов, желала, чтобы я убедила её! Что я сделала? Ничего. Валялась в кровати, когда она ушла. Я не читала её записок. Не слушала, что она говорит. А она побежала к амарах, чтобы спасти мой хвост. И теперь смотри: где я, а где — ты, моя сестра... Поделом мне всё. Поделом. И это жуткое Приятие, и эта грязь в душе, эти сыскари, что рыщут, а потом отдадут меня под суд».

Так ей стало не в себе и жаль, что от большого огненного чувства её ладони возгорелись игнимарой, и бумага в них враз превратилась в яркое пламя. Это заметили сыскари, вмиг засуетились, поняв, что они что-то упустили и хитрая Ашаи (конечно, хитрая, всё это — игры сестринства, ведь известно какие они, сеструшки) обманула их и сожгла то, чего не надо видеть.

Но было поздно и старший среди них лишь бессильно хлопнул в ладоши:

— Вот так-так.

Дальше всё было буднично и гнусно. Амалла ушла, не дождавшись конца всей суеты, сыскари огласили, что они закончили и можно удаляться. Миланэ лишь повела ушами — ей было всё равно. Они втроём начали совещаться и шушукаться в углу на кухне, а тем временем она пыталась привести в порядок дом, совершенно бессознательно, не думая; потом в дом без спросу вошёл низкорослый и хмурый, тот самый, что вначале пожаловал с красавцем к амарах Ваалу-Леенайни. Он явно всем заправлял и дал несколько коротких указаний, после чего все они «настойчиво предложили» Миланэ пройтись, и она пошла; по дороге ей объявили, что следует уехать в Марну «для дальнейшего следствия» и «полного выяснения дела». Миланэ ответила: она не может просто так уехать, ибо должна присутствовать на сожжении близкой львицы, а состоится оно завтра; она не может просто так взять и уехать из Сидны, это невольно даже сёстрам; и вообще, «Снохождение» уже у них — чего ещё желать-то? На всё это хмурый без всяких эмоций заметил, что так станет много лучше для дела, отправляться надо немедленно; и если сиятельная решила, что дело сгладится само, то не выйдет — в любом случае её ещё потревожат; указание забрать её в Марну дано очень высокими чинами, потому — Миланэ должна понимать — они так или иначе попытаются её туда забрать; кроме того, лев Амон нуждается в её помощи, показаниях и участии в деле, раз уж она решила не бросать его на произвол судьбы. Если он невиновен, так его отпустят, только нужны показания Миланэ, в том числе — письменные. Она долго думала, потирая переносицу, поглаживая скулу. В конце концов ответила, что требуется идти в Админу — уведомить, что она отъезжает в Марну, таков порядок; а потом могут хоть на месте прибить — ей всё равно. Сыскари согласились, довольные простотой разрешения дела, и пошли вместе с нею.

В Админе она опять встретила Амаллу, что смотрела на неё с осторожным сожалением. Миланэ ловила сочувствующие взгляды. Безусловно, никто и не думал, что Миланэ крада какие-то книги или нечто в этом роде; все сёстры и дисциплиары, хоть бы мельком слышавшие о сегодняшнем, понимали, что это большой, сложный столичный переплёт, и жалели Миланэ либо радовались неудаче.

— Простушка думала, что в Марне можно так взять и занять патрона. Вон как Ваал вывел пути, — говорили злословицы вполголоса, видя Миланэ в окружении сыскарей.

Амалла похлопотала среди служителей Админы, чтобы они вписали Миланэ как отбывшую по уведомлению дисциплиария; служители, в целом, возражали, ибо Миланэ формально уже не была дисциплиарой, но сестрой, и тем более такой сестрой, что не имеет отношения к Сидне — не является ни наставницей, ни ещё кем, лишь

бывшей воспитанницей, а это совсем другое. Но против воли Ваалу-Амаллы пойти не посмели, тем более, что была зацепка: Миланэ ещё не выдали так называемую выходную грамоту: документ церемонного толка, а не практического, достойный лишь того, чтобы водрузить в рамку либо спрятать в комод (и там забыть). Этим Амалла преследовала важную цель: если Миланэ начнёт подвергаться уголовному преследованию (а осуждение возможно только при низложении Кругом Семи по решению светского суда), то об этом обязательно должны уведомить дисциплирий, а это даст время и способы для манёвра. Сейчас Миланэ, несмотря на тяжесть и сложность положения, лишь «сотрудничает» со следствием согласно обязательству Ашаи-Китрах во всем помогать органам государства Сунгов.

И практически одновременно пришло указание от самой амарах как можно быстрее выдать Миланэ сию выходную грамоту. Это означало лишь одно: Леенайни сбрасывает грязь с хвоста, давая знать всем, в том числе и бывшей подопечной, что не станет заступаться и вмешиваться в её проблемы.

— Зря ты отказала, — тихо шепнула ей на ухо Амалла, горько вздохнув. — Не знаю, что ты натворила, Миланэ, по чьему указанию и зачем, но... удачи. Она тебе понадобится. Не следовало играть у амарах роль возмущённой сердцем: ты ведь знала, что отравленная сома — блеф.

— Я этого не знала, — смерила её взглядом Миланэ, впрочем, без зла; она не собиралась никому ничего доказывать.

— Знала, Миланэ. Ведь это я приходила в Аумлан тебя предупредить. По голосу не узнала, да? — с усмешкой сказала Амалла.

— Что? — удивилась дочь Андари. — Когда? Я ничего не слышала.

— Сиятельная, нам вроде как пора в столицу, — топтались сыскари-служивые.

— Сейчас... — кивнула им дочь Сидны. — Когда это было?

— Врёшь, — блеснули зубы Амаллы. — Как не слышала? Ты ж там не спала. Я на весь Аумлан кричала.

— Не вру, — пожала плечом Миланэ.

— Врёшь. Я была у тебя за спиной, когда ты ту записку Арасси читала. Я одним глазом тоже туда заглянула. Ха, думаешь я ничего не видела? Арасси тебя предупредила! Она была у Леенайни! Думаешь, я не поняла, зачем ты записку сожгла игнимарой, да? Ой, хитра-хитра, да не исхитрайся! Только давай пока притворимся, что мы этого не знаем, ладно? А то нам влетит, — Амалла, хороша на память, наизусть процитировала часть записки.

— Всего хорошего, наставница Амалла.

— Прощай, Ваалу-Миланэ-Белсарра.

* *

Собиралась она неспешно и обстоятельно, хорошо понимая, что шансы когда-нибудь ещё раз увидеть дом в Сидне — что уже не был её домом — очень невелики. В результате получились два больших баула, которые сыскари, как хорошо воспитанные самцы, помогли донести к дилижансу, окрашенному в чёрный цвет. Внутри него правила полутьма и скользкие тени.

Вместе с ней сели двое: старый сыскар и молодой. Первый — напротив, второй — слева, на почтенном расстоянии. По голосам снаружи Миланэ поняла, что с ними едет ещё как минимум двое, не считая извозчего, но выглядывать не стала.

Тут было выехали с главных ворот дисциплинария, как она заметила из окна знакомый лик. Миланэ, восторженувшись, застучала по стенке, требуя остановиться, но дилижанс только поехал быстрее.

— Чего останавливаться, сиятельная?

— Там мать Арасси, её родственники!

— Сожалеем, — развёл руками старый лев без всякого сожаления.

На этом общение кончилось. Молчали они, молчала и она. Так продолжалось долго, очень долго, час или два. Молодой без зазрений заснул; старый цепко наблюдал за Миланэ, которая сидела и боялась собственных мыслей.

Вдруг он заговорил.

— Лев рубят, щепки летят. Да, преподобная? — как-то засуетился на месте старый служащий закона, будто искал место поудобнее.

Миланэ равнодушно наблюдала, что там за окном.

— Мне сложно понять, к чему сир клонит, — наконец, ответила.

— Я толкусь на этой службе уже несколько десятков лет. И мне всегда было сложно свыкнуться с мыслью, что жизнь безумно несправедлива. К чему? А тому, что этот лев, Амон, окажется крайним и понесёт тяжёлое бремя наказания, хотя совершенно ясно — он здесь больше жертва, нежели преступник. Да, всё понятно: внутренние склоки сестринства, ловля друг друга за хвост, грызня — всё это не ново. Мне сложно судить, что именно произошло в деле; но я, как Сунг, вот что скажу: такие вещи сильно портят моё доверие к сестринству. Вместо того, чтобы тратить своё время на эти плоды интриг, я мог бы поймать несколько настоящих преступников, так нет — должен садиться, ехать...

— Лев не считает меня настоящей преступницей?

— В какой-то мере даже хуже. Львица сама созналась в преступлении, потому я вынужден, согласно закону — ибо так хотят Сунги — таковой её считать. Кража есть кража. Но, право, настоящий преступник меньше всего думает о том, сколь он преступен. И никогда не сознается с той лёгкостью, с коей это сделала сиятельная. Всё значит только одно: львица знает, что делает, знает, что ей всё сойдёт с рук, всё заранее просчитано, обдуманно, оговорено. Кто-то чего-то добился, где-то кому-то весь шум принёс пользу или вред, неприятности сиятельной уладятся в Марне; всё, в конце концов, образуется. Только вот об Амоне уже никто не замолвит слово, а жизнь молодого льва сломлена.

— Почему лев решил, что о нём никто не замолвит слово?

— Ну кто-то должен за всё ответить.

— Здесь нет подводных камней. Всё значительно проще и глупее: я украла эту книгу, чтобы её почитать. Я ответственна, я несу бремя.

— Не надо вещать ложь с таким благим видом.

— Ничего не пойму. Отпустите Амона, берите меня. Чего более? За меня уже никто не заступится. Я всё расскажу, как есть и как было.

— Ай, если бы всё так просто, то я бы сделал это в первую очередь, добрая сиятельная. Отпустил бы я его, но — увы! — крутил словами львина.

— Не я держу его в застенках. Это вы так делаете. Вы угрожали пытать его.

— А как иначе? Случилось преступление — кража. Оно чрезвычайно взволновало многих влиятельных особ, началось расследование, выявлены причастные, поднялся невообразимый шум. Мне, кстати, невдомёк, почему. Но это не моего ума дело.

— Вот именно. Очень хорошо сказано. Не ума льва. Мне невозможно будет объ-

яснить, почему это случилось и по какой причине, но — видит Ваал — произошла великая беда. Единственное, чего сейчас хочу — чтобы она как можно быстрее отгинула от Амона. Я во многом повинна в том, что случилось. Но — видит Ваал — многое не могла предотвратить.

— Ага, так львица признаёт, что здесь не просто «украли книгу, чтобы почитать», а всё намного сложнее?

Миланэ лишь отмахнулась.

— Все эти интриги самок — даже если это львицы Ваала — к добру не приводят. Хорошо говорил мой дед: идёшь к львицам — не забудь плетть.

— Кабы львицы не оказались с плетьюми.

Ей взаправду надоело с ним беседовать. В ином случае интересно изложить свои домыслы и чувства совершенному незнакомцу, который, тем более, пришёл по твою душу и намерен совершить тебе неприятностей. Но здесь возникла стена; она не знала, о чём с ним говорить, не видела смысла, а тем более — отрады. Безотрадно. Совершенно некуда ткнуться, пожаловаться на злую судьбу, что, безусловно, такова. Более того — к Миланэ очень хорошо начало подкрадываться понимание того, что во всём повинна она; так или иначе, но — она.

«Я, это я повела Арасси к той Ашаи-отступнице. Не знай Арасси, что ей опасно Приятие, всё могло обойтись; она верила фантазмам о Ваале в кошмарах — они могли спасти её! Я, это я подтолкнула Амона к этой безумно рискованной краже, хотя именно мне следовало отвести его подальше от опасности. Знамо же, львица искушает на поступки, тебе ли не знать — так зачем ты подвела к безрассудству?! Всё из-за меня. Всё-всё-всё».

Старый лев со скрытым интересом наблюдал за её плачем, который она совершенно безуспешно пыталась скрыть; стыдясь прямого взгляда, смотрел украдкой.

— Мне надо выйти наружу, — утихнув, вдруг заявила Миланэ.

Молодой, что спал слева, от этих слов — удивительно! — вмиг проснулся, словно разразился гром.

— Зачем? — мгновенно, броско спросил старый сыскарь.

— Неудобно объяснять, но у всех есть потребности.

— Мы в лесу, — выглянул он, отодвинув плотную, тёмную занавеску.

— Мне без разницы. И вообще: раз я согласилась отправиться с вами, то вы должны идти хоть в чём-то навстречу.

Старый переглянулся с молодым, почесал гриву, а потом несколько раз дёрнул шнур колокольчика.

— Стой!

Дилижанс остановился.

— Просто хочу предупредить: мы готовы к неожиданностям.

— Вот славно, — ответила Миланэ. — Всем бы так.

Когда она вышла, то заметила, что они находятся посреди широкой лесной дороги, ровной, прямой и неизбитой. Были они далеко не одни — и спереди, и сзади дилижанса неведомого когда успел появиться внушительный эскорт: четыре воина на лошадях спереди, четыре — сзади.

Остановку она совершила, совершенно не зная, что и зачем будет дальше. Ей вдруг стало мерзко ехать со всеми этими блюстителями закона и порядка; хотя, по большому счёту, они ни в чём не были виновны, «просто выполняли долг», но именно рядом с ними Миланэ впервые в жизни ощутила, что нечто у неё в жизни не

сладилось совершенно; то самое чувство, когда знаешь: лучше бы однажды родиться в ином месте, в иное время, а — может быть — в ином мире. Выйти из сложного лабиринта, найти выход из такого тяжкого тупика, и лишь для того, чтобы увидеть перед собой ещё одну мрачную стену? Она одной лапой ступила в небытие, а потом оказалось, что это случилось по причине чьих-то желаний и капризов, причём мало-толковых, пустых, каких-то чудовищно обиденных; гадость и бессмысленность действий тех многих, чьими руками сделались эти чёрные дни, не внушали веры в чужие души; то, что Амон оказался в тюрьме, казалось злой случайностью, нелепой ошибкой, ведь он наверняка всё продумал и замёл за собой следы; а смерть Арасси нанесла окончательный удар.

Её жизнь всегда чем-то держалась, хранила нерушимую сердцевину, даже в самые трудные мгновения. Даже тошнотные луны на Востоке она перенесла с поднятой головой, без отчаяния, потому что очень много верила: в своё призвание, в сестринство, в свою будущность, и в то, что свет — впереди. Она столько лет шла, чтобы стать сестрой, но во что превратилось её окончательное превращение! Теперь она — полноценная Ашаи-Китрах. Но нет даже радости, не то что ликования. То, судя по всему, ненадолго: рано или поздно её изгонят из сестринства для осуждения; Миланэ понимала, что шансов сохранить прежнюю судьбу немного.

Лес был редковатым, нечашобным, как говорят у неё на родине. Миланэ прошла несколько десятков шагов, дотрагиваясь рукой к деревьям, обернулась — её стражи следили за ней и медленно следовали с недвусмысленным видом, мол, только попробуй что-нибудь выкинуть. Судя по всему, у них есть приказ не церемониться, если она решит сбежать, хотя Миланэ, по законам Империи, сейчас могла уйти куда угодно без всякого препятствия, потому что она — всё ещё Ашаи.

Конечно, она не будет сбежать. Если бы задумалась о бегстве, то... С таким же успехом могла никуда не ехать и никому не сдаваться; и, надо заметить, наверняка Миланэ смогла бы успешно защититься от неприятностей, тем более заручившись протекцией амарах, запросто бы сохранила «Снохождение» у себя. И всё было бы, как надо. Она бы вышла из мутной воды. Можно было стать Тайнодействующей, можно было закрыть глаза, можно было сохранить «Снохождение» — мечты сбываются. Амон... Ну был такой Амон, и что? Не ставить же из-за него всю жизнь на кон?

— Всё ты делаешь не так, — улынулась Миланэ. — Всю жизнь — не так.

Когда вернулась, то услышала:

— Ага... Вижу, львица никуда не отходила по своей, так выразиться, нужде, — с подозрением щурился молодой сыскарь.

— Лучше не связываться со всеми этими играми Ашаи-Китрах, — посоветовал старый молодому.

— О предки, — закрыла глаза ладонью Миланэ, не в силах больше выдерживать творящийся вокруг абсурд.

«У них — только показания Амона. Я уверена в этом. Возможно, ещё Хала. Но Амон должен был указать на меня. Никто, кроме нас, не знал, что книга у меня. Значит, Амон», — задумалась Миланэ. — «Но почему он меня сдал?.. Ну, здесь просто — его пытали. Они требовали от него показаний. Книгу... Кровь моя, но почему они так рьяно взялись за это дело? Казалось бы, кому есть дело до пропавшей книжки в библиотеке, будь она даже трижды верборческой...»

* *

На самом деле Амона не пытали — не успели. Оказавшись в застенках форта и в кандалах после очень шумного утреннего визита в его дом, он понял, что чудовищно ошибся, и кража этой книги оказалась не шалостью, как он считал поначалу (без особых изысков провернув это дело через Хала и ещё одного простодушного служителя библиотеки, воспользовавшись положением сотрудника Тайной службы), а чем-то очень серьёзным; полную суть происходящего понять не мог, но его опыт недвусмысленно говорил, что библиотечных воришек не берут тёпленькими в постели опытные ловцы Регулата, приставив нож к горлу.

В форт, в котором, по большинству, содержали «несогласных» — то бишь противников текущей власти Сунгов, хулителей веры и прочих особо опасных преступников, его доставили чрезвычайно быстро, связанным по рукам и лапам. Бросили в помещении, где царила полнейшая тьма, и некоторое время Амон лежал на холодном полу, но недолго, потому что со свечами и лампой к нему вошли три льва. Они принесли с собой стол и два табурета. Двое оказались стражами; они развязали ему лапы, ослабили узлы на руках, властно усадили на стул. Третий, седой, оказался дознавателем.

— Времени на забавы мало, — сразу начал он, предложив Амону присесть, а сам поставил лапу на табурет. — Мы с тобой львы служивые, должны понимать друг друга с полуслова. Расскажи всё, что знаешь.

— Знаю о чём? Я много чего знаю.

— Отбрось дурачества. Где она? — двинул он табурет, Амон качнулся.

— Кто «она»?

— Амон, не знаю, зачем ты это сделал, но поступок был чрезвычайно глупым. Твоя подружка мгновенно тебя сдала и во всём давно призналась, свалила всю ответственность, а поскольку она — Ашаи и наверняка пляшет под дудки старших сестрёнок, то боюсь, что ты по уши в известно чём, а её поглядят по головке. И лучше бы сразу сказать, где эта шакаля книжка, а то нам придётся исполнить предписание Надзора и сразу применить устрашение.

— Что она вам рассказала? Когда? — прижал уши Амон.

— Эх, брат, попал ты сеструшкам в лапы. Заставили они тебя провернуть дельце, да что теперь? Как говорится, чужим хвостом легко молотить. Ты зачем её послушал?

— Я её не слушал, я...

— Ну, так где она?

— Кто?

— Книга! Мы без тебя знаем, где Ваалу-Миланэ-Белсарра, потому что сдала она тебя, друг мой, с потрохами.

— Она не могла этого сделать, — обмолвился Амон, и в сердцах дёрнул кандалами.

— Тогда почему ты сидишь здесь, друг мой? Почему тебя, сотрудника Тайной службы, заковали вот в эти кандалы, ммм?

Амон с истинным удивлением посмотрел на них.

— Сеструшки провернули свои интрижки и будут таковы, чистенькие и хорошенькие. Мне тебя очень жаль. Ты её послушал, да? Она сказала помочь украсть книгу?

— Нет, я сам. Точнее, это... Да, я сам.

— Ладно-ладно, это такое. Давай поговорим о том, что мгновенно облегчит твою участь. Может даже подарит свободу. Где книжка «Сно-хо-ждение»? Вот же поназывают...

— Не знаю.

— Будем играть, да?

— Я действительно не знаю.

— Давай, последний шанс.

— Ну вы ведь сами говорите, что она меня сдала. Верно?

— Естественно. Натурально, сдала.

— Так у неё и спросите, где книга. Она уж точно скажет, раз такое дело, — издевательски сказал Амон.

Он знал, что это ложь и блеф.

— Так это *она* знает, где книга, — мгновенно поймал его опытный дознаватель.
— Правильно я тебя понимаю?

— Может и знает. Поспрашивайте, — попытался как можно равнодушнее Амон.

— Не беспокойся. Спросим. Почему ты решил ей помочь?

— Где она? Мне надо с ней поговорить!

— Боюсь, ты вряд ли её увидишь. К тем, с кого нет пользы, больше не приходят.

Когда дознаватель вышел, то первым делом закурил трубку; его коллега нетерпеливо ждал под дверью, ведь их неимоверно подгоняло начальство, приказав работать любыми методами, лишь бы напасть на след книги.

— Думал, будет труднее.

Пыхнул.

— Сразу купился. Молодой ещё.

Ещё раз пустил струю дыма.

— Хотя всё оно так и есть. Какие-то ашайкины разборки.

* *

«Я очень прошу льва понять одно: Амон — ни в чём не виновен. Если вы знаете кто он такой — а вы знаете, кто он такой — то он лишь выполнял приказы, а далее попал в такие сети, из которых не имел шансов выпутаться. Он — жертва сложных обстоятельств. Сделайте всё, чтобы отпустить его».

Миланэ продумывала свою речь. Она понятия не имела для кого. Но кто-то, в конце концов, возьмется за неё здесь, в Марне, и надо попытаться его убедить.

Марна... Да, вот так она и вернулась в этот город.

«Мне по-иному представлялось будущее», — усмехнулась она.

Сейчас они ехали по знакомой уже дороге. Позднее утро, приятная облачная погода. Дилижанс не стал заворачивать вглубь города, а продолжал ехать прямо, объезжая город с севера.

Она иначе представляла себе форт Фес. Воображение рисовало высокие неприступные стены на крутой горе, развевающийся флаг Империи на самом высоком шпиле, лязг подъемных цепей. По крайней мере, те форты, которые она успела увидеть в жизни, выглядели примерно так. А оказалось, что это толстенное здание унылого вида у края довольно оживленной окраинной улицы.

— Приехали, — с каким-то довольством молвил старый сыскарь.

Он первым выскочил из дилижанса, за ним — молодой. Миланэ начала неспешно

собирать вещи, которые успела разложить вокруг за время весьма долгой поездки.

Когда она вышла, то увидела, что её провожатые беседуют с неким представительным львом возле входа у форт; судя по одежде, тот был то ли из Надзора Веры, то ли из Палаты дел Ашаи-Китрах. Миланэ он показался знакомым, но она не особо разглядела, ибо пошла забирать свои котомки с задних ящичков дилижанса.

Затем с форта вышел лев, по облачению, очевидно — командир. Перебросившись несколькими словами со статным львом, он ушёл обратно. После этого её провожатые возвратились к дилижансу; молодой явно упал духом и вообще не смотрел на дочь Андари, старый молвил в пустоту:

— А что я говорил, — и вздохнул. Потом взглянул на Миланэ, махнув рукой в сторону статного и представительного самца: — У этого льва дело к сиятельной. Прошу к нему.

— Но как же?.. — с недоуменным жестом Миланэ указала на форт. Она ведь уже приготовилась делать всё: убеждать, врать, брать вину на себя, спасти Амона, выкручиваться, ладить плохую ситуацию.

— Не смеем больше задерживать.

«Так, за меня решил взяться Надзор Веры?», — вскинула бровь Миланэ.

Всё может быть. Удивляться нечему.

Она взяла свои нехитрые пожитки и направилась ко льву.

К нему осталось шагов десять, и вдруг она узнала его. Да, тот самый Фрай из Палаты, который когда-то прибыл оградить от неприятностей после убийства негодя, обидевшего Раттану.

— Оооо, кого видит мой счастливый взор, — засиял в улыбке лев и подскочил к ней. Он буквально заставил её бросить вещи на землю, поцеловал руку, закинул их в изящную двуколку, в которую была запряжена беспокойная лошадь. — Да здравствуют Сунги, благородная! Да будет мне позволено помочь... Раз-два. Прошу садиться возле меня.

Вдруг она поняла, и чувством Ашаи, и чувством самки, что ей улыбнулась судьба. Что-то произошло, пока неведомое, но это что-то — в её пользу. Нет, вряд ли за нею приехал Надзор; если бы он приехал к ней с настоящим намерением «заставить отвечать за слова и поступки», понимала Миланэ, то никто бы ей не целовал руки. Здесь имела место либо какая-то изощрённая, хитрая игра, либо же в дело вмешалась Палата, либо патрон, либо нечто совсем неизвестное, потому Миланэ вмиг пришла к выводу: для дела будет лучше всего, если она будет со львом сладкой, как мёд, и слушать всё, что он скажет.

Если судьба даёт шанс, за него нужно хвататься когтями.

— Сильного дня льву. Я помню наше знакомство, милый Фрай.

— А что я могу сказать? Его не забудешь. Но, полетел, негодяй!

— Ваалу-Миланэ рада снова видеть льва, хоть мы познакомились в грустных обстоятельствах, — сияла она, смахивая несуществующие пылинки с ушек.

— Да, повод был не самым приятным. Хотя должен сказать, что все мои коллеги, так сказать, крайне одобрительно отзывались о поступке честивой Ваалу-Миланэ.

— Отрадно, что лев решил меня забрать — до этого я пребывала не в лучшей компании, — Миланэ небрежно указала в сторону быстро удаляющегося форта. Потом легко и ненарочно спросила: — Но посмею поинтересоваться: куда именно?

— Благородная рада, что я её украл у этих плохишей? — захохотал Фрай и погнал лошадь ещё быстрее.

— Фрай стал для меня символом спасения от неприятностей.

Им вслед уже летели ругательства — двуколка заставляла всех метаться в стороны.

— Я могу стать каким угодно символом для блистательной, — лев, несмотря на бешеную скорость, ухитрился будто бы нечаянно провести рукой по её плечу; потом она продолжила путешествие по боку и остановилась у бедра.

— Можем ехать поспокойней? — попросилась Миланэ.

— Конечно можем, — сказал Фрай, но скорость совершенно не убавилась.

Так прошло некоторое время, во время которого Миланэ натерпелась от этой жутко-копкой езды.

— Ваал мой, Фрай, прошу: едем полегче.

— Раз сиятельная просит...

Ехать стали намного медленнее, как все.

— Ррррр! Мне нравится, когда всё быстро, ярко. Но если львица просит медленно... Я могу и мееедленн-но.

— Не сомневаюсь, Фрай, — откинулась она назад.

— Если Миланэ во мне не сомневается, то мы точно можем пой...

— Фрай, ну пожалуйста...

— Что?

— Лев скажет, куда едем?

Он посмотрел на неё, потом на дорогу, потом снова на неё. Далее речь зазвучала крайне витиевато и обтекаемо:

— Я в некотором роде знаком с обстоятельствами, с которыми столкнулась Ваалу-Миланэ. Вот не знаю подробностей — да и не смею спрашивать — но предполагаю, что сейчас, именно в эти мгновения, безупречной следовало находиться в определённом месте и проходить определённые, не самые приятные... эти самые... необходимые в таких случаях формальности. Тем не менее, безупречная едет сейчас со мной, а забрать безупречную мне было поручено руководством. Из этого следует, что некто очень влиятельный смог... так сказать... изменить ход событий и указать отвезти Ваалу-Миланэ иное, по моему мнению, куда более приятное место, чем форт Фес. Более того, предполагаю... Но, пошёл! ...что солнечной сестре Ваалу-Миланэ известно, с кем и как она должна встретиться, а поэтому это не моё дело; а если не известно, то сказать прямо не могу, потому что, во-первых, преподобная увидит всё сама, во-вторых, мне указано не слишком распространяться о деле вообще.

Миланэ лишь несколько раз моргнула. Она не то что бы совсем ничего не поняла, но такое «объяснение» не вносило столь желаемой ясности.

— Короче, я много не знаю, в этом деле — маленький, и делаю то, чего, по идее, не должен делать. Я просто оставлю Ваалу-Миланэ перед одним домом и уеду. Могу перейти на «ты»?

— Можешь, — кивнула Миланэ, задумавшись о своём. — Спасибо, Фрай.

— Но всё это не имеет никакого отношения к тому, что я бы хотел поближе познакомиться с тобой.

— В некотором роде мы уже знакомы.

— О, как приятно это слышать. Но я настаиваю на более близком знакомстве.

— Если лев хочет настаивать, то всё, что ему стоит совершать — продолжать настаивать, — улыбнулась Миланэ, пригладив шею. Впрочем, она собралась и села строже, припрятав хвост у лап.

Они поехали по тихой, зелёной улочке; Миланэ обратила внимание на то, что вокруг нет домов. Фрай умолк и посерьёзней, убавил ход; наконец, после шагов трёхста, они встали перед большими коваными воротами. Миланэ весьма удивилась, что возле них находилось не только два стража, но и целых три привратника.

Один из них вмиг подошёл к экипажу.

— Приветствую добрых Сунгов. Слушаю.

— Велено передать: приехала гостья с далекого Севера.

«Что-что?!», — изумилась Миланэ, аж дёрнулся хвост.

— Какая гостья из далекого Севера? — отвратительно поморщившись, уже немолодой привратник развернул свиток и начал что-то выглядывать в списке.

Фрай лишь почесал гриву, но тут вдруг выскочил другой привратник и буквально подбежал к ним.

— Ах, да-да, — заторопился он со словами. — Прошу, прошу. Открывай! — махнул рукой, и ворота тотчас открылись.

Не говоря больше ни слова, Фрай поехал дальше. Миланэ повела ушами, чтобы получше слышать сзади.

— Баран! — очевидно, старший среди привратников очень разозлился.

Всё это было необычно, странно и любопытно.

— Но почему «гостья из Севера»? Я-то с Юга, — Миланэ не могла не задать этот вопрос, хотя он весь и светился наивностью.

Лишь пожав плечами в знак недоумения, Фрай остановил двуколку на круглой площадке перед фасадом большого, очень красивого дома.

— Приехали, — быстро сказал он. — Прошу, — Фрай помог Миланэ сойти на землю. — Буду рад новой встрече.

Поставив вещи Миланэ перед ступенями, молодой лев поцеловал её руку и тут же, мгновенно, уехал, словно страшась здесь находиться.

Вообще, всё происходило как-то очень быстро, торопливо, так, что Миланэ каждый раз не успевала опомниться и осмыслить одно, как происходило нечто другое. Провожая его взглядом, услышала сзади голос:

— Красивого дня для сиятельной Ашаи-Китрах.

Она обернулась и увидела, что её вещи уже подхватили двое слуг, а высокий, на головы две выше её управляющий домом стоял перед нею, сложив руки на животе; на груди у него, как положено, была пластина на цепи, но вместо герба патриция там красовался всеизвестный символ Ашаи — огонь Ваала, а под ним — номен «С. с. Ваалу-Фрея».

Ну что же, получается, что хозяйка этого дома — какая-то старшая сестра. Хорошо...

И тут Миланэ увидела ещё нечто, от чего у неё похолодело в груди, а в душу закралось великое подозрение.

Под номеном прописью шёл девиз:

Не вижу знамений, ибо сама вершу их

Это могло означать только одно: хозяйка данного дома не только Ашаи-Китрах, но ещё и Вестающая. Только им вольно иметь личные девизы, которые во многих случаях составляют неотъемлемую часть их полного имени.

Казалось бы — что такого?

Но в сознании Миланэ очень многие вещи вдруг закружились в очень стройном танце и обрели облик; так бывает, если отойти от очень большой картины: поначалу видишь лишь непонятные фрагменты, но затем — целое полотно.

«Меня привезли к Вестающей! Чудно, Милани. Где ты впервые в жизни встрети-лась со «Снохождением»? У холодного тела Вестающей. Кто прятал книгу, как величайшую ценность... или злую улику? Молодая Вестающая. Кому среди Ашаи-Китрах невозбранен интерес к сновидению? Вестающим. Кто силён среди Сунгов? Вестающие. Как говорил тебе Амон? Ищи «Снохождение» там-где-ходят-по-снам. И что теперь?.. Если ненавидят они эту книгу, так я у них — в большой немилости. Если почитают — так в ещё большей».

Видимо, она надолго всмотрелась в эту табличку на его груди, потому он кашля-нул и попросил:

— Прошу за мной. Сиятельная Ваалу-Миланэ-Белсарра в порядке?

— Что?.. А, да, конечно. Хорошего дня. Прошу меня простить.

Они пошли вверх по большой парадной лестнице, огражденную маленькими декоративными столбиками. Вилиус ввёл её в холл, указал, где можно омыть лапы и хвост, с чем ей помогла вмиг появившаяся служанка, дотошно вытершая досуха каж-дый коготь и умастившая чем-то кисточку хвоста. Миланэ, как всегда, ощутила неудобство, она никак не могла привыкнуть к этой аристократической обыденности; она даже боялась, когда ей мыли и вытирали лапы, потому что в Андарию львят и львён простого происхождения это приучают делать сызмалу самим. Затем управ-ляющий предложил «время для некоторых личных потребностей», но посоветовал «не слишком задерживаться, так как преподобную ждут». Намёк был понят Миланэ верно, и она лишь посмотрелась в зеркало, бессмысленно расправив складки уже весьма примятого пласиса.

— Прошу, — пригласил вглубь дома управляющий.

Мозаичные полы, статуэтки, панно, изображающее быт Сунгов древности; дом не самый большой, но хороший, со вкусом. Лев открыл большую резную дверь, и Миланэ сразу поняла, что сейчас окажется в атриуме; почему-то он предпочёл боко-вой вход, хотя в атриум наверняка можно попасть сразу с прихожей.

Только она вошла, как за нею гулко закрылись двери, да так, что Миланэ вздрог-нула.

Она оказалась в красивом атриуме, полном зелени и уюта. Где-то пели птички: то ли в клетках, то ли в густых ветвях маленьких лавровых деревьев, растущих в солид-ных кадках. В центре размещался небольшой, круглый фонтанчик, возле которого расположились четыре огромных красных дивана, усеянных подушками разных форм и размеров. Перед ними находились столы, и ближайший был заполнен яствами.

Миланэ встала возле него, перенесла вес тела на одну лапу и вогнув кончик хвоста вверх, а руки сложив в жесте закрытости, обняв плечи.

Справа на диванчике полулежала львица в длинной белой тунике с яркими узо-рами, лапами к Миланэ. Хвост её распластался по земле, одну руку она закинула за голову, ладонь другой находилась в плоской, наполненной тёмной жидкостью чаше. Лицо рассмотреть оказалось невозможным — на скулах, лбу, подбородке и даже части шеи была нанесена то ли белая глина, то ещё что, и Миланэ не смогла распо-знать, что это такое.

Прибытия дочери Андарию она, казалось, не заметила вообще.

Терпеливо постояв некоторое время, показавшееся весьма пристойно-продолжительным, Миланэ села на диванчик, подоткнув за спину побольше подушек и закинув лапу за лапу. Всё это время львица лежала, лишь пошевеливая пальцами в чаше, очень тихо напевая мелодию, и никак не обращала внимания на гостью сего дома. Заметив у неё на пальце кольцо сестринства, Миланэ сначала решила заговорить первой, но потом передумала, вздохнула и взяла со столика большую медовую грушу. Которую с наслаждением надкусила.

— Мням-мням.

Миланэ перестала есть.

— Как, вкусно? — спросила львица.

— Да, — ответила дочь Андари, опустив руку с грушей.

— Это выдает тебя с головой. Зачем церемониться? Бери, что хочется, а остальные — тьфу, и слова не достойны. Какая провинциальность.

Пришлось промолчать. Что тут скажешь?

— Такие, как ты, всегда мечтают что-то свершить, выбиться в свет, проявить себя. Награбастать побольше, побольше! Сожрать! — не слушала ответа львица.

— Я пришла сюда, чтобы выслушивать эти низкие оскорбления? — Миланэ оставила грушу на тарелке.

— А что? У тебя есть выбор? Может быть, да. Нужно же указать, где твоё место.

— Кто-то знает моё место лучше меня?

— Ты так не считаешь? Ты вот сможешь меня оскорбить? — взмахнула хвостом незнакомка, но неудачно — он попал прямо на стол и чуть не перевернул кубок. — Ты не сможешь.

— Я не мастерица оскорблений, — слегка развела руками Миланэ.

— Зато я знаю, на что ты мастерица. Ты — воровка. Ничто не оправдывает воровство, даже величайшая идея. Воровство и благородство души — несовместимые вещи. По крайней мере здесь, в моей голове, — львица постучала себя по лбу.

— Меня мало интересует мнение львицы. Пожалуй, мне пора.

— Оооой, не советую. Ты не в том положении, чтобы играть в обижалки.

— Меньше всего мне хочется слушать бессмыслицу. Престранно будет узнать, что меня позвали лишь ради этого.

— Оскорбление — это оценка. Чтобы оценивать, нужно иметь волю. Тот, кто оценивает — тот творит мир.

— У львицы есть ещё слова для меня? Или всё?

— Вообще-то, с тобой хотят поговорить.

— Я полагала, что это львица пригласила меня на разговор.

— Да прям. Больно надо.

Вдруг с противоположной стороны атриума раскрылись двери и зашуршали шаги.

Миланэ сразу признала в одной из них, старшей, Вестающую. Она была одета, как подобает старшим сёстрам-Ашаи (а все Вестающие, даже совсем молодые — старшие сестры), и держала в левой руке небольшое позолоченное зеркало, которое Вестающие используют во многих церемониях, как символ своей касты. В повседневности — и Миланэ хорошо знала это — они его не носят и даже недолюбливают, а посему спутать Вестающую с обычной сестриной весьма легко. Более того, в традициях Вестающих, у неё был венец с большими подвесками.

Вторая оказалась одета совсем по-домашнему, в простой бежевый хитон без изысков.

— Так-так, кто это у меня в гостях, — начала вторая. — Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзаи, воспитанница Сидны, родом из Андарики, талантливая во многих слушаниях Ашаи-Китрах...

— Имеющая влиятельного патрона, — тут же добавила хамка, продолжающая нежиться на диване.

— Да, — кивнула львица в хитоне, усевшись слева от Миланэ.

Важная Вестающая продолжала стоять.

— И во... — хотела было добавить возлегающая, но её осекли:

— Аальзи, пожалуйста, дай и мне сказать.

— Аальзи?! — содрогнулась Миланэ от запоздалого узнавания.

Наконец-то она узнала возлегающую львицу. Знакомый голос, эти жесты! Подруга юности! Дружили они около года, будучи сталлами, и тогда ещё Миланэ не сошлась с Арасси. А потом, в один прекрасный день, её забрали из дисциплинарии Вестающие; это считалось великой честью. Они переписывались; но каждый раз ответы от Аальзи ставали всё короче и суше. А потом она и вовсе прекратила отписывать.

— Вы знакомы?

— В некотором роде. Когда-то. Были, — наконец, Аальзи встала с дивана и хлопнула в ладоши.

— Ах да, забыла, что ты когда-то была в Сидне, — небрежно махнула рукой львица в бежевом хитоне. Прибежавшим слугам молвила: — Заберите чашу и все эти штуки. Живей.

Миланэ всё это начало не то что бы надоедать, но раздражение появилось.

— С кем имею честь беседовать и по какому поводу приглашена?

Вместо хозяйки дома, к которой обращалась Миланэ, ей ответила Вестающая с зеркалом:

— Для тебя уже наверняка не тайна, что ты сейчас общаешься с Вестающими, ибо ты — умная львица и хорошая Ашаи-Китрах. Моё имя — Ваалу-Инлирамия, это — как ты поняла — Ваалу-Фрея, это — Ваалу-Аальзи. С тобой будет говорить Фрея. Можешь считать, что общаясь с ней, ты говоришь со всеми Вестающими мира вообще, ибо мы — едины, как семья. Теперь извини, мне пора. Желаю всего хорошего. До свидания.

Миланэ знала это имя. Инлирамия. Любая Ашаи-Китрах знает хотя бы одиннадцать самых важных Вестающих по именам, и это была одна из них. В таких случаях полагается встать и совершить жест почтения, но Миланэ даже не пошевелилась, лишь ответив:

— До свидания.

— Аальзи, что ты сидишь? — сказала Инлирамия. — Пойдём со мной.

— Э...

— Давай-давай.

Очевидно, Аальзи не смела послушаться; зло поглядев на Миланэ, она быстро пошла вослед.

Стихло.

Дочь Андарики вдруг прыснула. Она никогда не предполагала, что снова встретит бывшую подругу в таких обстоятельствах, с этими глупыми нападками, да ещё с этой белой глиной на лице. Она всё меньше понимала, что творится в этом мире и чего нужно его обитателям.

— Что насмешило Миланэ? — учтиво осведомилась Фрея, поправляя свой хитон.

— Ничего... — утерла Миланэ несуществующие слёзы и посерьёзнела. Глубоко вдохнув, выдохнув и пошевелив пальцами в воздухе, с небольшим волнением в голосе молвила: — Итак, Вестающие хотят со мной побеседовать. Чем обязана такой чести?

— Сёстры-Ашай всегда найдут о чём поговорить, верно? — улыбнулась Фрея. Потерев ладони, сцепила их вместе. — Миланэ, львица прекрасно понимает, что послужило поводом.

Она не оставляла впечатления неприятной или злой; напротив, Миланэ ощутила эмпатией, что это весьма благородная натура.

— Пусть будет прощено, совсем забыла: Миланэ хочет утолить голод, жажду? — вдруг встрепенулась Фрея.

— Может подождать, спасибо.

Заложив лапу за лапу и скрестив руки, Фрея начала, стуча когтями лапы по мраморному полу:

— Понимаешь ли, то что произошло, крайне взволновало нас. Очень плохо, что подлинник «Снохождения» был украден. Хорошо, что украден не корыстным ублюдком, а... выразусь осторожно... чрезмерно любопытной ученицей.

Миланэ опустила взгляд, а потом снова поглядела на Фрею.

— Давай так. Я никогда не буду скатываться к угрозам, принуждениям и прочей гадости — не подобает. Я предлагаю тебе рассказать всё начистоту, что и как случилось. Сразу оговорим: ты прямо сейчас можешь отсюда свободно уйти, никому ничего не рассказывая, без всяких объяснений и бесед. Но в этом случае твоё будущее под большим вопросом, а сама ты, безусловно, рано или ещё раньше будешь изгнана из сестринства и предана светским для их судилищ. Нам, в принципе, уже ничего не нужно — «Снохождение» в сохранности возвращается на место, Ирмайна вышвырнута из библиотеки, наконец-то, — вздохнула Фрея, — все довольны. Может быть, мы перепрячем книгу в хранилище понадёжнее, между прочим... Ты столкнула нас с ненадёжностью всех этих библиотек, спасибо. Но Вестающие, в моём лице, всё-таки хотят с тобой поговорить. Возможно, если будешь откровенна, мы даже как-нибудь повлияем на дальнейший ход событий. Так ты желаешь уйти?

«Нет. Конечно нет. О кровь предков, надо остаться и выслушать».

— Я хотела бы поговорить, — кивнула Миланэ, переложив одну лапу на другую.

— Тогда расскажи, пожалуйста, как всё случилось.

Дочь Андари выдержала нужные мгновения, чтобы речь зазвучала.

— Мне неизвестны подробности самого похищения книги, — медленно начала она. — Но Амон — лев, который сделал это для меня — поступил так под моим полным влиянием. Безраздельным.

— Знаю, кто такой Амон. Я знаю о деле всё, что знают светские ищейки, и даже больше. Почему он на это согласился?

— Я повлияла на него всеми способами. Фрея понимает.

— Он в тебя влюбился, — заулыбалась Вестающая.

Вздохнула, посмотрев вверх, словно юная маасси.

— Как романтично.

Сложно, очень сложно понять, игра это или более-менее искренне чувство. У Фреи сложная и сильная душа — иные Вестающими стать не смогут — а потому потемки.

— Как вы с ним познакомились? Он сказал, что... — тут Фрея взяла из соседнего диванчика небольшую корзинку, откуда вытащила несколько листов бумаги. Чуть сморщившись, начала читать: — ...подстроил знакомство, наняв за империял сумасшедшего, который облил тебя водой, когда ты возвращалась с гостей поздней ночью, — расслаблено бросила руку с бумагой и поглядела на Миланэ. — Звучит безумно, и он лжёт.

Чуть подумав, Миланэ решила говорить здесь всё начистоту.

— Обстоятельства нашего знакомства ещё более странны. Я возвращалась с пира у молодого патриция Талсы, куда меня пригласил Синга, сын моего патрона. Когда я возвращалась домой, то... в общем, начала сновидеть. Наяву. Это было... со мной такое случилось в первый раз. Я только потом вычитала у Малиэль, что в этом состоянии нельзя ходить возле вод, но откуда мне было знать... Меня притянули к себе воды, когда я шла через Сафский мост... и упала вниз. Амон выполнял поручение своего руководства, он ведь из Тайной службы, следил за мной... Он заметил беду и спас меня. Отнёс домой, я была в бессознании. Очнулась я у него дома, — остановилась Миланэ, считая историю оконченной.

— Дальше, — потребовала Фрея, вся с виду — в чрезвычайном любопытстве.

— Мы разговорились... я понравилась ему... Мы решили встретиться, ибо я случайно узнала во время разговора, что у него есть связи в библиотеке. Я уговорила устроить встречу с Халом.

— Хал утверждал на допросе, что ты тогда отменила всё дело, — вычитала Фрея в листочке, деловито и цепко сощурился взгляд.

А вот к этому вопросу она оказалась совершенно не готова. Не знала, как правильно ответить: в любом своём слове искала пользу и оправдание для Амона.

— Миланэ, ты хочешь соврать?

— Нет... Я решила, что Хал ненадежен.

— Амон всё равно потом использовал его. Почему?

— Иначе, наверное, не получалось. Не знаю. Я советовала Амону не брать его в дело.

— Зачем кого-то в такое посвящать, а потом... просто говорить «уйди»?

Миланэ лишь развела руками.

Немного выждав, Фрея постучала когтями по своему локтю.

— Амон рассказал, что отдал тебе «Снохождение» у дилижанса, когда ты уезжала в Сидну.

— Неправда. Условились иначе: я обещала полностью принадлежать ему, если он принесет книгу мне домой. Потом мы спали целую ночь, а в Сидну я уезжала с книгой. И обещала, что мы дальше будем вместе после Приятия.

— Как глупо. Зачем домой?

— А куда ещё? — притворилась душой Миланэ.

— Не знаю. Тайник, условное место. Другой город, Ваал мой!

— Но так и было. Я просила его домой принести.

— Какую только глупость не сделает самец, чтобы завладеть самкой! И он пришёл?

— Ну, как видим из случившегося, да, — будто сама удивляясь, ответила Миланэ.

Фрея вздохнула и повела ушами.

— Ты знаешь, почему за тобой следили тайники? Вообще, Амон признавался тебе, что он — из Тайной службы?

— Признавался.

— Эка ж ты, Миланэ, коварна. Ты его совсем растопила, он тебе всё выболтал, да?

— В Сидне славлюсь... славилась... как мастерица стальсы. Фрея понимает. Большой опыт со львами. Немного эмпатии, немного взгляда, немного ласки.

— Ты что, и по заказу работала?

— Бывало, — соврала Миланэ, чтобы быть убедительней.

— Прямо в Сидне?

— Ну да. А где ещё? Добрые термы только у нас, далеко идти не надо; поначалу стальса, потом остальное, по желанию.

— Угум... И что он тебе сказал? Зачем ты сдалась тайникам?

— Говорил, что не знает. Предполагал, что это связано с патроном и его недругами во власти.

— Ты сообщила патрону, что за тобой была слежка? — засуетилась на месте Фрея и вздёрнула хвостом.

— Нет, конечно. Тогда надо рассказывать подробности, а это значит — выдать Амона.

— А какая разница? Книгу ты уже получила, зачем он тебе нужен? Кроме того, Ашай рода обязана служить патрону, разве нет?

— Это непорядочно. Всё-таки Амон мне доверился.

— Но патрону ты могла просто намекнуть о слежке! Я бы так сделала на твоём месте, — указала Фрея на неё пальцем.

«Хах, на моём месте. На моём месте, сладкая, ты бы давно...»

— Не успела.

— Советую так сделать. Не думай, что эти светские дурни, играющие в свои властные забавы, нацелены только на патрона. И тебе они добра не желают.

Приятно улыбнувшись, Фрея хлопнула в ладоши. Пришедшим слугам приказала принести чего-нибудь вкусного, а потом возлегла на подушки. Миланэ наблюдала за нею; уже можно сказать, что Фрея — львица умная и незлобивая по характеру, общение с нею — даже столь откровенное, в чём-то рискованное — не было в тягость; оставляла эта Вестающая хорошее и гладкое впечатление, и Миланэ даже поймала себя на мысли, что в иных обстоятельствах они смогли бы найти очень даже дружеский язык.

— Хустрианский виноград. Попробуй.

Миланэ не стала отказывать её гостеприимству и попробовала, хоть никогда особо не любила винограда.

— Ладно, всё это мало интересующие нас частности. Ты не можешь возвратить своих свершений, как говорила Даима-Хинрана, верно?

— Верно.

— Стоит подумать о будущем. Я уже упоминала, что твоё будущее, Миланэ, во многом определится тем, что ты будешь говорить в ответ на мои слова.

— Чего львица хочет от меня?

— Хотят Вестающие. Не забывай — я здесь говорю от лица всех.

— Чего хотят от меня Вестающие? — выдохнула Миланэ.

— В первую очередь: откуда ты узнала о «Снохождении» Малиэль? Кто подсказал прочитать? Кто указал достать? Кто вывел на тропу?

— Я сама на неё вышла.

— Где ты услышала о «Снохождении»?

— Впервые услышала на занятиях по истории веры Сунгов. В дисциплирии, ещё будучи сталлой, — честно ответила дочь Андари.

— Миланэ, мы ж не маленькие дети, чтобы играть в словашки. Когда тебя отправляли в Марнскую библиотеку с комментариями, то... тогда, да? Когда ты загорелась желанием его достать? Отвечай, пожалуйста, если хочешь сгладить свою вину... и помочь другим.

Последние слова вынуждали Миланэ встать, сдержанно попрощаться и с достоинством уйти. По крайней мере, это был простой, понятный и гордый выход из этого дома с его тёмными, малопонятными намерениями, намёками, разговорами. «Сглаживать вину», а тем более перед «кем-то», да после всего, что произошло...

Но она это не сделала.

Ибо Миланэ умна, смышлена и не любит глупое безрассудство. Ей по нраву иное безрассудство: с духом, с огнём, лихое.

— Кто-то ведь должен был тебя надоумить, — настаивала Вестающая. — Кто-то тебе должен был рассказать, что достать настоящее «Снохождение» не так-то просто, — Фрея глядела на неё в упор, не сводя глаз, словно желая силой взгляда превратить её в куклу, лишённую воли. — Где ты в первый раз увидела эти строки? Библиотека Марны?

Последний вопрос прозвучал почти как уверенное утверждение, призванное лишь выудить ответы из Миланэ.

— Нет.

— То есть как «нет»? Ты видела его раньше?

— Да.

— Настоящее?

— Да.

— Где?

— Это долгая история.

— К ночи ещё много. Мои уши тебя слушают.

Сжато, блекло, нарочито бегло Миланэ повела историю с погибшей ученицей Вестающих на Востоке.

— Я помню этот случай, — кивнула Фрея. — Чья-то трагическая глупость, ничёмная беззаботность. Погибшая... как её звали... да, Амарель, она была хорошей ученицей, стала бы доброй Вестающей. О, как жаль. Почему они поехали той дорогой? Вот хороший вопрос.

— Почему у неё оказалась эта книга? Вот ещё один хороший вопрос, — подняла коготь Миланэ, поставив ладонь на собственный хвост. — Может быть, её смерть — не случайность, а наказание за вероборчество? И кто мог её наказать? Надзор?

— Хм, возможно и такое. Как знать. Но Надзор этого сделать не мог, уверяю.

— Это мог сделать тот, кому «Снохождение» совсем не по нраву. Как вижу, очень многим Сунгам оно не нравится. И сестринству — тоже.

Внимательно выслушав, Фрея парировала мгновенно:

— Хочешь сказать, что это мы убили Амарель из-за «Снохождения»?

— По крайней мере, способ выбран идеально.

— Хм... Думаю, самое время тебе кое-что показать.

Жестом пригласив за собой Миланэ, Фрея направилась к выходу из атриума; ничего не оставалось, кроме как следовать ей.

«Мне конец», — вдруг подумала Миланэ.

На самом деле она всю жизнь, до сих пор, вовсе не считала, что эту несчастную львицу-ученицу могли убить свои же, Вестающие. Но слова Фреи вдруг очень ясно, чётко, уверенно расставили всё по местам, и вся большая загадка разрешилась в стройной картине.

«В самом-то деле, ха-ха, сколь я была несмышлёная. Не видела дальше когтей! Вестающие ненавидят Малиэль, им-то и больше всего стоит её ненавидеть; ибо вся их жизнь строится на твердости веры во Ваала и избранности способностей к сновидению; но Малиэль ведь рушит эти глыбы, как песчинки! Именно они в своё время запретили его руками Надзора. А фальшивки, на которые я натыкалась? Возможно, тоже их старания. А теперь Вестающие узнали обо мне всё, что хотели узнать, и могут спокойно избавиться от меня... и не только от меня»

— Я, между прочим, знаю, что ты не боишься пускать оружие в ход. Ты хотела меня убить?

Мощная эмпатия у этой Фреи. Мощна.

— Скорее, мне хочется убить себя.

— Почему?

— Со мной и так всё кончено.

Фрея, внимательно посмотрев на Миланэ, улыбнулась и продолжила идти.

— Мы не убивали эту несчастную ученицу. Сколь жестоко ты думаешь о нас.

Она сделала несколько шагов и добавила:

— Возможно, нам не стоит тебе помогать, раз так. Вестающие решили помочь, Миланэ, но ты ведёшься очень грубо.

— Если вы и можете помочь, то сделайте так, чтобы Амону ничего не было.

Тем временем их путь кончился — они пришли в небольшую, но очень хорошо обставленную домашнюю библиотеку. Фрея без раздумий пошла прямо к одной из полок и безошибочно выбрала одну книгу среди многих. Простая коричневая обложка без всяких надписей, внушительный размер.

Вестающая поставила её на стол.

— Поверь, что самый большой твой враг сейчас — ты сама, — Фрея держала пальцы на книге. — Ты можешь ещё наговорить и надеть глупостей, тогда сестринство со светскими прихлебателями позабавится с тобой, как захочется. Они будут тебя разоблачать, спрашивать, судить и тешиться зрелищем. Разве я плохо приняла тебя в своём доме? Разве доброе слово Инлирамии не повлияло на тебя? Отвечай.

— Судьба коварна. Сейчас она улыбается, но через миг — показывает клыки. Я уже никому не верю.

Миланэ поглядела в окно.

— Кончайте со мной, как хотите. Только никого больше не трогайте.

Она подошла к нему ближе; волновались лёгкие занавески. Вообще, она однажды слышала, что душевнобольные в мгновения помрачения воспринимают окна, как выход, такой, который не используют все нормальные, а потому — привлекательный; причём не только как выход из дома, а именно *выход* вообще, способ всё прекратить и сказать миру, что с ним что-то не так. Да что тут сказать: тронутые душой — это те, кому говорят, что они не видят того, что на самом деле видят, и не чувствуют того, что на самом деле чувствуют; из-за такого чудовищного несоответствия они окончательно трогаются умом. Так сказала Ваалу-Скади, значит — так есть.

— Слова ничего не значат. Имеют значения лишь поступки, — бесцветно молвила Миланэ.

— О, хорошо. Тогда смотри, что делаю.

Миланэ обернулась не сразу. Поначалу даже не заметила, что такого сделала Фрея, но потом заметила, что та просто раскрыла книгу на первой странице. И она бы узнала эту книгу среди тысяч; не спрашивая разрешения, Миланэ сама перевернула страницу, потом ещё и ещё. Это было настоящее «Снохождение»; точнее, его копия, но добротнo сделанная, и самое главное — подлинная. Потом подняла взор на Вестающую, полный растерянности.

— Малиэль Млиссарская — одна из самых почитаемых нами Ашаи-наставниц. Когда-то простые Ашаи-Китрах, которые, по своему большинству — всплывшая на поверхность чернь, отлучили её от сестринства, но мы, Вестающие — помним всё и продолжаем считать одной из величайших сестрин, ступавших по земле. До неё никто и не пытался внятно рассказать о сновидении, предполагая, что это невозможно; она с лёгкостью совершила невозможное, и почти каждая из нас, Вестающих, имеет у себя эту книгу. Любая Вестающая-наставница, которая получила под опеку ученицу, считает своим долгом подарить ей «Снохождение» как можно раньше. И Амарель прятала книгу под одеждой не потому, что это была улика, а потому, что это был именно подарок от её наставницы — самое дорогое.

— Но Вестающие сильны! Почему бы с неё не снять печать запрета? Ведь можно нажать на Надзор... не знаю...

— Она же не формально вероборческая, Миланэ; нет же, она по-настоящему вероборческая; там отрицается или отбрасывается многое из канонических учений о вере. Представь: все узнали, что Вестающие поголовно признают вероборческую книгу. Каков будет хаос и вой, а?

— Это ведь значит, что... — присела Миланэ на стул.

— Да, Миланэ, это значит, что мы крайне взволновались, узнав о пропаже «Снохождения». Но не потому, что нам есть дело до мнений Надзора и прочих дураков, а потому, что очень ценим Малиэль. Вестающие порицают тебя за кражу; с иной стороны, в нашей душе есть понимание мотивов твоего поступка.

Вдруг дочь АндариИ резко встала.

— Я прошу прощения у львицы. Я была неправа.

— Ничего-ничего, сядь.

Слёзы накатывали сами, и сдержаться было очень трудно — Миланэ раз за разом потирала глаза основанием ладони.

— Я думала...

— Что Вестающие так уж плохи? — заулыбалась Фрея. — Нет, Миланэ, ты — наша единомышленница. Ты увидела величие духа; возможно даже испытала это знание в жизни. Вестающие живут сновидением, это наша жизнь — сновидеть и общаться там; нам-то не знать, что истинно, а что ложно.

— Испытала, испытала, — кивнула Миланэ, кое-как успокоившись. — И Вестающие признают, что Малиэль говорит об иных мирах?

— Да, конечно, — степенно ответила Фрея. — Признаём. Надо сказать, что сновидение требует долгой, сильной практики, должна быть опытная наставница или подруга, которая сможет подсказать, предостеречь, и так далее... Правда, Вестающие сновидят немного по-иному, чем простая сновидящая, ведь оно для нас — средство, а не цель, способ общения на расстоянии; наш великий дар. Мы не можем отправ-

латься в далёкие миры, будь-то верхние или нижние, потому что это требует много силы, а сила нам нужна для другого. Всё-таки мы служим Сунгам и являемся Ашаи-Китрах, несмотря на наши более свободные взгляды на веру... Хорошо, Миланэ, у меня осталось не так много времени, — Фрея встала, то же сделала и дочь Андари. — Обо всём этом мы сможем поговорить позже.

Поставив книгу на место, они вышли из библиотеки к атриуму. Фрея медленно шла по коридору, слева от неё шла Миланэ, внимая.

— Как видишь, Вестающие не пригласили тебя для того, чтобы издеваться или — Ваал упаси — наказывать. Мы просто хотели взглянуть в глаза той, что дерзнула свершить такой неоднозначный поступок. И я думаю, мы можем тебе помочь; тебе решать, принимать ли нашу помощь. Решайся.

— Фрея... пусть Вестающие помогут мне. Пожалуйста.

— Хорошо. Но в ответ мы тоже хотим попросить об услугах. Вообще, нам бы хотелось, чтобы ты, Миланэ, стала ближе к нам. Ты сможешь вольно общаться с нами, мы подскажем тебе о сновидении; в конце концов, сможешь читать «Снохождение» столько, сколько захочешь. И не только его. Поверь, есть ещё много интересных вещей.

— Что я должна сделать? — с готовностью сказала Миланэ, следуя за нею.

— Ну-ну, не сейчас, не время. Сейчас в первую очередь надо думать, как получше выйти из неприятной ситуации. Твоя амарах, Леенайни, бросила тебя, так что надо бы тебе выручаться.

— Фрея знает, что сделала амарах Леенайни? — удивилась Миланэ.

— Знаю, конечно. Ужасный поступок. Леенайни — жестокая идиотка, и будь моя воля, я бы давно поставила её на место; но мои сёстры-Вестающие всё что-то медлят... Мы знаем о её клике, которую она обозвала — нет, только вслушайся — «Тайнодействующие». Так же тайно, как торговка на рынке, да... Мы знаем, что она хотела тебя туда затащить, но ты не согласилась. Испытания она устраивает ученицам... Ничего себе испытания. На то и был расчёт: ты должна была испугаться, не идти на третье испытание. Но планы сломались. Мы знаем, Миланэ, что ты очень верная Ашаи-Китрах.

— Вы всё знаете. Спасибо за лестные слова.

Фрея лишь развела руками. Всё, так всё. Они вошли обратно в атриум.

— Итак, вот что. Сейчас тебя отсюда заберёт наш доверенный лев и вы с ним поедете обратно в форт Фес; возможно, по ещё каким-то конторам, не знаю. Не пугайся, пожалуйста — так надо. Твоё дело свершило много шума, из него не так просто выпутаться. Но не переживай — всё будет хорошо. Поедешь и делай всё, что он говорит. Думаю, к вечеру неприятности будут улажены.

— А как насчёт Амона? Он сейчас в форте. Можно его выпустить прямо сейчас? — с надеждой спросила Миланэ.

— Насчёт этого посложнее. Но тоже решится на протяжении нескольких дней.

— Фрея... пожалуйста... пусть Вестающие помогут освободить его... Я всё сделаю.

— В любом случае сначала надо решить проблему с обвинениями в твой адрес. Езжай с нашим львом и делай всё, что он говорит. Спасибо за общение, больше не смею задерживать.

— А где меня ждут?

— Выходи, он сам тебя найдёт, не беспокойся.

— Удачного дня, Фрея.

— И тебе, Миланэ, — то ли вежливо, то ли холодно улыбнулась Вестающая.

* *

Нет, Вестающая не обманула. Как только Миланэ вышла из её дома, вежливо прощаясь с крайне предупредительными слугами, то встретил тёмный львина с совершенно непроницаемым ликом. Вид у него был такой, словно весь мир ему равнодушен, и что бы ни произошло — это его не волнует и волновать не будет. Прибыл он на большом и старом фирране, на котором, естественно, невозможно было перевезти все вещи Миланэ. Пришлось нанять извозчего, который согласился сам доставить вещи в дом; она опасалась за них, ибо там имелось немало ценного, но иного выхода не нашлось.

За всё это время лев даже не представился и сказал несколько слов:

— Я займусь львицей.

Потом:

— Коляску надо.

Потом:

— Приехали.

Миланэ снова возвратилась в форт Фес, но уже в ином качестве. В каком именно — она пока представляла очень слабо и просто выжидала. Молча они миновали главные ворота форта, где их никак не потревожили. Далее лев вошёл через маленькую, невзрачную дверь внутрь и очень уверенно шёл по затейливым коридорам и коридорчикам. Чувствовалось, что он здесь — словно дома и знает каждый закоулок.

Остановился перед какой-то дверью, жестом попросил подождать, вышел с большой папкой, в которой носят бумажные листы.

— Я могу увидеть Амона? — не вытерпела Миланэ.

Спросила она как можно мягче и ласковее.

— Так львица хочет на допрос? — нахмурился лев.

Дочь Сидны не знала, что ответить.

— Я хочу его увидеть, — повторилась.

Лев потёр лоб, потом виски, сильно и быстро. Казалось, он хочет ответить что-то насмешливое или неприличное, но вынужден сдерживаться и выполнять все прихоти этой самки.

— Ладно, так даже лучше.

Зашел в соседнюю дверь. Миланэ наострила уши и услышала:

— Поднимите этого... да, этого... допрос... не, лучше напиши — очная ставка... ага... Не, не, это не правдовидица. А? Что? Должна придти? Ага.

Дверь размашисто отворилась. Лев деловито вышел, хмуро сказал:

— Пошли.

Они снова запетляли по лабиринту коридоров. Миланэ встречались самые разные львы: от стражей до каких-то непонятных, оборванных личностей. Кого-то провели в кандалах. Мимо прошла какая-то сестра-Ашай с бесконечно усталым видом, даже не обратив на неё внимание. Низкие камнесводы.

Место оказалось весьма гнетущим.

— Огненная пусть ждёт тут, — указал он, когда они зашли в небольшое помещение, шагов десять на десять, и покинул её.

Миланэ вспомнила тот самый сон, где снились низкие потолки. Тут такие же. Маленькое цокольное окошечко давало жалкий, пыльный свет. Дверь напротив совершенно черна от непонятной копоти.

В углу стоял пенёк, правивший за стул. Миланэ не стала на него садиться. Походив вокруг, она вдруг взяла и поставила на него лапу, впившись когтями в дерево. Потом стала рассматривать её, словно большую интересность, поворачивая так и эдак; раскрой на подоле свирь обнажил многое выше колена.

«Как устала... Вот сейчас приду домой — если приду, конечно — укажу Раттане нагреть воды, помоюсь и сразу спать...»

— Оооо! У львицы такие лапы! — жадно сказал вошедший толстяк, довольно улыбаясь. Миланэ подняла взор и опустила лапу. — Это был комплимент, комплимент! — поставил он руки на пояс. — Вооот...

Он будто бы ждал некоего ответа от дочери Сидны, но ей меньше всего желалось заводить разговор с лохматыми, серыми толстяками при коротком мече.

— Эх, где мои молодые годы, — сказал он ни к чему, играя связкой ключей.

Миланэ посмотрела в сторону окна. Вообще, ей редко досаждали похотливые взоры, но не потому, что их было мало, а потому, что она принимала это как должное, понимая, что такова участь самки, и с этим надо смириться, как с лунными днями, мукой деторождения, постоянным уходом за когтями и тщательным уничтожением малейших следов усов на мордашке; а в некоторые мгновения ей вполне нравилось такое внимание. Но этот самец был столь бестолковый и отталкивающий одновременно, что хотелось взять да напялить ему на голову ведро, стоящее в углу, пристукнуть по нему, а потом уйти куда глаза глядят.

Не добившись от неё никакого ответа, лев почесал нос и заворчал:

— Сиятельная на меня в обиде, что ли?

— Нет, вовсе нет, добрый Сунг, — вежливо ответила она. — Льву не о чем беспокоиться.

— Гм... — приободрился он, зачем-то хлопнул в ладоши и пошёл к чёрной двери. — Ладно, идём.

За нею было почти такое же помещение, только более светлое и душное. Посередине — длинный стол, у его правого края — страж, который вмиг одёрнулся, заметив Миланэ вместе со львом.

А тот оцепенел, будто охотник, завидевший добычу.

И Миланэ — тоже. Она увидела Амона.

Её хороший Амон сидел на противоположной стороне стола, понурился головой, отчего пряди гривы разметались по столешнице и скрыли его; под переносицу он подставил два крепко сжатых кулака. Отрешившись от мира, Миланэ глядела лишь на него; он не шевельнулся, ещё не зная, кто к нему пришёл.

— Как он так быстро здесь оказался? — с глубочайшим подозрением спросил лев, пришедший с Миланэ.

— Он уже долго здесь сидит, мой дренгир, — ответил страж-одногодок, встав.

— Как? Зачем? Почему? — бессмысленно метался старший надзорный форта, ярясь показать свою важность и свирепость. — Заключённый — не в камере?

— Мой дренгир, так сказали, что эта придёт его допрашивать... как её... эм...

— Правдовидица? — быстро сообразил надзорный. — С ней уже всё. Всё отменилось.

— А это кто? — вздумал спросить одногодок, тыкнув на Миланэ.

— Кто?! Что?! А ну вышел отсюда! Раз-два! Спрашивает он!

Стража вмиг не стало, а надзорный начал быстро ходить вперёд назад.

Амон не поднимал головы, лишь было заметно, как шевелится кончик хвоста.

— Важный какой. Спрашивать решил, — с победной улыбкой обратился он к Миланэ, поправляя пояс, и только теперь она очнулась.

Не оценив всех знаков его положения в здешнем обществе и вообще не обращая на него ни малейшего внимания, сестра-Ашаи присела на длинную лаву и протянула к своему льву ладони. Коснувшись, Миланэ молвила:

— Привет.

Услышав родной голос, Амон уставился на неё, как на видение, а потом вдруг быстро взял её за локоть, будто опасаясь, что Миланэ пропадёт. Она пыталась приободрить его, принести ему свой свет и тепло, показать, что ситуация трудная, но разрешимая, что всё будет ладно и сладно, и потом они будут вспоминать эти мгновения со смехом.

— Привет, — растерянно улыбнулся он, потом мотнул головой. — Что ты здесь делаешь?

— Пришла к тебе. Как ты? — спросила Миланэ, пригладив его руку.

— Так, ничего.

Этот момент оба представляли совсем по-иному. Но получились лишь банальности — рядом чужие глаза.

— Мои предки, Амон, но как ты сюда... как ты...

Надзорный опёрся о стенку и начал качаться, с превеликим интересом наострив уши.

Её лев вздохнув, взъерошил гриву.

— Всё оказалось не так-то просто, да, — молвил Амон с полуулыбкой, косясь на надзорного и давая знать Миланэ, что откровенного разговора никак не выйдет; но она и так это понимала, и мучилась от этого понимания. — Ты-то здесь зачем? Как твои дела?

— Хорошо. Я узнала о тебе в Сидне. Ко мне приезжали... эти... я пришла к тебе.

Амон закрыл глаза. Он так пытался её защитить. Плохо пытался, неудачно; из него всё достали без особых хлопот. Стыд, позор. Теперь она здесь; и — несомненно — у неё тоже огромные неприятности.

— Зачем, зачем, лучше держись в сторонке! Прости, что впутал, — быстро начал говорить Амон, стараясь отбросить её подальше от этого обрыва.

— Брось, — сжала она его руку. — Я тебя вытащу отсюда!

Последние слова прозвучали отчаянно, запредельно, как глухой, далёкий зов.

— Миланэ, мне сказали, что ты больше не придёшь. А это правда, что ты... — говорил Амон, и дальше косясь на надзорного, и уже совершенно не понимая, как ему валять дурака и как общаться в его обществе. Вдруг он сильно стукнул ладонью по столу и грязно ругнулся от отчаяния, ибо столько всего *надо* сказать, но *нельзя*.

— Ты что, потрох, себе позволяешь в присутствии... — зашевелился тот.

Вдруг снова скрипнула дверь и все, утихнув, обратили взоры к выходу из этого неприятного помещения.

Вошёл тот самый молчун, что привёл сюда Миланэ от Вестающей; он спокойно окинул всех взглядом, потом буднично подошёл к Миланэ, сел возле неё и начал как ни в чём не бывало, будто здесь никого не было, говорить:

— Прошу посмотреть, сиятельная — поставил перед нею бумагу, — здесь запи-

саны достоверные показания благородной, данные ранее. Показания эти проверены и одобрены высшими инстанциями. За сим с благородной снимаются всякие подозрения, беспокоить этим делом больше не будут. Сейчас, после очной ставки, когда благородная Ваалу-Миланэ посмотрела в глаза обидчику и узнала его, прошу подписать их. И на этом дело завершено.

«Обидчик?.. Показания? Какие ещё показания?.. О чем он говорит?», — нахмурилась Миланэ в непонимании.

Тот, заметив, что Ашаи-Китрах оказалась не очень сметливой, прикрыв глаза, глубоко кивнул, мол, всё хорошо, так и надо.

— Надо подписать и всё. Это то, для чего мы пришли. Высшие инстанции одобрили, — добавил.

Смерив его взглядом и хлётко расправив бумагу, Миланэ начала читать.

*Изложение по сути,
составленное
с. Ваалу-Миланэ-Белсаррой из рода Нарзаи,
воспитанницей Сидны,
Ашаи рода сенатора Тансарра из рода Сайстиллари,
верной Сунги,
по делу о краже книги с названием «Снохождение»,
вероборческой и мерзкой по природе,
из Имперской библиотеки Марны*

5-го дня 4-й Луны Выхода 810 года Э. И. я, Ваалу-Миланэ-Белсарра, ещё будучи Сидны дисциплирой, выполняя поручение Админы, посетила Имперскую библиотеку Марны для размещения комментариев в Особом зале, о чём имеются записи в самой библиотеке. В числе книг, к которым прилагались новые комментарии, была и «Снохождение» Малиэль из рода Млиссари. Под неусыпным призрением служителей я исполнила порученное, и это было исполнено точно и беспрекословно, у служителей библиотеки ко мне упрёков не оказалось. За сим всё моё отношение к данной книге можно считать завершённым.

5-го дня 1-й Луны Огня 810 года Э. И. в мой дом, находящийся на улице Славы Востока в Марне, постучался лев, доселе мне незнакомый, с просьбой о свершении мною служения. Как Ашаи-Китрах, я не смею отказывать Сунгам в служениях, посему приняла его. Лев, представившись вымышленным именем, попросил взять на хранение вещь размером с книгу, завернутую в несколько слоев чёрной ткани. Согласно традиций служения, я согласилась, определив сумму в пятьдесят импералов за год хранения, и поинтересовалась, что мне определено хранить. Лев ответил, что там — драгоценности его матери. Выдав ему расписку, свой образчик которой я ранее предоставила уважаемым сотрудникам Регулата Закона и Порядка, приняла это на хранение.

Отправляясь в Сидну для прохождения Приятия, я взяла хра-

нимую вещь с собой, опасаясь за её целостность в своём марнском доме. Как выяснилось далее, когда ко мне в Сидну прибыли уважаемые сотрудники Регулата Закона и Порядка, в чёрной ткани находилась вовсе не шкатулка с драгоценностями, а вероборческая книга «Снохождение». Это вызвало моё недоумение, а потом — глубочайшее возмущение. Более того, задержанный проходимец, оказавшийся Амоном из рода Велари, пытался опорочить моё честное имя, утверждая, будто бы я перекупила это несносное для любой честной Ашаи-Китрах творение, а не приняла его на хранение, что является извращённой ложью.

Каким образом сия книга оказалась у данного преступника, мне неизвестно. Мотивы преступника Амона мне неизвестны. Возьму предполагать, что он пытался отомстить благородному сестринству Ашаи-Китрах из личных мотивов.

Возвратив сотрудникам «Снохождение», я даю это письменное разъяснение и добавляю к моим устным показаниям.

21-го дня 1-й Луны Огня 810 года Э. И.
Ваалу-Миланэ-Белсарра из рода Нарзау
Марна

Вообще-то, её благодетель и помощник приврал. Это не было записью показаний, а объяснениями, данными от её же лица; предполагалось, что всё это ею и написано. Сделал он так, понятно, для чужих ушей.

Миланэ не могла не отметить, что бумага составлена грамотно и добротню; хотя почерк и был не очень важный, но безусловно, принадлежал львице, а стилистика текста вполне соответствовала духу тех документов, которые могут составлять Ашаи-Китрах. Более того, его и писала Ашаи-Китрах, скорее всего. Но самое главное то, что это была гнуснейшая, мерзейшая, воистину извращённая ложь, сшитая белыми нитками. Миланэ просто не могла отвести взгляда от сих строк: каждая воплощала шкурный обман.

«Как я могу такое подписать? Нет. Не могу... Но я не в том положении, чтобы диктовать условия. Фрея пообещала, что дело Амона тоже разрешится. Если я не подпишу, то примутся и за меня. Если подпишу, то смогу свободно действовать... Из застенок я не помогу Амону! Он пока и так в тюрьме, так или иначе. Его никто не вытащит, кроме меня... О, кровь моя, что делать?»

После долгого молчания Миланэ растерянно обвела всех взглядом; Амон тревожно всматривался в неё, надзорному по прежнему было всё в забаву, лев-помощник восседал с непроницаемым выражением, ожидая подписи, лишь его коготки легонько стучали по столу. Наконец, Миланэ кивнула ему в сторону двери; знак он понял правильно, и через миг они оказались в другом помещении.

— Почему не написать, что он тоже невиновен? — тихо спросила она.

В этот раз лев не скупился на слова.

— Так, госпожа моя, надо бы меня выслушать. В деле должен быть кто-то виноват: или он, или львица, или вы оба вместе. На выбор. Нельзя так, чтобы никто не был виноват. Книга сама себя не украла.

— Неужели нельзя полностью сгладить дело?

— Я не могу полностью сгладить. Никто здесь не может. На это нужно очень серьёзное решение очень серьёзных голов. Высшие инстанции, так сказать, лишь попросили сделать всё, что в моих силах. И я сделал всё, что в моих силах. Пусть сиятельная верит, что эта бумага далась мне нелегко, как и вообще вся возня.

— Хорошо, но разве «вся возня» настолько всех взбудоражила? Это не убийство!

— Малый камешек, катаясь по склону, увлекает другие. Слишком много ушей слышало об деле, слишком много глаз видело. Никто из нас, простых служивых, не рискнёт просто взять и забыть, иначе могут спросить. Оставим дискуссии. Или подписываем и уходим. Или идём по процедуре. Пусть львица подумает, а я отлучусь на несколько минут.

Он ушёл, а Миланэ вернулась к надзорному и Амону.

Задумчиво прикрыв дверь, она встала у входа.

Самая необходимая сейчас вещь на свете — разговор с Амоном. Миланэ понимала, что ему надо всё объяснить: эти ложь и клевета ужасны, но правда может привести лишь к тому, что они вдвоём окажутся в неволе. Эта ложь спасет её, а если спасет её — значит, и Амона.

«Хорошо иным душам», — мыслила она, садясь обратно за стол. — «Всё у них в жизни просто и понятно. Ни великих потрясений, ни больших забот», — думала, бросив взгляд на надзорного. — «Я плохая любовница, плохая Ашаи, плохая львица. Всё во мне плохо, всё приводит к беде. За что ни возьмись — всюду тёмное. У хорошей самки жизнь ладится, устраивается. У толковой самки никогда бы так не получилось, как у меня».

Надзорный поймал её взгляд и снова начал играть ключами, улыбаясь. Его забавляли все эти необычности, витающие недомолвки, напряжённость и непонятное. Ещё ему нравилась Миланэ, которая в фантазии уже разлеглась на столе, принимая его сзади и скребя от этого когтями по дубовой столешнице, оставляя неровные следы, а ещё та мысль, что после службы он пойдёт в трактир и влупит большую кружку эля. Или лучше две.

«Ну какая с меня Ашаи-Китрах, сестра понимания? Скорей, сестра тьмы. Ашаи-Шаани, вот как», — как-то очень всерьёз подумала Миланэ, поднимаясь.

Удавалась ли ей страйя? В целом да, без этого она бы не смогла стать мастерицей траурного церемониала, хотя даже среди подруг-дисциплиар она знавала тех, кто цеплял чужую душу намного сильнее и крепче. Некоторым Ашаи так и не удаётся даже за целую жизнь борьбы научиться влиять на души взглядом. Но секрет в том, что этому не нужно особо учиться; скорее даже не так — этому нельзя научиться; как говорят наставницы, приходит само. *Взгляд* рано или поздно приходит к тем, кому назначено, и кто в ладу со своей силой.

Только очень сильные Ашаи-Китрах могут брать страйей чужую душу где заходят и когда захотят. Остальным требуется, чтобы жертва (так уж по традиции называют тех, кому суждено подпасть под влияние) пребывала под властью какого-нибудь сильного аффекта, переживания, эмоции: горя, страха, ярости, влюблённости, удивления. Чего угодно. Без этого душу, довольную собой, настороженную, обыденную — взять очень сложно.

Миланэ медленно, церемониальной поступью, когда после каждого плавного шага делается крошечная заминка, подошла к льву-надзорщику; правую руку она приложила к вершине бедра, левую держит свободно; когда расстояние между ними

оказалось в шажок, смерила его взглядом от гривы до лап; она заметила, как его зрачки расширяются от удивления и возбуждения, и сам он зашевелился. Вдруг Миланэ вся прижалась к нему и запустила правую руку ему в гриву, отчего — о, она хорошо ощутила — он вздрогнул всем телом. Добравшись к его уху, скольк возможно (ведь на голову ниже его), она зашептала слова андарианской песни:

*Нам сойтись лучше сначала,
Любовь моя к тебе не угасла,
Ты знаешь, как томясь я встречала...*

Одновременно левая рука схватила его ладонь и повела её порочным, сладким путём вниз, сначала по талии, потом по левому бедру, где есть небольшой разрез в асимметричном подоле свирь, тот самый, что так волнует множество самцов, и который невольно носить обычным львицам — тем, что не Ашаи-Китрах... И он не заставил себя ждать, его рука обрела волю и самостоятельность, жадность, и теперь начала уходить не ниже, а выше, к основанию хвоста, скользя под одеянием. Чувствуя эмпатией, как он обретает уверенность и входит в раж, не озадачиваясь причинами такого поведения молодой, славной, красивой Ашаи, Миланэ вдруг бросилась к нему в поцелуй, обвивая шею двумя руками: жадный, сильный, настойчивый.

Но сама она не закрывала глаз, как делают влюбленные, а зорко следила за ним.

«Теперь смотри, смотри на меня. Гляди мне в глаза. Посмотри же...»

Отпрянула.

Как только он открыл глаза и посмотрел, Миланэ вмиг превратила свои объятия в хватку, и её ладони впились в гриву.

— В левый глаз твой взор! Не досмотрел ты своих снов, самец, не войдёшь ты в мир крови тёплой, пока не познаешь их, самец. Смотри их! Уходи отсюда! Смотри же! Уходи ко снам. Иди. Волей Ваала — уходи...

Да, следовало учесть одно — он тяжёлый, и Миланэ не смогла его удержать; тем не менее, здесь посчастливилось — быстро сполз по стене. Миланэ глубоко выдохнула, ибо её саму чуть шатало, а мир плыл. Сказать, что это было неприятно — ничего не сказать.

Поглядела на Амона.

— Надо же, — сказал он.

— Прости, не могла иначе. Не придумала ничего лучше! — она бросилась к нему и присела на колени у его лап.

— У тебя глаза... — Амон пытался объяснить и показать, что глаза Миланэ не такие, как обычно, но потом махнул рукой. — Что с ним?

— Уснул. У нас есть немного времени. Амон, любимый, здравствуй. Все силы мира, о наконец-то я тебя увидела!

— Скажи мне одно: тебя тоже в чём-то обвиняют?

— Хотели обвинить, но... неважно. Сейчас надо думать, как вытащить тебя.

— Важно. Где книга?

— У них. Я отдала её.

— Что ты им рассказала?

— Они приехали в Сидну сразу после моего Приятия. Они сразу заявили, что будут пытаться тебя, пришлось отдать им книгу и сказать, что мы были сообщниками.

— Значит, ты тоже в опасности. Ммм...

— Нет! Амон, послушай. Всё переигралось. Я вышла на серьёзные связи, которые мне помогут. Вот, смотри, — взяла она показания и поставила перед Амоном, — мне надо подписать это, тогда сразу буду свободна.

Амон взял бумагу в руки, бездумно рассматривая. Потом отбросил на стол.

— Так подписывай.

— Как они на тебя вышли? — спросила Миланэ.

— Долгая история. Точнее... ммм, Миланэ, мы поймали добычу не по зубам. Мама родная, да если бы я знал, что эту книгу будут так серьёзно искать, да я бы в жизни её не брал!

— Не корись. Никто не знал, что так выйдет. Я тоже не знала, что эта книга так опасна. Но теперь, поверь, знаю очень многое.

— Надо было предугадать. Чем я только думал...

Вдруг Амон снова взял бумагу и углубился в чтение. Миланэ наблюдала за ним, за его глазами, как они провожают строчку за строчкой, гладила сбившуюся гриву, несколько раз бессильно дотронулась к его кандалам, что сковывали по рукам и лапам.

— Из Тайной службы тебе не могут помочь? — спросила между прочим.

— Я перестал для неё существовать, — отстранённо ответил Амон. — Там все попадали от моей глупости.

Закончив, он несколько мгновений неморгающе глядел в пространство перед собой.

— Что ж. По крайней мере, хоть кто-то из нас останется на свободе.

Таков был итог, и в нём Миланэ чувствовала обиду.

— Амон, послушай меня внимательно, — она поднялась и уселась ему на колени, чтобы быть ближе, — Если я сейчас не подпишу, то меня изгонят из сестринства, а потом сразу схватят, как обычную львицу. Тогда нам больше никто не поможет.

— Да. Да, — кивнул он.

Она обняла своего льва.

— Миланэ, что хочу сказать... на меня повесят не только кражу, но и вероборчество. Суд не будет со мной играть.

— Его бы нам в любом случае предъявили. Я постараюсь тебя вытащить отсюда ещё до суда. Дай мне несколько дней.

— Хорошо. Ладно. Тебе виднее. Тогда я буду говорить, что всё так и было, — держал он её на коленях, покачивая.

— Лучше настаивай, что ты невиновен. Вали всё на меня.

— А смысл?

— Будешь тянуть время. И так... на всякий случай.

— Нет, плохой вариант. Тебе пообещали, что со мной вопрос тоже решится?

— Да. Да, Амон. Не переживай. Разрешится.

— Тогда надо подтвердить то, что здесь написано. Это отведит от тебя опасность, а мне... побег устроят, наверное...

— Никаких побегов, ты выйдешь свободным и невиновным! Клянусь!

— Так не бывает, Милани. Всегда виноват кто-то.

Невероятно громко хлопнула дверь, и Амон с Миланэ вздрогнули.

Впрочем, вошедший тоже замер в исступленном изумлении. Это был тот самый лев, с которым дочь Сидны приехала сюда от Фреи. Меньше всего он ждал, что над-

зорный будет валяться на земле, а узник — держать сестру-Ашаи на коленях, обнимая.

Очнувшись, он подбежал к лежащему в несладком полусне надзорному.

— Он спит, — поспешила уверить Миланэ, встав с колен Амона.

Тот с великой настороженностью посмотрел на них обоих.

— Дай нам минуту. Я хорошо заплачу.

Миланэ сказала это лишь потому, что не могла подобрать иных слов. Удивительно, но подействовало.

— Считаю до тридцати.

И вышел.

— Амон, всё будет хорошо. Держись. Люблю тебя.

Миланэ поцеловала его.

— Я тоже люблю тебя.

Он схватил её за плечо, зазвенели кандалы.

— Как только выйду на свободу, мы уедем отсюда.

— Куда?

— Чем дальше, тем лучше.

— Я не могу всё бросить, Амон... Всё, к чему так долго шла.

— А к чему ты шла?

Она не знала, как ответить.

— Милани, люблю тебя такой, какой ты есть. Помни: это сделал я. Ты ни при чём.

— Не грусти. Держись. Скоро мы будем вместе.

Вмиг подписав и застамповав бумагу с показаниями, Миланэ быстро вышла. Её настороженно встретил молчаливый львина.

— Сколько? — спросила без экивоков, передав ему бумагу с показаниями.

— Триста, — тихо ответил тот.

Сумма была совершенно грабительской, но церемониться некогда; Миланэ взяла кошель и отсыпала ему три золотых.

— А теперь пусть сиятельная уходит, — кивнул на выход, а сам пошёл к Амону и надзорному.

Мрачные двери выпустили её в неширокий коридор. Отошла она к противоположной стенке, повернулась к ней спиной, и как была, так прислонилась, подняв голову в грязному потолку.

Ей подумалось о том, что всё, всё — не так. Самое главное, что она не могла внять, кто же в этом виноват: то ли она сама, то ли Малиэль с её «Снохождением», что принесло ей много больше страданий, нежели знания, то ли все Сунги, то ли Ашаи-Китрах, то ли Вестающие... Леенайни... ещё кто?

Или — всё-таки — виновата она сама?

Пожалуй.

А как же. Сказано: мы сами вершим свои судьбы. Об этом кричит любой доморощенный мудрец на каждом углу. И вот, пожалуйста.

«Да, надо признать: я всегда втайне верила, что можно завоевать благосклонность судьбы. Не иди на уступки миру, поступай своенравно! — думала я. Ищи необычное, смотри туда, куда не смотрят! — полагала я. И потому судьба обратит взор на тебя, поймёт, что ты необычна, что тебе уготовано *иное*. Ты должна видеть иные миры, а не толочься в этом все дни и ночи. Сколь я ошибалась».

«Амон, Амон... Зачем я искусила тебя, зачем столкнула в пропасть и заставила

сделать тебя глупое, невозможное... О нет, не виню тебя. Львицы толкают львов на безумные поступки, знаю это; искушают. Знай, что я знаю свою вину...»

«Но кто возложил на меня эту вину? В чём моя вина? Кто возложил её на меня? А может, стоит покаяться?.. Пойти куда-нибудь, упасть ниц, попросить прощения, да у кого угодно: всех Сунгов, Ваала, Вестающих, сестринства или ещё там кого... Разве важно, вижу ли я за собой вину? Оказывается, важнее — видят ли её в тебе. Видят... Видят...»

— Вижу ли я Ваалу-Миланэ-Белсарру?

Дочь Андарики вздрогнула от неожиданности.

Перед нею, в трёх шагах, стояла неизвестная сестрина. На немаленький миг повисла тишина, нарушаемая лишь какими-то грубыми окриками в далеких помещениях форта и взрывным хохотом самцов; Миланэ лишилась речи, потому что сестра эта, угасающего возраста силы, несмотря на скромное одеяние, привлекала внимание тремя особенностями. Во-первых, её внешность была непривлекательной и грубой, даже поселковая львица с таким обликом вполне может получить обидное прозвище «страшенькой», и что уж тут говорить об Ашаи-Китрах. Большой подбородок, грубые скулы, общая нескладность телосложения — всё играло против неё, не выручал даже благородный золотой окрас, столь характерный для прайда Найсагри. Во-вторых, такого тяжёлого, совершенно давящего взгляда Миланэ не встречала нигде, хотя ей-то много довелось в жизни покрутиться среди самых различных Ашаи-Китрах, а уж у них взгляды бывают всякие. И, в-третьих, эмпатийное чувство кричало: это — львица великих сил и большой мощи духа.

— Да, это я, — даже кротко ответила Миланэ, и отошла на шаг от стенки, встав стройно и прямо.

Этикет Ашаи-Китрах превозмог все расстроенные чувства; он — в крови.

Всё-таки Ваалу-Миланэ-Белсарра — дочь Сунгов и львица духа Сунгов.

Не так ли?

— Ждешь ли ты, сестра, входа в это помещение?

Несмотря на очевидную разницу в положении и возрасте, старшая сестра обращалась к молодой Ашаи чрезвычайно учтиво; это возбудило в Миланэ и интерес, и симпатию: она всегда считала, что вежливость, чувство такта — великие достоинства.

— Нет. Уже была, — молвила Миланэ и направила взор долу.

— Хорошо, — ответила старшая сестра, будто здесь вообще, в этой юдоли неволи, могло быть что-то хорошее.

И зашла вовнутрь.

Но только Миланэ начала собираться с мыслями о том, что делать дальше, как старшая сестра сразу вышла вместе с хорошо знакомым ей львом. Он оправдывался:

— Сначала мы думали, что он лжёт и не будет признаваться, но теперь дело стало очевидным, и он дал проверенные и честные показания, которые сошлись, а ещё моя верхушка приказала заканчивать с этим делом, да и вредные вероборческие последствия уже устранены, о чем уже сообщил Надзор Веры, и были безвинно оболганы невинные, а ещё были выяснены новые обстоятельства, в общем, мы очень, очень сожалеем, что драгоценное время безупречной так бездумно потрачено... и она пришла зря. Очень жаль.

Оказалось, что этот служивый молчун в случае нужды может тараторить не хуже андарианской торговки на рынке. Старшая сестра слушала его с тем выражением, с

которым выслушивают лепет маленького львёнка, что только начал говорить: не принимая всерьёз, с бесконечным снисхождением и усталой усмешкой.

— Да, время — великая ценность. Ваал благословит тропу льва.

— О, большое спасибо. Всего наилучшего, красивого дня, до свидания, — закивал он, как болванчик, и скрылся за дверью; как показалось Миланэ, что с интересом наблюдала за сценой — пугливо скрылся, словно от суровой матери.

Старшая сестра вздохнула, аккуратно потёрла переносицу, прикрыв глаза.

— Время впустую, — пожаловалась она очень спокойным тоном, и вновь открытые глаза блеснули в свете лампы; очевидно, слова не были сказаны для себя, а назначались Миланэ. Поэтому она почувствовала необходимость ответить:

— Мне жаль, что у высочайшей благородной возникла досада. Верно, так было угодно Ваалу, ведь все тропы ведут к лучшему, — свершила она жест сожаления.

Да, дочь Андарики знала, что старшая сестра хочет заговорить с нею, и уж навострила уши, насторожилась: что будет сказано? Да, она чувствовала это своей силой, духом, всей душой. Но вместо этого эта страшная, грозная, и вместе с тем притягательно-скромная Ашаи-Китрах внимательно поглядела по сторонам, будто кого выглядывая; но что её взор мог встретить, кроме узкого длинного коридора, совершенно пустого, и этих мрачных стен?

— Все тропы ведут к смерти, — раскатился её голос.

Миланэ вздрогнула.

— Как мрачно рассуждает превосходная, — совершила попытку улыбнуться.

— Я должна рассуждать той мерой правды, которой обладаю. Наречься правдивидицей — большое ограничение: мне нельзя врать.

«О, так это правдивидица...», — заволновалась Миланэ.

Сложно сказать, что означает и что сулит её присутствие.

— Могу предположить, что это — сложное ограничение, — осторожно заметила Миланэ.

— Несомненно. Но только так можно чего-то достичь в искусстве правдивидения. Нарушение обета равно смерти, совравшая правдивидица должна уйти из мира, — спокойно сказала Ахира. — Она может соврать. Раз. Потом ей велено умереть.

— А если правду говорить нельзя?

— Тогда требуется молчать.

Эти своды, эти каменные стены, да ещё разговоры о смерти.

— Правильно я поняла, что великая пришла к льву Амону? — ушла от темы дочь Сидны.

— Да. Но что-то поменялось, мои услуги больше не нужны. Стало быть, ты — вторая часть безрассудства, Ваалу-Миланэ?

— К услугам превосходной, — снова сделала книксен Сидны дисциплина.

Эта сестрина-правдивидица не позволяла себе ни малейшего послабления, никакого нарушения осанки, будто стояла перед Высокой Матерью.

— Знаешь, как они делают? Приставляют руку к горлу, впившись когтями, изо всех сил сжимают, ты задыхаешься, пытаешься спастись. Когда тебе почти пришёл конец, они начинают отпускать пальцы по одному, выдавая это за великое благодеяние, акт доброй воли.

— Они? — переспросила Миланэ.

«О ком она говорит? О дознавателях, местных стражах?», — недоумевала.

— Да, они, — подтвердила правдивидица. — Они ничего не знают о жизни. Им

всё представляется большой игрой.

— Даже так, — пространно возгласила Миланэ, хотя не имела никакого понятия, о ком говорит эта Ашаи-Китрах.

— Хорошего дня, Ваалу-Миланэ, — просто попрощалась сестрина и без сомнений ушла.

— Да пребудет Ваал с высочайше безупречной. Красивого дня, — присела Миланэ к книксене.

Шаги стихли; снова взрыв здорового самцового хохота в далёком углу коридора.

Осталось великое чувство... разочарования, что ли. Досады.

Словно что-то должно было произойти, ты ждала этого, но... но не произошло.

А тут как тут выскочил старый знакомый, молчун-болтун, исполнитель воли Вестающих. Он тоже посмотрел по сторонам, явно пытаясь выяснить, ушла ли старшая сестра.

— Как надзорный? Очнулся? — не преминула поинтересоваться Миланэ, снова опершись о стенку и подложив ладони под поясницу.

Неожиданно, но он прислонился к стенке подле неё и сказал доверительным тоном:

— Очнулся. Зачем львица это сделала?

— Болтал много. И руки тянул куда не надо.

— Очень смешно. Если честно, это одно из самых странных дел в моей жизни.

«Что я здесь делаю? Надо уходить», — очнулась Миланэ. Надо идти и действовать, а не вздыхать. Надо спасти Амона. Но лев продолжил беседу:

— Эх, правдовидица приходила, вот эта вот. Должна была присутствовать при допросе Амона. Но в последний момент пришла команда не вмешивать её в дело. Неудобно вышло. Начальство приказывает, а мне — отдуваться и хвостом перед ней трепетать.

Странно, что он до сих пор не удосужился представиться. Определенно хромало воспитание; ай, впрочем, само это место какое-то хромое.

— Самая сильная правдовидица, — заговорщически бормотал он. — В Марне, а может, и в Империи. Она нам столько раз помогла — не счесть. Перед ней все колются, как орехи, — взмахнул рукой, словно рубил мечом.

Вздохнув, Миланэ собралась поблагодарить и попрощаться.

— Мы когда-то поспорили, сильнейшая она или нет... Сиятельная не может подсказать: кто самая сильная правдовидица в Империи? — спросил с улыбкой.

— Сожалею, но не могу ответить с уверенностью. Могу лишь рассказать о видных правдовидицах прошлого.

— Думаю, Ваалу-Ахира — самая сильная, — уверенно кивнул он.

— Её зовут Ваалу-Ахира? — наострила уши Миланэ.

Она слышала это имя в дисциплирии не один раз, но не особо обращала внимания, а потому не могла припомнить, чем та известна и славна; впрочем, так было с огромным количеством иных имён. Когда ещё учишься в дисциплирии, то будущее кажется тебе далёким и солнечным, мир — безбрежным, ученичество — трудной, но чрезвычайно нужной стезей, следуя которой ты становишься лучше и сильнее.

— Великие предки, я думал, что сиятельная знает её! Это ж такая известная личность из вашей касты!..

Он продолжал разглагольствовать, но Миланэ прервала и попрощалась.

...Ах, Вестающие, изумруды духа Сунгов, величайшие из величайших, знающие недоступное и творящие беспредельное. Лучшие вы среди львиц Ваала, ибо не знаете предела слову, и расстояния тленного мира вас не заботят, когда вы творите беседу Вестающих...

Эти патетические слова великого поэта Сунгов — Боэсия, излитые в его известнейшем панегирике «Изумруды», в своё время чрезвычайно привлекли довольно малоизвестного художника, жившего в VII столетии Эры Империи — Ману-Драгала Сестали; жил он примерно в то же время, что Малиэль. Привлекли они потому, что он не понаслышке знал их нравы и то, чем они живут; и после одного чудовищного пира, когда раскальвалась голова от выпитого вина, выкуренного опиума и ещё Ваал знает чего, ему пришла в голову полубезумная идея сатирически-язвительного сюжета для картины.

Надо сказать, Вестающие всегда любили окружаться свитой: почитателями, львами и львицами искусства, подхалимами, богатыми и влиятельными патрициями да и просто полезными хвостами. Всех подобных называли и называют «вхожими». Так и говорят:

— Он вхож.

И всё всем понятно: Вестающие удостоили его чести проводить с ними время.

Когда они пригласят-соизволят, естественно.

Но Ману-Драгала был более чем вхож. Он был любовником одной из Вестающих того времени, лет на десять старше него; но не являлся содержанцем и корыстолюбцем, а был с нею из чистой любви к искусству, потому что общество Вестающих и происходящее в нём казались ему чрезвычайно вдохновляющими, необычными, интересными; да и с нею всегда было чрезвычайно приятно-красиво. Правда, когда начались их отношения, то его здоровье вдруг почему-то пошатнулось; но всё он списал на развлечения, праздность и пиры: раз так, так тому и быть.

«Я должен быть таким и так делать — это вдохновляет».

И действительно вдохновляло. Он писал очень хорошие портреты как своей любовницы, так её подруг-Вестающих и приближённых Ашаи; его интересовали Ашаи-Китрах, он очень тянулся к эстетике львицы духа. Он стал широко известным в узком кругу, стал для них близким.

Посему любовница подпустила его ближе; точнее, совсем близко, после чего ему открылись такие вещи, о которых он не подозревал. Увиденное впечатлило Ману-Драгала древней дикостью, распущенностью и, вместе с тем — определённой странностью; более того, он впервые взревновал любовницу и уже не знал, что думать обо всём этом, хотя знал, что она живёт с другими львами как хочет и когда хочет, совершенно не заботясь чьим-то мнением, как и большинство Вестающих; да кроме того, моралистом он не слыл никогда. Но облачить чувства в слова он не мог.

Вследствие этого появилась известнейшая среди Вестающих картина, совершенно неизвестная абсолютному большинству Сунгов; она была то ли мезью, то ли сатирой, то ли изливанием впечатления, то ли неудовлетворённым чувством, то ли просто использованием запретно-волнующей темы для пущего эффекта; но оказалась в итоге гениальным, невольным прозрением, за что Вестающие объявили эту картину

тихой тайной, а художника вскоре, в одно прекрасное утро, нашли мёртвым в постели безо всяких признаков убийства; двух натурщиц, которые ему помогали создавать картину, обвинили в кражах и мошенничествах, отослали на далёкие юга отбывать наказание в лагерях обеспечения Легаты (ибо по законам Сунгов львиц не содержат в неволе). И они до самой кончины не могли внять, в чём провинились и вообще что произошло.

И да, «Снохождение» тоже надлежит к тихим тайнам. Как и многое другое.

«Беседа Вестающих» — так назвал своё творение Ману-Драгал — теми исключительными ценителями искусства, которым посчастливилось её увидеть, признавалась необыкновенно талантливым произведением; по сути, все они в один голос твердили, что это — предтеча нового сюжета в изобразительном искусстве вообще, а не просто эротическая эскапада.

Холст, масло. Необычно светлая комната с ашнарийской росписью на стенах. Большие окна — слева; их не видно, но от них — свет. В центре композиции — большая патрицианская кровать с высоким балдахином. Заметная деталь: сложный узор на нём в виде переплетающихся языков пламени. Перед кроватью, на переднем плане, находится маленькая прикроватная тумба, на ней — небрежно раскрытая книга; подчёркнута ярко-зелёная обложка. С каждой стороны кровати — две Вестающие. Они наги, только у одной из них есть длинные изумрудные подвески на ушах, а у второй — кольцо с ярко-жёлтой лентой на хвосте. Они почти слились в поцелуе, ещё миг — это случится. Одна из них полусидит-полулежит на кровати, почти возлегая на боку; возле неё есть лев, он целует её плечо, а руку держит на бедре у хвоста; Ману-Драгали явно пытался подчеркнуть её происхождение истинной Сунги, выделяя детали, столь характерные для львиц Сунгкомнаасы. У второй Вестающей, совершенно молодой, тоже есть свой самец; она уже в позе сдавшейся на милость самки прямо на кровати принимает его сзади, и он держит в зубах кисточку её хвоста, из-за чего почти не видно его лица. Оба льва, очевидно, личные стражи, судя по разбросанному в хаосе облачению, также на полу есть пласис и сирна, которая выпала из дорогих ножен.

Но созерцатель вольно или невольно отвлекается от всех соблазнительных деталей картины и обращает внимание на одно — на то, что происходит в центре. Вестающих совершенно не интересует происходящее в комнате. Их не интересуют самцы, они — лишь повод, способ, мост; они отрешены от этого. Их поцелуй, в какой-то мере, совершенно лишен страсти, но сияет всеми чертами некоей странной, ирреальной связи; словно бы это души, которые так долго скитались по земле и наконец нашли друг друга.

Именно на большую репродукцию этой картины сейчас смотрит Ваалу-Фрея, аккуратно скрестив руки и пошевеливая коготками. Она не оглядывается, а просто смотрит на неё; её хвост чуть заметно играет.

Она размышляет.

В эту комнату в её доме имели право заходить лишь сёстры-Вестающие, несколько доверенных Ашай-Китрах и две служанки, одна из которых была глухонемой. В ней и только в ней обсуждались действительно важные вещи.

Но её дорогие сестры чуть опаздывают.

Ах, вот и они, вошли в комнату, лёгки на помине.

Молча расселись, Фрея стройно подошла к ним. Пришла опытная Инлирамия, пришла молодая и капризная Аальзи, пришла старая марнская Вестающая, пришла и

ещё одна Вестающая — хозяйка Марнского менгира, самого главного менгира в Империи. Да и в мире тоже.

* *

Много-много-много лет спустя, когда все живущие в той эпохе изойдут в прах, сестринство Ашаи-Китрах изменится до неузнаваемости, Империя Сунгов канет в небытие, но Сунги будут, а львиный род научится общаться на расстоянии без помощи всемогущих Вестающих, которых уже тоже не будет (временно, надо сказать), в большом и обстоятельном труде о них будет писано так:

...Наибольшего влияния Вестающие достигли в VII-X ст. Эры Империи...

...В те времена, формально, все Вестающие между собой были равны, и никакая из них не могла требовать покорности от другой, ибо все они несли отличие старших сестёр. Но на самом деле негласная иерархия у Вестающих была самой жёсткой и беспрекословной среди всех Ашаи-Китрах; в обществе они, любящие скрытность и тайны, ненавидящие чужие глаза и уши, всеми способами старались избегать даже малейших намёков на то, что у них есть приказывающие и покорные. Но между собой, в своём кругу, они велись совсем иначе.

Первенство почти всегда занимали хозяйки менгира — камня, вокруг которого собирались шесть Вестающих, что становились почти родственницами — столь глубоко в них проникала связь друг с другом. Менгир, высокий продолговатый камень в львиный рост, всегда находился в обители хозяйки; он — первое, что учили находить в сновидении юных учениц Вестающих. Со временем ученицы обучались легко и просто находить его, а соответственно — тех сестёр, что тоже принадлежат к этому менгиру.

Основным и практически единственным предназначением Вестающих было передавать друг другу сообщения в интересах Империи, сестринства, а также частных лиц (которые могли себе позволить оплатить дорогие услуги Вестающей). Список частных лиц, которым была доступна такая услуга на регулярной основе, являлся небольшим; это даже не все патриции могли себе позволить, несмотря на любые деньги. Точнее, почти любые...

...Всякая Вестающая практически каждую ночь входила в сновидение особого рода. Уснуть и войти в него можно было как вечером, так и глубокой ночью — пространственно-временные связи и закон причинности в сновидении, согласно свидетельствам Вестающих, работают по-иному (а иногда и вообще не работают). Но среди всех Вестающих было принято соблюдать

весьма строгую дисциплину связи и засыпать не позже полночи. Для этого в каждом доме (или домах) Вестающей находились напольные часы (механика в Империи тех времён позволяла создавать механизмы, которые не показывали минут, а лишь отмеряли часы).

Для того, чтобы Вестающая могла легко связаться с другими, существовало несколько особых вещей, что помогали в этом:

- книги душ. Такая большая книга, всегда выполненная в самой тщательной и изысканной манере, была у каждой Вестающей. В ней приводился список абсолютно всех Вестающих Империи, причём для каждой из них предназначалось не менее пяти страниц; там обязательно был портрет Вестающей, вместе с её подписью и штампом (подчёркивалась важность реалистичности и достоверности портрета), биографические сведения, некоторые важные детали («домашний» менгир, точное место, где она постоянно находится). Такая книга скреплялась с помощью больших колец и состояла из отдельных тонких книжек, чтобы можно было беспрепятственно менять эти тонкие книги при изменении данных, появлении одних Вестающих и смерти (либо отходе от дел) других;

- менгиры. Особые продолговатые камни, которые устанавливались либо в доме одной из Вестающих (как правило, старой и опытной), либо в Доме Сестёр какого-либо города. Они были своеобразными центрами, возле которых собирались Вестающие в сновидении. За каждой Вестающей был закреплён «домашний», «свой» менгир. У каждого менгира было отдельное имя;

- фетиши. Для индивидуальной связи с другой Вестающей использовались какие-либо вещи, что ассоциировались с нею или принадлежали ей. Эту вещь и называли фетишем;

- поддержка личных дружеских связей. Гласилось, что очень важно часто видеться с теми Вестающими, с которыми ты беседуешь в сновидении больше всего;

- участие в совместных сексуальных практиках. Вестающие часто использовали интимную связь друг с другом как способ установки прочной «нити» между их душами, что очень помогало встречаться и общаться в сновидении. Происходило это в разной форме: как в виде интима между двумя Вестающими, так и в свальной форме, где каждая из Вестающих имела своего партнёра-льва, но, по сути, самцы предоставлялись сами себе, Вестающие не уделяли им внимание, а только друг другу. Эта практика была строгим секретом, одной из самых больших «тихий тайн» Вестающих, поскольку именно она была наиболее эффективна в становлении и поддержании хорошей связи. Юные ученицы Вестающих узнавали об этом только после Совершеннолетия, и описано в мемуарах несколько случаев, как ученица пыталась выйти из касты Вестающих лишь по причине неприя-

тия необходимости чувственно соединяться с другими львицами. Причин могло быть несколько: утверждалось, что все силы Ашаи и Вестающих происходят из мощи веры во Ваала, но на практике ученица убеждалась, всем заправляют совсем иные силы; строгое воспитание и нрав; наличие любимых, которым не хотелось изменять. Во всех случаях бывшие ученицы гибли — никто не имел права вынести за пределы круга любую тихую тайну, хотя, на самом деле, о нравах Вестающих знали многие сёстры Ашаи-Китрах, да и не только они, так что смерть учениц была, как правило, абсолютно бессмысленной...

Но эти строки увидят мир лишь много-много лет спустя, посему забудем о них и вернёмся в реальность.

* *

...Они говорили о многом в тот день; старшая была многословной и всё жаловалась, что в последнее время не может днём уснуть. Как водится, развлекались малопонятными чужому уху шутками. Фрея было подумала, что о деле Тансарра придётся напомнить самой, как тут хозяйка Марнского менгира с безумно подходящим для Вестающей именем — Веста, всегда помнящая о главном, вдруг спросила у неё после расслабленных мгновений искрящегося смеха:

— Что скажешь?

Вестающие, они таковы — привыкают обходиться без лишних слов, намёками и полунамёками.

— Нет худа без добра, — начала Фрея и все построжели. — Когда мы пытались подобраться к Тансарру по-хорошему — он артачился. Потом, негодник, извернулся, сыграл на упреждение — взял никому не известную ученичку. Удивилась я тогда...

— Я говорила, что его Ксаала будет проблемой. Это хитрая сволочь, — Аальзи, молодая, обвела всех взглядом, полувозлегая на подушках.

— Перестань, пожалуйста, — очень спокойно сказала ей Веста.

— Слушаюсь, великая, — ответила без промедления Аальзи и села.

Выражение озабоченности не сходило с лица Фреи:

— Что поделать. Я распорядилась взять под крыло эту Миланэ-Белсарру. Сначала думала сразу серьёзно поговорить с ней, но боялась, кабы она глупость не выкинула. Что ученица-то, из дисциплинария? Неопытное, несмышлёное создание. Решила подождать, пока Приятие пройдёт. Но выскочила неожиданность: она подловила агента-тайника, следившего за ней, а он, в свою очередь, в неё влюбился. Каково?

— Так ты через Тайную службу? — потёрла ладони Веста, растирая на них масло.

— А чего далеко ходить? Пусть поработают. Ещё дело Хедда не отработали как следует. Ну, так вот... Мне однажды доложили, кстати, что Миланэ ищет по лавкам «Снохождение», но кто знал, что всё настолько серьёзно. В общем, подбились они вместе с тайником украсть, вот и украли. Я до последнего думала, что здесь замешана какая-то жадность, деньги или ещё что. Но нет. Кража «Снохождения» — это её борьба. Она ищет... что ищет... истинное ищет, — с долей иронии подобрала она слово.

— Вот бездумна! Так рисковать, чужое красть, не зная своё место! Как с такой

безголовой работать-то будем? Не получше ли от неё избавиться, и с концом? — заметила одна из старых марнских Вестающих.

— Избавиться от неё можно, но это будет дорого и невыгодно, — степенно ответила Фрея. — Хватку к Тансарру мы тогда сильно-сильно утратим, а он со своими кликушниками тогда совсем ощетинится; тогда придётся делать всё по-плохому, а мы изначально так-то не хотели делать — заботы много. Верна ли я, великая?

— Верна. Дальше.

— На самом-то деле: нет худа без добра. Теперь, мои сёстры, я считаю, что она вполне может на нас работать, — огласила Фрея.

— Почему ты так считаешь? — пилила когти Веста, покусывая нижнюю губу.

На самом деле Фрее нравился такой оборот дел; во многом он был труден, но нравился. Она отвечала за разрешение трудностей с Тансарром и ещё несколькими влиятельными-несогласными, и в Миланэ вдруг увидела хороший, надёжный ключ к этому разрешению.

— Миланэ некуда деваться. Она в углу.

— Это львица великих внутренних сил, — взяла слово Ваалу-Инлирамия. — Великого беспокойства. Посмотрите: в первых днях Луны Огня она убила льва возле своего дома, просто потому, что он обидел её дхаарку. Вы себе можете такое представить? Вот ты, Фрея, смогла бы так?

— А ещё она ездила в Норрамарк... — заметила всепомнящая Веста.

— ...украли «Снохождение»... — вкинула Аальзи.

— ...и ещё она осознанно пошла на смерть, вместо того, чтобы отказаться от Приятия, не попала в сети дурной Леенайни. Миланэ-Белсарра ненавидит Леенайни. О ней, кстати, тоже надо поговорить.

— Потом, — отмахнулась хозяйка менгира.

— Кошмар. Всё-таки здесь нужно быть слишком фанатичной, — заметила старая Вестающая. — Зачем нам такая, что не ценит жизни?

— Если она фанатична и сильна духом, то это именно то, что надо. Надо направить её силы; она будет фанатично нам служить. Она — на краю пропасти. Мы — её свет. Мы можем спасти её. Но это для неё не столь важно, а важно вот что: она безумно хочет спасти сообщника. Как она пыталась быть циничной дрянью, как изворачивалась передо мной, чтобы я не заметила её чувства к этому льву! И мы можем спасти этого Амона. Для неё это — самое главное, — победно заключила Фрея. — Кроме того, сновидение — это мы. Мы — это сновидение. Она ищет настоящее. Нельзя отказывать в этом поиске; дадим ей желанное. Мы — настоящее.

— Да, — кивнула Веста.

— Это для неё очень важно, и в ответ она оплатит смертельной верностью.

— Да, — ещё кивок.

— Поэтому мои мысли о дальнейшем просты. Привяжем её к себе — это почти ничего не стоит. Мы освободили её от проблем, освободим Амона, разрешим приобщиться к кругу наших служителей, и даже подарим экземплярчик «Снохождения», если она будет вести себя хорошо, — Фрея, увлечённо рассказывая, загибала пальцы с длинными коготками. — Завместо получаем: преданную и упрямую Ашаи, готовую делать всё, к чему поведут; с нею Тансарр будет в тугом аркане, тем более, что у меня есть соображения, как с её помощью хорошенько так приручить его партию; и вообще, она мне показалась небезынтересной. Я уверена, что Миланэ не подведёт, если поступить с ней правильно. Пусть кормится с наших рук.

— Фрея, мне всегда нравилось, как ты ведёшь дела. Хорошо ловишь рыбу в воде! Мы очень хорошо нажмём на Тансарра с помощью этой львицы... — поддержала Инлирамия.

— Затягивать войну на Востоке никак нельзя. Давите на него или крушите его. Я решаю общие вопросы, но вы решайте частные, — Веста бросила пилить когти и окинула всех испытующим взором.

— Всё так. Но вот что: не надо этого... как его... Амона освобождать, — заметила старая Вестающая.

— Почему? Она нам руки целовать будет, — удивилась Фрея.

— Целовать, целовать... Нам этого не надо, и без неё найдутся желающие; нам нужен результат. Видите ли, в чём проблема: решив все свои проблемы, она может исчезнуть, хоть с этим львом, хоть без него. В конце концов, может передумать на нас работать. Говоришь, этот лев ей дорог? Будем держать на этом поводке. Она будет слышать «завтра, завтра», потому — лежать у наших хвостов. Не надо раздавать всё сразу.

— Вечно кормить завтраками можно только глупую голову, а она не такова.

— Пройдёт время, ещё на чём-то подловим. Этого самого Амона выпустим. Со временем.

— Ладно, это всё частности, — фыркнула Веста. — Давайте дальше.

Вдруг Аальзи напряжённо подалась вперёд; потом, словно опомнившись, виновато улыбнулась, и снова воссела-разлеглась, но без всякого расслабления.

— Я скажу, можно?.. — робко попросила она слова. Заметив одобрительно-снисходительный кивок Весты, продолжила: — Я к этой теме, пару слов. Я её хорошо знаю, ещё с дисциплинария. Ей нельзя доверять, она себе на уме...

Так Аальзи мстила Миланэ за однажды кинутые в сердцах слова, когда дочь Андарики долго и безуспешно, целую неделю, пыталась помочь ей понять, как стойко зажигать игнимару:

— Если и дальше будешь ныть, то ничего не получится! Будь настоящей Ашаи-Китрах! Та, что лишь тонет в жалобах, не может быть Ашаи! Не пройдёшь Совершенное, и поделом!

Было это очень-очень давно и почти неправда, почти десять лет назад, они после этого давно уж помирились, и даже всплакнули обе, когда радостно-тревожную и немного растерянную Аальзи могущественные Вестающие забирали себе на обучение. «Посмотрю я, кто теперь будет ныть, моя забавная, настоящая Ашаи-Китрах. Гляди теперь: где ты, где я...», — изнутри радовалась Аальзи.

Но пока продолжался полет её высокой мысли и она чуть сбивчиво объясняла сёстрам-Вестающим, почему Миланэ стоит наступить на хвост и вообще почему очень полезно держать в напряжении всю эту мелочь на побегушках, Ваалу-Фрея, как-то утратив охоту сносить эти многословные обсуждения дел, дальше рассматривала столь знакомую картину, на который был запечатлен разговор Вестающих.

«Зоркий был художник», — подумала она о сущности чужого гения. — «Потому и пропал».

Глава XXIII

Привлечив хвост домой, прохладным вечером, Миланэ завела разговор с оживив-

шейся от присутствия хозяйки Раттаной, и выслушивала всякие местные слухи-сплетни, общеимперские новости и прочую чепуху. Лишь для того, чтобы отвлечься.

У соседей через пять домов украли из дому тысячу империалов, спрятанные под полом. Говорят, что скоро будет новый большой поход на Восток. Соль подорожала в полтора раза. Здешняя вода плоховата, надо бы доставать получше: найти добротного водоноса. Много раз приходили всякие львы и львицы, хотели траурных услуг, ибо о хозяйке ходит молва, как о «траурной Ашаи» — той, кто специализируется на похоронах; некоторые — весьма обеспеченные с виду. Приходил вестник от уважаемого патрона, спросить, всё ли в порядке. Сосед справа, оказывается, очень богатый ростовщик, но и очень скупой. Приходила некая сиятельная, назвавшаяся Ваалу-Хильзе, вместе с львёной лет десяти, настойчиво искала хозяйку.

На это дочь Сидны чуть насторожилась, начала расспрашивать, но потом махнула тонко-усталой ладонью и, покушав без аппетита, ушла спать, ибо предполагала, что завтра у неё будет много-всякого разного, чтобы поделать и разрешить, посему охотнице надо отоспаться.

Отоспаться не совсем получилось. Сначала пришли одни просители — застамповать какую-то мелочь, потом вторые, которым пришлось честно ответить, что со свадьбами у неё практически нет опыта; третьим же просто нужен был огонь Ваала, который Миланэ, несмотря на осознание того, что он крадёт силы, зажгла в их чаше прямо у порога. И кажется, что надо было отказать, но она не смогла, потому что...

— Я Ашаи, и ничего с этим не могу поделать, — тихо сказала себе Миланэ, прикрыв за ними дверь.

Словно этого мало, пришло известие явиться в Дом Сестёр для «определения места и служений» — обычное дело для сестры, которая только прибыла на новое место. Делать нечего, надо идти, а потому Миланэ начала собираться.

Миланэ любит много света в доме, но сегодня обитала в полутьме — занавески открыты лишь наполовину; кроме того, в Марне сегодня облачный, прохладный день, с далёким предчувствием дождя. Сидя перед зеркалом, она очень осторожно и медленно убирала маленькими ножницами усы, и время от времени гляделась на себя. Оттуда, из зазеркалья, на неё глядела грустносветлая львица, и можно бы сказать, что вот она, полноценная сестра Ашаи-Китрах, ответственная и сосредоточенная, так-то должно быть; но серьёзность бывает разной, и лучше всего это чувство назвать «великая меланхолия». Можно бы сказать, что она — андарианка, а все они изначально скромно-спокойны и относятся к жизни с тщанием; тут Миланэ мечтательно улыбнулась, вспомнив о своей прекрасной родине; но, наверное, нет ничего более обманчивого, чем прямая простодушность андарианца и покорное спокойствие андарианки. Андарианцам приписывают множество подобных качеств, и андарианец предстает перед остальными Сунгами добродушным, хозяйственным, неловким в жизни и общении простаком, топорно и неуклюже желающим выудить пользу для себя и рода, честным торговцем, усердным, но глуповатым ремесленником; андарианка же воплощает сумму покорных качеств самки: уступчивость по отношению ко львам, усидчивость и терпеливость, мягкость, отсутствие больших притязаний в жизни, любовь к детям, кротость, предупредительные манеры и стыд. Но андарианцы — давние, полнокровные Сунги, они не могут быть простаками, как это может казаться тем, кто поверхностно знаком с ними; в их душах таится глубоко упрямая сила, и андарианец может стать богатейшим дельцом, гением денег и терпения, не скряжистым, но и не расточительным, упорным в своём деле, либо воином,

который так же методично, бесчувственно и с умом убивает своих врагов, как создаёт дома и тумбы в мирное время; андарианка может когтями уцепиться в жизнь, достигая цели, если поймёт, что ей действительно нужна эта цель, и не только ей, а ещё тем, кого она любит, парадоксально сохраняя свои прежние спокойные качества; кроткая хищница — немислимое для остальных определение, но для андарианки — ещё как возможное. Андарианцы разнежались, размякли, превратившись в скотоводов, торговцев и создателей вещей, но это отнюдь не значит, что они не могут вспомнить свою старую, равнодушную к препятствиям и невзгодам силу духа.

— Всё будет хорошо, — произнесла она банальность для самой себя, притом попытавшись улыбнуться так, будто соблазняла самца.

Но там, в зеркале, отражалось что угодно, но только не радость.

Нет, Миланэ больше не могла улыбаться, как прежде. Всё-таки мысли рано или поздно возвращались к Амону, и становилось очень тоскливо. Она пыталась представить, каково ему там, в неволе, но получалось смутновато; тем не менее, Миланэ знала трудности жизни, успев побывать в жутком одиночестве перед Приятием и вступив в грязь мира на Востоке; да и вообще, ученицы Ашаи-Китрах многое успевают увидеть на своём веку. Поэтому дочь Андарики не питала никаких иллюзий. Более того, не терялось сомнение: хорошо ли было подписывать эти показания? Не лучше ли было присоединиться к Амону и во всём сознаться, как есть? Но враз по разу Миланэ приходила к выводу, что подобное решение — безусловное благородство, но вместе с тем — глухая глупость, ведущая к одному — разрушению и его жизни, и её; более того, это бы означало, что она волей-неволей признаёт свою ошибку, право большинства потрепать её по загривку и въедливо сказать: «Что, родная, теперь поняла, сколь ты отступна?»

«Предугадать, что Амон сам украдет «Снохождение», было не-во-зможно. Хотя погоди, а как же Карра-Аррам, все чувства Ашаи? Но чтобы что-то высмотреть, надо хотя бы знать, куда смотреть; а я не знала, что он может быть столь безрассуден ради меня... Он знал меня всего несколько дней — и решился! Мой любимый Амон, будь я проклята, если не освобожу тебя! Вестающие обещали. Вестающие помогут. Вестающие...»

Да, они.

Миланэ встала, кивнула самой себе — «я готова выходить».

— Раттана, вернись не ранее вечера. Передашь всем просителям, коль таковы будут, — спустилась вниз.

— Как сиятельная прикажет, — глубоко кивнула Раттана.

«Всё-таки Вестающие заслуживают уважения», — пришла к выводу Миланэ, ступая по тем камням, где не так давно пролилась кровь обидчика её верной служанки. Миланэ уже не надеялась, что в мире Сунгов её взгляды и поступки найдут понимание; но именно Вестающие помогли спастись, именно они прижали уши от мерзостно-бессмысленных поступков амарах Леенайни, именно они считают Малиэль великой, именно они вершат то, что достойно львиц духа — сновидят и узнают неведомое. Тогда загадка: почему всё это время они не предприняли ничего, чтобы сделать белым имя Малиэль. «Будь я Вестающей», — подумала Миланэ, — «то сделала бы всё, чтоб снять всю грязь, которой её покрыли нищие духом».

Уже виднелись башни Марнского Дома Сестёр.

«Как знать, может, они раскусили сущность нашего общества? Может они и вправду поняли, что плыть против глупости — бесполезно, а исправлять положение

— опасно? Может быть. Интересно, а они верят во Ваала? Забавный вопрос. Да, все Сунги вроде бы так хороши, но ведь *из кого-то* состоит Надзор Веры? Есть же сестринство Сидны, а это *оно писало* комментарии, которые так натужно пытаются объяснить, почему всё описанное в «Снохождении» — враньё. Мол, так и эдак, Малиэль — плохая, сновидение — забава, Ваал — велик. Просто, ясно, доступно; все довольны, все счастливы; не надо ничего искать, не надо ничего знать. Я не читал, но осуждаю. Не читала, а сожгу. Как мило».

В конце концов, можно ведь прожить и без всяких снохождений, верно?

Лишь после стольких лет пришло ясное осознание того, что все Ашаи-Китрах — не одинаковы. Одни — ищут; вторые — уже всё давно нашли. Одни — желают знать; вторые — уже всё давным-давно знают. Одни — своевольные, надломленные, непредсказуемые, даже злые, но личности; вторые делают всё, чтобы их личность исчезла, растворилась в большом море сестринства Ашаи-Китрах. Эти вторые могут видеть лишь не дальше собственного носа, но почему?

— Оно им не доступно, — ответила самой себе Миланэ, потрянув рукавом.

Они могут только верещать денно и ночью: «Ваал! Ваал велик! Мы велики! Сунги велики!». Они даже могут научиться зажигать огонь на ладонях и множеству иных трюков. Но они ни шакала *не понимают*.

Но потом Миланэ чуть поостыла; ведь и ей-то, признаться, похвалиться нечем.

Она тоже ничего не понимает.

Она не понимает, что такое сновидение.

Почему есть все эти миры?

Почему они устроены так, а не иначе?

И вообще: что вокруг происходит и зачем?

В Доме Сестёр пришлось задержаться надолго. Волей-неволей Миланэ познакомилась с многими сёстрами, коротая время в пустых беседах; не считая это приятным, она всё-таки понимала, что это нужно и полезно. После тяготы и довольно глупой суеты старшая сестра-распорядительница, наконец, отметила её как «сестру, отдающую общее служение в Марне» и «находящуюся в услужении у патрона такого-то», между прочим отметив, что буквально сегодня прибывшая выписка из личного дела в дисциплинарии отображает её как «Ашаи средних качеств, иногда нестойкую и требующую призрения»; естественно, сестра-распорядительница ловко поехидничала по этому поводу и начала сетовать на бестолковую молодёжь.

— Ещё так несколько поколений, и выродится наше сестринство, — с каким-то довольством говорила она, словно сие радовало.

Прощальная гадость от Леенайни, которой Миланэ лишь усмехнулась. Гадость низкая, бессмысленная, довольно безобидная. Оставляла она неприятнейший осадок.

Но рано или поздно всё кончается, и Миланэ вышла из Дома Сестёр уже далеко пополудни. Взяв экипаж, направилась к патрону, к которому путь отсюда был неблизким, но тут неожиданно к ней подседа юная дисциплинаря, лет не более двадцати отроду. Выяснилось, что она из Криммау-Аммау, в Марне находится по поручению наставниц дисциплинария (ну надо же!), и чем-то до боли напоминала Миланэ саму себя. Это была дочь прайда Менаи, с прекрасными манерами и совершенно роковой внешностью; было заметно, что львы всех возрастов naprawdę оборачиваются им вслед. При себе она держала книгу, и Миланэ между прочим поинтересовалась, что за книга. Это оказалось классическое произведение Ашаи: «О грезящих об иных мирах».

— Не будь всякая из вас грезящей иномирницей. В сем мире — Ваал, в сем мире — мы, в сем мире — наши силы, — прочитала Миланэ вслух, хоть помнила эти строки наизусть. И вдруг рассмеялась.

Дисциплина рассмеялась тоже, они бросили эту безнадёгу, перестали манерничать и начали болтать о марнской моде.

Наконец, Миланэ вышла у дома Тансарра, где её приняли как всегда учтиво и очень обходительно. Как всегда, дома патрона не оказалось, но была Ксаала. Они вдвоём засели за поздний обед, во время которого Ксаала проявила немалое любопытство, всячески расспрашивая о Приятии, потому пришлось притворяться и рассказывать о нём с напускным удовлетворением, опуская множество деталей, что не предназначены для светского уха. К великому облегчению, Ксаала совершенно ничего не знала ни о злключениях Миланэ в Сидне, ни о краже «Снохождения» вообще; это выяснилось после нескольких мастерски-невинных вопросов.

Что сказать, Миланэ никогда не была глупой. Она понимала, что Вестающие так хорошо обошлись с нею отнюдь не по доброй охоте, а из вполне расчетливых соображений. Ну естественно, им нужен этот патронат, эта связь между нею и Тансарром. Ей было невдомёк, что именно Вестающие от него хотят, но тут наверняка всё просто: какая-то протекция, политические решения, назначения, знакомства, влияние и прочая мишура, в которой Миланэ многого не понимает и понимать не желает.

«Вестающие мудры, они не станут требовать глупостей или причинять вред. Обычные взрослые игры», — рассуждала она. — «Ничего страшного, если и я приму в них участие».

Более того, у Миланэ появилась шальная мысль зайти с другой стороны. Амона может выручить её патрон; по крайней мере, с его связями Миланэ узнает, куда нужно карабкаться и с кем беседовать. Но, чуть раздумав, пока отбросила эту идею. Тансарр неминуемо поинтересуется, кто такой Амон, и тогда придётся рассказать всё самой (что плохо) либо он узнает сам (что ещё хуже). При этом ещё придётся раскрыть свою связь с Вестающими, и сложно предугадать, как Тансарр поведётся.

Этот вариант в итоге оказывается ненадёжным.

«Фрея обещала», — взмахнула Миланэ хвостом. — «Ашаи-Китрах держат клятвы».

Тут-то вдруг ей пришла в голову неприятная мысль, что Тансарр или его супруга могут узнать, что она была у Вестающих. Такого исключать нельзя. Надо было сыграть на опережение, что Миланэ, мгновенно взвесив «за»-«против», и сделала:

— О да, надо сказать, когда прибыла в Марну, то меня ждал довольно приятный сюрприз, — щебетала Миланэ. — Меня пригласила домой одна из Вестающих, Ваалу-Фрея, да поздравила с тем, что я стала сестрой и пожелала успехов. Даже не знаю, почему удостоили такой чести.

Ксаала не очень изменилась в облике, но её челюсти сжались, а Миланэ прямо ощутила в груди волну напряжения.

— Вот как. И о чём вы говорили?

— Особо ни о чём. Немного о дисциплинии... об амарах... об изречениях Ваалу-Даимы-Хинраны... о том, как мне нравится Марна. Вообще, не ожидала, что сестринство Марны столь дружно.

— Мда, мда... Угу, — кивала Ксаала.

Потекли неловкие мгновения, когда никто не знает, что сказать. Миланэ степенно восседала, забросив лапу за лапу, супруга патрона глядела в сторону, теребя ухо.

Вдруг Ксаала просияла:

— Послушай, Миланэ, раз так обернулись дела, то мы могли бы как-то... поближе познакомиться с Вестающими Марны. Вот даже например с этой Ваалу-Фреей, — с радостью подхваченной идеи говорила она. — К сожалению, супруг очень редко пользуется их услугами, и то только в случае служебной необходимости; а я бы хотела быть с ними на короткой руке, мне стоило бы дать весточки своим хорошим подругам, что раскиданы по всеей Империи, — Ксаала сделала широкий жест рукой, показывая, сколь велика Империя Сунгов, а потом даже указала стенное панно, что изображало её в так называемых изначальных границах. — Кроме того, это дело престижа — иметь знакомство с Вестающей, — хитро улыбнулась она.

— Да, да. Я посмотрю, что можно сделать, — Миланэ легонько хлопнула в ладоши.

— Хорошенько, — беззаботно молвила Ксаала.

«Ай актриса, ай хороша», — восхитилась Миланэ.

— А где Синга?

— Синга? — чуть насторожилась та. — За городом, приедет послезавтра. Почему ты спрашиваешь?

На самом деле дочь АндариИ спросила просто так, для ухода от темы. Потому ответ был совершенно искренним:

— Из любопытства.

— Ты не против поговорить откровенно, как охотница с охотницей?

— Любое общение с Ксаалой мне всегда в радость.

— У вас с ним что-то было?

Миланэ пригладила уши и дотронулась к скулам.

— Ответ зависит от того, что именно подразумевается.

— Ах, так значит всё-таки было? — Ксаала распустила хвост по дивану, да ещё разгладила его кончик.

— Мы — друзья. Сошлись как друзья. Ни больше, ни меньше. Я — Ашаи рода, к которому он принадлежит, я в любом случае должна... и хочу поддерживать с ним добрые отношения.

— Хорошо. А если он захочет пойти дальше? Готова ли ты пойти тоже? — гладила себе Ксаала хвост, косясь на Миланэ.

— Никогда нельзя сбрасывать со счетов все возможности. Синга — хороший лев.

— Значит, он может рассчитывать на твою благосклонность, если проявит упорство?

— Сложно ответить. Посмею спросить: что-то не так? — повела ушами Миланэ.

— Нет-нет, это целиком и полностью ваше дело. Просто хочу сказать, что он... весьма непутёвый, если честно. В случае, если он будет позволять себе какие-то глупости, то просто имей в виду. И даже сообщай мне, если тебе что-то выкажется неприятным.

Миланэ неопределённо кивнула.

Странно.

Очень странно.

«Кровь моя, зачем она так унижает собственного сына?»

Миланэ решила, что надо очертить границы.

— Ашаи-Китрах вольна поступать в личных отношениях так, как желает.

— О, несомненно, несомненно, — поспешила ответить Ксаала.

После всего этого общение немного расстроилось, они уж не так хорошо понимали друг друга; стало понятно, что на сегодня хватит. Получив приглашение на завтрашний ужин, Миланэ ушла из дома патрона.

* *

— Трудный день, хозяйка? — спросила Раттана, глядя на неё и раскладывая полотенца.

Миланэ ответила не сразу; вместо этого она совершила ужасную с точки зрения этикета вещь — постучала вилкой по тарелке, да ещё поелозила, словно в детстве. Лишь сгущались сумерки последнего дня первой Луны Огня 810 года Эры Империи. В приоткрытое окно доносились звуки их квартала, в целом мирного и тихого, раздавались раскаты близкого грома, предвещая ливень.

— Странное дело. Почти ничего не сделала. Но устала так, что хоть ложись на пол.

— Оно так бывает, — кивнула Раттана. — Всё бывает.

— Да. Всё бывает.

Помолчали. Раттана суетилась с полотенцами.

— Возможно хозяйке будет интересно познать, что...

— Узнать, узнать, — поправила Миланэ.

— Прошу прощения у хозяйки, я ошиблась в слове. Узнать, что...

— Ничего-ничего. Это ты прости. Познать — оно тоже не так плохо. Правда, добавляет скорби. Но ничего.

— Узнать, что тот лев, который был там, — Раттана многозначительно указала когтем вверх, на спальню хозяйки, — больше не приходил.

Миланэ, горько улыбнувшись, поглядела в сторону.

— Такой симпатичный красавец.

— Он не может придти, Раттана, — отложила вилку Миланэ и закрыла глаза, взявшись за переносицу. — Пока что не может. Но вскоре придёт. Вот увидишь.

Совершенно траурный тон Миланэ спугнул служанку; она побоялась расспрашивать, поняв, что этим вопросом изрядно попортила хозяйке настроение.

— Хм... — потирала Миланэ подбородок, невидяще уставившись перед собой.

«Нет. Надо поторопить Вестающих. Всё надо разрешить, и чем быстрее, тем лучше. Или не торопить?»

Громкий стук во входную дверь заставил её вздрогнуть.

— Ваал мой, ну кто там ещё? — недовольно спросила Ашаи.

— Просители, наверное. Я, хозяйка, нарочно поставила колотушку на дверях, чтобы было слышно прихожих. Снять? — шла Раттана к двери.

— Нет, пусть будет. Пойди посмотри, пожалуйста.

Через несколько мгновений услышала притопывание

— Госпожа, прибыл сир Синга, из рода Сайстиллари, — чинно сообщила, войдя обратно в столовую.

— Спасибо, Раттана.

Встала, пошла в прихожую. А что делать.

Синга как раз неуклюже обмывал лапы, расплёскивая воду. Терпеливо наблюдая за ним, Миланэ встала в проходе, опершись о косяк двери.

— Красивого вечера, Миланэ, — через мгновение он заметил её; искренне улыб-

нулся.

— Здравствуй. Проходи, — кивнула Миланэ с меланхоличной улыбкой андарианки.

Синга, высокий, вошёл в столовую и снял плащ, хотя мог (и должен) был сделать это в прихожей; набросив его на стул, сел слева от одинокого трапезного места Миланэ.

— Раттана, принеси нашему гостю ужин.

— Спасибо, нет-нет, не надо, — расправлял он мокрую гриву. — Мне лишь что-то горячего выпить, а то на улице такой дождь, такой дождь...

— Согрей красного.

— Сейчас, госпожа.

— Я был в предместье, — торопился со словами Синга, широко держа ладони на столе, — у старого друга, как тут узнал, что ты приехала из Сидны. И вот, приехал тебя увидеть. Поздравить. Сразу, как узнал... Прости, что я раньше не приехал.

Миланэ легонько отмахнулась, отряхнув широкий рукав серо-красного пласиса, который — к счастью — не успела снять перед его визитом.

— Не волнуйся, Синга, завтра твой отец устраивает ужин, и...

— Да-да, знаю. Я тоже там буду, конечно. Хотя лично терпеть не могу всю эту компанию, этих политиков, отцовых соратников, этих всех очень нужных хвостов, как отец говорит — полезных идиотов. Мне с ними скучно и не о чем поболтать, — засмеялся он, но потом как-то осёкся. — Рад, что ты прошла Приятие и стала Ашаи-Китрах. Раз так, и я впервые вижу тебя, как сестру, то попрошу благословения... можно?

Ах, что за вопрос.

— Невольно отказать, Синга.

Старинный обычай. Для львиц: левая ладонь с серебряным кольцом сестринства — к правой щеке; для львов — сначала левая ладонь Ашаи к сердцу, потом — на гриву. Миланэ дотронулась к левой стороне его груди; на этом, по большому счёту, маленький ритуал оканчивался в большинстве случаев, но Синга отлично знал, что нужно делать, потому сразу встал на одно колено, и она возложила руку на гриву, ощущая на ней капли дождя:

— Пусть Ваал укажет путь Синге, славному сыну Тансарра и рода Сайстиллари.

Он так и оставался коленопреклонённым, прислушиваясь к приятному ощущению от её ладони. Миланэ тоже задумалась о своём; и так вместе они стояли в этом непрочном союзе неприлично долго. Потом он поднял взор, и с нервным вздохом сел обратно.

О, нет. Миланэ знает этот взгляд. Любая львица его узнает, взгляд бесконечно преданной влюблённости. Миланэ поняла, что совершенно напрасно заговорила с ним той ночью, тогда следовало вежливо препроводить Сингу прочь, перетерпев его присутствие; вся откровенность не только не остановила его, но ещё больше разожгла. И если сейчас не ухватить инициативу в разговоре, как добычу, то обязательно случится нечто непредсказуемое, неловкое; в душе Синги все преграды начнут рушиться и он чем-то изольтётся на неё, или даже схватит на свой страх и риск; тогда всё станет так сложно, что уже никак не выпутаешься. Всё невозможно усложнялось тем, что Синга не был ей противен или даже хоть чуть неприятен; напротив, что-то в нём было: и девиантное, и привлекательное.

Но в целом — он мешал. Он препятствовал отойти ко сну, подумать, сконцентри-

роваться; он путался под хвостом, как глупое доброе дитя, совершенно не со зла, но всё равно мешая; он был лишним, ненужным в борьбе этих ужасных дней. Его следовало убрать, прогнать — для его же блага и для пользы дела.

— Хочешь?.. — враз поднялась сестра-Ашаи, прижав опущенные руки к бёдрам.

— Что? — не дал договорить он: сказал, словно набросился.

— Спою тебе песню, — скорее утвердительно, нежели с вопросом молвила Миланэ, а потом резким движением, со взмахом хвоста, направилась вверх, в спальню. Это было так неожиданно, что испугалась даже Раттана, принеся горячее вино для гостя, и кувшин с ним чуть не упал.

— Да... Хочу, — растерянно улыбнулся Синга и остался наедине.

Через миг Миланэ вернулась из спальни, держа за гриф цимлатин — этакую большую, повзрослевшую и погрузневшую звуком лютню. В Сидне у неё был свой цимлатин, к которому она привыкла за столько лет, но по старой традиции пришлось отдать инструмент младшей ученице; она выбрала Ваалу-Массари, ту самую, что обучалась у неё искусству Карры-Аррам. Поэтому взяла здесь, в Марне, новый.

— Я почему-то думал, что ты только на мансуре умеешь, — молвил нелепость Синга и тут же засуетился, нервно забив хвостом.

Тем временем Миланэ уселась, как положено, отодвинув стул от стола, несколько раз сыграла троезвучие. Этот цимлатин был ей незнаком, хоть и вполне настроен. Изначально она хотела сыграть ему «Звёзды среди вод» — классическую, милую, приторную песню, как раз для семнадцатилетней дисциплины; и самое главное — она хорошо её знала, не требовалось никакого усилия, чтобы вспомнить. Весь спектакль с самого начала был назначен перенаправить мысли Синги, перехватить разговор, сбить его; по сути, что и как петь, было всё равно. Ведь она знала — Синга пришёл не просто так, и стоило очень мягко, почти незаметно ускользнуть, ибо Миланэ не желала его обидеть. Хорошо ведь отбрасывать только того, кто совсем не нравится, это просто.

Но как это сделать с тем, к кому есть эта смутная симпатия, даже чувство родства?

Ещё одно троезвучие.

Вдруг лапа сама начала подрагивать в ритме одной неназванной песни.

Она совершенно не входила к своду классических песен Ашаи. Более того, многие сёстры и наставницы считали её плохой, бестолковой. Миланэ в первый раз услышала её ещё стальной. Тогда она вообще не понимала её и тоже находила в чём-то дурной. Неизящной — вот как.

После пребывания на Востоке мнения о многих вещах в ней переменялись, в том числе — и об этой песне. Она изучила её: эти слова, этот чёткий ритм, эту монотонность и даже внешнюю скуку.

*Знать и внять бы мне
судеб кружево
Изыскать бы в нём
нити счастья*

*Что положено
то и сбудется
Счастье есть в миру*

так все знаем мы

*Да Ваал предрёк
пути торные
пути торные
и натрудные*

*Не поверишь ты
как окажешься
во сетях судьбы
безрассудная*

*Безрассудная
Беспредельная
Вот и клеть твоя
неподдельная*

*Ты прими её,
и обрадуйся
Зачем знать тебе
Подкоготное*

*Что нам сбудется
Да незнаемо
Широка душа
Да невольная.
Нйах!*

Миланэ грозно топнула лапой по полу — так полагалось.

Синга сидел с тем характерным внимательно-грустным видом, с которым слушают что-то великое и трагическое или созерцают завязку трагедии в театре. Но дело было не в песне, конечно; при всех его несомненных достоинствах и творческой натуре он вряд ли мог до конца понять, о чём она.

«Да и я до конца не понимаю, о чём она», — честно призналась Миланэ.

Верно, что бы она ни делала: танцевала, пела, играла с ним в карты или шерди, пила с ним вино, болтала о погоде — ему бы всё нравилось, ибо это делала именно она, Милани, а не кто иной, делала именно с ним и для него.

— Я так устала, — призналась она, причём без всякого притворства, медленно отложив цимлатин.

— Что такое, Милани? Ты только прошла Приятие, ты должна быть радостна... Что-то случилось?

— Прости, не могу говорить.

Он ничего не ответил. Вдруг поднялся, явно намереваясь как-то излить своё сочувствие. Так и случилось: мягко и одновременно сильно сжал её ладонь.

Миланэ не убрала её, но молвила:

— Синга, а теперь иди, пожалуйста. Я так устала. Ты не представляешь, как я устала. Ты хороший лев, и мою усталость тебе знать незачем. Зачем она тебе? Что

тебе с неё?

Синга серьёзно, сострадательно посмотрел ей прямо в глаза.

— Как скажешь.

Он действительно встал, и через несколько мгновений ушёл, не провожаемый ею, терзаемый загадкой, лёгкой обидой влюблённого и неразделённым чувством.

* *

Ещё будучи найси, каждая Ашаи приучается к особому отходу ко сну и пробуждению. В дисциплинариях обучают правильному засыпанию; а подъём возведён для учениц в культ, причём настолько, что верное пробуждение считается аамсуной, то бишь деянием благородным и нужным. Погружаться в сон надо в тишине, успокоив ум, погрузившись в аумлан — безмыслие; после пробуждения надо обязательно отдать не менее полчаса отдать всяческим упражнениям для тела. И первому, и второму обучали добротнo — даже самая нерадивая ученица после нескольких лет практики в Сидне, точнее, в Аумлане-стау, может без особой трудности впадать в аумлан (что для обычных львов-львиц требует множества сопутствующих условий и упорства), даже существует грубовато-пошловатая шутка, что некоторым вовсе не нужно обучаться безмыслию — это их обычное состояние. Некоторые даровитые Ашаи могут впадать в аумлан где угодно, когда угодно и почти мгновенно. Некоторым аумлан так нравится, что они проводят в нём большинство свободного времени, но это считается весьма вредным, даже опасным, признаком упадка и утраты воли.

Миланэ издавна обратила внимание на то, что на практике наставницы никогда особо не настаивали на правильном засыпании, справедливо замечая, что это не всегда позволяют обстоятельства. Кроме того, утверждалось, что всякая Ашаи и так будет время от времени сновидеть, безо всяких лишних волений, а посему — видеть Ваала тогда, когда *Он* сам прикажет; а большего и не надо, поскольку сновидчество в каждой ночи можно назвать излишним, даже вредным. Нечего бродить по иллюзиям. Но вот пробуждаться ты всегда обязана верно, согласно аамсуне, благородному пути Ашаи-Китрах.

Но в это утро Миланэ, наверно, впервые за несколько лет не начала день так, как подобает. Она просто раскрыла глаза и уставилась в потолок, ощущая слабость в теле, но сохраняя острейшую ясность мысли.

Яркий солнечный свет пробивался сквозь окна, возвещая позднее утро.

Она знала, что усилием воли может запросто встать и начать растяжки, все эти столь нужные дыхания, но не делала этого; в какой-то мере её даже начала покусывать совесть, ведь на самом деле Миланэ, при всех своих отступнических деяниях, воистину-то Ашаи. Но сегодня ночью случилось то многое, что требовало некоего осмысления, остановки, перепросмотра — можно назвать как угодно. Требовало просто лежать, мыслить и смотреть в потолок.

Прошлым вечером Синга ушёл, а Миланэ начала бесцельно слоняться по дому, делая вид, что решает, как его ещё обустроить. А что с ней было на самом деле? Думала об Амоне. Когда тушила свечи в спальне, то тоже думала об Амоне; она вообще вспоминала о нём почти постоянно; и именно в этот момент ей пришла в голову идея, что показалась naprawdę блестящей — поговорить с Вестающими в сновидении. Найти и поговорить. Например, с Ваалу-Фреей. Миланэ очень ярко зажглась идеей и начала подготовку к сновидению, предварительно запретив Раттане под

любим предлогом тревожить её.

Суть такой предсонной подготовки проста — надо упасть в аумлан, а там и медленно-гладко вкатишься в серый сон, а из него ворвёшься в сновидение. Аумлан дался чуть труднее, чем обычно, ибо мысли были очень беспокойны, а душа — волниста. Впрочем, не обошлось и без некоторых прозрений:

«Аумлан — только навык. Меня научили, я это умею. Да игнимара — суть то самое. Навык себя жечь. Сила Ашаи-Китрах в том, что их намерение было столь упорно, что смогло научить гореть ладони; слабость — в том, что они избрали целью своего намерения такую бесполезность».

Потом была выужена ещё одна мысль:

«Кровь моя, я ничего не понимаю о мире. Само моё звание — Ашаи-Китрах — включает столь злую насмешку. “Сестра понимания”! Ха, всякой Ашаи скорее вредно что-то понимать; мы играем с силами этого мира, совершенно ничего не смысла. Разве знаю, что я такое? И что такое моя игнимара? Тем не менее, я существую, а ладони мои могут пламенеть...»

В конце концов, она вкатилась в сновидение или, словами Малиэль, — снохождение. Миланэ некогда согласилась, что *это* следует назвать именно так — «снохождением» — ибо она не только желает видеть, но и действовать. Но сегодня всё пошло не так, как обычно, если здесь вообще применимо слово «обычно»; она не последовала знакомой тропой ученицы: мир вязкой серости — мир чёрных камней — мир сверкающих небес. Миланэ прекрасно помнила о своём намерении связаться с Вестающими, но вместо оказалась посреди мира, в котором ещё явно не бывала. Миланэ *знала*, что это один из нижних миров, мир, что утопает в материальном и тяжелом. Чем-то он по ощущению был схож с миром вязкой серости, но здесь не требовалось огромных усилий, чтобы контролировать внимание; с другой стороны, это был мир слабого, хаотичного намерения, всякого упадка духа, и здешние обитатели были прикованы к своему родному миру, как узники цепями; но Миланэ, созданию иного мира, эта слабость намерения не грозила.

Оказалась она посреди поля пшеницы, такой же, что прорастает в Андари для кормёжки скота и птицы, и это родство было удивительным. Она совершила несколько шагов, очень *реальных* шагов, и снова подивилась этой бесконечной реальности иного мира; всё вокруг — деревья, пшеница, небо над головой — оказалось вполне знакомым, не таким чужеродным, как в иных мирах; правда, стоило посмотреть на руки, как оказалось, что они — полупрозрачны, как и все тело; лап так вообще было почти не видно, как и хвоста.

Миланэ помыслила, что именно здесь можно как-нибудь встретиться, связаться с Вестающими; что в сем мире они держат связь между собою. Раз она намеревалась попасть к ним, значит, наверное, попала. Намерение-то ведь всесильно, воля велика и бесстрашна! Но вдруг пришла иная мысль: искать Вестающих бессмысленно, и что вообще такая нелепость, как Вестающие, невозможна; мысль выглядела чужеродной, будто её насильно впихнули-скормили сознанию. Очевидно, это подшучивал сей трудный, весьма безрадостный мир. Да, *тут* такое невозможно, поняла Миланэ; *тут* никогда не явятся свои Вестающие, Ашаи-Китрах, шаманаи, вообще любые создания намерения и духа. Как и игнимара, и много чего другого.

Делать нечего, попала так попала, надо осмотреться среди этого нижнего мира. Миланэ пошла наугад к одинокому дереву, стоящему посреди пшеничного поля. Вдали, справа, виднелось нечто похожее на посёлок. Слева синели некие горы. Дул

ветер, очень даже ласковый, такой же, как у неё на родине. Прекрасно зная, что в сновидении можно мгновенно перемещаться взглядом, она испробовала это сейчас, намереваясь оказаться у дерева. Удивительно, но получилось не сразу: снова ж таки уколола какая-то очень уверенно-похабная мысль, что это невозможно, а раз невозможно, так смысла нет намереваться. Это очень сбило с толку, и с первого раза у Миланэ ничего не получилось; но она озлилась, изгнала сомнение, и вот оказалась у дерева.

— Однако, какой мир! Всё в нём невозможно, всё в нём нельзя! Мир сплошного «нет»!

Вообще-то Миланэ подумала про себя, но оказалось, что она проговаривает слова — буквально мыслит вслух. Что-то, а болтовня тут давалась легко, без всякого напряжения и обязательства, вовсе не так, как в верхних мирах, где любое слово становится намерением, и даётся не так-то просто; там, чтобы говорить, надо уметь волишь. Эта лёгкость страшно контрастировала с окружающей, всеобщей тяжестью сего нижнего мира; он оказался безвыходен — здешним созданиям нельзя было ускользнуть в иные миры, точнее, для этого требовались сверхусилия, невероятное напряжение сил духа; и это в чём-то было ужасно.

— Тюрьма для провинившихся душ, — так себе решила Миланэ, снова подумав вслух, хоть и не собиралась ничего произносить.

Но она оставила эти размышления, заметив возле этого сухого и низкого дерева кое-что интересное. Тут были разбросаны бумажки, и Миланэ попыталась поднять одну из них. Удалось. Потом ещё одну, потом ещё. Там были начертаны каракули на совершенно чужеродном, непонятном языке, но верное безмолвное знание подсказало — это нечто вроде стихов. Ашай-сновидящая собрала несколько таких листочков, из чувства порядка самки собрав их в аккуратную стопку. Потом обошла вокруг дерева, стопку бумаги возложила у его основания, но их вдруг подхватил ветер и унес прочь, в поле.

Ладно. Сегодня она не пришла напрасно наблюдать вещи миров; сегодня у неё есть чрезвычайно ясная, конкретная цель: побеседовать с Вестающими в их стихии. Возможно, так они признают в ней родственную душу?

— Фрея! Фрея! — возгласила Миланэ посреди золотого поля, возле затерянного дерева.

Увы. Миланэ аж помотала своей полупрозрачно-полуреальной головой от того, что услышала. Здесь любой зов превращался в нищий окрик, в пустое тарактение ничего не значащих слов; имя, этот великий знак чужой души, тут почти ничего не значило.

Вестающие не могли встречаться в этом мире; сомнительно, что они хотя бы пожелали его посетить. Или вообще о нём знают.

Стоило уходить. Она закрыла глаза, чтобы не видеть окружающее, и приложила сжатые ладони к переносице. «Вверх по древу», — вознамерилась она, и мучительный рёв пронзил всё сознание, и Миланэ чувствовала, сколь сильно тают её силы от такого мучительного, действительно тяжёлого путешествия.

Сначала очутилась в знакомом океане сияющей темноты, а потом будто провалилась в уже знакомый мир чёрных камней и тёмного неба.

Куда лучше. Пребывать в нём непросто, перемещаться трудно, но в этом безжизненном мире, где бывают только гости и нету хозяев, намерение и безмолвное знание приобретают великую мощь, о чём говорила Малиэль, и что ей было знамо из небога-

того опыта.

Собравшись (произнести здесь слово — великий труд), Миланэ зарычала в бесконечно неживое пространство:

— Фрея! Вестающая львица Фрея!

Миланэ ощутила, что сквозь неё словно дует ветер и уж было возликовала, что зов услышан и она сможет встретиться с нею и провестать: помоги мне, о добрая подруга-Ашаи, дай свободу тому, кого люблю!

Гул в ушах стих, колючая вода стекла по телу вниз, ничего не произошло. Она, сновидящая, и дальше созерцала чёрные камни в жутко искаженной перспективе и ничего более. Потом прямо перед нею упала толстенная книга, которую пришлось поднять с чёрной, песчаной земли, но на всех её страницах, отдающих тихим сиянием, было лишь одно слово: «Имя». Имя, имя, имя. На каждой странице.

Пришедшее безмолвное знание оказалось сложно облачить в слова; тем не менее, основная суть стала ясной: с Ваалу-Фреей, безусловно, как и любой Вестающей, можно побеседовать в снохождении; только тайна в том, что совершить это чрезвычайно непросто, и скорее ты сможешь ворваться в сон простого льва и простой львицы, чем достучаться к Вестающей; это будто бы искать кого-нибудь в огромном городе, не зная ни места жительства, ни внешнего вида особы. Безусловно, Фрея доступна, но только для тех, кто знает, как её найти, а остальным путь заказан.

Чёрный мир взимал за свою извечную услугу — верную отдачу безмолвного знания — весьма немалую плату. Чувствуя великое истощение сил, Миланэ было собралась домой, в тело о двух лапах, двух руках и хвосте, как тут снова её начало уносить, но не вверх, как обычно бывает при выходе, а назад и вниз, со сверкающим звоном. Миланэ явно бросало не туда, куда она намеревалась попасть, и это впервые за всё снохождение вызвало ползущий страх, быстро перерастающий в сложно-преодолимый ужас, столь знакомый всем сновидящим. И вот так, терзаемая тревогой, она распласталась навзничь в белом мире сверкающих небес. Миланэ не совершала попыток подняться: ей было хорошо и утомлённо.

Казалось, прошла вечность, как тут над нею склонились две высокие львицы белой шерсти и совершенной красоты. Они присели возле на колени, а Миланэ спросила их мыслью:

«Где найти львицу Фрею, Вестающую Ашаи-Китрах, дочь Сунгов?»

«Их не бывает у нас, к нам попасть с ваших миров — много силы истратить. Им запрещено посещать наш дом», — отвечали они.

«Кто им запретил?»

«Они сами. Им невольно обессиливаться понапрасну, ибо всякая из них страшится одного — перестать вестать».

«Так где найти их?»

«Неоткуда знать — прячутся они».

Миланэ ещё что-то хотела спросить, но её, очевидно, изгнали из сего мира; но зналось — изгнали вовсе не со зла, а от великого сострадания и жалости, ибо останься она там ещё, то не смогла бы возвратиться домой от сей истомы, блаженства и усталости, и так бы погибла, растворившись в Тиамате, а наутро Раттана обнаружила бы свою хозяйку мёртвой в постели, и все бы сетовали, что вон, ещё одна Ашаи умерла во сне — так их забирает Ваал к себе.

Пора домой, не так ли?

Нет, не так ли. Вокруг словно из-под воды — нестройно, туманно и волнисто —

явилось то, что Миланэ доселе не видала. Красно-жёлтая «земля». Чернота неба с мириадами невероятно ярких звёзд. Огромное солнце этого мира. Обелиск фантастической, невероятной высоты, вокруг которого вьются синеватые огоньки.

Осознание стало слабым, будто чужеродным, и она в каком-то смысле прекратила быть собой, превратившись в чистое восприятие. Видение было настолько монументальным, что подавляло любую волю, любое «Я»; и, верно, она так бы и забыла о себе и осталась здесь, если бы не на миг возникшая мысль, что есть где-то такая львица, которую зовут Ваалу-Миланэ-Белсарра. Я? Я! Мне надо домой, я соскучилась по дому, надо возвращаться! И сразу, как только вспомнила о себе, начался знакомый взлёт вверх... наконец-то... домой.

Она понимала, что попала в тот мир по случайности; будто падая с мирового древа, она ненадолго зацепилась на одной из ветвей, к которой в обычном случае не долезешь, и чуждость всего виденного лишь доказывала, что там она была лишь случайной гостьей — там нет ничего хотя бы близко львиного.

Ой-ёй. Здравствуй, мир вязкой серости и слабости внимания. Что вокруг? Тёмный, хвойный лес гор, ничего более; сама Миланэ — на небольшой полянке. То ли сумерки, то ли рассвет — попробуй пойми из-за жидкого тумана.

И всё бы хорошо, но лес пленил, а она давно обессилела. «Может, я на самом деле всё время и жила в сем лесу? Может, вернулась домой?». Вмиг явилась иная личность, иная Миланэ, которая имела свою предысторию и жизнь; оказывается, она — супруга главы небольшого прайда, ушла на ритуальную охоту начала Луны Изобилия и потерялась в слишком далеких землях. И та, что была Ашаи-Китрах, яростно сражалась с тою, которая была первой львицей-супругой, а некая третья, очень тихая сторона её естества, тише вздоха и камня наблюдала за этой борьбой.

Но тут вздрогнула земля, наваждение ушло и сознание Миланэ прояснилось настолько, сколь оно вообще может быть ясным в снохождении.

— Фрея-Востающая, отзовись мне, Миланэ!

Земля ещё раз вздрогнула, будто кто бил её исполинским молотом. Сновидящая львица духа несколько раз обернулась на месте, но кроме леса не было ничего. Вдруг при следующем повороте она заметила льва, что стоял поодаль, в десятке шагов; он словно поджидал нужного мгновения, чтобы подкрасться сзади, и лишь только её осмотрительность позволила вовремя разоблачить его намерение. Лев был привлекательным и страшным одновременно: очень высоким, большим, с хищной прорезью глаз и бесконечно уверенно-нахальной улыбкой, приглаженной гривой внушительной длины, темноватым. Кроме того, он оказался совершенно и неприлично нагим, но в руке держал большой меч; значительно больше, чем Миланэ видела в жизни.

Чего врать: Миланэ сразу чуть притрусилась и заосторожничала при виде такого самца, причём не от явного страха, а от чистого инстинкта самки, зова крови, готовая следить, слушать и внимать тому, что он будет делать-говорить. Словно учуяв её зажжённую кротость, тот улыбнулся ещё нахальнее и пошёл прямо к ней:

— Ты возвала к Востающей, милая? Ступай ко мне, проведу.

Миланэ не стала этого делать, а вместо встала полубоком, недоверчиво, обвив лапы хвостом, будто молодая и стеснительная маасси. Лиша-аммау — так зовётся эта классическая поза, которая в среде Ашаи-Китрах считается манерной и наивной одновременно.

— Корись! Ты зовёшь моих вернейших вестниц, моих служанок, моих рабынь. Ты сама надлежишь к самкам, что ублажают меня. С детства надлежишь! Сюда! Ко мне!

— Не хочу к тебе, — ответила Миланэ.

Он помотал головой и свершил броский жест рукой, будто она сказала нечто крайне глупое и неприличное.

— Силы ты берёшь от меня, — приближался он. — Свой огонь ты берёшь из меня. Не строптивься, услужница. Подойди ко мне, я так тебе велю — соединишься со мной.

— У меня есть тот, к кому я подойду, — ещё тише молвила Миланэ.

— Поклянись в верности мне — Ваалу! — дочь Сунгов, безгривая!

Лев встал перед ней, навевая страх.

— Служанка, что решила отрицать хозяина. Неслыханно. Сейчас я укажу твоё место. И я пощажу тебя, если вовремя отбросишь глупости. Криммау-аммау передо мной! Пади ниц.

Ещё миг — и он набросится на неё. Наверное, чтобы душить. Как Арасси.

Вдруг это очень разозлило Миланэ; нет, не так — привело в дичайшую ярость. Она так пытается найти Вестающую, чтобы доказать ей, чтобы поговорить с нею, чтобы спасти своего Амона, а этот жалкий и тщетный фантазм, пытающийся прослыть ужасно-могущественным, мотается у неё под хвостом. Тщетно всё! Не достать и отсюда Вестающих. Пожалуй, не может она достичь их вообще — что-то ей неведомо. И это всё он, он повинен, этот недоносок духа, жуткое творение глупых и слепых душ, ухвативший чужие, чистые души; ему служат его лучшие дочери, Вестающие, его именем прикрываются и властвуют над Сунгами, имея всё, что имеют. Это он удушил Арасси, что не сумела сопротивляться, не сумела сжечь свою веру в сердце.

Миланэ он перестал быть страшен — он стал отвратителен. Он даже не был достоин того, чтобы вытащить кинжал. Она присела к земле этого мира и тут же возле ладони явился светящийся камушек, ведь самый жест презрения — бросить камнем.

— Уходи прочь, не дерзи мне, львина.

Задрожала земля, раздался жуткий звук, будто обрушивается всё живое и неживое. Лев-фантазм весь вспыхнул огнём.

Но Миланэ бросила в него камнем, и хотя между ними было не более пяти шагов, казалось, он летит невероятно долго. Перспектива и расстояние вдруг безумно изменились — оказалось, что лев находится далеко, невероятно далеко, вокруг нет никакого леса, они в воздухе, а внизу — чёрное море; красное небо и красные облака. И он явно желает утопить её в этом тёмном море, и на самом деле это — смертельно опасная игра. Но брошенный светлый камень вдруг превратился в сверкающее копьё, длинное и яростное, бешено-неудержимое. Оно сразило этого льва, и кем бы он ни звался — Ваалом, духом Сунгов или ещё кем — сам пал в то море, которое уготовил для этой львицы-сновидящей.

Всё вокруг опустело; это алое небо и огненные облака напоминали о чем-то высоком, древнем, строгом и простом, но Миланэ уж не успела ничего додумать и сделать, потому что стала падать вверх, вверх, вверх...

Поэтому она не вставала с кровати и совершенно обновленным, чистым взглядом взирала на окружающее: углы комнаты; пол и потолок; мебель; пыль в воздухе. Кра-лось в душе ещё тихое сомнение: всё или ещё нет? Дома я или ещё в *ином*? Да что тут скажешь. Всё-всё-всё это было как-то слишком. Всякая мысль растворялась, так и не дойдя свой законный путь до конца. Неизвестно, сколько бы дочь Андарики оставла-

лась спокойно-недвижной, как тут в дверь постучались.

— Да, — спокойным, ровным голосом отозвалась Миланэ.

Это Раттана, обеспокоенная, что хозяйка так долго спит; некогда она уже была предупреждена, что сон Ашаи вообще не следует прерывать, но здесь волнение преступило запрет.

Оказалось, что завтрак поостыл, погода хороша и уже было целых три просителя, и все трое приглашали её на торжественный ужин к себе домой, и все три письменные приглашения отдали Раттане. Они не остались без внимания Миланэ, ибо она никогда никого попусту не отбрасывала в жизни. У всех трёх повод оказался очень простым: в этом районе Марны явилась новая сестра, и род добрых Сунгов, естественно, имеет желание познакомиться со новоявленной сестрой. Конечно, от её глаза не ускользнуло то, что все они были, можно сказать, с некоторым житейски-приземленным расчетом; да расчёт не особо-то прятался. Одно из приглашений, правда, несколько удивило, поскольку там имелся некоторый намёк, что приглашавший род — вполне себе патрицианских кровей; но с иной стороны, Миланэ неплохо знала, что подобные приглашения — для завязывания нужной связи и знакомства — не совсем в духе патрициев; они предпочитают иные пути и методы, считая подобное ниже собственного достоинства.

Мир вокруг, как всегда, чего-то требовал и вынуждал действовать. Иной может подумать, что жизнь Ашаи-Китрах совершенно свободна от обыденности и обывальщины. Как бы не так! Миланэ была сестрою-Ашаи лишь ничтожное время, но уже успела как-то устать от всей этой рутины, которая пленяла просто вмиг. Она очень быстро обросла обязательствами, делами, связями, тому подобным. И дело совсем не исправляло то, что Миланэ жила некоей двойной, если не сказать — тройной жизнью (добрая-молодая Ашаи-Китрах под патроном; отчаянная преступница-отступница, страстно желающая свободы своей любви; сновидящая львица духа). Может показаться, что познание иных миров способно отбросить дух в великое море безмятежности, где легко осознать: всё есть тлен; и если реальность одного мира тебя таки достала, то без больших хлопот можно немного укрыться в ином, словно уехать из неприятного места.

И так, верно, делали многие сновидицы. Хорошо им, но для Милани это невозможно. Потому ею уже некоторое время владело сумеречное состояние духа: в чём-то злое, в чём-то бесконечно меланхоличное, в чём-то — ироничное; это случилось вообще после Приятия, но особо разлилось по душе именно сегодня, после сегодняшних снохождений.

Домой вернулась после обеда, и тут её ждал сюрприз, скорее неприятный. Дело в том, что когда она в последний раз посетила Дом Сестёр, то там её остановила одна Ашаи — старшая сестра угасающего возраста — и обвинила с трагическим укором, что Миланэ высокомерна и не хочет ни с кем беседовать. Миланэ ответила, что это не так, что она беседовала со многими сёстрами, и словца ради предложила навестить её дом, где у них состоится обстоятельная беседа о чём угодно. Эта сестрина хмыкнула и удалилась, и каков же был ужас воспитанницы Сидны, когда она действительно сдержала своё обещание: пришла сегодня, в неудобное послеобеденное время; Миланэ ничего не оставалось, как принять её, и начала беседовать с нею, точнее, эта престарелая, лет пятидесяти львица монологом жаловалась на жизнь (дети не жалуют и прочее) и здоровье (Миланэ узнала все её болячки да ещё то, что у неё совсем кончились лунные дни); потом очень быстро растрогалась и стыдливо

читала совершенно нелепые для её возраста стихи о любви собственного сочинения. Также полила грязью всё сестринство Марны, но крайне расплывчато, неконкретно, безо всяких имён, и чувствовалось, какая это одинокая и загнанная душа.

Этот визит так и остался бы в памяти как неприятно-взбалмошный, если бы старшая сестра не обмолвилась по прощанию:

— Вообще, не вижу во львице ничего, что бы намекало на её столь двусмысленную славу.

— Что превосходная имеет в виду?

— Могу сказать, что не всем, но многим известно, — словоохотливо начала она, — что Миланэ является Ашаи рода одного из сенаторов, предыдущие поступки которого явно свидетельствовали, что он, как ни прискорбно, питает определённый род неприязни к нам, львицам Ваала. Сам факт подобного отношения должен настораживать, но что поделаешь — в Империи существует терпимость, даже благосклонность к своеобразному вольнодумству. Ходят некоторые слухи, уже более тихие, что у Миланэ есть определённые связи, в том числе — в среде Вестающих. Само собой, это похвально. Нет-нет, я ничего такого не хочу сказать, тем более, что все эти слухи не афишируются и не множатся, и вообще не имеют никакого скандального оттенка... Ну, пожалуй, разве что эта библиотечная история.

— Какая библиотечная история? — слишком пылко спросила Миланэ, о чём сразу пожалела: её интерес, испуг и взволнованность выдавали с ушами.

— Оооо, я не хотела обидеть Миланэ; я перед собой вижу славную молодую сестру, которая умеет слушать. Молва есть, что Миланэ имела некоторое отношение к происшествию в Марнской библиотеке... Хоть инцидент и замалчивается, естественно, но всё-таки новость не ушла от ушей сестринства Марны.

— Я оказалась жертвой обстоятельств. Точнее, поступков некоторых не очень далёких особ. Вообще, дело находится в попечении Надзора и всех полагающихся властей.

— Разумеется, разумеется. В целом и общем, слухи о том и ходят: трагическая случайность, жертва обстоятельств, стечение случаев. Но всё же: у Ваалу-Миланэ есть-то некоторая слава, можно сказать, даже в чём-то скандальная. Это убийство на улице! Необычайное происшествие. Скандальная слава. Но в наше время, я бы сказала, это скорее достоинство, нежели недостаток. Да... Красивого дня.

— Великого дня, — ответила Миланэ, провожая сестрину за дверь.

На немой вопрос «Что это было?», заданный себе, Миланэ ответила довольно быстро, для чего даже сверилась с Каррой-Аррам. Никакого злого умысла или подступничества за разговором не таилось, просто странную Ашаи понесло на болтовню; в какой-то мере встреча оказалась удачей, ибо теперь Миланэ знала, что о ней ходит немало разговоров. В иное время это дало бы пищу самохвальству и гордости, но сейчас это плохой знак, даже очень. Ясно, что действовать стоит очень решительно и крайне быстро, потому Миланэ облачилась, собралась и начала наставлять Раттану, что надо сделать в сегодняшний день, ибо хозяйка уходит надолго; но тут прибыл посыльный. Немногословный, он просто вручил небольшой свиток Ваалу-Миланэ-Белсарре, и был таков.

Свиток оказался приглашением на завтрашний «праздник вечернего часа» в самый лучший Марнский фансиалл от загадочной «старшей подруги». В самом приглашении присутствовала безупречная каллиграфия, использовались различные обороты вроде «верной сестре, незабвенно следующей аамсуне» и несколько слов

древнего языка, из чего стало понятно, кто его составил, хотя никакого штампа и личной подписи Ашаи в конце не нашлось. И, наверное, чтобы Миланэ обрела окончательную уверенность, эта старшая подруга указала, что «хранит надежду на глубокую беседу с блистательной Ваалу-Миланэ-Белсаррой».

Дело яснее дня, и Миланэ, вздохнув, успокоилась. Фрея сама зовёт её, и это отлично.

Жаль только, что беседа не случится прямо сегодня.

Нужно ждать завтрашний день.

Но Миланэ умеет ждать.

«Я наброшусь на неё, я выпрошу её повлиять на кого угодно, хоть самого Императора, чтобы Амон стал свободным», — смотрела Миланэ в окно, где поверх низких крыш стелилось светлое, бесконечное, равнодушное небо.

* *

Вечерело.

Миланэ в последний раз посмотрелась в зеркало, потушила свечи и спустилась вниз.

Одеяния Ашаи-Китрах намеренно далеки от скромности и прочих благоразумий; они изначально явились как фетиш, призванный волновать, впечатлять, выделять из фона. В Ашаи-Китрах живут страсти Сунгов, точнее, они изображают их, и нет ничего удивительного в намеренной соблазнительности образа Ашаи. Так было издревле, так есть и так, верно, будет до скончания сестринства.

«А этот день когда-нибудь наступит», — размышляла Миланэ, осматривая лапы в прихожей и ожидая Раттану. — «Всему приходит конец».

В среде Ашаи, тем не менее, принято, что всякая из них может соблюдать в одеяниях некоторые традиции своего прайда. И вот Миланэ, урождённая чистокровная андарианка (по крайней мере, все так думают), надлежащая старинному прайду Андари, не могла одеться так, как облачится, скажем, хустрианская Ашаи, с их неизменными глубокими вырезами и фривольными детальками. Но хустрианская никогда не возьмёт и венца с перьями, не подведёт так глаза тентушью, никогда не посмотрит столь меланхолично, никогда не примет сего образа сдержанного благородства.

Ей совсем не хотелось посещать ужин у Тансарра. Тем не менее, это необходимо. Во-первых, это вопрос уважения к патрону, да и вообще её обязательство как Ашаи рода. Во-вторых, Миланэ желала выяснить, нет ли у него нужных знакомств (а они наверняка есть), которые могли бы помочь с освобождением Амона.

Ужин собрал значительно больше голов, чем она предполагала увидеть, и больше напоминал пир. Собралось около пяти десятков львов и львиц; приходилось улыбаться, слушать, сидеть недалеко от патрона, рассказать несколько поучительных историй (почти что традиция: если на застолье есть Ашаи-Китрах, у неё должны быть в запасе несколько рассказов), обсудить засилье дхааров в западных провинциях и раздать какие-то пустяковые советы о поддержании здоровья. Очень удивилась отсутствию других Ашаи, и этим удивлением даже поделилась с патроном. Ответ был прост: он не водит знакомств в их кругах (и очень надеется, что Миланэ поможет устранить это упущение), а Ашаи рода гостей на такие встречи, как правило, не приходят.

Миланэ ждала, терпеливо ждала нужного момента, когда сможет побеседовать с

патроном хотя бы чуть; но она, чуткая ко всяким нюансам и моментам, как всякая самка, поняла, что сегодня ничего не выйдет. Поэтому начала обращать внимание на то, кто именно находился на ужине; самыми видными оказались несколько друзей-сенаторов, помощник главы Регулата науки, искусств и веры, и лев из Имперского казначейства, занимающий высокий и малопонятный пост. И в какой-то момент почувствовала свою бессильность — она не могла ничего поделать.

Печально.

— Я уезжаю на днях в Андарию. Приглашаю мою Ашай в поездку, — вывел патрон из мыслей неожиданным предложением.

Миланэ, отодвинув тарелку, глубоко вздохнула. Решение надо принять молниеносно, и правильное решение.

«Нет. Конечно, нет. Некогда».

— Мне очень жаль, мой патрон. Я прошу дать возможность отказаться. Здесь у меня ещё много обязательств и дел; видит ли сир, именно таких, которые возникают на новом месте... Впрочем, если я необходима, то я буду там, где этого требуют интересы патрона.

Тансарр засмеялся, откинувшись в кресле:

— Что ты, — стучал он когтями по столу, уже неплохо принявший на душу, — там надо уладить мелкие дела. Подумал, захочешь родные земли увидеть. Тогда оставайся... присмотришь за моими. За Сингой особенно. Да, сынок?

Тот улыбнулся и пробормотал нечто невнятно-нейтральное.

Синга сидел напротив Миланэ; будь он порезвее, то смог бы занять место прямо возле неё, а то, что он желал этого, можно ощутить и без всякой эмпатии. Но место напротив давало ему одно преимущество: он мог сидеть и есть её глазами. Что и делал. Весь вечер он глядел на неё, сопровождал взглядом, когда она уходила; это поселяло неудобство и некую смуту в душе. Миланэ намеренно избегала встречи взглядов, хотя общалась со Сингой, шутила и оказывала столько же внимания, сколь и другим гостям.

Вечер удался, все довольны, Миланэ отбыла своё; уходила она, безусловно, позже всех гостей, далеко-далеко за полночь. Она мило попрощалась с Ксаалой, поблагодарила Тансарра за прекрасно проведенное время, вышла под колоннаду парадного входа и приготовилась отъезжать, вся в завтрашнем дне, как вдруг ощутила прикосновение к ладони.

— Милани...

— Синга, перестань. Ты ведь знаешь, — она освободилась от плена.

— Я ничего не знаю, — он снова попытался встретить её ладонь, но безуспешно.

— Мы с тобой говорили, — она пыталась сказать строго, но вышло совсем не так.

— Слова тут бессильны.

Она наравду не знала, что с ним делать. Оказалось, что вовсе не в её характере просто взять и отвалить прочь, а особенно, если лев не вызывает неприятия.

— У тебя кто-то есть?

Вопрос явно не из ревности; точнее, не столько от неё, сколько от непонимания: почему ты так отвергаешь меня?

— Синга! Ты не понимаешь. Ты ничего не понимаешь, — молвила Миланэ, грустно кивнула и уехала домой.

* *

Несмотря на целый день, наполненный множеством дел, Миланэ ничуть не устала. Ночью спала плохо: вставала часто, смотрела в окно, рисовала на нём узоры, ходила по комнате, пробовала читать книгу, но быстро бросила. Вспомнилась Арасси, и это довело до плача. Вконец измученная этой неопределённостью, она ждала сегодняшнего вечера; сегодня она будет знать, когда и как ей помогут Вестающие. Они обещали. Они должны.

— А если не помогут? — задавала себе вопрос в пустоту.

Взяв пласис, веер и венец, дочь Андари ушла на этот вечер под открытым небом. Вход по приглашению, вежливые стражи на входе.

Чувствовалась там совершенно лишней, чуждой, испытывая то самое ощущение, когда тебе надо отбыть-отмучить какое-то торжество, хотя музыка была прекрасной, еда вкусной, воспитанницы фансиалла танцевали с различными кавалерами фромал и повсюду можно было найти прекрасную светскую беседу.

— Милани! Рада тебя видеть! Знакомьтесь: Ваалу-Миланэ, подруга по дисциплирию и прекрасная Ашай!

Её нашла подруга Эмансина. Миланэ совсем забыла, что она имеет служение в фансиалле, да и вообще запамятовала о её существовании, поэтому появление этой Ашай схватило ну совсем врасплох. Но оказалось весьма кстати: Эманси стала мостом между нею и другими, вообще разбила одиночество, хоть и не уняла тревог.

Тем не менее, Миланэ спешила встретиться в Фреей. Ей хотелось определённости здесь и сейчас.

— Эманси, а Вестающие здесь есть?

— Что? — удивилась та, чуть наострив ушки и хмельно улыбаясь. — А! Может и есть. Не знаю, не видела. Они на улицу ночью выходить не любят, запрутся в отдельной каморке и ведут там свеетские беседки, — смешно кривлялась Эманси. — Куда им до нас, приземлённых.

— Я серьёзно спрашиваю.

— Может быть, Милани. Пойди, может, спроси список гостей, — с иронией молвила та.

— А это не ты мне прислала приглашение на вечер? — Миланэ отставила кубок на поднос рядом проходившей служанки, и сделала это неудачно — кубок упал. Но Миланэ даже внимания не обратила.

Такое вполне могло быть. Она могла принять приглашение Эманси за приглашение Вестающих. Вроде мелочь, но на самом деле — почти катастрофа.

— Пффф, — смешно и немного пошло прыснула Эманси, — кажется, Миланиши, тебе хватит вина. Нет, не я. Думала, у тебя дел много, ты пока только обживаешься в Марне...

Осторожные поиски действительно оказались малоуспешными: почти все ей отвечали, что ничего не знают. Одна Ашай, старшая сестра, правда, повела ухом и ответила, что приходить на такие вечера — не в духе Вестающих; но вообще — в жизни всё возможно. Также Миланэ увидела знакомое лицо в толпе, но всё никак не могла вспомнить, где видела эту высокую львицу. Та тоже заметила Миланэ, но почему-то поспешила в другую сторону.

«Наамрая!», — осенило Миланэ. Да-да, та самая львица, что приходила наниматься в качестве домашней прислуги, и которой пришлось выслушать отказ. — «Обиделась тогда, наверное. Только что она делает на званом вечере в фансиалле?».

И когда она почти отчаялась и приготовилась вынуть мантику Карры, чтобы

понять — уходить или нет — к ней подошёл статный, одетый в прислужническое платье лев:

— Яркоогненная, красивого вечера львице-Ашаи.

Вопросительный взор. Миланэ молча уставилась на него; лишь повременив, ответила:

— Доброго вечера, сир. Чем могу быть полезна?

— Меня просили передать, что встреча состоится чуть позже. Сиятельную просят немножко подождать.

«Немножко» оказалось временем после полуночи. Миланэ порядком устала, да и все уже почти разошлись, и Эманси тоже, как лев снова подошёл к ней:

— Благородную ждут на заднем дворе.

— А где это? — устало спросила она.

— Я провожу.

Миланэ последовала. Пришлось пройти через холл фансиалла, миновать два красивых коридора с прекрасными картинами на стенах и выйти в ночную прохладу холёного заднего двора, где стоял невзрачный, но добротный дормез — большой экипаж для дальних путешествий, чрезвычайно непрактичный в городе.

— Прошу сиятельную садиться, — сказал провожающий и удалился, без всяких церемоний.

Миланэ сама открыла дверцу и взошла по ступенькам. Только закрыв её, она начала осматриваться; в то же время экипаж тронулся. Напротив неё разлеглась Фрея, одетая весьма легко, даже по-домашнему: на ней был только лёгкий хитон и накидка на плечи. Вся, ну вся в золоте: подвески — золото; кольца — золото; ожерелье рядом с амулетом Ваала — золото; браслеты — золото; нахвостное кольцо — золото; венец — золото; предки, даже опоясана она тонкой золотой цепью. Жестоквластный триумф роскоши.

— У меня сегодня выходная ночь, — Фрея погладилась по загривку. — Целых три дня свободна. В иное время моё тело уже давно бы валялось в постели.

— Приветствую Фрею, — уселась Миланэ. — Превосходная была на этом вечере? Я не видела.

Она хотела закинуть лапу за лапу, но таким образом кончики нижних когтей оказались бы слишком близко к Фрее; посему Миланэ села, прижав коленки: чинно, даже церемонно; а хвост пустила вдоль дивана.

— Была. Не люблю шума, — брезгливо махнула Вестающая ладонью. — Мы с хорошими друзьями уединились в одной из комнат фансиалла...

Не желая продолжать, она взяла чашечку с подождёнными благовониями, помешала к ней тоненькой палочкой, и поставила обратно в углубление на огромном подлокотнике.

— Люблю хорошие запахи.

— Я тоже, — вослед молвила Миланэ.

— Вот что, близкая Миланэ, — изменившимся тоном начала Фрея. — По традиции, близких к Вестающим Ашаи так и называют — «близкие». Это так, чтобы ты знала. Что хочу сказать. Для того, чтобы наша дружба стала долгой, мы должны охранять её от всякой праздной болтовни и кривотолков. «Великие дела требуют тишины» — говорил Семстарий Блистательный. То бишь мы не должны о ней распространяться где попало. Надеюсь, ты меня понимаешь, — молвила Вестающая, опустив голову вниз и чуть прижав уши.

— Да, — строго согласилась Миланэ.

— Никто не знает, что ты была у меня дома. Кроме тех, кому надо. И никто не знает, что ты сейчас едешь со мной. Кроме тех, кому надо. Для всех ты та, кто ушла на праздник в фансиналл и задержалась там далеко за полночь.

— Я понимаю.

— Надеюсь, за эти дни ты успела заметить, что все твои личные неприятности исчезли. Мне кажется, ты вполне осознаёшь, что это не просто добрая воля судьбы, а старания вполне конкретных личностей.

— Осознаю. Но ещё есть вопр...

— Я ничего не забыла, Миланэ, — взмахнула Фрея хвостом, и зазвенело золото. — Я прекрасно помню о твоих делах и надеюсь, что ты столь же ревностно будешь о помнить о делах подруг. Я знаю, что ты крайне озабочена судьбой Амона и сразу перейду к этому. Так слушай сюда. Мы сможем ему помочь, но! В первую очередь мы должны дождаться суда. Должен быть суд. Он определит ему наказание. И только после этого начнём действовать вовсю.

— Нельзя ли обойтись без суда? — кончик хвоста нервно забился, даже против сильной воли. — Фрея, нельзя ли помочь ему прямо сейчас?

Ах да, она слышала себя со стороны. Тон такой просящий, умоляющий, убивающий всякую гордость. Но Миланэ боялась задеть Фрею, загубить островок надежды.

— Миланэ, понимаю, — тон Вестающей был добр. — Но иначе нельзя, и ты сейчас поймёшь почему. До суда его дело интересует всех; если заметила, в Марне прошли определённые слухи, что случилось в библиотеке, а уж о деле самого Амона и то, что ты к нему имеешь отношение, знает не так мало голов. До суда он будет интересовать многих; после определения наказания о нём все за-бу-дут. Он исчезнет для всех.

— Но только не для меня.

— Ну конечно, конечно, — смешливо нахмурилась Фрея, будто Миланэ говорила очевидные банальности. — Только не для нас. О нём забудет Палата, Надзор, Тайная служба, Регулат закона и всякие охочие до чужой беды — для них он станет наказанным. Я устрою так, чтобы суд свершился как можно скорее; процесс затягивать нельзя, но и спешить — тоже. Можно навредить делу, а дело — весьма тонкое. Нельзя притягивать чужое внимание, а после приговора, когда он отправится отбывать наказание, у нас будут развязаны руки. И Амон освободится.

— Неужели нет иного способа... Как-то пораньше... Или к кому-то обратиться...

Тут-то Фрея пригрозила пальцем с вытянутым когтем:

— Миланэ, никто, кроме нас, тебе не поможет. Светские чинуши, политики и прочие служивые, от мала до велика — паршивые овцы, которые трясутся над личным благом и удобным местом. Никто не пойдёт на риск просто потому, что ты придёшь и попросишь; ты можешь отдать им всё, завести уйму знакомств, даже стать любовницей — это не поможет. Но мы знаем, как и где, — Фрея сделала очень неприятный и в чём-то страшный жест — ткнула себя когтем большого пальца в живот, — на них давить, поверь. В мире есть только сила, и только она правит. И Ваал сбереги тебя идти в Палату или Надзор и пытаться там что-то сделать. Если свершишь такую глупость, то мы отвернёмся от тебя, как от львицы, что делает недалёкие поступки. Это одно. Второе. Не пытайся сделать что-то своими силами, а тем более — не надо его посещать. Сейчас твоё поведение не должно вызывать подозрений, а ты должна быть бе-зу-пре-чной; любой твой интерес к Амону вызовет множество ненужных сомне-

ний. Третье. Можно пытаться что-то сделать сейчас. Но такие попытки — не находишь ли? — всем покажутся подозрительными. Знаешь, у нас достаточно сил, чтобы вытянуть Амона прямо сейчас, безо всяких церемоний. Да, но что потом? И к нему, и к тебе, и к исполнителям будет много-много претензий; а кому это надо? Надо переждать до суда. Суд пройдёт — тогда можно действовать.

Миланэ заметила, что потирает ладони, приглаживает их; чересчур резким движением она перевела их в покой, в жест аратта-гастау — «сдержанность».

— А когда будет суд?

Фрея чуть понаблюдала за Миланэ, чуть привстала и резким, бесцеремонным движением одёрнула занавеску окна; несмотря на то, что снаружи была ночь, а внутри горела лампа, стало как-то совсем темно.

— Надеюсь, на протяжении дней десяти. Не так долго, поверь. На нём понадобится твоё присутствие, как пострадавшей.

— Пострадавшей? — наострила уши Миланэ.

— А как же? Ты ведь читала свои бумаги? Ты стала жертвой обмана. Твоя совесть абсолютно чиста. Чудно, не так ли?

Было сложно понять — это всерьёз или сарказм.

— Чудно... — эхом отозвалась Миланэ.

— Но все детали мы обсудим потом. Значит, вот что... — голос Фреи стал весьма тих.

Но Миланэ вся задрожала от нетерпения:

— Фрея, прошу меня простить. Значит, мы ждём суда, да?

— Да, — каким-то усталым, безразличным голосом ответила Вестающая.

— Он свершится на протяжении этих десяти дней?

— Да. Может, двух недель, — ещё большее безразличие.

— Как я узнаю?

— Ты — участница процесса. Пострадавшая. Тебя уведомят. Что за вопрос.

— Это — самый лучший выход?

— Да!

Воцарилась гнетущая тишина.

— Хорошо... — стала согласной Миланэ.

«Она права. Это разумно. Это... да, разумно».

— Значит, вот что. Мы обсудили твои дела, но теперь пришёл наш черёд просить об услуге...

Странно было слушать это «мы»: то ли Фрея говорила о себе во множестве, то ли имела за собой многих, многих и многих... Единство. Сестринство. Единомышленниц, исполнительниц, верных и готовых.

«Лишь я одна; лишь мне — одиночество», — подумалось Миланэ. — «А где моё сестринство; где мои сёстры? Я шла по той тропе, которую оставили наставницы, оставили все Ашаи-Китрах. Но забралась на иные вершины, и вокруг уже не вижу ничьих следов, и здесь я одна...»

— ...Волею случая ты стала Ашаи рода одного из сенаторов. Мы не будем скрывать, что фигура такого уровня составляет для нас обоснованный интерес. Поэтому сестринство может вести свою волю сквозь тебя, Миланэ, для того, чтобы достигать целей для общего дела Ашаи и славы Сунгов. Мы хотим от тебя двух главных вещей. Первое. Ты должна запоминать, с кем, как и где встречается Тансарр, иметь представление о его делах, настроениях, мыслях. Сейчас нет необходимости принимать к

сведению что-то конкретное, потому ты должна запоминать... всё. Правда, особенно нас интересует, как и где он хранит некоторые бумаги, но пока это не столь важно. Второе и главное. Ты должна сблизиться с его сыном — Сингой. Во всех смыслах. Стать его подругой, содержанкой, любовницей, сожительницей — кем угодно; и чем ближе, тем лучше. Обычное дело для молодой Ашаи. Суть ясна?

— Суть? — мотнула головой Миланэ. — Суть... да. А зачем?

Для неё вдруг всё стало будто в тумане.

— Чтобы он доверился тебе, — терпеливо ответила Ваалу-Фрея и три раза постучала по стенке. Видимо, это что-то да значило, ибо экипаж поехал быстрее. — В нужный момент ты уговоришь его поехать в Андарию; куда именно, мы скажем. Ты должна подталкивать его к мысли, что он — взрослый, самостоятельный самец, который может перенять всё хозяйство и коммерческие дела отца, чтобы тот мог спокойно заняться властной деятельностью на благо Сунгов и Империи. Убеди его, что он должен помогать отцу и перенять на себя дела, от коих так недальновидно отказался старший брат. Южные каменоломни, латифундии, цеха в Марне — всё-всё.

— Но зачем?

— Миланэ, это — в интересах Ашаи-Китрах. Что непонятного? Воспитанница Сидны не понимает столь простых вещей?

— Да, но... ведь ему не будет вреда?

Миланэ чувствовала ту пропасть наивности, которая зияла в каждом её вопросе, взгляде и даже вздохе. Но она — может, впервые за много лет — совершенно растерялась, и на самом деле не знала, что делать.

— Когда существует расхождение интересов — а оно неминуемо всегда и везде — ты должна поддерживать тех, от кого произошла. Разве сестринство не дало тебе красоту, грацию, силу, знания? Почему бы тебе не отдать ему должное? Кроме того, что ты знаешь о своём патроне? Как ты считаешь? — Встающая вытянула руку вдоль спинки.

— Не думаю, что знаю слишком много, — осторожно ответила Миланэ.

— Вот именно. Знаешь ли ты, что его супруга, Ксаала — бывшая Ашаи-Китрах? Если таковой можно назвать ту, что не смогла пройти Церемонию Совершеннолетия. Знаешь об этом?

— Нет.

— А спроси себя: почему не знаешь? Неужели Ксаале стыдно за то, кем она была? Ты вот стыдишься того, что надлежишь к Ашаи-Китрах?

— Нет. Нет. Я не совершала ничего постыдного.

— Вот именно. А та, кто стыдится — сделала? Хороший вопрос, не так ли?

Миланэ заметила, что вся сжалась, забилась в угол; села ровнее.

— А что она сделала?

— Хорошо бы знать. Ты знаешь, почему Сайстиллари взяли тебя в качестве Ашаи рода?

— Я много раз задавалась вопросом.

— На твоём месте я бы делала так же. Ты ведь понимаешь — давай-ка откровенно — что дисциплина, даже ещё не сестра, без великих родовых связей, без сверхвыдающейся биографии, не может просто так стать Ашаи рода льва, что входит в первую сотню влиятельных особ Империи Сунгов.

— Значит, это вы ему помогли с этим решением?

Мгновение Фрея смотрела на неё, моргая, даже чуть склонилась вперёд, а потом

совершенно искренне захохотала, откинувшись, да так, что зазвенели золотые подвески в ушах; по всему, это действительно было забавно и смешно.

— Нет, милая Миланэ, — Фрея утирала то ли мнимые, то ли настоящие слёзы от смеха, — Вестающие здесь ни при чём, если ты это имела в виду. Всё, что сработало — твоя принадлежность к сестринству Ашаи-Китрах. В том и дело, что о тебе никто ничего не знал, из себя ты не представляла ничего. Ты ему понадобилась лишь для прикрытия, Миланэ!

Дормез остановился; Фрея мельком выглянула в окно и затем равнодушно отбросила занавеску, Миланэ же не осмелилась этого сделать.

— Он никогда не поделится с тобой тайной, — Фрея всё ещё глядела в сторону окна, хотя его снова закрывала пелена занавеси с ашнарийскими охотничьими узорами. — Он никогда не будет доверять тебе ничего серьёзного, — поглядела она Миланэ в глаза. — Ты всегда будешь отговоркой, картинкой для толпы, внешним подобием. Не нужна ему Ашаи с живыми связями в сестринстве, опытная и знающая; ему нужна молодая дисциплина, растерянно смотрящая на жизнь, что расстилается перед нею!

— Но зачем ему?..

— Ваал мой, Миланэ, ты или притворяешься или... Он не терпит Ашаи-Китрах! Не терпит сестринство! Он считает, что мы действуем плохо и поступаем так же, хотя мы и есть дух-воля Сунгов! Он из тех, новых политиканов, которые считают, что можно не считаться с «какими-то там Ашаи»; что львиц Ваала можно обойти стороной, указывать, будто простым самкам, или даже прижать к когтю! Его супружница-Ксаала не смогла даже пройти Совершеннолетия, из-за чего всякая из нас вызывает в ней величайшую зависть! Старший сын вообще отказался иметь с ним дело, завидев его глупость, и сбежал на юг, а на младшего и так можно махнуть хвостом — столь он непутёв. Тансарр, видишь ли, считает, что мы приносим вред и делаем не то и не так, хотя я считаю, что это именно такие глупцы, как он, приносят вред всем Сунгам в преддверии великих событий!

Миланэ молчала.

— Он-то понимал, что рано или поздно нужна будет Ашаи рода, но только для того, чтобы к нему перестали приставать с резонными вопросами. Ты искренне полагала, что станешь подругой его рода, и Тансарр с Ксаалой сыграли для тебя отличный спектакль; но нет, Миланэ, не обольщайся — ты лишь листочек, которым прикрывают больное место. Ты столь многого ещё не знаешь о своём покровителе, но уже полагаешь, что от него может идти только благо. Иль ты зависима от него? Иль тебя купили за двадцать тысяч?

Миланэ сидела тихо и спокойно, ни в чём не уверенная.

Точнее, уверена лишь в одном: она глубоко, сильно оскорблена — как личность, как сестра-Ашаи, как львица. Сложно заключить, где здесь самое большее оскорбление: то ли в повелительно-уверенном тоне Фреи, то ли в её поучениях, то ли в фразе о двадцати тысячах, то ли в общей канве происходящего. Но оно есть; в какой-то мере оскорбительно даже просто находиться здесь, в этом экипаже вместе с Вестающей, выслушивать все её сентенции на правах подчинённо-внимающей, и в иных обстоятельствах Миланэ-отважная могла бы запросто встать, сдержанно попроситься и выйти прочь; она ничего не боится, дочь Андари, ибо чего бояться львице, что пронзала стрелами врагов, кинжалом убивала обидчиков, пила заведомо смертельную сому и блуждала по мирам?

Но теперь великий страх сковал её, и страх очень простой: не справиться с трагедией Амона. Простой страх чем-то разгневать Фрею. Ведь надо что-то говорить! Надо что-то отвечать.

Как, оказывается, легко прижаться к стенке, если у тебя есть живое чувство!

Вдруг черты Ваалу-Фреи смягчились, она даже взяла в ладонь кончик хвоста и начала приглаживать его, играть большим, золотым нахвостным браслетом.

— Впрочем, не настаиваю. Меньше всего хочется давить на тебя, близкая, — она посмотрела на Миланэ. — Мы, Вестающие, мы, сестринство — тебе помогли, как своей сестре. Если желаешь уйти, если есть несогласие — то прошу, выход свободен. Только потом не настаивай на всякой помощи.

— Нет, Фрея, не буду уходить. Я пришла не для того, чтобы уйти.

— Разумные слова. Видишь ли, Миланэ, будь ты плоха или глупа, мы бы не стали иметь с тобой и малейшего дела. В какой-то мере я даже уважаю тебя, как львицу сильного духа, понимаешь? — кивнула Вестающая.

— Спасибо, Фрея. Мне лестно слышать, — благостно ответила Миланэ, сжав ни в чём не повинную подушку.

— Отбрось, отбрось... Мы говорим как сестра с сестрой. Никто из светских не помог бы тебе, милая Миланэ. Это они придумали Надзор и Палату, это они решили, что есть вероборчества, это в их когтях находится суд и тюрьма. Патрон отказался бы от тебя — ему нужна власть и богатство, а не твои проблемы, — вдохновенно говорила Фрея, и казалось, что она разглашает речь перед множеством львиных душ, а не только нею. — Но сестринство Ашаи-Китрах, извечное, помогло тебе; погляди, львицы Ваала призваны вести Сунгов. Да, как было бы хорошо не лезть во всю эту толкотню светских дел! Но что бы тогда стало со всеми нами, Ашаи? Поэтому мы должны быть сильны, хитры, мудры. Поэтому мы и должны быть богаты — чтобы не думать о лишнем, — покрасовалась она золотыми украшениями на пальцах. — Ашаи назначены быть направляющей силой Сунгов. Мы смогли помочь, Миланэ, ибо бываем безжалостны в своей силе — и Сунги боятся претить ей. Вот ты считаешь, что эти ужасные Вестающие хотят тебя использовать, да? С эмпатией у меня всё хорошо, поверь. Но вот что: все друг друга используют. Все, кого ты встречала до сих пор, хотели тебя использовать. И ты не преминула спастись от лап этих добреньких светских душонок, когда мы предложили путь к спасению.

Фрея прекратила говорить.

Когда волнуешься, то в мыслях нет никакой определённости. И Миланэ вовсе утратила свои внутренние маяки, которые могли бы вестать ей, что верно, а что — нет. Она понимала, хорошо понимала, о чём говорит Фрея; она понимала, почему Вестающие, как венец Ашаи-Китрах, хотят быть сильны и влиятельны, ибо именно воля к власти больше всего отличает здоровую натуру от больной. Ведь она сама всегда втайне гордилась, что надлежит к касте, что славится хитростью, умом, злой мудростью...

— Миланэ, хочу от тебя что-то услышать. Ты — с нами?

— Да, я всё сделаю.

— Хорошо. Кстати, что в их семье говорят о нас?

Миланэ не сразу поняла, что Фрея имеет в виду.

— Ах, да. Тансарр ни разу не упоминал что-то об Вестающих. Об Ашаи-Китрах отзывался хорошо, учтиво... Пожалуй, всё.

Вдруг дочь Андари просияла:

— Тансарр — добрый Сунг! Синга — добрый Сунг! Почему бы вам не обсудить всё и не поладить. Я уверена — с ними можно договориться, они пойдут навстречу.

Фрея только повела ушами, даже не стала обращать внимания.

— Заказать тебе копию «Снохождения»? Я знаю самых лучших переплётчиков. Однако! Выстрел в самую цель! Обретение желаемого, обретение смысла!

— Нет. Я так не могу. Я не знаю... Таким образом мне как-то не по душе.

— Значит, краденная книга тебе вполне ничего, а подаренная — как-то не очень?

— засмеялась Фрея. — Ты не без причуд, Миланэ.

— Это сейчас не самое главное, как-нибудь потом...

— Потом я могу и передумать, — очень резко, словно копьём, пронзила Фрея.

Она села ровно и властно.

— Как хочешь. Смотри, не пожалей.

Экипаж остановился.

— С тобой будут держать связь.

Перемены в ней оказывались всегда быстры и страшны. Только что она была доброй собеседницей, сочувствующей львицей, но тут превращалась в непоколебимую, властную твёрдость.

— Как? Через сновидение? Возможно ли пообщаться с вами в сновидении? — вдруг спросила Миланэ, неожиданно даже для себя. Такая идея показалась вполне резонной.

Она видела, как вспыхнули глаза Фреи, и сама она вся вздёрнулась, будто услышала жуткое оскорбление:

— Даже думать об этом не смей, — тёмно-злой, мстительный тон разлился в воздухе. — Даже в Кодексе писано, что простым сёстрам невольно вовлекаться в тайны Вестающих. Так говорит Кодекс и аамсуна!

Оскорбилась Фрея. Разозлилась.

Что будет?

Но Вестающая вновь смягчилась.

— От успехов будет зависеть моё желание помогать тебе. К тебе придут, расскажут, как держать связь. Теперь видеться будем редко, по понятным причинам. Собирай все сведения, гляди по всем углам. И немедленно принимайся за Сингу. Пусть он держит твой хвост в своих зубах. Убеждай его, что он — взрослый, самостоятельный, сильный и вообще — лев среди овец. Он должен перенять все коммерческие дела отца; чем раньше — тем лучше.

— А потом?

— А потом — будет потом.

Глава XXIV

— Это такое волнение в тоске, — говорил Синга, — Тщетность. Превозмогание, но только бессмысленное. Такое впечатление, что Саамст, несмотря на все усилия, знаешь... Как выразить... Его усилия велики, они сверхльвины в некотором отношении, но он...

— Строит форты из песка.

— Точно. Внешне такой форт похож на вполне крепкого, надёжного защитника.

Но ткни когтем — увидишь, как всё рассыпается...

Красивая для чужого глаза пара, Миланэ и Синга, особенно в свете неверных масляных фонарей и таинственных факелов, обсуждали театральную постановку трагедии, что принадлежала перу новой звёзды сунгской литературы — Шаяну Шалнийскому. Они шли по одной из главных улиц Марны.

Прошло семь дней после разговора с Фреей. Давно наступила Вторая Луна Огня 810 года Эры Империи (да будет освещено светом Ваала имя Императора), Миланэ успела свершить множество дел, в том числе — в первый раз самостоятельно принять роды, в чём никогда не имела большого таланта и опыта; ведь она больше знает на проводах из этого мира, чем по прибытиям в оной. Но что поделать — такова участь Ашаи: она ведёт Сунга в последний путь, и привечает его в новом мире. Тансарр уехал в Андарию, пообещав взять Миланэ на заседание Сената после возвращения. Она несколько раз посетила дом Сестёр. Была в гостях у двух Ашаи. Её посетила подруга по дисциплинию, которую она помнила плохо и неважно. Пришло письмо от матери.

Как мучительно шагают дни...

С нею связались практически сразу, на следующий день. Гонцом от Вестающих оказался невзрачный львина с совершенно незапоминающимся обликом, с тусклым взглядом, потёртый и угнетающий. Он подробно и чересчур дотошно объяснил Миланэ, как и когда она должна с ним общаться и почему-то пожелал большой удачи.

«Отвратительный тип», — подумала тогда Миланэ, закрыв за ним дверь дома.

— Люблю театр Эсхана. Хорошо ставит. Нет этих комнатных страстей, всё — настоящее. Понимаешь, Милани? Я так скучаю в жизни по настоящему. Мне иногда кажется, что в моей нет почти ничего подобного...

Всё-таки Миланэ осталась под впечатлением. Канва трагедии оказалась простой, даже незамысловатой: рассказ шёл о смертельно больном отце, который никак не может примирить собственных детей, что учинили раздор после разговоров о наследстве и его дележке. Главный герой, Саамст, в своих монологах уходил очень далеко от сюжета и касался основных вопросов жизни со смертью, слова его были просто-душны и прямы. В конце концов он очень удивляется тому, что «всё вышло так неважно», хотя он так пытался «жить разумно», и что на самом деле он «так ничего и не понял». Это жизнеподобие очень взволновало Миланэ; она увидела, ясно и просто, банальную истину: мечты разбиваются, а большие мечты — с великим треском и шумом; всё действительно получается очень глупо, хотя ты так хотела свершить блистательно и хорошо; что взор, направленный ввысь, неминуемо притянет долу тяжёлой необходимостью, и далее за каждый взгляд вверх будет взиматься своя великая, натрудная плата; и, что самое главное — действительно невдомёк, *почему всё так*. Банальная сентенция о том, что жизнь есть страдание и борьба, здесь представлялась плоской, чем-то вроде отмашки, даже несмешной шутки.

Ашаи-Китрах, сестра понимания — ничего не может понять в своей жизни.

Пока Синга интересно и слегка высокопарно рассказывал свои впечатления, забравшись в какие-то сложные дебри рассуждений, Миланэ рассматривала в полутьмах иных львов и львиц, что пришли сюда, в центр Марны, и ей почему-то казалось, что совершенно все улыбаются. «Хорошо вам, милые души», — подумалось ей. — «Живёте вы без большой борьбы и великих странностей. А мне как?»

Но тут одёрнула себя, ибо в этой мысли не только витала дурная беспомощность

и некоторая пошлость, но и бессмысленная уверенность в том, что лишь она способна вершить дерзкие поступки и большие промахи.

В общем, она подпала духом, а особенно после сегодняшнего зрелища. Созерцание трагедии на сцене должно даровать неминуемый катарсис, великое понимание-очищение; но тут к Миланэ пришло лишь осознание великого непонимания всего, что происходит в её жизни. Где теперь желание знать об иных мирах? Разобраться бы с этим миром. Где теперь уверенность в том, что она идёт верной тропой? Сложно идти по пути без твёрдой правды. Где теперь её Амон?..

Да, три дня назад она пыталась его навестить, несмотря на запрет Фреи; Миланэ чувствовала, сколь это важно как для неё, так и для Амона. Ей так хотелось увидеть его, приласкать, успокоить, накормить, уверить в том, что делается всё возможное, да и к невозможному уж делаются подступы... Но в форте Фес его не оказалось, и не без трудностей добившись аудиенции у командира форта, Миланэ услышала, что сего заключённого, то бишь Амона, отправили до суда в иное место, а куда — сказать нельзя.

— Не пойму, зачем сиятельной эти сведения? — говорил, жутко пыхтя трубкой, этот лев-командир, пуская струи дыма в потолок. — У этого дружка страшные приключения. Давно не видел такого внимания к заключённому. Видать, он хорошо намутил воду сестринству, верно?

Миланэ являла собою истинное спокойствие, даже холодно улыбалась.

— Это не дело ума льва.

Но его было не так просто пронять:

— Тогда какое мне дело до того, что просит сиятельная? Пусть тогда те, кому надо, и спрашивают так, как надо. Избавьте мою голову. Да и в любом случае, этот бессмысленный перевод обошёлся не без вашей участи. Эта история с этим Амоном — сплошной ком интересов Ашаи-Китрах, — он начал наматывать невидимый клубок вокруг ладоней.

Она с презрением проследила за жестом и сказала медленно, как со слабоумным:

— Так где Амон? Мне надо его увидеть.

— Где надо. Разбрасываться такими сведениями служба не велит. Советую поспрашивать в своём кругу, — указал он на Миланэ. — За сим — прошу простить. Ещё много дел.

Но Миланэ, естественно, не бросила попыток узнать, где и как содержат Амона. Старый знакомый, дознаватель, который однажды привёл Миланэ в форт от Вестающих, почти сбежал от неё, лишь только завидев, сославшись на «очень срочные дела». Но Миланэ вовсе не отчаялась, а даже усмехнулась тому, что внушает ужас всякой мелочи на побегушках; вооружившись всем очарованием, хитростью и умом Ашаи-Китрах, она смогла обманом вытянуть некоторые сведения от одного из стражей. Оказалось, Амона второпях забрали по какому-то чрезвычайному приказу в тюрьму Надзора Веры, что в старом предместье Марны — захолустном, бедном и мрачном месте. Второго стража она подкупила щедрой подачкой, и он в свою очередь поведал, что Амон чувствовал себя, как «все узники», то бишь угрюмо и неважно, «ни с кем не общался», ибо содержали его одиночно, но со здоровьем у него вроде как «всё нормально». А тюрьме Надзора нет никаких поблажек и сплошная дурственная жестокость, которую здесь не найти, в старом-добром форте Фес; и посетители там совершенно воспрещены, хотя они запрещены и здесь, в форте Фес, но здесь всё можно устроить, так как находятся здесь и львы с недоказанной виной,

ещё неосужденные, и вообще это место для всех, а вот тюрьма Надзора — только для оголтелых преступников, которых ждёт или виселица, или тяжелейшая пожизненная каторга; также там содержатся отступники-вероборцы, но их по Марне и окрестностям набирается столь немного, что тюрьма Надзора уж издавна — лишь просто пристанище для самых отъявленных. Страж поведал, что Амон, вообще-то, стал здесь весьма известен среди стражей и сотрудников Регулата, ибо никто на самом деле не верил в его вину — все видели в нём жертву каких-то непонятных междоусобиц в среде Ашаи; страж, скалясь, рассказывал, что «его подставила какая-то из вашей среды, та ещё дрянь, да простит Ваал», сплёвывал, потом извинялся и уверял, что «львица, наверное, очень хорошая сиятельная, ибо пришла навестить бедного льва»; ему и в голову не могло придти, что «та ещё дрянь» сейчас стоит прямо перед ним. Более того, ходили слухи, что несчастный узник имел отношение к Тайной службе Императора, но те, как всегда, умыли руки, лапы и вообще всё, что можно умыть.

— Не свезло, — заключил страж, подёргивая усы.

Не свезло, да уж. Миланэ уходила из форта в большой ярости, правда, внешне оставаясь совершенно спокойной. Первейше она хотела отправиться в тюрьму Надзора, но потом её пыл поостыл, Миланэ поняла, что этой опрометчивостью может многое испортить, если не всё. Там-то точно заинтересуются, кто и зачем пришёл, а Палате дел Ашаи-Китрах и охранения веры, к которой принадлежит Надзор, установить её личность не составит ни малейшего труда. Появится множество ненужных вопросов, на которые дать ответы без вреда для дела — совершенно невозможно. Узнает Фрея. Тем не менее, Амон нуждался в ней, ему как никому нужна была поддержка — и Миланэ ходила на грани, решаясь устроить в той тюрьме или жуткий скандал, или небывалый подкуп, намеревалась ворваться в дом к Фрее, как тут дома ждала новость.

Раттана передала нечто серое. Мелкой, невзрачной бумажкой, написанной очень правильным, казённым почерком, её уведомили, что она, как верная Сунга и достойная Ашаи-Китрах должна явиться через семь дней в Дворец правосудия Марны для «поддержки обвинения» как «потерпевшая неудобства и попрания чести» на негласное заседание. Безусловно, это — суд над Амоном, и Миланэ безмолвно уселась прямо на тумбу, когда прочла бумажку; всё это ужасно и нелепо, но именно здесь начиналось освобождение Амона, и в какой-то мере это принесло облегчение; это значило, что процесс не застрял, он двигается — Встающие придерживаются слова.

«Как только суд завершится», — размышляла она, глядя в сторону и вниз, — «то мы сразу устроим нечто... нечто такое... что сразу его освободит. Он для всех исчезнет, но только не для меня. Он станет свободным».

Вдруг стало ясно, что надо смириться и протащить как-нибудь эти семь дней сквозь себя. Поразмыслив, Миланэ решила приняться за Сингу, ибо запереться в четырёх стенах значило просто сойти с ума, да и вообще такое поведение будет подозрительным, а ей сейчас нельзя быть подозрительной, ей воспрещается быть подозрительной; ей надо быть весёлой, бессовестной, чуть нахальной и беззаботной Ашаи. Конечно, можно бы удариться в исполнение всех служений, какие только возможны, каждый день трубить мансурой уход чьей-то души в Нахейм, но у Миланэ вдруг появилось неясное отвращение то ли к себе, то ли к служению; она просто не могла представить, как будет зажигать в чьём-то доме игнимару или лечить чьё-то дитя и одновременно думать-гадать о деле Амона. Синга внезапно оказался самым

лучшим вариантом, потому что всякий, кто следит за его делами — а такие, несомненно, есть — теперь скажет, что Ваалу-Миланэ-Белсарра начала составлять ему тесную компанию, что их совместное поведение недвусмысленно указывает на развитие каких-то отношений; это — отличная картинка для Фрей и Вестающих, знак того, что Миланэ тоже начинает исполнять свою часть уговора.

Конечно, здесь есть издержки. Да и ладно. Велика трудность. Не она первая, не она последняя. Не будет спора с судьбой, если от неё что-то потребуется. С неё не убудет и ничего с ней не будет. Она готова на всё. Ведь Ашаи всегда носили двусмысленную славу вольных самок.

«Всё просто: верчусь вокруг Синги, дожидаясь суда, проходит суд, освобождаем Амона, а там будет видно...»

Как произойдёт это «будет видно», она пока не знала. В какой-то мере очевидно, что нет другого выхода, кроме как сбежать с Амоном куда-нибудь подальше, совсем прочь отсюда. Да, придётся бросить совершенно всё, и Миланэ была готова бросить почти всё, кроме одного — тропы Ашаи-Китрах. Она не могла представить, что вдруг возьмёт и откажется от этого; здесь для неё зияло великое поражение, ужасная пропасть. Это значило бы, что её вынудили сдаться, и что миру нужны совсем другие Ашаи, вовсе не такие, как она.

«Кем я стану, если во мне уже не будет Ашаи?», — спрашивала себя.

Знала Миланэ, твёрдо знала, что Амон любит её. Но в то же время он полюбил львицу, которая принадлежала к великому сестринству Ашаи-Китрах, именно не простую львицу, а особенную, с которой всё сложнее и ярче. Что он будет видеть в ней, когда она превратится в...

— Ты о чём-то думаешь? — улыбается Синга.

— Так, обычные самочки штучки, — улыбается Миланэ.

«Фух, продолжал бы болтать, у него это хорошо получается».

Он услышал мысленный призыв. А может быть — как знать — её силы повлияли на него, и её воля стала его волей.

Синга продолжил свой рассказ.

Вдруг дочь Андари заметила, как в небе упала звёздочка, и вмиг к ней пришла простая, ясная, кристально чистая мысль; она была доброй, мягкой, безумно привлекательной и всепрощающей; проще всего её можно было выразить тремя словами: всё будет хорошо. Всё. Будет. Хорошо. Надо лишь повторять, как энграмму, и дела пойдут на лад; они пойдут напрямиком в Нахейм.

«А почему всё будет хорошо? Да потому что я всё решу спокойным, умильным, добрым подходом, а не сражаясь с судьбой. Надо убедить патрона, что мы, Ашаи-Китрах, и Вестающие — не так уж плохи; Вестающим что-то от него нужно, так пусть пойдёт навстречу некоторыми пожеланиям, равно как и наоборот — Вестающие могут выслушать его. Пусть встретятся, поговорят! И когда они разъяснят свои разногласия, то наверное, смогут найти общий язык. Зачем эта вражда, если всё можно сделать спокойно, как добрые Сунги?»

Этим могли сняться все проблемы. Вестающие помогут ей освободить Амона, патрон тоже поможет, все помирятся, все будут друг другу рады, и все признают её, как миротворицу и просто умную львицу; она сможет остаться в Марне, Амон тоже, все неприятности забудутся-уплывут, как туман поутру... Не надо будет спорить с совестью, не надо будет стыдиться. Когда освободят Амона, то Синге придётся признаться в нелюбви, но уверить в вечной дружбе, но в этом нет ничего страшного, в

мире каждый день кто-то узнает, что его не любят; и она делала это вовсе не зла, а от великой любви к своему льву, а такое вполне прощительно...

Миланэ стало спокойно и легко при этих мыслях.

— Знаешь что, я предлагаю уехать в Хамалар, к минеральным источникам. Дня на три. Лишь полдня пути! Отдохнём, развеемся. Там прекрасно, Милани!

А она в это время посмотрела на него, всё ещё захваченная шлейфом собственных мыслей.

— Я вижу истинный огонь в твоих глазах, Милани, — его добрые глаза тоже заблестели в темноте. — Тебе что, действительно нравится идея? Там есть гостинные дворы, термы, есть всё-всё...

— А знаешь — нравится, — сразу согласилась Миланэ.

— Ты ведь слышала о Хамаларе?

— Синга, я ведь Ашаи, как я могла не слышать о Хамаларе? Тем более я, знающая стальсу. Маленький город на водных источниках. Город-отдых, город-сокровище, город-целитель. Вход только для Сунгов верных сословий. Как не слышала.

— А была?

— Нет.

— Вот-вот, — победоносно поглядел он на неё.

Да, чудно. Превосходно. Эти семь дней не надо тащить; пусть пролетят. Пусть они пролетят с пользой: она убедит Сингу во всём, в чём его надо убедить; она не будет сидеть в четырёх стенах; она не будет совершать служения, которые ей не хочется делать; она не будет видеть Марны, которая ставала ей противна; и не сможет упрекнуть её Фрея, что она теряла время зря.

— Когда уезжаем?

— Завтра утром! — полушутливым тоном молвил Синга, заведомо предполагая, что Миланэ не согласится. Ведь у Ашаи всегда много дел, они всегда всем нужны, они заняты и...

— Прекрасно. Буду готова к отъезду в десять. Заедешь за мною — буду ждать.

Синга пригладил гриву со вздохом, ибо когда ты получаешь на порядок больше, чем ждал — это всегда чуть сбивает с толку, даже теряешься: что делать с полученным?

«Надо будет отменить некоторые служения», — размышляла она, вдыхая ночной воздух. — «Некрасиво и неправильно для молодой Ашаи, попрание аамсуны. Но плевать. Под хвост. Мне так надо. Я так хочу...».

* *

Первое, что она увидела, когда открыла дверь дома — Раттану, уснувшую прямо на маленьком кресле возле чана для омовения лап. Кресло это неудобное, пригодное лишь для того, чтобы сесть на несколько мгновений и сразу встать, и как она ухитрилась уснуть в нём — оставалось загадкой. Возле, прямо на полу перед служанкой, стоял подсвечник с почти выгоревшими свечами.

— Вот так сгорают заживо, — недовольно, но тихо молвила Миланэ, уважая чужой сон.

Она всегда почитала сны других; тот, кто ушёл в серость небытия, кто отдыхает от себя, кто смотрит на иное, тот не должен возвращаться к миру по чистейшему пустяку, глупой случайности вроде громкого звука или чиха; то, что это вообще воз-

можно, представлялось Миланэ как ещё одно свидетельство тяжёлого несовершенства её родного, домашнего, великого, и в то же время — такого жалкого мира.

— Сгорают... — зашевелились уши Раттаны, а Миланэ застыла, до того тихонько пробираясь в столовую. — Харэши мальсизэ нораму, лильналь хедаи. Лильналь хираму... — заговорила она на своём, непривычном уху и мелодичном языке.

Миланэ не знала многих вещей о Раттане; да что тут говорить — почти ничего. Она не ведала, что Раттана, бывало, говорит во сне, она не знала ни одного слова её родного языка. Даже как «здравствуй» — и то не знала.

Вдруг это тяжело впечатлило её, как-то даже придавило книзу, к земле, и она прямо так и села на пол прямо в красивом, пепельном пласисе, распустив хвост во всю длину; ножны сирны встретились с твёрдым полом. Ведь на самом деле она, Сунга, победоносная Сунга, надменная Сунга — как весь её род — не интересовалась ничем другим, кроме как тем, чем жили и что знали лишь остальные Сунги да их предки. Знания и знамения духа всего остального мира, даже иные языки — являлись тёмной загадкой, неизведанной землей, которую она, Сунга, по невежеству не желает даже видеть.

Ужасающая простота этого открытия зияла бездонностью.

Что говорит эта львица? Чем терзается изо дня на день? Есть ли среди них великие художники или поэты? Каковы их имена? Каковы львицы духа у её народа? А каковы львы?

«Да, можно снова сказать, что возможны лишь одни львицы духа на сей земле — Ашаи-Китрах, дочери Сунгов», — смотрела на Раттану Миланэ, облачённая в свет бледной луны, светившей в окно. — «Но какова нелепость в этих словах... Что сделать, не положено мне думать иначе, ведь я — истинная Сунга, а мы лишь только вертимся вокруг самих себя».

Внезапно Миланэ негромко засмеялась, усилием воли подавив громкий смех.

— О предки, я так уверенно говорю о себе... — тихо заговорила она. — Хотя даже не знаю происхождения половины своей крови. Даже не знаю своей крови — что говорить об остальном, — посмотрела дочь Андари на собственные ладони, чувствуя эту знакомую, мощную, яркую снопоподобность всего окружающего; потекла колючая вода по затылку и макушке; и...

Не время сновидеть. Миланэ тряхнула головою, намереваясь встать. И тут вдруг с пояса свалился, невесть когда успев развязаться, мешочек со знаками Карры-Аррам.

Миланэ, безусловно, увидела в сем знак, знамение. Если есть время и место для мантики, то самое лучшее — тёмная комната среди лунной ночи. Она сразу, не вставая, возле спящей Раттаны, стасовала знаки. Решилась задать давно мучивший её вопрос, и решилась вытащить только один знак; это чтобы наверняка, чтобы не было никаких разночтений или сомнений.

Да или нет?

Даруется ли вскоре Амону свобода?

Нет, не так...

Я смогу освободить Амона?

Не так. Точнее вопрос. Ты же хорошая мантисса, ты же знаешь.

— Будет ли Амон свободен в ближайшее время?

Ещё никогда дочь Сидны с таким трепетом не ждала того, что покажет Карра. Она очень боялась, что там будет «нет». Или неблагоприятный ответ. Или сомнительный ответ. Или что-то подобное. Она, наверное, тогда бы разбудила Раттану

своим жутким рыком, воткнула сирну в деревянный пол, сожгла в печи все знаки Карры, которые некогда рисовала с такой тщательностью и великим прилежанием, взяла со стойки совну, которую, не торгуясь, прикупила у оружейника три дня назад, и разбила бы жуткими ударами всю домашнюю утварь, расколола все двери дома и выбила окна, а затем пробралась через одно из них наружу, в великий ночной мир, и пошла бы по дороге вперёд, яростная и озлобленная, круша всё и всех, кто попался бы на пути (как весело, как превосходно, торжество злобы!), пока бы не сокрушили её саму, и её рано или поздно сразили бы наповал, безумную, но это ей нипочём, потому что она ничего не боится, она бесстрашна...

«Лаусем сагамиир» — «Разбитые оковы».

Так ясно и недвусмысленно ответила Карра этим знаком, этой силой, в мире витающей, что обозначает открытость. Величие. Свободу. Она прижала к сердцу этот знак, враз растворивший невидимый камень на её плечах, что превратился в колючую воду, стёкшую к хвосту.

Нет, она сделает что угодно, как угодно — лишь бы предсказание стало правдой.

* *

В жизни есть моменты, когда не хочешь ничего менять, и к твоему положению совершенно излишне что-то прибавлять. Сегодня такой наступил у Синги: он лежит распластавшись на большом голом камне, как раз в полтора львиных роста, греясь в мягких, ласковых лучах утомлённого предзакатного солнца. Служительницы их лечебницы — все чистокровные Сунги — уверяли, что эти камни брались лишь с одной местности, и все они происходят от вулкана, что давным-давно превратился в спокойную гору. Может и так. А может нет. Синге всё равно. Он просто валяется, смотрит на великую синь неба, улыбается, потом переворачивается на живот, выжимая капли воды из гривы, и смотрит на блестящую водную гладь небольшого, тёплого минерального озера, из которой выходит она во всей нагой, спокойно-изящной красоте. Всё, что на ней — лишь серебряное кольцо сестринства на левой руке, с неё густо стекают струйки воды, а сама приглаживает уши, чтобы с них поскорее ушла влага; она стройнится и держит осанку, как все хорошие воспитанницы дисциплинариев, её хвост гармонично следует движениям хозяйки, не влачась по земле, но и не взмывая вверх; она находится в красивой позе, которая наверняка у Ашаи-Китрах зовётся мудрёно-древним словом.

Миланэ к нему хвостом, к ней шагов пятьдесят, не меньше. Принято, что львы и львицы выходят из источника с разных сторон — правой и левой соответственно — и должны облачаться во что-нибудь сразу после выхода, поскольку в нагом виде ходить перед другими — вызывающе и неприлично в любом обществе, даже в патрицианском, которое преобладает здесь, в Хамаларе. Но в самом озере даже особа самых строгих и запуганных правил не может позволить себе быть в чём-то одетой, ибо купаться в минеральных источниках можно только как мать родила. Особо озабоченных нравами у выхода из вод встречают заботливые служительницы, которые вмиг обернут тело в несколько слоев ткани, и почему-то Синга до последнего момента был уверен, что нечто подобное будет происходить с нею, ибо он помнил об её андарианском происхождении, где нагота предназначена только для супруга и любовника (первым он быть не мог в принципе, вторым пока что считаться не вправе). Он как-то призабыл, что Ашаи-Китрах считают пошлым чрезмерно трястись

над строгими приличиями, да и самим Ваалом призваны вносить в мир смуту красоты; она, наученная наставницами путям львиц Ваала, не могла следовать всякой скованности, даже если бы и хотела.

Сейчас ты можешь созерцать, как она неспешно расправляет большой отрез белой ткани и замысловато складывает его, чтобы, в отличие от большинства львиц, что просто заворачиваются в ткань, сделать некое подобие одеяния. Видно, как она отдает свою ткань обратно, что-то объясняя пожилой львице-служительнице. Та внимательно слушает, кивает, торопливо уходит и быстро возвращается, принёсши куда больший отрез ткани, чем ранее. Миланэ, по-видимому, удовлетворяется и очень ловко, с привычным мастерством, вершит с ним нечто труднообъяснимое, пока не проясняется: она сделала себе одёжку, которая прикрыла плечи, грудь, живот и бёдра, спереди она едва доставала до колен, но сзади почти касалась земли, причём долы разделялись надвое, чтоб хвост был свободен и не прижимался тяжестью ткани; он пригляделся и вдруг засмеялся — это так похоже на пласис!

Управившись со всем этим, она пошла к нему, ровно и стройно, такой походкой, которая вырабатывается только у Ашаи после многих лет упражнений. Глядела то на него, то на окружающее, и Синга отметил, что наблюдает за нею не только он, но и старый львина, валяющийся неподалеку, притащивший сюда своё многочисленное семейство. Здесь больше не было голодных взглядов самцов — в разгар Поры Огня здесь не сезон, сейчас будут праздники охоты, праздники урожая и прочая нудь... Она приближалась, Синга чувствовал, как каждый её шаг мучительно-сладко вбивает в сердце стрелу за стрелой...

— Легче вам, львицам. Вышла из воды, отряхнула шёрстку, чуть пригрелась — и всё. А нам ещё с мокрой гривой ходить.

— Ой ли легче, Синга, — улыбалась Миланэ, возлегая на камень, не глядя на него и щурясь от солнышка. — Что ты знаешь.

Миланэ вдруг рассказала о том, вмиг перехватив беседу, что каждая Ашаи должна уметь делать пласис из куска ткани; приличия вовсе не требуют, чтобы так совершалось всюду, но ей это пришло в голову из озорства. Вообще, необычно и увлекательно — с интересом слушать львицу, потому что Синга, откровенно, привык к иному: он что-то рассказывает львицам, а они слушают. Тут же Миланэ выказала себя как отличный собеседник, только теперь Синга начинал понимать, почему некоторые львы сходят с ума по Ашаи и признают их лучшими любовницами. Дело-то совсем не в каких-то совершенно особых талантах в постели, а именно в том, что такая львица — твой партнёр и друг во всех смыслах; у неё есть тысяча и один способ доставить удовольствие. Вдруг подумал: а отчего многие считают, что с Ашаи-Китрах всё очень сложно, непонятно? Гляди: вот как с нею приятно и легко, всё плывет само собой! Где здесь сложность, где мука?

Всё это похоже на сказку, на сон. Ранее он смирился с тем, что никак не интересуется Миланэ, и в какой-то мере даже убедил себя, что влюбляться в Ашаи своего рода — вещь романтическая, но глупая по существу. Синга не был из тех львов, которые считали, что обеспеченность и статус решают всё, тем более, что это больше относится к отцу, чем к нему; его заслуг здесь почти никаких.

Тем не менее, совсем недавно, чисто по-дружески, он попросил выпить с ним шериша на террасе. А она возьми и согласись. Он пригласил её в город. Потом на постановку Эсхана. Потом... Вдруг Синга увидел, что получает от Миланэ согласие за согласием, и вот прошло всего несколько ярких дней, как они вместе, вот здесь, в

Хамаларе, и никто им не смеет мешать. Нет, расстояние между ними всё ещё есть, но его усилиями оно стремительно сокращается — ибо некая стена, ранее непреодолимая, нерушимая — была разбита. От неё не ушла загадочность, её даже стало как-то больше и гуще, она всё такая же: грустно-улыбчивая, иногда — крайне остроумная, способная к любому разговору, чрезвычайно интересная по натуре и повадкам, вообще — восхитительная молодая львица, превосходная дичь для любого самца. Правда, Синге показалось, что иногда Миланэ чересчур уходит в себя, её облик становился иногда слишком... строгим? Сильным? Сложно сказать. Но Ашаи, они таковы.

А сколько ещё всего будет!

Жизнь, ты — прекрасна.

— Синга, и как ты планируешь дальнейшую жизнь? — спросила Миланэ, подложив под щеку ладонь и чуть привстав.

Путь беседы, которая началась с рассказа о пласисе из куска ткани, оказался плавным и лёгким; они ни на чём не останавливались надолго, шутили, он то и дело поглядывал на изгиб её спины и хвост, но мельком, зато её глазами, мордашкой и ушами мог любоваться сколь угодно — мораль ещё не успела этого запретить. А сей неожиданный вопрос явился словно из ниоткуда. Миланэ задала его в совсем ином тоне, и хотя в нём нет ничего такого, но звучал он именно так, как звучат у львиц эдакие вопросы — с некоей подоплёкой.

Он усмехнулся, посмотрел вдаль, на низкие, пологие горы Хамалара, преувеличенное внимание уделил прошедшей мимо служанке, несущей огромный поднос с напитками.

— Я похож на того, кто строит жизненные планы? — лучезарно улыбнулся Синга, стараясь напустить побольше небрежности. — Брось.

— Стоило бы. Возможно, у тебя когда-нибудь возникнут стойкие отношения со львицей, — Миланэ сделала яркую, красноречивую заминку в речи. — Тогда понадобится большая основательность в жизни, чем сейчас.

— Почему ты решила, что сейчас у меня нет серьёзных отношений?

— Не решила. Решают умом. Львица всегда это чувствует, а для Ашаи это — как один сложить к одному.

Он улыбнулся и провёл ладонью по гриве.

— Боюсь, чутьё несколько подводит тебя. Вообще, к чему разговор?

— Я ведь Ашаи рода. Стараюсь быть полезной и давать небольшие советы. Если неудобно, то больше не стану вспоминать о твоём, личном.

— Постой, что ты. Нет, я это не имел в виду, — Синга привстал, торопливо извиняясь. Потом медленно прилёг обратно: — Вполне возможно, что ты права... Видишь ли, я не чувствую в себе какого-то недостатка, не чувствую ущемлённости. У меня всё есть. И я не вижу своих талантов в коммерции, управлению делами и всему такому. В том числе... знаешь, в том числе, должен признаться: очень рад, что в моей жизни есть ты.

— Я тоже рада. Но мы всего лишь друзья, а я имею в виду другое.

— Милани, мы не всего лишь друзья, но ещё пребываем в ином, более взаимопроникновенном отношении. Ты — Ашаи моего рода. И моя мысль ещё такова: друзья — это не «всего лишь». Это очень много. Правда? Разве не удивительно, что две души вместо того, чтобы урвать кусок добычи одна у другой, начинают заботиться друг о друге, холить друг друга и волноваться? А ведь все мы — дети диких кровей

древних времён. Удивительно. Целый повод написать поэму.

Расправив складки ткани, Миланэ вдохнула чистого воздуха.

— Хм, Синга, чуть наивный взгляд на вещи. В древние времена друзья и были нужны, чтобы вместе поймать эту добычу. А потом её будут делить, будут с неё урывать.

— Вот так? Что ж, тогда любовь. Зачем это всё? Для продолжения рода достаточно несколько мгновений. А любовь может длиться всю жизнь. Это так и надо или все наши чувства — лишь побочное явление; пустое возгорание горячей крови; излишество, которое еле терпит природа?

— Побочное. Явление, — Миланэ держала нос по ветру, что дул с юга; он видел её профиль.

— А ты всерьёз или шутишь?

— Хммм, Ашаи-Китрах должна быть серьёзной. Более того, нам не чужда циничность и чёрствость суждений. Но сестринство и должно так вестись. Без этих качеств почти невозможно иметь дело со многими гранями жизни, с которыми сталкиваются Ашаи.

— Почему так?

Миланэ некоторое время не отвечала, рассматривая когти на левой ладони. Потом она привстала и начала делать то же самое с левой лапой.

— У меня для тебя есть зарисовка из жизни, — начала, высматривая изъяны в ухоженных когтях. — Лет шесть назад нас, троих подруг, отослали в Дэнэнаи... в Нижний Дэнэнаи, если быть точной. Там городок такой есть, Делси называется, а вокруг него — несколько небольших посёлков. Вроде предместий. Очень ухоженных таких, красивых. Там очень красиво. Я, Луана и...

Далее следовало вымолвить «Арасси».

— И?..

— А, да. Приехали мы там по не очень важному делу, но всё вышло так, что нам пришлось основательно задержаться. Чтобы мы не теряли время зря, нам назначили помогать одной из местных Ашаи, которую звали... Эм... Добрые Сунги, как же её звали-то? Сложное имя. Ах, да, точно — Хаймиримсана.

— И что? Она вас сразу начала учить серьёзности? — с шутовским, немного фривольным видом смотрел на неё Синга, улыбаясь. Его тон не предполагал вдумчивого ответа.

Впрочем, Миланэ почувствовала, что он совсем не пытался обидеть, а как раз наоборот — показать свой добрый настрой.

— Нет... — ответила она, и её глаза укрылись дымкой отрешённости, как бывает со всяким, кто погружается в прошлое. — Когда мы впервые зашли в ней домой — это была такая, знаешь, очень большая хижина — то застали её в постели. Она лежала на боку, стонала и ругалась.

— Ругалась? — потёр он ладони, доставая с пола воду в кувшине.

— Да. Мы встали у порога, не зная, что делать. Потом вместо, чтобы броситься и поинтересоваться, нужна ли помощь, представились. Знаешь, пышно так, гордо, вроде «Ваалу-Миланэ-Белсарра, Сидны дисциплина», ля-ля-ля. Она только отмахнулась, мол, зайдите попозже. Тут-то мы подбежали и начали спрашивать, что такое... Она ответила, что сильно страдает от собственной мягкости, что это очень плохо и что нам стоит запомнить: Ашаи должна быть безжалостной. И перевернулась на другой бок. Как теперь помню, как смешно нахмурилась Арасси... Мы, естественно,

ничего не поняли. Мы стали расспрашивать дальше; оказалось, Ваалу-Хаймиримсана ходила в другой конец городка, чтобы посмотреть на больного, уже довольно старого льва, которого мучили сильные боли. Каждый раз она готовила для него огромное количество ибogi; она, знаешь, туманит сознание, а вместе с этим уходит и боль...

— Я знаю, — нетерпеливо перебил Синга.

— А тот всё говорил, что ему не очень помогает. «Смилуйся, добрая Ашаи, забери боль», — всё так просился. Хаймиримсана умела забирать боль — сейчас это искусство вырождается, оно опасно — но после сильно страдала сама: начинала страшно болеть голова. И она пожалелась нам, что так каждый раз: её сердце не выдерживает, она помогает, а потом валяется целый день в постели, хотя могла бы успеть с множеством полезных дел. Вдруг моя подруга, Луана, сказала, что постарается снять с неё боль, чтобы та дальше делала то, что полагается. Это было странно, ведь у Луаны не изъяслялось дара — мы не знали, что она умеет снимать боль. Это потом она более-менее обучится, уже на Востоке, в порядке нужды... Короче говоря, она возьми и приложи ладонь к голове сестрины, а ещё сказала энграмму на снятие болей. Энграмма такая: «Сойди, луна, больними, унеси под облака». Это перевод с древнего... Не поверишь: всё случилось мгновенно! Я никогда больше такого не видела. Хаймиримсана сразу встала — такая растерянная, сбитая с толку, немного сердитая. Луана стояла с невозмутимым видом, показывая, будто всё нипочём; та выразила удивление, поблагодарила и начала расспрашивать, давно ли Луана научилась искусству, кто учил и так далее. Даже похвалила, мол, вот как теперь учат в дисциплинах: страдания можно снять вмиг и без всяких последствий. И тут же Луана — стойкая львица, с характером — начала оседать на пол, вот так, знаешь, прямо начала таять на глазах. Хаймиримсана посмотрела, сразу всё поняла и махом уложила её на кровать.

Миланэ поднялась, поправила ткань на плечах и поглядела на Сингу:

— Пришлось нам задержаться на несколько дней, потому что Луане было плохо. Очень плохо.

Но тот ничего не говорил, он ждал, что будет дальше, по всему, не видя рассказ оконченным. Миланэ стало неловко от этого чувства; и вообще — она начала ощущать всё нарастающую неловкость.

— На следующий день Арасси осталась с Луаной, а я пошла вместе с Хаймиримсаной. Знаешь, она была простой сестрой, имела дело не с небом, а с землёй... Большую часть дня она навещала тех, кто болен. Я увидела страдание во всем его многообразии и только удивлялась, сколько ловушек нам уготовила природа. Конечно, я раньше имела много дела с больницей Сидны, но там это как-то не ощущается, там чуть иная атмосфера, там ты словно гостья в мире страждущих, готовая в любой момент упорхнуть... А оттуда некуда было упорхнуть. Знаешь, есть такая болезнь, гнилокровие, она чем-то похожа на огонь в крови, только огонь скашивает сразу, и выздороветь можешь быстро, а гнилокровие точит медленно-медленно, неуклонно... Страшная вещь. Вот я видела молодую особу с таким. И Хаймиримсана говорила, когда мы вышли от неё, что каждый раз, встречая её, она ощущает свою великую беспомощность и пребывает в полном отчаянии, хотя внешне — я была свидетельницей — она велась невероятно уверенно и строго. Она говорила, что страждущий чувствует малейшее колебание души Ашаи, и сразу отчаивается, а потому показывать ничего нельзя, даже если очень хочется. Вот почему Ашаи должна быть безжалостно-строгой. Потом мы вдвоём пошли принимать роды. Ска-

зала мне тогда: «Посмотри, сколько есть способов лишить жизни, и существует только один, чтобы дать».

Внезапно прекратив говорить, Миланэ встала на лапы, будто собираясь уходить. Но не ушла. Она просто поставила их на землю.

— Да, Ашаи должна быть серьёзной. Спору нет, — чуть погодя, отстранённо согласился Синга, успокоившись, что его хорошая Ашаи рода никуда не ушла, но осталась. Было заметно, как напряжённо он слушает каждое её слово, истинно пытаюсь понять, к чему она клонит; так слушают только подданные и влюблённые.

Взмахнув рукой, будто что-то отбросив, Миланэ пересела к нему на камень, заложив лапу за лапу, и дотронулась ладонью к его плечу:

— Я вот что хочу тебе сказать. Сейчас ты живёшь, и живёшь хорошо, можно сказать — в свободной праздности; хорошее, лёгкое состояние, но ты наверняка понимаешь, что благодарить за это должен отца. Но твоему отцу рано или поздно понадобится помощь, и более того — ему надо кому-то отдать свои дела, хотя бы даже коммерческие, я уж не говорю о властных. Эта собственность не должна пропасть даром. Твой старший брат от всего отказался и уехал на юг. Это его выбор. Остаёшься только ты. Можно не брать на себя ответственности и жить дальше на ту небольшую долю, что он оставил. А можно заявить о себе, ничего не боясь, и решительно перенять дела отца в свои руки. Хотя бы их часть. Пока есть все возможности, ибо тебе смогут помочь. И сам отец, и мать, и другие... я, в конце концов, смогу тебе прислужиться. Я могу быть твоей помощницей в делах, Синга.

В раздумьях он поскрёб когтями камень.

— Мой отец попросил начать этот разговор? — взглянул на неё.

— Клянусь кровью, что нет. Это моё... моё личное пожелание лично... лично для тебя.

При этом Миланэ учуяла такой сильный укол совести, что аж заболело сердце. Это была полная, абсолютная ложь, и никогда она бы не начала сего разговора по собственному желанию; прижатая судьбой к колючей стене, она говорила то, что изобретали её хитрость и ум, чтобы спасти тело иной, близкой ей души из сырого заточения. Но внутренняя честность и добросовестность не позволяли сделать это просто так, безо всякого мучения.

— Я должна быть такой, — негромко молвила дочь Андари, будто удивляясь самой себе. — Я должна говорить тебе... Я должна отыгрывать свою роль. Прости, что вмешалась.

— Вижу милое обличье; но где моя актриса? — привстал он, и себе дотронувшись к её плечу.

— Актриса не твоя, Синга, — ускользнула она плечом.

— Знаю. Но я самец, мне дано право претендовать, накладывать лапу, называть не своё — своим.

— То бишь претендовать даже на чужое?

— Тем более на чужое.

— Ты ведь сам говорил, что ты — не завоеватель и войны не по тебе. А берёт чужое либо завоеватель, либо вор.

— Я не веду себя как вор — иду открыто. Никогда не поздно взять в руки копьё и отправиться на войну, — его ладонь спускалась вниз по руке Миланэ.

— А если ты не умеешь справляться с этим копьём?

— По крайней мере, паду в битве.

— Не хочу, чтобы ты пал в битве. Я даже не хочу, чтобы ты отправлялся на эту войну, ибо ты падёшь; а это будет стоить мне многих слёз.

— Всё так, всё пусть будет так, но почему ты будешь лить по мне слёзы?

— Глупый вопрос. Я же сострадаю тебе, сострадаю друзьям и всем душам рода, которому служу.

— Лучше плачь надо мной, мёртвым, чем ты будешь смеяться надо мной, живым.

— Я не буду смеяться над тобой. Не в моей натуре. С тобой — всегда рада.

Они совершенно не обращали внимания на окружающих, но по совсем разным причинам. Синга — от глубокого, затмевающего чувства; Миланэ — от тёмной задумчивости.

— Ваал мой, о чём мы говорим? Знаешь, Синга, должна кое-что тебе... Иногда я веду себя очень глупо, — вдруг засмеялась она.

Смех молодой львицы вызвал уничтожающие взгляды двух престарелых патрицианок, что вылезли погреться на солнышке и скупнуться в озерце. Да уж, знаем-знаем мы сей смех, знаем все эти самоцьи проделки.

— Возможно потому, что у тебя не было большого опыта со львами?

Миланэ наострила ушки, улыбнувшись. Занятно.

— Однако, — взмахнула хвостом и шутиливо оттолкнула его. — Зависит, что ты имеешь в виду. Знаешь ли, я весьма опытна в том, как растопить самца стальсой.

На самом деле мы не единая, цельная личность, все мы распадается на множество «Я», которые выходят на сцену в нужное время и в нужном месте. Или напротив. Вот и сейчас было две Миланэ: одной было бесконечно совестно, грустно и тяжело; вторая со знанием дела львицы вершила то, что ей должно вершить. И вот эта вторая игриво потёрла нелюбимого, но приятного, незлобного, доброго и во многом наивного Сингу по носу.

— Вот боюсь показаться навязчивым, — оживился Синга от сего жеста, — но всё дело в том, что как только начну спрашивать о стальсе, то неминуемо дойду до точки, когда начну напрашиваться на подобную вещь.

Миланэ посмотрела по сторонам, но вокруг не было ничего, кроме озера, нескольких старых львиц и здания лучших в Хамаларе терм. Полуденное время: все в дрёме.

«Кровь моя, что с ним делать?.. Я должна его дожать?.. Дожать. Дожать! Заставить всё сделать, что надо и как надо! Поздно поворачивать! Взяла — сделала. Ну же...»

— Считаю, что как Ашаи рода, вполне могу свершить такое услужение.

— Тогда давай сегодня вечером.

Ничего не ответив, Миланэ лишь снова поправила свой пласис из белой ткани, который так и норовил расползтись. И от глаза не ускользнуло, как он положил ладонь на её хвост, почти у самого основания.

— То самое я могу сказать о тебе. Ты тоже неопытен со львицами, — закачала она лапой, облокотившись о коленку.

— А я не буду скрывать. У меня немного опыта со львицами. Серьёзно. Можно уверенно сказать, что его почти нет.

— Вот как. И куда ты растрачиваешь свой голод льва?

— Нет, ну не всё так печально. Есть куда пойти. Но там я могу лишь переспать, ничего больше. Любая беседа мучительна, ибо куртизанок учат во всём соглашаться с клиентом, и ты можешь нести любую ахиною — она со всем будет согласна.

— Их можно понять. И не ходи к куртизанкам. Найди любовницу, она точно не

всегда будет соглашаться; наверняка беседы пойдут иначе, да и вообще, появится больше граней.

— Найти любовницу — не значит найти любовь. У меня была одна львица. Содержанка. Поклонница моих стихов, но так, понарошку, чтобы я был к ней больше привязан. Я это понимал, она понимала, что я это понимал, и я понимал, что она понимает, что я...

— Довольно, Синга, а то уши сейчас потемнеют, — Миланэ закрыла мордашку ладонями.

— Потемнеют уши? Как это, ты о чём?

— Так говорят в Андари, если кто-то о чём-то говорит слишком много и чересчур подробно, вроде того.

— У тебя очень красивые уши. Нечего им менять окрас — у них и так тёмная кайма, — он влюблённо протянул к ней руку.

— Благодарна за комплимент, — чуть отвернулась она.

— Не назвал бы это комплиментом. Скорее, лирическим замечанием; оглашением миру словом того, что есть, а поэт именно тот, кто оглашает, что есть; он ничего не придумывает. Утверждение — «так есть»... В какой-то мере я влюблён в твои уши. И не только в них.

— Ты откровенен. Ты чересчур откровенен. Не надо, — сильнее отвернулась Миланэ, нервно вздохнув.

— Вот не знал, что можно быть чересчур откровенным. Откровенность — всегда нараспашку; в ней нет полутонов, нет ничего слишком.

— Мне приятно, в самом деле. Просто... Всё так сложно, ты ничего не понимаешь... — Миланэ слабо отталкивалась и неуверенно отталкивалась. — Синга, ты славный лев, в тебе всё прекрасно, ты очень хорошо ухаживаешь, и вообще, но...

— Миланэ, я понимаю, что ты надлежишь другому. Понимаю.

Безусловно, он принял её неуверенность и трогательное сопротивление за столь свойственное львицам — особенно львицам скромного и благородного толка — поддразнивание, перекалывание ответственности за происходящее на льва.

— Кровь моя, да не в этом дело! Милый Синга, не в этом, всё настолько темнее, насколько ты и представить не можешь, и... Что тебе сказать? Знаешь, здесь очень хорошо, но давай пойдём... Синга! Синга...

Миланэ больше ничего не успела сказать, потому что объятия Синги стали слишком сильны, его ладонь обняла её затылок, пригладив милые сердцу уши, а после он встретил её, почти безвольную, растаявшую от неведения собственных чувств и того, что вообще происходит с нею в этом мире, да и в иных мирах — тоже.

Синга, конечно, привирал и скромничал. Он умел чувствовать львицу, умел целовать её. И это оказалось ужасным. Если бы он был неприятен, отвратителен, глуп — стало бы легче, ибо такого несложно использовать в своей цели, не корясь совестью; если бы он не оказался нежен и лишь притворялся, что любит — можно было бы заразиться эфемерным духом мщения и однажды воздать за все неприятные мгновения.

Удивительно видеть, как Ваалу-Миланэ, освобождённая от плена поцелуя, вдруг всхлипнула, глаза её стали большими, а по скулам очень бегло прокатились несколько блестящих слезинок. Сама она беспомощно обняла себя руками и забила кончиком хвоста, уставившись перед собой.

Вот всего ждал Синга, но не такого.

— Никогда не видел, чтобы львица так взволновалась в чувстве, — с каким-то труднообъяснимым восхищением посмотрел он на неё.

С истинным мучением взглянула на него, так желая, чтобы он понял всё по её взгляду. Чтобы ему вдруг стала явной вся та скрытая подоплёка, с которой она к нему пришла, чтобы разозлился и прогнал прочь; она бы, конечно, что-то ему ответила в отместку, прикрылась гордостью Ашаи-Китрах и удалилась.

Но нету у него этих сил.

— До чего ты интересна, Милани!

— Это было в первый и последний раз, — поднялась она. — Идём. Я не против чего-нибудь съесть.

«Прямо как маленькая! Успокойся и делай, что должна».

Игра понята и принята. Синга за общим обедом в его комнатах был весел и словоохотлив, интересно рассказывал о светской жизни Марны, сыпал какими-то курьёзами, шутками; потом они разобзились, ибо Миланэ сослалась на личные дела и ушла в свои комнаты. Там она села у окна, попросила уйти служанку, что убиралась, и не делала ничего. Только смотрела в мир. Низкие горы, укрытые лесом, чистое небо. Она подумывала чем-то заняться: то ли каллиграфией, набор для которой предусмотрительно взяла с собой; то ли стоило зацепенеть в аумлане до вечера; то ли связать темляк для сирны. Но всё не то. Пожалуй, даже книг не хотелось читать, хоть Миланэ охоча до книги, иногда — как оказывается — даже слишком.

«Не прочла я всё “Снохождение”. Нерадивая, имела ведь время! Хоть бы со всех мучений взяла всю пользу, да нет же... Да что с этой книгой? Почему я её так хотела? И даже хочу, невзирая на все ужасы, что она принесла?»

Мысль оказалась занятой; несмотря на свою кристальную очевидность — новой.

«Что есть книга? Бумага. Нет, не бумага. В руках того, кто читает, она превращается в чистое знание. Мне не нужна книга — я стремлюсь к знанию. Но отчего я решила, что могу всё узнать о снохождении по книге? Потому что нет рядом Малиэль, которая её написала... Но есть ли в мире подобные ей? Несомненно...»

Но тут-то мысль перескочила от высшего к земному.

«Успела я изнервничаться. Лунные дни что-то совсем пропали. Так недалеко и загнаться».

* *

Несмотря на то, что визиты к Амону были воспрещены сверху, у него было два посетителя. Первой оказалась правдовидица Ваалу-Ахира, входящая в практически любое учреждение Империи Сунгов; служащие Надзора подумали, что она пришла его «колоть», как выражались, но нет — только зашла к нему, несмотря на все предупреждения, посидела с минуту напротив, изучая свинцовым взглядом, и единственным её вопросом было вот что:

— Но почему «Домашняя кухарка»?

На этот вопрос Амон рассмеялся. Служители недоуменно переглянулись.

Вторым посетителем был лев старый, грузный, успевший повидать очень многое на своём веку и слабый здоровьем в последнее время; но его всё ещё держали на службе из-за огромного опыта. По старому знакомству он был пропущен для беседы с Амоном прямо в его одиночную узницу.

— Какие глупости успел ты натворить, мой львёныш, — говорил он, качая умуд-

рённой головой. — Мы испробовали многое, чтобы вытащить тебя. Увы, — хрипло вздохнул он и закашлялся.

— Сир Мейра, я вам кое-что скажу, — посмотрел на него Амон исподлобья; его глаза блестели из-под косм гривы.

— У?

— Лев ведь знает, что мы с Миланэ были заодно?

— Миланэ? Той Ашайкой, из-за которой ты здесь?

— Ну да.

— Знаю, малыш. Все совершают глупости. Мелкие душонки творят крохотные глупости. Широкие — большие.

— Сир Мейра, она обещала, что меня вытащат, — еле слышным шёпотом сказал Амон, наклонившись к нему. — После суда.

— Что? — засмеялся старый лев, откинувшись на холодную-холодную стену. — Что ещё она тебе обещала, мой львёныш? Золотую гору? Ладно, неважно. Знаешь, где она сейчас?

— Где?

— В Хамаларе. Вместе с Сингой, сынком сенатора Тансарра.

— Я знаю, кто такой Синга. Что она там делает? Откуда сир знает?

— Откуда знаю? Дело жизни такое — всё знать. Что делают? А что делают в Хамаларе?купаются в минеральной водичке. На пиры ходят, вино пьют, танцуют. И гуляют по окрестностям.

Амон часто и шумно дышал, уставившись перед собой. Широко расставив лапы и опершись о колени локтями, он напоминал воина, отдыхающего после сражения.

— Я тебе объясню, мой малыш, что с тобой случилось. Как только с ней связался — и тебя я не могу упрекнуть, потому что оперативно ход был правильный — ты сразу оказался в болоте, в котором можно утопить целый легион, а не только тебя одного. Ты, по малости опыта, думал, что всем управляешь и всё ведёшь, хотя на самом деле уже давно шёл на поводу. Все эти краденные книжки, вся суета, скандалы, туда-сюда — интриги в их собственной среде; они купаются в интригах, как жабы в болоте. А ты попал. Попал между молотом и наковальней, стал удобным инструментом на день.

— Но я сам, этими когтями, стащил эту драную книгу!

— Сам. Мой малыш, ты имел дело с Ашайками, с которыми если ухо не остро — всё, пропал. Да что ты о них знаешь... Что ей стоило сделать вот эти все их... как его... всю ихнюю самочью чепуху, накрутить, обкрутить, повлиять на тебя этими всякими заговорами и взглядами, и глядь — ты уже вытворяешь невесть что, да ещё кричишь, что делаешь всё сам. Она провертела своё дело, довольная, что всё так удачно вышло, а ты остался тут; её очень быстро и очень мощно прикрыли, всё повесили на тебя и вот — жизнь продолжается. Я сразу скажу, что вступились за неё очень сильно, это явный почерк их верхов, и она с ними в большом деле, раз уж её так покрывают. Конечно, она наобещала всякой ерунды, чтобы ты как можно дольше не суетился, не усложнял дело. Сидел ровно сам знаешь на чём, как говорится.

Старик обнял Амона и потрепал его по гриве.

— Как бы там ни было, тебе на суд нельзя. Знаешь, как на нём всё должно состояться? Вот как: ты будешь по уши в дерьме, она будет чистой, судья быстро хлопнет делом и ты уедешь отсюда далеко-далеко, мой малыш... не жди чуда. Но, веришь ли, тебе многие сочувствуют. Так что слушай меня сюда, малыш, и слушай очень внима-

тельно. Сегодня вечером тебя будут этапировать в камеры Марнской Обители правосудия...

* *

— Мне неловко. Отец и мать всегда пытались убедить, что я должен стать серьезнее. А я всё отмахивался, убегал. Но теперь понимаю, что это была ошибка. Когда отец вернется из Андари, то я с ним поговорю...

Да, этого стоило ожидать, это стоило предвидеть. Вечером Синга зашел за нею, они посетили термы, где Миланэ показала настоящую стальсу, которая ему понравилась чрезвычайно, потом пошли гулять по городку. Он не позволял себе ни единой грубости или дерзости, был галантен и предупредителен, и в какой-то момент дочь Сидны посчитала, что всё может обойтись так, как есть, он не решится ни на что, будет делать, что обещал — и все будут довольны: она, он, Вестающие, Амон. Даже во время стальсы этот благовоспитанный лев не делал ничего двусмысленного, хотя Миланэ больше всего боялась, что именно тогда его охватит бесконтрольная страсть; и тогда всё ещё раз безумно усложнится.

По приезду в Хамалар они расселились в разных комнатах, даже не рядом; это выглядело бы очень странно для молодой пары, но вполне объяснимо для льва и Ашаи-Китрах. Но вот они вернулись из терм в гостиный двор, Синга задержался в её покоях на мгновение, потом ещё на минутку, и Миланэ не могла отправить его прочь — это выглядело бы грубо и нелепо. Более того, она опасалась это делать: можно испортить всё дело. Нельзя говорить самцу «да», «да», медленно потакать, а потом резко преградить путь. Это вызовет не только обиду и недоумение, но и — вполне может быть — великое раздражение; тогда Миланэ может утратить влияние на него. Тогда все усилия могут полететь в пропасть...

Медленно они переместились в спальню, медленно устроились на большой и низкой кровати, обычной для найсагрийцев. Он лежал на животе в живописном халате, высоко подняв хвост и лапы; она, опершись об изголовье кровати, вытянула одну лапу, а вторую согнула в колене, хвост распустила по ткани, держала в одной руке кубок, в котором плескалось игристое вино, к которому она почти не притрагивалась, ладонь второй уткнула между лап.

— Для начала отцу стоит отдать тебе каменоломни в Свааксе, земли вокруг Ходниана. Там прекрасные земли.

— Надо братья всерьёз. Мне надо прощаться со своим прошлым, — говорил Синга, больше сам с собой, чем с нею. — До этого я жил так-сяк, не ожидая от жизни ничего. Буду перенимать все его дела, какие смогу. Перестану писать, вообще всё это надо бросить, надо с этим кончать.

— Не переставай писать, ты с ума сошёл! — удивилась Миланэ. — У тебя получается! Имеешь дар.

— Может и так, но мне нечего делать с этим даром в суровой жизни, — он запустил себе ладони в гриву. — Если братья, так за что-то одно. Я готов измениться, Миланэ. Я готов на всё, — он подполз ближе и с трепетом дотронулся к когтям её лапы.

— Это хорошо, — отвернулась она.

— Знаешь, я влюбился в тебя с самого первого взгляда.

Миланэ вздрогнула.

— Синга... Не надо. Ты не понимаешь.

— Простой львице можно сказать: «Выходи за меня замуж». С Ашаи-Китрах это невозможно. Но я всё равно имею право спросить: ты будешь со мною?

— Что могу тебе сказать...

— Не надо ничего говорить. Я вижу, сколь всё сложно. Но знаю, что у Ашаи всегда так. Мне мама говорила.

— Откуда ей известно? — с плохо скрытой иронией спросила Миланэ.

Но Синга вдруг искренне-наивно признался:

— Она была ею. Ты не удивлена?

Миланэ попыталась притвориться, будто услышала это впервые, но вышло не очень:

— Нет, почему... Удивлена...

— Мне так нравится твоя игра.

— Я плохая актриса. В любом театре надо мной бы посмеялись.

— Готов на всё ради тебя. Стану кем угодно, кем ты захочешь. Знаю, что у тебя есть другой. Мне безразлично, — весь он направлялся выше, к её коленке.

— Синга, оставь... Оставь.

— Я заберу тебя у него, — поднялся он ещё выше, всё сильнее подавляя её сопротивление.

— Ваал мой, Синга, что ты делаешь...

Миланэ, прижатая, посмотрела в белый потолок. Даже плохие актрисы умеют играть эту роль; каждая львица должна уметь играть эту роль!

...Миланэ, даже если бы ей пригрозили пыткой, не смогла бы вспомнить, как всё произошло.

Синга властно гладил её шею и плечи.

— Ты говорила, что тебе было хорошо.

— В самом деле? — мурлыкнула она.

Он ответил не сразу.

— Но что такое, Милани? Иногда на тебя даже больно смотреть, столь ты разбита. Знаешь, я не большой знаток душ львиц, вообще не считаю себя знатоком ни в чём, но — послушай! — вижу неладное. Не может львица после любви быть столь печальной. Тебя грызёт совесть, ты скучаешь по нему, у тебя разбито сердце? Не кори себя ни за что! Милани, милая моя, откройся наконец, — он совершил искреннюю попытку прижать её к гриве. Но Миланэ, хоть это и было очень трудно, всё же отстранилась.

Она поднялась, села на краешек кровати и тихо сказала:

— Синга, я должна тебе кое-что рассказать.

— Ждал этих слов. Поверь, неважно, что у тебя есть другой, и...

Её палец мягко дотронулся к его рту.

— Однажды в своей жизни я совершила большой проступок. Я оказалась слишком любопытной, я увидела то, что мне не дозволено было видеть. Судьба отказалась пощадить меня, и всё это потянуло за собой большую череду событий. В итоге, после всего, мне предстал тяжёлый выбор, который передо мною поставили Вестающие. Они могут сделать... точнее, они могут не сделать того, в чём я так нуждаюсь, если не буду делать так, как они велют.

Тишина повисла для того, чтобы он мог что-то сказать; но Синга не ответил.

— Слушай же, Синга. Ты мне очень дорог, как друг, и вообще, но... Я не люблю

тебя. Втай, в смысле неприязни, нет, ты для меня нечто даже большее, чем друг, в каком-то смысле я люблю тебя, как близкого по духу, ты очень приятен, как самец, но... То, что я с тобою поехала, то, что мы с тобою проводили всё это время — моё вынужденное, низкое лицедейство. Мне велели внушить, что ты должен перенять все коммерческие дела отца и непрерывно следить за всем, что происходит с тобою и твоей семьёй. Встающие так велели, и я делаю это, потому что...

Она развела руками, будто бы сама не понимая, отчего всё делает.

— Встающие ненавидят отца и твою семью. Точнее, они что-то хотят от вас; мне не внять, что именно, да это и неважно. Опасайся их, прогони меня. Расскажи отцу то, что услышал. Не доверяй мне, не делай ничего из того, о чём мы говорили.

— Мне всё равно, — лучезарно улыбнулся он, глядя на неё даже с каким-то подъёмом, словно всё сказанное лишь окрылило его. — Я люблю тебя.

— Ты не слышишь, Синга? Я не пришла к тебе с добром, я хотела обмануть для своих целей! — ударила она несколько раз по кровати.

— Ты самая прекрасная львица в мире, — разлёгся он, потягиваясь, играя с её хвостом.

— Разозлился же на меня, наконец! — поцарапала она кровать.

— Мне всё равно, Миланэ. Я люблю тебя. Я вцеплюсь в шанс, даже если его нет.

— О, мой Ваал... — схватилась за голову Миланэ, прижав уши.

Тонкий аромат цветов витал в комнате. За окном мягко шелестела листва кигелий. Тьма, рассеченная лишь одиноким подсвечником, призывала ко сну и покою. Постель была мягка и шелковиста. Но здесь, среди всего этого, Миланэ ощущала себя словно путешественница, страшным образом сражающаяся с химерами в ночном, скалистом, снежном северном лесу.

— Знаю, что Встающие хотят нам прижать хвост, — небрежно-равнодушно молвил Синга, презрительно отмахнувшись. — Я знаю, что они ненавидят моего отца, а ещё больше — мать, которая даёт ему хорошие советы. Рано или поздно надо было ждать, что они вонзят клыки и в тебя, — подсел он к ней и сделал этот ужасный жест, что так не любит Миланэ — ткнул когтем прямо в центр тела, чуть выше живота.

— Они не искали меня. Я сама допустила большую оплошность...

— Какую? Расскажи! Чем именно они тебя прижали? — взял он ладони Миланэ. — Я смогу помочь, мы с отцом и матерью поможем тебе! Зачем тебе слушать каких-то Встающих?

Она сложила ладони у рта.

— Из-за меня, Синга, пострадал мой любимый лев. Его зовут Амон. Из-за меня он очутился в заточении, и я не нашла способа вызволить его, кроме как с помощью Встающих. Я убедила его... точнее, подтолкнула к краже одной вещи, которая была мне очень нужна. Он попался, его бросили в тюрьму. Я об этом узнала сразу после Приятия; украденная вещь находилась у меня, поэтому мне грозило изгнание из сестринства. Но Встающие, узнав о проблеме, сами предложили помощь. Они отвели от меня все беды, но Амон остался в неволе. Встающие пообещали, что помогут вызволить и его, если я буду послушна.

— Так, Миланэ, по порядку... — наострились уши Синги, а глаза загорелись огнём. — Значит, у тебя всё-таки есть другой?

— Да. Он в тюрьме.

— Расскажи, пожалуйста, кто он. Как вы познакомились? — размеренно спросил

Синга.

— Зачем тебе это?

— Ты во многом мне доверилась сейчас, верно? Доверься и в этом. Расскажи, — размеренно, словно утверждая слова перед судом, сказал Синга.

— Когда я стала Ашаи твоего рода, то Вестающие устроили за мной слежку через Тайную службу Императора. Амон был её сотрудником...

— Погоди, значит этот Амон — ставленник Вестающих? — не дал договорить Синга, суетясь на кровати.

Миланэ встала, забрав от него ладони, посмотрелась в зеркало. Повернулась к нему:

— Он не их ставленник, он просто делал то, что велело руководство. Амон слабо представлял, кто я такая и зачем за мной следить.

— Так, откуда ты знаешь, что слежку устроили именно Вестающие?

— Они сами мне рассказали.

— Так, а теперь они упрятали этого Амона в тюрьму, чтобы ты билась, как рыба об лёд ради его освобождения, так получается?

— Нет-нет, Синга, он попал туда по собственной недальновидности... и моей тоже... Ты не понимаешь. Они его не прятали, а воспользовались ситуацией.

— По собственной недальновидности? Миланэ, вот ты расскажи, как именно он туда попал, — Синга прислонился к спинке кровати, возложив на неё руки.

— Он украл книгу из Марнской библиотеки и его схватили.

— Ты просила его красть книгу? Кража этой книги — и есть всё дело?

— Нет... То есть, мы с ним сначала готовились её украсть, но потом отказались от этой затеи, — ответила Миланэ, закутываясь в покрывало. Затем помотала головой: — Да, короче, в краже этой книги и заключается всё дело.

— Вы отказались от затеи. Но он всё равно украл, да? — уверенно-отрывчатые фразы Синги.

— Кровь моя, Синга, к чему ты клонишь?

— А тебя не смутило то, что лев, сотрудник Тайной службы, так легко пошёл навстречу в этой затее с кражей книги? — подался он вперёд, сжав перед собой кулак. — Тебя не смущает то, что он раскрыл себя и вы познакомились?

— Наше знакомство было случайным, Синга! Я попала в беду, я упала в воду с моста, а он меня спас! — схватилась за голову Миланэ, понимая, что никогда не сможет ему объяснить.

Всем. Нужно. Что-то. Объяснять.

— В воду? С моста? — нахмурился Синга, подёргивая усы. Выглядел он так, словно услышал речь на незнакомом языке. Потом вдруг хищно закивал головой: — Спасение в беде. Прекрасный повод для знакомства.

— Синга, я тебя не понимаю.

— Миланэ, этот Амон — проходимец, — объявил он.

— Он меня любит, Синга, ты не понимаешь! И я его люблю! Я ведь ощущаю такие вещи, меня в этом нельзя обмануть, понимаешь? Он заложник обстоятельств...

— Миланэ, никакой он не заложник обстоятельств. И кажется мне, что не сидит он ни в какой тюрьме. Они все очень ловко обвели тебя вокруг хвоста. Именно для того, чтобы ты мучилась, чтобы держать на поводу, чтобы ты делала те вещи, которые делала до сих пор!

Вдруг они оба вздрогнули, испугавшись: на улице раздался глухой звук падения

чего-то большого, а затем раздался взрыв хохота. Синга подошёл к окну.

— Безобразие. В Хамаларе должно соблюдать тишину. Что они себе там думают?.. Аааа... Это, наверное, наследник Руфий.

— Что за наследник? — негромко спросила Миланэ, только лишь для того, чтобы отвлечься.

— Есть такой, известный марнский прожигатель жизни... — отстраненно ответил Синга. — Его отец был самым большим лизоблюдом в Императорском дворе, с предыдущим Императором на «ты». Можно сказать, похлопывал его по плечу. На сем и сколотил состояние.

Миланэ не нашлась с ответом; кроме того, она знала, о ком говорит Синга — в дисциплинариях неплохо осведомлялись об отголосках политической и великосветской жизни. Вообще, с нею часто такое случалось — она притворялась, будто чего-то не знает и с притворным любопытством слушала, как ей кто-то объясняет суть дела, зачастую неверно и превратно.

— Моя мать говорила, когда тебя увидела там, на похоронах, что ты — очень чиста душой, — говорил он, дальше выглядывая в окно. — Поэтому она и взяла тебя, как Ашаи рода — чтобы противостоять Вестающим и им подобным. Мать с отцом думают, что я ничего не понимаю. Но я всё понимаю... Я понимаю и вижу много больше, чем все считают. Мать говорила, что ты не по годам мудра. Но Вестающие всё равно изощрились и смогли тебя обмануть.

— Нет, Синга, Амон не с ними. Он ни в чём не виноват.

— Он с ними. Он — мерзкий обманщик. Обманул тебя, познакомился, вскружил голову, ты раскрылась и рассказала, что хочешь какую-то книжку из библиотеки — не знаю, зачем она тебе — он украл, отдал тебе, попался. Слышал об этой истории с книгой, слышал, ты не думай, что по Марне молва не идёт. Вот ты прижата к стенке.

— Не говори так о нём, Синга. Он не мерзкий обманщик. Ты понял? Я его освобожу; с твоей ли помощью, без твоей помощи, используя тебя, используя кого угодно — неважно.

Он повернулся к ней, сидящей на кровати, стоя у окна; усмехнулся и снова начал созерцать заоконное.

— Ты глупа, — почти по слогам молвил он. — Я думал, ты мудра. А ты глупа. С самого начала я смотрел на тебя этими влюблёнными глазами; каждый день думал о тебе, пытался завязать отношения, но ты отбрасывала. И теперь узнал, ради кого. Ради кого! Того, кто натворил тебе множество неприятностей, кто следил за тобой по указу врагов моего рода — да и твоих тоже! И теперь ты притворялась всё это время, готовая принести меня в жертву, чтобы освободить этого мерзавца. И неважно, что будет со мной! Главное, чтобы у него — вора! — было всё хорошо!

— Уходи, — совсем отвернулась от него Миланэ.

Но он бросился к ней.

— Это всё, что можешь сказать? Вот интересно, как ты всё представляла? Вот со мной дело будет решено, я переберу отцовские дела, Вестающие примутся за меня, начнут расставлять ловушки. Они бы расставили, конечно, я бы попался. А ты? Ты бы дальше была Ашаи моего рода, да? Твой Амон был бы на свободе, ты бы с ним встречалась. Может, даже сожительствовала. Он бы переехал к тебе, в дом, подаренный моим отцом. Да? Даже будь он сто раз не связан с Вестающими, пусть! Они всё равно не отпустили бы ни его, ни тебя.

— Уходи, Синга, — Миланэ избегала его; она не хотела к нему прикасаться, не

хотела на него смотреть.

Он отошёл, заложив руки за спину.

— Знаешь, что я на днях написал? Вот послушай:

*Была б ты охотницей,
Тогда стал бы я луком,
Для твоих сребрострел
Направленных в вольницу...*

Синга поднялся и подошёл к стене возле окна.

— Синга, прости, — осторожно дотронулась она к нему, подойдя сзади.

— Ненавижу. Мы могли бы стать такой парой! Ненавижу... Уже ничего не будет так, как прежде.

Он пошёл к выходу, но резко развернулся:

— Мой отец ничего не узнает. Делай, что хочешь, предавай мой род, как хочешь. Ни отец, ни мать ничего от меня не узнают. А я сделаю вид, что перебираю дела отца... А почему, собственно, «сделаю вид»? Я это сделаю. И все будут довольны, особо твои Вестающие, — указал на неё когтем. — Даст Ваал, ещё и Амона освободят. Заживёте вместе чудесной, цветущей жизнью, без моих сребрострел.

— Твоих сребрострел, — безучастно отметила Миланэ.

— Что? — Синга спросил даже как-то визгливо, как обсчитанный покупатель.

— У твоём стихе сребрострелы принадлежали мне. Ты был луком. Я слушала... — подняла она взор.

— О чём ты вообще?

Миланэ внезапно и совершенно не к месту подумала о том, что искусство бывает очень искусственным.

— Я не буду делать ничего во вред твоему роду. Как только Амон выйдет на свободу, я уеду из Марны навсегда. Всё имущество, подаренное твоим отцом, я оставляю в целостности и сохранности, исчезну из вашей жизни, попросив прощения за предательство.

— Да... Да. Пусть будет так. Делай, как знаешь.

Синга сделал несколько резких кругов по комнате, а потом направился к двери.

— Твои Вестающие будут довольны. Я всё сделаю, как ты просила. Надеюсь, они исполнят обещанное и выпустят твоего любимого предателя.

— Синга!

Но за ним уже закрылись двери.

Глава XXV

Миланэ как раз сидела за письменным столом, бесцельно разрисовывая графисом большой лист красивой, белой бумаги; предметом её несознательного творчества стали узоры, каллиграфические литеры, несколько стилизованных знаков пламени Ваала, чёрные заштрихованные точки, путанные каракули.

Не хочу. Не хочу я больше всего этого. Может быть, так всё и должно быть; возможно, так надо, Вестающие должны такими быть, и вообще всё-всё сестринство, и

Сунги — а мне надоело. Не могу... Не умею. К чему я пришла?

Какой стыд, какой позор.

Какой ужасный навет, какая гнусная ложь.

И что дальше? Было ведь оговорено, что я буду служить Вестающим, а они в ответ освободят Амона.

Но разве я додержалась договорённости? Где сейчас Синга, а где я?

Хоть бы не рассказал родителям.

У меня ещё есть время, ещё ничего не потеряно.

Но если Вестающие захотят, чтобы я сначала закончила со Сингой и его отцом, и только тогда выполняют обещанное? Они ведь не глупы.

О, мои предки... А я не могу выполнить обещанного.

Я... Я паду на колени перед Сингой. Ещё раз попрошу прощения. Буду умолять притворяться, будто он исполняет мою волю. То самое сделаю с Тансарром. Пусть они притворятся, поиграют роль, и как только Амона освободят, то...

Чуткие уши услышали, что в соседней комнате что-то скрипнуло. Миланэ насто-рожилась. Но ничего. Показалось.

Если Вестающие узнают обо всём этом, то не видать от них помощи. Тогда остаётся разве что к Высокой Матери идти.

Да, так что ж, я великая лгунья и нечестивица, но всё это — ради тебя. Я лгу ради тебя, сижу здесь ради тебя, я всматривалась в чужие глаза с притворной симпатией ради тебя; я верна, в этом моя честность — я не брошу тебя. Ты упал, ты свалился в глубокую яму, ты тонешь в чёрном зеркале — я бросаюсь туда за тобой, ибо не брошу тебя. Ты не зовёшь на помощь, потому что так не пристало, и ничто не толкает меня вниз, в темноту, в который ты сейчас покоишься — но я упаду туда, я буду вместе с тобою, и выведу к свету; я сама стану светом, если так будет нужно, и великое пламя осветит тебе путь, чтобы ты знал, как выбраться из пещеры. Я не брошу тебя, я не брошу тебя...

Вытащив сирну из ножен, она несильно уткнула её острие в стол. Потом отложила в сторону бумаги и посмотрела в окно.

Все свои силы Ашаи она теперь чувствовала, как тяжкий, бесполезный груз. Да, она пыталась приходить к Амону во снах; и, кажется, он понимал, кто и почему приходил. Даже если он по пробуждению всё забывал — пусть так... Но всё равно она не может дать ему свободы.

— Как мне теперь быть с тобой, мой Амон? — спросила она темноту и себя.

— Как и тогда.

Этот голос не просто привёл её в чувство, нет. Она вся вздрогнула, а потом резко замерла, обернувшись. В полутьме, в неверном свете одинокой свечи возле стола, возле приоткрытых дверей виднелся родной силуэт, эфемерные получерты. Но если глаза могли подвести, то не уши — она прекрасно слышала, кому надлежит голос.

— Амон? — с величайшей надеждой, полной дикого страха, спросила Миланэ.

— Это я.

От изумления Миланэ даже не набросилась ему на шею, а так и продолжила сидеть, только упущенный из ладони графис покатился по столу, а потом свалился на пол.

— Был здесь всё то время, в соседней комнате, пока вы занимались делами. Я ждал, пока он уйдёт.

Она поднялась на молодые, стройные лапы.

— Но как тебе удалось... сколько сил потратила, не могла к тебе никак попасть, я... ты получал мои письма? Они тебя выпустили?

— Да сбежал я, — подошёл к ней. — Но хотел взглянуть тебе в глаза, прежде чем пуститься в бег. Мне рассказали, что ты... — начал он с со злостью и глубокой обидой, но не договорил, потому что она бросилась ему на шею, и так повисла на ней, впившись в него когтями почти до крови.

— Амон, милый. Я так соскучилась за тобой. Ты не представляешь, как они мне все надоели. Я пыталась, неистово пыталась, поверь... Мне приходилось врать, вилять, притворяться и спать, с кем надо. Как я боялась этого суда!

Есть такая вещь между двумя: ты, в разлуке наслышавшись всего плохого, злишься, ты веришь каждому чужому слову, и всё кажется тебе истой правдой, терзают великая обида, ревность и предательство чувств; события, поступки, взгляды сами складываются в злую картину мира, где всё предрешено; а тем более в такой тяжёлой, непонятной, грубой разлуке. Появляется прочная вера: она была *не той*, он был *не тем*, а всё между вами было ложью либо мимолётным капризом.

Они таковы, Ашаи-Китрах — дочери лжи!

Но вся вера разбилась при её виде; то, как она встала, как посмотрела, даже свершился взмах хвоста. Амон вмиг всё узнал в ней, и даже запах — и тот вмиг узнал. Он чувствовал частое дыхание у себя на щеке и впившиеся когти, и понимал, что в мире нету иной львицы, что любит его больше; и не понимал — почему усомнился? Почему не поверил?

— Амон...

— Ты отдалась в волю Вестающих?

Ранее он намеревался спросить это холодно, с колючим задором, не один раз продумывая всю сцену в уме. Теперь вышло печально, жалея.

Амон почувал, как она закивала.

— Да, они предложили мне сделку, — медленно и тихо молвила она.

— И ты им поверила?

Долгое молчание.

Они чуть качались в такт внутреннему ритму, освещенные лишь слабым светом из окна. Лапы их стояли на ткани разбитой постели.

— Что мне оставалось, Амон? — говорила Миланэ ему в ухо. — Я подумала, что если они смогли спасти меня, то помогут и тебе... — отольнула, словно очнувшись. — Чего ты хочешь? Хочешь есть? Хочешь пить?

— Вижу, тебе далеко пришлось зайти, — посмотрел он на кровать.

Миланэ тоже посмотрела на неё и темно сказала:

— Кровь моя, Амон, я бы охмурила тысячи львов, лишь бы тебе это дало свободу.

Не сговариваясь, присели на кровать, сначала друг возле друга, но потом он одним движением обнял её за бедра и усадил себе на колени. Так покоясь, она обняла его; в какой-то миг захотела сказать, что ему следует хорошенько вымыться, но сдержалась.

— Не знаю насчёт тысячи, Милани... Но с этим у тебя ничего не вышло. Ты во всём ему призналась, — улыбнулся он.

— Амон, я... Прости. Меня уже тошнило от всего, я должна была что-то делать, и не могла подличать с этим львом и его родом — они плохого мне не сделали, и... Я думала уже идти прямо к Высокой Матери, будь что будет...

— Да неважно. Преврати ты этого Сингу вместе с его отцом хоть в пепел —

Вестающие бы тебе не помогли.

Она очень глубоко вздохнула. Это было уже неважно.

— А как книжка, стояла того? — почесал за ухом.

— Стоила, — Миланэ даже не сразу поняла, о чём он.

— Жаль, пришлось отдать, — невозмутимо сказал он, по-хозяйски взяв её хвост и начав с ним играть. — Сходили мы с тобой в библиотечку, Милани. Ты ещё себе экземплярчик не достала?

— Амон, ты несносен, — позволила себе — впервые за столько времени — капризный, но истинно любящий тон, и что-то захотела с ним сделать, но сама не знала что; потому взяла и легко потёрла ему ладонью нос.

— Ты ради меня с ним была? Этот Хамалар, всё это — ради меня?

— Да.

— Что ты должна была с ним сделать?

— Убедить перенять все коммерческие дела отца.

— А отец, будь дурак, и отдал бы всё, да? — он попытался быть ироничным.

Дочь Сидны пожалала плечами, качаясь у него на коленях.

— На самом деле, он так и хотел сделать. Старший сын сбежал в Кафну, — Миланэ, рассказывая, что-то искала в его гриве, — а младший — он наследник, только такой, что ничего не хочет наследовать... И надо было сделать из него сильного, стремящегося к успеху льва. Знаешь, такого, что бежит к успеху: ты-дык, ты-дык, ты-дык...

Она изобразила, как скачет лошадь, и это очень насмешило Амона: тот начал душиться тихим смехом. Но быстро успокоился.

— Кстати, а где он-то?

— К себе ушёл. Обиделся. Ты, наверное, слышал.

— Слышал, слышал всё. И то, что перед этим — тоже.

Показная веселость, ирония и чувство вновь обретенной свободы играли в нём. Не имел он намерения обидеть её или укорить, хотя ревность тлела, даже после того, как он понял, что вся эта львица на самом деле, со всей её искренностью и силой чувства, надлежит ему и только ему.

Но Миланэ слезла с колен, села рядом с ним.

— Амон, прости меня за всё, что я могла совершить не так. Я всё делала из любви. Взываю к любой вышней силе, чтобы она стала свидетелем — я всё делала ради любви.

Это были простые слова, немного странные из уст самки, которым, как известно всем мирам, не пристало слишком извиняться перед самцами, ибо это делает их беззащитными, безоружными, слишком доступными. Но эта львица оказалась выше всякой условности; она не страшилась ничего — и своих чувств тоже.

«Я даже на смерть на Приятии шла ради тебя, Амон, чтобы ты не думал, что Ваалу-Миланэ-Белсарра труслива, что она — притворство, а не львица духа, что она — лишь слово, но в этом слове нет силы...», — не знал он того, о чём она не договорила, но подумала.

Амон сполз с кровати на пол, присел перед нею на колени, сжал её лапы, бедра друг к другу, проделав ладонями длинное путешествие от её колен до самой талии. Так пленив, он уткнулся носом в её грудь.

— Прости, что так неумело украл книгу. Кто ж знал, что её так стерегут! Прости, что сомневался там, в тех четырёх стенах. Ты моя первольвица, ты моя самая великая

Сунга, ты моя лучшая Ашаи из всех живших в мире.

— Я прощаю, — гладила она его по гриве.

Он вздохнул, отбросив всё прочь.

— Мир с ними всеми. Надо идти, поскорее.

— Если хочешь, пойду с тобой. Если ты меня возьмёшь.

Улыбнувшись, Амон покачал головой, заодно осторожно выглядывая в окно на улицу.

— Да я пришёл за тобой. Собирай вещи, как можно меньше — и сматываемся отсюда.

— Я сейчас... Мигом, — вскочила Миланэ и заметалась по комнате. — Так. Где эта проклятая шемиза? Шакал, ссс... — ударилась она о ножку комода и запрыгала на одной лапе.

— Больно?

Миланэ только отмахнулась, мелькая в своей ночной рубашке и хаотично сбрасывая вещи на центр спальни, у подножия кровати.

— Где ты взял эти лохмотья? — вдруг с подозрением и неуместной требовательностью спросила она, смерив его взглядом.

Амон только удивился, что может придти в голову львице в такой момент.

— Часть дали друзья после побега, часть — украл.

— Тебе помогли бежать?

— Угу, — кивнул.

— Кто?

— Потом расскажу.

— Мир не без добрых душ, — Миланэ продолжила метаться. — Сиди, я в соседнюю комнату. Никуда не уходи. Ты никуда не уйдёшь?

— Миланиши, да куда мне, — разлёгся он на кровати, свесив лапы. — Вон посижу, выпью чего-нибудь, — стащил графинчик с рядом стоящего столика. — Поторопись.

— Не пей, это вино! — Миланэ на самом деле не помнила, что там.

— О, самое то, — заглянул он в него, прищулив один глаз.

Миланэ вспыхнула и заволновалась, чуть ли не бросилась к нему:

— Не глупи, ты будешь пьян, Амон, что делаешь?!

— Я пошутил, пошутил, тихонько, — засмеялся он.

Она резко поставила графинчик на пол и пристукнула его ладошкой по плечу. Негодяй! Шутник.

— Несносный!

И упорхнула в соседнюю комнату.

Амон тяжело, шумно выдыхая воздух, разлёгся на белом ложе. Оно почему-то казалось ему ещё горячим; сложно было сказать — то ли он отвык от нормальной постели вообще, то ли это из ревности и вожделения. Все эти дни: сначала в форте Фес, потом в тюрьме Надзора. Да нет, не Ваал весть что — было худо, холодно, голодно; одиноко тоже — его почти всегда держали одного. Но не до предела, на Востоке бывало похуже, да и вообще — он не боялся неудобств. Тяготило иное — неизвестность будущего и какая-то общая абсурдность происходящего. И сыскарки, и отвратительные служаки Надзора Веры, даже надзиратели косвенно давали знать, что узник он непростой; намекалось, что дела очень плохи. Несколько раз он встречал сочувствие и вовлекался в беседы о том, до чего могут доходить Ашаи-Китрах. В

Надзоре, напротив, наткнулся на большие злорадство и ненависть, и приставили его к какому-то особо оголтелому сыскарю, которому он всё объяснял одно и то же: украл сам, отдал Ашаи на сохранение, она ни при чём, ничего не знает, прошу считать меня идиотом. В Надзоре впадали в ярость: наверняка, признаваясь в таком великом вероборчестве (кража запрещённой книги, обман Ашаи-Китрах безо всякого мотива), которое безо всяких шуток засылало на каторгу далеко и надолго, этот лев укрывал ещё большее.

Книгу-то на самом деле таки украли ловко, с подведением концов. Главным подельником Амона был тот самый Хал, который смог бесследно исчезнуть вместе с семьёй после его поимки. Устроено было так, что книга будто бы изымалась для «оценки состояния» и «подробного изучения сохранности»; более того, именно «Снохождение» почему-то очень часто проходило через эти операции, потому никаких больших подозрений это вызвать не могло. И лишь только две дурацких случайности сыграли фатальную роль: как раз в то время «Снохождение» понадобилось Ирмайне для Вестающих; и вместо него Амон, шутки ради, подсунул кулинарную книгу. Не будь первого, то ничего бы не произошло до сих пор. Не будь второго, то вполне возможно, что «Снохождения» не сразу хватились.

Потом Амона вдруг оставили в покое; всем он стал неинтересен, и все словно бы враз поняли, что с ним будет. Приходил какой-то и взял с него обязательство не разглашать никому и ничего, что он имел хоть какое-то отношение к Тайной службе (под страхом смерти). К её чести, ему пытались помочь в первые два дня, вникнуть в дело. Но потом словно отрезало. Его надежда на то, что тайники не бросят своего, оказалась напрасной; да он и понимал, что не с чего им помогать — от дураков всюду избавляются. Оставалось лишь одно: обещание Миланэ не бросить его. Но долгие ночи и нескончаемые дни посеяли в нём великое сомнение. Зачем, в конце концов, Миланэ требовалась книга? Почему она мгновенно вышла сухой из воды, но ему пришлось полностью в неё погрузиться? И дело, если подумать и отбросить чувства, было почти понятным — он ей не нужен (или стал не нужен), если бы не несколько странных снов, которые он почти не запомнил, но которые оставляли великое ощущение её присутствия...

Совершенно непонятный визит правдовидицы Ахиры оставил только вопросы.

Но потом вдруг доселе незнакомый надзиратель бросил ему всего две фразы: «Как ты?» и «Готовься». На следующий день пришёл сир Мейра и представил чудовищно простой, даже нелепый план побега: Амон сбежит, когда его будут в одиночку перевозить в темницу Марнской Обители правосудия, где и должен, собственно, состояться суд; цепи на его руках и лапах не будут закованы; после побега он будет считаться, понятно, беглецом — со всеми вытекающими; но несвобода, грозящая ему, куда хуже. Амон вмиг понял, что это возможно лишь по покровительству свыше, и зная наперёд, что Мейра не ответит, он всё же спросил: кто и почему за него заступился? Вдруг Мейра ответил, что Тайная служба своих не бросает, и Амон должен быть благодарен всем неравнодушным. И впредь — предупредил Мейра — не стоит верить Ашаи-Китрах *ни на крошечную долю, ни в чём.*

— Ненавидь их, Амон. Это всё, чего они достойны.

Вот с таким напутствием он бросился сразу в Хамалар.

Зачем?

Ещё один глупый поступок.

Хотел взглянуть на неё — это правда. Что скажет, увидев его? Запаникует? Обра-

дуются? Вызовет стражу? Поцелует? Он хотел знать, даже ценой жизни — правда ли всё или просто ещё одна ложь, как повсюду... И вместе со всякими лохмотьями он раздобыл оружие — ржавый нож в старом амбаре — которым собирался отбиваться, пока хватит сил, если она, устрашённая нарушением драгоценного покоя, предаст его и завопит о помощи; хотя он знал, что это — маленькое, жалкое оружие.

Теперь, сильно сжав нос и закрыв глаза ладонями, он качал головой, веря и не веря тому, что львица может ради него идти на сделки с сильными мира сего, улыбаться и лгать, спать с другими, бросать всю прошлую жизнь за хвостом без малейшего сомнения, отпускать на ветер годы подготовки и всё своё назначение; это было сном, сказкой, ирреальной историей, чьей-то выдумкой. Он ощутил, в каком теперь великом ответе за неё, за молодую львицу духа, следующую теперь за ним; и теперь Амон знал, что достанет для неё десять, сто, тысячу книг, но теперь с умом, злой мудростью, хитростью лисы; теперь он станет её великим защитником, хранителем и другом.

«Я ей всё скажу. Я всё скажу. Потом, не сейчас...»

А тем временем Миланэ, и ликуя, и страшась, искала нужные вещи в соседней гостиной.

«Так! Сирна, ножны, шемиза, пласис... какой... этот? Нет, какой пласис, тьфу ты, лучше свирю. Я свирю взяла? Кровь моя, неужели нет? Так, это нет, это нет, это нет. Деньги. Стамп, кошель — в спальне. Амулет? Там же. Проклятье, что здесь ищу-то ещё? Подвески с хризолитами? Этот идиот Синга снял их мне где-то здесь... Будто нельзя отыметь львицу и с ними. Дурак, даже это не мог толком сделать. Ни то, ни это... Всё с меня снять решил, дескать, вон какой я нетороплиивый, подступчивый, и даже амулет Ваала норовил снять, хотя уж какому светскому позволено к нему при-трагиваться? Сама сняла. Будешь иметь Ашаи в следующий раз, Синга, если будешь вообще, так знай, что можно его и не снимать, как и подвески, как и кольцо... Это даже приветствуется, нас так учили — лев должен знать, кого имеет, а не полагать, что он с обычной львицей... Так где они?!»

Она помнила, что они должны быть на этом столе с мозаичной столешницей и мраморными ножками. Но не было. Пришлось нагнуться, залезть под него и поискать на полу — там-то они и нашлись; именно в этот момент Миланэ услышала, как беззвучно, колыхнув воздух, отворились двери её покоев.

Вскочила, дабы не застали в этой недвусмысленности, в этой одной ночнушке (хоть она и была почти до колен, но хвостосвободной — разделялась сзади у талии на две части) и беспомощном положении; но, похоже, Синга всё успел заметить да увидеть, потому что так и застыл в дверях. Свет неверен, но заметно, что он взволнован и немного не в себе.

— Нам надо поговорить, — с сухим, нервным значением сказал он и распорядился в её хозяйстве: зажег от одинокой свечи масляную лампу.

Миланэ встала (одна лапа пряма, другая чуть согнута, оборот в три четверти) как ни в чём не бывало, и спокойно начала вдевать подвески в уши, глядя в сторону и вверх, хотя в душе всё застыло. «Сиди там, Амон, не ходи. Не ходи, не ходи. Никуда не ходи. Сиди спокойно. Я всё слажу...»

— Уже поздно. За полночь. Завтра.

— Что ты там делала?

— Ты подвески мне снял да уронил.

— А зачем их сейчас надеваешь? — подошёл он ближе.

Синга не был пьян, хотя без лёгкого хмеля не обошлось, нет, но в нём Миланэ увидела новое: он обрёл доселе не виданную напористость, уверенность. Вот воистину, подумала дочь Андари, сдайся кому-нибудь, даже ненарочно, даже вынужденно — так сразу заявит права и начнёт с тобою хозяйничать.

Ну да и ладно. Лишь бы отправить его поскорее.

— Я не в настроении беседовать.

— Послушай... Ты должна осознавать, что всё это — непорядочно с твоей стороны, — встал он перед ней. — Но знаешь, я всё принимаю, и... в общем, мне сложно судить... Миланэ, иди, иди ко мне, — Синга совершил неуклюжую, безловкую попытку подступиться; вроде и с уверенностью шёл её поймать, а вроде нет.

Она увильнула, закончив с подвесками.

— Ступай спать, Синга. Давай всё завтра.

— Послушай, послушай, я тебя не выдам, я тебя люблю, понимаешь? Я хочу спать с тобой, не сам. Я всю жизнь сплю один, даже если рядом кто-то есть... Давай уснём вместе. Пошли туда — и уснём вместе. Пожалуйста...

Чего Миланэ терпеть не могла в жизни, так это самцов, которые напрашивались у самки, да ещё с этим «пожалуйста». Это всегда выглядит настолько жалко, смешно и глупо, что пропадает всякая охота к чему угодно, и убивается ещё не зародившаяся. Хочешь — делай. Там видно будет; может, и до когтей дойдёт, пусть. Но только без этих слёзных, стонущих просьб.

— Нам нет смысла спать врознь, — продолжал он. — Пошли... Я всё равно улягусь сегодня в твоей кровати.

— Я ж тебя предала. Зачем тебе такая? — молвила она, и сразу пожалела: звучало без отторжения, а напротив — будто призывчиво.

— Миланэ, прости, что наговорил глупостей, — он, наконец, сумел её схватить в объятия. — За все обиды, что причинил... я не хотел. Не выдам тебя, слышишь, возьмусь за любое дело, помогу тебе с твоим. А там — если хочешь — то делай, как хочешь. Делай, что хочешь, только не исчезай из моей жизни... — искал он её поцелуя.

— Синга, но пойми: я не люблю тебя. Я люблю другого, — отвернулась Миланэ от него, закрыв глаза, делая слабые попытки освободиться, обнажив шею.

— Не верю. Ты не притворялась. Ты — моя великая искренность. Пусть тот лев будет свободен; если так, делай ради него всё, как хочешь — но останься со мной.

Миланэ искала в себе немалые силы, не глядя ему в глаза. Она собирала весь холод души, чтобы *взглянуть* на него, чтобы он увидел этот блистающий холод, чистый лёд и отторжение, чтобы ушёл, чувствуясь плохо и страшно от сего взгляда. Она — Ашаи. Она — может. Хозяйке на то и даны силы...

Но вдруг он сказал то, что разрушило её волящее намерение, растопило все льды души:

— Любовь — это клетка. Я попался в неё.

Даже шерсть привстала на её загревке, отдав теплом по спине и хвосту. Эта одинокая душа не была ни в чём повинна; разве он причинял ей зло? Синга просто любил, и с этим никто ничего не мог поделать. Самое трудное то, что она, будь всё иначе, могла бы к нему привязаться; и, наверное, даже полюбить. Сколь бы всё стало проще и яснее, не испытывай она сочувственной симпатии; ощущения обречённости на вынужденную общность судеб; этого понимания. Но Ашаи-Китрах — сестра понимания — потому так и зовётся, что не может не видеть вещей миров. Если она

настоящая.

Он, живой, был в чём-то таким же заложником судьбы, как и она с Амоном. По нему тоже пробежалось это великое, беспощадное стадо чужих интересов, чужой глупости, этой веры надо всеми верами, великий и ничтожный прайд Ваала, он тоже тащил бремя — *быть* Сунгом и *быть* сыном Сунга; и теперь ей-то становилось легче, она пришла к своему — убегала от всего с любимым Амоном, совершенно не желая видеть будущее. Синга же оставался с этим миром сам на сам, в чём-то обманутый, в чём-то разочарованный, с разбитой душой, почти беззащитный перед обстоятельствами. Миланэ обманет Вестающих и всё сестринство, сбежит — и сможет скрыться, она хитра; но он останется, и его род тоже, хранивший на неё, Ваалу-Миланэ-Белсарру, такую добрую надежду...

Она поцеловала Сингу в щёку.

— Уходи к себе, — приложила ладонь к его плечу. — Мне правда надо побыть одной.

— Я усну там, где мы были вместе, — Синга с пугающей решимостью направился к дверям спальни. — Неужели ты не можешь уснуть возле меня?

Вот нет. Только не это. Только не туда. Амон! Сиди тихонько. Спрячься, молчи.

— Нет! Постой! Стой...

Миланэ совершила к нему два шажка, неторопливых, со взмахами хвоста.

— Ты этого не знал, но я тебе скажу — как тому, кому верю. В определённые ночи все Ашаи-Китрах сновидят, ходят по снам, и для этого им нужен покой и одиночество.

— Знаю, знаю, мать рассказывала.

— Вот видишь. Значит, ты должен понять, — мягко сказала она.

— Ты на меня не в обиде? Не в обиде, нет?

— Не знаю, — уклончиво, как и подобает львице в таких случаях, ответила Миланэ. Пригладив его по гриве, молвила: — Отложим этот разговор.

Словно загнанный зверь, Синга начал метаться по комнате, подбегая то к окну, то к дверям; казалось, он исхудал, а все черты его заострились; лицо отражало ужасающую работу мысли — он что-то осмыслял, рефлексировал, о чём-то спорил внутри себя. Выглядело это суетливо и жалко, но Миланэ чуяла эмпатией, что его донимает то ли великая мука, то ли предчувствие. Потом плюхнулся на широкий, большой диван, на котором нельзя опереться на спинку сидя, а только полулёжа, и схватил её за руку:

— Давай помиримся... — притягивал к себе. — Я сейчас уйду, но сперва помиримся. Сдайся мне, иди сюда. Я уйду, но сперва сдайся. Будь моей. Иди.

— Синга, пожалуйста, не надо, — попросилась Миланэ, но он проявил силу, почти насильно усадив на колени. Затем перевернул: она очутилась на спине, он — у её лап.

— На самом деле ты так играешь, — целовал её колено, прикинув щекой к другому, словно жаждущий, прикинувший к чаше жизни. — Играй, делай, что хочешь. Я знал, что с тобой не будет просто, с вами не бывает просто.

Миланэ аккуратно — она всегда аккуратно — освободилась от этого отчаянного самцового плена, приставив левую лапу к его груди; большие когти, слабо способные вытягиваться, впились в тогу, скрывавшую его тело; она не отталкивала, но и не давала приблизиться.

— Синга, я прошу тебя. Завтра. Может быть.

Она была совершенно уверена, что он внимет её просьбе. Он из тех львов, что внимает львице, в душе мягкий и соглашающийся, чуждый насилию; она изучила Сингу за это время, и знала, что его можно и нужно упросить. Синга, сам того не зная, отнимал драгоценное время, нужное, чтобы убежать далеко и без следов; но его нельзя изгнать, пнув прочь — по многим причинам.

Но случилось всё очень неожиданно.

— Нет, сейчас, — вдруг сказал он в горячей ярости, преодолевая её сопротивление, принуждая самку к покорности.

То ли в нём что-то переменялось, то ли он почувствовал власть, однажды познав её, то ли был очень громким зов крови — но Синга больше не внимал просьбам; и теперь следовало или всерьёз воспротивиться ему, выставив клыки и когти, либо сдаться и дать то, что хочет. Он сковывал её руки, поднимал подбородок вверх, располагал, как считал удобным, задрал единственную одежду, что на ней была, и одновременно успевал раздеваться сам. Миланэ чувствовала его частое, прерывистое дыхание, это проснувшуюся властность в движениях, и упала столь неуместное сейчас, сладко-томительное, пугливое и одновременно совершенно нестрашное оцепенение. Стала думать: как поступить? что делать? как разрешить? Ну а пока она размышляла, всё шло своим чередом, и в какой-то момент думать оказывалось слишком поздно. Так у неё было, то ли из инстинкта, то ли из скрытых свойств характера — говорить «нет» она умела, но если застать врасплох, проявить правильную меру напора, да перед этим быть обходчивым — то в результате просто цепенела, сдаваясь. Это не у всех так: одни львицы этому подвластны, другие — как-то нет. Знай это любой незнакомец, то, при удачном стечении обстоятельств и должной решительности, мог бы, утащив её прямо с улицы, сотворить с нею всё, что угодно, имея лишь безграничную уверенность в действиях и не обращая малейшего внимания на всякое сопротивление. Безусловно, такую слабость всякая львица должна скрывать; естественно, всегда скрывала её и Миланэ.

В конце концов, быстро решила она, пусть будет так. Получив своё, Синга успокоится, ибо всякий на время успокаивается, обретая желанное, так себе уйдёт, и больше никогда её не увидит. Чем быстрее — тем лучше. Главное — пусть не бродит по покоям дома, пусть уйдёт побыстрее, пусть не видит Амона.

«Вaal мой, Амон, только сиди тихо, не шевелись, не издавай ни звука, будь как мышь — спрячься! Ты ведь понимаешь, зачем я это делаю? Он уйдёт, оставит в покое, а мы — останемся, теперь и впредь неразлучные...»

И вдруг со сладким ужасом Миланэ взглянула в новую бездну души: в этом всё сложно признаться, да и простые души никогда себе не признаются правдиво, что ими движет — они слепы, не видят, а если видят, то отворачиваются от собственной темноты. Но Ашаи-Китрах умеет не только врать себе и другим; она ещё умеет себе и не врать. Да, она хотела инстинктом, чтобы он доказал свои права на неё, чтобы он заступился, забрал, отобрал её у чужого; она подсознанием и глубиной сознания желала, чтобы львы столкнулись из-за неё — даже в таких безумных условиях! — чтобы выяснили, кто на что претендует. Досколь можно защищаться самой, досколь можно защищать, ну когда кто-то защитит её саму? Пусть он расставит всё по местам, вызовет из плена, ибо она уже не может воспротивиться сама, не может защититься, она снова пытается разрешить всё так, как самка (она только это и делала в последнюю луну!) — чтобы всем ладно, и никого не обидеть; но тогда он пусть разрешит всё, как самец — если желает, не боится... Пусть это сделает.

А если не сделает, затаившись до скончания? Что ж, тогда хорошо: он умён, он повинуется разуму, не делает необдуманных поступков, он хранит голову в холоде, а сердце — в тепле; а ей — ничего не будет, с неё не убудет, отряхнётся, и забудет. Пусть тогда смотрит и слышит, ибо так уже сделал раньше — и ничего; это только внешне ужасно, а внутри, на самом искреннем деле — раззадоривает. Какая жестокость, самочий вздор, слабость, не-преданность! Развращение. Тёмные, древние вещи...

— Но потом уйдёшь? — шёпотом спросила она, расслабившись, разлѣгшись, отдавшись течению.

— Уйду. Всё, всё сделаю... — не слушал Синга, преодолевая последние преграды, целуя её бедро, забрасывая её лапы себе на плечи.

Услышалось, как резко отдернулась занавесь, разделяющая спальню и гостиную, послышались тяжѣлые, грозные шаги больших лап, крепко стучащих когтями по настилу.

— Отойди от неё, — слова сопровождались делом, и Синга был оттянут за загревок прочь — Пока не убил.

Вот так всегда бывает: сначала сделаешь глупость, потом подумаешь и раскаешься; не наоборот. Поддашься мимолётному вздору, а потом... Миланэ как была лёжа, так и закрыла ладонями лицо. Ну вот что стоило взять и прогнать Сингу, невзирая ни на что? Заорать на него, оскалиться, оттолкнуть, устроить плач с истерикой, вытолкнуть за дверь и запереть её. Теперь они будут шуметь и выяснять отношения; это ж какие самцы — да без выяснения отношений?

«Знамо дура ты, Миланэ. И знаешь это, и всё это себе говоришь — и что?». Она быстро поднялась на лапы, одним движением, отряхнулась, и встала возле Амона. Следовало совершить так, чтобы всё разошлось как можно мягче.

Тем временем Амон и Синга встали друг напротив друга. Первый глядел спокойно, но зло, ревнуя; второй — с презрением и непониманием.

— Ты ещё кто такой? — требовательно и немного визгливо спросил Синга, и вдруг вспомнив, что нам ничего нет, судорожно укрылся собственным плащом, стесняясь собственной наготы, как маасси-недотрога.

— Ах, это... — взмахнула рукой Миланэ, глупо засмеявшись, пытаясь походить на глупую развратницу. — Синга, это мой клиент на стальсу, мы с ним познакомились сегодня утром. Он ко мне пришёл после тебя. Я ж просила уйти! — капризно молвила.

— Что?.. — ошеломился Синга, сильнее укутавшись в плащ.

Амон скривился, словно от зубной боли, и сделал шаг вперёд.

— Миланэ, брось, — одернул её за руку. — Меня зовут Амон. Ступай отсюда с миром и забудь, что нас видел.

— Миланэ, кто это? — дернулся Синга.

— Синга, пожалуйста, успокойся, — примирительно выставила ладони дочь Андари.

— Амон? Тот самый? Так он что... на самом деле... ты...

— Синга, послушай меня, — подошла к нему на шаг Миланэ. — Да, это Амон. Он... его только что освободили. Нам надо уходить.

Амон тоже приблизился, теперь он с Миланэ стояли вместе, глядя на Сингу с одинаковым выражением и блеском глаз, как истинная пара.

— Куда?.. — растерянно спросил Синга.

— Прочь. Прочь от всего. Передай своему отцу, что мне пришлось исчезнуть, дабы не предать его род и не предать тебя. Расскажи всё, что слышал от меня. Передай благодарность от меня за всю его доброту. Скажи, чтобы был осторожен, — Миланэ пыталась пользоваться жестами, искусством убеждения.

Тот ничего не отвечал, и только торопливо начал одеваться. На него не произвели впечатления ни жесты, ни тон, ни вообще всё. Двигался нервно, удручающе.

— Это какой-то бред, — завизжал он необычно высоким голосом. — Вздор! Почему я должен уходить?! Именно я! Миланэ, и ты ему веришь? Он ведь кукла Вестающих, он издевается над нами, обманывает! Сама мне всё рассказывала! Или наврала? — тыкал он когтем то в него, то в неё.

Амону надоело:

— Уходи, брат, не испытывай меня.

— Шакал тебе брат! Она — моя! Я разберусь с этим! — начал он обещать кому-то невидимому. — Со всем разберусь...

Пожав плечом, Амон поискал в складках своей оборванной одежды, и вдруг вытащил оттуда ржавый, выщербленный нож, небольшой и корявый, и бросил его на стол, как свидетельство намерения. Миланэ испуганно-просительно схватила Амона за плечо.

— Что ж, давай разберёмся. Миланэ, где твой кинжал? — заметив сирну на том же столе, без всякого спросу взял её, вытащил из ножен и протянул, держа за клинок, Синге. — Держи. Увы, мечей нет.

— Амон, не сходи с ума, — сильнее она впилась в его плечо, и даже затрясла им.

Дочь Сидны воистину испугалась. Она знала, что Амон серьёзен. Он вообще был серьёзен, хотя любил посмеяться, пошутить и улыбнуться. С застывшим ожиданием Миланэ наблюдала, как Синга большими глазами смотрит на протянутое ему оружие, блестящее и хищное, вовсе не ржавое, а стройное — оружие его любовницы; она понимала, что если тот примет вызов, то есть вероятность, что она ничего не сможет остановить, как бы ни старалась... Тогда не действуют силы львиц!

— Пошёл ты!

Нет, Синга не подвижник, он не тот, кто принимает вызовы и бросается в бой; в целом, трус — Миланэ всегда знала это. Но, конечно, его трусость пришлась впору — он поступил правильно. Понимая, что проиграл всякое сражение с Амоном, ещё даже не начав, Синга набросился на Миланэ, понимая, что она будет слушать:

— Ты врала всё время! Действительно врала! — бегал он по комнате, собирая одежду. — Ты издевалась надо мной, как хотела. Ни в какой тюрьме он не был, ты с ним заодно, ты со всеми заодно, и с этими Вестающими заодно! — надевал он тунику. — Вы все — одна кодла. И ты его послушала, ты возле него стоишь, не возле меня! — застегнул плащ.

— Всё? Готов? Уходи, — поторопил его Амон, проигравшего и — вдруг — никому не нужного. Сирну и ржавый нож бросил обратно на стол.

Синга блеснул взглядом к Миланэ, нервно шевеля хвостом.

«Пора с ним проститься», — печально подумала Миланэ. — «Ах, как глупо всё вышло. Прости, Синга. И прощай».

И только она было собралась проститься с ним так, как подобает, высказать последние слова, как тут в мордашку, как ледяная стена, ударила правда жизни:

— Лживая сука.

Миланэ не стало обидно. Ей стало очень... жаль того, что Синга оказался именно

таким, каким казался, именно таким, как о нём всегда шептала эмпатия, равнодушная к измышлениям и внешнему — у него не было благородной души, несмотря на всё его искусство и тонкое устройство. Она всегда верила, что эмпатия привирает, что при случае Синга нечто выкажет: смелость, гордость, прощение; свершит поступок.

«А может, оно и так...», — подумалось ей.

— Слушай сюда, кусок ты... — конечно, Амон не мог такого вытерпеть, и прижал его к стенке с ржавым ножом у горла.

— Амон, не убивай его, — львица-Ашаи упорно пролезла между львами, загораживая одного от ярости другого. — Не надо. Не причиняй ему вреда, пусть идёт, — с молением смотрела она на Амона.

Он её, на самом деле, очень любил и верил её чувству, уму, видению. Конечно, он послушался.

— Я пойду. Да, я пойду. Мне нечего здесь делать, — почувствовав свободу, увильнул Синга. Он встал возле выхода из комнаты (небольшая прихожая — и можно выходить в прохладную, ароматную ночь Хамалара), одёрнул на себе одежду, поправил то одно, то другое, зачем-то засунул ладонь в кошель, будто у него здесь могли украсть какие-то деньги, затянул потуже пояс. Топчась на месте, медлил; а Амон, с ним и Миланэ, ждали его ухода

— А он нас не выдаст? — спросил её Амон, тихо, но в такой тишине сложно утаить слова.

— Нет, — глядя на Сингу, покачала головой Миланэ.

Недоверчивый, знающий жизнь, Амон прищурился, как тогда, давно, на Востоке высматривал врага.

— Почём нам знать?

— Верь. Я знаю души.

Синга всё топтался у выхода, всё осматривался по сторонам, будто бы вор или существо, попавшее в другой мир, почему-то отряхивал длинные рукава тоги и будто бы не знал, как ему поступить.

— Мда. Не думал, что мне придётся с тобой проститься именно вот так, — обратился он к Миланэ, но изменившимся тоном, примирительно, и даже с увещанием.

— Я тоже пыталась попрощаться с тобою. Иначе. Не так. Я полагала, что услышу нечто иное, а не «лживую суку».

— Прости, вырвалось.

Да сложно обмануть Ашаи, сложно. Извинение его было совершенно неискренним, но его в чём-то можно понять.

— Ну что ж, раз так сложилось, то что тут скажешь... Ничего не поделаешь. Теперь у вас свой путь, у меня — свой. Разойдёмся, так сказать, тихо и спокойно. И не переживайте... Я вас не видел, куда ты подевалась — не знаю. Не беспокойтесь на сей счёт.

— Одевайся, Миланэ. Нам надо поспешить, — приказал Амон.

Она, доселе ещё в ночной рубашке, сбросила её прочь и так бросилась искать свирю, шемизу и всё остальное. Уже составляя в уме план ухода, она решила, что они ни в коем случае не будут выбираться из Хамалара всякими обходными тропами, а вместе пройдут через главный вход, а поэтому нужно облачиться, как Ашаи. Потом надо будет всё снять, чтобы превратиться в обычную львицу, а там...

— Миланэ, пока. Может, когда-нибудь ещё увидимся.

Одевшись в тонкую белую шемизу, Миланэ подошла к нему. Возникла нелов-

кость (сколь мгновенно она может возникнуть!), они лишь встали друг напротив друга; он кивнул ей, она тоже, даже с лёгким присестом.

— Прощай, Синга, — ответила.

— Угу. Там, к-к-кстати, г-глянь в спальне, — Синга начал запинаться, чего за ним никогда не наблюдалось. Даже можно было услышать, как стучат его зубы, словно от холода: — Я там под кроватью оставил... это... или возле неё... там есть листы, в общем, с моими записями, я это...

— Записями? — наострила уши Миланэ, продолжая искать свои вещи.

«Так, стамп есть, амулет есть, кольцо на пальце, кошель есть, свира — вот она, кнемиды у входа должны быть... Сирна где-то на столе. Или у Амона...»

— Стихами! Да, я хотел их т-тебе почитать, но теперь уже... как бы... не надо...

— Иди и возьми. Кто знает, где ты их там засунул, — кивнул Амон.

— Сейчас принесу, — примирительно молвила дочь Андари.

«Хммм... Наверное, под кроватью, возле ничего не видала», — пошла Миланэ в спальню. Отодвинув занавесь, она ещё раз поглядела на двух львов: Синга протягивал Амону правую ладонь в знак примирения.

— А с сиром мне делить нечего. Ударим по рукам, что ли, — голос Синги. — Случилось как случилось. Пусть сир бережёт её...

Взмахнув занавесью и хвостом, Миланэ подошла к кровати, обошла её с другой стороны — но там ничего не было.

— Так что, разойдёмся, как добрые Сунги? — глухо слышали её уши неожиданно уверенный, настойчивый возглас. — Пожмём друг другу руки или так разойдёмся, как дикари?

— Ладно, не обессудь, — спокойный голос Амона после краткого мига. — Жизнь — сложная в...

А затем уши слышали то, от чего сцепенела вся кровь и заставила застыть на много ценных мгновений: они услышали несколько глухих ударов, тяжёлый, израненный стон, звук бьющегося стекла, грохот, сосредоточенное, негромкое рычание. Потом её правая ладонь совершенно бессознательно, в задыхающемся волнении, бросилась к левой стороне бедра, но там нет ничего: ни пояса, ни сирны — ничего; лишь нижняя рубашка. Миланэ стремглав ворвалась в гостиную, ловкая, злая хищница, и увидела, что Амон преследует очень быстро пятящегося к выходу Сингу, но как-то неуверенно, развалисто, держа правую руку возле шеи. На полу и ковре он оставлял за собой густой, тёмный след; вдруг упал, сделал очень слабую попытку подняться, а потом обратно уронил голову на пол.

Миланэ, ничего не говоря, безоружно набросилась на Сингу.

Тот отступил к стенке, а потом, весь в смеси сурового страха и растерянности, изо всех сил кинулся прочь к выходу, не оборачиваясь; одним рывком он отворил дверь и с такой силой захлопнул её обратно, что та очень больно ударила Миланэ по носу, и на миг она потеряла чувство пространства, в голове зазвенело, а из носа сразу хлынула солёная кровь. Всё-таки дочь Андари, помотав головой, открыла дверь, не заботясь, что её за нею поджидает, но Синга — бысролапый! — уже отбежал на шагов пятьдесят, плохо видимый в неверном свете луны. Она видела, как он обернулся, и вприпрыжку пятясь назад, смотрит, не ли за ним преследования.

— Будь ты!.. — завопила Миланэ на весь Хамалар, но сорвала голос, захлебнувшись собственной кровью из носа, и не закончила проклятье.

Утеревшись рукой, бросилась обратно, к Амону, который успел перевернуться на

спину. В сознании звенела пустота, совершенное безмыслие; лишь быстрота и твердость действий сейчас могут спасти его. Быстро присев, Миланэ отвела его совсем ослабевшую ладонь от шеи; ладони вмиг обагрились кровью, но она хорошо зажала всю правую сторону шеи. Очень мешала грива: Амон не мог ухаживать за ней в тюрьме, и она разрослась.

— Лежи, не двигайся. Не двигайся, — согнулась, ища его взгляда. Но он уже был в полусознании.

— Беги.

— Куда бежать, мой милый?.. Мне некуда бежать. Сейчас мы подождём, пока успокоится кровь, затем я перевяжу тебя, не бойся, я знаю, что делать.

— Миланэ, ты — как Сари...

— Что? Скажи мне ещё раз, на ухо. Вот так. Скажи.

— Всё. Берегись...

— Амон. Амон! Не иди, не... — отчаянно-строгим, настойчивым тоном взмолилась Миланэ, но вместо ответа услышала лишь тяжёлое, мокрое дыхание. И только теперь она заметила, какую ошибку совершила: всякого раненого надо обследовать всего и сразу, по возможности тщательнее. А она только уцепилась за ранение на шее, но оно — конечно, ведь случилась близкая схватка — не было единичным. По кровавым пятнам, проступающим на одежде, сложно было даже посчитать, сколько ударов кинжалом-сирной нанёс ему Синга, своей творческой левой рукой; сирна, кровавая, покоилась здесь же, рядом. Прекрасно быть левшой: подавая правую, в левой можно спрятать клинок. Неоценимое преимущество. Теперь она ничего не могла сделать — он страдал от внутренних кровотечений, и если они сильны, то...

...то случится то, что с ним происходит. Вне сознания, он тонул в небытии, утрачивая кровь жизни. Миланэ поглаживала его, хотя это никак не могло помочь; вообще, ничего здесь не могло помочь, и в этом была такая великая бездна, такая неотвратимая жестокость мира, что это оглушало, оставляло безвольной и бессильной. Амон ещё несколько раз шевельнулся, но это были уже почти неживые движения, Миланэ чувствовала и видела агональное дыхание, обнимающий холод. Она всё ещё сильно сжимала рану на его шее, и готова была так его держать до скончания времён — если бы это помогло.

— Я сплю, я сплю. Это — сон, — подняла она окровавленные ладони к лицу, отпустив его. — Я в снохождении.

Нет. Ладони как были, так и остались, её не выкинуло из сновидения, и мир вокруг не пропал.

Миланэ всегда плакала тихо, словно стыдясь. Так и сейчас: она сидит на полу вместе с уже неживым Амоном, с которым ей суждено было уже сегодня убежать и прожить столько ярких, необычных, трудных моментов, прожить новую, иную жизнь, в которой они, и их ещё нерожденные дети, наверняка бы нашли себе место. Вдруг глухо, словно в далёком тумане, стукнула дверь. Вернулся Синга! Миланэ не видела его, хоть и смотрела — черты расплывались в большое, тёмное пятно. Она совершенно не слышала, что он говорил, сухо и серьёзно, будто пришёл совершить коммерческую сделку:

— Вот как будет. Мы скажем, что он ворвался в покои, в этот дом. Начал угрожать. Мы его убили. За убийство беглеца только похвалят. Встающим больше нечем тебя держать. Теперь не надо на них работать. Всё будет хорошо. Проблемы решены.

Потоптался на месте, ожидая, что Миланэ ответит.

— Ты ведь этого хотела. Нас столкнула. Ты хотела, чтобы я это сделал. И вот. Иначе вы бы давно исчезли.

Синга, усмехнувшись и принимая молчание за согласие, начал расправлять плечи, вздохмачивать себе гриву:

— Теперь никто не скажет, что я трус. Что не способен на поступок. Нет, я способен. Ты знала, что из нас может остаться только один. Остался я.

Миланэ, словно жрица жестокого культа, в одной окровавленной шемизе, изнеможенно и медленно встала с пола, оставив мёртвого возлюбленного. Она взяла большую амфору с маслами и разбила её прямо посреди комнаты. Содержимое второй, такой же, она вылила на тело Амона.

— Что ты делаешь? С ума сошла? — испугался Синга, предупредительно встав у дверей.

— «И всякая из вас, сестёр Ашаи-Китрах, должна предать огню Ваала тело каждого павшего или умершего Сунга иль Сунги». Так сказано в Кодексе и так говорит аамсуна, — монотонно ответила Миланэ, каждое слово этой монотонности оказывалось нерушимой глыбой, зовом вечности.

Она взглянула на него, и Синга впервые в жизни ощутил на себе взгляд Ашаи-Китрах. И это было очень-очень плохо.

— ...проклят, — довершила она отместку для него, и эти слова, словно копьё, пронзили его сердце насквозь и вышли прочь, что-то унёсши из него за собою...

Синга сбежал, в страхе ещё большем, чем в первый раз, безо всякого намерения возвращаться обратно. Вообще без всякого намерения.

Полностью раздевшись, Миланэ зажгла игнимару на обеих ладонях, вспыхнули и её уши, вокруг глаз явилось пламя Ваала, загревок зажёгся им. Так она зажгла и масло на полу, и занавеси, и ещё что-то; возгорелся кончик её хвоста, уже горели плечи сине-зеленым пламенем, и Миланэ так свершила круг у возлюбленного, вся невиданно-иномирная в этой безупречной игнимаре, а потом сама села у входа, безумно истощенная от такого горения; пламя Ваала пропало — великие силы кончились. Хотя она была почти без сознания, но ещё понимала, знающая, что задохнется ещё до того, как сгорит от обычного огня, что уже начал обнимать дом.

— Нахейм примет тебя, мой Амон, Тиамат поглотит тебя, мой Амон, — тихо произнесла церемониальный возглас, настолько, насколько хватило сил, уже распластавшись на полу.

Ибо так требует Кодекс и аамсуна.

Глава XXVI

Хильзе очень ему сочувствовала и качала головой.

— Ай-яй-яй, — укоряла судьбу-насмешницу.

Синга жадно жевал, одновременно глядя на неё. У него после этого появилась привычка много есть, он растолстел и стал неуклюж.

Вон как оно всё обернулось: эта хитрая Миланэ, оказывается, была связана с Вестающими и, оказывается, не зря затащила его в этот Хамалар; а Вестающие-то подослали убийцу, нечестивые, и тот должен был убить Сингу — но не на того напал. Миланэ убийцу знала, в свои покои впустила. В итоге убийца сгинул от его

твёрдой руки, она сбежала, дом сгорел, ибо в борьбе перевернулись подсвечники на занавески — в общем, беда на беде.

Эту же историю он рассказывал всем остальным. Правда, несмотря на всю свою храбрость, не растерял благоразумия и упомянул о Вестающих только родителям. Да ещё Хильзе.

Они познакомились, когда Синга пришёл осматривать дом Миланэ, желая выставить его на продажу (отец дал добро). Хильзе снова пришла кое о чём просить Миланэ — уже неважно, о чём именно — и так они разговорились. Сначала друг друга не поняли, даже с враждой, но потом вдруг заметили, что смотрят на вещи одинаково. Пошли туда, пошли сюда.

Связь эту он скрывал, потому что теперь отец с матерью опасались любой Ашаи пуще огня. Но ему с нею нравилось. Хильзе много проще, понятнее, ближе к осязаемому; нельзя отрицать и её внешних достоинств, особенно высокий рост, почти вровень с ним — а это важно для общества; с нею не требовалось поддерживать изощрённый диалог. В конце концов, она любила поваляться в постели. Кроме того, и самое важное — Синга не боялся её. Ему было всё равно, заставят ли Вестающие её что-то плести против него или нет; ему будет даже забавно, если и Хильзе начнёт в этом изощряться. Нет сомнений — он сразу заметит. Уже умудрён-то. Знает, с какой стороны подступаются.

Он уже не боялся, ибо знал, что расправится с любой подобной проблемой на раз: уверенно, быстро, чётко. Теперь поселилась в нём уверенность, что он способен на поступок, на смелость, и теперь не он должен бояться — а его.

Теперь он — воистину Сунг-патриций, знающий кровь врага на своих руках.

Правда, в последнее время как-то не сладилось со стихами, сонатами и незавершённой поэмой, не писалось ни левою рукой, ни правой, ни хвостом, ни в уме; но на это, по сути, не было времени, потому что отец наконец-то передал ему великое наследство, сосредоточившись на своей политике, и надо было решать насущные вопросы вместе с превосходной Ваалу-Фреей, с которой они прекрасно нашли общий язык. Но это — тайна. Об этом — никому.

* *

Да, мало что есть хуже, чем подъём из постели поутру. Всякие неискренние, дураки и пресыщенцы будут бодро утверждать, что это — ложь, ведь новый день есть новый день: вставай на лапы, прыгай, существо! Но что есть «новый» день, который так похож на старый, по сравнению с милосердием извечного сна, в котором нет тебя — и это прекрасно; нет твоих желаний; нет ни конца, ни начала; нет любой боли; сна, который столь почитали все Ашаи-Китрах древности (теперь они поглупели, знамо), почитают Вестающие (а они всегда были умны), почитают шаманаи (дочери духа Ашаи-Китрах... или всё же матери?), называя его Великим освободителем или Возвращением в Тиамат. Некогда вообще не различали Тиамат и сон.

Ваалу-Фрея устала на узорчатый балдахин над своей большой кроватью, на которой могли спокойно спать три Сунга без всякого стеснения. Вздохнула. Несмотря на то, что Вестающие просыпают добрую половину суток — они редко высыпаются. Они истомляются. Самые счастливые души не видят сновидений, а тем более не ходят по ним, а тем более — не работают в них. Несмотря на великую таинственность, совершенно безумную мистичность для профанов, встание в сновиде-

дении есть, по сути, рутина, бремя; тяжёлое, но необходимое обязательство. Ночь в ночь одно и то же: вошла в сновидение, устремила к менгиру, перекинулась смыслами с сёстрами менгира, отнесла сообщения другим, услышала сообщения от других, вышла. У Вестающих есть свои меры: сколько и как передавать, что запоминать, что отбрасывать; молодых учениц, жалея, ещё вкладывают в эти меры. Но более-менее опытные Вестающие уже себя не жалеют — так принято в их среде — и за ночь могут передать столько всего, что забыть или перепутать — плёвое дело. Одарённые, сильные часто издеваются над более слабыми или уставшими, сваливая на них ушаты сведений и сообщений, которые должно передать; рано или поздно ты что-то путаешь или забываешь, тогда тебя отправляют на отдых; и если ты уходишь на отдых слишком часто, не справляешься, то будь готова однажды, всегда очень внезапно, вылететь из общества. Вестающие отторгнут, лишив всех благ и прав, и станешь ты простой Ашай, словно никогда не была среди них. «Бывших Вестающих нет», — так говорится. Даже те, что уходят на заслуженный отдых по возрасту, принимают очень незначительное участие в жизни этого маленького, но сильного сестринства.

Ваалу-Фрея почувствовала, что в последнее время начала сдавать. Она хранила за хвостом всего третий десяток да пять лет, но всё стало в тягостность. Ночные беседы с сёстрами, столь захватывающие в молодости, стали тошным обязательством. Высыпаться не получалось, несмотря на то, что спать можно хоть сутки напролёт — лишь бы ты справлялась. Она только раз поделилась этим чувством с самой близкой подругой, которая, кстати, совсем не принадлежала к Вестающим — в их среде такими чувствами делиться не принято и опасно. Не получалось отвлечься от всеобщего ощущения бесцельности, хотя жизнь вроде как наполнилась событиями. Их великие, масштабные интриги — великая игра — надоели уже давно. Весело держать за хвост самого Императора всех Сунгов, Длань Ваала, и одновременно — их ставленника; но весело лишь поначалу. И не выскочишь из круга. Сначала он устраивал, ибо тих и послушен. Потом перестал устраивать, ибо слишком тих и послушен. Сначала большая война на Востоке была невыгодной. Потом оказалась выгодной: и золотые прииски можно прихватить, и Император уйдёт в случае провала. Вообще, забавно держать за хвост сорок миллионов Сунгов, не считая всяких дхааров и прочих; но если ты властвуешь, явно или неявно, то в какой-то момент вся ответственность перетекает на тебя — то, к чему не были готовы Вестающие прошлого, и не готовы Вестающие настоящего.

А что касается Вестающих будущего... Однажды Ваалу-Фрея сидела в гостях у такой себе Ваалу-Ирмираны. Она живёт в западном Хольце; тишайшая натура, глубоко замкнутая, почти равнодушная к внешнему миру, очень худая и тёмная, одна из самых ответственных Вестающих, за много лет — ни одной ошибки в вестании. Ну да речь не о том. Все сёстры знают, что у Ирмираны есть дар — видеть будущее, причём именно не мантикой, а так, через сновидение, да и через явь тоже. Предсказывала будущее она примерно таким же тоном, каким бы говорила о завтрашней погоде: спокойно, без суеты и большой заинтересованности. Но спросить её что-то для себя почти невозможно — не скажет. И о чём-то важном, крупном у неё нельзя допроситься. Предсказывала она всё какие-то бедственные мелочи: так и так, через год умрёт известный булочник в городе; через луну обвалится мост, выйдет из берегов река; на этом балу в конце случится конфуз — любовница уличит льва в измене; у супруги примула города родится больной сын. Но все знали, что это так, внешнее.

Если к ней подойти очень серьёзно и по-настоящему попросить, скажем, предсказать время своей смерти, то Ирмирана мощно упрётся, но её надо прижимать к стенке, и она, вдруг обессилев, скажет, как есть. Правда, все вопрошающие, все до единого — пожалели.

Так вот, однажды возлегали они в её доме, ели большой хустрианский виноград и беседовали о пустяках. Фрея приехала к ней слаживать связь: Ирмирана не принадлежала к её менгиру, а получилось так, что интересы требовали доброй связи между западным Хольцом и Марной. Как обычно, обменялись фетишами: Фрея подарила ей собственноручно связанную куклу, Ирмирана — очень странную штуковину. Написали друг другу пожелания в своих Книгах душ. Посмотрели друг другу в глаза, сидя на коленях и полностью раздевшись. В общем, обычные вещи для слаживания связи. К беседе по обоюдному согласию решили не прибегать: ни Фрея, ни Ирмирана не оказались поклонницами сей штуки, они втихую предпочитали отдаваться львам по старинке и в одиночку. Фрея в разговоре что-то пошутила о том, что будущие Вестающие, возможно, будут расторопнее, ибо слишком много ошибок надо исправлять, а интриги никогда не ведут туда, куда задумано. На это Ирмирана внезапно ответила, что у Вестающих будущего будет не меньше проблем, чем у них, а даже больше. Конец же будет бесславным и нелепым одновременно. Заинтриговав, Ирмирана замолчала, и Фрея, естественно, начала просить раскрыть детали.

— Умельцы будущего сумеют говорить по длинным шнурам, а потом — и через воздух, на расстоянии многих-многих льенов. А Вестающие просто станут не нужны. Они погибнут не от великой катастрофы, не от массового самоубийства, не от скончания судеб Ашаи-Китрах, а от ненужности.

— Как... печально, — только и заметила Фрея, удивлённая таким будущим.

— Но до этого не доживем ни мы, ни наши дети, ни наши внуки, ни правнуки. Беспокоиться пока не о чем.

— И наше искусство навсегда канет в водах Тиамата... — вздохнула Фрея, стараясь казаться расслабленно-равнодушной.

На самом деле это её задело. Жаль этих львов и львиц будущего. Не будут они знать величия духа, трагедии и жертвы Вестающей.

— Не канет, — вдруг уверенно ответила Ирмирана.

— Но ты же сама сказала, что мы станем больше не нужны.

— Пройдёт время, ещё больше времени, чем от нас к первому исчезновению Вестающих. Но потом мы возродимся из пепла, как великая Ахлиа.

— Зачем? Веселить публику на ярмарках?

— Мне очень сложно понять. В то время львиный род сумеет летать среди звёзд. Как бы объяснить... Знаешь, моё объяснение в любом случае глупо, но это всё, что мне было сказано. Там, в небе, шнуры не годятся, а воздух на большом расстоянии не успевает ничего передать. Он медленный среди звёзд, оказывается, воздух-то. Вестающие станут снова нужны, ибо будут вестать, обманывая расстояния. Прямо как мы сейчас.

— Ха! — победно воскликнула Фрея, улыбнувшись. — То-то.

Вообще, она пробовала отвлечься, занять некоторое личное занятие, отдушину. Фрея пыталась что-то писать, но получались несусветные глупости; она вязала вполне неплохих кукол (занятие детства), но однажды за этим её застала Инлирамия, и пришлось всё бросить из-за пары насмешливых вопросов; предавалась разврату, но он требовал сил, а их и так не хватало. А вот сновидение... Казалось бы: каждая

Вестающая — сновидящая, их выбирают по этому признаку, без таланта в касту не попасть; а сновидящая, как ни странно, имеет склонность сновидеть и в этом находить удовольствие. Чего же более? А вот и нет. Всякая Вестающая смолоду узнает, что сновидеть просто так ей не положено — растратишь силы, на главное не хватит. Тут у Вестающих нету свободы; у простых Ашаи нету способностей и умения, хотя есть исключения, конечно. Например, та самая... как её... да, Миланэ, вот в какой-то мере Фрея ей позавидовала. Такой живой, мощный интерес к сновидению, причём ничем не скованный, вольный — о таком можно лишь мечтать. И сновидь когда хочешь, сколько хочешь, только знай, что делать (а попробуй узнай, если Ашаи-Китрах не учат этому)...

Так, глупости в сторону: пока сознание не отошло со сна полностью — надо всё немедленно записать. Глупая привычка появилась по утрам: валяться и думать.

Фрея затеребила шнурок, свисающий прямо у изголовья кровати, и зазвенел колокольчик. Мгновенно в комнату вошёл лев с писчими принадлежностями, быстро поклонился, расположился за специальным столиком и наострил уши.

— Навестано: первое, от Ваалу-Дайаны для сестринства Марны: Криммау-Аммау просит всех искать дисциплину Ваалу-Лилиани-Иралу, отбившую в Марну по поручению сестринства, эээ... тридцать первого дня Второй Луны Огня этого года, не отметившуюся в Доме Сестёр и пропавшую без вести; второе, от Ваалу-Дайаны для Талсы: твой друг, выезжаю заключать сделку, подтверди; третье, от Ваалу-Нэль для Тайной Службы: Жёлтый зуб сообщает, что лиса спряталась в норе, нужна удочка; четвертое: от Ваалу-Амали для Френского Дома Торговли: Кафнский Дом Торговли просит срочно признать, мммм...

Плотно закрыв глаза, Фрея начала тереть виски, потом закрылась ладонями.

— Твою ж... — сильно затеребила уши, глубоко вздыхая.

Нет-нет-нет, не забыла, не забыла. Как там... шесть семь, шесть семь, пять-пять, пять девять... да!

— ...просит срочно признать купцов шесть семь, пять девять, один один три доверенными лицами и подтверждает их платёжеспособность по заявленным ими обязательствам... — Фрея быстро замахала рукой. — Нет, по взятыми ими обязательствам... а, ладно, какая разница.

Писчий ещё некоторое время что-то дописывал, низко согнувшись, потом осторожно распрямился.

— Всё?

— Слава Ваалу, всё. Теперь сверься. Отвестано: первое, приняла Ваалу-Мауна для штаба Первого Домината: Тринадцатому легиону вернуться в расположение отдыха; второе, приняла Ваалу-Мауна для штаба Первого Домината: казнь предателя Йорма, из рода... как там.. из рода Делванни утверждается Регулом, исполнить немедленно; третье, приняла Ваалу-Мауна для примста-миллиара Дастарра: негодяй, тебя ненавижу, мы разводимся, вечно не-твоя лапочка; четвертое, приняла Ваалу-Ирама для Цветущей Вишни: сто пятьдесят тысяч, последняя цена.

Тяжелый вздох, Фрея довольно растянулась на кровати. Вот прошла ещё одна ночь. Писчий сидел на месте, не смея прерывать мысль хозяйки. Он славный малый, этот всегда полусогбенный левина, под пятый десяток, полгривы уже седая. Опытный — восемь лет с нею, а до того был с другой пять лет. Набитая ладонь. Это самый приближённый светский хвост к любой Вестающей — её писчий. Почти всегда это лев, крайне редко — львица; всегда имеющий семью и любящий какой-нибудь порок

или постыдство; в общем, требуется всякий, кого можно очень крепко держать за усы. В отместку им очень хорошо платят; они имеют большое влияние, принимая вместе с помощниками клиентов, имея власть отсеивать всяких недостаточно серьёзных; тихо берут взятки, на что все хозяйки смотрят сквозь широко расставленные пальцы; среди Вестающих принято иногда принимать писчих в постель — так они и привязываются хорошенько, и лучше чуешь душу, и награда за труды.

— Вот ты мне скажи: зачем нужна удочка, если лиса в норе? Ваал мой, почему не приманка, например? — Фрея отбросила одеяло в сторону, и заложила лапу за лапу, возлегая.

Писчий притворился, что его не интересует вид хозяйки; Фрея, конечно же, притворилась, что ей совершенно безразлично его присутствие. А на самом деле она любила его немного поддразнить, ведь он был охотник до красоты львицы, несмотря на возраст. Кроме того, юность Фреи давно угасла, появлялись первые, ещё небольшие, признаки возраста, и она неосознанно желала ещё покрасоваться, хотя бы даже перед таким зрителем...

— Забавно, но в коллекцию не дотягивает.

— Нет, они всё-таки издеваются. А ну-ка, напомни что-нибудь самое такое, поглупее.

У него есть увлечение: собирать все самые смешные и глупые сообщения, которые хозяйке пришлось вестать или принимать. Зачастую клиенты, а особо государственные, приносили сообщения в зашифрованном виде, чтобы избежать понимания информации Вестающими. Как правило, они носят нейтральный и сухой характер, заведомо краткий и без вычурности. Но иногда некие шутники любят придумать как можно более глупую шифрованную фразу, и Вестающая должна провестать её без искажений, ведь согласно Кодексу и Всевечному Соглашению между Сунгами и Вестающими, каждая из них должна вестать именно то, что было прошено или велено (правда, велеть может только Император да Высокая Мать). Особенно эту забаву любили «тайники», Тайная Служба. В этом есть свой резон: такое сообщение уж точно не забудешь, оно впечатывается в память.

— Заорал красный попугай, магистру одеть ведро на голову и выслать связку орехов, — прочитал лев в маленькой, отдельной записной книжечке, и засмеялся.

Фрея приложила ладонь к щеке, широко расставив тонкие пальцы. Ей всегда казалось это забавным, она всегда смеялась над дурным чувством юмора тайников вместе с писчим. Но сегодня почему-то увидела за этим отражение некоей жизненной безысходности и настоящего, режущего фарса. В этом было нечто знаковое. Вот на что опирается всё её величие, на чём зиждется сила Вестающих — на орущих красных попугаях и не-твоих лапочках; вот чем они занимаются в бесконечной тайне, именуемой снохождением — переброской орущих попугаев из одного сознания в другое. Вот она, клетка. Ты вроде как можешь всё; но на самом деле ты даже не вольна спать так, как желается. Днём дёргаешься, капризничаешь и страдаешь, опасаясь мира и собственных сестёр, ночью бегаешь к ним и выбалтываешь дрянную чепуху, которую поручили болтать всякие хвосты, от мала до велика. Всё твоё могущество — забросить как можно больше попугаев в одну ночь, чтобы выполнить свой «долг», свою «меру», чтобы отвязались. Дабы не сойти с ума, ты и тебе подобные завязывают и развязывают войны, свергают и ставят Императоров, убивают и (бывает) гибнут сами, плетут интриги и сами попадают в сети. Но всё это так, понарошку, лишь бы не помнить о главном, но о чём именно — так каждая Вестающая уже и

забыла; но каждая из них подспудно знает: в мире есть те львицы духа, да львы духа, которые стремятся знать, а когда обретают знание — не забывать; и, самое величественное, самое сильное, самое главное — передавать его другим, кто способен.

«И пока я здесь валяюсь, думая об освобождении от сегодняшней ночи, кто-то сражался за то, чтобы передать, и кто-то сражается за то, чтобы знать...», — вдруг подумала она о Миланэ. Вообще, Фрея не раз о ней думала, и о её деле, и о злоключениях в Сидне; вообще, она посчитала, что в иных условиях, без дела Тансарра, в котором эта Ашаи очутилась между молотом и наковальней, Миланэ вполне могла бы влиться в их общество, стать доверенной особой Вестающих, а возможно — её личной confidentкой: Фрее такой очень не хватало среди обычных Ашаи.

Она решила, что сделает добрый, щедрый поступок и обязательно подарит Миланэ экземпляр «Снохождения», несмотря на её отказ. И не только его; Миланэ, наверно, ещё не подозревает, что существуют иные книги о сновидении — не столь блистательные, как книга Малиэль, но всё-таки: «Мне сказали, что там будет свет», и переводная, безумно редкая «Лунное преклонение» (где переводчик первые пять страниц старается объяснить немного странное название книги, написанной на одном из северных диалектов, утверждая, что в сунгском попросту нет точного соответствия). Безусловно, они тоже недоступны для филистерства профанов. А ещё познакомит с одной сновидящей, которая...

— Великосиятельная, превосходная Ваалу-Инлирамия желает приёма, — внезапно отворились двери спальни и в них объявился управляющий домом.

Это настораживало. Рановато для любых бесед.

«Чего ей надо-то?», — недовольно подумала Фрея, продолжая возлегать в кровати, и лишь только снова укрылась одеялом — вдруг стало зябко.

— Сиятельная... что мне передать?

— Ты же видишь: мы ещё заняты. Я ещё не одета, — набросилась на него Вестающая, словно он был виноват в раннем визите Инлирамии, и вообще мог хоть что-то сделать.

— Но превосходная Ваалу-Инлирамия настаивает на приёме, — растерялся управляющий. Он, ещё новенький, не привык к причудам Вестающих.

Вдруг Фрея смягчилась, ясно понимая, что есть только один выход.

— Конечно, пусть входит.

Писчий заспешил со своими принадлежностями, собрал их и начал уходить, но хозяйка жестом придержала его и велела сесть назад. Ей хотелось тем самым намекнуть Инлирамии, что её визит — слишком ранний, и застал буквально в постели во время записи навестаного. Тем самым можно будет услышать извинение, оно просто должно быть по правилам хорошего тона; а это придаст Фрее чуть больше веса в этой невидимой борьбе, которой является любая беседа, всякий разговор; львиный род — он всё тот же за столько тысяч лет: каждый рвёт себе кусок...

И действительно вошла Ваалу-Инлирамия, бриллиант среди марнских Вестающих, правая рука хозяйки менгира, одна из *главных*. Сегодня она надела свой внушительный чёрно-чёрный пласис; наверно, именно так выглядят ведьмы из детских сказок, но только такие, что богато одеваются, следят за собою и вполне хороши из виду в своём возрасте. Она сама жестом приказала убираться писчему, и это не ускользнуло от глаза Фреи; впрочем, не сказала ни слова, но только продолжала лежать в постели.

Некоторое время выждав, пока писчий уйдёт прочь, Инлирамия подошла к Фрее.

— Привет. Вижу, застала в постели, — молвила и села на её краешек. — Извини.

— Доброе утро, Инлирами. Сойдём вниз, позавтракаем. Или пойдём, — Фрея многозначительно кивнула в сторону, — если что-то важное.

— Да я так, проезжала мимо. Дай, думаю, загляну.

Стало ясно, как день, что приехала она совсем не просто так. Фрея поняла, что сейчас получит какой-нибудь выговор; причём, что самое обидное, она ещё ни разу за всю жизнь не могла предугадать, за что именно будут спокойненько укорять и тыкать мордочкой в молочко на этот раз. В среде Вестающих не принято ссориться, не принято скандалить, не принято общаться на повышенных тонах и вообще любым образом проявлять бурные эмоции по отношению к своим сёстрам. Но иногда казалось, что лучше уж бы рык, крик и несколько оплеух, чем эти вкрадчивые разговоры.

Естественно, Инлирамия, поводя ушками, постоянно отирая нос платками, который всегда доставлял ей немало хлопот, начала издалека. Хвост её бился в такт рассказу, когда она поведывала о злключениях при покупке какого-то очень хорошего, очень породистого самца степного фиррана; а в фирранах, известно, она души не чаяла. Потом плавно перепрыгнула на то, что одна из сестёр Кафнского менгира, кажется, «уже всё» — то бишь не может хорошо вестать из-за возраста. Потом ещё прыжок, и...

— Слушай, Фрей, вот что я ещё хотела спросить. Это о деле Тансарра, — застыла она с вопросительным выражением.

Фрея привстала и опёрлась спиной об изголовье кровати.

— Всё продвигается. Слушаю.

— Мне кажется, что касаясь его мы всё-таки вместе должны обсуждать важные шаги, — махнула хвостом Инлирамия.

Фрея следила за этим хвостом, который всё не имел покоя на её кровати. Известно, что Инлирамия происходит из западного Йонурру, а у всех йонуррских львиц короткие хвосты, причём иногда неприлично короткие. То ли дело у неё, у Фрей, уроженки очень хорошего рода из Аарв-Найсагри, а ведь там рядом Сунгкомнааса, а там у львиц не хвосты, а настоящие фетиши для самцов. И вот теперь этот толстовато-коротенький, пепельно-рыжий хвостик с бедной кисточкой трепался на её белой кровати, оставляя небольшие, тёмные пятна — Инлирамия успела его где-то замарать, и это при такой куцости. Великие Сунги, да она, Фрея, может проходить в любом одеянии хоть целый день, хоть с открытым хвостом, хоть под одеждой, и он будет таким же, как утром. Нет, конечно, можно сейчас сделать замечание, и та безусловно извинится или даже попросит, чтобы прислуга немедленно вытерла её хвост, но тогда она поймёт, что Фрея это заметила и что её это задело; чего и надо было добиться, собственно.

«Вот сука», — в какой уже раз подумала Фрея.

— Согласна.

Снова многозначительное молчание. Оправдываться заставляет. Да хоть за что?

— Что не так? — прямо спросила Фрея.

— Зачем ты распорядилась выпустить этого любовника Миланэ-Белсарры, Амона? — как и всякая Вестающая, она имела очень острую память на имена. — Мы же договаривались, что он будет под замком. После всего его вообще бы стоило убрать. Что такое случилось, чего я не знаю? Миланэ-Белсарра справилась, Тансарр уже не у дел?

Фрея с большим непониманием посмотрела на неё, потом почесалась между

ушами и громко выдохнула.

— О чём вообще речь? Ни о чём я не распоряжалась, — развела руками.

Потихоньку начала удивляться и её визави.

— Ты кому-то из наших передала дело Тансарра?

— Нет.

Инлирамия поняла, что Фрея не врёт. Такая ложь не была её уровнем. Пребывая в полной уверенности, что этот ход был её личной инициативой, она теперь растерялась.

— Ещё раз. Что случилось, собственно, а то я не пойму, — села на колени Фрея прямо на кровати, наострив уши.

— Сегодня мне доложили, что всё нормально, что по нашему распоряжению Тайная Служба организовала побег для Амона, что сидел по делу Миланэ-Белсарры, тот удачно убежал. Ждём, мол, дальнейших распоряжений: ловить его по Империи или не ловить, шуметь или не шуметь.

— Что за чушь? — только и сказала Фрея.

Разбирательство было быстрым, нервным. Фрее очень не понравилось, что дело вышло из-под контроля, причём совершенно неожиданно, на голом месте; а что она ненавидела, так это если дела выходили из-под контроля. Инлирамией, по сути, было плевать на побег Амона, плевать даже на дело Тансарра, по большому счёту, но злил сам факт того, что такое вообще возможно: все эти дураки самовольничают; и кто-то смеет распоряжаться за них; и никто не делает ровно то, что сказано.

Вскоре, сразу после обеда, выяснилось, что всем распорядился префект Тайной Службы Марнского округа. Надо отдать должное, он быстро и профессионально организовал побег для Амона; но он и в самом деле был ни при чём, ибо получил личное уведомление от второго чина в Регulate Закона и Порядка. Формально он не был обязан его выполнять, но именно через этот Регулат Вестающие дёргали за ниточки Тайную Службу; он знал правила игры и, конечно, всё сделал, как надо. Безусловно, Фрея вместе с Инлирамией вмиг отправились к этому второму чину, то ли вице-Регулу, то ли как там его, и от них он не мог укрыться ни занятостью, ни посетителями, ни делами, ни бумагами, ни стражей, потому что от Вестающих невозможно закрыться такой мишурой. Затребовав объяснений — кто распоряжается за них? — они их получили: три дня назад к нему пришла всем известная правдовидица, Ваалу-Ахира, и без особых предисловий сообщила, что *они* хотят видеть Амона на свободе, так что пусть он, Регул, принимавший все меры в деле Миланэ-Белсарры и Амона, позаботится об этом. Естественно, лев не стал запрашивать никаких подтверждений — с ним говорила одна из лучших правдовидиц Империи, а для таких ложь невозможна — а просто взялся за дело. Всё.

Амона — немедленно найти, вернуть в холод острогов. С Ахирой разберёмся сами. Впредь надо слушать распоряжения от проверенных голов. И вообще, думать надо. И вообще — будут выводы.

Треск двери.

— Ахира? Она что, совсем с ума сошла? — с кривой усмешкой спросила Инлирамия у Фреи, поддёргивая ушами и снова таки вытирая нос. — Что на неё нашло?

Та только пожала плечами.

История была в высшей степени изумительной.

Ничего особо страшного не случилось, но надо было снова всё вернуть в нужный поток, вернуть всё в стальные когти. Следовало разыскать Миланэ и вызвать её к

себе, хотя Фрея ещё не знала, что будет говорить. Кроме того, могло оказаться, что этот Амон направится к ней, и это будет с его стороны, конечно, невероятно глупо. В этом случае Миланэ узнает о его освобождении; это введёт в дело серьёзную непредсказуемость.

Ей практически сразу доложили, что Миланэ находится вместе со Сингой в Хамаларе, на минеральных источниках, и это успокоило Фрею — в Хамалар пускали только добропорядочных Сунгов с империалами в кошельке. Но уже к вечеру она услышала то, что воистину ввело её в недоуменное оцепенение:

— В Хамаларе, в домах отдыха, где находились Ваалу-Миланэ-Белсарра и Синга Сайстилларский, этой ночью случился пожар. Ваалу-Миланэ находится в Хамаларском больничном приюте, она угорела от дыма, но жива. Синга, по свидетельствам, сегодня днём замечен в том же Хамаларе, — так было доложено.

Всё это было настолько непонятно, что хоть сиди, хоть падай. Фрея, в раздражении, начала задавать вопросы, но никто больше ничего не знал. Но Вестающим нервничать нельзя — они должны засыпать мерно и спокойно, потому Фрея искупалась в тёплой купели и решила завтра решить все вопросы.

Под вечер зашла Инлирамия, которая днём отправилась к правдовидице Ахиры — всерьёз выяснить, что это за управство; Ваалу-Ахира, по правде, не была одной из лучших правдовидиц Империи. На самом деле — самой лучшей. Но, в отличие от многих, она не была связана с Вестающими доверенными узами; между ними царил вежливо-прохладный нейтралитет. Сама Веста в своё время, ещё давно, распорядилась никак не трогать Ахиру, потому что та видела всех насквозь и переворачивала души, как пустые горшки, высматривая; но у Ахиры не было никаких светских амбиций, она молча выполняла своё служение; такую Ашаи лучше всего просто не обижать, а уважать, только и всего, дабы не усложнять себе жизнь. Но разговора не вышло: у дома Ахиры уже собралось много-много хвостов. Мгновенно пробившись, Инлирамия увидела мёртвую Ахиру на полу.

Классическая смерть Ашаи — настойка строфанта.

— Убили? — с какой-то надеждой спросила Инлирамия, хотя всё было и так понятно.

— Нет, превосходная, — развёл руками опытный сыскарь. — Увы. Самоубийство.

Никаких записок, ничего. Никаких зацепок. Просто взяла и решила себе умереть.

Сели вместе, Фрея и Инлирамия, почесали за ухом, погрустили. Выпили.

Однако. Зачем Ахира это сделала? Что за безумие перед смертью?

Посоветовавшись, вызвали давнюю подругу, Ваалу-Масмари. Эта Масмари хоть и не была Вестающей, но была с ними в хороших связях; кроме того, она хорошо знала Ахиру. Эта Ашаи отлично умела предсказывать на крови, и Фрея вместе с Инлирамией попросили её посмотреть на смерть Ахиры.

— Покончила с собой, — заключила мантисса, не открыв ничего нового.

Встав утром и отправив писца прочь, Фрея вдруг решила, что надо отправиться в Хамалар и побеседовать с Миланэ лично, тем более, что та пребывала в больной немощности. Дело в том, что этой ночью приснился сон, чего с нею не бывало очень давно — Вестающим вообще редко что-то снится; в этом сне Миланэ, мило улыбаясь посреди странно-снежного пейзажа, очень красивого, и почему-то нагая, просила навестить её; всё бы ничего, но сызмалу Фрея знала о провидческой силе собственных снов — именно обычных снов, не сновидений. Решено — сделано, вот уже очень быстрослаженная четвёрка упряжена в дилижанс, и Фрея ровно в обед очутилась в

Хамаларе.

Хамалар встретил её учтиво и как-то перепугано, будто бы Вестающая всех накажет за то, что случилось. В сопровождении своих охранителей она пришла в магистрат, потом к управляющим домов отдыха; она не спешила идти в больничный приют к Миланэ, желая сначала всё хорошенько выяснить. Управляющие домами отдыха оказались очень испуганны, и главное, что их заботило — репутация Хамалара. В магистрате ничего не знали. Управление стражи было совсем дубовым и лишь браво рапортовало о том, что все виновные будут пойманы и наказаны. Встретилась с одной из местных Ашаи-Китрах, легкомысленной вертихвосткой, только окончившей дисциплинарий; та посетила Миланэ, но так, формально, и тем более не стала за нею ухаживать; и, понятно, никаких расспросов не сделала — ей как-то было всё равно; типичная куртизанка, коих в Хамаларе просто полно, лишь под обличьем Ашаи. Хорошенько её унизив, поиздевавшись и ткнув мордой в грязь, Фрея пошла в больничный приют. Здесь она уже, наконец, услышала от доктора и сестры милосердия всю историю в полноте и незамутнённости:

— Её принесли к нам под утро, — спокойно говорил светский доктор, худой лев тонкой кости и благородной крови. — Ваалу-Миланэ спас кто-то из гостей, вынес её из горящего дома; кажется, какой-то дренгир Легаты.

— Да, да, тот сир был дренгиром, — вторила пожилая и очень толстая сестра милосердия.

— Спаситель сообщил нам, что на полу лежал ещё какой-то лев, и он, когда вынес Ваалу-Миланэ, пытался унести и его, но огонь уже был слишком близко. Сначала мы полагали, что это компаньон Ваалу-Миланэ, патриций Синга, но оказалось, что он жив-здоров. Он вроде сейчас здесь, правда, ещё не интересовался состоянием Ваалу-Миланэ. Насколько мне известно от служителей домов отдыха, Ваалу-Миланэ приходится ему Ашаи рода. Странное поведение.

— Чудовищное поведение, я бы сказала, — закачала головой сестра.

— Этот патриций объяснил, что к ним среди ночи проник какой-то то ли разбойник, то ли беглец. Завязалась потасовка, патриций его убил, но они перевернули свечи, начался пожар. Он побежал за стражей, а Ваалу-Миланэ почему-то осталась в доме и, в итоге, угорела возле порога, надышавшись дыма.

Кристально ясным стало лишь одно: Амон таки пришёл к Миланэ. И всё, в итоге, разыгралось в трагедию; но Фрея, ещё не успев всё обдумать, уже видела, что эта трагедия вполне вписывается в планы, даже более того.

— А как она себя чувствует? — обеспокоенно спросила Фрея, скрестив руки.

Доктор почему-то постучал по дребезжащему окошку.

— В сознании, но мутном. Проваливается в сон. Откровенно говоря, это не очень похоже на отравление дымом. Ожогов нет, но есть странные следы на теле, я ещё с такими не встречался в своей практике. То равнодушна ко всему, то плачет.

— Она что-то сама рассказывала?

— Нет. Не желает говорить ни с кем.

— Ни с кем, ни с кем, — повторила сестра, вздохнула и, поклонившись, ушла.

— Мы позаботимся о ней. Я распоряджусь, её отвезут в Марну, — молвила Фрея.

— Только не сейчас, великосиятельная. Она ещё слишком слаба, — не очень уверенно возразил доктор.

Но Фрея не стала злиться или настаивать, она была само добротолубие, забота и обеспокоенность:

— Само собой, само собой... Хорошо, я к ней зайду. Мы неплохо друг друга знаем. Покажите мне, где она.

* *

Вестающая очень тихо, почти крадучись, зашла к Миланэ; чем-то эта комната больничного приюта вдруг напомнила обители и комнатки Аумлана-стау в Сидне, в котором ей довелось побывать несколько раз: та же серость, полутьма, некая бесконечность за окном, тишина. Вообще, Фрея довольно часто жалела, что у неё не было того образования и опыта, который получают дисциплины, ведь все Вестающие обучаются лично у других Вестающих; фактически, она знала дисциплин лишь стальной, а это не такое уж большое дело, если разобраться.

Миланэ спала, как спят удручённые большим горем — свернувшись почти в клубок, прижав уши, цепко скрестив руки и зарывшись в теплоту. Фрея тихо взяла грубоватый стул, поставила его возле кровати; охранникам своим приказала остаться за дверью, но никуда от неё не отходить и прислушиваться, а особенно выслушивать оговорённую фразу, что обозначает опасность. Честно говоря, она не знала, как именно отреагирует на неё Миланэ; утратив Амона, она вполне могла уцепиться ей в горло. Тем не менее, Фрея поняла, что это — величайший шанс получить преданную служительницу-конфидентку.

— Миланэ? Ты спишь? — задала глупый вопрос Фрея, на который никто не мог ответить.

Удивительно, но дочь Андарики зашевелилась. Её уши не предавали хозяйку, она всегда спала чутко, даже сейчас. Она вытянулась, а потом открыла глаза и посмотрела прямо на Фрею, причём вовсе не сонно, а так, будто бы совсем не спала.

— Что случилось? — как можно мягче спросила Вестающая.

Миланэ не ответила, и Фрея побоялась, что никакой беседы не получится. Дочь Сидны лишь повернула голову и смотрела в стену. Прошёл миг. Десять ударов сердца. Минута.

— Амон обрёл свободу, — с неким ужасным торжеством объявила Миланэ, совсем негромко, но Фрея — не из пугливых — съёжилась от этого хриплого голоса. В этом торжестве, и Вестающая чувствовала это, сокрылся великий упрёк и неистовая ненависть.

Превращай свои недостатки в достоинства. Назови свои просчёты гениальными ходами. И тогда ты будешь безупречна.

— Мне всё ведомо. Ему было сказано выждать, не спешить к тебе... он не послушался.

Действительно оживившись, дочь Андарики наострила уши.

— Да, Миланэ, мы смогли его выпустить, — печально закивала головой Фрея, — мы вырвали его из когтей Надзора. Видишь ли, я подумала... суд бы нам только помешал, предал огласке то, чего не надо оглашать. Пришлось устроить побег через Тайную Службу. Знаешь, чувствую себя виноватой. Мы, Вестающие, помогли тебе, но мы — видит Ваал — не хотели, чтобы всё так получилось. Я так понимаю, этот подонок Синга убил Амона, верно?

Миланэ совершенно преображалась с виду. Так преображается всякий, на кого падает внезапное озарение после многолетней тьмы; кто вдруг узрел свою истину, такую близкую и одновременно — столь далёкую.

— Так... так вы помогли ему бежать? — с придыханием и треволнением спросила она

Умудрено улыбнувшись, Фрея вздохнула, заложив лапу за лапу.

— Конечно, Миланэ. Я же лично обещала тебе помочь. А Вестающие не бросают слов на ветер, — пригладила она свой амулет Ваала. — В какой-то момент мы все решили, что Амона надо освобождать, потому что он, на самом деле, ни в чём не виноват. Мы не боялись, что после его освобождения ты не исполнишь свою часть уговора. Мы знали, что ты тоже не бросаешь слов на ветер. Но вон как оно всё обернулось... Кто мог предвидеть? Провидицы мы, но и мы не видим всех судеб...

— Значит, вы помогли... ты помогла, Фрея... — заплакала Миланэ в неистовом раскаянии.

— Если было бы иначе, Миланэ, я бы не приехала сюда. Меня всё это глубоко поразило. Мне очень жаль. Я приехала позаботиться о тебе. Ты ведь... сновидящая, как и я, — всё быстрее, всё сильнее говорила Фрея.

— Не называй меня так, — закрылась Миланэ, будто от яркого света. — Я недостойна.

Фрея взяла её ладонь.

— Расскажи, как всё случилось.

А та с готовностью начала поведывать:

— Амон проник в мои покои, глубокой ночью. Сначала мы поговорили, а потом он сказал мне собираться — нам надо было убежать вместе. Да, я хотела убежать прочь, я выбрала нарушить своё слово, — обняла Миланэ ладонь Фрей, и колючая вода, словно после игнимары, потекла вверх по руке Вестающей. — Синга внезапно вернулся, предательски убил Амона, когда тот протянул ему правую ладонь в знак мира. Синга — он левша, видишь ли Фрея, левша. Он убил его моей сирной, которую я не забрала со стола. А потом... а потом сбежал, а я... Я не знаю, почему ещё живу. Почему судьба решила, что мне ещё должно жить — неведомо.

— Подонок, он убил его, когда Амон протягивал руку в знак мира? Миланэ, мы не можем это оставить, сестринство этого не простит. Ты не можешь это оставить. Нам надо уничтожить Сингу и его род; это уже дело крови и мести, а не просто так.

— Нет, Ваалу-Фрея, пусть безупречная простит. Ваал видит все наши преступления; он видел меня, отступницу. Из самого начала я делала всё, чтобы быть плохой Ашаи-Китрах, увлеклась вероборчеством и нечестивым. Все мои шаги вели меня в сторону от веры Сунгов. И судьба предупреждала меня, что я не годна быть доброю Ашаи, сделав моё Приятие достойным ужаса. Из-за меня, нечестивой, погибла Ваалу-Арасси, потому что я увлекла её за собою, на безумный Север. Ваал пытался говорить со мною сквозь сны, но я была глуха и слепа, ибо считала вещи — как мне казалось — иных миров, а на самом деле — иллюзии ума. Это я подбила милого Амона на кражу, это я — его погибель; не будь меня, не стал бы он совершать преступления, и не попал бы в чертоги острогов. Не будь меня, Синге не пришлось бы влюбляться в меня, безумную, лгущую. Синге не пришлось бы убивать Амона — Синга под конец узнал, что я всё ему врала, что не люблю его, что я с ним лишь ради свободы Амона... Воистину ненавижу Сингу, но я больше не способна никому из Сунгов мстить — не чувствую за собой ничего. И я недостойна зваться сновидицей, потому что только Вестающие имеют права на снохождение.

Всё это было сказано горячечно, с безусловным чувством собственной правоты; яростная уверенность верующей, сильной.

— В конце концов, Ваал перестал меня жалеть, — Миланэ ударила ладонью по стене, и с неё посыпались мелкие крошки. — Я обратила против себя веру всех вер, будучи её жрицей. Теперь у меня только один путь.

— Какой? — ошеломлённо спросила Фрея, оцепеневшая на своём стуле.

— Куда идёт воин — туда идёт и Ашаи. Моя кровь смывает грязь моей чести, — свершила Миланэ жест, словно поднимая невидимое знамя.

Наверное, она меньше бы удивилась, если Миланэ накинулась на неё и начала душить. Право. Или начала с ней болтать о погоде, словно ничего не произошло.

— Но как же... — закачала головой Фрея в глубоком отрицании. — Малиэль, «Снохождение», как твой... дух? Львица духа? — воззвала она к ней. — Ты так хотела дочитать эту книгу... Я тебе дам!

Нет, Фрея никогда бы не подумала, что в жизни может быть более страшное зрелище: увидеть перерождение, причём именно такое, какое окружение требовало от этой львицы. Более того, Фрея седьмым-восьмым чувством знала, что она есть часть этого окружения, она причастна к этому и всегда будет, до окончания своих дней и до окончания времён...

— Нет ничего такого. Всё — выдумка. Снохождение есть игры праздного разума. И весь Север — он выдумка, фикция, миражное. Шаманаи — враги веры. А Малиэль была Вестающей, и говорила лишь о том, что доступно Вестающим, она лишь сбилась с пути истины; в этом её беда, не награда. А что я... Мне должно было сгореть в собственной игнимаре вместе с любимым, но Ваал лишил меня такой чести. Я лишь знаю, что я — нечестивая Сунга; лишь знаю, что есть Ваал, есть великое сестринство, и я — его никчёмная сестра. Но я отдам свой долг. Я не буду бояться, ибо бесстрашна.

Легко встав с постели, словно обретая невидимые крылья, Миланэ уклонилась перед Вестающей.

— Криммау-аммау. Я преклоняюсь перед тобою, великая Ваалу-Фрея. Лишь вам доступны смыслы и тайны снохождений; ты снизошла до разговора со мною о таких вещах, но Ваал свершил так, что эти вещи недоступны простым Сунгам и простым сёстрам Ашаи-Китрах. Пусть безупречная простит мою глупость, да и то, что не исполнила поручений сестринства. Но обещаю — как только мои лапы окрепнут, я буду сражаться с врагами Сунгов на севере, юге, востоке и западе. Куда идёт воин — тогда пойдёт и Ашаи.

Фрея слушала.

— Пусть знающая Ваала благословит меня, — умоляюще схватила её львица духа за ладонь. — Я знаю, такая просьба может показаться безупречной Ваалу-Фрее оскорбительной... Но умоляю.

Совершенно бессознательно, с темно-синим страхом внутри, Фрея сделала это, положив ладонь на её голову:

— Пусть Ваал освещает пламенем твой путь, Ваалу-Миланэ-Белсарра.

И так же бессознательно она чуть задрала подбородок к небу и прикрыла глаза, ибо так полагалось по Кодексу и аамсуне. Вдруг ощутила, как её руку тянет вниз непреодолимая, дикая сила, как что-то схватило её за шиворот пласиса и опустило долу, на колени, вровень с нею — с Миланэ. Вместе с тем в шею очень реально, очень остро впилося нечто холодное, безжалостное.

— Ты услышала мой зов, Фрея? Я звала тебя, пребывая в этой постели; я сновидела, Фрея, и не для иных миров, но для сего. Как и ты, Фрея.

— Да, — быстро кивнула Вестающая.

— Не вопи о помощи, Фрея. Этой сирной, что в моей ладони, убили мою любовь. Ты можешь это понять?

— Да.

— Ты ведь, Фрея, соврала мне, что ты выпустила Амона из неволи, Фрея?

— Соврала.

— Кто это сделал, Фрея? Кого мне благодарить до скончания времён, Фрея?

— Ваалу-Ахиру, старую правдовидицу. Пожалуйста, не делай глупостей. Не я убивала твоего льва.

— Но ведь ты соврала мне, Фрея. Не будь сирна у твоего горла, мне должно бы славить тебя за свободу Амона, так ведь, Фрея? Тебя и всех Вестающих? И вскинуть вверх знамя Сунгов?

— Я лишь хотела сказать... Ты не понимаешь... Прости меня. Отведи клинок, Миланэ, пожалуйста. Мне больно.

— Мне тоже больно, Фрея. Я хотела сгореть в своей игнимаре, Фрея, но жива. Я пила сому, которая должна была меня убить, Фрея, но жива. Может, мне попробовать мечи охранников, Фрея, что ждут за дверью?

Послышался громкий стук в дверь:

— Безупречная, — глухой, грубый голос, — всё в порядке?

— Не прерывай беседу Вестающей! — заорала Фрея, затем быстро зашептала, сглотнув: — Они сейчас зайдут, и ты умрёшь.

— Как и ты, Фрея.

— Послушай, послушай. За что ты меня хочешь убить?

— А за что ты и твоя каста спрятала знание в своём чулане? Раньше я думала, что проклято само «Снохождение». Теперь понимаю, что прокляты те, кто его прячет.

— Миланэ, мы ни в чём не виноваты. Ни я, ни ты. Мы родились среди всего этого, мы поневоле стали теми, кем являемся, и мы поступаем так, как поступают все. Я не выбирала, стать ли мне Ашай, я не выбирала, стать ли мне Вестающей. Чего ты от меня хочешь? Миланэ, да невозможно спрятать знание в чулане, в ящике, в библиотеке. Оно само просочится и найдёт тех, кому надлежит. На то и расчёт, глупая ты голова. Такова жизнь, Миланэ, Ваал мой. Мы все плывём в одной лодке.

— Не будь ваших игр, Амон бы не погиб. Он никогда бы не попал в неволю. Никогда, никогда, никогда! Слышишь?

— Такова судьба... — сглотнула Фрея.

— Судьба — это ты. Ты — это судьба. У судьбы твоё лицо. И вот сейчас она трясётся, обливается слезами, потому что Миланэ больше нечего терять.

Миланэ тряханула её, как куклу; Фрея сглотнула.

— Я убью тебя, и сама погибну. Это будет справедливо, Фрея. Вы все, все хотели, чтобы я оказалась повинна. Я же говорю — повинны вы все. Ты олицетворяешь всех, Фрея, ты ответишь за всех, понимаешь?

— Как я могу отвечать за всех, Миланэ? — испугалась, но в то же время возмутилась Фрея.

Казалось, в глазах дочери Андарики вспыхнуло сомнение.

— Ты даже не хотела со мной побеседовать в снохождении, Фрея, хотя я звала тебя. Ты ведь знаешь, что я звала тебя. Сейчас позвала — ты пришла. Почему тогда не хотела говорить?

— Всё не так просто.

— Всё очень просто, Фрея.

— Всё не так просто, глупая! — вдруг очень зло, уверенно, со знанием дела молвила Фрея. — У каждой Вестающей есть второе имя, что есть тайной. Друг друга мы зовём в сновидении только по сему имени, чтобы такие как ты, не мешали нам! Поняла или нет? Там у нас нет номенов, потому что нет никакого Ваала, поняла или нет? Моё имя там — Самальсирра, поняла? Теперь всё знаешь, всем довольна?

Фрея почувствовала, что острое уже так впилось в шею, что мешало дышать.

— Чтобы всех вас, да с вашими тайнами...

— Аааам... Послушай, послушай моё слово. Последнее. Ты ведь из андарианок, верно? Так вот, я знаю, что у вас есть поверье, да и не только у вас, а ещё в Хольце, ещё много где... в общем, что хочу сказать... Когда львица носит под сердцем лвят, то ей нельзя намеренно убивать — это очень дурной знак. Не дают ни охотиться, ни кур резать. А тем более других львиц. Правда ведь?

— Правда. Ну и что?

— Миланэ, не убивай. Традиция, поверье... Ты беременна.

— Лжёшь, — испуганно, но доверчиво молвила Миланэ.

— Нет-нет, — часто замотала головой Фрея, ощутив ослабление хватки клинка.

— Я ещё была сталлой, а уже видела беременных; в Айнансгарде считали, что я стану мастерицей жизни, такой у меня был дар, но всё сложилось иначе. Как видишь. Двойня у тебя. В этом не врут. Во всём врут, в этом — нет.

Вдруг хватка ослабла, затем вовсе пропала; зазвенела сирна, упав на пол. Миланэ бессильно уселась на полу, опершись на одну руку, отвадив лапы в сторону, распустив хвост. Фрея робко поднялась, но ничего не происходило. Она осанилась, расправила пласис, поправила пояс и потёрла шею, где клинок оставил глубокие борозды и следы крови.

Вышла и очень тихо закрыла за собою дверь. Её охранники пытливо глядели на хозяйку, пытаясь предугадать, что и как будет дальше; кроме того, они давно не видели её с таким отсутствующим, отрешённым, словно у судьбы, ликом.

— Что прикажет хозяйка? — негромко сказал старший среди них.

— Нельзя угрожать Вестающей, — ответила она и дотронулась к горлу. — Тихо, быстро, без шума, без крови. Завернёте в ткань и вынесете на руках.

— Да, госпожа.

— Осторожно — у неё в руке кинжал, — тихо проявила заботу Фрея.

Но это не впечатлило львов, что уже открывали дверь; и если бы Фрея в это мгновение обернулась, то могла бы увидеть Миланэ, распластавшуюся на полу. Но она не оборачивалась. Вестающая прошла по чистому коридору, стены которого были исписаны энграммами на выздоровление и доброе здоровье, мимо большой чаши Ваала, возле которой глупонаивный руководитель сего заведения попросил её возжечь пламя («Ради доброго здоровья больных, сиятельная», — подобострастно вымолвил он), на что получил ответ, что Вестающие должны хранить силы для ночного вестания и могут зажечь игнимару лишь по огромным праздникам, сошла по ступеням вниз и встретила с тем самым доктором благородной крови.

— Вы сумели побеседовать. Как она? Что сказала?

— Лучше б мы не беседовали, — очень честно ответила Фрея.

— Ей стало хуже?

— О, да! Нет. Даже не знаю... В общем, так. Мы её забираем в Марну, ибо здесь ей не дадут должного ухода.

— Спасибо, великосиятельная. Видящая Ваала почтила своим присутствием наш приют.

— Знающая Ваала. Знающая. Вестающим говорят «знающая», — вдруг озлилась Ваалу-Фрея.

Вышла на ясное солнышко. Пели птички. Захотелось зевнуть — так хорошо.

«Нельзя, милая, непосвящённой знать тайн Вестающих — и выжить. Нельзя, милая, ненадлежащей знать сновидное имя Вестающей — и выжить».

Она и зевнула, обнажив клыки.

«Не вижу знамений, ибо сама вершу их», — усмехнулась Фрея, увидев суетливую фигурку Синги в окружении двух стражей, что толклась невдалеке. — «С ним мы вполне поладим. Он добрый Сунг».

Эпилог

Быть сновидицей — узнавать миры. Быть правдовидицей — узнавать души.

Я не знаю, каков первый из этих даров. Но второй — ужасен. Некогда я полагала, будучи молодой, что нет выше блага, чем истина, нет ничего ценнее правды, потому и положила жизнь в услужение этому дару. Но за столько лет я поняла, что нужно не только уметь видеть, но и уметь не видеть. Сколько лет я излагала правду, тем самым отдавая службу ещё большей лжи. Иногда нет ничего более чудовищного, чем голая правда.

Случай с этой Миланэ-Белсаррой полностью вскрыл это жестокое противоречие.

Я надеюсь, что добрая судьба будет благосклонна к ней и её возлюбленному. Пусть они сбегут туда, где они хотят сбежать. Ложь Сунгов не должна свергнуть их в пропасть. И для этого я намерена сознательно солгать, но после этого мне нельзя оставаться в живых.

Потому что так требует Кодекс и аамсуна.

*Последняя запись в дневнике
правдовидицы Ваалу-Ахиры,
сожжённом игнимарой ею самолично
в день её смерти*

2012–2015 гг.
ms0